

АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ӘКІМДІГІ
Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
Қ. ЖҰБАНОВ АТЫНДАҒЫ АҚТӨБЕ МЕМЛЕКЕТТІК УНИВЕРСИТЕТІ

**«ЕУРАЗИЯ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ АЯСЫНДАҒЫ
АРАЛ-КАСПИЙ АЙМАҒЫ»**

Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған
II Халықаралық ғылыми конференция материалдары
(Ақтөбе қ., 14–18 қыркүйек 2011 ж.)

**«АРАЛО-КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЕВРАЗИИ»**

Материалы II Международной научной конференции, посвященной
20-летию независимости Республики Казахстан
(г. Актобе, 14–18 сентября 2011 г.)

**« ARAL-CASPIAN REGION
IN THE HISTORY AND CULTURE OF EURASIA»**

II-d International Scientific Conference
to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan
(Aktobe, September 14–18, 2011)

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89
А 79

Редакция алқасы:

С.Е. Әжіғали (жауапты редактор), Р.А. Бекназаров, А.У. Тоқтабай,
Л.Р. Тұрғанбаева, Г.Б. Избасарова, Г.У. Орынбаева, А.Қ. Момынов,
А.Қ. Омарова

А 79 «Еуразия тарихы мен мәдениеті аясындағы Арал-Каспий аймағы». Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған ІІ Халықаралық ғылыми конференцияның материалдары. – Алматы-Ақтөбе, 2011. – 404 бет.

ISBN 978 - 601 - 291 - 076 - 6

Бұл жинақ 2011 жылы қыркүйек айында Ақтөбе қаласында өтетін Арал-Каспий аймағының (АКА-ның) тарихы мен мәдениетіне арналған Халықаралық конференцияның материалдары (баяндамалар) негізінде дайындалған. Аймақтың өркениеттер тарихындағы, алдымен далалық Еуразиядағы аса көрнекті маңызын ашып көрсететін күрделі мәселелер қарастырылады. Халықаралық форумға қатысушылардың мақалаларында Арал-Каспий тарихы мен оған жапсарлас территориялардың этникалық, этносаяси тарихы, біртуар аридтік-далалық ареалдың бірегей археологиялық жәдігерлерінің тарихи маңызы мен зерттеу мәселелері, дәстүрлі-тұрмыстық мәдениеттің ерекшеліктері, аймақты бұрын және қазір мекендеп жатқан халықтардың өнері сөз болады. Көптеген материалдар Арал-Каспий аймағының өзіндік мәдениетінің қайнар көздерін пайымдауға, оның әртүрлі дәуірлер мен елдердің мұраларындағы көріністеріне, АКА-ның қазіргі әлемдегі маңызын көрсетуге және айшықтауға арналған. Аймақтың пайдалы қазбаларын қарқынды игеру кезінде мәдени-экологиялық ортаны сақтау, айрықша «ескерткіштану» саласына, тұрақты қозғалмайтын тарих пен мәдениетінің ескерткіштеріне (сәулет, тарихи-этнографиялық, эпиграфикалық), туризмнің дамуына байланысты зерттеу мен қорғау проблемаларына ерекше көңіл аударылады. АКА-ның 2011 жылғы материалдары Арал-Каспий аймағының тарихы мен мәдениетін зерделеуге сонымен қатар қазіргі жағдайына байланысты көптеген ғылыми, ғылыми-практикалық мәселелерді шешуге негізгі бастау, әрі қарай зерттеуге серпін береді.

Басылым тарих, археология, этноархеология, этнография, ескерткіштану және өнертану саласындағы мамандарға, сондай-ақ көпшілік оқырмандарға арналған.

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89
А 79

Редакционная коллегия:

С.Е. Ажигали (ответственный редактор), Р.А. Бекназаров, А.У. Токтабай, Л.Р. Турганбаева,
Г.Б. Избасарова, Г.У. Орынбаева, А.К. Муминов,
А.К. Омарова

А 79 «**Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии**»: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы-Актобе, 2011. – 404 с.

ISBN 978 - 601 - 291 - 076 - 6

Данный сборник подготовлен на основе материалов (докладов) II Международной конференции по истории и культуре Арало-Каспийского региона (АКР), прошедшей в г. Актобе в сентябре 2011 г. Рассматривается очень широкий круг вопросов, раскрывающих выдающееся значение региона в истории цивилизации и, в первую очередь, степной Евразии. В статьях участников международного форума освещаются проблемы этнической, этнополитической истории Арало-Каспия и сопредельных территорий, вопросы исследования и исторического значения уникальных археологических древностей своеобразного аридно-степного ареала, особенности самобытной традиционно-бытовой культуры, искусства народов, населявших и поныне населяющих этот многоликий регион. Многие материалы нацелены на осмысление истоков своеобразия культуры Арало-Каспийского региона, его конкретного проявления в наследии различных эпох и стран, на освещение значения АКР в современном мире. Особое внимание уделено проблеме «памятниковедения», недвижимым памятникам истории и культуры (архитектурным, историко-этнографическим, эпиграфическим), изучение и охрана которых связаны с развитием индустрии туризма, необходимым сбережением культурно-экологической среды в регионе в период активного освоения недр. Материалы АКР–2011 могут послужить важным источником, импульсом для дальнейшей разработки многих научных, научно-практических проблем, связанных с изучением истории и культуры, а также современного состояния Арало-Каспийского региона

Издание рассчитано как на специалистов в области истории, археологии, этноархеологии, этнографии, памятниковедения и искусствоведения, так и на широкий круг общественности.

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89

© Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2011
© Издательство «Арыс», 2011

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89
А 79

Editorial Board:

S.E. Azhigali (Editor), R.A. Beknazarov, A.U. Toktabay, L.R. Turganbaeva,
G.B. Izbasarova, G.U. Orynbaeva, A.Q. Mominov, A.Q. Omarova

«Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia»: Materials of II International Scientific Conference on the 20th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. – Almaty-Aktobe, 2011. – 404 p.

ISBN 978 - 601 - 291 - 076 - 6

This collection is made on the basis of materials (reports) of the II-d International conference on the History and Culture of Aral-Caspian region held in Aktobe in September, 2011. They consider a very wide range of issues revealing the outstanding meaning of the region in civilization history, and in the first turn, Steppe Eurasia. In the publications of the international conference participants were shown problems of ethnical, ethnical-political history of the Aral-Caspian region (ACR) and adjoining territories, issues of researching and historical meaning of unique archeological antiquities belonging to the original arid-steppe area, the peculiarities of remarkable traditional-domestic culture, art of nations inhabited in the past, and living up to the present time in this original region. Many of the materials are aimed at comprehension of cultural originality's sources of the Aral-Caspian region, its concrete manifestations at heritage of various periods and countries, showing the importance of ACR in the contemporary world. The special attention is paid to the "monuments studying", immobile historical and cultural monuments (architectural, historical-ethnographical, epigraphic) which studying and protection are connected with tourism development, necessary preservation of cultural-ecological environment in the region in the period of active minerals development. The ACR-2011 conference materials can be an important source, impulse for the further development of many scientific, theoretical and practical issues connected with studying of history and culture, also the present state of the Aral-Caspian region. The publication is intended both for specialists in the field of history, archeology, ethnoarcheology, ethnography, monuments studying, art history and the general public.

УДК 378: 908
ББК 74. 58: 26: 89

МАЗМУНЫ / ОГЛАВЛЕНИЕ

Алғы сөз	8
Предисловие	10
Foreword	12

Секция 1. История

Абылхожин Ж.Б. Мнимые и подлинные смыслы седентаризации по-сталински	14
Ажигали С.Е. Арало-Каспий в исторической судьбе казахов и туркменов	17
Азирбекова А.Ж. «Айкап» журналының қазақ баспасөзіндегі алатын орны	19
Атакузиева Н.Т. Творчество Абу Рейхана Бируни в Гургане	21
Аманнызов К.Н. Ходжа Непес и экспедиция Бековича-Черкасского	23
Байгунаков Д.С. Миссионер Пасхалия из Виттории в Арало-Каспийском регионе	26
Бекмаханова Н.Е., Нарбаев Н.Б. Тенденции экономического и государственного развития России и Казахстана как стран Арало-Каспийского региона	29
Бобров Л.А. Казахско-калмыцкая битва в урочище Узени (1724 г.): предпосылки, ход, результаты	32
Бурханов А.А. Амударьинский и Сырдарьинский регионы в системе культур и цивилизаций Евразии (древность и средневековье)	38
Галиев В.З. Из истории казахов-адаевцев первой трети XIX в.	41
Гаркавец А.Н. Начало кыпчакского книгопечатания	46
Гасанов З.Г. К проблеме археологических памятников ранних скифов в контексте идентификации с сообщениями древних и средневековых письменных источников	49
Годовова Е.В. Заселение новой пограничной линии оренбургскими казаками	53
Джумагалиева К. Ногайская орда: история взаимоотношений с русским государством	55
Джумашев А.М. Казахстан и Каракалпакстан: страницы истории взаимоотношений	57
Ерімбетова Қ.М. XVIII ғ. қазақтардың бірлігі мен Әбілқайыр тұсындағы «бодандану» мәселесі және қазіргі кезең	61
Жумаганбетов Т.С. Публичная власть в государственной системе Золотой Орды	65
Идрисов Р.А. Казачьи города и поселения Оренбургского края в 1-й половине XIX века	68
Избасарова Г.Б. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.	72
Калыбаева А.Ж. Кеңес үкіметінің Қазақстанстанда жүргізген аграрлық саясаты	75
Ким Г.П. Корейская диаспора Южного Приуралья 1930-х гг. в документах архивов Западного Казахстана	77
Кушкумбаев А.К. Древние мадьяры в Западном Казахстане	81
Любичанковский С.В. Имперский опыт управления культурно-гетерогенным пространством в северной зоне Арало-Каспийского макрорегиона	86
Мармونتова Т.В. Этнополитические и этнокультурные взаимодействия народов Арало-Каспия в исторической ретроспективе	90
Медеубаев Е.И. Из истории социалистической модернизации в Актюбинской области на рубеже 1920–30-х гг.	93
Палкин А.Г. Геополитика Великой степи	97
Почкаев Р.Ю. Основные источники «ханского права» в Казахстане	100
Пьянков И.В. Chionites – Нуаона – Hianyun	104
Салимгереева Ш.А. Ақтөбе өңірі халқының табиғи жолмен өсуі	105
Сахимова А.М. Қазақ халық-ағарту институтының құрылымы мен қызметі	109
Төлеубаева Б.М. XIX ғасырдың 2-ші жартысындағы Орынбор өлкесін отарлау саясатының тереңдеуі	112
Удербасева С.К. К вопросу о значении «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии для изучения истории и культуры Арало-Каспийского региона	117
Цуциев А.А. Аланы в этнической истории народов Арало-Каспийского региона	120
Эльдаров Э.М. О местоположении города Итиль – столицы Хазарского каганата	123

Секция 2. Археология

Абдыканова А.Б. Палеолитические комплексы Мангышлак и Узень Западного Казахстана	127
Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Саргизова Г.Б., Акиянова Ф.Ж., Беккулиева А. Карстовые пещеры Мангыстау как источник для реконструкции заселения Евразии первобытным человеком	133
Бижанов Е.Б. Общие итоги исследований каменного века Устюрта	136
Гуцалов С.Ю. Формирование металлургического центра на Южном Урале и в Западном Казахстане в середине I тыс. до н.э.	138
Касенов М.С. Ащыбашат және Алгелді қала-бекіністеріндегі зерттеулер	141
Қдырғиязов М.-Ш. Пульжай (Пульжай) – северный форпост Хорезма	145
Мамиров Т.Б. Новые памятники позднего каменного века в долине р. Ойыл Актюбинской области	148

Нигаматзянов И.Р. Г.А. Федоров-Давыдов как исследователь средневековых кочевых культур Евразии и Хорезма	151
Тұрарұлы А. Көптоғай обасының қыш жәдігерлері	153
Флёрв В.С. Кирпичные крепости Хазарского каганата на Нижнем Дону. К проблеме происхождения	155
Фомичев А.В. Поселения эпохи поздней бронзы Урало-Мугоджарского региона	157
Ягодин В.Н. Саки-тиграхауда – массагеты Арало-Каспия	160

Секция 3. Этнография

Әлімбай Н. Көшпелі ортадағы қоғамдық қатынастардың ұйымдық тең қабырғалы үшбұрыш принципі	164
Бекназаров Р.А. Историко-этнографическое исследование алим-кыргызов Северного Приаралья: на материалах ЗККЭАЭ	169
Викторин В.М. «Врата народов»: последние кочевые миграции вдоль Северного Прикаспия (XVII–XVIII вв.)	172
Давлетияров М.М. Значение института «уру» в представлениях каракалпаков (<i>урушылық</i>)	175
Ерназаров Ж.Т. Коммуникативный аспект в родильной обрядности казахов (этносемиотическое исследование)	178
Исаева А.И. Батыс Қазақстан керейттерінің этникалық тарихы	182
Қалыш А.Б., Тәжіғалиева Ж.Т. Батыс Қазақстандағы бірұлтты және ұлтаралас некелерді зерттеу мәселесіне тарихнамалық шолу	185
Карлыбаев М.А. К истории ислама у каракалпаков в XVIII–XIX вв.	190
Қартаева Т.Е. Сыр қазақтарының жайлауға көшу бағыттары: XIX–XX ғ. басы (жазба деректер бойынша)	193
Керейтов Р.Х. Общее в этнической истории и культуре ногайцев с народами Арало-Каспийского региона	201
Карамендина М.Ө. Танба басатын құрал – дақ	203
Қыдыралын Ү. Шоқан және Каспий–Атырау өңірі	206
Мейрманова Г.А. Основные принципы казахского этикета и его трансформация	207
Мырзабай Б.Б. Киелі көк асалар туралы	211
Орынбаева Г.У. Этнография казахов Западного Казахстана в трудах С.Е. Толыбекова	214
Полванов Н.Т. Этномиграционные процессы в Приаралье в конце XIX – в начале XX вв.	218
Попова Л.Ф. Ювелирные украшения в культуре казахов Актюбинской области (начало XXI в.)	220
Стасевич И.В. Современные формы культа святых у казахов Оренбургской области (РФ) и Актюбинской области (РК)	224
Тоқтабай А.У. Түйе – төрт түлік төресі	227
Тоқтабай А.У. Арал-Каспий аймағының байырғы қазақы жылқы тұқымдары	230
Тохтабаева Ш.Ж. Декоративно-прикладное искусство казахов Западного Казахстана	233
Тухватулин А.Х. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) о казахах и «киргизах»	238
Хинаят Б. Дәстүрлі қазақ күнтізбесіндегі кейбір ерекшеліктер (Қазақстанның батыс өңіріне қатысты деректер бойынша)	240

Секция 4. Этноархеология. Архитектура

Sándor Évinger, Zsolt Bernert, András Biró, Ágnes Kustár. The skeletal remains from objects N 92 and N 178 of the necropolis Khan molasy: a short report on the anthropological research	244
Pedram Khosronejad. Ethnographical observation on tombstones of Iranian Turkman-Sahra: typology and epigraphy	248
Бекназаров Р.А. Мемориально-культурные памятники казахов Северного Приаралья: распространение, архитектурные и этнокультурные особенности	251
Зиливинская Э.Д. К вопросу о «пирамидальных мавзолеях» в Золотой Орде	254
Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана	259
Немцева Н.Б. Кубравийа в Западном Согде	264
Эрдели Петер, Эрдели Иштван. Трансильванские секеи и некоторые наследственные черты их древней культуры	266
Романова Е.Н., Данилова Н.К. Культурная традиция ранних кочевников в Северной Азии: символика коновязных столбов (сэргэ) у тюрков-саха	269
Турганбаева Л.Р. К изучению планировки казахского скотоводческого поселения	275
Турганбаева Л.Р. Некоторые замечания об архитектуре казахских медресе	278
Ягодин В.Н., Беттс А.В.Г. «Пустынные змеи» Северной Аравии и «стреловидные планировки» Арало-Каспия	281

Секция 5. Тюркская арабографичная эпиграфика. Этнолингвистика	
Ажигали С.Е. К изучению мемориальной эпиграфики Западного Казахстана	286
Аминов Б.Б. Тюркские антропонимы и этнонимы в погребальной эпиграфике	
Мавераннахра (XV–XIX вв.)	289
Дүйсенбаева Ж.У., Ақмырзаев М.М. «Масат ата» қауымы	
ескерткіштерінің көне таңбалары хақында	293
Дүйсенбаева Ж.У., Ақмырзаев М.М. «Қожа» мен «хожа» этнонимі туралы	
(деректерден үлгі ретінде үзінділер ғана берілген)	297
Жалғасұлы Ә.А. Оғыз атауының шығуы мен тарихы туралы түйін	302
Кушкарлова Г.К. Особенности перевода слов-реалий,	
обозначающих национально-культурные особенности казахов	
(на материале романа М. Ауэзова «Путь Абая»)	305
Муминов А.К., Нурманова А.Ш. Арабографичная эпиграфика некрополя Сисем-ата	310
Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники татар Поволжья и Приуралья	313
Омарова А.К. Батыс Қазақстан эпиграфикалық	
ескерткіштері мәтінінің жазылуына түсініктеме (2003–2010 жж. экспедициялары материалдары бойынша)	316
Эркинов А.С. Этнолингвистические особенности тюркского языка и	
проблема диглоссии в эпоху династии Кунгратов (1804–1920)	319
Секция 6. Искусство. Фольклор. Музыка	
Айтжанов Х.А. Қаһармандық, ғашықтық жырлардағы ел өмірі	323
Бекешов С.С. Бекет атаның замандасы Байсал хақында	326
Кульбекова А.К. Казахский танец: вопросы сохранения и	
перспективы развития в Западном Казахстане	329
Тұрмағанбетова Б.Ж. Батыс өлкесі әншілік мектептерінің	
қалыптасу барысындағы жергілікті өнер арналарының ролі	333
Секция 7. Памятниковедение. Экология. Туризм	
Ажигали С.Е. «Казахское памятниковедение» как важнейшее	
научно-практическое направление в сфере культуры	337
Бекарыстанұлы Ұ. Ақтөбе облысы аумағындағы	
тарихи-мәдени ескерткіштердің негізінде туристік бағыттарды қалыптастыру	339
Валеев Р. М. Основные тенденции сохранения памятников истории и культуры	
Татарстана в конце XX – начале XXI вв.	342
Герасименко Т.И., Голубченко И.В. О значимости культурного наследия региона	
для туристско-рекреационной деятельности	347
Головачёв И.В. Характеристика одной из пещер возвышенности Бесшоки («Биш-Чохо»)	351
Грошева О.А. Вклад И.М. Крашенинникова в изучение биоразнообразия Южного Урала	354
Джансугурова Л.Б., Бекманов Б.О., Красоткин Е.В., Булентаева З.А.,	
Мусралина Л.З., Курманов Б.К. Генетические исследования	
костных останков из некрополя Хан моласы	357
Касымханов К.К. Казахстанский туризм: проблемы, состояние и возможности	362
Кипиев М.К. Атырау өңірінің археологиялық ескерткіштеріне байланысты	
XVIII ғасырдағы кейбір деректердің сипаттамасы жөнінде	366
Кожя М. О методике исследования захоронений казахских ханов	
(из опыта изучения могилы Абылая)	368
Любичанковский А.В. Археологический слой пространства	
культурного наследия Оренбургской области	373
Савинова Т.Н., Клишков Е.П. Илецкая соль как объект туризма в XIX веке	376
Сафиуллин Р.Г. Туристический бизнес малых городов Башкортостана:	
потенциал, критерии, проблема, эффективность, приоритеты	379
Сафиуллина Р.М. Геодемографический потенциал туристического бизнеса	
Башкортостана: оценка, проблемы, прогноз	383
Семби М. Значение и состояние исследований памятников культовой архитектуры	386
Хоменко В.В. Татарстан и Казахстан в системе интеграционных связей	
международного транспортного коридора «Западная Европа – Западный Китай»	387
Шайкен Ж.А. К проблеме охраны, консервации и реставрации памятников истории и культуры	389
Шимшиков Б.Е. Результаты палеопочвенных, ботанических и	
палинологических исследований на некрополе Хан моласы	392
Шыңберженов Е., Қужамбердиева С.Ж., Абжалелов Б.Б., Нұрғызарынов А.М.	
Солтүстік Кіші Аралдың деңгейі тербелуінің өңірде экологиялық жағдайларға әсері	399

АРАЛ-КАСПИЙ АЙМАҒЫНЫҢ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ ЖӨНІНДЕГІ II-III ХАЛЫҚАРАЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯ ТУРАЛЫ

«Еуразия аясындағы Арал-Каспий аймағының тарихы мен мәдениеті» атты Халықаралық II-ші (АКА–2011) конференция өткізуге, алғашқыдай, ҚР БҒМ ҒК қарасты Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Этнология бөлімі бастамашы болды. Ұсыныс Ақтөбе облысының әкімшілігі тарапынан түсіністікпен қабылданып, форумды өткізуге арналып үлкен ұйымдастыру жұмыстары жүргізілді. Конференцияға көптеген мүдделі ғалымдардың қатысуы, осы ұйымдастыру шараларының негізгі нәтижесі болса керек. Қазақстанмен, алыс және жақын шетелдерден тек баяндамамен қатысуға тілек білдірген зерттеушілердің саны 110-нан асты. Олардың қатарында аралкаспий мәселесінде бүтін бағыттар ұсынған ғылым майталмандары мен ірі зерттермендермен қатар жастар да бар. Мұның өзі Арал-Каспий аймағының тарихи-мәдени, әлеуметтік-экономикалық маңызының ерекше екенін білдіреді. Аса мол көлемде мұнай-газ шикізатын өндіретін осы орасан өлкеге көптеген елдер геосаяси жағынан қызығушылық танытып қана қоймай бағыт-бағдарын көне замандардан айқындаған сан-салалы мамандарды да ойландыруда. АКА-ның бай тарихы бірегей этникалық мәдениеті мен көз тартар ескерткіштері бізге мынаны көрсетеді: аймақтың басты байлығы тек ғана мұнай мен газ емес, сондай-ақ ғасырлар сынынан өткен сарқылмайтын тарихи-мәдени мұралары қазіргі таңда (пайдалы қазбаларды игерумен қатар) мейлінше терең ғылыми тұрғыда зерттеп, пайдаланып, көпшілікке әйгілеу қажет.

Сондықтан да, кезекті бас қосудың басты міндеті Арал-Каспий аймағының Еуразия тарихы мен мәдениетіндегі айрықша маңызын жан-жақты, көп қырлы зерттеулер негізінде көрсету. Азия және Еуропаны тарихи байланыстыратын құрлықтың бұл үлкен аймақ этномәдени дамуында, әлеуметтік тарихында үлкен рөл атқарады. Арал Каспий аймағы – Тұран мен Каспий ойпаттарын, Орал тауларының оңтүстік жоталары маңайындағы көптеген жерлерді біріктірген, сонымен қатар айрықша табиғи ауа-райы жағдайларымен ежелден көшпенділіктің классикалық үлгісі ретінде қалыптасты. Геосаяси жағынан көршілес Сарыарқамен қатар ірі тарихи-мәдени аймақтардың: Орта Азияның, Алтай-Саян таулы қыратының, Кавказдың, Шығыс Еуропаның арасында (кіндігінде) болған және тіпті оларға кірігіп кеткен бұл регионға түйіспе аһуал тән. Арал-Каспий аймағының солтүстік бөлігі Ұлы далалық ірі тарихи-мәдени регионына енеді. Демек, жалпытарихи үрдісте – **бұл Еуразия дала өркениетінің батыстық «мұсылмандандырылған» орасан үлкен ошағы.**

Арал-Каспий аймағы массагеттердің, дах-парфяндардың, аландардың, мажар-венгрлердің, оғыз-селжүктердің, қыпшақтардың, қазақтардың, түркімендердің, қалмақтардың, башқұрлардың, қарақалпақтардың мәдени шығу тегінің ошағы, көптеген ежелгі, орта ғасырдағы және жаңа ғасырдағы халықтардың тарихи тағдыры байланысқан аймақ. Бұл аймақпен мал шаруашылығының шығу тегі байланысты, өйткені аймақтың солтүстік және оңтүстік жақтары жылқы мен қой өсірудің орталығы болған. Бұл аймақпен ірі этносаяси бірлестіктердің, мемлекеттердің – массагеттік Тұран, Оғыз-жабғулар мемлекеті, Ноғай Ордасы өрлеуі мен құлауы; бірқатар ірі саяси-әкімшілік орталықтарының, қалалардың тарихы; көшпелі бақташылардың дәстүрлі-тұрмыстық, рухани мәдениетінің айрықша көп қырлы дамуы; бірегей мемориалдық-ғұрыптық ескерткіштердің орасан мол тобының бой түзеуі және т.т. байланысты.

Еуразия тарихи мен мәдениеті туралы 2000 жылдардың ортасында Батыс Қазақстанның орталықтарында және көршілескен елдерде бірнеше ірі форумдарды өткізуге жоспарланған, ұжымдық зерттеулерді арнау ұйғарылған. Осы бағыттағы алғашқы сәттілік 2006 ж. Ақтөбе қаласында өткен I-і конференция болды. Бұл конференцияға 150 ғалым қатысты. Одан кейінгі конференциялар Ақтау және Қызылорда қалаларында айрықша форматта өтті. Қазіргі таңда II Халықаралық Арал-Каспий конференциясының мақсаты ғылыми-практикалық проблемалар, ғалымдардың көзқарастары, зерттеуші мамандардың Арал-Каспий аймағындағы тарихи-мәдени мұраларын жан-жақты ашып көрсету. Бұл жоспарда Арал-Каспий регионның мәселерін зерттеуге мамандандырылған Институтын ұйымдастыру мәселесі аса қажет болғандықтан ұжымдық зерттеумен қатар бас мамандарды осы ғылыми-зерттеу орталығына тарту керек.

Конференцияның аймақтың ірі мәдени және ғылыми орталығы Ақтөбеде өтуі айтарлықтай маңызды: **Қазақстан тарихындағы ірі қоғам қайраткері, қолбасшы Әбілқайыр хан жерленген Хан моласы бейітін** кешенді зерттеулердің нәтижелерін қорытындылау аталған Халықаралық форумды ұйымдастыруға дем береді. Көптеген мамандар (этноархеологтар, этнографтар, сәулетшілер, топырақтанушылар, геофизиктер,

антропологтар, генетиктер және т.б.) қатысқан жан-жақты тексерулерден кейін хан сүйегі қай жерде жерленген деген күрделі түйткілді шешуге жақынбыз, жермен-жексен болып кеткен көптеген молалардың ішінен осы-ау деген екі зират белгіленді. Сонымен бірге моланың бірінен шыққан сүйектер генетикалық деңгейде жақын екен. Осы айрықша мәселені жариялап талқылауға конференцияда симпозиум арналады.

Мұнай-газ орындарын жедел, әрі белсенді пайдалану кезінде жалпы Арал-Каспий форумы аймақта ғылыми зерттеулерді тереңдете кеңейтіп, келешек ұрпаққа оның тарихи-мәдени мұраларын практикалық жағынан сақтап, дәйектеуде кезек күттірмейтін мәселелерді алға қояды. Конференцияның бағдарламасы (7 секциясы) бойынша аса ауқымды мәселелер қаралып, талданып жатыр: олар АКА-ның жалпы тарихи-мәдени маңызын пайымдау, этномәдени және политогенездің түйткілді мәселелері, осы кең байтақ жерді мекендеген бақташылар мен басқа да халықтардың мәдениетіндегі ұқсастықтар мен ерекшеліктерді анықтау, аймақтың жылжымайтын ескерткіштерін (сәулет, археология, эпиграфика т.б.) жан-жақты терең зерттеу, түздік экспедициялардың тың жаңалықтарын әйгілеу, ескерткіштерді қорғау мәселесі, жер байлықтарын игеру және экологиялық мәдениет, туризмді дамыту. АКА–2011-де «қазақ ескерткіштану» мәселесінің өзекті түйткілдеріне арналған симпозиум және басқа да тұсаукесерлер өткізіледі. Мұнда жарияланған форум материалдары Арал-Каспий аймағының қазіргі жағдайы, тарихы мен мәдениетін зерттеу барысындағы көптеген ғылыми, ғылыми-практикалық мәселелерді шешуге серпін, ғалымдардың өзара байланысына пәрмен береді деген ойдамыз.

АКА–2011 ұйымдастыру комитетінің ғылыми бөлімі атынан Ақтөбе облысының басшыларына, Мәдениет басқармасына, Тарихи-мәдени мұраларды қорғау инспекциясына конференцияны ұйымдастыруға және оның материалдарын жариялауға жасаған көмектері үшін шын жүректен шыққан ризашылық сезімдерімізді білдіргім келеді.

Әжіғали С.Е., т.ғ.д., профессор

О II-Й МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Основным инициатором II-й Международной конференции «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии» (АКР–2011), также как и I-й, явился Отдел этнологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МОН РК. Предложение было с пониманием поддержано Акиматом Актюбинской области; была проведена большая организационная работа по подготовке форума. Основным результатом этой работы, безусловно, является привлечение к участию в конференции большого круга заинтересованных ученых. Только докладами на участие в ней откликнулось более 110 исследователей из Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. Среди них как крупные ученые, корифеи науки, разработчики целых направлений в аралокаспийской проблематике, так и молодые исследователи. Форум вызвал также интерес краеведов, широкой общественности. Все это свидетельствует об особом историко-культурном, социально-экономическом значении Арало-Каспийского региона, которое волнует специалистов самых различных профилей, и которое определилось ещё в древности и сохранилось до сих пор, когда это обширное пространство стало средоточием геополитических интересов многих стран, прежде всего, в связи с разработкой огромных запасов углеводородного сырья. Однако богатейшая история, самобытная этническая культура и уникальные памятники АКР убеждают нас в том, что не только нефть и газ являются главным богатством региона, но также и его непреходящее историко-культурное наследие, которое требует именно сейчас (параллельно с разработкой недр) интенсивного, серьезного научного исследования, широкого обнародования и использования.

Поэтому главной целью очередного научного форума оставалось высвечивание выдающегося значения Арало-Каспийского региона в истории и культуре Евразии на основе всесторонних, междисциплинарных исследований. Этот крупнейший регион – расположенный на исторически узловом стыке Азии и Европы – сыграл важнейшую роль в этно- и культурогенезе, политической истории на континенте. АКР, включающий в себя территории равнинной страны Турана, Прикаспийской низменности, южной оконечности Уральских гор, а также значительных прилегающих пространств, благодаря особым природно-климатическим факторам, издревле сложился как классическая страна номадизма. В геополитическом плане характерно стыковочное положение региона, который наряду с соседней Сарыаркой находился в окружении и даже «вклинивался» в крупные историко-культурные ареалы: Средняя Азия, Алтае-Саянское нагорье, Кавказ, Восточная Европа. Здесь пролегли связи континентального масштаба, которые объединяли эти области, Азию и Европу. В северной своей части Арало-Каспийский регион со временем становится составной частью крупнейшего историко-культурного пространства – Великого пояса степей. В итоговом, общеисторическом плане – это **крупнейший западный («мусульманизированный») очаг евразийской степной цивилизации**, наряду с восточным центральноазиатским («архаичным»).

Рассматриваемый регион предстает перед нами как важнейший культурно-генетический очаг, с которым связана историческая судьба многих народов древности, средневековья и нового времени: массагетов, дахов-парфян, аланов, мадьяр-венгров, огузов-сельджуков, кыпчаков, казахов, туркменов, калмыков, башкир, каракалпаков и др. Ареал, с которым связано становление скотоводства в умеренном поясе, в связи с нахождением на северной и южной его окраинах вероятных центров доместикации коня и овцы; возвышение и падение крупнейших этнополитических объединений, государств – массагетского Турана, Государства огузских ябгу, Ногайской Орды, история ряда крупных политико-административных центров, городов; исключительно многообразное развитие традиционно-бытовой, духовной культуры кочевников-скотоводов; сложение огромного круга самобытных мемориально-культурных памятников и т. д.

Коллективной разработке этих и многих других важных проблем евразийской истории и культуры в середине 2000-х годов было решено посвятить несколько крупных форумов в региональных центрах Западного Казахстана, а затем, возможно, и соседних стран. Успешное начало этому было положено на I-й конференции в г. Актобе в 2006 г., в которой приняло участие около 150 ученых из разных стран. Затем были проведены аналогичные конференции в Актау и Кызылорде, но в несколько ином формате. В настоящее время возникла необходимость проведения II Международной Арало-Каспийской конференции (по основной версии) – как в целях рассмотрения важнейших научных и практических проблем, подведения итогов и определения перспектив, так и в интересах консолидации ученых, исследователей, специалистов, задействованных в освоении многообразного историко-культурного наследия АКР. Вполне очевидна в этом плане необходимость организации специализированного Института историко-культурных проблем АКР, который, несомненно, должен создаваться на коллективной, паритетной основе, с привлечением ведущих специалистов в этой области.

Проведение конференции в крупном культурном и научном центре региона – г. Актобе весьма знаменательно и важно. Актуальным стимулом к организации Международного научного форума здесь явилась необходимость подведения итогов комплексных исследований **некрополя Хан моласы, на котором захоронен крупнейший политический деятель в истории Казахстана и военачальник Абулхаир-хан**. В результате всесторонних изысканий, в которых принимали участие различные специалисты (этноархеологи, этнографы, архитекторы, почвоведы, геофизики, антропологи, генетики и многие др.), ученые максимально приблизились к разрешению сложнейшей задачи – определению места захоронения хана: из огромного числа оплывших надмогильных холмов выделено два, которые признаны наиболее вероятными. При этом один из изъятых костяков обнаружил близкое совпадение на генетическом уровне. Обнародованию и обсуждению этих важнейших результатов на конференции посвящен специальный симпозиум.

В целом Арало-Каспийский форум призван сыграть особую роль в расширении и углублении научных исследований в АКР, в осмыслении и практическом сохранении для потомков его богатейшего историко-культурного наследия, что является задачей первостепенного значения в период активной разработки нефтегазовых месторождений региона. В программе конференции (по 7 секциям) – рассмотрение и обсуждение очень широкого круга вопросов: осмысление общего историко-культурного значения АКР; анализ проблемных вопросов этно-, культуро- и политогенеза; выявление общего и особенного в культуре скотоводческих и др. народов обширного ареала; углубленное, всестороннее исследование недвижимых памятников региона (архитектурных, археологических, эпиграфических и т. д.); обнародование результатов новейших полевых исследований; проблемы охраны памятников; экология культуры и разработка недр; развитие туризма. Важное место в работе АКР–2011 занимают симпозиум по актуальной проблеме «казахского памятниковедения», а также различные презентации. Думается, публикуемые здесь материалы форума могут послужить важным источником, импульсом для дальнейшей разработки многих научных, научно-практических проблем, связанных с изучением истории и культуры, а также современного состояния Арало-Каспийского региона, необходимым стимулом в консолидации деятельности ученых.

От имени научной части Оргкомитета АКР–2011 хотелось бы выразить искреннюю признательность руководству Актюбинской области, областного Управления культуры и Инспекции по охране историко-культурного наследия за действенную помощь в организации конференции и издании её материалов.

Ажигали С.Е., д.и.н., профессор

ABOUT THE II-D INTERNATIONAL CONFERENCE ON HISTORY AND CULTURE OF THE ARAL-CASPIAN REGION

The main initiator of the II-d International conference «Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia» (ACR–2011), as well as the I-st one, is the Subdepartment of ethnology at the Institute of history and ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, the Committee of science at the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. The proposal was attentively supported by the Governor's office of the Aktobe region; there was a great organization work on the conference preparation. The main result of this work is unconditionally, involving many interested scientists. The number of reports from the scientists of Kazakhstan, the former Soviet Union countries and foreign countries is over 110. Among them there are both authority scientists, outstanding scientific figures, developers of the concepts of the Aral-Caspian problem and young scientists. The conference also attracted interest of local history researchers and general public. All these facts witness special historical-cultural, social-economic importance of the Aral-Caspian region which concerns specialist of various spheres and determined even in the ancient times and was kept up to the present time, when this wide area became the center of geopolitical interests for many countries, first of all, in the connection with hydrocarbon resources development. But the rich history, original ethnic culture and unique monuments of the ACR convince us that not just oil and gas are the main treasures of this region, but also its permanent historical-cultural heritage exactly in this time demanding (as well as prospecting the interior) intensive, serious scientific research, wide publication and use.

Therefore the main objective of the next scientific conference was the highlighting of the Aral-Caspian region's outstanding importance in the history and culture of Eurasia on the basis of comprehensive, inter-subject researches. This large region located at the historical connection of Asia and Europe played an important role at ethnical and cultural genesis, political history

on the continent. The ACR including the territories of Turan plains, Caspian lowland, South end of Ural Mountains, also considerable adjoining areas, owing to special natural-climatic factors from the earliest times formed a classic nomadism country. In geopolitical aspect there is such peculiarity as connecting location of the region, which alongside with neighboring Saryarka was surrounded by the large historical-cultural areas: Central Asia, Altay-Sayan upland, the Caucasus, East Europe, and even «wedged in» them. There were some connections of continental scale uniting these areas, Asia and Europe. In its North part the Aral-Caspian region with the lapse of time becomes a part of a large historical-cultural area – Great steppes zone. In conclusion, the general aspect is the **biggest Western («Islamized») center of Eurasian steppe civilization alongside with the Eastern Central Asian («archaic»)**.

The considered region is showing us as an important cultural-genetic center connected with historical destiny of many ancient, medieval and recent period nations: the Massagets, Dakhs-Parthians, Alans, Madiars-Hungarians, Oguz-Seljuks, Kypchaks, Kazakhs, Turkmens, Kalmyks, Bashkirs, Karakalpaks etc. The area is connected with the establishment of cattle-breeding in temperate zone in connection with location of probable centers of horse and sheep domestication on the North and South edges; raising and falling great ethnic-political unions, states – Massaget Turan, Oguz Yabgus State, Nogai Chord, the history of series of big political and administrative centers, cities; the development of traditional-domestic, spiritual culture of cattle-breeder nomads; formation of a great number of original memorial-cultural monuments, etc.

In the middle of the 2000-th it was decided to devote several big conferences in regional centers of West Kazakhstan (and then, possibly, in neighboring countries) to the collective development of these problems of Eurasian history and culture. It was successfully initiated by the I-st conference in Aktobe city in 2006 which was attended by 150 scientists from many countries. Then there were held similar conferences in Aktau and Kyzylorda cities, but slightly in different format. At the present time there occurred a necessity to hold the II-d International Aral-Caspian conference (on the main version) both for the consideration of important scientific and practical problems, summarization and determination of perspectives, and for the interest of scientists' consolidation, researchers, specialists involved in the development of multiform historical-cultural heritage of the ACR. The necessity of organizing the specialized Institute of historical-cultural problems of the ACR is quite clear. This institute must undoubtedly be formed on the collective parity basis, involving the leading specialists in this field.

Holding the conference in the big regional cultural and scientific center Aktobe city is quite significant and important. The actual stimulus for organization of the International scientific conference here caused by necessity to summarize the integral researches of **Khan molasy necropolis where the greatest politician and military leader Abulkhair-khan was buried**. In result of comprehensive researches carried out by various specialists (ethnoarchaeologists, ethnographers, architects, soil scientists, geophysicists, anthropologists and many others), the scientists maximally approached settlement of the complicated task – identification of the Khan's burial place: from the great number of slipped down tomb hillocks there were sorted out two, which were recognized as the most probable. Besides one of

the extracted skeletons showed the close coincidence on the genetic level. A special symposium of this conference is devoted to the manifestation and discussion of these important results.

On the whole the Aral-Caspian conference is intended to play a special role in expansion and deepening scientific researches in the ACR, understanding and practical preservation of its rich historical-cultural heritage for descendants, which is the first priority object in the period of active regional oil and gas deposits development. At the conference program (in 7 sections) there is a consideration and discussion of a very wide range of issues: comprehension of general historical-cultural importance of the ACR; analysis of problem issues in ethnic, cultural and political genesis; revealing the general and special in culture of cattle-breeding and other nations of the broad region; an advanced, integral research of immobile regional monuments (architectural, archeological, epigraphic etc.); manifestation of new field researches results; problems of monuments preservation; ecology of culture and interior development; tourism development. The important role in the work of the ACR–2011 belongs to the symposium devoted to the actual problem of «Kazakh monuments studying», and also various presentations. It appears that the conference materials published here can serve as an important source, impulse for the further development of many scientific, theoretical and practical problems connected with the study of history and culture, and also a present condition of the Aral-Caspian region, the necessary stimulus at consolidation of scientists' activity.

On behalf of the scientific part of the Organizing committee of the ACR–2011 I'd like to express my thanks to the government of Aktobe region, regional Department of culture and inspection of historical-cultural heritage preservation for their effective assistance in organization of the conference and publication of its materials.

Azhigali S.E., Doctor of historical sciences, Professor

ИСТОРИЯ

МНИМЫЕ И ПОДЛИННЫЕ СМЫСЛЫ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ ПО-СТАЛИНСКИ

Абылхожин Ж.Б.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

В современной литературе уже достаточно объемно освещено, какими трагическими последствиями обернулась сталинская «аграрная революция» (коллективизация) в Казахстане. Но настолько же сильнейшие разрушения в традиционной системе жизнеобеспечения казахского этноса вызвала политика силового перевода кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта.

Идея седентаризации (оседания), а также перспективы массовой коллективизации аула тесно увязывались со сменой хозяйственно-культурных типов деятельности. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства ассоциировались с трансформацией (государственно направляемой) скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарно-животноводческое.

Социально-экономические и социокультурные базисы кочевничества рассматривались как нечто архаично-отсталое, якобы входящие в непримиримый конфликт с императивами цивилизации и культуры. Конечно, при желании распространенную тогда в Казахстане пастбищно-кочевую систему скотоводства можно было охарактеризовать как иррациональную и экстенсивно-примитивную. Однако справедливым это было бы лишь в том случае, если рассматривать данный феномен в отрыве от комплекса вызвавших его условий и сквозь призму той «рациональной» экономической логики, которая, зиждясь на представлениях индустриального общества, предполагает в качестве целеполагания наращивание производства и рост прибыли. Между тем мотивация традиционного хозяйства была ориентирована на качественно иную задачу – удовлетворение биологических и социальных потребностей, и в преломлении этой цели оно представлялось как раз таки достаточно рациональным.

Что касается «примитивизма», то этот эпитет без оговорок на свою относительность, по-видимому, также вряд ли применим к столь самобытной форме исторической эволюции, явившей миру уникальный тысячелетний опыт освоения гигантских аридных территорий. В самом деле, правомерно ли считать «убогой» систему хозяйства, в недрах которой сформировалась собственная субцивилизация с эффективным социальным механизмом адаптации чрезвычайно неблагоприятной природной среды и развитыми культурными традициями.

Не «вписывается» в такое понимание и констатация общепризнанного факта довольно высокой диверсификации (сложности) технологических навыков кочевников. Еще древние насельники Степи выработали до удивления выверенные принципы организации производства, научились гибко и оперативно реагировать на изменения в природной среде, умели смягчать идущие отсюда возмущения посредством продуманной утилизации рассредоточенных во времени и пространстве ресурсов. В совершенстве владели они методами улучшения скота, целевого управления концентрацией и структурой стада, обнаруживали глубокие познания в области этологии (поведения) животных и фенологии. Весь этот социоэкологический опыт транслировался из поколения в поколение, обретая в каждом из них все новые и новые импульсы к своему саморазвитию и совершенству. И этот момент служил одним из источников относительной стабильности скотоводческой культуры.

Обладая развитым адаптивно-адаптирующим (приспособление к среде обитания и одновременно приспособление ее в своих интересах) механизмом и достаточно мощными потенциями самоорганизации, кочевничества оказывались способными интегрироваться в аридную экосистему. Причем процесс этот протекал столь гармонично, что само скотоводческое хозяйство превратилось со временем в носителя вполне определенной экологической функции (как доказано, недогрузка пастбищ, например, снижает продуктивность травяного покрова, замедляет азотный цикл и в конечном счете вызывает деградацию растительности).

Об эффективности «включения» кочевничества в окружающую среду свидетельствовало и то, что в его пределах получала благоприятные предпосылки для своего развития тенденция к поддержанию динамического равновесия естественно-природных и социально-экономических факторов. Идеей такого эквиполюса была спонтанно движима здесь вся хозяйственно-поведенческая мотивация.

Из сказанного выше правомерно заключить, что скотоводческое хозяйство почти адекватно отвечало чрезвычайно жестким природно-климатическим характеристикам региона. Собственно, иначе и быть не

могло, поскольку обозначенный тип хозяйственно-культурной деятельности был обязан своей данностью не какой-то «изначальной консервативности и отсталости», а объективной эволюции, корректировавшейся условиями экосистемы. Аридное пространство, представляющее собой ярко выраженную экстремальную среду, требовало совершенно особых форм адаптации. И такие формы нашли свою реализацию в системе пастбищно-кочевого скотоводства, которая в тех условиях только и могла относительно эффективно противостоять постоянной экологической напряженности и даже влиять на ее некоторое «снятие».

Земледельческий труд, предполагавшийся в качестве основной альтернативы пастбищно-кочевому скотоводству, воспринимался тогда экономически более рациональной и эффективной системой материального производства. И для этого были основания, поскольку данное порождение цивилизации всегда привлекало именно тем, что отличалось относительно более высокой продуктивностью. Тем не менее, справедливость такой посылки, будучи абсолютной для обобщенных представлений, становилась не такой уж аксиоматичной по мере понимания, что и здесь возможны исключения из правил. Именно такой прецедент и создавал, в частности, фактор аридности, который, препятствуя земледельческой культуре как неадекватной при том уровне развития производительных сил хозяйственной системы, в значительной степени «снял» ее возможные преимущества. Территория Казахстана в этом плане служила достаточно убедительной иллюстрацией.

В столь экстремальных природных условиях и при сохраняющемся тогда доиндустриальном уровне развития производительных сил было бы противоестественным ожидать эффективной реализации потенциала земледельческого хозяйства. И в самом деле, он оказывался весьма суженным и не мог выйти на такие параметры, которые бы однозначно свидетельствовали об экономических преимуществах аридного земледелия перед традиционным, веками складывавшимся пастбищным скотоводством.

В рассматриваемые годы существовали определенные общественные силы, представителей которых отличало альтернативное понимание проблемы оседания кочевников и распространения в аридной зоне земледелия. Наиболее полно их воззрения нашли отражение в ходе дискуссии по поводу судеб казахского кочевого хозяйства и перспектив зернового производства на аридных землях республики, развернувшейся в самый канун коллективизации.

Сторонники взвешенных подходов выдвигали достаточно серьезные доводы, чтобы быть услышанными инициаторами радикальных перемен. Однако их мнение было проигнорировано, а затем квалифицировано как «яркое свидетельство буржуазного непонимания огромного потенциала революционного творчества масс». Думается, что если бы аргументы оппонентов были еще более доказательными, то и в этом случае они вряд ли оказались бы понятыми, ибо вектор их мыслей не совпадал в данном вопросе с интересами Системы.

В этой связи вспомним еще раз, что планы форсированного индустриального развития резко актуализировали так называемую зерновую проблему. Во весь рост вставала задача обеспечения минимума продовольствия для миллионов рабочих и служащих, занятых в промышленности. Без крупного увеличения производства зерна становилась проблематичной также закупка западного технического оборудования (а индустриализация с самого начала строилась на импортозамещающей основе), ибо для этого требовалась валюта, а ее в условиях суженной экспортной структуры можно было получить главным образом в обмен на хлеб. Между тем мировая экономика вступала в кризисный цикл, что сказалось на резком падении цен на зерно. Поэтому необходимый для обеспечения индустриализации объем валютных средств, как уже не раз отмечалось выше, достигался путем наращивания продажи зерна за кордон (если в 1926 г. вывоз зерна из СССР составил 0,1 млн. т, то в 1929 г. – 1,3, в 1930 – 4,8, в 1931 г. – 5,2 млн. т) [1, с. 81].

Таким образом, зерна требовалось все больше и больше. В этой связи возникал не только вопрос, как его по возможности бесконфликтно изъять из аграрного сектора, но и просто как произвести требуемые объемы.

В этой связи у сталинского руководства резко возрастает интерес к необъятным земельным просторам востока страны. Тем более, что картины здесь «рисовались» заманчивые. Так, союзный нарком земледелия Я. А. Яковлев рапортовал с трибуны XVI съезда ВКП(б): «По расчетам... в Казахстане от 50 до 55 млн. га можно считать годными для посева, из которых около 36 млн. га расположены в северных округах.... Здесь посевы пшеницы занимают только 5 процентов всей пахотнеспособной площади. Если из этих 36 млн. га, годных для посева, до 30 процентов занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казахстане получим дополнительно 8–10 млн. га под пшеницей при среднем урожае 6–7 ц/га» [2, с. 584].

Столь «радужные перспективы», однако, «омрачались» тем обстоятельством, что «годные для посева» земли служили объектом хозяйственной утилизации кочевых и полукочевых скотоводов, ибо испокон веков использовались ими под пастбища. Иными словами, случилось так, что планы Системы натолкнулись на

«некое» препятствие в виде традиционного скотоводческого комплекса. В призме данной констатации проблема оседания начинает обретать уже иные светотени. В частности, появляется основание предположить, что на тот момент (рубеж 1920–1930-х гг.) степные номады с их специфическим способом производства вошли в противоречие не столько с логикой развития производительных сил или какими-то другими объективными предпосылками, сколько с государственным курсом на всемерное расширение зернового производства во имя сверхбыстрых темпов индустриализации. Развязка конфликта виделась в форсированном и массовом переводе кочевников и полукочевников всего радиуса «пахотноспособной площади» на оседлые формы хозяйства и быта, т.е. превращении скотоводов в земледельцев или «культурных животноводов». Посредством этого предполагалось, во-первых, высвободить новые земельные площади (т.е. пастбища) под зерновые посевы, а во-вторых, обеспечить их субъектами хозяйствования в лице вчерашних скотоводов (там, где трудовых ресурсов не хватало, земли должны были осваиваться за счет переселенцев).

О том, что решение проблемы мыслилось именно в такой заданности, говорят официальные источники того периода. Так, председатель Совнаркома КАССР в своем докладе о пятилетнем плане развития народного хозяйства республики прямо дал понять, что «один из моментов, обуславливающих большой рост посевных площадей и продукции растениеводства республик – это оседание казахского населения» [3, с. 79]. Другими словами, перевод кочевников на оседлость предусматривался только там, где, по мнению администрации, виделись перспективы приращения зернового клина или культивирования хлопчатника.

Что касается регионов, считавшихся для этих целей явно непригодными, то здесь интерес к судьбам номадов заметно ослабевал. Более того, если в «районах возможного товарного земледелия» пастбищное скотоводство категорично и однозначно признавалось «вредным пережитком», то во втором случае (т.е. в «непригодных» районах) оно, вопреки декларируемым приоритетам, квалифицировалось как «пока единственно возможная форма хозяйственного использования территории». Иными словами, несмотря на то, что в обоих вариантах речь шла о скотоводческих районах, имела место явная избирательность в подходах, что лишний раз свидетельствует об их подчиненности зерновой проблеме и достижению хлопковой независимости СССР.

Говоря о зерновой проблеме как факторе, в то время более всего стимулировавшем политику оседания кочевников и полукочевников и резко усилившем интерес к ней со стороны государства, необходимо все же подчеркнуть, что она имела характер казуса тактического плана. Между тем у Системы были в этом отношении и стратегические цели, которые рано или поздно привели бы к ликвидации номадного комплекса. Но и среди них было бы, по-видимому, наивным искать мотивы повышения благосостояния и культурного уровня, ибо, повторяем, эти категории вообще выносились за скобки сталинской концепции построения социализма, где приоритет человека воспринимался сугубо абстрактно.

Все здесь было движимо также куда как более прозаичными интересами. Во-первых, проводя оседание кочевников и их коллективизацию, Система добивалась реализации центрального критерия социалистичности – тотального обобществления средств производства (точнее, огосударствления собственности на них) и ликвидации частной собственности.

Во-вторых, тоталитарное государство стремилось во что бы то ни стало разрушить любые естественно возникшие горизонтальные социальные связи, какой бы характер они ни носили и какими бы предпосылками ни объективировались. В казахском ауле (как, впрочем, и в деревне) доминировавшим типом таких социальных связей выступали общинные отношения, интегрировавшие значительную часть населения и отождествлявшие собой функцию совершенно самоуправляемых образований. Включенные в их данность индивиды во всех сферах своей жизнедеятельности исходили из примата действовавшего здесь мотивационного механизма и сложившейся структуры интересов, а потому оставались как бы вне авторитарно-этактистских притязаний режима. Понятно, что уже в силу только этого обстоятельства связи такого типа не вписывались в интенсивно формировавшуюся Административную Систему, а потому были обречены на полное блокирование через ликвидацию источника их воспроизводства – традиционных структур.

Поэтому, с точки зрения власти, венцом преобразований в ауле должна была стать не просто ликвидация, а замена традиционных структур их горизонтальными связями, централизованной Системой, сконструированной уже в вертикальных связях всепроникающего государственного контроля, при котором «сверху донизу все рабы», все несвободные, не суверенные статисты, «человеки-винтики». Решению этой задачи как нельзя лучше и отвечала политика оседания и коллективизации. С ее осуществлением жесткая зависимость личности от корпоративно-общинных интересов заменялась гораздо более страшной зависимостью от притязаний тоталитарно-корпоративной государственной власти.

Таким образом, политика оседания, осуществлявшаяся тогда в русле коллективизации сельского хозяйства, была лишена объективно обуславливающих предпосылок: естественноприродных и материально-технологических. Тем не менее было бы неверным отрицать какие бы то ни было возможности седентаризации. Ведь кочевничество как форма хозяйства рано или поздно, но неизбежно становится объектом модернизации. В своем историческом развитии кочевническо-скотоводческие структуры исчерпывают некогда присущий им экологический и технологический потенциал и просто отмирают, так как они имманентно не способны адаптироваться к условиям индустриального урбанизированного общества, к требованиям рыночной экономики и ценностям высокоразвитой системы потребления.

Однако государству, опиравшемуся на нерыночную парадигму развития и на доиндустриальные производительные силы (каковым представал СССР), радикальная модернизация традиционно-аграрного фундаментализма была не под силу.

Оно могло лишь как-то трансформировать его, а еще точнее и образно говоря, мутировать: крестьянин – номад переставал быть таковым, но вовсе не становился субъектом качественно новой системы хозяйствования, например, по типу фермерства. Что, собственно, и продемонстрировал советский опыт, который к тому же обернулся для казахского народа колоссальными людскими потерями.

Литература

1. Цит. по: Гордон Л.А., Клопов Э.А. Что это было? М., 1989.
2. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1930.
3. Цит. по: Павлов К. Казахстан на путях самопознания. Первый Казахстанский научно-исследовательский краеведческий съезд // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5–6.

АРАЛО-КАСПИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ КАЗАХОВ И ТУРКМЕНОВ

Ажигали С.Е.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

1. Арало-Каспийский регион – один из важнейших очагов этно- и культурогенеза многих евразийских народов. Центральная часть этого региона являлась также неотъемлемой частью другого, более обширного историко-культурного континуума – Великого пояса степей. Стыковочное положение Арало-Каспия сыграло важную роль в ранних этнокультурных взаимосвязях представителей индоевропейской, уральской и алтайской языковых семей и нашло выражение в характерном сплаве тюркских и индоиранских традиций в культуре кочевых в прошлом народов региона – казахов, туркменов, башкир, каракалпаков и др. Этногенетические процессы протекали здесь неоднозначно, при своеобразном сочетании двух факторов: неизбежного развития в аридной зоне экстенсивного скотоводства (консервация, автохтонность) и перманентного «фонового» влияния этнополитических процессов (миграции). Наряду с этим своеобразная межаралокаспийская экологическая ниша способствовала длительному сохранению в Арало-Каспии субстратных этнокультурных традиций. Все это, несомненно, отразилось в общности исторических судеб туркменов и казахов (в особенности Младшего жуза), являвшихся яркими представителями кочевой, коневодческой культуры. Действительно, казахи и туркмены, потомки кыпчаков и огузов, – это два основных этноса, которым исторически, на протяжении средневековья и нового времени, довелось осваивать основную территорию региона – и, прежде всего, наиболее засушливую, аридную зону ареала: манкыстау-устюртский район и прилегающие пространства.

2. Несмотря на весьма слабую исследованность этноистории региона, совокупность различных источников позволяет высветить особенности этногенетических процессов, выявить специфические этапы этнополитической истории в степном Арало-Каспии. С древнейшей эпохи, в соответствии с постепенной аридизацией климата, культурно-исторические процессы здесь протекали достаточно своеобразно – в частности, симптоматично, что уже неолитические охотники Устюрта практиковали частую перекочевку с одной стоянки на другую. В эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) в Арало-Каспии начинает активно развиваться скотоводческое хозяйство. В этот период характерно активное взаимодействие племен андроновской и срубной культур, условной границей которых считается р. Урал.

3. В коневодческой среде этих племен (преимущественно носителей андроновской культуры) вызревали раннекочевнические этносы Арало-Каспия I тыс. до н.э., впервые упоминаемые в Авесте: Tura, Sairima, Saini, Dahi. С этими народами, в особенности с «турами», следует связывать мощную конфедерацию арало-каспийских кочевников середины I тыс. до н.э. под главенством массагетов (саков-тиграхауда). Массагетские племена расселились фактически на всей территории равнинной страны Турана (включая Мангышлак, Устюрт, Северное Приаралье) и заложили основы оптимального хозяйственно-культурного освоения засушливой зоны региона. Массагетский (массагето-савроматский) субстрат явился основополагающим для этносов Арало-Каспия в течение более чем тысячелетия, послужив этнокультурным базисом целого ряда коневодческих народов: дахов/даев, сарматов, аланов и др.

4. Массагето-дахо-сармато-аланский субстрат сыграл выдающуюся роль в этно- и культурогенезе ряда тюркоязычных народов региона. Проявлением этого мощного этнокультурного пласта, очевидно, объясняются многие антропологические особенности туркмен, а также выраженные внутриэтнические морфологические и др. признаки западных казахов. Не исключены и некоторые психологические особенности, обусловленные также суровостью климата, многовековым «походным» образом жизни, связанным с необходимостью ежегодного освоения больших пространств.

Показательны длительные исторические переживания этнонимов, топонимов массагетского этнокультурного пласта: «даха/даи», «тохары» – туркм. «теке», каз. «а-дай»; «алан» – туркм. «олам»; Дахистан, залив Каспия «*Golf de Dayo*» (Каталонский атлас 1375 г.), разв. Аланкала, Коныралан, Сумбетемиралан и многие др.

Общие параметры традиционно-бытовой культуры казахов и туркмен вполне соответствуют этнографической характеристике массагетов, их прямых потомков – аланов. В этом плане вполне обоснованно считать племенное объединение массагетов отдаленным предшественником казахского Младшего жуза (Пьянков, 1975). Характерно, что у туркмен и казахов особое развитие получили коневодческие традиции массагетов с ярковыраженным культом коня.

5. С I тыс. н.э. в Арало-Каспии постепенно начинают доминировать суперстратные этногенетические факторы с последовательной тюркизацией древнего ареала «восточноиранских» племен. На севере Арало-Каспия проходило массовое передвижение раннетюркских кочевых племен на запад, в которое были вовлечены и древние насельники Приаралья – в частности эфталиты и кидариты, оставившие свой след в родоплеменной структуре казахов и туркмен (подразделения «абдал» у обоих народов, казахский род «кердери» и др.).

Активная тюркизация массагетского субстрата происходит в раннее средневековье (VI–X вв.) в условиях сложной политической борьбы в Арало-Каспийском регионе между огузами, печенегами, Хазарией и Хорезмом. В этот период особую связующую роль между «восточноиранским» и даштыкыпчакским миром играет огузский этнос, ареал которого фактически совпадает с территорией «массагетского Турана». Огузы сыграли важную роль в этногенезе не только туркмен, но и казахов – в особенности Западного Казахстана, где отчетливо прослеживаются их следы в топо- и этнонимии (плато «Шагырай» – «Чаграогузские горы» (?); «Мугоджарь», «Бргыз» – «Музгарский хребет», «Маргз» ал-Идриси; уран – боевой клич «шагырай!» казахского рода шеркеш и т. д.).

6. Региональные этнополитические перемены, наметившиеся с начала XI в. (движение сельджуков, появление кыпчаков на севере Арало-Каспия, усиление политической экспансии Хорезма), кардинально повлияли на этноисторию огузо-туркменских и протоказахских (кыпчакских) племен. С одной стороны, древние туркменские племена в XI–XIII вв. были вовлечены в региональный миграционный процесс, с другой – в домонгольский период обозначилась территориальная дифференциация этногенетических процессов в Арало-Каспии: кыпчаки на севере, огузо-туркмены (язырское объединение) на юге. В целом, период XI–XIII вв. в этническом плане правомерно определить как огузо-кыпчакский с характерной для огромной территории Арало-Каспия хозяйственно-культурной интеграцией. В этот период закладываются основы эпических сказаний о талантливых и решительных вождях (оформившиеся позднее в циклах о Салор-Казане к Каракыпчаке Кобланды), начинают формироваться самобытные культовые комплексы Манкыстау, развиваются диалекты огузо-кыпчакского литературного языка.

7. В эпоху монгольского завоевания, в золотоордынский период в Арало-Каспии доминируют в основном этнополитические процессы – происходят временное поредение кочевого населения, в основном кыпчаков (канглы), региональные перемещения номадов – в частности салоров (салыров), пришедших на Мангышлак. В XIV–XVI вв. в межаралокаспийском районе, наряду с салорами, расселяются и кочевники Ногайской Орды, в том числе казахи крупной алшынской группировки (ядро Младшего жуза). Характерно, что в этот период

начинают складываться здесь многочисленные туркменско-казахские («ногайские») культовые комплексы. Следует отметить, что в позднем средневековье определились политические ориентиры казахов и туркменов Арало-Каспия (Ногайская Орда и Хива), способствовавшие их этнотерриториальной консолидации – в частности, на исходе «ногайского времени» оформилась общность казахов Младшего жуза. Определилось также тяготение части туркменских племен мангышлакско-устуртского района (салоров, иомутов, ерсари, емрели и др.) в южные и юго-восточные области, вызванное также политическими и экологическими факторами. Миграционные процессы были значительно усилены в калмыцкое время (XVII–XVIII вв.), когда, например, большая часть казахов Младшего жуза вынуждена была откочевать на длительное время в районы Сырдарьи, ближе к казахам двух других жузов.

8. В целом, в эпоху позднего средневековья и нового времени взаимоотношения туркменов, казахов и других народов Арало-Каспия характеризовались, прежде всего, межэтнической хозяйственной интеграцией на этой огромной территории. Имевшие место противоречия, столкновения (неизбежные в истории кочевых обществ) носили, как правило, межродовой, но не этнический характер. На базе общей древней этнокультурной традиции происходил активный процесс культурного взаимообогащения. Ярким примером тому служит выведение адаевской лошади на основе длительного скрещивания туркменской и казахской степной (жабы) пород.

Межэтнические контакты (в форме брачных связей) отразились также в родоплеменной структуре обоих народов, о чём свидетельствует история возникновения таких крупных групп, как туркмен-адай и мангышлакские ходжа. Имеются примеры кровнородственных связей. В частности, интересен такой факт: по народному преданию дедом казахского поэта и батыра Махамбета Отемисулы был Құлмәлі, который, по всей вероятности, происходил из туркменского племени афшар и т. д.

9. У казахов и туркменов Арало-Каспия исторически закономерно сложился комплекс общих архаичных признаков традиционно-бытовой культуры: культ коня, специфические надмогильные сооружения и совместные мемориально-культовые святыни, поминки на сотый день – жүзі (отсутствующие у казахов других районов), сходство тамговых знаков крупных родоплеменных групп «салор» и «адай» –↗, стилистическое единство женских украшений (т. н. «геометрический стиль»), близость и заимствования в музыкальных инструментальных традициях казахских домбристов и туркменских бахши, определенные сходства в одежде в зонах контакта и т. д.

10. Арало-Каспий является общей древней исторической родиной казахов, туркменов и др. тюркоязычных народов обширного региона, в этногенезе которых прочно переплелись на туранской почве тюркский и индоиранский корни. В течение средневековья и, в особенности, нового времени кочевые и полукочевые народы региона подверглись целенаправленному процессу исламизации, в результате чего на исходе нового времени сложился круг сходных культур степных исламизированных народов Арало-Каспийского региона.

«АЙҚАП» ЖУРНАЛЫНЫҢ ҚАЗАҚ БАСПАСӨЗІНДЕГІ АЛАТЫН ОРНЫ

Азирбекова А.Ж.

Қорқыт ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті

Тамыры тереңнен тартқан тарихы мен қоса мәдениеті өркендеген қазақ халқы басынан өткерген ұлы оқиғалар мен әлеуметтік жолдарын ауыз әдебиеті эпостық жырлар, тарихи аңыз-әңгімелер арқылы ұрпақтан-ұрпаққа жеткізді. Кейінірек алғашқы газет-журналдарда басылды. Тарихи-мәдени, әдеби дүниелерін кезінде қағаз бетіне түсіріп отырмаған қазақ халқының тасқа басылып, хатқа түскен ескерткіштердің ішіндегі революциядан бұрынғы газет-журналдарда басылған нұсқалараның алар орны ерекше. Олардан рухани мұрамыздың бай көріністерімен қатар әдебиетіміздің тарихын жете білуге және оны халық тарихымен біртұтас зерттеуімізге де мүмкіндік береді.

Қазан төңкерісінен бұрын әр жылдары шығып тұрған газет-журналдарда сол кездердегі Қазақстанның саяси, шаруашылық, мәдени тұрмысы жасандылығы жоқ дәйектерменен жан-жақты баяндалды. Қазақ газеттері сол кездегі тап күресінің пісіп-жетілуіне, революциялық қозғалыстың қалай өрістегеніне тиісті баға беріп, оқырмандарды жаңалықтармен таныстырып отырды. Бұл ретте халық бұқарасының ой-санасын, білім дәрежесін көтеріп, дүниетанымын кеңейтуде прогрестік-демократиялық бағыттағы «Айқап», «Қазақ» секілді басылымдар үлкен рөл атқарды.

Қазақтардың рухани өмірі тарихына 1911 ж. тұңғыш ұлттық бейресми мерзімді басылымдар шыққан жыл ретінде енді. Сол жылдың қаңтарынан бастап қазақ тіліндегі бірінші журнал «Айқап» шықса, науырызынан бастап «Қазақстан» газеті шыға бастады. Бұл басылымдар туралы кеңестік тарихнамада біршама айтылды. Дегенмен, олардың дерек көзі ретінде маңызы мен ерекшеліктерін ашатын кейбір мәселелерге көңіл аудару қажет деп санаймыз.

Басылымдардың дерек көзі ретіндегі маңызы мен ерекшеліктерін, олардан алынған мәліметтердің ғылыми құндылықтарын анықтау үшін, жалпы газет-журналдардың пайда болуының алғышарттары, тарихи жағдайларымен қатар, нақты басылымның дүниеге келу тарихын зерттеудің де маңызы үлкен. «Айқап» журналының шығарушысы, әрі редакторы, әрі негізгі авторларының бірі Мұхамеджан Сералин.

«Айқап» журналы халқымыздың әлеуметтік, саяси өмірінде, әдебиет пен мәдениетімізді насихаттап, таратуда елеулі рөл атқарды. Араб әрпімен теріліп, басында айына бір рет, кейін екі рет шығып тұрған. Бұл журналдың нақты деректерін былайша сипаттауға болады:

1911 ж., № 1–12, январь–декабрь.

1912 ж., № 1–14, январь–декабрь.

«Айқап мағыналары» деген мақалада, «Айқап» мағынасының 3 түрін атап көрсетеді: «Айқап – болмай қалған іске өкінуі және қараңғы түнді жарқ еткенай, және оның қабы (сауаты), халықты айқап-шайқап аралау». «Айқап» атты журналды төменгі программамен шығаруға рұқсат берілген еді:

1. бас мақала,
2. шет ел хабарлары,
3. мұсылман өмірінен мәселелер,
4. хроника,
5. фельетондар мен өлеңдер,
6. әртүрлі хабарлар мен редакцияға хат,
7. библиография және ғылыми мақалалар.

Профессор Б. Кенжебаев «Айқап» журналының бегінде шыққан материалдарды тақырып, мазмұны жағынан былайша бөлімдерге бөлген:

1. Саяси әлеуметтік мақалалар.
2. Әдеби шығармалар, әдебиет мәселелері.
3. Қазақ арасындағы оқу-ағарту ісінің жай-күйі және маңызды мәселелері.
4. Ана тілі, әліппе, емле мәселелері.
5. Қазақ әйелдерінің жайы, бостандық, теңдік мәселесі.
6. Дәрігерлік, агротехникалық кеңестер, ғылым табыстары.
7. Ішкі-сыртқы хабарлар.
8. Тілші хаттары, жауап хаттар.

Тақырып аумағынан көріп отырғанымыздай қазақ тілінде тұңғыш шыққан «Айқап» журналында еліміздің саяси-әлеуметтік, мәдени, шаруашылық жайларынан көптеген мақала, хабарлар жарияланып, басылым сол кездегі көкейтесті мәселелерді хал-қадірінше көтеруге халыққа таныстыруға тырысты.

«Айқап» өз кезеңіндегі үздік журнал болды. Оның әр санын жұрт асыға күтті. Оған Қазақстанның барлық облысынан және Астрахань губерниясына қосылған Бөкей Ордалары мен Кавказ округына қарайтын Маңғыстау, Атырау Оралдан үзбей хат келіп тұрды. Әсіресе, Ақтөбеден, Қостанайдан, Қызылжардан, Торғайдан, Көкшетаудан, Қарқаралыдан, Семейден, Аягөзден, Қапалдан, Шиеліден, Қызылордадан, Жамбылдан, Шымкенттен, Зайсаннан мақала жиі жарияланды. Журнал бетінде кейде, «Одан-бұдан», «Оқиғалар», «Мұсылмандар түсінуге тиісті мақалалар» деген айдарлар бойынша да материал жарық көрді. Кейін оларды алмастырған «Хабарларымыздан», «Хабарлар» айдарлары журналдың «Айқаптың» хатшысы болып 1911–1912 жж. Әкірам Ғалимов, 1913–1914 жж. Сұлтанмахмұт Торайғыров істеді. Қызметкер тілші, автор болып Жиһаншы Сейдалин, Сәбит Дөнентаев, Бақытжан Қаратаев, Молдағали Жолдыбаев, Бекмырза Бекжанова, Нұралдин Айтұқанбетов, Есенғали Хасаболатов т.б. қатысты.

«Айқап» және оның редакторы сол кездегі саяси-әлеуметтік мәселенің ең басты – жер мәселесі екенін жақсы түсінді. Мұны олар бектік-феодалдық қалдықтарына қарсы күрес барысында батыл көтере білді. 1867 ж. 11 шілдеде «Жетісу және Сырдария облыстарын басқару жөнінде уақытша ереже» шықты. 1868 ж. 21 қазанда «Орынбор және Батыс Сібір генерал-губернаторларының далалық облыстарын басқару туралы уақытша ереже» бекітілді. Барлық жер мемлекет меншігі, тек хан тұқымдарына патша «сыйлаған» жер ғана жеке меншік болып танылды. 1895 жылдан 1906 жылға дейін «Щербина экспедициясы» патшаға қазақ

даласының ең шұрайлы жерлерін мәлімдеп отырды. 1870–1890 жж. ұйғырлар мен дүнгендер көшіп келді. Осыған байланысты ұлт араздығы да күшейе түсті.

Қазан төңкерісінің қарсаңындағы шыға бастаған бұл газеттің шығуына үкімет тарапынан көмек болған жоқ. Газеттің жарық көруіне жеке адамдар тобының серіктесуі ықпал етті. Алайда патша цензурасының қатаң бақылауына ұшыраған бұл басылым үздіксіз шыға алмай, көбінесе айып төлеуге мәжбүр болды. Кейде жабылып, ал ең соңында мүлде жойылып жіберілді.

Бір сөзбен айтсақ, «Айқап» журналы халқымыздың бүкіл тіршілік-болмысын, экономикалық, әлеуметтік және саяси жағдайын, әдебиеті мен мәдениетін, өнері мен білімін жетілдіруде, жан-жақты жазумен бірге, осы бағытта үлкен түсінушілік, насихат жұмыстарын жүргізуде, сондай-ақ қоғамымызды ілгері байытуға зор үлес қосты.

Әдебиеттер

1. Суханбердина Ұ., Дәуітов С. Айқап. Алматы, 1995.
2. Суханбердина Ұ. «Айқап» бетіндегі мақалалар мен хат-хабарлар. Алматы, 1961.
3. Атабаев Қ. Қазақ баспасөзі Қазақстан тарихының дерек көзі (1870–1918). Алматы, 2000.

ТВОРЧЕСТВО БЕРУНИ В ГУРГАНЕ

Атакузиева Н.Т.

Институт истории АН РУз, Ташкент

Арал-Каспийский регион является историко-культурным ареалом, в котором плодотворно развивались такие города, как Гургандж, Кят, Гурган и др. В истории средних веков этот регион играл важную роль в экономической, политической и культурной жизни мусульманской цивилизации. Сюжной частью Арала-Каспия связана жизнь и деятельность Абу Райхана Беруни: выдающегося учёного-энциклопедиста средневекового Востока. Большая часть его жизни прошла в Хорезме, где Беруни создал множество своих произведений и проводил различные астрономические исследования.

Надо отметить, что сами труды Беруни, в первую очередь, являются источниками для определения его биографии. Одним из первых беруниведов в мире Ибрахимом ал-Гаданфар ат-Табризи (1233–1293 гг.) приводится дата рождения Беруни: 4 сентября 973 года (3 зу-л-хиджжа 362 года хиджры). А место его рождения был город Кят, находившийся на правом берегу Амударьи. С детства Абу Райхан был очень способным и любознательным. Сам он писал, что по своей натуре он с молодости был наделен чрезмерной жадностью к приобретению знания, соответственно своему возрасту и обстоятельствам [1, с. 280–281]. Ученые пришли к выводу, что Беруни начал свое первое астрономическое исследование в 16 с половиной лет [2, с. 28], а именно в 990 г. н.э. он вычислил географическую широту города Кята. Об этом он писал так: «Я измерил полуденную высоту Солнца в этом городе (в Кяте – *Н.А.*) с помощью кольцевого инструмента, не позволяющего фиксировать никакие доли, кроме половин, в момент каждого из двух равноденствий, которые определили по зиджу Хабаша ал-Хасиба». А в 994 г. с исключительной точностью определяет величину наклона плоскости эклиптики к экватору [1, с. 234, 117–118]. Без сомнения можно сказать, что к 16-ти годам Беруни владел солидным математическим и астрономическим образованием. Здесь надо отметить и роль его первого учителя Абу Насра Мансура ибн Али ибн Ирака [см. более подробно о нем: 2, с. 29–30].

В 995 г. из-за политических событий Беруни отправился в крупный иранский город Рей. До этого он подготовил глобус, макет земли, но из-за трагедии, произошедшей в жизни ученого, все собранные материалы и сам глобус безвестно пропали.

В Рее Абу Райхан познакомился с Абу Махмудом ал-Ходжанди и провел с ним астрономические исследования. А в 997–998 гг. он возвращается вновь в Хорезм, в свой родной Кят. В это время он общается с Абу-л-Вафа' Мухаммадом ал-Буджани и ибн Синой [см.: 3, с. 128–162; 4, с. 35–41], т. е. его переписка с ними датируется на эти года.

В конце 997 г. Абу Райхан Беруни переехал вблизи Кята в Гурган по приглашению Кабуса ибн Вушмагира, представителя династии Зийаридов. Как отметил известный исследователь П.Г. Булгаков, время

пребывания Гургане – «время бурного старта его интенсивной творческой деятельности, время перехода от преимущественного накопления и поисков знаний к активной реализации их в многочисленные труды» [2, с. 92]. По словам Б.В. Лунина, в Гургане началась и деятельность Беруни как историка, которая не прекращалась на протяжении всей его творческой жизни [5, с. 21].

Долгое время неясными были годы пребывания Беруни в Гургане, одном из крупных и значительных городов Арало-Каспийского региона. Хотя это время является одной из самых плодотворных страниц жизни Абу Райхана. Наконец, в книге П.Г. Булгакова, изданной в 1972 г. была разрешена эта проблема. Известный берунивед, переводчик его «Геодезии» пришел к выводу, что возвращение Беруни из Гургана в Хорезм имело место в конце 1003–начале 1004 гг. [2, с. 81; 6, с. 70]. Он основывался на данные самого Беруни, которые приводятся в «Ал-Канун ал-Мас‘уди».

Надо упоминать, что произведения Беруни указывают вехи его жизненного пути. Например, библиография трудов Абу Бакра ар-Рази, составленная самим Беруни, позволяет установить, что в Гургане Беруни написал по меньшей мере 15 трудов. Мы можем привести их список:

1. «О диске круга тасйир».
2. «Введение в астрологию и в познание границ злополучий и мест дурного, судя по опытам прохождения планет».
3. «Очищение сути лучей и света от вздора, собранного в книгах».
4. «Ключи астрономии».
5. «Исчерпание методов, возможных при конструировании астрологии».
6. «Книга свидетельств о противоречиях астрономических наблюдений».
7. «Предостережение против искусства обмана, коим являются предсказания звезд».
8. «Книга солнц, исцеляющих души».
9. «Памятка по счету и арифметическим действиям синдскими и индийскими цифрами».
10. «Перевод сведений об ал-Муканна‘е».
11. «Сведения о «носящих белое» и карматах».
12. «Руководство к исправлению основных положений, содержащих проблему гороскопов».
13. «Памятники, оставшиеся от минувших поколений».
14. «О восходящем градусе эклиптики для Куббы Земли и о положении там неподвижных звезд, имеющих широту».
15. «Книга о естественных чудесах и искусственных диковинках».

Из них до нас дошли только три: «Памятники, оставшиеся от минувших поколений», «Исчерпание методов, возможных при конструировании астрологии» и «Ключи астрономии». Все они по значимости имеют важное место в астрономии и в других отраслях наук. Например, в книге «Исчерпание методов, возможных при конструировании астрологии» Беруни рассматривает различные типы проекций астрологии, дошедшие до его времени. И в конце он предлагает свой метод проектирования. Беруни написал, что он назвал эту проекцию цилиндрической, осветил и др. сведения в вышеуказанном труде [7, с. 407–408].

Труд Беруни «Хронология» является энциклопедией по истории, бытовой жизни и этнографии народов Ближнего и Среднего Востока [8, с. 16]. В ней он приводит сведения о более ста народах и племенах земного шара [9, с. 119]. Благодаря ученым Института востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (бывшая АН УзССР) «Хронология» была переведена и издана на русском (1957) и узбекском (1968) языках.

Гурганский период был плодотворным и особенным для развития деятельности Беруни. Во-первых, он был осуществлён добровольно, т. е. по приглашению Кабуса, сторонника просвещения, во-вторых, исследования в эти годы материально поддерживалось со стороны последнего. И, наконец, годы в Гургане были основополагающими для дальнейшего жизненного пути Абу Райхана. Безусловно, есть много других проблем, касающихся творчества Беруни в этот период. Стоит задача – попытаться найти остальные произведения ученого, исследовать, перевести и издать их, конкретизировать точную дату возвращения Беруни и т.д. Но все же, надо отметить, что дальнейшая жизнь Беруни (в Гургандже и в Газне) была тесно связана с этим, гурганским, этапом.

Литература

1. Беруни Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избр. произв. Т. 3. Ташкент, 1966.
2. Булгаков П.Г. Жизнь и труды Беруни. Ташкент, 1972.

3. Материалы по истории прогрессивной, общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1957.
4. Шарипов А.Д. Малоизвестные страницы переписки между Беруни и Ибн Синой // Общественные науки в Узбекистане. 1965. № 11.
5. Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки/ Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974.
6. Булгаков П.Г. К биографии Беруни // Народы Азии и Африки. 1966. № 4.
7. Беруни Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избр. произв. Т.1. Ташкент, 1957.
8. Толстов С.П. Беруни и его «Памятники минувших поколений» // Беруни Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед. Избр. произв. Т.1. Ташкент, 1957.
9. Шаниязов К. Этнографические материалы в трудах Беруни // Беруни и гуманитарные науки. Ташкент, 1972.

ХОДЖА НЕПЕС И ЭКСПЕДИЦИЯ БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО

Аманниязов К.Н.

Каспийский государственный университет технологии и инжиниринга им. Ш. Есенова, Актау

В 1713 году состоялся знаменательный визит Ходжа Непеса, старшины одного из туркменских племен Мангышлака к Петру Великому. Фактически Ходжа Непес был инициатором изучения Арало-Каспийского региона. Он рассказал царю Петру I о пустынном безводном крае Восточного Прикаспия, который может сослужить добрую службу Российскому государству. Нужно только повернуть реку Амударью в Каспийское море. *(Когда-то эта территория не была таким безжизненным пространством. Сейчас же обезвоженная земля Турана к востоку от Каспия давно истосковалась по влаге. И неплохо бы туда повернуть Амударью. Тем самым не только прибрежные земли обживутся, но и появится морская дорога от Волги через Каспий, Амударью до Индии. А это значит, будет открыт новый морской торговый путь России, который позволит обмениваться товарами с Бухарой, Хивой, Афганскими ханствами. А что может быть перспективнее для молодого государства, чем расширение торгово-экономических связей, обмен товарами).*

Как известно, одной из первых слабостей молодого русского царя был флот. И любая перспектива развития российского флота с энтузиазмом поддерживалась им. К тому же Ходжа Непес рассказал о том, что верховье Амударьи поистине «золотое». Народ намывает золото на побережье реки Зеравшан [см.: 1]. Недаром река

Ходжа Непес у Петра I. (Г. Я. Брусенцов)

названа Зеравшан, что в переводе означает «золотая вода». Ходжа Непес убедил царя, что запасов золотоносного месторождения хватит для решения многих государственных проблем. Петр I, как всякий царь, не мог не прельститься золотым блеском Бухарии и горной части Средней Азии.

Для проверки достоверности сказанного туркменским посланцем в 1714-м году Петр дает распоряжение организовать экспедицию. Руководителем Каспийской экспедиции назначается князь Александр Бекевич-Черкасский, обучавший за границей навигационному искусству и состоявший на службе в Преображенском полку. Из документов

Московского сенатского архива стало известно, что для первой поездки было потрачено 34 924 рубля: много ли это или мало, трудно оценивать, минуя столетия, но внушительной кажется цифра в 6350 человек – именно такое количество участников было задействовано в экспедиции через Астрахань, Каспийское море, по Восточному чинку Устюрта к Хиве. Цель экспедиции: исследование русла реки Амударья и Сырдарья, осмотр Тюпкарагана, Балханского залива до побережья Астрабада и возвращение в Астрахань. В своем отчете Александр Бекович-Черкасский утверждал, что ему удалось найти прежнее русло Амударья в местности Актам, на берегу Красноводской бухты. Было выяснено, что Амударья впадает в Аральское море. Бекович составил первую карту Каспийского моря.

За эти достижения Французская Академия наук присвоила Петру I бессмертное звание французского академика. И, полный сил и энергии, молодой император начал основывать первую Российскую Академию и одновременно продолжал работать над исследованием Каспия. Петр очень обрадовался результатам первой экспедиции и тут же организовал вторую, вновь назначив Бековича руководителем. Нужно было не только пройти восточное побережье Каспия, но и договориться с хивинским ханом о строительстве крепости на тысячу человек в районе устья Амударья, а также изучить этот район, «запереть», перекрыть прочие устья, впадающие в Аральское море. Петр, конечно, помнил, что год назад к нему приходил посол Хивинского хана Ходжа Непес и протягивал руку дружбы и сотрудничества. Поэтому Петр, организовывая экспедиции, имел в виду обустройство русских крепостей на территории ханства. *(Тем самым и российские владения расширятся и упрочатся, и в ханствах будет легче бунтарей унимать)*. На Тюпкараганском мысе п-ова Мангышлак была заложена одна крепость, вторая – на берегу Красноводского залива, которая в будущем стала главной русской базой на восточном побережье Каспия. На берегу залива Александрбай было выстроено третье укрепление.

В 1717 году в Хивинском ханстве произошли серьезные изменения – прежний хан был убит бунтовщиками-заговорщиками, а на его место пришел другой, злой и беспощадный Ширгазы. Калмыцкий хан Аюка, узнав об этой экспедиции, донес Ширгазы, что «со злыми намерениями идут в его просторы бесчисленные русские войска». Они желают подчинить себе Хиву. Не знал, а может и не хотел знать хан Ширгазы о том, что его предшественник отправлял к русскому правителю своего вассала для заключения мира. И в июне 1717 года в западной части Аральского моря на окраине Устюрта и Хорезмского оазиса хивинский хан вероломно напал на войско Бековича-Черкасского. Русские пустили в ход артиллерию. Судя по документам, 9 чугунных и 6 медных орудий было пущено в бой. Гром пушек, доселе неведомый хивинцам, насмерть напугал их. Хан Ширгазы понял, что силой русских вряд ли удастся одолеть, и решил использовать хитрость.

Начались переговоры. Бекович, ничего не подозревая о коварных планах противника, принял хивинского посла. Последний прибыл в становище экспедиции с извинениями. И рассказал о том, что подданные неверно доложили хану об экспедиции, и с обидчиками, которые участвовали в нападении на русское войско, обойдутся как положено по суровым законам Востока – одному продернут через ноздри, другому через ухо веревку и проведут напоказ перед лагерем. Посол передал и то, что их правитель сожалеет о случившемся, о чем клянется на Коране и хлебе. Бекович, будучи человеком добрым и легко отходчивым, мягкосердечным, поверил послу и принял приглашение хана погостить полным составом в хивинских городах. Так как войско русское огромное, то хан предложил разделить всех людей на пять городов (Бескала), якобы, чтобы никто не остался без внимания. Бекович, не помышляя о злом умысле хана, согласился. И только майор Франкенберг, один из приближенных руководителя экспедиции, человек осторожный и недоверчивый, противился дроблению отряда. Франкенберг, чувствуя, что не может переубедить начальника, послал в Адмиралтейство России предупредительное письмо, в котором описал сложившуюся обстановку, в которой князь был неумолим.

Довольно быстро многотысячное войско было распределено на пять городов. И даже оставшиеся пятьсот человек, приближенных князя Бековича-Черкасского, были разбиты на пять аулов. Весь этот дележ происходил у речки Порсу, что в переводе означает «вонючая». И когда русское войско было полностью разбросано по хивинским селениям, началось истребление русского отряда. Многим, в том числе и самому Бековичу-Черкасскому, отрубили головы. В живых остались немногие – лишь мусульмане и в исключительных случаях русские. Чудом остался жив и Ходжа Непес.

Надо сказать, что Ходжа Непес во время этих событий уцелел дважды. Еще в первый приход в стан русских посол Ширгазы-хана просил русского князя выдать ему Ходжу Непеса. Но Бекович, естественно,

не согласился выдать преданного и умного члена своей команды, спрятав его. Исторические документы свидетельствуют, что Ходжа был спрятан где-то неподалеку от места страшной расправы, так как по возвращении в Россию, в Казани, он подробно рассказал о трагическом происшествии генерал-губернатору П.С. Салтыкову, деду русского классика Салтыкова-Щедрина в октябре 1717 г. Салтыков отпустил Ходжу на родину, на Мангышлак [см.: 2]. Но Ходжа Непес, зная, что там его ожидает верная гибель за предательство, за то, что привел неверных в Хиву, удалился в Персию, в местность Гомбеде-Кабус, в Гургане (Прикаспийская зона Ирана).

В народе ходит легенда о том, что на старости лет Ходжа пытался побывать на родине, но по дороге в Мангышлак в районе Красноводска был зверски расстрелян. Предполагают, что он похоронен в Гайып-ата, в Кубадаге. Позже иранское селение, в котором жил Ходжа Непес последние годы своей жизни, было названо его именем. Там до сих пор живут представители рода Непеса.

Интересна и показательна судьба жестокого Ширгазы после описанных событий, который через некоторое время с лихвой поплатился за все свое коварство. После победы над русским войском, по восточному обычаю, Ширгазы начал строительство в Хиве медресе. По деспотическим традициям зодчим дворцов, мечетей выкалывали глаза, чтобы те не могли возводить более подобные замки. Тоже задумал сделать по окончании строительства и Ширгазы. Но строители медресе, узнав об этих намерениях, взбунтовались и тайно объединившись, схватили его и зарезали на центральной Хивинской площади.

После разгрома русских, отсечения головы Бековича были разрушены все русские гарнизоны, устроенные на побережье Каспийского моря и в его окрестностях. Несмотря на трагический конец последнего похода лейб-гвардии Преображенского полка капитан Бекович-Черкасский сделал серьезный вклад в изучение Каспийского моря. Хотя в течение 150-ти лет эта история была забыта, но земля помнит всех. В 1950-м году в архиве Французской академии академик Л.С. Берг и другие ученые отыскали карту Каспийского моря Бековича-Черкасского, вновь восстановив его имя на заслуженный пьедестал славы.

По рассказам мангышлакских старожил, Ходжа Непес был выходцем одного из древнейших туркменских племен Абдал. Предполагают, что его отец – знаменитый батыр Сойин, сын Хаджинияз-батыра. Об их мужестве и героизме, во время сопротивления мангышлакского народа калмыцкому нашествию в 1600-е годы, в народе ходят легенды. В родословной Ходжи Непеса, по утверждению некоторых документальных источников, есть имя Кулбарак, известного казахского батыра, который был племянником Сойин-батыра. На основании этого можно утверждать о многовековом сплетении исторических судеб этих двух крупных народов, предки которых издавна расселялись в Прикаспии.

На самом восточном мысе Красноводского полуострова, недалеко от поселка Кызылсу, среди песчаных массивов, лежит бронзовый обелиск, небольшой памятник, посвященный памяти погибшим в экспедиции Бековича-Черкасского в 1717 году и Ходжа Непесу. На обелиске написано следующее:

«В пустыне дикой
Вас братья мы нашли,
с тихой молитвой
Прах Ваш почли».

1872 год.

Недавно учеными Института востоковедения Республики Казахстан Муминовым А.К., Нурмаковой А.Ш. в некрополе Шакпак-ата на Мангыстау исследовано надгробие – «койтас» (начала XVIII века) с надписью: «Қожа Нефес Бек Нефес ұлы». Возможно, эта находка открывает новую страницу в тайне гибели Ходжа Непеса и истории Арало-Каспийской экспедиции и требует внимательного изучения [3, с. 201].

Литература

1. Аманниязов К.Н. и др. Отчий край. Алматы, 2003.
2. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1963.
3. Муминов А.К., Нурманова А.Ш. Шакпак-ата: эпиграфика подземной мечети и некрополя. Алматы, 2009.

МИССИОНЕР ПАСХАЛИЯ ИЗ ВИТТОРИИ В АРАЛО-КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Байгунаков Д.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы

С образованием Улуса Джучи (Жошы) произошли коренные изменения в сложившихся ранее торговых путях, особенно в Арало-Каспийском регионе. Возникновение новых рынков приводило к появлению новых направлений торговых путей, которые все более тяготели к Сарая как административному центру страны, хотя некоторые старые пути утрачивали свое самостоятельное значение. Но все же ряд торговых путей в XIII–XIV вв. имел особенно большое значение, которые разветвлялись далее в целую сеть путей по степи и расходились по всему пространству вышеназванного региона. За это время многие западноевропейские купцы побывали на территории улуса, но записи они никогда не оставляли, так как не хотели выдавать свои коммерческие секреты. Купцы иногда спонсировали путешествия миссионеров, а те, в свою очередь, оставляли сообщения, которые сейчас представляют огромный интерес для отечественной историографии.

Следует отметить, что в мировой историографии миссионерство (от латынского «missio» – посылка, поручение) рассматривается как одна из форм деятельности религиозных организаций и церквей, имеющая целью обращение инаковерующих и возвращение в лоно церкви отпавших от неё. Миссионерство встречается прежде всего в мировых религиях. Порой миссионерство ставит более широкие задачи, содействуя осуществлению политических целей социальных групп и правительств. В мировой практике различаются «внешняя» миссия (в других странах) и «внутренняя» (среди неверующих и иноверцев на собственной канонической территории), хотя некоторые теологи также делят миссионерство на кратковременное путешествие (от нескольких дней до нескольких недель, месяцев); продолжительное путешествие (несколько лет); пожизненное миссионерство (в течение всей жизни). На вопрос, в чем заключается эта миссия, многие специалисты отвечают, что верующие таким образом ищут «спасение» [1–4]. Истоки миссионерства можно найти в религиозных текстах. Например, в Новом Завете встречаются такие назидания: Евангелие Матфея 28:19–20 – «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века»; Евангелие от Марка 16:15–16 – «И сказал им: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет». На эти слова до сих пор ссылаются многие современные миссионеры и ищут «спасение», назвав его как «Великое повеление Христа», которое каждый обязан исполнять. Искал «спасение» еще в XIII в. Пасхалий из Виттории (лат. Paschalis de Victoria) в степях Евразии; он больше года жил в Сарая, побывал во многих городах Центральной Азии, распространял католицизм. О деятельности этого миссионера подробно можно узнать только по его письму, отправленному другим своим братьям¹. Также его деятельность упомянута в сочинении Джованни Мариньолли, излагавшего жизнь Пасхалия из Виттории.

Хочется отметить, что религиозная политика в Улусе Джучи проанализирована специалистами-историками давно [5; 6]. Многие из них отмечают конфессиональную толерантность чингизидов. Несмотря на организацию католических епархий в Улусе Джучи и на территории Ильханата, Чагатайский улус не был затронут западным миссионерством в течение относительно длительного периода времени. Францисканская епархия в Ургенче засвидетельствована только в 30-х гг. XIV в. параллельно с доминиканскими епархиями в Самарканде и Алмалыке. Важнейшим шагом для распространения католичества в Центральной Азии явилось обращение в христианство хана Эльчигидея в 1326 г., который послал в Папскую курию в Авиньоне своего представителя, доминиканца Томмазо Манкасола. Томмазо вернулся из Западной Европы в 1330 г. с подтверждением своего назначения в качестве епископа Самарканда, полученным от папы Иоанна XXII (по-видимому, визит Томмазо побудил папу прибегнуть к вербовке миссионеров для интенсификации апостолата в Центральной Азии). Однако, к моменту его возвращения, политическая ситуация в улусе резко изменилась: Эльчигидей (или его брат и наследник Доре-Тимур) был смещён ханом Тармаширином, обращённым в ислам, и который начал преследования христиан в своём государстве, включая и католических миссионеров. Относительное улучшение положения христиан в Чагатайском улусе произошло в течение

¹ Автор выражает свою благодарность за ценные советы при переводе этого письма с латинского доктору филологии Светлане Хаутале.

ханства Дженкиши (1334–1337), также обращённого в ислам, но предпочитавшего вернуться к традиционной линии конфессиональной толерантности [7; 8].

Миссия Пасхалия была явным последствием открытия новых перспектив распространения католичества в Центральной Азии. Пасхалий отправился из своего монастыря, расположенного в Виттории, в Южной Испании, и прибыл в Авиньон, резиденцию Папской курии в 1334 г. Здесь он получил от Папы Иоанна XXII так называемую «Иерусалимскую индульгенцию», которая предполагала полное отпущение грехов при условии исполнения миссии. Подобная практика существовала с 1-й половины XIII в., и Папы являлись наиважнейшим источником легитимизации апостолата: миссионеры, отправлявшиеся в Азию, не только заручались получением спиритуальной награды за будущие лишения, но и получали разрешение на причащение к церкви новообращённых. Далее Пасхалий посещает Базилику Святого Франциска в Ассизи, наиболее почитаемого храма в среде его религиозного ордена и неотъемлемого этапа миссионеров, отправлявшихся на Восток (стоит отметить, что всего лишь несколько лет до визита Пасхалия, Джотто облицевал Базилику своими знаменитыми фресками, изображающими важнейшие моменты из жизни Франциска, в том числе его проповедь египетскому султану). Из Венеции Пасхалий прибыл в Галату близ Константинополя, которая являлась главнейшей итальянской торговой колонией Средиземноморья, и пересёк Чёрное море, достигнув Крыма. В 1335 г. Пасхалий прибывает в Сарай и предоставляет ценнейшие сведения о развитии миссионерской деятельности на территории Улуса: лингвистические проблемы, препятствовавшие апостолату (которые указывались ранее), побудили миссионеров к созданию специальных школ для обучения монахов языкам местного населения. Так, по словам Пасхалия, он имел возможность для обучения кыпчакскому языку и уйгурскому алфавиту в течение года. В 1337 г. Пасхалий отправляется на восток и следует маршруту, предпочитаемому итальянскими торговцами, описанным его флорентийским современником в специальном пособии для европейских предпринимателей [9]. Из Сарайчика наш герой отправляется в Ургенч и в конце своей миссии достигает Алмалыка, где находит свою смерть. Из текста письма видно, что он больше года жил в Сарае, занимаясь миссионерской деятельностью в Арало-Каспийском регионе. Письмо Пасхалия, адресованное братьям его монастыря с описанием его деятельности и плодов миссионерства, представляет собой важнейший источник не только в отношении организации восточного апостолата, но и в передаче общей оценки перспектив обращения в католичество населения Центральной Азии. Оценка Пасхалия довольно пессимистична и свидетельствует об укоренении ислама в империи монгол, которое явилось непреодолимым препятствием для распространения католичества.

Письмо Пасхалия из Виттории

Досточтимым во Христе и возлюбленным стражам и другим братьям из Витторианского монастыря и всей кустодии отцам и возлюбленнейшим братьям, брат Пасхалий из этого братства, желает здоровья со всеми благословениями; и чтит сыновним почитанием также всех других наших родственников или знакомых и друзей.

1. Как знает ваша святость, возлюбленные отцы, после того, как мы с вами расстались, я и дорогой отец, брат Гонсальво Трансторна, отправились в Авиньон. Оттуда, получив благословение Главного реверенда, мы прибыли к Ассизской индульгенции и потом, поднявшись в Венеции на борт некоего каррака, пересекли Адриатическое море, а после и Геллеспонт, по левой стороне оставляя Склавонию и по правой Турцию, и сошли в Греции, то есть в Галате, рядом с Константинополем, и там нашли отца Викария Китая в восточной викарии. Далее, погрузившись на борт другого судна, мы плыли по Чёрному морю, чья глубина бездонна, до Газарши, что находится в северной викарии и в империи Татар. После этого, переплыв ещё одно море, у которого нет дна, мы вышли на берег в Тане.

2. И поскольку я прибыл туда раньше, чем мой товарищ, то направился вместе с греками в повозках, запряжёнными лошадьми, в Сарай; товарищ же мой, с некоторыми другими монахами, был отвезен в Ургенч. Я хотел было с ним отправиться, но посоветовавшись, решил изучить сперва язык этой страны. И, по Божьей милости, выучил куманский язык и уйгурские буквы, язык этот и буквы используют во всех этих царствах или империях Татар, Персов, Халдеев, жителей Срединной Империи и Китайцев.

3. Но товарищ мой, вернувшись из Ургенча, отправился к вам; я же, не вынося мысли о возвращении на блевотину свою, и желая удостоиться милости святого Понтифика, не хотел возвращаться, поскольку все из нас, братьев, прибывающих в эти края, получают такие же привилегии как те, кто идет с разрешением в Иерусалим, что означает полное освобождение от всех грехов и те, кто упорно продолжает делать свое дело до конца, доставляют себе венец жизни. Потому-то, отцы мои, с тех пор как я Божьей милостью обрёл

язык, проповедовал часто слово Божье без переводчика как Сарацинам, так и христианам-схизматикам и еретикам. И получил я тогда мандат от своего священника на то, чтобы по получении его письма, я должен был быть в благотворном повиновении ему, как связанный обязательством, продолжать начатое паломничество мое.

4. И после того, как прожил я уже больше года в вышеупомянутом Сарае, сарацинском городе империи Татар, в северной викарии, где за год до этого один брат наш, по имени Стефан, принял благородное мученичество от рук Сарацин, сел я на какой-то корабль с Армянами и отправился прочь по реке, называемой Тигрис, а потом вдоль берега моря, которое называется Ватук, покуда не достиг Сарайчика в 12 дней пути. От того места я продолжал путь на телеге, запряжённой верблюдами (поскольку ужасно ехать на этих животных верхом), и на пятидесятый день достиг Ургенча, который является городом на краю империи татар и персов. Еще этот город называют Ус, и там покоится тело блаженного Иова. Там я снова взобрался на верблюжью телегу вместе с Агаренами, проклятыми последователями Магомета, из христиан один я там был только с одним слугою из народа Зиков, покуда не добрался, ведомый Богом, до Срединной империи; а каковы были мои страдания там, только сам Бог знает, было бы долго описывать их в письме.

5. Поскольку император Срединной Империи был убит своим кровным братом, сарацинский караван, с которым я следовал, был задержан в пути в сарацинских городах из-за страха войны и грабежа. Так что я надолго был задержан среди Сарацин, и проповедовал им в течение нескольких дней открыто и публично имя Иисуса Христа и его евангелие; и объяснял им обманы и неправды и слепоту ложных их пророков, вскрывая публично и громким голосом, и опровергая их лаянье, и уповая на Господа нашего Иисуса Христа, умеренно их боялся, утешаемый и просветляемый Святым Духом. Обращались со мной почтительно и поставили в самый центр их мечети во время их Пасхи; а в этой мечети, по причине Пасхи, собрались из разных частей Кади, т. е. их Епископы, и Талисимани, т. е. их священники, и вот с ними, поучаемый Святым Духом, о божественном и о ложности их Алькорана и доктрины я диспутировал в течении 25 дней на том же самом месте, так что едва был в состоянии раз в день наспеш поест хлеб с водой. Но Божьим промыслом доктрина Троицы была им раскрыта и проповедована и в конце концов ими же самими неохотно принята, и милостью всемогущего Бога, одержал я победу по всем пунктам во славу и в честь Иисуса Христа и святой матери Церкви. А потом эти дьяволовы дети пытались сначала искушать меня, предлагая мне жемчугин, дев, золото и серебро, владения, лошадей и быков, и прочие удовольствия этого мира, с тем, чтобы развратить меня. Но, когда я с презрением отверг все их посулы, два дня закидывали меня камнями, огнем жгли мне лицо и ноги, рвали мне бороду и подвергали меня всем видам оскорблений и унижений. Благословенный бог, ради которого я, бедный, радуюсь и ликую в Господе нашем Иисусе Христе, знает, насколько я был достоин его милосердия, так много претерпев во имя Его.

6. И вот милостиво я доставлен в город Алмалык, что в Срединной Империи, в викарии Китая. И так, начиная с Ургенча, последнего города Персов и Татар, до Алмалыка, все пять месяцев был я всегда один среди Сарацин, но словом и делом и одеждой публично неся имя Иисуса Христа. И от Сарацин часто получал яд, был бросаем в воду, бит и перенес больше, чем могу сказать в письме. Но приношу благодарности Богу за все, и жду ещё больше пострадать за его имя и во уменьшение моих грехов, чтобы уверенно войти в небесное царство божественного милосердия. Аминь.

7. Будьте здоровы в Господе Иисусе Христе и молитесь за меня и за тех, кто такие паломничества совершает или совершит, поскольку Божьей помощью такие паломничества полезны и пожинают обильную жатву душ. Заботьтесь не о том, чтобы увидеть меня в этих краях или в Раю, где отдых и покой, и наше заслуженное посещение Господа нашего Иисуса Христа. И поэтому сам он сказал: “Когда будет проповедано Евангелие сие в целом мире, настанет кончина века”. Следовательно, дражайшие братья, моё дело – проповедовать среди разных народов и показывать грешникам их преступление и объявлять способ спасения, но только всемогущий Бог вольёт милость свою в обращенных.

Датировано в Алмалыке, в праздник Св. Лаврентия (10 августа) 1338 г., в Срединной Империи [10].

Литература и источники

1. Murphy J. The Origins and History of Religion. New York: Library, 1952.
2. Батай Ж. Теория религии. Минск, 2000.
3. Всеобщая история религий мира. М., 2007.
4. История религии. В 2-х т. Учебник / В.В. Винокуров, А.П. Забияко, З.Г. Лапина и др. 3-е изд., испр. и доп. М., 2007. Т. 1.

5. Усманов М.А. Этапы исламизации Джучиева улуса и мусульманское духовенство в татарских ханствах XIII–XVI вв. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985.
6. Белозеров И.В. Религиозная политика Золотой Орды на Руси в XVIII–XIV вв. Рукопись дисс. канд. истор. наук.: М., 2002.
7. Richard J. La Papauté et les missions d’Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). École Française de Rome, 1998.
8. Biran M. The Chaghadaids and Islam: The Conversion of Tarmashirin Khan (1331–1334) // Journal of the American Oriental Society. 122/4 (2002).
9. Pegolotti Francesco Balducci. La Pratica della Mercatura / Ed. Evans A. Cambridge, 1936.
10. Sinica Franciscana, том I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV / Ed.. Anastasius van den Wyngaert. Firenze. Quaracchi, 1929.

ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК СТРАН АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Бекмаханова Н.Е.

Институт Российской истории РАН, Москва

Нарбаев Н.Б.

РАЕН, Секция макроэкономических исследований, Москва

Трансформации государственных образований на территории России и Казахстана за прошедшие два тысячелетия позволяет сделать некоторые общие выводы о характере государственных и экономических циклов их развития. Они основаны на опубликованных материалах ученых-евразийцев 1-й половины XX в., их последователей последней четверти того же столетия, а также данных Института социально-политических исследований РАН, изданий Госкомстата РФ, статистических бюллетеней и ежегодников по России и СНГ за 1990–2010 гг.

Осмысление этих циклов предусматривает необходимость отхода от общепринятых исторических и экономических штампов, которые обычно «характеризуют» крупнейшие экономико-государственные этапы развития российской и казахстанской территорий. Часто смысл происходивших на этих землях событий искажается и замещается не соответствующей исторической действительности мифоформой. Это происходит иногда сознательно (исходя из политической конъюнктуры или социального заказа «верхов»), а иногда по нежеланию взглянуть на вопрос с действительно научной точки зрения. Авторы данной статьи предлагают посмотреть на историю России и Казахстана с точки зрения экономико-государственной сущности процессов.

Концепции евразийцев по вопросу экономико-государственных циклов во многом основываются на многолинейной схеме исторического процесса, разработанной в западной науке Д.Б. Вико и И.Г. Гердером, а в российской – Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым. Эти идеи об истории как разнонаправленном циклическом развитии национальных культур появились вместе с известным трудом О. Шпенглера «Закат Европы».

Среди евразийцев следует выделить два поколения. Первое работало в 1920–1940-е гг. Это Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий, В.Н. Ильин, Н.Н. Алексеев, а также М.М. Шахматов, Л.П. Карсавин, С.Г. Пушкарёв и др. При этом первая группа учёных вместе с их сторонниками более тяготела к научному историческому, географическому, геологическому, экономическому, этническому и лингвистическому анализу проблем российской государственности и экономики. Вторая группа вместе с их приверженцами выдвигала на первый план нравственно-религиозное и философское начало.

Продолжателями этого научного течения во 2-й половине 1980 – 2000-х гг. можно считать многих известных отечественных учёных. Среди них – М.Л. Титаренко, Э.А. Баграмов, Б.С. Ерасов, А.С. Панарин, А.П. Доронченков, Г.А. Югай, Н.В. Князьков, Е.Ф. Морозов и многие др.

Евразийцы выделили определенные циклы экономико-государственного развития на территории России и Казахстана. Они включали в себя периоды центростремительных и центробежных процессов на российских просторах. Закономерность этого процесса можно проследить за последние две тысячи лет. Процесс представляет двухфазную модель.

Первая фаза – это объединение земель в единое государственное объединение. Вторая – распад земель на отдельные государственные образования. На ранних этапах, около 2000 лет назад, обе фазы были достаточно растянуты во времени и занимали века. По мере приближения к XX в. временные рамки распада сокращались несколько быстрее, чем границы периода объединения.

Весь государственнообразующий процесс на территории России и Казахстана был разбит учеными на пять этапов. Каждый из этих пяти этапов имел два циклических подэтапа: 1) образование единой государственности и 2) распад единой государственности и формирование системы обособленных государств.

1-ый этап: 1) единая государственность – Скифская держава, 2) система государств – сарматов, готов, саков.

2-ой этап: 1) единая государственность – Гуннская империя, 2) система государств – аваров, хазаров, камских болгар, восточных славян (Русь), печенегов, половцев.

3-ий этап: 1) единая государственность – Монгольская империя, 2) система государств – первая ступень распада Монгольской империи на Улус Джучи (Золотую Орду), Улус Чагатай, Персию и Китай, вторая ступень распада – на Литву, Русь, Казанское ханство, Казахские ханства, Центральноазиатские ханства, государство Ойратов и Монголов.

4-ый этап: 1) единая государственность – Российская империя, 2) система государств – независимые республики в период 1917–1920-х гг., а также отделившиеся Польша, Финляндия и страны Балтии.

5-ый этап, 1) единая государственность – СССР, 2) система государств – СНГ и страны Балтии.

За 5-м этапом, вероятно, должен наступить новый 6-ой этап, знаменующий начало нового объединительного процесса с пока ещё неясными параметрами государственного, экономического, культурного и политического измерения.

В настоящее время мы как раз являемся свидетелями его формирования. Однако следует отметить, что естественный экономико-государственный процесс встречает мощное сопротивление международного финансового и промышленного капитала, который заинтересован в сохранении экономической расчлененности территорий недавно единой страны. Эта расчлененность создает благоприятные условия для более свободного доступа к природно-сырьевым и людским ресурсам обширного региона. За счет этих ресурсов промышленно развитые страны надеются решить проблему их затяжного системного экономического кризиса, связанного с переходом из индустриальной в постиндустриальную фазу развития.

Анализ эволюции России и Казахстана за последние два десятилетия лет позволяет также сделать некоторые обобщающие выводы о модели их экономического и государственного развития на 6-м этапе вышеуказанного цикла. Примечателен факт наличия определенных схожих черт российской модели развития с моделями остальных бывших республик СССР. Прежде всего следует отметить тот факт, что модели финансово-экономического развития, предложенные правительствами рассматриваемых стран после распада СССР, привели в 1990-е гг. к дезинтеграции единого хозяйственного механизма, заложенного и достаточно динамично развивавшегося сначала в эпоху Российской империи, а затем в период существования СССР в последние два столетия. При этом дезинтеграция не остановилась на бывшем общесоюзном уровне, а продолжилась на уровне областей и районов вновь образованных суверенных государств СНГ и Балтии. Это привело к тому, что их хозяйства распались на две слабо связанные друг с другом сферы. Одна – сфера денежного обращения и вторая – производственная сфера. Сфера обращения характеризуется высокими и сверхвысокими прибылями и значительной скоростью обращения денег. Производственная сфера – падением темпов развития по значительному ряду направлений, отсутствием должных капиталовложений прежде всего в обновление материально-технической базы в соответствии с современным уровнем научно-технического прогресса, низкой прибыльностью и значительно упавшей скоростью обращения денег.

Значительное сокращение объема денежной массы привело к тому, что их объем пришел в некоторое относительное соответствие с потребностями в оборотном капитале в сфере обращения, но ниже требуемого объема для всего хозяйства. Недостаточный объем денег подорвал деятельность производственной сферы, что дало толчок к ее свертыванию. В производственной сфере продолжили свою работу в основном предприятия сырьедобывающих отраслей (особенно топливно-энергетический комплекс), а также обрабатывающие производства, ориентированные в основном на экспорт их продукции. Однако на фоне невозвращения и отсутствия модернизации основных фондов их ресурс уже исчерпан на две трети. Перспективы дальнейшей работы этих отраслей также стоят под вопросом.

Помимо этого следует отметить принятие правительствами исследуемых стран достаточно спорных решений в области денежной политики. Это относится к налоговой политике, финансовым и правовым механизмам регулирования денежных процессов. Значительная инфляция или искусственное поддержание завышенного

или заниженного курса национальных валют привели к тому, что подавляющее большинство населения предпочитает держать свободные деньги в твердых валютах других иностранных государств. Это подрывает финансовые системы этих стран. К примеру, в России реальный курс рубля к доллару на основе паритета покупательной способности равен примерно 1 к 8. А рыночный – 1 к 31,5 на начало 2000-х гг. Фактически это означает, что такой рыночный курс «обкрадывает» население страны в 4 раза. Этот курс крайне выгоден только экспортоориентированным предприятиям страны, поставляющим сырье и полуфабрикаты за рубеж.

Указанные выше сложности в производственно-хозяйственной и финансовой сферах в разной мере отрицательно сказались на развитии России и стран СНГ в последнее десятилетие. Значительно упал жизненный уровень населения, экономический престиж государств, которые постепенно превращаются в сырьевые придатки промышленно развитых стран мира. Значительная зависимость от иностранных капиталовложений и внешние долги обусловили определенную зависимость руководства этих стран в вопросах принятия их внутривнутриполитических и внешнеполитических решений от стран-кредиторов и зарубежных инвесторов.

На фоне общей дезинтеграции как положительный шаг следует рассматривать образование и деятельность ЕврАзЭС. Однако слабым местом организации является пока недостаточная разработка экономических и финансовых сторон ее деятельности. По сути, организация пока существует больше на бумаге, а не в реальной жизни. С учетом приватизации многих крупнейших добывающих, промышленно-производственных и обрабатывающих комплексов в странах ЕврАзЭС частным капиталом (во многих случаях иностранным), вышеупомянутыми государствами частично потеряны рычаги влияния на свою экономику. Значительная часть из работающих частных предприятий ориентирована на внешний рынок и проводит политику в интересах своих зарубежных владельцев и инвесторов. Эта политика зачастую не совпадает с интересами государств, правительств и широких слоев населения.

Анализ вышеприведенных схожих элементов в эволюции России и бывших советских республик позволяет сделать вывод о некоей единой модели развития этих стран, положенной в основу их хозяйственного и общественного развития после распада СССР. Эта модель была значительно трансформирована с учетом географических, экономических и этнических особенностей указанных бывших республик СССР. Однако несмотря на это, ее применение на практике привело примерно к одним и тем же хозяйственно-финансовым и социальным результатам во всех этих странах – спаду производственных показателей, сырьезкспортной направленности их экономик и падению уровня жизни их населения. В целом же отмечается общее отставание этих стран по многим параметрам от уровня промышленно развитых стран мира.

Следует выделить один примечательный факт. В 1990-е гг. экономическими советниками при правительствах по вопросам модели развития этих государств являлись зарубежные экономисты из промышленно развитых стран. Предложенные ими модели развития были взяты за основу. В них отчетливо просматриваются рекомендации правительствам СНГ по самоустранению государства из управления экономикой на макро- и микроуровнях, дроблению крупных промышленных объединений на мелкие, смена единой схемы «производитель – сеть реализации продукции» на схему «отдельно существующий производитель» – «многоступенчатая структура посредников», при которой выгоду на фоне разоряющихся производителей имеют посредники и упоре на сырьедобывающие отрасли, ориентированных на экспорт в индустриально развитые страны, в ущерб другим производственным отраслям промышленности.

Сложившееся положение вещей в вышеуказанных странах заставляет корректировать модели их развития, а по отдельным направлениям народного хозяйства – провести их пересмотр. В этом смысле отечественным ученым следует использовать значительный исторический опыт совместного сосуществования и развития территорий Российской Федерации и стран СНГ и Балтии в составе Российской империи и СССР за последние двести лет. При этом необходимо учитывать, что территории этих стран представляют единое, хотя и значительно разрушенное, экономическое пространство. Единными остаются сухопутные пути сообщения, линии электропередач и телефонной связи, радио- и телесистем. В единой системе еще советских ГОСТов функционирует подавляющее большинство промышленных, сельскохозяйственных и научных предприятий. Это пространство остается единым и в цивилизационном плане. Пока еще подавляющее большинство граждан вновь образованных суверенных стран двуязычны и свободно владеют русским языком. Во многом схож образ мышления, поведения и быт жителей, особенно в крупных и средних городах. Вопрос взаимовыгодного экономического сотрудничества между странами исследуемого региона во многом связан с восстановлением единого экономического пространства. Однако этот процесс сдерживается выбранными моделями хозяйственного развития этих стран. Технические препятствия для восстановления единого хозяйственного пространства пока объективно отсутствуют.

Возвращаясь к анализу модели экономического развития России за последнее десятилетие следует выделить ее некоторые специфические особенности. К 2002 г. динамика некоторых ключевых показателей жизнедеятельности страны подошла к черте, за которой возможна необратимая деградация экономического потенциала. Запороговое значение падения ВВП РФ по отношению к базовому уровню опустилось на 10%, критический уровень продовольственной зависимости от импорта превзойден на 15–20 %, расходы на науку составили 16–17 % от нижнего порогового значения. К концу 2008 г. после периода некоторого роста вновь начался стремительный спад промышленного производства в России и других странах СНГ и Балтии.

ВВП России, составлявший в эквивалентной оценке к началу 2000-х гг. менее 110 млрд. долл. США – это менее 1 % мирового объема валового продукта. Для сравнения ВВП США – это 8,5 трлн. долл. США, что составляет 20,5 % мирового объема. К концу 2008 г. ВВП России составлял менее 2 % мирового ВВП.

Основные фонды современной России к 2002 г. – это около 540 млрд. долл. США и составляют всего 2 % от американского уровня в 23,1 трлн. долл. США. Темпы прироста основных фондов РФ за последнее десятилетие составил минус 0,05 % ежегодно, т.е. темпы были отрицательными, а темпы прироста производственных фондов за этот же период ежегодно составили минус 0,3 %. Для сравнения ежегодные темпы прироста основных фондов РСФСР за 1953–1964 гг. составляли ежегодно +9,4 %, за 1964–1985 гг. +7,2 %, за 1985–1991 гг. +4,7 %. Внешнеторговый оборот России к 2002 г. – это 2 % от мирового уровня или 8 % от американского.

В обрабатывающей промышленности простаивает на настоящий момент до 70 % производственных мощностей. Они непрерывно устаревают морально и технически. С каждым годом продукция, которая могла бы на них производиться, становится все более и более неконкурентноспособной и следовательно быстро сокращаются рынки и возможности сбыта. С учетом складывающейся экономической ситуации она пока еще может продаваться на рынках России и отчасти стран СНГ. Однако простой мощностей делают невозможным этот гипотетический шанс. Теоретически, не осуществляя никаких капиталовложений, можно было бы вновь запустить эти устаревающие производства и выпускать в 5 раз больше, чем сегодня мясной, цельномолочной и плодовоовощной продукции, в 4 раза больше тканей, в 2,5 раза больше цемента и сборных железобетонных конструкций, в 2 раза больше целлюлозы и готового металлопроката, в 1,5 раза больше чугуна и стали (расчет дается по %-му падению производства в соответствующих отраслях промышленности за 1990–2002 гг.)

С учетом сложного кризисного состояния российской экономики на современном этапе России и другим странам СНГ следует использовать передовой мировой опыт государственно-экономического выхода из него. Это означает:

- необходимость смены современной неустойчивой модели экономического развития страны на модель устойчивого развития государственно регулируемой на макроуровне рыночной экономики;

- для осуществления указанной модели развития, прежде всего, необходимо единство взглядов на этот вопрос у элиты общества, в первую очередь государственной власти, представителей финансово-предпринимательских кругов и интеллигенции. На настоящий момент такое единство взглядов отсутствует;

- главными точками роста национальной экономики должны стать три основных элемента: высокоэффективная промышленность и сельское хозяйство, а также передовая прикладная наука, направленная на прикладное развитие сверхсовременных технологий пятого технологического уклада по тем направлениям, где еще сохраняется приоритет достижений страны на мировом уровне.

Вышеизложенные концептуальные схемы и теоретические предположения могли бы стать одним из гипотетических вариантов выхода России, Казахстана и других стран СНГ из системного экономического кризиса и поэтапного повышения духовного и материального уровня народов этих стран.

КАЗАХСКО-КАЛМЫЦКАЯ БИТВА В УРОЧИЩЕ УЗЕНИ (1724 г.): ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, РЕЗУЛЬТАТЫ

Бобров Л.А.

Новосибирский государственный университет

Исторический период, охватывающий XVII – 1-ю половину XVIII вв. не случайно именуется в научной литературе «Эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Ойратские завоевания 1-й половины XVII в. нарушили традиционный баланс сил в Арало-Каспийском регионе, а также в Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии и создали новую военно-политическую реальность в Великой Степи.

Важным элементом этой новой реальности стала планомерная экспансия ойратов на земли населенные племенами казахов. Один из наиболее драматических эпизодов ойратско-казахского противостояния относится к 1-й половине 20-х гг. XVIII в. В этот период ойратские лавы прорвались к богатым присырдарьинским городам. За короткое время пали Ташкент и Туркестан [1, с. 310]. Джунгарский удар рассек надвое казахские кочевья и привел в движение все три казахских жуза. Часть казахов стремительно отступала на юг – к Ходженту, Самарканду и Хиве, а другая двинулась на север и северо-запад – к границам владений степных вассалов Российской империи: яицких казаков, башкир и ближайших родственников джунгар – волжских калмыков.

Фактически джунгары в очередной раз запустили древний механизм «переселения народов», когда спасаясь от натиска завоевателей, племена–беженцы уходили с привычных мест и занимали земли более слабых соседей, в свою очередь, вынужденных искать себе новую родину. На этот раз роль мигрантов выпала казахам, а объектом вторжения должны были стать подконтрольные калмыкам степи Волго-Яицкого междуречья.

Причин для начала масштабной войны с калмыками у казахов было предостаточно. Во-первых, существовала потенциальная угроза военного союза джунгар и калмыков, направленного против казахов и каракалпаков. В этом случае казахи и их союзники оказывались зажаты между джунгарским «молотом» и калмыцкой «наковальней». Военный разгром калмыцкой армии мог стать эффективной превентивной мерой, направленной на предотвращение синхронного нападения ойратов. Вторая причина была более прозаична. В ходе грандиозных перекочевок из Юго-Восточного Казахстана к Яику погибло большое количество скота. Компенсировать потери можно было путем захвата верблюдов, овец, коров и лошадей у калмыков и башкир. Во многом поэтому казахско-калмыцкие и казахско-башкирские войны 20-х гг. XVIII в. в значительной степени превратились в грандиозную «внешнюю барымту», в которой принимали участие, не десятки и сотни, а тысячи и десятки тысяч воинов. Наконец, третья задача имела стратегическое значение. В 1723–1724 гг. еще никто не мог знать, как долго продлится оккупация джунгарами земель Южного и Восточного Казахстана. Степи Волго-Яицкого междуречья могли стать второй родиной для прикочевавших на северо-запад казахов и каракалпаков.

Казахское вторжение представляло собой значительную угрозу для калмыков. Раздираемое междоусобицами ханство не было готово к большой войне с казахами. Однако попытка урегулировать проблему мирным путем в ходе переговоров летом 1723 г. закончилась безрезультатно. Абулхаир-хан прямо заявил калмыцким послам, что он «идет...воеватца с калмыками и с русским». Свою решимость казахи подтвердили тем, что убили трех и пленили семерых калмыцких послов [1, с. 308].

Время для начала боевых действий было выбрано казахскими правителями весьма удачно. Калмыцкие тайши Волжского Правобережья вступили в кровопролитную борьбу за ханский престол и не могли оказать масштабной поддержки своим сородичам, кочевавшим у Яика и на «луговом» берегу Волги. Российские регулярные части, расквартированные в Саратове и Астрахани, были малоэффективны в маневренной степной войне, а некоторые гарнизоны пограничных городов (например Гурьева) и вовсе не имели конницы [2, с. 179]. Российская полевая (колесная) артиллерия в регионе была малочисленна и неприспособлена для транспортировки по степному бездорожью. Яицкие казаки сами страдали от казахских набегов [1, с. 295–299], а в Башкирии было неспокойно со времен Алдыровского восстания 1705–1711 гг. Фактически калмыцкий владелец Доржи Назаров, кочевавший у Яика и на левом берегу Волги, мог рассчитывать только на собственные силы, а также на отряды своего сына Лубжи и некоторых соседних калмыцких феодалов. Ойратские князья Волго-Яицкого междуречья стояли перед непростым выбором – откочевать под защиту русских крепостей, или дать генеральный бой в степи.

Вплоть до лета 1724 г. калмыки пытались придерживаться оборонительной стратегии, тем более, что натиск казахов постоянно усиливался. Летом 1723 г. 15-тысячная армия Абулхаир-хана подошла вплотную к калмыцким владениям, а 5 тысяч казахов и каракалпаков «перелезли реку Яик» и «разорили» улусы Лекбея [1, с. 309, 310]. В январе и апреле 1724 г. каракалпаки дважды атаковали калмыцкие кибитки, укрывшиеся под стенами г. Гурьева. Во время второго набега они даже ворвались внутрь калмыцкого лагеря. И хотя оба раза российская артиллерия заставляла каракалпаков отступить [2, с. 178–179], находиться постоянно под стенами российских крепостей калмыки не могли, скот просто бы погиб от бескормицы. Нужно было либо уходить в сторону Волги, либо дать казахам и каракалпакам решительный бой. И вновь калмыки решили отступить.

Доржи Назаров, Хошот-Дондок и Лекбей покинули берега Яика и двинулись к Красному Яру. Однако и эта мера не уберегла калмыков от нового казахского вторжения. В конце зимы – начале весны 1724 г. казахско-каракалпакская армия, насчитывавшая 10–13 тысяч всадников во главе с Абулхаиром, обрушилась

на улус сына Доржи Назарова – Лубжи, который кочевал на луговой стороне Волги. В результате набега казахи и каракалпаки захватили в плен, по разным данным, от 50 до 400 калмыков. Барымтачи отогнали 500–600 верблюдов, 3 тыс. коров и 8–10 тыс. овец. В ходе стычек калмыкам удалось убить около 40 барымтачей, а 15 человек взяли в плен [1, с. 311].

Таким образом, сугубо оборонительная стратегия, выбранная калмыками летом 1723 г., продемонстрировала свою полную несостоятельность. Заяицкие степи превратились в плацдарм для казахских и каракалпакских армий. Весенний набег Абулхаира со всей наглядностью показал уязвимость калмыцких кочевий не только на берегах Яика, но и на «луговой» стороне Волги. Упаднические настроения захлестнули даже ближайших родственников Доржи Назарова. Его сын Лубжи стал настойчиво требовать от российских властей перевести его на правый берег Волги и выслать для защиты от казахов 2 тыс. драгун и 6 пушек [1, с. 311]. Фактически речь шла о том, чтобы полностью очистить левобережье Волги и передать его под контроль казахов и каракалпаков. Этого Доржи Назаров допустить не мог. Для влиятельного калмыцкого феодала, которого российское правительство рассматривало в качестве основного кандидата на ханский трон, потеря богатых пастбищ на луговом берегу Волги означала бы крах политических амбиций и экономического благополучия его семьи. Доржи Назаров принял решение дать казахам генеральное сражение в поле.

Начало боевым действиям было положено летом 1724 г. Для войны с казахами Доржи Назаров собрал все наличные силы. Отдельные отряды прислали некоторые соседние калмыцкие владельцы. В войска поступило новое «секретное оружие» – пушки. Отказом от борьбы за ханский престол Доржи Назаров обеспечил себе надежный тыл со стороны соперничающих калмыцких феодалов Правобережья Волги и смог сосредоточиться на военной кампании против казахов и каракалпаков [3, с. 386, 387].

Калмыцкая разведка, посланная за Яик, показала, что казахов и каракалпак «зело много». Опасаясь, что казахи, совершив обходной маневр, могут напасть на практически беззащитные (после выступления армии в поход) калмыцкие улусы, Доржи Назаров отправил женщин и детей к Волге, под защиту охранных отрядов и российских войск. В это же время калмыцкая конница (18 тыс. чел.), разделившись на три колонны, под общим командованием Лубжи, вышла в степь, чтобы «неприятеля своего встретить и с ним бой дать». Калмыки отнюдь не были уверены в успехе, так как за год до этого Абулхаир-хан обещал двинуть в поход на Калмыкию 40-тысячную казахско-каракалпакскую армию. В случае поражения, Доржи Назаров предполагал отступать к Саратову, где рассчитывал «получить себе помощь» со стороны российских войск [1, с. 308, 312].

В начале августа калмыцкий разведывательный отряд военачальника Зубака (100 чел.), переправившись через Яик неожиданно напал на каракалпаков и, захватив «языков», начал стремительно отступать к основным силам. Каракалпакам удалось настичь калмыков и дать им бой, однако основной части разведывательного отряда удалось ускользнуть из западни. Согласно добытым сведениям объединенная казахско-каракалпакская армия, собиравшаяся переправляться через Яик, насчитывала только около 10 тыс. чел. [2, с. 180]. Таким образом, собранных калмыцких войск было вполне достаточно, чтобы отразить казахское вторжение. Это, видимо, поняли и казахские полководцы, которые отложили масштабное наступление и сделали ставку на внезапность. В качестве основного объекта атаки был выбран улус командующего калмыцкой армией – Лубжи.

21 августа 1724 г. отборный казахско-каракалпакский отряд военачальника Исета (Есета) Кулубая (1667–1749), «объехав караулы» напал на спящих воинов Лубжи. Удар был настолько неожиданным, что сам Лубжи «с трудом спасся и ушел». Казахи «побрав немалое число людей и скота пошли назад». Однако Лубжи, вместе с давним противником казахов-хошоутским владельцем Лекбеем, удалось собрать своих воинов и настигнуть отряд барымтачей в урочище Узени [2, с. 183].

Источниковая база о сражении в урочище Узени отличается значительным разнообразием. Письменные источники представлены сообщениями калмыцких воинов и военачальников, принимавших участие в сражении, показаниями пленных казахов и каракалпаков. Кроме того, сведения о сражении были систематизированы астраханским губернатором А.П. Вольнским в специальном «доношении» 28 августа 1724 г. Информацию об особенностях вооружения и тактики калмыков, казахов и каракалпаков дает комплексный анализ вещественных, письменных и изобразительных источников. Несмотря на наличие широкой источниковой базы, Узенское сражение ни разу не становилось объектом специального военно-исторического исследования.

Прежде чем приступить к реконструкции хода сражения, необходимо коротко остановиться на силах противоборствующих сторон.

Согласно показаниям пленных казахских и каракалпакских воинов отряд Исета Кулубая был набран из числа подданных хана Среднего жуза Самеке и правителя Младшего жуза Абулхаира. Всего отряд насчитывал

около 750 воинов². В том числе: казахов (около 200 чел.), каракалпаков (около 500 чел.) и несколько десятков башкир [1, с. 314–317].

Для участия в заграничном набеге («внешней барымте») отбирались лучшие молодые воины. Они были вооружены садаками, длинными копьями, боевыми топорами, кинжалами и палицами. К барымтачам охотно присоединялись представители знати, батыры и старшины, вооруженные саблями и облаченные в панцири и шлемы (рис. 1). Вопреки расхожему мнению казахские воины XVII–XVIII вв. достаточно широко применяли огнестрельное оружие, представленное в основном фитильными ружьями среднеазиатского производства. В ходе наступательного боя акцент делался на стремительную атаку в конном строю с применением садаков, пик, палиц и боевых топоров [4, с. 83, 84, 87]. Нехватка защитного вооружения делала казахские отряды уязвимыми в продолжительном столкновении с панцирной конницей противника, поэтому казахи, отражая конную атаку, нередко спешили и «садились в осаду», укрывшись за спинами стреноженных коней и верблюдов [5, с. 146, 146]. Особенно часто этот прием использовался во время «внешней барымты», когда противник наступал участником набеге. Взять такой «живой вагенбург», обороняемый пешими стрелками, штурмом было крайне сложно. Недаром Доржи Назаров, хорошо изучивший воинские приемы своих соседей, писал губернатору А.П. Волинскому: «...сии каракалпаки и киргиз-касаки на лошадях биться плохи, а пеши – крепки» [1, с. 312]. Отразив ружейным огнем атаку врага, барымтачи могли продолжить движение в родные улусы, заключить мир, либо прорваться из окружения в конном строю, бросив трофеи.

Противостоявшая казахам калмыцкая армия состояла преимущественно из дружин и ополчений феодалов Волго-Яицкого междуречья. В XVII в. волжские калмыки являлись носителями «Центральноазиатской» военно-культурной традиции в степях Восточной Европы. Главной ударной силой калмыков в этот период была массовая панцирная («куяшная») конница, действовавшая в плотном шереножном строю, который современники-европейцы сравнивали со строем «крылатых» польских гусар (рис. 2). После обстрела противника из луков «куяшники» устремлялись в копейную атаку, прорывали вражеские построения и довершали разгром саблями и палашами [6, с. 567–570; 7, с. 83–94]. Подобная тактика даровала ойратам победы над кочевниками Восточной Европы: ногайцами и крымскими татарами.

Переселение части ойратов на берега Волги не могло не сказаться на трансформации их военного искусства применительно к новым экономическим и политическим реалиям. В виду дефицита железа число конных латников в калмыцких войсках постепенно снижалось, зато в конце XVII в. калмыки, одними из первых из кочевых народов Евразии, наладили массовое производство ружей в степных условиях [7, с. 94]. В начале 20-х гг. XVIII в. они начали изготавливать и легкие пушки, которые перевозили на верблюдах [7, с. 98]. Опробовать новый вид оружия калмыки смогли именно в Узенской битве.

Точная численность калмыцких войск, участвовавших в сражении, неизвестна. Летом 1724 г. Доржи Назаров вместе с союзными владельцами смог выставить 18-тысячную армию. Однако маловероятно, что все три летних месяца эти войска находились в порубежных степях. Часть отрядов покинула театр боевых действий к августу 1724 г. Другие были рассредоточены по военным лагерям и улусам, в непосредственной близости от границы. Судя по ходу сражения, численность воинов в улусе Лубжи была сопоставима с отрядом воинов Кулубая. Объединенный корпус Лобжи и Лекбея, отправившийся в погоню за барымтачами уже превышал по численности казахско-каракалпакский отряд и насчитывал, вероятно, более тысячи воинов. Силы калмыков еще более возросли после того, как на помощь сыну подошел отряд Доржи Назарова. На заключительном этапе сражения численное превосходство калмыков над казахско-каракалпакским отрядом было весьма значительным.

Комплексный анализ источников позволяет реконструировать ход Узенского сражения следующим образом. Неожиданное нападение на улус Лубжи 21 августа 1724 г. позволило барымтачам захватить пленных и большое количество скота. Желание пригнать в родные кочевья как можно больше живых трофеев существенно тормозило движение отряда Исета Колубая. Калмыки же, напротив, действовали очень быстро и решительно. Большую роль сыграл тот факт, что калмыцкие отряды находились недалеко друг от друга и смогли прийти на помощь Лубжи. 21 или 22 августа конница Лубжи и Лекбея настигла барымтачей.

Битву открывала схватка кавалерийских отрядов. В конечном счете, перевес в конной рубке оказался на стороне калмыков. Казахи, по всей видимости, были вынуждены применить свой традиционный прием – «сесть в осаду». Для этого было необходимо стреножить лошадей и верблюдов, положить их на землю, образовав огромный круг в центр которого сгонялись пленные и захваченный скот. За спинами лошадей и верблюдов укрывались ружейные стрелки и лучники. Любой, кто попытался бы атаковать казахов, должен был вначале преодолеть открытое, простреливаемое пулями и стрелами пространство шириной около 100 м, затем перелезть «вал» в виде сотен убитых и живых лошадей и верблюдов и только после этого сойтись в

² По данным А.П. Волинского – 757 человек [2, с. 183].

рукопашной с хорошо вооруженными барымтачами. Попытаться взять штурмом свернувшийся «в клубок» отряд барымтачей, значило пойти на большие жертвы. Это прекрасно понимали как калмыцкие, так и казахские военачальники. «Живой вагенбург» не раз спасал казахские войска от поражения, но в этот раз оборонительная тактика сыграло роковую роль для казахской армии. Казахские полководцы недооценили готовность калмыков дать решительное сражение, а главное, Исет Кулубай и его соратники, конечно же не могли предугадать появление у калмыков «чудо-оружия» способного на расстоянии разрушить «живой вагенбург». 22 или 23 августа к калмыцким войскам, осаждавшим барымтачей, подошли главные силы ойратов вместе с самим Доржи Назаровым. После этого численное превосходство калмыков стало подавляющим. Однако решающее значение имел тот факт, что вместе с отрядом Назарова прибыли груженные пушками верблюды.

Появление на поле боя артиллерии резко изменило рисунок всего сражения. Теперь калмыки могли планомерно расстреливать («штурмовать из пушек») казахские позиции, не опасаясь стрел и ружейных пуль барымтачей. «Живой вагенбург» из надежного укрепления превратился в ловушку для отряда Исета Кулубая.

Шансов уцелеть под пушечным огнем у барымтачей не было и казахские военачальники приняли единственно возможное решение: бросив трофеи, раненых лошадей и верблюдов, они повели конные казахские и каракалпакские сотни на прорыв («побежали на побег»). Если бы союзники попытались пробиться из окружения в самом начале битвы, до подхода Доржи Назарова, они, возможно, и сумели бы вырваться из западни, однако теперь калмыки надежно блокировали пути отступления из урочища. Началась резня. Вырваться из кольца удалось немногим. В погоню за беглецами устремилась калмыцкая конница. Практически весь отряд союзников был уничтожен. В ходе сражения и преследования были убиты около 750 казахских, каракалпакских и башкирских воинов. Несколько человек попало в плен. По калмыцким данным спастись удалось только троим барымтачам. Среди них был и командир отряда – Исет Кулубай [1, с. 392].

Судя по сведениям письменных источников, главная причина поражения казахов и каракалпаков крылась в том, что союзники не смогли верно оценить военные возможности калмыков. Вместо того, чтобы бросить трофеи и уходить от преследователей, казахские военачальники приняли решение дать оборонительный бой превосходящим силам противника и тем самым обрекли отряд на почти полное уничтожение. Калмыки, напротив, проявили себя с лучшей стороны, быстро сконцентрировав отряды на направлении главного удара. «Проспав» атаку казахов на свой улус, Лубжи Назаров сумел, тем не менее, быстро собрать свои силы в единый кулак, настичнуть и блокировать барымтачей. Важную роль в победе калмыков сыграли пушки, доставленные к месту битвы Доржи Назаровым.

После подсчета убитых и плененных барымтачей калмыцкий лагерь захлестнула волна эйфории. Сражение в урочище Узени было первой победой калмыков над казахами и каракалпаками с начала 20-х гг. XVIII в. Особый вес военному триумфу ойратов придавал тот факт, что она была достигнута без помощи регулярных российских войск и русской артиллерии. Упоенный победой, которой, по выражению А.П. Волынского, «у калмык над каракалпаками никогда не бывало», ойратский военачальник прислал «в презент» астраханскому губернатору кровавый «подарок» – 415 правых ушей, отрезанных у убитых казахских и каракалпакских воинов [1, с. 346, 347; 2, с. 179–183].

Сражение в урочище Узени имело важные военные и политические последствия. Новая калмыцкая тактика борьбы с казахами, основанная на сочетании действий конницы с мобильной «верблюжьей артиллерией» продемонстрировала свою эффективность и в последствии активно применялась калмыками во 2-й половине 20–40-х гг. XVIII в. Узенский разгром сократил военный потенциал казахской армии и наглядно показал, что захват калмыцких земель, даже в условиях отсутствия единства среди калмыцкой знати является весьма нелегким делом. Вероятно, это повлияло на решение Абулхаира перенести острие грядущей военной кампании 1725 г. с «калмыцкого» на «джунгарский» театр боевых действий. Сложно согласиться с теми современными исследователями, которые считают, что боевые действия 1723–1724 гг. в Волго-Яицком междуречье предотвратили угрозу джунгаро-калмыцкого союза и сняли опасность калмыцкого вторжения в казахские владения. Напротив, после летней кампании 1724 г. казахи были вынуждены временно перейти к обороне, а калмыцкая стратегия в 1725–1726 гг. была синхронизирована с действиями джунгарских армий и носила, преимущественно, наступательный характер [1, с. 348, 349]. Однако решающие битвы Казахско-Калмыцкой войны были еще впереди...

Литература

1. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. в 10 т. Алматы, 2005. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана.

2. Материалы по истории каракалпаков (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке) // Тр. ин-та востоковедения. М.–Л., 1935. Т. 7.
3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 1.
4. Бобров Л.А. «И напали на них с копья жестоко...». Сражение на р. Аягуз (1717): предпосылки, ход, результаты / Л. А. Бобров // Para-Bellum. 2009. № 31.
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. Новосибирск, 2010.
6. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб., 2008.
7. Бобров Л.А. Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста, 2009. Т. 3.

Рис. 1. Казахский султан (слева) и батыр Младшего жуза XVIII в. Художественная научно-историческая реконструкция Л.А. Боброва по материалам музейных и частных собраний РК, РФ, изобразительным и письменным источникам

Рис. 2. Ойратский зайсан (справа) и воин-«тогчин» конца XVII – начала XVIII вв. Художественная научно-историческая реконструкция Л.А. Боброва по материалам музейных и частных собраний РФ, РК, КНР, США, изобразительным и письменным источникам

АМУДАРЬИНСКИЙ И СЫРДАРЬИНСКИЙ РЕГИОНЫ В СИСТЕМЕ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЕВРАЗИИ (ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Бурханов А.А.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань

В истории этнокультурного развития тюркоязычных народов Евразии и их историко-культурных контактов с другими этническими группами и государственными образованиями важное место занимали регионы побережий Амударья и Сырдарья.

Наличие водных ресурсов и путей (Амударья и Сырдарья), связующие эти регионы Арал и Каспий, близость и контактность территорий, постоянные и регулярные передвижения кочевых племен, региональные особенности вмещающего историко-культурного и географического ландшафта (степь и оседло-земледельческие оазисы в Средней Азии и связанная с ними историко-культурная проблема «Туран–Иран»), наличие коммуникационных связей и прохождение трасс торговых путей («Великий шелковый путь», «Серебряный путь» и др.), высокий уровень урбанизации бассейнов Амударья и Сырдарья – все эти природно-географические, социально-экономические и историко-культурные факторы предопределили значение этих двух рассматриваемых регионов как *контактных зон*, с широкими историко-культурными связями, и как *ретрансляторов* культурных традиций в Евразии.

Контактные зоны – это зоны особой активности в процессе культурогенеза, связанные с общим историческим прогрессом, усилением всех видов коммуникативных связей, от выработки эпохальных стандартов до развития торговой деятельности [1, с. 26–27; 2, с. 5]. Природа таких зон могла быть различной и в истоках восходит к физико-географическому районированию, влиявшему на различные формы адаптации, которые вели к установлению традиционных форм жизнедеятельности и поведения. Границы контактных зон обычно стабильны и нарушаются заметно лишь с культурным прогрессом, связанным с развитием транспортных связей и таких явлений как урбанизация. Вместе с тем, контактные зоны могут возникать на основе процессов взаимодействий различных культур и культурных образований.

В развитии антропогенных ландшафтов и хозяйственной жизни рассматриваемых регионов важную и основную роль играли природно-географические условия и, прежде всего, водные ресурсы.

Для Центральной Азии (ЦА) характерны степные, пустынные и горные ландшафты; с учетом этого, для социально-экономического и культурного развития региона главным фактором являлись бассейны крупных и главных рек *Окса–Джейхуна–Амударья* и *Яксарта–Сейхуна–Сырдарья* и их притоков. Именно эти территории стали основой для высокого уровня развития оседло-земледельческих культур, урбанизации, развития караванной торговли, а также контактов и широких историко-культурных связей между городскими центрами и оседло-земледельческими регионами, с одной стороны, и кочевыми племенами степей, с другой. Этот симбиоз всегда присутствовал и играл важнейшее значение в глобальных взаимоотношениях между «Ираном» и «Тураном» и определил единство и противоречие двух начал – оседло-городской культуры и стихии кочевников, – которые являлись одними из важнейших факторов высокого уровня центральноазиатской цивилизации.

Амударья и *Сырдарья* являлись торгово-транспортными магистралями всей ЦА, именно через городские центры, расположенные в бассейнах рек, проходили трассы и ответвления торгово-караванных путей и находились переправы, по которым шла торговля между Китаем и Европой, в том числе «Великий шелковый путь» [3, с. 10–24; 4, с. 75–80; 5, с. 6–9, 83–91; 6, с. 6–17].

Одной из важнейших разновидностей антропогенных комплексов, характерных для регионов Центральной Азии являются оазисные ландшафты. *Оазис*, как категория антропогенного ландшафтоведения, – это территориально-зональная разновидность антропогенного ландшафтного комплекса с широко развитым орошаемым земледелием, покрытого агробиоценозами, сформированного в течение веков под воздействием хозяйственной деятельности человека и характеризующегося регулируемостью [7, с. 134; 8, с. 51–52].

Археологические и историко-географические исследования позволяют однозначно сказать, что важнейшим этапом в формировании оазисных антропогенных ландшафтов Сырдарьинского и Амударьинского регионов и всей Центральной Азии является эпоха древности и раннего средневековья. Именно тогда, в VI в. до н.э. – VII в. н.э., возникают и развиваются основные типы историко-культурных комплексов, отмечается наибольшее расширение освоенных человеком территорий за всю историю Центральной Азии.

На материалах изучения историко-культурных регионов, расположенных в бассейнах Амударьи и Сырдарьи, в частности Хорезма, Лебапа (Средней Амударьи), Бактрии – Тохаристана, Согда и Маргианы, выявляется основная закономерность взаимосвязей между системой орошения, крупным городским поселением и оазисом в целом. Как правило, отдельной оросительной системе соответствует, в основном, один крупный или средний городской центр, а лишь в отдельных случаях два-три [5, с. 86–87; 9, с. 8–9; 10, с. 5–7; 11, с. 104–105]. Такая взаимозависимость позволяет считать оазисные комплексы одним из самостоятельных и наиболее перспективных объектов для системного анализа антропогенных ландшафтов.

Исследование оазисной системы в бассейнах Амударьи и Сырдарьи, позволило определить, что каждое крупное или среднее поселение (город или крепость) представляло собой ядро системы. Именно вокруг этого центра концентрировались основные типы антропогенного ландшафта и при удалении от него в сторону периферии происходило к их убывание. *Город (крепость)* – развитый тип, *деревня (небольшое поселение)* – упрощенный тип. Кроме того, за пределами орошаемых земель (оазиса) была территория, не входящая собственно в оазис, но находившаяся под влиянием человека. Эта зона обычно использовалась под посевы. Каждый оазис являлся отдельным экономическим организмом со своей структурой. В этой системе город (крепость) являлся центром, а ирригационная система и коммуникации ее регулировали [7, с. 134–135; 8, с. 52].

Ярким примером рассматриваемой системы являются, к примеру, городские центры и их оазисы в бассейне Сырдарьи и ее притоков. Город *Отрар*, как центр «Округа Фараб» или «Отрарского оазиса», упоминается в средневековых источниках. Он стоял на стыке различных географических ландшафтов и месте пересечения караванных путей, являлся центром земледельческого региона и опорной крепостью кочевников [3, с. 47–61; 12; 13].

Сырдарья и её притоки занимали в жизни Отрара и всего оазиса особое место: для населения она была кормилицей, ее воды были богаты рыбой, а берега растительностью; но, с другой стороны, река создавала трудности непостоянством водного режима: весной затопляла большие территории. Она же определяла выгодное стратегическое положение округа Фараб в Южном Казахстане. От Отрара до Арыси шли дороги к Таразу, Баласагуну и далее – в Восточный Туркестан; по Сырдарье вверх издревле вел проторенный путь в Шаш, Согд и потом через Амударью – к Амулю, Мерву и Нишапуру; одна из ветвей дороги направлялась в Приуралье и на Урал; на запад через Кызылкумы путь шел в Хорезм, а оттуда – в Поволжье, Причерноморье и на Кавказ.

Кроме Отрара в бассейне Сырдарьи крупными центрами средневековой эпохи были Жанкент (Янгикент), Сыгнак, Дженд, Аснас, Сауран, Яссы, Карнак, Карачук, Икан, Сури, Сузак, Шакильджан, известные по письменным источникам и следы которых выявлены в ходе археологических исследований [3; 12, с. 5–42; 13; 14, с. 273–294].

О связях правобережных и левобережных амударьинских земель в древности и средневековье и о том, что эту реку нужно рассматривать как объединяюще-стержневой фактор, свидетельствует и обилие переправ, и длительное существование на обоих берегах реки населенных пунктов. К примеру, в верхнем течении – городище Айханум и Кокульское поселение, Тахти-Кувад и Тахти-Сангин, Ташгузар – Старый Термез; в среднем течении – Келиф (по обоим берегам), Керки и Керкичи, Ходжа-Идат-кала и Навидах, Амуль-Чарджуй и Битыккала, Одейдепе и Устыкала [7, с. 83–91; 15, с. 35–41; 16, с. 7, 10, 14–17].

Оживленными городскими центрами был богат бассейн Нижней Амударьи, где располагались земли древнего и средневекового Хорезма со столицей Гургандж (Ургенч). Крупнейшими городскими поселениями и оазисными центрами были и Шехрлик, Ярбекиркала, Миздахкан, Каваткала, Куня-Уаз, Кят, Дарган, Дая-Хатын и др. [17, с. 165–166; 18, с. 11–28; 19, с. 61–62; 20, с. 12–16; 21, с. 138, 149; 22, с. 158–225; 23, с. 154–155; 24].

Долина Амударьи интенсивно обживалась в разные исторические эпохи [5, с. 83–95; 15, с. 35–42; 17; 21; 23; 25, с. 243–249]. Известно, что левобережная часть нижнего и среднего течений Амударьи была заселена земледельческим населением на рубеже I–II тыс. до н.э. В эпоху раннего железа сохранилась культурная близость всех без исключения основных областей Центральной Азии в рамках культурной общности типа Яз-III. Исследования материалов позволяют заключить, что культурная близость основывалась также на широких обменных связях между среднеазиатскими регионами, в том числе между жителями долины реки Мургаб и побережья Амударьи. М.Е. Массон, в частности, указывает на находки бус из раковин моллюсков в Мургабском оазисе, происходивших из дельты Амударьи и Аральского моря [26, с. 149].

Археологические материалы говорят, что в эпоху раннего железа действовали несколько торговых трасс, в частности, Яздепе – Одейдепе – Хорезм – низовья Амударьи и низовья Балхаба – Одейдепе – Хорезм. При этом вторая трасса проходила по левому берегу Амударьи, т.е. по части территории Лебапа (Средней Амударьи) и

Хорезма, что совпадает с поздними торговыми путями, которые шли на север в Нижнем Поволжье и Приуралье [5, с. 83–85; 6, с. 8–9].

Археологические и картографические данные позволяют выявить оазисный тип антропогенного расселения и уникальность урбанистического развития Лебапского региона. Здесь, в среднем течении Амударьи, за исключением Амударья-Чарджуя, не было крупных городских центров, здесь развивались средние и мелкие крепости и сельские поселения [5, с. 24–53; 15, с. 35–38].

Амударья-Чарджуя – столичный центр региона, один из центров на трассе «Великого шелкового пути». Возникновение Амударья и четырех городов Лебапа – Калифа (Келифа), Земма-Керкуха (Керки), Навидаха (Кёшка Зухра-Тахир) и Фирабра-Битыка (Фараба), определялось расположением в местах удобных переправ. Несмотря на изменения в Средней Азии, 4 из 5 городов, кроме Навидаха, существуют до сих пор [27, с. 75–78; 28].

В Лебапе выделяются три крупных историко-культурных оазиса: Керкинско-Мирзабекский (южный), Карабекаульский (центральный) и Чарджоуский (северный). К Чарджоускому оазису примыкают в культурном и экономическом отношении поселения Южного Хорезма, которые можно, с учетом близости историко-культурных традиций, назвать четвертым оазисом Лебапа.

В сочинениях авторов IX–X вв. побережье среднего течения Амударьи делилось на два историко-культурные области: *Земли*, соответствующий ареалу южной, керкинско-мерзабекской группы памятников, и *Амударья*, владения которого включали Чарджоуский и Карабекаульский оазисы [7, с. 133–138].

В Чарджоуском оазисе нами зафиксировано 24 поселения с древними и раннесредневековыми комплексами, крупнейшие из них – Амударья и Одейдепе. В Карабекаульском оазисе зафиксировано 16 поселений. Крупнейшие памятники Ходжа-Идат-кала и Навидах, в районе которых расположена речная переправа. На территории Керкинско-Мирзабекского оазиса зафиксированы 45 поселений. Центры оазиса – Керкинское (Бековская крепость), Мирзабекское и Беширское поселения [5, с. 29–33, 35–37, 43–44, 60–67; 11, с. 104–105].

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить, что наличие и благоустройство путей сообщений по Волге, Каспию, Аралу, Амударье и Сырдарье, и по сухопутным трассам позволяли рассматриваемым нами Сырдарьинскому и Амударьинскому регионам и в дальнейшем, в XVI–XIX вв. играть традиционную и решающую роль в развитии торгово-экономических связей между народами и государствами Центральной Азии, Китая, Индии и Российской империи. И сейчас, в начале XXI вв. эти регионы остаются актуальными и важными факторами внешнеэкономической деятельности и внешней политики Российской Федерации, Китая, Казахстана, стран Центральной Азии, Кавказа, Ирана и др. евразийских территорий в рамках осуществления совместных проектов по программе «Западная Европа – Западный Китай».

Литература и источники

1. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы: Автореф. дисс. д.и.н. Л., 1989.
2. Массон В.М. Предисловие // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. СПб., 1997.
3. Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998.
4. Бурханов А.А. Средняя Амударья между Ираном и Тураном (к проблеме контактных зон в древности и средневековье) // Диалог цивилизаций: исторический опыт и перспективы XXI века. М., 2002.
5. Бурханов А.А. Древний Лебап. Часть 1. Археологические памятники области Амударья древнего и раннесредневекового времени. Казань, 2005.
6. На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.
7. Бурханов А.А. Развитие антропогенных ландшафтов и оазисной системы расселения в древности и раннем средневековье (по материалам историко-археологических исследований поселений Среднеамударьинского историко-культурного и географического региона) // Динамика и развитие иерархических (многоуровневых) систем. (Теоретические и прикладные аспекты). Казань, 2005.
8. Валиев А. Древний город и развитие антропогенных ландшафтов в условиях оазисной системы расселения // Древний город. Л., 1977.
9. Массон В.М. Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. Л., 1976.
10. Массон В.М. Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977.
11. Пилипко В.Н. Поселения северо-западной Бактрии. Ашхабад, 1985.
12. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
13. Бернштам А.Н. 1951. Древний Отрар // Изв. АН Казахской ССР. 1951. № 108. Сер. археол. Вып. 3.

14. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
15. Бурханов А.А. Этнокультурная ситуация в Среднеамударьинском регионе в эпоху средневековья (к проблеме изучения этнокультурных процессов в контактных зонах Центральной Евразии) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск – Ханты-Мансийск, 2002.
16. Древний Амуль: проблемы истории и культуры Средней Амударьи: Мат-лы междунар. научн. симпозиума. Чарджев, 1993.
17. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
18. Древности Южного Хорезма // ТХАЭЭ. Вып. XVI. М., 1991.
19. Мамедов М.А., Мурадов Р.Г. Архитектура Туркменистана. М., 1998.
20. Мамедов М.А., Мурадов Р.Г. Гургандж. Стамбул, 2000.
21. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М., 1976.
22. Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974.
23. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
24. Халимов Н.Б. Памятники Ургенча. Ашхабад, 1991.
25. Филиппко В.Н. Побережье Средней Амударьи // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: Археология СССР в 20 томах... М., 1985.
26. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (в пределах Туркменской ССР) // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1966. Т. 13.
27. Бурханов А.А. Амуль-Чаджуй – столичный центр Среднеамударьинского региона // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик–Омск, 2001.
28. Бурханов А.А., Бектасов М.Ж. Амуль-Чарджуй: 2000 лет истории. Чарджев, 1994.

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХОВ-АДАЕВЦЕВ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

Галиев В.З.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

Социально-экономическое развитие регионов Казахстана в 1-й половине XIX в. во многом имело свои особенности: основание и развитие новых городов, изменения социального уклада, отношение с соседними народами и политическая ориентация проходили в них по-разному. Такой особенностью обладали и казахи-адаевцы. В местах проживания они обладали определённой автономностью. Они занимали территории полуостровов Мангышлак, Бузачи, значительную южную и западную части Устюрта, на севере пространства до рек Эмбы и Уила. Вся эта территория тяготела к заливам Каспийского моря: Мертвый Култук, Кайдак, Карасу, Сарытас, Александрбай, Кендырли, Карабугаз [1, с. 101–109]. Казахским родоплеменным объединением адай эти территории были заселены ещё во 2-й половине XVIII в.

По сведениям, относящихся 20-м гг. XIX в. от Гурьева до «Туманных гор» (Устюрта) были расселены родоплеменные подразделения адаевцев; от р. Урала до Сагыза – подразделения рода таз («тазлар») объединения байулы, во главе старшиной Бака; далее – родов шеркеш и ысык. От реки Сагыза до Эмбы расселялись представители рода есентемир (подразделение тагашы) во главе с братьями Досом и Арысланбаем, южнее их – казахские родовые подразделения во главе с Баубеком Утековым и батыром Байгулом; затем алимулинцы (подотделения кетинцев – 200 юрт). От р. Эмбы на юг до «Туманных гор» проживали табынцы во главе с Кабаном Ельменеевым, Найманом Кабаковым и др. Далее «алчинцы» во главе с батыром Сарымом и Тургана. Непосредственно в «Туманных горах» (т.е. на Устюрте) зимовали подроды бенит (бегіс?), каратокай рода бериш. Здесь же зимовали адаевцы – Сююнкара и его сын Батыр, старшины Карабулак, Коскулак, «беглый российский солдат Каракалпак и его брат Карабулак и еще одно колено адайцев, Тагар Ирменов, Байубек Айтуганов, Калаулы Чунаев, Суют Бектау, братья Алдамжар, Кулумбет и Турум» [см.: 2, лл. 13–14].

Интересно, что в зиму 1823–1824 гг. Сююнкара Ургеньшбаев зимовал со своим родом совместно с аулами известного батыра Жоламана Тленшиева в Туманных горах. В архивных источниках сообщается, что карательный отряд экспедиции Ф.Ф. Берга пытался взять в плен Жоламана Тленшиева. В 1825 г. в урочище Мошы при заливе Ащы в районе устья Эмбы были схвачены аулы Каракалпака с кочующими с ним казахами; там же были пленены некоторые аулы Сююнкары: всего 68 человек и 50 верблюдов.

Население Мангышлака, Бузачи, плато Устюрт находилось в тот период в сложных условиях. Ближайшими соседями были Хивинское ханство, туркменские родопривителы. Усилившееся Хивинское ханство стремилось

подчинить себе эти земли. Достаточно назвать некоторые факты агрессии на адаевцев со стороны хивинского хана Мухаммед-Рахима. В 1811–1812 гг. его отряды дважды разоряли казахские аулы. Было угнано 10 тысяч баранов, 40 тысяч верблюдов, уведено в плен 500 казахских девушек [см.: 3, с. 115]. Новое крупное вторжение хивинцев было совершено в 1820 г. По сведениям А. Вамбери было угнано около 7 тысяч лошадей, 65 тысяч баранов, тысяча женщин [4, с. 96]. В 1829 г. такой поход повторился. Причем мелкие стычки и нападения со стороны Хивы чередовались с крупными походами.

В начале 1820-х гг. в борьбе с хивинцами и туркменскими племенами выделяется адаевский батыр Сююнкара Ургеньшбай (Ургеньшбаев). До 40-х годов XIX в. он стоял во главе значительной части казахов-адаевцев и характеризовался – человек высокого авторитета и глубоких для своего времени знаний. Историк А.Ф. Рязанов называют Сююнкару «знаменитым батыром адаевского рода» [5, с. 258]. А.К. Гейнс выделял Сююнкару как «одного из самых знаменитых разбойников степных» [6, с. 268]. Действительно, имя Сююнкары в то время было известно не только в Западном Казахстане, но и за его пределами.

По архивным данным Сююнкара участвовал в вооруженной борьбе, частых стычках не только на суше, но и на море – в устье Эмбы, против астраханских рыбопромышленников. Как указывалось, Сююнкара тогда был связан тесными отношениями с батыром Жоламаном Тленшиевым. Действия казахов против русских вызвали карательную акцию со стороны экспедиции Ф.Ф. Берга, во время которой Сююнкара предлагал другим казахам «присоединиться против российских отрядов» [2, лл. 11–12]. В связи с этим в источниках упоминается целый ряд казахских предводителей, батыров, кочевавших со своими аулами в районах, прилегающих к низовьям Эмбы; многие из них поддерживали Сююнкару [см.: 2, лл. 13–14].

В начале XIX в. у адаевцев сложились достаточно сложные отношения с туркменскими родоправителями, поскольку они время от времени вступали в сговор с хивинскими ханами против казахов. После заключения Парижского тракта 1815 г. и образования «Священного союза» Россия развязала себе руки в Европе и активизировала свою политику на Востоке и, в частности, на территории Арало-Каспия: царские власти поставили целью, в том числе, продвижение на Мангышлак и далее. Районы Восточного Прикаспия и плато Устюрт являлись, в определенной степени, знаковыми для России еще в XVIII в. В 1819 г. была организована экспедиция («путешествие») Н.Н. Муравьева на восточный берег Каспия, Устюрт и Хиву. В своем донесении Муравьев писал: «Намерение господина Главнокомандующего было устроить на тех берегах пристань, в которых купеческие суда наши могли бы лежать спокойно на якоре и для чего построить небольшую крепость» [7, с. 21]. Но следует еще раз заметить, что в то время адаевцы Мангышлака и Устюрта жили вполне автономно, сохраняли свою независимость. Очевидец мангышлакской действительности 30-х годов XIX в. Г.С. Карелин писал, что «киргизы адаевского рода живут совершенно в независимости, ни в чем не давая отчета» [8, с. 432].

Территория Мангышлака, Бузачи, Устюрта, песков Сам относилась в тот период к ведению султана-правителя западной части Младшей Орды. В 1830-х гг. султаном-правителем здесь стал Ширгали Урманов из рода Нуралы-хана. Но казахи крупных родов – шекты, табын, адай, расселявшихся между Аралом и Каспием, избегали повиновения султанам-правителям. При этом адаевский батыр Сююнкара совершенно не признавал в кочевьях своего рода власти султанов-правителей. Не признавал он и власти хивинских ханов и туркменских предводителей.

Вместе с тем, обстановка в регионе в 30-х гг. оставалась напряженной. Перманентная вражда казахских, узбекских и туркменских родоправителей и скотовладельцев подрывала силы казахских общин. По этому поводу исследователь П.П. Иванов отмечал: «Несмотря на обмен посольствами и оживление торговых связей, отношения между Хивой и Россией в первой половине XIX века были довольно напряженными. Распри были вызваны из-за территории между нижним течением Сырдарьи и северным побережьем Аральского моря с одной стороны, и рекой Эмбой и северо-восточным берегом Каспийского моря, с другого края» [3, с. 243].

Было и еще одно немаловажное обстоятельство, связанное с внутренними отношениями среди элиты Младшего жуза. Она исходила из вражды султанских семейств Урмановых и Айчуваковых. Царские власти братьев Урмановых сослали в Уфу, а в своей политике опирались на Баймухамеда Айчувакова. Он был назначен султаном-правителем. Многие в жузе считали, что братьев Урмановых необходимо высвободить из ссылки. И к этому прямое отношение имел Сююнкара. Его авторитет в этом играл большую роль.

В июле 1831 г. Сююнкара послал письмо правителю Западной части Орды Баймухамеду Айчувакову с просьбой о покровительстве. В знак своей покорности он передал двух выкупленных пленными из Хивы: русского и татарина. В своем письме султану-правителю Сююнкара Ургеньшбай писал: «Ныне русские усилились, а магометане пришли в упадок. Мы даем еще знать, что киргизы в роде Адаевском еще многочисленны, а потом

многие остались в отдаленности и не могли присоединиться к нам, а сие мы учинили находившимся на лицо. Участь наша зависит единственно от священной вашей воли. Мы почитаем вас ханом своим, а Россию – державой. Передавая себя в подданство России, мы выкупили за сто двадцать баранов двух пленных – русского и татарина, коих отправили с Казыем Сырымовым батыром. Предлагаем свое мнение, что ежели в состоянии будете пресечь адаевцам морской путь на Култук, то они беспрепятственно попались бы в руки ваши. Мы желаем, чтобы караваны следовали по трем дорогам: по оренбургской, уральской и сарайчиковской. Если же пресечется морской путь на Култук, то адаевцы не перестанут противиться России» [5, с. 267].

Это письмо стало известно в Оренбургской пограничной комиссии. Последняя доносила Генерал-губернатору края, что «отделившегося с давнего времени от повиновения адаевского рода Сююнкара Ургеншбаев с приверженными ему ордынцами, желая поступить под покровительство России, почему через старшину Казы Сарымова словесно и письменно просит о том правительству, на каковой хотел и прислал выкупленных им двух пленных» [5, с. 266–267]. Оренбургский генерал-губернатор Сухтелен был доволен, а Генс считал это уловкой. Однако за двух пленных Сююнкара был награжден саблей, отделанной серебром.

Тем временем, из далекой Уфы к Сююнкаре было послано коллективное письмо, написанное младшим братом Шынгали Урманова. Под этим письмом поставили свои подписи казахские султаны и старшины, тоже находившиеся в ссылке: Утемис Джангильдин, Токжан, Ильяс, Сарыбула, Джанторе Ишбулаев, Толеу Байжанов, Утебай Санкибаев, Батас Кутенев, Исламгалий Кучутбаев, Умкарта Байбулатов. Все они обращались к Сююнкара с просьбой освободить из ссылки. К Сююнкара письмо было доставлено батыром Мырзагельды Араловым.

Но это был тяжелый 1832 год, у Сююнкары обострились отношения с Хивинским ханом. Произошло несколько военных столкновений. В Оренбургскую пограничную комиссию в 1832 г. поступили следующие проверенные данные: «Появившиеся прежде сего слухи об ограблении батыра Сююнкары туркменами подтверждаются; говорят, что в сем происшествии участвовали и хивинцы, в числе всего 7000 человек, посему полагать можно, что нападение сие сделано с воли хивинского правительства» [9, с. 14]. Отряд Алла Кули из хивинцев и туркмен разорили до 100 аулов Сююнкары. Адаевцы потеряли 220 человек убитыми, много женщин попало в плен. В плен был взят и сын Сююнкары. Хивинцы и туркмены потеряли 150 человек убитыми [3, с. 269]. Многие адаевцы примкнули к Каипгали Ишимову. Произошла и другая стычка с хивинским отрядом, у местности «Кызыл-Адар» (Кызыладыр). Здесь погибло около 300 казахов, сторонников Сююнкары. В этих условиях к хивинскому хану было отправлено посольство адаевцев. В него вошли известные среди них Мая, Ботакара, Тулеп и др. Нужно было остановить кровопролитие и добиться перемирия. Однако посольство не добилось своей цели.

С султаном Каипгали Ишимовым и батыром Кулбараком старшина адаевцев Сююнкара собирает отряд до 800 человек и начинает действовать против туркмен. Им удалось захватить Хивинский караван с Мангышлака и товаров на 1000 рублей, были убиты 5 туркмен. Хивинский хан наложил «пеню» на адаевский род в 1500 тиллей, т.е. 24000 рублей. В счет этого, в 1833 г. было собрано с казахов 9600 рублей. За убитых туркмен было уплачено 300 коней [5, с. 271].

Сююнкара находился перед тяжелым выбором. Жить дальше под постоянными угрозами хивинских ханов было нельзя. Во внешней ориентации адаевцев Сююнкара должен был придерживаться чьей-то стороны, а именно России или Хивы, которые были политическими соперниками в регионе. Поэтому, оценивая значение северо-восточных берегов Каспия во внешнеполитическом отношении, начальник российской экспедиции того времени в Северо-Восточный Прикаспий Г.С. Карелии писал: «Пространство велико и тем более важно, что принадлежит к землям, служащим ключом к будущей нашей торговле и политическим связям со Средней Азией» [7, с. 5]. При этом особо выделялись торговые связи. В этом с Карелиным сходилась и декабрист А.О. Корнилович: «Не могу не заметить, что в таком случае поселение на восточном берегу Каспийского моря принесет, кажется, большую пользу, ибо оно будет иметь последствием сближение с Хивой, по крайней мере, облегчит сообщение с Бухарой, Самаркандом, Гератом и другими главнейшими городами Средней Азии» [10, с. 238–239; 11].

В этих условиях казахи-адаевцы стали ориентироваться на своего могущественного соседа, на Россию. В 1832 г. они во главе с Сююнкарой обратились к Г.С. Карелину с письмом: «Сердца наши наполнены печалью, хивинцы разграбили и разорили нас, также хищные киргизы (казахи с Эмбы – В. Г.) отнимают скот наш. Полагаюсь сыскать в Вас защиту» [12, с. 632].

Две российские экспедиции к северо-восточным берегам Каспийского моря, возглавляемые Григорием Силычем Карелиным состоялись в 1832–1834 гг. Этот замечательный путешественник-исследователь был

выходцем из окружения декабристов, в начале 1820-х гг.н был сослан в Оренбург, затем два года проработал в ставке Джангира Букеева [11, с. 271]. По прибытии экспедиции 1834 г. в залив Кайдак Карелин провел съезд старшин, на котором обсуждался вопрос об отношении к России и строительстве российской фактории или укрепления [5, с. 271]. Часть местного населения восприняла удовлетворительно весть о постройке крепости. 18 мая 1834 г. на берегу залива Кайдак, примыкающего к чинку Устюрта была заложена крепость [13, с. 1062]. Ново-Александровское укрепление составляло четыре бастиона, два полубастиона, огражденных валами и каменной засекой. Укрепление имело окружность 620 саженой. На его территории могло разместиться сто дворов [14, с. 35]. По словам Карелина укрепление «не только кавалерию, но и добрую европейскую пехоту заставит призадуматься» [12, с. 615]. 22 июля 1834 г. строители отпраздновали открытие укрепления. Большую помощь Карелину оказывали батыр Сююнкара и бий Мая Анетов. Местное казахское население это событие встретило с удовлетворением. Об этом писал переводчик Герасим Тарапеев; также об этом свидетельствовал, например, и сам Г.С. Карелин в письме к жене [11, с. 114–115]. О значении основания нового укрепления свидетельствовал тот факт, что в Ново-Александровское в том же 1834 г. приезжал лично генерал-губернатор Оренбургского края В.А. Перовский [15, с. 2].

Реакция Хивинского хана на закладку Ново-Александровского укрепления была резко отрицательной. В качестве заложника был взят Баимбет, сын бия Мая Анетова. В письме к Оренбургскому военному губернатору хивинский хан обвинил царские власти в том, что они самовольно в пределах Хивинских владений построили укрепление, вторглись к казахам, которые являлись их подданными. В заключение он просил разрушить Ново-Александровское укрепление. За это Хивинский хан обещал с Россией жить в дружбе [16, с. 210]. И это были не просто заявления со стороны Хивинского хана. Алла-Кули удалось собрать войско в 18000 человек. Все было готово для выступления на форт Александровский. Но начальник этого отряда еще в Хиве отказался наступать. Он принес хану шпагу со словами: «Лучше огрubi мне голову заранее» [17, с. 12]. По этому поводу Оренбургский губернатор сообщал: «Хивинский хан собрал рать, хотел идти на Ново-Александровское, но голодные воины его, состоящие на собственном продовольствии, разошлись раньше, чем хан решил выступить» [16, с. 205].

Таким образом, было положено начало укреплению российского влияния на Мангышлаке. Это же подтверждал Н. Торнау: «Нам кажется, что утверждение русского владычества (на Мангышлаке – В. Г.) не может быть отнесено ни к 1791, ни к 1802 годам и что начало этого владычества должно быть отнесено к 1834 году, когда на Мертвом Култуке было основано укрепление» [18, с. 7]. С самого начала серьезных шагов политического влияния России в районе между Каспием и Аралом ярко видны две тенденции. Одна – забота о развитии края, другая тенденция – «обуздание» населения [16, л. 469].

В 1835 г. в Ново-Александровское укрепление и его окрестности был послан исследователь Гельмерсен, его сопровождал майор Сози. В результате поездки майор Сози представил обширный доклад на 24 страницах. В этом докладе было дано геологическое и минералогическое описание северо-восточного берега Каспийского моря. Однако, тяжелое положение гарнизона Ново-Алексеевского укрепления, болезни солдат беспокоили Оренбургского генерал-губернатора. Начала вынашиваться мысль о переносе укрепления в более благоприятное место [17, л. 69–92 об.].

В то же время бий Май Анетов был послан к хивинскому хану. Осенью 1834 г. Г.С. Карелин об этой миссии сообщал Оренбургскому военному генерал-губернатору: «Адаевского рода почтенный бий Май Анетов, оказавший экспедиции разные услуги и вместе с другими старшинами искавший покровительства России против утеснений хивинцев, вынужден был, уступая желанию однородцев, ехать по призыву ханскому в Хиву. Хан грозно принял его и требовал отчета, почему адаевцы заблаговременно не известили о появлении русских, почему не воспротивились высадке и по какой причине не только не истребили малый отряд в 300 человек, но допустили выстроить крепость, а также как осмеливаются киргизы производить с ними мену и, что еще хуже, давать верблюдов для перевозки тяжестей. Мая отвечал, что русские приехали с миролюбивым намерением торговать, что истребить 300 человек киргизы не могли по той же причине, по какой хивинцы не могли уничтожить 500 человек, прикрывавших в 1824 г. караван в Бухаре и что ордынцы, видя ласки и выгоды от мены, начали стекаться в лагерь и впоследствии отдавать верблюдов для перевозки с берега пушек, леса, муки и других тяжестей, чему воспрепятствовать ни он и никакой другой старшина не в состоянии.

Отправлен был нарочный, который возвратил старика Маю. Его и Баймамбега снова привели к хану, который осыпал старика упреками, стыдил дружбой с русскими, объявил, что он знает тайный умысел России основать укрепление на Курайлы, Айбугыре, Сыр-Дарье и в Новом Мангышлаке, что никогда не позволит купцам ходить в Ново-Александровск ибо сим может подать повод думать, что соглашается признать это

укрепление законным достоянием России и что непременно разорит Ново-Александровск. В заключении хан сказал, что оставляет Баймамбета заложником, требует с адаевцев немедленной уплаты 900 тилля (по 4 серебряных рубля каждый) и приказывает мне не только откочевать на юг к туркменам и вредить нам по возможности, но быть готовым к соединению с ним» [19, лл. 400–410].

Об этом же в рапорте Г.С. Карелина от 3 сентября 1834 г. сказано: «Рапортом от 12 июля № 288 имел я честь доносить Вашему пр-ву, что адаевского рода почетный бий Май Анетов, оказавший экспедиции разные услуги и вместе с другими старшинами искавший покровительства России желанию однородцев, вынужден ехать по призыву ханскому в Хиву. Хан грозно принял его, требовал отчета, почему адаевцы заблаговременно не известили о появлении русских, почему не воспротивились высадке, и по какой причине не истребили малый отряд в 300 человек, но допустили выстроить крепость, а также, как осмеливаются киргизцы производить с нами между и что еще хуже, давать верблюдов для перевозки тяжестей. Хан много спрашивал об укреплении, числе людей и пушек, высоте стен и возможности нападения, и приказал ему до нового повеления из Хивы не выезжать. Между тем, срок обратному прибытию старшины Мая прошел, и я решился отправить в Хиву армянина Турпаева. Сын Мая Байимбет вызвался быть вожакom. Чтобы отвлечь подозрения, дал я открытый лист, велел ехать открыто, как посылаемы к купечеству по торговым делам. Каракалпаков хан теснит жестоким образом. Туркменам мало доверяет. За старшиной Маей отправил хан человека подсматривать за его поступками. Несмотря на это старик несколько раз приезжал ко мне; я подарил ему данный Вашим пр-вом золотой перстень с эмалью, похвальный лист, и разные вещи для семейства Баймамбета» [19, лл. 409–411].

С Мая Анетовым вел долгую вражду один из хивинских предводителей Абулгазы. В 1840 г. он напал на адаевцев в районе полуострова Бузачи, убил несколько человек. Много лет шла взаимная барымта. Сын старшины Мая – Б. Маяев вышел из-под власти хивинского хана, занял прорусскую ориентацию, считая хивинцев врагами адаевцев. При нем был муллою Берды-ходжа Аса Мамбет. Абулгазы не мог смириться с деятельностью Б. Маяева. И, в частности, он требовал возвращения своего сына через Маяева, но сын Абулгазы умер в форту [см.: 20].

В 1839 г. на Бузачи хивинцы совершили нападение на аулы «мугалова отделения» (мунал–адай), где был старшиной мулла Батырхан Шахмарданов. У старшины забрали 300 баранов, 30 лошадей, 15 верблюдов, 20 бухарских халатов, 15 хивинских червонцев и т.д. [см.: 19].

Таким образом, в 1830-х гг. у казахов-адаевцев складывались весьма сложные взаимоотношения с Хивинском ханством, туркменскими родоправителями и российскими властями на значительном пространстве их (адаевцев) расселения и хозяйственного освоения в южной части Арало-Каспийского региона. То есть на территории п-вов Мангышлака и Бузачи и в целом степей от Эмбы до южных пределов Устюрта. В значительной степени это происходило вследствие дальнейшего определения геополитических интересов Российской империи в Восточно-Прикаспийском регионе и прилегающих районах Средней Азии.

Литература

1. Юдина Н.Л. Из истории ранних исследований природы Мангышлака (XVI–XVIII вв.) // География (Казахский педагогический институт). Алма-Ата, 1970. Вып. 2.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3271.
3. Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958.
4. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
5. Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797–1878). Кызыл-Орда, 1928.
6. Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. СПб., 1898.
7. Россия и Туркмения в XIX веке. Сб. док-тов. Ашхабад, 1947.
8. Карелин Г.С. Путешествия по Каспийскому морю // Зап. РГО. По отделению общей этнографии. Т. 10. СПб., 1883.
9. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3827.
10. Корнилович А.О. Сочинения и письма. М–Л., 1957.
11. Галиев В.З. Декабристы и Казахстан. Алма-Ата, 1990.
12. Липский В. Флора Средней Азии. СПб., 1905. Ч. 3.
13. Дело об экспедиции к восточным берегам Каспийского моря и об устройстве Ново-Александровского форта. 1830–1837 гг. // Центральный Государственный военно-исторический архив Российской империи. Москва. Ф. ВУА. Д. 1062.

14. Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1977.
15. ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 10941.
16. Дело о командировании секретного эзекуционного отряда на восточный берег Каспийского моря. 1836–1940 гг. 469 л. // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4549.
17. ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4220.
18. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867). Сб. док-тов и материалов. Алма-Ата, 1964.
19. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4910.
20. В.Д. Из киргизской степи. // Голос. 1870. № 127, 9 мая.

НАЧАЛО КЫПЧАКСКОГО КНИГОПЕЧАНИЯ

Гаркавец А.Н.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

В данном докладе рассматриваются два эпизода из истории кыпчакского книгопечатания: 200- и 400-летней давности.

Кыпчакское книгоиздание в Карасе и Астрахани в 1806–1825 гг.

Принадлежавший крымскому хану аул Карас, или Каррас, иначе Карасс у подножия Пятигорска известен каждому школьнику как излюбленное место Михаила Юрьевича Лермонтова, куда он часто приезжал с друзьями и где 14/26 июля 1841 г. провел с ними последний пикник накануне смертельной дуэли. Этому аулу поэт посвятил одно альбомное стихотворение и один акварельный пейзаж.

В 1959 г. аул был объединен со станицей Николаевской, и теперь это поселок Иноземцево – по имени инженера-путейщика Ивана Дмитриевича Иноземцева (1843–1913), управляющего Ростово-Владикавказской (1879–1908), а затем Владикавказской железной дороги.

21 декабря 1806 г. на нижнюю, гостевую часть аула Карас, которую члены Шотландской миссии заняли четырьмя годами раньше, им была дана царская жалованная грамота на 7000 десятин земли. И с тех пор их поселение, впоследствии перешедшее во владение приглашенных ими сюда 30 семейств немцев из Вюртемберга, живших в поволжской Сарепте, в правительственных документах стало именоваться Шотландской колонией, а в быту – Шотландкой.

Началось с того, что в 1801 г. шотландские миссионеры из Эдинбургского Библейского общества пастор Джон Патерсон и Роберт Пинкертон, представлявшие Британское и Иностранное Библейское общество в Петербурге, обратились к российскому правительству с прошением о создании поселения близ крепости Константиногорской на Северном Кавказе. 25 ноября 1802 г. Император Александр I утвердил доклад Министра внутренних дел о просьбе шотландских миссионеров обосноваться в районе «Бештовых гор у Султанского аула» для распространения христианства среди местного горского населения.

Следует подчеркнуть, что британская миссия носила глобальный характер. Джон Патерсон и Роберт Пинкертон (племянник Томаса Бёрджиса, председателя Британского и Иностранного Библейского общества) обратились к князю Александру Николаевичу Голицыну, обер-прокурору Святейшего Синода и главному управляющему иностранными исповеданиями, с предложением помощи в создании Российского Библейского общества и в издании Библии на русском языке и на языках многочисленных народов Российской империи. Голицын обратился к царю, и Александр не только поставил резолюцию «Быть по сему», но и сделал от себя взнос в 35 тысяч рублей на это богоугодное дело. В итоге усилиями новообразованного общества был выполнен перевод Святого Письма на русский язык, именуемый с тех пор Синодальным, а британскими миссионерами в течение 30 лет Библия или ее отдельные книги были изданы многотысячными тиражами на сорока языках России.

Миссия в Карасе занималась переводом книг на язык «татарский». На самом деле это был местный кыпчакский извод (вариант) тюрки – общего средневекового кыпчакско-огузского литературного языка тюрков Центральной Азии и Кавказа. А тюрки, как известно, использовал арабскую графику. Наряду с общетюркской он содержал издавна усвоенную арабо-персидскую книжную лексику и – благодаря условности арабского письма – в каждом этническом регионе звучал по-своему. Наши предки из недостатка арабского письма, неадекватно отражающего звуки тюркской речи, гениальным образом извлекли блестящее преимущество – возможность читать общетюркский текст каждый на свой лад.

Согласно Генриху-Юлиусу Клапроту, посетившему Карас в 1807–1808 гг., и Иоанну Кристофу Аделунгу, на которых ссылается Хакан Кырымлы [1, р. 70], в Карасе шотландцы опубликовали следующие книги:

1. Инджиль динининъ сырры – Сущность религии Евангелия, 1806;
2. Бир достун келамы мюсюльмана – Слово друга мусульманину, 1806;
3. Исанынъ Инджили: Матганынъ йазысы – Евангелие Иисуса: Писание Матфея, 1807;
4. Исанынъ Инджили: Марконынъ йазысы – Евангелие Иисуса: Писание Марка, 1807;
5. Исанынъ Инджили: Луканынъ йазысы – Евангелие Иисуса: Писание Луки, 1807;
6. Исанынъ Инджили: Йуханнанынъ йазысы – Евангелие Иисуса: Писание Иоанна, 1807;

7. Инджил-и Мукъаддес, йани лисан-и Тюркие терджюме олунан бизим Раббимиз Иса Месих`ин Йени Ахд ве Васийети – Святое Евангелие, или Новый Завет и Завет Господа нашего Мессии Иисуса, переведенное на тюркский язык, 1813.

Перевод этих книг на кыпчакский тюрки выполнил Генри Брантон (Henry Brunton, 1770–1813).

Управляющий военной и гражданской частью на Кавказе генерал А.П. Ермолов относился к миссионерам неодобрительно, считая их поборниками политических интересов британской короны. И в 1815 г. большинство шотландцев, под давлением клеветы, были вынуждены оставить немцам, которых они сами и пригласили, лучшие плодородные земли и перебраться со своим печатным станком в Астрахань. Там они продолжили миссионерскую и издательскую деятельность.

В Астрахани в 1815 г. тиражом в 5000 экземпляров шотландцы переиздали перевод Четвероевангелия Генри Брантона в редакции Джона Диксона, которая, однако, носила частный характер.

Одновременно Джоном Диксоном были переведены и напечатаны отдельные книги Ветхого завета: часть Пятикнижия Моисея, книга Иова, Псалтырь, Притчи Соломона, книга Екклесиаста и Песнь Песней. Псалтырь вышла двумя изданиями: в 1815 г. тиражом в 1000 экземпляров и в 1828 г. – 3000.

В 1816 г. было переиздано Евангелие от Луки – 5000 экз.

В 1818 г. – оренбургская версия Евангелия от Матфея – 2000 экз.

В 1819 г. – местная версия караимской книги Бытия – 2000 экз.

Общий тираж изданий Шотландской миссии – около 100 тысяч экземпляров.

В качестве оригинала переводчики использовали английский перевод Нового Завета Уильяма Симана (William Seaman, 1606–1680), опубликованный в Оксфорде в 1666 г. Как сравнительный источник при переводе книг Ветхого Завета принимали во внимание караимскую Библию.

К сожалению, нашим первоиздателям Святого Письма на кыпчакском тюрки не был доступен сделанный к тому времени полный перевод Библии на османско-турецкий язык Войцеха Бобовского (Wojciech Bobowski, 1610–1675), польского композитора и писателя, служившего драгоманом-переводчиком Высокой Порты и известного на Востоке под именем Сантури Али Уфки (Али-Бея), а на Западе – как Альбертус Бобовиус. Войцех Бобовский, следует признать, был не первым переводчиком Святого письма на турецкий язык. В своей работе он следовал Яхье бен Исхаку (Хаки), чья рукопись датирована 1659–1661 гг. Рукопись Войцеха Бобовского была приобретена в Стамбуле послом Дании в Турции иранистом и тюркологом Левином Варнером (1619–1665), намеревавшимся ее опубликовать. Однако денежные затруднения и внезапная смерть помешали осуществлению этого намерения. И с 1690 г. тетради Войцеха Бобовского хранятся в библиотеке Лейденского университета в коллекции «Legatum Warnerianum» среди тысячи других, веками не увидевших света, раритетов. Правда, в 1819 г. часть перевода Войцеха Бобовского, а именно Новый Завет, все-таки была напечатана в Берлине и Париже и книга вскоре была доставлена в Астрахань, где новая кыпчакская редакция в целом уже была набрана.

Включившиеся в дело еще в Карасе Чарльз Фрейзер и Джон Диксон, усвоив устный и письменный язык местных кыпчаков, приспособили прежний перевод Четвероевангелия, условно называемый «ногайским», к разговорной и письменной речи «киргизских татар» Оренбургской губернии и закончили перевод остальных книг Нового Завета. На перевод, редакцию и новый набор ушло 5 лет, и в 1820 г. в Астрахани старанием Джона Митчела тиражом в 5000 экземпляров увидела свет совершенно новая, исчерпывающая публикация всех книг Нового Завета: Инджил-и Мукъаддес, йани Иса-и Месихнинъ Йангы Васийети. Эввельки тэсниф – Святое Евангелие, или Новый Завет Мессии Иисуса. В подготовке публикаций Джона Митчела приняли участие также Джеймс Педди и Джон Стил.

О труде Джона Диксона очень важные сведения сообщает Эбенизер Гендерсон, посетивший Астрахань в августе 1821 г. В частности, он отмечает, что Диксон, используя турецкий перевод Али-Бея, удалял «обращенные и описательные формы, избыток арабских и персидских слов» и старался придать своему

переводу «больше обличия и духа родной для татар литературы» [2, с. 272]. В результате кыпчакский тюрки приобрел еще больше живых черт местного наречия.

Помогал миссионерам в редактировании перевода молодой неопит, обращенный ими в христианство Александр Касимович Казембек – Мирза Мухаммед Али Казем-Бек (1802–1870), сын персиянки и сосланного в Астрахань Хаджи Мухаммеда Касима Казем-Бека, шейх уль-ислама Дербента. Будущий профессор Казанского университета и первый декан Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета искренне воспринял реализуемую миссионерами извечную идею тюркского языкового единства и после сам воплотил ее в своей «Грамматике турецко-татарского языка» (Казань, 1839) и «Общей грамматике турецко-татарского» (Казань, 1846), которую и сегодня многие рассматривают как лучшее сочинение о позднем тюрки.

Первая кыпчакская и тюркская печатная книга

Кыпчакское книгопечатание, о чем мы узнали благодаря новым открытиям, зародилось, однако, не в начале XIX в. в Карасе и Астрахани, а 400 лет назад во второй после Острога колыбели украинского книгоиздания – славном городе Львове.

В XIV–XVII вв. город Львов, обладавший в составе польско-литовской Речи Посполитой самоуправлением на основе Магдебургского права, гордился тем, что здесь на условиях автономии процветали польская, русская в местном смысле – т. е. украинская, армянская, немецкая и еврейская общины. Эти автономные общины обладали своим самостоятельным судом, духовной и экономической независимостью при равном всеобщем подчинении короне.

Армянскую общину Львова, как и Каменца-Подольского, Луцка, Хотина, Сучавы и Серета, составляли прибывшие сюда в XIV в. сложным путем из Западной Армении через Турцию, Валахию, Молдавию и Подолию кыпчакоязычные армяне, которые, хотя и называли себя эрмени и относили к армяно-григорианскому католикозату, в массе своей армянского языка не знали и говорили, писали и молились по-кыпчакски, считая кыпчакский своим родным «армянским» языком. Собственно армянский, точнее, книжный западноармянский язык они с детства изучали наподобие латыни в церковной школе, а посвятившие себя церкви – совершенствовались в армянских монастырях в Валахии, Румелии, Киликии и далекой Армении, где их предки армяне и приглашенные в Закавказье Давидом IV Строителем (1073–1125) в 1118 г. кыпчаки образовали этот уникальный этноязыковой конгломерат. Поскольку важнейшим занятием наших эрмени была торговля на путях, которыми они сюда прибыли, они никогда не порывали связи с братьями по вере – собственно армяноязычными, а также турко-, татаро-, греко- и персоязычными армянами. Кое-кто из них поселялся во Львове, приобретал местное гражданство и вынужден был уже здесь усвоить кыпчакский язык, чтобы быть полноценным членом общины, ибо собрания велись по-кыпчакски, протоколы писались по-кыпчакски, проповеди читались по-кыпчакски, приобретенные приятели, коллеги, родственники, жена и дети – все говорили по-кыпчакски. Заказчики списков церковных книг требовали копии кыпчакских молитвенников, псалтырей, календарей – и самому грамотному новоприбывшему армянину-каллиграфу волей-неволей приходилось адаптироваться, попросту говоря, отуречиваться, в данном случае, «кыпчакизироваться».

Вот в этой обстановке и возникла в общине потребность в таком количестве книг, которое копиисты удовлетворить не могли физически, а многие заказчики не были в силах оплатить их труд. На помощь пришел печатный станок с металлическими армянскими наборными буквами, привезенный то ли из Стамбула, то ли из Венеции неким Ованнесом Карматаненцем, который в 1618 г. и напечатал во Львове «Алгыш битиги» – «Молитвенник для простых христиан» на местном кыпчакском языке по образцу рукописных, представляющих собой выверенный столетиями адекватный перевод с древнеармянского.

Единственный выявленный до настоящего времени экземпляр этой книги хранится в Библиотеке Лейденского университета в упомянутой выше коллекции «*Legatum Warneriaum*» датского дипломата немецкого происхождения Левина Варнера, в руки которого он попал, как мы понимаем, в Стамбуле между 1644 и 1665 гг. Обнаружил это сокровище выдающийся французский тюрколог Жан Дени, опубликовавший несколько других важных кыпчакских текстов и вместе с польским ученым Эдвардом Трыярским – список армяно-кыпчакских рукописей, хранящихся в Париже, Варшаве, Кракове, Вроцлаве, Вене, Венеции и Ереване.

В 2002 г. полный текст этой книги вместе с текстами других 7 молитвенников, 5 псалтырей и еще массой иных кыпчакских текстов опубликован нами в I томе нашего «Кыпчакского письменного наследия» в тюркологической транскрипции, адекватно отображающей, как кыпчакское произношение, так и армянское правописание. В 2005 г. арменистическую транслитерацию текста с турецким переводом издала турецкая исследовательница гагаузского происхождения Надежда Кирли [см.: 3].

Итак, впереди у нас два юбилея кыпчакского книгопечатания: 200 лет арабским письмом и 400 лет – армянским.

Литература

1. Hakan Kirimli. Crimean Tatars, Nogais and Scottish missionaries // Cahiers du monde russe. 1/2004 (Vol. 45).
2. Библейские разыскания и странствия по России. СПб.: Российское Библейское общество, 2006.
3. Nadejda Chirli. Algёю bitigi: Ermeni Kэrzakza dualar kitabэ. Haarlem (Netherlands): SOTA, 2005.

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РАННИХ СКИФОВ В КОНТЕКСТЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ С СООБЩЕНИЯМИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Гасанов З.Г.

Институт истории НАН Азербайджана, Баку

В соответствии с сообщением Геродота о происхождении скифов «Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс [Волгу] и прибыли в киммерийскую землю [Северное Причерноморье]...» [1, IV, 11]. Таким образом в соответствии с сообщениями письменных источников последней точкой миграции скифов в Азии является регион Прикаспийской низменности восточнее Волги. Однако на протяжении длительного времени археологам не удавалось найти свидетельства миграции ранних скифов сквозь этот регион. Сложившаяся ситуация изменилась к 1980 г. когда на северо-восточных границах этого региона в 1980 г. Р.Б. Исмагиловым был раскопан Большой Гумаровский курган. Р.Б. Исмагилов на основании детального анализа материалов этого кургана определил его как «памятник древнейших скифов» [2].

Выводы Р.Б. Исмагилова заняли свое место в науке и сегодня Большой Гумаровский курган признается большинством исследователей в качестве показателя движения раннескифской культуры с востока на запад сквозь Прикаспийские степи в конце VIII – начале VII вв. до н.э. [3, с. 106; 4, с. 145]. Для доказательства своей версии Исмагилов использовал следующие данные. Золотые бляшки с изображением оленей имеют стилистические аналогии в сакской археологии Казахстана: в V Чиликтинском кургане [5, табл. XII] и на зеркале из могильника Уйгарак [6, табл. VI]. Стилистическая аналогия изображения этих оленей также имеется на аржанском изваянии в Туве [7]. Техника использования золота с бирюзой обнаруживает свое движение с востока на запад на примере кургана Аржан 1 ранних скифов, в котором наблюдаются ее наиболее ранние образцы [8, рис. 11: 10]. Исмагилов также идентифицирует общность обряда Большого Гумаровского кургана с чиликтинскими курганами. Это каменная насыпь, широтная ориентация погребенных и положение костяка вытянуто на спине.

Р. Исмагилов датирует V Чиликтинский курган ранних скифов 2-й половиной VIII в. до н.э. Соответственно Большой Гумаровский курган ранних скифов датируется немного более поздним периодом. Существенным фактором датировки этого кургана являются найденные в нем наконечники стрел. Всего в кургане было обнаружено 89 наконечников. Исследователь определил, что 27 из них втульчатые с ассиметрично-ромбической головкой и коротко выступающей втулкой. Он идентифицировал эти наконечники с наконечниками стрел типа погребения Енджа в Болгарии, которые датируются исследователями не позднее начала VII в. до н.э. [9, с. 19]. Исмагилов отмечает, что наконечники данного типа также происходят из Западного Казахстана (Уйгарак – курган 39, Тагискен – курган 32), Восточного Казахстана (V Чиликтинский курган) и Южной Сибири (курган Аржан 1) [2].

Таким образом, по версии Исмагилова выстраивается следующая хронология продвижения скифской культуры с востока на запад: Аржан – Чиликты – Гумарово – Краснознаменск/Келермесс (Южная Сибирь – Северо-Восточный Казахстан – Прикаспийская низменность – Северный Кавказ). В последнее время исследователи более склоняются к тому, что скифская культура проникает в Южную Сибирь из Казахстана (Самашев З., устная беседа). Если взять за основу эту версию, то скифская культура, зародившись в Казахстане, сначала проникает в Южную Сибирь, а затем из Восточного и Центрального Казахстана в Прикаспийскую

низменность и далее на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье. Теперь нам следует ответить на вопрос о том, как данная схема распределения археологических памятников ранних скифов соотносится со свидетельствами письменных источников о миграции скифов.

В соответствии с вышеупомянутым сообщением Геродота говорится: «Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс [Волгу] и прибыли в киммерийскую землю ... киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной» [1, IV, 11]. И далее: «...скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары» [1, IV, 12].

Таким образом, по версии Геродота скифы выходят из Азии, переходят Волгу и доходят до Северного Причерноморья. Оттуда скифы, держась слева от Кавказа, вторгаются на Южный Кавказ и далее на Ближний Восток через Дербентский проход.

Данная версия миграции скифов была детально исследована нами ранее [10, с. 289–302]. В результате исследования нами была обнаружена идентичность сюжета миграции царских скифов, описанного Геродотом, и сюжета миграции древних огузов, описанного Рашид ад-Дином в «Огуз-наме». Одна из этих сюжетных линий записана в Северном Причерноморье в V в. до н. э. как легенда скифов, а другая – в Азербайджане в начале XIV в. как легенда огузов (тюрок).

Исконная земля скифов и огузов, миграция скифов и огузов на северо-запад в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ. Геродот считает Азию исконно скифскими землями, а Рашид ад-Дин – исконно огузскими [11, с. 25]. Записи Рашид ад-Дина содержат сведения о движении Огуз-хана в направлении Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Вначале сообщается, что Огуз-хан добрался до реки Атил (Итиль) [Волга] [11, с. 33], а затем пошел дальше.

После преодоления Волги Огуз-хан попадает в страну песоголовых – Кыл-Барака. Интерес представляет тот факт, что, по Геродоту, жители региона песоголовых окрашивают свое тело суриком (свинцовая окись) [1, IV, 191], а песоголовые в истории Рашид ад-Дина покрывают свое тело клеем, после чего никакое оружие не может навредить им [11, с. 34–36]. По Рашид ад-Дину страна песоголовых находится в темной стороне света. Огуз-хан вторгается туда и терпит там поражение. После чего «он возвратился и подошел к берегу большой реки, – пишет Рашид ад-Дин. – Часть войска переправилась через нее на судах и плотах, а часть перебралась вплавь. Огуз добрался до местности ‘между двумя реками’ и остановился там» [11, с. 34–39].

Совершенно очевидно, что движение из Центральной Азии к Волге и далее направлено на запад, и добраться до местности, расположенной «между двумя реками», означает оказаться между Доном и Днепром или же между Волгой и Доном. Ранее, исследовав вопросы миграции скифов и огузов, я пришел к выводу, что территория между двух рек, в которой остановился Огуз-хан – это междуречье Дона и Дуная [см.: 10, с. 294]. Однако новое исследование этого вопроса показало, что в тексте Рашид ад-Дина есть слово «возвратился», которое указывает на то, что Огуз-хан дважды пересекал Дон. Первый раз, нападая на песоголовых, и второй раз во время своего отступления. Таким образом, местность ‘между двумя реками’, в которой остановился Огуз-хан, скорее всего, регион между Доном и Волгой. По Рашид ад-Дину это «междуречье» сделалось местом остановки Огуз-хана. «Он оставался и отдыхал здесь семнадцать лет. Он привел в порядок свои войска и обновил их оружие» [11, с. 35].

Рашид ад-Дин сообщает, что после остановки в этом регионе огузы с помощью женщин кыл-баракцев (песоголовых) выясняют слабые места в их военном снаряжении и побеждают их. Огузы строят корабли и переправляют к этим женщинам своих посланцев из числа красивых мужчин – огузов. Женщины помогают им собрать все необходимое для Огуз-хана. Некоторые из этих женщин из-за сильной любви уходят вместе с мужчинами огузов. «Эта страна была завоевана таким путем» [11, с. 34–35]. Таким образом, огузы находящиеся восточнее Дона переправляют своих молодых людей к женщинам, живущим западнее Дона.

Данный отрывок напоминает легенду Геродота о происхождении савроматов от скифов и амазонок. По Геродоту все события между скифами и амазонками происходили на Кремнах у озера Меотида (Азовское море). Данное место находится западнее реки Дон. По Геродоту савроматы переселяются восточнее Дона позднее [1, IV, 110–117].

Затем Огуз-хан продвигается в «Страну мрака», под которой бесспорно подразумевается страна киммерийцев, поскольку в «Одиссее» Гомера страна киммерийцев называется «страной мрака», в которую

никогда не падают лучи солнца [12, XI, 14–19]. В «стране мрака» Огуз-хан забирает много драгоценностей. Данный сюжет повторяет сюжет у Валерия Флакка, в котором говорится о скифском царе Авхе (Липоксай, царь авхатов), который «демонстрирует киммерийские богатства» [13, VI, 60], безусловно награбленные им в стране киммерийцев.

Переход Кавказского хребта скифами и огузами. После «страны мрака» (Северное Причерноморье) Огуз-хан отправился в бескрайнюю пустынную страну (Калмыкия), которая расположена между Кыл-Бараком и Атилем (Волга). Отсюда он перекочевал в сторону хазарского Дербенда ... (и далее) двинулся на Ширван и Шемаху (Северо-Восточный Азербайджан)» [11, с. 37, 39].

Обратимся к Геродоту: «...скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян (Азербайджан)» [1, IV, 12].

Двигаясь из Северного Причерноморья на юг и «держась слева от Кавказа» – единственное место, где можно пересечь Кавказский хребет и войти в Азербайджан, это Дербентский переход. Если бы скифы держались справа от Кавказа, то они пересекли бы Кавказский хребет не в Дербенте, а подобно киммерийцам, в Грузии, пройдя по Черноморскому побережью через Абхазию, либо пройдя по маршруту современной Военно-Грузинской или Военно-Осетинской дорог. Предметом идентификации является движение скифов и огузов из Северного Причерноморья на юго-восток и переход Кавказского хребта в направлении Азербайджана в Дербенте. Интересно то, что и скифы, и огузы, перейдя Волгу, продвигаются на запад в Северное Причерноморье и затем возвращаются обратно на восток.

Поход в Египет скифов и огузов. Геродот пишет: «Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетский царь, с дарами, и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон» [1, I, 105].

Обратимся к Рашид ад-Дину: «И как только сыновья Огуза подошли к границам Египта, к ним навстречу вышли все знатные люди страны. Они доставили сыновьям [Огуза] подарки и дорогие вещи и, став илем, подчинились им ... они [сыновья Огуза] получили от Египта налоги за три года ... много денег и по приказу Огуза возвратились назад и предстали перед своим отцом. Огуз оставался в Дамасском вилайете [округе] еще один год» [11, с. 53].

Основаниями нашей идентификации являются: цель похода – завоевание Египта, встреча завоевателей знатными особами, мирное подчинение египтян и их готовность выдать дань, согласие на это завоевателей, возвращение войска с данью без кровопролития, остановка войска по пути на родину в Сирии/Дамасском вилайете.

Археологические подтверждения миграции скифов. Большой Гумаровский курган является археологическим подтверждением информации Геродота и Рашид ад-Дина о пути миграции скифов и огузов сквозь Прикаспийские степи. Теперь нам следует попытаться найти археологические подтверждения всего пути миграции скифов и огузов. Информация Геродота позволяет нам проследить первое появление скифов лишь с того момента, когда они появляются в бассейне Волги, то есть в Прикаспийской низменности. Соответственно, для идентификации археологических памятников ранних скифов на территории восточнее этого региона мы вынуждены опираться исключительно на информацию Рашид ад-Дина.

В соответствии с Рашид ад-Дином, юртом (родной землей) Огуз-хана являются Куртак и Уртак – летовка, Талас и Сайрам – зимовка. В соответствии с переводчиком Огуз-наме Р.М. Шукюровой Куртак и Уртак располагаются северо-западнее озера Балхаш в Казахстане. Талас и Сайрам это территории в регионе Шымкента в Казахстане и Таласской долины в Северо-Западном Кыргызстане [11, с. 101, прим. 2, 5]. Рашид ад-Дин отмечает, что территории, простирающиеся на восток от владений Огуз-хана, вплоть до самых крайних провинций Каракорума, принадлежали племенам его дядей. Огуз-хан подчиняет себе все эти территории. Далее Рашид ад-Дин добавляет, что племена, населяющие все эти территории, из одного «рода и племени» с Огуз-ханом [11, с. 28–33]. Таким образом территории, Рода Огуз-хана простирались от Центрального Казахстана и вплоть до Центральной Монголии и Южной Сибири. Курганный могильник в Чиликтинской долине, являющийся древнейшим свидетельством скифо-сакской культуры, находится на этой территории [5, с. 10, рис. 1], а скифский могильник Аржан находится на её восточных границах [8, рис. 1].

Сообщая о продвижении Огуз-хана в западном направлении, Рашид ад-Дин говорит нам о том, что первым пунктом миграции Огуз-хана была страна «Башгурд» [11, с. 33]. Именно здесь на самых южных границах Башкортостана, в Кувандыкском районе Оренбургской области находится Большой Гумаровский курган ранних скифов, являющийся твердым свидетельством достоверности информации Геродота и Рашид ад-Дина.

Далее Огуз-хан переходит реку Волгу и двигается в направлении «темной стороны света». Как указывалось

выше, здесь речь идет о территории между Волгой и Доном. Здесь в регионе Северного Кавказа широко представлены скифские курганы: Келермесские, Краснознаменские, Ульские. Важно отметить, что, в соответствии с Рашид ад-Дином, Огуз-хан оставался здесь семнадцать лет и «обновил свое оружие» [11, с. 35]. Действительно, археологические материалы Северного Кавказа свидетельствуют о длительном периоде пребывания здесь скифов. Указание Рашид ад-Дина на то, что Огуз-хан «обновил свое оружие», совершенно четко объясняет наличие на указанной территории большого количества погребений со смешанным инвентарем [3, с. 110, 128, 130, 178, 180, 202, 204]. Таким образом, погребения со смешанным инвентарем вышеуказанного типа, это погребения скифов, перенявших многие формы оружия у киммерийцев. Далее повествуется о вторжении огузов в «Страну мрака» [11, с. 37]. Здесь речь идет о стране киммерийцев в Северном Причерноморье. Памятники ранних скифов относящиеся к VII в. до н.э. фиксируются на северных границах этого региона в лесостепной зоне [14].

Далее скифы и огузы продвигаются на Южный Кавказ, в Азербайджан, через Дербентский проход, по побережью Каспийского моря. Примечательно, что наиболее ранние образцы скифских наконечников стрел в Азербайджане были обнаружены несколько южнее от берега Каспийского моря на Апшеронском полуострове, в поселке Гюргян [15, с. 57]. Это архаические наконечники типа Енджа, о которых говорилось выше в контексте Большого Гумаровского кургана. В соответствии с информацией Рашид ад-Дина после этого, в пределах территории Азербайджана, Огуз-хан продвигается в степи Арана и Мугана и создает себе там «юрт». В этих степях памятники ранних скифов представлены Мингечаурскими курганами и Малым курганом в Мильской степи [16].

Дальнейшее продвижение скифов в Переднюю и Малую Азию фиксируется по таким памятникам, как, например, Зивие, Норшунтепе и Кархемыш. В соответствии с Рашид ад-Дином после этого Огуз-хан направляется в Алатак в Турции (южнее озера Ван) на летовку. Несколько юго-восточнее Алатака был найден скифский клад на холме Зивие [17]. Из Алатака Огуз-хан идет походом на Диярбекир [11, с. 42]. Северо-западнее Диярбекира было обнаружено скифское погребение Норшунтепе [18]. Далее Огуз-хан идет походом на Антакию. Покорение правителя Антакии наиболее детально описывается в «Огуз-наме». Прямо на северо-востоке от Антакии, на границе Турции и Сирии, находится город Кархемыш, в стенах которого были найдены сотни стрел скифского типа. Помимо этого в Кархемыше были найдены различные изделия и оружие скифского типа [9, с. 42].

Идентификация ситуаций эпохи скифов и Огуз-хана. Автор перевода «Огуз-наме» Р.М. Шукюрова пишет: «Главные события, изложенные в эпосе, происходили в промежутке между владычеством Огуз-хана и десятого хана Иналсыр Явкюя. Время это, берущее начало с VII в. до н. э., было весьма длительным и, согласно Рашид ад-Дину, жившему в начале XIV в., оно, начиная от Огуз-хана, длилось около двух тысяч лет. Такое временное пространство можно принять с учетом того, что Рашид ад-Дин прекрасно знал иудейские традиции, согласно которым он и относил историю древних тюрок к VII в. до н. э., когда началось проникновение среднеазиатских племен на запад» [11, с. 14]. Какой главный вывод следует из этого важного для истории тюрок суждения? Тюрки-огузы стали проникать в Переднюю Азию и Закавказье в VII в. до н. э. Это подтверждается иудейской исторической традицией, так считает Рашид ад-Дин, окончивший иудейскую духовную семинарию.

Геродот называет этот народ skuthai (скуз/куз) [см.: 19], семитские источники – ашгуз, ишгуз, а Рашид ад-Дин – огузы. Во всех трех этнонимах прослеживается один и тот же корень «гуз/куз». Таким образом, сопоставительный анализ хронологии и сюжетов миграции «царских скифов» и огузов и их сопоставление с археологическими памятниками дает возможность полностью идентифицировать историю «царских скифов» с историей древних огузов.

Литература

1. Геродот. История / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
2. Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1988. Вып. 29.
3. Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.
4. Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergachev V.A., Kovalyukh N., Possnert G., Van Der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some problems in the study of the chronology of the Ancient Nomadic Cultures in Eurasia (9th - 3rd centuries BC) // Geochronometria. Vol. 21, 2002.

5. Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М., 1965.
6. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. По материалам Уйгарака. М., 1973.
7. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
8. Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
9. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
10. Гасанов Заур. Царские скифы. New York, «Liberty Publishing», 2002.
11. Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987.
12. Homer. Odyssey. Translated by A. T. Murray. «Harvard University Press», 1995.
13. Valerius Flakkus. Argonautica. Transl. by J. H. Mozley. «Harvard University Press», 1934.
14. Скорый С. А. Скифы в днепровской правобережной лесостепи. Киев, 2003.
15. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
16. Haszanov, Zaig. Идентификация собственно скифских погребений в археологии Азербайджана (на венгерском яз.) // «Magyarorszbg-Azerbajdzsn: a kulturbk prbeszide». V Nemzetkzdi tudomnyos konferencia, Kivonatok. Budapest, 2010.
17. Sulimirski T. The background of the Ziwiye find and its significance in the development of Scythian art // Bulletin of the Institute of Archaeology (London), no. 15, 1978.
18. Hauptmann H. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beitrdge zur Altertumskunde Kleinasiens. Hrsg. R. M. Boehmer, H. Hauptmann. «Festschrift fr K. Bittel». Mainz, 1983.
19. Гасанов З.Г. Чтение этнонима «скиф» // Научные проблемы гуманитарных исследований. Пятигорск, 2010. Вып. 1.

ЗАСЕЛЕНИЕ НОВОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЛИНИИ ОРЕНБУРГСКИМИ КАЗАКАМИ

Годовова Е.В.

Филиал Уральской академии государственной службы, Оренбург

В 1835 г. возобновилась работа по переносу пограничной линии Орская–Верхнеуральская–Троицкая крепости вглубь «Киргиз-кайсацкой степи». Для более тщательной разработки проекта реорганизации пограничной линии 9 ноября 1834 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский создал специальный «местный комитет», в состав которого вошли: начальник штаба корпуса Рокасовский, председатель пограничной комиссии генерал-майор Г.Ф. фон-Генс, обер-квартирмейстер корпуса полковник генерального штаба А.М. Жемчужников, старший инженер корпуса подполковник К.Н. Тофаев, правитель канцелярии военного губернатора подполковник И.А. Серета, командир неперменного полка подполковник И.В. Падуров и чиновник по особым поручениям при военном губернаторе коллежский асессор В.И. Даль [1, с. 90]. Этот комитет в кратчайшие сроки разработал программу проведения всех необходимых в степи работ.

В декабре 1834 г. В.А. Перовский направил в Азиатский комитет Министерства иностранных дел доклад, где отмечал, что «пространство новой линии так обширно, что о постоянном заселении её думать нельзя иначе, как исподволь, в течение нескольких лет ... почему необходимо занять прежде всего фланги и постоянные укрепления» [2, л. 30].

Новую границу планировалось провести напрямую от Орской до Троицкой крепости, лишив тем самым казахов («киргиз-кайсаков») и башкир возможности нападать друг на друга на этом участке, и возвести на более чем 500-вёрстном участке пяти новых полевых укреплений по пять редутов между ними. По предварительным расчётам для заселения укреплений предполагалось перевести в них солдат сформированных в 1804 г. четырёх линейных батальонов – 4, 6, 8 и 10-го. Причём в каждое из пяти укреплений планировалось заселить по 100 человек пехоты, 250 казаков и башкир, а редуты занимать только с весны до глубокой осени сменными командами из укреплений старой линии. Всего на первое время необходимо было иметь в трёх укреплениях 300 пехотинцев при трёх орудиях, 750 казаков и башкир, в девяти редутах ещё 540 человек кордонной стражи и в 12 пикетах – 360 казаков. Общая потребность гарнизонов линии определялась в 1950 человек [3, с. 15]. Губернатор считал целесообразным запретить представителям иных сословий поселение на линии; пространство между линиями он предлагал передать в собственность Оренбургского казачьего войска (по 30 десятин на душу мужского пола и особые наделы для офицеров, церкви и в запас), оставшиеся же земли в районе Старой линии должны были отойти в собственность казны [4, с.17].

Доклад и предложения Оренбургского военного губернатора после обсуждения в Азиатском комитете и Министерстве финансов были признаны «правильными и полезными» при условии внесения некоторых поправок, в частности, предполагалось для ОКВ нарезать лишь 15-ти вёрстную полосу вдоль линии. В декабре 1834 г. план был утверждён императором [4, с. 91].

Положением 1835 г. о перенесении Оренбургской пограничной линии предусматривалось, что поселяне новой линии должны быть вместе с тем и её защитниками. Наиболее подходящими для этой роли были казаки.

В марте 1835 г. к составу ОКВ был причислен I Оренбургский казачий полк, сформированный из I и II Тептярских полков [5]. В 1835 г. в казачье сословие были обращены нижние чины 4, 6, 8 и 10-го батальонов, исключая лишь мужчин, которые состояли на действительной службе. Штаб- и обер-офицерам, дворянам и польским уроженцам было предоставлено право переходить в войско по желанию [6, с. 239]. Однако принятие чинов этих батальонов в войско состоялось только 5 мая 1837 г., когда было Высочайше утверждено Положение о преобразовании линейных батальонов [7, л. 44]. Солдаты и их семьи были переведены с прежней (старой) Оренбургской пограничной линии на новую и во вновь возводимые укрепления.

На Новой линии в 1835 г. были основаны укрепления Императорское, Наследническое, Михайловское; в 1836 г. укрепления – Константиновское, Николаевское, станицы: Ново-Орская, Елизаветинская, Мариинская, Атаманская, Екатерининская, Княжнинская, Еленинская, Надеждинская, Веринская, Варваринская; в 1837 г. – Кумакская, Петровская, Павловская, Андреевская, Аннинская, Георгиевская, Ольгинская, Владимирская, Александровская, Софийская, Натальинская, Алексеевская и Кирилловская [8, с. 67–68].

В начале июня 1837 г. командиры 4-го линейного батальона подполковник Рима и 6-го подполковник Линевиц отправили первую очередь солдат-переселенцев в укрепления 1-й и 2-й дистанции Новой пограничной линии. Параллельно с ними из Степной и Магнитной крепостей в 3, 4 и 5-ю дистанции стали прибывать команды из состава 8-го и 10-го линейных батальонов подполковника Суханова и майора Черных. Солдаты 4-го батальона заняли укрепления от Орской крепости до Мариинской станицы небольшими командами: в частности, в Орскую переводились 3 унтер-офицера, 27 солдат и 7 нестроевых, в Наслединское укрепление – 2 унтер-офицера и 13 нижних чинов. Аналогичные по численности команды были посланы в Петровскую, Елизаветинскую, Павловскую, Атаманскую и Андреевскую станицы. Всего в течение лета и начала осени 1837 г. на линию было переведено 1929 нижних чинов из линейных батальонов [9, с. 101].

«Причисление в войско линейных батальонов, – отмечал в своём отчёте наказной атаман генерал-майор Г.В. Жуковский, – принесло ощутимую пользу как увеличению состава, так и усилению сторожевых нарядов казаков на полевую службу и в общественные повинности» [10, л. 60]. Несомненно, численность ОКВ увеличилась за счёт обращённых в казачье сословие линейных батальонов, однако на боеготовность крепостей это повлияло мало, в первую очередь потому, что у солдат, поселённых на новой линии, не было своего хозяйства. Оно осталось на старой линии, у отцов или старших родственников. Нередко вследствие нерасторопности командиров батальонов, составлявших формулярные и семейные списки, родственники оказывались в разных станицах, что приводило к дроблению хозяйств и полуническому существованию переселенцев [11, лл. 9, 17].

В.А. Перовский решил упразднить казачьи станицы 3, 4 и 5-го внутренних кантонов в Уфимском и Бузулукском уездах, а население этих станиц перевести на новую линию [12, с. 25]. Из Уфимской, Табынской, Ельдятской, Нагайбакской и Бакалинской станиц 3-го кантона планировалось перевести 1317 казаков, из Новосергиевской и Переволоцкой – 416, а из 5-го кантона (Самарская, Алексеевская, Мочинская, Красносамарская, Борская, Ольшанская, Бузулукская, Тоцкая и Сорочинская) – 2419 казаков. Т.е. всего на новую линию В.А. Перовский планировал перевести 4152 душ мужского пола (1698 хозяйств) [13, с. 98]. Когда 3, 4 и 5-му кантонам было объявлено о распоряжении правительства учредить здесь военное поселение, а всем казакам переселиться на новую линию, казаки станиц Переволоцкой и Новосергиевской 4-го кантона и Борской, Красно-Самарской и Мочинской 5-го кантона изъявили желание переселиться на новую линию целыми станицами. В то же время многие казаки просили оставить их на прежнем месте жительства, посылая прошения на Высочайшее имя, объясняя нежелание переезжать отсутствием средств, болезнями и другими причинами. Но власти довольно жестоко расправлялись с не выполняющими приказ. Многие были подвергнуты телесным наказаниям, а некоторые зауряд-офицеры и урядники приказом военного губернатора были разжалованы и переселены в отдалённые места. После того как было объявлено, что все, кто не хочет переселяться, должны будут вступить в состав регулярных полков, желающих служить на новой линии стало больше. Некоторые казаки даже просили разрешения у В.А. Перовского переселиться в этом же году, что и было разрешено приказом Военного министерства от 8 июня 1838 г. [14, л. 10]. Всего в 1838 – 1839 гг. в новые станицы и укрепления переселилось 663 казака (без учёта семей) из станиц 3, 4 и 5-го кантонов.

С проведением Новой линии от крепости Орской до отряда Березовского, была организована кордонная стража из оренбургских казаков и башкир 9 и 10-го кантонов. Для размещения этой стражи были устроены кордоны, а между ними форпосты на расстоянии от 5 до 10 вёрст каждый. Порядок охранения линии остался такой же, какой существовал на старой линии [15, с. 106].

Итак, в течение 1835–1840 гг. местная администрация провела реорганизацию Оренбургской пограничной линии. На новую линию были переведены солдаты линейных батальонов, казаки внутренних кантонов, государственные крестьяне Оренбургской и других губерний России, что, естественно, увеличивало состав Оренбургского казачьего войска.

Литература

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999.
2. ГАОО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 45.
3. Кобзов В.С. Новая линия // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1992. № 1.
4. Казачьи войска азиатской России в XVIII – начале XX вв. Сб. док. / Сост. Н.Е. Бекмаханова. М., 2000.
5. ПСЗ-2. Т. X. № 7985.
6. Казин В.Х. Казачьи войска. По первое апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Репринтное издание, 1902.
7. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146.
8. Любовь и Восток (сер. «Вся Россия»): Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, рассказы, стихи. М., 1994.
9. Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. Челябинск, 1996.
10. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 2056.
11. ГАОО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 567.
12. Русов Г.И. Заселение Новой пограничной линии // Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. Программа и материалы региональной научной конференции. Оренбург, 1996.
13. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999.
14. ОГАЧО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 2.
15. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знамёнами и карты. Оренбург, 1891.

НОГАЙСКАЯ ОРДА: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Джумагалиева К.В.

Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова

История взаимоотношения Ногайской Орды с Русским государством уходит своими корнями в далекое прошлое. Известно, что Ногайская Орда возникла после распада Золотой Орды и стала одним из крупных государственных объединений своего времени. Окончательное объединение в единое государство – Ногайскую Орду относится к самому концу XV в. Первоначально это государственное объединение называлось «Мангытским юртом», по названию одного из племен: мангытов. В состав территории Ногайской Орды входили бассейны рек Урала, Белой и Уфы (т.е. более поздний Оренбургский край, Башкирия) и часть территории Западного Казахстана.

Активные дипломатические отношения Ногайской Орды с Русским государством начинаются лишь с середины XVI в. Позднее налаживание отношений объясняется рядом обстоятельств. Одной из них является сохранение кочевого и полукочевого образа жизни, что наложило определенный отпечаток на внешнеполитические взаимоотношения с соседними государствами. Другим не менее важным обстоятельством являлось отсутствие крупных городов и населенных пунктов. Среди наиболее значимых центров выделялся лишь Сарайчик. Верховная власть принадлежала князьям, при которых был еще Совет мурз.

Немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий, посетивший Ногайскую орду, писал, что «им (ногаем – *К.Д.*) разрешается иметь своих собственных князей, атаманов и судей, но чтобы не было оснований ожидать мятежа, несколько человек из мурз или князей всегда должны поочередно храниться и содержаться в Астрахани в кремле в качестве заложников» [1, с. 236].

Помимо того, другим отличием Ногайской орды была достаточно высокая плотность населения по сравнению с Астраханским и Сибирским ханствами. Так, некоторые из документов свидетельствуют о том, что Ногайская Орда могла при необходимости выставить войско численностью до 120–140 тыс. человек. Если это было так на самом деле, то, предположительно, численность населения Орды составляла порядка до 250–300 тыс. человек. Адам Олеарий отмечал способность ногаев быстро собраться в поход до нескольких сотен тысяч человек и их смелость при нападении на врага.

Начало ногайско-русских дипломатических отношений можно отнести к концу 1489 г., так как в это время началась дипломатическая переписка царского двора с биями Ногайской орды. А уже в начале XVI в. в связи с развитием данных отношений в Москве возник особый «Ногайский двор».

Завоевание Казанского ханства в 1552 г. русским царем Иваном Грозным послужило толчком к активизации дипломатических отношений Русского государства с Ногайской ордой. Дружеские отношения двух государств сложились значительно раньше, поэтому со стороны России Ногайская орда получала как политическую, так и экономическую помощь. Вот почему довольно часто Ногайская орда выступала на стороне Российского государства во время присоединения районов Поволжья и Сибири. Но среди самих князей не было единого взгляда на внешнеполитические отношения с Россией.

В 1553 г. князь Юсуф организовал поход на Москву, дошел до реки Оки, но возле Каширы был остановлен. Но по сути, бий Юсуф пытался сохранить одновременно связи с Москвой, с враждовавшими с Российским государством Турцией и Крымом и со Средней Азией. В то время как его брат мурза Исмаил проводил политику в пользу Российского государства и предпринимал все шаги к сближению с Россией. Эти противоречия между двумя братьями в конце концов закончились драматически, когда в результате в 1555 г. князь Юсуф был убит, а бием стал его брат Исмаил. Дети князя Юсуфа не простили своего дядю и через год начали войну с ним, которая закончилась поражением князя Исмаила.

Борьба внутри Ногайской Орды между различными родовыми кланами сказалась, соответственно, на изменении отношений и направлений внешней политики Орды с Русским государством. Это стало одной из причин обострения кризиса внутри всего Ногайского государства. Борьба обострилась настолько, что в 1556 г. Ногайская Орда раскололась на 3 части: Больших и Малых Ногаев и Алтыульскую Орду.

Большая Ногайская орда занимали территорию в Прикаспии, от Волги до реки Урала, где восторжествовала ориентация на Москву, и где победил Исмаил и его потомки, сохранившие за собой основной массив территории Ногайской Орды. Столицей Большой Ногайской орды стал золотоордынский город Сарайчик (Сарайшык). В 1555–1558 гг. мурза Казы (Касай) вместе с родственниками сына князя Юсуфа откочевали за Кубань и создал государство Малую Ногайскую орду (или Казиев юрт). Это были новые земли в предгорьях Северного Кавказа. В своей внешней политике «юрт» стал опираться на Крымское ханство и Турцию, отношения с которыми длились до середины XVIII в. К бию Казы присоединились сыновья князя Исмаила. Это были Тинбай и Кутлубай, возглавившие род «найман». Третьим ногайским объединением стала «Алтыульская», или «Джембойлукская» (Жембойлыкская) Орда. Это этнополитическое объединение обосновалось на реках Жайык и Эмба. Во главе Алтыульской Орды стал князь Ших-Мамай, положивший начало единению каракалпакского народа.

В 1557–1558 гг. в Большой Ногайской орде начался голод и эпидемия чумы, и тогда ногайцы в большом количестве бежали под Астрахань. Они кочевали вблизи города под управлением астраханских воевод. Английский посланник Энтони Дженкинсон, посетивший в 1558 г. Астрахань, отмечал, что очень много людских потерь «особенно среди татаро-ногайцев, которые пришли тогда сюда отдаться в руки русских ... и искать у них помощи» [2, с. 46]. А Кристофер Эрроу, посетивший Астрахань в 1579–1581 гг., отметил, что вблизи городской крепости жили 7 тысяч этих юртовских «ногайских татар» [3, с. 307].

Отношения, сложившиеся между Российским государством и Ногайской Ордой английский путешественник Эрроу назвал как «отношения сюзерена и вассала». Но данные отношения продлились недолго, так как в 1563 г. умер бий Исмаил. Перед своей смертью он обратился к правившему тогда царю Ивану Грозному с просьбой, чтобы тот проследил за тем, «кому на каком улусе быти, и во всем тем велел смотреть на тебя и слушать во всем. А от их недругов приказал тебе, чтобы ты берег их» [2, с. 25–26].

За 56 лет (с 1563 по 1619 гг.) в Ногайской Орде сменилось на престоле пять биев. Несомненно, это сказалось на внутренней обстановке, значительно ослабляло государство. В этот период наблюдалось

обострение отношений между Российским государством и Ногайской Ордой, которые дошли до критической отметки. Хотя, вместе с тем имели место примеры, когда ряд богатых ногайцев, из представителей родовой аристократии принимали христианство и нанимались на службу при царском дворе.

Адам Олеарий, посетивший Астрахань в сентябре 1636 и в 1638 гг., назвал ее «главным городом страны Нагайи» [1, с. 25–26]. Царь Борис Годунов в период своего правления по отношению к ногайцам проводил политику «разделяй и властвуй». Так, говоря о ногайских мурзах, он указывал «астраханским воеводам их ссорити». Данная политика привела не только к недовольству среди ногайцев, обострению отношений среди мурз, но и к массовому бегству ногайцев на Кубань. В связи со всеми этими обстоятельствами царская власть вынуждена была отказаться в 1622–1623 гг. от проводимой политики в отношении Ногайской Орды. Одна из основных причин отказа от старой тактики стало то обстоятельство, что через Ногайскую Орду производились контакты с казахами и Средней Азией. Казахская степь была для России важнейшим поставщиком скота и базой транзитной торговли [4, с. 111, 113]. Именно в Астрахани в 1600 г. на престол ногайцами был посажен известный бий Иштерек, правивший до 1623 г.

Таким образом, признав вассальную зависимость от Московского государства, Ногайская Орда оказалась как в экономической, так и политической зависимости от России. Такая ситуация продолжалась до 1606 г., пока не прекратила существование династия бия Исмаила. Обострение противоречий в регионе, привело к тому, что большинство ногайцев перешли на территорию Крымского ханства и Турции. Тем самым Ногайская Орда перестала быть союзником России и перешла на сторону Турецкой империи.

Следует отметить, что зарубежные авторы, рассматривая русско-ногайские отношения, отмечают агрессивную политику только России, замалчивая или идеализируя политику, проводимую Османской империей и ее вассалом Крымом по отношению к Казани и Ногайской Орде, в корне отрицая ее колониальную суть, каковой она на самом деле и являлась.

В работах исследователей советского периода и новейшего времени отмечается, что Ногайская Орда, Казанское ханство, в целом Поволжье имели важнейшее значение в политике Российского государства. Одним из основных выводов этих работ является то, что сближение народов Среднего и Нижнего Поволжья с Россией было не случайным, а объективно закономерным явлением, обоюдно выгодным для всех сторон.

Вопрос о взаимоотношениях между двумя такими государствами как Ногайская Орда и Россия до сих пор не исследован до конца. Есть достаточно спорных проблем, которые требуют тщательного анализа, изучения архивных документов.

Литература

1. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. Махачкала, 1999.
2. Калмыков И. Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск–Ставрополь, 1988.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
4. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988.

КАЗАХСТАН И КАРАКАЛПАКСТАН: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Джумашев А.

*Институт истории, археологии и этнографии
Каракалпакского отделения АН РУз, Нукус*

Объясняя выбор данной темы, хотелось бы отметить, что, во-первых, после образования Каракалпакской автономной области, в конце 1924 г., она была включена в состав Казахстана. Во-вторых, конец 20-х гг. XX в. известен в истории бывшего Союза как начало политики коллективизации сельского хозяйства, которая закончилась рядом народных бунтов, восстания против Советской власти, как в Каракалпакстане, так и в Казахстане. После этих событий Каракалпакстан перешел административным путем в состав РСФСР. И, в-третьих, последствия коллективизации отразились в Казахстане голодом 1932–1933 гг. В архивных материалах того периода мигрировавшие в Каракалпакстан казахи в делопроизводственных документах назывались

«казахи-откочевники». Правительство Каракалпакстана непосредственно занималось устройством прибывших казахов-скотоводов. Численность обустроенных казахов-откочевников была более 10 тыс. хозяйств.

В этой публикации хотелось бы более подробно остановиться на третьем пункте, так как переселение проходило непосредственно на территорию Каракалпакстана. Хотя к этому времени Каракалпакстан был включен в состав РСФСР, история еще раз показала тесные взаимоотношения Казахстана и Каракалпакстана в трудное и тяжелое время.

Голод вынудил казахов к массовой миграции. Вследствие чего более 1 млн. человек откочевали за пределы Казахстана, из них около 600 тыс. безвозвратно и примерно 400 тыс. впоследствии вернулись на родину. Основное количество переселенцев направлялось в среднеазиатские республики в надежде найти пути выхода из создавшегося положения.

Об этом свидетельствует письмо Т. Рыскулова (заместитель председателя СНК РСФСР) от 9 марта 1933 г. в адрес Сталина. В нем говорится: «По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казахов: ..., в Каракалпакии – 20 тыс., ...» [1, с. 33]. Однако основная часть переселенцев осела в Каракалпакстане. Массовое переселения казахского народа в архивных источниках зафиксировано термином «казахи-откочевники». Первые партии переселенцев на территории Каракалпакстана появились в марте 1933 г.

С апреля 1933 г. правительство Каракалпакстана вплотную занялось хозяйственным устройством казахов-откочевников и беспризорных детей казахов. В целях оказания помощи стихийно перекочевавшим казахам и для проведения мероприятий по их устройству в начале апреля того же года в ряд районов была направлена ответственная комиссия ЦИК и СНК ККАССР во главе с председателем ЦИК ККАССР К. Нурмухамедовым. Комиссия мобилизовала районный актив на оказание помощи откочевникам. Эта комиссия провела в г. Чимбае межрайонное совещание с представителями Чимбайского, Тахтакупырского, Караузьянского и Кегейлийского районов. В принятых решениях констатировалось отсутствие какой бы то ни было работы со стороны районных организаций по устройству казахов и предлагалось к 1 мая 1933 г. выявить точное число откочевников [2, л. 55].

Работа, проведенная штабом комиссии, дала следующие результаты:

а) как в существующие колхозы, так и во вновь организуемые, было принято значительное количество переселенцев;

б) кроме того, по договору с хозяйственными организациями было устроено на работу свыше 600 человек, не считая некоторые хозяйства, где во внеплановом порядке переселенцы уже до этого были определены на хозяйственные работы;

в) одновременно с этим было проведено устройство беспризорных детей казахов-откочевников, которых разместили в разных детских домах – более 800 детей.

Тем не менее, положение продолжало оставаться чрезвычайно напряженным, так как помощь, оказываемая правительством Каракалпакстана, была явно недостаточной и не решала в радикальной форме всех проблем. Мероприятия, проведенные правительством Каракалпакской республики, в лучшем случае, создали необходимую предпосылку для того, чтобы прекратить голодную смертность, имевшую место среди откочевников, лишенных каких бы то ни было продовольственных ресурсов.

Такое положение вынудило правительство Каракалпакстана со всей категоричностью ставить вопрос перед центральными государственными органами о необходимости оказания быстрой и решительной помощи. Первое заседание правительственной комиссии датируется 13 апреля 1933 г. [2, л. 8]. На нем были рассмотрены вопросы обеспечения рабочими местами переселенцев на хозяйственных и промышленных предприятиях.

Следующие ниже документы свидетельствуют о том, что составленный план комплексных мероприятий по устройству казахов-откочевников на 1933 г., в силу отсутствия части материалов из районов и текучести самих откочевников, не дает возможности изучить социально-экономическое состояние последних и рационально размещать их на территории республики. Там же было сказано, что проводимые до сих пор мероприятия временного порядка не давали производственного эффекта, не велась повседневная массовая разъяснительная работа среди откочевников, что привело в некоторых районах к их возвращению в Казахстан.

На основании вышеприведенных фактов, от имени секретаря КК Обкома ВКП (б) И. Алиева и председателя СНК ККАССР К. Аvezова, 1 июля 1933 г. была направлена правительственная телеграмма в Алма-Ату в Казкрайком ВКП (б) и СНК КазАССР, из которой можно сделать вывод, что на территорию Каракалпакстана перекочевало 3358 хозяйств. Из них предполагалось устроить в сельском хозяйстве 1215 хозяйств, и в

местных промышленных организациях было решено занять всего 1243 хозяйства, 900 хозяйств категорически отказались оставаться в Каракалпакстане, стихийно передвигаясь к пристаням Аральского моря в целях переезда на родину [2, л. 169]. Среди них вспыхнули эпидемические заболевания по причине недоедания.

Общее положение казахов-откочевников к середине августа 1933 г. характеризовалось следующими показателями: часть из них была устроена в колхозах или принимала участие в колхозном производстве, или, оставаясь единоличниками, имела собственные посеы. Другая часть была занята на производственных предприятиях и на стройках Каракалпакстана. А значительная часть откочевников устроилась бесплановым методом, самотеком. Многие самостоятельно устраивались на работу на различных участках хозяйственного и культурного строительства или осваивали свободные земли.

Ответом на правительственную телеграмму со стороны руководства Казахстана послужило то, что к концу августа 1933 г. в Каракалпакстан было послана комиссия под председательством С. Мендешева [3, л. 24]. Данная комиссия должна была произвести реэвакуацию казахов-откочевников. После прибытия этой комиссии, при участии Мендешева было принято постановление СНК ККАССР за № 265/345 от 1 сентября того же года «Об оказании помощи представителям Казахстана по отправке перекочевавших казахов» [3, л. 38]. Там же было предложено председателям РИКов (Районных исполнительных комитетов) оказывать полное содействие представителям Казахстана по отправке перекочевавших казахов обратно в Казахстан, предоставляя транспорт и прочее необходимое. Также было указано, что нужно обратить внимание на то, чтобы уже об устроенные казахи не попали в число отправляемых на родину. И следует проводить среди них разъяснительную работу.

Правительство Каракалпакстана рекомендовало комиссии реэвакуировать только те хозяйства, которые не устроены ни на промышленных предприятиях, ни в колхозах. Следовательно, осуществить реэвакуацию лишь тех 900 хозяйств, которые желали вернуться в Казахстан еще задолго до приезда данной комиссии.

От 13 декабря 1933 г. была направлена телеграмма Мендешева в правительство Каракалпакстана, где он сообщает: что «завербовано» всего по республике 2 тыс. хозяйств, это 8 тыс. человек, из них 2000 человек задерживаются в Кантаузьяке Государственным пароходством, 1500 человек ожидают продовольствия в Караузке [3, л. 91].

Впоследствии эта комиссия допустила грубую ошибку в вопросе реэвакуации казахов-откочевников, что в дальнейшем привело к чрезвычайно тяжелой ситуации. Вместо того чтобы отправить 900 хозяйств, которые в свое время категорически отказывались оставаться на нашей территории, это комиссия, по их же словам, «завербовала» хозяйств в два раза больше.

Это привело к тому, что побросали свои посеы даже те казахи-откочевники, которые имели свои земли. Имели место такие случаи, когда бросали свою работу переселенцы: председатели и секретари колхозов. Из детдомов в те дни бежало много беспризорных детей откочевников.

Словом, началось массовое, неорганизованное движение за возвращение на родину. На пристанях, куда хлынули казахи-откочевники, было огромное скопление людей, которые были не обеспечены в достаточной степени продовольствием. Многие умирали от истощения.

18 октября того же года было принято постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по устройству казахов-откочевников в ККАССР» [4, л. 208], где говорилось:

«1) Принять к сведению, что по плану, утвержденному СНК ККАССР из общего количества хозяйств, откочевавших в Каракалпакстан в количестве 3358 семей, в сельском хозяйстве устраиваются 1215 хозяйств, размещаются в кустарной промышленности и на других работах 1243, остальные 900 семей изъявили желание вернуться назад ...

7) Обязать СНК КазАССР обеспечить средствами и питанием реэвакуацию из ККАССР казахов-откочевников, изъявивших желание вернуться назад».

Плохо проведенная работа комиссии и недостаточное внимание на местах к реэвакуации со стороны районных органов, привела к массовой реэвакуации, значительно превысившей план правительства Каракалпакстана и планы, утвержденные СНК РСФСР, что привело, в свою очередь, к случаям смертности среди откочевников.

25 декабря 1933 г. состоялось заседание республиканской комиссии по устройству казахов-откочевников при СНК ККАССР, на котором было утверждено точное количество хозяйств казахов-откочевников, изъявивших желание осесть в Каракалпакстане – по Ходжейлийскому и Кегейлийскому районам (это 970 и 313 хозяйств) [5, л. 125]. Там же было отмечено, что в связи с тем, что откочевка с каждым днем увеличивается за счет прикочевания казахов из Хорезмской области Узбекистана и Ташаузской области Туркменистана,

СНК ККАССР попросило по телеграфу правительства этих областей провести разъяснительную работу среди казахов-откочевников о прекращении откочевок в пределы Каракалпакстана, а также обустроить их на своих территориях.

16 января 1934 г. состоялось совещание заместителя председателя СНК ККАССР Карпа с секретарями райкомов ВКП (б) и председателями РИКов, где был рассмотрен новый план хозяйственного устройства прикочевавших казахов на 1934 г. [6, л. 71]. К тому времени на территории Каракалпакстана насчитывалось 3875 семей и 1580 беспризорных детей откочевников, и были приняты меры по их трудоустройству.

Этим самым был завершен один из первых этапов по устройству и реэвакуации переселенцев из Казахстана. В 1934 г. начался новый этап, но здесь правительство Каракалпакстана сделало выводы из опыта предыдущих работ и наметило заранее пути решения этих проблем.

Был принят ряд правительственных документов, исполнение которых должно было благоприятно отразиться на обустройстве переселенцев. Но весенний ледоход, который превратился в наводнение, повлиял не только на устройство казахов-откочевников, но и на социально-экономическое положение Каракалпакстана в целом. После стихийных бедствий, которые случились 20–25 февраля 1934 г., вновь началось массовое переселение казахов-откочевников на родину. Чтобы не повторить событий прошлого года, правительство Каракалпакстана заранее оповестило центральные органы, а также, не дожидаясь указов сверху, начало принимать важные документы по решению проблем переселенцев.

И только 16 июня 1934 г. СТО (Совет Труда и Оборона) СССР принял постановление «Об оказании помощи казахским хозяйствам, переселившимся в ККАССР» [7, л. 46]. Там было особо отмечено отправить в Казахстан казахов-откочевников, нестроенных в Каракалпакстане, в количестве 7 тыс. хозяйств. Резкое увеличение количества нестроенных хозяйств казахов-откочевников объясняется тем, что они на территорию Каракалпакстана самостоюм прибыли из Хорезмских и Ташаузских областей.

Для разрешения на местах вопросов, связанных с выполнением данного постановления СТО, СНК РСФСР направил в Каракалпакстан своего представителя Авдеева и предложил ему образовать комиссию из представителей СНК ККАССР и СНК КазССР. Там же под грифом «секретно» СНК РСФСР 11 июля того же года принял постановление за № 624 «О переселении казахов-откочевников из ККАССР в КазАССР» [7, л. 48], где предлагалось определить точное количество переселявшихся казахов-откочевников обратно, руководствуясь принципами добровольного переселения.

17 июля 1934 г. Бюро Каракалпакского Обкома ВКП (б) приняло аналогичное постановление «Об отправке казахов-откочевников» [7, л. 58]. На этом же Бюро было заслушано сообщение Д. Логинова о том, что по уточненным данным в Каракалпакстане осталось 6 тыс. нестроенных хозяйств, 1 тыс. хозяйств откочевала самостоюм в Казахстан. Для организованного отправления этих хозяйств в Казахстан при СНК ККАССР создали оперативную тройку. Постановлением СНК ККАССР от 5 августа того же года за № 221/610 «О переброске казахов-откочевников» [7, л. 62], был установлен срок отправки: с 15 августа по 15 сентября 1934 г.

На заседании комиссии СНК РСФСР по отправке казахов-откочевников 9 августа того же года было принято положение об уполномоченных обкома ВКП (б) и СНК ККАССР по отправке переселенцев. Там же была утверждена инструкция по реэвакуации казахов-откочевников из ККАССР в КазАССР, где в § 2 говорилось: «отправка хозяйств проводится сугубо добровольным порядком, хозяйства, не желающие ехать в Казахстан, устраиваются здесь же, в колхозах, совхозах, предприятиях и на других работах».

Этим самым был завершен второй этап в реэвакуации казахов-откочевников на родину.

Все вышесказанное говорит о том, что переселение казахов-откочевников произошло вследствие проведения в Казахстане политики коллективизации сельского хозяйства, которая привела к массовому голоду. Анализ выявленных нами материалов позволяет констатировать тот факт, переселение казахов-откочевников в Каракалпакстан и в др. соседние республики, мероприятия по решению их проблем составляют собой важную, судьбоносную страницу истории как самих казахов, так и тех народов, которые «приютили» их.

Литература

1. Козыбаев М., Абылхожин Ж., Алдажуманов К. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992.
2. ЦГА Республики Каракалпакстан Ф. 322. Оп. 1. Д. 59.
3. ЦГА Респ. Каракалпакстан. Ф. 322. Оп.1. Д. 85.
4. Там же – Д. 220.
5. Там же – Д. 85.
6. Там же – Д. 170.
7. Там же – Д. 160.

XVIII ғ. ҚАЗАҚТАРДЫҢ БІРЛІГІ МЕН ӘБІЛҚАЙЫР ТҰСЫНДАҒЫ «БОДАНДАНУ» МӘСЕЛЕСІ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ КЕЗЕҢ

Ерімбетова Қ.М.

БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы

Қазақ тарихын парақтай отырып олардың дала өркениетінде ғана емес, әлемдік даму үрдістеріндегі орнын ешкім жоққа шығара алмасын көреміз. Ғылыми зерттеулерде бірінші мыңжылдықтағы Еуразия сахарасын дүрілдеткен ұлы қағанаттар дәуірі: империялық үрдіс, трансконтинентальдық сауда жол торабы, металл балқыту ордасы, сәулет кешендері (Домбаул, Бесшатыр, Есік қорғандары т.б.) және дала әлемдік өркениетіне өшпес үлес қосқан ұлылармен тұлғалануы, екінші мыңжылдықта Еуразияда жаңа түркі халықтар көтерген ұлы империялар бой көтерді, Түркі әлемі қалыптасқандығы туралы т.б. және қазақ хандығының қалыптасуы екі дәуірлік эволюциялық дамудың заңды нәтижесі болғаны жан-жақты тұжырымдалды. Әсіресе дәл осы екімыңжылдықта қазақ жерінде үздіксіз жаугершіліктің жүруіне байланысты халықтың елін, жерін қорғау дәстүрі мықтап орныққандығын Ресей империясының қазақ елін жаулап алуға 282 ж. (1582–1864 жж.) уақыт жұмсауынан-ақ көруге болады. Бұл жөнінде академик М.Қ. Қозыбаев: «Қазақ екінші мыңжылдықта моңғолдың тегеурінді тепкісіне, ойраттардың 370 ж. созылған ойранына, орыстардың төрт ғасырға созылған отаршылдығына, қытайлардың жымысқы зымияндылығына, Орта Азиядағы феодалдық хандықтардың қанішерлігіне төтеп беріп, ұлттық мемлекеттік дәстүрін қалтарыста қалдырмады, ұлт болмысын ешбір жауға алдырмады. Ұлт мүддесі үшін болған күрес ұлтымыздың екінші мыңжылдықтағы басты нәтижесі» екендігін анықтаған еді [1]. Шындығында тәуелсіздікке жеткізген де сол мүдделілік емес пе? Әсіресе қазақтардың Ресей империясы құрамына кіруі мәселесі төңірегінде отандық және шетелдік ғалымдар зерттеулерінде көлемді де көп ауқымды тұжырымдалды және жалғасын табуда. Енді алынған тақырыпқа байланысты қазақтар арасындағы бірлік пен бытыраңқылықтың себеп-салдары және «бодандану» төңірегінде ойымды бөліспекшімін.

XVIII ғ. басында қазақтардың сыртқы саяси жағдайы оңтүстік-батыстан Еділ қалмақтары, солтүстіктен сібір казактары, Жайықтың арғы бетінен башқұрттар, оңтүстігінен Орта Азия хандықтары (Бұхара, Хиуа) шабуылдарына төтеп беру керек болса, олардан да қатерлісі қазақтың жайылымы мен сауда-қолөнері орталықтары қызықтырған шығыстан төнген Жоңғар хандығының қаупі басым болды және екі ортадағы кескілескен қантөгісті күрес жүз жылдан астам уақытқа созылған еді. XVII ғ. 80 жылдарынан бастап жоңғар тайшылары Жетісудағы, ішінара Шу және Талас өзендері бойындағы қазақ қоныстарын қолында ұстап келді. Бірақ Жетісу қазақтарына нақты билік етуге қол жеткізе алмады. Тәуке ханның мықты билігі тұсында қарақалпақтармен бірігіп бірнеше бекіністерге (Тархан бекінісі, Царево қалашығы, Утятск бекінісі), Еділ қалмақтарына жасаған шабуылдары сәтті аяқталды, қазақ жасақтары негізгі сокқыны Ертістің жоғары ағысында жасай отырып (1702–1703 жж.) жоңғарларды ығыстырды, бұған Тянь-Шань қырғыздары да көмектесті және қазақтар жоңғарларға нақты қауіп төндірді. Осы тұста көп мазалайтын сұрақ: кейбір деректердегі «билік үшін күрес пен сұлтандардың оқшаулануға ұмтылуы көп кешікпей бірлікті бұзды, оны көршілері дереу пайдаланып қалды» [2] деген мәліметтердегі ел бірлігінің болмауы туралы түсінік күмән туғызады, яғни қазақтардың өздері ғана емес көршілермен қоян-қолтық жауға қарсы күреске шығуы бірлік пен өзара сенімді білдірсе, татулық пен күш-жігер ғана жеңіске жеткізсе керек. *Бұл біріншіден.*

Екіншіден, шабуылдар табысты болса да Тәуке хан мен Қайып сұлтан «татулық орнату» мақсатымен кездесу өткізуді ұсынып Түркістаннан Текес өзеніндегі қонтайшы ордасына Бөкейді елшілікке жіберуі, қазақ халқының түпкі мақсаты – тыныштық пен бейбіт өмір екендігін көрсетсе керек. *Үшіншіден,* 1710 ж. күзінде өткізілген Қарақұмдағы қазақ жүздері өкілдерінің жиналысы өткізілгені мәлім. Жоңғарларға қарсы соғыс қимылдарын есепке ала отырып Тәуке хан жасақтар мен руларды басқаруды құрылымдық қайта ұйымдастырудың жоспарын ұсынды және үш жүзді жауапты билер арқылы басқару жолымен орталықтандыруды нығайтуға ұмтылды. Бұл қорытындыны заңды құбылыс деп есептеу керек, себебі қазақ жасақтарын құру, қорғаныс қабілетін нығайтуда билікпен бұйрық беретін адам емес, халық ортасында беделді де сөзін өткізе алатын тұлғаның рөлі ерекше болды. Оның мысалы ретінде халықтың қалмақтарға қарсы шабуылға шығуына Бөгенбайдың: «... Жауға мінер тұлпар құрып па? Сұр жебе толы қорамсақ қаңырап бос қалып па?» деген сөзінің бүкіл елді рухтандыруы [3]. Осы жиында Л. Мейер: «Әбілқайыр аға хан болып сайланды», – деп жазса, тарихшы В.Н. Витевский: «Бөгенбай қазақтардың жетекшісі болып сайланады да, ал хан билігі Әбілқайырға берілгендігі» туралы

тұжырымдайды [4; 2]. Ендеше қаншама шапқыншылықты, тұтқындар мен малын әкету, жайылымдары мен мүлкін тартып алу, тұтас рулар мен ауылдарды қырып-жою т.б. ел ішіндегі қасіретті жеңген де біртұтастық, яғни батылдықты жалау еткен ұлттық рухани қасиет екендігі көрінеді.

Төртіншіден, 1713 ж. жоңғар әскерлері жаңадан соғыс қимылдарын өрістете отырып, Цеван-Рабан әскерінің негізгі бөлігін қазақтарға қарсы аттандырады. Дәл 1716 ж. Тәуке хан елшілерінің Сібір губернаторы М. Гагаринмен келіссөзінде Ресейдің әскери көмегі туралы мәселе қойылады, яғни Қайып ханның елшілері де олар әскери жағынан көмектескен жағдайда жоңғарлардың жеңіліс табу мүмкіндігі туралы ұсыныс жасайды. 1718 ж. патшаға жазған хатында Әбілқайыр да қырғын-соғыстың, қан-төгістің алдын алғысы келгендігі туралы, болжам жасағаны анық [5]. Жайылымдардан айырылу, көші-кон бағытының бұзылуы, егіншілік мәдениет ошақтарының жойылуының барысы қазақ жүздері арасындағы шаруашылық-саяси байланыстарының әлсіреуіне, бытыраңқылықтың күшеюіне, мемлекеттік билікті орталықтандыру негіздерінің бұзылуына ықпал еткен еді.

Осы кезеңде Ресей көмек қолын созудың орнына тың-тындатып, «бекіністі шептердің тұтас тізбегін салу жоспары» бекітіліп, І Петрдің Жарлығымен нұсқау беріліп Д.А. Бухгольц әскери-барлау экспедициясы жасақталды, нәтижесінде Ямышевск бекінісі, Ертіс бойында 1717 ж. П. Северскийдің отряды – Железинск, В. Чередовтың отряды – Колбасин бекіністерін салды. Қан төгіссіз табыстарға жетуде Сібір әкімшілігі 1718 ж. жазында солдаттардан, қазақтардан тұратын отряды мен артиллериясы бар, тәжірибелі фортификатор Прокофий Ступенный басқарған ірі экспедиция жасақтады және мүмкіндігінше ойраттармен жанжалдаспауға «қарсы дұшпандық ниет жоқ екендігіне» иландыруға әмір берді. Қазақ-ойрат күресі қызып жатқан кезде патша өкімімен майор И.М. Лихарев басқаратын әскери команда Зайсан көлін толығырақ зерттеу, «алтын құмды» іздестіріп, ол туралы егжей-тегжейлі мәліметтер «жеткізу» міндеті жүктелді. Нәтижесінде 1720 ж. бірнеше бекініс – Өскемен, Черноморецк, Черноярск, Верблюжск, Осморыжск, Убинск, Семиярск форттарын салып, үш әскери-саяси шеп – Сібір, Ертіс және Кольван шептері үшін негіз қалады. Жақсы машықтандырылған гарнизондары, зеңбіректері көп, стратегиялық жағынан орналасқан жері қолайлы бұл бекіністер жергілікті тұрғындарды құнарсыз жерлерге ығыстырып, Обь-Ертіс өзендерінің аралығын Ресей иелігіне бекітуді, өзін казак қоныстары арқылы қауіпсіздендіріп, отарлау тірегіне айналдыруды қамтамасыз етті. Бұл Ресейдің саяси тактикасының аясы – қазақтардың Жоңғар хандығына бағынуына жол бермеу мақсатындағы өзінің қол астына бағындыру жолы еді. 1723 ж. жоңғар-қытай бітімінің жасалуына байланысты жоңғар қонтайшылары қазақтармен соғысқа дайындала бастады.

Қазақтардың Аңырақай жеңісіне қарамастан жоңғар басқыншылығы қазақ қоғамының әлеуметтік қатынастарында терең із қалдырғаны анық. Дербес шаруашылық жүргізу мүмкіндігінен айырылғандар тіршілік көздерін іздеп батысқа, орыс шекараларына қашты, Орта Азия хандықтарынан баспана іздеулеріне де мәжбүр болғандар тағдыры бөлек мәселе.

1723 ж. қыркүйектің басында Әбілқайыр 20 мың әскерін бастап қалмақ тайшыларына қарсы аттанып, Жем бойымен Жайықтан өтті. Қазақтар Доржы Назаровтың бес мың әскерін тықсырып, Досанг тайшыны қашуға мәжбүр етті. Көп кешікпей Әбілқайыр мен Тама Есеттің жасақтары Лекбай тайшының екі мың шаңырақтан тұратын ұлысын талқандап, көп мөлшерде мал мен тұтқын алды. Осындай аласапыран заманда халықтың қырылып-жойылуына жол бермеу үшін, енді сұлтандар мен рубасыларынан үмітін үзген халық өзін-өзі құтқаруға кіріскен кезең де болды. Мұндай ащы шындықты келісіммен шешкен батырлар – Қабанбай, Бөгенбай, Малайсары, Наурызбай, Шақшақ Жәнібек т.б., билер – Қазыбек, Төле, Әйтеке т.б. болды.

Әбілқайырдың жеке қасиеттері, сол кезеңдегі қазақ қоғамының ішкі өмірін түсіне білуі Кіші жүз емес Орта жүздің көптеген руларына арқа сүйеуге ұмтылуы, адамдарды біріктіре алу қабілетінің барлығын Бөгенбай батыр былайша көрсеткен: «Тәуке ханнан кейін Әбілқайыр басты хан болып және ешкімнен кедергі көрмей, өз ықтиярымен көп іс тындырды».

Соғыс қимылындағы кейбір жағдайларды Әбілқайыр жоңғар басқыншыларына қарсы орталықтандырылған қарсылықты ұйымдастыру үшін пайдаланды. 1724–1725 жж. басқыншыларға тойтарыс беру кезінде де батылдығы мен ұйымдастырушылығы, 1726–1727 жж. барлық қазақ руларын біріктіруде белсенді саясат жүргізгендердің ішіндегі бірегейі – Кіші жүз ханы Әбілқайыр болды. 1726 ж. күзінде Ордабасында өткізілген бүкілқазақ съезінің де негізгі мәселесі – жауға бүкіл халықтық тойтарыс беруді ұйымдастыру туралы мәселе еді және Әбілқайыр қазақ жасағының қолбасшысы болып сайланды. Осындай қысылтаяң кезеңде де қазақтар рухын әлсіреткен жоқ, қорғануға бар мүмкіндікті пайдалануға тырысты, «... көшкен сайын бір тайлақ бос келсе» де жасыған жоқ.

Бесіншіден, қазақ қоғамындағы ішкі өзара қырқысу шегіне жеткен болса, төнген қауіп те әсер етпес еді, жұмылдырылған іс-қимыл мен келісімге жету өте қиын болар еді. Ал тарихи оқиғалар желісінен қазақтардың

қиындыққа ұшыраған сайын жоғарғы рухын, бірлігін, әрқашан да сөзге тоқтау дәстүрінің сақталып қанығанына куә боласыз.

Ендігі мәселе – қазақ тарихындағы Әбілқайырдың Ресей бодандығын қабылдауға байланысты. Жоғарыдағы тарихи үрдістер қазақ даласына қызығушылардың, оны игерудегі жоспарлар ұйымдастыру шаралары т.б. Әбілқайырдың ой елегінен өткен жоқ деп ешкім айта алмас. Қалмақ және башқұрттармен өзара қатынастар күрделенсе, башқұрттармен келіссөз табанасты болып жатса, Әбілқайырдың ойына не келуі мүмкін? Иә, ең болмаса Кіші жүздің батыстағы шекарасында бейбітшілікке қол жеткізу – оның сыртқы саяси міндеттерінің біріне айналды. Қазақ жүздерін сыртқы жаудан қауіпсіз ету. Дәл сол заманды елестетер болсақ, экономикалық оқшаулау (жоңғар, қалмақ, башқұрт, казактар қоршауында), ұлы империяның тұрақты қысымы өзіне одақтас іздестіруден басқа шара қалдырды ма? Қалай айтсақ та алдына зор үміт артқан Әбілқайырдың болашақ тағдыры – Ресей империясының «бодандығына» бас июіне байланысты өрбіді, яни қамқорлығына [6]. Әбілқайырдың Петербургке делегация жіберген кезінен бастап, Ресей бодандығын қабылдаған кезіне дейінгі көзқарасы жөнінде орыс тарихнамасында да, отандық тарихшылар да ортақ пікір (ханның іс-әрекетін ақтау, «күдіретті державаның қамқорлығын» жеке басына және жақтастары мүддесіне иелену, қызуқанды адамның тіршілігі т.б.) қалыптасқан жоқ. XVIII ғ. 20-жылдарына дейін сұлтан болып жүрген кезінде-ақ Әбілқайыр орыстың дипломатиялық топтарына едәуір белгілі болатын. Ол туралы Ресей сыртқы істер алқасының тілмашы А.И. Тевкелев: «Ақылы жеткілікті және қулықтан да ада емес адам» ретінде сипаттама беруінен және оның Кіші жүзге сапарын нақтылайтын 12 тармақтан тұратын император «Нұсқауының» 3-тармағында: «... хан мен ақсақалдардың және басқа да қырғыз-қайсақтардың бүкіл наным бойынша өз антына адалдығы Алкоранда көрсетіліп, оған қол қойып, оны Тевкелевке беретін болсын. Ал егер хан және басқалар одан бас тарта бастаса, оларды оған Тевкелев көндірсің» [7] деген нақты нұсқаулар арқылы елімізді жылдар бойы қыспаққа алу, өз ойларын жүзеге асыру жолында қандай кедергі болса да белдерін бекем буа бастағаны аңғарылады және қазақтардың бас ұрып бағына қоятынына күмән туғызуының өзі қаншама ақпарат мәліметтер негізінде тұжырымдалғанын ескеру қажет. Анна Иоанновна қол қойған: «... сен Әбілқайыр хан жазғаныңнан және сенің елшілерің Құтылымбет Қоштаев пен Сейітқұл Қойдағұловтың өз айтқандарынан сенің бүкіл өз иелігіңмен біздің асқан мейірімімізге бодан болу тілегінді көріп, оны біздің грамотамызбен күшіне енгізуге рақым етті...» тарихи құжатындағы «подданство» ұғымын тарихшы Е. Бекмахановтың ескертпесіне сәйкес, бұл сөздің мағынасын сол заманның «қамқорлық» ұғымы ретінде алатын болсақ және Әбілқайырдың өмір-тәжірибелік мәмілегерлік қасиеттерін ескере келе, ханның амалсыз да болса тәуекел ете отырып ұстанған сыртқы саясаттағы бағытына қазір де баға беру, ақ-қарасын үзіп айту оңайға соқпасы анық. Кейінірек орыс патшасының «көмегінен» көңілі қалып, түңілген Әбілқайыр хан астыртын жоңғарларға елші жіберіп, олармен елдесуге ұмтылды. Бірақ орыс үкіметі оған жол бермеді [8].

Шын мәнінде Әбілқайыр императордың қызметшісі болса одан үсті-үстіне ант қабылдас еді, қазақ пен башқұрт арасындағы араздастықты жойып, жау жағадан алғанда тұңғыш ойдың түйінін жасап, қазақтың қалай да кіріптарлықта қалатынына көзі жетсе де оның мерзімін созығысы келгендігі және болашақ мүмкіндіктерге үміт артқаны анық. Осы орайда биыл мерей тойын атап өткелі отырған академик М. Қозыбаев: «Әбілқайыр ханның тактикасы жеке қаралуы керек. Сөз жоқ, ол ұлы қолбасшы, стратег, Отан соғысын ұйымдастырушы, талантты дипломат. Сөз жоқ, Әбілқайыр Ресейден бодандықты сұраған кезде халықтың ұзақ соғыстан шаршағанын, қансыраған экономиканы еске алды. Ру, тайпалар арасындағы даудамайды, таққа таласқан төре тұқымдарын көз алдына әкелді. Патшалы Ресейдің жасаған экономикалық блокадасы, орыс қамалдары, казак станицалары, жоңғар және Еділ қалмақтары, Орта Азия хандықтарын Цин империясы – осының бәрі таразыға салынды» деп тұжырымдай келе [9], 1903 жылы Әлихан Бөкейхановтың негіздеген: «Қазақтарды жау жағадан алып, бөрі етектен тартып, орыс билігін мойындауға мәжбүр етті» деген түйінін қазақтардың Ресейдің құрамына кіру мәселесін бір ізге салуға негіз болатынын анықтайды. XVIII ғ. Отан тарихында Әбілқайыр сияқты батырлар мен сұлтандар күрессе, кеңестік қазақ тарихында Ұлы Отан соғысының нағыз халық қаһарманы Б. Момышұлы сияқты азулы батырлар ұрпағы дүниеге келіп, «араздықтың ашытқысы болмай, ұйымшылдықтың ұйытқысы бола білген» [10] тұлғалары бар ел татулық пен ынтымақтың арқасында қуатты елге айналып отыр. Өзінің емес өзгенің де аманшылығын ойлау қазақ халқының ерекше танымдық қасиеті арқылы Тәуелсіз елдің туы көкке көтеріліп, Ресеймен ғана емес дүниежүзілік әлем жұртшылығымен терезесі тең мемлекет қатарына қосылуымыз өшкеніміздің жанғаны, тіршілігіміздегі кеңпейілділік пен бірліктің айғағы. Ата-бабалар өсиетін қадір тұтқан батырлар мен билердің, заман тұлғаларының бостандық жолындағы тынымсыз күресі, ортақ мүдде нәтижесі ғана тәуелсіздікке жеткізіп отырғанын жадымыздан шығармау абзал. 2010 ж. Тәуелсіздік туының Астанада өткізілген ЕЫҚҰ Саммитінде желбіреуі де кездейсоқ оқиға емес еді.

Мәселен, еліміз жүргізіп келе жатқан сыртқы саясатының қағидасына сәйкес Еуропалық бағыт

стратегиялық мүдделілік болды және бола береді. Қазіргі кезеңде Еуропалық мемлекеттермен технологиялық, энергетикалық, көлік, техникалық реттеу мен метрология салалары, сауда-экономикалық, кіші және орта бизнесті дамыту, өмір сүру сапасы, гуманитарлық өлшем бойынша ынтымақтастықты нығайту туралы жоспар 2008 ж. 29 тамызындағы 2009–2011жж. арналған «Еуропаға жол» мемлекеттік бағдарламасында бекітілген еді. Өзара мүдделіліктен Қазақстан мен Еуропа арасындағы қатынас туындайды. Орталық Азия бойынша 2007 ж. қабылданған Еуропалық одақ Стратегиясында Қазақстан Еуропа үшін стратегиялық серіктес екендігі аталынып көрсетілді. ЕО-тың негізгі алға ұмтылдырушыларының бірі Франция президенті Николя Саркози 2009 ж. қазан айындағы Қазақстандағы сапарында Қазақстан болашақтағы стратегиялық маңызды аймақтағы тұрақтылықтың мекені ретінде, «көптеген аймақтық қайшылықтарды шешуде теңдесі жоқ үлес қосуына болады. Энергетикалық бағыттардың қиылысындағы Қазақстанның географиялық жағдайы оның мұнай мен газдың қойнауына тең, сонымен қатар дүние жүзінде энергетикалық қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі ірі ойыншысы ретіндегі қазақ елінің рөлін көрсетеді»[11]. Шындығына келсек: ЕО мен Қазақстан, ЕО мен Орталық Азия арасындағы тиімді сауда-экономикалық ынтымақтастықты дамытудағы үрдіске Ресейді қатыстырмау мүмкін емес. Бұл мәселеде географиялық картаға назар аударудың өзі жеткілікті, яғни Ресейді айналып өту емес, Ресеймен біріге жасалатын жолды іздестіру қажет.

Кез-келген мемлекет үшін ең негізгі басымдылық шекаралас елдермен достық, өзара тиімді қатынастар болып табылады. Сондықтан да біреулерге ұнаса да, ұнамаса да Ресеймен өзара достық қарым-қатынас орнатамыз. Өзара тиімді ынтымақтастықтың дәлелі ретінде (2008 ж. 20 млрд. АҚШ долл.) екіжақты ынтымақтастықтың өсуі, энергетикалық, көлік-қатынас, космос салалары, сонымен қатар қауіпсіздік саласындағы жемісті кооперацияны айтуға болады [12]. Екі ел арасындағы қатынас тарихында орын алатын 2009 жылдың қыркүйегінде Орынборда өткен Қазақстан мен Ресей аймақаралық ынтымақтастығының VI форумында елбасы «екі ел арасындағы одақтық қатынас тек тарихи қалыптасқан факті ғана емес, ол өзара қарым-қатынас, келісім және түрлі деңгейдегі байланыстардан туындайтын нақты іс-қимылдарға толы тұрақты үрдіс» екендігін атап өтсе, [13] ал бүгінгі күні екі ел арасындағы экономикалық қатынастар сапалы жаңа деңгейге – Кедендік одаққа мүше. Ендеше ЕО, Ресей және Қазақстан экономикалық жағын қарастыра отырып ортақ мүдделерге сай өзара ынтымақтастық жолдарын іздестіру қажеттілігі заңды.

Сондықтан да тарих сахынасындағы түрлі кезеңдердегі қазақтардың жүздері, рулары арасындағы қайшылық, теке-тірестік, өзара бәсекелесу кейбір зерттеушілердің өзара ымырашылдығы болмады деген асыра сілтеу тұжырымдарына байланысты түрлі деректерге сыни көзқараспен қарау қажеттігі туындап отыр. Бірлік және өзара мүдделілік – тыныштық пен тұрақтылықтың кепілі. Қазақстан тарихнамасындағы өткен замандағы көрнекті қайраткерлер мен тұлғалардың тарихи бейнесі арқылы еліміздің тарихи-мәдени қоры мазмұнды бола түсуде және тарихтың белгісіз беттерінің шымылдығының ашылуы болашаққа кең өріс ашуы сөзсіз.

Қазақстан Республикасы қазіргі кезеңде ұлттық қауіпсіздікті сақтау шараларының негізі – мемлекеттік шекараны анықтап қана қойған жоқ, жаһандану кезеңіндегі жаңа мыңжылдықта да толастамай отырған ғаламдық мәселелердің, оның ішінде әлемнің әр бұрышындағы діни текетірестер мен ұлттық қақтығыстардың алдын алуға ықпал етіп келеді. Астана қаласында тұрақты түрде Әлемдік және дәстүрлі діндер лидерлерінің дінаралық келісім жиынының өтіп тұруы өркениеттердің өзара үндестік табу істерінде зор рөл атқаратыны түсінікті. «Адам түзелмей заман түзелмек емес. Бүлінген заманды түзеу адамның өз міндеті» және «халықтарды бір-бірінен бөлетін араздық» деген даналық сөзді еске түсіре келе, кешегі бабалар саясатын жалғастырушы елбасымыз Н.Ә. Назарбаев үлкен саясатта кездейсоқтық болуы мүмкін емес, қазақ-орыс арасындағы байланыс – Қазақстан мен Ресей арасындағы көршілестік сыйластық қатынасы мен теңқұқылы стратегиялық серіктестіктің дәлелі [14] екендігін айқындап, «Әр мемлекеттің сыртқы саясатындағы жалғыз дұрыс қағида – төзім мен жауапкершілік, диалог қана екенін барша әлемге біз өз мысалымызбен танытуымыз керек»[15], – деп тұжырымдайды. Еліміздің дамуындағы, сыртқы дипломатиялық жүйе орнатудағы келелі істер жалғасын табуда. Демек өткен тарихқа көз жүгірте отырып қандай құйтырқы саясат жүргізілсе де оның ақиқаттан басып озбайтындығы, тек ынтымақ пен тыныштық арқылы адамзат ортақ құндылықтар жасай алатынын көреміз. Сондықтан да ежелгі көш елінің (соның ішінде қазақтар) тәуелсіздік жолындағы күрес ерекшелігін сол заманмен байланыстыра отырып кешенді, адами құндылықтар дамуына негіздей отырып зерттегенде ғана тұшымды қорытындылар жасауымыз мүмкін.

Әдебиеттер

1. Қозыбаев М.Қ. Елдік үшін күрес мыңжылдығы // Қазақ әдебиеті (газ.). 1998, 24 шілде.
2. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1889.

3. Маев Н.М. Очерки истории киргизского народа с 1732 по 1868 год // Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1873. Вып. 2.
4. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
5. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1885. Т. 2.
6. Бекмаханов Е. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
7. Қазақстан тарихы. Алматы, 2010. 3-том.
8. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
9. Қозыбаев М. Киелі тәуелсіздік. Алматы, 2009.
10. Нұршайықов Ә. Ескірген естелік // Легендарный батыр. М., 2010.
11. Казахстанская правда. 2009. 6 октября.
12. Султанов Б.К. «Қазақстан–Ресей–Еуропалық одақ: стратегиялық серіктестіктің болашағы» – Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалы. Алматы, 2009.
13. Казахстанская правда. 2009. 12 сентября.
14. Қазақстан Республикасы Президенті Н.Ә. Назарбаевтың «Қазақстан» және «Хабар» телеарналарына берген сұхбаты // www.akorda.kz.
15. Назарбаев Н.Ә. Әлемдік және дәстүрлі діндер басшыларының III-съезіндегі сөйлеген сөзі // Н.А. Назарбаев и внешняя политика Казахстана. Алматы, 2010.

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Жумаганбетов Т.С.

Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова

Территория будущего государства Золотая Орда начала формироваться после войны с государством Хорезм. С момента формирования в 1224 г. Золотая Орда (до 1269 г.) была не самостоятельным государством, а лишь большим уделом в составе Монгольской империи, Улусом Джучи (Жошы). И золотоордынские владетели являлись не монархами, а правителями–наместниками, назначаемыми по воле Великого кагана–кагана. Центральное правительство в Каракоруме в лице Великого кагана согласно одной из статей Ясы (закона) Чингисхана имел право на определённую часть доходов со всех завоеванных монголами территорий. Сам каган, помимо этого, имел в улусах–уделах принадлежавшие лично ему владения, домены.

Создание такой системы тесного переплетения и взаимопроникновения властных структур было связано с попыткой предотвратить сепаратистские тенденции в функционировании большого государства. Наиболее важные экономические и политические вопросы жизни «Великого Могольского улуса» (Еке монгол улуса) решались в проводимых в Каракоруме общемонгольских курултаях. Авторитет и сила центральной власти, несмотря на отдаленность ее пребывания от улусов–уделов была еще столь велика, что ханы Бату и Берке при всех своих заслугах продолжали придерживаться по отношению к Каракоруму «пути чистосердечия, покорности, дружбы и единомыслия». При этом хан Бату в силу своего авторитета в «Еке монгол улусе» частично имел прерогативы, присущие только Великому кагану. По мнению В.В. Трепавлова статус хана Бату в Монгольской империи, как соправителя (1253 г.) кагана Монке, был уникален и не повторялся в истории. Улусные ханы после него больше не признавались соправителем кагана монголов [1, с. 80–81]. Уникальность статуса состоит в том, что в этот период хан Бату (1208–1255) издает ярлыки, которые были привилегией только главы государства, т.е. каана или Великого кагана. Хан Бату имел право выдавать ярлыки (а не просто «грамоты») вассальным государям, духовенству и торговцам, о чем содержатся исторические источники XIII–XIV вв.: «султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки» [2, с. 142]. Р.Ю. Почекаев считает, что это право хан Бату получил после возведения на престол Великого кагана Монке и став его соправителем. Однако из источников известно, что ещё в 1243 г. по сведениям из Ипатьевской летописи, когда хан Бату «воротился есть из Оугорь» (Венгрии) великий князь Ярослав II Всеволодович первым из русских правителей прибыл в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение и получил этот документ [3, с. 54–55]. Армянский нарративист Киракос Гандзакети так же сообщает, что «...стали отправляться к Бату цари и принцы, князья и купцы, и все обиженные и лишённые отечества. Он по справедливом суждении возвращал каждому из них вотчины и княжества, снабжал их грамотами, и никто

не смел противиться его воле», а в 1246 г. ярлык на княжение хан Бату выдал Святославу III Всеволодовичу. Последнее решение вызвало недовольство Великого кагана Гуюка [3, с. 55]. Таким образом, особые права хан Бату имел безотносительно к кагану Монке, которому он позже помог взойти на общемонгольский престол. Вероятно, таким правом хана Бату в силу политической необходимости наделил ещё в 1227 г. Чингисхан.

После смерти хана Бату в 1255 г. золотоордынские правители перестали издавать ярлыки, что подтверждает положение о том, что право издавать ярлыки были прерогативой только главы суверенного государства и лично хана Бату. Мы видим юридические аналогии данному институту только в практике каганов кок-тюрок, которые издавали буюруки. Случаев, когда ябгу или шады издавали буюруки нам не известны, если речь не идёт о западных ябгу–каганах.

Соправление. Как мы указывали выше, В.В. Трепавлов достаточно аргументировано считает, что соправление это политическая традиция, взятая монголами из политической практики кок-тюрок и приводит ряд случаев соправления в Монгольской империи. Мы хотим обратить внимание на статус соправительниц старших жён, хатунов Великих каганов и улусных ханов. Чаще всего этот статус проявлялся в период междуцарствий. Хатуны часто становились регентшами, например вдова кагана Угэдея Туракин-хатун, вдова хана Тулуя Суркуктени-хатун, трагическая судьба вдовы хана Бату Буракшин-хатун. Хатуны упоминаются в ярлыках (ал-Омари) наряду с беками и нойонами как утверждавшие высшие государственные документы [4, с. 169–170, 354]. На этот институт верховной власти большое влияние оказали реформы хана Узбека и исламизация золотоордынского общества, которые постепенно свели на нет данный институт. В последний раз в политической жизни Золотой Орды существенную роль сыграла хатун, вдова хана Бердибека.

Соправители были и из числа братьев улусного хана. Известно, что у хана Тохты было три брата соправителя: Бурдюк, Сара-Буга и Тудан; такую функцию при хане Бату, вероятно, выполнял Орда-Еджен, по крайней мере, до западных походов.

Как известно, чингизиды происходили из племени мангыт, рода кият-борджогу. В связи с тем, что первая супруга Чингисхана, Борте происходила из рода конграт, установилась норма, по которой претенденты на каганский и ханский престолы также должны были быть в брачных отношениях с представителями этого рода. Имело ли это помимо традиции, какое-то практическое значение, пока установить не удалось. Кият-борджогу стали «алтан уругом» превратились надобщественную социальную группировку аристократии, из которой кооптировались высшие руководители монгольского государства.

С момента окончательной суверенизации Золотой Орды при хане Менгу-Тимуре решение всех вопросов внешнеполитического и внутреннего характера перешло к улусным ханам. Правление Бату и Берке характеризуется абсолютной властью ханов, авторитет которых ассоциировался в сознании подданных с размером богатств, боевых заслуг и удачливости в походах. Источники единодушно отмечают, что ханы в это время имели «изумительную власть над всеми». Улусный хан в тёплое время года находился в кочующей по степям ставке (курень) в окружении своих жен и огромного числа придворных. Только короткий зимний период он проводил в столице. Передвигавшаяся ханская орда–ставка (курень) как бы подчеркивала, что основная мощь государства продолжала базироваться на пастбищном скотоводстве. Объём ханской власти был настолько велик, что верховный правитель обращал «...внимание только на сущность дел, не входя и подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования» [5, с. 123].

Первым политическим потрясением стали события, связанные с ханом Узбеком, казнившего 70 царевичей джучидов и всех нойонов, отказавшихся предать веру отцов. Вторым политическим потрясением устоев государственного строя Золотой Орды было убийство хана Джанибека его старшим сыном Бердибеком, что в совокупности с другими причинами (чума 1346 г.) спровоцировало через два года, в 1359 г., двадцатилетнюю междоусобицу – «великую замятину». Таким образом, прямые потомки Батыея удерживали власть в Золотой Орде до 1359 г.

Едыге, как и Мамай, правил от имени подставных ханов. В 1406 г. он убил хана Тохтамыш, пытавшегося обосноваться в Западной Сибири. В стремлении восстановить улус Джучи (Жошы) в прежних границах Едыге повторил путь Батыея. В 1407 г. он организовал поход на Волжскую Булгарию и разгромил ее. В 1408 г. Едыге совершил набег на земли Владимирского княжества с целью возобновить присылку в Орду налогов. Он разорил ряд русских городов, осадил Москву, но взять ее не смог. Однако напуганные князья восстановили присылку налогов. Свою жизнь, богатую событиями, Едыге закончил, потеряв власть в Орде, от руки одного из сыновей Тохтамыш в 1419 г. [6, с. 375]

Престолонаследие. В конце XIV – начале XV вв. круг претендентов на улусный престол по Ясе Чингисхана и политическим традициям был определен, но не четко. В Золотой Орде было три местных (со

времен Менгу-Тимура – четыре) и один главный престол. Каждый престол был закреплен за определенной династией решениями Чингисхана и хана Бату. Так, Ак-Орда в XIV в. стала вотчиной Орда-Еджена, районы Тургая и Западной Сибири – шейбанидов, Крым стал принадлежать еще одной ветви тукай-тимуридов, мангыты закрепились в Степном Приуралье, а трон в Сарае принадлежал потомкам хана Бату. В Улусе Джучи не получили развития политические традиции удельно-лествичной системы престолонаследия, а также майорат. В престолонаследии закрепился принцип меритократии. В этом случае выбор кандидата на престол осуществлялся из числа всех дееспособных мужчин правящей династии, в первую очередь из семьи умершего хана, а на местных тронах из семьи улуг-султана (улусбека). При этом вопреки обычному праву в силу объективных причин, преимущество получал старший сын. Как правило, несовершеннолетние младшие сыновья, которые должны наследовать удел родителей были малополезны в большой политике.

После смерти хана Бату в 1255 г. престол унаследовал его сын Сартак, который успел получить подтверждение в Каракоруме. Однако активная борьба и интриги младшего брата умершего хана – Берке привели к тому, что Сартак неожиданно умер. Такая же судьба постигла внука Бату Улагчи, а регент и соправитель престола вдова хана Бату Буракчин была обвинена в преступных связях с хулагуидами и казнена. Только после этого Берке смог утвердиться на престоле. Возможно, по политической традиции монголов в дальнейшем основной престол улуса Джучи продолжался бы по линии потомков хана Берке, но, как известно, Берке, страдавший в конце жизни подагрой, был бездетным. Престол был возвращен одному из внуков Бату Менгу-Тимуру (1266–1282 гг.).

Такое положение, при котором на верховную власть могли претендовать различные политические и генеалогические кланы внутри одной династии хана или улуг-султанов, породило жесточайшие внутридинастийные конфликты, как правило, обострившиеся во время перехода трона от одного претендента к другому. Самым престижным был трон в Сарае, поэтому из-за него шла постоянная борьба без правил. Практически любой чингизид, имеющий какое-либо генеалогически достаточно близкое отношение к династийной линии хана Бату, мог после смерти очередного хана претендовать на трон. Выбор естественным образом осуществлялся среди наиболее близких родственников, в некоторых случаях кандидатами могли быть несовершеннолетние или малолетние огланы (царевичи). В последнем случае вдовы ханов становились регентшами. При таких обстоятельствах именно близкие родственники становились потенциальными врагами правящего хана. Хан избирался, как мы упоминали, на всю оставшуюся жизнь и контролировал в момент избрания город Сарай. Иногда хан избирался с официальными соправителями, традиция также рецептированная от кок-тюрок. Хан не мог уйти с поста при жизни (единственное исключение в истории связано с ханом Талабугой, объявленным умалишенным). Это порождало необходимость при устранении негодного хана с престола использовать физические методы лишения жизни. Хан, восседавший на престоле, с опасением относился к единоутробным и единокровным братьям и другим близким родственникам. В случаях, когда его личная власть в государстве в силу различных обстоятельств становилась непрочной, он старался ликвидировать всех реальных претендентов на трон, не останавливаясь перед истреблением целых семей с детьми, женщинами и слугами. Так, Тохта в период борьбы за престол и власть в Сарае до и после восшествия на престол уничтожил девять родных братьев и практически всех своих прямых родственников. Поэтому нового претендента на престол пришлось искать и нашли будущего хана Узбека где-то на Северном Кавказе и как уцелевшего потомка хана Бату привели в Сарай, посадили на престол. Некоторые исследователи склонны считать Узбека лжеджучидом. Мы не поддерживаем эту гипотезу. Таким образом, пресекались династийные линии многих чингизидов.

Основным фактором, усиливающим эту нестабильность, была знать монголов, представленная в основном нойонами (позже мурзами) племени мангытов. Они как преданные хану Джучи для службы ему самим Чингисханом в силу этнической принадлежности к немногочисленной группе монголов в этом улусе имели существенное влияние на подбор и выборы нового претендента на престол. Мы предполагаем, что практически все визири джучидов носили титул темника и происходили из знати мангытов.

Во времена хана Бату мангыты находились в улусе Ногая, внука Бувала. Амбиции Ногая на верховную власть не могли быть удовлетворены, т.к. на престол имели право только потомки хана Бату. Он отказался от прямой, слабо аргументированной узурпации власти как это сделал Берке. Ногай предпочёл выдвигать и ставить на ханский престол своих кандидатов. Таковыми были ханы Туда (Тудай)-Менгу (1282–1287) и Талабуга, который правил совместно со своим братом Кичиком и двумя сыновьями Менгу-Тимура Алгуном и Тогулом (1287–1291) [7, с. 271–272]. Логика в этой системе престолонаследия напрашивается само по себе – подставной хан должен быть слабым и послушным по характеру и неавторитетным, как политическая

фигура. Это отрицательно сказывалось на политической системе Золотой Орды. Неординарным и сильным личностям удавалось всё же пробиваться к власти. Таковым оказался Тохта, который воспользовался силой Ногай для получения престола в конкурентной борьбе с девятью братьями и после затратил все свои ресурсы власти, для того чтобы уничтожить Ногай сначала политически, после устранить и физически. После смерти Ногай мангытами управляли неджучиды. Однако хан Тохта за эту победу так же расплатился высокой ценой: отсутствием прямых наследников.

Хан Узбек понимал, насколько пагубна эта система управления, поэтому произвёл самую масштабную за всю историю реформу государственного строя Золотой Орды. Он объявил ислам государственной религией Золотой Орды, тем самым он уравнивал монгольскую и мангытскую знать с остальным населением. Всё золотоордынское общество становилось одной «уммой» (единой религиозной общиной) с едиными правами. Ясы Чингисхана официально из повседневной практики отменялась, но сохранялась как политическая и правовая традиции, ибо на её правовой идеологии базировалась власть ханов. Вводилось мусульманское право – фикх и шариат. Однако решить все проблемы престолонаследия это не смогло.

Линия хана Бату на престоле в Сарае завершилась, как мы упоминали выше, ханом Бердибеком, младшим сыном хана Джанибека, который с целью захвата власти тайно убил единственного старшего брата Кельдыбека, а когда заболел отец, и отца. После его смерти престол отошел к шейбаниду Хызр-хану, который был отстранен кланом, выдвинувшим Лжекельдыбека; последний вскоре был убит [8, с. 113]. Этими событиями начался 20-летний цикл династийных войн, в которых за престол в Сарае боролись различные ветви тукай-тимуридов, шейбанидов и орда-едженидов. В период гражданской войны, когда обладание тронном в Сарае решалось за счёт перевеса военных сил очередного претендента, знать мангытов оказалась снова востребованной. Усиливается политическая роль Мамайя, с которым после Едыге, справился хан Тохтамыш; Едыге же в свое время помогал Тамерлану свергнуть с престола самого Тохтамыша и т.д. Ослаблением власти воспользовались улуг-султаны Крыма, которые провозгласили у себя нового хана. По такому же пути пошли правители восточной части Золотой Орды, провозгласившие своего хана шейбанида Абулхайра. Мангыты посадили на в Сарайшке престол своего эмира (мурзу) Гази-бека.

Литература

1. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи в XIII в. М., 1993.
2. Почекаев Р.Ю. Ярлыки ханов Золотой Орды: историко-правовое исследование. СПб, 2006.
3. Ирмуханов Б. Прошлое Казахстана в письменных источниках. Алматы, 1998.
4. «Масалик ал-абсар...» аль Умари; «Икд ал-джуман» ал-Айни // История Казахстана по арабским источникам. Алматы, 2005. Т. 1.
5. Греков Б.Д. Якубовский А.Ю. Золотая Орда и его падение. М.–Л., 1950.
6. «Икд ал-джуман» ал-Айни // История Казахстана по арабским источникам. Алматы, 2005. Т. 1.
7. «Китаб ал-ибар» Ибн Халдун // История Казахстана по арабским источникам. Алматы, 2005. Т. 1.
8. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алматы, 1992.

КАЗАЧЬИ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Идрисов Р.А.

Чувашский государственный университет, Чебоксары

Облик и уклад населенных пунктов Оренбургского края изменялся в ходе проникновения Уральского и Оренбургского казачьих войск в глубь региона, развития хозяйства казахского населения и торговых взаимосвязей. Задуманные в качестве линейных крепостей, к середине XIX в. они превращаются в крупные поселения, имеющие многофункциональное назначение. Приобретение этих функций позволило им в итоге достигнуть статуса официальных городов. Проблемы развития городов в первой четверти XIX в. неоднократно рассматривались царским правительством и специальными комитетами во главе с князем Львовым и сенатором Н. Дубенским. В ходе работы последних, в частности, была выработана классификация городов – большие (с населением свыше 25 тыс. чел.), средние (от 5 до 25 тыс. чел.), малые (менее 5 тыс. чел.). В число больших городов попали Оренбург и с 1846 г. Уральск.

Оренбург с самого начала задумывался как центр торговых и дипломатических сношений России с Востоком и с XVIII в. имел ряд льгот для привлечения населения. К началу XIX в. он стал крупным населенным пунктом, имевшим большое значение в развитии торговых связей региона. С 1797 г. он именовался губернским городом, а с 1802 г. – уездным и крепостью 2 класса, с 1865 г. вновь стал губернским. Признаком официального признания Оренбурга явилось и учреждение герба, в 1782 г.

Внешний облик города отражал происходившие изменения в его назначении. Первоначальный план строительства 1743 г. представлял собой крепость с 11 полигонами, 10 бастионами, наружным валом, рвом, укрепленными воротами. По берегу Урала стояло брустверное укрепление с каменной облицовкой.

Центральная улица называлась Большой или Губернской (в дальнейшем – Николаевская). На ней находился каменный четырехугольный (104 на 94 сажени) Гостиный двор с 2 воротами, церковью, колокольней. Во дворе размещались более 150 лавок, часть которых выходили на улицу – таможня, пакгауз с весами, склад для хлопка. Большую роль в экономической жизни города играл также Меновой двор в 3 км к юго-западу от Оренбурга за рекой Урал [1, с. 248].

Торговцы и караванчики из Средней Азии проживали в построенном в 30-х гг. XIX в. в западной части города по проекту А.П. Брюллова каравансарае. Рядом размещались госпиталь и сад губернатора. Часть азиатских купцов останавливалась в основанном в 1744 г. Сеитом Аитовым Сеитовском посаде на реке Сакмаре, занимавшем участок от Бердской слободы до реки Верхней Каргалки. Некоторые из них, смешавшись с местными татарами и башкирами, записывались в башкирские кантоны или городское мещанское общество. В 1804 г. в Каргалинской слободе насчитывалось 20 дворов таких поселенцев, в 1808 г. таких семей стало 46, к 1825 г. – 130. Интересно, что Каргалинская слобода с мусульманским населением (преимущественно купцы) имела свой орган управления – ратушу. В слободе было построено 8 каменных мечетей, в 30-х гг. XIX в. здесь было 52 каменных и 956 деревянных домов.

Оренбург, подобно другим линейным крепостям, имел казачье предместье (форштадт) в полуверсте от города против Неплюевского и Преображенского бастионов, насчитывавшее в 30-х гг. XIX в. вместе с отдаленными 350 деревянных домов и 1 каменную церковь. Наиболее удаленным предместьем была Бердская слобода в 7 верстах от Оренбурга в сторону реки Самары, жители которой были оренбургскими казаками.

В городе размещалось большое число административных учреждений края – гражданское, военное, пограничное управление военного губернатора, Оренбургская пограничная комиссия, войсковая казачья канцелярия, а также полевая аптека, Корпусный госпиталь. В 1824 г. был открыт Неплюевский кадетский корпус с созданным в 1831 г. музеем, действовали училища уездных и военных кантонистов. В 30-х гг. XIX в. в городе насчитывалось 16 частных каменных домов и 19 лавок, 1019 деревянных домов и около 100 лавок. Строительство каменных зданий было дорогостоящим, поэтому даже возведение 4 казарм оказалось затянувшимся.

В отличие от Оренбурга, Уральск долго сохранял черты «казачьего» города, не имевшего общегородской системы управления кроме общевоинского правления. Лишь во второй половине XIX в. здесь появляется торговая депутация из 6 купцов, свидетельствующая об изменениях в структуре населения. В середине XIX в. в городе была заведена полиция [2, с. 177]. Основанный в 1613 г. у места слияния Чагана и Урала Яицк занимал выгодное положение. Он прикрывался с трех сторон Уралом, Старицей и Чаганом, а с севера – неоднократно менявшимися крепостными укреплениями. В начале XIX в. крепостной вал, проходивший от Урала к Чагану, имел 2 ворот с башнями и сторожевую будку, просуществовавшие до 80-х гг. XIX в.

Наиболее старой частью Уральска были «курени» в южном направлении от построенного в XVIII в. Михайло-Архангельского (Архистратига Михаила) собора. В этом районе размещались войсковая канцелярия, пороховой погреб, проживала большая часть казаков, здесь же устраивались казачьи сходы. Большинство зданий представляло собой небольшие деревянные строения, разделенные узкими улицами, город неоднократно подвергался крупным пожарам. После пожаров 1807 и 1821 гг. улицы были расширены, а город расстроился в северном направлении согласно плану приглашенного атаманом Д.М. Бородиным итальянского архитектора Дельмедино. В 1821 г. восстанавливается Татарская слобода, в 1825 г. была высажена Ханская роща, ставшая местом отдыха горожан. В 1833 г. архитектором Ф. Миллером создается здание первой аптеки. Через год строится помещение войскового конного завода, в 1836 г. – здание Казанской церкви. К концу 30-х гг. XIX в. центр Уральска уже был застроен кирпичными домами [3, с. 264], крупнейшими из которых были войсковая канцелярия, дом атамана Бородина, 5 каменных церквей. Однако вплоть до конца XIX в. город не имел мостовых и системы водопровода.

Численность населения Уральска колебалась. В 30-х гг. XIX в. в 2500 домах Уральска проживало 5 тыс. жителей м.п. Дальнейший рост населения пришелся уже на вторую половину XIX в., когда правительство разрешило свободно заселяться на казачьих землях иногородним [4, с. 245].

Наиболее распространенными занятиями населявших город казаков были свойственные им рыболовство, скотоводство, с конца XVIII в. земледелие, бахчеводство. В Уральске проживали семьи войсковых чиновников, имевших земельные наделы не только в местном округе, но и в отдаленных северных дистанциях войска. Общий уровень благосостояния горожан был довольно высоким, о чем свидетельствует добровольная уплата ими постоянной повинности в пользу войск во второй четверти XIX в., с трудом взимавшейся во многих других городах. Промышленность и торговля создавались частью за счет иногороднего населения, занимавшего ремеслами, т.к. рыболовство и земледелие были для него запрещены. В 30-х гг. XIX в. в Уральске проживали 32 купца, преимущественно скотопромышленники, скупавшие скот на местном меновом дворе в Подстепном поселке в 9 км от Уральска.

Крупной крепостью Уральского войска был основанный в 1640 г. в 17 верстах от места впадения Урала в Каспийское море Гурьев-городок. Система его управления была типичной для крепостей Оренбургской линии и возглавлялась начальником (штаб-офицер), с середины XIX в. к нему добавились городничий (обер-офицер), следователь (обер-офицер), торговые депутаты из казаков. В первой половине XIX в. Гурьев-городок утрачивает свое оборонительное значение, в 1810 г. были снесены его крепостные укрепления, созданные еще в середине XVII в. по образцу «Белого города» в Астрахани мастером Иваном Остриковым.

Большинство его домов еще оставались деревянными или сырцовыми, в 30-х гг. XIX в. их число достигло 200. Крупным каменным строением был семиглавый собор Николая Чудотворца. К середине XIX в. растет число казенных зданий – деревянный одноэтажный дом начальника городка, его канцелярия, гауптвахта, острог, пожарная каланча, три хлебных магазина из дерева и сырца, больница с аптекой, каменная одноэтажная школа. Все они размещались в центре городка, на набережной Урала. На левом берегу Урала, против городка был сооружен меновой двор из деревянных амбаров, кроме него в самом Гурьеве в середине XIX в. действовали 58 лавок. В 7 верстах к западу от него находилась Ракушечья пристань на Каспийском море, связывавшем Гурьев-городок с Астраханью. В первой половине XIX в. происходит изменение структуры местного населения. Все проживавшие в 30-х гг. XIX в. в Гурьеве 350 жителей м.п. относились к числу казаков. В середине XIX в. общее число жителей уже составляло 2880 чел. об. п., из которых 400 были иногородними, включавшими в себя 150 торговых татар, 33 ремесленника (3 «хлебника», 4 мясника, 3 «серебряка», по 5 кузнецов и портных, по 2 башмачника и стекольщика, по 1 меднику, слесарю, шорнику, сыромятнику, извозчику и др.). Казачье население занималось речным и, особенно, морским рыболовством, охотой на тюленей, скотоводством, бахчеводством и садоводством, а также торговало на местной ярмарке.

От указанных поселений отличалась по ряду признаков Илецкая Защита, связанная непосредственно с добычей и перевозкой в центральные губернии России соли. Благодаря соляной промышленности (в немалой степени обслуживавшейся здешней каторжной тюрьмой) в 1856 г. она стала безуездным городом, в котором к тому времени было 8 каменных зданий, 200 деревянных, 2-классная горная школа, мельницы, кожевенный завод и бойня.

Появившиеся к концу первой половины XIX в. степные укрепления еще ряд лет сохраняли свое военное значение, являясь опорными и перевалочными пунктами колониальной администрации и русской армии в Оренбургской степи. Позже наиболее крупные из них приобрели черты типичных провинциальных российских городов с обычным набором административных и хозяйственных функций. Другие превратились в казачьи станицы, население которых, тем не менее, уже не обладало сословной однородностью. К концу века это создаст в итоге большую группу иногородних, все более активно вступающих в земельные споры со «старыми» казачьими семьями.

Специфика целей создания новых городов и поселений проявилась в составе населения, их образе жизни, быте. Население даже наиболее крупных центров края имело характерные черты транзитной группы, выработавшей свои отличия в условиях смешения традиций русского народа (предполагая внутренние сословные отличия), казаков (обладающих несомненной спецификой), казахов, азиатских (особенно татарских) купцов. Результат этого смешения требует своего изучения, сегодня он сказался, прежде всего, на уровне этнокультурных исследований в Оренбургской области.

Быт населения укреплений в крае во многом унаследовал черты, прежде всего казачьего быта, как более восприимчивого к транзиту культур. При этом большинство относящихся к казачьему сословию проживало в сельской местности. Даже в более поздний период, в 1916 г., на момент резкого роста численности Оренбургского казачьего войска, когда в городах края проживало лишь 2,2 % казаков [5, с. 177], это влияние сохранялось. В первой же половине XIX в., когда статус военных укреплений еще сохранял свою актуальность, пребывание казаков в крепостных гарнизонах не могло не иметь последствий для состояния быта.

Следует учесть также пестрый состав самих казачьих войск. П.С. Паллас, будучи в 1769 г. в Яицком городке, указывал, что в нем размещается 15 тыс. душ казаков. Но в их числе он называл некрещеных татар, калмыков, «кизилбашов» (туркмен) и даже персов [6, с. 412–413]. Как тут не появиться особому этнокультурному сообществу!

Отмеченные выше позитивные изменения, произошедшие в облике городов и поселений края в первой половине XIX в., носили в целом очень «постепенный» характер. Такие изменения затрагивали, как правило, административный центр, но не весь город в целом. В 1917 г. в Петрограде издается справочник Ф.П. Доброхотова «Урал Северный, Средний и Южный», в котором автор отмечает эти сохранившиеся диспропорции. «Центр города с улицами Николаевской, Гостинодворской и Неплюевской представляется почти европейским. Но чем ближе к окраинам, тем больше признаков самой неприкрытой азиатчины: улицы не замощены, домишки на них маленькие, глинобитные, площади утопают в грязи, почти на каждом шагу встречаешь ревуших верблюдов с погонщиками-киргизами».

В периоды торжественных мероприятий облик городов, поселений, станиц естественно приукрашивался. Российское чиновничество в этом отношении всегда обладало особым даром. Казачий историк Н. Лобов описывает процедуру встречи в 1837 г. цесаревича Александра (будущего императора Александра II) в Оренбурге. В город он въезжал через упомянутое выше казачье предместье – Форштадт, «где все дома и лачужки были выкрашены белой глиной» [7, с. 9]. Справедливости ради следует заметить, что преобладавший в степных укреплениях и городах того времени цвет – серый. В 1868 г. В.Е. Фосс, описывая облик Гурьева, откровенно высказывается по этому поводу: «Дома... в Гурьеве деревянные плохой постройки, старые; от старости получили цвет серый; маленькие сырцевые дома..., засоренные улицы... – все это человеку вновь приезжему в Гурьев, сильно бросается в глаза...» [8, с. 90].

Возвращаясь же к вопросу о быте населения укреплений, следует отметить одну существенную черту, свойственную, вообще говоря, российской провинции – простоту нравов. В данном случае я оставляю за рамками повествования потуги провинциальных чиновников соответствовать их понятиям о столичной жизни, хотя бы на уровне губернских центров. Тот же Фосс описывает сохранившуюся среди казаков регламентацию взаимоотношений мужчин и женщин. Женщины уступают дорогу мужчинам вне зависимости от места пересечения, кто бы из них не шел по главной дороге. Жены не присутствуют при мужских разговорах хозяина дома. Впрочем, круг общения мужчин-казаков также весьма узок. Казаки не имели знакомых вне своей среды, для общения им было вполне достаточно родственников (своих и родственников жены). В случае длительной отлучки хозяина дома с его супругой обязательно оставалась «почтенная старушка» из родственников. В такие моменты жены всячески избегали общения с посторонними, обычно все ограничивалось односложными ответами на вопросы, заданные через дверь. Интересно, что Фосс отмечает это свойство даже и среди «благородных людей», то есть не казаков, а чиновников и офицеров [8, с. 91–92].

Сохранились свидетельства о частых близких контактах населения степных укреплений с соседними народами. Бывший врач Оренбургского укрепления А.О. Пальчевский, описывая быт казахов, кочевавших вблизи крепостных стен, отмечает: «Многие из них имеют приятелей из русских, называя их таморами (друзьями), которых принимают лучше, чем своих киргиз, и предлагают часто подарки из вещей или скота; но не дай Бог воспользоваться их подарками, потому что они дают, надеясь получить от тамора вдвойне вознаграждение» [9, с. 114]. К слову, институт тамырства, который в данном случае упомянул Пальчевский, достаточно древний у тюрков, хороший известный все тем же казакам, и имеет характер боевого побратимства со специальной процедурой соединения крови, поэтому в данном случае мне трудно согласиться с его подобной «материальной» оценкой. Взаимное же «гостевание» занимало в быту большое место, являясь чуть ли не основным занятием населения в свободное время.

Выбор обыденных занятий жителей укреплений вообще был достаточно узок. Фосс описывает: «Домашняя жизнь казаков довольно скучна и однообразна. Благородные лица войскового сословия... живут... даже в некоторых случаях скучнее простых казаков.» Основные занятия в офицерских и чиновничьих семьях – чтение книг, газет, карты, бильярд, катанье по городу, охота, рыбная ловля. В более крупных центрах, прежде всего, в самом Оренбурге, к упомянутому списку добавляются собрания дворянства и балы.

Зато в типичных степных укреплениях к «официальному» списку занятий следует прибавить еще один способ давнего российского досуга – пьянство. Фосс, описывая Гурьев в 1868 г., указывает упомянутую выше численность населения – 2880 человек обоего пола. При этом в крепости действовали 2 трактира, 3 ренсковых погреба с продажей распивочно и на вынос, 8 питейных домов, 2 штофных лавки и оптовый склад хлебного вина, всего 16 питейных заведений (!). Впрочем, удивляться такому изобилию не приходится. Вкус к подобным увлечениям прививался, в том числе властями.

Упомянувшийся выше казачий историк Н. Лобов, описывая приезды в Оренбургское войско императора Александра I в 1824 г., цесаревича Александра Николаевича в 1837 г. и цесаревича Николая Александровича (будущий Николай II) в 1891 г., постоянно отмечает наиболее распространенное средство поощрения казаков за успехи в службе – чарка вина из рук государя. Эта «награда» кочует в данном описании из страницы в страницу, сопровождая представителей дома Романовых все поездки по Оренбургскому краю. Единственное изменение – к концу века все активнее идут денежные выдачи, а также растет их размер, видимо, учитывая инфляционные тенденции.

Порок пьянства, что называется не щадил никого. Следует также учитывать, что среди военных он воспринимался (как часто воспринимается и сейчас) как достоинство, а не недостаток, в худшем случае – невинная шалость. П. Юдин, восторженно описывая биографию губернатора Оренбурга графа В.А. Перовского, рассказывает, в том числе и о его незаконнорожденном сыне, имевшем, к слову, абсолютно благородное происхождение. Сей юноша прославился успехами на «пьяном» поприще на весь Оренбург, любил, угрожая оружием, заставлять проходящих мимо дома людей пить с собой. «Пей, а то застрелю! – подносил дуло пистолета к носу.» [10, с. 426]. Растратив здоровье, Алексей Перовский в итоге умер молодым.

Любопытный факт описывает другой казачий историк Н. Краснов, подробно изучавший состояние соседнего уральского казачьего войска. Приводя данные о статистике питейных заведений на войсковой территории, он пишет, что в степной сельской части их было заметно меньше. В уральском войске в 1889 г. действовала специальная «питейная комиссия», по ее данным казаки часто выступали инициаторами закрытия питейных заведений. Однако после такого закрытия «стали употреблять вместо водки одеколон, коего ежегодно пересылается чрез город Уральск несколько десятков тысяч бутылок» [11, с. 166].

Впрочем, для справедливости замечу, что к концу XIX, а тем более началу XX века власти края стали осознавать нежелательность больших масштабов потребления алкоголя. В Тургайской области, например, подчинявшейся Оренбургу, как центру губернии, в начале XX века действует особый комитет попечительства о народной трезвости. Его возглавлял сам губернатор, а в состав входили его заместитель, председатель и прокурор суда, другие крупные чиновники [12, с. 224]. Но это все будет гораздо позже.

Литература

1. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
2. Рябинин А. Уральское казачье войско // Материалы для географии и статистики России. Ч.1. СПб., 1866.
3. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.
4. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
5. Футорянский Л.И. Казаки // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 2003.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809.
7. Лобов Н. Посещение Оренбургского казачьего войска Августейшими Особами. Оренбург, 1913.
8. Фосс В.Е. Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по Оренбургской губернии. Уфа, 1868.
9. Пальчевский А.О. Оренбургское укрепление и окрестности его // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по Оренбургской губернии. Уфа, 1868.
10. Юдин П. Граф В.А. Перовский в Оренбургском крае // Русская старина. 1896. № 5.
11. Краснов Н. Уральские казаки и экономические условия их быта // Военный сборник, 1889. № 7.
12. Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1911 год. Оренбург, 1911.

ОРЕНБУРГСКО-ТАШКЕНТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Избасарова Г.Б.

Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова

В конце XIX в. возродились вопросы строительства железной дороги в Центральную Азию. В истории России, несмотря на относительную временную задержку, железные дороги сыграли роль мощного двигателя

«модернизации». В историографии изучения строительства железных дорог большое внимание обращается на экономическую сторону вопроса, обращается внимание на их роль в «формировании капиталистического рынка, в развитии тяжелой индустрии и в создании общеимперского торгового рынка» [1], формирование рабочего класса [2].

В данной статье мы тезисно рассмотрим каким образом меняется кочевая жизнь казахов Тургайской области, как строительство Оренбургско–Ташкентской железной дороги повлияло на быт и жизнь казахского социума.

С середины XIX в. вопрос строительства железной дороги становится обсуждаемым на всех уровнях власти, в том числе и в органах местной власти, где служили представители местной элиты. Но до начала 80-х годов дороговизна, неясные экономические перспективы заставляли отказываться от строительства. Ситуация меняется после продвижения англичан к границам Центральной Азии со стороны Персии и Афганистана.

Военный министр Российской империи Д. Милютин в своем письме на имя министра финансов С.А. Грейга от 13 апреля 1880 г., отмечая важность строительства железной дороги в Среднюю Азию, особо отметил ее политическую и военную ценность. «Англичане, - подчеркнул он, - стремятся к захвату всех рынков Афганистана, не исключая Герат и Амударью. Для того они ведут войну и строят железные дороги, и если мы не проложим в Средней Азии рельсового пути, то легко можем лишиться и тех рынков, которыми владеем в настоящее время» [3, с. 13]. Тема строительства становится политической, предметом общественных дебатов. Князь Александр Трубецкой 29 марта 1879 г. обращая внимание на укрепление положения России за Уралом в степи, писал: «...положение наше в Средней Азии может быть прочно лишь прямым соединением с Россиею. Не будь мы сильны за степью, нам при всяком разладе с противодействующею силою в Азии, грозила бы опасность от возбужденного против нас ислама» [4, л. 17 об.]. Военный губернатор Тургайской области Баллюзек обращает внимание на то, «что главный контингент военных сил, потребных для государственных надобностей в пределах степи и в русских среднеазиатских владениях, поставляют казачьи войска Оренбургское и Уральское, и регулярные войска Оренбургского и Казанского военных округов» [4, л. 17 об.].

Таким образом, мы видим, что военный вопрос, военно-стратегический фактор был ключевым, при выборе строительства железной дороги через Оренбург. Железная дорога рассматривается как фактор усиления и упрочения Российской власти на окраине. Но в то же время, как пишут представители Российской интеллигенции «Железная дорога – это лучший проводник цивилизации, – может приблизить рынок нашей промышленности к производителям сырья в степи; борьба с теми порядками, которые теперь установились в степях, лишенных возможности выгодного обмена произведений, должна быть одной из задач правительства». Железнодорожное строительство стало интегральной частью включения регионов в состав империи. Какой же будет влияние железной дороги на жизнь кочевников?

Если рассмотреть интересы имперской администрации в лице Баллюзека, то он отмечает: «дорога будет способствовать увеличению производительности самых богатых местностей киргизской степи, усилит вывоз киргизской соли» [4, л. 18]. Князь А. Трубецкой уделяет внимание торговле и пишет: «она (среднеазиатская ж.д) сосредоточит в наших руках всю торговлю Сыр-Дарьинских и Аму-Дарьинских стран, а со временем соединение нашего железнодорожного пути с англо-индийскими железными дорогами приведет к транзиту через Россию всей, или почти всей, торговли Индии. В политическом же смысле она заставит Англию изменить к нам свое враждебное настроение, на мирные и дружественные торговые отношения» [4, л. 144].

Значимость дороги обосновывается развитием хлебопашества и оседлости, расширением торговли, возникновением средств к постоянным заработкам. И. Аничков пишет: «Оторванность степей лишает самой насущной потребности, именно ввоза дешевого хлеба, потому что своего для степей не хватает; вместе с тем не дает возможности выгодно сбывать произведения скотоводства. В торговом отношении киргизы лишены удобства приобретать хорошего качества товар, находясь в руках скупщиков сырья, посредников между ними и торговыми центрами. Железная дорога, обеспеченная товаром из Европейской России в Среднюю Азию и обратно, по пути принимала бы и грузила местные продукты, давая значительный заработок местному населению. Благосостояние киргиз с падением верблюжьего, караванного промысла сильно пошатнулось».

Степь стала быстро изменяться, внося новые условия в жизнь кочевников и русских поселенцев. Наметились важные изменения в структуре кочевого хозяйства, приведшие впоследствии к переходу значительной части скотоводов к полукочевому образу жизни. Огромную роль в переходе казахов на полукочевую образ жизни, в развитии стационарных казахских поселений сыграло сенокосение. Оно в условиях периодических жутов приобрело большое значение. Известная задолго до прихода русских заготовка сена серпами во второй половине XIX в. с распространением косы приобретает качественно новое развитие, позволяющее перевести часть скота зимой на полустойловое содержание. Для развития сенокосения учреждаются общественные

сенные запасы и приобретаются сенокосильные машины. Данные машины получили распространение среди казахов Кустанайского и Актюбинского уездов.

В Тургайской области казахи, как пишет И. Аничков: «сознав уже пользу сенокосилок, приобретают их сами или же нанимают у русских» [5, с. 184]. Он был очевидцем ходатайства целого аула перед военным губернатором в Оренбурге, о разрешении на получение ссуды на приобретение сенокосилки, так как наем поселенцев обходился слишком дорого. В данном случае железная дорога имела огромное значение, как средство для удешевления товаров и сельскохозяйственных орудий.

В XIX – начале XX вв. в социально-экономической жизни народов региона получило развитие такое явление, как отходничество – временный уход в линейные селения или города соседних губерний. На первом этапе развития отходничества (первая половина XIX в.) был характерен найм на сельскохозяйственные работы в линейных селениях, когда обедневшие кочевники за неимением или по ограниченности собственного хозяйства, по необходимости ищут заработки, которые преимущественно состоят в сенокосении, жатве хлеба. Если в первой четверти XIX в. отходничество среди казахского народа носило эпизодический характер, то в последующие годы оно становится более или менее постоянным явлением. Более широкие объемы приобретало отходничество после джутов, периодически охватывавшие казахские степи. Обедневшие казахи постепенно вовлекались в экономические отношения с соседями и кроме найма на сельскохозяйственные работы, работали на промыслах. Казахи работали на Илецких соляных промыслах. В Тургайской области, казахи работали на соляном промысле «Уркач» с заработком по 30 копеек за пуд соли.

Казахи имевшие транспортные средства, в частности верблюдов, занимались извозным промыслом. Они перевозили соль от Илецкой защиты до Оренбурга, Троицка и Самары. В газете «Оренбургский край» отмечалось, что казахи явились для заработков извозов с 150 верблюдами. Провоз соли в 1892 г. составлял 6–7 копеек летом, а осенью – до 12 копеек за пуд. [6, с. 4].

Следствием новых форм землевладения и землепользования стало постепенное оседания и развитие земледелия среди обедневших казахских родов. Свидетельством развития земледелия явилось открытие мукомольных мельниц в Актюбинске и Актюбинском уезде. «...Одна из насущных нужд населения – недостаточность мукомольных мельниц обратила на себя внимание и в один год число последних вдвое увеличилось (имеется ввиду в г. Актюбинске – Г.И.)», – говорилось в Тургайской газете [7, с. 4]. В конце XIX в. владельцами мельниц являлись в основном торговцы других национальностей, а в начале XX в. мукомольные мельницы стали открывать казахи. Весной 1894 г. закончилось строительство хлебозапасного магазина в г. Актюбинске вместимостью до 20000 пудов. С 1884 г. на базарах Илецка впервые появляются казахи продававшие выращенный собственноручно овес.

Важнейшим следствием изменений культурной среды явилось появление в середине и второй половине XIX в. целой плеяды представителей национальной интеллигенции – Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина и др. Великий Абай в своих произведениях призывает казахский народ к образованию, изменению образа жизни в связи с переломными событиями. Например, в «Словах назидания»:

33 слово 1895 г. «Чтобы жить в достатке, надо учиться ремеслу. Скот гибнет от джута, а ремесло не зависит от стихийных бедствий. Ремесленника, который трудится в поте лица и продает то, что сделал своими руками, можно считать лучшим из казахов»;

41 слово 1897 г. «Дети должны быть определены в различные медресе, ибо наук великое множество и необходимо овладеть ими всеми. Девушек следует приобщить к учебе, пусть они изучают хотя бы религиозные науки, если невозможно заняться другими. Надо добиться, чтобы народ дал средства, необходимые для учебы детей и их содержания» [8].

С началом строительства железной дороги в Актюбинск приехали железнодорожники из Москвы и Московской области. Они образовали новый район в городе, получивший название «Москва». На строительство железной дороги отправлялись также ссыльные. Их приход способствовал укреплению «ссыльного жаргона». В этнической среде казахов вдоль железной дороги (на станциях Шубар, Шалкар, Сексеул) появляются жаргоны «махан», «пахан» [9]. Станции и города появившиеся вдоль Оренбургско–Ташкентской железной дороги переходят на «Московское время».

Появляются новые профессии. На станциях можно было встретить продавцов кипятком, которые обслуживали вагоны с пассажирами. Появляются путейцы, грузчики, водовозчики, обеспечивающие пресной водой паровозы, так как соленая вода увеличивала накипь. Особым положением начинают пользоваться железнодорожники, которые превращаются в «привилегированную касту». Они начинают иметь свои больницы, свои школы и их положение было выше и труд высокооплачиваем, по сравнению с простым казахским и русским населением. Так, например, в Шалкаре, со строительством Ташкентской железной дороги

открылось железнодорожное училище (контингент 170 учащихся), готовившее кадры для железнодорожных станций, находящихся на север и юг от станции. Такие же училища были открыты в Оренбурге, Актюбинске, Казалинске. Эта обособленная группа вводит новую политическую и бытовую культуру, они выдвигают антиправительственные идеи. Именно из их среды выходят первые марксисты, первые члены РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия).

В связи со строительством железной дороги у казахов появляются выражения «от арба» (огненная телега), «шайтанлык». В произведениях казахских поэтов идет сравнение поезда с черным жеребцом (кара айгыр). Так, например, в начале XX в. Сакен Сейфуллин писал:

Бұрын атым – тұлпар еді бәйге көк,
Енді, міне, поезд болды, тұлпар жок.
Ұзақ жолға!
Тұлпар қол ма?
Мейлі жорға!
Тұлпар міну – Сарыарқада жүрсең тек.

Особенностью языка казахской поэзии данной эпохи – является начало влияния на нее русского литературного языка. Особенно ярко это выражено в языке произведений Абая. Использование русских слов, образов более шире и свободнее у учеников Абая – Мағауия, Акылбая. К примеру, Мағауия ввел в язык стихов неиспользованные казахскими поэтами ранее и конкретные названия предметов, такие как *насос, кран, балкон, нарядчик*, и слова отвлеченных понятий как *банкрот, мот, сутки* [10, с. 195].

Это было началом вхождения в национальную письменную речь русских слов и интернационального фонда через русский язык. Причины этого необходимо искать в полном подчинении казахских земель Российской империи и принятии ее правительственных норм во второй половине XIX в. Не только административное, но и экономическое подчинение России принесло в казахское общество множество новых понятий. Таким образом, XIX в. принес большие изменения не только в хозяйственную жизнь казахов, но и в литературу и письменность.

Литература

1. Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975.
2. Асылбеков М.Х. Развитие сети железной дороги Казахстана в конце XIX-начале XX века // Казахстан в канун Октябрьской революции. Алматы, 1968.
3. Аксенов А.В. Оренбургско-Ташкентская железная дорога и ее роль в развитии капитализма в Средней Азии.: Автореф. дис.....кан. ист. наук. М., 1955.
4. ГАОО. Ф.6. О.10. Д. 8420.
5. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // История Западного Казахстана в трудах русских исследователей. Актөбе, 2006.
6. Оренбургский край. 1893. № 7.
7. Тургайская газета, 1896. № 90.
8. Кунанбаев Абай. Слова назидания. Алматы, 1993.
9. По данным этнографа к.и.н. Бекназарова Р.
10. Сыздық Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы (XV–XIX ғасырлар). Алматы, 2004.

КЕҢЕС ҮКІМЕТІНІҢ ҚАЗАҚСТАНДА ЖҮРГІЗГЕН АГРАРЛЫҚ САЯСАТЫ

Қалыбаева А.Ж.

Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе мемлекеттік университеті

Кеңес үкіметінің Қазақстанда жүргізген аграрлық саясатының бір көріністың және тыңайған жерлерді игеру. Сол арқылы экономиканың шешуші салаларының бірі – ауыл шаруашылығын дағдарыстан алып шығу міндеті алға қойылды.

КОКП Орталық Комитетінің 1953 ж. қыркүйек айында өткен пленумында азық-түлікті молайту үшін ауыл шаруашылығын барынша дамыту мәселесі қаралды. Осы пленумның шешіміне сай Қазақстан мен Батыс Сібірдің тың және тыңайған жерлерінің көлемін анықтау, құнарлық жағдайын тексеру мақсатында

КСРО Ғылым академиясының Топырақтану институты бас болып, ғылыми қызметкерлердің қатысуымен бригадалар ұйымдастырылды. Ғылыми экспедициялардың зерттеу қорытындысы бойынша астық өндірудің ірі базасын жасау мақсатында егіске жарамды 20 млн. гектар жер таңдап алынды. Қазақстандық ғалымдар қазақ жерінің табиғат жағдайын зерттей келе, топырақтың эрозияға бейімділігін дәлелдеп, жаңа жерлердің топырағын зерттеу және қажетті тыңайтқыштар қызметін анықтауды ұсынды. Өкінішке орай, бұл ұсыныстың дұрыстығы сол кезде ескерілмеді.

1954 ж. партияның Орталық Комитетінің ақпан-наурыз пленумының «Елімізде астық өндіруді одан әрі арттыру және тың және тыңайған жерлерді игеру туралы» қаулысына сәйкес қысқа мерзім ішінде миллиондаған гектар жерді игеріп, оны ауыл шаруашылық айналымына енгізу, соның негізінде астық өндіруді күрт арттыру мақсатында қазақ халқының дәстүрлі мал шаруашылығының жайылымдық және шабындық жерлерінің табиғи тірлігі бұзылды, қазақ даласының табиғатына шабуыл басталды.

Тың жерлердің басым көпшілігі Қазақстанның солтүстік аймақтарында – Қостанай, Павлодар, Көкшетау, Солтүстік Қазақстан, Торғай, Ақмола облыстарында игерілді. Соғыстан кейін енді халық шаруашылығын қалпына келтіріп, ауыл шаруашылығын дамыта бастағанда, өзіне тән экономикалық-әлеуметтік даму ерекшелігі бар Қазақстан үшін бірден үлкен жоспар жасау тиімсіз еді. Одақ көлемінде 42 миллион жер жыртылса, Қазақстанда соның жартысы 19 миллион жер жыртылды. 1963 ж. егін көлемі 1953 ж. салыстырғанда 4 есеге, астық өндіру осы уақыттың ішінде 4,5 есеге артқан. Егер тың және тыңайған жерді игеруге дейінгі он жылда 490 миллион пұт астық өндірілсе, кейінгі тың игеру кезеңінде, яғни 1954–1963 жж. 3538 миллион пұт мемлекетке тапсырған, немесе 7,2 есеге артық. Әсіресе, тың игерудің алғашқы жылдарында Республика егіс көлемінің жалпы көлемі 1955 ж. 20,6 млн гектардан асты. Мемлекетке астық тапсыру едәуір артты [1].

Осындай ұлан-ғайыр жерді игеру сан мыңдаған адамдар еңбегін, қыруар техниканы, миллиондаған қаржыны қажет етті. 1953–1958 жж. Қазақстан ауыл шаруашылығының материалдық-техникалық базасы едәуір нығайды. Ұжымшарлар мен кеңшарлар 127 мың трактор, 46,2 мың комбайн, 29,6 мың ауыр жүк машиналарын және басқа да көптеген ауыл шаруашылық техникасын алды. Ауыл шаруашылық техникасы одан кейінгі жылдарда да көбейе түсті. 1962 ж. соңында республика ауыл шаруашылығында 400 мың трактор, 108 мың егін жинайтын комбайн жұмыс істеді. 1953 ж. салыстырғанда трактор саны 6 есеге, комбайн саны 5 есеге өскен. Алайда, ауыл шаруашылығының материалдық-техникалық жағынан жабдықталуы ауыл шаруашылық өндірісін толық қамтамасыз ете алмады. Ауыл шаруашылығында қол жұмысы, негізінен сақталып қалды, агротехникалық талаптар орындалмады.

Тың игерудің алғашқы екі жылында кем дегенде 13 миллион гектар тың және тыңайған жерін игеру, одан 1955 ж. өзінде 1100–1200 миллион пұт астық алу міндеті қойылды. Мысалы, осыған сай тың жерлерді игеру бір ғана Ақмола облысының үлесіне тиді. Тыңға шабуыл үдере басталды.

Қазақстан партия, кеңес, кәсіподақ, комсомол ұйымдарының басты міндеті тың жерлердің барлық жағдайларын жасап, қамқорлыққа алу болды. Өйткені, тың игерудің идеологы Л.И. Брежневтің «біз тың жерге оны игеріп, қоныс тебу үшін, астық алу үшін бардық» деп аштық айтқандай, партия саясатының біржола қазақ даласына орнығуы еді.

1956 ж. егін орағы науқанында ерекше қиындықтар болды. Республикада бұрын еш уақытта осынша жер жыртылып, астық жиналып көрмеген. Оған мына төмендегі кеңшарлардың тың игеру кезіндегі жағдайлары дәлел. Мәселен, Қостанай облысындағы «Теміржолшылар» кеңшары тың игерудің алғашқы жылдарында құрылған. Бұл кеңшар 10 жылдың ішінде мемлекетке 19 миллион пұт астық тапсырып, одан 17 миллион сом пайда тапты. 71,7 мың гектар жердің 53,5 мың гектарына егін егілді. Кеңшарда 235 трактор, 285 комбайн, 330 сеялка, т.б. машиналар болды. Сонымен қатар, 1964 жылы бұл кеңшар 2911 ірі қара мал басын иеленді [2].

Целиноград облысының Ленин комсомолы атындағы кеңшары 49,2 мың гектар жерге егін салды. Шаруашылығында 393 трактор, 345 комбайн болды. Кеңшар мемлекетке 15 миллион пұт астық тапсырды. Тың жерлерді игеру жолындағы орасан зор күресте кеңес адамдары жаппай ерлік пен қажырлылық көрсетіп, ауыр жағдайда жаңа жерлерді игеруге тура келді.

Тың игерудің әлеуметтік-экономикалық нәтижесінің осындай табыстарымен қатар, екінші жағынан тың игеру науқаны, еңбек ресурстарының санына әсерін тигізді. Себебі, жыл сайын егін жинауға көптеген студенттер, қала халқы және әскери бөлімдер тартылды. Мұның бәрі астықтың өзіндік құнына әсер етпей қоймады. Энергетикалық шығын да көп болды, себебі, ұлан-ғайыр өлкені игеру оңайға түскен жоқ. Әлеуметтік өмірге де тың игеру өзінің әсерін тигізбей қоймады. 1954 ж. наурыз айында ғана комсомолдық жолдамамен 24970 тың игерушілер келді.

1954–1955 жж. тың игеруге тілек білдірген жастардың саны 1600 мыңға жетіп, оның 350 мыңын тыңға жіберген. Бұдан кейінгі жылдарда Мемлекеттік мұрағат деректеріне қарағанда, 1959 ж. комсомолдық

жолдамамен 29000 қыз бала тыңға тартылды. Бұл жастардың арнаулы ауыл шаруашылық мамандықтары болмаған, еш ретсіз, заңсыз жіберілген. Себебі, олардың келген аудандарында арнайы мамандарды былай қойғанда, механизатор-комбайнерлер, тіпті, жұмыс қолы жетіспеді. Олар Украина, Ресей, Белорусия, Молдавия және т.б. республикадан тыс жерлерден әкелінді. Сонымен қатар, миграциялық толқын жергілікті халық санын республика бойынша 30 пайызға төмендетіп жіберді.

Жұмысшы табы тыңдағы кеңшарларды қамқорлыққа алып отырып, партия қойған міндеттерді орындауға белсене кірісті.

Көптеген астық кеңшарларының атауы келімсек жұмысшылардың келген жерінің атымен-«Московский», «Бауманский», «Астраханьский», «Днепропетровский», «Киевский», «Ленинградский», «Львовский», «Одесский», «Тагильский комсомолец» деп аталды. Өнеркәсіп орындарының ұжымдары ауыл шаруашылық өндірісіне, тың және тыңайған жерді игеруге мамандар мен механизаторлар жіберді. Жаңа жолдар салынып, жаңа елді мекендер бой көтерді. 1954–1955 жж. ұжымшарлар мен кеңшарларға 4,5 мың маман жіберілсе, 1959 ж. олар 15 мыңнан астам жоғары және орта білімді маман еңбек етті. Тыңға жұмысшылардың көптеп келуі республиканың ауыл шаруашылығындағы үлес салмағын арттырды [3].

Тың игеру науқаны кезіндегі аграрлық саясат қазақ халқының ұлттық ерекшеліктерін, табиғи-экономикалық және әлеуметтік жақтарын ескермеді. Тың игеруге тиісті жерлер-қазақ халқының ғасырлардан бері келе жатқан ата-қонысы, түркі халықтарының көшпелі мәдениеті мен одан бергі қазақ халқының мәдени өркениеті қалыптасқан жері. Қазақ жерінің жайылымдары мен жемшөп дайындайтын шабындық алқаптары империяның шолақ саясаты негізінде бірте-бірте тарыла берді. Топырақ эрозиясы күшейіп, жердің құнарлы қабаты азайды. Тың жерлерге елді мекендер салу мен инфрақұрылымдар жүйесін жасау мақсатында мыңдаған гектар құнарлы жерлер кейіннен шығынын азайтты. Осылайша, қазақ халқының дәстүрлі мал шаруашылығының жұмысыда төмендеді.

Сонымен қатар, тың игерілген аудандарда басқа ұлт өкілдерінің көбеюінен жергілікті жерлерде орыс мектептері көптеп ашылды. Тың өлкесінде қазақ тілінен гөрі, орыс тілі өрлеп тұрды. Осы саясатты қолдаушылар: «Қазақ халқының бос жатқан жерлері игеріліп, әлеуметтік-экономикалық және мәдени өміріне үлкен өзгерістер енгізілді», деп насихатталды. Л.И. Брежнев өзінің «Тың» деген естелігінде: «Тың игеру қазақ халқының әлеуметтік-экономикалық және мәдени өміріне үлкен өзгеріс әкелді», «Нан болса, ән де болады», – деп мақтаншпен жазды [4].

Қорыта айтқанда, тың игеру ауыл шаруашылығы өндірісін дамытудың экстенсивті тәсілі болған еді. Тың игеру саясаты азық-түлік мәселесін шешу жолында уақытша дағдарысты баялатты.

Әдебиеттер

1. Едыгенов Н.Е., Колодин Ф.И., Михайлов Ф.К. Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане. М., 1959.
2. Ковальский С.Л., Маданов Х.М. Освоение целинных земель в Казахстане. Алма-Ата, 1986.
3. 10 лет освоения целины. Алма-Ата, 1964.
4. Брежнев Л.И. Тың. Алматы, 1980.

КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ 1930-х ГОДОВ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Ким Г.П.

Оренбургский государственный университет

Корейская диаспора Южного Приуралья в основном начала формироваться с 30-х годов прошлого века. К исследуемому региону нами отнесены Оренбургская область и граничащие с нею области Западного Казахстана. Безусловно, наиболее значимым событием, повлиявшим на массовость иноэтничного заселения указанной территории, стала насильственная депортация корейцев с Дальнего Востока в 1937–1938 годах. Так, данные Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО) свидетельствуют о единичных случаях пребывания лиц корейской национальности в 20–30-е годы на оренбургской земле.

Однако можно предположить, что не все корейцы попали в документальное поле бывшего партийного архива, а только те, кто состоял на партийном учёте, был работником партийных или советских органов в обозначенный период. Личные дела репрессированных сразу же изымались и попадали в НКВД.

Нашу исследовательскую гипотезу подтверждают зафиксированные в Книге памяти жертв политических репрессий Оренбургской области [1] десятки корейских фамилий. В числе этих невинных жертв тоталитарного режима люди разных возрастов, уровня образования, рода занятий: токарь, парикмахер, слушатель бухгалтерских курсов, инструктор заочных курсов советского строительства при Оренбургском Облисполкоме, летчик-наблюдатель, начальник штаба эскадрильи Оренбургской ВШАиЛН... Уточнения данных Книги памяти, полученные из УФСБ РФ по Оренбургской области [2], свидетельствуют об общности и трагизме судеб граждан СССР вне зависимости от национальной принадлежности. За скупыми строками каждого следственного дела встает само время.

Итоги депортации корейцев впервые были приведены в письме наркома внутренних дел Н.И. Ежова председателю СНК СССР В.М. Молотову. Эти данные базировались, скорее всего, на сведениях, поступивших из Управления НКВД по Дальневосточному краю (ДВК). «25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК закончено. Всего выселено корейцев 124 эшелона, в составе 36 442 семьи – 171781 человек... Корейцы распределены ... в Казахской ССР – 20170 семей – 95 256 человек» [3, с. 144]. В исторической памяти корейского народа сохранились скупые и безыскусные рассказы переживших ту страшную пору, приравниваемую, согласно древним поверьям, к восьми самым ужасным напастям: потопу, пожарам, войнам, иссяканию источников питьевой воды, холоду, жаре, мору, междоусобицам. «В назначенное время пригнали военные машины, нас погрузили и повезли до ближайшей железнодорожной станции. Там погрузили в товарные вагоны... Ехали 25 дней. Привезли большую часть нашего колхоза, образовавшегося в 1929 году, в пустынные степи Кызыл-Ординской области во второй половине ноября. Днём было тепло, а ночью уже холодно. Стали рыть землянки на зиму...» [4].

Согласно постановлению СНК и ЦК КП (б) Казахстана «О расселении и хозяйственном устройстве переселенцев-корейцев» от 3 марта 1938 г. в Западно-Казахстанскую область направлялось «в порядке доприселения в существующие колхозы – 300 хозяйств, рабочих и служащих в государственные учреждения, предприятия и в промкооперации – 200 семей», в Актюбинскую область – 1285 хозяйств, «из них на землях ликвидируемых Ярмухамедовского совхоза – 1000 хозяйств, в порядке доприселения в существующие колхозы – 120 хозяйств, в государственные, кооперативные учреждения и в промкооперацию – 165 хозяйств». Работу по доприселению предполагалось «производить при наличии согласия со стороны колхозов, куда доприселяются корейские хозяйства». Этим же документом регламентировался перевоз в Актюбинскую область из Западно-Казахстанской 197 семей [5, лл. 31–32]. Постановления республиканских органов власти дополнялись принятием соответствующих документов на областном уровне [6, лл. 67–69].

Процессы размещения, устройства и адаптации переселенцев в новой природной и этнической среде проходили чрезвычайно тяжело. В местах нового поселения распались сложившиеся на Дальнем Востоке корейские трудовые коллективы, люди становились нищими, часто просто гибли. Даже в официальных документах того времени отмечались явно неудовлетворительная практика приёма и размещения переселенцев, помощь в их хозяйственном обустройстве. Так, Бюро Актюбинского обкома КП (б) К 10 ноября 1937 года рассмотрело мероприятия по устройству корейского населения. Работа, которая планировалась СНК СССР и СНК КазССР для корейцев-переселенцев, признавалась крайне неудовлетворительной: они не были обеспечены скотом, жилыми помещениями, в местах размещения часто не было медпунктов, школ, культурных учреждений. В качестве временных жилищ предполагались палатки, юрты, шалаши и прочее. Беспорядочные корейские дети не были размещены в детдома, обеспечены одеждой [7, лл. 112–114; 7а, лл. 30–37].

Для предотвращения и ликвидации эпидемических заболеваний среди переселенцев СНК Казахской ССР предпринимал соответствующие меры: рассматривал на своих заседаниях сложившуюся обстановку, принимал по таким вопросам конкретные решения с возложением ответственности на руководителей конкретных ведомств – Наркомздрава, Наркомхоза, Наркомвнуторга, Казпотребсоюза, Наркомпищепрома [8, лл. 4–6].

Согласно соответствующей директиве СНК СССР всё имущество, оставшееся после выселения корейцев из Дальневосточного края (ДВК), подлежало реализации, а вырученные денежные средства – передаче в госбюджет Союза ССР в возмещение возвратных сумм, выделенных СНК для переселения и погашения расчётов с оставленными переселенцами в ДВК посевами (колхозными и индивидуальными), жилыми домами [9, с. 145; 9а лл. 17–22]. Однако ещё через год такие расчёты не были произведены, что лишало переселенцев возможности обустроиваться самостоятельно. Морально-психологическое состояние насильственно

переселенных в полной мере соответствовало статусу людей отметкой в паспорте «без права свободного передвижения»: даже получившие на Дальнем Востоке среднее и высшее образование не рассчитывали на получение работы по специальности, они были согласны на любую. Например, в г. Уральске до сих пор сохранился на бывшей улице Фурманова довольно большой участок, вручную мощёный корейцами. Старожилы города вспоминали о них, не чуравшихся никакой работы, с сочувствием и уважением. Отсутствие работы в местах переселения вынуждало корейцев самовольно выезжать для трудоустройства и поисков средств существования. Такие попытки пресекались, о чём свидетельствует, например, постановление президиума Актюбинского облисполкома от 29.01.1938 г. [10, л. 1].

Было бы неверным утверждать, что не предпринималось мер для жизнеобеспечения вынужденных переселенцев, учёта и применения их опыта хозяйствования (например, рисосеяния), но их нельзя признать достаточными [11, л. 7]. Часто за принятыми решениями партийных и советских органов не следовала их конкретная реализация.

Двойственность политики Советского государства в отношении этнических общностей продолжала осуществляться по отношению к корейской диаспоре и после депортации в Казахстан и Среднюю Азию. С одной стороны, участие корейцев в установлении советской власти, в советском государственном строительстве, в поднятии экономики районов проживания неоспоримо. С другой – корейцы стали первыми жертвами репрессий, учинявшихся по политическим мотивам и национальным признакам.

Проблема роли и значения этнополитического фактора в истории XX века, безусловно, не может быть замкнута сама на себе хотя бы потому, что она прямо проецируется на процесс распада советского многонационального государства. Советская национальная политика в последние полтора-два десятилетия становилась предметом многочисленных споров и дискуссий как в отечественной науке, так и в зарубежной. Трудно не согласиться с мнением британского историка Джереми Смита о том, что «постоянно растущий объем литературы по вопросам национальной политики и национальной идентичности выдвигает на первый план задачу разработки модели, позволяющей выделить государственную политику как фактор, способствовавший или препятствовавший формированию национальной идентичности» [12]. Модель пересечения государственной политики и этнических запросов корейского народа, не являющегося коренным в России, но перенесшего все испытания, выпавшие на долю страны, показательна во многих аспектах

Сам факт принудительных мер властей повлек за собой определенный статус «спецпереселенца без права свободного передвижения». Следует также отметить, что в определении статуса депортированного корейского народа, в исследовательской литературе нет единства. Так, В. Бердинских характеризует спецпоселения как акции, прежде всего, национально ориентированные, осуществляющие политику кнута для целых народов, внедряющие страх в кровь и гены нации. Процесс перевода корейцев на режим спецпоселения ученый датирует летом 1945 г. Капитуляция Японии прекращает этот процесс, следовательно, по мнению В. Бердинских, корейцы так и не стали спецпоселенцами, формально считаясь «административно высланными» [13, с.18].

А.Х. Рахманкулова, обращаясь к вопросу об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 1940-е годы, утверждает: «во всех официальных документах того периода депортированные народы определялись как «спецпереселенцы», что помимо жесткого надзора означало целый ряд мер по ограничению их гражданских прав» [14, с.151].

На неоднозначность статуса корейцев указывает и крупнейший исследователь проблемы депортации российских народов Н.Ф. Бугай. Учёный, сославшись в своей работе на документально зафиксированные факты: письмо наркома внутренних дел СССР Н. Ежова (19.10.1937), телеграмму председателя Совнаркома Казахской ССР Ундасынова (29.06.1938), приказ народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия (1945), директиву МВД СССР за подписью министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова (03.03.1947), мнение зам. начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР П.И. Мальцева (1948), отчёт (справку) начальника 4-го Спецотдела МВД СССР полковника В.В. Шияна (сентябрь 1949 г.) – приходит к выводу о том, что на корейцев распространялись те же законы, что и на спецпоселенцев, депортированных в 30–50-е годы «по государственному заданию» [3, с. 147].

Выселение сопровождалось дополнительными репрессиями. Уже на следующий день после принятия Постановления о высылке корейцев нарком внутренних дел Н. Ежов приказал начальнику НКВД Дальневосточного края Г. Люшкову ускоренным порядком разобраться со всеми корейцами, ведущими антисоветскую пропаганду, сводившуюся в основном к недовольству необоснованным выселением, с подозреваемыми в шпионаже, в связях с границей, в ведении контрреволюционной деятельности. Часть подозреваемых арестовали в Дальневосточном крае, остальных – в эшелонах и на месте высылки, их численность, по свидетельству того же Люшкова, составила 2,5 тысячи человек [3, с. 144].

Свидетельства о людях, в одночасье вычеркнутых из жизни, сохранились в скупых строках личных дел в архивах карательных служб. Когда по указу М.С. Горбачёва на непродолжительное время архивы НКВД–КГБ–КНБ были открыты, нам удалось ознакомиться с целым рядом свидетельств того страшного времени по Западно-Казахстанской области. Обвинения по зловещей 58-й статье в лучшем случае заканчивались осуждением тройкой УНКВД к заключению в ИТЛ, чаще – расстрельным приговором. Иногда постановлением УНКВД следственные действия прекращались в сравнительно короткие сроки с формулировками, подтверждавшими нелепость обвинения: «...дело № 241 по обвинению Ким-Хи-Сун производством прекратить и из-под стражи освободить: материалами следствия шпионская деятельность не доказана, по делу никто не допрошен, обвинение основано исключительно на предположении...» [4].

В.Б. Жиромская, анализируя демографическую ситуацию в стране в период с 1926 по 1939 гг., определяет её как очень сложную. Большие изменения в численности и размещении населяющих Россию народов, по мнению исследователя, «в значительной степени... были связаны с интенсивными миграционными потоками населения, в том числе насильственными» [15].

Данные переписи населения 1939 г. свидетельствовали: в 1938 г. из каждой тысячи корейцев умерло 42, а детская смертность составила 200 человек на каждую тысячу – умер каждый пятый ребенок! В настоящее время ряд историков и демографов выразили сомнение в объективности некоторых данных этой переписи, так как она должна была скрыть масштабы сталинского геноцида. Количество же умерших в горестном «дальневосточном экспрессе» никогда никем не учитывалось.

Однако корейцы-переселенцы в самых сложных условиях существования в местах депортации стремились сохранить уже существовавшие трудовые коллективы, партийные организации, укрепить вновь организованные колхозы, участвовать в партийно-массовой работе. Среди руководителей парторганизаций, колхозов документально зафиксированы корейцы в качестве партработников, заместителей секретарей парткомов, председателей колхозов: Пак К.А., Пак М.С., Хан В.М., Огай Чан-Гу, Ли-Менджин и др. [16, лл. 1–2].

История российских корейцев как в пространстве многонационального советского государства, так и на уровне регионов ещё не написана. Трудными многими учеными она собирается по архивным фондам, записывается у ещё живых хранителей устной истории, выявляется из косвенных источников. Остается надеяться, что уже опубликованные труды и ещё собираемые крупными национальными архивами будут объединены в обобщающие тома, которые заинтересуют не только специалистов, но всех граждан нашего исконно полиэтнического и поликонфессионального государства, будут способствовать устойчивому формированию толерантности как важнейшего социального качества.

Литература и источники

1. Книга памяти жертв политических репрессий Оренбургской области /Автор и составитель Г.В. Ермаков, член правления Оренбургского областного движения «Мемориал». Калуга: Золотая аллея, 1998.
2. Справка УФСБ РФ по Оренбургской области от 11.01.2008 № Ки-397.
3. Бугай Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. № 6. Автор делает заключение, опираясь на ГАРФ. Ф. Р-5446, 9401, а также на исследование Ко Сонг Му Корейцы Советской Центральной Азии. Хельсинки, 1987. В постановлении СНК и ЦК КП (б) Казахстана «О расселении и хозяйственном устройстве переселенцев-корейцев» от 3 марта 1938 года указано 20 530 семей. См. ГААО. (Государственный архив Актыбинской области) Ф. 85. Оп. 1. Д. 1003. Л. 30.
4. Полевые материалы автора (ПМА), 1992. Информатор – Ким П.И. 1914 г.р.
5. ГААО.Ф. 85. Оп. 1. Д. 1003.
6. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1004.
7. ГААО. Ф.13. Оп. 6. Д. 20.
- 7а. Ф.85. Оп.1. Д.1003.
8. ГААО. Ф. 85. Оп.1. Д. 1003.
9. Бугай Н.Ф. Указ.раб.
- 9а. ГААО.Ф. 85. Оп. 1. Д.1003.
10. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1005.
11. ГААО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1005.
12. Смит Джереми. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала («Ab Imperio»). Казань, 2004.

13. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России: фотодокументы. Научный проект «Репрессированные народы». Киров: Кировская областная типография, 2003. В категории «административно-высланные» корейцы значатся в XII выпуске серии «Народы и культуры» – «Депортации народов СССР /1930-е – 1950-е годы». М., 1992.

14. Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 1940-е годы // Этнографическое обозрение. 2006. № 5.

15. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

16. ГААО. Ф. 13. Оп. 6. Д. 599.

ДРЕВНИЕ МАДЬЯРЫ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Кушкумбаев А.К.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана

В исторической науке за казахскими степями недвусмысленно закрепилось (отчасти справедливо) обозначение как огромного «степного коридора», соединявшего Центральную Азию с Восточной Европой, хотя именно с территории Казахстана запускаясь (или, вернее, начинались) практически все крупные инвазии и нашествия кочевников на близлежащие и отдаленные оседло-земледельческие области. На землях Казахстана продолжительное время (от нескольких десятков до нескольких сотен лет) на рубеже древности и раннего средневековья жили сарматы, аланы, хунну, а ряд тюркских народов и племен (карлуки, печенеги, огузы, кимаки, кыпчаки и др.) – вплоть до монгольского завоевания Евразии включительно. Это подтверждается значительным массивом исторических источников (письменные сведения, археологические данные).

Например, монгольские армии в середине 30-х гг. XIII столетия, накануне старта знаменитого семилетнего похода Чингизидов 1236–1242 гг., переместившись из глубин Центральной Азии, базировались на землях Южного Урала, Северо-Западного Казахстана и далее продвигались на запад Евразии. Если так представить историческую картину, то урало-казахстанский регион являлся не просто широкой проходной зоной для кочующих кочевников, а стал выполнять, прежде всего, в силу своего географического расположения, функцию своеобразного «накопительного резервуара», собирающего как людские, так и иные ресурсы. Одновременно его можно обозначить как обширную культурно-контактную область, в которой происходило взаимодействие кочевников различного этнического происхождения. Не доходя до состояния кризисно-критической массы и внутреннего взрыва, группы кочевников-аутсайдеров, не выдержав конкуренции с другими более «пассионарными» и воинственными соседями, формируя активное (дееспособное) миграционное ядро, уходило на поиск свободных земель, сменяя на своем пути или включая в свой состав остатки политически разрозненных слабых племен. Эти факты массового переселения кочевых народов подтверждаются имеющимися источниками. Так, по легендарному сообщению неоднократно цитировавшегося исследователями венгерского «Анонима», родина мадьяр хоть и была «обширна», но «все же не могла прокормить и вместить множество рождавшихся там людей. Поэтому семь правителей, которых называют *Хетумогер* и которым стало тесно в их местах, задумали вырваться из них. Тогда эти семь правителей, посоветовавшись, постановили уйти из родной земли и занять земли, пригодные для обитания...» [1, с. 93]. Хотя настоящие обстоятельства миграции могли быть иными или стали следствием совокупности неблагоприятных факторов, но в таких прославленных повествованиях о «подвигах» предков на первый план выходит ключевая первопричина.

К представленной закономерности продвижения азиатских кочевников по мегастратегической линии «Восток–Запад» относится и евразийская миграция предков мадьярского народа раннего средневековья. Считаю, сейчас нет весомых сомнений в том, что начало этногенеза (этнической истории) протомадьяров-кочевников проходило в азиатской части евразийского континента или, по крайней мере, на стыке географического разделения Европы и Азии, также расположенной на территории Казахстана. Как доказывается исторической наукой, мадьярские племена, пройдя Волжский рубеж, в течение всего (или со второй четверти) IX в. кочевали по восточно-европейским степям и в конечном итоге своей миграции закрепились в Карпатском бассейне на рубеже IX–X вв., завершив, тем самым, цикл известного феномена «*Великого Переселения народов*». М.И. Артамонов связывает появление мадьяр, до этого проживавших к востоку от Волги и теснимых печенегами, в Причерноморских степях, с восстанием кабар в Хазарском каганате в 20-х гг. IX в. [2, с. 339–340, 343].

Выдающийся российский тюрколог-этнолог, видный представитель евразийского научного направления Л.Н. Гумилев очень точно, на мой взгляд, отметил, что мадьяры и сама «**Венгрия – осколок Великой Степи в сердце Европы**» [3, с. 155]. Следовательно, если согласиться с такой посылкой, то первичная стадия этнического формирования древнемадьярского народа началась раньше в какой-то, условно, «отдаленной» области восточно-евразийских лесостепей или степей и далее продолжилась в Понто-Каспийском регионе.

Этноним «*мадьяр*» (*magyar*) по своей фонетической характеристике и лингвистическому объяснению и, соответственно, происхождению, относится, что вполне очевидно, к той этнокультурной и языковой среде, в которой шло складывание протомадьярской этнической общности. К этому этнокультурному окружению древних мадьяр имеют, так или иначе, отношение большинство раннесредневековых тюркских народов западно-евразийского региона: *хунгар*, *хазар*, *булгар* (*болгар*, *балкар*), *сувар* (*субар*, *савар*, *савир*), *авар* (*абар*, *апар*), *кабар* (*кавар*), *кангар* и др. Этнополитический состав, язык, культура, институты власти перечисленных этносов были настолько синкретичными, что до сих пор ученым нелегко установить их этническую природу и специфику. Главным препятствием для комплексного изучения следует считать дефицит исторической информации, что обусловлено скудностью источниковой базы, недостаточностью фактических сведений. Соответствующую научно-обоснованную интерпретацию истории этих народов еще предстоит осуществить.

Следует признать, что древний азиатский период истории мадьяр (до письменной регистрации в IX в.) продолжает считаться в большей степени «*terra incognita*» как для исследователей, так и широкой заинтересованной этим вопросом общественности. Ясно обоснованных конкретных интерпретаций поставленных вопросов пока в науке нет. Это, конечно, не значит, что решение этой проблематики практически зашло в тупик. Внимательное, а где-то и скрупулезное изучение известных специалистам источников может дать возможность увидеть нереализованный потенциал старых изысканий или новый вектор перспективных разработок. На какой территории и в соседстве с какими народами до IX в. проживали протомадьярские племена? Если они действительно находились в восточной части евразийских степей в смежных с тюркскими племенами районах, то почему источники об этом ничего не сообщают?

Возможно, это следует объяснить тем, что предки мадьяров политически входили в стратифицированную структуру более крупных разноплеменных союзов древнетюркских народов, которые были инкорпорированы в гунно-сармато-аланскую конфедерацию, затем составляли основу сначала Первого тюркского, а впоследствии Западно-Тюркского каганатов середины VI – начала VIII вв. Среди тюркских кочевых племен средневековья и даже нового времени инородные сегменты, насильственно или не редко добровольно включенные в племенную систему клана-доминанта (чаще имперской политической конструкции) носили единое, для внешнего наблюдателя, племенное название рода-лидера (*потестарного патрона*), которые как бы, покрывал своим названием другие подвластные группы. Причем, зависимые рода могли сохранять свое первоначальное (настоящее) наименование для внутреннего употребления, но из-за политической конъюнктуры и подчиненного положения принимали на себя племенное имя или расширенное этнополитическое наименование завоевателей-победителей – основателей кочевых империй (Элей, Каганатов, Улусов, Орд, ханств). Средневековые писатели, характеризуя, в целом, корпоративные объединения кочевников, по господствующему (общему для всех) клану, не всегда вдавались в подробное описание их внутреннего племенного состава. Так что быстрое «исчезновение» (в первую очередь, отсутствие упоминаний в письменных источниках) прежних этнонимов (или этниконов) евразийских кочевников, а затем их «неожиданное воскрешение» следует в целом понимать как изменение этнополитической ситуации, при которой они избавились от своего подвластного состояния.

Л.Н. Гумилев в примечании к тексту Артамонова М.И. «История хазар», писал, что ранние мадьяры находились в составе Западно-Тюркского каганата и вышли из-под власти *тюркутов* после 631 г. и, затем, вероятно, попали в сферу влияния хазар [2, Примечание, с. 338]. Вслед за ним Е.С. Галкина отмечает, что «предки мадьяр жили в степях Зауралья и со 2-й половины VI в. по 2-ю половину VII в. находились в зависимости от Тюркского каганата. С 630-х гг. в Западном Тюркском каганате начались смуты, и он начал быстро распадаться. Примерно в это время и началось формирование мадьярского этноса из кочевых племен, расселившихся по рекам Уфа, Белая, Кама» [4]. Трудно согласиться с мнением Е.С. Галкиной о таком районировании мадьярского этногенеза, т.к. здесь речь идет о мадьярах-кочевниках занимавших большие степные области.

Безусловно, этнокультурные контакты и взаимоотношения мадьяров и тюрков хронологически могли занимать не одно столетие. Наличие тюркизмов в современном венгерском языке (по одним данным, около 400, по другим – до 1000 терминов) подтверждает то, что они заимствовались в ходе длительных и тесных культурных взаимосвязей с тюркскими народами Евразии. В раннесредневековый период (VI–VIII вв.) в

евразийской степной зоне полностью доминирующей военно-политической силой стали тюркские кочевники – выходцы с Центральной Азии. Значительная (быть может, большая) часть дотюркского населения евразийских степей разговаривавшая на восточно-иранских языках и диалектах (сармато-аланские племена), а также какие-то мадьярские (угрозязычные?) группы были глубоко тюркизированы и ассимилированы номадами центрально-азиатского происхождения. Параллельно отмечается сильное влияние со стороны автохтонных племен на тюркских мигрантов, что видно по терминологии в сфере управления, наименованиях административно-политических должностей чиновников, религиозной жизни этнопотес-тарных объединений евразийских кочевников. Многовариантный процесс этнокультурной и языковой тюркизации этих исконных обитателей евразийских степей не был тогда полностью завершен и продолжился впоследствии в эпоху распространения кыпчакских языков XI–XIII вв. и завершен в монгольский период.

В исторической науке Венгрии и России уже давно (начиная с XIX в.) и пока обоснованно аргументируется, что отправной, до западной миграции, областью обитания протомадьяр был район Южного Урала. Казалось бы, этот вывод давно доказан и не оспорим. Но есть одно существенное обстоятельство, которое следует иметь в виду. Даже если признать, что первоначальным ареалом местопребывания древних мадьяр была так называемая «**Великая Венгрия**» (*Magna Hungaria*), соотносимая специалистами с территорией современной западной и центральной части Башкирии, то выход большой массы населения из этого района в юго-западном направлении и ее переход к кочевому образу жизни не мог произойти попутно или быстро.

На это еще обращал внимание известный российский ученый XIX в. Н.Я. Данилевский в своей рецензии на труд К.Я. Грота [5] по ранней мадьярской истории. В этой связи он писал: «Надо предположить, что **Угры, путившись в свое странствование из Биармии в Лебедию, уже были кочевниками и наездниками, и следовательно шли путем, возможным для кочевников, т.е. не лесом, а степями**». Далее у него эта мысль звучит более четко: «**Они, т. е. Угры, уже в прародине (не в первой, а во второй, не в Биармии, а в Башкирии) должны были совершенно отуречиться, обашкириться, т. е. сделаться вполне кочевниками. ... Здесь от лесной охотничьей жизни – в лесах Башкирии они постепенно могли переходить к пастушескому быту, заимствуя его, пожалуй, от небольших турецких племен, тут же мирно кочевавших, переходить, – потому что жизнь кочевая легче, обеспеченнее жизни звероловной, переходить и смешиваться, причем финское ядро обрастало турецкой оболочкой во всех отношениях, в том числе и в языке**». Так что «**в этом втором доме они сделались наездниками, без сомнения, под влиянием турецких кочевых племен, башкир ли или других каких – это все равно, но только непременно здесь – под двойным влиянием: турецких племен и топографических условий местности**» (*выделено мной. – А.К.*) [6, с. 235–237]. В XIX в. популярной была версия о северном происхождении мадьярского народа из полулегендарной страны Биармия (Бьярмия, Пермь?), локализуемой исследователями на большом пространстве северо-восточной Европе. Сейчас такой подход к древней истории мадьяр следует признать анахронизмом.

«Обашкиривание» и номадизация мадьяр, скорее всего, могла происходить южнее или даже восточнее в степной или лесостепной зоне Зауралья, Западной Сибири, с одной стороны, и Северного и Западного Казахстана – с другой. С учетом археологических исследований, весьма содержательных по артефактам, Синеглазовских могильников, открытых еще в начале XX в. на Южном Урале в Челябинской области, становление протомадьярской культуры, может быть локализовано намного восточнее, за Уральским хребтом. Наиболее предпочтительным (более приемлемым) представляется выход на историческую арену древних мадьяр из восточной зоны евразийских степей, связанной с лесостепной областью Западно-Сибирской низменности. Немецкий исследователь И. Маркварт размещал прародину «*Ursitze*» мадьяр в так называемой «южной Угрии (*Yugria*), в окрестностях Ишима и Барабинской степи (к востоку от Омска)» [7, 53]. Как показывают археологические и антропологические данные, именно в этом регионе происходила интенсивная метисация и дальнейшая ассимиляция древнего населения Сибири тюрками, продвигавшимися с юго-востока из Центральной Азии (Монголия, Алтай). Об этом районе как древнейшей «протомадьярской» прародине, существовавшей в гуннскую эпоху и археологически идентифицируемой как саргатская культура (см.: [8, с. 5–18]). Но, вместе с тем, Н.Я. Данилевский абсолютно прав в том, что «*отуреченные*» (подвергнутые тюркизации) мадьяры находились очень длительное время «под двойным влиянием»: смежных тюркских племен и природно-географических условий степной экосистемы.

Для овладения навыками ведения кочевого скотоводческого хозяйства был необходим адаптивно-аккультурационный (переходный) период, при котором оформились бы и утвердились основы номадной скотоводческой экономики и культуры. Это заняло бы определенное время – как минимум несколько поколений (4–5.) В этой связи достаточно очевидно, что ранние мадьяры, известные по первым письменным

известиям восточных авторов, продолжительное время вели кочевой образ жизни, предположительно в северной и западной части современного Казахстана, включая и смежные районы в Южном Приуралье.

В конце 80-х гг. XX в. в Актюбинской области Казахстана, недалеко от поселка Караой (Жетыколь) Уилского района, было случайно найдено дюнное (в песках) захоронение средневекового воина и сопутствующие предметы: «стандартный набор вещей из погребений VIII–IX веков нашей эры – три налобные бляхи конской узды, птицевидные нашивки-амулеты, и самое главное – керамика. Посуда из глины – не характерный для кочевников тюркского мира этого периода и региона элемент материальной культуры». Археологи С.Ю. Гуцалов и А.А. Бисембаев идентифицируют и связывают это погребение и обнаруженный инвентарь с пребыванием в этом районе каких-то протомадьярских групп [9]. Еще в 60-х гг. XX в. венгерский антрополог Тибор Тот, анализируя остеологический материал древних венгров, пришел к выводу, «что ареалом процесса преобразования лицевого скелета угорских предков древних венгров являлся Северный Прикаспий», куда входило пространство «от низовья Волги до Мугуджара» [10, с. 68–69], т.е. территория Арало-Каспийского региона. Сравнительно-генетические исследования, проведенные недавно группой венгерских антропологов во главе с доктором А. Биро, показали, что между дальними предками казахских мадяров, обитающих в Торгайском бассейне Казахстана и предками венгров (мадяров) когда-то существовал генетический контакт в рамках одной популяции. Возможно, что древние мадяры оставили в Центральной Азии свой «родовой» след. Именно западно-казахстанский (северо-приаральский) ареал может считаться одной из зон их обитания в дальнейшей миграции [11, р. 305–310, fig. 4] и важным этапом образования древнемадьярской общности.

И.А. Антонов в недавней публикации на эту проблему выделяет три района существования этнонима «мадьяр», включая и производные от этого названия: 1) Приуралье IX–XIII вв., 2) урало-казахстанские степи, периода существования Золотой Орды и других поздних государств XIV–XVI вв., 3) Волго-Окское междуречье XIV–XVI вв. [12, с. 63]. Такое районирование этнонима мадьяр в подобных хронологических пределах вполне допустимо.

Присутствие (продолжительное?) древнемадьярских племен в раннем и развитом средневековье в урало-иртышской зоне не подлежит сомнению. Естественно сложившаяся западно-казахстанская степная и полупустынная экологическая ниша жестко диктовала, обитающим здесьномадам пространственные меридиональные кочевые маршруты по стержневому направлению «север–юг» и его второстепенным географическим вариациям. Даже в позднее средневековье и новое время (XVI–XVIII вв.), среди казахов господствовал такой тип кочевания, при котором кочевые хозяйства в весенне-летний сезон двигались на север и северо-запад, а в холодный период (осень-зима) кочевали в обратном направлении, где стояли несколько месяцев. Это было обусловлено преобладанием зимних пастбищ на юге кочевого цикла, теплым климатом, хорошей продуктивностью растительного покрова, высокой кормовой производительностью природных ресурсов, наличием удобных водоемов (см.: например, [13, с. 519–520; 14, с. 66, 88 и др.]), близостью оседлых оазисов и т.д. Поэтому все более или менее постоянные стойбища кочевников были в этом ареале. Амплитуда и радиус кочевания в Юго-Западном и Западном Казахстане были огромные и достигали иногда 2000–2500 км [14, с. 81–82; 15, с. 49, 72]. Район Приаралья и нижнего течения р. Сырдарья был зоной смыкания путей и смежных сезонных стационарных центров средневековых кочевников, имеющих здесь зимние стоянки. Природно-климатические условия, диктовавшие хозяйственно-экономические закономерности, относились к числу долговременных (фундаментальных) детерминант существования кочевого общества, которые могли меняться в силу продолжительных климатических флуктуаций, катастрофических природных (эпизоотии, джуты), демографических и политических катаклизмов – войны, междоусобицы, нападения и связанные с ними переселения и т.д.

Мадьяры, вторгнувшись в причерноморские степи с востока, аттестуются в хрониках и летописях как народ, который по преобладающему кочевому хозяйственно-культурному типу (его признакам) особо не отличается от других соседних номадов. Мусульманские историки и географы, а также византийские источники описывают мадьяр как стандартных (типичных) степных кочевников. Обнаруженные и археологически идентифицированные раннемадьярские погребальные памятники показывают большое сходство с культурой евразийских кочевников предшествующего и синхронного периодов. По словам М.И. Артамонова, «для характеристики той среды, из которой вышли мадьяры, определенным интересом представляет Стерлитамакский могильник VIII–IX вв., где обнаружены погребения воинов с характерным вооружением и конской сбруей. Представленные здесь вещи – сабли, боевые топоры, наконечники стрел, стремена и прочие не отличаются от вещей того же времени, распространенных у всех кочевых и полукочевых народов Евразии». В то же время «здесь находится своеобразная керамика в виде грубых круглодонных сосудов, украшенных рядами

вдавлений, вовсе не свойственная аланским и тюркским погребениям и генетически восходящая к формам, характерным для местного населения с глубокой древности. Этот могильник оставлен не аланами и не тюрками, а народом финно-угорского круга, к которому принадлежали и мадьяры» [2, с. 339]. Отмеченная в начале закономерность миграции древних и средневековых народов в евразийской степной полосе подтверждается относительно более поздними миграционными потоками кочевников (кыпчаки, калмыки), которые продвигались по так называемому северному пути, начиная с Иртыша вдоль, через Ишим (*Есил*) и Тобол и далее через южноуральские степи, достигавшие Заволжья [16, с. 107–115].

Таким образом, византийские авторы и восточные историко-географические трактаты относят уверенно мадьяров к тюркской группе народов, обитавших в степях Восточной Европы. Недооценивать или отрицать эти единодушные свидетельства абсолютно разных источников было бы, по крайней мере, не только не объективно, но и непродуктивно.

События, связанные с разделением некогда единого мадьярского народа, произошли, вероятно, как более логично доказывается, не в причерноморском районе, а намного восточнее, в урало-казахстанских степях, под напором тех же печенегов, огузов, кимаков. Если ориентироваться хронологически, то это относится к рубежу VIII–началу IX вв. Возможно, процесс разделения занимал более длительное время, чем принято считать, и начался раньше в Поволжско-Уральском междуречье (или восточнее этого региона?) и продолжался несколько лет или даже десятилетий. Чем дальше уходила на запад эта ветвь мадьяр, тем менее поддерживались связи между ними и оставшимися на востоке мадьярами. Причем западные и восточные ветви мадьяров помнили долгое время и после разделения о существовании двух ответвлений этой древней этнической общности на уровне преданий, сказаний и другой вербально передаваемой межпоколенной информации. Эти устные сведения (очень консервативные по своей сути) о прошлом имеют, как правило, очень существенное значение при анализе первоначального периода этногенеза народа.

Как видно, ранний этап этнической истории венгерского народа тесно был переплетен с историей и культурой далеких предков ряда современных тюркоязычных этносов Евразии: башкир, казахов, татар и др., и поэтому пытаться сводить древние связи и контакты эпохи средневековья, только к этнокультурным взаимоотношениям с одной-двумя этноисторическими общностями было бы не совсем правильно. Прародиной большинства тюркских народов является срединный пояс евразийских степей, лесостепей и полупустынь, там же, убежден, находятся истоки этногенеза древних мадьяр. Территория Казахстана была значимым (ключевым?) звеном в передвижении древних мадьяр на Запад в восточно-европейские степи, и целенаправленный поиск материальных артефактов их пребывания в урало-казахстанском регионе может существенно скорректировать выдвинутые в научной среде представления о такой миграции.

Литература

1. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В.И. Матузовой, вступ. статья и комментарии М.К. Юрасова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2.
2. Артамонов М.И. История хазар. Под ред. и с примеч. Л.Н. Гумилева. Л., 1962.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993.
4. Галкина Е.С. К проблеме локализации народов Восточной Европы на этнической карте географов «школы ал-Джайхани» // Ученые записки Центра арабских исследований Института востоковедения РАН. М., 2003 [электронный режим доступа] // <http://idrisi.narod.ru/jayhani-gal.htm>
5. Грот К.Я. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб., 1881.
6. Данилевский Н.Я. О пути Мадьяр с Урала в Лебедию. Заметки Н.Я. Данилевского и К.Я. Грота // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1883. Т. XIX. Вып. 1.
7. Marquart von J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge; ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940). Mit Unterstützung der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Leipzig, 1903.
8. Erdélyi I., Benkő M. A szárgátka Kultúra és a hunok // *Eléink*. IV. 2005. / 2.
9. Бисембаев А.А. Венгры из Уила. Рукопись. Б.м.
10. Тот Т. О раннем этапе этногенеза венгерского народа // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1968. № 2.
11. Biro A.Z., Zalan A., Volgyi A., Pamjav H. A Y-chromosomal comparison of the Madjars (Kazakhstan) and the Magyars (Hungary) // *American Journal Physical Anthropology*. 2009. Jan. Vol. 139. Issue 3.
12. Антонов И.В. К вопросу о локализации венгров (мадьяр) в Волго-Уральском регионе // VIII конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. Оренбург, 2009.

13. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII–начале XX века: политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

14. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы–М., 1995.

15. Цинман М.З. Методологические проблемы типологии отношений собственности у кочевников (научно-аналитический обзор). Алма-Ата, 1992.

16. Таиров А.Д. Северный путь движения кочевого населения в Евразийском поясе степей // Челябинский гуманитарий. Научный журнал. 2009. № 2 (8).

ИМПЕРСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ГЕТЕРОГЕННЫМ ПРОСТРАНСТВОМ В СЕВЕРНОЙ ЗОНЕ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА

Любичанковский С.В.

Оренбургский государственный педагогический университет

В контексте государственно-властных отношений специфика взаимодействия культур в поликультурном, гетерогенном обществе неизбежно отражается в функционировании системы территориального управления.

Длительное время в отечественной исторической науке единственно возможная оценка региональной системы управления Российской империи была производной от оценки самой империи как «тюрьмы народов». Современная наука, в общем и целом, преодолела этот подход и предложила совершенно новую исследовательскую парадигму, которая получила название «новой имперской истории» (в России базой развития данного направления являются «Центр Исследований Национализма и Империи» при Казанском университете и международный журнал *Ab Imperio*).

Названное направление далеко от идеализации империй, но не склонно и воспринимать их излишне критически. Сегодня под империей понимается способ управления гетерогенным пространством в условиях модернизирующегося общества, способ преодоления мировой локальности. «Мир–империя» (Ф. Бродель, И. Валлерстайн) предстает эластичной и вариативной системой управления различиями и сложностями. При всей важности вопроса о причинах краха империй в XX веке изучение имперского способа управления должно дать ответ на не менее важный вопрос: каким образом на протяжении нескольких веков удавалось обеспечить феноменальную устойчивость такого сложного конгломерата народов и культур, каковым была Российская империя? Исследовательские акценты в настоящее время смещены на выяснение потенциала управленческих технологий, способных эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру в условиях мультикультурного сообщества.

В сентябре 2009 г. были подведены итоги международной дискуссии по истории местного управления пореформенной России, проводившейся под эгидой РАН [1]. Функцию модератора дискуссии выполнял автор этой статьи. В проекте приняло участие 37 специалистов из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Важным компонентом дискуссии стало обсуждение проблемы эффективности в контексте региональной управленческой специфики Российской империи в пореформенный период. Оно развивалось диспутантами в трех направлениях. Первый вектор был связан с определением структуры империи в региональном плане и динамики ее развития: проф. С. Беккер (США), проф. А. Каппелер (Австрия), д.и.н. А.В. Ремнев (Омск), д.и.н. Л.Е. Горизонтов (Москва), к.и.н. Д.В. Васильев (Москва); второй – с определением базовых механизмов имперского управления периферией: А. Каппелер, Л.Е. Горизонтов, проф. Й. Баберовски (Германия), Д.В. Васильев, проф. С.В. Любичанковский (Оренбург); третий – с определением управленческой специфики Урало-Каспийского и Урало-Поволжского макрорегионов и некоторых составляющих их субрегионов: проф. К. Мацузато (Япония), Л.Е. Горизонтов, д.и.н. И.К. Загидуллин (Казань), к.и.н. Д.А. Старков (Самара), к.и.н. Н.Л. Семенова (Стерлитамак).

Целью настоящей статьи является познакомить участников конференции с высказанными в ходе дискуссии оригинальными идеями и тем, как они применяются к истории Оренбургского края, т.е. территории, охватывавшего в имперский период северную зону Арало-Каспийского макрорегиона.

Обсуждение развивалось диспутантами в трех направлениях. Первый вектор был связан с определением структуры империи в региональном плане и динамики ее развития (С. Беккер, А. Каппелер, А.В. Ремнев, Л.Е. Горизонтов, Д.В. Васильев), второй – с определением базовых механизмов имперского управления

периферией (*А. Канпелер, Й. Баберовски, Л.Е. Горизонтов, Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский*), третий – с определением управленческой специфики Урало-Каспийского и Урало-Поволжского макрорегионов и некоторых составляющих их субрегионов (*К. Мацузато, Л.Е. Горизонтов, И.К. Загидуллин, Д.А. Старков, Н.Л. Семенова*).

Дискуссия выявила единство мнений по вопросу о сложности структуры империи и векторе ее развития – факторах, существенным образом влияющих на оценку эффективности управления. Так, *С. Беккер* применительно к Российской империи XIX века выделил 4 разных типа отношений между метрополией и периферией, определив при этом генеральный вектор развития данных отношений в сторону интеграции периферий с центром до уровня «государства–нации» (результат, которого, по мнению автора, в принципе нельзя было достигнуть в тех конкретно-исторических условиях). *А. Канпелер*, основываясь на проведенном сравнительном анализе трех континентальных империй (Австрийской, Османской, Российской), также сделал вывод о том, что основной «имперской» целью являлась интеграция периферий с центром, и эта цель в России достигнута не была. *А.В. Ремнев* обратил внимание коллег на огромный исследовательский потенциал регионального подхода и парадигмы «географии власти», позволяющий преодолеть биполярные схемы (центр–периферия, метрополия–колония и т.д.) в понимании структуры империи. Ученый видит эту структуру более сложной и гибкой, трехчастной: ядро, окраины, а также «внутренние окраины» как промежуточная форма. Автор подчеркнул динамичность конкретного содержания этих понятий применительно к Российской империи. *Д.В. Васильев* также согласен с уместностью использования в науке понятия «внутренняя периферия», определяя его как «неполноценную» по ряду параметров территорию внутри уже освоенной территории. *Л.Е. Горизонтов*, признавая унификационную целевую установку имперского правительственного курса, вместе с тем отметил, что зачастую особый административный режим, который теоретически должен был бы обеспечить переход к унификации, в действительности консервировал особенности региона. В основе выделения исследователем Урало-Поволжского региона как внутренней окраины пореформенной России лежат, в качестве базового критерия, «ментальные карты» прошлого.

Участники обсуждения обратили внимание на взаимодействие центра и местных элит как на ключевой элемент механизма имперского управления периферией, определяющий эффективность последнего. Так, *А. Канпелер* оценил данное взаимодействие как универсальный способ имперского контроля над культурно чуждыми перифериями и центральный элемент стабильности империй. Исследователь зафиксировал несколько фаз в развитии данного подхода (или вариантов реализации универсального механизма) в пореформенной России: отказ от политики кооперации со «старыми» периферийными элитами после польских восстаний 1830 и 1863 гг., краткосрочная попытка кооперации с новыми национальными элитами «крестьянских народов», акцентирование взаимодействия с лояльными русскими элитами и восстановление сотрудничества с лояльными нерусскими элитами после 1905 г. В качестве важнейшего имперского механизма кооптации иноэтничных элит автором была представлена армия. *Л.Е. Горизонтов* среди ключевых элементов механизма имперской унификации назвал формирование культурно-однородного (русского) контингента местного чиновничества и постоянный межрегиональный трансфер кадров госслужащих. *Й. Баберовски* обратил внимание на негативное влияние модернизации на классические механизмы имперского управления окраинами, поскольку бюрократизация мультиэтничных окраин вела к маргинализации автохтонных элит, представлявших власть центра в дореформенный период. *С.В. Любичанковский* выделил 3 основных блока управленческих решений (установление места окраинных институтов власти в системе карьерного роста представителей местных элит, изменение внутренних административно-территориальных границ, корректировка системы регионального управления), способствовавших в пореформенный период «подтягиванию» периферийных зон до уровня «ядра» империи. *Д.В. Васильев* на материалах Русского Туркестана обозначил и показал такой практиковавшийся в империи механизм последовательной и осторожной интеграции окраин с ядром, как конструирование русским управлением на периферии собственной системы культурных кодов, способной заместить традиционный культурный код «туземного» населения в вопросах власти и управления.

Очень внимательно участники обсуждения отнеслись к вопросу об определении **«управленческой специфики Урало-Каспийского и Урало-Поволжского макрорегионов** – территорий, которые являлись примером «внутренней периферии» пореформенной Российской империи, и важным элементом которых являлся Оренбургский край. Так, *Л.Е. Горизонтов* охарактеризовал Урало-Поволжье как регион, служивший переходом от Европы к Азии, в котором наблюдалось нарастание азиатских черт, в котором заканчивалась Россия в узком смысле. Историческая окраинность здесь «усугублялась» т.н. «инородческим» в существенной

своей доле своей составом населения. *И.К. Загидуллин* выделил 10 конкретных отличительных черт (социально-экономического, этноконфессионального, культурного, геополитического плана) Урало-Поволжского макрорегиона, определявших в своей совокупности его «управленческую» специфику в системе регионов пореформенной империи:

1. Существование института генерал-губернаторства (Оренбургского до 1881 г. и Оренбургского и Самарского в 1851–1865 гг. и особенные взаимоотношения между центром и губернскими администрациями, когда между ними стояла фигура генерал-губернатора, обладавшая огромными полномочиями для автономного решения возникающих проблем.

2. Сохранение «родимых пятен» «внутренней окраины», элементов дореформенной системы управления в регионе, что выражалось: а) в особом статусе Букеевской Орды в составе Астраханской губернии, б) сохранении в регионе институтов военно-служилого сословия, казачества, в) сохранении за кочевыми народами статуса инородцев, обеспечивающего им в региональном управлении и при решении мелких правонарушений верховенства адата, нежели имперского законодательства, г) сохранении башкирского вотчинного землевладения.

3. В пореформенный период социально-экономическое, промышленное развитие Поволжья и Приуралья шло замедленными темпами, нежели в центральном и других промышленных районах России. Замедленность темпов развития и аграрный характер региона самым непосредственным образом сказывались на общественных отношениях, в том числе во взаимоотношениях коронной администрации с различными социальными группами населения, также на реализации реформ и установок правительства.

4. Принадлежность коренного населения региона к бывшей государственной, удельной деревням, военно-служилому сословию или специфическим социальным группам (тептяри, бобыли) означала, что социальные отношения во многом определялись по схеме «имперская власть (чиновники) – местное население».

5. В пореформенный период в регионе на всех уровнях власти, в том числе в органах самоуправления (кроме крестьянских), большинство должностей занимали представители титульного населения, что превращало их взаимоотношения с коренными народами в составную часть «национального вопроса» в империи.

6. Незначительность помещичьих угодий в ряде губерний региона по сравнению с исконно русскими губерниями и обеднение дворян после отмены крепостного права сформировали качественно новые взаимоотношения между коронной и местной администрациями: как правило, власть губернатора усиливалась, корпорация местных дворян не могла с ней конкурировать. На этот момент обратил в свое время внимание А.И. Герцен.

7. Малочисленность дворян в сословной мозаике населения ряда губерний региона предопределила назначение на должности среднего звена, главным образом, недворян, разночинцев и др.

8. Поликонфессиональный и полиэтничный состав населения с самобытными культурными традициями и языковой барьер создавали дополнительные трудности в общении чиновников и местных жителей, недоразумения в этой сфере порой вырастали в неповиновение и антиправительственные выступления крестьян.

9. В нескольких губерниях региона русские не представляли абсолютного большинства населения. Согласно материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. титульное население составляло меньшинство в Казанской (38%), Уфимской (38%) и Астраханской (41%) губерниях. В конфессиональном плане значительный сегмент населения был представлен мусульманами.

10. В последней четверти XIX – начале XX вв. власть, с учетом осложнения «мусульманского вопроса» в Казанской губернии, стала внимательно подбирать кандидатов на должность губернатора. Стало очевидным, что помимо организаторского таланта и преданности престолу, важно еще знание региональной специфики. Такой подход, в частности, выразился в переводе уфимского губернатора Полторацкого в Казанскую губернию.

Д.А. Старков и *Н.Л. Семенова* сформулировали управленческо-ориентированные особенности субрегионов Урало-Поволжья – собственно Поволжья и Оренбургского края. Важно отметить, что специфика последних полностью укладывается в предложенные *И.К. Загидуллиным* параметры, то есть дискуссионты подкрепили позиции друг друга собственным независимым анализом.

Большой интерес представляет исследовательская позиция *К. Мауузато*. Японский ученый обосновал наличие в Российской империи единого Урало-Каспийского макрорегиона, или «Великого Оренбурга», и выделил 5 его территориальных «образов», которые разделяли центральная и местная элита во 2-й половине XIX века: «плацдарм в Центральную Азию», «объект эксплуатации с огромными ресурсами», «опытный

полигон для реформ», «цитадель «цивилизаторов»» и «глухая провинция». Исследователь доказал, что каждый из этих «образов» способствовал наделению системы управления данным макрорегионом специфическими чертами, отличавшими ее от имперского стандарта в области местного управления. Остановлюсь на данной позиции подробнее.

Ученый настаивает, что роль Урало-Каспийского региона как «плацдарма в Центральную Азию» в середине XIX века – сильно преувеличена. По его мнению, историческое происхождение этого территориального образа было связано с тем, что в «проекте Кириллова», который намеревался создать оренбургскую цитадель, ему было уделено особое внимание. Действительно, ликвидация особого пограничного режима под именем Оренбургского генерал-губернаторства протекала бок о бок с политической и военной ситуацией в Центральной Азии. Однако нужно разобраться в характере причинных связей. Например, с 1830-х по 1865-й годы правительство неуклонно ликвидировало Башкиро-Мещеряжское войско (смоделированное по казачьей системе) и обратило башкир и другие этнические группы, которые принадлежали к этому войску, в податное сословие. В исторической литературе, опубликованной в Башкортостане, повторяется идея, что эта реформа стала возможной с того момента, как военная экспансия империи по отношению к Центральной Азии стала подходить к своему концу. Однако это объяснение не имеет смысла, так как Башкирская реформа, также как и Казачья реформа, была проведена в течении 1860-х гг., когда военные действия России в Центральной Азии достигли своей кульминации. Более того, Башкиро-Мещеряжское войско использовалось не в качестве военной силы, а как рабочая сила для строительства и транспортировки. Это подразумевает, что необходимость в их рабочей силе не снизилась бы и даже после покорения Центральной Азии.

В период 1865–70-х гг. правительство значительно сократило военные сборы, наложенные на оренбургских казаков, и дало им право выхода из казачьего сословия, а также, в некоторой степени, сократило особенности казачьей административной и юридической системы для того, чтобы сделать их ближе к гражданскому населению. Государственные чиновники также обсуждали реформу другого – Уральского казачьего войска. Несмотря на то, что казацкие войска, также как и башкирское войско, играли решающую роль в экспансии России в Центральную Азию, в отчетах (всеподданнейшие отчеты) оренбургского генерал-губернатора Александра Безака царю нет никакой информации, касающейся «военных успехов в Центральной Азии», когда он утверждал о необходимости Казачьей и Башкирской реформ. Вместо этого, Безак повторял свои намерения реализовать эти реформы в соответствии с Манифестом от 19 февраля 1961 года, упраздняющим крепостное право. В 1862 году генерал-губернатор даже предложил царю прекратить действия местных комитетов по Казачьей реформе, так как, по его мнению, было бессмысленно рассматривать эту реформу отдельно от других обычных административных и юридических реформ империи, которые не были разработаны в 1862 году. То есть обзор Башкирских и Казачьих реформ показывает, что при их разработке не было ссылок на военную ситуацию в Центральной Азии. Причиной же для спора политиков было положение Башкирского и Оренбургского казачьего войск само по себе. Другими словами, главным вопросом было состояние самого Урало-Каспийского региона, а не его отношения с Центральной Азией. Мотив для реформ был внутренний.

К. Маузузато подчеркнул, что не только генерал-губернатор Крыжановский, который укоренился в Оренбурге и сделал его источником своих политических связей, но также и генерал-губернатор Безак, который прослужил там всего четыре года, делали все возможное, чтобы отложить устранение генерал-губернаторства. У японского ученого сложилось впечатление, что регион, который изначально был продуктом воображения, получил индивидуальность и начал давать роли местным политикам. Несмотря на устранение Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 г. и военного округа в 1883 г., ощущение территориальной интеграции Великого Оренбурга продолжало долго существовать. Это демонстрируют публикации местных краеведов и в начале, и в 20-е и даже 30-е годы XX века (см., например, работу: Данилевский К.В., Рудницкий Е.В. Урало-Каспийский край. Уральск, 1927). Когда же это территориальное восприятие заменилось восприятием более маленьких территорий, таких как Южный Урал и Западный Казахстан?* – это важный вопрос, на который автор ответа не дал.

Подводя итог этой части дискуссии, можно констатировать, что совокупными усилиями дискуссионщиков было обозначено конкретное содержание тех объективных условий, которые обуславливали в пореформенный период конструирование той или иной модели регионально-ориентированного имперского управления и непосредственно влияли на уровень эффективности реализации властных полномочий.

* Не можем не отметить, что географическое и историко-культурное понятие «Западный Казахстан» (в т.ч. для периода нового времени) отнюдь не может ассоциироваться с «маленькой территорией» и, как минимум, включает в себя пространства четырех современных областей Казахстана – Актюбинской, Мангистауской, Атырауской и Западно-Казахстанской и отнюдь не являлось менее территории «Оренбургского края» или «Великого Оренбурга». – Прим. ред. (С.А.).

Таким образом, для современной мировой исторической науки характерно пристальное внимание к опыту Российской империи в сфере управления культурно-гетерогенным пространством. Причем одной из узловых точек данной проблематики является «внутренняя периферия», ее особенности и специфика «работы» с ней в рамках процесса расширения «ядра» империи и создания условий для длительной устойчивости мультикультурных сообществ. Опыт управления Оренбургским краем в XIX веке, особенно в пореформенный период ускоренной модернизации, признан в этом смысле показательным и достойным дальнейшего глубокого изучения. Такая историографическая ситуация открывает для нашего регионального научного сообщества историков большие перспективы и исследовательские возможности, которыми имеет смысл воспользоваться.

Литература

1. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина и С.В. Любичанковского. Екатеринбург–Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ АРАЛО-КАСПИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Мармونتова Т.В.

Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана

Географически Арало-Каспийская низменность является огромной равниной в Центральной Азии, располагающейся вблизи Аральского моря и северной части Каспия. Эта территория разделена между такими странами как Азербайджан, Узбекистан, Россия, Казахстан и Туркменистан.

Исторически данный регион стал местом, где активно взаимодействовали племена, государства. В степях и полупустынях этого региона появлялись и исчезали кочевые империи, однако это не были эфемерные образования. Каждое из этих образований что-то получало в наследство от предшественников, и что-то передавало своим преемникам. И это наследие весьма и весьма многогранно. В основном взаимодействие племен Арало-Каспия протекало в этнополитической и этнокультурной сфере. Категории, связанные с этносферой, позволят более точно выделить критерии взаимодействия. А политический и культурологический анализ необходим для того, чтобы оценить уровень и степень данного взаимодействия.

Проведенный ретроспективный анализ позволяет утверждать, что на протяжении последних двух тысяч лет регион Арало-Каспия был местом активных взаимодействий целого ряда племен, этносов, государств и империй.

Л.Н. Гумилев, в одной из своих статей, говоря об этноландшафтных регионах Евразии, анализирует историю следующих племенных и этнотерриториальных образований и государств, которые в разное время существовали в этом регионе.

На рубеже нашей эры Арало-Каспийский регион заселяли племена сарматов, которые не отличались высокой степенью этнической консолидации. Однако их историческая миссия заключалась, чтобы стать неким «мостиком», который связал племена Евразийских степей с родственными племенами, заселявшими Северное Причерноморье. Примечательным фактом является то, что сарматы довольно рано подверглись влиянию хунну, которое выразилось, прежде всего в изменении этнолингвистической ситуации, когда не смену ираноязычию раньше чем на остальной части Центральной Азии пришло тюркоязычие. Геродот подтверждает данную ситуацию, он пишет, что сарматы ведут свой род от амазонок, вышедших замуж за скифских юношей. Но степные красавицы так и не смогли до конца овладеть языком своих мужей. «Потому савроматы говорят на скифском языке, но издревле искажённом», – заключает древний историк.

Еще одним примечательным фактом, о котором уже упоминалось выше, было довольно тесное взаимодействие с родственными племенами Причерноморской зоны. В тот же исторический промежуток на берегу Черного моря процветали греческие города-колонии. Через скифские племена причерноморских степей сарматы испытали влияние греческой культуры. Об этом свидетельствуют артефакты, обнаруженные

в могильниках сарматской эпохи. Так, в одном из сарматских могильников, расположенных близ г. Уральска на территории Республики Казахстан среди прочего погребального инвентаря обнаружены фалары эллинистической эпохи, на которых изображен сюжет мифа о Беллерофонте и Пегасе, борющихся со злом, олицетворяемым химерой. Также известны предметы с изображением бога Диониса.

Наиболее часто взаимодействуют с соседними племенами сарматские племена аорсов и сираков. Наиболее высоким уровнем общественного развития отличались сираки, которые подчинили на Северо-Западном Кавказе земледельцев-меотов и создали своё государство. Аорсы господствовали на западном и северном побережье Каспийского моря и контролировали торговые пути, шедшие через Кавказ и Среднюю Азию. Могущество и богатство аорсов уже в древности объясняли участием в международной торговле. В Китае страна аорсов называлась «Яньцай» – через нее шел путь, соединявший Китай и Среднюю Азию с Восточной Европой и с морскими торговыми путями по Черному и Средиземному морям [1, с. 203–204]

В начале нашей эры политическая гегемония в зоне Арало-Каспия переходит к племенам аланов. Их имя на страницах исторических источников в первые появляется в I в. н. э. Имя алан быстро стало известно на Западе и на Востоке. К середине I в. н. э. они постепенно «подминают» под себя сармат, и к 49 г., после войны сираков и аорсов в источниках пропадает упоминание о них, и появляются все более частые упоминания племени (народа) «алан». На тесную связь алан с сарматами указывают и составные, как бы, переходные термины-этнонимы «аланорсы», которые присутствуют у Птолемея, и «алан-сармат» Маркиана [см.: 2]

IV–VI вв. н. э. стали временем усиления на данной территории группировки позднегуннских племен, упоминаемых рядом исследователей как гунны-акациры; приблизительно к этому же периоду относится формирование болгарского племенного союза в Прикаспии и усиление хионитов в Приаралье. Об акацирах осталось немного упоминаний в источниках. С высокой долей вероятности можно говорить о том, что это были те племена гуннов, которые в ходе Великого переселения народов претерпели серьезные изменения как в плане языка, культуры, так и системы управления. В этнокультурной истории акациров сочетались иранские, тюркские и финно-угорские корни. Приск Панийский, описывая политические процессы в среде акациров упоминает имя молодого и амбициозного вождя Атиллы, который страстно желал усилить собственное влияние [3, с. 55–56].

У современника Приска Панийского местоположение акацир указано очень общо: в Припонтийской Скифии. Далее за ними на восток тянулись, по словам Иордана, «места расселения болгар». По данным последнего автора, акациры – сильный народ, занимавшиеся скотоводством и охотой [см.: 4].

После распада Тюркского каганата на руинах государства акациров возникает Булгария. Вообще-то, ученые насчитывают несколько древних болгарских государств, но самой известной «Булгарией» была Булгария хана Кубрата. В 632 г. Кубрат объединяет болгар и родственные им племена на берегах Азовского, Черного и Каспийского морей. В ходе борьбы против Западнотюркского каганата другие ханы были вынуждены признать верховную власть Кубрата, и это фактически предопределило образование Великой Булгарии [5]. Возникновение Булгарии и история Хазарии самым прямым образом связаны с историей Западнотюркского каганата, когда в период с 630 по 651 гг. вспыхнула ожесточенная борьба между конфедерациями Дулу и Нушиби. В то время как болгары оставались сторонниками тюрков Дулу, хазары сохраняли верность Нушиби и до 651 г. не имели никаких поводов для разрыва с каганатом. Ко 2-й половине VII в. Хазария, как и Булгария – это самостоятельные государства со своей правящей династиями во главе, но необходимо упомянуть, что это династии тюркского происхождения, находившиеся в прямом родстве с каганским родом западных тюрков. И Хазария, и Булгария близко родственны в этническом плане между собой [3, с. 170–172]. Интерес представляет то, что в отличие от кочевников-тюрков, родственные им болгары и хазары в стремлении укрепить свое влияние в регионе опирались на оседлое население дельты Волги.

После разгрома Хазарии на территории Арало-Каспия возвышаются племенные союзы печенегов, торков (гузов, огузов), половцев-кыпчаков. Арабский автор IX – начала X в. ибн ал-Факих, упоминает печенегов вместе с другими тюркскими племенами и отмечает, что они, в отличие от многих других тюркских племен, остаются кочевниками.

Торки (гузы средневековых источников, или более привычные для нас огузы) известны еще в начале X в. В 985 г. огузы, по свидетельству «Повести временных лет», были союзниками Владимира Святославича против волжско-камских болгар. К началу II тыс. н. э. огузы возглавляли мощное племенное объединение в Приаралье и именно они положили начало движению тюркских племен на запад в XI в., которое проходило по двум направлениям: южному и северному. Первое известно как движение сельджуков и шло через Среднюю Азию, Иран и Малую Азию. Северное же шло через Восточную Европу, и его участники известны русским летописям как «торки» [4].

После разгрома огузской конфедерации гегемония в регионе переходит к кыпчакским племенам. Кыпчакские ханы сделали первенствующими по силе и мощи на основной территории прежнего расселения кимако-кыпчакских племен. Кыпчаки являются преемниками кимакской государственности. В XI в. в источниках появляется термин «Дешт- и Кыпчак», что в переводе с персидского означает «степь кыпчаков» [5, с. 53–54]. Под этим названием подразумевались огромные пространства, размещенные севернее оз. Балхаш и р. Сырдарья, – между рр. Иртышом и Волгой. Кыпчакская конфедерация вобрала в себя помимо собственно кыпчакских тюркоязычных кимекские, печенежские, древнебашкирские, огузские племена, а также тюркизированные элементы ираноязычного этнического пласта [5, с. 55].

Монгольское нашествие оказало большое влияние на этнические и политические процессы, происходившие на территории Великой степи. Именно в этот период особенно ярко проявилась тенденция к появлению в массиве тюркских племен монголоязычных и тюркизированных вкраплений. Наиболее ярким выражением этой тенденции стал этнический состав населения Золотой орды. Общеизвестным фактом является полиэтничный состав Золотой орды. После ее распада на территории Евразии образовались порядка пяти-шести государств, которые дали начало новому этапу политических процессов на данной территории, связанных с формированием более гомогенных этно-территориальных образований, на базе которых через два века образуются такие народы, как казахи, узбеки и др. Политическая традиция постзолотоордынских государств, основанная на нахождении у власти Чингизидов, позволяет говорить о преемственности в этнополитическом и этнокультурном развитии в регионе. На западе Казахстана носителем «монгольской» политической традиции стали образования ногаев. Ногайская Орда – один из «осколков» Золотой Орды. Окончательно кочевая держава ногаев оформилась в конце XV в. на территории Западного Казахстана. Резиденцией ногайских правителей располагалась в г. Сарайчик. Правители Ногайской Орды, в отличие от монархов почти всех послеордынских государств, вели свой род от Едиге, беклербека Золотой Орды [6, с. 157].

По своему этническому составу Ногайская Орда была близка к составу других послеордынских государств. Ногайскую Орду населяли тюркские и тюркизированные монгольские племена и племенные объединения. Основную часть населения Орды составляли племена мангытов, на её территории проживали также кыпчаки, найманы, карыки, ктай и др. История Ногайской Орды особенно близко связана с историей кочевых узбеков и казахов. Часть ногайцев, кочевавшая от Эмбы до Сырдарьи, находилась в постоянных контактах с казахами. И в период правления хана Хаккназара большая часть родов Ногайской Орды вошла в состав Младшего жуза казахов. И казахские роды, проживавшие на территории аридной зоны Арало-Каспия, по сути, и определили дальнейшее развитие региона до начала XX в.

Таким образом, проведенный нами ретроспективный анализ этнополитических и этнотерриториальных образований, существовавших на территории Арало-Каспийского региона в древний и средневековый период, показывают преемственность в политической и культурной традиции.

В этническом плане регион был в основной своей массе заселен тюркоязычными племенами, хотя имеются незначительные ирано- и монголоязычные вкрапления. За рассмотренный период на данной территории прошли мощные этнические процессы, приведшие к формированию здесь целого ряда народов, в основной массе существующих и поныне.

В культуре народов Арало-Каспия прослеживается географическая детерминированность. Огромные степные пространства были очень удобны для кочевнического способа ведения хозяйства. А это повлекло за собой формирование целого ряда сходных явлений в бытовой, материальной культуре, искусстве и т.д. В регионе активно развивались культурные контакты соседствующих племен, народов, государств – как это было в эпоху сарматов, булгар, хазар. Это подтверждается как источниками, так и данными археологии, когда на территории одного государства Арало-Каспийского региона обнаруживается много предметов, произведенных на соседних территориях.

Политическая преемственность в регионе проявляется еще больше. Так, столь популярный в кочевой среде «принцип золотого рода» стоял в основе практически всех упоминаемых выше государственных образований. Некоторое исключение составила в этом ряду Ногайская Орда. Начиная с XV–XVI вв. история и культура народов Арало-Каспия – это уже история этносов в современном понимании, которая протекает в рамках государственных объединений: Казахского ханства, Хивинского ханства и др.

Литература и источники

1. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в четырех томах. Т. 1. Алматы, 1994.
2. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992 // <http://fandag.ru/load/3-1-0-27>. Дата доступа 30.05.2011.

3. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
4. Грейшпол Б. Гунны – победители и побеждённые http://www.boris-nuernberg-reisen.de_gunny_pobediteli_i_pobezhdennyje.html. Дата доступа 30.05.2011
5. Закиев М. З. Волжско-булгарское государство и роль Золотой Орды в его падении (и своего то же) <http://www.bulgarizdat.ru/book401.shtml>. Дата доступа 30.05.2011
6. Галкина Е.С. Степные соседи Древней Руси: этнические процессы и общественное развитие//<http://www.portal-slovo.ru/history/35245.php>. Дата доступа 30.05.2011
7. Избасарова Г. Средневековая история Казахстана: Учеб. пособие. Актобе, 2007.
8. Гумилев Л. Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга, VIII–XIV. Л., 1968. Доступно по <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article14.htm> Дата доступа 30.05.2011
9. Трепавлов В. В. Восточные и северные пределы Ногайской Орды в XV–XVIII вв. // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ 1920–30-Х ГОДОВ

Медеубаев Е.И.

Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова

Для руководства страны самым очевидным доказательством правильности «курса на коллективизацию» и необходимости его форсированного осуществления, считался хлебозаготовительный кризис, возникший зимой 1927–1928 гг. Этот кризис возник как результат рыночных колебаний. Рыночная конъюнктура позволила крестьянам, прежде всего зажиточным, придержать хлеб, решить свои товарно-денежные проблемы за счет реализации технических культур и продукции животноводства. Сбои в поступлении зерновых на рынок и связанный с этим быстрый рост цен на хлеб обнаружился в ходе заготовительной кампании. Бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства к тому времени уже реализовали свой «товарный» хлеб (эти слои вынуждены были продавать по дешевке свой хлеб осенью и покупать его ближе к весне – втридорога). Возникли трудности в реализации экспортных и снабженческих планов. Ведь для государства были особенно важны именно заготовки хлеба, поскольку экспорт зерна обеспечивал приток валюты, необходимой для проведения индустриализации.

Обстановка к началу 1928 г. серьезно осложнилась, требовала взвешенного подхода. Однако, на места последовали подписанные И.В. Сталиным директивы с угрозами в адрес партийных руководителей и требованием «поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии», что «в практической работе в деревне отныне делается ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью». Таким языком ЦК не вел разговоров с партийными работниками и организациями со времен Гражданской войны.

Уже в самом начале 1928 г. такая телеграмма за подписью Сталина поступила в Актюбинский губком партии. 7 января 1928 г. на совещании в Актюбинском губкоме партии обсуждался единственный вопрос: телеграмма Сталина с требованием усиления хлебозаготовок. В этой связи совещание приняло следующее постановление: «В целях создания перелома послать уполномоченных в хлебные районы (Акбулак, Бегалы-Щекуново, Мартук, Зайсан и др.); принять немедленно меры к полному прекращению частного товарного перемол на государственных мельницах и значительного сокращения частной продажи муки; в связи с сообщениями с мест о все более поднимающихся ценах на скот предложить губернскому торговому управлению принять все необходимые меры вплоть до фактического прекращения в хлебных и полухлебных районах и сдерживания заготовок в скотоводческих районах в целях действительного выполнения решения о снижении цен, не останавливаясь при этом в необходимых перед расторжением договоров и привлечением к строжайшей ответственности за нарушение директив о ценах, с другой» [1].

Сам Сталин 15 января выехал в Сибирь, где хлебозаготовки проходили особенно трудно. Еще месяц назад на XV съезде он говорил, что победа над кулаком должна быть одержана с помощью, главным образом, не административных, а экономических мер. Теперь Сталин потребовал привлекать кулаков, отказывающихся сдавать хлеб по твердым государственным ценам, к ответственности по ст. 107 УК РСФСР,

предусматривавшей наказание за спекуляцию – лишение свободы на срок от 5 лет с конфискацией имущества (Спекуляция – скупка и перепродажа с целью наживы. В странах с рыночной экономикой она, естественно, не считается преступлением, так как извлечение прибыли является важнейшим побудительным мотивом любой предпринимательской деятельности. Но даже по светским законам отказ от продажи продукции, выращенной собственными трудами, не является спекуляцией, поскольку отсутствует факт скупки). 25 % конфискованного хлеба на льготных условиях передавалось местной бедноте, чтобы побудить низы деревни «выявлять» «укрывателей и спекулянтов». Для того, чтобы усилить рвение местных властей, Сталин потребовал снимать с работы судебных и прокурорских работников, невыполняющих приказа о применении ст. 107.

Хлебозаготовительные кампании приобрели репрессивный характер. В рамках кампании возбуждались судебно-административные дела против тех крестьян, которые не соглашались с насильственным изъятием продуктов своего труда, конфисковался хлеб, скот и другое материальное имущество. Правительство республики через своих уполномоченных держало под контролем процесс хлебозаготовок на местах. Так, например, губернский уполномоченный по Богословской волости (Актюбинская губерния) И. Булгаков в феврале 1928 г. в своей докладной записке об итогах «пятидневки», направленной на имя уполномоченного Совнаркома Каз АССР Носова сообщает: «Заготовка усилена под сильным нажимом ... В пос. Всесвятском мною вызвано 12 домохозяев – кулаков и баев. Трое сдали по 190 пудов. Остальные оказали сильное сопротивление. Пришлось оштрафовать на сумму 2600 рублей, а хлеб у них конфисковать. Под сильным нажимом кооперативными организациями заготовлено 3042 пуда хлеба» [1, с. 88]

На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г., взявшем курс на форсированное строительство социализма в городе и деревне, звучало немало тревожных голосов по поводу методов коллективизации. В письмах с мест сообщалось о появлении лозунга «Кто не идет в колхоз – тот враг Советской власти». Однако под давлением Сталина все возражения против насильственного проведения коллективизации были оставлены без внимания. После ноябрьского Пленума многие местные организации, особенно в зерновых районах Нижнего Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Казахстана стали принимать обязательства завершить коллективизацию к весне 1930 г., т. е. за один-два месяца. Молотов, вопреки тому, что он говорил на XV съезде, потребовал полностью коллективизировать сельское хозяйство этих районов не позднее лета 1930 г. Он предлагал говорить уже не о пятилетке, а о годе коллективизации. На местах был выдвинут лозунг «бешеных темпов» коллективизации. Местные власти стремились как можно быстрее отчитаться об успешном выполнении полученных предписаний. Даже в Центральной Азии, где еще не было завершено наделение дехкан землей и водой, появились призывы «догнать и перегнать» зерновые районы по темпам коллективизации.

В циркулярном письме Актюбинского губкома ВКП(б) уездным и волостным комитетам партии от 29 апреля 1928 г. предлагалось: «немедленно вновь развернуть кампанию заготовок хлеба, проводя ее под углом исправления и недопущения в дальнейшем перегибов в отношении середняка (незаконная конфискация излишков хлеба, злоупотребления арестами)». Вместе с тем, губком партии отнюдь не собирался отказываться от принудительных методов заготовок хлеба: «Усилить нажим на кулацко-байскую часть аула и деревни и частников, применяя к ним ст. 107 УК...» с тем, чтобы «немедленно добиться перелома в сторону хлебозаготовок и выполнения заданий со всей решительностью» [1, с. 88].

Заготовка хлеба велась даже в животноводческих районах. В числе таких районов с преимущественно кочевым населением, где велась хлебозаготовка, были Бетпакаринский, Челкарский, Иргизский, Тургайский, Аральский, Табынский и другие районы. Основными методами хлебосдачи стали произвол и насилие над казахскими шаруа. Людей избивали, угрожали расстрелами. По ложному и непроверенному доносу крестьяне подвергались конфискации. Руководство ОГПУ по Актюбинской области отправило письмо на имя секретаря Актюбинского обкома партии Ярмухамедова весной 1933 г., в котором сообщалось: «прокурор Тургайского района Умбетъяров в мае месяце, прибыв в аул № 6 по заявлению о том, что бедняки плохо работают на посевной, без суда и следствия произвел конфискацию имущества у бедняков: Жанакбаева – 1 лошади, 8 баранов, оставив их без средств к существованию. В этом ауле по распоряжению того же Умбетъярова судьей Сариным в мае месяце были осуждены на 10 лет с конфискацией имущества бедняк Кусеин и его сноха Маукан за то, что, переживая продовольственные затруднения, выпросил у заведующего складом Абдрахманова 5 кг. пшеницы» [1, с. 90–91].

Катастрофическими по своим последствиям стали для казахского населения края принудительные заготовки мяса и другой продукции животноводства. Государство стремилось к полному изъятию скота из частной собственности. Скот в глазах кочевника был всем, он значил больше жизни, а отсюда и обожествление, культ скота. Один из крупнейших исследователей системы жизнедеятельности кочевых обществ Г.Е. Марков

отмечает: «Что касается собственности на скот, то здесь не может быть двух мнений. Все исторические и этнографические данные бесспорно свидетельствуют о том, что с глубокой древности скот был частной семейной собственностью» [2]. Таким образом, государство, в своем стремлении к ликвидации частной собственности на скот и его обобществлению, игнорировало колоссальный многовековой исторический опыт, где в интегральной целостности была учтена система взаимодействия природно-климатических и социально-экономических факторов.

Казахские шаруа, не желая даром отдавать скот государственным заготовителям, сами организовывали его массовый убой. Государственные органы, изымая скот у его владельцев, совершенно не заботились о его сохранности. На совещании по вопросам животноводства 27 марта 1930 г. нарком земледелия КазАССР Токтабаев отмечал: «Мы применяем репрессивные меры к кулакам и баям за убой скота, но то, что делают заготовители, еще хуже, так как они разбазаривают скот больше, чем кулаки. Имеются факты, когда в течении трех месяцев в гуртах в 9 тысяч голов пало 5 тысяч» [1, с. 94]. Печатный орган Актюбинского губкома партии газета «Степная правда» пестрела заголовками следующего содержания: «Мерами революционной законности пресечь кулацко-байское вредительство на животноводческом фронте!» В этой же газете от 19 февраля 1931 г., в заметке «Галерея кулацких друзей», сообщалось: «На 16 февраля годовой план мясозаготовок выполнен на 54,5 %. Милиционер Куц, председатель Бородиновского сельсовета Нелепа, председатель аулсовета Кусаинов, член комиссии содействия Шепета, уполномоченный райисполкома Ажбеков хищнически бьют скот».

В ходе заготовок мяса в казахских аулах насилие и грубый произвол стали нормой. Из специальной записки Актюбинского областного отдела ОГПУ: «Проведение в жизнь решения райисполкома о борьбе с хищническим убоем скота вылилось в поголовные обыски в каждой кибитке. Отбиралось мясо, шерсть и прочее». Несмотря на то, что край был уже охвачен страшным голодом, поставки мяса в промышленные центры СССР осуществлялись с опережением плана. Только за I квартал 1932 г. Актюбинский мясокомбинат отгрузил в промышленные районы 17556,5 тонн мяса, что составило 55,7 % от годового плана [3, л. 71]. По оценке отечественного ученого-историка Т. Омарбекова из 36 млн. голов скота, имевшегося в республике, 15 млн. было истреблено в ходе мясозаготовительной компании 1930–1932 гг. [4].

В начальный период формами коллективизации сельского хозяйства были коммуны, артели, товарищества по совместной обработке земли, животноводческие, огородные и машинные объединения. В начале октября 1928 г. в Актюбинской губернии имелись 221 колхоз и 88 простейших объединений. Однако они составляли лишь 4,3 % крестьянских хозяйств [5].

Одной из действенных мер культурно-просветительской работы в казахских аулах в период коллективизации и перехода к оседлости стали передвижные красные юрты (Кызыл Отау). Такие юрты впервые появились весной 1927 г. в Актюбинском, Челкарском и Темирском уездах. Они стали центрами активной пропагандистско-агитационной работы в массах. Работники красных юрт выступали с лекциями перед кочевым населением, организовывали читку центральных газет.

Организирующую роль в коллективизации крестьянских хозяйств на территории нашей области сыграл I Актюбинский окружной съезд колхозников, состоявшийся в июне 1928 г. На съезде особое внимание было уделено развертыванию классовой борьбы в ауле и деревне, которое главным образом выражалось «в чистке колхозов от баев и кулаков, мешавших колхозному движению».

60% этих колхозов составляли еще не сельскохозяйственные артели, а ТОЗы (товарищества по обработке земли). Если в сельхозартели обобществлялись все средства, то в ТОЗе скот и инвентарь принадлежали индивидуальным владельцам, а обработка земли велась совместно. Однако и такой рост числа коллективизированных хозяйств опередил развитие материально-технической базы хозяйства. Правда, уже в 1927 г. стали создаваться тракторные колонны, комплектовавшиеся импортной техникой, а в 1928 г. появились первые машинно-тракторные станции (МТС). МТС предоставляли крестьянам услуги по обработке земли тракторами. Трактор экономил массу времени и сил, но требовал ликвидации межей, а следовательно – объединения земли.

Однако в 1928 г. в сельском хозяйстве СССР было всего 27 тыс. тракторов, два комбайна, 700 грузовиков. В среднем на 5 колхозов приходился один трактор. В 1929 г. в целом тракторами обрабатывался 1 % пашни, в колхозах – 14 %. Поэтому всерьез говорить об «агитации за колхозы с помощью новой техники» не приходится.

В 1928 г. в Актюбинском округе появились первые государственные машинно-прокатные пункты. Так, в январе 1929 г. в Мартуке была создана первая тракторная колонна для обслуживания крестьянских хозяйств. При товариществах по совместной обработке земли (ТОЗ) в Мартуке и Актюбинске открылись ремонтные мастерские.

В 1928 г. впервые была организована агрономическая помощь крестьянам-беднякам. А в 1929 г. агрономическая сеть Актюбинского округа насчитывала всего 34 агронома, каждый из которых обслуживал 2215 крестьянств. В этот период предпринимаются попытки применять научные методы в процессе обработки земли. Внедряются сортовые посевы, семена перед посевом проводят очистку и протравливание. В 1928 г. в Актюбинске начала работу первая контрольно-семенная лаборатория.

В июле 1928 г. в Актюбинск из Сталинграда приехала бригада квалифицированных рабочих для помощи крестьянским хозяйствам в ремонте сельскохозяйственного инвентаря. В январе 1930 г. из Сталинского округа по партийной разрядке прибыло 100 рабочих на постоянную работу в колхозы Актюбинского округа. Почти все они были членами ВКП (б) и ВЛКСМ (87 коммуниста и 4 комсомольца). Многие имели 15–25 лет трудового стажа. В числе «двадцатипятипятитысячников», приехавших с Донбасса были шахтеры Новач – член партии с 1917 г., Перегудов, Мостовой [5, с. 107–108].

Чтобы прекратить катастрофическое падение сельскохозяйственного производства процесс «обобществления» форсируется (десятки тысяч колхозов легче поставить под административный контроль, чем миллионы крестьянских хозяйств). Однако быстрое создание колхозов при отсутствии материальной заинтересованности, подготовленных кадров, техники, а также приспособленных помещений и кормов только усиливают дезорганизацию и катастрофический падеж скота.

Сокращение поголовья скота в Актюбинской области за 1929–1933 гг. [1, с.154–155]:

	1929г.	1930г.	1931г.	1932г.	1933г.
Лошади	100%	72,2%	48,1%	16,8%	10,9%
КРС	100%	65,5%	40,1%	27,2%	27%
Овцы и козы	100%	61%	18%	8,9%	8,8%

В хаосе уравниловки, безответственности и беспощадного выкачивания ресурсов из деревни крестьянин оказался лишенным всякого материального стимула к производительному труду. Нарастает пассивное сопротивление теперь уже колхозного крестьянства, не желавшего работать даром (невыходы на работу, труд «спустя рукава» и т.д.) В ответ следует новая волна репрессивных мер. 7 августа 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности («закон о пяти колосках»), который за хищение колхозного имущества вводил расстрел с конфискацией всего имущества (а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества). Амнистии по таким делам запрещались. Только за первый год действия этого закона в Казахстане были осуждены 33345 человек, во второй половине 1931 г. было расстреляно 79 человек. Но репрессивные органы считали и эти вопиющие цифры недостаточными. В отчетном докладе Казахского отделения Верховного суда СССР за 1933 г. отмечалось: « Уменьшение количества приговоренных к расстрелу в период с 5 мая по 1 августа 1933 г. на 44,5% (с 305 до 163 человек) нельзя признать нормальными» [6].

Размеры похищенного в постановлении от 7 августа не оговаривались. Главными его жертвами были подростки (в сводках правоохранительных органов именуется «парикмахерами»), которые, спасаясь от голодной смерти, ночами стригли ножницами колосья или подбирали просыпанное при жатве. Так появилось в народе и второе, страшное название: «указ о пяти колосках». Постановление трактовалось расширительно: специальные инструкции распространили его на саботаж сельхозработ, уменьшение норм высева, вредительство при пахоте и севе, ведущее к снижению урожая, разбазаривание подлежащего сдаче хлопка, умышленную поломку машин и тракторов, порчу лошадей и т.п.

20-летний тракторист колхоза «Булак» Ключевого (ныне Алгинского) района, получил 10 лет лагерей за то, что поварочивая трактор, сломал подшипник (ремонт обошелся в 7 рублей). Колхозный сторож из Новороссийско района получил те же 10 лет за три клубня картофеля, 4 крестьянина были осуждены к 10 годам и один к пяти годам лишения свободы за сбор ... ежевики в лесу [7].

«Указ от седьмого-восьмого» распространялся не только на крестьян. По словам А.И.Солженицина он «дал еще отдельный большой поток (заключенных) со строек первой и второй пятилеток, с транспорта, из торговли, с заводов». Десятилетние сроки сплошь и рядом давались судами за мелкие хищения, случайную поломку оборудования и брак...

Кроме того, вводятся паспорта с тем чтобы предотвратить возможность бегства крестьян из колхозов. Актюбинская областная газета «Степная правда» от 10 июня 1931 г. в небольшой заметке сообщает о том, что кулак Шараев сбежал с образованного в поселке Шараевском колхоза и «работает на станции Актюбинск в

отделе пути. Имеет пару быков, три коровы, лошадь. Снабжается из РайТПО. Необходимо снять из снабжения, разоблачить и снять с производства» [8].

В совхозах и машинно-тракторных станциях создаются чрезвычайные органы – политотделы, следившие за неукротительным проведением «партийной линии». Посланцем партии для ускорения процесса коллективизации на актюбинской земле был и Арвид Янович Пельше, впоследствии видный партийный и государственный деятель, а в начале 1930-х гг. возглавлявший политический отдел Мугоджарского совхоза [9].

Центральная партийная пресса освещала процесс коллективизации в самых различных регионах СССР. Не оставался без внимания и наш край. В газете «Правда» от 22 января 1930 г. писали: «Пятилетку в один год. Актюбинск. Нынче на сплошную коллективизацию переходят 4 громадных района: Акбулакский, Мартукский (русские), Илекский, Мугоджарский (казахские)» [10].

На 1 января 1930 г. в Казахстане насчитывался 51 район сплошной коллективизации, из них: в Уральском округе – 10, Актюбинском – 5. Настроение колхозников и их отношение к колхозному строительству не изменилось и к осени, когда был уже собран урожай. Селькор С. Ващенко 25 августа 1930 г. в Казкрайколхозсоюз направил письмо, в котором подробно охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в колхозе «Авангард» актюбинского округа: «Члены колхоза задаются такими вопросами и мнениями: проработали лето, оборвались в одежде, излишков совершенно нет, откуда брать средства?» [1, с.114].

Параллельно с коллективизацией шел процесс очищения новообразованных колхозов от «социально чуждых элементов». Создавались различные партийные комиссии, которые осуществляли сильнейшее давление на зажиточные и середняцкие слои населения. Так, в марте 1929 г. такая комиссия исключила из колхоза им. Ерназарова Темирского района Актюбинского округа 8 «баев», из Акчийской артели – 2 торговцев, артели им. Голощекина – 3 «зажиточных». В Новороссийском районе «из-за преобладания кулаков» были ликвидированы товарищества «Интернационал» и «Труд бедноты», в Мартукском районе «Майское», «Красномайское», «Украинец». В Акбулакском районе было раскулачено и конфисковано 150 хозяйств [11].

Завершая краткий обзор по истории «трагедии большого скачка» на территории нашей области хотелось бы отметить следующее. Коллективизация сельского хозяйства нанесла тяжелый урон экономике страны, привела к массовой гибели крестьян в результате голода и репрессий, закреплению сельских жителей, утрату села рачительного и хозяйского отношения к земле. Такова была цена, которую аул и деревня Казахстана заплатили за стремление руководства СССР обеспечить средствами и рабочей силой форсированное развитие индустриализации.

Литература и источники

1. Халидуллин Г.Х. Политика Советского государства в отношении казахских шаруа (1917–1940 гг.). Алматы, 2001.
2. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
3. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 342.
4. Омарбеков Т.О. Бурынғы Одақты етпен кім асырады? // Қазақ тарихы. 1993. № 1.
5. Журич Н.И. Трудные и счастливые годы. М., 1982.
6. Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.А., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.
7. ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 1. Д.25. Л. 64; ГААО. Ф.13. Оп.1. Д. 3. Л. 7; ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 14. Л. 47.
8. Степная правда. 1931. 10 июня.
9. Қазақстан Коммунистік партиясының очеркі. Алма-Ата, 1985.
10. Михайлов В.Ф. Хроника Великого джута. Алма-Ата, 1990.
11. ГААО. Ф.13. Оп.1. Д. 322.

ГЕОПОЛИТИКА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Палкин А.Г.

Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург

Первостепенную значимость в евразийской историософии, во всем евразийском учении занимали проблемы монголо-татарского периода в истории России. Первыми в отсталости монголо-татарской культуры в сравнении с русской серьезно усомнились евразийцы Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, П.Н. Савицкий. В методологическом плане это сомнение зиждется на культурологическом постулате евразийцев о невозможности ранжирования культур по принципу высшие–низшие. Евразийцы создали собственную концепцию российской истории. Заметное место в этой концепции занимают представления евразийцев о роли туранского элемента

в этногенезе русской нации. Н.С. Трубецкой считал, что истоки российской государственности лежат не в Киевской Руси, а в Московском княжестве, ведущем свое прямое происхождение от улуса Джучи.

П.Н. Савицкий считал, что русское духовное своеобразие сформировалось во многом под воздействием торговых и политических контактов со Степью. Отсюда сочетание в русской культуре «оседлой» и «степной» стихий.

Значительное место в создании евразийской концепции русской истории принадлежит Г.В. Вернадскому. Ученый развивал общий для евразийства тезис о позитивном влиянии монголо-татарской господства на развитие России. Тезис о том, что попав под монголо-татарское иго, Русь избежала гораздо более опасной для ее культуры европейской экспансии, был позднее развит Г.В. Вернадским в статье «Два подвига св. Александра Невского» (1925).

Евразийцы без колебаний реабилитировали кочевые народы Евразии с точки зрения историографии. Они напоминали, что до недавнего времени славяне занимали лишь небольшую часть евразийского пространства, хазарская империя и булгарское волжское царство были гораздо более могущественны, чем русско-варяжские княжества: «Кочевые народы монголо-турского и отчасти иранского корня были ...главными деятелями Евразии до образования Русского государства» [1, с. 8]. История Евразии, таким образом, не совпадала с историей России ни по географическому, ни по временному признаку. Евразия превосходила Россию, она исторически предшествовала России и географически опережала ее. И так, история России включена в историю Евразии, в то время как евразийская история включает в себе нечто иное, не русское.

В центре этих ритмов находилась диалектика двух пространств, призванных в евразийской историографии сформировать единый культурный и политический мир – степи, «плоти» Евразии и леса – византийского выражения России.

Русско-евразийская история разделялась на пять этапов, пять диалектических ритмов – попытки объединения леса со степью (до 972 г.), борьба между лесом и степью (972–1238 гг.), победа степи над лесом (1238–1452 гг.), победа леса над степью (1452–1696 гг.). Последний этап (1696–1991 гг.) – это объединение леса со степью. Дата его завершения неизвестна.

Русско-евразийская история – это история двойного движения маятника «лес–степь», но равным образом и «объединение–разделение» территории: «благодаря преобладанию то сил центростремительных, то сил центробежных, процесс создания и жизни государственных образований на территории Евразии принял характер периодической ритмичности» [2, с. 14]. Каждый из пяти ритмов включал в себя единое государство, а затем его раздробление. Первый ритм – переход от скифского государства к государству сарматов и готов; второй – от государства гуннов к государствам аваров, хазар, болгар, русских и печенегов; третий – от Монгольского государства к государствам Чингисхана и его преемников, Золотой Орде, ханству Джаягатая, Персидскому и Китайскому ханствам. Четвертый ритм свойствен только одному государству – Московскому царству, а пятый – имперской России и СССР [3, с. 193–194].

Основой Евразии является степь, которая находится в вечном движении. Степь проявляется как центр Евразии: «Евразия определяется как географический мир, лежащий к северу от тибетско-иранских нагорий и имеющий в основании...пустынно-степную область, простирающуюся непрерывной полосой от Китайской стены до пределов Галиции» [4, с. 47].

«Посреди Евразийского континента тянется Великая степь, ограниченная с севера сибирской тайгой, а с юга – горными системами. Она четко делится Алтаем, Сауром, Тарбагатаем и западным Тянь-Шанем на две непохожие друг на друга части. Восточная часть Великой степи называется Внутренней Азией, в ней расположены Монголия, Джунгария и Восточный Туркистан. От Сибири Внутреннюю Азию отделяют Саяны и хребты Хамар-Дабан и Яблоновой, от Тибета – Куньлунь и Наньшань, от Китая – Великая Китайская стена, точно соответствующая границе между сухой степью и субтропиками на севере страны. Западная часть Великой степи включает не только нынешний Казахстан, но и степи Причерноморья. В отдельные периоды Великая степь охватывала даже часть территории Венгрии – так называемую Пушту.

С точки зрения географии, вся Великая степь представляет собой единый, четко очерченный регион, хотя климатические различия двух ее частей весьма заметны» [5, с. 86].

Действительно, степь расположена на стыке двух волн колонизации, которые составляют историю Евразии. Одна из них, исторически древняя, прошла с востока на запад в первые века нашей эры (великие переселения народов), вторая более поздняя (русская), двигалась от Европы к берегам Берингова пролива. Границы этой двойной колонизации и переоценка первой из них, традиционно замалчиваемой в русской историографии, соответствуют, таким образом, границам Евразии.

Для евразийцев степь составляла основу Евразии, придавала ей центральное геополитическое положение, и делало ее точкой пересечения окружающих культурных ареалов. В культурном плане Евразия также

сочеталась со степью. Ее единство образует общий характер: восприятие социальных структур, художественное выражение, построение области политики, религиозные представления.

Кочевничество изображалось как школа культуры тела. Евразийцы не сомневаясь, представляли физические описания кочевников и свойственных им морфологических особенностей, расхваливали их умение ориентироваться, здоровую пищу, свежий воздух, великолепную приспособляемость к окружающей среде и их единение с природой [6, с. 83–86]. Культ кочевничества и кочующих стад, присутствующий во всех работах евразийцев, представлял собой типичный пример переоценки талассократических ценностей, их ниспровержение и создание идеалов иной человеческой психологии. Туранская «психика» отличается такими ценными качествами, как храбрость, сила и мужественность. Например, смелость «есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная...романогерманцам...» [7, с. 101]. Для евразийцев кочевничество проявлялось, главным образом, в истории человечества благодаря почти сверхчеловеческой военной доблести: «Ни одна историческая среда не может, пожалуй, дать такого подбора образцов военной годности и доблести, какие дает кочевой мир» [8, с. 13].

«Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил» [9, с. 143].

Таким образом, степная полоса – это геополитическое «тело» Евразии, ее первоначало, объясняющий ее принцип.

Евразийская степь является самым континентальным пространством мира, выражаясь в удаленности от океана более чем на 2400 километров. Следовательно, Евразийский Союз должен стать территорией крайней континентальности. Чрезвычайную континентальность необходимо развивать как одну из основ самобытности.

Характерными особенностями усиленной степени континентальности Евразийского Союза являлась, является и должна являться традиционная система ценностей, военная система, а также идеократический строй и приоритет духовного начала. П.Н. Савицкий признавал: «Исход к Востоку – это и есть возврат к себе» [10, с. 155].

Отметим основные характеристики евразийского менталитета – это, прежде всего, открытость (принесенная кочевниками оседлым народам); это духовная, этническая, социальная, религиозная и бытовая терпимость; это характерный для жителей Азии приоритет духовных ценностей над материальными; это преобладание коллективных принципов общественного устройства над индивидуализмом.

Одной из ключевых характеристик евразийских народов является преобладание коллектива над индивидуально-индивидуальной формой деятельности в любой сфере. Как известно, данная черта связана с выживанием человека в особых географических и климатических условиях центральной части Евразии. Анализируя данную черту евразийских народов, в ней можно выделить три характерные черты. Во-первых, большие пространства лесостепи, степи, полупустынь можно освоить только в составе больших коллективов. Во-вторых, закрепляются общинные формы организации хозяйственной деятельности. В-третьих, унифицирована трайбалистская модель организации социальных и политических систем, характерная для кочевых народов.

В силу географических условий у белорусов, казахов, русских, кыргызов, украинцев, жителей Кавказа, Сибири и многих других этносов Евразии сформировался принцип коллективного труда, основанного на невысокой эффективности производства. В этом случае община (у кочевых народов – родовая община) по происхождению представляла собой единый производственный организм. Коллективный труд неизбежно порождал такой феномен, как общая (родовая) собственность, а на его основе происходило совместное потребление произведенного продукта – ключевой фактор выживания людей. Складывался механизм круговой поруки, общинной взаимопомощи, которая осуществлялась на принципах уравнительного обеспечения и учета различий в потреблении как по полу, так и по возрасту.

В результате исторического данного признака у евразийских народов становится нормой ориентация на коллективный труд и совместное потребление [11, с.42].

Таким образом, на протяжении тысячелетий складывалась уникальная, своеобразная и неповторимая геополитика Великой Степи.

Литература

1. Савицкий П.Н. Предисловие // Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927.
2. Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Берлин, 1934.

3. Ларюэль Марлен. Идеология русского евразийства или Мысли о величии империи. М., 2004.
4. Савицкий П.Н. Россия – особый географический мир. Прага, 1927.
5. Гумилев Л.Н. От Руси до России. М., 2004.
6. Хара-Даван Э. О кочевном быте // Тридцатые годы. М., 1991.
7. Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921.
8. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения. Прага, 1928.
9. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
10. Садовский Я. Оппонентам евразийства // Евразийский временник. III. 1923.
11. Народы Евразии: культура и общество: Третий Международный Евразийский научный форум: Тезисы докладов и сообщений / Под ред. С.А. Абдыманапова. Астана, 2004.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ «ХАНСКОГО ПРАВА» В КАЗАХСТАНЕ

Почкаев Р.Ю.

Санкт-Петербургский филиал

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

«Чингизидское право», т. е. результат законотворческой деятельности монархов Монгольской империи и государств – ее преемников (Золотая Орда, Чагатайский улус, империя Юань и др.), по мнению исследователей, уже к середине XIV в. фактически перестало применяться. Сначала на смену ему в различных государствах пришло право местных народов – традиционное китайское право в империи Юань, шариат в Золотой Орде; а после распада этих государств население вернулось к прежним правовым обычаям тюрко-монгольских кочевых племен [1, с. 24, 38]. Несмотря на то, что подобная позиция имеет под собой основания, ее следует несколько уточнить. Фактически, хотя право Чингизидов уже к XV в. перестало быть доминирующей правовой системой в тюрко-монгольских государствах, его элементы сохранились и продолжали применяться еще в течение нескольких столетий. Одним из ярких примеров этому является правовое развитие Казахского ханства.

Будучи прямыми потомками Чингисхана и обладая легитимным правом на верховную власть, казахские ханы, таким образом, являлись в определенной степени правопреемниками прежних степных империй (в первую очередь, Золотой Орды) и, соответственно, наследниками их правовых традиций [4, с. 59–61; 13, с. 163]. Однако, поскольку казахские ханы не претендовали на восстановление имперского величия, «чингизидское» право в Казахстане утратило имперский характер и может быть охарактеризовано уже просто как «ханское право», отличающееся своеобразием источников, сфер регулирования и особой ролью в системе правоотношений. В настоящем сообщении предпринимается попытка охарактеризовать основные источники этой правовой системы.

Основными источниками имперского «чингизидского» права являлись Великая Яса Чингисхана и ярлыки ханов. Яса как источник, регулировавший статус правителей империи, а также взаимоотношения имперских властей и подданных, оказалась неактуальна для казахских ханов, которые, как мы уже отметили, не имели имперских амбиций (каковые проявляли, например, ханы Бухары, еще в XVI–XVII вв. применявшие отдельные положения Ясы). На смену общеимперскому законодательному своду в Казахстане пришли более частные и специфические правовые кодификации. Наиболее известными среди них являются своды «Касым-ханның қасқа жолы» («Прямой путь хана Касыма», начало XVI в.), «Есім салған ескі жолы» («Проторенный путь Ишима», первая половина XVII в.) и «Жеты Жарғы» («Семь установлений» или «Законы хана Тауке», конец XVII – начало XVIII вв.). К сожалению, до нас дошло содержание только последнего из них, и то – в изложении русских исследователей казахского права [11, с. 318–323]. Однако даже на основе имеющихся сведений о казахских законодательных сводах можно сделать вывод, что круг вопросов в них существенно расширился по сравнению с Великой Ясой. Свод законов Чингисхана регулировал государственное устройство, налоговую систему, международные отношения и суд, новые своды также включали нормы частного права (брачного, семейного, наследственного) которые в имперскую эпоху регулировались исключительно обычным правом. Частноправовые нормы присутствуют в казахских кодификациях в таком количестве, что исследователи

считают их просто кодификациями обычного права [14, с. 150]. Однако, проведя анализ содержания данных кодификаций, мы пришли к выводу, что это все же – официальное законодательство Казахского ханства. Это подтверждается наличием в упомянутых сводах положений о государственных органах, взаимоотношении между властями и обществом, а также и норм религиозного характера, в частности, об ответственности за нарушение религиозных предписаний или вероотступничество [9, с. 175–176; 18, с. 166–167]. Включение же в него норм частного права, традиционно регулировавшихся обычаем, свидетельствует о трансформации принципов законотворческой деятельности казахских ханов. Дело в том, что после распада «степных империй» монархи получили возможность вмешиваться в частноправовые отношения своих подданных, которые, во-первых, были уже не столь многочисленны, а во-вторых, уже не имели столь существенных различий в языковом, конфессиональном экономическом отношении, что было характерно для государств имперского типа.

Отказавшись от применения в правовой практике свода законов Чингисхана, казахские ханы XVII–XVIII вв., будучи верховными и независимыми монархами в своих владениях, сохранили имперскую традицию издания ярлыков. Одну из так называемых «сыгнакских грамот», обнаруженных В. В. Бартольдом в 1902 г., приписывают казахскому хану (или султану) середины XVII в. [16, с. 314–315]. По некоторым сведениям, вышеупомянутый свод законов Тауке-хана (1680–1715) «Жеты жаргы» именовался также и «Жеты Жарлык», т. е. «Семь ярлыков (указов)» [21, с. 431]. Издавались ли ярлыки казахскими ханами позднее в конце XVIII – начале XIX вв., неизвестно. Однако сохранились сведения о подзаконных актах казахских ханов рассматриваемого периода, которые, правда, в большинстве своем известны преимущественно в переводах или по сообщениям переводчиков Оренбургской и Омской пограничных канцелярий [6, с. 33–34]. Весьма любопытным элементом чингизидской (ханской) правовой традиции являются также официальные акты представительниц ханского рода: такие акты издавались ханшами Монгольской империи, Золотой Орды и Крымского ханства [см.: 3, с. 45–71; 22, с. 53]. До нашего времени сохранилось несколько официальных актов (посланий) казахских ханш – в частности, Урун-Казум, супруги Нур-Али-хана и Кенжи бинг Пир-Али-хан, супруги Арингази-хана (1816–1821), заверенных их именными печатями [6, с. 100–103].

Ханские указы и распоряжения вполне могли бы рассматриваться как вновь введенные в оборот официальные акты, не имевшие ничего общего с чингизидскими традициями, но форма и реквизиты этих документов свидетельствуют об обратном. Они создавались в соответствии с четко разработанной структурой, содержали имя и титул издавшего их монарха, дату и место издания, а самое главное – ханскую печать (чаще всего – нишан, т. е. перстневую печать). Аналогичные печати использовали как золотоордынские ханы, так и крымские ханы, считавшиеся главными преемниками правителей Золотой Орды [22, с. 167–175]. Сходство перстневых печатей казахских ханов с нишанами крымских монархов представляется вполне очевидным, что свидетельствует о преемственности чингизидских традиций Крымского и Казахского ханств от их общего предшественника – Золотой Орды. Весьма характерно, что в канцелярской традиции Казахского ханства для обозначения печати использовался тот же термин, что в Золотой Орде – «ал-тамга» (алая печать) или «кок-тамга» (синяя печать) [6, с. 15, 19].

Наряду с собственно правовыми актами в качестве источников «ханского права» в Казахстане могут также рассматриваться и послания ханов, султанов и ханш. Во-первых, они также могли отражать волеизъявления правителей-Чингизидов, во-вторых – содержали те же неотъемлемые элементы «чингизидского» делопроизводства, унаследованные от имперской эпохи, что и ханские ярлыки. Так, И.В. Ерофеева, в течение ряда лет подробно изучающая актовый материал казахских ханов и султанов, обращает внимание, на постоянное подчеркивание ханами своей преемственности от Чингисхана и прежних ханов. На своих актах и печатях ханы обязательно указывали не только свое имя и титул, но и имя своего хана-отца, что должно было повысить легитимность власти хана, силу и значение его распоряжения в глазах подданных. Так, например, известны печати ханов рассматриваемого периода: «Вали-хан б. Аблай-хан» (1781–1821), «Джан-тура-хан ибн Ай-Чувак-хан» (1805–1809), «Каратай-хан б. Нур-Али-хан» (1806–1823), «Шир-Гази-хан ибн Ай-Чувак-хан» (1812–1824), «Букей-хан ибн Нур-Али-хан» (1812–1815) [6, с. 57, 69, 73, 77, 81]. В ближайшее время И.В. Ерофеевой и Б.Т. Жанаевым запланирована публикация двухтомного собрания писем казахских ханов, их жен и сыновей [7, с. 69]. Несомненно, это издание станет важнейшим объектом изучения традиций «ханского права» Казахстана – в отношении как формальных, так и содержательных аспектов.

Однако было бы не вполне корректным ограничиваться характеристикой только письменных источников «ханского права» Казахстана. Отличительной чертой казахского законодательства и делопроизводства было то, что многие акты волеизъявления правителей и официальные решения не фиксировались, а носили

устный характер и подлежали немедленному исполнению (что в полной мере соотносилось со степными правотворческими традициями тюрко-монгольских народов имперского и даже доимперского периодов). Соответственно, можно отнести к источникам «ханского права» также устные решения ханов и султанов по различным правовым вопросам.

Одной из наиболее важных прерогатив ханов-Чингизидов являлась судебная деятельность – в качестве суда высшей инстанции. Следует отметить, впрочем, что право ханского суда в Казахстане в рассматриваемый период существенно сократилось по сравнению с золотоордынской эпохой. Чаще всего ханы разбирали дела либо членов ханского рода (Чингизиды имели право быть судимыми только собранием членов ханского рода, что также было установлено еще во времена Чингисхана [20, с. 263–264]), а также споры между представителями разных казахских родов и племен. Большинство же внутриродовых или внутриплеменных тяжб подлежали суду местных биев. Тем не менее, некоторые ханы даже вошли в историю как наиболее справедливые судьи. Например, Букей-хан, основатель Внутренней Орды, снискал такую характеристику потомков: «... он, при своем совершенном уме и добром характере, прилагал все старания, чтобы примирить и удовлетворить обиженных, почему при стараниях покойного хана обиженные люди никогда не оставались неудовлетворенными» [цит. по: 4, с. 66].

Еще в первой четверти XIX в. сохранялся традиционный институт старших и младших ханов, также характерный для тюрко-монгольских государств имперского типа («степных империй») еще со времен Тюркского каганата. Так, например, русский военный чиновник полковник Горихвостов, находившийся при Ширгази б. Айчуваке, хане Младшего жуза в 1822–1823 гг., сообщает, что к этому хану, как старшему, обратились два претендента на трон Букеевского ханства (Внутренней Орды) – Шигай б. Нур-Али, регент Внутренней Орды (1816–1824), и его племянник Джангир б. Букей, чтобы он утвердил их право на трон. Ширгази-хан издал «свидетельства» в отношении обоих претендентов [2, с. 112].

Однако авторитет ханской власти период его вхождения в состав Российской империи значительно снизился в связи с тем, что русская администрация слишком уж активно вмешивалась в дела управления в Казахском ханстве, по своему усмотрению смещала и назначала ханов. Соответственно, в рассматриваемый период в Казахстане наблюдается значительный отход от принципов чингизидского права. Так, например, если раньше ханские ярлыки и распоряжения касались особо важных вопросов, то в первой четверти XIX в. ханы стали издавать распоряжения, касающиеся частных споров и тяжб – о взыскании штрафов, наказании за набеги и пр. – то есть, стали пытаться регулировать конкретные (можно даже сказать – мелкие) частноправовые отношения, в которые их предшественники, ханы Монгольской империи и Золотой Орды, традиционно не вмешивались, оставляя их на усмотрение родовых предводителей. Причем нередко ханского авторитета не хватало на то, чтобы добиться исполнения таких решений – так, например, тот же Ширгази-хан откровенно признавался полковнику Горихвостову, что не имеет сил и возможностей обуздать непокорного султана Арингази [3, с. 108; 4, с. 68].

С падением роли в казахском обществе ханов и султанов предпринимались попытки формирования новых структур, которые могли бы выполнять роль создателя и носителя «ханского права». В результате порой имели место совершенно курьезные случаи, когда российская администрация пыталась возродить определенные нормы и институты чингизидского права. Наиболее известный пример – попытка воссоздания ханского совета. Как известно, еще при Чингисхане и его преемниках, помимо курултая, существовал также более узкий «семейный совет» Чингизидов, членами которого были ханы, султаны, представительницы ханского семейства и ханские зятья [подр., см: 19, с. 98]. И вот, на рубеже XVIII–XIX вв. примерно такой же совет попытались ввести в Казахском ханстве представители российской имперской администрации – в составе хана, султанов и наиболее влиятельных племенных биев, которые также должны были принимать властные решения по различным вопросам [8, с. 114, 119; 13, с. 278–279]. Возрождение ханского совета, несмотря на то, что он, по сути, представлял собой традиционный чингизидский институт власти, среди казахов было воспринято как навязывание извне, и поэтому он не стал эффективным органом власти: сами султаны уклонялись от участия в нем, и он в течение длительного времени существовал лишь формально [3, с. 111; 13, с. 373].

Когда же «ханское право» перестало применяться в Казахстане? Формально его упразднение, казалось бы, можно связать с ликвидацией ханской власти в казахских жузах, которое имело место в 1822–1824 гг. и было официально закреплено в 1844 г. Однако ликвидация института ханов не повлекла полного отстранения потомков Чингисхана от власти. Средний и Младший жузы были поделены на округа, во главе которых в Среднем жузе стояли старшие султаны (ага-султаны), а в Младшем жузе – султаны-правители (в Младшем жузе). Административные единицы следующего уровня, волости, также возглавляли волостные султаны. И

те, и другие изначально выбирались на собраниях султанов-Чингизидов из их же числа сроком на 2 года. За султанами, управлявшими округами, было сохранено даже право взимания ряда налогов и сборов, которое раньше принадлежало ханам – в частности, согыма – «сугума» («скотины на зарез») и сыбага – «шибага» («вареное мясо»), не говоря о разнообразных «подарках»; правда, взимание одного из основных ханских налогов, зякета, из султанских полномочий было изъято [5, с. 43; 16, с. 185–186]. В рамках своей компетенции султаны имели право также принимать властные решения, которые, несомненно, в той или иной степени отражали прежние «чингизидские» традиции.

Впрочем, уже в 1820–1830-х гг. российские власти начали проводить политику урезания прав султанов-Чингизидов. Прежде всего, это выразилось в том, что многие налоги и сборы с населения, взимание которых традиционно принадлежало членам Золотого рода во всех тюрко-монгольских государствах, стали постепенно переходить под контроль имперских властей [10, с. 408; 15, с. 5–6]. Кроме того, явным поправлением прав султанов-Чингизидов стало выдвижение в волостные и окружные султаны представителей «черной кости». Так, например, уже в 1826 г. несколько волостных правителей не были Чингизидами, а в 1836 г. произошел вообще беспрецедентный случай: не-Чингизид Шорман Кучуков был избран ага-султаном Баянаульского округа [4, с. 131, 137]. Окончательно Чингизиды были лишены монополии на власть в 1855–1860 гг., когда российская администрация приняла ряд нормативных актов, в результате чего среди волостных правителей осталось лишь 11 Чингизидов, тогда как остальные 62 были представителями «черной кости» [10, с. 431–433].

Результатом стало вполне закономерное снижение авторитета султанов-Чингизидов, в 1860-х гг. [12, с. 255]. Логическим продолжением этого процесса стало проведение новой административной реформы управления в Казахстане 1867–1868 гг., следствием которой стало окончательное упразднение султанской власти: султаны-Чингизиды лишились своих сословных привилегий, и на смену им пришли русские чиновники. Таким образом, была окончательно уничтожена традиция, согласно которой власть в Казахстане принадлежала Чингизидам. По нашему мнению, именно с этими событиями следует связывать окончательное упразднение «ханского права» в Казахстане, поскольку его потомственные носители – казахские ханы и султаны, потомки Чингисхана – лишились возможности реализовать свои правовые представления и прерогативы на практике.

Литература и источники

1. Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб., 1864.
2. [Горихвостов А. З.] Журнал полковника А. З. Горихвостова // Известия АН Каз ССР. 1957. № 2(5).
3. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.
4. Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006.
5. Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. Алматы, 2003.
6. Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (средневековье и новое время). Алматы, 2001.
7. Ерофеева И.В. Эпистолярное наследие казахских ханов и султанов конца XVII – середины XIX: происхождение, структура и видовые особенности // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. материалов Международной научной конференции. Алматы, 23–24 апреля 2009 г. Алматы, 2010.
8. Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1981.
9. Кадырбаев А.Ш. «Жеты Жаргы» и монголо-ойратские памятники права «Их «Цааз» и «Цааджин Бичик» у контексте казахско-ойратских взаимоотношений // Қазақтың ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. X. Алматы, 2009.
10. Қазақтың ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. V. Алматы, 2005.
11. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992.
12. Красовский Н.П. Область сибирских киргизов // Қазақтың ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. VI. Алматы, 2005.
13. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
14. Ли И.К. Казахское ханство: к вопросу санкционирования обычного права // Средневековая история Казахстана: итоги и перспективы исследований. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Алматы, 2009.
15. Масанов Н.Э. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20-60 годах XIX в. (социально-экономический анализ): Автореф. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1980.

16. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
17. Материалы по казахскому обычному праву. Алматы, 1998.
18. Почекаев Р.Ю. Обычай и закон в праве кочевников Центральной Азии (после империи Чингис-хана) // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии. М., 2006.
19. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. Примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой, ред. А.А. Семенов. М.–Л., 1952.
21. Усеров Н. Структура и содержание «Жеті Жарғы» // Қазақтың ата заңдары. Древний мир права казахов. Т. IV. Алматы, 2005.
22. Усманов М. А. Жалованные грамоты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

CHIONITES – NYAONA – XIANYUN

Пьянков И.В.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Проблема хионитов (Chionites) связана с начальными этапами тюркского этногенеза в Средней Азии. Сведения источников о хионитах скудны и противоречивы. Они позволяют искать хионитов преимущественно в Приаралье и относятся к IV в. н.э. Среди ученых существуют разные мнения о содержании термина «хиониты». По-видимому, правы те исследователи, которые считают, что «хиониты» – это не какое-то отдельное конкретное племя, а общее название хуннских племен, появившихся в Средней Азии в массовом количестве с IV в. н.э., и прежде всего эфталитов.

Важный шаг в разрешении проблемы хионитов сделал молодой ученый А.А. Амбарцумян, который убедительно показал, что степной народ хьяуна (Нуаона), выступавший в качестве главного врага авестийского кави Виштаспы в Прикаспии в VII – VI вв. до н.э., действительно носил это имя. Ранее считалось, что оно является поздней интерполяцией имени хионитов в авестийский текст. В действительности, наоборот, это имя является архаизирующим общим названием для разных позднехуннских племен Средней Азии подобно такому же архаизирующему имени «туры» Афрасиаба для средневековых тюркских племен Средней Азии [1, с. 35–72]. Есть основания полагать, что эти древние хиониты, современники кави Виштаспы, являлись тем же народом, который в других источниках назывался массагетами.

Другой шаг в направлении этой проблемы сделал испанский ученый А. Алемани. Рассматривая события, связанные с военной активностью кочевников на северных и западных границах Китая в конце IX – начале VIII вв. до н.э., он заметил, что в то время как знаменитый китайский историк Сыма Цянь (II–I вв. до н.э.) говорит в данной связи только о жунах, в современной событиям книге «Ши Цзи» жуны хотя и упоминаются как угроза с запада, основная активность приписана племени хьяньюн (Xianyun), нападавшему на Китай с севера, из Ордоса и Шаньси [2, с. 45–55]. Общеизвестно, что название этого племени является одной из ранних форм этнонима «хунны».

Так выстраивается цепочка преемства: ранние хунны у границ Китая, Xianyun – Нуаона, Нуаонина – Chionites. Так как хунны несомненно с самого начала являлись тюркоязычными племенами, родоначальниками хунно-булгарской ветви тюркских народов, встает вопрос о времени проникновения тюркоязычных племен в Среднюю Азию. Ведь не подлежит никакому сомнению, что древние кочевники Средней Азии, такие, как массагеты и саки, были ираноязычны. Как примирить эти два факта? Возможно, предки хуннов первоначально составляли лишь верхний, «царский» слой древних кочевников Средней Азии, в основном ираноязычных. Подобный сложный этнический состав племенных объединений был свойствен кочевым обществам Средней Азии и Казахстана, постоянно подвергавшимся напору с востока и позже.

Литература

1. Амбарцумян А.А. Этноним “хьяона” в Авесте // Записки Вост. отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. Т. II (XXVII).
2. Alemany A. Els “Cants arimaspeus” d’Aristeas de Proconnis i la caiguda dels Zhou occidentals // Faventia, 21/2, 1999.

АҚТӨБЕ ӨҢІРІ ХАЛҚЫНЫҢ ТАБИҒИ ЖОЛМЕН ӨСУІ

Салимгереева Ш.А.

БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы

Тарихи демографияның зерттеу нысанына алатын халықтың табиғи жолмен өсуі аса маңызды мемлекеттік стратегияның бір саласы болып табылады. Елдің әлеуметтік-экономикалық дамуына өзіндік бір әсері бар (еңбек күші ресурстары, отан қорғауды қамтамасыз ету, ұлттық құндылықтарды, мәдениетті дамытудағы жетекшілікті, тілді сақтап қалуда қазақтардың ара-салмағы) терең талдауды қажет ететін, қорытынды шығаруға дерек беретін түпкі нысана деуге болады.

Ғасырдың басынан бастап-ақ қазақ халқының демографиялық дамуы, қоғамдағы тарихи оқиғалардың өрбуіне, саяси науқандар мен әлеуметтік-экономикалық дағдарыстар мен дамуларға тікелей тәуелді болды.

Бұл әсіресе, тұтастай ғасырлар бойы тізбектеліп өткен тарихи тәжірибенің жиынтығынан анық көрінеді. Қазақ халқының басынан өткен қоғамдық даму үрдістеріне, ондағы туу мен өлімнің көрсеткіштері анық баға береді.

Халықтың жалпы санындағы өзгеріс (өсу немесе кему) екі факторға – халықтың табиғи өсіміне (туылғандар мен өлгендер арасындағы айырма) және көші-қондағы оң (келгендердің басым болуы) мен теріс (кері көшу) айырмасына тәуелді. Халық санының өсу қарқыны оның жоғарыда аталған негізгі факторы – табиғи өсімге тікелей байланысты.

XX ғасырдың басындағы отырықшы халықтың табиғи өсімі 1,7% – 1,9% құрады [1]. Міне осы мәліметке қарағанда табиғи өсім деңгейінің мардымсыздығын көреміз. Мұның басты себебі, әлеуметтік-экономикалық жағдайдың төмендігі мен әртүрлі жұқпалы індеттердің кең таралғандығы, емдеу орталықтарының жоқтығы. Революцияға дейінгі Қазақстанда тырысқақ, шешек, қызылша секілді аурулар әдеттегі құбылыс болды. Сондай-ақ, XIX ғасырдың соңында 1897 ж. санақ мәліметтері дерегі бойынша Орта Азия мен Қазақстанда бір дәрігерге шаққанда – 113,9 мың адамнан келетін [2, с. 130].

1897 ж. алғашқы халық санағы этнодемографиялық даму көзінің өзгере бастағанын көрсетті. Егер XIX ғ. 70-ші жылдарына дейін тұрғындар санының өсуі негізінен табиғи өсімнің нәтижесіне байланысты болса, кейінгі жылдары қоныс аударушы орыс-украин шаруаларының есебінен жүрді.

Қазақ тұрғындарының табиғи өсім нәтижесінде саны – 129,9 мың адамға жетті. Міне, осылай Ақтөбе уезіндегі жалпы өсімнің көбеюінің тағы бір көзі механикалық өсу болды. Бұл үрдістердің нәтижесінде жергілікті тұрғындардың үлес салмағы – 95,1%-дан 52,4% кеміп кетті. Ал, бұл кемудің астарында қазақтарды жерден айыру, қоныстанушы орыс шаруаларына арнап жер қорын құру үшін, басқа құнарсыз жерлерге ығыстыру жатқан еді.

XIX ғасырдың 70-шы ж. табиғи өсім туралы деректік мәлімет беретін туу туралы, өлгені туралы, неке туралы тіркеу кітапшалары Қазақстанның барлық облыстарында болды. Бірақ олар дұрыс жүргізілмеді. Себебі, әсіресе көшіп-қонып жүрген қазақтардың туу туралы мәліметі кейбір жерлерде мүлде жазылмады. Ал жазылғанның өзінде кейбір жерлерде православтарда баланың нақ туған күні жазылмай, оны шоқындырған күні жазылады немесе адамның нақ өлген күні емес, жерленген күні жазылады. Және бұл туу туралы куәліктерді әр жылдың соңында басқармаларға өткізетін болғандықтан, кейбір жерлерде тіпті жылдың аяғында туылған немесе өлген адамдарды келесі жылдың басында кітапшаларға тіркейтін болған. Бірақ статистика мәліметтеріндегі тізімнің толық еместігін қарамастан, сол кездегі қазақтардың табиғи өсімі аздау болды. Оған негізгі себеп, халықтың экономикалық және әлеуметтік жағдайы, жаппай індетке шалынуы өлім көрсеткішінің жоғары екенін дәлелдейді. Мысалы малшы қазақтар тіпті ешқандай медициналық көмек ала алмады. Халықтың табиғи жолмен өсуі тағы да жыныстық жағдайға да байланысты. Мысалы, 100 ер адамға 85–87 әйелден келді. Әрине туу көрсеткіші халықтың неке тұруына тікелей байланысты. Ал кедей ер адамдар қалың мал төлей алмағандықтан, көп жағдайда некеге отыра алмады.

1897–1917 ж. аралығында Қазақстанда халықтың табиғи өсімі жоғары болды. 1907-1916 ж. аралығында олардың саны – 15,3%-ға дейін артты. Оған бірінші себеп XIX ғ. аяғынан бастап, халықтың табиғи қозғалысының есепке алынуы, екіншіден, қазақтар арасындағы туудың жоғары болуынан, өлімнің азаюы себеп болды.

Табиғи өсім жыныстық арасалмаққа да, некелік жағдайына да байланысты. XX ғ. басында 100 ер адамға 85–87 әйелден келді. Ал кедейлер, қалың мал төлей алмағандықтан, көп жағдайда отау құра алмады. Қазақтарға қарағанда өзге ұлт өкілдерінің табиғи өсімі жоғары болды. Мысалы, ғасыр басында Ақтөбе губерниясындағы

қазақтардың туу көрсеткіші 34,3%, өлім 19,4%, табиғи өсімі 14,9% болғанда, өзге ұлттардың туу көрсеткіші 56,3%, өлім 17,9%, табиғи өсім 38,4%-ды көрсетті. Табиғи өсім, әсіресе, губернияның ауылдық жерлерінде оң айырым көрсетті. Ал, қалалық жерлерде табиғи өсімге қарағанда – механикалық өсім шешуші болды.

1908–1910 жылдар аралығында Ақтөбе уезі және Ақтөбе қаласында барлығы 3434 – ер балалар, 3880 – қыз балалар туылған. Ал отырықшы тұрғындарда 1908 жылы – 3,8%, 1909 жылы – 4,5%, 1910 ж. – 5,4% бала дүниеге келген болса, көшпелі тұрғындарда 1908 ж. 3,5%, 1909 ж. – 2,8%, 1910 ж. – 3,4% бала дүниеге келді.

1914–1915 жж. табиғи өсім есебінен халықтың саны өсе бастады. Бірінші дүние жүзілік соғысқа 1914–1915 жж. жүргізілген мобилизация алғашында халық саны өсіміне өз әсерін тигізе қоймады. Туу көрсеткіші әлі де жоғары болды, алайда 1915 ж. 2-ші жартысынан бастап, ер адамдардың негізгі бөлігінің майданға шақырылуы табиғи өсімге кері әсерін тигізді.

1914 ж. Ақтөбе уезіндегі халықтың саны – 238,6 адам болса, 1915 жылы – 242,6 адамға өсті, ал 1916 ж. – 232,9 адамға азайып, 1917 ж. – 223,6 адамға кеміді. Темір уезінде 1914 ж. халықтың саны – 173,6 адам, 1915 ж. – 174,0 адамға артты, ал 1916 ж. – 166,5 адамға кемісе, 1917 ж. – 159,0 адамға азайды. Ырғыз уезінде де 1914 ж. – 119,5 адам болса, 1915 ж. – 120,9 адам болды, ал 1916 ж. – 115,5 адамға азайып, 1917 ж. – 110,1 адамға кеміді [3, с. 82]. 1914–1915 жж. Ақтөбе, Темір, Ырғыз уездерінде адамдардың саны табиғи өсім есебінен көбейіп отырды. Ал 1916–1917 жж. халықтың саны күрт азайып кетті. Бұған негізгі себеп 1916–1917 жж. соғыстың әсері болды. Оған қазақтардың тыл жұмысына алынуы, соғыс кезіндегі ер адамдардың қаза болуы, халықтың көпшілігі тұрғылықты жерлерінен көшіп кетуі осының барлығы халық санының кемуіне әкелді.

1921–1925 жж. аралығындағы шаруашылық күйзеліс, ашаршылық, күштеп ұжымдастыру, байлар малын тәркілеу қазақтар арасында табиғи өсімге кері әсерін тигізді. 1920 ж. ҚазКСР-де 751 мың шаруашылық болса, 1922 ж. 650 мың, яғни 101 мыңға кеміген. Орал, Ақтөбе, Бөкей губернияларында 400 мыңнан астам адам саяси науқандар құрбаны болған. Дәл осы жылдары өлім-жітім елдегі туу көрсеткішінен жоғары болды. Жағдай 1924–25 жж. таман сәл орнына келе бастады. 1925 ж. Ақтөбе қаласында өлгендер саны – 188 (102 – ер, 86 – әйел) [3, 18-б.].

Ақтөбе губерниясының ауылдық жерлерінде халықтың саны негізінен табиғи өсімнің, сондай-ақ механикалық өсімнің нақты саны берілмеген. Ақтөбе губерниясы бойынша қазақтардың туу көрсеткіші 34,3%, өлім – 19,4%, сонда табиғи өсім – 14,9% болды, ал басқа ұлттардың туу көрсеткіші – 56,3%, өлім – 17,9%, табиғи өсім – 38,4%. Ал Ақтөбе губерниясының батыс аудандарының ішінде қазақтардың туу көрсеткіші – 39,4%, өлім – 20,3%, табиғи өсім – 19,4%, ал басқа ұлттардың туу көрсеткіші – 54,9%, өлім – 20,8%, табиғи өсім – 34,1% болды. Яғни Ақтөбе губерниясының ауылдық жерлерінде табиғи өсімнің оң айырымын көруге болады. Ал Ақтөбе губерниясының қалалық жерлерінде табиғи өсімге қарағанда механикалық өсім басымырақ болып келеді. Мысалы, 1923 ж. 15 наурызында Ақтөбе қаласында халықтың жалпы саны – 14747 адам, 1926 ж. 17 желтоқсанында – 20861 адам, ал 1928 ж. 1 қаңтарында халықтың жалпы саны – 22 499 адамға жетті. Яғни 1923 ж. салыстырғанда Ақтөбе қаласында 1926 ж. – 6114 адамға өскен, ал 1926 ж. салыстырғанда 1928 ж. – +7,3% оң айырым беріп отыр. Шалқар қаласында 1923 ж. 13 наурызында халықтың саны – 3717 адам, 1926 ж. 17 желтоқсанында – 6750 адам, ал 1928 ж. 1 қаңтарында – 7555 адамға жетті. 1923–1926 жж. аралығында Шалқар қаласында халық саны 2 еседей өскен. Ал 1926 ж. салыстырғанда 1928 ж. халық саны – +10,7% оң айырым берді. Темір қаласында 1923 ж. 15 наурызында халықтың саны – 2779 адам, 1926 ж. 17 желтоқсанында – 4129 адам, 1928 ж. 1 қаңтарындағы мәлімет бойынша халықтың саны – 4489 адамға жетті. 1923–1926 жж. аралығында Темір қаласындағы халықтың саны 50% өскен. Ал 1926 ж. салыстырғанда 1928 ж. – +7,9% оң айырымды көрсетті. Сондай-ақ Ақтөбе губерниясындағы Ембі қаласында 1923 жылдың 15 наурызында халықтың саны – 1376 адам, 1926 ж. 17 желтоқсанында – 1876 адам, 1928 жылдың 1 қаңтарында – 2003 адамға жетті. 1923–1926 жж. аралығында Ембі қаласында халықтың саны – 500 адамға ғана өскен, ал 1926 жылмен салыстырғанда 1928 жылы халықтың саны – +6,3 оң айырым берді. Сонымен, Ақтөбе губерниясындағы қалаларында 1923–1926 жж. аралығында халықтың жалпы саны – 11003 адамға өскен [4, 2–3-пп.].

1933 ж. Ақтөбе қаласында 37816 адам тіркелген. Оның ішінде 181 адам некеде болған. Сол жылы Ақтөбе қаласында 821 бала (417 – ер, 404 – әйел) дүниеге келді. Оның ішінде қазақтар – 127, орыстар – 434, украиндар – 185, немістер – 2, татарлар – 30, басқа ұлттар – 11. Қайтыс болғандар саны – 2323 (1518 – ер, 805 – әйел). Оның ішінде қазақтар – 914, орыстар – 968, украиндар – 238, немістер – 10, татарлар – 93, басқа ұлттар – 100. 1000 адамға шаққанда 21,7 адам дүниеге келген, 61,4 адам қайтыс болған, табиғи өсім – 39,7 пайызды құрады [5, 197-п.].

1938 ж. облыс бойынша барлығы 2255 адам некеге тұрған (оның ішінде қалалық жерлерде – 123 адам, ауылдық жерлерде – 218 адам). Сол жылы облыс бойынша – 12701 адам (өлі туылғандарды есепке алмағанда) дүниеге келді (6529 – ер, 6172 – әйел). Ал қалалық жерлерде – 3495 адам (1793 – ер, 1702 – әйел), ауылдық жерлерде – 9206 бала (4736 – ер, 4470 – әйел) дүниеге келді. Облыс бойынша – 6232 адам өлген, қалалық жерлерде – 1990, ал ауылдық жерлерде – 4242 адам өлген [6, 7-п.].

1939 ж. некеде облыс бойынша – 2344 адам болды, соның ішінде қалалық жерлерде – 730 адам, ауылдық жерлерде – 163 адам, ауылдық жерлерде – 266 адам. Ақтөбе облысы бойынша – 13196 адам (өлі туылғандарды есепке алмағанда) дүниеге келді (6810 – ер, 6386 – әйел), оның ішінде қалалық жерлерде – 3658 адам (1835 – ер, 1823 – әйел) адам, ал ауылдық жерлерде – 9538 адам (4975 – ер, 4563 – әйел) дүниеге келді [7, 266-п.]. Бұдан көріп отырғанымыздай ауылдық жерлерде туу көрсеткіші қалалық жерлермен салыстырғанда 2,5 еседей көп болды. Облыс бойынша өлгендер саны – 5822 (3069 – ер, 2753 – әйел), қалалық жерлерде – 1671 адам (937 – ер, 734 – әйел), ал ауылдық жерлерде – 41151 (2132 – ер, 2019 – әйел). Қалалық жермен салыстырғанда ауылдық жерлерде өлім саны әлдеқайда көп болды. Оның себебі, ауылдық жерлерде сол кездегі медицинаның баяу дамуы, азық-түліктің жетіспеушілігі және т.б. Жалпы, 1000 адамға шаққанда облыс бойынша туылғандар – 38,9 адам, өлгендер – 17,2 адам [7, 266-п.].

Ұлы Отан соғысы кезінде халықтың саны күрт азайды, туу көрсеткіші төмендеді, өлім саны артып, табиғи өсім азайды.

XX ғ. 60-ж. жалпы Республика бойынша туу көрсеткіші 38,1% азайып кетті. Ал 70-ж. бастап туу саны бірқалыпты бола бастады. 1980 ж. аяғына таман Ақтөбе өңірінде туу көрсеткіші төмендеді. Ең аз туу көрсеткіштерін мына облыстардан көруге болады. Мысалы, 1988 ж. Шығыс Қазақстанда 20,1%, Қарағандыда 19,5%, Солтүстік Қазақстанда 21,1%, Қостанайда 22%, Целиноградта 22,6% болды. Ал керісінше Шымкент облысында (32,6%), Қызылорда облысында (31,7%), Гурьев облысында (29,5%) туу көрсеткіші жоғары болды [8, с. 61–63]. Негізгі әйелдердің туу жасы 20–29 жас аралықтарында. Ал қала мен ауыл әйелдерінің туу жасын салыстыратын болсақ, қалада тұратын әйелдерден ауылда тұратын әйелдердің туу жасы ұзағырақ болады.

1984 ж. табиғи өсім 13357 адамға оң айырым көрсетті. 1977 ж. салыстырғанда 1984 ж. Ақтөбе облысында 2397 балаға артық туылған.

Халықтың табиғи өсімі тікелей өлім санына байланысты. 1989 жылы Ақтөбе облысында өлім саны – 6,8 промилль (қалалық жерлерінде – 7,1 промилль, ауылдық жерлерде – 6,4 промилль) болды.

1989 ж. ер адамдар мен әйел адамдардың үлес салмағы Ақтөбе облысында арасалмағы (диспропорция) – 3,2%, Қызыл-Ордада – 0,5%, Атырау облысында – 0,6% болды [9, с. 23–24].

Республикадағы халықтың денсаулығын қорғауға байланысты өткізілген әлеуметтік-экономикалық іс-шараларға байланысты талаптарда, өлім саны едәуір қысқарды. 1988 ж. республиканың қалалық жерлерінде бала өлімінің саны мың адамға шаққанда 26,4% болса, ауылдық жерлерде ол көрсеткіш 32,1% болды. Ал Ақтөбе облысы бойынша мың адамға шаққанда барлығы 27,2% болды, қалалық жерлерде 28,4% болса, ауылдық жерлерде 25,9% болды.

1964 ж. жалпы республикадағы халықтың өлім коэффициенті ең төмен 5,7% болды. Бұл сан 1964 ж. дейін сақталды. 1980 ж. ол 8% өсіп, 1985 ж. дейін сақталды. 1988 ж. ол көрсеткіш 7,7% азайды [9, с.16].

1980 ж. аяғына таман Ақтөбе өңірінде туу көрсеткіші төмендеді. Әсіресе ол Қазақстанның 1993–1999 жж. аралығында болған экономикалық дағдарыс кезінде қатты байқалды. Жастар некеге тұруға сол кездегі өңірдегі әлеуметтік-экономикалық жағдайға байланысты асықпады.

Сонымен 1990 ж. Қазақстандағы демографиялық дағдарыстың әсерінен өңірдегі халықтың туу көрсеткіші жән эмигранттардың кетуі, өлім санының артуы барлығы халықтың табиғи өсімінің артуына әлі көп уақыт керек екендігін көрсетті. Қазіргі жағдайда облыста туу көрсеткіші артқанмен де өлімнің көп болуы себепті ол халық санының тез артуына мүмкіндік бермеуде.

2000 ж. бастап өңірдегі халықтың туу көрсеткіші жыл сайын артып отырды. 2-кестеден көріп отырғанымыздай, Ақтөбе облысы қалаларындағы халықтың табиғи қозғалысы жылдан жылға қарай оң айырым көрсетіп отыр. Әсіресе, 2001 ж. бастап туу қарқынының өскенін көреміз. Бұған себеп, елдегі экономикалық, саяси тұрақтылық пен халықтың әлеуметтік жағдайының жақсаруына байланысты еді. Елімізде ана мен балаға көп көңіл бөлуі, туылған балалар күтіміне байланысты берілетін жәрдемақының көбеюі, әлеуметтік саясатты жетілдіру жолындағы шаралар, жалақының өсуі табиғи өсімге жағымды әсер етуде.

Кесте 1 – Ақтөбе облысы қалаларындағы жынысына қарай туғандар мен өлгендер саны және айырымы
[10, с. 202, 203, 205, 206, 208, 209]

Жылдар	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Туылғандар							
Барлығы	5046	5389	5474	5644	6877	7782	8141
Еркектер	2590	2801	2876	2874	3589	4018	4277
Әйелдер	2456	2588	2598	2770	3288	3764	3864
Өлгендер							
Барлығы	3980	4365	4241	4255	4225	4050	4087
Еркектер	2243	2523	2517	2454	2452	2399	2425
Әйелдер	1737	1842	1724	1801	1773	1651	1662
Айырым							
Барлығы	1066	1024	1233	1389	2662	3732	4054
Еркектер	347	278	359	420	1137	1619	1852
Әйелдер	719	746	874	969	1515	2113	2202

Соңғы кездері Ақтөбе облысында қатерлі ісік ауруынан, тыныс жолдары органдарынан (туберкулез) және инфекциялық аурулар салдарынан өлім саны артып отыр.

Республика бойынша Қызылорда облысында – 19,47 промилль, Ақтөбе, Шығыс Қазақстан, Маңғыстау, Жамбыл және Павлодар облыстарында – 16–18 промилльге дейін жас балалар өлімі байқалады. Оған негізгі себеп медициналық жәрдеммен қамтамасыз ету деңгейінің төмендігі мен экологиялық және әлеуметтік жағдайға байланысты болды, ол әсіресе ауылдық жерлерде жақсы байқалады. Мысалы, 2003 ж. Ақтөбе облысында балалар өлімі – 20,6 промилль болса, өлі туылғандар саны – 17 промилль болды. Ақтөбе өңірі бойынша жалпы өлім саны – 1991 ж. – 7,4 промилль болса, ол көрсеткіш 2004 ж. – 9,6 промилльге артты. 1999 ж. Ақтөбе өңіріндегі халықтың өмір сүру ұзақтығы – 59,2 жас болды [11, с. 61–63].

Тәуелсіз Қазақстанның әлеуметтік-экономикалық жағдайының жақсаруына орай, жергілікті тұрғындар арасында табиғи өсімнің артқандығы байқалады. Бұл ең алдымен, әлеуметтік төлемдердің үкімет тарапынан жас балалы аналарға бағытталған қамқорлығынан айқын көрінеді. Ақтөбе облысындағы табиғи өсімнің жалпы барысы оң айырмаға ауытқығандығы анық көрініс тапқан.

Әдебиеттер және деректер

1. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1986.
2. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана на 100 лет (1897–1997 г.). Усть-Каменогорск, 1999.
3. Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана: история формирования и развития (1897–1989 гг.). Алматы, 1995.
4. ҚР ОММ. 698-қ., 14-т., 153-іс.
5. ҚР ОММ. 698-қ., 14-т., 205-іс.
6. ҚР ОММ. 698-қ., 14-т., 208-іс.
7. ҚР ОММ. 698-қ., 14-т., 219-іс.
8. Жумасұлтанов Т.Ж. Народ Казахстана: современное состояние народонаселения в Республике Казахстан. Алматы, 2005.
9. Асылбеков М.Х., Козина В.В. Казахи (демографические тенденции 80–90-х годов). Алматы, 2000.

10. Қазақстан өңірлерінің демографиялық жылнамалығы. Қазақстан Республикасы Статистика Агенттігі. Алматы, 2006.

11. Жумасултанов Т.Ж. Народ Казахстана: современное состояние народонаселения в Республике Казахстан. Алматы, 2005.

ҚАЗАҚ ХАЛЫҚ-АҒАРТУ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚҰРЫЛЫМЫ МЕН ҚЫЗМЕТІ

Сахимова А.М.

Қорқыт ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті

XIX ғ. аяғы – XX ғ. басында Ресей империясында орын алған қоғамдық – экономикалық қатынастардағы өзгерістер қазақ қоғамына да әсерін тигізбей қоймады. Ендігі жерде азаттық жолындағы күресті қарудың күшімен жүргізудің мүмкін еместігін көрсетті. Осы кезеңде қазақтың алдыңғы қатарлы ойшыл тұлғалары күрестің жаңа түріне – білім-ғылымға иек артты. Олар туған халқын оқу-білімге, кәсіп қылуға шақырып, сонда ғана басқа халықтармен терезесі тең болатындығын, өркениет жолына шығатындығын өз шығармаларына арқау етті. Қазақ қоғамында болмаған жаңа үрдіске жол салды, жаңашылдыққа шақырды. Кеңес дәуірінде ағартушылықтың идеологиялық мән-мағынасы басым болғаны мәлім. Бұл жөнінде белгілі философ-ғалым Ғ. Есім: «Ағартушылық қоғам болмысының заңдылығы ретінде аңғарылатын мәдени қозғалыс, оның қозғаушы күші – ұлттық идея. Ағартушылық деген Батыс Еуропадан таралғандықтан, мысалы ағылшын, француз, неміс ағартушыларын алсақ, бәрінің де негізгі мақсаты – ұлттық идея болғанын еріксіз мойындайсыз» – деген пікірін білдіреді.

Қазан төңкерісінің нәтижесінде билікке қол жеткізген большевиктер жаңа қоғамды құруды жаңа мәдениетті қалыптастырумен тығыз байланыстырды. Кеңес үкіметі мәдениеттің оқу-ағарту саласына баса назар аударды. Білім беру жүйесін қайта құруға негізінен үш фактор кері әсер етті.

- елдің азамат соғысы жағдайында болуы;
- шаруашылықтың күйзеліске ұшырауы;
- халықтың оқу-білімге құлықсыздығы.

Осындай қиыншылықтарға қарамастан оқу-білім ісіне шын берілген мұғалімдер еңбегі мен білімге халықтың құштарлығының, әрі өкіметтің ұйымдастыру қызметінің арқасында алға ілгерілеу де байқалды [1, 19–21-б.].

1923 ж. күзінде Бүкілодақтық «Сауатсыздық жойылсын» қоғамы құрылғаны тарихтан белгілі. 1924 ж. қаңтар айында Қазақстанда «Сауатсыздық жойылсын» ұйымын құру жөнінде жұмыстар жүргізілді. Осы жылдың 17 ақпанында өткен алғашқы ұйымдастырушылық жиналыста Қазақстандағы сауатсыздықты жою ұйымы (СЖҰ) рәсімделді. Олардың негізгі мақсаты сауатсыздықты жою болғанымен олар жергілікті жерлерде жұмысшы, шаруа, малшылар қатарын социалистік құрылысқа тартумен және сауатсыз село халқын бар күш жігері мен қаражаттарын қоғамдық іске жұмсауға үйрету сияқты коммунистік идеологияның принциптерін насихаттаумен де айналысты. 1925 ж. ортасында қоғам мүшелерінің қазақ өлкесіндегі саны 40 мыңнан асты [2, 113-б.].

Кеңес өкіметі орнатылғаннан кейін, нақтыласақ 1920 ж. РКФСР ХКК-нің шешіміне орай Өлкелік халық-ағарту бөлімдерінің жанынан сауатсыздардың есебін алуды ұйымдас-тырумен, педагог мамандарды даярлаумен, курстар мен мектептерді ашумен, оқу құралдарын басып шығарумен шұғылданатын сауатсыздық жөнінде комиссиялар құрылды.

Қазақ халық ағарту институты сауатсыздықты жоюға айтарлықтай үлес қосты. Институт Орынборда 1919 ж. ашылған. Орынборда ашылған институт алғашқыда Қырғыз халық-ағарту институты деп аталды. Тарихы 1919 ж. басталатын бұл институтта қазақ мектептеріне мұғалімдер даярлаған. 1921 ж. өзінде 140 оқушы оқыған. Оқу жоспары бойынша институтта сабақ тек қазақ тілінде жүргізілді. Институт оқушылары мен студенттері елде сауатсыздықты жою ісіне белсене араласты [3, 433-б.].

Ең алдымен хат танытудан басталған жұмыс 1925 ж. шақырылған Қазақ АКСР Кеңестерінің V съезінің негізгі құжатының бірі қырғыз халқының тарихи дұрыс атын қалпына келтіруі еді. С. Сейфуллиннің ұсынысымен, Кеңестердің Бүкіл қазақтық V съезі «бұдан былайғы жерде «киргиз» деген атау «қазақ» деп аталсын» деп қаулы қабылданды. Сонымен бірге съезд «Киргиз Республикасын» «Қазақ Республикасы» деп атауға, ал оның астанасы Ақмешітті Қызылорда деп атауға қаулы алды [4]. Осы съездің күн тәртібінде халық ағарту ісі де қаралды. Қазақ АКСР-нің астанасы болған Қызылорда қаласына 1925 ж. Орынбордан Қазақ

ағарту институты көшірілді. 1924–1925 жж. Сырдария облысының Ақмешіт халық ағарту бөлімі, 1925–1927 жж. Сырдария губерниясы Қызылорда уездік-қалалық халық-ағарту бөлімі жұмыс істеді. 1927 ж. Кеңес үкіметінің 10 жылдығында мектептер саны облыс көлемімен есептегенде 149-ға жетіп, ондағы оқушылар саны 12495 жеткен. Қазақ халық-ағарту институтының тәртібі төмендегідей:

I. Жалпы бөлім

1. Қазақ халық-ағарту институты марксистік-лениндік педагогикалық дәрежедегі талапқа сай жетіжылдықтар мен совхоз, колхоз мектептерінің жастарынан халықтық-педагогтық кадрлар дайындайды.

2. Осы негізгі мәселені шешу барысында халық-ағарту институты төмендегідей шараларды ұйымдастырып, өткізеді:

- Ағарту институтына, педагогикалық жоғарғы оқу орнына түсу мақсатында малшыларды, колхозшыларды, кедей және орташа топтағы шаруаларды қысқа мерзімді үш жылдық жұмысшы факультеттерінде оқытады.

- Сырттай оқу бөлімінде оқитын педагогикалық кадрларды және басқа да педагогтық мәдени-құрылыстардағы кадрларды квалификациясын жоғарылату.

- Малшылар, колхозшы және кедей-орташа топтардың ортасында қоғамдық-саяси, агрономдық, техникалық білімді тарату және насихаттау.

- Мәдени құрылысқа, еліміздің қорғаныс қауіпсіздік жұмыстарына баулу.

II. Ағарту институтының құрылымы

3. Ағарту институты негізі ортақ бағдарламасы бола тұра, екі типке бөлінеді:

а) индустриалды-педагогикалық, б) агро-педагогикалық және оған кіретін мамандықтар:

- физика-техникалық; химия-биологиялық; қоғамдық ғылымдар; тіл - әдебиет.

Негізгі курстарда білім алушылар үшін дайындық бөлімдері және кешкі жұмыс факультеттері ұйымдастырылады.

4. Бұл мамандық бойынша көрсетілген бөлімдерден басқа, әр ағарту институтының құрамына енетін бөлімдер бар:

- Сырттай оқу, мұғалімдердің квалификациясын көтеру бөлімі.

- Қысқа курстар ұйымдастыру, т.б.

III. Ағарту институтының студенттері туралы

5. 18 жасқа толған, әр жыныстағы, оқу үрдісіне кедергі келтіретін аурумен ауырмайтын, қазақ және басқа да шығыс ұлттары Ағарту институтына түсе алады.

6. Жұмыс тәжірибесі бар 16 жастағы адамдар дайындық бөліміне қабылданады.

7. Жақсы нәтиже беру үшін студенттерге тек оқуда белсенді әдістерді ғана қолданып қоймай, еңбектің социалистік түріне баулып оқытады (жарыс, бригадалық түрдегі оқу мен жұмыстар т.б.) [5, 54–61 п].

1927 ж. 29 мамырында БК(Б)П Орталық Комитеті қабылдаған сауатсыздықты жою туралы қаулы «Сауатсыздықты жоюдың мұнан былайғы жұмысына батыл өзгеріс жасау», бұл жұмысты «бірыңғай жоспар, күштер мен қаражатты біріктіру, сауатсыздықты жоюға қатысатын барлық ұйымдарға кең ықтияр беру негізінде» жүргізу қажеттілігі көрсетілді [6, 13-17-б].

Кеңестік биліктің алғашқы жылдарында ағарту саласына зор үлес қосқан қазақ зиялыларының қатарында Сәкен Сейфуллин болды. Ол 1925 ж. 7 сәуірде Халық-ағарту комиссариаты жанындағы ғылым орталығының төрағасы, 12 шілдеде қазақтың пролетар жазушылары ассоциациясының басшысы болып тағайындалады. Сәкен Сейфуллин 1926 ж. БКП Өлкелік комитетінің партия тарихы бөлімінің меңгерушісі, 1927 ж. Қызылордадағы халық ағарту институтының, Ташкенттегі Қазақ педагогика институтының директоры болып жұмыс істеді және, 1925–1928 ж. аралығында дәрістер оқып, сабақ берген. Сәкен – Қазақ Кеңес ағарту жұмысының қарыштап дамуына үлкен роль атқарған жаңашыл азамат. Оның поэзиясы Абай мен Сұлтанмахмұт Торайғыров шығармашылығының заңды жалғасы бола тұрса да, идеялық-шығармашылық принципі жағынан айрықша ерекшелігі бар үлкен дүние. Сәкен шығармаларының идеялық нысанасы жаңа дәуірдің, кеңестік заманның көкейкесті мәселелерімен тығыз ұштасып жатты. Сәкен шығармашылығын сөз еткенде, ерекше назар аударатын мәселе – оның замана бейнесін жасауы және де өз білімімен жас ұрпақтың сауатын ашуы болды. С. Сейфуллин Қазақ АКСР Халық Комиссарлары Төрағасы қызметіне кіріскен алғашқы күннен-ақ өзінің ағартушылық ойлары арқылы жастарға білімнің маңыздылығын ұғындыра отырып, үкімет қаржысының қомақты бөлігін оқу-білімге бөлді. Осы мерзімде қазақ тіліндегі алғашқы оқулықтар басылып шықты. Алаш

зиялылары құрастырған бұл оқулықтар ұлттық нақышты айшықтаған мазмұндылығымен құнды еді. Сәкен Қазақстандағы ағарту ісін ұйымдастырып, дамытуға ерекше күш салған қайраткерлердің бірі және қазақ елінің болашағын ана тілінің өрісінің кеңеюімен байланыста қарап, қазақ тілінің өмірге енгізілуі үшін жасаған еңбегі үлкен [7, 19–23-б.]. Тәжірибелі педагогтар, республикада жұмысын ұйымдастырушы қайраткерлер – С. Меңдешев, Т. Жүргенов, Қ. Жұбанов, М. Жолдыбаев т.б. институтта дәріс берді.

1929 ж. 25 шілдесінде “Жаңа қазақ орфографиясын бекіту туралы” қаулы жарық көрді. Жаңа қазақ орфографиясы Халық ағарту Комиссариатының Қызылордада 1929 жылдың 2-4 маусымында өткізілген ғылыми конференциясында қабылданып, ал 20 шілдеде Орталық Атқару Комитеті оны бекітті [8, 29-б.].

Ағартушылықтың тағы бір осал тұсы оқулықтардың жетіспеуі еді. Ресми мәлімет бойынша 1928 ж. қазақ тілінде 22 оқулық атауы (жалпы данасы 732.000) бар болатын. Жаңа әріпке сәйкес келетін жаңа оқулықтар дайындау қажет бола бастады. Қазақ тілінде оқулықтарды жазуға даярлығы бар топ Алаш қозғалысының қайраткерлері еді. Бірақ та алаш қайраткерлерін жазықсыз 1928–1929 ж. жаппай тұтқындалып, жер аударылды. Сол қазақ зиялыларының бірі әйгілі ғалым-теоретик, эстетик және сыншы Ахмет Байтұрсынов болатын. Оның жаңашыл туындысы Ташкентте 1926 жылы «Әдебиет танытқыш» («Теория словестности») деген атпен басылған. Араға екі-үш жыл салып, авторы ұсталып кеткен соң, бұл еңбек көпшілік арасына мол тарап үлгермеді. Бірақ қазақтың ұлттық әдебиеттануының ғылыми негізі, методологиялық арналары, басты-басты терминдері мен категориялары түп-түгел осы кітапта қалыптастырылған [9, 30-б.].

“Әдебиет танытқыш” кітабындағы термин, ұғым, категория әдеби тілімізге, ғылыми оралымға кезінде кіргенін айта отырып, бұл еңбекте эстетикалық ойлау жүйемізді әлі де байыта түсетін тамаша қазына, ересен тапқырлықтар бар екенін көрсетуіміз қажет. Сонымен Ахмет Байтұрсынов қазақ әдебиеттану ғылымының негізін салған, тұңғыш әдебиет теориясын жазған ғалым екендігін мойындамау шындық алдындағы қиянат болар еді. Ахмет Байтұрсыновтың әдеби-ғылыми мұрасының ішіндегі ең көлемді және айрықша тиянақталған тұжырымды еңбегі – «Әдебиет танытқыш». Шолу ретінде, атүсті айтылғанмен, бұл еңбек дәлді зерттеліп, әділ бағасын әлі алған жоқ. Қазақ тіліндегі әдебиеттер Ташкентте, сондай-ақ, 1925–1929 ж. Қызылорда астана болып тұрған кезде көптеп шығарылған. Мысалы, қомақтысы С. Сейфуллиннің «Тар жол тайғақ кешу» романын айтуға болады [10].

А. Байтұрсынов Кеңестік жүйе тұсында 1920–1929 ж. ағартушылық және ғылыми жұмыстармен айналысады. Халық Ағарту Комиссариаты 1920 ж. құрылып, оған ұлт зиялыларының белсенді тобы тартылғандығы туралы мұрағат құжаттары мәлімдейді. Қазақ АКСР Халық Ағарту Комиссариаты 1920 ж. қазан айында Қазақ әскери-төңкерістік комитеті халық ағарту бөлімінің негізінде құрылып, онын тұңғыш комиссары етіп А. Байтұрсыновты тағайындаған. Қазақ мұғалімдерінің қатарын толықтыру үшін жаңа мұғалімдерді дайындаумен қатар байырғы мұғалімдердің өздерін қайта дайындықтан өткізіп, білімдерін жетілдірген. Мамандардың тапшылығына байланысты А. Байтұрсынов Халық Ағарту Институттары мен педагогтар дайындайтын арнаулы орта оқу орындарын ашты [11, 19–21 б.]. А. Байтұрсынов Қызылорда қаласындағы Қазақ халық-ағарту институтында 1927–1928 ж. аралығында сызу және бейнелеу, сызу, қазақ тілі, КСРО географиясы, орыс тілі пәндерінен дәрістер оқыған.

Қызылордадағы Қазақ халық-ағарту институтында А. Байтұрсынов, С. Мұқанов, Т. Жүргенов, Бернштейн, Т. Шонанов, Жұбанов сияқты азаматтар әр пән бойынша дәрістер оқыған. Қазақ әдебиетінен Темірбек Жүргенов берсе, химия пәнінен Бернштейн, елтану (страноведение), еңбек мектебінің теориясы мен іс-тәжірибесі, география пәндерінен Телжан Шонанов берген. Есімдері айтыла қоймаған Қасымов, Бурабаев, Ахмедов, Чумбалов, Қаржаубаев, Альжанов, Қадырбаев, Шустов, Мурзин, Сейдалин, Кенжин, Петропавл атты мұғалімдер де жұмыс атқарған. Олар математика, қоғамтану, география, жаратылыстану, қазақ халқының тарихы, бейнелеу өнері, дене тәрбиесі, әскери білім, т.б. пәндерден сабақ берген [12].

Мысалы, КСРО халықтарының тарихы пәнінің Қазақ педагогикалық институтының 1, 2 курстарға арналған бағдарламасында: Ежелгі Русьтегі феодализм, ХҮІІ–ХҮІІІ ғғ. Украина, өндірістің, капиталдың дамуы, ХІХ ғ. 1-ші жартысындағы қоғамдық қозғалыстар, 1861 жылғы реформа, 1965 ж. революцияның экономикалық қажеттіліктері, 1905 ж. революция, ХІХ–ХХ ғғ. Кавказ және Закавказье елдері, ХІХ–ХХ ғғ. Орта Азия, столыпиндық реформа, екі төңкеріс арасындағы таптық күрес, Қазақстандағы 1916 ж. көтеріліс, ақпаннан қазанға, қазан төңкерісі және азаматтық соғыс, қазан төңкерісі және Алашорда, орыс тарихнамасының қалыптасуы туралы студенттерге ауқымды білім берілген [13, 12-б.].

Кеңе өкіметінің сауатсыздыққа қарсы күресті алдыңғы қатарға қоюының негізінен саяси астарлары күштірек еді. Басты себеп, ауылдағы Кеңес органдарында басшылыққа кедейлер өкілдерін әкелуден туындады. Шала сауатты кедейден шыққан жергілікті Кеңестердің басшылығына ұсынылғандар көп жағдайда өкімет саясатын іске асыруда қауқарсыздық танытты. Осы себепті Ағарту институты ашылған болатын.

1930 ж. республикада педагогтар мен мұғалімдер даярлайтын институттар көбейді. Соған байланысты 1933 ж. 15 қазанда Қазақ халық ағарту институты қызметін тоқтатты.

Әдебиеттер

1. Ахметов Қ.Ә. XX ғасырдың 20–30 жылдарындағы Қазақстан мәдениеті («Мәдени революцияның» концепциясы, идеологиясы, жүзеге асырылуы): Тарих ғылымдарының докторы дисс. авторефераты. Алматы, 2002.
2. Сайлан Б.С. Қазақстан жастарының 1920-30 жылдардағы сауатсыздықты жою науқанына қатысуы // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті хабаршысы. 2008. № 1.
3. «Қазақстан» Ұлттық энциклопедиясы / Қазақ халық ағарту институты. Алматы, 2003.
4. Қалиев Ы., Шілдебаев Е. Дария жағасындағы қала. // Оқу ордалары. Алматы, 1980.
5. Қызылорда облыстық мемлекеттік мұрағаты. 4-қор, 1-тізбе, 5- іс.
6. Ақпанов Қ.А., Нұрғалиев Н.С. Қызылорда – халық ағарту мекені // Қорқыт Ата атындағы ҚМУ Хабаршысы. 2006. № 2.
7. Қасымова С.С., Сәкен Сейфуллиннің қоғамдық-саяси және мемлекеттік қызметі (1894–1938 жж.). Тарих ғыл. канд. дисс. авторефераты. Қарағанды, 2010.
8. Омарбеков Т. Мәдени құрылыс тарихы: тапшыл көзқарас сабақтары. // Ақиқат. 1996. № 3.
9. Омарбеков Т. Сауатсыздықты жою: науқаншылақ және оның салдарлары. Ақиқат. 1996. № 2.
10. Интернет. <http://www.google.kz/> Ахмет Байтұрсынұлы – бес арыстың бірі.
11. Тұрғараева Г.М. Ахмет Байтұрсынұлының қоғамдық-саяси және мемлекеттік қызметі (1872–1937 жж.): Тарих ғыл. канд. дисс. авторефераты. Алматы, 2009.
12. Қызылорда облыстық мемлекеттік мұрағаты. 4-қор Қызылорда Қазақ Ағарту институты (1922–1935 жж.). 1-тізбе., 2- іс. Протоколы заседания Совета Казахского Института и президиума Совета института народного образования.
13. Қызылорда облыстық мемлекеттік мұрағаты. 4-қор Қызылорда Қазақ Ағарту институты (1922–1935 жж.). 1-тізбе, 1-іс. Протоколы заседания. Положение об институтах народного просвещения Казахстана.

XIX ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫНДАҒЫ ОРЫНБОР ӨЛКЕСІН ОТАРЛАУ САЯСАТЫНЫҢ ТЕРЕҢДЕУІ

Төлеубаева Б.М.

Ақтөбе көлік, коммуникация және жаңа технологиялар колледжі

XIX ғасыр және мәдени даму жетістіктеріне толы болды. Осындай ілгерілеудің себебі қазақ даласына тауар ақша қатынастарының еніп, бекуі. Соның нәтижесінде ішкі рыноктың қалыптасуы, сауда капиталының өсуі. Болып жатқан әлеуметтік өзгерістерге әр түрлі формадағы жәрмеңкелік сауданың да үлкен әсері болды. Патша үкіметінің отарлау саясаты, қазақ жерлерін Ресейлік қоныс аударушылардың күшпен тартып алуы және Қазақстанға капиталистік қатынастардың енуі қазақтардың шаруашылық өміріне, экономикалық жағдайына әсерін тигізіп, өзгерістер әкелді. Бұның өзі экономиканың негізгі көзі мал шаруашылығы болып отырған қазақтардың сауданың жәрмеңкелік түріне бағытталуына әкелді. Патша үкіметінің жүргізген әр түрлі реформасының негізінде қазақ даласының түпкілікті Ресей отарына айналуы, орыс шаруаларының қазақ жерлерін зорлықпен тартып алып, орман тоғайлардың оталуы, жайылымдардың қысқаруы, қазақ даласында қалыптасқан көшпелі мал шаруашылығының бұзылуына әкелді. XIX ғ. соңы – XX ғ. бас кезінде Қазақстанда рулық қауымдық жер пайдаланудың орнына үш түрлі жеке меншік жер иеліктің, шабындық жерлер, қыстық жайылымдар және жайлаулар пайда болды. Аталмыш кезең Қазақстанға сауда капиталының енген кезеңі. Сауда капиталының қалыптасуы, сауданың түрлері мен сипаты және қазақтардың шаруашылығына ақша-тауар қатынастары ене бастады. XIX ғасырдың ортасына дейін Қазақстандық саудада ортаазиялық саудагерлер негізгі орын алды.

Ресейлік сауда капиталы бұл кезде тек солтүстік және батыс аудандарға ғана енді. Қазақстанның Ресейге қосылуы толық аяқталғаннан кейін ғана Ресейлік сауда капиталы ортаазиялық сауда капиталын ығыстырды.

Қазақстанда қоғамдық еңбек бөлінісінің өсуі күшейді. Ал орталық Ресейдегі өнеркәсіптің, қазақ халқының санының өсуімен байланысты, қазақтардың ауыл шаруашылығының шикізаттарына деген сұраныс артты. Қазақстан Ресейлік рынокқа ауыл шаруашылығы шикізаттарын дайындайтын ірі аймаққа айналды. Өз кезегінде ресейлік саудагерлер Ресейде өтпеген сапасы төмен тауарларын Қазақстанға әкеліп өткізіп, оны жаңа рынокқа айналдырды. Мұның бәрі Қазақстан мен Ресейдің сауда байланыстарын, сондай-ақ Қазақстанның ішкі саудасын да дамыта түсті.

XIX ғ. ортасында Батыс Қазақстанда Орал облысының территориясында сауда қатынастары ерекше қарқынмен дамыды. Орал, Гурьев қалаларында жәрмеңке саудасымен қатар тұрақты сауда (дүкен, асхана, түрлі ішімдік орындары) өркендеді. Әсіресе Темір (Қарақамыс), Ойыл (Көкжар) жәрмеңкелері қазіргі Ақтөбе облысының территориясында сауда қатынастарының дамуына, жергілікті сауда капиталының қалыптасуына әкелді.

1867–1868 жж. реформалары Ресей капитализмінің қазақ жерін игеруінің негізінде жайыла дамуына жағдай жасады. Бұл реформалар Қазақстанның Ресей экономикалық даму өрісіне енуін жеделдетіп, патша үкіметінің қазақ жерлерін тартып алуға негіз болды. Сондықтан «Уақытша Ереже» халық наразылығын туғызды.

Орал облысының генерал-губернаторының 1873 ж. 12 желтоқсанда қабылданған шешімі бойынша Темір қаласында Қарақамыс жәрмеңкесі әр жылы 15 мамыр мен 15 маусым арасында өткізіліп, оған Торғай, Ырғыз, Маңғыстау уездерінен, Қазалы, Хиуа және Бұқарадан саудагерлер мал баққан көшпенді қазақ жұртшылығы қатынасты [1]. Қазақтар Қарақамыс жәрмеңкесіне мал өткізіп, өздеріне қажетті тұрмыстық заттарын сатып, айырбастап алған.

1877 ж. әскери губернатор Веревкиннің Орынбор генерал-губернаторлығына жіберген мәліметінде қазақтар мен орыстар арасындағы сауда қатынасын нығайту мақсатында Сібір қазақтары ауданында Ойыл бекінісі Покровск, Никольск жәрмеңкесі негізінде қабылданған ережеге сай Қарақамыс жәрмеңкесінде сатылған әрбір малдан «ерекше салық» алынған. Жәрмеңкедегі тәртіпті қамтамасыз ету мақсатында уезд бастығының немесе оның көмекшісінің басқаруымен екі жәрмеңкеге келген орыс саудагері, екі қазақ саудагерінен тұратын комитет құруды тапсырған. Оларға берілген нұсқаулық бойынша қызмет көрсетуге Ембі постынан 30–50 адам қосымша жіберіледі [2].

1879 ж. Темір уезінің орталығы Қарақамысқа көшірілді. Осы кезден бастап Темір уезінде сауда қатынастары ерекше қарқынмен дами бастады. Темір жәрмеңкесінің өткізілу уақыты қазақтардың көші қон мәселесімен тығыз байланысты болды. Жәрмеңкеде негізгі мал өнімдерін өткізушілер Хиуа территориясына дейін көшетін адай және табындар болғандықтан, Темір жәрмеңкесінің комитеті Орал облыстық әкімшілігінен жәрмеңкенің өткізілу мерзімін адай, табын руларының қыстауға қайтатын күз айларына бейімдеп, 1 қыркүйек пен 1 қазан аралығына белгілеп күзгі жәрмеңке ашуды өтініп, екінші жәрмеңкенің жергілікті қазақтармен Ресей Орта Азия саудагерлеріне көп пайда келтіретініне баса назар аударған [3]. Осы өтініш қанағаттандырылып Темір жәрмеңкесінің сауда айналымы жылдан жылға дами түсті.

Темір жәрмеңкесінің алғашқы қалыптасып, дамуына байланысты В.П. Семеновтың редакциялауымен 1903 ж. Санкт-Петербург қаласында жарық көрген «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» деген еңбегінде: «Темір өзі аттас Темір станциясынан оңтүстік батысқа қарай 35 шақырым жоғары орналасқан уездік қала. Темір қаласы Темір өзенінің бойына орналасқан. Қала 1897 жылы салынған қазақ әскери бекінісінің негізінде бой көтерді. Осы әскери Эмба (Жем) постысының айналасына қоныс аударған орыс, украин шаруалары орналасты. Керуен жолдарының қиылысқан жерінде және адамдар тығыз тұратын қазақ болыстарына жақын орналасуы Темір қаласының даладағы ерекше сауда мекеніне айналуына көп септігін тигізді», – деп жазған болатын [4, 66 п.].

XX ғ. басында Темір жәрмеңкесі Ойыл жәрмеңкесінен кейінгі жалпы тауар айналымы бойынша екінші орында болып, Ақтөбе, Ырғыз жәрмеңкелеріне қарағанда ерекше қарқынмен дамыды. Оның басты себептерінің бірі Темір жәрмеңкесінің керуен сауда жолдарының қиылысында орналасқаны болып табылады.

Жәрмеңкенің саудагерлермен сатып алушылар үшін екі жақты пайдасы болды. Дегенмен саудагерлердің өз заттарын жергілікті қазақтарға шектен тыс қымбатқа сатуынан қазақтардың наразылығын туғызған жағдайлар да болып тұрған. Осы туралы Ресей ішкі істер министрінің орынбасары Орал облысының губернаторына былай деп жазған болатын: «1901 жылғы маусымда Орал облысындағы Темір жәрмеңкесі кезінде қазақтардың әскери казактармен қақтығысы болып, казактар сауда қатарларын қиратты және әскери казактармен саудагерлерді ұрып соқты.

Сол жылы қазан айында жәрмеңкеде бүлік шығарған жергілікті қазақтарды жазалау үшін Темір уезіне әскери казак отряды жіберілді. Бірақ жергілікті қазақтардың топтасып, әлде бір құпия өкім (бұйрық) бойынша әскери казак отрядының жүретін жолынан олардың өздерін азық-түлік, аттарын жем шөптен айыру мақсатымен

көшіп кетуі, жазалаушы отрядтың өзіне жүктелген тапсырманы орындауына мүмкіндік бермеді» [5, 2–6 пп.].

Осы орайда тек орыс саудагерлері ғана емес, егіншілікпен мүлде айналыспайтын Сібір казактары да казак даласын еркін жайлап, қанаушылық іс-әрекеттер жүргізген. Олар саудагерлерден арзан бағаға алған тауарларын казактарға қымбатқа өткізіп отырған. Маталарды кем өлшеп, таразыдан жеп, мол пайда тапқан.

Арнайы тапсырмамен казактардың тұрмыс-тіршілігін зерттеуге жіберілген Г.Краковский өзінің «Беспредельные степи киргиз-кайсацкие» деген еңбегінде «Казактар ұсақ-түйек алыпсатарлықпен айналысқанымен, одан мол пайдаға кенелген. Казак саудагерлері казактардың мұқтаждықтарын пайдалана отырып, оларға астықты ауыз бармайтын бағаға қарызға беріп отырған. Бұл жерде қырғыздың басқа амалының жоқтығын сезген олар жарты пұт ұнды 2 теріге айырбастаған. Ал сол кезде жарты пұт ұнның бағасы 15–20 тиын болса, екі терінің құны 6 сом тұрған», – деп келімсектердің жергілікті халықты қанау жолдарын көрсетті [6, 123 п.].

Негізінен казак даласында ашылған жәрмеңкелер казак және орыс халқы арасындағы экономикалық қатынастың бекуінің және Қазақстанның Ресейге нақты қосылуы үшін экономикалық алғы шарттар жасаудың маңызды құралы болды. Алайда жәрмеңкелер тұрақты түрде сауда жасайтын орын емес, маусымдық болуына байланысты ауыл шаруашылығының қажеттерін қанағаттандыра алмады. Жәрмеңкелік сауданы село мен ауылдың қажеттіліктерін қамтамасыз етіп тұратын, XIX ғ. II жартысында – XX ғ. басында тез қанат жайып, өркендеп келе жатқан, тұрақты бөлшек сауда толықтырды. Статистикалық мәліметтер көрсеткендей XX ғ. басында жәрмеңкелік сауданың белсенділігі төмендеп, оның орнына базарлардың белсенділігі артады. Жәрмеңкелік сауданың пайда болуының, дамуының және құлдырауының тарихи процесі еркін бәсекелестіктің дамыған кезеңімен сәйкес келді. Жәрмеңкелер қалыптасып жатқан ішкі рынокқа, тауар өнеркәсібіне және осылармен тығыз байланысты әлеуметтік – экономикалық қатынастар жүйесіне экономикалық негіз қалады, аграрлы шаруашылыққа тауар-ақша қатынастарының енуіне жағдай жасады. Қазақстанда өндіріс орындарының ашылуы, елдің отырықшылыққа көше бастауы, қалалардың салынып, жәрмеңкелер арқылы шетелдермен қарым-қатынастың нығаюы казак ауылының өркендеуінің негізгі себебі болды. Отарлық саясат пен жаңа әкімшілік құрылымдарға қарсы туған наразылық пен толқуларды басқаннан кейін, патша үкіметі казак жерлерінде өзінің саяси үстемдігін шын мәнінде, заңды түрде түпкілікті нығайту мақсатымен «Уақытша Ережеде» белгіленген мемлекеттік басқару жүйесін құруға кірісті. Орынбор өлкесінің генерал-губернаторы болып бұрыннан осы міндетті атқарып жатқан генерал-адъютант Н.А.Крыжановский қалдырылды.

Облыстар басшылығына әскери губернаторлық қызметке, генерал-губернатордың ұсынуымен, Орал облысында – генерал-майор Н.А. Веревкин, Торғай облысында – генерал-майор Л.Ф. Баллюзек тағайындалды. Олар басқару ісінің барлық саласы бойынша генерал-губернаторға бағындырылды [7, 55, 63 пп.]. Ішкі істер министрлігі мен Әскери министрліктің облыстардағы өкілдері болып саналды.

1868 ж. 27 қарашасында Орынбор генерал-губернаторы Н. Крыжановский Орал және Торғай облыстарының әскери губернаторлары қызметін атқарушыларға: «Торғай облысында – Елек, Николаев, Торғай және Ырғыз, ал Орал облысында – Орал, Калмыков және Гурьев уездерін құру; Ембі посты мен Маңғышлақ приставствосына ерекше басшы адамдарды тағайындау және оларды Жаңа Ережені енгізу жөнінде, қай уақытта енгізуге мүмкіндік туатындығы жөнінде мәліметтер жинау үшін сол жерлерге жіберу қажет» деген нұсқау берді. Осы нұсқауға сай, Торғай облысында: Елек уезінің басшылығына – надворный советник Плотников, Николаев уезіне – надворный советник Сипайлов, Ырғыз уезіне – артиллерия капитаны Вогак, Торғай уезіне – подполковник Яковлев, ал Орал облысында: Орал уезінің басшылығына – подполковник Черноморсков, Калмыков уезіне – әскери старшина Голованов, Ембі уезіне – подполковник Голов, Гурьев уезіне – полковник Тверитинов, Маңғышлақ приставствосына – подполковник Рукин тағайындалды [8]. Көріп отырғанымыздай, облыстық және уездік әкімшіліктердің басшылығын түгелімен әскери шендегі адамдар құрады. Әкімшілік аппараттың құрамы да тек орыс-казак офицерлері мен чиновниктерден тұрды. Ал казак халқын билеу жүйесі мен басқару тізбегінде казактарға бір ғана қызмет берілді, ол – уезд бастығының кіші көмекшісі қызметі болатын.

Жергілікті уездер мен облыстарды ұйымдастыру үшін Торғай облысында, уездер санына қарай, 4 комиссия, Орал облысында 3 комиссия құрылып, оларға уезд бастықтары төрағалық етті. Ембі уезі мен Маңғышлақ приставствосында «Уақытша Ережені» енгізу «қолайлы жағдайлар туғанға дейін» кейінге қалдырылды.

Нұсқауда «комиссиялардың басты мақсаты ...халықты әкімшіліктің жаңа тәртібіне дайындай отырып, жергілікті басқару ісін ұйымдастыру» болып табылады деп атап көрсетілді. Сондай-ақ, «комиссияларға, мүмкін болған жердің бәрінде, қырғыздарға жаңа басқару жүйесінің қырғыз халқының тұрмыс жағдайын жақсарту мақсатында енгізілетінін түсіндіру міндеті жүктелді». Комиссияларға, «ісімен болсын, сөзімен болсын, реформаға қарсылық білдірген немесе оның маңызын төмендеткен адамдарды байқап калса, оларды

кім екеніне қарамастан, дереу тұтқынға алып, жақын пункттерге немесе бекіністерге күзетпен жеткізіп салу» қатаң тапсырылды. Сонымен бірге, комиссиялар құрамына «өзінің ықпалымен, мәліметтерімен пайдалы, жұмыстың табысты болуына жағдай тудыратын ордалықтарды да шақыру» мүмкіндігін алды.

Осындай қатаң міндеттер жүктеліп, кең құқықтар берілген ұйымдастыру комиссиялары 1868 жылдың желтоқсан айында әскери шендегі уезд бастықтарының басшылығымен қырға аттанған болатын. Әскери губернаторлар ұйымдастыру комиссияларын арнайы нұсқаулармен жабдықтап, «беделді ордалықтарға сыйсыпат көрсету үшін» әр комиссияға 100 рубль күміс ақшадан, ал Ырғыз уезін ұйымдастыру комиссиясына, ерекше, 200 рубль күміс ақша бөлді. Сонымен бірге, әр комиссияға уездердегі «беделді ордалықтарға сыйлыққа тарту үшін», тіпті, 3 күміс мүйізше, 5 тебетей және 10 аршын перделік матадан бөліп беруді де ұмытпады. Мұның бәрі – патша үкіметінің қазақ даласында өзінің отарлық мүддесін толық жүзеге асыру жолында жүргізіп отырған «қант пен қамшы» саясатының бір көрінісі.

Торғай облысы ұйымдастыру комиссиялары 15–30 желтоқсан аралығында, Орал облысының Гурьев комиссиясы осы айдың 19-шы, ал Калмыков және Орал комиссиялары 21-ші жұлдызында аттанып кетті. Генерал-губернатор Крижановский Орынбор өлкесі қазақтарына «жаңа Ереженің маңызы мен мәнін түсіндірген» арнайы хабарлама таратты.

Аға сұлтандардың қызметі «Уақытша Ереже» тұрғысынан патша үкіметінің отарлық саясатының жүзеге асырылуына сай келмейтін болғандықтан, жоққа шығарылғанына қарамастан, жаңа Ереженің «сәтті түрде енгізілуін қамтамасыз ету үшін халық арасындағы олардың беделі мен ықпалын пайдалану» ескерілді. Крыжановский өзінің Ішкі істер министріне жазған құпия хатында (1868 ж. мамыр) «...өлкеде Жаңа Ереженің енгізілуіне аға сұлтандар тарапынан жасырын қарсылық тууы мүмкін, сондықтан, ең алдымен, аға сұлтандардан сақ болуымыз керек және оларды өкіметке, жаңа реформаға наразылық туғызбайтындай жағдайға қоюымыз керек», – деп көрсетті. Соған орай, және Крыжановскийдің ұсынысымен, Кіші жүздің Орта бөлігінің аға сұлтаны Мұхамеджан Баймұхамедов генерал-майор шеніне, Шығыс бөлігінің аға сұлтаны Мұхамед Жантөрин полковник шеніне көтеріліп, әрқайсысына 1176 рубль күміс ақшамен пенсия белгіленді. Ал Батыс бөлігінің аға сұлтаны Әлмұхамед Сейдалинге майор шені беріліп, білімді және «үкіметке елеулі пайда әкелетін адам» ретінде Николаев уезінің соты қызметіне тағайындалған. Сонымен қатар, патша үкіметі сұлтандарға арналған ерекше артықшылықтарды да сақтап қалды, дворяндық титул олардың өздеріне ғана емес, бүкіл әулетіне берілді. Аға сұлтандар ұйымдастыру комиссияларының құрамына шақырылып, өздерінің халық арасындағы беделі мен ықпалын отарлық үкіметтің пайдасына кеңінен жаратты.

Жоғарыда айтып кеткеніміздей, бастапқы кезде ұйымдастыру комиссияларының жұмысы табысты жүрді. 1869 жылдың 12 қаңтарына дейін Орал облысы Орал уезі бойынша: 2094 түтіннен – Өріктікөл болысы, 1911 түтіннен – Қараоба болысы, 2055 түтіннен – Қара шығанақ болысы, Гурьев уезі бойынша: 1617 түтіннен – Есбол болысы, 1769 түтіннен – Гурьев болысы, 1800 түтіннен – Бұлан болыстарының әкімшілік негізі қаланды. Орал облысында барлығы – 9 болыс құрылды.

11 қаңтарда Торғай облысының Торғай уезінде 5 ауылдан тұратын – Тұсын болысы, ал 12 қаңтар мен 12 ақпан аралығында – 9058 түтінді біріктірген, 18 ауылдан тұратын Қарақоға, Сарықопа, Наурызым, Қараторғай болыстары шаңырақ көтерді. Осыған байланысты Торғай облысының әскери губернаторына (1869 ж. 27 ақпаны) жолдаған қатынас қағазында подполковник Яковлев Торғай уезінің ұйымдастырылып болғанын, ұйымдастыру комиссиясының өз жұмысын тәмамдағанын хабарлай отырып, «Торғай уезіндегі ордалықтардың бәрі 21 қазанда бекітілген Ережені аса құрметпен және қалтқысыз шаттық көңілмен қабылдады, ал олардың шын пейілмен көрсеткен көмектері... жаңа штат енгізу жолындағы комиссия жұмысының дәл және тез орындалуына жағдай жасады» деп жазды.

Деректерге сүйенсек, 1868 ж. 27 желтоқсаны мен 1869 ж. 26 наурызы аралығында 8 болыстан тұратын Николаев уезі, 1868 ж. 31 желтоқсаны мен келесі жылдың 10 ақпаны аралығында Елек уезінде – 5, Ырғыз уезінде – 2 болыс ұйымдастырылған. Осылайша, шеп бойындағы қазақтарды болыстарға біріктіру әкімшілікке әлдеқайда оңайға түсті. Жаңа басқару жүйесінің ұлы державалық отарлық мәні қазақ халқының оны қабылдамауынан, оған қарсы наразылығынан көрінді. Ұйымдастыру комиссияларына қарсы бағынбаушылықтар ақпан-наурыз айларында комиссиялар далаға ішкерілеп енген сайын күшейе түскендігі жөнінде жоғарыда айтып кеткен болатынбыз. Бұл наразылықтар 1869 ж. жазында Торғай облысының оңтүстік, батыс бөліктерін және Орал облысының территориясын түгел қамтыған көтеріліске ұласқанды. Орынбор генерал-губернаторы 1869 ж. 21 наурызында Орал және Торғай облыстарының әскери губернаторларына: «1) Жаңа Ереже қабылданбаған жерлерде бұрынғы дистанция бастықтары мен ру басыларының бәрі өздерінің бұрынғы қызметінде қалдырылуын қатаң тапсыру; олардың бұрынғы заңдылықтар мен нұсқаулар негізінде өз міндеттерін одан әрі асқан жауапкершілікпен атқара берулерін қадағалау; оларға өздерінің қарамағындағы

жерлерде тәртіптің сақталуын қамтамасыз ету міндетін жүктеу; 2) Жаңа Ережені қабылдамаған қырғыздарға, егер олардың арасында бүлікшіл топтар... пайда болса, онда әскери заңдар бойынша, тек кінәлілердің өздері ғана емес, олар жататын ру мүшелері тұтасымен жауапқа тартылатынын (ал ақшалай айыптар олардың ауылдары мен қоғамдарына салынатынын) хабарлау» баса тапсырылды. Ұйымдастыру комиссияларының жанына қарулы топтарды ертудің, қырға жазалау отрядтарын шығарудың, әскери бекіністердің құрамын толықтырып отырудың, беделді деген қазақ сұлтандарын, ру басыларын «марапаттау», «сый-сияпаттар көрсету» арқылы өз жағына шығарудың, «халық арасында беделді, патша үкіметіне берілген» сол казактардың ұйымдастыру комиссияларына «шын пейілмен көмектесуінің» нәтижесінде Орал, Торғай аймағында жаңа болыстар ұйымдастырылып, шекаралары енді анықталған уездер құрылып жатты [9].

1869 ж. шілденің 31-ші жұлдызында генерал-губернатор Крыжановский Әскери министрге және Ішкі істер министріне: «Қырғыздар көтерілісі түгелімен басылды. Торғай болысында жаңа Ереже толығымен енгізілді. Орал облысында 4 мыңнан астам түтін Жаңа Ережені қабылдады. 2 губернатор да шепке қайтып оралды», – деп хабарлады. Тамыздың қасында таз, кете руларына қарасты 6580 түтін өкілдері Веревкинге келіп, жаңа «Ережені» қабылдауға дайын екендігін білдірген.

Ембі уезін толығымен ұйымдастыру ісі Орал облысы әкімшілігін «әуреге салды». Жем өзенінің бойын мекендейтін қазақ ауылдары ұйымдастыру комиссиясына «ұстатпай», әскери отрядтардан өздерін, мал-жанын сақтап қалмақ болып және қандай да болмасын жайылым жерлер іздеп, бір жерден екінші жерге жиі-жиі көшіп отырды. Дегенмен, «кұрығы ұзын» патшалық өздері «асау», «жабайы», «орысқа үйренбеген» деп есептейтін қазақ руларының өзіне бұғау салып үлгерді [10].

Генерал-губернатор Крыжановский полковник граф Борхка жазған құпия хатында (1869 ж. 4 шілде) Торғай облысы жеріндегі жазғы жайлауына көшіп келген назар руы арасында жаңа Ережені енгізуге қолайлы жағдай туып отырғанын, ал назарлардың Ембі уезіндегі қыстауларына қайтуын күту, шөмішті-табындардың оларға кері ықпалының салдарынан, жаңа тәртіпті енгізуде қиындықтар туғызатынын айта келе, «Ақтөбе бекінісінде назар және тағы басқа рулардың билері мен старшындарының сиезін өткізіп, ... ешқандай сайлаусыз, тағайындау арқылы» Ембі уезінде жаңа болыстар құруды тапсырды.

Сөйтіп, Ембі уезінің негізі, құрамына кіретін қазақ руларының «көші-қон ерекшеліктеріне сай», граф Борхтың басшылығымен, Орал облысынан тыс жерде, Торғай облысының Ақтөбе бекінісінде қаланды. Уезд құрамына назар руынан басқа, жекей, шүрен, ожырай және 3150 түтін адай руының 4 тармағы бірікті. Генерал-майор Веревкин бұл уезді құру кезінде «...ереженің ең басты принциптері – сайлау негізі мен болыстарды қыстаулар бойынша құру принциптері – бұзылды. ...Рулық негізге жол берілуі ...болыстарды бақылауды және басқаруды қиындатып отыр» деп, болыстардың шекараларын қайта жобалау қажеттігін көрсетті. 1869 жылдың қараша айында әскери губернатор, тіпті, Ембі уезін Торғай облысына қосуды ұсынды. 1869 жылдың күзінде ұйымдастыру комиссиялары жаңа Ереже бойынша, Орал облысында Маңғышлақ приставствосынан басқа жерлерде 3 уезді тұтасымен, Ембі уезін ішінара ұйымдастырып, мемлекеттік салық пен земский міндеткерліктерді жаңа мөлшерде толығымен жинап қайтты. Осылайша, Орал, Торғай облыстарындағы уездер ұйымдастыру жұмыстары 1870 жылдың басында аяқталды. Орал облысы уездерінің 1870 жылдың соңындағы құрамын өзгерді [2]. Губернаторлығы билігінен алынып, Кавказ наместнигінің қарамағына берілді. Сондықтан, Дағыстан басшысы Орал облысының әскери губернаторынан Ембі уезіне қарасты Сам және Аспантай-Матай маңын мекендейтін адай руының 4 белімшесін 1871 жылдың ақпанына дейін Маңғышлаққа қайтаруды талап еткен.

Генерал-майор Веревкиннің оған қатысты: «Адайдың бәрі тек адай болғаны үшін ғана Маңғышлақтың құрамында болу керек деген пікір жөн емес. ... Жаңа ережеге сай, рулық негіз жойылуы тиіс, сондықтан да, егер басқа рулар өздерінің әдеттегі қысқы қоныстарына сәйкес әр түрлі болыстар мен уездерге бөлшектеніп кетсе, мұндай бөлшектену адайларға қатысты да жүзеге асырылуы тиіс, бұл – оларды тиімді басқарудың және нақты бақылаудың құралы болып табылады» деген тұжырымы – «бөліп ал да, билей бер!» саясатының қазақ даласында салтанат құруы еді.

Торғай облысында болыстар құру кезінде де «Уақытша Ереженің» «принциптерінен ауытқулар» кездесті. Бірғыз уезін ұйымдастыру комиссиясы, генерал-губернатордың мақұлдауымен, осы уездің шектілер мекендейтін 5 болысының әкімшілік негізін ешқандай сайлаусыз, тағайындау арқылы құрды. Ал, бұл жағдай, Баллюзектің айтуынша, «біріншіден, шалғайда жатқан рулар арасында жаңа Ережені табысты енгізу жолындағы кедергіні бірден-бір жою, екіншіден, бұл руларды басқару қызметтеріне үкіметке берілген, руластарына беделді адамдарды тағайындау арқылы, көшпелі халықты басқару реформасын алғашқы күннен бастап берік орнату үшін жасалды». 1868 ж. әкімшілік басқару реформасының жүзеге асырылуымен байланысты шаруашылықты

жүргізудің дәстүрлі тәртібінің бұзылуы, жайылым жерлер үшін рулар арасындағы талас, болыстыққа және ауыл старшындығына сайлаулар кезіндегі айтыс-тартыстар болыстардың одан әрі бөлшектенуіне, жаңа болыстар мен ауылдардың пайда болуына әкеліп соқты. Мысалы, Торғай облысында 1869 ж. 149 ауыл болса, 1894 ж. олардың саны 318-ге жеткен. Болыстардың ұсақ ауылдарға бұлайша бөлшектенуі, ең алдымен, отарлық әкімшіліктің мүддесінен шығып жатты. Ол елден алым-салықты тез арада, молырақ және толық жинау мен патшалықтың жазалау мақсаттарын күшейту үшін қолайлы жағдайлар туғызды. Өйткені, бөлшектенген халықты бақылап, басқару да, оның түтін санын есепке алып отыру да әлдеқайда жеңіл болды.

Сөйтіп, өлкеде отаршылдық өкімет билігі қарудың күшімен қайтадан мойындатылды. Генерал-майор Баллюзек (1869 ж. 15 қараша): «жергілікті жерлерде біздің билігіміз әскер күшімен нығайтылған жағдайда ғана бұл қырғыздарды үкіметке бағынуға мәжбүр етуге болады; басқа жағдайларда Орал облысының немесе Торғай облысының басшылығы қанша тырысса да, олардың арасында жаңа Ережені енгізу өте қиын болар еді» деп, отарлаушы үкіметтің озбыр саясатын осылай негіздеуге тырысты.

Әдебиеттер және деректер

1. Памятная книжка и адрес-календарь на 1900 год. Уральск, 1900.
2. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 18. Киргизский край. СПб., 1903.
3. Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи. Алматы, 1991.
4. ООМА. 6 қор. 10-т., 8418 іс. 62.
5. ООМА 6 қор, 1-т., 8197 іс.
6. ҚР ОМА 369-қор. 1-т., 1970 іс, 40.
7. ООМА 6 қор, 16-т., 8418 іс.
8. Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVIII. Уральская область. СПб., 1904.
10. Живая старина. 1897. № 11.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ «ТРУДОВ» ОРЕНБУРГСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Удербаетова С.К.

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

Особое место в ряду научных и краеведческих обществ, действовавших на территории Казахстана, занимает Оренбургская ученая архивная комиссия (далее ОУАК). В конце XIX – начале XX вв. Оренбург являлся одним из крупных центров научного изучения Казахстана. Оренбургская ученая архивная комиссия – одна из тридцати девяти Губернских ученых архивных комиссий России (далее ГУАК) – была создана инициативной группой по рекомендации Санкт-Петербургского археологического института в декабре 1887 г. по Положению Комитета министров «Об учреждении ученых архивных комиссии и исторических архивов», утвержденном 13 апреля 1884 г.

Комиссия действовала до 1917 г., имела свой печатный орган «Труды»; с 1889 по 1917 гг. было издано 35 выпусков «Трудов». Они представляют собой чрезвычайно интересный исторический источник, содержащий разнообразный материал по истории и культуре Казахстана с древнейших времен до начала XX в. В них помещено значительное количество исследований и статей не только по истории Казахстана, но и Башкортостана, Средней Азии, Оренбургского края, Оренбургского казачества. Имеется ряд описей архивов Комиссии, отчеты о деятельности и протоколы ее заседаний.

История Арало-Каспийского региона также нашла отражение в исследованиях, опубликованных в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии.

Так, в XVI-м выпуске «Трудов» ОУАК было опубликовано исследование действительного члена И.С. Шукшинцева «О железной дороге между Каспийским и Аральскими морями» [1]. Источниковедческому анализу исследования И.С. Шукшинцева была посвящена наша статья, опубликованная в «Вестнике КазНУ» [2].

В сноске на название работы И.С. Шукшинцев указал, что при написании статьи основывался на деле архива ОУАК «По предположению об устройстве железной дороги через Усть-Урт между Каспийским и Аральским морями. Начато 28 июля 1856 г., кончено 20 января 1857 г. На 44 листах» [1, с. 148]. В работе представлены материалы переписки главноуправляющего Особенной канцелярией К.В. Чевкина с графом В.А. Перовским, касающиеся предполагаемого строительства железной дороги между Каспийским и Аральским морями. Как сообщает И.С. Шукшинцев, 28 июля 1856 г. К.И. Чевкин пишет Перовскому о записке, переданной ему императором, с предположением об устройстве железной дороги между морями, а также о том, что император велел ему обсудить это предположение с Перовским, когда тот приедет в Москву. Далее Шукшинцев приводит текст этой записки, с указанием, что автор ее неизвестен.

В работе перечисляются существующие караванные пути от р. Урала до восточного берега Каспийского моря в Хиву на плоскости Устюрт. Первый караванный путь из Оренбурга на Шошколак, который разделяется на 2 тракта, проложенных через восточную часть Устюрта и соединяющихся на берегах Аральского моря в Акбулаке (в 400 верст). Второй караванный путь от нижней части р. Урала, то есть от Гурьева, пересекает Устюрт по диагонали с северо-запада на юго-восток; на этот путь выходит другой от бывшего Ново-Александровского укрепления. Третий караванный путь из Мангышлака в Хиву проходит только через самую южную оконечность Устюрта [1, с. 154].

Далее И.С. Шукшинцев помещает в своей работе Приложения к вышеуказанной записке. В II, III, IV, V, VI пунктах приложений представлены подробные топографические материалы по плато Устюрт на основе материалов экспедиций и описаний караванных путей. В IV пункте особенно подробно описаны все имеющиеся родники и копани на пространстве между Жидели и урочищем Каратамак на основе статистического описания, составленного прапорщиком Корпуса топографов Алексеевым и топографического и расспросного пути 1825–1826 гг. экспедиции полковника Ф.Ф. Берга [1, с. 156–158.]

В VII пункте Приложений со ссылкой на записки полковника Генерального штаба М. Иванина дана краткая описательная характеристика казахов, их социально-экономического положения в описываемый период и наиболее выгодной стратегии поведения по отношению к ним.

Далее следует XIII пункт Приложений, в котором перечислены материалы, послужившие основанием для составления записки и хранящиеся в военном министерстве:

- 1) Департамента Генерального штаба 1840 г. дела №№ 61 и 62.
- 3) Дела №№ 49, 862 под заглавием «Ханство Хивинское».
- 4) Описание Аральского моря капитана Генерального штаба капитана Макшеева.
- 5) Топографическое описание северной части Устюрта подпоручика корпуса топографов Алексеева [1, с. 160].

Ниже И.С. Шукшинцев приводит текст представления Кавказского наместника генерал-адъютанта князя А.И. Барятинского по той же проблеме, который 1 января 1857 г. К.В. Чевкин препроводил графу Перовскому. В представлении А.И. Барятинский ходатайствует о будущей экспедиции для исследования региона, с подробной выкладкой необходимых действий [1, с. 160–163].

На первую записку о строительстве железной дороги через Устюрт граф Перовский 2 января 1857 г. представил К.В. Чевкину свои замечания, которые И.С. Шукшинцев выписал дословно и поместил в своем очерке. Относительно проекта князя А.И. Барятинского Перовский пишет, что обстановка в степи не благоприятствует отправке экспедиций, а кандидатуру полковника Иванова как руководителя считает сомнительной.

В заключение своей публикации И.С. Шукшинцев пишет: «Обстоятельные, основанные на долголетнем личном знакомстве с краем и характером его обитателей, замечания графа Перовского, произвели надлежащее действие: предположение о постройке ж/д. через пустынный Усть-Урт, подобно многим кабинетным проектам, потерпело фиаско, и до ныне Усть-Урт не оглашается свистком паровоза, и любознательный путешественник с трудом пробирается через безводные, почти безлюдные в большей части песчаные местности плоскогорья. Берега заливов обоих морей, где неизвестный автор ж/д. проекта предполагал устроить пристани, заросли таким густым и высоким камышом, что в нем свободно зимуют киргизы со своими кибитками и стадами, вырубая камыш на топливо и укрываясь в нем как в лесу от бурь и непогод, приносимых свирепствующими там, как справедливо указывал В.А. Перовский, северовосточными ветрами» [1, с. 175].

В XIX-м выпуске «Трудов» ОУАК опубликована статья известного востоковеда В.В. Григорьева «Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости» [3].

В.В. Григорьев оценивает анализируемое им «Описание» как первый по времени опыт систематического описания Хивинского ханства на русском языке, так как на последней странице рукописи указана дата – 1803

год. Также по предположению востоковеда это описание было составлено П.Е. Величко, в 1803 г. являвшегося директором Оренбургской таможни, или по его распоряжению. На 11-ти страницах заметки В.В. Григорьева из «Трудов» ОУАК представлены подробные маршруты четырех торговых путей из России в Хиву. Первая дорога – из Оренбурга через «киргиз-кайсацкую степь и кочевья каракалпак левее Аральского озера (так указано в источнике); вторая – тот же маршрут, но правее Аральского озера; третий путь – от Мангышлакской пристани Сарташ между Каспийским морем и Аральским озером; четвертый путь с Уральской линии выше городка Гурьева от форпоста Сарайчикового (этот путь обозначен как самый удобный)» [3, с. 184–185]. Далее В.В. Григорьев дает подробное географо-топографическое описание местностей, через которые проходят торговые пути. Стоит особо отметить, что в ссылках к материалам заметки В. Григорьева указаны работы Ф. Базинера, Н. Залесова, В.И. Даля, А. Левшина, К. Ледебура и др. Автор дает интересные описания р. Сагыз, о-ва Барса Кельмес, «Туманных гор» Устюрта, но анализа описания Хивинского ханства в статье не представлено.

В «Трудах» ОУАК опубликовано очень много работ по результатам археологических изысканий членов ОУАК в Актюбинском уезде. Среди них отчеты действительного члена ОУАК И.А. Кастанье о раскопках курганов в Актюбинском уезде [4; 5], совместная публикация председателя ОУАК А.В. Попова и Кастанье, в которой дан обзор археологических раскопок, осуществленных исследователями [1]. Археологической деятельности ОУАК, и материалам по археологии, опубликованных в «Трудах» ОУАК посвящены ряд наших статей [6].

В XVI-м выпуске «Трудов» Оренбургской Ученой Архивной Комиссии был опубликован «Отчет о поездке в Туркестан» Жозефа Антуана Кастанье [7], которого на русский манер называли Иосиф Антонович Кастанье. Он был французом по происхождению, востоковедом, этнографом, археологом, одним из активных деятелей ОУАК. В начале июня 1904 г. Кастанье направился из Оренбурга в Туркестан; результатом этой поездки стал отчет, опубликованный с разрешения членов ОУАК в ее «Трудах». Необходимо отметить, что в «Трудах» публиковались материалы, получившие одобрение к публикации у членов комиссии на регулярных заседаниях. Причем критерии к разрешению публикации тоже различались. В одних случаях значение имела актуальность материала, в других историческая ценность, в следующих рекомендации авторитетных членов ОУАК, академиков. Как правило, с материалами будущих публикаций члены ОУАК выступали на заседаниях комиссии, где и получали рекомендации.

Общий объем отчета 26 страниц, сопровождается десятью фотографиями, авторство которых не указано – вероятно, фотографировал сам Кастанье [см.: 7]. Источниковедческий анализ «Отчета о поездке в Туркестан» Кастанье как источника был произведен нами в публикации материалов международной конференции [см.: 8]. В данной статье хочется подчеркнуть, что этот «Отчет» является интересным источником по истории, археологии, географо-топографическому состоянию Актюбинской области, осуществленным более 100 лет назад, и еще раз согласиться с мнением С. Горшениной, считающей, что отчет по жанру напоминает путевой дневник, в котором описание трудностей пути из Оренбурга в Ташкент соседствовали с перечислением редких памятников, встречавшихся по дороге в «безотрадной степи» и восторгами по поводу Туркестана [9, с. 147].

По маршруту следования ученым был изучен древнейший памятник Балгасын Иргизского уезда Тургайской области; этому памятнику была посвящена другая его работа «Развалины Болгасын и Челкарская степь», опубликованная в XIX выпуске «Трудов» ОУАК, в которой также дается таблица тамг родов Младшего жуза, вырезанных на камнях могил Балгасына и Акчая [10].

Также подробное описание древних памятников старины Казахской степи, в том числе и Арало-Каспийского региона, дано Ж.-А. Кастанье в его работе «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», изданной отдельным выпуском «Трудов» ОУАК в 1910 г. [11]. Большая часть публикаций Ж.-А. Кастанье, ставшие в настоящее время, как и сами «Труды» ОУАК библиографической редкостью, были изданы благодаря деятельности ОУАК. Именно его исследование «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» в 2007 г. было переиздано в серии «Казахстанские востоковедные исследования» и оценено в краткой аннотации от издательства как бесценное собрание древностей и их описание [12].

В рамках одной статьи, безусловно, невозможно осветить все множество материалов по истории, археологии, этнографии Арало-Каспийского региона, которые нашли отражение на страницах «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии, выше была рассмотрена только часть исследований. Но это только подтверждает ценность материалов «Трудов» ОУАК. В этой связи углубленное изучение новых источников по истории Казахстана, содержащихся в «Трудах» ОУАК, вызывает большой исследовательский интерес.

Можно заключить, что «Труды» ОУАК являются составной частью целого комплекса оригинальных исторических источников по истории Казахстана, содержащих ценный материал, который трудно получить

из других «анналов». Общая ценность «Трудов» как исторического источника заключается, прежде всего, в широкой информативности и достаточно высокой степени достоверности материалов. На наш взгляд, большую часть материалов «Трудов» ОУАК необходимо включить в активную источниковую базу по многим аспектам истории Казахстана: событийно-политической истории, в области этнографии, археологии, в том числе и Арало-Каспийского региона.

Литература

1. Труды ОУАК. Вып. XVI. Оренбург, 1906.
2. Удербаета С.К. Источниковедческий анализ исследования И.С. Шукшинцева «О железной дороге между Каспийским и Аральским морем» из «Трудов» ОУАК // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия историческая. № 2 (49). 2008.
3. Труды ОУАК. Вып. XIX. Оренбург, 1908.
4. Труды ОУАК. Вып. XIX. Оренбург, 1908.
5. Труды ОУАК. Вып. XIV. Оренбург, 1905.
6. Удербаета С.К. Археологическая деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии // Материалы международной научно-практической конференции «III Оразбаевские чтения» по теме «Казахстанская археология и этнология: современные достижения и инновационные технологии». Алматы, 2011.
7. Кастанье И.А. Отчет о поездке в Туркестан // Труды ОУАК. Вып. XVI. Оренбург, 1906.
8. Удербаета С.К. «Отчет о поездке в Туркестан» Жозефа Антуана Кастанье из «Трудов» Оренбургской ученой архивной комиссии как исторический источник // Материалы международной научной конференции Международные Бекмахановские чтения: «Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы». Алматы, 2010.
9. Горшенина С. Странный археолог Кастанье // Звезда Востока. Ташкент. 1996. № 3.
10. Кастанье И.А. Развалины Болгасын и Челкарская степь // Труды ОУАК. Вып. XIX. Оренбург, 1908.
11. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК. Вып. XXII. Оренбург, 1910.
12. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы, 2007.

АЛАНЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Цуциев А.А.

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ

В 118-й главе китайской династийной хроники «Хоу Хань шу» содержится небольшое, но чрезвычайно интересное сообщение: «Владение Яньцай переименовалось в Аланья; состоит в зависимости от Кангюя ... Обыкновения и одеяние народа сходны с кангюйскими» [1, с. 229]. Известное из более ранних китайских источников «Ши цзи» и «Цянь Хань шу» приаральское кочевое государство Яньцай, как следует из приведенной цитаты, пережило два важных события – смену названия и утерю независимости, суверенитета. Вероятнее всего, оба эти события можно отнести к самому началу правления Младшей Ханьской династии, к промежутку до середины I в. н. э. Новое название владения *Аланья* (правильнее – *Аланьна*) без сомнения нужно понимать как «государство алан», «Алания». Фактически это одно из наиболее ранних упоминаний алан в письменных источниках.

Можно предположить следующую интерпретацию событий. Изначально центральноазиатские аланы входили в состав кочевого политического объединения, известного как Кангюй. Во второй четверти I в. н. э. это владение подчиняет себе северо-западного соседа – владение Яньцай, этническую основу которого составляли, по нашему мнению, массагеты низовьев Сырдарьи [2]. Результатом кангюйской экспансии стало «переименование» Яньцай в Аланья. Новое название владения, возможно, как раз и говорит о том, что непосредственными исполнителями захватнической акции были населявшие Кангюй аланы.

В те же годы стремительно усиливает позиции, подчиняя себе практически весь Западный край, Согюй – первоначально небольшое княжество с невыясненным этническим происхождением, располагавшееся юго-восточнее Давани (Ферганы). «Хоу Хань шу» сообщает, что в 29 г. н. э. согюйскому владетелю Кану подчинились все 55 государств Западного края [1, с. 230]. К концу 40-х гг. этой печальной участи не избежала и Давань, пытавшаяся было уменьшить дань, выплачивавшуюся Согюю [1, с. 232]. В начале 50-х гг. н.э. правитель Согюя

Сянь совершает поход на «князя сырдарьинских саков» и смещает его, а затем возводит своих ставленников на престол в Кангюе и Давани [3, с. 257]. Источники, к сожалению, не предоставляют более подробной информации о данных событиях, но можно предположить, что в результате военного конфликта с Согоем старая кангюйская знать (определенную часть которой, возможно значительную, составляли аланы) была вынуждена спасаться бегством на запад, увлекая с собой какую-то часть «кангюйских» и «яньцайских» алан.

Если факт появления алан в Европе действительно связан с политическими и этномиграционными процессами, корни которых уходят в Центральную Азию, то временем их появления можно считать 2-ю половину 50-х гг. н. э. Мы имеем в виду крупную, значительную миграцию, не исключая возможности проникновения отдельных группировок алан в Предкавказье и южнорусские степи и в более раннее время.

С такой датой хорошо соотносится и появление со 2-й половины I в. н. э. исключительно богатых подкурганых погребений на Нижнем Дону, которые имеют ряд отчетливых аналогий в захоронениях предшествующего времени в Тиллятепе (Бактрия). К этой группе памятников относятся хорошо известные курганы кочевой знати: Хохлач; Садовый; Кобяково, кург.10; Валовый-I; Дачи; Высочино-I; Высочино-VII; Тузлуки и ряд др. Мнение об аланской принадлежности названных памятников впервые высказано в конце 70-х гг. прошлого века Б.А. Раевым; основано оно на их уточненной датировке, ранняя дата которой совпала со временем появления алан в степях к северо-востоку от Черного моря [4, с. 116]. Тот же автор отметил, что материальная культура, представленная в курганах знати конца I–III вв. н. э. появилась в Причерноморье в уже сложившемся виде, причем многие ее отличительные черты не имеют исходных форм в сарматских памятниках юга Восточной Европы [4, с. 116].

Нижнедонские курганы имеют ближайшие отчетливые аналогии в погребениях предшествующего времени в Тиллятепе, более древние параллели уводят нас еще дальше на восток. Центральноазиатские элементы в культуре кочевой знати устья Дона и прилегающих районов подробно описаны в специально посвященной данному вопросу работе С.А. Яценко [5].

В конце I–II вв. н. э., судя по некоторым сообщениям китайских династийных хроник и археологическим материалам, происходит целый ряд этнических перемещений, вызванных переселением в Кангюй северных хунну и возвышением Кушанского царства. Среди наиболее крупных, хорошо фиксируемых миграций был сдвиг кочевого населения из районов Бухары и Ферганы к Хорезмскому оазису, низовьям Амударьи и далее на Нижнюю Волгу и Южный Урал. Такое предположение подтверждается, в частности, прекращением существования ряда могильников Северной Бактрии – Аруктауского, Тулхарского, Коккумского, что отмечено М.Г. Мошковой [6, с. 22]. Значительное сходство позднесарматских памятников Северного Прикаспия и подбойно-катакомбных погребений Амударьи, Ферганы и Бухары, отмечаемое рядом археологов и антропологов, свидетельствует, что важным итогом этой миграции стало участие центральноазиатских кочевников в формировании позднесарматской культуры.

Другая миграционная волна, впрочем, также направленная на северо-запад, фиксируется на Сырдарье. Как установлено Л.М. Левиной, до III в. н. э. в материалах джетыясарской культуры (население области Яньцай–Аланья связывается именно с этой археологической культурой) отмечается широкое распространение форм и элементов, характерных для среднесырдарьинских культур. При этом обратные влияния джетыясарцев на население Средней Сырдарьи (отрарско-каратауская и каунчинская культуры) ограничены единичными находками [7, с. 173]. Вероятно, под давлением кушан и хунну происходил отток населения из Кангюя в область Аланья. Вообще, II в. н. э. стал временем ослабления Кангюя, началом дробления его на мелкие княжества и утраты зависимых владений.

Здесь же необходимо отметить наличие связей джетыясарской культуры с западными районами. В.Н. Ягодин, исследовавший крупный курганный могильник Дуана на Юго-Восточном Устюрте сделал вывод о наличии «вполне очевидных аналогий» между рядом курганов II–IV вв. названного могильника и сармато-аланскими погребениями Нижнего Поволжья, а также некоторыми курганами джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи [8, с. 194–195].

Не исключено, что именно эти передвижения кочевников лежат в основе некоторых процессов, происходивших на Кавказе и в Северном Причерноморье – появление здесь целого ряда новых иранских имен, новых деталей костюма и, наконец, нового этнического элемента, вероятно, азиатских массагетов, основавших «царство маскутов» в Приморском Дагестане с культурой, весьма близкой культуре алан.

Если верно высказанное нами мнение о тождестве Яньцай и массагетов, и о захвате власти в Яньцай кангюйскими аланами, то можно предположить участие яньцайских алан-массагетов в миграционных процессах II в. В таком случае тождество алан и массагетов, фиксируемое древними авторами, приобретает дополнительный смысл.

Можно сказать, что в исследуемый период области активного кочевания алан включали Восточный Прикаспий, Устюрт, территории, граничащие с Хорезмом. Не покинули аланы в III в. н. э. и Юго-Восточное Приаралье. Во всяком случае, в 30-й главе китайской хроники «Вэй Люэ» сообщается о владении Алань или Яньцай, которое «прежде принадлежало Кангюю, но теперь уже нет», население которого выращивает знаменитых соболей [9, с. 99].

Однако к концу III в. н. э. картина меняется. Активизация хунну приводит в движение кочевников Кангюя. Население Средней Сырдарьи (могильники Шаушукум, Актобе, Жаман-тогай) сдвигается в район Бухары (Кызылтепинский могильник), что видно на материалах и хронологии катакомб кенкольского типа [10, с. 58–59]. Давление на Кангюю осуществлялось не только с востока, но и с севера. К концу III в. н. э. значительно сокращается число среднесырдарьинских элементов в материалах джетыясарской культуры и в то же время в памятниках среднесырдарьинских культур (особенно каунчинской) появляются многочисленные джетыясарские формы и элементы. Особенно наглядно это видно по распространению типичной джетыясарской керамики [7, с. 174]. Возможным объяснением этих явлений, по мнению Л.М. Левиной, может служить движение значительной массы джетыясарского населения вверх по Сырдарье [7, с. 174]. Часть джетыясарцев достигает Западной Ферганы на юго-востоке и района Бухары на юго-западе [11, с. 96].

Нам представляется вероятным, что в миграции на юг кангюйцев и жителей области Алань (если считать таковыми носителей джетыясарской культуры) приняли участие и азиатские аланы. Археологи утверждают, что часть мигрантов с Нижней и Средней Сырдарьи достигла района Бухары, а китайские источники сообщают нам, что столица владения Ань (Бухара) до середины VII в. н. э. называлась Аланьми или Алань. Об этом, в частности, упоминает Оуян Сю в 221 главе «Синь Тан шу» [12, с. 77]. На сходство ряда памятников Бухарской области с археологическими материалами сарматов неоднократно обращал внимание О.В. Обельченко [см., напр. 13].

Вернемся к появлению в Арало-Каспийском регионе хунну. Продвижение их происходит в последней четверти III в. н. э. предположительно с севера или северо-востока. Первым на пути хунну оказалось население Нижней Сырдарьи, области Алань. Л.М. Левина неоднократно отмечала, что в конце III–IV вв. н. э. в огне военных столкновений гибнут многие джетыясарские городища [14, с. 77; 15, с. 151], другие остаются покинутыми, а в материальной культуре джетыясарцев появляются элементы, имеющие прямые аналогии в гуннских памятниках Тувы и Западной Монголии [11, с. 96].

Покорив Центральную Азию, хунну продолжили свое движение на запад. Некоторые археологические параллели в культуре джетыясарцев и северокавказских алан, фиксируемые с IV в. н. э. (антропоморфные фигурки-амулеты, серьги т.н. салтовского типа, отдельные типы бус и т.д.), позволяют утверждать, что в продвижении хунну на запад участвовали и азиатские аланы.

Оставшиеся в Арало-Каспийском регионе аланы с середины I тыс. н. э. были втянуты в процесс тюркизации. В низовьях Сырдарьи возникает гуннско-аланско-массагетское государство кидаритов со смешанной культурой [16, с. 100]; аланское население Хорезма, по свидетельству ал-Бируни, говорит на языке «смешанном из хорезмийского и печенежского» [цит. по: 17, с. 194].

Скудность письменных источников и недостаточное количество археологических материалов пока не позволяют нам детально восстановить сам процесс ассимиляции среднеазиатских алан и установить время завершения этого процесса. Утратив свой язык и этническую самостоятельность, азиатские аланы, тем не менее, внесли существенный вклад в этногенез народов Арало-Каспийского региона, в формирование многих элементов их культуры, как материальной, так и духовной.

Литература

1. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950.
2. Цуциев А.А. Яньцай: локализация и этническая принадлежность. К проблеме ранних алан // История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. Алматы, 2001.
3. Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI в. н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988.
4. Раев Б.А. Аланы в евразийских степях: Восток–Запад // Скифия и Боспор: Археологические материалы к конференции памяти акад. М.И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989.
5. Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петербургский археологический вестник. 1993. № 3.
6. Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II–IV вв. н. э. // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. Междунар. конф., 13–16 сент. 1994 г. Волгоград, 1994.

7. Левина Л.М. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
8. Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
9. Shiratori K. A Study on Su-te, or Sogdiana // Memoires of the Research Department of Toyo Bunko (Oriental Library). Tokyo. 1928. № 2.
10. Заднепровский Ю.А. Юго-восточная экспансия сарматов: pro и contra // Проблемы истории и культуры сарматов: Тез. докл. Междунар. конф., 13–16 сент. 1994 г. Волгоград, 1994.
11. Андрианов Б.В., Левина Л.М. Некоторые вопросы исторической этнографии восточного Приаралья в I тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
12. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
13. Обельченко О.В. Культура античного Согда: по археологическим данным VII в. до н. э. – VII в. н. э. М., 1992.
14. Левина Л.М. Памятники джетысарской культуры в свете этнической истории Средней Азии (середина I тыс. до н. э. – VIII–IX вв. н. э.) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Тез. докл. всесоюзной конф. (20–23 мая 1988 г.). М., 1988.
15. Левина Л.М. Некоторые итоги исследований Джетысарского отряда ХАЭЭ в Восточном Приаралье // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). Часть I. М., 1992.
16. Жданко Т.А., 1950. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменной состав и расселение в XIX – начале XX века. М.–Л., 1950.
17. Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. №1.

ЕЩЕ РАЗ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ГОРОДА ИТИЛЬ – СТОЛИЦЫ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Эльдаров Э.М.

*Лаборатория геоинформационных систем Прикаспия Дагестанского
государственного университета, Махачкала*

Морские археологи доказали, что примерно в XI–XIII вв. н.э. абсолютная отметка зеркала Каспийского моря колебалась в пределах 30–32 м ниже уровня мирового океана. В тот исторический период уровень каспийских вод примерно на 3–5 м был ниже нынешнего. Именно на этой глубине в настоящее время покоятся развалины сооружений каравансарая в Бакинской бухте и фундамент крепостных стен древнего Дербента. А еще раньше, примерно в V в. н. э., уровень Каспия находился на предельно низкой для последнего тысячелетия абсолютной отметке минус 34 м (рис. 1).

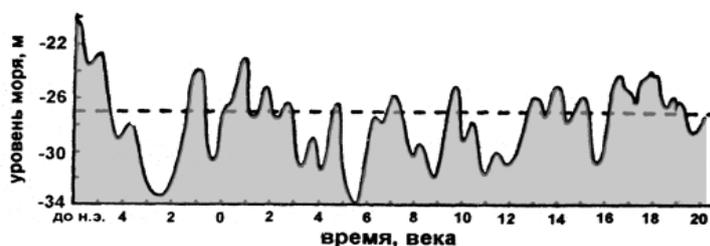

Рис. 1. Вековая динамика уровня Каспийского моря (по: [1])

Теперь обратимся к следующему очень интересному и до сих пор не разгаданному вопросу истории: в каком месте каспийского побережья находился город Итиль – одна из последних столиц Хазарской империи? Исчезновение этого города многие ученые связывают не с военными погромами, а с поднятием уровня Каспийского моря [3]. Есть точка зрения, согласно которой Итиль находился в дельте Волги и в конечном

счете был затоплен водами этой реки [1].

В знаменитом письме хазарского императора (кагана) Иосифа к испанскому сановнику Хасдаю ибн Шафруту отмечается: «Страна наша не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых много рыбы. Есть в ней много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и

парков. Все они орошаются из рек. Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова» [4].

При определении местоположения Итиля историки традиционно делают упор на сведения о направлении и длительности пути до него от г. Дербента. И эти сведения говорят о том, что столица Хазарии в период с XI по XIII века, т.е. в преддверии своего затопления располагалась в прибрежной полосе северо-западной части Каспия где-то в районе волжской дельты. О расположении города вблизи устья р. Волги, в частности, говорит само его название: Итиль – это древнее название Волги. Именно поэтому многие российские археологи убеждены, что соответствующие артефакты нужно искать где-то в районе г. Астрахань.

Однако трудно оспаривать и доводы дагестанского историка, профессора ДГУ Мурада Магомедова, заявляющего о том, что с учетом достаточно достоверных сведений арабских путешественников месторасположение Итиля было южнее волжской дельты [4]. Этой точкой на карте, по мнению учёного, является нынешний остров Чистая Банка, что в прибрежье Калмыкии. Дагестанский историк исходит из следующего соображения: по арабским источникам, путь от Дербента до Семендера (район Махачкалы) составлял 4 дня, а от Семендера до Итиля – 7—8 дней. И если провести прямую линию на север от Махачкалы, равную двум путям до него от Дербента, то как раз и получается прибрежная акватория Калмыкии.

Но дело в том, что очень маловероятно, что приморский пешеходный тракт в районе нынешнего Северного Дагестана мог напрямую пересекать приустьевую часть дельты Терека. Последняя и сейчас представляет исключительно сложно проходимое пространство, если, конечно, не принимать во внимание современные мосты из металлических конструкций, которых в средние века не было. Исстари переход через Терек к северу от Дагестана осуществлялся на участках с относительно стабильным руслом (нынешняя граница с Чеченской республикой до г. Кизляра). Если же рассчитывать путь до Итиля, составляющий по историческим данным примерно 210 км, с учетом этого изгиба возможной трассы следования, то как раз и получится точка в районе нынешнего острова Тюлений.

Рис. 2. Предполагаемый путь от Дербента (Баб эль Абваб) до острова, на котором, возможно, в период XI—XIII вв. располагался город Итиль

Далее предлагаем читателю фрагмент карты из немецкого атласа конца XIX в., на которой отражена политико-географическая ситуация в регионе в X в.. На карте мы пунктирной линией отметили возможную трассу пути от Дербента через Семендер до острова Тюлений (рис. 2). Заметим, что береговая линия Каспийского моря на данной карте соответствует той, которая имела место в период составления атласа, т.е. в конце XIX в. Как мы уже отмечали, береговая линия северной мелководной части Каспия в период существования Итиля была значительно более удаленной в сторону моря по сравнению с современным урезом его вод.

Теперь сделаем упор на второе, чисто географическое обоснование нашей гипотезы, рассматривая данный вопрос с учетом вдольбереговых литодинамических, т.е. связанных с образованием рельефа прибрежной зоны процессов. Ясно, что северная столица Хазарии не могла располагаться на каком-

Рис. 3. Современное расположение островов Тюлений и Чечень в прибрежье Северного Дагестана

нибудь мелком острове, каковых в северном мелководном Каспии множество. Как следует из вышеприведенного письма хазарского кагана, это должен был быть достаточно крупный остров, где могли создаваться «поля, виноградники, сады и парки». Острова таких размеров в этой части Каспийского моря существуют сейчас и могли существовать в те исторические времена лишь в приустьевых зонах двух рек: Волги и Терека. Например, таковыми в районе дельты Волги сейчас выступают острова Зюдев и Коневский, а у теречной дельты – о. Чечень. Важно отметить, что на таких крупных островах, в отличие от мелких, нет проблем с питьевой водой: грунтовые воды в их пределах являются пресными.

Сейчас, при нынешней конфигурации береговой полосы, пожалуй, лучшим, с точки зрения, с одной стороны, своей

укрытости (вдали от трасс движения многочисленных масс завоевателей), а с другой – доступности с суши местом для возведения столицы крупной империи кочевников мог бы послужить остров Чечень (рис.3). Но дело в том, что в рассматриваемый период истории (XI–XIII вв.) этот остров, вполне вероятно, и не существовал вообще. Основные дельто- и устьеобразовательные процессы на Тереке в то историческое время происходили севернее – в районе примерно нынешнего Крайновского взморья, но гораздо удаленнее в море из-за низкого стояния водной глади Каспия. А богатые рыбой протоки Терека в период правления хазарского кагана Иосифа пробегали по пологому береговому склону нынешней акватории Каспия к северо-востоку от территории Северного Дагестана.

В принципе, современные науч-ные представления о лито- и гидродинамике дельтообразовательных процессов дают повод ретроспективно предполагать воз-можность расположения похожей на нынешний остров Чечень оконеч-ности приустьевой косы Терека в районе современного острова Тюлений.

Теперь обратимся к другому вопросу из области уже береговой геоморфологии: в результате каких явлений и процессов после солидного повышения уровня Каспия, наблюдавшегося в XIII в. (более чем на 4 метра) смог сохраниться остров Тюлений? Не способствовали ли накоплению масс донных отложений в этом месте какие-нибудь остовы древних каменных сооружений? Мы знаем, что выросший на острове куст тамариска примерно за 2-3 года превращается в песчаный бугор. Но не сохранился ли подобным образом и сам остров из выросшего когда-то на берегу Каспия городского поселения с крепкими каменными сооружениями, которые через века и послужили ловушкой для постоянно находящихся в движении глубинных песчано-ракушечных масс?

Провести бы на острове Тюлений археологические раскопки на глубине тех самых 3-5 метров, на которые за последнее тысячелетие повысился уровень Каспия. Но прежде следовало бы осуществить электронное сканирование верхней толщи земли и морского дна вокруг острова, что сейчас сделать под силу дагестанским ученым. Вдруг луч геологического сканера, а затем и лопата археолога наткнутся на каменную кладку древней крепости или культового сооружения!?

В любом случае это будет движение к разгадке вопроса, который уже многие годы волнует ученых: в каком месте на Прикаспийской низменности находилась одна из последних столиц степной империи хазаров г. Итиль.

Литература и источники

1. В астраханском городище признали столицу Хазарского каганата. См: (<http://lenta.ru/news/2008/09/02/itil/>)
2. Водные ресурсы Дагестана: состояние и проблемы / Отв. ред. И. М Сайпулаев., Э.М. Эльдаров. Махачкала, 1996.
3. Гумилев Л.Н. История колебания уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XVI в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
4. Магомедов М.Г. Каспийская Атлантида. Махачкала, 2004.

АРХЕОЛОГИЯ

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МАНГЫШЛАК И УЗЕНЬ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Абдыканова А.К.

Американский университет в Центральной Азии, Бишкек

Преобладающее большинство палеолитических памятников Казахстана к настоящему времени представлено подъемными материалами. Археологические памятники подобного рода были объединены под общим понятием «памятники с поверхностным, культурным горизонтом» или «с поверхностным залеганием артефактов». В отличие от культурного слоя, поверхностные культурные горизонты включают в себя разновременные скопления артефактов, отделенные друг от друга десятками, а то и сотнями тысячелетий [1, с. 10].

На территории полуострова Мангышлак в результате исследовательских работ 1998–99 гг. обнаружено 23 местонахождения с поверхностным залеганием артефактов, расположенных в районе впадины, отделяющей плато Мангышлак от плато Устюрт, западных уступов плато Устюрт, песков Бостанкум, уступе Куланды и территории в районе соленого озера Карашек (рис. 1). Коллекция представлена выборочными сборами с пунктов Мангышлак 1–7, 9–14, полученных в результате исследований 1998 г. и пунктов Узень 11, 12, 15, 15а, 16–21, 23 и 25, обнаруженных в 1999 г. [2, с. 42]. Общая численность артефактов составила 1549 экз. Местонахождения приурочены к выходам кремнистых пород, которые были обильным источником сырья для производства древних орудий и расположены на различных высотных отметках. В качестве сырья, пригодного для изготовления артефактов, использовались в основном кремнистые породы различных оттенков серого и коричневого цвета. На основе физического состояния поверхности артефактов, наряду с их морфологическими характеристиками были выделены четыре различные хронологические группы внутри материала: сильнодефлированная, среднедефлированная, слабодефлированная и недефлированная (рис. 2–5).

Общее количество сильнодефлированных артефактов в коллекции насчитывает 63 экз. (4,1 %), выделенных в археологическом материале с пунктов 11, 16 и 20. Комплекс сильнодефлированных изделий представлен нуклеидными изделиями (19 экз.), индустрией сколов (43 экз.) и сколом десквамации со следами вторичной обработки. Нуклеидные изделия: материал со следами апробации (5 экз.), леваллуазские нуклеусы (2 экз.) и нуклеидные обломки крупных размеров (12 экз.). Нуклеусы характеризуются одним крупным снятием, захватывающим почти всю фронтальную плоскость нуклеуса. При визуальном осмотре предварительная подготовка изделий минимальна или полностью отсутствует. Анализ нуклеидных изделий указывает на преобладание крупных форм, служащих для получения массивных сколов крупных и средних размеров. Индустрия сколов, представлена первичным отщепом, отщепами (23 экз.), обломками (19 экз.). Определимые ударные площадки гладкие (6 экз.). Все категории характеризуются крупными размерами. Орудия насчитывают 10 экз.: отбойник, скребла (2 экз.), зубчато-выемчатые орудия (2 экз.), выемчатые изделия (3 экз.), орудие с «носиком», обломок с ретушью. В качестве исходных заготовок использовались сколы крупных размеров. Преобразование исходных заготовок в орудия осуществлялось при помощи ретуши и выемчатого снятия. В некоторых случаях из-за сильной степени дефляции довольно сложно определить характер вторичной обработки. Ретушная отделка характеризуется как крутая и полукрутая, однорядная и чешуйчатая, крупнофасеточная. Выемчатыми снятиями оформлялись выемчатые и зубчато-выемчатые орудия.

В целом, техника расщепления камня главным образом направлена на получение отщепов. Примечательны нуклеусы, с негативами единичного крупного снятия, охватывающих практически всю плоскость скалывания, что может рассматриваться как проявление леваллуазских традиций в технологии расщепления. Все представленные сколы исключительно крупных размеров.

На данный момент раннепалеолитические памятники Казахстана принято делить на три индустриальные основы: галечную, леваллуа-ашельскую и микроиндустриальную. Для данного региона А.Г.Медоевым выделена культура леваллуа-ашель I, для которой характерны классические формы бифасиальных изделий (лиманд, копьевидный бифас) [3, с. 75]. Тем не менее, при сравнении сильнодефлированный комплекс

Мангышлака не обнаруживает прямых аналогий с комплексами близлежащих раннепалеолитических индустрий. Вопрос датировки технокомплекса на данном этапе его изученности остается открытым.

Коллекция артефактов средней степени дефляции насчитывает 99 артефактов (16,4%), из них нуклеидные изделия (3 экз.), индустрия сколов (94 экз.) и сколы десквамации со следами вторичной обработки (2 экз.). Нуклеидные изделия представлены фрагментированным одноплощадочным монофронтальным нуклеусом продольной ориентации скальвания и нуклеидными обломками (2 экз.). Индустрия сколов представлена первичным массивным укороченным крупным отщепом, отщепами (52 экз.), фрагментом технического скола поперечной подправки нуклеуса, пластиной и обломками (39 экз.). Орудия – 46 экз. (47,5%). Орудия в основном оформлены на сколах и обломках крупного, реже среднего размера. Присутствуют также выемчатые изделия (4 экз.), шиповидные орудия (2 экз.), орудия с «носиком» (2 экз.), нож с ретушированным лезвием, пластина с ретушью, отщепы с ретушью (23 экз.) и обломки с ретушью (7 экз.). В качестве основного приема оформления орудий использовалась крутая, полукрутая, крупно- и среднефасеточная чешуйчатая, как правило, односторонняя, реже двухсторонняя и попеременная ретушь. Характерно, что рабочие участки крупных изделий подготавливались перед ретушированием края заготовки при помощи крутых и полукрутых снятий различного размера.

Среднедефлированный комплекс коллекции рассматривается в рамках среднего палеолита. В каменной индустрии значительно преобладают крупные сколы, однако намечается тенденция к небольшому уменьшению размеров по сравнению с более ранним комплексом.

Большинство изученных на сегодняшний день палеолитических объектов на территории Казахстана относится к эпохе среднего палеолита, разделяемых на различные фации мустьерских индустрий. Для среднего палеолита Казахстана О.А. Артюхова предлагает следующую хронологическую последовательность мустьерских индустрий Казахстана: ранний этап – леваллуа-мустье; средний – мустье ашельской традиции фации леваллуа, мустье типичное; поздний – мустье ашельской традиции фации нелеваллуа, мустье зубчатое [4, с. 2–3]. В последнее время ряд исследователей приходят к выводу, что формирование и развитие среднепалеолитических комплексов на территории Казахстана происходило на местной автохтонной основе, но на более качественном уровне за счет широкого применения леваллуазских приемов обработки камня [5, с. 49].

Мустьерская эпоха на территории Западного Казахстана представлена палеолитическими комплексами Шахбагата (леваллуа-ашель II, в качестве эквивалента собственно мустье) с характерными уплощенными бифасиально оформленными наконечниками копий и ножами с искусственным обушком, а также относительно небольшой частью коллекций с Онежек V [6, с. 28]. Тем не менее предполагается, что культура леваллуа-ашель II может охватывать также переходную фазу к верхнему палеолиту. По сравнению с археологическими материалами вышеупомянутых местонахождений с комплексом в орудийном наборе мангышлакского комплекса отсутствуют бифасы. Для каменной индустрии среднедефлированного комплекса Мангышлака характерна массивность заготовок, однако относительно сильнодефлированного комплекса гораздо меньшая. Типологическая основа орудийного набора сильно не меняется, в основном представлена скреблами и выемчатыми орудиями.

Например местонахождений Семизбугу и других стоянок на территории Северного Прибалхашья А.Г. Медоевым выделяется мустье ашельской традиции фации леваллуа. Мустьерские комплексы, представленные мустье ашельской традиции фации леваллуа, соответствуют среднему мустье, а мустье ашельской традиции фации нелеваллуа позднему. Коллекции Семизбугу 2, 4, и 10А большей частью представлены в рамках первой фации [3, с. 75]. Однако в отличие от среднедефлированного комплекса Мангышлака среднедефлированные комплексы Семизбугу демонстрируют ярко выраженную леваллуазскую технологию расщепления, а в орудийном наборе отмечается присутствие орудий верхнепалеолитического облика.

По сравнению со среднедефлированной серией местонахождений Кызылтау в Южном Казахстане, соотнесенных с эпохой среднего палеолита, мангышлакский комплекс не представлен достаточным количеством нуклеидных изделий, в то же время типологическую основу орудийного набора комплекса Кызылтау, как и в комплексе Мангышлака составляют скребла, выразительные выемчатые орудия и орудия с «шипом» [7, с. 18].

Каменная индустрия слабодефлированных артефактов составляет 246 экз. (15,9%), среди которых нуклеидные формы (44 экз.), индустрию сколов (192 экз.) и сколы десквамации со следами вторичной обработки (10 экз.). Нуклеидные изделия представлены материалами со следами апробации (11 экз.), нуклеусами одноплощадочными монофронтальными (4 экз.), одноплощадочным бифронтальным,

двухплощадочным монофронтальным, торцовым и нуклеидными обломками (26 экз.). В индустрии сколов представлены первичные отщепы (3 экз.), отщепы (81 экз.), технические сколы (3 экз.), пластины (6 экз.) и обломки (99 экз.). Отщепы по метрическим характеристикам определяются как крупные (43 экз.), средние (32 экз.) и мелкие (6 экз.) Пластины по метрическим характеристикам подразделяются на крупные (4 экз.) и средние (2 экз.). Орудия – 79 экз.: отбойник, бифасы (8 экз.), унифас, скребла (7 экз.), скребки (2 экз.), выемчатые (11 экз.) шиповидные (2 экз.), клювовидные (2 экз.), комбинированные (3 экз.), рубящие (2 экз.), орудие с «носиком», пластины с ретушью (3 экз.), отщепы с ретушью (24 экз.), обломки с ретушью (9 экз.) и сколы десквамации с ретушью (3 экз.). Индустрию слабодефлированного комплекса можно рассматривать в рамках финала среднего – начала верхнего палеолита. По сравнению с предыдущим комплексом отмечается изменение в сторону более качественного технологического уровня. Фиксируется более тщательное оформление нуклеусов, появляются их новые типы, в частности торцовые и призматические формы, уменьшаются размеры заготовок, шире представлены орудия. Техника первичного расщепления представлена параллельным и субпараллельным принципами скальвания, индустрия направлена на получение заготовок в виде отщепов, пластинчатых отщепов, реже пластин. Среди сколов преобладают отщепы, главным образом крупных размеров. Пластинчатые же заготовки также крупных и средних размеров.

Археологические материалы Мангышлака (долина р. Шахбагата, плато Тюбкараган), датируемые эпохой леваллуа-ашель II по А. Г. Медоеву, скорее всего, являются переходной индустрией, сохраняющей основные черты предыдущего комплекса, для которой характерны уплощенные бифасиальные наконечники копий и нож с искусственным обушком [8, с. 45]. Бифасы слабодефлированного комплекса не являются копьевидными. Ряд схожих черт можно проследить в материалах Северного Прибалхашья (местонахождения Семизбугу, стоянки в долинах рек Кызыл-Кайнар и Туранги, у пос. Саяк). Палеолитические комплексы Семизбугу 2, 4 также рассматриваются как переходные, наряду с появлением торцовых, клиновидных, призматических форм продолжает сохраняться леваллуазская традиция первичного расщепления [3, с. 71].

Определенное сходство в первичном расщеплении обнаруживается в слабодефлированных комплексах Кызылтау, которые характеризуются присутствием торцовых и призматических нуклеусов наряду с простыми площадочными нуклеусами и общей направленности индустрии на получение коротких и укороченных отщепов в качестве исходных заготовок [7, с. 21–22].

Ведущее место в первичном расщеплении верхнего слоя стоянки им. Ч. Валиханова также принадлежит призматическим нуклеусам. В орудийном наборе доминируют скребки на пластинах и отщепах, наряду с грубо обработанными скребками присутствуют также миниатюрные скребки с полукруглым тщательно оформленным рабочим лезвием [6, с. 33].

Коллекция недефлированных артефактов насчитывает 1141 экз. (73,7%), из них нуклеидные изделия (223 экз.), индустрия сколов (902 экз.) и сколы десквамации со следами вторичной обработки (16 экз.). Категория первичного расщепления подразделяется на 4 группы: материал со следами апробации (25 экз.), преформы (15 экз.), нуклеусы (101 экз.) и нуклеидные обломки (82 экз.). Преформы представляют собой заготовки одно- и двухплощадочных монофронтальных нуклеусов (7 экз.), а также заготовки для призматических нуклеусов в виде удлиненных трехгранников и четырехгранников (10 экз.). Ударные площадки гладкие, образованы серией снятий. Реберчатые грани оформлены при помощи бифасиальных снятий различного размера, направленных с боковых сторон к центру. Основания в большинстве случаев подправлены одним/двумя сколами. На двух экземплярах наблюдается апробация заготовки в виде единичных сколов различной ориентации с частыми заломами, выявившая их дальнейшую непригодность. Трехгранные и четырехгранные в сечении заготовки рассматриваются как преформы, подготовленные для снятия пластинчатых заготовок. Не исключается возможность их более позднего происхождения по сравнению с основной частью коллекции. Значительную долю среди простых площадочных нуклеусов составляют одноплощадочные монофронтальные поперечного (36 экз.) и продольного (15 экз.) принципа скальвания. Также представлены торцовые (12 экз.), призматические (9 экз.) и подпризматические нуклеусы (5 экз.). С призматических нуклеусов реализовывались преимущественно пластинчатые и микропластинчатые снятия под углом 80–90°, дуга скальвания захватывает примерно 1/2 и более периметра ударной площадки. Изделия отличаются крупными размерами, ядрища в истощенном состоянии встречаются редко. Два торцовых нуклеуса реализованы с использованием отжимной техники расщепления. Индустрия сколов: первичные отщепы (23 экз.), отщепы (613 экз.), пластины (58 экз.), технические сколы (62 экз.), обломки (146 экз.). Орудия представлены 527 экз.: отбойники (4 экз.),

бифасы (36 экз.), скребла (79 экз.), скребки (26 экз.), зубчатое орудие (1 экз.), зубчато-выемчатые (2 экз.), выемчатые (49 экз.), шиповидные (9 экз.), клювовидные (3 экз.), рубящие (5 экз.), клиновидное орудие, резец, комбинированные орудия (7 экз.), оригинальное орудие, отщепы с ретушью (271 экз.), пластины с ретушью (16 экз.), обломки с ретушью (15 экз.) и скол десквамации с ретушью (1 экз.). Основным приемом вторичной обработки изделий является ретушь. Встречаются также оббивка и выемчатое снятие. Техника резцового скола фиксируется в единичном случае. В приемах вторичной обработки заготовок особо отмечается ретушная отделка, характерная для скребковых орудий, используемая при оформлении вогнутых рабочих краев. Изделия были отнесены к категории отщепов с ретушью. Вторичная обработка орудийных форм производится более тщательно, чаще встречаются случаи бифасиальной, параллельной и субпараллельной ретуши.

Недефлированный комплекс коллекции датируется верхнепалеолитическими рамками. Незначительную часть коллекции (часть преформ и среди орудий – оригинальное орудие, и возможно бифасы мелких размеров, характеризующиеся более тщательным оформлением) можно датировать финалом верхнего палеолита. При этом следует отметить, что нет достаточных оснований для строгого разделения археологического материала недефлированного комплекса коллекции. Каменная индустрия комплекса характеризуется параллельной и призматической техникой расщепления, направлена на получение заготовок, главным образом в виде отщепов, реже пластин. Появляются приемы отжимной техники расщепления. Отмечается тенденция к некоторому уменьшению заготовок, сколы имеют более правильный стандартизированный облик. В орудийном наборе также как в предыдущем комплексе доминируют скребла и выемчатые изделия, при этом значительно расширяется типологический список орудий. Увеличивается доля орудий верхнепалеолитического типа. Фиксируется типологическое разнообразие скребков. В значительном количестве представлены бифасы, в основном, средней стадии оформления.

Среди позднепалеолитических местонахождений полуострова Мангышлак известна Шахбагата I, каменная индустрия которого представлена в основном призматическими нуклеусами и сколотыми с них ножевидными пластинами. В серии местонахождений Онежек I–VII, Онежек I датируется поздним палеолитом (комплекс стоянок) и располагается у залива Сарыташ, на поверхности морской террасы и на бортах оврагов у подножия горы Онежек. В коллекции выделены призматические нуклеусы и скребки, изделий со следами вторичной обработки мало, имеются бифасиальные изделия [6, с. 34]. Почти все обнаруженные на данный момент позднепалеолитические стоянки Западного Казахстана характеризуются доминированием призматической и торцовой техник расщепления. Недефлированный комплекс Мангышлака не выходит за рамки представленных региональных памятников. Несмотря на отсутствие самих ножевидных пластин, в комплексе, фиксируются преформы, специально подготовленные для снятия такого рода заготовок.

Материалы недефлированного комплекса Мангышлака также находят аналогии с недефлированной серией Саяка, первичное расщепление которой представлено простыми площадочными, призматическими и торцовыми ядрищами. В мангышлакском комплексе сохраняется преобладание крупных заготовок, но орудийные формы при этом остаются типологически сходными [9, с. 22–23]. Некоторые общие черты фиксируются в недефлированном комплексе местонахождений Кызылтау, который предположительно датируется верхнепалеолитическими рамками. В первичном расщеплении наблюдаются аналогичные приемы утилизации нуклеусов, представленных простыми формами продольной и поперечной ориентировки скальвания, присутствуют также нуклеусы призматической и торцовой техники скальвания. Среди орудий доминируют скребла, в меньшей степени представлены выемчатые формы, орудия с «шипом», скребки [7, с. 21].

Палеолитические комплексы Мангышлака представлены всеми эпохами каменного века: от раннего периода до финала позднего. При изучении археологического материала было выделено четыре (от сильнодефлированного до недефлированного) разновременных комплекса, отличающихся не только по степени сохранности поверхности артефактов, но и различиями в приемах первичного расщепления и типологического облика каменных индустрий. Широкая площадь распространения находок, немногочисленность каменного инвентаря отдельно взятого пункта, преобладание отдельных категорий орудий и связанных с ними отходов производства, малочисленность нуклеидных изделий, наличие доступной сырьевой базы в виде выходов кремня позволяют относить все комплексы местонахождений Мангышлака к мастерским на выходах сырья с элементами стояночного комплекса. На основании технико-типологического анализа индустрии можно утверждать о наличии определенной преемственности в каменных индустриях слабодефлированного и недефлированного комплексов. Малочисленность и невыразительность каменного инвентаря сильнодефлированного и среднедефлированного комплексов, не позволяет безошибочно предполагать о

Рис. 1. Карта Западного Казахстана и схема района исследований

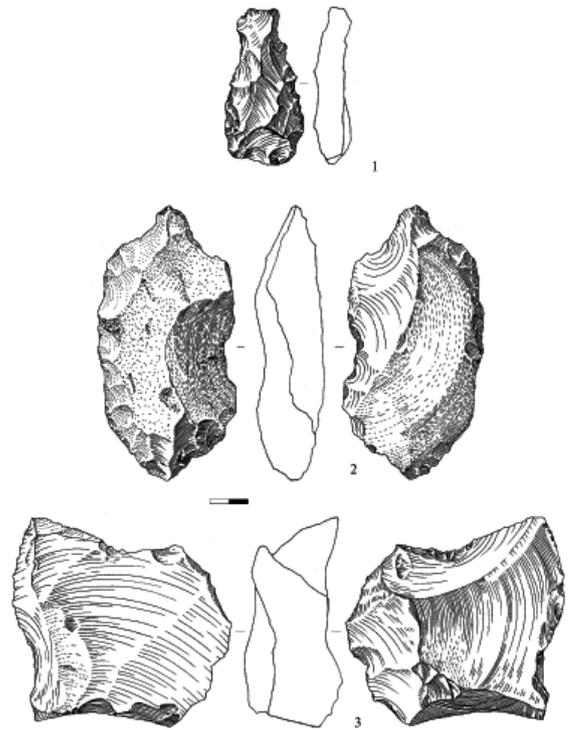

Рис. 2. Мангышлак, пункт 1, слабодефлированные артефакты

существовании единой линии развития в регионе на протяжении длительного хронологического отрезка времени – с раннего до финала позднего палеолита. Однако следует отметить, что на данном этапе изученности местонахождений Мангышлака не имеется достаточных оснований, для строгого разделения сильнодефлированного и среднедефлированного от слабодефлированного и недефлированного комплексов.

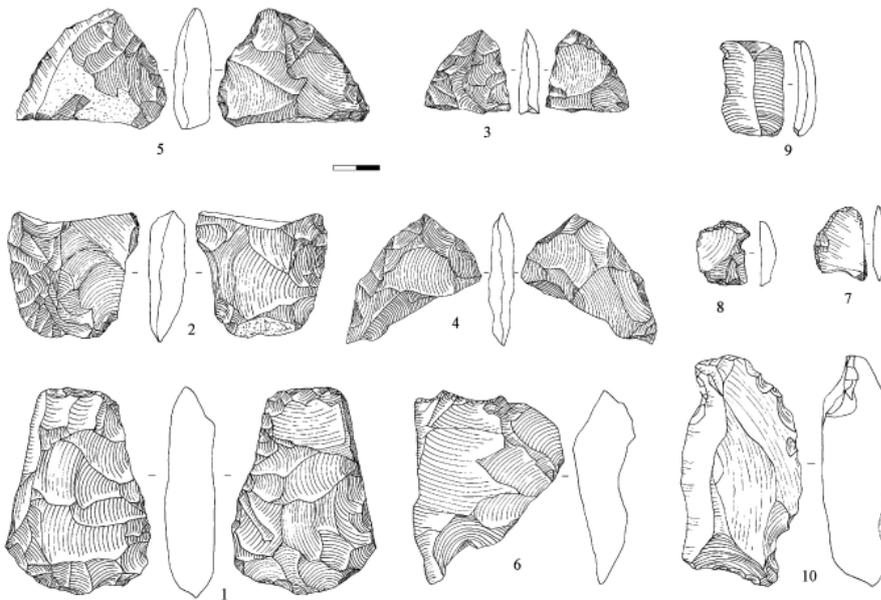

Рис. 4. Узень, пункт 25, слабодефлированные артефакты

Литература

1. Дервянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001.
2. Дервянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Исаков Г.Т. Исследования памятников эпохи палеолита на плато Мангышлак в 1999 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Том V.
3. Артюхова О.А., Дервянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск, 2001.
4. Артюхова О.А. Мустье Центрального и Южного Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1992.
5. Зенин А.Н. Ранний и средний палеолит аридной зоны Центральной Азии (Монголия и Южный Казахстан). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004.
6. Таймагамбетов Ж.К. Палеолит Казахстана (основные проблемы): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993.
7. Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.
8. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана (к XI конгрессу ИНКВА). Алма-Ата, 1982.
9. Славинский В.С. Палеолит Северного Прибалхашья (по материалам местонахождений Саяка): Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.

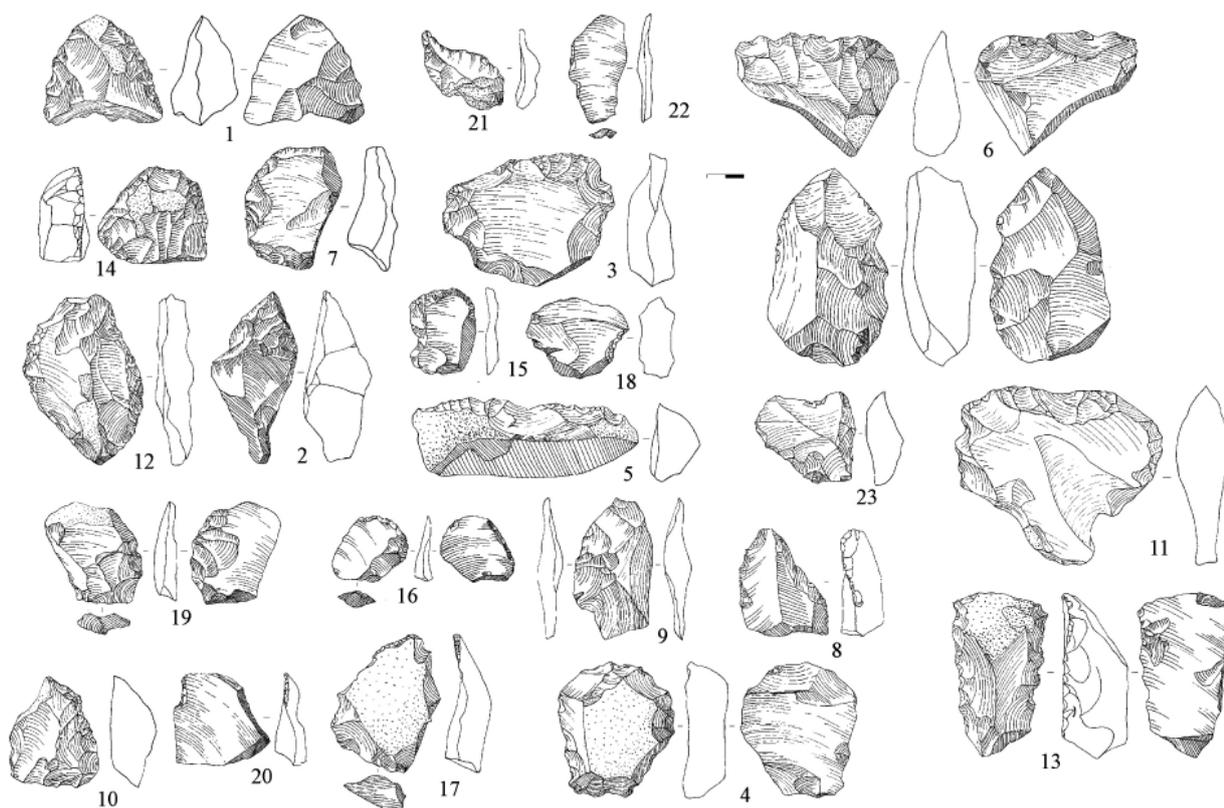

Рис. 5. Узень, пункт 20, недефлированные артефакты

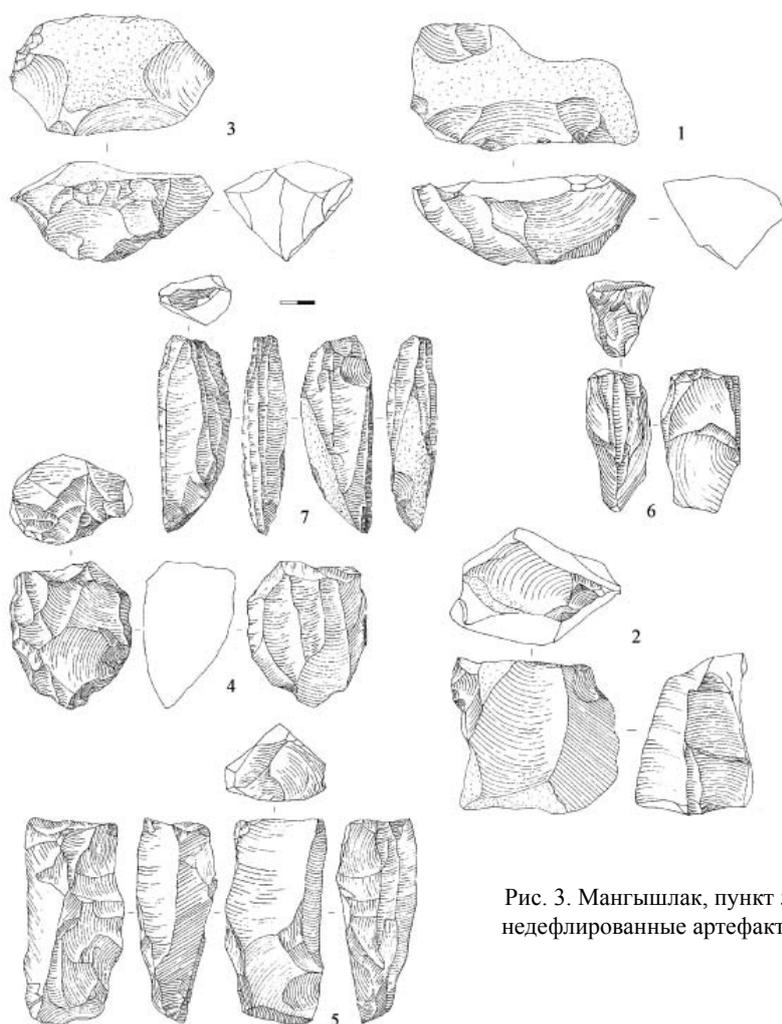

Рис. 3. Мангышлак, пункт 5, недефлированные артефакты

КАРСТОВЫЕ ПЕЩЕРЫ МАНГЫСТАУ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАСЕЛЕНИЯ ЕВРАЗИИ ПЕРВОБЫТНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Артюхова О.А., Мамиров Т.Б., Саргизова Г.Б., Акиянова Ф.Ж., Беккулиева А.

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК,
Институт географии МОН РК, Алматы*

Проблема происхождения человека имеет не только научное, но и идеологическое, мировоззренческое значение. В настоящее время, наряду с накоплением научных знаний, развитием новых методов исследований, нарастает поток лженаучных, «альтернативных» сочинений, которые своими объемами, количеством и популярностью изложения создают искаженное представление о возникновении и эволюции Земли, о формировании и истории человечества.

Каждое новое открытие в области антропогенеза, генетики, палеоэкологии, первобытной археологии привлекает внимание ученых и широких кругов образованных людей, вызывает жаркие дискуссии, заставляет вносить изменения в, казалось бы устоявшуюся, картину мироздания.

Буквально в последние годы были сделаны эпохальные открытия – были проведены генетические исследования достаточно большого количества современных людей, при этом было доказано, что все люди

на земле принадлежат к одному виду – *Homo sapiens*. Был прочитан геном нескольких представителей наших ближайших предшественников на эволюционной лестнице – неандертальцев. Исходя из новых находок антропологических остатков, выделены новые виды рода *Homo*. Выяснилось, что в геноме современных людей содержится заметное количество генов неандертальцев и эректусов. Эта ситуация объясняется двумя способами. Согласно моноцентрической точке зрения, только африканские популяции архантропов имели отношение к происхождению людей современного физического типа. Азиатские архантропы были лишь боковой ветвью на нашем генеалогическом древе. Сторонники мультирегиональной или полицентрической теории полагают, что превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, т.е. в Африке, Азии и в Европе, при постоянном генетическом обмене между различными популяциями этих регионов. Этот спор имеет длительную историю и далек от завершения.

Благодаря современным методам исследований изотопного состава костного вещества антропологических остатков стало возможным установить источники питания древних гоминид. Так, неандертальцы питались преимущественно мясом крупных млекопитающих, не пренебрегая и растительной пищей; люди современного типа (*Homo sapiens*) включали в свой рацион значительное количество морских продуктов – рыбу, моллюсков, водоплавающих птиц.

Достаточно детально реконструированы природные условия последнего ледникового цикла (последние 125 тыс. лет). В общих чертах установлены пути расселения человека современного типа из Восточной Африки по территории Евразии (по данным генетических, археологических и других видов исследований).

К настоящему времени можно считать доказанными следующие положения:

1. Древнейшие представители человеческого рода *Homo habilis* (человек умелый) возрастом около 3 млн. лет зафиксированы в Африке. В Евразии следы их расселения обнаружены в Дманиси (Южная Грузия) и датируются возрастом 1,7 млн. лет. Ведущие ученые считают, что одна ветвь расселения проходила и через Казахстан, к востоку от Каспия. Хотя несомненных следов обитания *Homo habilis* на территории Казахстана пока не обнаружено, но нет факторов, которые делали бы это невозможным;

2. Евразию, без всяких сомнений, заселил *Homo erectus* (человек прямоходящий) около 1 млн. лет назад. Антропологические находки этого вида, кроме Африки, имеются в Юго-Западной Европе, Юго-Восточной Азии, Китае. В Казахстане выявлено много местонахождений каменных индустрий, предположительно созданных эректусами, в том числе и на Мангыстау;

3. *Homo neanderthalensis* (неандертальский человек). Время существования неандертальцев в Европе ограничено рамками 200–30 тыс. лет назад. Выявлены стоянки с антропологическими остатками неандертальцев близ границ Казахстана: Тешик-Таш, Оби-Рахмат в Узбекистане, «хвалынский» человек в Поволжье, Денисова пещера, пещера имени Окладникова в российском Алтае. В Казахстане памятники этого времени широко распространены, но все исследованные местонахождения находятся в поверхностном залегании, на них не сохранились антропологические остатки. На Мангыстау также имеются следы пребывания человека этой эпохи;

4. *Homo sapiens* (человек разумный) также родом из Африки. Около 125 тыс. лет назад он начал предпринимать попытки расселения в Евразии, которые удались только около 40 тыс. лет назад. За небольшой промежуток времени сапиенсам удалось распространиться по всему земному шару, вытеснить, ассимилировать, или просто уничтожить представителей других видов человека. Распространение людей современного типа в Евразии, скорее всего, проходило вдоль восточного побережья Каспийского моря, через Мангыстау.

Шедевры пещерной живописи возрастом 20–30 тыс. лет обнаружены в пещерах Франции, Италии, Испании, Урала, скульптуры этого времени известны на многих памятниках Русской равнины и Сибири.

Казахстан в этом плане представляет «белое пятно». На территории нашей страны до сих пор не обнаружено ни одной антропологической находки древнее 7 тыс. лет назад. Такое незавидное положение с изучением древнейшего этапа истории человечества в Казахстане имеет несколько причин.

Первая причина кроется в особенностях геологической истории большей части территории республики. Огромные пространства в разных областях республики служили источниками дефляции, выноса рыхлых отложений, поэтому подавляющее большинство палеолитических памятников Казахстана находится в открытом, непогребенном состоянии, причем на одной поверхности залегают изделия самых разных эпох – от древнего палеолита до неолита. Для их периодизации можно применить лишь археологический (технологический) метод, в отдельных случаях – данные геоморфологии. На памятниках открытого типа совершенно отсутствуют изделия из органических материалов (дерево, кость, кожа), не сохраняются антропологические и кухонные остатки, нет материалов для палеогеографических реконструкций.

Вторая причина – недостаток квалифицированных специалистов. От специалиста по каменному веку требуется не только владение собственно археологическими методами исследования, не только знание техники обработки камня в различные археологические эпохи и типологии каменных изделий, но и владение основами геологии, геоморфологии, палеозоологии, палеогеографии, палеоэкологии и других естественно-научных дисциплин. Не многие молодые ученые, увлеченные романтикой археологического поиска, выдерживают годы упорного труда в лабораторных условиях и становятся настоящими палеолитооведами.

Третья причина заключается в относительной невыразительности палеолитических изделий. Блеск сакского золота и роскошь античных и средневековых цивилизаций заслоняют для чиновников, распределяющих средства на научные исследования, первые попытки первобытного человека расширить ойкумену, создать новые типы оружия и орудий труда, осознать свое место на Земле.

Чтобы преодолеть досадное отставание казахстанской археологии в изучении первобытной истории необходимо усилить поиски стратифицированных палеолитических памятников в разных регионах Казахстана. Особенно большой потенциал в этом плане представляет для нас Мангыстау.

Экологические условия в течение плейстоцена и голоцена, за редкими эпизодами, были весьма благоприятными для жизни древних людей. До недавнего прошлого здесь кочевали огромные стада сайги, табуны куланов, водились муфлоны и другие крупные копытные млекопитающие. Море также предоставляло значительное количество пищевых ресурсов.

В геологическом строении п-ова Мангыстау и примыкающего к нему плато Устюрт огромную роль играют карбонатные отложения мелового возраста. В них в изобилии содержатся пласты, линзы и конкреции кремня разного качества светло-серого и медового цвета. Они обнажаются в морских береговых обрывах, в уступах сухих ныне речных долин, их осколки и обломки устилают поверхность морских террас. Этот кремень аналогичен кремню классических французских памятников и являлся для древних мастеров неиссякаемым источником сырья для изготовления орудий и оружия.

Кроме того, в карбонатных породах происходят интенсивные процессы карстообразования, в результате которых образуются пещеры, гроты, ниши и другие убежища, которые человек интенсивно использовал на всем протяжении своей истории.

Археологические исследования, проведенные в 1965–1969 гг. Палеолитическим отрядом под руководством А.Г. Медоева (1934–1980) Мангышлакской комплексной экспедиции ИГН им. К.И. Сатпаева АН КазССР выявили большое количество памятников каменного века в хронологическом диапазоне от древнего палеолита до неолита. На основании этих находок А.Г. Медоев выдвинул гипотезу об очень раннем, более 1 млн. лет назад, заселении Мангыстау предшественниками современного человека [1, с. 44–45]. Он собрал коллекции каменных артефактов, которые должны были подтвердить эту гипотезу. Однако из-за ранней кончины этого выдающегося исследователя коллекции остались необработанными и без дополнительных исследований как полевых, так и камеральных, ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу невозможно.

Наиболее перспективными для поисков и исследований первых следов обитания человека на Мангыстау представляются пещеры, гроты и другие скальные убежища.

Карстовые пещеры являются самым распространённым типом пещер в мире и формируются за счет процессов выщелачивания и размыва растворимых горных пород (известняков, доломитов, гипсов и др.) при ведущей роли коррозийных явлений с участием эрозионных и гравитационных процессов. Эти естественные полости издревле использовались человеком в качестве временного укрытия, жилища, как места проведения культовых мероприятий, для содержания скота, в качестве складских помещений и др. В Казахстане подземные карстовые полости в виде пещер распространены на п-ове Мангыстау, плато Устюрт, Южном Казахстане, Алтае. В разные годы геолого-геоморфологическим строением пещер Мангыстау занимались Петров С.Е., Слюсарев А.Н., Клейнер Б.М., Медоев А.Г., Нурмамбетов Э.И., Потапова Г.М., Акиянова Ф.Ж., Артюхова О.А. и др.

Пещеры в пределах равнинного Мангыстау встречаются в уступах плато и на его поверхности. По своему происхождению пещеры делятся на карстово-абразионные, карстовые и искусственные. Карстово-абразионные пещеры в известняках сарматского, мэотического и понтического яруса неогена развиты по всему побережью Каспийского моря от северной части п-ова Тюпкараган до южной границы республики. Пещеры обычно приурочены к нижней части береговых уступов плато, высотой от 30 до 100 м, но встречаются и в верхней их части. Образуются они в наиболее податливых к разрушению пористых, кавернозных и интенсивно трещиноватых известняках.

Размеры пещер различные. В верхней части береговых уступов преобладают небольшие пещеры длиной 5–7 м, в нижней – более крупные, длиной от 10 до 50 метров. Наиболее крупные карстово-абразионные пещеры наблюдались в районе поселков Аралда и Акшукыр, а также у мысов – Мелового и Жыланды.

Кроме памятников каменного века с поверхностным культурным горизонтом А.Г. Медоев исследовал пещеру Ушауыз у южного побережья залива Кочак. Пещера имеет длину 22 м при ширине 4,2 м в 5 м от входа и высоте 3 м. Находится на значительной высоте над нижнехвалынской террасой. Разведочный шурф, заложенный в широкой части пещеры вскрыл культурные отложения с остатками кострищ, обломками костей, среди которых имеются зубы крупных млекопитающих, фрагментами керамических сосудов, осколками и отщепами кремня, костяными изделиями и т.д. Ниже 1,6 м обнаружено парное погребение в сильно скорченном положении на правом боку, ориентированное на север. Погребение не содержало сопровождающих материалов. Черепа и скелеты сохранились в анатомическом порядке. Кости фоссилезованы, поверхность их имеет красноватую окраску. Над погребением находились лежащие горизонтально небольшие плиты известняка [2, с. 25–26].

В пещерах имеются прекрасные тафономические условия для сохранения пыльцы растений, палеонтологических и антропологических остатков, артефактов из камня и органических материалов. Мангыстау имеет наиболее благоприятное географическое расположение относительно наиболее интересных памятников палеолита и палеонтологических местонахождений Евразии. Изучение мангыстауских пещер сулит много ярких и ценных научных открытий.

Литература

1. Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982.
2. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата, 1979.

ОБЩИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА УСТЮРТА

Бижанов Е.Б.

*Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского филиала
АН РУз, Нукус*

Плато Устюрт, расположенное между Каспийским и Аральским морями, занимает площадь около 20 млн. га; имеет протяженность 600 км в направлении с севера на юг и более 400 км – с востока на запад. Высокие, обрывистые уступы – чинки Устюрта – рельефно ограничивают его от окружающих низменностей и водных пространств и являются также естественной его границей.

Довольно обширная территория Устюрта и прилегающих к нему пространств с древнейших времен представляла собой особую зону, где сталкивались интересы и судьбы различных племен, обитавших на Южном Урале и в степном Казахстане, с одной стороны, и в Восточном Прикаспии – с другой. Географическое расположение и археологические данные позволяют назвать Устюрт своего рода «историческим вратами народов», передвигавшимися с юга на север и обратно.

Несмотря на это, территория Устюрта долгое время не привлекала внимания археологов из-за имевшегося мнения о его безжизненности и бесперспективности исследования в археологическом отношении. Однако данные по археологии плато Устюрт, а также новые факты по палеогеографии региона позволили, в свое время, несколько по-новому оценить перспективы археологического изучения этого аридного района. Полученный за несколько десятилетий материал позволил совершенно по-новому взглянуть на проблемы истории заселения и освоения плато, а также хозяйственной адаптации человеком этой территории.

В течение плейстоцена и голоцена природная среда Устюрта не оставалась неизменной. Плато пережило периоды увлажнения, создавшие благоприятную палеоэкологическую среду для обитания здесь человека. Согласно археологическим данным этот регион был заселен человеком уже в эпоху палеолита и вовлечен в орбиту общего исторического процесса, протекавшего на широких просторах Евразии. Именно эти обстоятельства и привлекают внимание все большего числа исследователей к этому региону. Наиболее древний и самый значительный по продолжительности период человеческой истории – каменный век (палеолит, мезо-неолит) именно этой территории, на наш взгляд, и является тем недостающим в наших знаниях звеном, которое необходимо изучить для выяснения некоторых общих и региональных проблем, связанных с генезисом, развитием и взаимовлияниями древних культур. Устюрт являлся зоной контакта

между насельниками северных и южных территорий с их самобытными культурами, которые оказывали постоянное воздействие на культуру населения собственно устюртской зоны. Тем не менее, на протяжении длительного времени здесь сохранялась местная оригинальная культура, которая, в свою очередь, оказывала влияние на соседние области, что прослеживается на археологическом материале.

В результате широкого археологического обследования плато Устюрт выявлено более 250 археологических местонахождений, относящихся к разным хронологическим периодам каменного века территории. Полученные материалы каменного века Устюрта по своему объему и научному значению представляют существенный вклад в фонд источников первобытной истории, не только Средней Азии, но и более обширной территории.

Многолетние систематические исследования, проведенные здесь, предоставили материалы, позволившие наметить основные контуры истории заселения этого обширного региона, вначале для эпохи неолита, а затем – и более древних мезолитической и палеолитической эпох.

В частности, было выявлено около восьми палеолитических местонахождений на хребте Есен, на юге впадины Барсакельмес, в Чуруке и в Каракудуке – на севере от Чурука. Открытие *палеолитических местонахождений* на Устюрте позволило получить интересные материалы по проблеме древнейшего заселения и освоения человеком этого специфического региона. Кроме того, полученные новые материалы позволили определить некоторые закономерности расселения человека в более обширном регионе и высказать предположения об истоках и путях заселения самого Устюрта, а также о характере материальной культуры населения этой зоны в эпоху палеолита.

Самые ранние этапы освоения человеком плато Устюрт относятся к ашель-мустьерскому времени, материальная культура которого характеризуется наличием разнообразных форм ручных рубил. Об этом свидетельствуют и данные палеогеографов, которые считают, что этому благоприятствовала и экологическая обстановка в то отдаленное время.

Технико-морфологический анализ и типология каменных изделий с верхнепалеолитических памятников позволили нам выделить два направления в развитии верхнепалеолитических культур Устюртского региона: одно – восточно-азиатское, представленное памятником Есен 3 и переднеазиатское – Чурук 12.

Большой серией местонахождений представлена *мезолитическая эпоха*, что косвенным образом свидетельствует в пользу фиксируемого исследователями улучшения ландшафтно-климатической обстановки. Эти региональные ландшафтно-климатические условия (их изменения) сказались на расселении племен и концентрации их стоянок на Устюрте, а также отразились на материальной культуре населения, оставившего значительное разнообразие культурных комплексов, датированных разными периодами мезолита. В эпоху мезолита происходит дальнейшее территориальное освоение Устюрта, о чем может свидетельствовать география мезолитических местонахождений в разных районах плато.

Выделение трех хронологических групп в мезолите Устюрта основывается также на технико-типологическом анализе собранных нами коллекций. Имеющиеся аналогии между раннемезолитическими и позднепалеолитическими памятниками типа Чурук 12 позволяют заполнить лауну между верхним палеолитом и мезолитом Устюрта и доказать их культурно-генетическую связь, преемственность.

Хозяйство мезолитического населения Устюрта, судя по результатам типолого-трассологического анализа, продолжает носить присваивающий характер. Основой его были охота и собирательство.

Неолит был эпохой исключительно интенсивного освоения территории Устюрта человеком. Широкая распространенность памятников неолита, особенности топографии и геоморфологических условий их расположения свидетельствуют об имевшем место в раннем и среднем голоцене относительно увлажнении среднеазиатских пустынь и позволяют для Устюрта этого времени предполагать более влажный, нежели в современный период, климат, а, следовательно, и более благоприятную обстановку для его освоения. Было открыто более сотни стоянок, давших достаточный материал для того, чтобы провести некоторые обобщения в области хронологии неолита Устюрта, а также решить ряд исторических проблем: таких как установление времени начала неолита, периодизация неолита по этапам и др. Три установленных этапа развития неолита Устюрта охватывают время с V по III тыс. до н.э.

При изучении неолита Устюрта нельзя не обратить внимание на проблему культурной принадлежности памятников этого периода. Решение этого вопроса значительно продвинулось после открытия мезолитических стоянок типа Айдабол и Актайлак, каменные коллекции которых позволяют доказывать местное происхождение неолита.

Кроме того, получены интересные данные о погребальном обряде населения Устюрта. Открытие неолитического погребения Каскажол представляет собой качественно новый этап в изучении погребального обряда неолитического населения не только Арало-Каспийского региона, но и обширных пустынных равнин Евразии.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ В СЕРЕДИНЕ I ТЫС. ДО Н.Э.

Гуцалов С.Ю.

Орский гуманитарно-технологический институт

Судя по характеру археологических источников, период с конца VI–V вв. до н.э. был временем формирования многочисленных культурных областей в степной зоне Восточной Европы, облик которых определяло природно-географическое положение. Сущность последнего обуславливалась такими факторами, как богатство конкретного региона теми или иными природными ископаемыми, стратегическое положение (пересечение древних сухопутных и речных торговых путей, наличие крупных речных артерий и пр.) и специфика внешнего этнокультурного окружения. Под влиянием данных причин на юге Восточной Европы складывается система социально-экономических и политических отношений, начало которой было положено на раннескифском этапе.

Важное значение в этой связи приобрело формирование в Днепровской лесостепи в конце VII–VI вв. до н.э. мощного этнопотестарного кочевого сообщества, что привело к значительной деформации социально-политической системы, сложившейся в регионе еще в предскифский период и, в связи с этим, к переносу политического центра в VI в. до н.э. как раз на территорию Среднего Поднепровья. И это было неслучайно – в лесостепной зоне Приднепровья сходились важнейшие торговые пути Восточной Европы, связывающие Лесостепь с Карпатским регионом, Крымом, Нижним Подоньем, Южным Уралом, а через низовья Дона с Нижним Поволжьем и Северным Кавказом [см.:1]. Именно кочевая знать этого региона стала главным потребителем богатств, производимых зависимым населением в оседлых племенных центрах.

Помимо контроля за торговлей хлебом с античными городами Северного Причерноморья¹ [3, с. 56–61] (тем более, что земледелие у оседлых племен Среднего Поднепровья могло иметь пашенный характер [4, с. 26]), важное значение приобретала эксплуатация номадами оседлых металлургов. Это было вполне возможно, учитывая высокий уровень развития металлургии у населения лесостепного Поднепровья [5, с. 53–70; 6, с. 49–50]. Незначительность местных месторождений железа и цветных металлов, с одной стороны, и высокая потребность в изделиях из них у кочевого населения, с другой, требовали поставок металла извне, и, может быть, организации металлургического производства на местах. В пользу первого предположения говорит тот факт, что среди бронзовых предметов лесостепного Поднепровья на протяжении всего скифского периода присутствовали разные источники сырья, причем в достаточно близких пропорциях [7, с. 23].

В системе связей восточноевропейских номадов все более значимое место приобретают отношения с населением Южного Приуралья. Интерес к данному региону уже был определен его стратегически важным расположением на карте Евразии. Располагаясь между Аральским и Каспийским морями на юге и Уральскими хребтами на севере, данный ареал представлял собой географические «ворота», между Европой и Азией, где сходились важнейшие торговые пути и проходили маршруты миграций древних народов.

Другой стороной интереса номадов Поднепровья к территории Южного Урала и Приуралья было его обладание значительными месторождениями железа и цветных металлов [8]. Специалисты, характеризуя уровень богатств многих полезных ископаемых на Южном Урале и его продолжении – в Мугоджарах, обычно употребляют определение «гигантское». Так, на Южном Урале «бесспорными супергигантами являются месторождения калийно-магниевых солей, ряда железных и медноколчеданных руд, хромитов, бокситов, золота...» [9, с. 11–12]. Особенностью рудных проявлений здесь является их достаточно равномерное распределение от бассейна р. Теча на севере и до Южных Мугоджар на юге. Кроме того, геологи отмечают, что «...между месторождениями железных руд контактово-метасоматического (скарново-магнетитового) типа и месторождениями медноколчеданного уральского типа существует тесная парагенетическая связь, выражаемая близостью одних и тех же рудоносных зон, а также наличием в них значительных количеств благородных металлов и частым присутствием в железорудных объектах промышленных концентраций меди, а в меднорудных, наоборот, – железа скарново-магнетитового типа» [9, с. 13]². В озерно-лесной зоне Восточного Приуралья уже на рубеже VIII–VII вв. до н.э. начинает появляться сеть городищ: первоначально «гамаюнских»,

¹ Усиление связей кочевого населения Лесостепи с греческим миром во 2-й половине VI–V вв. до н.э. подчеркивает начало распространения здесь предметов, выполненных в греко-скифском стиле [2, с. 306].

² Вероятно в этом надо видеть высокую близость металла группы ЕУ.

а затем – «иткульских». Здесь на базе племен иткульской культуры формируется металлургический очаг, специализировавшийся, главным образом, на обработке цветных металлов и в меньшей степени – железа [10, с. 125]. Постоянная потребность кочевников Юго-Восточного Приуралья в металле приводит к формированию системы даннических отношений, когда номады берут металлургов под свое «покровительство» [11, с. 110–111].

Свидетельством контактов южноуральских кочевников с оседлым лесным и лесостепным населением является распространение в погребениях данного этапа лепной, обычно круглодонной, посуды с примесью талька в тесте, украшенной резным орнаментом. Таковые в большом количестве представлены в курганах восточноприуральской стороны региона [12, рис. 3, 7; 4, 15; 5, 6, 10 и др.; 13, рис. 3, 2; 14, табл. XXXVIII, 7, 8; XLI, 16; XLIII, 34 и др.; 15, рис. 2, 4, 8 и др.]. Отдельные экземпляры тальковой керамики проникают далеко к югу от Восточного Приуралья, в бассейн р. Ирғиз [см.: 16], маркируя собой видимо, маршруты перекочевок восточноприуральских номадов в меридиональном направлении. Очень редко они встречаются в рассматриваемое время и в погребениях номадов Южного Приуралья. В частности, сосуды с шаровидным или грушевидным туловом с примесью талька в тесте, орнаментированные по плечу резным орнаментом, найдены в верховьях Илека (погребение 2 кургана 1 могильника Тарабутак [17, рис. 10, 4г]) и в нескольких курганах верховьев Илека и Ори [18].

М.Г. Мошкова объясняла широкое распространение у древних кочевников Южного Урала такого важного культурного маркера как круглодонная тальковая посуда миграциями лесного и лесостепного восточноприуральского населения в степи Южного Урала [19]. С таким выводом, основывающемся всего на одном, пусть, даже, существенном элементе культуры, трудно согласиться. Скорее всего, распространение данного вида лепных сосудов следует связывать с семейно-брачными отношениями между степными скотоводами и лесным населением Урала. В этом плане представляется важным наблюдение В.Н. Мышкина, который, исходя из анализа социально-демографической структуры общества, установил, что «степи Самаро-Уральского региона первоначально осваивали скотоводческие коллективы, являющиеся либо преимущественно, либо сугубо мужскими по своему составу» [20, с. 11]. Отсюда является вполне резонным предположение, что дефицит женщин компенсировался за счет умыкания невест у лесного и лесостепного зауральского населения.

Если восточноприуральский иткульский металлургический центр достаточно хорошо изучен и, главное, существование его в древности обосновано исследователями на основании многих археологических данных, то о существовании аналогичного центра в лесном и лесостепном Предуралье можно только предполагать.

Известно, что к концу VI в. до н.э. ананьинская культура Прикамья претерпевает серьезную деформацию [21, с. 79; 22, с. 37–39; 23, с. 20]. С другой стороны, исследователи отмечают передвижения носителей ананьинской культуры на юг, к берегам р. Белой в район современного г. Уфы и даже несколько южнее [24, с. 25–31; 25, с. 3–6; 26, с. 36, 42; 27, с. 26–31; 28, с. 110–113]. При этом в связях «ананьинцев» с внешним миром со 2-й половины VI в. до н.э. происходит переориентация, приведшая к доминированию контактов с кочевниками Южного Урала [29, с. 178]. Данная ситуация, скорее всего, была обусловлена расселением кочевых племен на степных пространствах Южного Приуралья, которые привели к значительным изменениям в социально-экономических отношениях у номадов. Все это создало условия для непосредственного контакта носителей ананьинской культуры с их юго-восточными соседями.

Показательно появление в рассматриваемое время в Гафурийском районе Башкирии целой группы городищ со следами металлургической деятельности (шлаки, зола, литейные формы, остатки производственных комплексов и пр.) в культурном слое [см.: 30]. Кроме вышеназванных находок на данных городищах обнаружены предметы домашнего обихода. Но обращают на себя внимание находки бронзовых втульчатых наконечников стрел, железных мечей и, что особенно интересно, бронзовой бляхи с изображением головы льва [30, табл. VII, 2]. Аналогичная бляха известна среди кочевнических древностей днепровской террасовой Лесостепи [31, рис. 30]. Находки предметов вооружения и данной бляхи указывают на наличие тесных связей лесного населения башкирского Предуралья, специализирующегося на развитии металлургии с кочевым миром Восточной Европы.

Кроме того, в контексте изучения проблемы существования предуральского металлургического очага, обращают на себя внимание многочисленные случайные находки десятков железных мечей очень хорошей сохранности из лесостепной зоны предуральской Башкирии [см.: 32; 33; 34 и др.], многие из которых относятся к савроматскому времени. Возможно, что данная масса случайно найденного клинкового оружия есть результат деятельности предуральского металлургического центра.

Так или иначе, но есть все основания говорить, что в Южном Приуралье реализовалась потребность кочевников Восточной Европы в металлургической продукции. Судя по составу металла бронзовых изделий из погребений номадов днепровского левобережья, уже в VI в. до н.э., доля южноуральского сырья была весомой, составляя 24 %, а в V в. до н.э. она возрастает до 36 % [7, с. 23]. Можно предположить, что в рассматриваемое время наиболее сильные родоплеменные группы номадов Среднего Поднепровья организовали поставку и, вероятно, добычу металлов на территории Южного Урала и Мугоджар. И именно с этим моментом следует связывать миграцию значительной массы кочевого населения в конце VI–V вв. до н.э. в южноуральские степи с территории Среднего Поднепровья и, может быть, из предгорий Северного Кавказа.

Изучение обозначенной проблемы только начато. И в связи с этим возникает масса вопросов, одним из которых является поиск и выявление рудников в Мугоджарах, эксплуатировавшихся в раннем железном веке. Данное направление может стать ведущим при изучении культуры кочевников Арало-Каспия скифо-сарматского времени.

Литература

1. Болтрик Ю.В. Сухопутные коммуникации Скифии // СА. 1990. № 4.
2. Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной Скифии) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Сб. статей. М.: Ин-т археологии РАН, 2000.
3. Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990.
4. Шрамко Б. А. Особенности развития древней техники обработки земли в Восточной Европе // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы V Международной научной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. 4 и 6 ноября 2004 года. Харьков «МД», 2004.
5. Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа // СА. 1969. № 3
6. Моруженко А. А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Воркслы // СА. 1988. № 1.
7. Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.
8. Алешин Б. М., Иванов Ю.К., Ковальчук А.И., Коротеев В.А., Прокин В.А. Месторождения полезных ископаемых Урала. Екатеринбург: Институт геологии и геохимии УрО РАН, 1999.
9. Золотов К.К., Додин Д.А., Коротеев В.А., Рьльков С.А., Чернышов Н.М. Урал – крупнейшая провинция мировой системы подвижных поясов земли и связанных с ними уникальных и суперкрупных месторождений полезных ископаемых Литосфера. 2007. № 6.
10. Бельтикова Г. В. О зауральской металлургии VIII–III вв. до н.э. // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981.
11. Таиров А. Д., Любчанский И. Э. Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. // Вестник ЧелГУ. История. Вып. 22. № 21(99), 2007.
12. Смирнов К. Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
13. Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981.
14. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
15. Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. 2000. Вып. 2.
16. Гуцалов С.Ю. Памятник древнего этапа прохоровской культуры в верховьях Иргица // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск: ООО «Рифей», 2004.
17. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
18. Гуцалов С.Ю. Зауральская керамика в погребениях кочевников Южного Приуралья // Вестник ЧелГПУ. Сер. историч. науки. Челябинск, 2005. № 3.
19. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
20. Мышкин В.Н. К вопросу о характере формирования общества кочевников Самаро-Уральского региона

VI– IV вв. до н.э. // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова. Тез. конф. М., 2003.

21. Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные ее изучения // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. [Тр. ГИМ. 2000. Вып. 122].

22. Маратканов С.Н. Датировка предметов вооружения из ананьинских могильников Средней Камы // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001.

23. Маратканов С.Н. Предпосылки формирования ананьинской культурно-исторической общности // III Оборинские чтения. Материалы археологич. конф. (15 марта 2001). Пермь, 2002. Вып. 2.

24. Ахмеров Р. Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. 1952. Вып. 48.

25. Халиков А.Х. О юго-восточных связях населения Среднего Поволжья в эпоху бронзы и железа // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Тез. докл. и сообщ. Уфа, 1976.

26. Иванов И.В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград, 1994.

27. Пшеничнюк А.Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

28. Гарустович Г.Н., Савельев Н.С. Исследования памятников эпохи бронзы–раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. Вып. 5.

29. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. (Медь и бронза). М., 1983.

30. Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

31. Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи / Препринт. Киев: НАН Украины. Ин-т археологии, 1994.

32. Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3.

33. Исмагилов Р.Б. Кинжалы позднесарматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4.

34. Исмагилов Р.Б. Клиновое оружие ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3.

АЩЫБАСШАТ ЖӘНЕ АЛГЕЛДІ ҚАЛА-БЕКІНІСТЕРІНДЕГІ ЗЕРТТЕУЛЕР

Касенов М.С.

Атырау облыстық тарихи-өлкетану мұражайы

Ақтөбе жеріндегі Ащыбасшат пен Алгелді қалалары туралы әртүрлі деректер бар. Олардың аттары, орналасу орны, сипаттамасы туралы қарама-қарсы пікірлер орын алған. Бұл пікірлер олардың жүйелі зерттелмегенінен болған. Бұл қалалар туралы толық зерттеу үшін археологиялық кешенді экспедиция ұйымдастыру қажет. Соның ішінде Алгелді қаласы туралы әлі бір жақты шешім жоқ. Оның орны, аты, кезеңі туралы әр түрлі болжамдар бар. 1950 жылдары қаланы Ә.Х. Марғұланды зерттегені белгілі. Оның ғылыми есебі сақталмаған тек қала жобасының сызбасы ғана сақталған [1] (2 сурет). Бұл жоба 1874 ж. М. Иваниннің жобасына сәйкес келеді [2] (1 сурет). Соңғы кезде Алгелді бекінісі мен Ащыбасшат қаласын бір қала деген мақалалар мерзімдік баспасөзде шығуда.

Ащыбасшат ортағасырлық қаласы Мұғалжар өңіріндегі Жем өзеніне Темір саласының құяр сағасы тұсында орналасқан. Маңғыстаулық ғалым Серікбол Қондыбай анықтауы бойынша бұл маңда Ащыбасшат қаласы болуы тиіс деген. Негізгі дерек көздеріне фольклорлық жыр дастандар алынған [3]. Едіге батыр Қанқожа қалмақ еліне бармақ болғанда, ол жер Ащыбас Шат деп аталады. Жем өзені бұрын Шат деп аталғаны белгілі. Қала атауы осыдан шықса керек [4, 85 б.].

«Едіге атқа мінгенде
Қалмақ деген ел еді,
Қанқожа деген қалмақ бар еді,
Абығай дейтін баласы бар,

Тоғалай дейтін ері бар еді...», – деп Едіге жорығын суретейді. Едіге қасына екі жүз кісі әскер алды. Сонда Қанқожаның баласы Абығай мен ері Тоғалай ноғай келеді деген соң, екі мың кісі әскермен қарсы аттанады. Бұл теке-тірес үлкен соғысқа ұласпақ болған [5, 154 б.].

«Аттанған ноғай ел деді,
Қалмақ едім мен деді,
Мекен еткен қашаннан
Мынау біздің жер деді.
Азғана ноғай сен деді,
Көп қалмақпен мен деді,
Қонысымда тұрғанмын», – деп бұл қоныс қалмақтікі екенін алға тартты.

Екі жақ келісімге келіп мекенді қалмақтар ноғайлыға береді.

«Қанқожа қалдырды,
Ноғайлыққа қаласын», – деген [6, 156 б.].

«Қарғабойлы Қазтуған» жырында Темір өзені бойындағы ноғай қаласы туралы айтылады. 1350–1360 жж. Әз-Жәнібекпен араздасып Абаттың Маңғыстауға көшкені туралы Серікбол Қондыбай жазады: «олардың қаласы осы Алгелді немесе Ашыбас Шат» – болған деген. 1560–1600 жж. ноғайдың «Алты Ауыл ұлысының» орталығы да осы Ашыбас Шат деген қортындыға келеді [7, 339–343 бб.].

«Тоқсан баулы ноғайлар
Мәслихат төбе басында
Жиылып кеңес құрады.
Темірдің төмен қасында,
Жем өзенінің жағасы,
Мекен еткен қаласы,
Он сегіз күн кеңесті
Ноғайдың сонда баласы» [8, 73 б.].

Ашыбасшат жері Асан қайғы жырында да кездеседі. «Абат батыр, Әз-Жәнібектің үш сынағынан да өтеді. Асан қайғы Абатқа егер тілегінді айт десе Ашыбас Шаты сұра дейді. Әз-Жәнібек жерді береді. Асан қайғы, Абат, Тоғандар осы жерге көшіп қоныстайды.

«Тұрақтап Жемге қоныпты,
Алдында Шат болса,
Асан қайғы қонған соң
Оның аты Жем болыпты» [9, 60–63 бб.].

Бұл топоним «Алау батырда» да бар. Ол биік «төрткүл» ретінде суретеледі. Ортағасырдағы мекен орындары «төрткүл» пішінінде болғаны белгілі.

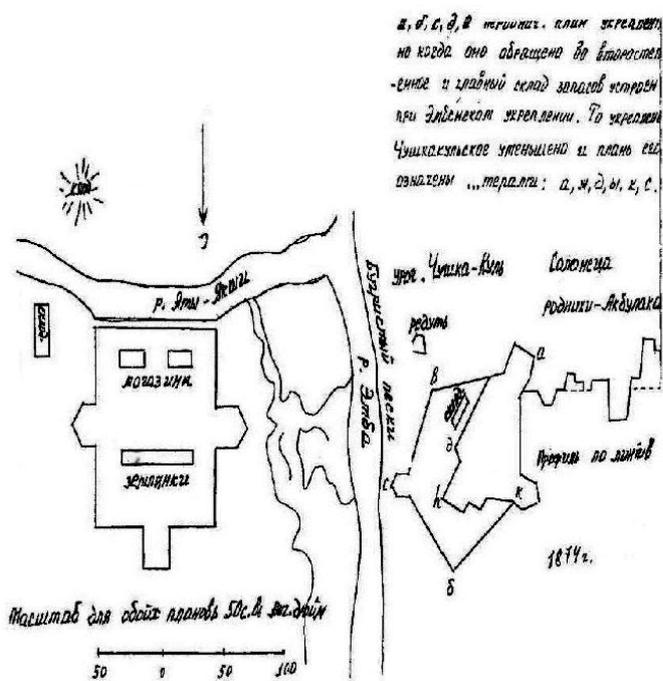
«Темір деген бір жер бар.
Ол Шаттың бойында,
Жемнің түстік бетінде
Ол бір биік төрткілді...
Шаттың бойын жағалап,
Шаршамай баты жол жүрді.
Төрткілдің келіп ол шықты
Алау батыр басына...» [10, 211 б.].

Бұл деректер бойынша Ашыбасшат қаласы XV–XVII ғғ. салынып ноғай, қалмақ қаласы болған болса керек. Қаланың салыну кезеңі мен жобасы да осы уақытқа сәйкес келеді.

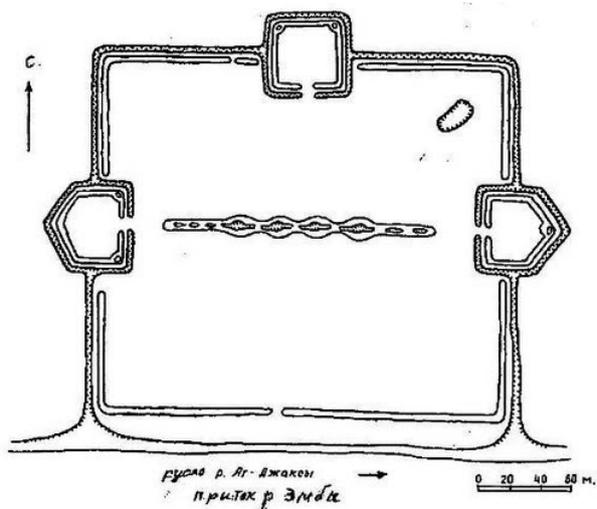
Ал, *Алгелді бекінісі* туралы бізде қандай мәліметтер бар соны ортаға салайық. Қала көлемі 260x200 м, қала сыртын ені 8 м, тереңдігі 3 м ор қоршаған. 2002 ж. А. Оңғарұлы мен Е. Атагелдиев Жағабұлақ ауылынан оңтүстік шығыста, Жаркемер ауылынан оңтүстіктегі, Жем өзеніне Атжақсы саласы қосылған тұстағы Алгелді бекінісіне археологиялық зерттеу жүргізді. Сонымен бірге олар бекіністің жобасын топографиялық картаға түсірді [11] (3 сурет). Бекіністің ішінен екі жерден және бекіністің екінші бөлігі болып табылатын солтүстік батысында қосымша жайлар орналасқан жерден бір шурф салды.

1 шурф. Солтүстік батыстан оңтүстік шығыс бағытта жатқан төрт қатар үйдің батысынан санағанда екіншісіне жергілікті археолог С.Ю. Гуцалов екі жерден шурф салып кеткен. 1 шурф бөлменің ортасына салынды. Соның біреуі болып табылатыен 1 шурфты соңына дейін аяқтап және фотофиксация жасаған. Мөлшері бір метр тереңдікте күйдірілген қызыл кірпіштен төселген еден ашылды.

Едендегі кірпіш II түрінде төселген. Шурф қабырғаларында сынған кірпіш сынықтары, сылақ қалдықтары кездеседі.

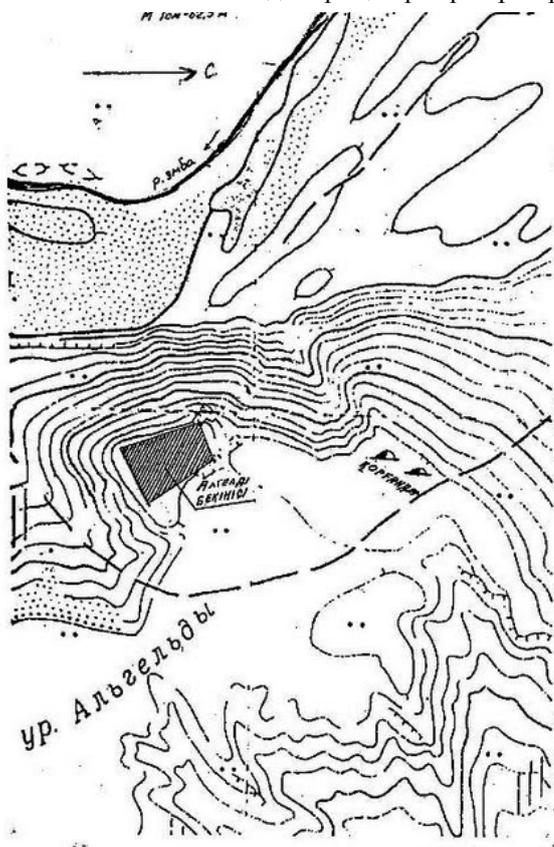
1-сурет. Жем және Атыжакы өзендері бойында салынған бекіністің жобасы (М.Иванин).

3 сурет . Алгелді қаласы жобасы. (ЗКАЭ-1950).

2 шурф бөлме бұрышына салынған. Оның координаты N 48. 32. 27. EO 57. 9.35.

3 шурф N 48. 32. 31. EO 57. 39.39. Бұл шурф қорғаныс қабатын тексеру үшін салынды. Одан бір метрге дейін қалыңдықта сынған кірпіш сынықтары шықты. Кірпіш көлемі 35–37 x 18–20 x 12–13 см. Бекініс ішінде төрт қатар барак үйлер

2-сурет. Алгелді бекінісінің географиялық орналасуы (2001 ж.).

салынған. Батыс жақ барактары сегіз бөлмелі, ал шығыс барактары төрт бөлмелі үй болып келген. Қазбалардан қыш ыдыс сынықтары табылды.

Солтүстік-шығысы мен оңтүстік-батысында ұшы үшкірлеу болып келген мұнарасы бар қорғаныс қамалдары бар. Қамал көлемі: биіктігі 2 м., ені 1,5 м. Оның оңтүстік-шығыс пен оңтүстік-батыс жағын тереңдігі 2,5–3 м, ені 6–8 м ор қоршап

жатыр. Бекіністің солтүстік-шығыс және солтүстік-батыс жағын терең ой-сай қоршап тұр. Бекініс қақпасы оңтүстік-батыс жағында орналасқан.

Зерттеушілер бұл бекіністі орыс-казактары салған деген қорытындыға келген. Патшаның XIX ғ. II жартысында салынған Алгелді бекінісі дейді.

Бұл бекініс Хиуаға жасаған Перовский жорығын суреттеген М. Иваниннің «Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг.» атты кітабында кездеспейді [2] (1 сурет).

Геке бастаған отрядтың Шошқа көлдегі Ақбұлақ өзені бойында 15 шілде мен 3 тамыз аралығында үш жүз әскермен бекініс тұрғызуы, сонымен қатар Жемчужников бастаған 300 Орынбор казагі мен 50 башқұрттан тұратын отрядтың Ембі өзенінің Аты Якшиге құяр тұсында 19 тамыз бен 1 қыркүйек аралығында бекініс салудағы мақсаты, алты мың адамнан, жиырма зеңбіректен және жүк артқан 10400 түйе мен 7700 арбадан тұратын Хиуа хандығындағы орыс тұтқындарын босату, жол бойында Арал теңізін зерттеуді мақсат тұтқан Перовский бастаған экспедиция қажеттіліктерін қамтамасыз ету болды.

Азық-түлік пен жем-шөп қорын сақтайтын бекініс салу қажеттілігі туды: «Несмотря однако же на успешный ходъ работы, трудность перевозки запасовъ на телегахъ отъ Эмбы до Чушка-куля, побудила изменить первоначальное предположение и обративъ Акбулакский этапъ во временный и второстепенный, устроить главный склад на Эмбе, к этому побуждало еще богатство пастбищи близ сказанной речки...», – айтылған деректе.

1831–1868 жж. патшалық отарлау саясатына қарсы қазақ халқының қарсылығы да күшейе түсті. Ол Кенесары Қасымұлы, Есет батыр, Жоламан Тіленшіұлы, Исатай Тайманұлы бастаған көтерілістерге ұласты. Кіші жүздің Шекті руының қазақтары бекініс тұрғызып, қарсыласып соғысқан, «жау келді, жау келді» деп «Алгелді» деп атанған аңыз бар. Бекініс салғанға дейін бұл жер Қаратөбе аталған. Айжарақ батыр осы жерде жерленген.

XIX ғасырлар ортасында салынған патша бекіністерінің ішінде Алгелді бекінісі жоқ. «Строящиеся крепости, проникая на юг, образовали новые линии. На территории Младшего жуза возводятся укрепления: Уральское – на урочище Жармола у реки Иргиз (1845 г.), Оренбургское – на урочище Жарык откел на реке Торгай (1845 г.), Ново-Александровское – на Мангишлаке (1843 г.), Раимское – в низовьях Сырдарьи в урочище Раим (1847 г.), Карабутацкое – между Уральским укреплением и Орской крепостью (1848 г.), Эмбенское – на стыке рек Эмбы и Темир (1862 г.)» [12, с. 228].

Ал, Темір мен Жем өзені тұсындағы Эмба бекінісі Ащыбасшат қаласына сәйкес келеді. 1840 жылғы М. Иванин жобасын салған, 1950 ж. Ә.Х. Марғұлан жобасын алған, 2001 ж. жобасын түсірген қалашық бір бекініс екені айқын. Келешекте өлке тарихын кешенді зерттеу арқылы жаңа отырықшылық мәдениет ескерткіштері табылатынына күмән жоқ.

Әдебиеттер

1. Отчет ЗКАЭ 1950 г.
2. Иванин М. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 гг. 1847.
3. Серікбол Қондыбай. Маңғыстау-үстірттегі ортағасырлық қамалдар //Алтын Орда. 2001. Тамыз.
4. Едіге. Батырлар жыры. 5-т. Алматы, 1989.
5. Едіге батыр. Алматы, 1999.
6. Едіге батыр. Алматы, 1999.
7. Серікбол Қондыбай. Есен-Қазақ. Алматы, 2006.
8. Қарғабойлы Қазтуған. 6-т. Алматы, 1990.
9. Асан қайғы, Абат, Тоған. 6-т. Алматы, 1990.
10. Алау батыр. 6 том. Алматы, 1990.
11. Ақтөбе облысының Мұғалжар ауданында археологиялық барлау және қажет болған жағдайда қазба жұмысын жүргізу мақсатымен ұйымдастырылған археологиялық экспедицияның есебі. Алматы, 2002.
12. Зиманов С. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половине XIX веков. Алма-Ата, 1960.

ПУЛЬЖАЙ (ПУЛЖАЙ) – СЕВЕРНЫЙ ФОРПОСТ ХОРЕЗМА

Кдырниязов М.-Ш.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус

Памятником средневековой городской культуры в периферийной зоне Хорезма является городище Пульжай (территория Кунградского района Республики Каракалпакстан), который состоит из трех частей. На пологом мысу края плато Устюрт находится крепость домонгольского времени. Внизу, на юго-западной стороне крепости, на равнине, в виде разрозненных всхолмленных площадей сохранились остатки неукрепленного поселения домонгольской и золотоордынской эпох. Эту территорию можно принять за рабад, включающий жилые дома и производственные объекты (ремесленные мастерские). В археологический комплекс Пульжай входит и некрополь города, расположенный к западу от неукрепленного поселения.

История изучения Пульжая довольно скупа, публикации по истории города крайне немногочисленны. Памятник открыт в 1946 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции АН СССР под руководством С.П. Толстова [1, с. 248, карта]. В 1960 г. сотрудник отдела археологии Каракалпакского отделения АН РУз археолог В.Н. Ягодин, наряду с другими памятниками дельты Амударьи, посещает городище Пульжай. По собранным материалам из траншей и с поверхности памятника он датирует обживание Пульжая в пределах IX–XIV вв. [2, с. 90–92]. В 2003 г. городище Пульжай посещают члены международной экспедиции [3, с. 197]. В 2004 г. археологами кафедры «История и археология» Каракалпакского государственного университета им. Бердаха впервые в стационарном плане начаты раскопки Пульжая [4, с. 127–130].

Домонгольская крепость Пульжай имеет квадратную в плане форму (74 x 74 м), расположена на краю мыса чинка, дополнительно защищена с восточной и южной сторон крутыми обрывами высотой около 32 м. Две другие стороны, обращенные к плато, укреплены крепостными стенами шириной 4,20 м; с наружной стороны их огибают глубокий естественный ров–промоина, образованный дождевыми потоками и тальми водами. При осмотре бросается в глаза Г-образный вал, расположенный между крепостной стеной и рвом. При возведении вала использованы каменные тесаные плиты, которые к настоящему времени сильно деформировались и расщепляются в верхней части. Закладка каменного вала осуществлялась на дневной поверхности. При его возведении строители сразу решали две задачи: возводили важный оборонительный рубеж – вал и одновременно защищали крепостные стены от разрушения дождевыми потоками и тальми водами. К настоящему времени крепостные стены сильно оплыли, превратились в невысокие глиняные валы. В четырех углах сохранились овальные в плане оборонительные башни высотой 4 м. Кроме того, в середине каждой стены читаются полукруглые в плане башни. При строительстве оснований стен и башен использовалась кладка тесаных камней, выше которых лежат ряды пахсовых блоков высотой 1,4 м; конструкции из сырцового кирпича отсутствуют. В результате, пахсовые блоки, возведенные без учета «связующих» строительных элементов, частично разрушены.

Крепость в свое время была слабо заселена, имеет рассредоточенную планировку. Следы строений хорошо выявлены в восточной и западной частях крепости.

Внизу чинка, на юго-западной стороне крепости, сохранились остатки поселения в виде разрозненных всхолмленных площадок, где хорошо прослеживаются планировки жилищ. Тщательный осмотр и обмер уровня расположения планировок поселения показывает, что жилые постройки его еще в начальный период были построены на естественных возвышенностях, выделяющихся среди такыров. Следы построек прослеживаются и на несколько сот метров к востоку и к югу от неукрепленного поселения.

Естественные природные возвышенности защищали жилые постройки от смыва их дождевой и талой водой, стекавшей с чинка Устюрта. Многочисленные овраги и промоины обходят возвышенности с жилыми постройками. На юге они соединяются с сухим руслом и теряются в нем. В результате этого обитатели открытого поселения Пульжай свои дома не могли строить по определенному плану, хотя в некоторых местах наблюдаются определенные группы построек. Такие дома объединены неогороженным двором. Подобная планиграфическая особенность, кроме Пульжая, зафиксирована вблизи городищ Куны-Уаз I, Акча-Гелин I, Шехрлик [5, с. 125–152].

В ходе археологических работ в различных частях памятника (городища Пульжай) раскопаны помещения и производственные объекты. В восточной части крепости раскопано помещение № 1 (в плане: 5 x 4 м, вытянуто с севера на юг), его стены соприкасались с торцами соседних комнат. Они были возведены из пахсовых блоков и значительно разрушены; особенности, детали интерьера почти не прослеживаются. Пол в виде скального грунта расчищен на глубине 1,10 м. В перемещенном слое завалов, над полом найдены фрагменты керамики с зеленой, светло-коричневой поливой и надглазурной росписью, а также обломки красноглиняного кувшина с пластинчатой ручкой и лепная керамика. Лепная керамика из раскопок крепости Пульжай находит свои аналогии в керамике кердерской (VII–IX вв.) и джетыасарской культуры (VI–VII вв.). Это свидетельствует о том, что с раннего средневековья обитатели восточного чинка Устюрта поддерживали культурные связи с полукочевым населением низовьев Сырдарьи и области Кердер в дельте Амударьи. Много костей животных. Многочисленный керамический материал позволяет датировать домонгольскую крепость Пульжай X – началом XIII вв.

На территории неукрепленного поселения обследованы остатки гончарной печи полуовальной формы (помещение № 2). Печь с трех сторон – северной, восточной и западной – ограждена стенкой из тесаных плит, сырцового кирпича и сохранилась до высоты около 0,5–0,7 м. Печь заполнена керамическим шлаком и керамикой. Топочная камера имеет диаметр 1,6 м, она построена из стандартного кирпича (размером 22 x 22 x 3,5 см), характерного для памятников Хорезма золотоордынского времени [6, с. 121–122]. Судя по собранным материалам (кувшины с округлой в сечении ручкой, фрагменты сосудов серого обжига, кирпичи), гончарная печь датируется XIII–XIV вв. В раскопе, заложенном к юго-западу от помещения 2, вскрыта нижняя часть помещения 3 (6 x 7 м). Стены его возведены из обтесанных каменных плит (0,32 x 0,38 x 0,26; 0,46 x 0,24 x 0,58; 1 x 0,6 x 1,4 м). Помещение было заполнено наносным песком, обломками тесаного камня, фрагментами неполивной и кашинной керамики. Однако культурный слой в помещении выражен слабо, пол ровный, детали интерьера отсутствуют. Возможно, это результат неоднократных затоплений территории неукрепленной части городища. На дневной поверхности поселения и вокруг него встречаются россыпи белых аральских раковин небольшого размера (*Cerastoderma* и *Dreissena*).

В ходе археологических работ в крепости Пульжай найдена в основном неполивная керамика, среди которой преобладают образцы горшков и кувшинов. Горшки имеют шаровидную форму, чуть отогнутый наружу, невысокий венчик. В тесто добавлена мелкая дресва, черепок красно-бледного оттенка, поверхность покрыта чёрным ангобом. Под венчиком имеется орнамент в виде волнистой полосы. Керамика подобного типа характерна для IX–XI вв. и встречается в памятниках Восточного Устюрта (Кияжол 2) и Джампыккала [7, с. 248, рис. 80, 2, 4; 8, с. 85, рис. 1, 1–2]. Много обломков сероглиняных кувшинов, покрытых темно-серым ангобом, украшенных прочерченным узором в виде вертикальных полос и концентрических кругов с выемчатыми фестонами по краю круга. Красноглиняная поливная керамика покрыта изнутри желтовато-белой поливой, роспись выполнена коричневой, желтой, зеленой и темной красками. Кашинная керамика представлена фрагментами сосудов с двусторонней поливой, подглазурной черной росписью; изделиями, покрытыми с одной стороны кобальтом, с другой – бирюзовой, бесцветной поливой с надглазурным растительным орнаментом, с покраской цветами разных оттенков. Аналогичные кашинные изделия встречаются в золотоордынской керамике Миздахкана, Куня-Ургенча, Шемахакала, а также и в Нижнем Поволжье.

В археологический комплекс Пульжай входит и некрополь города, расположенный к западу от неукрепленного поселения. Для сооружения погребальных построек использовались большие тесаные камни, частично сырцовый кирпич. Здесь встречаются как одиночные, так и целые группы захоронений, связанные с погребениями большой семьи. Возможно, они являются усыпальницами, в них хоронили членов большой группы людей, объединенных узами кровного родства или общим хозяйством, и составляющих общину.

Таким образом, по керамическим материалам, строительной технике и нумизматике (монеты Джанибека, 756 г. хиджры) возникновение и функционирование Пульжая относится к IX–XII и XIII–XIV вв. В эти периоды в северо-западных окраинах Хорезма, вдоль чинка Устюрта, в контактной зоне оседлой и кочевой культур возникают сначала укрепленные крепости, затем неукрепленные поселения типа пригородов–рабадов. Это произошло в период начала усиления Хорезма при Мамунидах и последующих «колониционных и политических успехах хорезмийцев в Поволжье». Мамуниды, особенно Мамун ибн Мухаммед, успешно вели свою политику в Хазарии. Немаловажное значение имела борьба области против кочевых племен в

лице огузов. Вероятно Пульжай, как и другие крепости юго-восточного Устюрта, первоначально возник как форпост на северных границах области с кочевой степью и являлся среди них самым северным, окраинным. Пульжай локализуется с Гитом (Джитом), упоминаемым у ибн Фадлана (922 г.). В отрывке из «Записки» ибн Фадлана о пути из г. Джурджании (Ургенча) до плато Устюрт и далее к огузам, упоминается два населенных пункта. Он пишет: «... мы ... отправились из Джурджании ... остановились в рабате, называемом Замджан [Шемахакала], а это врата тюрок (баб-ат-тюрк). Потом на другой день мы отправились и остановились на остановке, называемой Джит. ... Потом мы устремились в страну тюрок, не сворачивая ни перед чем и никто нам не встретился в пустынной степи без единой горы» [10, с. 158]. Здесь Джит ибн Фадлана – последний населенный пункт Хорезма перед выходом на пустынное плато Устюрт.

С другой стороны, формирование городской культуры, «урбанизацию» в периферийной зоне, на границе с Устюртом можно объяснить как последствия процесса культурной интеграции оседлых земледельцев с кочевой тюркской средой. Первоначальные крепости постепенно преобразовывались в средневековые города неукрепленного типа. Старая часть перестала функционировать, либо застроилось поселение открытой части и превратилось в пригород–рабад. Историческая обстановка 2-й половины XI в. (сельджукская экспансия) временно задержала строительную деятельность правителей Хорезма. Вскоре, во 2-й половине XI – начале XIII вв., вновь воссоздается благоприятная обстановка для градостроительной деятельности.

В процессе урбанизации важную роль сыграла торговля, связанная с внутренними и межрегиональными торговыми путями. В XI – начале XIII вв. значительно выросла караванная торговля. С раннего средневековья Хорезм выигрывал от удобного расположения в зоне контактов с кочевой степью; через него пролегали важные торговые пути, в том числе международного значения из Восточной Европы в Среднюю Азию и на юг в Иран. Рост товарного производства в Хорезме, активное вовлечение его в орбиту международной торговли, наличие трансрегиональных магистралей, пересекавших его территорию, укрепление и возвышение государства и рост городов способствовали резкому повышению роли торговли.

Следует указать, что эти периферийные крепости постепенно превратились в города; вокруг них существовали большие неукрепленные поселения с нерегулярной застройкой, типичные для этих мест в хорезмшахский и золотоордынский периоды. Здесь рассредоточенные отдельными участками группы построек с разбросанными между собой домами не сохраняют следов средневековых оросительных систем, сельхозугодий. Это обстоятельство хорошо прослеживается на облике неукрепленного поселения Пульжай. Обитатели этого открытого поселения на городище Пульжай, свои дома не возводили по определенному плану. Здесь не наблюдается цепочек жилых кварталов и улиц. В планировке поселения господствуют сохранившиеся в развалинах остатки небольших построек, состоявших из одного, реже двух-трех помещений, без садово-огородных участков и дворовых оград [9, с. 30].

Таким образом, Пульжай (Джит), как последний населенный пункт Хорезма на севере, играл роль форпоста в буферной зоне, что было необходимо в политических и экономических сношениях с кочевниками Арало-Каспия эпохи средневековья.

Литература

1. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
2. Ягодин В.Н. Маршрутные археологические исследования в левобережной части дельты Амударьи // Материалы Хорезмской экспедиции. М., 1963. Вып. 7.
3. Ширинов Т.Ш., Алимов К., Баратов С.Р., Бороффка Н., Вюннеманн Б., Кривоногов С., Райнхардт Хр., Рахимов К., Сапаров Н., Соррель Ф. Полевые работы по проекту INTAS Aral № 00-1030: «Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря» // Археологические исследования в Узбекистане 2003 г. Ташкент, 2004.
4. Кдырнязов М.-Ш., Искендерова А., Турганов Б. Археологические работы на городище Пульжай // Археологические исследования в Узбекистане 2004–2005 гг. Ташкент, 2006.

5. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи: археол.-этногр. очерки. М., 1976.
6. Кдырнязов М.-Ш. История материальной культуры городов Хорезма XIII–XIV вв. Нукус, 1989.
7. Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
8. Доспанов О.Т. Жампық қала – орта әсир естелигі. Некіс, 1990.
9. Кдырнязов М.-Ш. Периферийные города средневекового Хорезма и кочевой мир // Материалы НТК «Этногенез и этническая история каракалпакского народа». Нукус, 2005.
10. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.–Л., 1939. Том. I.

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА В ДОЛИНЕ Р. ОЙЫЛ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Мамиров Т.Б.

Областной центр истории, этнографии и археологии, Актобе

Во время полевых работ на территории Уилского района Актюбинской области в 2010–2011 гг. было обнаружено несколько местонахождений каменных артефактов на песчаных выдувах на берегах водоемов.

Первые два памятника привязаны к левобережью реки Жаксыбай правого притока р. Ойыл на западной окраине Уилского района.

Местонахождение Жетиколь расположено к юго-западу от пос. Караой. На дневной поверхности обнаружены фрагменты керамики и семь каменных изделий из кремнистой породы и кварцитовидного песчаника. Типология артефактов выглядит следующим образом: первый – острие на вторичном отщепе, размерами 37x37x8 мм. Сырье матовая светло-серая полупрозрачная кремнистая порода, покрытая густой белой патиной. Ударная площадка точечная, спинка неравномерно выпуклая, с негативами пяти конвергентных сколов. Вентрал – выпукло-вогнутый, левый край выпуклый, ломаный, с заломами, обнажающими сырье под патиной. Правый край выпуклый крутой с лицевой чешуйчатой мелкой крутой ретушью. Дистальный конец представляет собой острие с ретушью утилизации.

Второй – двугранная асимметричная пластина из серой с коричневым оттенком полупрозрачной кремнистой породы, размерами 48x11x4 мм со следами псевдоретуши на краях.

Третий – дистальный фрагмент пластины размерами 19,1x9x2,6 мм из серовато-коричневого кремня с обратной микроретушью по краям.

Четвертый – угловой резец на нуклеидном обломке размерами 24,2x25,1x13,7 мм из слабо патинизированной светло-серой кремнистой породы.

Три изделия из кварцитовидного песчаника: два фрагмента полукраевых и фрагмент вторичного скола с псевдоретушью. Керамика фрагментированная, плохой сохранности, предварительно эпохи ранних кочевников.

Местонахождение Караколь расположено к юго-востоку от одноименной зимовки. На дневной поверхности собрано 14 каменных изделий из кремнистой породы и кварцитовидного песчаника разных оттенков. Техника первичного раскалывания представлена двумя коническими микронуклеусами, двумя техническими сколами, нуклеидными обломками.

Микронуклеусы: первый – конический из кварцитовидного песчаника с подработанным зауженным контрфронтом, размерами 47,2x15,8x21,1 мм. Фронт выпуклый с негативами снятий микропластин шириной 6–10 мм. Контрфронт представляет собой выпуклое ребро, подработанное уплощающими сколами. Ударная площадка прямая трехфасеточная, образует с фронтом прямой угол.

Второй – конический, размерами 50,4x18,4x21,1 из кремнистого аргиллита. Фронт выпуклый с негативами снятий микропластин шириной 4–10 мм, контрфронт – извилистое ребро, подработанное сколами. Дистал –

поперечное ребро. Ударная площадка скошенная, образована одним снятием, образует угол в 80° с фронтом.

Технические сколы: первый – скол оживления ударной площадки нуклеуса из трещиноватой кремнистой породы, размерами 27,6x16x10,9 мм, второй скол оживления фронта нуклеуса из аналогичной породы, размерами 17,8x23x7,3 мм.

Два нуклеидных обломка, первый со следами преднамеренных снятий, массивный размерами 55,2x34x28,7 мм с остатками желвачной корки, второй трехгранный из кварцитовидного песчаника, размерами 30,5x27,1x12,1 мм.

Орудия следующих типов: медиальный фрагмент двусторонне обработанного двояковыпуклого в сечении наконечника стрелы, размерами 34,7x13,2x6,7 мм, покрытого белой густой патиной.

Концевой скребок на пластинчатом отщепе, с двугранной симметричной спинкой, размерами 27,3x17,4x8,4.

Медиальный фрагмент пластины, размерами 27,2x21,3x0,54 мм из темно-коричневого кварцитовидного песчаника с двугранной асимметричной спинкой, со следами противоположающей ретуши по краям.

Остальные изделия без вторичной обработки: медиальный фрагмент трехгранной асимметричной пластины с псевдорезцовым сколом, из коричневого кварцитовидного песчаника, размерами 20,7x17,1x0,50 мм; проксимальный фрагмент пластины с трехгранной асимметричной спинкой, размерами 25,6x10x3,2 мм из светло-коричневого кварцитовидного песчаника.

Отходы производства: обломок вторичного скола из светло-серого кварцитовидного песчаника, размерами 38,2x23,3x5,0 мм, обломок скола из розовой кремнистой породы размерами 38,8x19,2x5,6 мм, чешуйка пирамидальной формы, размерами 15,8x16,9x5,8 мм из светло-серого кремнистого аргиллита.

Вторая группа памятников приурочена к месту впадения родника в реку Ойыл в 9 км к югу от пос. Уил, и в 0,5 км к югу от зим. Кумсай.

Памятники представлены единичными находками трех местонахождений и небольшой стоянки Кумсай на правом берегу р. Ойыл.

Единичные находки следующих типов: геометрический микролит (сегмент), размерами 30,3x9x2,8мм, выполнен на трехгранной асимметричной пластине. Концы притуплены лицевой крутой ретушью со следами утилизации. Основание с противоположающей нерегулярной приостряющей ретушью. Дуга с обратной глубокой мелкой полукрутой ретушью.

Пластина, патинизированная из кремнистой породы, размерами 34,8x12x4,2 мм. Спинка трехгранная асимметричная, вентрал вогнутый. Ударная площадка точечная. Правая часть с обратной глубокой ретушью. Левый край выпуклый полукрутой с противоположающей чешуйчатой глубокой ретушью в средней и верхней части. Правый край слабовыпуклый полукрутой, с обратной глубокой ретушью в средней и верхней части. Дистал выпуклый усечен крутой лицевой субпараллельной ретушью. Заготовка сегмента?

Фрагмент листовидного двусторонне обработанного двояковыпуклого в сечении наконечника стрелы с шипами, размерами 21,4x13,3x4 мм. Острие и один из шипов обломаны. Целый шип небольшой, размерами 4x3 мм, второй обломан массивный в основании (5,6 мм).

На стоянке Кумсай собрано шесть артефактов из кремнистой породы: микронуклеус конический завершённый сработанный, размерами 33,9x14,9x13,1 мм. Сырье – темно-серая кремнистая порода с включениями песчаника. Фронт выпуклый с негативами снятий микропластин шириной 3–7 мм, контрфронт двугранный с включением песчаника, уплощен сколами с дистала. Ударная площадка подготовлена двумя снятиями, скошенная, образует с фронтом острый угол 75° , половина площадки с включением песчаника. Дистал – асимметрично скошенное поперечное ребро.

Медиальный фрагмент микропластины, размерами 19,3x5,4x1,5 мм с двугранной асимметричной спинкой. Верхняя часть правого края обработана обратной микроретушью.

Медиальный фрагмент пластины размерами 20x17,1x2,5 мм с трехгранной асимметричной спинкой и с микроретушью по краям.

Проксимальный фрагмент пластины размерами 30,1x14,2x2,8мм с двугранной асимметричной спинкой.

Отходы производства представлены техническим сколом размерами 20,2x12,1x3,1 мм и удлинённой чешуйкой (20,5x8,3x1,6 мм).

Собранный инвентарь на местонахождениях, небогатый – 30 артефактов, но наглядно иллюстрирует пластинчатую индустрию, с ярко выраженными микронуклеусами для снятия микропластин. В орудийном наборе имеются пластины с ретушью, и орудия на пластинах (сегмент, скребок).

Каменные орудия с местонахождений не образуют типологических серий, ввиду малочисленности артефактов, но в хронологическом отношении относятся как мезолиту – неолиту, так и энеолиту. Микронуклеусы, микропластины, сегмент с односторонней обработкой дуги имеют сходные черты с мезолитическими и раннеолитическими памятниками Северного Прикаспия (Жел-Калган 1, Исатай 1, 4, Шонай 3, 4, 7, Новая Казанка 1) [1, с. 75–78; 2, с. 52].

Наконечники стрел с выемкой и шипами в основании, относятся к энеолиту, или к ранним этапам бронзового века – ямной культуры. К слову, в 2,5 км к юго-востоку от местонахождения Кумсай на возвышенной террасе р. Ойыл находится одноименный могильник ямной культуры.

Местонахождения Караколь и Кумсай можно классифицировать как небольшие стоянки охотников мезолитического времени, на которых происходило изготовление орудий из пластин. Местонахождения Жетиколь, единичные находки в районе зимовки Кумсай свидетельствуют об эпизодических пунктах пребывания охотников неолита – энеолита в регионе. Многочисленные находки каменных артефактов бассейна рек Ойыл, Сагиз, Эмба, Иргиз свидетельствуют о его повсеместном заселении в позднем каменном веке древними охотниками.

Схожие памятники с микролитическим инвентарем в соседних районах открыты в песках Аккумсагыз, в песках Кокжиде, у аула Коктубек на берегах рек Сагиз, Эмба, Иргиз, опубликованы А.А. Формозовым и отнесены к казахстанскому варианту кельтеминарской культуры [3, с. 57; 4]. В Уилском районе в 1947 году непосредственно у села Караой В.С. Журавлевым была открыта дюнная неолитическая стоянка Караой. Каменный инвентарь характеризуется ретушированными пластинами с выемкой, концевыми скребками и проколками с ретушью [3, с. 56]. В конце 70-х гг. прошлого века были открыты дюнные стоянки в южных районах Актюбинской области (Жанаконьская, Сам 2, Шубарши, Сорколь и др.), материалы хранятся в фондах Областного краеведческого музея [5, с. 73; 6, с. 56–61]. Однако данные памятники в большинстве случаев открыты геологами, краеведами, на стоянках проведены были лишь выборочные сборы, также как и на местонахождениях в Уилском районе обнаруженных в 2010–2011 гг.

Необходимо проведение полномасштабных разведочных работ с закладкой шурфов на дюнных памятниках для решения вопроса о культурной принадлежности стоянок и местонахождений, и соотнесении с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья, с памятниками Северного Прикаспия, Урала.

Литература

1. Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
2. Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т., Першикова Т.Н. Полевые исследования палеолитического отряда УКАЭ в 2003 году // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Сб. научных статей. Вып. 2. Уральск, 2003.
3. Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК им. Н.Я. Марра. 1949. Вып. 25.
4. Формозов А.А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане // КСИИМК им. Н.Я. Марра. 1950. Вып. 31.
5. Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1976 года (Рукопись). Фонды АОИМК. Актюбинск, 1977.
6. Петров Н.П., Родионов В.В. Отчет об археологической разведке в Актюбинской области летом 1977 года. (Рукопись). Фонды АОИМК. Актюбинск, 1978.

Г.А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ И ХОРЕЗМА

Нигаматзянов И.Р.

Институт Татарской энциклопедии АН РТ, Казань

В 2011 году научная общественность отмечает 80-летний юбилей со дня рождения выдающегося ученого-историка, археолога и нумизмата, исследователя средневековой истории тюрко-мусульманских народов Евразии, «патриарха золотоордынской археологии» Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (17.07.1931 – 23.04.2000). Основная научная и организационная деятельность ученого была связана с изучением истории и археологии Золотой Орды и руководством Поволжской археологической экспедицией. Однако, научная карьера студента-практиканта исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Федорова-Давыдова началась в начале 1950-х гг. в составе Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (руководитель – С.П. Толстов). В 1954 г. под руководством С.П. Толстова им была защищена дипломная работа на тему «Монетный чекан в Хорезме XIII–XIV вв.» [1, с. 8–9; 2, с. 486]. Именно эта экспедиция определила многое в его научной биографии и дальнейшей полевой деятельности. Результатом стала публикация, посвященная раскопкам на городище Таш-кала в Куля-Ургенче [3; 4, с. 6–7].

С конца 1950-х гг. вместе с созданием Поволжской археологической экспедиции, которой он руководил около 30 лет, начинается археологическое изучение золотоордынских нижневолжских городов [5, с. 105–106]. Одновременно с началом раскопок нижневолжских городов Герман Алексеевич приступает к монографическому исследованию темы «Кочевники Восточной Европы в X–XIV вв.». Осенью 1966 г. эта работа была защищена в качестве докторской диссертации и была издана двумя книгами («Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов» (1966) и «Общественный строй Золотой Орды» (1973) [6; 7]). Хронологически они охватили 500-летний период прикаспийских и причерноморских степей, удачно соединив чисто археологический материал с общеисторическими обобщениями и углубленным рассмотрением конкретных сторон материальной культуры и социального устройства кочевого общества в домонгольский период и в эпоху Золотой Орды. Им разработана стройная и четкая типология кочевнической материальной культуры, рассмотрено соотношение кочевого и оседлого элементов в жизни степей, а также воздействие монгольского завоевания на местное кыпчакское население [4, с. 6–14].

Г.А. Федоров-Давыдов рассматривает не только перемены в степях после утверждения здесь Золотой Орды, но и общественный строй нового государства, перенесенный из Центральной Азии в Европу и основанный на традициях Великой Ясы Чингисхана. Особое внимание он уделил детальному освещению улусной системы Золотой Орды, ее иерархии и отношениям ханской власти с кочевой аристократией. Конкретные археологические исследования позволили автору обосновать факт сращения части кочевой монгольской аристократии с верхушкой оседлого городского населения, выявить роль рабского труда в городах и рассмотреть проблему организации ремесленного производства. Динамика развития золотоордынского общества прослеживается им на изменении внутреннего содержания социальных терминов, что было обусловлено с развитием феодальных отношений в государстве. При этом он подчеркивал, что основой общественного строя Золотой Орды остаются традиции кочевого (улусного) феодализма [5, с. 106].

Герман Алексеевич относил Хорезм к областям с традиционной городской жизнью, отмечая особую экономическую важность и характеризуя его как «Жемчужина Джучидского улуса» [8, с. 94; 9].

Будучи прекрасным нумизматом, Герман Алексеевич в своих исследованиях основное внимание уделил изучению денежного дела Хорезма. Им были выяснены и уточнены даты и время происхождения кладов, дана история развития денежного обращения, обоснованы особенности состава обращения монет в различные периоды их истории, очерчены экономико-географические зоны денежного обращения. Ему удалось связать известные выпуски монет с политическими процессами и событиями этой области. Так он отмечает, что выпуски анонимных монет в Хорезме (1314–1317 и 1360–1380) связаны с политической нестабильностью в государстве [8, с. 95–96; 10, с. 181]. Это свидетельствовало о том, что монетное дело Хорезма в значительной мере развивалось независимо от столицы Сарая.

Также об автономности Хорезма свидетельствует тот факт, что в 60–80-х гг. XIII в. в Хорезме к власти приходит полусамостоятельная династия Кунградских Суфи и этот период отмечен началом выпуска анонимных монет. Династия Кунградских Суфи была достаточно самостоятельной, чтобы не помещать имя золотоордынского хана на своих монетах, но слишком слабой, чтобы чеканить монеты от своего имени [10, с. 184].

Герман Алексеевич особо выделяет торгово-экономические связи городов Поволжья со Средней Азией [11, с. 132; 12, с. 210]. Хорезм являлся важнейшим торговым центром, сосредотачивавший в своих руках основную долю торговых оборотов Средней Азии с Восточной Европой.

Улус Хорезм занимал выгодное стратегическое положение. Из Хорезма дорога шла на Дальний Восток и через Среднюю Азию в Иран и Индию. Торговля с Ираном шла и через Кавказ (Дербент), и через Каспий. Военные действия не препятствовали торговым сношениям с Ираном [12, с. 214].

Из Сарая в Китай можно было добраться двумя путями. 1. Из Сарайчика шел прямой степной путь в Китай через Отрар и Алмалык, который был хорошо охраняемым. Через каждый день пути на дороге из Отрара в Алмалык можно было встретить военный охранный пост. 2. Другой путь из Сарая в Китай – через Хорезм, который считался наиболее выгодным [12, с. 217].

Из Средней Азии и Ирана через причерноморские порты в европейские страны вывозили шелк, пряности, рис, драгоценные камни, парчу, шафран, лекарства, жемчуг, хлопчатые ткани. Известны некоторые сорта вывозимого шелка, которые назывались *organinum*, *cazumisna*, т.е. ургенческими или хорезмскими [12, с. 204].

Хорезмские мастера участвовали в организации выпусков монеты в Сарае и сложении гончарного производства золотоордынских городов [10; 11, с. 130–131; 12, с. 201, 210–215].

В поволжских городах Золотой Орды найдено значительное количество керамических изделий, созданных в Хорезме, которые в поволжских городах вызвали местные подражания. В керамическом материале нижневолжских городов известна серо- и черноглиняная керамика привезенная из Хорезма. Красноглиняная золотоордынская посуда транспортировалась в Хорезм. Их обломки найдены в ряде городов Хорезма и в караван-сараях на Устюртском торговом пути [12, с. 213].

В связи с ослаблением центральной власти в Золотой Орде города Поволжья приходят в упадок. Регионы с традиционным городским укладом, к которым относился Хорезм, выдерживают политические кризисы и продолжают свое развитие в последующие периоды [9, с. 220].

Среди работ Германа Алексеевича, посвященных истории и культуре Хорезма и Средней Азии, необходимо отметить следующие публикации: «К вопросу о денежном курсе золота в Иране и Средней Азии в XIV веке» (1956), «Монетная система Хорезма XIV в.» (1957), «Из истории политической жизни Хорезма XIV в.» (1958), «О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в.» (1961), «Клад золотых монет X века из Самарканда» (1962), «Нумизматика Хорезма золотоордынского периода» (1965), «Связи золотоордынских

городов Поволжья со Средней Азией и Кавказом» (1965), «Города Средней Азии в XIII–XIV вв.» (1989), «Этнические процессы в Средней Азии в XIII–XV вв.» (1990), «Из истории денежного обращения средневекового Хорезма» (1998) и др. [13].

Г.А. Федоров-Давыдов (слева) и А.А. Бурханов. Май 1997.
Фото А.А. Бурханова

Литература

1. Бурханов А.А. От редактора. Памяти патриарха золотоордынской археологии // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Под ред. А.А. Бурханова. Вып. 2. Казань, 2001.
2. Полубояринова М.Д., Дворниченко В.В. Федоров Давыдов Герман Алексеевич // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. С.П. Карпова. М., 2004.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // ТХАЭЭ. М., 1958. Т. II.
4. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002.
5. Нигаматзянов И.Р. Г.А. Федоров-Давыдов как исследователь Золотой Орды // Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология Евразии. Новосибирск.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Из истории политической жизни Хорезма XIV в. // КСИАЭ, 1958,
9. Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности развития городов в монгольских государствах Азии в XIII–XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Материалы Всесоюзного совещания 13–15 мая 1981 г. Алма-Ата, 1983.
10. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма Золотоордынского периода // Нумизматика и эпиграфика. М., 1965. Т. V.
11. Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
13. Полубояринова М.Д. Список научных трудов Г.А. Федорова-Давыдова // Поволжье и сопредельные территории в средние века. Памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Труды ГИМ. Вып. 135. М., 2002.

КӨПТОҒАЙ ОБАСЫНЫҢ ҚЫШ ЖӘДІГЕРЛЕРІ

Тұрарұлы А.

Атырау облыстық тарихи-өлкетану мұражайы

Атырау облыстық тарихи-өлкетану мұражайына 2011 ж. жаз айында «N» әскери бөлімінің қызметкері 2 қыш ыдыс әкеліп тапсырған болатын. Бұл қыш ыдыстар карьерден топырақ қазу кезінде табылған. Ал карьер Құрманғазы ауданы Көптоғай ауылының оңтүстігінде 2,5 км-дей жерден қазылған екен. Бұл жер Атырау облысының батысы Қазақстан-Ресей шекарасы маңында, Еділ өзенінің бір саласы Қиғаштың оң жағында орналасқан. Осы карьердің шығыс жағынан әскерилер экскаватормен топырақ қазу кезінде ежелгі адам қабірінің үстінен түсіп, мәйіттің бас сүйегі мен кеудесін қозғап, бұзып кеткен. Адам сүйегіне қосыла қабірден жоғарыда аталған 2 қыш ыдыста шыққан.

Мұражайға тапсырылған осы қыш ыдыстар бұрын облыс территориясынан кездеспеген, пішіні бойынша ыдыстың сирек кездесетін түрі болуына байланысты жәдігер табылған жерді тереңірек зерттеу, қазба жүргізу ұйғарылды.

Қыш ыдыстардың сипаттамасына келсек, олар керамиканың станокта жасалған түрінен екені байқалады. Ыдыстарға ешқандай өрнектер салынбаған.

1. Орташа көлемді, ұзын мойынды қыш құмыра. Ыдыстың биіктігі 19,5 см. Түсі сұр. Сырты кара түспен жылтыратылған. Мойынының ұзындығы 9,5 см. Түбі тегіс келген, диаметрі 15 см болады. Бүйірі дөңес, сыртына шығыңқы келген. Ернеуі сыртына қайырыла, шығыңқы етіп жасалған, суағары бар. Тұтқасы ернеуінен сәл

төменнен басталып бүйірінен аяқталады. Бүйірінде ұзындығы 5 см болатын ойық бар. Ернеуінің екі жерінен аздап сынғаны байқалады. Сапалы қыштан күйдірілген (1-сурет).

2. Кіші көлемді қыш құмыра. Қызыл түсті, жылтыратылған. Пішіні биконусты келген. Құмыраның сақталған биіктігі 12 см болады. Ернеуі сыртына қарай шығыңқы келген, шеттері сынған. Мойнынан бүйіріне дейін созылған лента тәріздес тұтқасы бар. Тұтқасының жалпақтығы 2 см. Ыдыс түбінің диаметрі 10,5 см, оның жарты бөлігі сынып қалған. Қыштың сапасы өте жақсы (2-сурет).

2-сурет. Кіші көлемді қыш құмыра

1-сурет. Орташа көлемді, ұзын мойынды қыш құмыра

Топырақ алынған жер биік, төбелі келген. Ол жерде көптеген топырақ алынған қарьерлер бар. Жәдігер шыққан қабірдегі адам мәйітінің қозғалмаған бөлігі топырақтан аршылып, тазаланды. Қабір шұңқыры оңтүстік-батыстан солтүстік-шығыс-

қа созыла төрт бұрышты етіп қазылған. Қабірдің ені 40 см болады. Ұзындығы 120 см-де сақталған. Қабірдің тереңдігі жер бетінен есептегенде 1,80 м. Қабырғасы тегіс емес.

Қабірден адам қаңқасының жарты бөлігі, яғни, жамбас сүйегі, аяқтарының сүйектері және алақан, саусақ сүйектері ашылды. Мәйіттің басы оңтүстік-батысқа қаратылып жерленген. Қолдарын екі жағына, денесіне қапсыра қойылғаны байқалады. Сол қолының алақандары сол жамбасы мен сан сүйектері тұсында орналасқан. Осы алақан

сүйектері астынан аздаған темір қалдығы анықталды. Оң қолының алақаны оң аяқтың санының үстіне міне жатқызылған. Мәйіттің аяқтары қабір бойымен тік созылған. Табандары солтүстік-шығыс бағытқа қараған. Қабір қабырғасында, мәйіт астында бор ұнтақтары кездеседі (3-сурет).

Қабірге жүргізілген қазба жұмыстарына және осы қабірден табылған жәдігерлерге байланысты, бұл жерде ерте темір заманында өмір сүрген сармат тайпасының обасы болған деп болжам жасап отырмыз. Б.з.б. III ғ. б.з. IV ғ. аралығында сарматтар Арал-Каспий аймағында көшпенді өмір сүріп, негізінен мал шаруашылығы, аңшылық, балық аулаумен айналысқан. Аздаған бөлігі отырықшылықта, егіншілікпен де шұғылданған. Әсіресе Еділ мен Жайық өзені бойында өмір сүрген сармат тайпаларының шаруашылығында жер игеру айрықша орын алған.

3-сурет. Қабірдегі адам мәйіті

Ерте темір кезеңінде Орталық Азия мен Қара теңіз жағалауы тайпаларының мәдениетін байланыстырушы қызметін сарматтардың мәдениеті атқарғаны белгілі. Олардың мәдениеті хроникалық жағынан үшке бөлінеді: ерте сармат (прохоров), орта сармат (суслов) және кейінгі сармат мәдениеті деп аталады. Сарматтар ұзақ уақыт бойы, б.з. IV ғ. ғұндар шапқыншылығына дейін сол заманның халықаралық оқиғаларына белсене қатынасып тұрған. Б.з.д. I-мыңжылдықтың орта шенінде, Геродоттың жазбаларында айтылатын «далалық скиф жолы» Қара теңіздің солтүстік жағалауындағы грек қалалары арқылы Оңтүстік Орал даласына, одан әрі Алтайға дейін созылғаны, осындай өзара қарым-қатынастың болғанының дәлелі [1].

Грек-рим жазба деректемелерінің көптеген мәліметтері б.з.б. III ғ. скиф тайпаларының жерлерін жаулап алуымен көзге түскен сарматтардың батысқа үдере жылжулары, Боспор патшалығымен экономикалық және саяси байланыстары, Рим империясымен күресінің көптеген эпизодтары туралы баяндайды. Сарматтар мәдениеті көшіп-қону, сауда-саттық, соғыс жорықтары арқылы Батыс Еуропа, Қара теңіз маңындағы елдерге тараған [2].

Сарматтардың обалары әдетте биік жерлерге салынады. Олардың үстіне топырақ немесе тас үйілетін. Қабірі тік бұрышты пішінде қазылып, аяқ жағына қарай аздап тар болып келеді. Ішіне тазартушы қасиетті күш - отты алмастырушы ретінде бор үгіндісі шашылып, мәйіттің басын оңтүстікке немесе оңтүстік-батысқа

қарата жерлеу б.з.б. II–I ғғ. тән жағдай. Мәйітті шалқалай, ұзынынан тік жатқызып, сол қолына еңбек құралдары, оң қолына қару-жарағы қойылған. Қолының екі жағына бос жіберілгенінен бұл мәйіттің ер адамдікі екенін байқауға болады. Әдетте әйел адамның бір қолы бүктетіле жамбас сүйегінің үстіне қойылатын болған. Бас жағына қыш ыдысқа салттық тағамдар салынған ыдыстар қойылған [3, 36 б.]. Біз зерттеген қабірдегі қызыл қыш ыдысқа ет, сұр құмыраға сұйық тамақ салып мәйіттің бас жағына қойылған болуы әбден мүмкін. Осы ыдыстардың жасалу техникасына қарап оны шеттен келген ыдыстың қатарына жатқызып отырмыз. Өйткені сарматтарда көбіне қыш ыдыс жасаудың жапсырма түрі кездеседі. Станокта жасалған қыш ыдыстар прохоров мәдениетінде көп ұшыраспағанмен, сулов мәдениетінде сарматтар арасында біршама көп тараған. Олардың көшпелілер арасына келу жолдары әр түрлі: дипломатиялық тартулар, сауда байланыстары, әскери олжа немесе тайпааралық өзара алыс-берістер [4]. Қабірден табылған қыш ыдыстардың өндірушілері Қара теңіздің солтүстік жағалауының, Қырымның антикалық орталықтары болуы мүмкін деп ойлаймыз. Оларды осы жерлерде жасалған, уақыты анықталған қыш ыдыстардың тікелей аналогтары ретінде санауға болады. Б.з.б. I ғасырға жататын Қырымдағы Бельбек обаларынан [5, 21 б.], Донның төменгі ағысындағы Шаумян қорғандарынан ұқсас қыш ыдыстар табылған болатын [4]. Сарматтардың өз заманында алыс шет елдерден тұрмыстық және сәндік заттар алып отырғаны белгілі. Оның Атырау жеріндегі тағы бір дәлелі ретінде Қызылқоға ауданындағы Жолайшағыл құм төбелі қабірінен табылған қызыл бояулы амфора мен кара түсті жылтыратылған кішкене құтыны айтуға болады [6].

Сармат тайпаларының үлкен бөлігінің батысқа жылжыған уақытымен сәйкес келетін орта сармат мәдениеті кезеңінің ескерткіштері шашырай таралып, біраз өзгерістерге ұшыраған. Соған қарамастан мәдениеттер сабақтастығының іздерін де айқын байқауға болады.

Көптоғай обасынан табылған қыш ыдыстар сарматтар тарихы мен мәдениетінен хабар беретін өте құнды материал деп есептеймін. Қазіргі уақытта сармат обасы антропологиялық әсерлерден толықтай бүлінген.

Әдебиеттер

1. Кекілбайұлы Ә. Он екі томдық шығармалар жинағы. Алматы, 1999.
2. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России, М., 2008.
3. Богданова Н.А. Погребальный обряд сельского населения позднекифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
4. Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // История и культура сарматов. Волгоград, 2005.
5. Гушина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.
6. Қасенов М.С. Жолайшағыл құмтөбелі қабірі. Атырау, 2006.

КИРПИЧНЫЕ КРЕПОСТИ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА НА НИЖНЕМ ДОНУ. К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Флёров В.С.

Институт археологии РАН, Москва

Цели настоящей публикации: ознакомить участников форума с 1) отдельными проблемами строительства крепостей в Хазарском каганате из обожженного и сырцового кирпича и 2) единственной известной на сегодня возведённой в основном из сырцового кирпича крепостью каганата на Нижнем Дону – Семикаракорской.

Большое внимание уделено кирпичам, сырцовым и обожженным, т.к. формат и размеры кирпича, наряду с планами крепостей, являются важнейшим источником по истории фортификации Хазарского каганата. Мало того, они не могут рассматриваться изолированно, т.к. являются составляющими одного целого.

Саркел – Левобережная Цимлянская крепость. Он остаётся самой изученной крепостью каганата на Нижнем Дону (табл. 1:1), полностью возведённой из обожжённого кирпича [1; 2]. Известное сообщение Константина Багрянородного однозначно свидетельствует о том, что проект саркелской крепости – прямоугольная с

квадратными башнями – был предложен византийцами [3, с. 170–173]. Не так однозначно решается вопрос о том, кто непосредственно руководил строительством и выбирал формат и размеры кирпича. В связи с этим важно также отметить, что стены и башни Саркела возведены без фундаментов и даже не были сколь-либо заглублены.

П.А. Раппопорт выделил в своё время лишь два основных размера квадратных кирпичей Саркела – 24x24x5 (его полуформат 24x12x5 и полуторный формат 36x24x5) и 27x27x7 см. Кроме того, упомянуты единичные квадратные кирпичи со сторонами в 30 и 34 см без указания толщины. Казалось бы, строители крепости придерживались двух стандартов. Однако позднее изучавшая граффити на кирпичах В.Е. Флёрова установила, что стандарты постоянно нарушались, причём без какой-либо системы, а сами типы граффити показывали, что мастерами-кирпичниками были исключительно представители местного населения [4]. Ни одного изображения византийского происхождения на кирпичах Саркела, в отличие от амфор, не оказалось. Как варьировались размеры кирпичей в Саркеле и встречаемость каждого из форматов отражены в *таблице 2*. Из неё следует, что наиболее распространёнными были кирпичи со сторонами 24–26 см.

К данным о саркеловских обожженных кирпичах добавлю, что на соседнем *Правобережном Цимлянском городище* зафиксированы сырцовые кирпичи квадратного формата – 36–35x36–35x9–8 см. и производный от него полуформатный кирпич – 36–35x17–16x9–7 см.

Семикаракорская крепость (табл. 1: 2) Расположена в 120 км ниже по течению Дона от Саркела [5]. Для степей это небольшое расстояние. Крепость относится к типу «квадрат в квадрате», т.е. совершенно иному, нежели Саркел. Очертания крепости и её цитадели действительно близки к не совсем правильным квадратам. Размеры крепости примерно 200x215 м. В восточную стену включена большая башня-донжон, ныне оплывшая и принявшая вид кургана. Внутри крепости расположена цитадель размерами 80x85 м. Судя по первым результатам раскопок, ни крепость, ни цитадель не имели угловых башен. Кроме упомянутого донжона, только на северной стене крепости открыта одна своеобразная башня, неумело возведённая в форме неправильной трапеции с максимальными размерами 14x9 м. Башня разделена на два равных помещения производственного назначения (железообработка).

Происхождение плана Семикаракорской крепости совершенно очевидно. Эта традиция формировалась не в Византии, но на пространствах от Тувы до Казахстана.

Стены Семикаракорской крепости и её цитадели сложены из сырцовых кирпичей с редким включением обожженных. Толщина стен не менее 1,65 м (ср.: стены Саркела имели толщину 3, 75 м).

Размеры сырцовых семикаракорских кирпичей достаточно стандартны: от 27x25x5 см и 26x26x6 см до 23,5x23,5x4–5 см. Есть и полуформатные. Самые редкие сырцовые кирпичи размером 30x30 см найдены в небольшом количестве вне стен.

Кладка стен произведена исключительно на растворе глины и просто на «грязи». Под вопросом остаётся облицовка сырцовых стен обожженными кирпичами (не исключено, что облицовка была разобрана казаками в XVII–XIX вв.). Тем не менее, о такой возможности говорят остатки известкового раствора вдоль стен.

Значительно более разнообразны параметры обожжённых кирпичей, среди которых абсолютно преобладают квадратные. *Общий интервал колебаний длины сторон от 28 до 21 см*. Центр (ось) выборки составляют кирпичи со сторонами длиной от 25 до 24 см. Для Саркела П.А. Раппопорт выделил как преобладающий кирпич со стороной в 24 см «с очень незначительными отклонениями – не более 1 см в ту или иную сторону», но какова частота встречаемости отклонений не сказано (3, с. 14).

Четких интервалов в размерах (прерывистости) между сериями семикаракорских кирпичей со сторонами в 25, 24 и 23 см нет, что говорит о единой традиции. Пограничные зоны заполнены кирпичами с отклонениями от квадрата в 0,5–1,0 см.

Итак, на Нижнем Дону на сегодня известны две построенные из кирпичей крепости Хазарского каганата. Преобладающие форматы и размеры кирпичей, сырцовых и обожженных, в них одинаковы, но с многочисленными отклонениями, преимущественно в сторону уменьшения и нарушения квадратной формы.

К настоящему времени постепенно накапливаются данные о более ранней, относительно Саркела, дате Семикаракорской крепости (тип «квадрат в квадрате»). Из этого предлагаются следующие предварительные выводы.

1. Появление в Хазарском каганате кирпичной фортификации никак не связано с византийской традицией, как и размеры использовавшихся кирпичей семикаракорско-саркеловских серий. Истоки этой фортификации

андроновской культурно-исторической общности под воздействием различных факторов оформлялись особые группы населения, в среде которого распространялись признаки, характерные как для всей общности, так и признаки, отличающие одну культурную группу от другой. На территории Южных отрогов Уральских гор и их естественного продолжения Мугоджар распространился особый тип памятников, вошедший в науку под названием «памятники кожумбердынского типа алакульской линии развития». На данный момент мы обладаем достаточно широким спектром информации о погребальном обряде групп населения, проживающего на обозначенной территории, и практически не имеем сведений о памятниках населения Урало-Мугоджарского региона.

Исследования поселенческих памятников имеют отрывочный характер; они носили второстепенный характер по сравнению с погребальными памятниками. В ходе археологических разведок, начиная с 30-х гг. XX в. отмечалось богатство региона поселенческими памятниками эпохи поздней бронзы. Отдельные постройки были вскрыты на поселениях Ушкатты, Ушкатты II, Шандаша. На сегодня полностью раскопанным поселенческим памятником является поселение Тасты-Бутак. Отдельным аспектам андроновских жилищ в пределах зоны распространения кожумбердынских памятников были посвящены труды Е.Е. Кузьминой и В.С. Сорокина.

Поселения и местонахождения, имеют ряд характерных черт в топографическом размещении. Практически все поселения местонахождения размещались на ровной, мысообразной площадке, образованной изгибом реки, располагаясь на расстоянии 200–1500 м от некрополей (Тасты-Бутак, Ушкатта II, Улы-Талдык I, Улы-Талдык II, Тыкбутак) [9, с. 1; 1, с. 22; 5, с. 1–3]. Иногда поселения находились на довольно значительном расстоянии от воды, на возвышенных площадках, и второй надпойменной террасы (Шандаша) [2, с. 20, 59, 60]. Одной из важных особенностей размещения поселений является их устойчивое расположение под прикрытием гряды холмов (Тасты-Бутак, Ушкатты I, Улы-Талдык I, II, Тыкбутак) или скальных выходов (Шандаша) [6, с. 1; 2, с. 60, 1966, с. 1; 5, с. 1, 2].

В планиграфии поселений преобладает линейная структура, жилища располагались цепочкой вдоль русла реки, однако поселение Шандаша располагалось перпендикулярно руслу реки [6, с. 1; 2, с. 60].

Структура построек в связи с географического положения поселенческих комплексов имела свои особенности. Вместо деревянных конструкций, которые составляли основу полуземлянок каркасного типа, площадью 200–300 м², вероятно, возводились глинобитные постройки, находящие аналогии в современных этнографических данных коренного населения степей Урало-Мугоджарского региона. Так на поселениях Шандаша и Ушкатта II были обследованы каменные ограды [1, с. 24; 2, с. 60], вероятно, являющиеся основой – фундаментом глинобитных стен.

Основная площадь жилища делилась на две зоны: хозяйственную и бытовую. Для хозяйственной зоны характерно размещение очагов, хозяйственных ям и печей. Обычно на территории жилищ располагалось от двух до пяти очагов. Среди очажных ям выделяются простые и сложные по конструкции. К простым следует отнести очажные ямы, вырытые в материке, без использования дополнительных конструкций из камня. Очаги данного вида представляли собой овальные ямы длиной 1,4–1,8 м, шириной 1,2 м, углубленные в материк на 0,2–0,4 м [4, с. 5; 9, с. 15]. Очаги с использованием камня как основного элемента конструкции встречаются повсеместно на всех поселениях региона эпохи поздней бронзы. Данная группа представлена двумя типами: очагами овальной формы и очагами прямоугольной формы. Очаги первого типа выявлены на поселениях Ушкатта II, Шандаша; размеры таких очагов обычно 0,5–1,2х0,8х1 м². Прямоугольные очаги обычно обкладывались по периметру каменными плитками (пос. Тасты-бутак, жилище 4, очаг №1, 2) или для обкладки использовались каменные брусья (пос. Шандаша, ограда 2). На поселении Ушкатты I, II был раскопан очаг сложной конструкции, имевший две камеры. Кроме овальных и прямоугольных по форме очагов на поселениях были встречены очаги вытянутых пропорций, в которых также использовались каменные конструкции, подобный очаг был встречен на поселениях Шандаша (ограда II) и Тасты-бутак (жилище 2), подобные очаги были разделены на несколько отсеков при помощи глиняных или каменных перегородок. [9, с. 15; 1, с. 27; 4, с. 54]. Следует отметить, что на территории, примыкавшей к очагам, было обнаружено наибольшее количество находок. На поселении Ушкатты II, возле одного из очагов, была найдена фигурка двугорбого верблюда, вылепленная из глины, кусок красной охры, каменная мотыга, пест и обломок двулезвийного ножа, что позволило автору раскопок предположить о культовом характере очага [1, с. 27].

Кроме очагов на поселениях присутствовали зольники, располагавшиеся за пределами жилищ, и примыкали к их стенам жилищ (Ушкатта II, Шандаша, ограда II) [1, с. 28; 4, с. 7, 8].

Засушливые условия региона приводили к необходимости рытья колодцев. Выше уже говорилось, что поселения располагались на берегах небольших степных речек, которые к середине лета либо пересыхали полностью, либо превращались в цепь озер- стариц. В жилищах обычно находилось от двух до трех колодцев, их глубина зависела от расстояния до водоносных слоев земли, обычно колодцы имели следующие размеры: диаметр 1,5–0,8 м и глубина до 3 м. В ряде случаев стенки колодцев укреплялись при помощи плетня (Тасты-бутак, жилище 1) или камнем (Тасты-бутак, жилище 3, колодец 3) [1, с. 7; 2, с. 20]. Важно отметить, что в качестве материала для изготовления плетня использовался черный саксаул, традиционной средой произрастания для которого является зоны полупустынь, а значит, климат в Урало-Мугоджарском регионе в эпоху поздней бронзы был намного суше, чем в настоящее время [9, с. 9–10].

Кроме колодцев и очагов к внутренней структуре поселений следует отнести наличие хозяйственных ям, которые служили для хранения продуктов. Ямы имели диаметр около 0,7–0,8 м и глубину до 0,4–0,5 м. В заполнении этих ям обычно встречаются обломки или полностью сохранившиеся глиняные сосуды [9, с. 16, 17].

Одной из важных составляющих хозяйства андроновского населения Урало-Мугоджарского региона являлась металлургия и металлообработка. На поселениях неоднократно находили свидетельства активной деятельности горняков и металлургов. Важной особенностью региона является и то, что ряд поселений и местонахождений непосредственно примыкает к местам добычи медной руды, образуя в комплексе археологические микрорайоны. Развитие хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы в Урало-Мугоджарском регионе приводит к тому, что на поселениях выделяется особый вид построек, связанный с производственной деятельностью.

Производственные помещения, связанные с производством металла, выносились в качестве отдельных строений. На поселении Ушкатта II это была отдельная пристройка к жилищу, изолированная от него, а на поселении Шандаша таким типом постройки явилась ограда II (обломок сопла, тигля, каменные песты). В ограде II поселения Шандаша был открыт целый комплекс очагов, вероятно, связанных с металлопроизводственной деятельностью. На этих объектах были обнаружены куски металлургического шлака, капли меди, медная руда, форма для отливки ножа, обломок тигля, фрагмент сопла и орудия для выплавки и обработки металла [1, с. 30, 31; 4, с. 5–7, 10]. На других поселениях также присутствуют следы металлургической деятельности; металлургические шлаки и руда были обнаружены на поселении Ушкатты I, III, Еленовка I, II, а на поселении Байту был найден слиток меди. Каменные мотыги были обнаружены на поселении Тасты-бутак [2, с. 26, 64, 65; 9, с. 20; 10, с. 17].

Среди других артефактов, связанных с хозяйственной деятельностью населения эпохи поздней бронзы, также преобладают находки, имеющие утилитарное значение в хозяйственной деятельности. Следует отметить высокую степень значимости домашних производств: гончарство, ткачество и др. В основном это фрагменты сосудов, облик которых совпадает с сосудами, найденными в близлежащих могильниках, на поселении Шандаша были найдены керамические шлаки. О развитии ткачества, вероятнее всего, свидетельствуют найденные в значительном количестве керамические пряслица, изготовленные из стенок сосудов. Найденные на поселениях Тасты-бутак, Ушкатты I каменные и костяные наконечники стрел и дротика свидетельствуют о значительной роли охоты для населения региона [9, с. 21–24; 11, с. 24; 4, с. 5]. О развитии камнеобрабатывающей индустрии свидетельствует обнаруженная на р. Ушкатта камнеобрабатывающая мастерская [1, с. 18]. Керамический комплекс, представленный на поселениях, аналогичен близлежащим могильникам.

Таким образом, можно сказать, что поселения андроновского населения эпохи поздней бронзы в Урало-Мугоджарском регионе выполняли полифункциональные задачи. Выступая как основные места проживания скотоводческого населения, на поселениях производился металл. А выделение производственных комплексов в отдельные строения свидетельствует о выделении среди населения обособленных групп, непосредственно связанных с горным делом и металлургией.

Литература и источники

1. Кузьмина Е.Е. 1960. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции АН СССР за 1960 г. // НОА ИА РАН, Р-1 № 2100.
2. Кузьмина Е.Е. 1961. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1961 г. // НОА ИА РАН, Р-1 № 2372.
3. Кузьмина Е.Е. 1962. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции за 1962 г. // НОА ИА РАН, Р-1 № 2500.

4. Кузьмина Е.Е., 1965. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // НОА ИА РАН, Р-1 № 3081.
5. Сегедин Р.А. Древние могильники, обнаруженные в Актюбинской области в 1975 г. / Фонды АОИМК. Ф. 11, оп. 2, д. 1412.
6. Сорокин В.С., Раскопки в урочище Тасты-Бутак 1956 г. / Фонды АОИМК.
7. Сорокин В.С. Отчет о полевых работах Западно-Казахстанского археологического отряда 1957 г. / Фонды АОИМК.
8. Сорокин В.С. Отчет о раскопках могильника Тасты-Бутак I в 1958 г. Л., 1959 г. / Фонды АОИМК.
9. Сорокин В.С. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская область) в 1959 г. Л., 1960 г. / Фонд АОИМК.
10. Сорокин В.С. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская область) в 1963 г. Л., 1964 г. / Фонды АОИМК.
11. Сорокин В.С. Отчет о раскопках поселения Тасты-Бутак (Актюбинская область Казахской ССР) в 1960 г. Л., 1961 г. / Фонды АОИМК.

САКИ ТИГРАХАУДА – МАССАГЕТЫ АРАЛО-КАСПИЯ

Ягодин В.Н.

*Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения
АН РУз, Нукус*

Этногеография сакских племен Центральной Азии до настоящего времени является предметом острых дискуссий. Длительное время для разработки этой проблемы ограниченными древнеперсидскими и античными письменными источниками оставались единственными источниками сведений, на которые опирались исследователи, занимавшиеся этой проблемой. Эти источники, сообщая о древних номадах, зачастую оказываются недостаточными для их локализации и, тем более, для описания их культуры и обычаев.

В древнеперсидских текстах (Бехистунская надпись, Накширустемская надпись) отмечен целый ряд этнонимов сакских племён: Saka, Sakâ tighrahaudâ, Sakâ haumavargâ, Sakâ tyaiy paradraya, Saka tyaiy para sugdam [1] В 1849 г. Роулинсон опубликовал расшифровку и исследование Бехистунской надписи [2]. С тех пор предпринимались многочисленные попытки этногеографического анализа данных древнеперсидских источников.

Суммируя данные древнеперсидских источников и проведенных к настоящему времени исследований этих текстов, мы можем связывать саков-тиграхауда древнеперсидских текстов с обширными территориями, лежащими между Аральским и Каспийским морями. По Бехистунскому тексту (столбец V) саки-тиграхауда размещались «за морем». С. Конов предположил, что саки-тиграхауда и «заморские саки» тождественны и высказал довольно противоречивое мнение об их локализации «к востоку от Согдианы, к востоку от Каспийского моря и в стране вдоль Яксарта» [3, с. XIX]. Знак равенства между «заморскими саками» и саками-тиграхауда ставил и В.В. Струве [4, с. 242–244]. Обстоятельный анализ источников, проведенный Б.А. Литвинским, позволил ему сделать заключение о том, что территория расселения саков-тиграхауда связана с западом Средней Азии [5, с. 172]

В древнегреческих источниках сообщается, в числе прочих древних племён, о саках или скифах – ортокорибангиях (острошапочных) или массагетах. Геродот пишет о том, что «...на востоке, по направлению к восходу солнца», к нему [Каспийскому морю – Я.В.], ...примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают ... массагеты». [6, I., 204]. Вне всякого сомнения, в данном случае, что Геродот имеет в виду огромные территории, лежащие между Аральским и Каспийским морями: Восточный Прикаспий, в том числе Мангышлак и Устюрт.

По Страбону «Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят название массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они, в общей массе, кочевники» [7, XI, VII, 2]. В данном случае, необходимо обратить внимание, что кочевники противостоявшие Киру Великому у Геродота и Страбона выступают под именем массагетов, а у Ктесия – эти же племена названы дербиками [8, с. 91].

А. Херрманн впервые сопоставил сведения древнеперсидских и греческих источников и пришел к заключению, что саки-тиграхауда и массагеты – это разные названия одних и тех же племен [9, столб. 2125]. По его замечанию саки-тиграхауда – массагеты были объединены в обширную конфедерацию, объединявшую различные племена, в число которых входили и дербики [10, с. 46].

Существенно расширить скудную информацию письменных источников об аралокаспийских массагетах может позволить только археология. Однако, до 2-й половины XX в. территория Арало-Каспия оставалась в археологическом отношении огромным «белым пятном». Впервые попытку связать с массагетами определенный тип археологических памятников предпринял А.М. Мандельштам. В 1962 г. он исследовал могильники Гёкдаг II и Джанак II у восточного побережья Карабугаза и описал погребальные сооружения в виде округлой каменной ограды с многократными погребениями на уровне древнего горизонта внутри [11, с. 21–26]. С начала 70-гг. прошлого века обширную программу археологических изысканий на Устюрте проводил Отдел археологии Каракалпакского филиала (ныне Отделение) Академии наук Узбекистана, одним из результатов которых явилось открытие и исследование многочисленных погребальных сооружений, впервые описанных А.М. Мандельштамом [см.: 12; 13, с. 38; сл.; сл.; 14, с. 110; сл.; 15]. Затем такого же рода погребальные сооружения были открыты и исследованы Х. Юсуповым на Узбое [16, с. 36 сл.].

На современном уровне археологической изученности погребения Арало-Каспия на уровне горизонта по форме наземного погребального сооружения могут быть разделены на два типа:

1. *Каменный ящик* – сооружался на уровне древнего горизонта из вертикально установленных необработанных каменных плит. Форма в плане обычно прямоугольная реже «грубо овальная». Размеры ящиков по осям 2,0–3,0 x 1,3–2,3 м. Длинной осью ящики обычно ориентированы по меридиану с небольшим отклонением к востоку до 20° и к западу до 18°. Только в одном случае отмечена широтная ориентировка с отклонением к югу до 20°. Каменный ящик перекрывался или закладывался крупными каменными плитами, представляя собой глухой, не имеющий входа склеп. Вокруг, на уровне, горизонта, ящик имел обкладку из каменных плит, сверху перекрывался грунтово-каменной насыпью диаметром от 5 до 10 м, высотой 0,8–1,2 м.

2. *Круглая или овальная в плане ограда* из необработанных каменных плит, перекрытая грунтово-каменной насыпью или ложным сводом. В последнем случае она приобретала форму склепа со входом–лазом, расположенным выше уровня горизонта. Диаметр погребальной камеры колеблется от 1,5 до 6,0 м.

Погребение. Погребения, как правило последовательные, многократные, совершенные по обряду ингумации. Лишь в одном случае отмечен обряд кремации. В «кургане» № 1, группы VI могильника Казыбаба 1, представлявшем собой по сути дела уже мавзоль с круглой внутренней камерой диаметром 6 м и узким коридорообразным входом с юго-востока. Вдоль стен камеры, на полу, на уровне горизонта сохранились остатки многократных (не менее пяти), последовательных сожжений. Несмотря на то, что практически все погребения с ингумацией были нарушены грабителями, часть костей, сохранившаяся *in situ*, позволяет заключить, что погребенные находились в вытянутом положении, на спине, головой ориентировались на юг с отклонением, в основном к востоку, до 20°. В наиболее поздних погребениях отмечена западная ориентировка.

Погребальный инвентарь. Вследствие тотального ограбления курганов первоначальный состав и место расположения инвентаря остаются не установленными. В целом предметы погребального инвентаря находят полные аналогии в материалах культуры савроматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья V–IV вв. до н. э. и отчасти, в материалах Хорезма V–III вв. до н. э.

Станковая керамика представлена в основном сосудами хорезмийского производства, датирующимися в пределах V–III вв. до н. э. В меньшем количестве представлены станковые сосуды, вероятно происходящими из Парфии. Среди лепной керамики необходимо отметить формы, по ряду признаков находящие соответствие в раннесарматской, прохоровской керамикой Южного Приуралья [17, с. 25] и даже в гороховской культуре лесостепного Зауралья [18, с. 36, рис. 11, 6–7]. Довольно многочисленны предметы причерноморского импорта. Многочисленными находками представлены бронзовые наконечники стрел, обломки железных мечей, колчаные крючки, ножи, отдельные предметы конской упряжи.

Группировка погребальных сооружений. Отмечено несколько вариантов расположения погребений. Они могут быть одиночными или находиться в составе могильников с другими типами погребений. На Восточном чинке Устюрта они группируются в относительно большие могильники, такие, например, как Дуана и Кулмагамбет.

Хронология. По инвентарю погребения на горизонте датируются в пределах V–II или конца VI–II вв. до н. э. Однако в этих широких хронологических рамках могут быть выделены подтипы погребений с более узкими датировками.

Ареал. Современный уровень археологической изученности Арало-Каспия позволяет довольно определенно очертить ареал наземных погребальных сооружений с многократными погребениями на горизонте. Он охватывает практически всю территорию Арало-Каспия и простирается от Восточного и Юго-Восточного чинков Устюрта на востоке до Каспийского моря на западе и от широты Больших Балхан и сухого русла Узбоя на юге до широты низовьев реки Эмбы на севере. В пределах этого обширного ареала представляется возможным выделить ряд территориальных групп.

Генезис. Несмотря на довольно широкий территориальный охват археологических обследований Арало-Каспия археологических объектов VII – 1-й половины VI вв. до н.э на этой территории обнаружено не было. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что первоначальная территория обитания массагетов не была связана с Арало-Каспием. Возможно правы те исследователи, которые связывают с массагетами некоторые ранние памятники культуры Южного Урала, представленные трупосожжениями на древнем горизонте и погребениями на древнем горизонте без следов горения [19, с. 4]. Курганы этого времени, среди которых имеются и курганы с погребениями на горизонте, известны на прилегающей территории Присарыкамьшской дельты Амударьи.

«Арало-каспийская» культура. Приведенный перечень археологических объектов, совокупность которых, за некоторым исключением, представляет вполне определенное культурное единство, позволяет достаточно уверенно очертить ареал этого единства и рассматривать его как отдельную археологическую культуру, для которой, принимая во внимание ее географическое положение, мы предлагаем название «Арало-Каспийская археологическая культура». Главным признаком, формирующим эту культуру, является своеобразный погребальный обряд, характеризующийся наличием многократных погребений на уровне древнего горизонта внутри каменных склепов, оград или ящиков. По комплексу материальной культуры она имеет много общего, с южноуральскими «савромато-сарматскими» памятниками, с одной стороны и культурой древнего Хорезма, с другой. Отметим, что поэтому же признаку в пределах Устюртско-Мангышлакского ареала объединяет в «общий культурный ареал» погребальные памятники, характеризующиеся наличием многократных погребений в каменных склепах Б.И. Вайнберг [20, с. 95].

К проблеме этнического определения «арало-каспийской культуры». Впервые попытку связать археологическую культуру, одним из ведущих признаков которой является наличие многократных погребений на горизонте внутри наземного каменного сооружения (склепа), с известными по сообщениям античных источников массагетами предпринял А.М. Мандельштам [11]. Затем это предположение на новом материале собственных исследований из Арало-Каспия, поддержал автор данного доклада [13, с. 76], а позже Х. Юсупов по материалам своих изысканий на Узбое [16, с. 208]. Как обитателей равнин Арало-Каспия в большинстве случаев рассматривают массагетов современные исследователи [5, с.172; 22; 20, с. 222 сл.]. Геродот впервые упоминает массагетов в связи с походом Кира II в 530 г. до н. э. закончившийся, как известно, его гибелью. В V столбце Бехистунской надписи приводятся сведения о походе Дария в 519 г. до н.э. против саков-тиграхауда (массагетов греческих источников), закончившимся разгромом саков и пленением их вождя Скунки [22, с.175–187; 23, с.100–103].

Таким образом, ареал и хронология арало-каспийской культуры в целом совпадают с территорией расселения саков-тиграхауда–массагетов, как она представляется на основании данных письменных источников. Это дает основание, вслед за А.М. Мандельштамом, предполагать, что носителями арало-каспийской культуры являются массагеты.

В литературе уже отмечено, что массагеты представляли большое и могущественное объединение племен [22, с. 116], собственные этнонимы которых для нас остаются в значительной мере неизвестными. Тем не менее, для части их, греческие источники сохранили их собственные этнонимы [обзор проблемы локализации массагетов и литературу см.: 5, с. 158–178; 20, с. 222–223]. Естественно, что в поле зрения античных авторов попадали массагетские племена, кочевавшие по руслу реки Аракса–Окса–Узбоя, первые сведения о котором появляются в связи с обводнением русла Узбоя и началом функционирования водного пути из Бактрии к Каспийскому морю [со совмещении древними Аракса–Окса с руслом Узбоя см.: 21; 20, с. 212–213]. В то же время этнонимы племен, кочевавших по безбрежным просторам Арало-Каспия, оставались древним авторам неизвестными. Полагают, что на верхнем и среднем Узбое расселялось массагетское племя дербиков (дерби, дербеи), а в низовьях – также массагетское племя апасиаков (пестикаи, пасикаи) [24, с.128; 20, с. 225–227].

С 1-й половины III в. до н.э. в числе племен, кочевавших по бескрайним просторам Арало-Каспия, отмечаются дахи или даи. И действительно, с этого времени, или даже немного ранее, мы наблюдаем распространение в Арало-Каспии новых типов погребальных памятников, по основным признакам совпадающих с погребальными памятниками прохоровской культуры Южного Урала [см.: 25], которую достаточно обоснованно связывают с даями или дахами греческих источников [см.: 19].

Литература

1. Kent R.G. Old Persian Grammar. Text, Lexicon [American Oriental Series, vol. 33]. New Haven. 1953.
2. Rawlinson H.G. The Persian sineiform inskriptionat Behistun deciphered and translated with a memoir // Journal of the Royal Asiatic Society of Greate Britain and Ireland. London, 1849.
3. Konow S. Kharoshthn inscriptions with the exceptions of those of Aśoka. Ed. by Stein Konow. Calcutta, 1929. [Corpus inscriptiourum. Vol. II, part I].
4. Струве В.В. Поход Дария I на саков-массагетов // ИАН СССР. Сер. истории и философии, Т. III. М., 1946.
5. Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
6. Геродот. История в девяти книгах /Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
7. Страбон. География // История Узбекистана в источниках. Ташкент, 1984.
8. Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, перевод, примечания). Душанбе, 1975.
9. Herrmann A. Massagetai // Pauly's Real Encyclopdie der clasischen Altertumswisse-nschaft, neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1930.Bd. 14/28.
10. Herrmann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets // Abhandlugen der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. Ph.-hist Kl., N.F., Bd. XV, № 4. 1914.
11. Мандельштам А.М. К характеристике ранних кочевников Закаспия // КСИА. 1976. Вып. 147.
12. Ягодин В.Н.Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
13. Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып.1.
14. Ягодин В.Н. Курганный могильник Джиделибулак I на Устюрте // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1999.
15. Yagodin V.N. The Duana archaeological complex // V.N. Yagodin, A.V.G. Betts, S. Blau. Ancient nomads of the Aralo-Caspian region. Peeters. Leuven–Paris–Dudley, M.A. 2007.
16. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
17. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Д. 1–10. М., 1963.
18. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
19. Васильев В.Н., Савельев Н.С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа, 1993.
20. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.
21. Пьянков И.В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975.
22. Дандамаев М.А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда // Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР. № 61. М., 1963.
23. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.
24. Вайнберг Б.И., Юсупов Х. Кочевники северо-западной Туркмении // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР ... в 20 томах. М., 1992.
25. Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА. 1978. Вып 154.

ЭТНОГРАФИЯ

КӨШПЕЛІ ОРТАДАҒЫ ҚОҒАМДЫҚ ҚАТЫНАСТАРДЫҢ ҰЙЫМДЫҚ ТЕҢ ҚАБЫРҒАЛЫ ҮШБҰРЫШ ПРИНЦИПІ

Әлімбаев Н.

ҚР Мемлекеттік орталық музей, Алматы

Қазақы этномәдени ортада жеті атаға («ата-бабаға»¹) дейінгі ұрпақтардан тұратын, яғни, жеті аталық ру-қауым көшпелілердің қоғамдық қатынастарының ең басты институционалдық-ұйымдық формасы ретінде қызмет атқарды [2, с. 317–326; 3, р. 99–110]. Осыған орай, ерекше екшеп айтар жайт – дәстүрлі шежірелік жосын бойынша бұл экзогамиялық жүйе жетінші атадан бастап жеті буын ұрпақтардың бәрін қамтығанымен, іс жүзінде көшпелі ортадағы тіршілікқама жүйесінің бірден бір корпоративтік субъектілері – қажетті материалдық және рухани игіліктердің бірден бір өндірушілері «бір ата» деп аталатын екі, көбінесе, үш ұрпақтық (бала ↔ әке ↔ ата) патрилокалдық (агнаттық) құрылымдардан тұрды [2, с. 317–326]. Яғни, аталмыш патрилокалдық корпоративтік субъектілер жеті аталық ру-қауымның негізгі әлеуметтік және экономикалық-шаруашылық компоненттері болды. Ал, төртінші атадан бастап жетінші атаны қоса алғанға дейінгі бақилық болған ұрпақтар шежірелік тарихнаманың аруақ-образдарына айналды. Қазақы орта үшін «ата-бабаның сара жолының» (ілімді принциптері мен нормаларының) «көзі», сақтаушылары, һәм жебеушілері ретінде бұл аруақ-образдардың идеологиялық және символикалық пәрмені айрықша болды. Өйткені, бұл ортада өзінің құрылымы мен атқарылу жағынан өте күрделі үрдіс болып табылатын аруақтарға сиыну, тәу ету, жүгіну зерттеушілердің дені айтып жүргендей «таза» діни-дүниетанымдық ғұрып қана емес, сонымен қатар, «қой үстіне бозторғай жұмыртқалаған» мамыражай тоқ тіршіліктің бірден бір кепілі – «ата-баба жолын» дәріптеудің және сақтаудың аса пәрменді принциптерінің, тіпті, институттарының бірі болды.

Сонымен, жетіаталық экзогамиялық ру-қауымының көшпелі ортадағы қоғамдық қатынастардың ең негізгі ұйымдасу тәсілі немесе ұйымдық-институционалдық формасы болуы оның социум, яғни, толық мәнді өзіндік тіршілікқама жүйесі бар автономиялық режимді әлеуметтік құрылым болғандығын айғақтайды [2, с. 317–326]. Расында да, қоғамдағы тіршілік қажеттіліктері тек осындай ру-қауым ауқымында ғана жасалынды. Өйткені, жоғарыда айтылғандай, мұндай қажеттіліктерді көшпелі ортада өндіруге қабілетті бірден бір қауқарлы күш сол ру-қауымның негізгі корпоративті құрылымдық компоненттері – бір аталар ғана болды. Яғни, көшпелілердің және олардың отбасыларының тіршілігін қамтамасыз етудің технологиялық базасы, әрі механизмі – тиісті тіршілікқама жүйесі аталмыш патрилокалдық құрылымдардың күшімен ғана қалыптасты және қызмет атқарды. Демек, көшпелілердің қалыпты тыныс-тіршілігін шаруашылық-экономикалық, рухани және институционалдық тұрғыдан қамтамасыз етуге байланысты қалыптасқан қоғамдық қатынастардың ең басты субъектілері жеке индивидтер ғана емес, алдымен, жоғарыда аталған бір аталық агнаттық құрылымдар болды. Бір аталық құрылымдардың рулық-қауымдық (қоғамдық) қатынастардың негізгі субъектілері болуларының басты себебі олар көшпелі социумдағы ең басты, әрі бірден бір корпоративтік ұйымдасқан өндіргіш күштер еді.

Сонымен бірге, социумдағы шаруашылық, тұрмыстық, ғұрыптық және т.б. сияқты шараларды іске асыруға

¹«Ата-баба» категориясының қазақ этносының дәстүрлі құрылымдық-функционалдық төрт деңгейіне сәйкес төрт мағынасы бар. Бірінші мағынасы – жеті аталық ру-қауым деңгейінде жеті буын рулық-туыстық қатынастар жүйесіне кіретін барлық руластардың ортақ ата тегінің, яғни, жетінші атаның атауы. Алайда, бұл ұғым кейде жеті атадан тарайтын бақилық болған ұрпақтардың жалпы атауы ретінде де қолданылды. Екіншісі – туыстық-рулық қатынастардың іргелі принциптері мен нормалары бойынша белгілі бір тайпалық құрылымға кіретін жеті аталық рулардың ортақ ата тектерінің атауы. Үшіншісі – әрбір жүздің ата тектерінің атауы. Төртіншісі – қазақтардың (этнос ретіндегі) ортақ ата тектерінің атауы ретінде қолданылды. Ата-баба көшпелі этностағы көбінесе информациялық идеологиялық сипатты болып келетін вертикалды байланысты қамтамасыз ететін пәрменді институт болды. Сонымен бірге, бұл институт бүкіл этностың ауқымында ру-қауымаралық байланыстарды, ру-қауымаралық байланыстар арқылы ішкі тайпалық және тайпааралық байланыстарды, осы байланыстар арқылы жүздік және жүзаралық байланыстарды, яғни, жалпы этникалық байланыстарды қамтамасыз ететін әлеуеттік күшке айналды. Аталмыш ішкі этникалық байланыстардың (горизонтальды) қажетті информациялық өрісі, тығыздығы мен динамикасы сан алуан шежірелік аңыздар, мифтермен, сондай-ақ, жеті аталық экзогамиялық отбасылық некелік қатынастар, ру-қауымаралық, тайпааралық, жүзаралық ұйымдастыру, басқару және реттеу институттары арқылы қамтамасыз етіліп отырды. Информациялық байланыс («инфосвязь») пен информациялық өріс («информационное поле») мәні және олардың институционалдық-идеологиялық функциялары жөнінде мына еңбекте зерттелінеді [1].

бағытталған күнделікті hareketтердің басты субъектілері бір аталар болғанымен, көшпелі тіршіліктің басты объектілері – жер мен суды пайдалануға, малды баптап күтуге және ірі еңбек операциялары (қырқым, үй жасау т.с.с.) мен маңызды мәдени-ғұрыптық шараларды (мыс., қыз ұзату, келін түсіру, нәрестенің дүниеге келуі, өлікті жөнелту, ас беру т.б.) атқаруға байланысты бірнеше агнаттық құрылымдар өзара ұйымдасты, яғни, олардың арасында алуан деңгейлі тұрақты қатынастар жүйесі орнықты. Осы қатынастардың корпоративтік субъектілерінің – бір аталардың қажетті саны көшпелі ортадағы туыстық-рулық байланыстың іргелі нормалары мен принциптерінің бірі – «жақын ағайын» арқылы айқындалды. Қолданыс мәні мен пәрмені шежірелік жосынмен дәйектелген «жақын ағайын» принципі, өз кезегінде, аталмыш шаруашылық пен мәдени-ғұрыптық шаралардың ұйымдасқан атқарушыларының – корпоративтік субъектілердің сандық мөлшерін айқындаудың және айғақтаудың институционалды-идеологиялық негіздемесі рөлін атқарды [4, с. 373–385; 5, р. 43–49]. Осы ретте ерекше назар аударарлық жайт – көшпелілердің тіршілік кеңістігіндегі қажетті игіліктердің бірден бір өндірушілері бір аталар болғанымен, олар рулық-қауымдық территорияның тиісті бөліктерінің толық мәнді меншік иелері болған жоқ және болулары мүмкін емес те еді. Өйткені, ру-қауымды құрайтын бір аталардың әрқайсысының меншігінде өз жерінің болуы сол ру-қауымның құрылымдық және функционалды тұтастығына түптің түбінде экономикалық тұрғыдан басталатын жаппай іріткі әкелген болар еді. Сондықтан, бұл агнаттық құрылымдар әлгі рулық-қауымдық территорияның өздеріне бөлінген аумақтарын меншіктену құқығының емес, тек пайдалану құқығының ғана субъектілері болды. Демек, бұл құрылымдар өздеріне тиесілі жер мен суды пайдалану мүмкіншілігін ғана иеленді. Осыған орай олар көшпелі ортадағы тіршіліктің негізгі объектілері – жер мен суды игеруге байланысты ру-қауым деңгейінде институционалды жолмен реттелініп отыратын өзара пайдалану қатынастарына түсті [4, с. 373–385].

Көшпелі ортада атадан балаға қалдырылып отыратын ең басты, әрі ең құнды мирас деп есептелінетін бір территорияның бірден бір иесі бүкіл ру-қауым болды². Яғни, ру-қауым өзіне тиесілі территорияның меншіктену құқығының экономикалық, идеологиялық, әлеуметтік, институционалды, шежірелік, тіпті, саяси жағынан жан-жақты негізделген бірден бір монополиялық корпоративтік субъектісі болды. Оған ру-қауымның тіршілік кеңістігіндегі ұйымдастыру, басқару, жазалау, мәжбүрлеу сияқты функциялардың бірден бір монополиялық субъектісі ретіндегі жоғары институционалды мәртебесі мүмкіндік берді. Түптеп келгенде, ру-қауымдағы тіршілікті басқару мен реттеп отырудың қажеттілігінен туындаған әртүрлі саяси, идеологиялық, ғұрыптық институттар, нормалар мен принциптердің функциялары ру-қауымның социум ретіндегі басқару, ұйымдастыру, жазалау, мәжбүрлеу және т.с.с. функциялары болып табылады. Өйткені, социум ретіндегі ру-қауым өзінің болмысы мен бітімі жағынан, сайып келгенде, сол қауым ауқымындағы әртүрлі саяси, идеологиялық, мәдени, ғұрыптық, экономикалық және т.б. институттар, нормалар мен принциптердің құрылымдық-функционалды «қорытпа» түзілісі, яғни, олардың өзара себеп-салдарлы байланыстағы бірыңғай жүйесі болып шығады. Ру-қауымның осы субъектілік монополиялық құқығы саяси-институционалды және ғұрыптық-институционалды тәсілдермен – ру-қауымның ең жоғары деңгейіндегі институционалды құрылымдары арқылы ғана жүзеге асырылып отыратындығы сондықтан (рубасы, ақсақалдар кеңесі, билер кеңесі, билер соты, әртүрлі жазалау, мәжбүрлеу әдістері, нормалары, принциптері, сондай-ақ, бүкіл ру

² Рулық-қауымдық территория қазақы ортада атадан балаға мирас болып қалдырылатын ең үлкен құндылық болып есептелінді. Әрбір көшпелі жан үшін рулық-қауымдық территориядан тыс тіршілік кешуді елестетудің өзі мүмкін емес. Өйткені, «кір жуып, кіндік қаны тамған жер» – оның тіршілігінің мәні, өмір салтының бар жаратылысының табиғи болмысы, әрі айғағы. Көшпелі этномәдени ортаның адамы өзінің туған жермен ажырамас біртұтастығын оның ата-бабадан қалған мұра екендігімен, онда ата-бабалары мәңгілік мекен тапқандығымен түсіндіреді. Осыған орай, совет заманында ұлы Мұхтар Әуезовтің «Қараш-қараш оқиғасы» атты атақты повестінің желісімен жасалған фильмдегі фабуласы айырықша бір эпизод еріксіз ойға оралады. Эпизод бойынша басына түскен қырсықтан құтылу үшін Жараспай болысқа қаражат қажет болады. Ақша, әрине, орыс оязға пара беру үшін. Тығырықтан шығудың бірден бір жолы ретінде болысқа ата қонысын сатуға кеңес береді. Кеңес беруші – орыс отаршылдығының уытты уысындағы қазақ социумының азған-тозған күйінің тұлғалық символы – ояздың «барып кел, алып кел» шабарманы, атқамінер алаяқ Тоқпаев атты өзіміздің қазақ! Күні бітуге жақындаса да, қазақы жолды берік ұстанған, бірақ дәурені өтіп бара жатқан осы дәстүрдің тұлғалық түзіліс-символы Жараспай болыс мұндай арсыз ұсынысқа бүкіл жан-тәнімен қарсы. Аргумент-ұстанымы: ата-бабам жатқан жерді қалай сағамын, – дейді ол күңірене. Расында да, ата-бабаның ұлы мұрасы – жерді сату, ата-бабаның жолының мәңгілік құрдымға кетуі еді. Ақыры осынау шиыршық атқан шиеленіс фильмде өте сәтті шешімін табады – Бақтығұлдың Жараспай болысты атып өлтіруімен шешіледі. Мылтық кезген Бақтығұлға еш сескенбестен қарсы тұра шапқан Жараспай болыс сол кезеңдегі «дәм-тұзы таусылуға» жақындаған қазақ социумының символы да, кек көксеген Бақтығұлды сол кезде-ақ қылаң берген қызыл заманның символы деуге болады. Бірақ, екеуінің де дәстүрлі қазақы ортаға тән емес бұл күйі, тағдыр талайы, бұрыннан ағайын-туыстық қатынаста болып келген екеуінің арасындағы бітіспес қайшылық орыс отаршылдығының сұмдық салдары болды.

адамдары айрықша қастерлеген «ата-баба жатқан жер», киелі саналатын кейбір өзендер, көлдер, таулар т.б. сынды табиғи мнемоникалық объектілердің психологиялық әсері күшті пәрменімен және шежірелік жосынмен негізделген «ата қоныс» («ата мекен», «ата-баба жері») деп аталатын тиісті территорияны тек бүкіл рудың (қауымның) жалпы меншігі ретінде ғана межеленудің, айқындаудың, айғақтаудың, иемденудің, пайдаланудың ежелден орныққан ғұрыптық институттары мен тәсілдері т.с.с.). Ру-қауымды басқарудың, дәлірегі, оның өзін өзі басқарудың, ондағы алуан деңгейлі, алуан түрлі іргелі немесе ахуалдық мәселелерді реттеудің аталмыш институттары, принциптері, нормалары және тәсілдері, сайып келгенде, бір аталардың арасындағы жоғарыда аталған қатынастар жүйесінің саяси-институционалдық құрылымының ең басты элементтері ретінде қызмет атқарды.

Сонымен, көшпелі әлеуметтік ортада, бір жағынан, ру-қауымның тиісті жер мен судың (территорияның) толық мәнді иесі, яғни, осы объектілерді меншіктеуге қауқарлы, әрі меншіктенген бірден бір субъект болуы, екінші жағынан, осы құрылымның бірден бір өндіруші күштері – негізгі компоненттері – бір аталардың рулық-қауымдық территорияның тиісті бөліктерін тек пайдаланудың ғана субъектілері болуы ру-қауымның құрылымдық және функционалдық тұтастығын экономикалық тұрғыдан қамтамасыз етті. Көшпелі ортада жер мен суды игеру қатынастарының осы екі принципінің – **ұжымдық монополиялық** принципі мен **бір аталық пайдалану** принципі арасындағы өзара себеп-салдарлық байланыстар аталмыш қатынастарды жүзеге асырудың механизмі болып табылады. Расында да, егер **ұжымдық монополиялық** принцип жер-су қатынастарының негізгі субъектілері – бір аталардың арасындағы бытыраңқылыққа жол бермесе, яғни, олардың арасындағы әрісі экономикалық, берісі мәдени, идеологиялық үйлесімді байланысты қамтамасыз етсе, **бір аталық пайдалану** принципі осы қатынастарды ұйымдастыру мен реттеудің экономикалық, идеологиялық, экологиялық және институционалдық тұрғыдан мейлінше ойластырылған тәсілі деуге болады [4].

Қазақы ортада идеологиялық негіздемесі шежіре болып табылатын отбасылық некелік қатынастарды ұйымдастыру мен реттеудің жеті аталық принципі ру-қауымның әлеуметтік шегі мен шекарасын айқындаудың аса тиімді институты ретінде де функция атқарды. Өйткені, жеті буын ұрпақ ауқымында отбасылық некелік байланыс атаулыға қатаң тыйым салу, түптеп келгенде, жеті аталық туыстық принцип бойынша өзара ұйымдасқан қатынастағы адамдардың бәрінің бір-бірімен қандас туыстар екендігінің институционалдық айқындалуы және айғақталынуы болып табылады. **Ал, әлеуметтік байланыстар туыстық-рулық байланыстардың категориялары, ұғымдары, принциптері және нормаларымен реттелініп отырған, яғни осы екі байланыстар біте қайнасқан көшпелі этномәдени ортада туыстық-рулық қатынастардың әлеуметтік шегі мен шекарасын аталмыш отбасылық некелік институт арқылы айқындау іс жүзінде ру-қауымның социум ретіндегі шегі мен шекарасын айқындау болып шығады.** Демек, туыстық-рулық байланыстар көшпелі қауымның социум ретіндегі тіршілігінің негізгі алғышарттарының бірі, яғни, институционалдық болмысы болды [6, с. 20–21; 7, р. 20–21]. Расында да, көшпелі тұлға үшін үйреншікті қауымдық тіршілік салтынан тыс ғұмыр кешуді елестетудің өзі мүлдем мүмкін емес жайт. Оның пайымдауында, өзі сан салалы, сан алуан байланыстағы қауымдас адамдардың бәрі, ең алдымен, оның алысты-жақынды туыстары. Сондықтан да, дәстүрлі қазақы ортада әлеуметтік қатынастар атаулының принциптері және нормаларының жөн-жосығы сан ғасырлар бойы қалыптасқан туысқандық қатынастардың категориялары мен ұғымдары арқылы түсіндірілді. Осы қатынастар жүйесін реттеудің әрі идеологиялық негізі, әрі әмбебап механизмі ролін атқаратын шежіренің көшпелі ортадағы реттеуші қауқары айрықша институт ретіндегі табиғаты да осында [4]. Көшпелі қазақы ортада жеті аталық принципке негізделген рулық-туыстық жүйе мен қауымдық (қоғамдық) қатынастардың әлеуметтік шегі мен шекараларының толық сәйкес болатындығы сондықтан. Яғни, жеті аталық экзогамиялық құрылым қауым-социум ретінде сан алуан функциялар атқарды. Сонымен бірге, отбасылық некелік қатынастың жеті аталық экзогамиялық принципі әр типті, әр деңгейлі ру-қауымаралық – территориялық, саяси, институционалдық, шаруашылық-экономикалық және т.б. байланыстардың қалыпты күйінің ең пәрменді факторларының бірі, әрі оларды реттеп отырудың аса тиімді құралы ролін де атқарды. Ал, шежірелік жосын осы үдерістің идеологиялық және тарихнамалық негіздемесі болды [4]. Демек, отбасылық некелік қатынастың аталмыш принципі мен шежіре дәстүрі институционалдық тәсілмен (жолмен) ұйымдастырылған ру-қауымаралық қатынастар жүйесінің әлеуетті элементтері болды.

Көшпелі ортадағы қоғамдық (қауымдық) қатынастар жүйесі жоғарыда айтылған жеті аталық қауым-социумның негізгі корпоративтік субъект-элементтері – **бір аталардың арасындағы қатынастардан** басқа, адамдар тіршілігінің негізгі объектілері – жер мен суды малды күтіп, баптау үшін игеруге және соңғысы мен оның өнімдерін ұқсатып **пайдалануға байланысты қалыптасқан қатынастардан**, сондай-ақ, **институционалдық жолмен ұйымдастырылған ру-қауымаралық қатынастардан** тұрды. Қатынастардың

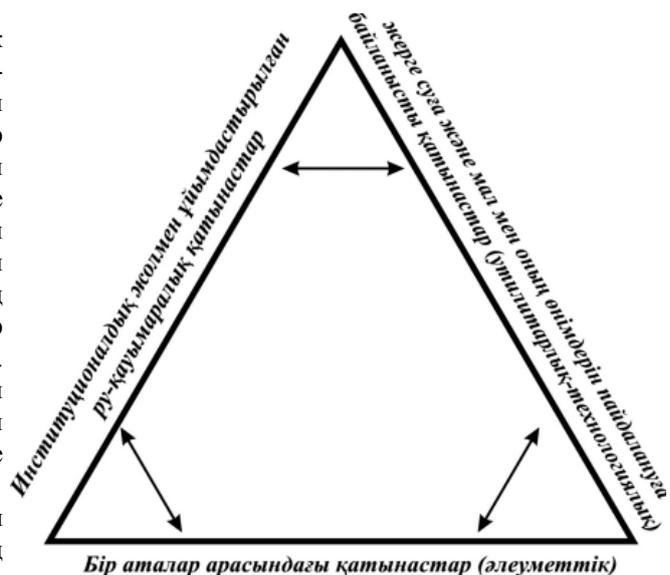
осы үш саласының алғашқысын белгілі шарттылықпен әлеуметтік, екіншісін – утилитарлық-технологиялық, соңғысын – институционалдық жолмен ұйымдасқан сыртқы қатынастар деуге болады. Мұндай ұстаным, әсіресе, тіршілік жүйесі көбінесе тікелей (жекелей) байланыстардың принциптері мен нормаларына негізделген (мысалы, рулық және туыстық) көшпелілер социумы сияқты қоғамның табиғатын дендеп зерделеуге үлкен эвристикалық мүмкіндік береді. Осы ретте ерекше екшеп айтар жайт – көшпелі ортадағы бүкіл қатынастар жүйесі, әсіресе, әлеуметтік қатынастар саласы утилитарлық-технологиялық қатынастар, яғни, бүкіл қоғамдық өндіріс пен оның объективтік алғышарттарына, соның ішінде, территорияны игеруге және мал мен оның өнімдерін пайдалануға байланысты қатынастар арқылы қалыптасады, жүйеленеді және қажетті функционалдық алгоритмге ие болады. Өйткені, дәстүрлі қоғамдық жүйелерде, әсіресе, көшпелілер социумында әлеуметтік қатынастардың құрылымдық-функционалдық жай-күйі, түптеп келгенде, утилитарлық-технологиялық қатынастардың құрылымдық-функционалдық сипатына, күйіне, тіршілік объектілерінің қасиетіне (өзгеру, өзгермеуіне) және тіршілікқамын қамтамасыз етуге қолданылатын дәстүрлі технологияның жай-күйіне ерекше тәуелді болды. Мысалы, көшпелілердің тіршілік мүддесінің ең басты объектілері – малды, жерді, суды пайдаланудың дәстүрлі жолдарының (технологиясының) әртүрлі сыртқы және ішкі факторлардың әсерімен түбегейлі өзгеріске ұшырауы (мысалы, отырықшы агротехникалық тәсілге көшу деген сияқты) тиістісінше әлеуметтік қатынастардың да түбегейлі өзгерісіне алып келеді.

Өз кезегінде тіршілікқамы қажеттілігіне байланысты қалыптасқан адамдар арасындағы әлеуметтік байланыстардың (яғни, қоғамдық қатынастардың бас саласының) әлеуметтік харекет атаулыдағы реттеушілік функциясы шешуші рөл атқарды. Өйткені, мысалы, көшпелі этномәдени ортада сан алуан институттар, қоғамдық мәнді харекеттердің ілкімді нормалары мен принциптері, әлеуметтік дағды атаулы, дәстүрлі дүниетаным, идеология аталмыш байланыстар жүйесінің құрылымдық және функционалдық элементтері ретінде қоғамның бүкіл тіршілігін реттеп отырды.

Сонымен бірге, әлеуметтік және утилитарлық-технологиялық қатынастардың қалыпты функциялары жоғарыдаайтылған институционалдық тәсілмен ұйымдастырылған ру-қауымның сыртқы, яғни, ру-қауымаралық қатынастардың тиімділігіне де тығыз байланысты болды. Басқаша айтқанда, ру-қауымдағы тіршіліктің үйлесімділігі ру-қауымаралық деңгейдегі дала аристократтарының аса беделді өкілдерінің – рубасыларының, ақсақалдардың кеңесі, билер соты, жеті аталық экзогамиялық отбасылық некелік қатынастар, «атақоныс» және т.б. институттар арқылы қамтамасыз етіп отырылды. Бұл қатынастардың негізгі функциясы ру-қауымаралық деңгейдегі жер, жесір дауы мәселелерін шешуге және саяси, әскери, шаруашылық-экономикалық, мәдени-ғұрыптық сияқты аса маңызды ірі шараларды ұйымдастыруды бірлесе атқаруға бағытталды. Осы ретте, әдет-ғұрыптық құқық қана емес, шежірелік жосынның, туыстық-рулық қатынастардың, сондай-ақ, ежелден орныққан этикалық дәстүрдің ілкімді категориялары, ұғымдары, принциптері мен нормаларының да шешуші ықпалы болды. Өзара себеп-салдарлық байланыстағы әлгі айтылған институционалдық құрылымдарды, принциптерді, ұстанымдарды, сан алуан салттар мен ғұрыптарды, әрине, когнитивтік түзілістерді және т.б., көшпелі ортадағы қоғамдық қатынастар жүйесінің «анатомиясы» да, «физиологиясы» ретінде де қарастыруға болады.

Сонымен, жоғарыда аталған әлеуметтік байланыстар, утилитарлық-технологиялық байланыстар және институционалдық тәсілмен ұйымдастырылған ру-қауымаралық байланыстар социумдық қатынастардың негізгі арқаулары деуге болады. Осы арқаулардың сан салалы және әр деңгейлі өзара себеп-салдарлық байланыстары рулық-қауымдық (социумдық) қатынастар жүйесін құрайды. Көшпелі ортадағы қоғамдық қатынастың осы арқау-салалардың өзара байланыстары бір біріне мейлінше тәуелді, әрі қатаң сипатта болды. Сондықтан, осы байланыстардың механизмін шартты түрде геометриядан белгілі тең қабырғалы қатаң үшбұрыш принципі арқылы түсіндіруге болады (сурет).

Мұндағы үшбұрыштың қабырғалары шартты түрде қауымдық социумдық қатынастардың

жоғарыда аталған үш арқау-салаларын бейнелейді. Қабырғалардың өзара түйіскен тұстары, яғни, бұрыштары осы үш арқау-саланың өзара тәуелді себеп-салдарлық байланыстарын көрсетеді. Сондай-ақ, осы үш арқау-саланы үшбұрыштың өзара тең қабырғаларына теңеу олардың әрқайсысының социумдағы маңызының бірдей екендігінің, сондықтан да, олардың өзара байланыстарда қатаң сипатта болатындығын айғақтайды. Аталмыш байланыстардың қатаң болатын себебі, қауымдық-социумдық қатынастардың осы үш арқау-салаларының әрқайсысындағы кез келген құрылымдық-функционалдық қожырау басқа салалардағы да қожырауға алып келеді.

Әрине, көшпелі социумдағы қоғамдық қатынастар функциясының (байланыстарының) логикасын тең қабырғалы қатаң **үшбұрыш принципімен** түсіндіру – формальданған тәсіл (функция мен байланыстарды мағыналық жағынан өзара тең ұғымдар ретінде қарастырудың себебі кез келген объектаралық және субъектаралық, сондай-ақ, субъект пен объект арасындағы байланыстар, түптеп келгенде, функция болып табылатындығын қаперге саламыз). Бірақ, әлеуметтік ғылымдарда соңғы кезде кеңінен қолданылып жүрген формальдану деп аталатын осындай тәсілдердің тиісті материалдарды жоғарғы теориялық талғам деңгейінде бағалауға қолайлылығы мен тиімділігін ғылыми тәжірбие дәлелдеп отыр.

Айтылғаннан шығатын байлам: көшпелі социумның тұрақтылығы, түптеп келгенде, әлеуметтік қатынастардың аталмыш үш саласының өзара байланыстарының қатаңдығының сақталуына байланысты болды. Қоғамдық жүйенің өміршеңдігінің бірден бір кепілі – әлгі байланыстардың қатаңдығы өз кезегінде социумдағы институционалдық қатынастардың тиімді функциясына тәуелді болды. Институционалдық қатынастар дегеніміз – қоғамның сан алуан салаларындағы саяси, экономикалық, идеологиялық институттардан және әр түрлі ғұрыптар, салттардан, сондай-ақ, ілкімді нормалар мен принциптерден тұратын социумның тіршілігін ұйымдастыратын әрі реттейтін қатынастардың ерекше жүйесі.

Сонымен, жоғарыда айтылғандай, әлеуметтік байланыстар, утилитарлық-технологиялық байланыстар және институционалдық жолмен ұйымдастырылған байланыстар көшпелі ортадағы қоғамдық қатынастар жүйесін құрайды. Ал, жеті аталық ру-қауым осы қатынастардың ең басты ұйымдық (институционалдық) формасы болды. Немесе осы қауымдық жүйені аталмыш қатынастардың территориялық және демографиялық шақталуын (шектелуін емес!) шаруашылық-экономикалық, экологиялық, институционалдық, идеологиялық және шежірелік жосынмен негізделген ұйымдық формасы деуге де болады. Жоғарыда атап көрсетілгендей, жеті аталық құрылым көшпелі ортадағы тіршілікқамы жүйесін ұйымдық, саяси және идеологиялық жағынан қамтамасыз ететін ұйымдастырушылық және басқарушылық харекеттердің бірден бір корпоративтік субъектісі болды. Жеті аталық ру-қауымның осындай құрылымдық және функционалдық (институционалдық) қауқары оған социум ретінде функциялар атқаруға мүмкіндік берді.

Рулық-қауымдық, яғни, социумдық қатынастардың ежелден орныққан принциптері мен нормалары көшпелілердің негізгі (қауымдық-рулық) тіршілік кеңістігіндегі сан алуан шаруашылық-еңбек операцияларды, мәдени-ғұрыптық және т.с.с. шараларды жүзеге асыруға байланысты харекеттерді ұйымдастырудың сан ғасырлық уақыт тезінде сұрыпталған, әрі шыңдалған әлеуметтік механизмі ретінде қызмет атқарды. Ғылыми әдебиетте қоғамдық қатынастар жүйесін әлеуметтік мәнді харекет атаулының технологиясы (механизмі) деп атайтыны сондықтан [8; 9, с. 19–33].

Әдебиеттер

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Нурсан А. Кочевая община казахов: проблемы этносоциологической реконструкции // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. Научный журнал. СПб., 2009. № 96.
3. Alimbai Nursan. La comunita come principale forma organizzativa delle relazioni sociali dei nomadi: note preliminari. Popoli della yurta Kazakhstan. Tra le origini e la modernita. Milano: Jaca book, 2008.
4. Нурсан А. Казахский шежире как фольклорный жанр (вопрос изучения шежире как исторического источника) // Труды Центрального государственного музея Республики Казахстан. Музейное дело, археология, история, источниковедения, антропология, этнология, фольклористика. Алматы, 2009.
5. Alimbai Nursan. Le shejire kazakh en tant que genre folklorique. Kazakhstan: hommes, betes et dieux de la steppe. Paris: Editions Artlys, Versailles, 2010.
6. Нурсан А. Мир кочевой культуры казахов // Казахстан: люди, животные и боги степей. Париж: Editions Artlys, Versailles, 2010.

7. Alimbai Nursan. Le monde de la culture nomade des Kazakhs. Kazakhstan: hommes, betes et dieux de la steppe. Paris: Editions Artlys, Versailles, 2010.

8. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.

9. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АЛИМ-КЫРГЫЗОВ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЬЯ: НА МАТЕРИАЛАХ ЗККЭИЭ¹.

Бекназаров Р.А.

*Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
КН МОН РК, Алматы*

В 2005 г. в составе Актюбинского отряда Западноказахстанской комплексной этноискусствоведческой экспедиции (ЗККЭИЭ–2005, рук. профессор С.Е. Ажигали), при сборе материалов по народной истории шежере крупного казахского племенного объединения Младшего жуза (*Kiini жуз*) Алимұлы (*Әлімұлы*), нами было отмечено компактное проживание «алим-кыргызов» в Шалкарском р-не Актюбинской обл. в пос. Айшуак (северная часть массива песков – Улы Борсыккумов)² (рис. 1). Как показал дальнейший опрос населения, сами «кыргызы», так и представители местных родов, в большинстве своем шекты и торткара, на вопрос происхождения «алим-кыргызов» придерживаются нескольких точек зрения:

1. кыргызы Северного Приаралья – это остатки племен великого кыргызского каганата³;

2. кыргызы могли прикочевать или их насильно переселили во времена хана Кенесары и Каратай султана (конец XVIII в.);

3. выдвигалась версия их вынуженной откочевки в казахские степи в связи с эпидемиями и болезнями на Тянь-Шане в конце XVIII в.

Как показали дальнейшие исследования, представители местных казахских родов кыргызов причисляют однозначно к пришлым родовым подразделениям, называемых в казахской народной традиции в целом как «кірме» (*кірме рулар*, т.е. буквально «вошедшие рода»). В Северном Приаралье к ним, помимо кыргызов (*қырғыз*), можно отнести каракалпаков (*қарақалпақ*), башкир (*башқұрт, естек*), уак (*уақ*) и ногай (*ноғай*). При этом два последних, хотя и относятся к «кірме», но считаются однозначно казахскими родами (*олар өзіміздің қазақтар*).

Анализ исторических и этнографических документов и материалов выявил, что одним из главных источников пополнения группы «кірме» в казахских родах, безусловно, являлись пленники, добываемые во время военных походов и набегов на своих ближайших соседей, превращаемые затем в рабов. Некоторая часть из них в последующем получала «условно» свободу и могла «под хозяином» иметь семью и заниматься хозяйством. Рабов могли перепродавать, передавать, включать в приданое невесты и т.д. И в их числе могли присутствовать представители почти всех соседних народов. Как пишет, например, Я.П. Гавердовский казахи «достают сих несчастных чрез хищничество от россиян, каракалпаков, калмыков, персиян, зюнгарцев и даже китайцев» [1, с. 495]. В частности, эта сторона жизни номадов была подробно отражена в уложениях казахских степных законов, например, «Жеты жаргы» и т.д. [2]. Другим вариантом включения вышеуказанных народов в казахскую среду являлись массовые вкочевывания представителей других групп в состав тех или

¹ В мае 2011 г. материалы переданы профессору Д. Сапаралиеву для публикации в журнале Кыргызско-Турецкого университета им. Манаса (Республика Кыргызстан, г. Бишкек).

² В 2006 г. на историческом факультете Актюбинского государственного университета проводилась международная конференция, на которой, в качестве основного докладчика форума был приглашен из Бишкека ныне покойный д.и.н., профессор, этнограф Эмиль Бакиевич Бакиев. При этом, помимо основных мероприятий, местными «алим-кыргызами», во главе с ведущим историками области к.и.н. З.Б. Байдосовым, к.и.н. Б.Ж. Курманбековым, была организована отдельная встреча с нашим гостем. Мне, естественно, пришлось частично его сопровождать на эти «дополнительные мероприятия», на котором, что самое удивительное, актюбинские «алим-кыргызы» называли себя *диаспорой!*

³ Этой версии придерживается актюбинский историк к.и.н. З.Б. Байдосов.

иных казахских родов на определенной договорной основе⁴ – откупа скотом, услугами предоставления войск в поход и т.д., взамен предоставляемой территории кочевания.

Отметим, что кыргызы присутствуют также и в других родовых подразделениях казахских родов, в частности рода таз. Например, в одной из версии их шежире говорится, что у Таза было четыре сына: Жастабан, Шарга (Шарга), Абдол, Нурым (Нұрым). От Абдола также происходят четыре сына: Беккулы (Бекқұлы), Жантай, Сейтимбет (Сейтімбет), Кулет (Құлет). «Бекқұлыға бір бала келеді. Асырап бала қылып алады. Атын Тұнық қояды. *Негізі тегі қырғыз* (выделено нами – *Р.Б.*)» [5, 60 б.].

Остановимся более подробнее на истории возникновения кыргызов в Северном Приаралье. Итак, о более раннем существовании подрода «кыргыз» у казахов алимулы мы можем отметить из донесения инженера-подпоручика А.И. Ригельмана и переводчика Я. Гуляева Оренбургской губернской канцелярии о результатах их поездки к хану Нуралы в июне 1750 г. В частности, они вместе с Нуралы-ханом 5 июня 1750 г. принимали участие «на поминках умершего *Чикли-Кыргызларского роду* старшины Баимбет-батыря (выделено нами – *Р.Б.*) с ханом и з двумя родными братьями его, где Исет-тархан, Бахтыбай-бий и пр.» [6, с. 514–519]. Очевидно то, что уже в середине XVIII в. они, т.е. североприаральские кыргызы, причисляют себя к шекты, алимам, имеют состоявшуюся структуру управления (указан статус старшины), при этом на поминках присутствует хан и его ближайшее окружение! Т.е., для поднятия до такого статуса «пришлому» роду нужно время и, видимо, следует предположить, что кыргызы могли примкнуть к казахским родам, хотя бы в начале или в 1-й половине XVIII в. Говорить об их более древнем существовании, например, в XVII в. среди алимов, на наш взгляд, тоже не представляется возможным, т.к. это обязательно должно было бы отразиться в шежире местных казахских родов, в официальных документах и т.д., в которых мы их до сих пор не фиксируем.

О существовании в более позднее время в составе казахов Младшего жуза «кыргызов» мы можем опосредованно получить информацию из документов архива Хивинских ханов, которые были конфискованы русскими войсками после захвата Хивы. Например, в тетрадях по учету зякята, собранного с каракалпаков и казахов (1869, 1870, 1871, 1871 август, 1872 г.), указаны имена должников и их рода: адай, алаша, алим, байулы, казак, кара-кесек, кыргыз (как один из родов казахского племени алим), кете, кыпчак, табын, тама, торткара, чекты (шекты), чумекей (шомекей) [7, с. 278, 283]. Другим таким примером может служить рапорт коллежского секретаря Абдул-Кадыра Субханкулова председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому от 26 марта 1857 г с приложением алфавитного списка о почетнейших и влиятельнейших ордынцах близ укрепления Аральское, в котором под № 8 дана характеристика на Бурангула Джангерова «кыргызова рода, истекова отделения, чаграева подотделения» [8, с. 193–194]. В «Материалах по киргизскому землепользованию...» (1913) по Иргизскому уезду статист П. Хворостанский пишет, что среди таких крупных казахских родов этого региона, как шекты, шомекей, каракесек, «отдельными аулами вкраплены в разных местах немногочисленные представители других родов. Алтын из Казалинского уезда, ...Уак (Средней орды) в Куландинской волости и Каракиргиз (пришельцы с Алатау Семиреченской обл.) в Чингильской» [9, с. IV]. Автор начала XX в., как мы видим, их указывает однозначно кыргызами, притом пришедшими с территорий Алатау.

Анализируя все имеющиеся у нас материалы, как нам кажется, можно сделать предварительный вывод, что наиболее достоверной, является версия, выдвинутая, в частности, Н.А. Аристовым, который предполагает, что кыргызы среди казахов (в том числе на территории Северного Приаралья) и других тюркских народов являются «осколками» енисейских кыргызов, входивших в начале XVIII в. в состав волости при Жонгарской урге, а затем «во время смут и войн, ознаменовавших разрушение калмыцкого царства, была истреблена или разбилась на мелкие части, которые разбрелись по всей восточной части киргиз-казацкой степи и по западной Монголии, присоединяясь в составе немногих семей к тянь-шанским кыргызам, к киргиз-казакам, к урянхайцам и, быть может, к алтайцам [см. напр.: 10, с. 128–135]. Можно предположить, что существующие поныне кыргызские рода (кыргыз, иргыт, сарык) между сагайцами и кызыльцами и тубисинский улус между нагинцами, на прежних кыргызских землях, составились не из одних невыселившихся кыргызов, но из некоторого числа кыргыз,

⁴ Примеры массового перехода других племен в среду казахских родов прослеживается хорошо в XVIII в. у каракалпаков. Как отмечает в частности П.И. Рычков последние «живут у них (т.е. у казахов – *Р.Б.*) особыми кибитками». При этом политические события начала этого столетия заставляли каракалпаков искать убежище среди народов Средней Азии, подданных России, «не имея себе другого убежища, сами из своих мест вышли на житье в киргиз-кайсацкие улусы, прося, чтоб они к ним были приобщены» [3, с. 94–95]. Естественно этой ситуацией воспользовалась казахская степная аристократия, включая и хана Младшего жуза – Абулхайра. Заметим, что непосредственным поводом кровавой развязки между ханом и султаном Баракком «послужило нападение последнего на прикочевавших к Абулхайру каракалпаков» [4, с. 398].

бежавших в разное время, особенно после 1757 г., из Джунгарии (выделено нами – Р.Б.)» [11, с. 191–192]. Н.А. Аристов подробно перечисляет названия кыргызских племен (кыргыз, киргиз, иркит, иргыт), вошедших в племена алтайцев, урянхайцев, отдельно останавливается на кыргызских племенах, расселившихся «между кундровскими татарами, кочующими по Ахтубе, в низовьях Волги», которые, очевидно, бежав из Джунгарии примкнули к волжским торгоутам, при этом влившись в первую очередь в среду тюркского населения этого региона – кундровцам. Он также отмечает, что между «джалаирами Большой орды, на р. Каратале, приток Балхаша, также есть подразделение «киргиздар»» [11, с. 192]. Некоторые сведения о включенности кыргызов в казахские рода в Восточном Казахстане приводит Н.А. Абрамов. Например, в заметке «Река Аягуз с ее окрестностями» в «Тобольских губернских ведомостях» (1861), а также «Река Каратал с ее окрестностями» в «Записках РГО...» (1867) показал «в составе джанчулысемис найманской волости бывшего Сергиопольского округа отделение естемис рода кыргыз, в числе 147 кибиток» [11, с. 192].

В связи с вышеуказанными данными следует предположить, что отток кыргызов из Джунгарии, очевидно, начался еще намного раньше⁵, чем 1757 г., даже ранее 1750 г., предположительно в первой половине XVIII в. Скорее всего некоторая часть кыргызов, бежавшая в западном направлении к Жайыку к кундровским татарам, расселилась по договоренности с казахами и в Северном Приаралье. Следует предположить также, что это произошло еще в период правления на этой территории хана Младшего жуза – Абулхаира, который для усиления своих войск, привлекал себе не только казахские рода из других жузов, но представителей других народов, в частности, кыргызов. И посещение поминок старосты североприаральских кыргызов Нуралы – сыном хана Абулхаира, на наш взгляд, является данью заслуг покойного перед казахской аристократией, несомненно его авторитетом при жизни в среде казахов этого региона.

⁵ В разговоре по данной проблеме с д.и.н., профессором Кыргызско-турецкого университета «Манас» Д. Сапаралиевым, была озвучена другая точка зрения, что кыргызы впервые стали появляться среди казахских родов с 1771 г., т.е. в итоге «пыльного похода» (*шаңды жорық*) калмыцких племен. Последние, в число которых предположительно входили и кыргызские рода, с января по июнь 1771 г. проходили с боями территорию Западного Казахстана от р. Едилы до р. Торгай, через бассейны рр. Эмба, Ыргыз, отроги гор Мугаджар и т.д. Как пишут исследователи в итоге казахи «с флангов, уничтожая тысячами, угоняли целые аулы, захватывали огромную добычу» [12, с. 264].

Расселение казахских родов на территории Северного Приаралья (сер. XIX – нач. XX вв.)

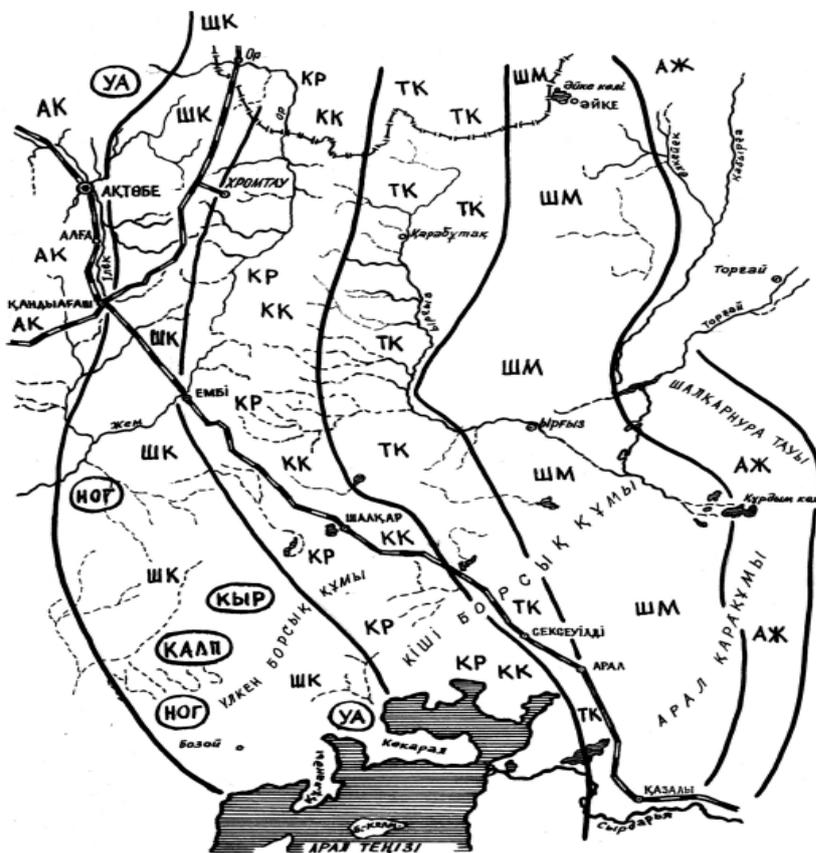

Рис.1. Схема расселения казахских родов в Северном Приаралье в XIX – начале XX вв. Условные обозначения казахских родов: АЖ – алтын-жаппас, ШМ – шоменкей, ТК – торткара, КК – карасакал, КР – каракесек, ШК – шекты, АК – аккете, УА – уаки, НОГ – ногаи, КЫР – кыргызы, КАЛП – каракалпаки.

Таким образом, на основе анализа вышеуказанных источников следует предположить, что «алимовские кыргызы» действительно пришлое население региона, при этом скорее всего они прибыли в этот регион в первой половине XVIII в., может быть именно в период расселения других кыргызских родов между кундровскими татарами, кочующими по Ахтубе, в низовьях Волги. И, что немаловажно, перекочевка их на территории расселения племенного объединения Алимуды произошло «мирным» путем, компактно, с согласия местных родов, что явилось важной причиной их быстрого, безболезненного включения в культуру казахов Северного Приаралья.

Литература

1. Гавердовский Я.П. Обозрение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я), или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. 5.
2. Зиманов С.З., Усеров Н. Несколько слов о Жеты-Жаргы // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. 1975. № 4.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
4. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 2007.
5. Құлбайұлы Ыбырай ақұн. Алтынды Орда қонған жер (шежірелер, толғаулар, арнау өлендер) / құраст. Сағызбайұлы Р. Ақтөбе, 1994.
6. Донесение инженера-подпоручика И. Ригельмана и переводчика Я. Гуляева Оренбургской губернской канцелярии о результатах их поездки к хану Нуралы. 1750 г., 7 июня // КРО. 1961.
7. Документы архива Хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков. М., 1967.
8. Рапорт коллежского секретаря Абдул-Кадыра Субханкулова председателю Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженскому. 26 марта 1857 г. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. 9 августа 1917 г. / сост., предисл., коммент. и указат. Б.Т. Жанаева. Алматы, 2006. Т. VIII, ч. 2.
9. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района, Иргизский уезд. Оренбург, 1913.
10. Асанканов А.А. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней): учебник для вузов. Бишкек, 2009.
11. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.
12. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Алматы, 2010. Т. 3.

«ВРАТА НАРОДОВ»: ПОСЛЕДНИЕ КОЧЕВЫЕ МИГРАЦИИ ВДОЛЬ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ (XVII–XVIII ВВ.)

Викторин В.М.

Отделение восточных языков Астраханского государственного университета

Евразийское пограничье, пространство между отрогами Урала и Каспием, издревле служило важнейшим транзитным участком на путях различных орд и племён кочевников. Здесь проходили скифо-сарматы, гунны, угры (венгры) и болгаро-хазары, затем печенеги, торки и половцы, после них монголо-татары.

В последние столетия такой же путь совершили ногайцы, калмыки-ойраты, казахи, некоторые группы туркмен и башкир. Наиболее обычным и типичным направлением продвижения являлось западное – «на Азов (Азак)», хотя дополняло его и восточное – «на Арал». В меньшей степени проявлялось меридиональное перемещение параллельно берегам Каспия: на востоке – древних кыпчаков на север, а их потомков, узбеков-мангытов, обратно, на юг; и на западе – в XVIII–XIX вв. кочевых азербайджанцев (терекеме-карапапахов) на север, а прикаспийских арабов, напротив, на юг. Направления движений в немалой степени были обусловлены географией, геоморфологией региона – поскольку к северной части Каспия по побережью симметрично примыкали, с одной стороны, плато Мангышлак и Устюрт, с другой – Дербентский край и область Мискура (Мушкур).

На всех этих древних землях осуществлялись многовековое соединение центров кочевания и оседлости, процессы смены ираноязычных кочевников монголоязычными и тюркоязычными, сложное взаимодействие в составе последних огузских и кыпчакских групп, возникало множество совмещённых и переходных этнотерриториальных и этнокультурных вариаций. Ибо повсюду и постоянно здесь встречались и вступали в сложные контакты представители разных вероисповеданий (конфессий), типов культуры и хозяйства.

При исследовании таких многогранных событий и процессов наиболее перспективны объединённые, историко-географические методы, подкреплённые данными иных гуманитарных и естественных наук. И труды советских учёных, а затем стран СНГ заложили тому прочную и продуктивную традицию. Данный концептуальный потенциал в нашей этнологической науке и смежных отраслях знания создаёт возможность дальнейшей разработки проблем на стыке исторической этнографии и исторической географии.

Именно на примере раннего, «оазисного» и «кочевого» ислама выдвинул в начале 30-х гг. XX в. свою знаменитую версию «хозяйственно-культурных» типов и «историко-географических, этнокультурных областей» член-корр. АН СССР, проф. С.П. Толстов, выдающийся исследователь Арало-Каспийского региона. В послевоенные годы её развили коллеги, ученики и последователи С.П. Толстова – М.Г. Левин, Н.Н. Чебоксаров, С.И. Брук, Б.В. Андрианов, Я.В. Чеснов и др. [1, с. 89–107; 2, с. 24–32; 3, с. 3–17; 4]. На роли внутренних и внешних связей–коммуникаций этносов и регионов, схожих или заметно отличающихся, сделал акцент С.А. Арутюнов [5].

Действительно, при последовательном переселении этносов–номадов (ХКТ «кочевые скотоводы») на большие расстояния «полное» кочевничество сочеталось в их быту с полукочеванием и начатками оседлости, занятиями земледелием. А связи их с соседними этносами становились всё более многообразными (в частности, в рамках историко-этнографической области «Средняя Азия и Казахстан»).

Другая гипотеза, тоже историко-географического характера, принадлежала Л.Н. Гумилёву. В ней ещё глубже подчёркивалось взаимодополнение степных просторов и территорий оседлого земледелия, а миграции объяснялись природно-климатическими изменениями в аридных поясах планеты. Северный Прикаспий был удачно обозначен этим своеобразным автором, учёным и мыслителем, как «Окоём Евразии» [6, с. 50–53]. Гумилёв отмечал, что этот ареал практически не играл собственной или особо значительной роли в мировой истории. Но он влиял своей специфичностью на оформление множества ключевых мировых событий (и в хазарский период, и в эпоху Дашт-и Кыпчака – Карый-Кыпчака, и в ордынские, и в российские времена). С позиций нашей темы, это был полуоседлый «тыл» кочевых потестарных и раннегосударственных образований в их широких продвижениях и перемещениях.

Такое необычное явление можно назвать «активно действующей периферией». А пространства, связанные в своем этнокультурном, этнополитическом функционировании с фактором Каспийского моря, автором данного выступления было предложено несколько лет назад именовать «Каспийским крэгом» народов и культур или иначе «Циркумкаспием» [7, с. 40–42; 8, с. 244–245]. Притом заведомо ясно, что для этих территорий характерно сложное, но гармоничное сочетание разных природно-климатических зон и хозяйственно-культурных типов у населения.

Выход Российского государства, с присоединением Нижнего Поволжья, к каспийскому побережью, поначалу не изменил существенно движения кочевников через «врата народов», хотя и начал включать его (Северный Прикаспий) в орбиту политической, межрегиональной активности, движения [подр. см.: 9, с. 321–353].

Путь вдоль Каспия по основному вектору – на запад – проделали в 1644–1759 гг. монголоязычные калмыки (с вовлечёнными ими в миграцию тюрками Сибири, Тянь-Шаня и кыпчакских степей), так же как ещё и ногайцы, и мангышлакские туркмены, а также часть казахов Младшего жуза [9, с. 330–331; 10, с. 186, 214–216, 284, 479; 11, с. 126–130]. Направление «обратно» было избрано для астраханских «кундровских» ногайцев (на службу под Оренбург, 1744 г.) [12, с. 36]; затем основной массой калмыков: от царской службы – в далекую Джунгарию (1771 г.) [13, с. 27–31, 194, 227; 14, с. 243–264].

Переселявшиеся в добровольном порядке ещё долго сохраняли традиции кочевого скотоводства, а менявшие места своего жительства организовано, как правило, вскоре переходили к оседлой жизни. Там, где стихийные и направленные действия сопутствовали друг другу, обычно сочетались оба уклада с постепенной глубинной эволюцией от первого ко второму. Содействовало такой внутренней трансформации и переселение из степей «к морю ближе».

Так, небольшая группа калмыков – «чуркинские» («никалаевские»), «монастырские» – по документам, найденным автором в Госархиве Астраханской области, была обращена, весьма условно, в православие и занималась рыболовством на взморье и в восточной (казахстанской) части волжской дельты. Они вплоть до 1788 г. выбирали, где и как им «кочевать или жить», а затем были переведены через Волгу к остальным сородичам в Калмыцкую степь [9, с. 341–342]. Но теперь уже и в западной части дельты, в «мочагах» –

удобных приморских равнинах – в начале XIX в. сформировался целый улус особых («камышовых» или «лиманных») калмыков-рыболовов, необычного субэтноса в составе калмыцкого народа.

С двумя упомянутыми переселениями калмыков (сначала в Россию, а затем обратно в Западный Китай) были связаны и миграции ногайцев. Многие их кочевые группы (орды) «джетисан, едисан» и «джембойлык, ембулук» при переселении с р. Эмбы (Джем, Жем) разделились: одни ушли от калмыков под самую Астрахань, другие были захвачены калмыцкими тайшами, переведены в «мочаги» и далее, в нынешнее приграничье Ставрополя с Дагестаном. Отчасти связанные и весьма схожие с ногайскими, но ещё более сложные и многоэтапные перемещения испытали туркмены – выходцы с полуострова Мангышлак (Манкыстау, Мангыстау), из племенных групп абдал, саинаджи (союзники), игдыр, човдур и др.

Основная часть ногайцев и туркмен России, пройдя «вратами народов» по калмыцкому пути [11, с. 135 и др.], проживали и живут ныне по соседству на Ставрополье и далее к Каспию, а после присоединения Крыма в 1783 г. – и те, и другие уже сами вобрали в свой состав предельно своеобразных кочевников: калмыков-мусульман («шерет, шеред» или «казлар»).

Рассматриваемые территории вообще представляли собой места длительных и многообразных контактов и этнополитических объединений наиболее крупных, огузско-печенежской и кыпчакско-половецкой, ветвей тюркского мира [11, с. 181–183, 206 и др.]. Соответственно, каракалпаки и ногайцы (а с ними и юртовские «нугайские» татары под Астраханью), обладая кыпчакской этнолингвистической основой, обнаруживают следы сильного огузского влияния. А оставшиеся немногочисленные мангышлакские туркмены и их «астраханско-кавказские» потомки вдоль Прикаспия – наоборот подвергались перманентному «кыпчакскому» влиянию и тем сильнее, когда при частых миграциях одни потомки кыпчаков в их соседстве сменялись другими.

Ранняя волна переселявшихся туркмен (ныне «ставропольские», или «кавказские» [11, с. 208–209]) совпала с первой миграцией калмыков: в «Актах исторических» под 1648 г. родоплеменная группа «туркмен» («трухмен») упомянута вблизи Астрахани, такой же род был известен в «мочагах» вплоть до революционных событий 1917 г.

Другие мангышлакские туркмены в XVI–XVII вв. ушли от власти калмыков по Прикаспию на юго-восток к оазисам и городам Средней Азии. Но часть из них была вынуждена вернуться при более серьёзной угрозе похода персидского Надир-шаха (Тахмасп-Кули-хана) в 1740 г. Их группа кочевала до 1771 г. с калмыками в пойме Волги и Ахтубы. В описании С.Г. Гмелина от 1770-х гг. они (при сел. Сасыколи Астраханской губ.) были названы «хорошими хозяевами и проворными в бою, живущими по-калмыцки и держащимися мусульманского закона». А после отколёвки в 1771 г. калмыков и освобождения туркмен старшина последних Сеит-Мамбет Кошмамбетов сообщал в 1793–94 гг. [документ Госархива Астраханской обл., обнаружил и впервые опубликовал этнолингвист, проф. Елабужского пед. ун-та, засл. деятель науки Татарстана Л.Ш. Арсланов]: «...предки наши выехали с Мангышлака, в российское подданство, в команде калмыцкого Дондук-хана отправляли государственную службу наряду с прочими кочующими в степи трухменцами, но по открытии Кавказского наместничества (1785 г. – В.В.) подвластны обществу астраханских (юртовских – В.В.) татар» [10, с. 214–219, 166, 980]. Так к концу XVIII в. сформировалась «астраханская» этнолокальная группа туркменского народа.

Новые реалии принесли очередное, XIX-е, столетие, которое ознаменовалось массовым переселением к Волге казахов Внутренней (Букеевской) Орды в 1801 г. и переходом к полной оседлости ногайцев-юртовцев и джетисанцев вблизи Астрахани, начатым, в их преданиях, «по приезду и приказу царя Петра (в 1722 г. – В.В.)». Император Александр I объявил 16 апреля 1803 г. о принятии в подданство России новой (очевидно последней) группы туркмен с Мангышлака [15]. И в те же годы учреждался и небезызвестный «Яндыко-Мочажный» улус в Прикаспии для калмыков-рыболовов.

Следовательно, к XIX в. организованные государственные акции по переселению (и седентаризации) бывших кочевников, а также по их собственной инициативе, стали преобладать. А тысячелетние «врата народов» уже переставали быть таковыми для евразийских номадов.

Литература

1. Брук С.И., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В. Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии // Вопросы истории. 1969. № 1.
2. Толстов С.П. Очерки первоначального ислама // СЭ. 1932. № 2.
3. Левин М.Г. и Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4.
4. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1986.

5. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
6. Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993.
7. Викторин В.М. Ареалы Прикаспия как специфическое евразийское приграничье (к проблеме «этносоциокультурной реликтовости») // Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов. Каспийский регион на рубеже III-го тыс. Мат-лы Междунар. конф., Астрахань, 19–20 апреля 2001 г. Астрахань, 2001.
8. Каспийский регион и диалог цивилизаций в современном мире. К 90-летию Л.Н. Гумилёва. Мат-лы Междунар. конф., Астрахань, 16–17 октября 2002 г. / Гл. ред. А.П. Романова. Астрахань, 2002.
9. Викторин В.М. Российское государство и кочевые народы // Россия и степной мир Евразии. Очерки. СПб., 2006.
10. История Астраханского края. Краеведч. монография / Гл. ред. Н.М. Ушаков. Астрахань, 2000.
11. Энциклопедия культур народов Юга России. Т. I – Народы Юга России / Гл. ред. Ю.А. Жданов. Ростов-на-Дону, 2005.
12. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964.
13. Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.
14. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е. И. В...» // Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. М.–СПб., 2005.
15. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сб. архивных док-тов. Ашхабад, 1963.
16. Очерки истории Калмыцкой АССР. Ч. I (Дооктябрьский период). М., 1967.

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА «УРУ» В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КАРАКАЛПАКОВ (УРУШЫЛЫК).

Давлетияров М.

*Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения
АН РУз, Нукус*

Несмотря на разные исторические события, в течение многих веков каракалпаки сохраняли и сохраняют свою принадлежность к определенной родовой группе.

Изучение вопроса о родовом самосознании каракалпаков имеет большое значение на современном этапе. Для этого, прежде всего, надо уточнить каково на сегодняшний день состояние сохранности родовой структуры каракалпаков, и что является причиной его сохранности до сегодняшнего дня.

Особенности родовой структуры, деление его на два *арыса*, и далее на мелкие родовые группы, является одним из признаков, который по представлению каракалпаков отличают их от других родственных народов. В целом, само существование родовой системы у каракалпаков отличают их и от других народов. У каракалпаков существует немало родовых групп, название которых встречается у соседних народов, что пробуждает по отношению к ним родственные чувства, особенно к народам Средней Азии.

Все представители каракалпакских семей из поколения в поколение сохраняют самоназвание своих родовых групп. В ходе полевых этнографических исследований, было выяснено, что большинство каракалпаков, хорошо помнят название своих *уру*, и идентифицируют себя с определенной родовой группой по названиям *уру* [2]. По наблюдениям видно, что родители учат детей с самых ранних лет говорить названия своих родовых групп, и этим они всегда гордились, показывая своих детей приехавшим гостям, как их ребенок может произносить и хорошо помнить название своего *уру*.

Надо особо отметить, что одним из главных признаков самосознания является самоназвание. Почти все представители каракалпакских родовых групп определяют положение своего рода среди других родовых групп, исходя из названий родов, каждый каракалпак принадлежит с определенному *уру*. Несмотря на это существует общее этническое самосознание, осознание себя каракалпаками.

Родовое самосознание каракалпаков проявляется в нижеследующих признаках:

- каракалпаки идентифицируют себя с определенным *уру* по его названию;
- существует представление о происхождении своего *уру*;
- ярко выражается чувства об общности происхождения определенных *уру*, в сознаниях каракалпаков;
- отождествляют себя с легендарными предками, со знатными людьми из своего *уру*, существует различные предания, легенды и события связанные с ними, что пробуждает в них чувство гордости;

• до сих пор существует чувство родственности к сородичам независимо от их отдаленности между собой в поколениях, и от того, знакомы ли они друг с другом или нет.

На сегодняшний день, можно проследить процесс изживания названий более крупных *уру* у каракалпаков. Как известно, среди каракалпаков, обычно когда, расспрашиваются, задаются вопросом: *нелисең?*, (означает, из какого вы *уру*) не говоря, что он каракалпак сразу называет название своего *уру*.

В ходе наблюдений было выяснено, что в последнее время, большинство информаторов-каракалпаков знает только название своего *уру* входящего, например, в состав *қоңырат*, свою принадлежность к *арысу* или отделению в большинстве случаев не указывает. Это говорит о том, что название более крупных *уру*, постепенно теряют свое применение в быту. Если сейчас некоторые люди старшего поколения не называют название крупного *уру* по мере того, что достаточно называть название родовых подразделений, то молодое поколение не называют их, потому, что они их не знают. Отсюда можно предположить, что со временем, не применение наименования крупного *уру* в быту приводит к его постепенному изживанию. Подтверждением этого может быть то, что большинство затрудняются, ответить, в какой *арыс*, или к какое более крупное *уру* он сам принадлежит. Например, некоторые говорят, что его *уру панқара*, обычно не называя название крупного *уру* (*Ашамайлы*), которому принадлежит данный *уру*, и еще не называет название *арыса* (*Қоңырат*). Кроме того, можно особо подчеркнуть, что «промежуточное» более крупное звено – племенная принадлежность к *арысу* «*Қоңырат*» – постепенно теряет свое значение.

Результат анализа собранных нами материалов, показывает, что из опрошенных свыше 250 информаторов, 164 знают к какому большому *уру* они принадлежат, например: *Қтай, Кенегес, Қолдаұлы, Қандекли, Қостамғалы Қарамойын* и т.д., 225 – с определенным *уру*, например: *айыллы, панқара, қазаяқлы, ырғақлы, қайшылы, аралбай, бессары, беқсыйық, ақтоғын, қарасыйрақ* и т.д., 57 из них с *тийре*, 29 с *көше*. Интересно то, что из всего опрошенного только 46 информаторов знают, что *уру*, которому он принадлежит, входит в состав *Қоңырат*, а некоторые из них в состав *Он төрт уру*.

В своей работе А.И. Левшин, приводит аналогичный пример, в котором описывает процесс изживания названий более крупных *уру* у казахов. «С размножением народа киргизского – пишет А.И. Левшин – увеличивается в нем число новых подразделений, а первоначальное название поколений мало-помалу приходят в забвение. Таким образом, *байбулинцы* и *алимулинцы* перестали называться общим древним именем – *алчин*; таким образом, уже теперь есть киргизы сих двух *поколений*, которые не знают, что происходят, от оных и помнят только *род* и *отделение* свое» [1, с. 291]. «Заклучим из сего, что лет чрез 100 большая часть вычисленных нами названий отраслей киргизского народа останется только в наших архивах и в памяти немногих стариков» [1, с. 291].

К этому можно привести еще один пример, на сегодняшний день родовое самосознание каракалпаков проявляется в трех формах самоназваний. К примеру, возьмем *уру «ырғақлы»*. Во-первых, *уру «ырғақлы»* делится на четыре *тийре*: [3] *Сарытон, Ешкили, Байбура, Атанай*. Каждый, кто принадлежит к этому *уру*, в отношении друг друга называют название своего *тийре*. Во-вторых, в отношении к другим родовым группам, выделяют себя из других *уру* названием своего *уру* – «*ырғақлы*». В-третьих, за пределами Каракалпакстана они называют себя каракалпаками. Интересно то, что между ними осталось не указанным «промежуточное» звено, например, тот же *ырғақлы*, который как известно входит в состав *арыс Қоңырат*, в отношении к родовым группам, которые входят в состав *арыс «Он төрт уру»*, например, к *Қтай, Манғыт* в большинстве случаев не называют себя *қоңыратами*.

Большинство наших информаторов на вопрос, называете ли вы между собой в отношении друг к другу, название *уру Қоңырат*, или другие название *уру*, отвечали, что до недавнего времени среди наездников, использовали термины *қоңырат* и *қтай*. Так они делились, на две группы во время соревнования (в игре «*ылақ ойын*», или на соревнованиях «*ат шабыс*»), и в повседневной жизни иногда, использовали эти названия в отношении друг к другу. Один из них, информатор Абдисаламов Мнажатдин из Караузякского района *Қарабуға АПЖ*¹, 1951 г.р., *арыс Қоңырат, үлкен уру Қандекли, уру Курама*. Он рассказывает, что «в прошлом люди из *уру қтай қоңыратов*, называли «рыболовами» (*балықшылар*). Когда *қоңыраты*, шли в гости, в дом *қтай*, то кошка сразу мяукала, потому, что кошка чуяла носом запаха рыбы, тогда хозяйка дома сразу догадались, что пришли гости *қоңыраты*» [4].

В настоящее время, основном люди из *уру Қтай* считают, что название *Қтай* не встречается среди других родственных народов, и предполагают, что они являются потомками средневековых *қарақтаев*. Слово

¹ АПЖ – «Ауыл пухаралар жыйыны» (Свод сельских граждан).

«кара» в наименовании каракалпак, они отождествляют с *қарақтайми*, соответственно по их представлению происхождение каракалпакского этноса тесно связано с *уру Қтай*.

Каракалпаки, принадлежавшие к *уру Қтай* считают, что *уру Қтай* все время стоял наравне с *Қоңырат*, что в прошлом у каракалпаков существовали только две большие родовые группы *Қоңырат* и *Қтай*. Подтверждением тому может быть то, что некоторые каракалпаки, не имеющие представления о родовой структуре каракалпаков, когда затрудняются отвечать, в какой большой *уру* входит его *уру*, то в первую очередь всегда называют *уру Қтай*, несмотря на то, что они на самом деле принадлежат в *уру Қыпшақ* или *Кенегес*.

Интересно то, что большинство людей из разных *уру* не знают, что *уру* которому он принадлежит, в какой большой *уру* (например: *Қтай*, *Қыпшақ*, *Кенегес*, *Манғыт*) входит, и тем более в какой *арыс*. То есть это означает, что в большинстве случаев они не идентифицируют себя с более крупными *уру*.

Бывает еще и так, что человек из *уру қолдаұлы*, приходя в гости в район, где в основном густо расселены каракалпаки из *уру қолдаұлы*, на вопрос о принадлежности к *уру* называет только *тийре* (например, *қалмақ*), считая не обязательным, назвать *уру*, так как это уже ясно. Например, среди каракалпаков, обычно когда, расспрашиваются, задаются вопросом: *нелисең?*, тогда, не говоря, что он каракалпак сразу называет название своего *уру*.

Қтай в прошлом, был одним из двух больших *уру* каракалпаков, при этом, он отличался своей многочисленностью. В настоящее время, неприменение названия *Қтай*, при принадлежности к *уру*, которые находятся в его составе, означает, что они (представители *уру* в составе *Қтай*) больше всего идентифицируют себя с определенными *уру*, в составе *Қтай*, нежели к нему самому. Это является подтверждением того, что со временем название большого *уру* потеряет свое значение в быту и постепенно приходит к забвению. Например, по обычаю экзогамии не существует запрета, заключение брака внутри *уру Қтай*, но внутри *уру* (*Бессары*, *Аралбай*, *Анна*, *Қуйын* и т.д.) входившие в его состав запрещено вступать в брак. Важно то, что будущие молодожены не должны быть из одного *уру*. Соответственно, при расспрашивании не обязательно спросить, в состав какого большого *уру* входит его (ее) *уру*.

Как известно, что в состав *арыс Қоңырат* входят *уру Қыят*, *Ашамайлы*, *Қолдаұлы* и т.д., и каждый из них делятся на мелкие *уру*, представители которого, идентифицируя себя с этим *уру*, осознают свою принадлежность с тем или иным вышеназванным *уру*.

Люди, принадлежавшие к *арысу Қоңырат*, и которые имеют хорошее представление о родовой структуре каракалпаков, по отношению к родовым группам «*Он төрт уру*» (*Қтай*, *Қыпшақ*, *Кенегес*, *Манғыт*) называют себя *қоңыратами*. Но есть еще вторая группа, обычно престарелые люди, которые если и не знают родовой структуры каракалпаков, то по привычке, по отношению к *Қтай* называют себя *қоңыратами*, а в остальных случаях, по отношению к *қоңыратам* называют своей *уру Қолдаұлы*, *Ашамайлы*, *Қыят* и т.д.

Бывают так, что самосознание родовой принадлежности может быть подчас сильнее, чем самосознание нации. К примеру, среди казахов, узбеков, а также и каракалпаков, имеется род «*хожа*», которое во многом идентифицируют себя больше к данной родоплеменной группе, нежели к нации. Представители этих родов считают себя потомками арабов, приехавших сюда в средние века.

Интересно то, что обычно при знакомстве с информаторами, расспрашивая их, сперва задаем вопрос *нелисең*, из какого он *уру*. Называя свой *уру*, большинство из них начинают рассказывать о тех знатных людях, которые вышли из его *уру*, или о легендарных предках. С гордостью рассказывают об их поступках, что они были батырами (богатырь), или имели сверхъестественные силы, и считаются основоположниками их *уру*. Есть люди, которые хорошо знают и интересуются родовой структурой каракалпаков, большинство таких людей, принадлежавших к той или иной родовой группе, гордятся своим *уру*, и часто с гордостью называют имена тех исторических деятелей, героев или легендарных предков, которые принадлежат к этому *уру*. Например, старики из *арыса Қоңырат* с гордостью называют имена национальных героев *Алпамыса*, *Айдоса*, *Ерназар Алакоза*, *Аллайр Досназарова* и т.д. [7]. Каждый из этих информаторов, из разного *уру*: *мүйтен*, *қандекли*, *ырғықлы* входивший в состав *арыса Қоңырат*. Но, несмотря на это, в этом отношении, они называют себя под общим названием *Қоңырат*. Это говорит о том, что чувство принадлежности к *арысу Қоңырат* еще не совсем погасло.

В частности, каждый *уру* входивший в состав *арыса Қоңырат*, например, *қостамгалы*, *қолдаұлы*, *қарамойын* и т.д. называют тех знатных людей, которые вышли из этого *уру*. Каждый *уру* входившие в состав *Қтай*, например, *бессары*, *аралбай* и т.д. тоже называет своего легендарного предка, знатных людей, но, редко называют тех людей, которые являются общей гордостью, для всего *уру Қтай*.

Выше мы говорили о признаках родовой самоидентификации каракалпаков. Основываясь на существующих сейчас материалах можно сказать, что представители отдельных уру по данным признакам до сегодняшнего дня сохраняют свою принадлежность к определенной родовой группе. Хотелось бы сказать, что в настоящее время роль уру в социально-политической жизни каракалпакского народа почти теряет свое значение, но сохраняет его в семейно-брачных отношениях, а значение его в брачных отношениях требует специального изучения.

Литература и источники

1. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
2. ПМА, запись 2007–2011 гг.
3. ПМА, запись № 88, за 2007 г.
4. ПМА, запись № 9, за 2008 г.
5. ПМА, запись № 3, за 2007 г.
6. ПМА, запись № 71 за 2010 г.
7. ПМА, запись № 1, 3, 4, 8 за 2007 г., № 8 за 2008 г.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КАЗАХОВ (ЭТНОСЕМИОТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Ерназаров Ж.Т.

Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет, Уральск

В семейных обрядах ярко выражена коммуникационная роль ритуала. Так, весь комплекс обрядов жизненного цикла происходит как, более или менее, крупное общественное мероприятие в рамках социума и является по своему характеру диалогичным. Связи на разных уровнях обрядности варьируют от профанных до сакральных. Последнее, чаще всего, характерно для «пороговых ситуаций», когда социум преодолевает реальную или мнимую опасность.

В обрядах родильного цикла ряд элементов моделируют диалог с «иным» миром. Фольклорные и этнографические материалы обильны сведениями, синтагматическая структура которых построена по схеме коммуникации, где ребенок – главная ценность, получаемая в результате этого «общения» с потусторонним миром [1].

Видимо, данное представление имеет широкое распространенное у ряда тюркоязычных народов, что указывает, на наш взгляд, не только на глубокие корни данного воззрения, но и на универсальность диалогового характера построения этих отношений. Так, по традиционным представлениям тюрков Южной Сибири: «В мифологической концепции бытия, где прошлое было неотделимо от настоящего и будущего, а умершие от живых, смерть являлась источником новой жизни. Эта идея порождена всем строем архаичного мировоззрения, в котором противоположные полюса, разрушительные и созидательные силы, сливались в единое целое. Нельзя не признать, что проблема круговорота жизни решались в нем с удивительным оптимизмом» [2, с. 218]. Е.С. Новик рассматривает родильную обрядность как акт получения ценности от сакральных сил: форма установления связи между «получателем» ценности (в лице матери и повитухи) и «подателем» ценности в лице богини родов, которая именуется у разных народов по-разному (Айысыт, Умай, Май-эне, Я-мюня и т.д.), но восходит к одному общему генетическому типу [3, с. 168; 4, с. 218; 5, с. 113].

Общетюркский культ Умай (От-ана, Май-ана) – охранительницы детей и очага, покровительницы женщин при родах, имеет устойчивое бытование и у казахов, который получил персонификацию в священном домашнем очаге. Повитухи при родах оказывали не только необходимую практическую, акушерскую помощь, но и семантически моделировали получение ребенка от потусторонних сил. Главенствующая роль при этом принадлежала От-ана (Умай), при посреднической роли повитухи. Так, повитуха, принимая роды, приговаривала: «Не моя рука, а рука матери Умай».

По мнению наших информаторов, «у казахов, не устраивают детям поминок в общепринятом их смысле, особенно если ребенку не исполнилось и года, так как их считают «ангелами в раю»» [1]. То есть, не исполнялся

весь цикл поминальных обрядов, а в основном ограничивались лишь поминками в день похорон или же, в крайнем случае, до сорокадневья. Существовало поверье, что душа ребенка вновь «возвратится» на землю. По мнению Шахановой Н., семантика данного действия непосредственно связано с объемным общетюркским мировоззренческим понятием «күт». Так, автор выделяет два семантических пласта в понимании этого понятия: 1) более позднее семантическое поле понятия, бытующем в современном казахском языке и обозначаемое как «счастье», «благодать», «изобилие», «богатство» и 2) ранний, основной семантический пласт понятия «күт» – это «жизненная сила», «душа», «дух», «зародыш» [6, с. 12]. То есть, сохранный в консервативной, по своей структуре, погребально-поминальной обрядности казахов обряд «обведение вокруг головы покойного продуктом питания», хоть и имеет трансформированное семантическое содержание, в понимании современных носителей культуры восходит к древнему общетюркскому представлению о «күт» как рождающем начале, жизненной потенции, силе.

В традиционном, общетюркском миропонимании душа является некой константой, «кочующей» между мирами. То есть, периферийные обряды моделировали ситуацию «смерти и возрождения» души. Данное обстоятельство подтверждает мысль о трактовке поминальных обрядов у казахов как проводов души покойного на «тот свет», а родильных обрядов как акт «передачи души сакральными силами».

Таким образом, на наш взгляд, семантическая категория «күт» является доминантным символом в цикле обрядов переходного периода казахов. В отдаленном прошлом семантическая категория «күт» являлась культурной темой в традиционном миропонимании тюрков. Свидетельством этого является закрепление культурной темы «күт» на разных уровнях традиционной картины мира тюрков, что обеспечивает высокий семиотический статус и устойчивость этих обычаев и ритуалов по сей день.

Таким образом, анализ семантической структуры обрядов жизненного цикла казахов позволяет сделать заключение о том, что существовало устойчивое представление о душе как «кочующем» элементе между мирами. В этом смысле, периферийные обряды семейного цикла – родильные и погребально-поминальные, моделировали ситуацию «проводов» души и встречи души. Многие респонденты, помимо биологического формирования плода, выделяют существование некоего «ритуально-сакрального периода очеловечивания младенца», которое, начиная с момента зачатия, завершается по прошествии сорока дней после рождения. Этот период наиболее четко расписан с ритуальной стороны и изобилует множеством табу и предписаний, носящих символический характер.

В обыденном сознании благополучие всецело зависит от «правильного» отправления обрядов. Так же существовало представление о том, что появлению детей препятствуют нечистые силы, которые «перевязывают детородный орган женщины». В таких случаях женщина держит в доме филина. Затем, после появления на свет ребенка, филина отпускали на волю. Следует заметить, что при этом не пользуются перьями от этого филина, в апотропейных целях, для ребенка которого ожидали [1].

После того как женщина забеременела, ее освобождают от тяжелых работ по дому. Следят за тем, чтобы развивающийся в чреве матери ребенок постоянно шевелился. Если беременная женщина чего-то испугалась, то считают, что ребенок в чреве матери на долгое время остается неподвижным. Это считается опасным и может пагубно отразиться на развитии ребенка. Для «излечения» прибегают к различным мерам символического характера (например, беременной женщине зашивают подол платья и положив туда еду, кормят собаку и др.). Все ритуальные действия направлены на символическое моделирование нормального развития плода.

Анализ символики в элементах родильной обрядности, так же позволять отметить коммуникативный характер данного процесса. На теле роженицы во время схваток не должно быть ничего металлического: снимаются серьги, кольца, браслеты и т.п. Распускают волосы. Открывают все сундуки, двери, развязывают узелки, открывают замки, то есть все подобного ряда действия подчеркивают одну смысловую константу – открытость (всего, что может открываться), освобождение пути. По мнению Х.А. Аргынбаева, смысл этих действий заключался в стимуляции быстрого разрешения беременной [7, с. 88]. По сведениям А.Т. Толеубаева, эти ритуальные действия способствовали развязыванию родовых пут, облегчению предродовых схваток (посредством имитативной магии: снятие твердых предметов – «твердых» схваток) [8, с. 54–65]. Соглашаясь с вышеотмеченным, хотелось бы упомянуть еще об одном аспекте этих ритуальных действий. Имитация освобождения в окружающей среде, по схеме «подобное побуждает подобное», призвано было создать и психологический эффект. Символические меры воздействовали на сознание человека, так как эти символы, в первую очередь, направлены на психику носителя культуры. Сознание представителя данной культурной общности способно расшифровать символически закодированную информацию. Социум в процессе символотворчества порождает определенные стандарты поведения, понятные носителям данной культуры.

Знаковое содержание ритуальных действий, в данном случае призвано актуализировать осознание некоего психологического «комфорта», заключающегося в вере в благополучный исход (следуя схеме «необходимые меры приняты, теперь следует ожидать адекватных результатов») [1].

Символические меры призванные оградить роженицу и ребенка, которые, по мифопоэтическому сознанию, расположены в наиболее опасной зоне воздействия злых духов – периферийной зоне, пронизывают всю обрядность. При родах, как свидетельствует Ибрагимов И.И., «позади роженицы располагалась повитуха и массирует живот роженицы жиром, помогая родам. Она приговаривала при этом: «О, От-ана, Биби-Фатима, дай дорогу, сделай ее путь правильным». Во время схваток молятся со словами «О, Господи ниспошли легкие схватки («толғақ»)» [9, с. 123].

Параллельно практическим мерам, основанным на эмпирических наблюдениях и народных знаниях, во время родов реконструировалась символическая модель «идеального» прохождения родов. Воздействием на эту модель посредством доминирующих символов и знаков корректируют роды, «стимулируя» тем самым ожидаемые действия.

Основная масса символических мер направлены на стимулирование ситуации «выхода», разрешения роженицы. Данное положение моделируется на разных уровнях и разными способами. Так, например, если во время схваток роженицы, в помещение войдет девочка, то ей со словами «Құдай-ау, жолын аша ғөр» (буквально: «О боже, открой путь»), разрывают ей подол платья. Тогда, по поверью, Господь обратит внимание и у женщины появится ребенок. Смысл того, что вошедшей девочке распарывают подол платья, информаторы объясняют тем, что она «хоть и маленькая девочка, но в будущем ее ожидает такая же участь, она станет матерью, будет имеет детей» [1].

Символическое сопоставление ребенка и собаки с очевидностью просматривается в ряде родильных обрядов, особенно послеродового периода на протяжении сорока дней. В данном случае активное действие собаки (в процессе еды) как символического заместителя, должна была побуждать адекватную реакцию и ребенка в чреве матери.

Во время трудных родов со словами «құдай жеңілдік берсін» стучат по казану [1]. Казан, в традиционной картине мира казахов, олицетворяет «ырыс» (изобилие, достаток, плодovitость). Этим, на наш взгляд, объясняется запрет включать казан в приданое невесты, информаторы объясняют это тем, что «уходит из дома достаток» («ырыс кетеді»). В данном случае казан понимается как предмет имеющий отношение к плодородию – посредством стука по казану актуализируется сама идея рождения. По казану стучат, если родившийся ребенок не издает звука сразу после появления на свет. Информаторы данное действие интерпретируют чисто прагматическими соображениями: «резкий звук должен позволить ребенку собраться» [1].

Вторым важным моментом в родильных обрядах, как вторичных семиотических моделирующих системах, является ситуация моделирования «коммуникации с потусторонними силами». Во время трудных родов весь спектр ритуальных действий направлен на диалог с потусторонними силами. Основным «инструментом» символической связи с потусторонними силами, как и на протяжении всего цикла семейных обрядов, является жир. Жиром, точнее его запахом умиляют духов. Так, по сведениям информаторов, во время схваток бросают жир (масло) в огонь со словами: «Биби Фатима анаға, аруақтарға жол бере ғөр» («матери Биби Фатиме, предкам, откройте путь»). Присутствие имени мусульманской святыни, на наш взгляд, явление позднего характера. Первоначальный пласт был связан с именем От-ана – покровительницы рожениц, детей и домашнего очага [8, с.67]. Чтобы ребенок быстрее появился на свет, в огонь бросают козий жир. Так как это животное, по мнению информаторов, очень подвижное, энергичное, и желают, чтобы младенец так же быстро появился на свет. То есть, здесь обращают внимание и на «происхождение» жира, чья жизненная характеристика должна была побудить подобное же качество [1].

При особо трудных родах требуется вмешательство всего социума, и при этом актуализируются все, бытующие в арсенале социума, символы и культурные темы, имеющие наивысшую сакральную силу воздействия на потусторонние силы. Одной из функций ритуала является преодоление критической ситуации (например, противоборство с нечистыми силами – Албасты, Марту). При этом социум искусственно моделирует ситуацию кризиса, то есть, как бы создает прототип, аналог ситуации. Затем вырабатывается (или используется имеющийся) механизм разрешения посредством символов и знаков, семантика которых характеризуется, с одной стороны, сакральностью, с другой, высоким семиотическим статусом. Архаическое сознание выработало подробно регламентированную стратегию поведения социума при контактах с сакральными силами. Зачастую, эти символические меры носят универсальный характер и имеют широкие аналогии с подобными представлениями народов мира.

Рассмотрим общие принципы взаимодействия (или противодействия) с потусторонними силами:

– требуют максимальной консолидации социума в момент взаимодействия (например, при трудных

родах производят пальбу, поднимают шум с возгласами: «Жау шапты, аттан!» («Враг напал! На коней!»). На символическом уровне воссоздается ситуация переживания социумом критической ситуации. Таким образом, актуализируется соответствующая стратегия поведения, направленная на консолидацию социума;

– актуализируются те или иные символы культуры, которые обладают (наделяются): а) высоким семиотическим статусом (то есть устойчивостью, развернутым толкованием семантики в понимании носителей культуры); б) носят универсальный характер (например, рассматриваются через призму борьбы добра и зла); в) занимают высшую ступень в иерархии ценностей социума; существует четко выработанная стратегия поведения, как отдельных членов социума, так и всего коллектива в целом, то есть существуют стандартизованные формы поведения, этикетные нормы, жесты и т.п.;

– существует определенный набор символов и знаков с четко зафиксированным кодом (смысловой нагрузкой), актуализируемых в стандартных ситуациях и понятному носителю данной культуры;

– многие символы восходят к архаическим воззрениям (элементы культуры, имеющие отношение к сакральным силам, менее всего подвержены инновациям, и в данной сфере символотворчество редкое явление).

В семантике специально приготовленного для роженицы блюда («қалжа») обращает на себя внимание то, что шейные позвонки очищают от мяса «та, которая приняла ребенка» [10, с. 55] и вешают над порогом на 40 дней (по другим данным, пока шея не окрепнет, невзирая на сроки), чтобы шея ребенка быстро укрепилась [11, с. 123]. То есть, быстрое высыхание шеи ритуального животного имитирует адекватное состояние у младенца. В данном случае, на наш взгляд, «кіндік шеше» проводит ритуальное «додельвание» ребенка, закрепляя его статус среди живых. По полевым материалам, роженице дают растопленный жир, чтобы «кровь не застыла» и не болела [1].

С целью «уберечь» детей от воздействия злых духов, при рождении ребенка проводят следующее ритуальное действие: ребенка «продают», стоя у порога, другим людям за, например, мешок кизяка. При этом покупающий стоит за порогом, вне дома, продающий – в доме. Теперь ребенок формально считается чужим. Это действие информаторы объясняют как «меру, призванную запутать, ввести в заблуждение злых духов, угрожающих жизни и безопасности ребенка» [1]. Ту же цель преследует и следующий обряд, когда пуповину ребенка рубили топором на пороге. Но, на наш взгляд, следует обратить внимание на следующий момент: во-первых, порог, в традиционной картине мира казахов, обиталище духов предков, и посему это еще и символическое приобщение к сакральной силе предков [8, с.69]. Во-вторых, порог – граница между освоенным и не освоенным пространством. Перерубание пуповины на пороге есть символическое закрепление на границе, актуализация идеи момента перехода. Е.С. Новик на основе обширного материала по этнографии тюркских народов Сибири пришла к выводу, что «пуповина символизировала связь человека с миром природы» [3, с. 171].

Женщину, перерезавшую пуповину новорожденного именуют «кіндік шеше» [9, с. 123]. Перерезать пуповину выбирают образцовую, уважаемую всеми женщину. Существует поверье, что характер ребенка будет похож на характер «кіндік шеше» [1]. В традиционном мировоззрении тюрков Южной Сибири рассматривая роды как сакральное действие, участники родов приравнивались шаманствующим лицам, так как «именно она (повитуха) обеспечивала контакт роженицы и богини-покровительницы, получение ребенка (= ценности) из природной среды. В особо трудных случаях её действия усиливались шаманским камланием. Обряды двух медиаторов имеется повитухи и шамана имеется были в известном смысле схожи. Однако функции кіндік ене, «повивальной бабки», не выходили за рамки «узкопрофессиональной» сферы, а деятельность шамана считалось проявлением творческого начала в космических масштабах» [11, с. 107]. О роли повитухи как посредника указывает и тот факт, что она принимая ребенка приговаривает «не моя рука, а рука Умай, Биби-Фатимы», то есть покровителей детей и домашнего очага. Хотя в обрядово-лексическом выражении мы наблюдаем переплетение разновременных религиозных представлений.

Таким образом, формулируя основные выводы можно выделить следующее. По архаическим представлениям символы и знаки является по сути инструментом ритуального воздействия. В кризисных ситуациях перехода, которые составляют основу семейных обрядов, архаическим сознанием вырабатывается идеальная модель их преодоления, состоящая из набора манипуляций символами и знаками. Зачастую они дублируют знания, основанные на эмпирических наблюдениях и народной медицине, практически значимые ритуальные действия, тем самым, якобы, подкрепляя (точнее обеспечивая) их благополучное разрешение или преодоление. Воздействием на эту модель, посредством доминирующих символов и знаков, корректируют роды, «стимулируя», тем самым, ожидаемые действия.

Анализ смысловой нагрузки символов и знаков обрядовых действий указывает, с одной стороны, на категории мировоззренческого порядка, а с другой, выявляет механизмы функционирования явлений знакового характера в семейной обрядности казахов.

Основная масса символических мер в родильной обрядности направлена на моделирование двух

ситуаций: 1) ситуации «выхода» (пересечение символической границы миров); 2) ситуации «коммуникации с потусторонними силами» (данная ситуация обеспечивает «механизмы» преодоления границы миров, передачи ребенка-ценности).

Литература

1. Полевые материалы автора; Ерناзаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003.
2. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
3. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989.
5. Валиханов Ч.Ч. Тенгри (бог). Собр. соч. в 5 томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984.
6. Шаханова Н.Ж. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы, 1998.
7. Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы, 1973.
8. Төлеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – начало XX в.). Алма-Ата, 1991.
9. Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа. // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. М., 1872.
10. П. Обычай киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. 1878. № 9.
11. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т.1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
12. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.

БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕРЕЙТТЕРДІҢ ЭТНИКАЛЫҚ ТАРИХЫ

Исаева Ә.И.

Қазақ мемлекеттік қыздар педагогикалық университеті, Алматы

Қай халықтың болмасын өзінің жүріп өткен жолына көз жүгіртетіні хақ. Тарихының бетіндегі белгісіз, әлі де жарияланбаған мәселелерді жинастыру, зерттеу, бір жүйеге келтіру және оны келешек ұрпағына жеткізу әрбір ұлттың қасиетті борышы болып табылады. Әсіресе, ұрпақтан-ұрпаққа өз тарихын ауызша жеткізген қазақ халқының алатын орны ерекше.

Керейттердің этникалық тарихына қатысты отандық тарихнамада жан-жақты қарастырылып келеді. Ең бастысы, орта жүздегі керей тайпасы мен Кіші жүздегі керейт тайпасының ара қатынасы қандай? Бұл мәселеге қатысты отандық тарихшылар бір-біріне қарама-қайшы пікірлерін келтіреді. Мәселен, «керей» – ру, тайпа атауы да, «т» тунгус, монғолша көптік жалғауы. XIII ғ. басында меркіттермен бірге Жем, Торғай өзендері бойына жетіп, сонда қалған керейлер қазірге дейін өзінің ежелгі «керейт» атауын сақтап, Жетіру бірлестігі құрамына қосылған [1].

XIX–XX ғасырдың көптеген ғалымдардың зерттеулерінде, Кіші жүздегі керейттердің орта жүздегі керейлерден бөлініп шыққан тобы екендігіне, яғни бұл тайпалардың арғы түбі бір болғандығына күмән келтірмейді. Оған дәлел – таңбаларының ұқсастығы деген уәж айтады [2–3].

В.В. Востров пен М.С. Мұқанов Ш.Ш. Уәлихановқа сүйеніп қазіргі Қазақстанның батысына кеткен керейттердің басым бөлігі XIV ғ. өзбек тайпалық бірлестігіне, одан кейін өзбек халқының құрамына енсе, керейттердің қазақтарда қалған азғана бөлшегі Кіші жүзге қосылды дейді [4].

Керей мен керейттердің бір тайпа екендігін З. Қинаятұлы өз еңбегінде талдап тұрып: «Біздің пайымдауымызша «керей» және «керейт» атаулық ерекшеліктері болғанымен, заты бір тайпа. Олардың атаулық өзгешелігі тек моңғол әулетінің Орталық Азияға трансформациялаған әкімшілік және әскери құрылымымен тікелей байланысты сияқты. Керейлер ертеде «керейт» аталатын бөлімі Шыңғыс ханның әкімшілік және әскерилерінің құрамында орта Азияға келіп, өз ат атауымен сонда сіңісіп қалып қойған тобының ұрпағы» [5].

Қазақстанның оңтүстік өлкесі үш жүз құрамындағы рулардың ежелден қоныс тепкен аймақтарының бірі. Қазақ халқының басынан өткен әр түрлі тарихи оқиғалар және осы аймақта сан ғасырлар бойына қалыптасқан тарихи, экономикалық, мәдени, әлеуметтік жағдайлар аталмыш өлкеде қазақ руларының етене байланыста болуына және ежелден мекен етуіне әсер еткен болатын.

XIX ғ. соңы мен XX ғ. басындағы қазақ халқының орналасуына байланысты толық және нақты ақпарат көздерін көші-қонжәне статистика мамандарының экспедициялары нәтижесінде жинақталған материалдарынан

табамыз. Бұл экспедициялардың негізгі мақсаттары орталық саясаттың бір бағыты ретінде қазақ ұлтының қоныстануға құқығы жоқ деген құнарлы және шұрайлы жерлерге өзге ұлт өкілдерін қоныстандыру үшін жаңа жерлер қарастыру еді. Жалпы бұл жинақталған статистикалық мәліметтер «Материалы по киргизскому землепользованию» деген атпен бірнеше том болып басылып шықты.

Сондай зерттеулердің біріне 1906–1913 жж. П.А. Скрыплев жетекшілік еткен статистикалық экспедиция мәліметтері негізінде «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области» деген тақырыппен құрастырылған бес томдық жинақты жатқызуымызға болады [6]. Соның ішінде Перовск уезі бойынша жинақталған мәліметтерде керейт руының кейбір тармақтары Аламесек, Қышбөгет болыстарын қоныстанғандығы келтірілген [7].

1867 ж. 11 шілдесіндегі «Уақытша ереже» бойынша Сырдария мен Жетісу облыстары жаңадан құрылған Түркістан генерал-губернаторлығының құрамына кірді. Ал, біз зерттеп отырған керейт руы Сырдария облысының кейбір аудандарында қоныстанған болатын. Сырдария облысы батысында Арал теңізімен, солтүстік-батысында – Торғай облысымен, солтүстігінде Ақмола және Семей облыстарымен, шығысында – Жетісу облысымен, ал оңтүстігінде Бұқара және Қоқан хандықтарымен шектескен болатын.

Осыған ұқсас дерек көздері Қазалы уезіне байланысты жинақталған материалдарда көрсетілген [8]. Қазалы уезіне қарасты Қаракөл болысында негізінен Кіші жүз ру-тайпаларының өкілдері қоныстанған. 1911 ж. мәліметтер бойынша болыста 1569 шаңырақ, 10 989 тұрғын болды. Болыстағы 11 әкімшілік ауылдың тек біреуінде ғана керейттер қоныстанған. № 8 әкімшілік ауылда Әлімнің Құттық тармағының 74 шаңырағы және Байжан Айдыберген ақсақалдың басқаруындағы керейттердің құрамында 264 адамы бар 27 шаңырақ болды. Керейттердің қыстаулары Бидайгүл, Қаракөл шатқалдарында, қаракөл көлінің жанында орналасты. Керейт руына тиесілі 27 шаңырақтың 2 – көшпелі, 25 – отырықшы. Яғни, бұл ауылдағы керейт руының өкілдері негізінен жер шаруашылығымен айналысқан. Сонымен бірге, мал да негізгі салалардың бірі болды. Керейттерге қарасты 27 шаңырақтың 1044 мал басы есепке алынды [8, с. 68–72].

Қазалы уезі аумағында орналасқан Қармақшы уезінде 1911 ж. деректер бойынша болыстағы 12 әкімшілік ауылда 1739 шаңырағы, 9647 тұрғыны болды. Керейт руының тармақтары № 5 әкімшілік ауылдағы толығымен, ал № 11 ауылда Алтын, Қыпшақтармен көршілес мекендеді.

Керейт руының ақсақалдары Маңғай Мамықбай және Жақып Тұрғанбай басқаратын № 5 әкімшілік ауылда 698 тұрғыны бар 111 шаңырақ болған. Аталмыш әкімшілік ауыл су көздеріне өте бай Шалқар, Қарасу, Жалқыбай көлдері маңында қоныстанған болатын. Ауылға қарасты 111 шаңырақтың 51-і көшпелі болса, 60-ы отырықшы болған. Барлық шаңырақтың 12-сі егін еккен [8, с. 75–76].

Қуандария болысы Қазалы уезінің оңтүстігінде, Сырдария мен Қуандария өзендерінің ортасында орналасқан. Батыс территориясының басым бөлігі Жуанқұм құмдарын алып жатты.

Керейт руының өкілдері болыстағы № 7 әкімшілік ауылда Әлімұлы рубірлестігінің кете тармағымен көршілес қоныстанды.

Рет Күбентай ақсақал басқаратын № 7 әкімшілік ауылда Керейт руының 63 шаңырағы, 344 тұрғыны бар бұлардың 47-і отырықшы, 16-сы көшпелі болып, 1911 ж. санақ бойынша 1341 мал саны тиесілі болды.

№ 7 әкімшілік ауылдағы Керейт руы қоныстанған қыстаулары – Қара-бәле, Қос-мұнара, Қотыр, Дөңарық, Қара-мола, Қрай, Білек көл шатқалдарының маңы. Барлық шаңырақтың 21-і 19,67 десятина жерге егін салған [8, с. 104–106]. Сонымен қатар, біз қарастырып отырған керейт руына қатысты мағлұматтар Сырдария облысының Әмудария бөлімінде жүргізілген статистикалық зерттеулердің қорытындыларында кездеседі. Онда керейттердің Кіші жүздің өзге де ру-тайпаларымен көршілес қоныстанғандығы жан-жақты қамтылған [9].

1912–1913 жж. Әмудария бөлімінде жүргізілген статистикалық зерттеулердің ру-материалдарынан біз өзіміз қарастырып отырған керейт руының тармақтары Бесжаб, Наупыр және Тамды болыстарында қоныстанғандықтарын көре аламыз [9, с. 128]. Сол статистикалық деректерді пайдалана отырып, аталмыш болыстарда керейттердің қоныстануына тоқталайық.

1912–1913 жж. статистикалық деректер бойынша болыстағы 9615 тұрғыны бар 5 әкімшілік ауылға қарасты 1685 шаңырағы болды. Этникалық жағынан қарастыратын болсақ, болыста қарақалпақтар, өзбектер, қазақтардың керейт, тама, табын, шекті руларының тармақтары мекендеді.

Болысқа қарасты № 3 әкімшілік ауылда бірнеше ақсақалдар басқаратын 3 шаруашылық ауыл болған. Солардың бірін керейт ру өкілдері қыпшақтармен бірге Торғайтерек шатқалының маңайында қоныстанған. Баймен Жаке ақсақал басқаруындағы бұл шаруашылық ауылда 610 тұрғын және 117 шаңырақ есепке алынды. Шаңырақтардың барлығы отырықшы болды және 117 шаңырақтың 114 қарақалпақтарға, қалған үшеуі

қазақтарға қараған [9, с. 2–4]. Шаруашылық ауылдың отырықшы болғандығына байланысты ауылда мал саны өте аз болып, мал шаруашылығы кенжелеп қалды. Керісінше, жер шаруашылығы қарқынды дамыды. Барлық шаңырақтың 87-сі 101, 27 десятина жерге егін салды [9, с. 2–4].

Наупыр болысы Әмудария бөлімінің солтүстігінде орналасқан. Солтүстігінде табиғи шекарасы Арал теңізі болса, батысында Тамды болысымен, оңтүстігінде Жаңабазар, Кегейлі, Шымбай болыстарымен, шығысында Көкөзек болысымен шектесті.

1912–1913 жж. статистикалық мәліметтер бойынша Наупыр болысында 13506 тұрғыны бар 8 әкімшілік ауыл болды. Осы әкімшілік ауылға қарасты тіркелген 2306 шаңырақтың барлығы отырықшы болған. Тізімге алынған барлық шаңырақтардың 2092-сі қарақалпақтарға, 202-сі қазақтарға, 12-сі қожаларға қарады. Шаңырақтардың барлығы отырықшы болғандықтан болыс бойынша мал саны өте аз. Болыста тараған төрт түлік малды қосып есептегенде – 21 887 [10].

Зерттеп отырған Керейт руы болыстағы әкімшілік ауылдардың тек екеуінде ғана, өзге ру өкілдерінен бірлесе қоныстанған. Аталған екі әкімшілік ауылдарды қоныстанған Керейт руына қатысты толық мәліметтерді төмендегі кестеде көрсетіп отырмыз (1-кесте).

1-кесте. 1912–1913 жж. Әмудария бөлімінің Наупыр болысындағы Керейт руының шаруашылық ауылдары

№	Ақсақалдардың есіміне аталатын шаруашылық ауыл	Қыстаулар орналасқан шатқалдар	Шаңырақ саны	Тұрғындар
№4 әкімшілік ауыл (Төртқара, Жанкылыш, Керейт)				
1.	Бекнияз Машак	Самай Қайыр, Ақ қала	45	292
2.	Өтеп Ишан	Аққала	34	225
	Барлығы		79	517
№8 әкімшілік ауыл (Керейт, Төртқара)				
1.	Құрманбай Бейбітәлі	Қараөзек (Тасмамбет)	64	373
2.	Сейітман Қожамет	Мын құдық, Жаңа жап	29	196
	Барлығы		79	517

Тамды болысы Әмудария бөлімінің оңтүстігінде орналасқан, батысында Мыңбұлақ болысы және Қызылқұм құмымен, шығысында Төрткөл болысымен солтүстігінде 3 әкімшілік ауыл мен бір аралас ауылда 7716 тұрғыны бар 1267 шаңырақ болған. Халықтың басым бөлігі көшпелі болғандықтан, тек 35 шаңырақ қана егін салған [10].

Зерттеулеріміздің негізі болып отырған керейт руы тармақтары болыстағы № 1 әкімшілік ауылын толығымен мекендеді. Керейт руының Тамды болысындағы қоныстанған 4 ақсақалға қарасты 218 шаңырақтың барлығы да көшпелі өмір салтын толығымен ұстады. Сол себепті өзге болыстардағы сияқты жер өңдеу ісімен айналыспады. Оның есесіне негізгі шаруашылық мал шаруашылығы бола отырып, қосалқы (сауда, кілем тоқу, киіз басу, тоқыма т.б.) шаруашылықтар да қарқынды даму үстінде болды.

1912–1913 жж. мәліметтер бойынша № 1 әкімшілік ауылдағы 218 шаңырақта 20683 мал болып, бұл бүкіл болыстағы барлық малдың 1/5 құрады. Табиғи ерекшеліктерден болуы керек № 1 әкімшілік ауылда ірі қара малы мүлде өсірілмеді, болыстың өзінде 5-ақ ірі қара болған [10, с. 199–202, 212].

№ 1 әкімшілік ауылдағы тұрғындардың негізінен көшпелі болғандықтан, өсіріп отырған малдары тек тіршілік көзі ғана емес, отырықшы ауылдармен жүргізілетін айырбас құралы да болды.

Қорыта айтқанда, біз зерттеп отырған XIX–XX ғ. басындағы керейттер Орынбор генерал-губернаторлығының Торғай облысының территориясында ғана емес, сонымен қатар Ташкент генерал-губернаторлығына қарасты Сырдария облысының Перовск, Қазалы уездері мен Әмудария бөлімінде мекендеді.

Литература

1. Қинаятұлы З., Биғожаұлы Қ. Керей // Қазақстан Ұлттық Энциклопедиясы. Т. 4. Алматы, 2002.
2. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897.

3. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории и казахского языка. Алма-Ата, 1959.
4. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968.
5. Қинаятұлы З. Моңғол үстіртін мекендеген соңғы түркі тайпалары. Астана, 2001.
6. Материалы по киргизскому землепользованию в Сыр-Дарьинской области. I. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908; II. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910; Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд. Ташкент, 1912; Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
7. Материалы по киргизскому землепользованию в Сыр-Дарьинской области. Перовский уезд. Ташкент, 1912.
8. Материалы по киргизскому землепользованию в Сыр-Дарьинской области. Казалинский уезд. Ташкент, 1913.
9. Материалы по киргизскому землепользованию в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Вып. 1. Ташкент, 1915.
10. Материалы по киргизскому землепользованию в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Вып. 2. Поаульные таблицы. Ташкент, 1913.

БАТЫС ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БІРҰЛТТЫ ЖӘНЕ ҰЛТАРАЛАС НЕКЕЛЕРДІ ЗЕРТТЕУ МӘСЕЛЕСІНЕ ТАРИХНАМАЛЫҚ ШОЛУ

Қалыш А.Б.

ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы

Тәжіғалиева Ж.Т.

М. Өтемісов атындағы Батыс Қазақстан мемлекеттік университеті, Орал

Тәуелсіз Қазақстанда неке және отбасы жағдайы тарихи-этнографиялық және этносоциологиялық зерттеулерді қажет етеді. Отбасы мен неке тағдыры қандай болмасын қоғамдық құрылыспен, ондағы өндірістік қатынаспен тығыз байланыста болады да, әлеуметтік өзгерістер отбасы мен неке сипатына әсер етіп, жаңарып отырады. Қазақстанның болашақта тұрақты дамуы үшін неке және отбасы жағдайы тұрақты болуы қажет, сонымен қатар бұл үдеріс қоғамның дамуына әсер етеді.

Полиэтникалық құрылым жағдайында этнос дамуы үшін отбасының дамуы ерекше. Қазақстан сияқты көп ұлтты мемлекетте отбасының даму заңдылығын зерттеу отбасының бірұлтты және ұлтаралас сияқты түрлері мен типтерін, күнделікті өмірге өз әсерін тигізуін, ұлтаралас некенің аймағын, этникалық құрылымын зерттеу маңызды.

Қазақстандық этнографтар арасында отбасы функциялары заңдылығын зерттеу, басқа әлеуметтік жүйелермен байланысын талдау, отбасы құрылымы мен туысқандық байланыстарға бұл жүйелердің әсерін анықтау, отбасы-некелік қатынаста дәстүрді түсіну үлкен ғылыми қызығушылықты үнемі туғызып келген. Қазіргі таңдағы отбасыларында этникалық ерекшеліктің белгілі мөлшерде сақталуын анықтауда этнологтар мен этноәлеуметтанушылар отбасы құрылымы мен отбасы-тұрмыстық қатынаста көңіл бөледі. Отбасы төңірегінде буындар арасындағы этномәдени трансмиссия, этникалық бірліктің өңделуі зерттеледі. Сонымен қатар этникалық ерекшелік есебінде неке құрылымы, ішкі отбасылық қатынас, отбасы құрылымы, бала туу динамикасы қаралады. Ұлтаралас некені зерттеу барысында кең көлемде этнодемографиялық және этносоциологиялық үдерістерді айқындауға болады. Ұлтаралас процестер мен этномәдени сипат, оның динамикасын, отбасы-неке қатынасының қазіргі қоғам дамуындағы орнын анықтауға мүмкіндік береді.

Осы көрсетілген бірқатар мәселелерді зерттеуде Отандық этнография ғылымының қазіргі табыстары қоғам дамуы мен этнография тарихын зерттеушілерге аса құнды, жаңа деректер беріп отыр.

Бірұлтты және ұлтаралас некелерді зерттеу мәселесіне қатысты зерттеулерді тарихнамалық тұрғыдан алғанда шартты түрде үш кезеңге бөлуге болады:

Бірінші – Отарлық кезеңі – XVIII ғасырдан – 1917 ж. дейін.

Екінші – Кеңес кезеңі – 1917–1991 жж.

Үшінші – Тәуелсіздік кезеңі – 1991 жылдан күні бүгінге дейін.

Бірінші кезең қазақ этнографиясының қалыптасу кезеңімен ұштасады, сонымен қатар қазақ халқы этнографиясы бойынша аса құнды тарихи-этнографиялық деректер жиналғанымен олардың түпкі дені отарлау мақсатымен ұштасып отырды. Қазақ халқының отбасы және неке мәселесін көптеген ғалымдардың зерттеуі,

біріншіден XVIII ғасырдағы Ресей әкімшілігінің қазақ халқының тарихы, этнографиясы, географиясы, жер астындағы байлықтары жөнінде білу мақсатында болса, екіншіден ғылыми қызығушылықтың тууынан басталды [2, 31 б.].

XVIII–XX ғасырдың басында Қазақстанның әр аймақтарындағы қазақ қауымының өмірін баяндаған еңбектер жарияланды. Қазан төңкерісіне дейін қазақтардың некелесу мен үйлену салттары жөнінде Ы. Алтынсарин, М.Н. Бекимов, Ш. Уәлиханов, А.А. Диваев, А.Е. Алекторов, Р. Карутц, М.А. Леваневский, А.И. Левшин, Г.И. Спасский қалам тартқан болатын [2]. Олар қазақ қауымы арасындағы құдандаласуға, қызға төленетін қалыңмалдың құрамы мен мөлшеріне, қалыңдық жасауына кіретін бұйымдарға, неке кию рәсіміне жан-жақты талдау жасаған. Мысалы, А.Е. Алекторов өз еңбегінде отбасындағы қарама-қайшылыққа, ажырасу себептеріне, ажырасу процесіне тоқталған болса, М.Н. Бекимов өз еңбегінде Орал облысы қазақтарындағы үйлену дәстүрі жөнінде баяндаған [3, 193 б.].

XX ғ. басында Түркістан аймағында қазақтарға этнографиялық тұрғыдан зерттеу жүргізіп, қазан төңкерісіне дейін 130 еңбек жариялаған Ә.А. Диваев болатын. Оның еңбектерінен қазақ өмірінің алуан қыры жайында қызықты деректер, соның ішінде үйлену тойына байланысты әдет-ғұрыптар жөніндегі деректерді табуға болады. Автор қазақ ауылдарына үнемі барып, этнографиялық мәнді деректерді жинады. Еңбектерінің ішіндегі бізге мәндісі Сырдария облысы қазақтарының некелесу дәстүрі жөніндегі зерттеу жұмысы [4, 202 б.].

Екінші Кеңес кезеңі 1917–1991 жж. камтиды және ол этнографиялық, жалпы тарихи зерттеулерге кеңес идеологиялық қысымымен сипатталады. 1926–1930 жылдар аралығында қазақ отбасы мен некесіне байланысты Б. Куфтин, В. Соколовскийдің, А. Штуссер, С.И. Руденко, Ф. Фиельструп, И.Д. Старынкевичтердің шағын еңбектері шықты. Көптеген мақалалар отбасындағы әйел роліне, ішкі отбасылық қатынасқа, отбасындағы міндеттерді бөлудің ескерілуіне, қалың мал алудың қарапайым халық үшін ауырлығына арналды.

1935 ж. П. Исаков Оңтүстік Қазақстанның Шәуілдір ауданында этнографиялық экспедиция жүргізді. Аталған аудан бойынша қоңырат, қаңлы, алшын рулары арасында некеге отыруда экзогамиялық түр сақталғандығын анықтайды. Жергілікті колхозшылар арасында көп әйел алушылық орын алғандығын, қалың малдың сақталғандығын анықтады [5, 44 б.]. П. Исаков Оңтүстік Қазақстанда ислам дінінің сақталғандығын, айт мерекелерінің атап өтілетіндігін баса көрсетеді.

В.Г. Соколовский зерттелген ауылдардың ішінде қазақтардың 99 % қалың мал беру нәтижесінде некеге отырғандығын айтады. Сонымен қатар, ол қазақтардың өзбектерге қарағанда әйелді сатып алу деңгейінен өткендігін көрсетеді [6, 20 б.].

1947–1950-ші жылдары колхоз тұрғындарын зерттеу басталды. Бұған 1945 ж. СССР Ғылым академиясының ҚазССР Ғылым академиясы филиалы Тарих, археология және этнография институтының ашылуы себеп болды [7, 3 б.].

1947 ж. Алматы және Талдықорған облыстарына экспедиция жүргізілді. Нәтижесінде аталмыш институттың этнография секторының меңгерушісі Н.С. Сабитовтың неке-отбасылық қатынас, әдет-ғұрыптар, отбасылық салт-дәстүрлерге арналған мақаласы жарық көрді [8, 16 б.]. 1951–1953 жж. Жамбыл, Алматы облыстарында жүргізілген этнографиялық зерттеу жұмысының нәтижесінде қазақ отбасының тұрмысы мен қоғамдық өміріне туралы мақаласы шықты [9]. Сонымен қатар 1949 ж. О.А. Корбе Алматы облысы Кеген ауданы Сталин атындағы колхоз бен Жамбыл облысы Шу ауданы Белбасар колхозына этнографиялық экспедиция жүргізді. Нәтижесінде жазылған мақалада О.А. Корбе жастардың неке құрғанға дейінгі қатынасына, некелесу жасына, АХАЖ арқылы заңды неке кию түріне, ұлтаралық некеге, туыскандарының ұлтаралық некеге көзқарасына тоқталады [10, 37 б.].

1950–1960 жж. «колхоз» тақырыбына арналған бірқатар монографиялар мен диссертациялардың арасында біздің республикамызды қамтыған бірнеше жеке және ұжымдық зерттеулер де бар еді. Зерттеушілерге тек бір немесе екі ғана колхоз тұрғындарын жан-жақты қарастырумен жекелеген халықтардың отбасылық әдет-ғұрыптарының өзгеруіне талдау жасау тән болды. Мысалы, отбасы туралы Д.Х. Кармышева 1959–1960 жж. Алматы облысының Талдықорған ауданындағы екі колхоздың этнографиялық мәліметтеріне сүйене отырып мақала жазды [11].

1960 жылдардың соңы мен 1970 жылдардың басында КРО ҒА қарасты Н.Н. Миклухо-Маклай атындағы Этнография және этникалық антропология институтының басшысы қызметіне Ю.В. Бромлейдің келуімен этнографиялық зерттеулердің өзектілігі артып, ғылыми ізденістің кеңістігі кеңейе түсті [12]. Аталған жылдан бастап кешенді зерттеулер орын алды.

Қазақ халқының неке-отбасылық қатынасын зерттеуде үлес қосқан белгілі отандық этнографтардың бірі – У.Х. Шәлекенов. 1966 ж. У.Х. Шәлекеновтың «Казахи низовьев Амударьи» атты еңбегі жарық көрді.

Зерттеуші XVIII–XX ғғ. өмір сүрген қазақтарды баяндай отырып, неке құрудың екі түрі, құда түсудің үш түрі бар деп көрсетеді. Мұсылмандық жолмен неке қиюға жеке тоқталады [13, 240 б.].

1940–1970 жж. Солтүстік Қазақстандағы ұлтаралас некелерді Ю.В. Евстигнеев зерттеді. Статистикалық мәліметтерді пайдалана отырып, ұлтаралас некеге отыру заңдылықтарын, бағыттарын анықтады. Ұлтаралас некеге отыруға әсер ететін факторларға талдау жасайды [14]. Бұл зерттеуші еңбегінің біз үшін маңызы ерекше.

1970–1980 жж. ортасынан және одан кейінгі кезеңдерде этносоциологиялық зерттеулер өз жемісін бере бастады. Себебі, осы кезеңдерде этносоциология ғылымы білікті мамандармен толығып, социологиялық тұрғыда зерттеудің жаңа әдістері жасалды [15]. Неке-отбасылық қатынасты қамтыған қазіргі этномәдени процесстердің ғылыми бағытын анықтау КРО ҒА қарасты Н.Н. Миклухо-Маклай атындағы Этнография және этникалық антропология институтының қызметінде Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян, В.С. Кондратьев, А.А. Суколов, Е.И. Клементьев және С.С. Савоскул жасаған бірқатар этносоциологиялық зерттеу жұмыстары жарық көрді [16]. Жұмыста этносоциологиялық зерттеулердің ақпараттық негізі кеңейіп, математикалық статистика, математикалық логика және ЭЕТ-тің теориялық және қолданбалы әдістерін пайдаланудың маңызы күрт өсті [17].

Біз зерттеп отырған мәселеге жоғарғы буын отандық этнографтардың көрнектісі Х.А. Арғынбаевтың қосқан үлесі ерекше зор. Ол қазақ халқының дәстүрлі этнографиясының барлық бағытын: материалдық, шаруашылық, рухани, неке-отбасылық қатынасын терең зерттеген ғалым. 1973 ж. оның жоғарғы деңгейдегі ғылыми-маманданған «Қазақ халқындағы семья мен неке» атты монографиясы шықты. Бұл Қазан төңкерісіне дейінгі және одан кейінгі Қазақстанның барлық облыстарын қамтыған алғашқы терең зерттеу жұмысы еді. Бұнда қазақтың отбасы мен неке формалары, үйлену, жасау беру ғұрыптары, қалың мал, түрлі отбасылық, некелік қатынастар, қазіргі отбасы этнографиялық тұрғыда жан-жақты сипатталады [18].

Қазақстанда этнографияда этносоциологиялық зерттеуді тұңғыш Қаз ССР ҒА қарасты Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының зерттеушісі Х.А. Қауанова қолданды. Х.А. Қауанова Қазақстан жұмысшылары отбасын нақты зерттеп, 1982 ж. «Жұмысшы отбасының өмірі мен тұрмысының бейнесі» атты монографиясын жариялады. Бұл жұмыста автор түрлі ұлт өкіліне жататын жұмысшы отбасыларына көңіл аударған [19].

Сонымен қатар Г.Ф. Дахшлегердің ұлтаралас аймақтың жиілігі мен этномәдени байланысқа арналған мақаласы басылып шықты. Онда ұлтаралас некеге отыру, оның ұзақтығына, тұрақтылығына талдау жасайды [20].

1984–1986 жж. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнография институтының этнограф ғалымдары ел арасынан жиналатын этнографиялық деректердің дәстүрлі әдістерін пәнаралық этносоциологиялық зерттеу кезінде қатар қолдануды тұңғыш рет енгізді. Сауалнамаға қазақ, орыс, ұйғыр ұлтының өкілдері арасынан ұзын саны 1000-нан аса респондент қатысты. Сауалнама отбасы құрамына, ішкі отбасылық қатынасқа, дәстүрлердің сақталуына арналды. Осы сияқты зерттеулер Қырғызстан, Өзбекстан, Тәжікстан, Түрікменстан республикаларында да өтті [21]. Ел арасында жиналған бұл этнографиялық және антропологиялық зерттеулердің нәтижелері Махачкала, Сухимиде өткен Бүкілодақтық ғылыми сессияларда баяндалды [22].

1988–1989 жж. ҒА жанындағы Тарих, археология және этнология институтының этнографтары кешенді этносоциологиялық сауалнама жүргізді [23]. Бұл зерттеулердің барлығы Ресей ҒА қарасты Этнология және антропология институтының нақтылы социологиялық зерттеулер секторының «КСРО халықтарының әлеуметтік-мәдени жағдайын дамытуды оңтайластыру» бағдарламасына сәйкес үйлестірілді [24].

Үшінші кезең – Тәуелсіздік кезеңі – 1991 ж. күні бүгінге дейін. Дәстүрлі той, қазақ отбасының әдет-ғұрыптарындағы мұсылмандыққа дейінгі сенімдердің сақталуын белгілі этнограф, ғалым Ә.Т. Төлеубаев зерттеді. 1991 ж. ғалымның «Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов» атты еңбегі жарық көрді [25]. Автор әдет-ғұрыптардың қазіргі кезге дейін сақталуын және жасалуын түсіндіре отырып, үйлену әдет-ғұрыптарына байланысты ғұрыптардың жасалуын халықтың наным сенімімен байланыстырады [26].

Жетісу аймағындағы салт-дәстүрлер мен әдет-ғұрыптарды белгілі отандық этнограф С.Е. Әжіғали зерттеді. Автор үйленуге, жасөспірімдермен байланысты және жерлеу-жөнелту әдет-ғұрыптарын жан-жақты ашып көрсеткен [27]. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих, археология және этнография институты шығарған «Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары» атты этнографиялық мақалалар жинағында С.Е. Әжіғалидің «Жетісу қазақтарының салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары» атты мақаласы жарық көрді [28].

Оңтүстік, Батыс, Солтүстік, тіпті Қазақстанның барлық аймағындағы неке, отбасы, ажырасу мәселелерін зерттеуде Х.А. Арғынбаевтың шәкірттерінің бірі – А.Б. Қалыштың еңбегі ерекше мәнді болп табылады. Ұлтаралас неке мәселесі мен аралас некеден туған балалардың ұлтын анықтауда А.Б. Қалыштың үлесі зор [29].

А.Б. Қалыш өз зерттеулерінде дәстүрлі этнографиялық деректермен қатар этносоциологиялық мәліметтерді ұтымды қолданған. Зерттеу барысында автор этносоциологиялық мәліметтермен қатар АХАЖ, мұрағат, халық соты және т.б. статистикалық құжаттарды кеңінен пайдаланған. Автордың кейінгі мақалалары Оңтүстік Қазақстан өңірінің қала және ауыл тұрғындарының неке-отбасылық қатынастарын пәнаралық әдістемені негізге ала отырып зерттеуге арналады [30].

Этнографиялық, этносоциологиялық зерттеу жұмыстарын В.В. Гриценко жүргізе отырып, ұлтаралас неке дамуына өзінің ғылыми жұмысын арнады. 1897 жылдан 1979 жылдарға дейінгі аралықты қамтыған статистикалық мәліметтерді пайдалана отырып, бірұлтты және ұлтаралас некелерді салыстыру әдісін қолданды [31].

Біз зерттеп отырған мәселенің діни және дүниетанымым бағытын 1990 жж. Р.М. Мұстафина, А.К. Султанғалиева, Г.М. Сыздықова, Н.Ж. Шаханова жазған болатын. Бұл еңбектерде мұсылмандық тәртіптің қалыптасуы мен таралуына тарихи-этнографиялық талдау жасалған.

Неке және отбасы, отбасылық әдет-ғұрыптар мен ішкі отбасылық қатынасты зертеуде Д.Б. Ескекбаев 1984–1991 жж. Орынбор облысынан жиналған этнографиялық материалдарды талдай отырып, осы өңірдегі қазақтарға тоқталады. Орал аумағындағы қазақ және башқұрт этностарына тоқталып, екеуінің неке және отбасы дәстүріндегі ұқсастыққа, тілдік ортақтыққа көңіл бөледі [32].

1998 ж. Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты ұйымдастыруымен бүкіл Республика облыстары бойынша фронталды этномәдени кешенді зерттеулер өтті. Нәтижесінде қазақ этнографиясының түрлі салаларымен қатар бірұлтты және ұлтаралас некелер мәселесі зерттелді.

Орта Азиядағы қазақтардың отбасы мен некесін зерттеуде Б.К. Қалшабаеваның үлесі зор. Автор 2000–2002 жж. ел арасынан жинаған мәліметтерге сүйене отырып, Қарақалпақстандағы қазақтардың қыз ұзату, келін түсіру дәстүріндегі ерекшеліктерге тоқталады [33].

2003 ж. Ж.Т. Ерназаровтың қазақ отбасы дәстүрлеріндегі символикалық мәні туралы еңбегі жарық көрді [34].

2005 ж. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институты «Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары» атты этнографиялық мақалалар жинағының бірінші томын шығарды [35]. Мақалалар аймақтық ерекшеліктерге байланысты Қазақстанды толық қамтыды. Мәселен: С. Әжіғали мен Н. Байғабатова Жетісу қазақтары, М. Ибраев Сарыарқа қазақтарының салт-дәстүр ерекшелігіне тоқталса, Ү. Қыдыралин Батыс Қазақстан, А. Құдайбергенова мен Қ. Бекбалақ Оңтүстік Қазақстан қазақтарының әдет-ғұрыптарындағы ерекшелігін талдады.

2006 ж. Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институты «Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары» атты этнографиялық мақалалар жинағының екінші томын шығарды [36]. Еңбекте Кеңес дәуіріне дейінгі авторлар мен зерттеушілердің отбасылық қазақ салт-дәстүрлері туралы еңбектері жарияланды. Бұл кітап бірінші томның сабақтас жалғасы болып табылады. Әсіресе, біз үшін үйлену салттарына байланысты тарауы құнды болып есептеледі.

З.А. Жаназарованың монографиясы «Современная семья в Казахстане и ее проблемы» деп аталады. Монография отбасының теориялық-методологиялық мәселелеріне арналған. Онда қазіргі некеге отыру мақсаттары, неке тұрақтылығына әсер ететін факторлар, ажырасу себептері, қазіргі отбасылар түрлерін толық қамтыған [37]. Бұл еңбек біз зерттеп отырған мәселеге әлеуметтік тұрғыдан жауап береді. Монографияның үшінші бөлімі қазіргі Қазақстандағы отбасылық мәселелерге арналған.

Республика халқының, қала және ауыл тұрғындарының ұлттық құрамы мен әлеуметтік дамуындағы түрлі мәселелерді жете түсіну үшін отандық тарихшы-демографтардың нақтылы зерттеулеріне үлкен мән беру керек. Қазіргі кезеңдегі әлеуметтік және этнодемографиялық процестерді зерттеумен айналысып жүрген ғалымдардың арасынан Ф.Н. Базанова, М.Б. Тәтімов, О.И. Исмагулов, М.Х. Асылбеков, В.В. Козина, Ә.Б. Галиев, А.Н. Алексеев және т.б. ғылыми ізденістерін ерекше атап өткен жөн.

Қазіргі таңда Қазақстандағы бірұлтты және ұлтаралас некелерді зерттеу мәселесі жас ғалымдар ізденістерінде жалғасын табуда [38].

Әдебиеттер

1. Байсақал Н. Отбасының бүтіндігі – бүгіннің өзекті мәселесі: Алматы қаласы Отбасы және әйелдер ісі жөніндегі комиссиясы жүргізген әлеуметтік зерттеулер қортындысы // Алматы ақшамы. 2006. 17 қаңтар.
2. Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.

3. Алекторов А.Е. Қазақтардың некеге тұруы мен үйлену салттары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Ш.Ш.Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты. Алматы, 2006. Т. 2.; Бекимов М.Н. Свадебная обрядность киргизов Уральской области // Известия общества арх., ист. и этногр. XXI тома 4 вып. СПб., 1905.
4. Диваев Ә.А. Сырдария облысы қазақтарының үйлену рәсімі туралы бірнеше сөз // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Алматы, 2006. Т. 2.
5. Исаков П. О некоторых феодально-родовых пережитках в колхозах Шаульдерского района // Большевик Казахстана. 1936. № 5.
6. Соколовский В.Г. Казахский аул. (С 17-ю спец. прил., иллюстрирующие основные особенности казахского аула). Ташкент, 1926.
7. Национальная Академия наук Республики Казахстан: энцикл. справ. Алматы, 1996.
8. Сабитов Н.С. Об итогах работы этнографической экспедиции 1946 года сектора этнографии // Известия АН КазССР. Серия историческая. 1948. Вып. 4.
9. Сабитов Н.С. Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // ТИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 3. Этнография.
10. Корбе О.А. Программа этнографического изучения казахского колхозного аула // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1949. Т. 6.
11. Кармышева Д.Х. Семья и семейный быт // Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата, 1967.
12. Бромлей Ю.В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности // СЭ. 1969. № 2.
13. Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в 18-20 вв. Ташкент, 1966.
14. Евстигнеев Ю.А. Межэтнические браки в сельских районах северного Казахстана // ВИ СССР. М., 1972.
15. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969.
16. Дробижеева Л.М. О применении конкреттно-социологических исследований для изучения национальных отношений // Актуал. проблемы истории нац. гос. стр-ва. М., 1968. Вып. 2.
17. Арутюнян Ю.В. Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР) // СЭ. 1968. № 4.
18. Аргынбаев Х.А. Қазақ отбасы. Алматы, 1996.
19. Кауанова Х.А. Образ жизни и быт рабочих семей. Алматы, 1982.
20. Дахшлейгер Г.Ф. Формирование многонационального региона и этнокультурные контакты // Проблемы современной тюркологии. Алматы, 1980.
21. Новое и традиционное в быту туркменской сельской семьи / отв. ред. Г.П. Васильева, А.О. Оразов. Ашхабад, 1989.
22. Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества. Махачкала, 1985.
23. Кондратьев В.С., Калышев А.Б. Этносоциологическое исследование в Казахской ССР (методика и инструментарий) // Всесоюз. науч. сессия по итогам полевых этнограф. и антрополог. исслед. 1988–1989 гг.: тез. докл. Алма-Ата, 1990. Ч. 1.
24. Всесоюз. науч. сессия по итогам полевых этнограф. и антрополог. исслед. 1988–1989 гг.: тез. докл. в 3 ч. Алма-Ата, 1990. Ч. 1.
25. Төлеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алматы, 1991.
26. Төлеубаев Ә.Т. Қазақтардың отбасы әдет-ғұрыптарындағы исламға дейінгі нанымдардың жұрнақтары // Қазақ әдебиеті. 1992. 17 шілде.
27. Ажигали С.Е. Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычай и обряды казахов в прошлом и настоящем: сб. ст. Алматы, 2001.
28. Әжіғали С., Байғабатова Н. Жетісу қазақтарының салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Ш.Ш.Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты. Алматы: Арыс, 2005.
29. Қалышев А.Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана // СЭ. 1984. № 2.
30. Калышев А.Б. Межнациональные браки в г. Алматы // Казахстан: этнография современности. Алматы, 1995.
31. Гриценко В.В. Факторы устойчивости национально-смешанных и однонациональных браков: автореф. канд. ист. наук. М., 1998.

32. Ескекбаев Д.Б. Орынбор өлкесі және қазақтар // Казахстан: этнография современности: сб. ст. Алматы, 1995.

33. Қалшабаева Б.К. Қарақалпақстандағы қазақтардың қыз ұзату, келін түсіру дәстүріндегі ерекшеліктер // Отандық және әлемдік тарихтың маңызды мәселелерін қазіргі көзқарас тұрғысынан талдау атты Бекмаханов оқуларының материалдары. Алматы, 2006.

34. Ерназаров Ж.Т. Семейная обрядность казахов: символ и ритуал. Алматы, 2003.

35. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Алматы, 2005. Т. 1.

36. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Алматы, 2006. Т. 2.

37. Жаназарова З.Ж. Современная семья в Казахстане и ее проблемы. Алматы: Қазақ университеті, 2004.

38. Баудиярова Қ.Б. Оңтүстік Қазақстандағы бірұлтты және ұлтаралас некелердің тұрақтылығы мен сақталу мәселелері. Тар.ғ.канд. ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған дис. автореф. Алматы, 2009.

К ИСТОРИИ ИСЛАМА У КАРАКАЛПАКОВ XVIII–XIX ВВ.

Карлыбаев М.

*Институт истории, археологии и этнографии
Каракалпакского отделения АН РУз, Нукус*

Параллельно с развитием экономической и политической жизни общества, развивается и духовная культура народа. Религия, как одна из стержневых элементов духовной культуры, занимает особое место и заслуживает внимания исследователей.

Накопленный опыт изучения ислама у народов постсоветского пространства показывает на определенные тенденции, направленные на рассмотрение ислама отдельно от вопросов самоидентификации, на абстрагирование религии от повседневной жизни и мировоззрений народа. Таковы работы, где красной нитью проходят мысли о «доисламских» или «неисламских» корнях тех или иных явлений. Проблема существует по сей день, так как в процессе поиска новых подходов, в литературе появились новые дефиниции, как «народный», «бытовой» или присуждаемый к какому либо народу «ислам».

Мы не ставим целью подвергать критике научные работы, посвященные изучению вопросов ислама. В своей работе мы рассматриваем имеющие отношение к исламу у каракалпаков в XVIII–XIX вв. такие вопросы, как возникновение и развитие религиозных центров, суфийских школ, школ мусульманского образования (мектебы и медресе), культовые места и т.д.

На протяжении почти полутора тысячи лет ислам выполнял функцию внутреннего стержня духовной культуры общества, проникая во все слои общественных отношений, определяя образ жизни мусульман.

Ислам как религия представляет собой не только традиционное наследие, имеющее древнюю историю, но также является неотъемлемой частью современной духовности, традиций и обычаев народа. В процессе исторического развития религия находится под воздействием внутренних и внешних факторов.

До XIX в. ислам, как религия, у каракалпаков был теснейшим образом связан с суфизмом. Даже в тех источниках, где каракалпаки упоминаются впервые под современным названием (XVI в.), они упоминаются в связи с вакуфными землями джуйбарских шейхов в низовьях Сырдарьи. Возникновение большинства религиозных центров Каракалпакии связано с именами представителей суфизма. Так, в истории каракалпакского народа известны имена таких религиозных деятелей, как Мурат шайх, Имам ишан, Есим ишан и др.

История до XVIII в. показывает на распространение среди каракалпаков, в основном, представителей яссавийской школы. Об этом, по всей видимости, свидетельствуют имена святых «Хаким-ата», «Токпак-ата», «Кабаклы-ата», «Кашгар-ата» и др.

Вышеуказанный Есим ишан и его сын Бесим ишан были выпускниками так называемой «шашской» школы (район Ташкента).

С появлением же на исторической арене Имам ишана, распространяется повсеместно учение накшбандия. Определенная информация содержится и в устной информации – преданиях об Имам ишане, которые гласят, что он один из четырех выпускников бухарской школы, родом с низовьев Амударьи, освоил «марифат» (просвещение). Также считают, что с его возвращением связано развитие мусульманского образования, просвещения. В действительности, он строит учебные заведения, начиная от начальных мектебов, до медресе –

более высшей ступени мусульманская школа. Многие последующие религиозные лидеры стали его учениками. Каракум ишан, к примеру, основавший крупнейший религиозный центр в низовьях Амударьи в XIX в. также был его учеником. Другой крупный центр в XIX веке был основан старшим сыном Имам ишана – Атаулла ишаном (Ишан-кала, Халкабад).

Одним из крупных ишанов в Каракалпакии в XIX веке был Ай Мухаммед ишан (в народе Аимбет ишан, Чимбайский район).

Родословную его ведут от Арысланбап. Нам не удалось выяснить, из каких источников была взята эта информация и проведена генеалогическая линия: «Со времени Арысланбап прошло около 24–25 поколений (ата): Арысланбап – его сын Абдулмансур шайх – его сын Абдулла шайх – его сын Абдулазиз шайх – его сын Прим баба – его сын Асан кайгы – его сын Аткишыл Абат – его сын Кореген шайх – его сын Бекмухаммед шайх – его сын Такмухаммед шайх – его сын Жылкыайдар шайх – его сын Казан шайх – его сын Ер Жарекей шайх – его сын Досум шайх – его сын Майлыбай шыйх – его сын Отеули – его сын Бердимухаммед – его сыновья Ай Мухаммед ишан и Жар Мухаммед – сын Ай Мухаммеда Ходжанияз ишан – его сын Абдирейм ишан – его сын Муптилла махсум – его сын Камалатдин – его сын Ниетулла».

У Аимбет ишана было 8 сыновей: Ходжанияз ишан, Сафа махсум, Инаятулла ишан, Торе Мухаммед ишан, Сейд Мухаммед ишан, Амет ахун, Абидулла ахун-ишан, Хидаятулла ишан [1].

Аимбет ишан из рода манжули каракалпаков. Примечательно то, что среди предков Аимбет ишана встречаются имена исторических личностей, которые сыграли важную роль в истории политической и культурной жизни каракалпаков, как Асан-Кайгы и др. Мы не беремся утверждать точность этих сведений. В любом случае они имеют научный интерес.

Арысланбап считается учителем известного суфийского лидера Ахмада Яссави. Об этом писал сам Ахмад Яссави в своих «Хикматах»:

«Етти яшда Арслан бабам бердим салом...». [2, с. 51].

(В семь лет я был знаком (приветствовал) с баба Арсланом) (перевод наш – М.К.).

Могила и мавзолей Арсланбап находятся на территории поселка Шаульдер (древний Отрар) (Казахстан). Посещение и проведение ночи у его могилы входит в ритуал паломничества могилы Ахмада Яссави [3]. По мнению востоковеда А. Муминова Арсланбап был духовным лидером последователей мубайидия в Отраре [4, с. 94].

В казахской литературе можно получить информацию об Асан кайгы. Так, считается, что Асан Кайгы сын Сабит улы был государственным деятелем, акыном, жырау, бием, философом. Жил на территории в низовьях Сырдарьи в конце XIV – начале XV века (на территории района Шиели Кызылординской обл. есть мавзолей Асан-Ата, который приписывают Асан Кайгы) [5, с. 67–90]. В каракалпакской литературе существует целый пласт народных песен, которых называют «ногайскими». Многие события, описываемые в этих песнях, являются общими для казахского, каракалпакского, ногайского и других народов. Именно в то время выросли такие фигуры, как Соппаслы Сыпыра жырау, Асан Кайгы, Жиренше шешен и др. Так, в песнях об Асан Кайгы отчетливо отразилась народная мудрость, философия того времени и они имеют назидательный характер. В них воспеваются лучшие качества, черты человека [6]. Среди каракалпаков сохранилось множество легенд и преданий об Асан Кайгы.

В народных преданиях и легендах Абат (в генеалогии Аткишыл Абат) также является сыном Асан Кайгы. О нем существуют предания как о храбром бахадьре, отдавшем свою жизнь за честь и свободу каракалпакского народа.

Мы также располагаем данными о суфийской генеалогии Аимбет ишана, по которой он принадлежит ордену накшбандия и являлся мюридом Улдан халифа Булгарий Хоразмий – одного из учеников известного Мухаммед Шариф ишана Булгарий Хоразмий («нисбатномаи-хожагон» хранится у современных потомков Аимбет ишана). Этот документ (иршад – разрешение) было дано Аимбет ишаном своему сыну Инаятулла ишану. «Нисбатномаи хважаган Накшбандийа қаддаса асраараҳум:

«... шайх Худайкули Хваразмий раҳматуллаҳи алайҳиға етушди ўа булардан ахунд ‘Айд Мухаммад Хваразмий раҳматуллаҳи алайҳиға етушди ўа булардан ҳазрат Мулла / Идрис Туркманий раҳматуллоҳи алайҳиға етушди ўа булардан шайх камил ўа мукамал Накшбандий сани ҳазрати ахунд мулло Мухаммад Ниязкули раҳматуллоҳи алайҳиға етушди ўа булардан / ҳазрати қутбул актаб ўа қудўатул машайх Мухаммад Шарийф Булғарий ўа Хваразмий раҳматуллоҳи алайҳиға етушди ўа булардан ҳазрати халифа Улдан Булғарий ўа Хваразмий раҳматуллоҳи / алайҳиға етушди ўа булардан ўа бу икки ‘азийздан факирул-ҳафир Ай Мухаммад шайх ҳоқисарға етушди ўа биз ҳам бу ‘азийзлар жаноблардан ‘Инаятуллоҳ шайхнинг / қабиллийатин куриб ўа

билиб та'лим алған зикрларни биродар ҳаўанд булиб бағит ўа жама'ат учун халқларға та'лим бермаға жавоб бердик ...».

На руках у современных потомков хранятся также личные печати Ходжанияз ишана и Абдирейм ишана – сына и внука Аимбет ишана. Надписи на них:

1. «Кафа бил маути уаъзан йа Ходжанияз», печать овальная, в виде кольца, размеры оттиска: 25 мм на 20 мм.

2. «Абдурахим махдум ибн 'Абидуллах ахунд мархумий». Печать овальная (почти круглая) в виде кольца, размеры оттиска: 21 мм на 18 мм.

Интерес представляет информация о мечети-медресе Аимбет ишана и вызывает спорные мнения об их датировке. Нам сообщили, что инициатором постройки мечети-медресе был богатый казахский купец по имени Каймак бай. Когда у Каймак бая родился сын, он просит Аимбет ишана наречь его именем. Аимбет ишан, благословив ребенка, дает ему свое имя, чтобы он стал впоследствии следующим «Аимбет ишаном». Этот ребенок впоследствии становится одним из известных ишанов конца XIX – начала XX века. Учителем его был Абсетгер ишан из рода *ыргаклы* каракалпаков. Мечеть-медресе Аимбет ишана сына Каймак бая находилось на территории современного Тахтакупырского района Республики Каракалпакстан.

Судя по данным информатора Муптилла махсума время жизни и деятельности Аимбет ишана (Чимбайского) можно датировать примерно концом XVIII – первой половиной XIX в. (для сравнения: Аимбет ишан сын Каймакбая строит свою мечеть-медресе около 1880 года [7]).

Если в XVIII в. центры исламской религии были связаны с именами ишанов, то в XIX в. медресе открывают и представители собственно исламского духовенства – ахуны, выпускники бухарских и хивинских медресе. К примеру, открывают медресе Ешим ахун (Канлыккульский район), Абдирейм ахун, Абдикерим ахун (Караузякский район), Нурулла ахун (Тахтакупыр) и многие др. Многие выпускники устраиваются мударрисами как в каракалпакских медресе, так и в хивинских.

К примеру, Ешим ахун долгое время работал преподавателем в одном из Хивинских медресе. По возвращении устраивается мударрисом в медресе Каракум ишана, затем открывает собственную школу. Жизнь Ешим ахуна тесным образом связана с казахским народом. Его «приемным сыном» (мурындык бала) был казах, потомки которого по сей день чтут Ешим ахуна как святого и устраивают временами большие поминки. Культ зиярат существует у каракалпаков испокон веков. Названия памятников, культовых мест (мест зиярат), которые связаны с именами «святых»: Шиблий-Ата (Кегейлийский район), Султан Увайс-Баба (Берунийский район), «Жантемир-Ишан» (Муйнакский район), Хаким-ата (Кунградский район), Кабаклы-ата (Караузякский район), Токмак-ата (Муйнак) и др.

Вамбери А. в середине XIX в. писал: «В это время года (весной – отсюда) совершается также большинство паломничеств, которые предпринимает благочестивые к гробу Токмак-Баба на одноименном острове вблизи устья. Этот святой, одновременно также покровитель рыбаков, покоится под небольшим мавзолеем, внутреннее помещение которого хранит оставшиеся с глубокой древности одежду и утварь святого, среди них один котелок служит предметом особого почитания; рассказывают, что даже русские, которым легко приплыть сюда на пароходах, на этот остров высаживаются очень редко, а если и приходят, то исполненные невольного почтения, и никогда не касаются этих реликвий» [8, с. 107].

Есть места, связанные с «книжными персонажами»: Диуанайы-Бурх (Караузякский район), «Гайб-Еренлер» (Караузякский район) и др. Кроме того в качестве святых мест выступают предметы и явления природы (часто деревья или, превратившийся в дерево, посох того или иного святого).

В XX в. культ святых приобретает более важное значение. В массовом сознании ислам больше как культура и образ жизни сохранился в традиционных обычаях и, в частности, в культурах. Именно культ святых стал своего рода ячейкой, где ислам сохранился, по сей день, как религиозное представление.

С уходом старого поколения, традиции трансформируются и видоизменяются, видоизменяются и интерпретации тех или иных явлений.

Постсоветский период интересен тем, что происходят изменения в религиозной политике государства, обусловившие духовное возрождение народа и исламских ценностей.

В свете этого одним из приоритетных вопросов является изучение роли религии в повседневной жизни народа, анализ процесса влияния этих вопросов в этнологическом, источниковедческом и религиоведческом планах. Особый интерес вызывает вопросы современной трансформации религиозного сознания населения и влияния происходящих процессов в мусульманском мире на данный регион, современные процессы, происходящие в быту, сознании общества в аспекте исламской религии, деятельности религиозных учреждений, развития культа святых мест и т.д.

Литература и источники

1. Полевые записи автора № 13 за 1997 год.
2. Яссавий Ахмад. Хикматлар / Сост. Хаккулов И., под. ред. Каюмов А. и др. Тошкент, 1991.
3. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. словарь. Вып. 3. М., 1999.
4. Қазақстан. Ұлттық энциклопедия / Бас ред. Ә. Нысанбаев. Алматы, 1998.
5. Туркистан. Международная энциклопедия / Гл. ред. Ә. Нысанбаев. Алматы, 2000.
6. История каракалпакской литературы. Ташкент, 1994.
7. Кошанов А. Полевые записи № 10 за 1968 год.
8. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Павлодар, 2006.

СЫР ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ ЖАЙЛАУҒА КӨШУ БАҒЫТТАРЫ: XIX – XX ғ. БАСЫ (ЖАЗБА ДЕРЕКТЕР БОЙЫНША)

Қартаева Т.Е.

ал-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы

Көшпелілердің жайлауға көшу бағыттары олар қоныстанған аймақтардың табиғатына байланысты қалыптасып, көш жолдарының ұзақтығы әр өңірде, әр тайпаның дәстүрлі шаруашылығына қарай, мал санының көп-аздығына қарай әртүрлі болды. Сыр өңірінің бай ауылдарының көшу жолы екі бағытта 2000 шақырымды құрады [1, с. 13]. Статист, топографтардың есептеуінше Сыр қазақтарының бір бағытқа көшуі 1000, 1500 шақырымды, [2, I, с. 159]. А.К. Гейнс бойынша Сыр қазақтарының көші Тройцк, Тройцкіден әріге дейін жеткен, орта есеппен бір бағыттағы көші 600–800 шақырым болған [3, с. 248, 569], ал А.И. Добросмыслов «Сырдағы көшпелі тайпалар Қостанай өңіріндегі жайлауға жету үшін орта есеппен 800–1000 шақырымға дейін жол жүрген, ол жазда Торғай облысы жеріне көшетін Перовск және Қазалы қазақтары қыстаудан жайлауға дейін 600–1000 км., тіпті одан да көп жер жүрген», – деген [4, с. 12].

Көшпелілер үшін әсіресе Бетпақдала сияқты шөлді кесіп өту өте қиын болған. Бетпақдала бойынан көш жолдарының іздері ерте кезден–ақ белгілі. Бетпақдаладан бір жол Сырдария бойынан Торғай бойына, одан әрі Оңтүстік Оралды жалғастырып жатты. Солтүстік-батыс бағытына көшетін Сыр қазақтары Дариялық тақыр, Арысқұм сияқты шөлді кесіп өтіп, қысқа қарай Сырға жету үшін осы шөлдерден күзгі алғашқы қар түскенде өткен.

Сырдарияның төменгі ағысынан бастау алып, қазақ жерінің солтүстік батысына апаратын тарихи жолдың бірін «Сәтбай жолы», екіншісін «Тау жолы» құрады. «Сәтбай жолы» деп аталған көш жолының Қарақұм құмдарынан бастау алып, Сырдария бойынан құмды алқаптарды кесіп өтіп Торғай бойына, одан әрі солтүстік батысқа апаратын одан Оралға дейін созылып жатқандығына қарағанда «Сәтбай жолы» тарихи дәуірлерде сауда керуенінің жолын қамтамасыз етсе керек. Сәтбай жолының топографиялық ерекшелігі, жолдың дұрыс және тура бағытпен салынып, көбінесе табиғи су көздері бар, көгалды, жайылымы кең жерлерді басып өтетіндігінде. Сәтбай жолы, Тау жолының батысында, бір-біріне паралель жатыр [5; 6, Приложения 1, с. 506–507].

Сыр көшпелілерінің «Сәтбай жолы» бойынша көшу бағыты келесідегідей бағыт жүрген: Сырдария өзенінің мұзы үстінен наурыздың басында өтіп алған соң, Ақжотақұм, Құрмайяқ деген жерлерден өтіп, Қарақұм алқабындағы Дариятам, Сұлутам, Мадияртам, Сортөбек, Бескемпір, Дариялық, Бөртескен, Қарой, Сайқұдық, Мыңбұлақ, Лоқылдақ, Қаракөл, Мойынқұм, Тазтемір, Ақшілік деген жерлердегі жайылымдық жерлерді көктеу ретінде пайдаланып, онда 20 наурыздан 20 сәуірге дейінгі аралықта тоқтаған. Төлді аяғынан ширатып алған соң көш қайта жолға шығып, Қожамбай, Аймырза, Ақмолалыөзек, Жыңғылөзек, Айдарлықұм, Тегене, Есенкелді-бидайық, Зорқала, Ақсай-Еңсеқопадан өтіп, Баймұратөзекке (Алабасқа құяр тұсы) келіп тоқтаған. Баймұрат арқылы Қызылжар, Құрақбай, Бозінген, Бесбидайық, Уәлі Тойпақ (Торғайға өтер тұс), Айнакөл, Қосбидайық, Сарыөзек (Қабырға өзені) арқылы жүріп, Сала сайына келіп жеткен. Сала деген елді мекен Қостанай уезінің Торғай уезімен шектесетін оңтүстік шекарасында орналасқан. Царская болысының қазақтары Сала даласындағы Сарыоба, Бостан, Өзек, Сақал, Жиделібұтақ, Қарабұтақ, Толыбайбұтақ, Базылбек, Міржақып, Тұшқықарасу суаттарында тоқтап, одан әрі Қостанай уезінің Шаштыраз өлкесіне жеткен.

Жоғарыда айтып өткен Сәтбай жолының негізгі суаттары Торғай уезінің Тосын болысының үстінде жатыр. 1910 ж. Царская болысының көшпелілерінің бағытын бақылаған статистар: «Тосын болысы Торғай уезінің батысында Тұмсық Қарағай одан Үлқаяққа қарайғы жерді және Үлқаяқ бойын алып жатыр. Тосын және Майқара болыстарының шекарасы Қабырға өзені арқылы және Қабырға Ащыбұтақ, өзендерінің сол жақ сағаларынан Шөптікөл көлі арқылы өтеді. Тосын болысы қазақ көш жолдарының тарихында Сырдария қазақтары «жаппастардың» жазда Қостанай жайлауларына дейін және одан кері қайтатын жолы үстінде жатыр. Ақпан аяғы мен наурыздың басында жаппастар Сыр бойынан кетіп, солтүстікке қарай Тобыл өзенінің жағалауына қарай бет алады, ал тамыз айында кері қарай жылжиды. Ұрқаштан Торғайға дейінгі жол бойына біздің экспедицияға отар-отар түйесі, қойы бар Сырбойылық жаппастар жолықты», – деп жазған [7, с. 79]. Бұл жерде әрине біз жоғары баяндаған «Сәтбай жолымен» көшіп бара жатқан көшпелі жаппастар екені анық.

«Сәтбай жолы» арқылы көшетін тайпалар көшудің «үдере жүру» бағытын ұстанды. Көш жолына таңертең ертемен көтеріліп күн ысығанша жүріп отырған. Түс қайта көлеңкелі жерде дем алып, кеш түскенше қайта көшке шыққан. Сәтбай жолымен көшетін Перовскілік көшпелілер Сала сайындағы Сарыоба, Бостан, Ұзақ, Сақан, Жиделібұтақ, Қарабұтақ, Толыбай бұтақ, Базылбек, Міржақып, Тұщы Қарасу жайлауларында шілдені өткізіп, одан әрі Қостанай уезіндегі Шаштыраз жайлауына көтерілген. Қыркүйектің 15–20-да жайлаудан кері қарай көшке жиналған. Көштен қайтар жолда Торғай уезіндегі Тосым болысындағы Баймұрат күздеуіне 15 қазандарда жетіп, осы жерде аялдаған. Одан әрі Қаракұмға 15 қарашада жетіп, 15 күндей тоқтаған, онда қошқардың күйегін шешкен. Одан әрі қыстауға бет алып, Сырға желтоқсанда келіп жеткен екен. Сәтбай жолымен отарында мал саны көп тайпалар көшкен, себебі бұл жолдың қашықтығы ұзақ. Перовскілік көшпелілердің мал отарында жылқының «қазақы» түрі басым болған. Торғай уезі арқылы Қостанай уезі Бестөбе, Аманқарай болыстықтарындағы жайлауларға келген

Перовскідегі Айнакөл болыстығының құрамындағы көшпелілер Сыр бойынан солтүстік-шығысқа қарай беттей отырып, Айнакөл, Арыс көлдері Сарысу жайлауларына, одан әрі Торғай жеріндегі суаттарға тоқтай отырып, Қостанай уезі жайлауларына жеткен. Сәтбай жолының шығыс бетінде жатқан бұл жол тарихта «Тау жолы» деген атпен белгілі. Көшпелілердің «Тау жолының» бағытына келер болсақ, бұл жол Сыр өзенінен бастау алып, Айнакөл көлі арқылы Торғай даласымен жүріп отырып, Қостанай өңіріндегі жайлауларға дейін жалғасқан. Сыр қазақтары Айнакөл деп Перовск қаласының солтүстік батыс жағында орналасқан қамысты көлдер жиынтығын атаған.

«Тау жолының» солтүстік-батысқа көшу бағыттары келесідегідей: Сырдария бойынан бастау алған көш Айнакөл көлі, Қоңыртөбе, Дариялық, Қаракемер арқылы Арыс көлі, одан Ақсайға тоқтаған. Арыс көлі мағындағы көктеулік жайылым малды көкпекті сияқты жас шөптермен қамтамасыз еткен. Одан әрі Қалмакқырған, Киік, Қоянқарта, Доңызтау, Сарапан, Тегенесай (Алабах өзеніне құяр тұс), Астаушасайдан өтіп, Шошқакөл, Ақкөлге жетіп тоқтаған. Қайта жолға көтерілген көш одан әрі Ботакөшу, Қарасай, Бошакөл, Темір Қарасу (Торғай бойы), Жынкелді (Торғайдан өткеннен кейінгі суат), Қатынкұм, Дөберкұдық, Құрман мола (Қабырға өзені жағасы), Шортанды, Жалауыл арқылы Сала даласына жеткен. Сала даласында олар Жайылма (Үлқияқ өзені мен Қабырға өзенінің қиысар тұсы), Танабай сор, Шиелі (Бестау), Аққұдық, Қарабұтақ, Тұщыбұтақта тоқтаған. Одан әрі көш Байтүрен, Майлықара, Шотай мола, Мамыр шоғыр көл арқылы Қостанай уезі шекарасын кесіп өткен. Сала даласындағы жайлаулар Қабырға, Үлқияқ өзендерінің аңғарында орналасты (сурет 1).

А.И. Левшиннің «Есіл мен Торғайда жазды өткізген бағаналы-наймандар қыста Қуандария бойына, ал жаппастар қараша айында Троицк жақтан Сырдария жағасына қарай бет алады» [8, с. 298], П. Небольсиннің «Сырдариялық алтын, жаппастар жазда Троицкіге дейін көшкен», – деген мәліметтері [9, с. 299] Сыр қазақтарының жазғы қоныстарының бір шеті Есіл мен Торғай өзендерінің аңғары болса, бір шеті тіпті Троицк жаққа дейін жеткендігін нақтылайды. А.И. Левшиннің осы жазбасын негізге алатын болсақ «Сәтбай жолы» Сыр бойы мен Троицк арасын жалғап жатқан тарихи дәуірлердегі байырғы көш-керуен жолы екенін нақтылауға болады. Сәтбай жолы мен Тау жолының топографиялық бағыт-бағдары Үстірт, Маңғыстау тайпаларының солтүстікке көшу жолына сәйкес келеді. Сыр бойылық көшпелілердің бұл екі жолы Торғай уезінде Торғай өзенінің оң жақ бетінде Сала сайына жетер тұста тоғысқан. Сәтбай жолымен Тау жолының қашықтығы, бағыты жағынан топографиялық ерекшелігі Үстірттен солтүстікке қарай бағытталған Адай және Табын руларының солтүстікке көшу жолына сәйкес келеді [10, с. 113]. Перовскілік табын, алтын, жаппас сияқты алысқа көшетін рулар жайлаудан қыстауға қайтар кезде қысқа жолды таңдап, қыстауға желтоқсан айында Сырдың суы қатқан кезде оралған [11].

А.И. Добросмыслов бойынша Қазалы уезінің Қармақшы болысындағы алтындар мен табындар, Перовск

уезінің Айнакөл, Шаған, Царская, Кентүп, Қараөзек болысындағы жаппастар, Байзақ болысындағы табындар Торғай уезінің Тосым болысындағы көктеуге 15 мамыр мен 1-ші шілде аралығында тоқтап, одан әрі Қостанайға жеткен, жайлаудан қайтарда бұл жер күздеуді қамтамасыз етіп, онда 15 қыркүйек пен 15 қазан аралығында тоқтап, содан кейін Сыр бойына бет алған [4, с. 345]. Сырға қазақтардың қазанның басынан бастап оралып, ақпанның аяғы, наурыздың ортасына дейін отырғандығын Л.Ф. Костенко да нақтылайды [12, I, с. 255].

1870 ж. Түркістан Статистикалық комитеті жасаған Перовск көшпелілерінің «көші-қон кестесі» және Н. Гаврилов бойынша Сыр бойындағы орналасқан Перовскілік көшпелілерді көшу бағыттарына қарай бес топқа бөлуге болады: *Бірінші топ* – Ақмола облысына қарасты Атбасар уезіндегі Сарысу өзені жағасындағы Аяққамыр сайына дейін созылып жатқан жайлауларға қоныстанатын Головачев, Гродеков, Жөлек, Телекөл болыстарының көшпелілері. *Екінші топ* – Торғай облысына қарасты Торғай уезіндегі Қалмақ жайлауына көшетіндер. *Үшінші топ* – Қарақұм құмдарын бойлай отырып, Қазалы және Торғай уездерінің оңтүстік – батыс бөлігін қамтыған. Көшпелілердің бұл топтарын Айнакөл, Шаған, Қараөзек, Байзақ, Маслов болыстары көшпелілері құрады. *Төртінші топ* – Айнакөл, Шаған, Қараөзек, Байзақ, Маслов болыстары құрамындағы бай шаруашылықтар Торғай облысының Қостанай уезінің оңтүстігіндегі жайлауларды қамтыды. *Бесінші топ* – Көткеншек, Қысбөгет, Қостам, Қарақұм–Қуандария болыстарының қазақтары құрап, Қазалы уезінің шығыс және оңтүстік–шығыс бөлігінде көшіп-қонды. Ал, отырықшы мал шаруашылығын кәсіп еткен Сауран, Жаңақорған, Приречная, Скобелев болыстығындағы тайпалар қыстаудан алыс кетпей Қаратау етегіндегі жайлауларға көшкен [13, с. 111–116; 14, с. 286–287]. Перовск қазақтарын осы топтаулар негізінде алысқа көшетін көшпелілер, жақынға көшетін көшпелілер деп екі үлкен топқа біріктіріп қарастыруға болады.

Перовск және Қазалы көшпелілерінің қыстаудан жайлауға қарай көтерілетін уақыты ақпан айының аяғы, наурыздың басы болған. А.И. Добросмыслов Сыр қазақтарының солтүстікке қарай ерте көтерілуін оңтүстікте көктемнің ерте түсуі, яғни күннің ерте ысуымен байланыстырады. А.И. Добросмыслов, Перовск және Қазалы қазақтары жайлауға көшкенде бір күнде 10–15, кей күні 20 шақырымнан аса жер жүрген. Әр ауылдың жайлауда жайылымдық жерлері болды. Ұсақ мал ауылға жақын маңда жайылып, оларды ауылға суаруға және түнде айдап әкеп отырды. Шөлейт жермен көшетін тайпалар, әсіресе күн ыстық болған кездері түн уақытында салқын түскен соң көшкен десе [4, с. 12, 14–15], ал Л.Ф. Костенко болса, Сыр көшпелілерінің бір күнде 20–25 шақырым, 3–4 сағат тоқтаусыз жүріп отырған, ауа-райы қолайлы күндері бір күнде 40 шақырымға дейін жүргендігін айтады [12, I, с. 340].

Сырдың төменгі ағысының оңтүстікпен шекараласатын шығыс аймағы қазақтарының қыстаудан көтерілу, қайту уақыттарында Сырдың батыс аймағынан айырмашылықтары болды, әрі олардың көш жолының қашықтығы да қысқарақ. Г. Загряжский бойынша Сарысу жайлауларына қарай көтерілуі ерте көктемнен наурыздың басынан басталады, қыста Қызылқұмға көшкен қазақтар бұл кезде қойларын Сырдариядан мұз арқылы өткізіп алады. 25 наурызға қарай көшпелілер Сарысуды жағалап жүріп отырады. Жөлек болысының көшпелілері Шу өзені арқылы, Головачев және Сарышаған болысының көшпелілері Телекөл және Телікөлата арқылы көшеді. Бұл жайылымдарда сәуір айының ортасына дейін жас шөп көп болғандықтан қыстан шыққан малдың күйін келтіру мақсатында, осы жерлерде уақытша тұрақтады. Ал, бай ауылдар Көлтөбе жайылымы, Билек ата бейіті арқылы Шакпақ төбеге одан әрі, Жаманқорғанға жетіп бұл жерде мамырға дейін қоныстанды. Одан әрі Мойынқұм, Ақаяқ жайылымы арқылы Жырқамысқа келіп бұл жерде мамырдың аяғына дейін отырған. Қаражарға маусымның басында жетіп, шілденің ортасына отырып, одан кейін Сырдария бойына кері қайтады. Сырдария аңғарына тамыздың ортасында жеткен. Г. Загряжскийдің айтуынша, Сарышаған болысының көшпелілерінің мал табынында түйе малы басым болып, түйені қорғау мақсатында, өзендегі судың жылылығынан және сонаның көптігіне байланысты Сырдария жағалауына 15 тамыздан ерте келмейді. Қайтар жолда Ескідариялық үстінен судың жоқтығына байланысты тоқтамай жүріп өтеді. Ал, Ұлытау және Кішітауға қарай көш бастағандар, мамыр айында Көкалажарға жетеді, одан әрі Еспе өзенінің жоғарғы жағына көтеріліп, осы жерде 2–3 күн тоқтайды. Кішітау етегіне маусымның соңында жеткен. Ұлытау мен Кішітау жайлауларындағы малы көп бай қазақтар Сырдария жағалауына қыркүйекте қайтып оралды. Малы аз қазақтар Дүйсенбай шатқалында тамыздың басына дейін қалып, Кішітау, Ұлытауға кеткен көшпелілерге қайтар жолда қосылған [15]. Сырдария линиясы басқармасының 1857 ж. жазып алған дерегі бойынша Ұлытау мен Кішітау аралығындағы Сандық жайлауына дейін 120 шақырым, көш жолы Қарағанды өзенінен оң жаққа қарай бұрылады, көшпелілердің бір бөлігі Қаракеңгір, Сарысу бойында қалады [16, п. 16–17]. Сарысу өзені жайылымдары әсіресе түйе малы мен жылқы үшін аса қолайлы болған [7, с.116].

М.Д. Спиридонов Сыр қазақтарының Сарысудағы жайлаулары жайында: «Белеңана моласынан бастап, Сарысу өзенінің жоғарғы ағысы бойындағы Қатанқамыс жайлауларында Перовск уезіне қарасты Жөлек

қазақтары тамыз айына дейін отырған» [18, с. 35–36]. «Көктемнен бастап жаздың ортасына дейін Белеңана моласынан бастап, Сарысу өзенінің бойы киіз үй құрған «ел» мен отар-отар қой мен түйеге толы. Бұл жер тарихи дәуірлерден бері Сырдария көшпелі қазақтарының ең шұрайлы жайылымдарының бірі» – дейді [18, с. 96]. М.Д. Спиридонов бойынша Сыр қазақтары Бұлақты өзені бойындағы Байқоңыр елді мекеніне ерте көктемде жеткен. Сырдариядан Ұлытау тауы етегіне көшетін малшылар жол ұзақ болғандықтан көш бойындағы суаттарға ұзақ уақытқа тоқтамаған [18, с. 113]. Ш. Уәлихановтың дерегі бойынша Сырдың жоғарғы, орта ағысы бойындағы қазақтар қыстаулық жерге тамыз айында, егін жинау басталатын уақытта қайтып орала бастаған [19, с. 133].

Жазба деректерді негізге ала отырып, Сыр қазақтарының Сарысу жайлауларынан ерте көтерілуінің екі себебі болғандығын анықтадық, біріншіден тамыз айында бұл жерде су тұзды болып ішуге жарамайды, отырықшылар 4–5 аршын тереңдіктен шыққан аса тұзды емес суды пайдаланады, екіншіден Сарысулық наймандар солтүстіктен өз қыстауларына ерте тамыз айында оралады.

Л.Ф. Костенконың көрсетуінше Сырдария өзенінің мұз сеңі Қазалы тұсында 21 қарашада қатып, 24 наурызда сөгіледі, ал Перовск тұсында 7 желтоқсанда қатып, 14 наурызда сөгіледі [12, I, с. 254]. Сырдарияның сол жақ бетінде қыстаған қазақтар көш жолына мұз ерімей тұрып, малдарын мұз үстімен айдап өтіп, Тау жолымен жүріп отырып, Арыс көлі маңына тоқтап, қозы-лақтардың аяғы шираған соң қайта көш жолына түсіп, Мөлдір, Қалмаққырған, Қарғалы өзендерінің жоғарғы ағыстарының бойы арқылы жүріп, Жыланшық, Торғай өзендерін кесіп өтіп, одан әрі Қабырға өзенінің екі жақ бетін бойлай жүріп отырып, 15 маусымда Қостанай уезі жеріндегі Мамыршағыр, Ұрқаш сайларына жетеді. Ол жерде қозылардан алғаш «қозы-күзем» жүн қырыққан. Бұл жерлерде аз-кем тоқтап дем алған соң одан батысқа қарай жылжыған. Көш жолында жайлауға дейін шамамен 70 рет, қыстауға қайтар жолда шамамен 45 рет жолда тоқтаған [5, с. 198–199].

Қостанай уезіне орыс қоныстанушыларының келуі Сыр бойындағы көшпелілердің жайлаулық қоныстарын бірте-бірте тарылта бастады. Мысалы, 1898 ж. Қостанай уезінің жайлауларында көшіп қонып жүрген Перовск уезі Царская болысына қарасты кей ауылдар 1900 ж. өз жайлауларына бармай Сала жайлауына тоқтаған. Бұл олардың жайлауға көшу қашықтығының қысқарғандығын көрсетеді.

Перовск қазақтарының ішінде шөмекейлердің өздері орналасқан қыстаудан Ырғыз жайлауларына көшу жолдары Қазалы уезінің басқарма бастығының көмекшісі болған әскери шенеунік Е. Александровтың жазбаларында толығырақ берілген. Шөмекей тайпасы ерте көктемде Қарақұмға қарай көтеріліп, сәуір, мамыр айларын осы жердегі көктеуде өткізеді. Шөмекейлер Қарақұмнан Ырғыз уезіне қарай екі бағытта, яғни екі жолмен көшкен: Ырғыз–Торғай–Ырғыз бағытындағы бір көш жолы Жалтыр сор және Шебер көлдеріне жетіп, екі көл жағалауы Перовскілік шөмекейлердің жаз жайлауын қамтамасыз етеді. Перовскілік шөмекейлердің екінші көш жолы Қазалы уезінен өтіп, Қарақұмға жетеді. Одан әрі Торғай уезі Алқа көліне жетіп, бір бөлігі осы жердегі жайлауларда қалса, бір бөлігі Шалқар теңіз көлінің жағалауы уақытша қонысты қамтамасыз еткен Ал, төртқаралардың қыстаудан жайлауға көші көктемнің алғашқы айларында басталып, Қарақұмда тоқтап, одан әрі Торғай уезіне жайлауға көшкен. Қарақұмнан екі бағыттағы жол арқылы шыққан төртқаралар Ырғыз шекарасына жеткенде үш бағытқа бөлініп кетеді. Қазалылық төртқаралардың көшінің үш жолы да Торғай уезі жеріндегі жайлауларға Ырғыз уезі арқылы жеткен. Қарақұм құмдарында көктеуге қоныстанатын қазалылық шектілер жаз жайлауды Ырғыз уезі жерінде өткізіп, жаздық қоныстарын Төлсай өзені мен Ащысай өзені аралығына және Ибалы тауы етегіне салды. [11]. Сондай-ақ Е. Александровтың «Бірінші бағыт Ырғыз және Ор өзенінен Орскіге дейін, жалпы Қарақұмнан батысқа қарай, екінші бағыт батысқа Кіші Борсыққа қарай апарды. Қызылқұм мен Жаңадария өзені жағалауын мекендейтін шекті, қарасақал, шөмекей, төртқара руларының әр қайсысының жайлауға көш жолдары болды. Қуандария көшпелілері Сырдария бойына уақытша аялдама жасап, одан әрі қыр арқылы Қарақұмға дейін тоқтаусыз көше береді де, шөмекейлер Қолмас тауынан шығысқа қарайғы жерде, төртқара мен қарасақалдар Қолмас пен Теректі арасындағы жерде, ал шектілер Теректіден батысқа қарай қоныстанды», – деген дерегі де Ырғыз бен Торғай уездеріне қарай көшетін Сыр қазақтарының көш жолдарының бағыттарының «күрделі» екендігін дәлелдейді [20].

Сыр ауылдарының көбі қыстауында 1 желтоқсан мен 1 наурыз аралығында 90 күн, ішінара кей ауылдар, 10 наурызға дейін отырған. Қыстаудан ауылдардың алды 1-ші наурызда-ақ көтеріліп, Қостанай жайлауларына 90–110 күн жолда жүріп барған [5, с. 199].

Қазалымен Перовскуездері бір-өңірлік аймақты құрағанымен табиғаты мен жерінде өзіндік айырмашылықтар болды. Қазалы жері құмды алқапты болып келгендіктен, түйе малын өсіруге қолайлы болды. Қазалылықтар үшін жаздық ең шұрайлы жайылым Қарақұм, Ырғыз, Ақтөбе, Қостанай жайлаулары, ал қыстық жайылым

Қызылқұм, Әмудария бөлімі болған [23, с. 86–104]. П.И. Пашино «алдыңғы қатарлы қазақтар Қызылқұмда болып, олар ерте көктемде-ақ Қызылқұмнан солтүстікке қарай көшкен», – деген [24, с.40]. Қызылқұм жерінде қаулап өскен сексеуіл малды қыста желден қорғаған. Әрі сексеуіл жантағы түйе малы үшін бірден-бір қорек еді. Қазалы өңірінің Перовск жерінен тағы бір айырмашылығы сона мен масасы аз болды, бірақ жаздық жайылым қорының аздығы, жерінің құмды құрғақ болуына байланысты, қазалылық көшпелілер де көршілес Ырғыз, Ақтөбе және Торғай арқылы Қостанай жерінің жайлауларына дейін барған.

1898 ж. Қостанай уезі жерінде жүрген ауыл шаруашылығы санағы парақтарын негізге алар болсақ, сол уақыттарда «Сәтбай жолы» арқылы көшкен қазалылық көшпелілер Адамбай Аққұдық, Әтешақсу, Төлеген, Обалыкөл, Бике, Бөлекей, Кендікті, Басанқұдық, Қаратомар, Тілеуқабыл, Сорөзек, Қырқұдық, Былқылдақ, Шолақөзек, Жорықкөл, Қызылмола, Сорбас, Сарғұс, Төртбұрышты, Үшқарасу, Қаратомар, Қойкеткен, Аққұдық жайлауларында кездесті. Қазалы уезіндегі төртқаралар мен шектілерінің бұл көш жолы Ырғыз уезінің үстінен өткендіктен, Ырғыз уезіндегі төртқаралар мен шектілердің де солтүстікке қарай көшетін көш жолдарымен жалғасқан. Ашмарин шектілердің Ақтөбе уезіне қарай көш жолдарының өте күрделі болғандығын айта отырып, көшу қашықтығын, уақытша қоныстарда тоқтау мерзімдерін де көрсеткен [22, с. 116–120]. Осылайша Қазалы қазақтары Ырғыз уезінің жерлеріне жетіп, жазда Егізқара тауларына, Буратал, Ащыбұлақ, Үшқамты, Жарбұлақ және Қандай өзендеріне дейін, шектілердің көші бұдан да әрі Мұғалжар тауларын бойлай отырып, Ембі өзені жағасына дейін барған. Шартты түрде Е.Александров көрсеткен көш жолын «*Ырғыз жолы*», Ашмарин көрсеткен көш жолын «*Елек жолы*» немесе «*Ақтөбе жолы*» деп атауға болады (сурет 1).

А.И. Добросмыслов «Ветеринарный надзор в Тургайской области» атты еңбегінде Сыр өңірі қазақтарының Торғай облысы жеріне көшу жолдары байырғы керуен жолдарының үстінен өткен бағыттарын көрсетеді: А.И. Добросмыслов бойынша Сарысудан бастап Тройцкіге дейінгі жолдың қашықтығы 945 шақырым, түйемен жүргенде әр суаттың қашықтығы 1 күндік жер, Бөритескеннен Білеуті, одан Жиделі өзеніне дейінгі, Ноғайкөлден, Жаркөлге дейінгі жол арасы жарты күн, барлығы 27 күндік жолды құрайды. Ал, Телекөл көлінен бастап Орск қаласына дейінгі жолдың қашықтығы 910 шақырым, Телекөлден бастап Арыскөл тұзды көлінің солтүстік қиырындағы Қамысты бұлаққа дейін 2 күн, Қайдакөлден Башыкөлге, Қабырға өзенінен Торғайға дейін жарты күннен, барлығы 26 күндік жолды құрайды. А.И. Добросмыслов көрсеткен Сарысу жолы Сыр өңірінен шығып Сарысу арқылы Торғай уезі жерінен өтіп, одан ірі солтүстік-батысқа қарай бағытталған. Керуен жолы ретінде қалыптасқан бұл жол кейін көшпелілердің көш жолы ретінде қызмет еткен. А.И. Добросмыслов, Сарысу арқылы өтетін бұл жол Сырдария қазақтарының ғана емес, Торғай уезінің Қызылшеңгел, Жыланшық, Қараторғай, Сарыторғай, Сарыкопа, Наурызым болысының қазақтарының да жолын қамтамасыз еткендігін айта отырып, бұл екі жолдың бойынан жаз бойына көшпелі ауылдарды кездестіруге болатын, – дейді [25, с. 184–186]. А.И. Добросмысловтың бұл жазбасынан Перовск уезінің шығысында қоныстанған қазақтардың Атбасар уезіне және солтүстік-батысқа апаратын Тау жолының белгілі бір бөліктерінің қашықтығын нақтылауға болады. Телекөлден Орскіге дейінгі жолдың 910 шақырым құраған болса, тек Сыр бойынан Қостанай шекарасына дейін шамамен 800 шақырым жол шығады.

А.И. Добросмыслов «Сырдария облысының мал отары Торғай жеріне Орск–Қазалы пошта жолының бойында орналасқан Теректі станциясы арқылы кіріп, одан әрі көш-керуен жолдарының бағыттарымен жүреді», – дей отырып, Ырғыз үстінен өтетін келесідей 5 көш-керуен жолын көрсетеді: 1) Ырғыз–Қарабұтақ–Орск; 2) Ырғыз–Қарабұтақ–Ақтөбе–Бердянка–Орынбор; 3) Ырғыз–Қарабұтақ–Ақтөбе–Верхнеозерная; 4) Ырғыз–Қарабұтақ–Ақтөбе–Томарөткел–Елек–Защита; 5) Ырғыз–Торғай–Қостанай–Веринский поселкасы (Тройицк тракты) [25, с. 183–184].

Қыстаудан жайлауға қарай бағыт алған көш жолдары жайында екі түрлі қарама-қайшылықты пікір бар. Г. Загряжский өзінің «Очерки Перовского уезда» атты мақаласында: «көш жолдары керуен жолдарымен байланысты емес, көшпелі қазақтар білетін, өз алдына бөлек жол», – дей отырып, көш жолдарын қалыптастыруда немесе таңдауда малдың қамымен байланысты болғандығын айтады [15]. Авторлардың негізгі дені, керуен жолдары кейін көш жолдары ретінде қызмет еткен, – дейді. В.В. Бартольдтың Сырдария және Талас өзендерін кесіп өтетін керуен жолдарына қатысты дерегіне сүйене отырып, Ә. Марғұлан: «Қазақстанның Оңтүстігі мен шөлейтінің арасындағы Бетпақдаланы көшпелі шаруаның кесіп өтуі өте қиын. Көшпелі шаруа одан өткенде жазғұтұрым қар суының мол кезінде, не күзгі бірінші ақша қар түскен кезде ғана өтетін. Осы тәрізді жаз шыға шөлейітке (Орталық Қазақстанға) барып қысқа қарсы Оңтүстікке көшіп келіп, мал шаруасын күшейтудің нәтижесінде, Бетпақ даланың бойынан бірнеше көш-керуен жолы түседі», – деп көш жолдарымен керуен жолдарын бірге қарастырған [26, с. 74].

«Очерк внутренней торговли Киргизской степи» атты еңбекте: «Сырдарияның оң жақ бетіндегі көшпелілер көктемде Қарақұм құмдарына, одан әрі солтүстіктің шұрайлы жерлеріне көшер жолында саудагерлер керуеніне қарсы жолығып отырды», – деген [27, с. 2]. Бұл көшпелілердің керуен жолдарын пайдаланғанын нақтылайды. А.И. Добросмысловтың жоғарыда берген жол бағыттарында көш жолдары керуен жолдарының үстінен өткендігін айтады [25]. А.И. Добросмыслов көрсеткен Ырғыз үстінен өтетін керуен жолдарының бағытының көш жолдарының бағытымен сәйкестігі мол деуге болады, ал кестеде берілген Орск, Томскіге апаратын керуен жолдары көш жолдарының нақты үстінен түспейді, екі жол белгілі бір пункттерде ғана түйісіп отырған.

Көш жолдарының қалыптасу және қолданыс аясына қатысты бұл екі пікірмен келесітін де, келіспейтінде тұстарым бар. Байырғы керуен жолдары жаугершілікте жорық жолдары, көш жолдары ретінде қызмет еткені белгілі, дегенменде керуен жолдары толығымен көш жолын қамтыған жоқ. Көшпелілер мал қамы үшін керуен жолдарынан шығып кетіп жайылымы мол жерлерге қарай түсіп отырған. Сыр қазақтарының көш жолдары керуен жолдарының нақты үстінен түспейді. Сыр қазақтарының көш жолдары Ырғыз жолында, Сарысу жолында керуен жолдарының үлкен бір бөлігін қамтиды, ал Сыр қазақтарының солтүстік-батысқа көшетін «Сәтбай жолы», «Тау жолы» Орск, Томскге апаратын керуен жолдарының бір бөлігін ғана қамтып тек белгілі бір бекеттер мен суаттарда ғана түйісіп отырады.

Көшпелілердің бір бөлігінің мал қамы үшін мерзімдік жайылымдарды ауыстыруы қыс кезінде де жалғасты. П. Небольсин: «назар, шүрен, қабақ, телеу, жақайым, кете, ожырай, қырғыз, шекті, жанқылыш, әлім рулары қыс бойына көшеді», – дей отырып, олардың қыс бойына көшуін шабындығы жоқ жерлерде орналасуымен түсіндіреді [28, с. 53]. Көшудің бұл үрдісі ауа райына байланысты қалыптастып отырды, әрине қыс қолайлы болып, мал азығы жеткілікті болса, негізінен қыста көшпеге тырысқан.

Сыр бойындағы тайпалар солтүстік-батыстағы жайлауларға шамамен 1926–1928 жж., яғни кеңестік «ұжымдастырулар» жылдарына дейін көшкен. Бұлай дейтін себебіміз 1926 ж. КСРО ҒА-ның Антропологиялық отрядының Қазақстандық экспедициясының мүшелері Қостанай жайлауларынан Қызылордалық көшпелілерді жолықтырған. Экспедиция мүшесі Ф. Фиельструп «Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана» атты мақаласында: «...Қызылорда уезінен Қостанайдағы жайылымдарға келген көшпелілер осы жерде көшіп жүріп өз ағайын-туыстарын тауып жатады», – деуі осыны дәлелдейді [29, с. 81].

Г. Тоғжанов 1926 ж. жазған дерегінде «Қазіргі кезеңде ішінара көшпелілік сақталып отырғанмен ол жартылай көшпелі сипатқа ауысқан, көшудің ара-қашықтығы, характері өзгерген.. Таза көшпелі шаруашылықтарды қазіргі кезде тек темір жолдан, қаладан, базардан алыс орналасқан шет жерден кездестіреміз (оңтүстік уездер мен адайлар), ал солтүстік уездерде (Қостанай, Петропавл, Орал, Ақтөбе және т.б.) алып қарасақ, бұл уездерде қазақ шаруашылығында көшпелілік тоқтаған, көшпелі болып қалғандарының өзі ең алыс дегенде қыстаудан 5–10, 15 шақырым жерге көшеді», – дейді [30, с. 3–4]. Бұл жерде автордың «көшпелілік сақталған оңтүстік уездер», – деп Сырдың төменгі ағысы бойындағы жерлерді де айтып тұрғаны белгілі, яғни бұл дерек Сыр қазақтарының ішінде алысқа көшу ішінара 1926 ж. сақталғандығын нақтылайды.

1924–1925 жж. Статистикалық Комитет зерттеушілері Қызылорда уезінің «Төлес» ауылында болып, ауылдың мамыр айының бас кезінде жайлауға көшкендігін, қыстауға күзде ғана оралатындығын жазған. Мұндағы көңіл аудартатын бір дерек «ауыл мүшелері қыстаудан көшіп, жаздық киіз үйлерін қыстаудан 4 шақырымдай шақырымдай жерге тікті», – деуі. Бұрын Сыр бойы қазақтарының көшу қашықтығы 800–1200 шақырымды құрағанын ескерсек, бұл ауыл көшпелілерінің көшу қашықтығының мүлдем қысқарғандығын және көшпеліліктен отырықшылыққа ауысу процесінің соңғы кезеңдерінің жүріп жатқандығын дәлелдейді [21, с. 3, Приложение 3].

П.П. Румянцев: «өткен ғасырдың 20 жылдарында хандық биліктің жойылғандығына қарамастан, бұл жерде (Сырдария өзені, Ұя өзенінен Каспийге дейінгі аралықты айтып тұр – Т.К.) қазақ халқын басқару тікелей орыс үкіметінің бақылауында болған жоқ, рулық және ордалық бөліктерде басында орыс билігі бекіткен сұлтандар тұрды, шындығын келгенде олардың билігінің әсері орыс шекарасына жақын маңдағы қазақтарға ғана кеңінен жүрді. Сондықтан Ұя өзенінен Каспийге дейінгі аралықта және Сырдария өзені бойында көшпелілік әлі сақталып қалып отыр. Сондықтан, қазіргі (XX ғ. басы – Т.К.) Торғай және Сырдария облыстарының қазақтары өткен ғасырдың ортасына (XIX ғ. – Т.К.) дейін тәуелсіз болып келді», – деген [17, с. 31]. П.П. Румянцевтің Сырдария өзенінің бойы деп, төменгі ағысын меңзеп тұрғандығын аңғару қиын емес. Осы пікірін негізге алатын болсақ, XX ғ. басында Сырдария, Ұя өзенінен Каспийге дейінгі аралықта көшпеліліктің сақталуының себебі бұл өңірде орыс билігі тісінің қатты батпағандығында.

Жоғарыда көрсетілген мәліметтерді жинақтай отырып, көшу процесіндегі өзгерістер жайында мынандай қорытынды жасаймын:

—> ЕЛЕК ЖОЛЫ —> СӘТБАЙ ЖОЛЫ —> САРЫСУ ЖОЛЫ
 —> ЫРҒЫЗ ЖОЛЫ —> ТАУ ЖОЛЫ

Сурет 1. Сыр өңірі қазақтарының көш жолдары.

Біріншіден, көшпелілердің жайлауға қарай көшу қашықтығы отардағы мал санының көлеміне байланысты қалыптасты. Көш жолдарының бірнеше бағыттарын қалыптастыруының өзі мал шаруашылығын ұйымдастырудың технологиясын жетік меңгергендігімен байланысты. Әрбір ру белгілі бір географиялық

территорияда, жер көлемі шеңберінде көшіп-қону дәстүрін ұстанды. Көшпелілердің қоныс орнын таңдауы дәстүрге немесе шаруашылық мұқтаждықтарға ғана емес, саяси жағдайларға да байланысты болды. Өлкеде орыс билігінің орнауына байланысты, XIX ғ. орта кезінен бастап жайлауға көшу қашықтығы өзгеріп, көш жолдары қысқарды. XIX ғ. орта кезіне дейін Сыр өңірлік тайпалардың бір бөлігі қыста Қызылқұмға, жазда Ырғыз, Орск, Орынборға дейін көшсе, XIX ғ. орта кезінен бастап кей ауылдар Сыр бойына тұрақтап, жартылай отырықшы шаруашылыққа көше бастады, бір бөлігі көшу радиусын 20–25 км-ге дейін қысқартты, ал бай қазақтар алысқа көшуді ұжымдастыру кезеңіне дейін жалғастыра берді. Өмір сүру ортасының ерекшеліктері жайылымдарды пайдалану тәсілдерін айқындап берді.

Екіншіден, Перовск уезінің көшпелілері қыста Сырдария бойында, Қызылқұмда, жазда Қарақұмда, Атбасар, Торғай, Қостанай, Ақтөбе уездерінде көшіп қонған. Қазалы көшпелілері мал азығы үшін қыста Сыр бойында, Қызылқұмда, кейбір тайпалары қыста Бұхар хандығындағы Бұқан таулары етегінде, жазда Қарақұмда, Амудария бойларында, Ырғыз, Торғай, Қостанай, Ақтөбе уезінде көшіп жүрген. Көші-қон бағытының күрделілігі қоршаған ортаның экологиясына байланысты болды. Сырдың төменгі ағысы бойының жері құрғақ, құмды, желді болып келгендіктен малы көп қазақтар мал жайылымы үшін қыста оңтүстік жаққа, ал жазда шыбын-шіркейдің көп болуы, жайылымдық алқаптың аз болуына байланысты солтүстікке бағыт алған. Қыстық жайылымның аздығы, Сырдария мұзының ерте сенуі, көктемнің ерте түсуіне байланысты қыстаудан ерте көктемде көтерілді. Қыста көшу Перовск уезіне қарағанда Қазалы қазақтарында басым болды, қазалылықтардың қыста көшуі шабындық жердің тапшылығына байланысты болды.

Үшіншіден, көші-қон бағыты мен қоныстану территориясы рулық қатынасқа негізделді, яғни Перовск уезінің шығыс бөлігінде қоныстанған Орта жүз тайпалары Орта жүз қазақтары қоныстанған Атбасар уезіне, Перовск уезінің батысы мен Қазалы уезінің басым бөлігін құраған Кіші жүз қазақтары қазақ жерінің батысы мен солтүстік-батысына, яғни өз руластарының жеріне қарай көшті. Перовск және Қазалы қазақтарының мерзімдік қоныстарының ауқымы кең болды және бұл өңірде көшпелі мал шаруашылығы басым дамыды.

Төртіншіден, 1897 және 1899 жж. болған жұт әсерінен Сыр бойы қазақтардың жарты малы қырылып қалған. Қазақтар арасында «малша қырылды» деген теңеу де осы жұт кезінен қалған. Жұттан кейін мал басының көбеюі өте баяу қарқынмен жүрді. 1902 ж. ғана мал басының саны әдеуір өсіп, 1882 жылдардағы мал басының санына теңелуге таяған. Жұт мал үшін қатты қауіп болып, көшпелі мал шаруашылығын әлсіретті. Оның үстіне қазақтардың жайылымдық жерлерінің «қоныстанушылар» есебіне берілуі, дәстүрлі көш жолдарының бұзылуы да мал басы санының баяу өсуіне әсер етті. Осындай тығырыққа тірелген тұйықтан шығудың бір жолы отырықшы шаруашылыққа өту еді.

Қорыға айтқанда, Сыр өңірі қазақтарының көшіп-қону жолдарының шектелу үрдісі XIX ғ. екінші жартысынан басталды. Батыста қаусыра салынған орыс бекіністері, қоныстанушылар легінің ағылуы Сыр бойы көшпелілерінің жайлаулық жайылымын тарылтқан, әрі Кеңес үкіметінің орнауы, байлардың тәркіленуі де көшпелі шаруашылықты тоқтатуға әкеп тіреген. Жайылымдық жерлердің тарылуы тек жаздық жайылымнан ғана емес, қыстық жайылымнан да көрінді.

Әдебиеттер

1. Народы России. Киргизы. Исторический очерк и народный характер. СПб., 1879.
2. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914.
3. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Том II. СПб., 1898.
4. Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.
5. Материалы по киргизскому землепользованию. Тургайский обл. Кустанайский уезд. Т. 5. Воронеж, 1903.
6. Материалы по истории Казахской ССР. (1785–1825 гг.) Т. IV. М.–Л., 1940.
7. Неуструев С.С. Зона южной полупустыни. Перовский уезд Сырдаринской области // Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1910 года. СПб., 1911.
8. Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
9. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1854.
10. Схематическая карта районов сезонных пастбищ родов Адай и Табын // Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928.
11. Александров Е. Пути кочевков киргиз Малой Орды Перовского и Казалинского уездов // ТВ. 1884. №15.

12. Костенко Л.Ф. Туркестанский край. СПб., 1880. Т. I.
13. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1. Под ред. Н.А. Маева. СПб., 1872.
14. Гаврилов Н. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1911.
15. Загряжский Г. Очерки Перовского уезда // ТВ. 1903. № 58.
16. Управление киргизами Сыр-Дарьинской линии // ҚР ОММ. 383-қор, 1 тізбе, 45 іс.
17. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.
18. Спиридонов Д.М. Киргизские пустынные степи // СПб. Изв. Зап.-Сиб. отделения РГО. 1922. № 1, 2.
19. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1985. Т. 4.
20. Александров Е. О направлении летних кочевков киргиз Казалинского уезда // ТВ. 1872. № 13.
21. Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926.
22. Ашмарин. Кочевые пути, зимовые стойбища и летовки. (Историческое описание) // Советская Киргизия. Оренбург, 1925. № 5-6, май-июнь.
23. Обзор Сыр-Дарьинской Области за 1911 г. Ташкент, 1913.
24. Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. СПб.: 1868.
25. Добромыслов А.И. Ветеринарный надзор в Тургайской области. Оренбург, 1897.
26. Маргулан А.Х. Древние караванные пути через пустыню Бетпак дала // Вестник АН КазССР. Алматы, 1949.
27. Тетерников А.Н. Очерк внутренней торговли Киргизской степи. СПб., 1867.
28. Небольсин И.И. Очерки торговли России со Средней Азией. // Зап. Имп. РГО. Кн. 10. СПб., 1855.
29. Фиельструп Ф.А. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана // Казахи. Антропологические очерки. Л., 1927.
30. Тогжанов Г. О казахском ауле. Кызыл-Орда, 1926.

ОБЩЕЕ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НОГАЙЦЕВ С НАРОДАМИ АРАЛО-КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ И НОГАЙЦЕВ)

Керейтов Р.Х.

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, Черкесск

В статье «Наследие Турана» известный казахский ученый Ажигали С.Е. об Арало-Каспийском регионе правомерно пишет, как об ареале «с которым связано становление скотоводства – в умеренном поясе, в связи с нахождением на северном и южном его окраинах вероятных центров доместикации коня и овцы; возвышение и падение крупнейших этнополитических объединений, государств – массагетского Турана, государства огузских ябгу, Ногайской Орды, роль которых не освещена по достоинству» [1, с. 4].

В отмеченном объективном высказывании привлекает внимание и упоминание о Ногайской Орде в составе которой происходило формирование ногайского народа – ногайцы (самоназвание «ногайлар»). В этническом формировании данного народа приняли участие многие родоплеменные союзы. Названия их и в настоящее время отражают эту древнюю связь казахов, узбеков, каракалпаков, ногайцев, которые в течение веков рядом жили в Арало-Каспийском регионе, взаимовлияя друг на друга во всех областях жизнедеятельности.

Для начала отметим наличие этнонимов, отражающих наименование этих союзов: кыпчак, канглы, уйсун, найман, керейт, конгырат, ас, кытай, байдар, тама, бодрак, нукус и другие [2, с. 120–121]. Характерно то, что все они в современной ногайской действительности сохранили родоплеменные знаки – тамги. Сопоставление тамг выявило отдельные знаки, которые были связаны со скотоводством, охотой, кузнечным ремеслом, земледелием, шитьем и рукоделием, ремеслом вообще и военным делом у ногайцев, казахов, башкир и т.д. [2, с. 132]. Помимо этого, как оригинальный этноним «тама» сохраняется только у казахов, ногайцев, узбеков, татар.

Идентичность отразилась не только в этническом составе, но и в хозяйственной деятельности казахов и ногайцев. Например, в одинаковом или сходном скотоводстве (овцеводство, коневодство, верблюдоводство), а также в трудных условиях степей и земледелия: поливное земледелие (шыгыр – с использованием лошади. Верблюда), жерагаш – ерагаш, сабан, тырнавыш, орак, шалгы и т.д. Связь в хозяйственной деятельности проявилась и в названиях орудий сельскохозяйственного труда производства не только ногайцев и казахов, но и кыргызов, башкир: жерагаш, тис, базна, сабан [3, с. 214–215].

Хозяйственная деятельность ногайцев, как и казахов, отразилась и на их народном календаре. Благодаря этому циклическому календарю, который у казахов и ногайцев называется не только одинаково «муышел», но и выполняемые по нему хозяйственные работы и придуманные по сезонам праздники имеют много аналогии. Население в течение года выполняло работы земледельческого и скотоводческого цикла. Эти циклы обозначались праздничными мероприятиями. Празднование Нового года (Наврүз) в марте у ногайцев имеет идентичность у многих народов, формировавшихся на просторах Арало-Каспийского региона. Он праздновался казахами-скотоводами и земледельцами.

Схожесть у казахов и ногайцев отразилась и на искусстве ковроделия и кошмоваления «кийиз». В них привлекает оформление и орнаментика. Общераспространенным орнаментом является рисунок в виде рогов барана «кошкар муйиз», верблюжьей ступни «туе табан» и т.д. Также много орнаментов, отражающих окружающий животный мир (коян кулак, ботагоз), а также звезды (юлдыз) в виде трех-пяти-шестиконечных звезд.

В скотоводстве у ногайцев, как и у многих соседних народов, основательное место занимало верблюдоводство. В нем сохранились многие общие термины у казахов и ногайцев: двугорбый верблюд – бура-бора-бувра, одногорбая самка – арвана; двугорбый – инген (инген); подразделяли даже по годам: молодой двугорбый верблюд – бугырсын (бугыршын); взрослый двугорбый – эрек (ийрек); бота–шестимесячный верблюжонок; тайлак – годовалый жеребёнок и т.д. [2, с. 166]. В скотоводстве есть ещё много аналогичных примеров, что требует отдельного тщательного исследования, в том числе и способов кочевания.

Сходство у казахов и ногайцев наблюдалось и в почитании верблюда. Но в них выделялись различные толкования. Перечислим коротко. У казахов почитание верблюда имело отношение к культу плодородия. По поверью казахов беременная женщина из боязни, что беременность затянется, избегала есть верблюжье мясо. Те женщины, у которых роды запаздывали, чтобы их ускорить, перешагивали через шею лежащего верблюда [3, с. 129]. У ногайцев потребление беременной женщиной верблюжьего мяса не приветствовали, объясняя тем, что беременность затянется. Было ещё одно поверье у ногайцев – чтобы женщина забеременела, она должна была пройти под верблюдом [2, с. 335].

Интересные следы сходства в бытовой культуре ногайцев и казахов наблюдаются в их верованиях. Перечислим некоторые. В верованиях ногайцев зафиксировано преклонение перед камнем, якобы вызывающем дождь. Использование камня в магических целях известно многим народам, в том числе и казахам. Путешествуя в 1856 г. недалеко от Семипалатинска Ч.Ч. Валиханов у местных казахов заметил заклинателей дождя – джайчи. Это поверье, по утверждению Ч.Ч. Валиханова, считается древнетюркским и «восточные историки говорят о каком-то камне–джуде, имеющем силу призывать дождь, и говорят, что он был богом Яфесу, отцу тюрков, в знак особого своего благоволения его потомству» [6, с. 251]. В ногайском языке и в настоящее время слова «яда», «яды» сохранились и обозначают «шустрый», «завлекающий». Возможно, в корне слово указывало на лицо, которому доверялось перевертывание магического камня. У ногайцев и в настоящее время в некоторых семьях хранятся камни, якобы обладающие мифической силой.

Аналогичность в хозяйственной деятельности казахов и ногайцев наблюдается и в такой её черте, как отел крупного рогатого скота. Например, у казахов во время отела хозяева внимательно следили за тем, чтобы корова не съела послед (шу), т.к. согласно поверьям, тогда надой молока у этой коровы должен был пойти на убыль, и она могла заболеть [3, с. 131].

Одинаковые способы производства вырабатывались и в земледелии: в обмолоте зерна, его хранении и т. д. Например, у казахов и ногайцев зерно хранили в вырытых в земле ямах: у казахов яма называлась «ура», а у ногайцев – ур. Современные ногайцы в таких ямах хранят и картофель. У казахов «...ямы выкапывали вблизи зимовки, на более или менее возвышенном месте, чтобы избежать проникновения сырости от дождевых и талых вод. Форма ям была в разных местах разная: в Семиречье, например, ямы делали в плане круглыми, в Тургайской области – четырехугольными, в Чимкентском уезде было принято копать яму, расширяя её книзу, наподобие опрокинутой воронки... В одних местах их обмазывали глиной или саманом (глина с мякиной), в других местах дно и стены ям обжигали» [3, с. 246; 2, с. 182].

Много общих черт можно найти в таком виде жизнедеятельности как охота. Здесь в первую очередь следует отметить охоту, с ловчими птицами. Ногайцам, как и казахам, известен термин «кусшы» – сокольниковый, а также названия птиц, используемых для охоты: тырымтай – коршун, лашын – сокол, як-сунькар – кречет, тойшын – ястреб-стервятник, бийтайык – беркут, каршыга – ястреб, карагус – орел, буркут – беркут и т.д.

Таким образом, в истории и этнографии казахов и ногайцев много общего, обретенного в Арало-Каспийском регионе, о чем свидетельствуют приведенные факты, связывающие эти народы с эпохой гуннов, сарматов, кыпчаков. У ногайцев есть поговорка «кый аударсань, кыпшак шыгар» (перевернешь степной кизяк, оттуда

кыпчак выскочит), которая свидетельствует о многочисленности этого родоплеменного союза в этногенезе ногайцев. Об этом говорят бытующие нынешние примеры: буйрабас-кыпшак, есеней-кыпшак и т.д.

В книге «Каспийский шельф у берегов Прикаспийской истории», написанной при непосредственном участии С.Е. Ажигали читаем «История огузских племен Северо-Восточного Прикаспия начала 2-го тыс. н.э. тесно связана с кыпчакскими племенами, появившимися в Арало-Каспийских степях по данным «Худуд ал-алам» ещё в середине X в.» [7, с. 106].

Приведенные примеры свидетельствуют о древних связях казахов и ногайцев, подкрепляют мнение, что на просторах Арало-Каспийского региона происходило формирование различных народов, взаимовлияние в этническом составе, этнокультурном и бытовом облике их. Отголоски отмеченных событий бытуют и в настоящее время. Дальнейшее, более пристальное и детальное изучение их. Веление времени будущих научных изысканий.

Литература

1. Ажигали С.Е. Наследие Турана // История и культура Арало-Каспия. Сборник статей. Вып. 1. Алматы, 2001.
2. Керейтов Р.Х. Ногайцы: особенности этнической истории и бытовой культуры. Ставрополь, 2009.
3. Хозяство казахов на рубеже XIX –XX в. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980.
4. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
5. Руденко М.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. М.–Л., 1955.
6. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата, 1961.
7. Каспий кайраны. Алматы, 2000.

ТАҢБА БАСАТЫН ҚҰРАЛ – ДАҚ

Қарамендина М.Ө.

Қ.И. Сәтбаев атындағы Қазақ ұлттық техникалық университеті, Алматы

Кейінгі кездері мал шаруашылығында қолданылатын құрал-саймандардың ішінде жылқыға таңба басатын темір құрал туралы, оның атауы туралы мәліметтерді кездестіру қиынға соғады. Этнографиялық әдебиеттерде жалпы жылқыға байланысты көне құрал-жабдықтар әліде зерттеуді керек етеді [1, 147-б.].

С.Е. Әжіғалидің айтуы бойынша «дақ» – түркі халықтарының таңба басатын құралының атауы. «Дақ» деп түрікмендер айтады. Қазақта бірнеше мағынасы бар. Ол «бренд» деген сөздің баламасы. «Бренд» – знак– белгі, клеймо–таңба, печать–мөр, инструмент–құрал. «Дақ» – пята туралы мәлімет А. Эмреде бар. Әсіресе түрікмен «қойтастарындағы» таңба басатын құрал – дақ пен таңба бейнелері ерекше назар аударарлықтай (екеуі Шопан ата некрополінде), мұнда дақтың ұзын сабы, кейде ұшында ілмек тәрізді тұтқасы көрсетілген. Тағы бір нұсқада осындай дақтың құрылысы айқын көрсетілген, оның негізгі өзегіне таңба перпендикуляр бағытта қондырылған. Осы екі жағдайда да салор таңбасының тұтқамен қосылған нұсқалары – (бірде – таңбаның жоғарғы ұшында, немесе – шеткі кесіндінің ұшында) бейнеленген [2, 456-б.].

М. Қашқариде «дақ» – таңба делінген [3, 18-б.]. С.А. Яценко дерегі бойынша иран халықтары рулық-отбасылық таңбаларды әдетте «тамга» деген түркі терминімен атайды, ал енді еуропалық сарматтардың ұрпақтары – осетиндер – көне «дақ» («ілгек») терминімен атайды. Таңбаның осы ерекше көне терминінің шығу тегі қой мен жылқыға таңба салатын темір құралға байланысты. Оның ұшына («ілгекке») белгілі бір рудың таңба бейнесі тік бұрыш жасап бекітіледі [4, 4-б.].

Монғолиядағы қазақтардың дәстүрлі шаруашылығын зерттеген Б.Кәмәлашұлынан мынадай дерек оқимыз: мал таңбалауға ауыл адамдары, туыс–туған жаны ашыр ағайын көңіл бөліп, көп болып атқаратын науқанды жұмыс. Әсіресе малдың саны көп болған жағдайда таңбаланатын мал ірі қара болғанда көп күш қажет болады. Малды таңбалайтын уақытын, жерін иесі күні бұрын туыс, көмекші ағайындарына жариялап айтады. Малға арналған таңбаның бейнесін күні ерте ұста шеберлерге айтып, қара темірден (дақты) соққызып алады. Темір дақ жасық, отқа, шоққа тез қызатын, қызаратын болуы шарт. Малды таңбалау үшін оларды арнайы қораға

қамап, бір-бірден ұстап әкеліп, «таңбашының» алдына көлденең ұстап тұрады. Жуас малдарға таңба басқанда оларды ұстап тұру оңай. Ал шу асау, жүген-құрық тимеген жылқы, түйе, сиырларға таңба басу аса ептілікті талап етеді. Таңба орнына ақ жүн шығып мәңгіленеді. Жүні тақыр тайға, басқадай мал төлдеріне таңба айқын түседі. Содан болар «тайға таңба басқандай» деген тәмсіл сөз бар. Монғолдар құлынға да таңба басады екен [5, 104-б.].

Л.И. Лавровтың мәлімдеуінше көктем маусымында малдың табынын жазғы жайылымға жіберер алдында «бір жастағы қойдың, жылқының, сиырдың төлдері таңбаланады. Таңба белгісі темірден жасалады да ағаш тұтқышқа орнатылады. Әрбір шауашылықта таңба салу үшін сол үйге сәтті деп есептелетін арнайы күн белгіленеді. Таңбалайтын күні таңертең табынды кең аулаға айдап әкеліп, жеке базаға (ірі қара мен ұсақ малда) орналастырады. Бір жасар тайды қорада қалдырады. Алдын ала жағып қойған отқа дақты салып қыздырады. Күзелген тайды табыншы арқанмен ұстайды да жерге жығып қояды, үй иесі қызып тұрған дақты әкеліп оң немесе сол жақ санына басады; сиыр мен бұқаға (өгізге) – жауырынына, қойдың жағына басады [6, 96-б.].

С.А. Яценконың мәлімдеуінше: үй жануарларының денесіне таңба салу аса маңызды рәсім болып есептелген және ол осетиндер мен оған көршілес халықтарда жаңа жылды тойлау кезінде жасалған. Осетиндер бұл рәсімді жай атқыш құдайдың ғибадатханасының жанында жүргізген. Абыз дұғасын оқып, құлшылық жасап болғаннан кейін әр мал иесінің табынынан бір-бірден шығарып таңба салады, одан кейін бақташы қалғандарына салады. Мұның өзі табындағы мал құдайдың қарамағына өтті дегенді білдіреді. Кабардада осындай рәсімді көктемде өткізеді, құдайға құлшылық жасап осы жылға сәттілік пен береке тілеп аяғын той-думанға ұластырады [4,17-б.].

Малдың терісін үшкір құралмен тіліп басса да, немесе оны ығыстырған екінші әдіс – қыздырған темірмен қарып басса да, негізгі көзделген мақсатқа жету үшін таңба анық және қарапайым болуы керек. Бұл шартқа сай келетін ең қарапайымы – түзу сызық. (Вещштейн суреттері бойынша) Алайда таңба аса күрделі болмағаны жөн, өйткені мал терісінің азғантай жерін қарып басқанда сызықтар бір-бірімен қосылып кетіп, анық көрінбей қалады. Сондықтан әр түрлі қисық сызықтар дөңгелектен басқа таңбаға жарамайды, себебі түкті теріде айқын шықпайды немесе әрбір мал иесінде әркімкі болып, ұқсастығынан айрылады. Қырғыз, қазақ, қарақырғыз, алтайлықтар, монғолдар мен қалмақтардың ру таңбаларында осы шарттар ескеріледі. Таңба қандай бағытта орналасса да өз мәнін сақтайды. А. Добросмыслов [7, 27-б.]: Мал шаруашылығы қазақтың барлық қажетін өтеді. Тайға көктемгі бие байлау кезінде ру таңбасын оң жақ немесе сол жақ санына, кейде денесінің әр түрлі жеріне темірмен басады. Темірді белгілі температураға дейін қыздырады да аса бастырмай жылдам қарып алады. Егер ру таңбасы бір ғана сызықтан тұрса бір темірді, ал егер әр түрлі бағытта орналасқан бірнеше сызықтан құралса, онда малды қинамас үшін сонша темірді қыздырып бір мезгілде басады. Сұлтанардың және ауқатты қазақтың таңбасы түзу сызықтан құралмаған жағдайда, ру таңбасына сәйкес етіп жасаған дайын құрал-саймандары болады. Қыпшақтарда рудың малын бір-бірінен ажырату үшін әрбір ру таңбаны малдың белгілі бір жеріне басады. Мысалы, торы руы малдың мойнына, ұзын руы малдың алдыңғы аяғына басады.

Х.Х. Яхтангиновтың айтуынша: таңба тек жамбас етке ғана қойылмай, сонымен қатар, жауырын тұсына да қойылған [8, 65-б.]. Кавказ таңбаларының кішірейтілген түрі малдың маңдайына, тіпті жағына да басылған.

Моңғолиядағы қазақтар көбіне жылқы, түйе және қойды таңбалайды. Жылқының артқы саны, сауыры, алдыңғы қолтығы үстіне таңба салады. Түйенің санына, қолтығына таңба басады. Қой мен ешкінің бетіне басады. Ұсақ малдың бетіне қиғаштата, жосылта бір жолақ, кейде екі жолақ етіп таңба басады. Қазақтар көбіне малдың мінер жағына таңба басады. Ал монғолдар көбінде қамшылар сол жағына таңба салады. Моңғол жұрты малға таңба көп салмайды. Мал денесінің сәнін кетіреді, малды қорлау деп көреді. Әсіресе, атқа, оның ішінде жүйрік «сетер» аттарға таңба басу сирек болады [5, 101-б.].

Қазақ таңбасының ру меншігі қызметін атқарғанын дәлелдеген В.П. Курылев: «таңбаны екі жастағы жылқыға сол жақ жамбасына қыздырған темір дақпен қарып басқан», – дейді [9, 219-б.]. Жеке меншікке байланысты С.Л. Фукс мынадай жайды орынды атап кеткен: Басқа да мал шаруашылығымен шұғылданатын халықтар сияқты қазақтар да малға жеке меншік орнаған күнде де таңба ру меншігі таңбасы ретінде сақталып келе жатыр [10, 20-б.]. Л.И. Лавров дерегі бойынша: Кавказ таңбасының ареалы Кавказда табынды жылқы шаруашы-лығының өріс алу тарихымен байланысты болуы керек. Табынды жылқы шаруашылығы дамыған жерде таңбаның да болатыны мәлім. Таңба табынды жылқы шаруашылығы сияқты екпінді дамыған шаруашылықта аса қажет болды. Осыған орай кавказ таңбаларын меншіктік белгі деп қарастыру еш күмән туғызбайды. Дегенмен таңбаны тек қана меншіктік белгі ретінде қарастыру жеткіліксіз. Кавказда таңба – рудың меншіктік белгісі және өз руының әулеттік (фамилиялық) елтаңбасы, бұрынғы кезде оны ерекше құқығы бар әулет қана иемденген [6, 103-б.].

М.К. Азаматовтың пікірі бойынша адыгейлер таңбаны өздеріне жеке меншік пайда болғаннан кейін ғана қолдана бастаған. Сол кезде «Әр рудың өз таңбасы болды». Алайда «кейінгі ғасырларда феодалдық қатынастардың дамуына байланысты» ол «таптық сипатқа ие болды». Таңбаны рулық фамилиялар пайдалануға тиісті еді. Ал малды таңбалауға керекті темір құралды (дақты) жасау үшін қаржы қажет болған. Сондықтан туыстар арасында өзара сенім мен ынтымақ болған жағдайда бір әулеттегі көптеген отбасылар ата-бабадан мұра болып қалған дақты пайдалануына мүмкіндіктері әбден болған [11, 7-б.].

Қадырғали Жалайыр шежіресінде малға басатын құрал – «инақ» деп жазылған. Шежіреде былай делінген: Оғыз ұлдарын жиды. Барлығы 24 болды. Әрқайсысы жылқысына инақ таңба басуы керек болды. 24 таңбаға теліп әрбірін нышана қылды. Әр жерде көрсе де бір-бірінен ажырата алатын болды. Күн хан ата сөзін қабыл етіп инақ пен таңбаны әрбіреуіне белгі қылды [12, 26-б.].

Б. Кәмәләшұлы дерегінде [5, 103-б.] былай делінген: «Малды таңбалауға арнайы от жағылады, көмір, қи, ағаш, тезек шоқтарына дақты (таңбаны) әбден қыздырып алып, бір рет жақсылап басады. Шала қыздырылған дақ (таңбалар) мал терісін күйдіре алмай, шала таңбаланып малды қинайды. Сол үшін дақты (таңбаны) мұқият даярлап алады. Таңба өшпейді». С.Е. Әжіғали [2, 456-б.]: «Түрікмен «қойтастарындағы» таңбалардың таңба соғатын құрал – дақпен бірге бейнеленуі «тамға» сөзі этимологиясына тамаша иллюстрация болып табылады, себебі темір дақты отқа қыздырған, содан кейін таңба салған. Мал шаруашы-лығымен шұғылданған барлық түркі халықтары үшін бұл әмбебаптық тәсіл болғаны байқалады. Таңба соғатын құрал – дақтың бейнеленуі түрікмен этнографиясы мәліметтері-мен үйлесіп тұр және бастауы оғыз-қыпшақ кезеңіне барып тірелетін малды таңбалау тәсілінің тым көне екендігін қуаттайды». А. Эмренің пікірінше: «тамға» сөзінің түбірі там – «күйдіру, өртеу, жағу» етістігі дегенді айтады. От – Күннің бөлшегі. Адам әрбір затты жасай отырып, жаратушының ісін қайталайды. Затты, құралды жасау қызметі жалпы космология-лық үлгіге енсе, ал оларды жасап шығару технологиясы қасиетті салаға енеді. Х. Арғынбаев дерегінде [13, 195-б.]: «Мал шаруашылығында қолданылатын құрал-саймандардың кейбіреу-лері киелі мәнге ие болған». Оны жасаушы ұста шеберлердің өнерін халық ұрпақтан-ұрпаққа жалғастырып келген. Көшпелі экстенсивтік мал шаруашылығының ұзақ уақыт үстем болуы қазақтардың тек қана материалдық емес, сонымен қатар рухани мәдениетіне де ықпалын тигізді. Сондықтан қазақтар ру таңбасын басатын құрал – дақты қастерлеп атадан-балаға мирас ретінде сақтап отырған.

Моңғолия қазақтарында малды таңбалағанда даққа (таңбаға) «артық» байлап, мал таңбалайтын жерде шай, тамақ ішіп мал таңбалауды белгілейтін салт бар екен [5, 104-б.]. Қазақ жерінде қоғамдық қатынастардың өзгеруіне байланысты бұл салт ұмытылған; сонымен бірге, бастапқы мәнін жоғалтып, XIX ғасырда ауылдың белгісіне айналған таңбаны басатын темір құрал – дақтың заты да, аты да ұмытылған.

Әдебиеттер

1. Токтабай А.У. Қазақ жылқысының тарихы. Алматы, 2010.
2. Әжіғали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
3. Қашқари М. Түбі бір түркі тілі («Диуани луғат ит-турк»). Алматы, 1993.
4. Яценко С.А. Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
5. Кәмәләшұлы Б. Моңғолия қазақтарының дәстүрлі шаруашылығы XIX ғ. соңы – XX ғ.: тарих ғ.д. диссертация. Алматы, 1997.
6. Лавров Л.И. Кавказские тамги // Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.
7. Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.
8. Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.
9. Курылев В.П. Кавказские тамги как знаки родовой принадлежности. // Этническая история и традиционная культура Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989.
10. Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX в. Алма-Ата, 1981.
11. Азаматова М.К. Адыгейский народный орнамент. Майкоп, 1960.
12. Қадырғали Жалайыр. Шежірелер жинағы. Алматы, 1997.
13. Арғынбаев Х. Народные обычаи и поверья казахов, связанные со скотоводством // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.

ШОҚАН ЖӘНЕ КАСПИЙ – АТЫРАУ ӨңІРІ

Қыдыралин Ү.

Х. Досмұхамедов атындағы Атырау мемлекеттік университеті

Әлем таныған қазақтың жан-жақты ғылым саласындағы біртуар ұлы ғалымы – саяхатшы, этнограф, географ, ағартушы-демократы Шоқан Шыңғысұлы Уалиханов. Ол отыз ақ жыл жасаған қысқа өмірінің 10 жылын ғылымға арнап, 100 ден аса құнды ғылыми еңбектер қалдырған. Бұлар бұдан 25 жыл бұрын академик Ә. Марғұланның басшылығымен орыс тілінде басылған Шоқанның 5 томдық шығармалар жинағына енген. Енді сол 5 томдық шығармалар жинағы кеңейтіліп орыс тілінен мемлекеттік тілге аударылуда. Олар оқушы қауымға кеңінен таралатын болады. Қазақ ренесансы дәуірінде орысша білім алған, еуропалық мәдениеттен сусындаған, сонымен қатар өз еліне қызмет етуді өмірлік мұратына айналдырған адамдар бой көрсете бастады. Олар туған халқының алдында жалғыз – ақ жол бар деп санайды, ол – жаңа заманның өнерін, білімін, ғылымын, мәдениетін меңгеру. Бұл ретте ең алдымен Абылай ханның шөбересі, Омбы кадет корпусын бітірген офицер, әрі саяхатшы, ағартушы-демократ, ғұлама ғалым Шоқан (Мұхаммед-Канапия) Шыңғысұлы Уалихановты (1835–1865) атау орынды. Шоқан өз заманындағы орыс қауымына Шығыс түркістан өлкесін, Ыстықкөл алабын зерттеп, география ғылымына үлес қосқан саяхатшы ретінде әйгілі болды. Сонымен қатар ол қазақ халқының рухани мәдениетінің дарын өкілі, оның жарқын болашағының кепілі ретінде де танылды. Өйткені Шоқан қазақ қаһармандық эпосының озық туындысы «Едіге» жырын, қырғыз эпосы «Манастың» таңдаулы тарауларын қағазға түсірумен айналысқан ғалым. Ол қазақ және қырғыз халықтарының тарихына, этнографиясына, әдебиеті мен мәдениетіне қатысты көптеген зерттеу еңбектер жазды. Қазақ және қырғыз эпосы туралы, қазақ поэзиясы және оның даралық ерекшеліктері туралы өзінің құнын күні бүгінге дейін жоймаған көптеген зерделі пікірлер айтты. «Сіз өз қауымыңыздың ортасынан шыққан, еуропаша білім алған тұңғыш адамсыз... Бұл сізге ерекше міндет жүктейді» – деп жазған еді Достоевский бір хатында досы Шоқанға.

Жап-жас Шоқанның біртуар еңбектері және Қашғарияға жасаған қауіпті сапары әрі қайталанбас болмыс-бітімімен орыс халқына, Ресейге, кейін Еуропаға қазақтың қандай халық екенін паш етті. Қалыптасқан тәртіп бойынша Қашғарияға жасаған сәтті сапары үшін Шоқанға бұратана халықтың өкілі ретінде әулие Анна орденін беруге болатын еді. Батыс Сібірдің генерал губернаторы Гасфорт Александр екінші патшаға тап осындай ұсыныс жасаған өтініш жазады. Паташа бұл награданы жеткіліксіз деп тауып, бұйрыққа «Валиханову Владимир» деген бұрыштама соғады. Мұнысы 25 жасар қазақ саяхатшысы әрі орыс офицері Шоқан Уалиханов орыстарға берілетін жоғары Владимир орденіне лайық деп есептегені, Шоқанның Ресей ғылымын әлемге танытқандығы еді.

Шоқан тек қазақ халқының арасынан ғана емес, бүкіл Түркістаннан шыққан жаңа типтегі тұңғыш ғалым, жананың бастаушысы еді. Ол өзіне тағдыр жүктеген міндеттер биігінен көрініп, аз өмірінде қыруар шаруа бітіріп кетті. Шоқанның артында қалған ғылыми-тарихи-әдеби мұра елеулі – бес том. Сол жоғары саналы көп еңбектерге ортақ идея: қазақтар өз тарихы бар, өзіндік мәдениет жасаған, ақыл-ой, талант жағынан еуропалық алдыңғы қатарлы елдердің қайсысымен болса да терезесі тең, алайда бар болашағы алда тұрған халық, ал болашақ – мәдени өрлеу, өнер-білім арқылы ғана өз мұратын таппақ деген пікір. Шоқан өз өмірінде халықтардың тек тұрмыс салты мен мәдениетін ғана зерттеп қойған жоқ, сонымен қатар бұрын жарияланған тарихи-этнографиялық еңбектерге де талдаулар жасады. Ол қазақ оқымыстысы ретінде туған халқының аса бай әрі байырғы мәдениетін, географиясын, этнографиясын зерттеуге, оны әлемдік ғылымға әйгілі етуге күш жұмсайды.

Шоқан Уәлиханов еңбектерінің ішінен біздің өлке Каспий–Арал–Атырау өңірі тіршілігіне байланысты материалдарды да табуға болады. Бұдан біз ғалымның Каспий –Атырау өңіріне де көз жіберіп, ойланғанын көреміз. Шоқан өз еңбектерінде Кіші жүз қазақтарына тоқтала келіп, «Гурьев», «Сарайшық», «Маңғыстау» атаулары жиі кездесетін тарихи – этнографиялық оқиғаларды қозғайды. Мысалы, ғалым былай деп жазған:

«Жәнібек хан балаларының алды Қасым хан Жағанбикеден туып, ержеткен соң, әкесінің ұлысында хандық құрды да, ғұмырының соңында Сарайшықта опат болды. Оның қабірі де сол Сарайшықта деп есептеймін». Одан әрі Шоқан Құтлу-Қабаның баласы Едіге де (1340–1419) бір кезде Алтын Орданы басып алып, оның басқарушысы болған, ал кейіннен ол Сарайшыққа жақын жерде Тоқтамыстың баласы Қадірбердімен бірге өлтірілген. Едіге осыдан 7 ғасыр бұрын, атақты Әмір Темір, оның алғашқыда досы, кейін, қасына айналған

Тоқтамыс ханмен үзеңгілес болып, Алтын Орданы билеген батыр. Бұл батыр тұлға туралы деректер біздің елде негізінен халық жырлары арқылы белгілі болған. Оның бір вариантын ең алғаш рет жыршының аузынан 1841 ж. жазып алған – Шоқан Уалиханов. Ол кезінде оны орыс тіліне аударған. Баспасөзде жариялуға үлгере алмады, қайтыс болғаннан кейін профессор П.Н. Мелиоранский 1905 ж. кітап етіп шығарған. Сол сияқты Шоқан Алтын орданың ыдырау процесінде пайда болған Ноғай ордасының орталығы да осы Сарайшық қаласы болғандығын айтады. Ал, Шоқанның профессор Березинге хатында Гурьев қаласының сол кездегі Орта Азиямен аралықтағы керуен -сауда жолының бір бұтағы екені айтылған. Шоқан Уәлиханов Атырау өңіріне келуге үлгермеді. Әйтсе де ол ғалымдардың осы өлкеге байланысты еңбектерін мұқият оқып, өз еңбектеріне арқау еткен. Бұның өзі Каспий-Атырау өңірінің тарихи-этнографиялық, табиғи-байлық, архитектуралық-мәдени ерекшеліктері мен оның келешегі Шоқанды қызықтырса керек. Шоқан Каспий өлкесін жете зерттеген – П. Паллас, Г. Карелин, А. Левшин, М. Иванин, К. Боде т.б. орыстың белгілі саяхатшы-ғалымдарының еңбектерін жақсы білді және олардың еңбектерін жоғары бағалады. Шоқан А. Левшинді «Қазақ халқы тарихының Геродоты» деп, ал оның туған халқымыз жәйлі жазған үш томдық еңбегін «Ғылым үшін, асыл қазына» деп бағалады.

Шоқанның қолжазбаларында Маңғыстаудағы түркімендердің діншіл қожа тайпасының ұрпақтары жайында, олардың көшіп-қонуы және Маңғыстау қазақтарының оларды қатты құрметтейтіндігі жазылған. «Түркімендер арасында тұтас бір қожалар ұрпағы бар, олар Түп-Қарағаннан Александрбайға дейін көшіп жүрді, орыстың балықшылары оларды «поптар» («попович») деп атайды», – деп жазған ол.

Шоқан Маңғыстауда ескерткіштердің көп екенін жаза келіп, олардың беттерінде түрлі суреттер мен жазулар да бар екеніне тоқталады. «Маңғыстауда қылыш, мылтық, найза, тапаншалар бейнеленген кесене ескерткіштер барын» айтады. «Бір бейнеленген суретте аттылы адам жолбарыстың соңына түскен, жанында екі иті бар... Түркімендердің иелігінде болған қамалдар мен қорғандардың қираған орны көп... Александрбай тұсындағы құмшыңырау құдықтарының қасында шың жартаста қашып қазылған екі зындан бар», – деп жазған Шоқан. Шындап келсек, Шоқанның осы Маңғыстаудағы ескерткіштер мен дін жайындағы мақаланы жазуында белгілі себептер бар сияқты. Шоқан дін тарихына байланысты еңбек жазу үшін Маңғыстаудағы және Орта Азиядағы діншіл қожалардың қоғамдық және саяси өмірін зерттеген... Сөйтіп Шоқан Уәлиханов кезінде Каспий–Атырау өңіріне де көз жіберіп, ол туралы деректерді мұқият зерттеу арқылы өз жазбаларын қалдырған. Оның еңбектері бүгінгі гуманитарлық ғылым саласындағы зерттеушілер үшін әрдайым керек. елдің ескісін білмей, жаңаға қол созу – босқа әурешілік дегендей, Шоқан еңбектеріне соқпай, қазақ мәдениеті тарихы мен этнологиясы туралы құнды еңбек берем дегуге болмайды. Шоқан шын мәнінде туған халқы үшін «Еуропаға ашылған терезе» болды. Шоқан мұралары бұдан былай да зерттеле бермек. Оның ғылыми мұралары қазақ халқының мақтанышы.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ КАЗАХСКОГО ЭТИКЕТА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ

Мейрманова Г.А.

Кызылординский Государственный университет им. Коркыт ата

Выделение норм традиционной культуры поведения в тему отдельной работы не только дает возможность раскрыть целый ряд таких сторон духовной культуры, общественного быта, которые нередко выпадают из поля зрения этнографа, но и в новом свете увидеть уже достаточно хорошо изученные явления, включив их в систему нравственно-этических представлений и этикета.

Как известно, традиционная и модернизированная культуры воплощают в себе различные начала и задачи. Изменчивость и мобильность модернизированной культуры дает своим представителям ряд преимуществ в достижении индивидуальных целей и адаптации к меняющимся условиям. В то время как традиционная культура, представляя индивиду более четкие и однозначные ценности, смыслы и образцы поведения, привносит в его жизнь упорядоченность и стабильность, и соответственно, более эффективно выполняет ценностно-ориентационную и защитную функцию [1, с. 21].

Рассматривая современную этическую культуру казахов, можно говорить о том, что в ней присутствуют как новые, так и традиционные черты. В целом же традиционная культура казахов, в том числе и исследованный нами этикет, постепенно трансформируется под влиянием модернизационных процессов в направлении унификации и упрощения.

Одним из основных рычагов, приведших в движение процесс модернизации, явилось преобразование экономики на базе создания местной индустрии и развития рыночных отношений. Новые экономические условия оказались несовместимы с прежним укладом, основанным на кочевом образе жизни, что привело к его коренной ломке.

Можно выделить несколько факторов, способствовавших серьезным преобразованиям в казахском обществе. Во-первых, это насильственный перевод казахов на оседлость в ходе коллективизации в конце 1920-х – начале 1930-х годов, что постепенно привело к утрате кочевых традиций и замене их новыми. Во-вторых, – процессы урбанизации и связанная с ними унификация этнических особенностей. В-третьих, – существование в инокультурном, прежде всего русском окружении и влияние европеизированной культуры на культуру казахов.

Кроме того, еще одним фактором современных трансформаций традиционного казахского этикета, влияние которого пока не изучено достаточно полно, является углубление религиозности некоторых слоев казахского общества, восприятие мусульманских правил поведения, которые не всегда совпадают с традиционными нормами. Этот процесс, на наш взгляд, по большей части связан с деятельностью казахско-турецких лицеев и университетов.

В данной статье мы рассмотрели конкретные этикетные нормы, существующие у казахов в ситуациях приветствий и прощаний, при приеме гостей, во внутрисемейных отношениях. Анализ этих норм показывает, что в них во всех проявляются общие черты, на которых основана вся культура общения казахов, и которые можно назвать основными принципами казахского этикета. Это принципы толерантности, уважения к старшим и половой дифференциации. Рассмотрим каждый из них более подробно.

Одной из основных черт традиционной казахской культуры являлось **почтительное отношение к старшему человеку**. Принцип старшинства характерен для традиционных обществ, где придается большое значение генеалогии. Он уходит своими корнями в первобытное общество, где именно старики являлись хранителями жизненного опыта и передавали его молодому поколению [2, с. 22].

Однако, в традиционной казахской культуре «старшинство» имело значительно более широкую трактовку, чем просто «старший по возрасту». Помимо возраста, оно зависело от статуса родоплеменной группы, к которой принадлежал человек, его социального положения, пола, родственных связей, от занимаемого положения в семье.

Но, прежде всего, как в традиционном, так и в современном казахском обществе старшинство определяется возрастом. Стариков и пожилых людей, заслуживших уважение общества своим поведением, своей жизнью, называют *аксакалами*, и они пользуются большим авторитетом у своих односельцев (односельчан, сородичей). Среди равных по всем остальным критериям «старшим» будет считаться старший по возрасту.

Среди трех казахских жузов Старший жуз считался главным, и его представители считались «старшими» независимо от возраста. Например, людям из Старшего жуза первым подавали еду. Объясняли это тем, что предок у Старшего жуза старше – *атасы улкен*. А внутри жуза существовала своя иерархия родов. Часто старшим считался сильный многочисленный род.

Старшинство определялось и по принадлежности к тому или иному сословию. Привилегированное сословие, называемое *ак сук* – «белая кость», состояло, главным образом, из султанов и их сородичей, именовавших себя «торе» или чингизидами. *Кара сук* («черная кость») составляли простые рядовые казахи. От простых казахов чингизиды требовали почета и уважения. «Белокостным» нельзя было называть их по имени, при обращении следовало употреблять слова «алдияр» или «таксыр» (господин, благородие). До начала XX в. часть привилегированного сословия составляли и *ходжи*. «Ходжи считали себя потомками Саида, ближайшего последователя Магомета, и ставили себя родом выше султанов» [3, с. 28, 30]. Они обосновывали свое отличие от окружающего населения арабским происхождением, несмотря на то, что сами говорили только на местных языках. Если в обществе сидел торе или ходжа, то он читал молитву, отмечал А.Н. Харузин [3, с. 30]. В современном казахском обществе сословное «старшинство» перенесено на людей, занимающих видные должности. Им предлагают почетное место *төр*, они всегда сидят с левой стороны аксакалов.

Кроме того, старшинство зависело от степени родства гостя и хозяев. У казахов особое уважение проявлялось по отношению к сватам, их символически относят к «вечным гостям». По этому поводу есть пословица «Күйеу жуз жылдык, құда мың жылдык» («Зять на сто лет, а сват на тысячу»). При проведении свадебных и иных мероприятий сватов сажают на самое почетное место и одаривают их соответственно.

«Старшим» также считается гость, прибывший издалека. Такого гостя сажают на самое почетное место, одаривают, также угощают специально приготовленными блюдами.

Наконец, старшинство определяется в соответствии с половой принадлежностью. В традиционном обществе мужчина «старше» женщины любого возраста, это выражается в системе запретов и знаков, подчеркивающих его главенство. Например, женщина не должна переходить мужчине дорогу, она должна первой приветствовать родственников мужа, за трапезой женщина ждет, пока глава семьи не приступит к еде и т.п.

Большинство этикетных ситуаций требует учета «старшинства» участвующих в общении. Так, Н.И. Гродков пишет, что у казахов порядок старшинства раньше соблюдался: 1) при разделах военной добычи (олжа) – старшие свою долю берут первыми; 2) при входе в дом – вступают по порядку, и рассаживании по местам – почетное место предоставляется старшему; 3) при открытии торжества (*тойбастар*) – начать пение предлагают старшему роду, и ему полагается подарок; 4) в качестве предлагаемого кушанья [4, с. 7]. К этому надо прибавить очередность приветствия и право «давать бата».

Сегодня «принцип старшинства» соблюдается во всех этих этикетных ситуациях (кроме, конечно, раздела военной добычи). Продолжают существовать специальные способы выражения почтения к «старшему», воплощенные в формах обращения, приветствия и т.п., предписанных этикетом. В любой ситуации молодые должны оказывать уважение к «старшему», внимание и готовность быть ему полезным. При разговоре со «старшими» запрещается держать руки в карманах, жевать, курить и выпивать. При любых обстоятельствах такого человека слушают очень внимательно, даже когда его речь обременительна для молодого человека. Молодые люди в присутствии «старших» не смеют говорить громко, смеяться; на их вопросы следует отвечать скромно.

О почтительном отношении к «старшему» и его роли в обществе говорит его место в пространстве (в центре помещения, впереди, выше, дальше от входа и т.п.). На торжествах, поминках и прочих собраниях «старшим» оказывается почет, выражающийся в предоставлении им этого самого почетного места – *төр*. Молодые члены семьи и общества не имеют право претендовать на это место [5, с. 158].

За трапезой самому «старшему» подают угощение, причем в подносимое ему блюдо кладут голову забитого животного вместе с мясом или отдельно. Следующие за этим блюда с мясом также распределяются с учетом «старшинства» присутствующих.

В современном казахском обществе действует совет старейшин *ақсақалдар кеңесі*, общественный совет, на котором обсуждаются спорные дела и вопросы жизни аула, посёлка или небольшого города. Решающий голос в совете старейшин принадлежит аксакалам, к которым причисляют не только старших по возрасту, но и по всем тем критериям, о которых говорилось выше.

В модернизированном казахском обществе принципы старшинства соблюдаются, но некоторые виды изменились, это проявляется в том, что сословных градаций уже не существует, сохранилось в основном старшинство по возрасту. В наше время на больших мероприятиях принцип старшинства соблюдается при рассаживании. На улице, в транспорте уступают место старшему человеку. В семье в повседневной трапезе без хозяина дома *отагасы* не приступают к еде. Дети между собой слушаются старшего ребенка.

Особенности мужского и женского поведения (гендерная дифференциация). Для традиционного общества характерна половая дифференциация, которая отражалась и в нормах общения. Как было сказано выше, особенности мужского и женского поведения у казахов определялись доминирующим положением мужчин в обществе. Женщину с детства учили почитать мужчину на примере отца, брата, зятя и т.д. Мужчину казахи рассматривали как хозяина очага и оказывали ему соответствующий почет. Они не занимались домашними делами и не отчитывались перед женщиной. При торжественных застольях, а порой и при любой трапезе женщины исключались или занимали менее почетные места. Старшинство мужчины подчеркивалось и отношением к его вещам. Например, оружие мужчины вешали на почетное место, вещи тоже ставили «выше», женщины не должны были перешагивать одежду мужчины.

Вместе с тем, у казахов, как и в других кочевых обществах, женщины пользовались относительной свободой. Мужчина должен был относиться к женщине с уважением. Так, девушка считалась «гостем» в доме, ее сажали на почетное место – *төр* рядом с отцом. По обычаям казахов мужчина должен был всячески оберегать женщину и помогать ей. Большим позором для мужчин считалась ссора или брань в присутствии женщины.

Этикетным поведением подчеркивалось не только доминирование мужчины, но и гендерная дифференциация. Жилище у казахов, как и у других народов, разделялось на мужскую и женскую половины; вещи, орудия труда противоположенного пола очень часто этикетно табуировались [2, с. 21]. Различались мужские и женские этикетные словесные формулировки, например, приветствия.

В настоящее время традиционные этикетные нормы, подчеркивающие главенство мужчины, все более заменяются европеизированными нормами этикета. Например, если раньше женщина должна была идти на

несколько шагов позади мужа, то сейчас супруги ходят вместе; если за *дастарханом* женщина должна была сидеть «ниже» мужчины, то сейчас только на дневных трапезах *кудай тамак* и похоронах семейной паре запрещается сидеть вместе, в остальных случаях супружеские пары могут сидеть вместе. Этикетные нормы избегания в определенной части также связаны с половой дифференциацией. Запрет на произнесение имен мужской родни мужа продолжает существовать в сельской местности почти во всех регионах Казахстана, особенно в южных областях. В Шымкентской и Кызылординской области до сих пор делают поклон при виде свекра и родных мужа.

Все более утрачивается этикет, демонстрирующий гендерную дифференциацию, не связанную с отношениями доминирования/подчинения. В сельских, а, тем более, городских домах уже нет деления на женскую и мужскую половины, табуирования вещей противоположного пола; постепенно размывается разница между мужскими и женскими формулами приветствий.

Один из важных принципов общения у казахов – *принцип толерантности*, терпимости по отношению к другим. Уважительное общение было ценностью наравне с родственными отношениями: «Кто меня уважает, тот и близкий мне» [4, с. 268], говорить в поговорке. Уважение должно быть оказываемо не только равному по возрасту и положению, но и младшему. Оно проявляется через вежливое, дружелюбное обращение, которое должно иметь внешние формы [7, с. 110].

Одной из форм проявления уважительного, толерантного отношения у казахов были многочисленные ритуализированные знаки приветствий, особые для пола и возраста, выражения благодарности, благопожелания, почитания старших или ближних рода [с. 7, 110].

Важным знаком толерантности, демонстрируемой гостем, и проявлением его уважения к хозяевам считалось принятие пищи в доме, куда он зашел. Если же он не принимал угощения, это воспринималось как выражение неприязни. Путник, проезжающий мимо зимовки или юрты, должен был обязательно остановиться, иначе его поведение воспринималось как крайне нетолерантное, даже оскорбительное. Ему вдогонку посылали всадника, который должен был привести его к жилищу, чтобы тот принял угощение [7, с. 111].

Проявлением толерантности считались взаимные приглашения в гости. Отказ свидетельствовал о крайней степени неуважения. Такого человека больше нигде не приглашали. Существовала пословица: «Если ты не примешь приглашения, то ты не дождешься больше приглашения» [4, с. 286].

В обычаях, связанных с гостеприимством, принцип толерантности проявлялся очень ярко. Хозяин должен был проявлять уважение к гостю, несмотря на самые тяжкие обиды («Если являешься к тебе, прости, даже жертвуя хуном отца»; «Когда являешься в твой дом, то, хотя бы ты имел претензию с дом, умалчивай о ней» [4, с. 286]). По казахскому этикету у гостя запрещалось расспрашивать о цели визита в течение трех дней. Путнику необходимо было оказать в первую очередь необходимые услуги и почести. А если и задавались вопросы, то они носили общий характер и не относились непосредственно к гостю. Считалось также, что излишнее любопытство может представить хозяина как человека невежливого.

Терпение по отношению к гостю сохранилось и по сей день. На сколько времени бы не приехал гость, хозяева должны оказывать ему все почести, которые он заслуживает. Когда в доме гость, ребенок не должен плакать и утомлять гостей, поэтому хозяева раньше отправляли детей в дом бабушки и дедушки, а сейчас для них накрывают отдельный стол и старший ребенок смотрит за ними. Родители с детства учат своих детей терпению и скромности.

Своеобразным проявлением толерантности является и обычай избегания в семье. Родители мужа никогда не будут напрямую делать замечания своей невестке, они скорее обратятся с критикой к своей дочери в присутствии невестки, и последняя должна будет понять, что на самом деле замечания относятся к ней. Эта норма сейчас сохраняется в традиционных семьях и в основном в сельской местности, а в городской редко можно встретить подобную картину. Характерно, что в народном сознании избегание объясняется необходимостью уважения между «избегающими» друг друга сторонами. (Н.И. Гродеков приводит поговорку: «свекор не будет уважать невестку, если часто видит ее лицо» [4, с. 297].

Таким образом, материалы, собранные и проанализированные в данной статье позволяют сделать вывод, что к концу нынешнего столетия сформировалась более или менее устойчивая модель культуры общения у казахов. Её характерной чертой является сочетание элементов современной (урбанизированной, европейской) и традиционной (архаичной, восточной) культур.

Основные принципы традиционного казахского этикета, несмотря на его трансформацию, сохранились в современных нормах общения (хотя и размываются или становятся менее четкими, в зависимости от среды – городской, сельской, и района – южных или северных областей). Сохранился принцип почитания старших. Однако он видоизменился: уже нет разветвленной иерархии старшинства, которая наблюдалась в традиционном обществе. Видимо, со все большей демократизацией внутрисемейных и общественных отношений принцип старшинства сведется к уважительному отношению к пожилым людям.

Сохраняется принцип толерантности как имеющий общечеловеческую ценность. Он принимает менее формализованные формы, выражается не столько в конкретных этикетных нормах, сколько в самом духе, атмосфере общения. Наибольшим изменениям подвергся принцип гендерной дифференциации, что связано со все большим утверждением равноправия женщин.

В заключение нужно упомянуть о существовании большого интереса в современном казахском обществе к традиционному этикету и наметившейся тенденции к возрождению некоторых этикетных норм. Это, несомненно, связано с подъемом национального самосознания казахов после обретения Казахстаном независимости и стремлением к изучению ими своей традиционной культуры.

Литература

1. Татаренко А.Н и др. Психологические исследования социокультурной модернизации. М., 2007.
2. Никишенков А.А. Традиционный этикет народов России. XIX – начало XX в. М., 1999.
3. Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды. (Антрополого-этнологический очерк). М., 1891.
4. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т.1. Юридический быт. Ташкент, 1889.
5. Мейрманова Г.А. Особенности казахского этикета: принцип старшинства // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Астрахань, 2008.
6. Наумова О.Б. Представления о «своих» и «чужих» и традиции толерантности в культуре центрально-азиатских народов // Толерантность и культурная традиция. М., 2002.
7. Муканов М.М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков // Интеллект и речь. Психология. Вып. 2. Алма-Ата, 1972.

КИЕЛІ «КӨК АСАЛАР» ТУРАЛЫ

Мырзабай Б.Б.

Ақтөбе облыстық тарихи-мәдени мұраларды қорғау жөніндегі мемлекеттік инспекциясы

Бұл шағын материалда Қостанай облысының Мамыркөл ауылы мен Ақтөбе облысының Жиренқопа ауылында сақталған киелі «Көк асалар» туралы жинаған деректерімізді дінтанушылардың, тарих және этнографияны зерттеушілердің, ескерткіштанушылардың назарына ұсынуды жөн көрдік.

Осы жолдардың авторы бала кезден әкесі Боранқұл Мырзабайұлының (1911–1986 жж.) Марал ишан Құрманұлы туралы таңғажайып әңгімелерін тындап өсті. Тек біздің әкеміз ғана емес, ауыл-аймақтағы көнекөз қарттардың барлығы Марал бабаның Шилі бөгеттегі жуғысын киелі орын деп есептейтін. Сондай-ақ, 1841 ж. 62 жасында Арқада қайтыс болып, қасиетті Фатима анасының жанына жерленген Қызылорда облысы Қармақшы ауданындағы Марал ишан қорымы да қалың жұртшылық үшін киелі орынға айналып отыр.

Кейін Марал ишан ұрпақтары – ағайынды Асқар, Абдолла Омаровтармен, Темірхан Жүнісханұлы Үндемесовпен араласып, баба туралы баспасөзде жарияланған түрлі деректер мен кітаптарды оқып, бабаның киелі «Көк асасын» көріп, осы ой бөлісуді қағазға түсіріп жариялауды жөн көрдік.

Алдымен киелі «Көк асаға» тоқталсақ, көне египеттіктер жайлы жазбаларда [1, с. 88], онан арғы тас дәуірі (неолит), қола дәуірі (бронза), сақ дәуірі қорғандарын қазып, зерттегенде [2, с. 16–19], [3, с. 42–52], оғыз-қыпшақ дәуірінің ел билеушілерін сайлағанда, [4, с. 29], XIV–XV ғғ. Алтын Орда кезеңінде Батыс Қазақстан аймағында сопылық ілімнің таралуына байланысты аса таяқтар қолданылғандығы туралы айтылады [5, с. 84–94].

«Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында 2004 ж. жазында Ақтөбе обл. Қобда ауданы Талдысай ауылының жанындағы XIV–XV ғғ. салынған бірегей сәулет ескерткіші – Абат Байтақ мавзолейін зерттеу барысында төрдегі қабірден арша ағашынан жасалған табытқа салынған, кебіні жылтырақ жіптермен оралған ер адамның сүйегінің оң жағынан сегіз қырлы темірден жасалған аса таяқтың басы табылды. [6, с. 35–71].

Қазақ халқының жыр-аңыздарында «ақ сәлдесі басында, көк есегі астында, көк асасы қолында» болатын әулие, машайық, пірлер туралы ғажайып аңыздар мен қызықты қария сөздер де көптеп кездеседі. Солардың бірі – Қостанай өңірінде өмір сүрген Сейітжан ақын Бекшентайұлының Марал бабаның «Көк асасы» туралы төмендегі жыр жолдары:

Марал ишан Жам тауында,
 Жаланаяк пірге барып, болды жолдас.
 Бірнеше күн болғаннан соң,
 40 мың әруак болған сырлас.
 Оттар шығып аузынан,
 Ақзікірни болады мас.
 Кәр лебінен балқып кеткен һәм қара тас.
 Шайқы-бұрқы диуанадай,
 Бір жанына безер азар.
 Хак нұрына ашық болып,
 Бұл дүниеге салмайды назар.

«Рухы тах құрметіңе,
 Мен жібердім, ғазиз Марал.
 Өзім өлсем, әруак тірі,
 Бір ғаріпке назарың сал», –
 Деп бата берді Жаланаяқ.
 Толғаннан соң кәмалатқа,
 40 мың әруак қосып берді.
 Ие бол, деп аманатқа,
 Кереметті көк асаны,
 Ілініше жаман атқа.

Киелі «Көк аса» Марал бабадан баласы Елібай ишанға, онан Үндемес ишанға, онан Жүнісхан ишанға, Жүнісханнан баласы Темірханға мұра болып қалған [7, 25–26-бб.].

2001 ж. Ш.Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бөлім меңгерушісі, этнограф, т.ғ.д. С.Е. Әжіғалимен бірге Қостанай облысы Әуликөл ауданы Мамырқөл ауылында тұратын Үндемесов Темірхан Жүнісханұлының үйінде сақтаулы тұрған «көк асаны» барып көріп, өлшемдерін алып, суретке түсірген едік. Сапалы болат темірден соғылған «көк асаның» ұзындығы 70 см, жалпақтығы 5 см, ұш жағы 3 см. Қатты ағашпен жұмырланып қапталған сабының ұзындығы 10 см.

Осындай бір «көк аса» Ақтөбе облысы Қобда ауданы Жиренқопа ауылында ел аузындағы аңызда Пақыржан шайхтан пір Бекет Мырзағұлұлына, онан оның шәкірті Шектібай Оразайұлына беріліп, Шектібайдың алтыншы ұрпағы Накеш Тұрсынғали Латыпұлының үйінде сақтаулы тұр. Ұзындығы 125 см болатын «көк аса» XVI–XVII ғғ. сапалы болаттан төрт қырлы болып соғылып, екі жерден ілмек үшін шығыршық орнатылған. Қолға ұстайтын ұзындығы 12 см балдағының жоғары жағы 16 мм, төменгі жағы 12 мм цилиндр тәрізді жұмыр етіп жасалып, басы дөңгеленіп бітсе, балдақтың төменгі жағы баланың алақанындай жалпайта соғылып, 950 жоғары пробалы күмістен ені 3 мм жыланбас өрнек екі жағына салынған. Жыланбас өрнектердің бетінде арнаулы үлкейткіш лупамен ғана көруге болатын сызықтар сызылған. Күміс өрнектерді кейбір зерттеушілер «Әліф Лам Мим» және «Таһа» деген арабша сөздер, ал сызықтар – көне әбжәдтық әліпбидегі тілдік және қисаптық мағынаны беретін сөздер деп есептейді. [8, 10–20-бб.].

Қасиетті Құран Кәрімнің екінші Бақара сүресінің бірінші аятында «Әліф Лам Мим» (1), [7, 2 б.] деген жазу болса, жиырмасыншы Таһа сүресінің аяттарында мынадай жазбалар бар: «Әй, Мұса! Оң қолыңдағы не нәрсе?» (17) (Мұса Ғ. С.): «Ол таяғым. Оған таянамын. Онымен қойларыма жапырақ қағып беремін, әрі онда басқа да істерім бар» деді (18). «Әй, Мұса! Оны таста!», – деді. (19) Оны тастады. Сонда ол, жылан болып жүрді (20). «Оны ұста, қорықпа! Оны әуелгі халына қайтарамыз» деді (21). «Қолыңды қойныңа тық. Аппақ ақаусыз басқа бір мұғжиза болып шықсын» (22). Саған ірі мұғжизаларымызды көрсету үшін деді». Сикыршыларын жинап келген Перғауын: «Әй, Мұса! Енді (асаңды) не сен таста немесе біз бұрын тастайық» деді (65) (Мұса Ғ. С.): «Жоқ, сендер тастандар» деді. Сол сәтте, олардың (тастаған) жіптері мен таяқтары сикырларының салдарынан, Мұсаға (Ғ. С.) жүрген жылан болып сезілді (66). Сондықтан Мұса (Ғ. С.) көңілінде бір қобалжу сезді (67). «Қорықпа! Сен үстем боласың» деді (68). «Оң қолыңдағыны (таяқты) таста! Олардың жасағандарын жалмасын. Шынында олардың жасағандары, сикыршының ғана айласы. Сикыршы қайда барса да құтылмайды» деді (69). Сонда бүкіл сикыршылар, сәждеге жығылып: «Мұса мен Һарұнның Раббына иман келтірдік» деді [7, 313–316-бб.].

Біздіңше, киелі «көк асалардың» құпияларын түсінемін деген адам Ислам философиясын дамытуға орасан зор еңбек үлес қосқан түркі-ислам ойшылы Әбу Насыр әл-Фараби мен одан 180 жыл шамасы кейін өмір сүрген Бағдаттың ұлы ғалымы, сопылық философияны дамытқан Әбухамит Әл-Ғазалидің, сопылық философияны жоғары деңгейге көтерген Қожа Ахмет Яссауидің, оның шәкірті Сүлеймен Бақырғани мен жолын қуған ізбасарларының бірі – Мұхаммад Шафоатұлының (Пақыржан) сопылық дүниетанымымен танысқаны жөн.

Әл-Фараби мен әл-Ғазалидің еңбектерін салыстыра келіп XIX ғ. өмір сүрген татар халқының ғұлама ғалымы, Л. Толстойдың сыйлас досы болған, Шигабуддин Маржани: «Бұл екеуі де ғылымда, адамдық жолына, ғадалатқа, шындық іздеуде біріне-бірі ұқсас, бірін бірі толықтыратын ғұлама. Екеуі де бағыттары басқа бола тұрса да ұлы ұстаздар, Әл-Ғазалидің Әл-Фарабиге тым қатаң сөздер айтуы, оның адамдық басына емес, философия атына деп білу керек. Бірақ, философияны сынап, оған қарсы бола отырып Әл-Ғазалидің өзі сол философияға зор қызмет көрсетті. Әл-Фараби мен Әл-Ғазалидің іздегені бір шындық, оған екеуі екі жолмен келіп тоғысады», – деп түйіндейді [8а, 89–90-бб.].

Шариғаттан тариқатқа кірген мүритті ақиқатқа жетелеуші ұстаз арабша «шайх», парсыша «пір» деп аталады. Бұл сөздердің тікелей тәржімасы (аудармасы) кәрі, жасы келіп қалған адам деген мағына береді. Ата сөзі сопылық дүниетанымда «шайх» пен «пірдің» орнын басатын, ақиқатқа жетелеуші рухани ұстаз. Парсы тілінде жазылған «Санглах» атты түсіндірме сөздікте бұған мынадай анықтама берген: «Ата» сөзінің үш түрлі мағынасы бар. Бірінші, әкені айтады, екінші, сопылық және захидтік жолдағы машайықтың ерекше атауы, үшінші, атау сөзінің бұйрық райы. Тариқат жолында ұстаз бен шәкірттің, пір мен мүриттің арасында толық түсінік пайда болмайынша, Хақты іздеуші ақиқатқа жете алмайды [11, 260–261-бб.].

Сопылық терминологияда «фақр» нәпсіден құтылып, «фана-фи-Аллахқа» ұласуды білдіреді. «Шайх» – нәпсіден арылған, хақта бақи болған әулие – хақтың досы. Тәліптерге жол көрсетуші, оларды тәрбиелеуші сопылық дүниетанымды, жолды айналасындағыларға үйрететін нағыз зиялы, кемел адам. «Суфи» – көңілі таза, ешкімге тәуелді емес, өзі де ешнәрсеге ие емес, нәпсінің құлы емес, сырттай халықпен, іштей хақпен бірге болатын, адамның сырын оқи білетін Хаққа ұласқан адам [11, 488, 499-бб.]. Қожа Ахмет Яссауи ілімінде кемел адам – шариғат, тариқат, мағрифат және хақиқатта кемелдікке жеткен адам. Яғни, кемел адам парасатты сөз, парасатты іс, парасатты ахлақ (философия) және таным тұрғысынан толық адам деген сөз. Осы төрт нәрсені өз рухында сомдаған адам нағыз кемел адам.

Осы тұрғыдан алғанда ел аузындағы аңызда ұстазы Жам тауындағы Жалаңаяқ ишаннан Марал ишан Құрманұлының киелі «көк асаны» шәкірттік жолмен қабылдап алуы – ұстаз бен шәкірт арасындағы, пір мен мүрит арасындағы толық түсіністік, шәкіртін ақиқатқа жетелеуші рухани ұстаздың нағыз зиялы, кемел адамның ізбасарын табуы деп түсінеміз.

Мұхаммед (с.ғ.с.) Пайғамбарымыз бір хадисінде: «Шариғат – сөздерім, тариқат – істерім, ал хақиқат – халдерім» десе, Қожа Ахмет Яссауи бабамыз «Фақрнама» атты еңбегінде шариғаттың, тариқаттың, мағрифаттың және хақиқаттың мақамдары туралы айта келіп, былай дейді: «Жол бастаушы тұлғалар мен көсемдерді үш топқа бөлуге болады. Шариғат көсемдері – ғұламалар мен қағандар (падишахтар); тариқат көсемдері – шайхтар (пірлер) мен сопылар; хақиқат көсемдері – арифтер мен әрқашан Хақтың жанынан табылатын шайхтар».

Егер ғұламалар мен қағандар шариғаттың принциптеріне бағынса және өзгелердің де осы жолдан адаспауына жарлық беретін болса, онда олар ешқашан тура жолдан азбайды. Олардың соңынан ерген қауым, бұйрықтарды орындаушылар да шариғат бағытынан азбайды. Егер осы шарт орындалмаса, олар шариғат жолынан азады.

Шайхтар мен сопылар риязат¹ тартып, мужахада² шегіп, көңіл әлемін ашып³ жетпіс мақамнан⁴ өтіп, ғайып әлемі⁵ әруақтармен, періштелермен сұхбат ететін болса, ондай шайхтар мен сопылар тариқат жолынан азбайды. Мұндай ұлыларға ергендер де тариқат жолынан азбайды. Егер осы шарт орындалмаса, өздері де тариқат жолынан азады, сонымен қатар сондарынан ергендерді де аздырады.

Хаққа жақын болған құлдар – шайхтар мен әулиелер (арифтер, даналар) де шынайы «ма сиуа Аллахтан»⁶ бас тартып, сырлардан сырларға ұласып, мұраттарына жетіп, хақиқаттың жолынан азбайды. Егер осы шарт орындалмаса, хақиқат жолынан азып, мұрат-мақсаттарына жете алмайды.

Суфи Мұхаммед Данышмент былай дейді: «Қандай шайх болмасын, жетпіс мақамнан өтпей тұрып, шайхтық немесе көсемдікке ұмтылып таласса, бұрыс жолда деген сөз. Оларға ерген мүриттері мен серіктерінің барлық күнәлары сол жалған шайхтардың мойнына жүктеледі». [11, 181–187-бб.].

Біздіңше, Бекет ата Мырзағұлұлы, оның шәкірті Шектібай Оразайұлы және Марал ишан Құрманұлы сияқты қалың жұрт әулие тұтқан адамдар жоғарыда аталған тариқат көсемдері деуге негіз бар. Ол кісілер туралы ел аузындағы аңыздар мен қолға түскен тарихи деректер осыған меңзейді.

Соңғы жылдары аталған әулиелер туралы ауызша аңыз-деректер мен ішінара тарихи-архивтік деректер баспасөз бетінде де, жинақ кітаптарда да жарияланып жүр. Алайда, олардың ұстазы Пақыржанның, Жам

¹ *риязат* – тәрбиелеу, арылту, мойындату. Суфилер аз жеу, аз ұйықтау, аз сөйлеу мен жалғыздыққа, терең ойлауға үйренген жанның арылатынына сенеді. Нәпсісін тәрбиелеу үшін өзін қиын да ауыр істерге зорлайды. Азап шегу, шілдеханна орындау, жолға шығу, қылуға түсу риязат түрлерінен есептеледі.

² *мужахада* – күресу, соғысу мағыналары. Сопылықта Ең ұлы (жихад) соғыс нәпсіге қарсы күрес болып табылады.

³ *көңіл әлемі* – көңіл парсыша діл, ождан, құдайлық әсердің объектісі. Көңілді таза ұстау, көңіл әлемін ашуды меңгеру – сопы, әулиелердің негізгі мақсаты

⁴ *жетпіс мақам* – жетпіс мақам көптік мағынаны білдіреді. Шариғатта он, тариқатта он, мағрифатта он, хақиқатта он мақамның бар екені белгілі. Әрбір салиқ (құл) Аллаға ұласу жолында әртүрлі мақамдарға ұласуы мүмкін.

⁵ *ғайып әлемі* – Алланың әлемі көп. Он сегіз мың ғаламның бәрі де ғайып әлемі. Оның мәнін Алладан басқалар білмейді.

⁶ *«ма сиуа Аллах»* – Тәңірден басқа барлық нәрсе». Сопылықта, көңілде Тәңірден басқасы болмау керек.

тауындағы Жалаңаяқ ишанның кім екендігі, мешіт-медреселерде олармен бірге оқыған шәкірт-мүриттер туралы, қандай діни-философиялық бағытты ұстанғандығы туралы тарихи-ғылыми зерттеулер жоқтың қасы. Олай болса, тәуелсіз Қазақ елі тарихшы-философ ғалымдарының аталған әулиелерге қатысты тарихи-ғылыми зерттеулерді қолға алып, жолға қоятын мезгілі жетті деп ойлаймыз. [12, 75–91-бб.].

Қорыта келгенде, киелі «көк асаларды» сопылық ілімнің бірегей жәдігерлері есебінде тарихи-мәдени, діни-философиялық құндылығы жағынан қазақ халқының ғана емес, иісі адамзаттың рухани ортақ мұрасы деп танып, жас ұрпаққа, қарапайым жұртшылыққа ғылыми-танымдық тұрғыдан насихатталғаны ләзім.

Әдебиеттер және деректер

1. Фрезер Дж. Дж. «Золотая ветвь». Исследование магии и религии. М., 1998.
2. Бекназаров Р.А. Қазақ халқының дәстүрлі тас қашау өнері. Алматы, 2005.
3. Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских навершии // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Под ред. Б.А. Литвинского. М., 1981.
4. Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.
5. Ажигали С. Е. Суфийство Ахмеда Ясави и его «Диван Хикмат» // Отан тарихы. Алматы, 2000. № 1.
6. Смагулов Е. А. Отчет по теме «Архитектурно-археологические изыскания для мавзолея Абат-Байтак в Актюбинской области» // Научно-проектная документация. Мавзолей Абат-Байтак. Т. 1, Кн. 1. Алматы, 2004.
7. Бүркітбайұлы С. Марал ишанның нұр шапағаты. Қостанай. 1998.
8. Құран Кәрім. Қазақша мағына және түсінігі аударған Халифа Алтай. Сауд Арабия, 1990.
- 8а Машанов А. Әл-Фараби және Абай. Алматы, 1994.
9. Накеш Т. Л. Қасиетті «Көк аса». Ақтөбе, 2010.
10. Нұртайұлы С. Дін кереметі. Алматы, 1997.
11. Нысанбай Ә., Кенжетай Д. Қазақ халқының философиялық мұрасы. Астана, 2005.
12. Өтеулі Ә.Ж. Қасиетті Марал ишан. Қызылорда, 2005.

ЭТНОГРАФИЯ КАЗАХОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В ТРУДАХ С.Е. ТОЛЫБЕКОВА

Орынбаева Г.У.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

Важным источником для этнографического исследования казахов-кочевников является труд С.Е.Толыбекова (1907–1995) «Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв. Политико-экономический анализ» (1971). Автор этого весьма авторитетного в научной среде фундаментального труда сам в юности являлся непосредственным участником перекочевков и хозяйственной деятельности кочевников-казахов рода шомекей (шөмекей). В книге так и указывается, что для написания главы автор использовал не только литературные и другие источники, но и собственные знания о хозяйстве и жизни кочевых аулов Казалинского и смежных с ним уездов [1, с. 497]. Хотим подчеркнуть, что этот выдающийся ученый и общественный деятель имеет непосредственное отношение к Арало-Каспийскому региону как выходец из этой культурно-географической зоны и работы его, в основном, описывают хозяйство, жизнь и быт казахов именно этого региона.

Этнографические сведения, имеющиеся в «Кочевом обществе казахов», весьма обширны и разнообразны. Их можно подразделить на следующие, между собой тесно взаимосвязанные, темы: кочевое скотоводство как основной вид производственной деятельности казахов; работы по уходу за скотом, которые С.Е. Толыбеков описывает посезонно; народная ветеринария; продукты питания у казахов; обычаи и традиции; устное народное творчество и др. В настоящей статье будут рассмотрены лишь отдельные моменты из всего богатого этнографического наследия автора.

Основным видом деятельности у казахов в рассматриваемый период было кочевое скотоводство. Основной зоной распространения кочевничества С.Е. Толыбеков называет юг, юго-запад, юго-восток и центральную часть Казахстана. Эти обширные пространства представляли собой пустыни, полупустыни и

полюнные степи с солонцевато-глинистой почвой. Автор пишет также, что к этой зоне относились полуостров Мангышлак, плато Устюрт, часть степей Прикаспийской низменности, Мугоджарские горы, пески Улы и Киши Барсукумы, Приаральские Каракумы, степи Тургайской столовой страны, пустыня Бетпакадала, пески Мойынкум, Кзылкум и т.д.

Характерным для такого типа хозяйства было почти круглогодичное кочевание населения. В литературе начала XX в. таких кочевых скотоводов называли «вечными кочевниками» или «кошпелинцами» (от казахских слов: «көш» – кочевка, «көшпелі» – кочующие). «Кошпелинцами» в преобладающем большинстве были большие родоплеменные группы: адай, табын, шекты, шомекей, тама и др. По подсчетам автора, в дореволюционном Казахстане они составляли население около 130 волостей, или 0,8–1 млн. душ, т.е. около 25 % всего населения, включая казахов Туркестанского края. При этом он замечает, что когда в книге речь идет о кочевом, полукочевом и оседлом районе, то имеется в виду преобладание в них того или иного типа хозяйства. Эти различные типы хозяйств, как утверждает автор, параллельно существовали не только в пределах казахских степей и полупустынь, но и почти в каждой области и даже уезде дореволюционного Казахстана. Примерами могут служить Атбасарский, Акмолинский, Казалинский, Иргизский, Темирский и др. уезды, указывает он. По мнению ученого, у казахов настоящее оседлое хозяйство начало формироваться лишь после присоединения казахских жузов к России.

Вопрос о существовании «чистых» или «вечных» кочевников, круглогодично кочующих, является дискуссионным в современной исторической науке Казахстана. Так, известный археолог К.М. Байпаков, утверждает, что не было периода «чистого номадизма» и массового перехода от кочевничества к оседлости, как не было повсеместного перехода к кочевничеству в период эпохи поздней бронзы и раннего железа. Оседлость и земледелие в Жетысу, продолжает исследователь, сосуществовали со скотоводством и кочевничеством в тех либо иных соотношениях и в эпоху бронзы, и в эпоху раннего железа, и затем в эпоху средневековья и нового времени. Ни саки, ни усунь, ни гунны не были «чистыми кочевниками». Это можно отнести и к древним тюркам, тюркешам, карлукам, кыпчакам, огузам и к казахам, утверждает К.М. Байпаков и ссылается при этом на А.Н. Бернштама, С.П. Толстова, А.Х. Маргулана, Б.Е. Кумекова [2].

По мнению другого известного исследователя, этнографа и археолога С.Е. Ажигали, основное население Казахстана, возможно не менее 80 % его общей численности, в течение XVIII – начала XIX вв. по-прежнему представляло собой «чистых кочевников» (көшпелі). Изучая на протяжении многих лет поселения казахов-кочевников Арало-Каспия, исследователь пришел к выводу, что до середины XIX в. для казахов этого региона оставался характерным кочевой образ жизни не только в теплый период времени, но и в холодный. В зимний период скотоводы проживали в утепленных юртах, периодически сменяя стоянки (қон). Исследователь подчеркивает, что мнение о раннем появлении у казахов-скотоводов стационарных сезонных, а тем более, круглогодичных оседлых поселений, следует считать ошибочным. Оно является, прежде всего, следствием экстраполяции выводов археологов и этнографов, основанных на материалах исследований маргинальной зоны Южного Казахстана, а также своеобразной культурно-экологической ниши Жетысу на регионы Сарыарки и Арало-Каспия, существенно отличающимся по своим природно-климатическим характеристикам. Также автор говорит, что в средневековую эпоху с ее непрерывными катаклизмами отсутствовали базовые условия для развития как временно-оседлых, так и оседлых поселений на основной территории страны [3, с. 68]. Таким образом, С.Е. Ажигали дополнительными аргументами поддерживает теорию С.Е. Толыбекова о существовании «чистых» кочевников, а также возникновения перелома в экономической жизни Казахской степи в середине XIX в.

Другой же исследователь, Н.Э. Масанов, высоко оценивая вклад С.Е. Толыбекова в науку, в то же время критикует его за необоснованное, по его мнению, утверждение о том, что связи с присоединением Казахстана к России началось оседание кочевников [4, с. 225].

Однако, известный политический деятель начала XX в., а также ученый А.Н. Букейханов, описывая хозяйственную деятельность современных ему казахов, также констатирует факт распространения среди них земледелия и оседлости. Он пишет, что бывшее, чисто пастушеское хозяйство киргиза, постепенно уступает место смешанному земледельческо-пастушескому типу; это наблюдается, по крайней мере, в тех местностях, где естественные и исторические условия, а также экономическая конъюнктура оказались благоприятными для развития земледелия. По данным А.Н. Букейханова, например, в Актюбинском уезде в начале XX в. было 77 % хозяйств, сеющих хлеб; 2,8 десятины посева приходилось в среднем на одно хозяйство; 6,16 десятины посева приходилось на каждое сеющее хозяйство. При этом в Каркаралинском уезде земледелием занимались всего 11,7 % хозяйств, и на каждое приходилось в среднем 0,8 десятины посева [5]. То есть, сведения, которые нам

дает А.Н. Букейханов, созвучны утверждениям С.Е. Тольбекова о существовании у казахов круглогодичного кочевого образа жизни и постепенной трансформации его в оседлый.

Кочевое скотоводство являлось сложным и трудоемким процессом. По описанию С.Е. Тольбекова, кочевать это значит почти ежедневно разбирать и собирать юрты, навьючивать и развьючивать верблюдов, очищать место для ночлега на «коне», чтобы установить разборно-переносный открытый загон для скота (койкора, түйеко́ра), которые обязательно делали ранней весной и в осенне-зимний период. Кроме того, в жаркое время года в безводных местах надо было рыть новые колодцы или исправлять и очищать старые, чтобы напоить скот. При кочевом скотоводстве применялось значительное количество специфичных орудий труда, все виды рабочего скота, которые использовались для кочевок, пастбы и охраны скота. Также в процессе кочевания для рытья колодцев и организации водопоя использовался разнообразный инвентарь в виде кетменей, железных лопат, железных и кожаных ведер (көнек) с длинными деревянными ручками или толстой веревкой, применявшихся для выбрасывания земли, выливания грязи и черпания воды. Если колодец был глубже 7–8 м, то делали блок с рычагом (шарык), который приводила в движение лошадь или верблюд [1, с. 523].

Общеизвестно, что главным мерилем богатства у казаха-кочевника был скот, основной же целью хозяйственной деятельности казахской семьи было наращивание количества скота. Поэтому немаловажное значение придавалось работам, связанным с ожиданием приплода. По сведениям С.Е. Тольбекова, чтобы приурочить появление молодняка к концу марта – началу апреля, т.е. к моменту наступления тепла, надо было предотвратить преждевременную случку овец. С этой целью к самцам-баранам и козлам в первых числах июля подвязывали под брюхо специальное приспособление «куйек», которое снимали накануне случной кампании. Куйек имел прямоугольную форму, его делали из кошмы, которую складывали в два-три слоя и обшивали шерстяным шпагатом. В результате получалось довольно прочное изделие, как пишет Тольбеков, которое использовали минимум два-три года [1, с. 558].

В дополнение к сведениям автора «Кочевого общества казахов» о хлопотах скотоводов по появлению в срок молодняка, а значит будущего богатства кочевника, можно привести этнографические описания А.Н. Букейханова. По данным этого исследователя, склонность к случке у овец наблюдается с появлением на горизонте Плеяд – «Уркер» в 1-й половине июня на момент, когда они уже успевают поправиться. Казахи производили отбор среди молодых баранов 2–3 месячного возраста более крупных особей, а остальных подвергали кастрации, в основном бескровным методом прерывания семенного канатика. А.Н. Букейханов пишет, что *қошқар* – баран-производитель должен иметь высокие, крепкие ноги, ровный, склонный к утучению корпус, развитой «курдюк», густую длинную шерсть масти *боз* (серый) либо *қоңыр* (коричневый), развитые рога, горбатый нос [5, с. 144].

У казахов даже существовал обряд, связанный со снятием «куйека». Его описывает также А.Н. Букейханов. Он состоял в том, что в назначенный благоприятный день (*сәтті күн*) – вечером, по приходе стада в аул, один из сыновей хозяина приводил «кошкара» в юрту, где хозяйка встречала его ритуалом «шашу» – т.е., приговаривая *«мың бол»* – «возродись тысячей», рассыпала горстями «кұрт», подбираемый собравшимися в юрте взрослыми и детьми, и дав «кошкару» поесть соли, риса, когда имеется – сахара или пшеницы, и отвязав «куйек», пускала в стадо. А.Н. Букейханов приводит сведения А.И. Добросмыслова о том, что прилинейные казахи, «когда в стаде много самок и мало самцов, подкармливают последних перед спариванием небольшими дачами проса» [5, с. 148].

С.Е. Тольбеков приводит интересные описания, и даже способы приготовления продуктов питания, произведенных из молока. Овечье, козье и верблюжье молоко, по его утверждению, существенно преобладали в рационе широких слоев казахского населения в весенне-летний сезон. Примечательно, говорит далее Тольбеков, что казахи его никогда не употребляли в сыром виде, а приготавливали различные пищевые продукты, которые автор перечисляет: *сусызсүт, сапырмасүт, айран, қатық, койртпақ, ірімшік, сарысу, құрт, сүзбе, сарымай, шубат*, а из кобыльего молока широко популярный среди казахов целебный напиток – *қымыз*. «Познакомимся с приготовлением некоторых из них», – пишет автор, предоставляя нам возможность узнать способы приготовления различных продуктов из молока. Например, он описывает, как получали казахи «сапырмасүт»: котел со свежим цельным молоком ставили на огонь, в него добавляли немного айрана (полстакана на ведро) и, постоянно помешивая поварешкой, доводили молоко до кипения, держали на огне не более пяти минут и затем снимали, в результате получалось несколько гущенное молоко с весьма приятным вкусом [1, с. 549].

Также с большой любовью С.Е. Тольбеков описывает моменты, связанные с духовной жизнью казахского народа. Он при этом постоянно указывает на ее связь с хозяйственной деятельностью казахов-скотоводов.

Например, он пишет, что в жизни кочевого казаха огромное значение имела лошадь, поэтому казахи-скотоводы ее очень ценили. Если казахи замечали что-либо красивое, поэтическое и благородное в жизни и хотели его образно выразить, то обычно сравнивали с лучшими лошадьми. Например, остроумных и находчивых людей, народных поэтов и певцов они называли скакунами и иноходцами. Во многих казахских песнях говорилось о лошади. Она служила для оценки достоинства мужчины и женщины, для характеристики внешнего облика человека. Свои детские годы и отрочество люди сравнивали с шаловливой игрой жеребят. Это объяснялось тем, что с лошадью тесно связана вся жизнь казаха: она была его постоянным спутником во время кочевания, на ней приезжали на празднества, к своим возлюбленным, ехали на войну и охоту, она являлась одним из основных средств производства кочевого скотоводства. Количество лошадей у каждого хозяина было показателем его богатства и высокого общественного положения [1, с. 537].

С.Е. Толыбеков, как уже было сказано, очень часто говорит о влиянии кочевого скотоводства на языковую культуру и, в целом, на менталитет казахов. Например, Толыбеков дает объяснения происхождению слова *тоқал*. Как известно, так казахи называли младшую жену. Он выводит его от выражения *тоқал ешкі*, то есть безрогая коза, так как младшие жены обычно были бесприданницами, происходили из бедных семей и имели более низкий статус по сравнению со старшей женой – *бәйбіше*.

С.Е. Толыбеков не раз указывает на особые представления о красоте у казахов, о чем также упоминалось выше. В качестве примера он приводит казахский эпос «Кыз-Жибек», в котором походка главной героини Жибек описывается красивой, как у трехгодовалого барана.

Подобные сведения из трудов С.Е. Толыбекова используют современные казахстанские культурологи, исследующие представления о женской красоте в сознании нынешних казахов. Например, то, что красоту женщины казахи сравнивали «с солнцем, луной, звездой, озером», с разными птицами и с убегающей лисицей; красивые глаза девушек воспевали, сравнивая их с глазами верблюжонка или с глазами козленка, сайгака. Ссылаясь также на труды Толыбекова, исследователь Ж. Каскабасова пишет, что казах-кочевник поэтизировал и воспевал красоту бескрайнего простора своей родной степи, покрытой весной ковром эфемерной зелени и цветов; он наслаждался все оживляющими лучами весеннего солнца, теплым ветерком и пением жаворонков в безмолвной тишине. Весна и лето для степных жителей – олицетворение всего приятного и красивого, радовавшего их душу [6].

Ж. Каскабасова приводит интересные данные о результатах своих научных изысканий. В частности, ею выявлено, что, современные мужчины-казахи по сравнению с представителями других национальностей при подборе сравнений женской красоте чаще выбирают либо явления природы, либо эпитеты, связанные с животным миром. Исследователями определялись ассоциативные реакции и стереотипы, существующие в языковом сознании носителей казахской культуры. Например, белый лебедь у казахского народа всегда ассоциировался с красотой, чистотой, верностью. Также понятия «весна», «луна» и «ветерок» продолжают оставаться типичными объектами, с которыми сравнивается красота женщины. Автор-культуролог пишет, что данные реакции несут в себе общее понятие кочевого миропонимания, мироощущения, кочевого образа жизни, несмотря на то, что современные казахи уже не кочевники и ведут оседлый образ жизни.

С.Е. Толыбеков с сочувствием описывает нелегкий труд кочевых казахов, занятых как выпасом скота, так и работами по уходу за ним, а также в домашнем хозяйстве, опровергая при этом представления о кочевом образе жизни как идиллии. Вот как он описывает казахских пастухов: «Все пастухи ходили летом не только босыми, но и почти голыми. На них были надеты старые штаны с разноцветными заплатами, а шекпен служил лишь для прикрытия головы от горячих лучей солнца или сильного дождя. Тело было загорелое, темное, пальцы и подошвы ног задушены, часто с большими трещинами, иногда превращавшимися в раны. На потрескавшихся от ветра и солнца губах всегда выступала кровь. В самые знойные месяцы они никогда не досыпали. Изнурительный, однообразный тяжелый труд отуплял пастухов, почти всегда изолированных от людей и общественной жизни» [1, с. 588].

При этом он пишет, что, несмотря на очень тяжелые условия труда и быта, в основном пастухи были творцами многих протяжно грустных, глубоко лирических и даже радостных и бодрых казахских народных песен. В их песнях говорилось о трудной жизни, тоске и одиночестве, горячей любви к родителям, семье, детям, о светлой надежде на счастливую жизнь.

Таким образом, труды замечательного ученого – историка, экономиста и этнографа С.Е. Толыбекова, и, в особенности, «Кочевое общество казахов в XVII – начале XX вв.», являются важным источником по этнографии традиционного казахского общества, содержат огромное количество ценных сведений по хозяйству, жизни и быту кочевников-казахов.

Литература

1. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.
2. Байпаков К.М. Оседлость, земледелие и городская жизнь у саков и усуней Жетысу (VII до н.э. – IV в. н. э.) // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Алматы, 2007.
3. Ажигали С.Е. Эпоха культурно-исторического перелома в казахской степи: середина XIX в. // Труды Центрального музея. Алматы, 2004.
4. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы–Москва, 1995.
5. Букейханов А.Н. Казахи: историко-этнографические труды. Астана, 2007.
6. Каскабасова Ж. Женская красота как стереотип в языковом сознании представителей разных этнокультур // Гендерные исследования, гендерная политика и женское движение в странах Центральной Азии: попытка диагноза. Алматы, 2005.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАЗАХСКОГО НАРОДА НА ТЕРРИТОРИЮ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ (2-я ПОЛОВИНА XIX В.)

Полванов Н.Т.

Национальный университет Узбекистана, Ташкент

Постоянный процесс переезда населения с одного государства в другое называется эмиграцией, а участвующие в нем люди называются эмигрантами [1, с. 565]. Основным приоритет миграции – это распределение трудовых ресурсов среди регионов, республик, городов и деревень и изменение количества, структуры населения. Сложению многонационального состава республики также способствует постоянный процесс переезда людей с одного места на другое, это также влияет на миграцию. И вместе с этим он прямо влияет и на демографические процессы [2, с. 31]. На эти процессы непосредственно влияют изменения состояния в экономической, социальной, политической и природной сферах. Во второй половине XIX в. на территории нашей страны произошли большие изменения в общественно-политической жизни. Точнее, Российская империя захватила страны Средней Азии [3, с. 17]. Наряду с ними было завоевано Хивинское ханство [4, с. 27–120]. Оно было превращено в протекторат Российской империи в 1873–1920 гг.

В данной статье мы намерены исследовать историю казахского населения, проживавшего на территории Хивинского ханства во второй половине XIX века. Архив Хивинского ханства и другие письменные рукописные источники тех времен показывают, что и Хивинское ханство и Хорезмская Народная Советская Республика не вели точный отчет количества кочевывавшего населения.

Следовательно, в исследованиях по истории Хорезма конца XIX – начала XX в. имеются различные данные, на основе которых можно привести примерные цифры. Поэтому опираясь на труды В. Гиршфельда и М.Н. Галкина [5, с. 111–114], В. Лобачевского [6, с. 66], и на книгу «Материалы районирования Средней Азии» [7; 8, с. 63], можно утверждать, что земельная площадь Хивинского ханства составляла 62237,2 кв. км и общее количество населения примерно 400 000–900 000 человек [9, с. 14; 10; 11, с. 10]. Даже в архивных документах по данному региону встречается разного рода информация о количестве населения Хорезма [12, с. 4; 13, с. 26; 14, с. 5; 15, с. 97]. Его можно извлечь из накопленных материалов Хивинского ханства 1910 г. при переписи населения. По этим данным в ханстве проживало примерно 1 200 000 человек [16].

Основную часть хивинского ханства представляли узбеки, а также кроме находящихся под ханским покровительством оседлые и кочевые туркмены, казахи, каракалпаки, и в небольшом количестве арабы, персы, татары, русские и другие народы [8, с. 90; 21; 26].

Произведение придворного историка и поэта Агахи (1809–1874) «Шахид ал-икбал» является первоисточником по освещению истории Хивинского ханства 1864–1871 гг. В данном произведении приведены множество фактов, связанные с миграцией народов и родов Хивинского ханства.

В ряду таких примеров можно привести сведения о туркменах и казахах, живших на территории России и Ирана, их переселение на территорию Хивинского ханства, внутренняя миграция народов из-за политических и природных изменений, и особенно информация о родах казахов, кочевывавших с одного места на другое.

По причине того, что на территории ханства всегда существовала проблема воды и засухи, населению часто приходилось кочевать с одного места на другое. По данным Агахи в начале 60-х годов XIX в. народностям, проживавшим в районе Кухна Урганча, пришлось переехать на Ходжейли из-за нехватки воды. Хивинский правитель Мухаммад Рахим-хан II (1864–1910) для того, чтобы исправить эту ситуацию, своим специальным чиновникам приказал очистить арыки на Ходжайли и вокруг него, и на территории Кухна Урганч, провести каналы и выпустить через них воду. Это способствовало тому, что перекочевавший народ вернулся обратно в родные места [17, с. 226].

В 1839–1840 гг. неудачное нападение Перовского на Хивинское ханство, в 1847 г. принадлежавшая ханству крепость Райим была завоевана Россией. Затем был построен Казалинский форт, в 1853 г. была захвачена крепость Акмачит, принадлежавшая Кокандскому ханству, построен форт Перовского. Все это усложнило состояние проживания тюркских народов и особенно казахов, проживавших на берегах Сырдарьи и Арала. По данным Агахи казахи летом проживали на берегах Волги и Урала, а зимой спокойно жили на территории Хорезма [17, с. 227]. Изначально казахи были подвергнуты разбойничеству туркмен, и они переехали на север, но там их состояние оказалось еще хуже. В этот период со стороны Российского правительства происходило давление на роды и племена, жившие в казахских степях. И народ не захотел остаться в притеснении и их старшины несколько раз обращаются к хивинскому хану по вопросу перехода под покровительства Хивинского ханства. В 1868 г. Мухаммад Рахим-хан II, чтобы решить этот вопрос, обеспечивает безопасность переезда казахов под надзором своей армии [17, с. 225–226].

В 1870 г. старшины казахов из Дашти-Кипчака Авазберган бий и Джанибек бий приехали в Хиву и попросили разрешение перевести казахов на территорию Хорезма, и если Российские войска будут противиться, то помочь им преодолеть их. Мухаммад Рахим-хан II отправил свои войска во главе Махмуд Нийаз Ясавулбаши, Худайназар, Махрам, Худойназар диванбеги, Мухаммад Карим в Дашти-Кипчак для переезда казахов. Подчиненные выполняют приказ и со спокойствием помогают переехать казахскому населению на территории ханства – на берега Аральского моря [17, с. 227–235; 18].

На территории ханства проживало примерно 17 610 казахов. Они жили на северо-востоке ханства, в основном на южных берегах Арала, а точнее в Кунгирате, Ходжайли, Мангите, Кипчаке, Гурлане, Кухна Ургенче, Ташхавузе и в основном занимались скотоводством [19, с. 10–170]. Так же их можно было встретить в отдельных группах в других территориях ханства. К примеру: на берегах Амударьи, возле деревни Питнак и других местах.

В этот период, несмотря на то, что земледелие занимало одно из главных мест в жизни казахов, их основная часть все же проводила жизнь кочеванием. Из 3522 домов казахов 1578 [5, с. 195] были кочевниками, и они составляли половину казахского населения Хивинского ханства. Использование и овладение землями казахами на территории Хивинского ханства немного отличались от других народов. Казахам земли, в основном, были выделены по нижнему течению реки Амударьи. Вследствие изменения русла реки им приходилось постоянно менять место земледелия и переезжать на другие места. Такое состояние оказало отрицательное влияние на развитие сельского хозяйства среди казахов. Это привело к тому, что развитие сельского хозяйства среди казахского населения шло очень медленными темпами и затрудняло процесс перехода казахов от кочевого скотоводства на земледельческую культуру. Кроме этого, сохранение традиции деления на роды среди казахов препятствовало развитию частной собственности на землю. Исходя из этого, можно отметить, что социально-экономические и климатические условия отрицательно повлияли и замедлили развитие процесса овладения казахами земельными площадями.

Делая вывод можно отметить, что наравне с другими народами Приаралья казахский народ активно участвовал в исторических процессах, происходящих в регионе. Образ жизни казахов данного региона был как оседлым, так и кочевым. Изучение миграции народов является актуальным вопросом и способствует изучению истории народов, помогает понять особенности современных процессов, происходящих в жизни данного народа.

Литература и источники

1. Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси. 1-жилд. Тошкент: ЎзМЭ. Тошкент, 2000.
2. Бобожонова Д. Ўзбекистонда демографик жараёнлар ва уларнинг хусусиятлари. Тошкент, 1995.
3. Зияев Х. Туркистонда Россия тажовузи ва хукмронлигига қарши кураш. Тошкент: Шарқ, 1998.
4. Қўшжонов О., Полвонов Н. Хоразмдаги ижтимоий-сиёсий жараёнлар ва ҳаракатлар. Тошкент: «Abu matbuot-konsalt» МЧЖ, 2007.

5. Гиршфельд В., Галкин М.Н. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Часть II. Ташкент, 1903.
6. Лобачевский В. Хивинский район. Ташкент, 1912.
7. Средно-азиатский экономический район. Сборник. Ташкент, 1922.
8. Территория и население Бухары и Хорезма. Ташкент, 1926
9. История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. М., 1971.
10. Косбергенов Р. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. Т. III. М., 1958.
11. Каландаров Н. Образование и деятельность Хорезмской коммунистической партии. Ташкент, 1975.
12. ЦГА РУз. Ф. 69, оп.1, д. 7.
13. ЦГА РУз. Ф. И-125, оп.1, д. 528.
14. ЦГА РУз. Ф. 69, оп.1, д. 73.
15. ЦГА РУз. Ф. Р-1, оп.1, д. 8.
16. ЦГА РУз. Ф. И-125, оп.1, д. 526, 528, 528а, 529, 537.
17. Мухаммад Ризо Эрнийезбек ўғли Огахий. Шохиду-л-икбол (Иқбол шаҳодати). Нашрга тайёрловчи Н.Шодмонов. Тошкент: Мухаррир, 2009.
18. Ўзбекистоннинг янги тарихи. Туркистон чор Россияси мустамлакачилиги даврида. Тошкент: Шарк, 2000.
19. ЦГА РУз. Фонд И-125, оп. 1, д. 527.

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (НАЧАЛО XXI В.)

Попова Л.Ф.

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

В течение трех полевых сезонов (2006, 2007, 2009 гг.) автором совместно с сотрудником МАЭ РАН (Кунсткамера) И.В. Стасевич велись полевые исследования среди казахского населения Актюбинской области (Айтекебийский, Иргизский, Хобдинский, Хромтауский, Челкарский районы). Основной задачей экспедиций являлось изучение современных этнических процессов, в том числе динамики форм материальной культуры казахов, с учетом взаимодействия в этом процессе традиционной составляющей и разного рода новаций. При выявлении этнических особенностей казахского женского костюма полевые материалы показали, что ювелирные украшения являются его важной составной частью, которая ярче всего сохраняет преемственность с традиционными формами костюма к XIX – началу XX вв. Как предметы с высоким семиотическим статусом украшения закономерно играют заметную роль и в других сферах казахской культуры: нормативной, брачно-семейной, обрядовой.

Сбор этнографических фактов по данной теме происходил с использованием методов включенного наблюдения и целенаправленного интервьюирования, проводилась фотофиксация материалов. Наиболее весомый объем информации был получен у женщин среднего и старшего возрастов, имеющих богатый жизненный опыт. У большинства из них имелась своя коллекция украшений, в которой отразилась как история жизни владелицы, так и, в рамках ее индивидуального опыта, история бытования данной категории предметов. Несомненно, что для получения более глубоких результатов по изучаемому вопросу было бы желательно изучить практику ювелиров–*зергеров*, однако, к сожалению, встретить таких мастеров нам не удалось, поскольку в селах Актюбинской области производство украшений кустарным способом, по-видимому, полностью прекращено.

В ходе полевой работы фиксировались как бытуемые виды женских украшений, так и те, которые хранятся у населения в качестве семейных реликвий. В настоящее время наиболее популярны серьги, украшения для рук (кольца и браслеты), а также застежки для безрукавок. Значительно реже в обиходе используются наконечники украшений, которые воспринимаются как архаичное явление, уходящее в прошлое в связи с изменением женской прически. Как элемент праздничного костюма встречаются традиционные гигиенические наборы, включающие ухочистку, зубочистку, лопаточку для ухода за ногтями, а также декоративные элементы. Эти наборы украшают бархатную безрукавку и прикрепляются с левой стороны на груди, однако по большей части эта категория украшений также перешла в разряд памятных вещей. В единичных экземплярах нами

были встречены мужские и женские пояса, а также их металлические части – пряжки и накладки, имеющие историко-культурную ценность как замечательные образцы казахского ювелирного искусства.

Серьги. Преобладающим видом серег в обследованных районах Актюбинской области являются золотые серьги фабричного изготовления, имеющие замок в виде крючка и петли, пластинчатую или дротовую верхушку подковообразной формы. Носят такие серьги, называемые обычно *ай сырға*, женщины средней и старшей возрастных групп, имеющие высокий семейный статус как хозяйки дома. Традиционно серьги не являлись ведущей категорией казахских украшений, возможно, в силу того, что головной убор *кимешек* в форме глухого капюшона не способствовал развитию этого компонента в системе украшений женщины. Не случайно, что и в музейных собраниях казахские серьги представлены небольшим числом экземпляров. Лишь однажды нами была обнаружена старинная серьга, напоминающая по форме *ай сырға*, изготовленная из серебра и имеющая гравированный орнамент. Подобные серьги являлись ранее принадлежностью девичьего костюма.

Кольца. Кольца являются излюбленным видом украшений, их носят по несколько на разных пальцах обеих рук. Вероятно, в этом находит продолжение общемусульманская традиция, в основе которой лежит устойчивое представление о ритуальной чистоте рук, украшенных кольцами. Кольца разных типов имели на изучаемой территории широкое распространение, о чем свидетельствует значительное количество сохранившихся старинных экземпляров. Доминирующим типом колец является общеказахский тип *құс мұрын* с пластинчатой шинкой и каплевидным щитком. Интересно, что зафиксированные кольца *құс мұрын* изготовлены с помощью самых разнообразных технологических приемов: литья, штамповки, чеканки, иногда в сочетании со сканью и зернью. Женщины предпочитают носить такое кольцо на безымянном пальце. Следует заметить, что еще сохраняются традиционные представления о правилах ношения колец. Так, несколько информантов сообщили о запрете носить кольцо на среднем пальце, поскольку в противном случае это может привести к смерти отца или матери.

Распространенный тип колец представляют изделия с округлым щитком-кастом, имеющим вставку из сердолика, закрепленную загнутыми зубчиками бортика. Такая форма находит аналоги в изделиях татарских ювелиров [1, с. 118], уже в первой половине XIX в. определявших моду на те или иные украшения в казахских степях, особенно на Западе. Об устойчивости бытования данного типа колец на территории Актюбинской области свидетельствует альбом этнографических акварельных рисунков художника В.А. Плотникова, запечатлевшего в 1859–1860-х гг. феномены бытовой культуры казахов рода джагалбайлы (кол. РЭМ № 8764–17146).

В упомянутом альбоме на листе с изображением украшений также представлен перстень «геометрического стиля» с массивным овальным щитком. В настоящее время такие изделия, представляющие большой историко-культурный и художественный интерес, продолжают бытовать, составляя наиболее ценный и престижный вид колец. Обычно перстни имеют вставку из сердолика, но это может быть и стекло на подложке красного цвета. На поверхности вставки крестообразно располагаются металлические накладки-полоски с пирамидкой зерни в центре. Накладки могут представлять собой также треугольники из зерни. Изделия «геометрического стиля» имеют локальное распространение, являясь характерным признаком западного территориального комплекса казахской культуры. Фиксация украшений этого стиля на территории обследованных районов позволяет документировать ареал их распространения в целях определения границ историко-культурных районов на территории Казахстана. Крупные серебряные перстни с сердоликом были встречены нами и у казахов Соль-Илецкого района Оренбургской области, многие из которых происходят из рода *табын* племенного объединения *жетіру* и по генеалогии являются родственниками казахов Хобдинского района. Облик материальной культуры этой группы позволяет говорить о чертах ее общности с традициями Арало-Каспийского региона.

В большом количестве на территории области встречаются кольца, шинка которых имеет значительное расширение в виде ромба, в центре которого расположен орнамент в виде четырех спиральных завитков с полусферой в середине. Изготовлены кольца в технике штамповки из металлического сплава, не содержащего серебра. Многие женщины имеют по несколько штук таких колец, что говорит об интенсивном бытовании данного варианта. Со слов информантки из с. Карабаз Хромтауского района, центр их производства находился на территории Орской области, где проживал старый мастер-зергер, специализировавшийся на этом виде изделий. Сын его унаследовал профессию отца, но секретом изготовления таких колец не овладел. Женщина знает об этом, поскольку происходит родом из тех же мест.

Оригинальным типом колец являются кольца-наперстки, круглый щиток которых имеет точечные

углубления для упора игольного ушка. Подобные наперстки известны в тюркском мире, в частности, весьма широко они бытовали у кыргызов.

В ограниченном количестве встречаются кольца лаконичного дизайна с маленьким щитком различных геометрических форм. Такие кольца характерны для культуры казахов Среднего жуза и, по всей видимости, «мигрировали» на запад вместе с приданным или как результат дарообмена.

Браслеты. Наряду с кольцами браслеты считаются многими женщинами обязательным видом украшений. В этом проявляется преемственность традиции, особенно если учесть, что наиболее предпочтительны именно старинные виды браслетов. Среди них высоко ценятся парные литые браслеты из серебра, шириной около 5 см, имеющие фестончатые наконечники. Ведущим орнаментальным мотивом этих браслетов является экспрессивная вихревая розетка с завитками, направленными против часовой стрелки. На отдельных экземплярах розетка имеет завитки разной конфигурации, что усиливает декоративный эффект. Интересным художественным решением в дизайне браслетов данного типа являются ажурные пояски из проволочных завитков, а также ажурная центральная розетка. Нередко литые браслеты имеют гравированные надписи благожелательного содержания, выполненные арабской графикой. В целом эти изделия можно характеризовать как элитные с точки зрения качества ювелирной работы и их художественного уровня. Несомненно, что они созданы в русле стилистических традиций тюркетики Арало-Каспийского региона, для которой характерны массивные формы изделий, лаконичный дизайн, гармоничные пропорции частей.

Другую разновидность парных литых серебряных браслетов, более редкую на территории исследованных районов, представляют ажурные разомкнутые браслеты с прямыми наконечниками. На центральном треугольном выступе переднего края имеется ушко для цепочки с кольцами (эти элементы уже не сохранились). Центральный орнаментальный мотив этого вида украшений – вписанная в круг X-образная фигурка, лучи которой, как при письме, загнуты дугой. Этот мотив типичен для орнаментального фонда Западного Казахстана, поэтому представляется, что этот вид браслетов изготавливался местными мастерами. Однако в различных изданиях [2] он аннотируется как южноказахский, что требует уточнения и аргументации.

Широкое распространение в настоящее время имеют тонкие пластинчатые штампованные браслеты с гравированным и чеканным орнаментом. Более ранние образцы изготовлены из серебра, они часто имеют замок со шплинтом, поздние – из белого металла или из латуни, без замка. В этой группе имеются варианты, определяемые характером декора. Классическим для Западного Казахстана можно считать вариант, который отличают припаянные круглые касты с сердоликовыми вставками, на поверхности которых, как у перстней, крестообразно расположены полоски с пирамидкой зерни в средокрестье. В целом для этой группы характерен орнамент в виде извилистого побега с асимметричными экспрессивными трилистниками или двулистниками, фон для которых обязательно проработан кольцевым пуансоном. Такой тип орнамента имеет широчайшее распространение в регионе Средней Азии и Казахстана.

Изредка можно встретить браслеты 1970-х гг., изготовленные на алматинской экспериментальной фабрике в традиционной стилистике. Интересно, что художники фабрики для формирования образа национальных украшений опирались именно на западноказахстанскую традицию.

Застежки для безрукавок. В настоящее время безрукавка из бархата или плюша составляет практически обязательный предмет костюма женщин старших возрастных групп. По традиции этот вид одежды имеет двухчастную ювелирную застежку *қапсырма*, иногда даже две или три. В казахском костюме кроеная приталенная одежда и ее аксессуары, в том числе застежки, появилась под воздействием татарской культуры, но казахские мастера смогли выработать самобытные формы *қапсырма* в соответствии с локальным стилем ювелирных изделий. Ярким примером в этом отношении являются *қапсырма* «геометрического стиля». Один из лучших увиденных нами экземпляров был продемонстрирован жительницей г. Шалкара. Застежка с частями полукруглой формы изготовлена из серебра в технике штамповки с элементами басменного тиснения, имеет замок-шплинт, на поверхности сердоликовой вставки расположена классическая для Западного Казахстана S-образная филигранная накладка. По нижнему краю *қапсырма* напаяны шесть ушек для подвесок, которые утрачены.

Большую группу составляют серебряные литые и – реже – штампованные застежки небольшого размера с замком типа «канавка-валик» или «петля-крючок». Зафиксированные экземпляры демонстрируют разнообразие художественных решений. По-видимому, именно западноказахстанской является миндалевидная форма с орнаментом в виде трех соединенных спиральных завитков с шариком ложной зерни в центре каждого. Интересен вариант с чертами «звериного» стиля: каждая часть застежки состоит из пары экспрессивных завитков, между которыми острием вниз расположена треугольная фигурка с орнаментом «елочка». Очень

широко распространены *қапсырма* из белого металлического сплава, имеющие миндалевидную форму с миндалевидным же орнаментом. По всей видимости, они были произведены в большом количестве в третьей четверти XX в., когда ювелирам-кустарям было запрещено работать с драгоценными металлами. В настоящее время застежки массового производства можно купить на вещевых рынках. Однако очевидно, что предпочтение отдается оригинальным образцам ручной работы.

Накосные украшения. Эту категорию женских украшений еще можно отнести к разряду бытующих. Некоторые пожилые женщины, которые имеют прическу из двух кос, надевают их на свадебный *той* или другие торжества. Обычно *шолпы* северной части Актыубинской области состоит из двух довольно массивных цепочек, на нижних концах которых расположены крупные монетные бляшки. Верхний конец цепочек вплетается в косы.

Оригинальный вариант накосного украшения был зафиксирован нами в с. Карабутак. Он представляет собой сложную подвеску из соединенных друг с другом двух медальонов (овального и круглого) с сердоликовыми вставками и двух штампованных бляшек в виде пары когтей хищной птицы. По нижнему краю указанных элементов на цепочках расположены штампованные ромбовидные подвески. Украшение представляет собой редкий по конструкции экземпляр работы западноказахстанских ювелиров, в котором нашли отражение художественные элементы, характерные для тореvтики Арало-Каспийского региона, такие как, например, мотив парных когтей.

Пояса. Мужские и женские пояса уже давно не используются по прямому назначению, но бережно сохраняются как семейные реликвии. В процессе знакомства с домашними коллекциями нами были зафиксированы четыре вида поясов. Наиболее эффектны старинные пояса из однотонного бархата с литой серебряной пряжкой и накладками на скобах. Наиболее высокий уровень ювелирной работы отличает пряжки, декорированные сердоликовыми или стеклянными вставками, тончайшей сканью и мелкой зернью, шарики которой помещены в изящные гнезда из проволочных спиралек.

Пояса второго вида изготовлены из двустороннего бархата с рисунком, на их концах закреплена двухчастная пряжка, а по поверхности расположены накладки на шпеньках. Такие пояса известны уже в первой половине XIX в. Под названием *децмент* они запечатлены в альбоме В.А. Плотникова (кол. РЭМ № 8764–17150).

Особенность поясов третьего вида составляет кожаная основа и литая пряжка с крючком наружу, как у старинных казахских поясов *кісе*. Крючок вдевается исподнизу в отверстие на другом конце пояса.

Четвертый вид поясов составлял принадлежность девичьего костюма – это узкая полоска кожи, на которой густо закреплены штампованные накладки.

Оценивая роль ювелирных украшений в современной казахской культуре, можно утверждать, что она значительна и многопланова. В постсоветское время, на волне подъема национального самосознания возросла роль старинных вещей как символов этнической культуры. Этническая идентичность молодых людей во многом формируется с опорой на традиционное наследие, в том числе произведения декоративно-прикладного искусства, несущие сильнейший эмоционально-эстетический заряд. В этой связи не случайно, что в новой столице Казахстана Астане образ ювелирных изделий «геометрического стиля» использован для формирования облика городской среды.

Представляя ценность как материального, так и духовного свойства, украшения опосредуют отношения между людьми. В семье они могут выступать символическим средством связи поколений, о чем заботится старшая женщина семьи. Как правило, именно она хранит и распоряжается украшениями, рассказывает их историю, назначает для них наследников. Старшая женщина в конце жизни дарит свои самые ценные украшения старшей снохе или старшей дочери, то есть той, которая со временем займет ее место в доме. Существует поверье, что украшения, переданные снохе собственноручно свекровью, станут для нее оберегом.

Знаковая природа украшений делает их важным атрибутом ритуальной практики. Так, в детской обрядности украшения фигурируют в сорокадненьье *шілде* в воду для купания младенца кладут кольца матери, которые впоследствии раздают участницам ритуала. Здесь очевидна роль украшений как очистительного и благопожелательного начала. В цикле свадебных церемоний украшения активно выступают в отношениях дарообмена. После помолвки сторона жениха дарит невесте серьги, что является знаком нового положения девушки. Серьги ей обычно надевает будущая свекровь. Когда жених вновь приезжает в дом невесты для совершения обряда *қыз ұзату* (проводы невесты), то он привозит в числе прочих подарков также и украшения. Прежде всего, это серьги для матери невесты, которые по обычаю являются символической

платой «за материнское молоко». Другим родственницам невесты обычно дарят кольца, цепочки, кулоны. Иногда эти украшения пришивают к мешочку *қоржын*, в котором находятся другие дары. В поминальной обрядности существует практика раздачи украшений умершей на 7 день после ее похорон. Как сообщают информанты, по достижении определенного возраста пожилая женщина начинает собирать украшения для данного обрядового действия. Считается, что полученные на поминках украшения наполнены положительной энергией и могут опосредовать заступничество умершего, ставшего «*аруахом*» (*аруак*). Такие украшения кладут под подушку при недуге, иногда прикладывают к больному месту. В этом отношении интересен пример, зафиксированный в с. Кызылсу (Джангельды), когда родственники из разных семей разделили на небольшие фрагменты старинную кольчугу, принадлежавшую общему предку-батыру, считая эти кусочки целительными. В повседневной магической практике украшения часто служат оберегом, что особенно актуально для детей. В этом качестве используют булавку с бусинами, цепочку, брошку и т.п.

Интересны случаи использования украшений в качестве «ключа» для входа в пространство иного. Так, например, нами был зафиксирован вариант целительской практики в с. Карабутак, когда *емші* при проведении своего сеанса надевала парные литые браслеты, объясняя это необходимостью для успешного результата в ясновидении или лечении. Отмечена ситуация, когда жительница с. Акколь 1924 г.р. при осуществлении намаза специально надела старинные вещи – свой лучший перстень и традиционный головной убор *кимешек*. Возможно, что эти предметы в ее сознании связаны с понятием о благочестии.

В городской среде, где фактор моды более значим, старинные украшения приобрели популярность, особенно у женщин интеллигентных профессий, как стильные аксессуары, говорящие о хорошем вкусе их владелицы.

В то же время нельзя не отметить культурной значимости работ современных казахских ювелиров, творчество которых достойно специального обстоятельного анализа. Ведущие этнографические музеи Российской Федерации – РЭМ и Кунсткамера – приобрели для своего собрания коллекцию современных изделий, в которых традиционные формы и мотивы получили интересную авторскую трактовку.

В постсоветский период возрос интерес к традиционным украшениям и как к предмету престижного коллекционирования. Большую актуальность приобрела проблема пополнения собраний как городских, так и сельских музеев, поскольку пласт старинных предметов неумолимо сокращается.

В заключение заметим, что данная тема требует дальнейшего развития, поскольку в ходе полевых исследований еще можно обнаружить оригинальные, порой не известные науке формы украшений, установить авторство изделий, расширить представления об особенностях их бытования.

Литература

1. Сулова С.В. Женские украшения казанских татар. М., 1980.
2. Мультимедиа: Старинные ювелирные изделия Казахстана. «RGB-studio», Алматы. 2004.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТА СВЯТЫХ У КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (РФ) И АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (РК)

Стасевич И.В.

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург*

Настоящая статья является продолжением уже начатой автором темы по изучению современных форм почитания предков в культуре казахов [1, с. 33–37] и основывается на материалах нескольких полевых сезонов. Этнографические исследования проводились на территории Соль-Илецкого района Оренбургской области (Россия) и Хобдинского района Актыбинской области (Республика Казахстан). Изучение культурных особенностей локальных групп казахского населения, компактно проживающего в районах по обе стороны государственной границы Российской Федерации и Республики Казахстан, позволило исследовать традицию поклонения *святым-предкам* в сравнительном отношении.

Напомню, что региональной особенностью культа святых в Западном Казахстане является почитание именно святых-предков (основателей родственных групп, известных *биев*, *батыров*, целителей), а не вообще

мусульманских святых. Однако, это не исключает того, что местные жители отождествляют имена местных святых с мусульманскими святыми, а сама практика почитания мест захоронения святых основывается на общемусульманской традиции, характерной для центральноазиатского региона. Как показали полевые исследования, практика почитания святых-предков у казахов Оренбургской области с незначительными вариациями укладывается в рамки западноказахстанской традиции.

В качестве примера рассмотрим обычай почитания могилы *Боран әулие*, расположенной в нескольких десятках километров от г. Соль-Илецка. Эта святыня достаточно известна и посещается не только российскими казахами, но и казахстанскими. По словам информантов, *Боран әулие* был известным целителем, жил в этих местах в XIX (по мнению некоторых информантов в XVIII) веке. В настоящее время на могиле святого стоит каменный памятник, поставленный на средства мусульман г. Соль-Илецка, рядом, прислоненные к ограде, находятся два фрагмента старых, расколовшихся *кулпытасов*. По мнению информантов, дух святого обладает целительной силой, излечивает от «любых болезней». Обязательным действием при посещении могилы святого считается прочтение молитвы. Если человек не знает Коран, то просит съездить с ним на могилу к *әулие* муллу или знающего текст молитв родственника, соседа. Желающим излечиться необходимо принести жертву духу святого (скот режут в нескольких метрах от могилы) и переночевать на могиле (ночуют прямо в ограде). По словам информантов, если *әулие* принимает молитву и жертву, то является во сне к больному и дает совет как излечиться от болезни. В качестве приношений используют и *ақтық* – платок, кусок ткани с завязанными в нем деньгами. Большинство информантов считает, что могилу святого могут посещать как мужчины, так и женщины, некоторые из опрошенных настаивали на том, что женщины могут ночевать на могиле только в сопровождении мужчин – мужа, отца, старшего брата.

Показательно, что несколько информантов утвердительно отозвались о возможности посещения «мусульманского святого места» и русскими, христианами. Они не видят религиозного противоречия в подобной практике, что, по-видимому, объясняется многолетним совместным проживанием русского и казахского населения.

Несмотря на то, что имя святого хорошо известно и у населения бытует масса текстов о деяниях *Боран әулие*, о его целительных способностях, о случаях излечения больных, обратившихся к нему за помощью, нам не удалось выяснить его родовую принадлежность. Однако, это не мешает местному населению говорить о том, что *Боран әулие* является их «предком-заступником». На территории Казахстана, наоборот, зафиксированные нами тексты, связанные с захоронением того или иного святого, часто содержат сведения, пусть и легендарного характера, о его родовой принадлежности, о его прижизненных деяниях (местночтимая святыня – могила святого *Соғалы*, в ауле Сугала, святыня общенационального уровня – могила *Кобыланды батыра*, в ауле Жиренкопа). Несомненно, подобная ситуация объясняется значительно большим интересом казахстанских казахов к своей родословной, по сравнению с российскими, и их стремлением включить в свою родовую систему личность почитаемого святого, который, в этом случае, уже воспринимается не просто как предок всех казахов, а как предок, связанный с историей определенной родовой группы.

Могилы всех святых, по мнению информантов, обладают целительными качествами, а души святых причисляются к «*аруахам*». Приходится еще раз отметить двойственный характер самого понятия *аруақ* – с одной стороны оно используется как обобщенный образ всех умерших, с другой стороны подчеркивает особый статус покойного. Такая путаница в терминологии не позволяет четко провести границы между культом умерших – почитанием памяти всех умерших предков и культом святых-предков, обладающих в представлениях носителей традиции определенными добродетельными качествами, которые и позволяют выделить личности этих предков из общего ряда всех умерших родственников. Исходя из наших материалов, *аруақ* – это дух умершего, обладающего особым статусом, благодаря которому он и является заступником для всех живых перед Богом. Основная функция *аруақа* – помощь живым сородичам. Его прижизненный статус складывается из оценки его праведных деяний, а посмертный – зависит от силы помощи, оказываемой им живым потомкам. В категорию *аруақов* не входят умершие дети, молодые люди, самоубийцы, то есть те, кто умер по представлению носителей традиции, «неправильной, несвоевременной» смертью. Ряд информантов признавал что *аруақ*, по сути, является синонимом *әулие*.

Как показали наши исследования, термин *мазар* в настоящее время не используется казахами исследованных областей для обозначения святого места, а применяется для обозначения надгробного памятника на месте захоронения святого, а форма *мазарка* – употребляется как синоним кладбища.

Исходя из полученных материалов, можно выделить основные моменты ритуала посещения святого места, имеющего распространение среди казахского населения исследованных районов в настоящее время: предварительное омовение (лучше уже дома прочитать молитву); по приезде на святое место необходимо прочитать молитву; привязать *ақтық*; круговой обход святыни по солнцу необязателен, достаточно просто прикоснуться к ней, а затем провести руками по лицу; обязательным условием остается жертвоприношение – в некотором удалении от могилы или почитаемого природного объекта режут скот, здесь же готовят жертвенную пищу, устраивают трапезу (*садақа*); если поездка совершается с целью исцеления больного, желательна ночевка на этом месте самого нуждающегося в помощи либо просящего за него человека.

Нам не удалось зафиксировать отличия в практике поклонения святым местам мужчин и женщин. Единственное отличие – характер просьб святому о помощи. Женщины обычно просят о здоровье, психологическом и эмоциональном благополучии семьи, мужчины, кроме просьб о здоровье, обращаются к святым с просьбами о поддержке в карьере, о материальном благополучии семьи.

Культовые святынь-предков находят отражение и в почитании предметов, по словам верующих, принадлежащих святым людям, основателям рода, выдающимся членам семьи. Такие предметы наделяются чудодейственными свойствами, способными исцелять болезни, отводить сглаз. Часто это – фрагмент одежды (кольчуги, головного убора), который используется в обрядах домашнего целительства, родовой котел, музыкальный инструмент известного *ақына*, инструменты ювелира, кузнеца, Коран, принадлежавший выдающемуся члену семьи, обладавшему каким-либо праведным даром. Такие реликвии, по мнению верующих, обладают частицей силы (*қасиет*) их прошлых хозяев.

Приведем показательный пример из нашей полевой практики. В семье директора мемориального комплекса Кобыланды батыра – Турсунгали Накешева – хранится суфийский посох шейха (*коғаса*), принадлежавший, по словам Накешева, почитаемому в Казахстане суфию, святому *Бекет әулие* из рода адай, жившему на рубеже XVIII-XIX веков. Посох хранится в отдельной комнате и почитается не только членами семьи. Часто в дом Накешева приходят паломники, большей частью, из рода адай. Семья хранит легенду об испытании *Бекета* и получении им *коғаса*. По этой легенде, прадед Накешева Шектыбай принял этот посох от *Бекета* в 1813 г. пройдя испытание на звание шейха. *Коғаса* попал в семью Накешева от его дяди-суфия, который в 1937 г. был арестован, но успел передать его родственникам. С тех пор эта реликвия хранится в семье Накешева. Глава семьи уверен, что именно пребывание здесь, в ауле Жиренкопа, посоха святого и повлияло на возрождение памяти о Кобыланды батыре – мемориальный комплекс был отстроен в последние годы и стал местом поклонения общенационального уровня. Кроме того, местные жители считают Накешева лидером религиозной общины, обращаются к нему за советом, за получением благословения. Несомненно, что религиозный и социальный статус Накешева подкрепляется не только его принадлежностью к роду *Бекет әулие*, но и родственными связями с последователями *Бекета*, а также тем, что он является хранителем реликвии – посоха *Бекета*, в котором сосредоточена сила, благодать знаменитого предка.

Нужно отметить, что обоснование родственных уз с тем или иным *әулие*, известным *ақыном*, батыром, целителем может иметь легендарный характер. Но конструирование подобных генеалогических моделей, еще раз подчеркивает важность осознания для казахов таких родственных связей.

Общение между человеком и *аруақами* проходит по универсальной схеме: люди обращаются к духам с мольбой, посвящая им жертвоприношение, в ответ получают благословение и поддержку. В казахской культуре жертвоприношения духам предков совершаются не только во время погребально-поминальных мероприятий, но и по всякому значительному поводу, будь то радостное событие или горе. Жертвенная трапеза сопровождается вербальным обращением к духу предка – молитвой, а иногда и письменным посланием – на могилах святых паломники оставляют записки с просьбами о помощи или с благодарностью за уже оказанную поддержку [2, с.199–203].

Отметим еще один немаловажный аспект. Для современных казахов почитание памяти святых – предков остается не просто распространенной, а часто основополагающей религиозной практикой. Многие из опрошенных нами подчеркивали, что, принимая устои ислама, считают практику почитания предков и посещения святых мест, связанных с их памятью, основной обязанностью «настоящего казаха-мусульманина». При этом информанты все, как один, подчеркивают свое понимание специфики казахского ислама и его отличие от «классического» варианта. Главным аргументом в защиту данной позиции оказывается авторитет предков: «так делали наши деды, так нас учили, нам их обычай держать надо» (*ПМА*). В источниках конца XIX–начала XX вв.

содержатся сведения, иллюстрирующие специфику передачи религиозного знания среди казахов: «...ни разу не случилось слышать от киргиз, чтобы они ребят своих учили правилам религии – правила эти передаются более практически: дети видят, что делают отцы, сами делают тоже, и таким путем обряд религии переходит из поколения в поколение» [3, с. 171]. Видимо, традиция следования обычаям своих предков в отправлении религиозных культов сохраняет свое значение и до настоящего времени, оказываясь для современных казахов более значимой по сравнению с нормами «классического» ислама. Для традиционного сознания связь между прошлым поколением (*аруақ*), старшими представителями рода (*ақсақал*) и будущим поколением (*ұрпақ*) воспринималась и воспринимается как нерушимая и бесконечная цепочка смены родственников. Именно поэтому благополучие живых зависит от благословения предков, от их помощи и заступничества, а благополучие и покой душ мертвых – от памяти потомков, от соблюдения живыми предписанных традицией правил в отношениях с умершими предками. Эта взаимозависимость была и остается определяющим фактором в динамике подобных отношений.

Обычай почитания памяти предков может быть отнесен к устойчивым религиозно-мировоззренческим стереотипам, продолжающим активно функционировать и в современной жизни. Данная традиция, несомненно, является одной из важнейших характеристик казахской культуры и во многом определяет содержание различных обрядов. Если говорить о культурных стереотипах, то именно уважение к старшему поколению и почитание памяти умерших предков являются основополагающими при формировании ценностных ориентиров как традиционного, так и современного казахского общества. Жизнестойкость этих традиций объясняется спецификой социальной организации общества и значительной ролью кровнородственных уз в казахской культуре.

Литература

1. Стасевич И.В. Традиция почитания умерших в традиционной и современной культуре казахов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009.
2. Тасмагамбет Г.С. Некоторые аспекты поклонения святым у казахов (по материалам культово-жилищного комплекса Шерлигул // Материалы международной научной конференции «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». Актобе, 2006.
3. Заметка о религии киргизов // Религиозные верования и обряды казахов. Астана., 2007.

ТҮЙЕ – ТӨРТ ТҮЛІК ТӨРЕСІ

Тоқтабай А.У.

БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты, Алматы

*«Арқаға барсаң жылқышымын деме,
Жетісуға барсаң қойшымын деме,
Үшқиянға барсаң түйекешіпін деме»
(халық даналығы)*

Қазақтың көшпенді мал шаруашылығында көш пен жүк көлігі ретінде ұстаған төрт түлігінің бірі бұл – түйе. Түйенің жаратылысы жөнінде қазақ даласында мынандай аңыз бар:

«Ертеректе түйені жарату дүние мен жан-жануарларды жаратушыны ойында болмаған екен. Даланы мекен еткен көшпенділер Жаратушыдан біздің қиын өмірімізді жеңілдететін ешбір түлік жоқ. Бізге жүгімізді көтеретін көш көлігі керек, – деп сұрайды. Жаратушы оларға барлық жан-жануарлардың қалдықтарынан құрастырып жаңа түлік-түйені жаратыпты мыс» [1, с. 30; 2, с.221]. Шындығында да аңызға сүйеніп, түйе болмысына назар аударсақ, оның мойны мен өркеші (нардың) аққуға, басы қойға, аяқтары бұғыға, жүйріктігі жылқыға, күші өгізге ұқсайды.

Түйені өзге түліктерден қасиетті санаған халқымыз «Түйе түлік төресі», «Малдың ұлығы» – деген. Сондай ақ «Түйелі бай – дүниелі бай», «Түйе байлық – жылқы сәндік» деп мақалына қосқан. «Жылқы маған бер

десе, түйе менен ал дейді» – деп оның қасиеті мен ерекшелігін айқандата түседі. Түйені қазақтар «*қара жердің қайығы*» деп төзімділігіне қарай айтса, қазақ жерінде болған көптеген зерттеушілердің бірі поляк Б. Залесский, қазақтың маң даласын теңізге, түйесін кемеге ал түйе үстіндегі қазақты теңізшіге теңесе [3, 14-б.], Н. Уралов болса түйені «*шөл кемесі*» атаған [4, с. 7].

Қазақтар түйе түлігінің екі түрін – айыр өркешті түйе мен нарды ежелден ақ өсіріп келеді. Ғылыми түрде қос өркешті таза қандысын – бактриан, нардың таза қандысын – дромадер деп атайды. [5, 46-б.]. Қос өркешті түйе Қазақстанның барлық территорияларында, әсіресе Солтүстік жартысында көбірек кездесе, ал айыр өркешті түйемен қоса жалғыз өркешті нар тұқымы Оңтүстікте басым. Маңғыстау мен Жем, Сырдария мандарында нар мен айыр өркешті түйе арасынан шыққан будандар көбірек. Қазақстанның территорияларында түйе түлігінің бұлай таралуы табиғи – климаттық ерекшелігіне байланысты.

Қос өркешті, бір жасқа толған түйе салмағы 500–600 кг, жылына 5–6 кг жүн, 2 кг шуда береді, мініске қолайлы жүйрікте, жүрдек, жүкке төзімді, күшті, артқанда 250 кг. жүк көтереді. Ұзақ жолдарда сусыз, жем-жөпсіз жүре беруге төзімді, жұмысқа өте қолайлы мал. Өркештері тіп-тік қарағайдай, әрі қомдығы қомақты түйені семіз түйе дейді. Екі өркеші бірдей тік болса да солқылдақ, бір өркеші тік болса да екінші өркеші жапырық түйені орташа семіз, екі өркеші бірдей жапырық болса қоңсыз, екі өркеші жапырық, құймышағы мен қабырғасы ыржиып тұрса арық түйе делінеді.

Барлық мал баққан қазақтың салты «осы түлігім өссе» – деп ата малын ерекше таңдап, бураға айырықша мән береді. Екі өркеші тік, екі қоңы үлкен, өсімтал сом денелі, маңдайы жазық, мұрны енкіш, дөнгелек үлкен көзді, артқы екі аяғының тірсегі жуан, табандары қалың, өнімі мол, үлкен інгенен қыстың суық күндері туған күрең қызыл, немесе күрең тайлақтан таңдап қояды да:

Екі өркешің баладай,

Сом биік денелі

Табының толған үйірлі,

Дөнгелек қоңыр, қой көзді

Шудаң қою жүнді болсың, – деп бата береді (ПМА)

Бураны таңдап қойғанда ең әуелі мінез-құлқы, өні, дене құрылысын абайлаған жөн. Көз қарасы баяу, шөлкес емес, өні қара күрең, қызыл сұры жақсы. Дене құрылысы жағынан бұлшық еті шымыр, табаны жалпақ, кеудесі кең, биік, сирағы аласа, өркеші қосылмаған болу керек, өркеші қосылған бураның ботасы зор болып туғанмен, ондай бота өсіп үлкейгеннен кейін мініс көлікке жақсы болмайды. Сондай-ақ жүні жақсы түйені бура қойса, тұқымына тартып жүні мол болады. Түйе – 3-ші, 7-ші ай арасында қонданады, жаздың аяғы мен күзде майланады. Майлану кезінде түйені айдап қатты қуу, үркітіп-қорқытуға болмайды. Түйенің майлыланып семіздігі шырлануы 10-шы 11-ші айда болады, сөйтіп әбден ет алады.

Түйенің құмалағы тоң болса да, жерден өткен сыздай тоңдырмайды. Түйенің дене жылылығына тобарсыған, өзінің құмалағының үстіне жатса, құрғақ көннен кем түспейді. Түйені кешке және таң ертең жатар орыннан алыс сизізеді, себебі жатар орны құрғақ болу керек. Бірнеше күн ерінбей ерте тұрып түйені тұрғызып үйретсе түйе өзінен өзі дағдыланады. Қыста аса суық кезде түйені ерте өргізсе, қырау шөп жеп, ішінен қарып жүдетеді, мұнымен қатар табаны жарылады, суарамын деп бота-тайлақты алысқа жіберсе, табаны жарылады және семіздік қоңынан айырылып жүдейді. Арық кәрі түйені моңғолдар (қалқалар – *A.T.*) қыстан аман шығару үшін жылқы етін, жылқы етінің сорпасын қойжуа мен жусанды қайнатып ішкізіп, опырма тақта шайды қою қайнатып құмшекер салып ішкізіп қомдандырған, өте-мөте арық түйеге қымыз немесе күшті қышқыл ішкізсе, атап айтқанда көк күйінде тораңғыны теріп алып жапырағының нілін шығарып ішкізсе тез тыңаяды. Ши түйеге қолайлылығы жағынан сексеуілден кем түспейтін өсімдіктің бірі қою бітік өскен ши ішінде бота аяқтандыруға жақсы және ондай жерде боталаған інген тышқакқа ұрынбайды. Түйеге қай мезгілде де жұмсақ топырақты, ойпат, қышқыл өсімдікті, ащылығы сортаңды жер қолайлы. Кейбір адамдар түйеге үнемі ащы жер шөбін ғана жейді деп ұғады. Бұл сынаржақ ұғым. Жазғытұрым ақжусан, үкіаяқ, қарабұта, селеу, ақкылтан қатарлы өсімдіктер түйеге жұғымды.

Түйе жүнін 3 рет алады. 3-ші айда алғаш рет шуда, тізе жүнін 4-ші айда 2 рет, қарын, дене жүнін 5-ші айдың соңы мен 6-шы айдың басында қалған жүнін алады. Бұлайша кезектеп алса ауа райының өзгеруіне байланысты түйенің қондылығын сақтауға, жүн ысыраптамауға жақсы.

Кейбір адам түйені суды аз ішетін жануар дейді, негізінде түйедей сушыл жануар сирек. Күніне 50–60 литр су ішеді әсіресе ақкылтан, түнке, ермен жеген түйе суды көп ішеді. Түйе қаншама көп су іссе, соншама көп шөп жейді, ішкен суына қарап жеген шөбі де сіңіп, жүні өседі.

Өріс-жайылымы сәйкеспесе інген ботасынан шықпай боздайды, өріске бір кетсе қораға жуырда келмейді.

Інгенді сауынға үйреткенде, ең әуелі алғаш бураға қосылатын жасында мініп жуасытады, өйткені мініс-көлікке үйренген сауғанға жуас, басы елпек болады. Інгенді сауып үйреткенде дыбыстамай, сауудан бірнеше күн бұрын желінін сипап, бірте-бірте үйретеді, әсіресе алғаш боталаған құнажын інгенге дөрекі әрекет көрсетсе, ботасын да емізбей суалатыны болады. Боталы сауын інгенді ерте күн түсе суару жөн. Таңертең ерте су ішкен өрісте байыпты жайылады. Таңертең, кешке сауын уақытында тұрақты болады. Жасынан сауып үйреткен түйе сүтті болады.

Жаңа туған ботаны тіл-көзден сақтау үшін ши тартып тастайды шидің артында тұрады. Ботаның жоғары жағына жылқының қазы-қартасын іліп тастайды, көзінің сұғы бар адамның көзі қазы-қартаға түседі де, бота тіл-көзден сақталады (ПМА)

Ботаны ауыздандырып, емізуден бұрын еметін уыздың алдын сауып тастаса, ботаның тоңғағы қатпайды. Егер ботаның тоңғағы бөгелсе, ұнтақтаған құмаршықты суға нiлiн шығарып, суығаннан кейiн араластырып берсе, бөгелген тоңғақты айдап шығарады. Көктемгi қытымыр суықта жас бота үсiнiп қалуы ықтимал. Үсiнiп қалса мақталы көрпеге немесе киізге орап, шүберек қапқа ысытқан құм салып, сауыр, жон, маңдайын басқа денесiн тегiс бұлаулайды. Бұлай бұлаулағанда бiрнеше қабат шүберек қабаттап, құм суыған кезде шүберек қабатын жұқартып, қайтадан ыстық құммен ауыстырады. Осылай бiрнеше рет бұлауласа ботаның үсiгi шығады. Ботаның денесiн жұмсақ, таза нәрсемен жақсылап сүртіп, жүнiн кептiрсе тоңбайды. Ауыздандырудан бұрын тұзды су, қант салған қара шәй iшкiзiп, енесiне емiзiп, уызға тойғызады. Бота алғашқы аптада уызға жақсы тою керек. Егер бұл уақытта бота уызға тойынбаса енесiнен сауып алған сүттi емiздiкпен бередi. Бiр апта өткен соң шөптi шала бастаса ол кезде мойны жерге жетпейтiндiктен, шөптi аузы жететiн жерге салып берiп, немесе ши сияқты биiк шөптi айналадан жұлып жейтiндей жiппен арқандап қояды. Ботаны бұлайша шөпке үйретiп, жылдам оттықтырса, енесiнiң жүнiң жалап жемейдi. Шөпке оттықтырумен қатар су iшкiзiп үйреткен жақсы. Ең әуелi шағын ыдысқа су құйып берiп, бiр-бiрлеп суарып үйретiп, жылдам оттықтырса, енесiнiң жүнiн жалмап жемейдi. Шөпке оттықтырумен қатар су iшкiзiп үйреткен жақсы. Ең әуелi шағын ыдысқа су құйып берiп, бiр-бiрлеп суарып үйретiп, кейiнiрек науаға су толтырып суарады. Ботаны шөп, жемге үйреткенде ши, сексеуiлдi өсiмдiк аса қолайлы, сары бұйырған сияқты шөп жақсы, бiрақ үнеми суарып отыру керек (ПМА).

Інген оң жағына қарай емізуге ынтық келеді. Егер ботаны о бастан оң жағына емізіп үйретсе, інген оң жағынан жаңылмайтын болады. Бота аяғын әбден басқан соң-ақ ботаны түйе жүнінен істелген жұмсақ ноқтамен ноқталап желіге байлайды. Ұзақ мерзім жабулы болған бота, үй маңынан шықпайтын тоңғыш келеді. Суық түсіп күшейген кезде мұндай боталар тез қоңынан айырылады. Сондықтан әдісін тапса ботаның жабуын тез алып суыққа үйреткен жөн.

Шөлдеген бота боздағыш болады, аузын ашып желге қарсы жүргіш келеді. Ботада жиі кездесетін дерт-тышқақтау, тоңғағы бөгелу, 30–40 күнге дейін тышқақтайды. Бұдан алдын-ала сақтану үшін тұз, сарымай салған қарашай береді. Тосап берген жақсы. 10 л суға 1 кг жуық тосап салып қайнатып, тышқақтаған ботаға күніне 250–300 г, егер іші тоқтамаса бірнеше рет береді. Жас ботасы бар інгенді мүмкіндігінше жақсы тойғызу қажет. Басқа түйе су ішіп жатқанда шөлдесе де су ішпей тұратын інген бар. Ондай інгенді бөлек суармаса, күйінде, сүті де төмендейді. Інген боталап аяқтанғанша бір жерде тұрақтап отырған дұрыс.

Түйе өте ұяң, нәзік жануар. Түйені жуасытамын десең, бота-тайлағынан бастап ақырын ұстап жіберіп отырмаса, иесі бір рет дөрекі әрекет көрсетсе, шөлкес бақырауық болатын мал (ПМА).

Үшқиян аймағы қазақтың ғасырлар бойы Ойсылқара тұқымын өсірген өлкесі. Ертеде бұл жақтың қазақтары түйе жүзге толғанда «бір соқыр» деп жүзінші түйенің оң көзін шығарады екен, соған байланысты түйе саны жүз болса «бір соқыр» деп, бес жүз түйе болса, «бес соқыр» деп т.с.с. атайды екен. Ақтөбе өңірінде отыз соқыры бар түйелі байлар болғаны жайында деректер бар. Болашақта бұл жер қазақтың ата кәсібі түйе шаруашылығын өркендететін өңір болады.

Әдебиеттер

1. Добросмыслов А.И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург. 1895.
2. Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
3. Залесский Б. Казак сахарасына саяхат. Алматы, 1991.
4. Уралов Н. На верблюдах. Воспоминания из жизни в Средней Азии Н.Уралова. СПб., 1897.
5. Жәнәбілов Ш. Қазақша мал атаулары. Алматы, 1982.

АРАЛ-КАСПИЙ ӨңІРІНІҢ БАЙЫРҒЫ ҚАЗАҚИ ЖЫЛҚЫ ТҰҚЫМДАРЫ

Тоқтабай А.

БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты, Алматы

Арал-Каспий өңірінің жылқы тұқымдары туралы алдымен адай жылқысы, одан соң қазіргі көшім жылқысы, мұғаджар туралы сөз болады. Шын мәнінде көптеген жылқы тұқымдары құрып кеткен, оған төмендегідей тарихи фактілерді келтіруге болады.

Кәзіргі кезде қарабайыр жылқысы туралы сөз бола қалса «бұл өзбектің жылқысы екен», Орта Азияның жылқы тұқымы екен т.с.с. сөздер айтылады. Я.Я. Полферов 1898 ж. жазған еңбегінде: «...Бұл тұқым қарабайыр түркмен жылқысы мен қазақ тұқымының буданынан пайда болған өнім. Бұл тұқым қазақтардың бұхарлықтармен және хиуалықтармен араласа бастаған уақытынан айырбас сауда арқылы қазақтар түркмен айғырларын алған кезден бастау алады. Қарабайыр қазақ даласының оңтүстігінде кең тараған. Ор өзенінің солтүстік жағалауында шығыста Ертіске дейін, сонымен қатар солтүстік Түркістанда негізінде Сырдария мен Самарқан облысында таралған...» [1, 128-б.]. Зерттеушілер «қарабайыр» сөзінің мәнін де шешуге әрекет етеді. Ю. Кологривов қазақтардан бұл сөздің мағнасын сұрағанда: «Қарабайыр сөзінің төркінін біреулер «қара» таза – дегенді, ал «байыр» кеуде, бауыр – дегенді білдіреді. Яғни «таза жылқы» ұғымында, енді біреулер керісінше араб т.б. таза жылқылардың тұрпайы жабайыланған түрі деп жауап береді...» [2, 72–80-бб.]. Бұған ешқандай түсініктеменің қажеті жоқ. Себебі автор сөз мәнін шешуде дұрыс талпыныс жасаған, тұщымды пікір айтқан. «...Барлығы (қарабайырлар – А.Т.) арғымақ тұқымдарынан алған сұңғақ бойымен, тік аяқтарымен, бастарының әдемілігімен көзге түседі. Биіктіктері 2 аршын 3 вершок (154,0 см – А.Т.). Төзімділігі жағынан әрине қазақ жылқысынан әлдеқайда артта қалады...» [3, 121–122-бб.].

Я.Я. Полферов өзінің зерделі зерттеуінде қазақтың жылқысы – қарабайырлар туралы ойын сабақтай отырып, «шекті елінің төл тұқымы» деп дәлелдейді. Ферғана – түркімендер мен қарабайырлардың туған бесігі. Жақсы жылқыларды өсірумен атағы шыққан қазақ тайпасы – шекшті (шекті – А.Т.) жылқылары Ферғана қарабайырларына дөп келеді. Себебі шектілер үнемі Хиуа, Бұхара, Түркмен өлкесімен араласып жүрді, көшіп барып Ферғана жазығын қыстайтын. Шектілер бұл жақтан көп жылқы алатын, Орынбордың базарларына әкеп сататын. «Аспандай жүйрік сәйгүліктер» деп аталған қарабайырлар – шекті жылқысы болып шығады. Қазақ жылқысының көрнекті маманы полковник Сунгуровтың айтуынша: «20 жыл бұрын бүкіл Орал мен Торғай облысының оңтүстік аймақтары шекті жылқыларымен атағы шықты, бірақ қазақтар бұларды қарабайырлар деп атайтын еді» [4, 132-б.]. Шекті жылқысының кәзір ұмытылғаны болмаса, ХІХ ғасырдың аяғына дейін жеке тұқым болып өмір сүргені туралы 1892 жылы агроном И.В. Шумков: «Шекті жылқысы қазақ жылқыларының ішіндегі шомбал, кесек тұрпатты жылқылардың бірі. Бойы 2 аршын (142,2 см), кейде 2 аршын 1 вершок (146,4 см), екі аршынға жетпейтіндері өте аз кездеседі. Барлық бітімі келісті, сындарлы біткен, сібір жылқысына ұқсамайды, денесі жақсы дамып жетілген және қысқа емес. Аяқтары жуан дінгектей, бір аяғы ұсақ жылқының екі аяғындай, тұяғы үлкен, бір тұяғы орташа жылқының екі тұяғындай, жалы жерге сүйретіліп жүреді, жақсы жылқылардың жалының салмағы жарты пудқа (8 кг) жетеді, құйрығы да жалы сияқты қалың, қабалау, жерге шұбатылып жүреді. Жалы екі жағына жарылып және алдыға қарай кекіл боп бітеді... Кекілі басын жауып тұрғандықтан көзіне қар тығылмайды. Құйрығы арт жағын желден қорғайды. Жүні қалың және нәзік ұяң, қыста өскенде вершокқа (4,4 см) жетеді. Жүнінің қалың болуы арғымақ пен араласпаған қазақ жылқыларының бәріне тән, бірақ шекті жылқысының, ұзындығын есептегенде ерекше қалың. «Арғымақтар» (орыс және азия) жүнінің қысқалығы мен сиректігінен қыста тебіндеп жайыла алмайды. Жалы мен құйрығының мықты болуы сүйектерінің кесек тұрқының мығымдығын, күштілігін аңғартады. Шекті жылқысы казак артилериясына зеңбіректерді тартуға пайдаланылады, бағасы 100 рубль тұрады, сонымен қатар күшті және мықты жылқыларды ұнатпайтындардың бәрі шектіні алады. Шекті жылқысының мойны ұзын емес, қысқалау жуан. Басының көлемі орташа, маңдайы кең, көзі үлкен омырауы кең, бірақ өте үлкен емес, мұрыны аздап қырланып келген, басы алдынан қарағанда тузу, бірақ бұлан мұрын емес. Аркасы ешқандай дөңестігі де, ойығы да жоқ түп-түзу, сауыры құймышағына қарағанда көтеріңкі құйрығына қарағанда түсіп тұрған сияқты көрінеді. Шекті жылқысының түсі көбінесе ала болып келеді...» [4, 15–16-бб.]. Біз шекті жылқысының бәденіне байланысты белгілі зерттеушінің сипаттамасын толығырақ беріп отырғанымыз бұл жылқы тұқымы мүлдем құрып кеткен. Жоғарыдағы фактілерге қарап отырсаң И.В. Шумков шекті жылқысын қазақ тұқымның бірегейі етіп көрсетіп, шектілердің Хиуа, Бұқара, Ферғанамен араласқанынан қазақ руларының ішінде арғымақ тұқымының ең көбі шектілерде болғанын есепке алған. Кезінде И.В. Шумковтың бұл тұжырымдарын А.И. Добросмыслов сынаған [5, 4-б.].

Шекті жылқысы жайында информаторлардан сұрағанымызда Сабырғали Мусин ақсақал былай деп еді: «Бұрында әр рудың, әр елдің өз жылқылары болды ғой. Шектілер тек өз жылқысын мінетін, сонысымен мақтанатын, жағалбайлының, адайдың жылқысын місе тұтпаушы еді. Бәрін құртқан Орынбордың менауай дворы (Меновой двор – *А.Т.*), Орынбордағы мал базары. Қазақтар жұттан қырылады деп әдемі, сұлу жылқылардың бәрін таңдап тұрып жүздеп, мыңдап сатқан ғой. Қалғаны 1929 жылы кәмпескеде құрыды, одан қалды 1941 жылы соғысқа алды» (I). Ақсақалдың бұл сөзінен, тек шекті жылқысы емес, бүкіл қазақ жылқысының басынан кешірген алапат кезеңдерін көреміз.

Адай жылқысының пайда болуы тарихи әңгімелерде, аңыздарда: «Адайлар Маңғыстауға келгенде бұл жерді мекендеген теке мен жәуміт (иомуд) тайпалары бір-бірімен қырғикабақ екен. Адайлар осыны пайдаланып алғашында теке жағында болып текелердің жәумітттерді жеңіп Маңғыстаудан ығыстыруына себебші болады. Бұған риза болған текенің басшысы адайларға бір айғыр, бір сұлу қыз беріпті. Текелер берген белді, жақсы тұқымды айғырдан адай жылқысы тарайды. Әйтпесе, түркімендер асыл тұқымды айғырын ешкімге бермеген, құпия ұстаған. Аңыз бойынша, адайлар артынан жәулітттерді де Маңғыстаудан кетірген.

Аңызды айтушы Есбол Өмірбаевтың пікірінше, адайлар XVIII ғасырдың 20 жылдарында Маңғыстауға келіп (Сыр бойынан – *А.Т.*) қоныстана бастаған кезде, осы оқиға өткенге ұқсайды (II).

Ф. Сатқаев осы оқиғаны дәлме-дәл қайталай келіп адайлар арасында айтылатын:

«Ат жақсысы – теке түркменде,

Қыз жақсысы теке түркменде» деген мәтел теке тайпасының адайларға берген сиылығы: «Айғыр мен қыздың құрметі үшін айтылған» деп түсіндіреді (III).

Бұған біздің алып-қосарымыз да жоқ, себебі қазақтың ауызша тарихының бір-бірін толықтырып отыратыны соншалық, тұтас бір оқиғаны, кезеңді бір сөзбен, бір формуламен айқындап береді. Екі елдің екі жылқы тұқымын будандастырып селекциялық жолмен жаңа тұқым алуы сол екі елдің экономикалық сауда қатынасының белгісі деп көрсетеді В.О. Витт. Адай тұқымының тарих сахнасына шығуы сөз жоқ, түркімендер мен адайлардың жақынырақ қоныстасып, бір-бірімен араласа бастаған кезі XVIII ғ. бірінші ширегі. Ол кезде адай руларының жылқысы қазақы тұқым болған. Оған дәлел Қашаған жыраудың:

«Қазақтың көріп жылқысын,

Қуалады есек» деп айтқан сөздері куә. Өз жылқыларына қарағанда қазақы жылқыларының бойы аласа, тұрпатының қораштығын көрген түркімендер менсінбей қуғаны айдан-анық.

Адай жылқысы қазақтың басқа жылқы тұқымдарымен салыстырғанда денесінің құрғақтылығымен және етсіздігімен ерекшеленеді, – деп көрсетеді мамандар: Басы етсіз, құрғақ және ұзын бір аршынға жетіп қалады (71,12 см – *А.Т.*), маңдайы жетілген, шығыңқы, көздері өте үлкен. Басы тузу, бұлан бас емес, мұрны аздап ойсыздау. Арқасы тузу, шекті жылқысына қарағанда арқасы айтарлықтай ұзындау, мойны ұзын, аяқтары жіңішке, тұяғы кішкене, тасты жерде жүргендіктен, тұяғы қазақ жылқыларының ішіндегі ең қаттысы. Жалпы адай мінске арналған, салт жүруге сатып алынады. Орташа биікті екі аршын бір вершок (146,6 см) [5, 17-б.].

Адай жылқысының өзін қазақтар жылқы тұқымдарын жақсартуға пайдаланған. К.А. Овчинников 1930 ж. қазақтың жылқы шаруашылығындағы асылдандыру жұмысы жайында: «...Жартылай көшпенді аймақтарда жылқы тұқымын асылдандыруға – адай жылқысы, ол адай жерлерінде – түркімен жылқысы пайдаланылады. Маңғыстау түбегінде біз таза қанды және жартылай таза қанды айғырларды көрдік. Бұлар кәдімгі бойлары биік (150–158 см), мүлдем етсіз, құрғақ, ақалтеке тұрпатты жылқылар...» [6, 24-б.]. Адай жылқысының өзінің ішінде «адайдың көкмойындары» деп аталатын бойы биік, бәдені сұлу, мойны ұзын, аяқтары тік, кесе тұяқ, сымпыс құйрықтар өте аз кездеседі, жоғары бағаланады, бұлар ақалтеке мен адайдың 3-ші және 4-ші ұрпақтары деп мәлімдейді информаторлар (V). Маңғыстаудағы сәулет ескерткіштеріне (құлпытас, қойтас, мавзолей т.б.) салынған жылқы кескіндерін шартты түрде екіге бөлуге болады. Суреттердің бір тобында бойы аласа, жал-құйрығы, қаба аяқтары жуан жылқылар кескінделген. Мұндай суреттер аз кездеседі. Келесі суреттерде мойны ұзын, бойы биік, бәдені сұлу жылқылар бейнеленген. Қысқасы адай жылқысында арғымақ пен қарабайырға қарағанда түркімен тұқымының белгілері басымырақ болу себебі Адай руының Хиуа хандығымен көрші тұрғандығында емес, ең бастысы табиғат жағдайларының ұқсастығында. Адай тұқымының пайда болуы қазақ тайпаларының Маңғыстау түбегін түркімендерден босатып, қайтадан келіп қоныстана бастау дәуірімен, яғни XVIII ғ. бірінші ширегіне сайма-сай келеді.

Қазанат – қазақы биелерге, асыл тұқымнан шыққан айғырларды салудан шыққан будан. Информаторлардың айтуынша, қазанат алу үшін кез-келген асыл тұқымды айғырлардың бәрі жарай береді (V, VI). Қазанатты қазақтар басқа жылқылардың көбінен жақсы көреді, оның жақсы қасиеттерін білетіні сонша, айғырын сұрамайды да. Себебі «Қазақы биелер басқа тұқыммен қосылғанда, айғырының жақсы қасиеттерін алып, өзінің сапасын жоғалтпайды» дейді В. Фирсов [1].

Шын мәнінде қазақтардың бұрын білетіні «асыл тұқымды» деп отырғаны араб пен түркімен жылқылары. Архив деректерінде қазақтар қазанат алу үшін арғымақтарды Бұхара мен Хиуадан әкеледі деп жазылған [7, 95-б.]. Бұл қазақы тұқымның жақсы қасиеттерінің көбінесе ұрғашылық жағынан тарайтынын және аналық генефонды арқылы тұрақтылығын көрсетеді. Қазанаттардың батырлар жырында жиі дәріптелуі ежелден жорыққа мінетін әскери жылқылар екенін көрсетеді. «Қобланды батыр» жырында:

«...Мінуге керек қазанат,

Беліңе керек шарболат» – деген сөздер Қазанаттың көне тұқым екеніне шүбә келтірмейді. «Қарабайыр қазанат, қара жерде қатырмас» деп айтылатын халық мақалында қазанаттың айғыры қарабайырдан, Махамбеттің «арғымақтан туған қазанат» деп келетін өлең жолдарындағы қазанаттың айғыры арғымақ екендігі анық көрінеді. Архив деректерінде «қазанат» деп қазақтар арғымақтардың тұқымын айтатыны хатталған [7, 95-б.]. Ал «қазанат» терминің шығуы әлі күнге дейін шешімін тапқан жоқ. Қазан – ежелгі сақ, скиф замандарынан тоқшылықтың, құт-берекенің, күштіліктің, елдіктің белгісі болды. Көшпенділер қазанға табынды, қасиетті санады, ұлықтады. Қазандай күшті ат, қазанның аттары деген сөзден қазан ат сөзі шығуы мүмкін.

Қазмойын-қазанаттың 3-ші ұрпағы. Қазмойын қазанат – айғырларды қазақы билермен будандастырудан пайда болған. Мойыны қаздың мойынынша иілген, бойы биік, сирақты, қамыс құлақ, ботакөз түркімен тұқымына жақындау, салт жүріске жарамды жылқылар «Қазанаттан туған қазмойын» деген Махамбет жырлары ойымызды сабақтай түседі. Қазмойын – жеке тұқымға жатпайды Бөкей ордасында шығарылған қазанаттың бір тармағы деп айтамыз.

«Сауран тұқымы», «сауран сойы» деп аталатын жылқылар XVIII–XIX ғғ. Кіші жүзде, Бөкей ордасында тараған. М. Бабаджанов кіші жүз елі Сауран қаласы маңынан көшіп бара жатқанда, көшке кеп қосылған белгілі бір айғырдан тарайтынын жазады [8, 18-б.]. Айғыр арғымақ тұқымдас болғандықтан Бөкей ордасындағы әйгілі жүйріктердің көбі осы тұқымнан шыққан, кәзіргі қазақ тіліндегі сауран сойы – әдемі сәйгүлік жылқы деген ұғымды білдіреді. Бөкей ордасындағы жылқы тұқымдарын асылдандыруға хан Жәңгір ерекше көңіл бөлді. Хан Жәңгір бұрынғы қазақ хандары сияқты жылқы шаруашылығын бірінші орынға қойды. Ұзақ уақыт аумалы-төкпелі заманда (жоңғар соғысы, елдің қоныс аударып Еділ мен Жайықтың арасына келуі т.с.) жоғалып кеткен қазақтың бұрынғы тарихи жылқы тұқымдары: арғымақ, қазанат, қарабайырларды қалпына келтіруге тырысты. Ол үшін Орта Азиядан, Кавказдан, Ресейден асыл тұқымды айғырлар алдырып жылқы тұқымдарын селекциялау шараларын жүргізді. Бұл іс жемісті болды. 1830 ж. Жәңгірдің Николай патшаның ұлына берген акбоз желгіш қазақы тұқымды аты Петербургте мамандар тарапынан жоғары бағаланды. Жәңгірдің тұсында Бөкей ордасында мал басы өсіп, 200 мыңнан 5 млн-ға жетті. Хан үнемі жылма-жыл ат бәйгесін өткізіп тұрды, оған Ішкі Ресейден т.б. жерлерден ат мамандары, жылқы өсірушілер қатысты. М. Бабаджанов 1871 ж. былай деп жазды: «...Жәңгір ханның заманында бұл жердің жылқы шаруашылығы бағы жанып тұрғанда, жылқы тұқымдары арғымақтар мен дала жылқысының арасынан шыққан кәзіргі Сырдария өңірінің қарабайырларына жақындай түсіп, таяп қалды [8, 11–12-бб.].

XIX ғ. аяғында Жайық өзенінің оң жақ жағалауында Орал қазақ әскерлерінің қармағындағы кең жазықтықта «Орал тұқымы» деп аталатын 250 табын жылқы бағылды [9]. Шығу тегі жағынан Орал жылқысы қазақ тұқымына жатады, биіктігі 2 аршын екі вершок жуан кесек сүйекті, бұлшық еттері бұлтылдап тұрады, тұрқы келісті [10, 270-б.]. Жылқы табындарының бағым-күтімі қазақ жылқысынан айнымайды, сондықтан қазақы тұқымның ерекше шыдамдылығы сияқты қасиеттерін сақтап қалған. Қазақтар табынды жылқы шаруашылығымен шұғылданғанымен бие саумайды, қымыз жасамайды. Бойының аласалығы, жуан аяқтары болмаса ыстық-суыққа шыдамдылығы, құр сабан шөппен күніне 100 верст жолды еш шаршамай еңсеретін өте төзімді. Ахалтеке жорықтарында Жайық қазақтары парсы шекарасына да жеткен, Хиуаны алғанда қатарынан бірнеше күн су ішпеген Орал жылқылары тың қалыптарын сақтап еш сыр бермеген [11, 6-б.]. «Қазақ жылқыларының кәзіргі сапасын сақтай отырып, бойын биіктетіп, тұрпатын сұлуландырса үлгілі кавалериялық аттар болар еді», – деп жазады Н. Краснов [12, 319-б.]. Табынды жылқы шаруашылығының тиімділігін жете білген Жайық қазағы есаул П. Овчиников үш баласымен бірге құлындарын есептемегенде жылқысының санын 2500 басқа жеткізіп, 6 табынға, 90 айғыр-үйірге бөлген. П. Овчиниковтың қазақы жылқы бағудың сырына берілгені сондай, қазақ байларындай жылқы табындарын түсіне қарай бөлген және бір-біріне араластырмаған. Медведскийдің жазуынша, әр табын 400 басты құрайды, 5 табын тек ғана түстері бойынша жирен, торы, кара, бурыл, көк реңдері (IV) бойынша топталған [13, 88–93-бб.]. П. Овчиниковтың аға жылқышысы болып істеген 1975 жылы 102 жасқа толған Оспанов Арыстанғалидің айтуынша 6-шы табын аралас түстерден тұрған. П. Овчиниковтің өзінен бастап балаларының бәрі де қазақша білген. Қазақтар сияқты қыста жылқы сойып, қысы-

жазы қымыз ішуді әдетке айналдырған. Жалшылықта болған көптеген қазақ кедейлеріне уақытында ақысын төлеп еңбегін жемеген. Бұрынғы Сламихинаның (кәзіргі Орал облысы, Фурманов ауданы – А.Т.) көптеген шұрайлы жерлері П. Овичиниковтың қарауында болған (IV). Жазба деректерде соғыс бола қалған жағдайда Жайық қазақ әскері 10 мың салт мінетін және жүк тартатын аттар шығара алатыны туралы мәліметтер бар [12; 13]. Қазан төңкерісіне дейін қазақтардың қолында Жайықтың екі бетіндегі ең шұрайлы 6,5 млн десятин жер болған бұл жерлерде жылқы санын 323 мыңға дейін жеткізу көзделген [12].

Қорыта айтқанда Орал жылқысы дегеніміз Батыс Қазақстанның дәстүрлі қазақы жылқы тұқымы. Жайық қазақтарының бие байлап, қымыз саумауына байланысты құлындар енесімен бірге жүріп, тез жетілген. Бұрынғы қазақы тегіне қарағанда бойы биіктеліп, тұлғасы сомдалып, кесектеле түскен. Ресейден желгіш тұқымды, қалмақы айғырларды қазақы биелерге салу фактілері кездеседі, бірақ бұл Орал жылқысының тұқымына пәлендей әсер ете қоймаған. Сондықтан Орал тұқымы қазақы жылқы тұқымының бір тармағы деп ұққанымыз абзал.

Әдебиеттер

1. Полферов Я.Я. Какая кровь нужна верховой киргизской лошади // Журнал коннозводства. 1898. № 3.
2. Луговой жылқы зауытының архиві. 15 папка. Инв. № 48.
3. Полферов Я.Я. Лучшие народы киргизской лошади – карабайыр // Журнал коневодства. 1898. № 2.
4. Шумков И.В. Очерки киргизского коневодства Тургайской области // Сельское хозяйство и лесоводство. 1892. № 4, 5, 7.
5. Добросмыслов А.И. Коневодство и его значение для киргизского населения Тургайской области Оренбург. Оренбург. 1894.
6. Овчинников К.А. Табунное коневодство // Труды Темирского опытного сельхоз. станции. М.: 1930. Вып.3.
7. ҚРОМА, 25–қ, 1–Т, 357–тізбе, 4199–іс.
8. Бабаджанов М. Лошади и их испытание по внут. Кирг. Орде // Журнал коневодства. 1871. № 5–7.
9. Уральская лошадь // Архив обществ. ветеринарии. 1892. № 3.
10. Мердер И.К. Исторический очерк русского коневодства и коннозводства. Спб., 1897.
11. Лошади уральских казаков // Коневодство и конный спорт. 2004. № 1.
12. Краснов Н. Настоящее положения коневодства у казачьих войсках (военно-статистический очерк) // Военный сборник. Спб., 1897. Т. СХІV.
13. Дубенский Д. Конские заводы Европейской России, Кавказа и Тургайской области и исторической очерк их развития, с картой распределения пород, заводов и табунов. Спб., 1896.

Информаторлар

- I. Сабырғали Мусин. 1902 ж.т. Ақтөбе облысы, Ойыл селосы.
- II. Есбол Әмірбаев Маңқыстау облысы, Форт-Шевченко қаласы.
- III. Ф. Сатқаев. 1928 ж.т. Ресей, Астрахань қаласы.
- IV. Оспанов Арыстанғали. 1885 ж.т. Орал облысы, Фурманов селосы.
- V. Мұса Төлеуов. 1918 ж.т. Жаңаөзен қаласы.
- VI. Ибраш Сандыбаев. 1906 ж.т. Ақтөбе облысы, Ойыл селосы.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Тохтабаева Ш.Ж.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы

Народное прикладное творчество – одна из форм художественного самовыражения этноса. В нем емко и глубоко отражены особенности этнической истории, хозяйственно-культурного типа, философии, национальной психологии. Произведения декоративно-прикладного искусства казахов, демонстрируя специфическое отображение мироздания и этническое понятие о красоте линии, цвета и ритма, являют собой квинтэссенцию художественного потенциала казахского народа.

В стилистических признаках произведений разнообразных видов художественных промыслов и ремесел устанавливаются реминисценции с искусством предыдущих эпох (древнего, средневекового, нового времени), инокультурные влияния, а также собственноэтнические достижения. В образном содержании произведений декоративно-прикладного искусства казахов прослеживаются как этноинтегрирующие особенности в масштабе всей страны, так и региональные традиции. Системный комплексный анализ данной формы материальной культуры выявил отчетливое своеобразие прикладного искусства Западного, Северного, Центрального, Восточного и Южного Казахстана [1, с. 105], что обусловилось своеобразием этнических компонентов, территориальной протяженностью страны, соседством разных государств, с их культурным влиянием, а также стремлением народных мастеров каждого региона к собственному художественному самовыражению.

В Арало-Каспийском регионе, а также в среде населения – представителей в прошлом Младшего жуза, проживающих в Восточном Приаралье, Чуйской и Таласской долинах, частично Южном Казастане, устанавливается яркое художественное своеобразие в прикладном искусстве, начиная с войлочных, тканых изделий и кончая ювелирными произведениями. Так, например, на указанных территориях, в особенности, в Атырауской области, были распространены и до сих пор бытуют войлочные ковры *текемет* размером около 2x1 м, выделяющиеся преобладанием космогонического узора и холодного колорита [1, илл. 13]. В этих коврах солярные знаки, смоделированные в виде вписанных в друг друга круглых розеток, вертуна, спирали, заключают в себе центробежные и центростремительные силы, что сообщает композиции выраженный динамичный характер. Впечатление экспрессии акцентировано все большим нарастанием к центру ритма круговых движений. Своеобразный эстетический заряд заключен в проступающем сквозь структуру шерсти полихромном орнаменте, несколько приглушенном в тоне. В этих изделиях устанавливается прямая параллель с декоративной композицией туркменских войлочных полотен, характерных для всего Туркменистана [2]. Такие же текеметы, но с ярким цветовым решением и присутствием в декоре мотивов *сыңар мүйіз* (один рог), *қанатты қос мүйіз* (пара рогов с крыловидными ответвлениями), что произошло в результате влияния местных традиций, бытуют среди населения – представителей в прошлом Младшего жуза, проживающего в Восточном Приаралье, Чуйской и Таласской долинах, частично Южном Казастане [1, илл. 14]. В Западном Казахстане распространены также ковры с белым фоном *ақ текемет* с геометризированным орнаментом, входящие непременно в состав приданого и бытующие повсеместно.

Выделяются в Арало-Каспии также образные характеристики тканых изделий, выполненных на вертикальных станках в технике ворсового и смешанного ткачества. Полосы *бау*, *жел бау*, *басқұр* для декора юрты и цельные ковровые полотна *түкті кілем* размером 2x3 м и более, вытканые в данном регионе, порой поставлялись на внутренние рынки страны. Ворсовые ковры высоко оценивались в казахском быту, они осмысливались как престижные изделия и являлись принадлежностью имущих семей, вплоть до 1990-х гг., т.е. до насыщения рынка недорогими фабричными коврами. Принцип техники заключен в чередовании двух основ нитей с поочередной завязкой на них цветных ворсовых узлов для образования орнамента и поперечного движения утковой нити. В одном полотне применяется сочетание двойного и полуторного узла. Примечательность западноказахстанских, преимущественно Устюрта и Мангыстау, ворсовых ковров *масаты кілем* является плотность плетения, низкий ворс, мелкий частый узор и сочный колорит бордового, красного, коричневатого цветов [1, илл. 51]. Обычно фон и орнамент выполняются в близких цветах. Лишь вкрапления желтого, белого и черного цветов слегка разнообразят общий тон, тактично оживляя общий колорит. Свойственна также окантовка узора другим цветом, что придает выразительность рисунку и обогащает цветовую гамму. Характерный композиционный прием – размещение на центральном поле множества симметрично расположенных восьмиугольных медальонов. Внутреннее их пространство, разделенное на четыре части разным цветовым фоном, объединено расположением в них одинаковых орнаментальных мотивов. В целом бархатистость фактуры, мелкий мерцающий орнамент и преобладающая бордовая цветовая гамма образуют визуальный эффект драгоценности всего полотна, будто сотканного из рубиновых зерен граната. Похожие ковры бытуют также (в среде представителей Младшего жуза) в некоторых областях Северного Казахстана, например, в Торгайской области. Данного типа ковры, перекликающиеся по всем параметрам с текинскими изделиями [2], являются, по сути, результатом влияния туркменской традиции ткачества. Такого же типа ковры производят также афганцы в прилегающих к Туркменистану районах. По сведениям респондентов (среди казахов и афганцев), творческий приоритет в изготовлении данного типа ковров принадлежит текинцам.

Потрясающей эффектностью, богатством художественного строя отличаются тканые изделия с белым шерстяным или хлопчатобумажным фоном, выполненные в смешанной технике. Эти полосы для декора юрты

ақ бау, ақ басқұр привлекают внимание оригинальностью художественно-технического исполнения, чем в совершенстве владеют мастерицы – представительницы Младшего жуза. Здесь декоративная выразительность достигнута за счет разнообразия цвета, фактур, уровней фона и узора, а также щедрости орнамента, где присутствуют разнообразные геометризованные мотивы. В изделиях, изготовленных в 1970-х гг. встречаются новые изобразительные мотивы: нагрудные украшения, юрты, верблюды, деревья с тюльпанами, включены также надписи имен и фамилий тех, кому посвящены произведения. Рельефно выступающие узоры выполняются в технике ворсового ткачества из нитей ярких сочных цветов. Эти узоры выразительно смотрятся на белоснежном, относительно гладком фоне полотна, который сдерживает красочность ворсового орнамента и одновременно контрастирует с ним.

Существует и другой тип исполнения орнамента, воспроизводимого дополнительным утком. Некоторые изделия, выполненные в сочетании этих трех способов: обычного полотняного переплетения, ворсового ткачества и техники *біз кесте* можно отнести к шедеврам народного искусства. В тканых полосах через определенные интервалы фонового протока устанавливается чередование ярких и сдержанных по художественному решению модулей. Так, например, фрагмент со звучным колоритом и бархатистой фактурой сменяется на безворсовый участок с приглушенным цветом и мелким узором в виде сетки, зигзагов, точек, ромбиков и прочих мотивов. В результате ритмические переходы аккордных и нейтральных по декоративной насыщенности фаз образуют редкое по гармонии и художественной выразительности изделие. Своеобразие орнамента заключается в том, что его мотивы и модули обычно не повторяются на протяжении всей длины полос, они могут лишь бесконечно видоизменяться, вызывая в памяти музыкальные вариации. Подобного рода фризы и ковры ткуются также каракалпаками [3, илл. 94, 95], туркменами [2], кыргызами [4, с. 56–58], узбеками Байсунского района [5, с. 161, 162].

Из этих разрезанных и сшитых по долевым частям лент казахские мастерицы, как и каракалпакские, составляют целостные паласы типа *басқұр алаша* (рис. 1). Такие изделия, в отличие от описанных декоративных полос *ақ басқұр*, – производят иное впечатление, поскольку здесь соседствуют уже несколько фризов с разными изобразительными мотивами. Можно сказать, что данные ковры являются своего рода зрелищным выражением потенциальных возможностей казахского орнамента с точки зрения богатства и разнообразия его трактовки.

Надо отметить, что в описанных изделиях, по сравнению с другими казахскими тканями вещами, более отчетливо проявляется индивидуальность и импровизационное начало мастера, что выражено в цветовой комбинаторике, степени усложненности орнаментального строя.

Разнообразные аксессуары – чехлы и сумки для домашней утвари, выполняющиеся из войлока, дублировались и в ткачестве. При этом технико-декоративные особенности мелких изделий представляли собой емкую цитату из художественного содержания тканых ковров. Эти вещи декорировались законченными композициями в таких же исполнительских приемах. Особенностью тканых чехлов и сумок является акцентная роль длинной бахромы и кистей, порой многоярусных. Данный нюанс особенно выразительно проявлен в тканых чехлах типа *кереге қап*, вдеваемых на оба конца собранных решетчатых стенок юрты *кереге*, которые навьючивались на верблюда при перекочевках [1, илл. 51]. Согласно воспоминаниям респондентов, красочные кисти и бубенцы *кереге қап*, вертикально свисающие с двух сторон верблюда, придавали (вместе с другими декоративными вещами) каравану пышную нарядность. В будни эти изделия крепились к стенкам юрты и служили емкостью для различных мелких вещей. Аналогичные по форме, технике и декору изделия *торба* ткуются туркменами, в частности, текинцами, иомутами, мервами, сарьками и другими [2].

Надо отметить, что введение в структуру тканых предметов бахромы, кистей, бубенцов, а войлочные изделия – разноцветного козьего волоса диктовалось не только эстетическими, но и магическими задачами. Эти дополнения, несущие идеи множественности, в традиционном представлении, по принципу подобия, должны были способствовать плодородию и богатству.

Устанавливается также символическое значение определенных орнаментальных мотивов, выражающих охранное или благожелательное значения. Так, например, узоры в виде гребня, а также изображения серьги, треугольника, стилизованного паука, змеи осмысливаются в народе как действенные обереги, а мотивы в виде ромба, квадрата, прямоугольника, иногда заполненных точками, считаются стимуляторами плодородия.

Жизнерадостное звучание интерьера юрты дополняли узорные циновки *ши*, обтягивающие снаружи деревянные решетчатые стенки [1, илл. 62]. Они изготовлялись в технике обмотки. Длина циновки соответствует периметру юрты, а высота не превышает 1,5 м. Обычно такие изделия в Арало-Каспийском регионе декорируют геометрическими мотивами и решают в полихромном ключе, что обосновывает название

шым ши – разноцветная циновка. Сочетание рубчатой фактуры полотна, мягкой шерсти и строгого ритма орнамента обуславливают оптический эффект легкой вибрации орнамента, радостно переливающегося в ярких цветах.

В Арало-Каспийском регионе, преимущественно на Устюрте и Мангыстау, в вышивке (гладью, тамбуром) женских головных уборов и платков, датирующихся 2-й пол. XX в. [1, илл. 77], преобладают сдержанные по образу геометрические мотивы, перекликающиеся с вышитым орнаментом текинцев [2]. Вместе с этим в данном регионе в XIX в. существовало золотошвейное искусство, что применялось в свадебной женской одежде. В образном решении такой одежды также преобладала строгая симметрия геометрического орнамента или космогонические, растительно-зооморфные мотивы.

В казахской мебели, отличающейся общностью категорий, названий, все же прослеживаются не только технико-декоративные, но и конструктивные различия в зависимости от ареала изготовления. Так, например, в Западном Казахстане преобладают резные, оформленные росписью деревянные подголовники – *жастық ағаш* и сундуки – *сандық* без ножек (разного размера), предназначенные для хранения ценных вещей: отрезков ткани, серебряных слитков, парадной одежды. У богатых в юрте было несколько сундуков, они устанавливались друг на друга, уменьшаясь в размере. Обычно приданое состоятельной невесты увозили в нескольких сундуках, осмысливаемых в традиционном сознании как вместительные драгоценностей. Особенностью Арало-Каспийских деревянных изделий является преобладание резьбы с геометрическим узором, относящимся к общерегиональному стилю, а также присутствие росписи космогонического, растительно-зооморфного характера, представляющего собой общеказахстанскую традицию.

Впечатляющая стилевая особенность рассматриваемого региона устанавливается в ювелирном искусстве «геометрического» стиля, который в силу своей художественной выразительности, оригинальности декоративного решения одновременно выражает наиболее ярко этническое своеобразие. Ювелирные украшения данного региона характеризуются крупномасштабностью и монументальностью формы, строгостью образного решения, что было ранее изучено автором в полном объеме [6, с. 141–151]. Украшения данного стилевого направления при любом увеличении масштаба не теряют органичности образа. Декор изделий геометрического характера выполняется способом комбинированного тиснения, что обуславливает четкие очертания низкорельефному мелкому орнаменту. Такой узор создавал впечатление драгоценности фактуры, чем эстетически уравновешивал крупномасштабность форм изделий, придавая ему логическую осмысленность. Характерно также введение в декор изделий вставок из сердолика, стекол с красной, черной подцветкой, а также зернения, накладной филигранны, позолоты. Ведущими орнаментальными мотивами являются геометрические элементы, ритмические повторы которых создают стройные композиции: в них заключена особая острота художественной выразительности.

Что касается других художественных направлений ювелирного искусства данного региона, то надо отметить, что в их образном арсенале имеются аналогии с другими этническими (северокавказскими) традициями, проявленными в технике (чернь, накладная филигрань и зернь) конструкциях, декоративных решениях [7].

Казахские мастера, воспринимая иноэтничные технико-декоративные идеи, в процессе интерпретации подчиняли их местным тенденциям и разрабатывали собственно-этнические категории предметов, конструктивные решения. Иногда зергеры, отталкиваясь лишь от двух – трех вещей, попавших через торговлю, рождали целое инновационное художественное направление.

В целом ювелирное искусство Арало-Каспийского региона, содержащее специфику областных стилевых художественных направлений, объединяется параллельным бытованием изделий «геометрического» стиля: женских и мужских украшений, художественно обработанных мужских поясов, предметов личного пользования и быта. Можно сказать, что именно данный стиль является своего рода общерегиональным художественным знаком.

Суммируя итоги приведенного материала, можно сделать вывод о том, что в разных областях Арало-Каспия существовали определенные стилистические направления прикладного искусства, отражающие местные, общерегиональные и общеэтнические традиции, в чем выражена динамика параллельно бытовавших художественных признаков интегрирующего и дифференцирующего характера. Если общеэтническими являются космогонические, растительно-зооморфные мотивы орнамента, то строгая геометричность узоров является признаком прикладного искусства Арало-Каспия.

Как показал ранее осуществленный автором сравнительный анализ, генезис «геометрического» стиля металлических украшений рассматриваемого региона восходит к ювелирному искусству гуннского периода, что повлияло на традиции и других видов прикладного искусства, т.е. строгая геометричность образного

содержания изделий стала восприниматься как общерегиональный стиль. Поиск и компаративистика пространственных параллелей установили определенные связи с традициями каракалпаков, дагестанцев, но преимущественно туркмен [6, с. 147–148].

В формировании общности отдельных признаков прикладного искусства казахов Арало-Каспия и туркмен определенную роль сыграли исторические факторы. Важным и существенным обстоятельством является единство художественной основы, оставленной единой историко-культурной традицией гуннского периода. Этот вывод объясняет также тот факт, что чем глубже по времени сравниваются художественные пласты, скажем, XVIII–XIX вв., тем больше выявляются родственных черт, и чем ближе к нашему времени, тем больше субэтнических признаков. Можно сказать, что искусство гуннского периода сыграло революционную роль в формировании художественной образности произведений прикладного искусства многих народов Великого пояса степей.

Есильбаева К. Настенный ковер–басқур алаша. 1960-е гг. Шерсть, смешанное ткачество. Западный Казахстан

Важно также, что в этнической истории казахов Младшего Жуза и туркмен в ранние периоды большую роль сыграли древние местные ираноязычные дахо-массагетские и сармато-аланские племена. В сер. I-го тыс. в прикаспийских степях появляются ранние тюрки, а в IX–XI вв. – огузы и сельджуки, сыгравшие главную роль в этногенезе туркмен. В XV в. после монгольского завоевания в этнический состав туркмен были включены тюркские племена неогузского происхождения, в частности кыпчаки. Формирование художественных признаков произведений прикладного искусства казахов Западного Казахстана и туркмен осуществлялось вплоть до XIV–XV вв. в рамках общей территориальной среды: на Мангышлаке и Прикаспийских степях. Сравнимые субэтноты находились в длительных историко-культурных взаимоотношениях в условиях территориальной близости, периодически у них существовали общие кочевья.

Параллели в ювелирном искусстве казахов Арало-Каспия и народов Северного Кавказа определены, преимущественно, торговой связью и деятельностью дагестанских мастеров-отходников, активизировавшихся в XIX в.

Литература

1. Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. Алматы, 2008.
2. Туркменское народное искусство (альбом). Ашхабад, 1990.
3. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. М., 1976.
4. Антипина К. И., Махова Е. И. Безворсовое узорное ткачество // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М., 1968.
5. Хакимов А., Гюль Э. Байсун. Атлас художественных ремесел. Ташкент, 2007.
6. Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы, 2005.
7. Кильчевская Э.В., Иванов А.С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

ХАСАН-ГАТА ГАБАШИ (1863–1936) О КАЗАХАХ И «КИРГИЗАХ»

Тухватулин А.Х.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет

Несмотря на тесные связи мусульманского духовенства Волго-Урала с казахами, в татарской историографии рубежа XIX–XX вв. уделялось мало внимания изучению истории казахского народа. Исключением из этого стал труд Х.-Г. Габаши «Муфассал тарих каум тюрки» («Подробная история тюркских народов», 1909 г.)

Хасан-Гата Габаши, видный представитель джадидистского движения, общественный и религиозный деятель, родился 11 января 1863 г. в деревне Малый Сулабаш Казанского уезда (современный Высокогорский район Республики Татарстан). Получив начальное образование от деда и отца, в 1875 г. уезжает на учебу в Казань в медресе при Азимовской мечети, известное своим приверженностью к схоластике. Здесь Х.-Г. Габаши проводит 15 лет, сначала в качестве шакирда, а позже и преподавателя.

Размышляя о путях развития мусульманских наций на рубеже XIX–XX вв. он приступает к серьезным исследованиям по истории тюркских народов. Х.-Г. Габаши много работает над арабскими и персидскими источниками, изучает исследования Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и других русских историков, общается с такими именитыми современниками как К. Насыри, В. Радлов, Н. Катанов. Главным наставником для него был известный татарский просветитель Ш. Марджани, чьи исторические взгляды стали откровением для молодого ученого. В 1889 г. Х.-Г. Габаши устраивается преподавателем вероучения в «Мусульманский братьев Юнусовых детский приют», где одним из первых в Казани начинает применять принципы новометодного (джадидистского) образования. Из-за нехватки нужных учебных пособий сам пишет и издает методические пособия и руководства по различным отраслям знаний, тогда же возникает идея написания энциклопедического исследования по истории и этногенезу тюркских и родственных им народов. В 1897 г. Х.-Г. Габаши издал книгу «Торек ыруглары» («Тюркские народности»), а в 1899 г. – «Мохтасар тарих каум торки» («Краткая история тюркских племен»), предназначенные в основном для преподавателей и шакирдов медресе.

В 1908 г. Х.-Г. Габаши был избран казием и уехал в Уфу. Уфимский период (1908–1913 гг.) оказался наиболее плодотворным как в творческом плане, так и в его общественной деятельности. Вместе с Озеровым, редактором «Уфимских ведомостей», он добивается открытия в Уфе ремесленной школы «Дома Трудолюбия» для детей из бедных семей. Открывает ремесленную школу для татарских детей в Старой Уфе, куда в качестве учителя приглашается преподаватель из медресе «Усмания» Гариф хальфа, известный своими прогрессивными взглядами на преподавание. В 1909 г. был издан главный труд его жизни «Муфассал тарих каум тюрки».

Ввиду того, что невозможно все события и явления прошлого изучить одинаково глубоко, Хасан-Гата Габаши выстраивает свою систему приоритетов. Он считает, что каждый народ должен, прежде всего, знать собственную историю, а затем, для приобретения большего опыта, обращаться к истории остальных народов и стран. Следуя этому принципу, главной целью своих исторических сочинений, и в первую очередь «Мофассал тарихе...», он объявляет изучение истории тюркских народов и воссоздание их реальной роли в мировой истории.

Методология истории Хасан-Гата Габаши базируется на следующих основных принципах:

1. Объективность – подход к историческим сведениям вне их связи с политическими, национальными, личностными и классовыми установками, каждая из которых приводит к предвзятости, что не позволяет представить истинную историческую картину.

2. Использование и критический анализ достоверных, «правдивых» источников.

3. Привлечение не всем известных исторических примеров и фактов, а преимущественно спорных и незнакомых сведений, которым автор сочинения при необходимости дает необходимые пояснения.

4. Введение трехчленной периодизации применительно к истории тюрков: «Древняя эпоха – Средние века – Новое время». В отличие от европоцентристских периодизаций, которые ориентируются на историю европейских цивилизаций, здесь за основу взята история тюркской государственности в Поволжье. Древняя эпоха, начало которой теряется в веках, заканчивается падением Булгар (?–1236 г.), Средние века – от нашествия монголов до падения Казани (1236–1552 гг.) и Новое время – от падения Казани до начала XX в. [2, с. 5–6], [3, с. 27–28]. Таким образом, Хасан-Гата Габаши первым среди татарских историков дает общую периодизацию тюркской истории.

Кроме того, Х.-Г. Габаши был активным популяризатором новейших исторических данных среди

тюркоязычного населения Российской империи. Особую роль в концепции историка занимает не столько новизна научных фактов, сколько оценка и интерпретация уже известных. Именно в этом состоит основная заслуга ученого, предвосхитившего многие концептуальные положения современных историков.

Исторические исследования Х.-Г. Габаши не лишены и ряда недостатков, например, отголоском традиционной теологической историографии можно считать ссылки на авторитет библейско-коранических преданий. Кроме того, несмотря на заявленную трехчленную периодизацию тюркской истории, по хронологической последовательности труд этого ученого временами выглядит бессистемным. Не всегда соблюдается принцип объективности.

В этой связи интересны его интерпретации истории казахов и киргизов, которых по традиции начала XX в. считает единым народом. По мнению этого исследователя, предками казахов были хакасские племена, которые «подобно многим другим тюркским племенам вели полукочевой, полуоседлый образ жизни. Однако, из-за различных причин, во первых, исходя из природных условий и своих этнических и генетических качеств, а во вторых, из-за того, что они жили рядом с Монгольской степью и оттуда постоянно выходили племена, стремившиеся разрушить оседлую культуру и нападали на их поселения, хакасы вынуждены были перейти к кочевому образу жизни. Позднее эти хакасы стали называться как «киргизы», «кайсаки», «казахи» и «кара киргизы»» [3, с. 175] Этноним «казах (казак)» он выводит от слова «качак» («беглец»). Таким образом, этот исследователь игнорирует роль кыпчакских племен в становлении казахского этноса и следует на поводу схожести этнонимов «хакас» и «казах».

Рассуждая об обычаях и внешнем облике казахов («киргизов») Х.-Г. Габаши утверждает, что именно этот народ сохранил в себе классические тюркские черты: «они до сегодняшнего дня не смешивались ни с какими народами, кроме как с другими тюркскими племенами. Поэтому не было никаких предпосылок для изменения внешнего облика этого народа. Кроме того, согласно лингвистическим исследованиям, им удалось сохранить исконно тюркский язык. Киргизы были далеки и от арийских культурных центров и от семитов, поэтому языки этих семей не оказали на киргизский язык практически никакого влияния. Также они не переняли обряды и обычаи, познания других народов. Единственное, что они приняли от своих соседей и братьев тюрков – это был ислам, да и то уже тюркизированный» [3, с.176–177].

Делая краткий экскурс в систему управления у казахов, он видит преемственность с особенностями властвования в древнетюркском обществе. Современную ему политическую структуру и расселение казахов и «киргиз-казахов» он описывает следующим образом: «во главе киргизско-казахских племен стоят ханы и старейшины, являющиеся исконными киргизами или же потомками Чингизидов. Немного позднее киргизы-казахи разделились на три большие части: «Старший джуз», «Средний джуз» и «Младший джуз». Представители Старшего джуза проводят свои дни в Китае, на границе Китая и России, а также в Монголии. Представители Среднего джуза живут в Средней Азии, а Малого джуза кочуют в Астраханских степях» [3, с. 177].

Говоря о ситуации в современный ему период, он отмечает, что эти народы сумели сохранить многое из обычаев предков, и среди них заметна тенденция самостоятельно изучать основы ислама, несмотря на вмешательство определенных сил, намекая на попытки российских властей отлучить казахов от влияния мусульманских проповедников.

Таким образом, Х.-Г. Габаши считал, что казахи и киргизы являются своего рода «эталонным» этносом среди тюркских народов, сожалея о том, что к началу XX в. они переживали застой в своем развитии. Несмотря на это, он надеется, что из-за стремления к просвещению для казахов не составит большого труда возродить ту часть древней культуры своего народа, которая будет способствовать дальнейшему прогрессу.

Х.-Г. Габаши планировал продолжить свое исследование, но по разным причинам сделать этого ему не удалось. В период коллективизации в 1930 г. он был сослан на строительство Беломорского канала, в связи с резким ухудшением здоровья в 1933 г. его отправили на родину, где и скончался 2 августа 1936 г.

Литература

1. Х.-Г. Габаши. Торек ыругълары (Тюркские народности). Казань, 1897.
2. Х.-Г. Габаши. Мохтасар тарих каум торки (Краткая история тюркских племен). Казань, 1899.
3. Х.-Г. Габаши. Всеобщая история тюркских народов. Казань, 2009.

ДӘСТҮРЛІ ҚАЗАҚ КҮНТІЗБЕСІНДЕГІ КЕЙБІР ЕРЕКШЕЛІКТЕР (ҚАЗАҚСТАННЫҢ БАТЫС ӨңІРІНЕ ҚАТЫСТЫ ДЕРЕКТЕР БОЙЫНША)

Хинаят Б.

ҚР Мемлекеттік орталық музейі, Алматы

Ертеде көшпелі ортада дәстүрлі астрономия мен календарьға қатысты халықтық білім-танымын жинақтап, жүйелеп, оны ұрпақтан-ұрпаққа жеткізіп отыратын «*есепші*» деп аталатын метеорологиялық, хронологиялық істерді ұйымдастырушы адамдардың қызметі көшпелі қауымның өмірінде өзіндік маңызды міндет атқарған. Есепшілер ғасырлар бойы эмпирикалық бақылаудан қордаланған халықтық білімді практикамен ұштастыра отырып, аса күрделі бұл «миссияны» оңтайлы еңсеруге талпынған. Ондай тәсілдердің маңыздылары қатарында аспан денелері мен жұлдыздардың қозғалысын бақылаумен олардың Аймен тоғысу фазаларын есептеу, сондай-ақ табиғат құбылыстарында болатын қазақтар «*амал*» деп атаған фенологиялық заңдылықтарға сүйенгенін жатқызуға болады.

Уақыт есептеудің негізгі тәсілі – Аспан денелері мен жұлдыздардың қозғалысындағы заңдылықтарды негізге алған *күнқайыру жүйесі*. Бұл жүйеде мынадай шарттылық негізге алынады: жұлдыздың батуы астрономиялық жылдың алмасуын білдіретін ең басты меже болады және оны белгілейтін *бататын* жұлдыз таңдалады. Ол жұлдыз Айдың әр фазасында өзара тоғысып отыруы тиіс; жұлдыздың бататын мезгілі жаңа айдың бір жаңасына сәйкес болуы ескерілді. Кейде жұлдыздың батуы мен айдың бірінші жаңасын есептеуде көбінесе жаңылыс кетіп жатады. Бірақ, есепшілер екі-үш күн көлемінде оны дереу реттеп, түзетіп отырғаны жайында деректерде айтылады. Мұның қайсысының адамзатқа ортақ универсалийлер қатарында немесе этнизация заңдылығымен көшпелі ортаға сіңісті болғандығы туралы дөп басып айту қиын. Өйткені, бұл салада көне жазба деректер былай тұрсын, қолдағы деректердің аражігін айырудың өзі екіталай. Ел арасында айтылатын бірдің (үштің, бестің) айы немесе 13, 15, 17 тоғыс деп келетін, сондай-ақ түрлі атаулармен айтылатын амалдардың өзара байланыс заңдылығына, оның байыбына жете мән берілмейді [1, 140-б.].

Аспанда самсаған жұлдыздардың ішінен қазақтар *бататын* және *туатын* жұлдыздарды, атап айтсақ Теке, Сүмбіле, Үш Арқар (Шідер), Үркер, Қамбар жұлдыздарын күнқайыруға арқау ете отырып, олардың Аймен тоғысу үрдісі бойынша есеп жүргізіп келді. Дәстүрлі халықтық білімде архаикалық деуге болатын Қамбар тоғысы туралы тілдік және фольклорлық деректерде және ауызша мәліметтерде сақталған Қамбар тоғысы туралы мәлімет тым мардымсыз. Алайда, туыстас жұрттардағы осы мәселеге қатысты параллельдерімен шендестіре отырып, оның кейбір мәнін ашуға мүмкіндік туады. Аспан аясында Аймен кездесетін жұлдыз – Қамбар шоқжұлдызы күз айларында туып, көктем айларында батады. Қамбар жұлдызы көк жүзінде Аймен бес рет кездеседі, яғни есепшілердің тілімен айтқанда бес мәрте «*тоғысады*». Оның тоғысуының өзі үш күнге созылады: Ай оншақты жұлдыздан тұратын Қамбардың алғашқы күні мұртына, екінші күні – ауыз омыртқасына, үшінші күні өтіне тоғысып, үш күнде өтіп болады [2, 133-б.; 3, 230-б.; 7, с.132].

Ай мен Қамбардың алғашқы тоғысы күздің орта айында өтеді. Қамбар жұлдызымен Ай өзінің тоғыз жаңасында тоғысады. Сондықтан осы айды *тоғыздың айы* деп атаған ол грегориан күнтізбесі бойынша шамамен қазан айына тура келеді. Екінші рет айдың жеті жаңасында тоғысуын *жетінің айы* (шамамен қараша айына сәйкес келеді) деп атайды. Келесі айда жаңа туған Айдың Қамбармен бес жаңасында тоғысуын *бестің айы* (қазіргі желтоқсанға сәйкес), онан кейінгілерін *үштің айы* (қаңтарға дөп келеді), бір жаңасында тоғысуын *бірдің айы* (ақпанға тура келеді) деп атайды. Қамбар есебі бойынша әр тоғыстың арасы, шамамен, 28–29 күн болады. Қамбар тоғысы бойынша, сөйтіп, бес айды кемімелі шақ санмен атаса, қалған жеті айды жай сөзбен айтқан дейді мәселені алғаш зерттеген ғалым Н.Уәли. Оның пайымдауынша *аласапыран, отжақпас, құралай, жұтшаашқан* тәрізді атаулар ай аттары болуы ықтимал [4].

Қамбар тоғысына тән *бірдің айы, үштің айы* тәрізді атаулар Алтай қазақтары (Шығыс Қазақстан, Моңғолия, Қытай қазақтары) арасында күні бүгінге дейін қолданыстан шыққан жоқ. Туыс қырғыз тілінде де *тоғыздун айы* (октябрь), *жетинин айы* (ноябрь), *бештин айы* (декабрь), *учтун айы* (январь), *бирдин айы* (февраль) деген атаулар бар. Қырғыз тілінде қалған жеті айдың атауы жалған *қуран* (март), *чын қуран* (апрель), *бузу* (май), *құлжа* (июнь), *теке* (июль), *баш оона* (август), *аяқ оона* (сентябрь) деген атаулармен айтылады. Мұндай параллельдер Саян-Алтай түріктерінің дәстүрінде болған [5, с. 293; 6].

Қазақ есепшілерінің аспан денелерінің жылдық қозғалысы саласындағы эмпирикалық тәжірибесі молайған сайын уақыт есебін жүргізудегі бұл күнқайырудың жетімсіз жақтары байқала бастады. Өйткені Қамбар

жұлдызы өзінің күн белдеуімен жүретін жолында (эклиптика) Аймен ақырап күз бен қыс айларында (бес мәрте) ғана тоғысатындығына байланысты *Ақырап-ақпандағы Қамбар тоғысы* деп аталады. Аспан шырақтарының жылдық қозғалысын жіті қадағалаған есепшілер көк жүзінде Аймен көбірек «жүздесетін» әрі күн белдеуіндегі жүретін жолы біршама ұзақтау Үркер жұлдызын да негіз етіп алды. *Үркер тоғысы* деп аталған жүйенің өзіндік артықшылықтары болды. Үркер мамырдың ондарында батып, сол батып алдында жаңа туған Аймен тоғысатын кезін қазақ есепшілері «бір тоғыстың айы» деп атап, оны жылдың басы етіп белгіледі. Шамамен қырық күн «*жерде жатқан*» Үркер маусымның жиырмаларында туады. Ай өзінің жиырма үш жаңасында таң ағарып қалған сәтте Үркермен тоғысады (шілде айының ішінде). Бұл тоғысты жіті қадағалап жүрген есепшілер болмаса, жай адам көре бермейді. Бұдан кейін Ай жиырма бір жаңасында таң алдында Үркермен тоғысады. Бұл тоғысты есепшілер *жиырма бір тоғыс* деп атайды. Арада 28 күн (Куфтинде 27 күн) өткен соң Ай өзінің он тоғыз жаңасында Үркермен тағы да тоғысады. Бұл – *он тоғыз тоғыс* деп аталады. Осы рет бойынша Айдың Үркермен тоғысуы кемімелі тақ санмен есептеледі, яғни «*Үркер таққа (тақ санға) тоғаяды*».

Үркермен «есептеудің» бір артықшылығы оны астрономиялық меже ретінде белгілеп, тәуліктік қозғалысы арқылы түннің ұзақтығын анықтады. Яғни, Үркер қас қарая көрініп, таң атқанша батпайтын болса, ең ұзақ түн (қыс ортасы), ал түн ортасы ауа батып кетсе, күннің ұзарып, түннің қысқара бастағаны. Үркер ауа райын болжауға қолайлы болды. Түркі заманында хатқа түскен «*Үркерлі айдың бәрі қыс*», керісінше «*жерге түсіп*», көрінбей кеткен кез – жаз делінді. Қазақта «*Үркер үйден көрінсе, үш ай тоқсан қысың бар*» дейді. Бұл кез – тоғыз тоғыстың кезі, өйткені қаңтар айында Үркер қас төбеде тұрады. «*Үркер жамбасқа келсе, жаз шықпағанда несі бар*» деген нақыл *Үш тоғыс* айына қатысты айтылған [4; 7, с. 133–134].

Кейін кемелдендірілген, түркі халықтары арасында кең таралған күнтізбе жүйесі бойынша аспан денелерін ұзақ жылдар бойы жіті бақылау арқылы айдың төрт ширектен тұратынын, әр ширектің жеті күнге сәйкес келетінін, сөйтіп бір айда 28 күн болатынын байқаған. Сол арқылы бір жылды 28 күннен тұратын *он үш айдан* (қазақ күнтізбесін арнайы зерттеген Куфтин де бұл пікірді алғаш ұсынған) тұратын күнтізбені қолданысқа енгізген [7, с. 135–137]. Мұнда аса күрделі арифметика болмаса да, жаңылыс болмас үшін есепші маман «*кісе*» деп аталатын қалта жасатып, әр күн сайын оған бір құмалақ сала отырып, мұқият есептеуге талпынған («*Есепшінің есебі кісесінде*» деген тіркес соған байланысты туындаған). Бұл есеп 28 күн x 13 ай = 364 күн есебі Күн қозғалысына негізделген уақыт есептеу жүйесіне ұқсайды.

XIX ғ. соңына ала қазақ есепшілері күнқайырудың жаңартылған басқа жүйесіне көшті. Оны Қарт Наурыз деп атады. Ертеде қазақта жерінің батыс аймағында күнқайыру жүйесі есепші Қазыбектің күнтізбесі бойынша жүргізілген. Түркі тілдерінің екі томдық көлемді салыстырма сөздігін жасаған (1869 ж.) ғалым Л. Будагов қазақтарда 22 март күні тойланатын Жас наурыз, марттың басында тойланатын Қарт Наурыз жайында айта келіп, *Қазыбектің Наурызы* деп аталатын наурыздың болғаны туралы дерек келтіреді. Л.Будаговтың көрсетуінше Қазыбек наурызының Қарт Наурыздан 12–13 күн айырмасы болған (наурыз айының 10–11-леріне сәйкес келеді). Сөздіктегі дерекке қарағанда Қазыбек Кіші жүз, Он екі ата Байұлының Байбақты руынан шыққан [8, с. 294; 7, с. 134]. Оның жасаған күнқайыру жүйесі сиық сұлтандары арасынан, қазақтарға таралып, күллі Түркістан көлемінде қолданылғаны туралы Ә. Диваев жазады [9]. Наурыз, бұрынғы атауы бойынша Ұлыстың ұлы күні күн мен түн теңелуден он күн бұрын келеді.

Есепшілер жыл сайын белгілі бір уақытта қайталап отыратын ауа райындағы құбылыстарды (жауын-шашын, жел, боран, ыстық, суық т.б.) *амалдың* қай кезде болатынын *тоғыс есебі* бойынша анықтап отырған. Сөйтіп, олар күнқайыру жүйесіне амал деген жаңа бір ұғымды енгізді. Амал – жылдың әр айындағы ауа райында қайталанып тұратын табиғат өзгерістері мен құбылыстарының жүйесі [10, с. 555]

Қазақстанның батыс өңірінде амалдың басталуы милади (грегориан) күнтізбесі бойынша наурыз айының 14 күні басталады деген. Сол күні көрісе алмаса, келесі жылға дейін көрісу міндет саналған. Сол күні таң сәріден қалыптасқан үрдіс бойынша көрісу деп аталатын салт атқарылады. «Жылдан есен, айдан аман» өтіп келесі астрономиялық жылға аяқ бастық деп есептелетін бұл күннен бастап, үлкендермен құшақтасып кісілермен қол берісіп, аталас тумаластарға жеті түрлі тағам асады. Қазыбек есебі бойынша Кіші жүз қазақтарында жаңа жылда қауышу, Маңғыстау түбегіндегі қазақтарда *көрісу* ғұрпы грегориан күнтізбесі бойынша 14 – мартта басталады [11]. Осы кезде ауа райы күрт бұзылып, «*бесқонақ*» деп аталатын амал келеді Аңыз бойынша көрісіп барған адам қарлы борасынға ұрынып, бес күн кешіккен екен. Сонан байланысты пайда болған деген аңыз бар. Осы кезде жауған қарды «амалдың ақша қары» деген.

Самарқанның көк тасы жібитін күннен кейін күн жылынады. Құстардың келуімен аралас қарлы жаңбыр, суық жел тұратын қолайсыз дау аралықты қазақ *құс қанаты* амалы атаған. Мұнан кейін қар күрт еріп, жер лайсаң болып, шаруашылыққа жайсыз мерзімді *аласатыран* десе, көктемде алғаш найзағай ойнап, жер бусанатын кезді оңтүстікте *Қызырдың қамшысы шартылдады, қыс кетті* деп есептейді (амал Қызырдың қамшысы аталады) деп

жазған Ә. Диваев [12, с. 283–284]. Осы айдың соңын ала 2–3 күнге созылатын суық жел соғып, *тобылғы жарған* амалы басталады, яғни, өсімдіктер тамыр жаяды, алғашқы көк шыға бастайтын кез.

Мамыр айының алғашқы онкүндігінде бір-екі күнге созылатын суық кездерінде жыл құстары балапанын шығара бастайтын кезді *қызыл жұмыртқа* амалы деп атайды. Мамыр айының аяғында болатын суық желді *Құралайдың салқыны* деп атайды. Өйткені осы желге қарсы киік өз құралайларын (баласын) аяқтандырып, жүгіртіп, өргізеді. Киік қанша көп болса да олар 2–3 күн ішінде түгелдей төлдеп болады. Бұл амалды Маңғыстау қазақтары «*Киіктің лақ өргізбесі*» атаған. Қазіргі ел аузындағы дерекер бойынша мәлімет берушілер оны мамыр айының 14–22 күндеріне шамалас деп топшылайды [11].

Үркердің толғағы аталатын мал-жанға жайлы кезең жаздың орта кезінде басталады. Бұл кезде жер құрғап, шөп буыны қатып, сарғая бастайды. Жаз шілдедегі амалдар туралы деректер жоқ. Іле-шала Сүмбіле туып, су (тан) суиды. Осы кезде күн ысып, буалдыр тартып, 4–5 күн бойы тұратын кезді кейбір өңірде «*киіктің бықсымасы*» деп атайды.

Далада ұзыннан-ұзақ мизамдар шұбатылған, қолайлы шақты *мизам шуақ* деп атайды. Мұны Маңғыстау қазақтары амал емес, қыстың белгісіне санайды. Сол күні мал желге қарап жатса қыс қолайлы, ал ыққа қарап жатса қолайсыз болады деп санайды [11].

Жыл құстарының оңтүстікке қайта бастайтын уақыт «*қараша қаздың қайтуы*» деген амалдың басталғаны деп санайды. Бұл кезде алғашқы қар түседі, күн суытады. Қазақстанның солтүстігінде ерте түскен қар аралас алғашқы аязды жұрт «*Қырбастың қызылы*» деп атайды. Мұнан кейінгі айда қазақ даласында қатты боран басталады. Дәл осы кезде киік текесі үйірге түскен бас-аяғы 2–3 күнде аласапыран күшейеді деп бағамдаған. Сондықтан бұл кезеңді Алтай, Арқада *теке бұрқылдақ* десе, маңғыстаулықтар «*киіктің белбасары*» дейді [11; 13, 11-б.; 16, 56-б.]. Қазақ жерінің табиғи-экологиялық жағдайына, географиялық орналасуына байланысты бұл амалдың түрлі аймақта 5–10 күн айырмашылығы болады. Осыған байланысты көктемнің ортасында киіктердің лактауы 2–3 күннен әріге созылмайды. Киік келеге түсіп болған соң «*жуынып*» тазаланады, әйтпесе көзі көрмей өледі. Егер сол уақытта қар толассыз түспесе теке қырылып қалады. Оның дәлелі – келер жылы қуарған мүйіз бен бас далада қаптап кетеді [11; 14, 43-б.].

Халықтың айтуында *күннің таласуы* дейтін уақыт қыстың дәл ортасына дөп келеді. Осы кезде ауа райы өзгереді, қыс күшіне енеді, сақылдаған сары аяздар болады. Мұны қазақтар *қысқы шілде* деп атаған. Ақпан айының қысы да ақырып келеді. Ат құлағы көрінбейтін борандар осы айларда күш алады. Ай аяғындағы сырғақ пен қатты боранды күндерде қасқырдың арланы мен қаншығы жұптасады. *Сырғақ* деп бұршақтан кіші мұзды қар түйіршіктерін айтады. Көпті көрген көне көздер бұл амалдың *бөрі сырғақ* деп аталуы да осыдан шыққанын айтып отыратын [4; 14, 41–42-бб.].

Киіктің матауы деген амал он жеті тоғысқа (қыркүйектің аяғы, қазанның басына) сәйкес келеді. Бұл кезде киіктің (ақбөкен, қарақұйрық, жайран т.б.) текесі үйірге төседі. Елік, құралай лағын сәуірдің басында өтетін 5–10 күндік салқында өргізеді. Үш тоғыстағы бұл амалды *құралайдың салқыны* дейді. Құралайдың салқыны – мамырдың 19-нан басталады. Бір аптадай қолайлы, салқын күндер болғандықтан Маңғыстау қазақтары жайлауға жетіп қалуға қамданады.

Он бес тоғыста (қазанның аяғы, қарашаның басында) өтетін жауын-шашынды 5–10 күндік амалды есепшілер *бұғының мойын жуары* деп атаған. Бұл кезде бұғы маралмен насай топыр құрады. Марал қодығын сәуірдің аяғы, мамырдың басында ертеді. Таутекенің тауешкімен, құлжаның арқармен үйірге түсетін кезінде – он үш тоғыста (қарашаның аяғы) – өтетін амал – *теке бұрқақ (бұрқылдақ)*. Ол қазіргі есеппен кейде желтоқсанның басында келеді. Келеге түскен соң мойнындағы безі үстін қабыршақ басып жауып қалады. Оны «*Ақкиіктің бұрқағы*» деп атайды, киіктің көзі ағарып кетеді [10, с. 13, 10; 14].

Арқар мен тауешкі төлін мамырдың ортасы ауа өргізеді. Он бір тоғыстағы (желтоқсан) *қаңтардың қарлы бораны* деген амалдан соң, тоғыз тоғыста (қаңтар) өтетін аязды күндерді *ай мүйізді алты күн* немесе *ақпан-тоқпанның (дақпанның) аязы* деп атайды.

Кейбір жылдары, мысалы ақ қоянның жылы қыс қатты болып, көпке дейін күннің сағы сынбай тұрады. Малға жайсыздау тиетін мұндай кездегі амалды «*ай мүйізді алты күн, қаһарлы келсе – қатты күн, қырына алса – қырық күн*» дейді. «*Бес тоғыстың бет жуары*» деген сөз орамы бес тоғыстағы (наурыз айындағы) амалдың (жауын-шашынды 5–10 күн) шаруаға жайлы өткенін білдіреді. Кей жерлерде бес тоғыстан соң он күнде өтетін амалды *отамалы ойылған қыс* деп атайды. Есепшілердің айтуынша отамалының: «*Қара жерге келсем, қар әкелемін, қарға келсем, қар әкетемін*», – дейтін серті бар. Отамалы қара жерге келсе, жайсыздау болып, боранды, жауын-шашынды күн көп болады [15, с. 204; 13, 11-б.; 10, с. 55; 16, 57-б.].

Қазақ күнтізбесіне қатысты қадау-қадау мәселелерді сөз ете отырып, шолу жасағанда, дәстүрлі күнтізбе

ұғымында қазақ жерінің барлық өңіріне ортақтастық, яғни бірегейлік байқалады. Қарт Наурыз немесе Қазыбек есебі батыс және Түркістан өңіріне тән жаңартылған жүйе екендігін айтуға болады. Ал амал есебі жүйесінде қазақтар тұратын кең байтақ аумақтың экологиялық-ландшафтлық ерекшелігіне қарай аталған амалдардың келетін уақыты 5–10 күн ауытқумен келетіндігін айтуға болады.

Әдебиеттер және деректер

1. Хинаят Б. Қазақтардағы этноастрология мен дәстүрлі календарь мәдениетінің бастаулары // Қасымбаев оқулары «Отан тарихының методологиясы мен концептуалдандырудың өзекті мәселелері». Алматы, 2010.
2. Әбішев Х. Аспан сыры. Алматы, 1962.
3. Ысқақов М. Халық календары. Алматы, 1963.
4. Уәли Н. Халқымыздың байырғы күнқайыруы. Ай аттары да – асылымыз // Ана тілі (газеті), Жылқы жылы, № 5, қаңтардың 31-і; № 8, ақпанның 21-і; № 10, наурыздың 7-сі; Қой жылы, № 22, мамырдың 30-ы.
5. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
6. Катанов Н.Ф. Сагайские названия 13 месяцев года // Изв. Об-ва археологии, истории, этнографии при Казанском университете. 1897. Т. XIV. Вып. 2.
7. Куфтин Б.А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казакского народа // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4.
8. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Ч. II. СПб., 1869.
9. Казбеков Ю. Цикловой год у киргиз // Туркестанские ведомости. 1875. № 6.
10. Хинаят Б. Амал – фенологический календарь у казахов // Сборник тезисов VII конгресса этнографов и антропологов России. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. Оренбург, 2009.
11. ҚР МОМ-нің этнографиялық экспедиция материалынан. Мәлімет беруші: Ақбердіқызы Мандайлы. 1927 ж.т. қоян жылды. Адай–Байымбет–Сүгірәлі. Жаңаөзен, Сенек ауылы.
12. Диваев А.А. Месяца по киргизскому стилю с обозначением народных примет // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XIII. Вып 4. Казань, 1896.
13. Әбенайұлы Т. «Наурыз» және Ай мен Амал // Мәдениет. 2008. № 8.
14. Сұлтаншәріп Н. Қазақ күнтізбесіндегі ай амалдары // «Ұлттар ынтымағы». Үрімжі. 1994. № 4.
15. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002.
16. Мәшһүр Жүсіп. Шығармалар. Павлодар, 2007. 11-том.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ. АРХИТЕКТУРА

THE SKELETAL REMAINS FROM OBJECTS № 92 AND № 178 OF THE NECROPOLIS KHAN MOLASY: A SHORT REPORT ON THE ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

Sándor Évinger, Zsolt Bernert, András Bíró, Ágnes Kustár
Department of Anthropology, Hungarian Natural History Museum

Introduction

This report briefly summarizes the results of the general anthropological examination of two skeletons from objects #92 and #178 of the “Khan Molasy” necropolis which is situated in Aktobe region of the Republic of Kazakhstan. Part of the research was carried out in March 2011 in the Central State Museum of Kazakhstan in Almaty, while some additional studies on the skulls were accomplished in Budapest, Hungary during August 2011.

The hypothesis proposed by archaeologists was that one of the skeletons could have belonged to Abulkhair Khan. Thus, aim of the anthropological study was to help solve this question: either by excluding one (or both) of the skeletons if it's clearly not identical with the khan (i.e. if the skeleton is female or too young), or by confirming one as Abulkhair Khan if it showed all the known characteristics (i.e. traumas on the bones which exactly match the descriptions about the circumstances of his death).

Facial reconstruction may also help in solving the question. However, this work on the two skulls has just started in the second half of August 2011 (deadline for this paper also was in August 2011), therefore this report gives only a general information about facial reconstruction methods.

Methods used for the anthropological examinations

When scoring morphological sex, 21 anatomical characteristics bearing sexual dimorphism were taken into account [1,2].

Biological age was estimated on the basis of surface alterations of the facies symphysialis ossis pubis [3], the ossification of cranial sutures [4,5], and the alterations of the sternal ends of the ribs [6]. The wear of permanent teeth was also used for the estimation of age group [2,7].

Cranial and longbone measurements and indices were taken according to the work of Martin & Saller [8]. Stature was calculated by the method of Sjørvold [9], a method that controls for all geographic areas and for both sexes. Cranial indices were categorized into classes according to the recommendations of Alekseev & Debets [10].

Dental examinations were made under artificial light. The frequency and progress of carious lesions, the number of cysts, abscesses and pre-mortem tooth loss, and the level of abrasion were documented. Data were recorded using the methods of Szikossy [11]. The number of incisors and canines with enamel hypoplasia was also determined. To characterize the progress of carious lesions the method of Szikossy & Bernert [12] was applied. To typify the level of abrasion, the scale with six degrees (marked with numbers in this paper) by Huszór & Schranz [7] was used.

The manuals of Ortner & Putschar [13] and Pap [14] were applied for describing traumas and alterations of the bones.

Computer tomographic records of the skulls were obtained with a multislice spiral CT scanner (Philips Brilliance CT 16 slice, Software Version 2.3).

Craniofacial reconstruction methods

Facial reconstruction has a scientific basis, first of all the anatomy of the face. On the other hand, the technology utilised has a lot to do with sculpture, so no doubt, facial reconstruction is a very special field of physical anthropology. Craniofacial reconstruction is the reconstruction of the face based on the shape and surface structure of the mimic muscles and the skull bones. Muscles are shaped throughout their lives in accordance with the stress one has. It is evident that stronger muscles need a more developed muscle adherence to the bones, both on the fields of surface and extension. Thus the unique features of the bones can indicate the degree to which the muscles are developed. Approaching the outlines of the face happens through adding the average soft-tissue measurements. The application of the soft-tissue data in case of a specific reconstruction involves the race, gender and physique. There is a remarkable amount of soft-tissue publications nowadays. The facial soft tissue thickness data collection of the last few decades is implemented with up-to-date technologies, ultrasound and X-ray equipment, as well as computer tomography (CT) and magnetic resonance impulse (MRI) research [15].

At 1895 the German anatomist His reconstructed the head of Johann Sebastian Bach using the soft tissue measurements to control the development of the face. The validity of the experiment was later confirmed by a comparison between the reconstruction and portraits of the composer painted during his lifetime [16,17]. Three years later another German author-pair, Kollmann and Вьchly [18] published a soft tissue thickness table they have measured on different parts of cadaver's face. The traditional method of the facial reconstruction were based on the works of Kollmann & Вьchly and the Russian artist-anthropologist Gerasimov [19].

One of the familiar methods of facial reconstruction is the so-called drawing method, which uses data of the soft-tissue tables to draw the outlines of the face. This is most commonly used in the legal anthropology. The advantage

of the drawing method is the relative quickness, the disadvantage is the fact, that it provides less details and the perspective distortion can cause inaccuracies. Among several other authors, the most famous followers of this method are Gerasimov [20] and Taylor [21].

The sculpting facial reconstruction method applies the average soft-tissue measurements located at different anatomic points on the copy of the skull. The reconstructors follow several guidelines to rebuild the facial features. Gerasimov [19,20] established the sculpting anatomic based technique, rebuilding the muscles of the neck, and the head for reconstruction, especially the muscles for chewing and mimics. Other authors are basically applied the average thickness of facial soft tissue by filling up the spaces of the plasticine net on the skull [22]. Several experts work with the “combined method” that is based on the muscle building, while in the last phase of reconstruction the soft-tissue tables are consulted [23,24,25,26]. All three methods put an emphasis on “reading” the morphological characteristics of the skull and the development of the soft-tissue covering them.

Results

Individual number 92

In general, the skeleton is in relatively good condition. The skull and mandible are only slightly damaged, as are the scapulae, hip bones and several thoracic vertebrae. The cervical vertebrae and the first lumbar vertebra are missing, as are many of the hand and foot bones. The ribs are very fragmentary and incomplete. The longbones are in good condition, save both femora whose parts were drilled and removed due to sample collection for earlier DNA analyses.

Based on the condition of the bones, in a rough estimate, the individual must have been buried at least 150 years ago, but no more than 400 years ago.

Individual 92 is estimated to be an elderly male who died most probably between 55 and 65 years of age.

This individual is somewhat taller than burial number 178, has wider shoulders and hips, and had a strong body shape. The upper extremities are strong, and the muscle attachment areas are well defined. The right arm was more muscular than the left, thus presumably he was right-handed. The muscle attachments of the pelvis and upper leg are well developed, implying regular horseback riding. Based on the tibia, the height was calculated to be 169.07 cm, while based on the humerus its value is 173.08 cm. Thus individual 92 was most probably around 170 cm tall in life.

According to the indices, the skull (Figure 1) is long (dolichokran) and high (length-height index: hypsikran; height-width index: hyperhypsikran), the forehead is medium wide (metriometop). Cranial capacity is very large (hyperaristenkephal). The face and upper face are narrow (leptoprosop, lepten). The orbits are medium high (mesokonch), nasal width is medium (mesorrhin).

From a superior view the skull is ovoid, and from a posterior view is “house-shaped.” The forehead and the occipital are curved. The orbits are round. The apertura piriformis is anthropin, and the spina nasalis anterior is small. The degree of alveolar prognathism is quite large. There is no torus maxillaris or torus mandibularis. No shovel-shaped incisors. Canine fossa is shallow.

Originally, this individual had 31 teeth. 12 teeth (mostly molars) were lost during life (pre-mortem tooth loss), and eight were lost in the soil during the decay of the body (post-mortem tooth loss), thus altogether 11 teeth are examinable. None of these are carious, but the sign of a cyst or abscess (about the size of a pea) is observable on the mandible at the socket of the lower left second premolar. The average level of abrasion is 4.2 on the six degrees scale. Alveolar bone loss can be seen by some teeth, probably due to the effect of long standing periodontal disease. Both lower canines have slightly expressed linear enamel hypoplasia.

In general, many of the joints show osteoarthritic changes that could have been the result of the elderly age and/or way of life. The sternal and acromial ends of both clavicles are arthritic. The costal cartilage of both first ribs

Fig. 1. Skull of burial number 92. Frontal view.

have ossified and fused to the manubrium sterni. The margin of the glenoid cavity by both scapulae are somewhat rimmed, while the proximal epiphysis of the right humerus has a very distinctive rim. The examinable hand bones are all arthritic, some of the metacarpals even show eburnation too. The knee joints are also arthritic, especially the proximal end of tibiae (around the medial condyle) which have marked rims. The vertebrae show clear evidence of chronic physical strain. Several thoracic vertebrae have wedge-shaped body from lateral view, and the cranial and caudal surface of these vertebral bodies are quite concave. The small apophyseal and costovertebral joints in the thoracic region are intact. Lumbar vertebral bodies have lowered height and osteophytes, and their small joints are arthritic. L5 has partial spondylolysis.

Four left-side ribs have healed fractures, all at their angle region. Most probably these were caused at the same time by the same event (i.e. by falling down or by a strong blow/kick), but they reossified and healed completely. Sign of another trauma, in the form of a cut, can be seen on the lower edge of the left maxilla (on the zygomatic process), vertically in line with the infraorbital foramen. This sharp cut was suffered around the time of death (perimortem), as it does not show any sign of healing and the colour of the cut's inner surface is

identical with the outer bone surface's colour. However, this wound by itself was not lethal. Computer tomographic examination did not show any additional trauma or pathological alteration on the skull.

Individual number 178

The skull and the mandible are intact. Roughly half of the left ilium, the body of L5, and parts of longbones (i.e. right femur) are missing as they were used as samples for earlier DNA analyses. In addition, the left patella, the proximal end of the left humerus, and several hand and foot bones are missing. Some of the ribs are quite fragmentary and incomplete. Otherwise the postcranial bones are intact or suffered only slight post-mortem damages.

Presuming average conditions, in a rough estimate, the individual must have been buried at least 100 years ago, but probably no more than 300 years ago.

Individual 178 is estimated to be an elderly male who died most around between 50 and 65 years of age.

This individual is a little bit shorter than burial number 92, has narrower shoulders and hips, but he too had a strong body shape. The upper extremities are strong, and the deltoid tuberosity on the right humerus is particularly well defined. The right arm, as was in the case of individual number 92, was more muscular than the left, so most probably this person too was right-handed. The muscle attachments on the hip bones and on the upper leg bones are very well developed, even more than by the other skeleton, and some of them have strong enthesopathy (i.e. on the iliac crest, on the tuber ischiadicum, on the trochanter major and minor), indicating extensive use and implying regular horseback riding. Calculated stature is 169.71 cm based on the femur, 167.43 cm based on the tibia, and 167.76 cm when calculated from the humerus. Thus individual 178 was most probably around 168 cm tall in life.

According to the indices, the skull (Figure 2) is very short (hyperbrachykran), medium high (height-width indices: metriokran), and high/very high (length-height indices: hypsikran/hyperhypsikran). The forehead is narrow (stenometop), cranial capacity is large (aristenkephal). The face is medium wide (mesoprosop), upper face is narrow (lepten), but falls close to the medium wide (mesen) category. The orbits are low (chamaekonch), nasal width is medium (mesorrhin).

From a superior view the skull is ovoid, and from a posterior view is "house-shaped." The forehead and the occipital are curved. The orbits' shapes are intergrade between the rounded and rectangular forms. The lower margin of the apertura piriformis shows slightly expressed sulcus praenasalis, the spina nasalis anterior is small. The level of alveolar prognathism is small. Moderate torus maxillaris and marked torus mandibularis. Canine fossa is inconspicuous.

Originally, individual number 178 had 29 teeth. Two teeth were lost during life (pre-mortem tooth loss), and 16 were lost post-mortem, thus altogether 11 teeth are examinable. None of them are carious. Sign of one cyst or abscess, about the size of a pea, is present at the left maxillary canine's socket. The average level of abrasion is 4.7 on the six degrees scale, so wear of dentition is very advanced. Similarly to burial number 92, this person also has alveolar bone loss, mainly around the molars, probably due to the effect of a long standing periodontal disease.

Like burial number 92, this individual has moderate osteoarthritic changes in many of his joints that could have been the result of elderly age and/or way of life. Thus, the right shoulder-joint is arthritic with a marked rim around the humeral head. The acromial end of the clavicles and both knee joints (with rims around the joint surfaces) are arthritic, just as the hand and foot bones. The margin of the acetabulum on both hip bones is somewhat rimmed. Small bony spurs are visible at the sacroiliac joint. The vertebrae are slightly osteoporotic, and show clear evidence of chronic physical strain and the degeneration of the spine with aging. On the cervical section of the spine, all vertebral bodies have spondylodiscitis from the caudal surface of C3 to the cranial surface of C7. C3-C7 have pinked bodies. The right inferior articular process of C2 and its counterpart, the right superior articular process of C3 show arthritic changes, just as the right inferior articular process of C3 and the right superior articular process of C4. The latter two also have eburnation on their articular facets. The thoracic section of the spine is in better condition than the cervical and lumbar sections. No Schmorl's nodes are seen. The bodies of T5-T10 have small osteophytes. Lumbar vertebral bodies L2-L4 have bony spurs, while L5 has spondylolysis. The sacral canal is open on the sacrum's last two segments.

No trauma was observable on the bones, and computer tomographic examination did not show any additional trauma or pathological alteration on the skull.

Conclusion/Identification of the skeletons

An assumption was that one of the examined skeletons could have belonged to Abulkhair Khan. According to historical sources, the khan was murdered at 55 years old, and was buried in August 1748. There is no undoubted information about the circumstances of his death, but historical sources maintain that first he received a strong blow to the head and then was stabbed (in his chest) to death while lying on the ground.

Based on the general anthropological examination, the skeletons could be excluded if they belonged to a woman, to a person clearly too young or too old to be Abulkhair Khan, or if they had sign of a significant physical defect that the khan never had. On the other hand,

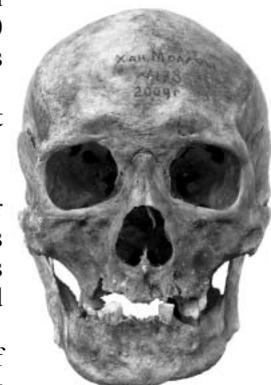

Fig. 2. Skull of burial number 178. Frontal view.

one of the skeletons could be identified as the remains of the khan if every known detail about him (age at death, time elapsed since burial, injuries suffered to death according to the historical descriptions), in ideal case corresponded.

Burial number 92 was an elderly male who died most probably between 55 and 65 years of age, and was buried, in a rough estimate, 150-400 years ago. This individual was around 170 cm tall, had a strong body shape, was right-handed, and his muscle attachment sites suggest that he was quite physically active even around his death, and probably spent a lot of time on horseback in his life. He had no significant physical defect that left a trace on the bones, and the alterations found on the skeleton (osteoarthritic joints, degeneration of the spine, pre-mortem lost teeth) are considered normal for his estimated age. He broke four of his ribs during his life, but all healed in time. However, he has no sign of trauma on his skull from blow to the head, and no peri-mortem injuries from a sharp weapon can be seen on his ribs. On the other hand, many of his ribs are fragmentary or missing, and it is possible to suffer a stabbing to the chest without any damage to the ribs. As regards for the blow to the head, he could have worn a helm and/or the blow was not strong enough to damage the skull, or there was no such hit to the head. Still, he has a peri-mortem injury on the skull: a cut on the left maxilla that he received shortly before, or exactly around, the time of his death. This suggests that this person could have died a violent death, but this wound was not lethal in itself. Having taken all this into consideration, burial number 92 can not be excluded, but neither can be clearly identified with Abulkhair khan.

Burial number 178 was also an elderly male who died between about 50 and 65 years of age, and was buried, in a rough estimate, 100-300 years ago. He was around 168 cm tall in life, thus only a little bit shorter than individual number 92. Similarly to the other skeleton, burial number 178 also had a strong body shape, was right-handed, and based on his muscle attachment sites was quite physically active even around the time of his death, and probably spent a lot of time on horseback in his life. Furthermore, he had no significant physical defect that left traces on the bones, and the alterations found on his skeleton (osteoarthritic joints, degeneration of the spine) are considered normal for his estimated age. He has no trace of any trauma on his bones, but notes mentioned for burial number 92 about the lethal injuries described in the historical sources are valid also for this skeleton. Consequently burial number 178 and 92 are similar to each other in age, in body height, in the presumed body shape, in physical condition, and they probably had the same way of life. Having taken all this into consideration, burial number 178 can not be excluded, but neither can be clearly identified with Abulkhair khan.

By itself, the general anthropological examination was not able to identify one of the skeletons with Abulkhair khan, but neither could it exclude any of them. Therefore, to solve the question the archaeological and molecular genetic evidences should be taken into consideration. In addition, as there are clear differences in some of the main metric and morphological features of the skulls between burial number 92 and 178, their facial reconstruction may also help in solving the problem. These reconstructions, however, are only informative in a case where genuine and extremely detailed pictures of Abulkhair khan are available for comparison.

Acknowledgement

Computer tomographic records of the two skulls were made in the Department of Diagnostic Radiology and Oncotherapy of the Semmelweis University, Budapest.

Text partially revised and translated by Katherine Kondor.

References

1. Éry, K., Kralovánszky, A. & Nemeskéri, J. (1963): Történeti népességek rekonstrukciójának reprezentációja. [Representation of the biological reconstruction of historical populations.] – *Anthropológiai Közlemények* 7: 41–90.
2. Éry, K. (1992): *Útmutató a csontvázleletek feldolgozásához (Posztgraduális szakképzés jegyzete)*. [Handbook of skeletal remain's investigation (Work-book of Postgraduate Education in Physical Anthropology).] – Manuscript. ELTE Embertani Tanszák [Department of Physical Anthropology, Eötvös Loránd University], Budapest, 44 pp.
3. Todd, T. W. (1920): Age Changes in the Pubis Bone: I, The Male White Pubis. – *American Journal of Physical Anthropology* 3: 285–334.
4. Nemeskéri, J., Harsányi, L. & Acsádi, Gy. (1960): Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. – *Anthropologischer Anzeiger* 24: 103–115.
5. Meindl, R. S. & Lovejoy, C. O. (1985): Ectocranial Suture Closure: A Revised Method for the Determination of Skeletal Age at Death Based on the Lateral—anterior Sutures. – *American Journal of Physical Anthropology* 68: 57–66.
6. Iscan, M. Y., Loth, S.
7. Huszár, Gy. & Schranz, D. (1952): A fogszuvasodás elterjedése a Dunántúlon, az újkőkortól az újkorig. (Die Zahnkaries in Transdanubien von der Neolithenzeit bis zur Neuzeit.) – *Fogorvosi Szemle* 45: 3–38.
8. Martin, R. & Saller, K. (1957): *Lehrbuch der Anthropologie I.* — Gustav Fischer Verlag, Stuttgart, pp. 426–596.
9. Sjøvold, T. (1990): Estimation of stature from long bones utilizing the line of organic correlation. – *Human Evolution* 5: 431–447.

10. Alekseev, V.P. & Debets, G.F. (1964): *Kraniometria. Metodika anthropologitsheskih isledovanij.* – Izd.Nauka, Moskva, 128 pp.
11. Szikossy, I. (1993): *Szájpatológiai vizsgálatok a Vörs-Papkert B temető népességén.* [Studies on oral pathology in the cemetery of Vörs-Papkert B.] – Manuscript. ELTE Embertani Tanszék [Department of Physical Anthropology, Eötvös Loránd University], Budapest, 91 pp.
12. Szikossy, I. & Bernert, Zs. (1996): A Kereki-Homokbánya paleosztomatológiai vizsgálata. [Paleostomatological examination of the Kereki-Homokbánya population.] – In: Pálfi, Gy., Farkas, L. Gy. & Molnár, E. (eds.): *Honfoglaló magyarság – Árpád-kori magyarság. Antropológia – régészet – történelem.* [Conquering Hungarians – Árpád period Hungarians. Anthropology – Archaeology – History.] JATE Embertani Tanszék [Department of Anthropology, University of Szeged], Szeged, pp. 189-198.
13. Ortner, D.J. & Putschar, W. G. J. (1981): *Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains.* – Smithsonian Institution Press, City of Washington. 479 pp
14. Pap, I. (1992): *Paleopathológia (Posztgraduális szakképzés jegyzete).* [Paleopathology (Work-book of Postgraduate Education in Physical Anthropology).] – Manuscript. ELTE Embertani Tanszék [Department of Physical Anthropology, Eötvös Loránd University], Budapest, 51 pp.
15. Claes P, Vandermeulen D, De Greef S, Willems G, Clement JG, Suetens P. (2010): Computerized craniofacial reconstruction: Conceptual framework and review. *Forensic Science International* 201(1-3): 138-145.
16. His, W. (1895a): *Johann Sebastian Bach. Forschungen über dessen Grabstätte, Gebeine und Antlitz. Bericht an den Rath der Stadt Leipzig.* — FCW Vogel, Leipzig.
17. His, W. (1895b): Anatomische forschungen Über Johann Sebastian Bach's Gebeine und Antlitz nebst Bemerkungen über dessen bilder. – *Abh Math-Physikal KI Sächs Ges Wiss* 22: 379-420.
18. Kollmann, J. and Büchly, W. (1898): Die Persistenz der Rassen und die Rekonstruktion der Physiognomie prahistorischer Schadel. *Archives of Anthropology* 25: 329-359.
19. Gerasimov, M. M. (1949): *Osznovü vossztanovlenija lica po cserepü.* — Nauka, Moszkva
20. Gerasimov, M. M. (1971): *The face finder.* — Hutchinson and Co., London
21. Taylor, K. T. (2001): *Forensic Art and Illustration.* — CRC Press, Boca Raton, London, New York, Washington D. C.
22. Gatliff, B. P. (1984): Facial sculpture on the skull for identification, *The American Journal of Forensic Medicine and Pathology* 5(4): 327-332.
23. Prag, J. and Neave, R. (1997): *Making Faces. Using Forensic and Archaeological Evidence.* — British Museum Press, London.
24. Skultéty, Gy. (1990): Zusammenfassung des Diavortrages über die Problematik der Gesichtrekonstruktion auf Grund des schadels. *Papers of the Scientific Session in Szeged (Hungary):* 253-262.
25. Kustár, Á. (2004a): The facial restoration of Antal Simon, a Hungarian priest-teacher of the 19th century. – *Journal Homo of Comparative Human Biology* 55: 77-90.
26. Sjøvold, T. (1981): Árpás anatomical method for face reconstruction. – *Ossa* 7: 203-204.

MORTUARY LANDSCAPE OF TURKMEN ETHNICAL GROUPS IN IRAN

Pedram Khosronejad

*Department of Social Anthropology
University of St Andrews, Scotland*

Introduction

Cemeteries and funeral rites can be considered important sources of information for archaeologists, ethnologists and historians who study the lifestyles of both ancient and modern tribal societies.

In the past, there were certain specific traditions in terms of burial rites and funeral customs in countries such as Pakistan, Afghanistan, Iran, Turkey, Iraq, Azerbaijan, Uzbekistan and Turkmenistan and indeed, these countries still possess such traditions today. The proximity of these countries to one another and the migration of nomads between these countries has not only led to the amalgamation of these customs, but has created inter-dependent relationships between the societies of these countries.

One of the individual features common to the tombstones of Iranian nomads is their shape, and the drawings and symbols which are engraved on them. These drawings and symbols are derived from the thoughts and beliefs of these societies.

Since Ancient times, north-east of Iran has been inhabited by Turkmen tribes. Very few studies of the Turkmen nomads and their lifestyle have looked at their cemeteries, and at their tombstones.

My present work is the result of unpublished fieldworks and researches carried out in the Turkmen-Sahra of Iran in regions such as Kalaleh, Qomishan Tapeh, Khalid-Nabi, Gonbad, Maravehtapeh, Incheh Borun, and Dashli Borun, between 1997-98. In this article i focus on the identification and structural analysis of the tombstones – the best method, we think, of researching this topic.

The Appearance of the Cemeteries and Tombstones found on the Iranian Plateau

Death is a phenomenon which constantly preoccupies man. Thus every society develops its own relationship with death, according to its beliefs and ways of thinking. In the majority of societies, it is tombstones that give expression to the society's beliefs about death and about the death of its members.

Nowadays, certain Iranian funeral traditions have been adapted to the rules of the official religion, Shiism. However, the very presence of a cultural heritage of a thousand years of age, probably endowed with its own funeral rituals, and the amalgamation of this heritage with both local traditions and Islamic norms, has meant that every region of Iran has developed its own traditions and culture.

Consequently, the appearance of cemeteries and tombstones is specific to each region. The cemeteries and tombstones can be divided into three categories according to Iranian ways of life and social classification:

1. Cemeteries and tombstones in urban areas,
2. Cemeteries and tombstones in rural areas,
3. Cemeteries and tombstones in tribal areas.

1: The Appearance of Cemeteries and Tombstones found in Urban Areas

The structure and appearance of the cemeteries in large Iranian towns has been developed over the last sixty years. Generally, urban cemeteries are situated in the outskirts of the town, in an open and flat space. The cemetery is divided into large areas called (*bakhsh*), and every (*bakhsh*) is divided into smaller areas called (*qat'eh*). Each area has its own plaque and contains several tombs, each of these also with their own plaque. Thus the deceased are easily identifiable. For example, "Area 64, Number 35" indicates that the deceased is buried in Area Number 64 and Tomb Number 35 of the cemetery.

In these cemeteries, the tombstones, usually made of white marble, are fixed directly to the ground. They vary in length from 100 to 150cm, and in width from 50 to 90cm. Inscribed on the tombstone is the first name, surname, father's name and dates of birth and death of the individual. Sometimes, such expressions as *hoval baqi*, *hoval* ("may he live for evermore") are engraved on the upper part of the stone, expressions which can be found on all the other tombstones. According to the wishes of the deceased and his family, commemorative poems may be engraved at the bottom of the tombstone, or between where the writings are engraved.

Over the last few years, at the family's request, the portrait of the deceased is also engraved on tombstones found in cemeteries in large towns. This practice is probably derived from customs related to the tombstones of the martyrs of the Iran-Iraq war.¹

The names of the cemeteries relate to paradise or to the family members of the Prophet, for example Behesht-e Zahra, "Paradise of Zahra" or Behesht-e Sakineh, "Paradise of Sakineh", (the granddaughter of the prophet and daughter of Fatima and Ali).

After the Iran-Iraq war, the names of certain cemeteries became Golestan-e shohada ("Rose Garden of the Martyrs"), to commemorate the martyrs of this war. In the cemeteries of towns with a strong historical past, there are tombstones of over two hundred years old. Where these old tombstones exist, their appearance and structure almost certainly influenced the composition of the more modern stones.

2: The Appearance of Cemeteries and Tombstones found in Rural Areas

This category of cemeteries can be divided into two groups:

A: Cemeteries belonging to large communities and which imitate the appearance and structure of urban tombstones.

B: Cemeteries belonging to small villages and which are situated outside of, but not far from, inhabited areas, in open spaces, at the foot of the mountains, or near to the tombstones of saints and the descendants of the imam (*Imam-zadeh*). The boundaries of these cemeteries are usually marked very simply by low stone walls.

The tombstones found here are very basic and have no other features other than to give the details of the deceased, preceded by writings from the Koran. The material that they are made of is of little importance. They vary from 100 to 150cm in length, and from 50 to 75cm in width.

Certain cemeteries found near tribal areas contain tombstones influenced by tribal customs.²

3: The Appearance of Cemeteries and Tombstones found in Tribal Areas

Cemeteries found in tribal areas have no common structure or appearance due to the perpetual movement of the nomads. Generally situated in the mountains, they differ from both urban and rural cemeteries. They are not enclosed and their boundaries are simply discernible from the clustering or dispersion of tombstones in the surrounding area.

The tombstones found in tribal cemeteries can be divided into two groups:

¹ In urban cemeteries, a separate area, dedicated to the martyrs of the Iran-Iraq war is named the "Part of the Martyrs". In order to commemorate these martyrs, their families have established certain new customs in this area of the cemetery. The soldier's personal effects, for example, his glasses, his military inscription plaque, in the form of a necklace and his chador (*chafireh*) are placed in a window above the tomb. The martyr's photograph sits imposingly in the centre of this window. It would seem that the recent tradition of engraving the portrait of the deceased on his tombstone comes from these customs surrounding the window that contains the martyr's photograph.

A: Tombstones possessing their own shape and style and which have drawings on them. This tradition, due to tribal ways of life, has been obsolete for the last century. These tombstones consist of a vertical slab, a horizontal slab, or both a vertical and a horizontal slab. In this last case, the drawings are engraved on the vertical stone, which is fixed into the ground, and the writings on the horizontal stone, which is laid on the ground.

B: Tombstones which have been widely used over the last sixty years, and which resemble rural tombstones.

Inscribed on each of these types of stone is the first name, surname, father's name, tribe's name and people's name, and the date of death of the deceased.

Turkmen Cemeteries and Tombstones

The structure of Turkmen society permits the two types of cemetery, for nowadays, the Turkmen live in urban areas, as well as in rural and tribal areas. The cemeteries of Gonbad, Bandar-e Gaz belong to the category of urban cemeteries, and the cemeteries of Maravehtapeh and Kalaleh belong to the category of rural cemeteries. As far as tribal cemeteries are concerned, they are situated in inaccessible areas known only to nomads, and there is no particular name for them.

Within these three categories (urban, rural and tribal), the structure and appearance of the tombstones follow certain identical patterns.

Tombstones of Turkmen

The tombstones of Turkmen ethnical groups in Iran can be divided into three groups, according to their physical structure:

- I. Wooden Totems and memorials,
- II. Stone made tombstones in the shape of Ram horn,
- III. Stone made tombstones in Phallic shapes.

²This type of tombstone will belong, for example, to a nomad who lives in the village. Another instance may be where a nomad has died in that particular village whilst moving his animals to other pasture, and who is buried where he died. A third example may be that the deceased expressed a wish whilst alive to be buried in that particular village because it contained a tomb of the descendant of the imam (*Imam zadeh*).

МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАЗАХОВ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЬЯ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ, АРХИТЕКТУРНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Бекназаров Р.А.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

Памятники Северного Приаралья в научном плане продолжительное время оставались вне поля зрения исследователей. Первые данные о памятниках региона мы можем отметить в трудах российских исследователей (Н.П. Рычков, А.И. Левшин, И.П. Фальк, А.Ф. Негри, А.К. Мейендорф, П.И. Демезон, К.К. фон-Шульц и др.). Несомненно, большая заслуга в изучении памятников народного зодчества степной зоны Северного Приаралья принадлежит И.А. Кастанье, который зафиксировал целый ряд казахских памятников региона, а также таких исследователей конца XIX – начала XX вв., как Д. Беркимбаев, Я.Я. Полферов, А. Матов и др. Немалое значение в изучении и атрибуции казахских памятников Северного Приаралья имеют и «Материалы по киргизскому землепользованию», в которых указываются места расположения некоторых из них, связь последних с зимовками-кыстау, маршрутами перекочевок и т.д.

Во 2-й половине 1940-х годов архитекторами Т.К. Басеновым и М.М. Мендикуловым начинается исследование самобытных памятников Мангышлака и Устюрта, косвенно ставятся также вопросы изучения территории Северного Приаралья [1; 2]. Более последовательно исследуются памятники мемориального зодчества Западного Казахстана с конца 1970-х гг. экспедициями Министерства культуры, Общества охраны памятников республики при участии целого ряда исследователей. Постепенно ареал полевого изучения памятников региона расширяется на севере Арало-Каспия, в том числе и в СПР (экспедиции, возглавляемые С.Е. Ажигали [3; 4]). С 1990-х гг. проводятся также изыскания и в восточной части исследуемого нами района, а именно со стороны Сарыарки (этноархеолог Т.Т. Аршабеков). Следует отметить, что с середины 90-х гг. исследования на территории СПР проводились и автором диссертации – Р.А. Бекназаровым, материалы которых использованы в данном разделе.

Общей особенностью памятников СПР следует считать их развитие под влиянием двух архитектурных мемориальных традиций: общего доминирующего значения западноказахстанской камнерезной традиции, выражающего в распространении региональных малых форм надмогильных сооружений, а именно стел – кулпытасов; а также выраженного влияния архитектурных традиций долины р. Сырдарья и Сарыарки, что нашло выражение в развитии мавзольного зодчества в исследуемом районе, в частности с применением жженого кирпича. В целом, памятники СПР распределяются на три группы: собственно североприаральская (пески Борсыккум), ыргызско-мугоджарская и памятники в водоразделе Ыргыз–Олькейек. Следует отметить, что памятники, тяготеющие к североприаральской традиции, распространены и севернее – на востоке Оренбуржья и в районе Торгайского плато (кулпытасы).

На территории Северного Приаралья в основном распространены казахские мемориально-культурные памятники, относящиеся ко 2-й половине XVIII – началу XX вв., причем абсолютно доминируют кладбища и отдельные сооружения, начиная с середины XIX в. – времени первоначального освоения региона хозяйствами оседающих полукочевников. Из более ранних памятников в СПР следует отметить некрополь Балгасын XIII, XVII – XIX вв., отдельные северные мавзолеи золотоордынского-ногайского времени – Кызылтам, Кесене и др. Казахские мемориальные комплексы в основном представлены небольшими кладбищами, разбросанными в песчаных массивах, долинах рек, на отдельных возвышенностях. Наибольшее их количество в приозерных и приречных, богатых травостоем местностях, которые активно осваивались с 30-х – 40-х гг. XIX в.: например, Мендыколь, Шалкар, Аксакал–Тауп, Кайнар и др. Из крупных комплексов можно отметить только некрополь Хан моласы, возникший в месте гибели Абулхайр-хана, старое шектинское кладбище в Балгасыне, кладбище Сары-ишан ок. пос. Карабутак и некоторые др. В изучаемом районе большое количество одиночных мавзолеев, а также остатков старых мечетей конца XIX – начала XX вв., располагавшихся около старых поселений.

Анализ и характеристика наиболее репрезентативных мемориальных памятников казахов (мавзолеи, ограды, стелы–кулпытасы и коктасы, надгробия «самаркандасы») Североприаральский район особенно богат памятниками мавзольного зодчества, в особенности середины XIX – начала XX вв. Согласно типологии памятников Арало-Каспийского региона [3; 5] в изучаемом нами районе выделяются два основных разряда мавзолеев: однокамерные и многокамерные. Однокамерные мавзолеи подразделяются на три основных типа: центрический, фасадный, портално-купольный. Среди них имеются выдающиеся образцы народного

зодчества казахов, соответственно: Жаныс-тамы, мавзолее Карагула; Омар-тамы; Кали (Карттын)-тамы. Имеется также ряд уникальных многокамерных сооружений, среди которых особо следует отметить мавзолее Алматы Тобабергенулы. При возведении этих крупных памятников используются различные материалы: традиционный сырцовый кирпич, жженный кирпич, редко камень, дерево. Появление этих самобытных сооружений зодчества, несомненно, было связано с новациями в социально-экономическом устройстве казахского общества в новое время в связи с началом перехода к полуседлости, новыми возможностями мастеров-строителей, не занятых уже полностью в годичном кочевом цикле.

В Северном Приаралье широкое распространение получают также различные бескупольные ограды – как простые, округлые, овальные в плане, так и четырехугольные типа «торткулак». В их строительстве используются местные, подручные, более разнообразные материалы, но в основном саман, кирпич-сырец, пласты дерна (шым), камень, дерево, на позднем этапе жженный кирпич, металл. В южных районах СПР имеет распространение такой самобытный вид надмогильных оград как «шеген» – из чередующихся прослоек камыша (рогоза) и земли. В отличие от манкыстау-устюртского района, архитектурные ограды – саганатамы из опиленных каменных блоков здесь не имеют распространения. Данные памятники имеют значительное разнообразие в планировке – овальные, округлые, квадратные, прямоугольные, усложненной ломаной конфигурации, с пристройками и т.п.; в технике возведения стенок – от регулярной кладки до примитивной наброски [6].

Из традиционных малых форм надмогильных памятников казахов Северного Приаралья наибольшее распространение имеют камнерезные стелы – кулпытасы, хотя они и не так многочисленны, как в других районах Западного Казахстана. Встречаются объемные, ярусные типы стел (достаточно редко – на западе СПР) и плоскостные эпиграфические (на востоке). Памятники изготавливаются из известняка и известняк-песчаника, содержат арабграфичную эпитафию, реже тамги, а также орнаментальный декор. В восточных районах Северного Приаралья, пограничных с Сарыаркой с середины XIX в. получают распространение особые стелы типа «коккас» из твердой породы серого, белесого камня – как местного, так и привозимого из южных районов (Нуратау). Некоторые коккасы по композиции напоминают узкие надгробные камни, но врываются вертикально, как и кулпытасы.

Следует отметить, что в восточной части исследуемого района имеют распространение и, собственно, небольшие каменные надгробия типа «самаркандас», название которых происходит от вышеуказанного белого, мраморовидного камня, привозимого с юга, «из районов Самарканда». Памятники несколько более крупные, массивные, нежели коккасы, устанавливаются горизонтально, над могилой. На верхних или боковых гранях надгробий мелким шрифтом высекается арабграфичная эпитафия, в том числе на казахском языке, иногда дополняемая рельефным декором. Эпиграфика вышеуказанных памятников Северного Приаралья имеет немаловажное историко-культурное, этнографическое, этнолингвистическое значение, поскольку свидетельствует об уровне грамотности населения, о расселении родоплеменных групп, об особенностях языка, лексики местных казахов.

Необходимо отметить, что в рассматриваемом ареале имел распространение такой самобытный вид надмогильных сооружений казахов, как стрельчато-сводчатые нагробия типа «сагана» из саманного, сырцового, редко обожженного кирпича, пластов дерна и называемые «сопы» или «сұпы». В основном они встречаются в прибрежной части Арала, на востоке СПР: очевидно, их распространение связано с погребальными традициями более южных приаральско-среднеазиатских областей, куда в прошлом (до середины XIX в.) укочевывали на зимовки казахи Северного Приаралья. Для других районов Западного Казахстана эти памятники не характерны.

Проведенные многолетние изыскания на территории Северного Приаралья значительно расширили ареал традиционных казахских мемориально-культовых памятников XIX – начала XX вв., которые являются важной частью этнографической культуры населения степного региона. Повсеместное их распространение здесь соответствует процессу активного хозяйственного, поселенческого освоения полукочевниками с середины XIX столетия северных степных территорий.

На основе полевых этнографических, этноархеологических материалов, исторических источников показано распространение *мечетей* в Северном Приаралье, которое, отчасти, наблюдалось ещё с конца XVIII в., но особенно активизировалось во 2-й половине XIX в. Возведение мечетей, а с ними и более глубокое проникновение исламской идеологии в скотоводческую среду, было, естественно, связано с переходом к полуседлости значительной части степняков, но также и само являлось немаловажным фактором их седентаризации. В процессе распространения ислама среди казахов региона прослеживается борьба двух

направлений: южного (религиозные школы Туркестана, Хивы, Бухары, в большей степени суфийского направления) и северного (официальные теологические центры Казани и Уфы). Условной границей сфер влияния этих двух направлений можно считать долину р. Эмба, южные отроги Мугоджаров, низовья Ыргыза, до местности Курдым.

Основными типами этих культовых сооружений в северных районах были мечети «татарского типа»: многокамерные прямоугольные здания с минаретом, с большим молельным залом с михрабом и др. помещениями в интерьере. Они возводились из разных материалов: камня (мечеть Атыюлла-Казырета в бассейне р. Илек), красного жженого кирпича (мечеть Самурата, пос. Жабасак, водораздел Ыргыз–Олькейек; мечеть акына Дюйсемби в низовьях Торгая), сырцового кирпича (мечеть Жоламана, южнее г. Актобе), иногда использовали и дерн–шым (мечеть Дильмаганбета, восточные отроги Мугоджаров). В перекрытиях, как правило, использовалось дерево.

Мечети южнее выбранной условной границы, в большинстве своем строились в местах выхода источников пресной воды и составляли культово-жилищные комплексы, включающие в себя помимо самого здания мечети целый ряд подсобных и хозяйственных строений. Последние возводились из кирпича-сырца и саманного кирпича на глиняном растворе. В некоторых случаях сама мечеть строилась на мощном каменном фундаменте или глинистом стилобате. Перекрытия помещений служили купола, а проемов – арочные своды, а также перемычки из дерева, каменных плит и т.п. Одной из причин появления таких специфических сооружений-комплексов в казахской степи, на наш взгляд, явилось распространение в Северном Приаралье ислама посредством мистико-аскетического его течения – суфизма [7, с. 228; 8; 9, с. 50–55]. В результате влияния суфизма, в особенности его туркестанской ветви – ясавийа, происходило своеобразное реформирование мусульманского обрядового цикла, распространение института/построек типа «ханака». Местные, приаральские ханака превращаются в комплекс строений, объединяющих место захоронения «святого», мечеть, медресе, жилые и хозяйственные постройки – как, например комплекс могилы Гапара, Баспака и др. Они несли в себе двойную нагрузку, именно как сооружения мемориально-культовые, совмещающие функции мечети и места захоронения «святого». Такие небольшие комплексы предназначались для кочевников, которые во время перекочевок могли совершить поклонение, мусульманский ритуал. Следует предположить, что входные башенки в таких комплексах выполняли функции полевой мечети. Традиция таких построек в последующем получает свое развитие в возведении мемориальных оград с входными проемами в южной стене [10; 11].

Достаточно многочисленные мечети Северного Приаралья 2-й половины, конца XIX – начала XX вв., доказывают, что кочевое, полукочевое население Казахской степи находилось под усиленным воздействием, влиянием исламских религиозно-духовных центров, которое, фактически, совпало с переходом значительной части населения региона к полукочевничеству.

Анализ деятельности *мастеров-строителей и профессиональных народных архитекторов*, которые занимались возведением мемориально-культовых памятников показывает, что в зависимости от местных заказов возведением простых сооружений из сырцового кирпича, природного камня и т.п. могли заниматься умельцы-любители, мастера-строители. Следует заметить, что в перечне «ремесленных и кустарных промыслов» казахов региона середины XIX – начала XX вв. упоминаются такие специальности, как кирпичники и каменщики. Причем набор их рабочих инструментов был традиционно не богат, в основном лопата, лопаточка-мастерок, топорик, молоток. Изготовлением каменных надмогильных сооружений (для которых был необходим твердый инструмент) нередко занимались кузнецы. В любом случае, каменотес должен был иметь у себя под рукой такие инструменты кузнеца, как наковальню, молот, клещи. Таким образом, изготовление надмогильных памятников совмещалось с другими видами деятельности мастера-строителя, ремесленника, что в XIX в. наблюдалось во многих районах Казахстана.

Вместе с тем, в середине XIX в. в Северном Приаралье появились профессиональные казахские мастера-строители, народные зодчие, свидетельством чего является целый ряд выдающихся памятников этого времени: мавзолей Жаныса, Карагула, Акколка, Омара и др. Процесс выделения небольшой прослойки народных архитекторов усилился в конце столетия – появились специалисты *тамшы, тасшы, бәдіші*, которые, зачастую, объединялись в небольшие артели по родственным связям. Известны имена некоторых народных зодчих Северного Приаралья – Ыршым, Меирбек-уста, Кошык Еспенбетулы, Жига, Шомбал Бектасулы и др.

Одним из достойных наследников этой школы казахских зодчих в 1-й половине, середине XX столетия был Айдос Муратов, уроженец Шалкарского р-на Актюбинской области. Он профессионально занимался возведением мемориальных архитектурных сооружений, изготовлением кулпытасов. В 1940-х – 50-х гг. Айдос

Муратов помогал архитектору Т.К. Басенову в сборе материалов по западноказахстанскому мемориальному зодчеству. Он был одним из последних в послевоенный период мастеров-камнерезов, работавших в традиционном стиле и даже участвовал в это время в работах по оформлению зданий в центре г. Алматы. При этом он также являлся непревзойденным мастером-прикладником (резьба по кости, дереву, производство обуви, седел) и многие его изделия представлены в различных музеях (Шалкар, Актобе, Алматы).

Хотелось бы отметить особую важность изучения деятельности казахских народных зодчих, как яркой страницы в истории культуры казахского народа и имеющей особо актуальное значение сейчас, когда наблюдается тенденция определенного возрождения традиционного стиля в мемориальных памятниках.

Таким образом, полевое исследование мемориально-культурных памятников Северного Приаралья выявило ряд уникальных сооружений народного зодчества казахов. Среди них выделяется целая группа самобытных купольных мавзолеев, свидетельствующая о существовании в этом районе в середине XIX – начале XX вв. незаурядной школы казахского зодчества. Традиционные формы мемориальных памятников (стелы – кулпытасы, коктасы, надгробия типа «сұпы», «самаркандас») подтверждают расселение казахов-полукочевников в регионе в указанный период в связи с образованием системы зимовок на севере. Распространение в Северном Приаралье в эту эпоху мечетей показывает, что скотоводческое население степи находилось под активным воздействием ислама. При этом религиозное соперничество различных мусульманских центров на территории СПР совпало по времени с переходом значительной части населения к полукочевому образу жизни и способствовало утверждению мусульманства в степи как идеологии.

Литература

1. Басенов Т.К. Архитектура Казахстана VII–XII веков // Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
2. Мендикулов М.М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987.
3. Ажигали С. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
4. Ажигали С. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сб. ст. Вып.1. Алматы, 2001.
5. Бекназаров Р.А. Мавзолей Кайнар – уникальный памятник казахов Северного Приаралья сер. XIX – нач. XX вв. // Поиск. Серия гуманитарных наук. 2007. № 2.
6. Бекназаров Р.А. Место захоронения Абулхаир хана: мифы и реальность в его определении // Казахстан-Спектр. 2008. № 2.
7. Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991..
8. Сагандыкова Н. Новый век Яссави // Восточная коллекция. 2005. № 3.
9. Ариф Усман. Крупнейшие суфийские братства Центральной Азии. Самарканд, 1999.
10. Бекназаров Р.А. Суфизм в Северном Приаралье: на основе анализа мечетей Борсык-кум // Казахская цивилизация. 2007. № 1 (25).
11. Бекназаров Р.А. Мечети Северного Приаралья (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографическое исследование // Отан тарихы. 2007. № 2.

К ВОПРОСУ О «ПИРАМИДАЛЬНЫХ МАВЗОЛЕЯХ» В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Зиливинская Э.Д.

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва

«Пирамидальные мавзолеи» представляют собой довольно редкий, архаичный тип архитектурных надмогильных сооружений, которые были распространены в Средней Азии, Семиречье (Жетысу), Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане. Они датируются в широком временном диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. [1, с. 61–67]. Большая часть этих построек сложена из сырца и пахсы, но есть и каменные. Наиболее известны мавзолеи Дынгек и Козы Корпеш–Баян сулу в Жетысу [2, с. 273–278]. Они были выстроены из камня-плитняка на глиняном растворе. Квадратное в плане помещение этих сооружений перекрыто очень высоким коническим куполом, сложенным в технике «ложного свода». Памятник Дынгек достигал 8 м высоты, Козы Корпеш–Баян сулу еще выше, 12 м высотой. Г.А. Пугаченкова высказала

предположение, что «пирамидальные мавзолеи» возникли у кочевых и полукочевых тюрок (сельджуков), и форма их восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям [1, с. 57–77]. Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Гильома де Рубрука пирамиды, водружаемые на курганах половцами. Рубрук пишет, что половцы «не только насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую», но «строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома...» [3, с. 101].

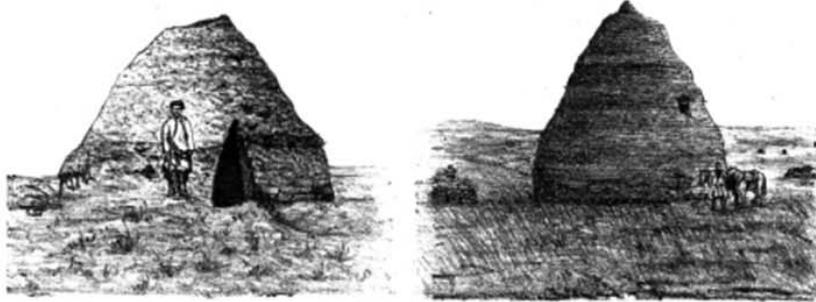
А.Х. Маргулан, описавший пирамидальные надгробные сооружения Центрального Казахстана, датировал их VIII–IX в. и считал их памятниками кыпчаков [см.: 4, с. 7]. По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их с типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием [1, с. 69–74]. Одним из примеров таких мемориальных построек достаточно архаического облика является башня Бегим-ана («Бегим-мунара») в низовьях Сырдарьи. Мавзолеи с пирамидально-коническим перекрытием, распространенные в VIII–XI вв. в Центральном Казахстане, доживают в Арало-Каспийском регионе до современности [5, с. 222–223, 226–231 и др.].

Несколько многогранных в плане погребальных сооружений (по всей видимости с пирамидальным покрытием) были выявлены при раскопках могильников в Нижнем Поволжье. Два таких многогранных мавзолея, построенных из сырцового кирпича, найдены при раскопках курганных групп Кривая Лука XVII и Кривая Лука XXIV в Черноморском районе Астраханской области (рис. 2, 1–2). Мавзолей № 1 представлял собой в плане восьмигранную постройку с мощными стенами, слегка наклонными кверху снаружи и четырехугольным внутренним помещением (рис. 2, 1). Вход в него был сделан с южной стороны, порог находился на уровне верха четвертого кирпича в стене. Вся постройка сложена целиком из сырцового кирпича, пол внутреннего помещения выстлан одним слоем кирпичей, так же как и верхняя часть площадки пандуса, ведущей к входу. Максимальная высота хорошо сохранившейся части стен до 6 кирпичей (0,6 м). Выше, по крайней мере, 2 слоя кладки, разрушены распашкой.

Внутреннее помещение ориентировано по сторонам света с небольшим отклонением к В. Углы внешнего восьмигранника совпадают по осям с углами помещения и с серединами его стен. Внешние углы, соответствующие углам помещения, равны 117–120 градусов; углы, приходящиеся на середину внутренних стен – 154–159 градусов. Расстояние между противоположными внешними углами различно – от 6,9 м до 8,32 м. Длина внешних стенок составляет 2,7–3,1 м. Внешняя поверхность стен имела наклон, который составлял 15–20 см на высоту 6 кирпичей. Толщина стен в углах, ориентированных по сторонам света и соответствующих центрам стен внутреннего помещения, составляет 1,8 м. Внутреннее помещение представляло собой неправильный четырехугольник слегка ромбического очертания, направленный более острыми углами на СЗ и ЮВ. Расстояние от северо-западного до юго-восточного угла – 4,9 м, от северо-восточного до юго-западного – 4,5 м; длина стен в камере – 2,3 м. Вход, шириной 75–80 см, находился в южной стене. Снаружи к нему вел пандус длиной около 3 м. В проходе были сделаны три ступени, которые опускались от верхнего уровня пандуса на уровень пола помещения. Пол внутреннего помещения выложен по всей площади кирпичами в один слой. Внутренняя поверхность стен носила следы глиняной обмазки. В помещении находилось одно погребение.

Мавзолей № 2 также был восьмигранным (рис. 2, 2). Толщина его стен 1,4–1,45 м. Длина стен по фасаду от 2,75 до 3,40 м. Внутреннее помещение мавзолея представляло собой неправильный ромб со сторонами от 4,0 до 4,5 м длиной. В углах были устроены маленькие суфы из сырцового кирпича. В северо-восточном и юго-восточном углах они были прямоугольными и примыкали длинными сторонами к северной и южной стенам. В северо-западном и юго-западном углах суфы имели Г-образную форму. Пол сооружения был глинобитным. В помещении находилось одно погребение.

В Волгоградской области при раскопках юго-западной окраины Царевского городища исследованы остатки многогранного в плане мавзолея [8, с. 227–237]. Постройка была полностью разобрана, и авторам раскопок пришлось проследить ее по траншеям выборки стен. Здание было шестигранным в плане (рис. 2, 3). Длина его стен по внешнему контуру колебалась от 3,1 м до 4,7 м. Входной проем находился с восточной стороны. Стены мавзолея были сложены из обожженных кирпичей. От кладки сохранился небольшой фрагмент в 5,5 рядов кирпичей. Толщина стен составляла около 1,3 м. Размеры внутреннего помещения, шестиугольного в плане, составляли 6,6 м между противоположными углами и 5,8–6,0 м – между стенами. Пол помещения был земляным, следов погребения внутри не обнаружено. Возле траншеи выборки стен сооружения расчищен мощный завал из обломков обожженных кирпичей, в том числе и с обточенными поверхностями, кашинных изразцов с бирюзовой поливой и известкового раствора. Таким образом, кирпичные стены постройки снаружи

1

2

3

4

5

6

Рис. 1. Пирамидальные мавзолеи Казахстана: 1, 2 – в Центральном Казахстане; 3, 4 – Дынгек и Козы Корпеш–Баян сулу в Юго-Восточном Казахстане (по И.А. Кастанье); 5 – Бегим-ана («Бегим мунара») на Нижней Сырдарье; 6 – на совр. кладб. в Кызылординской обл.

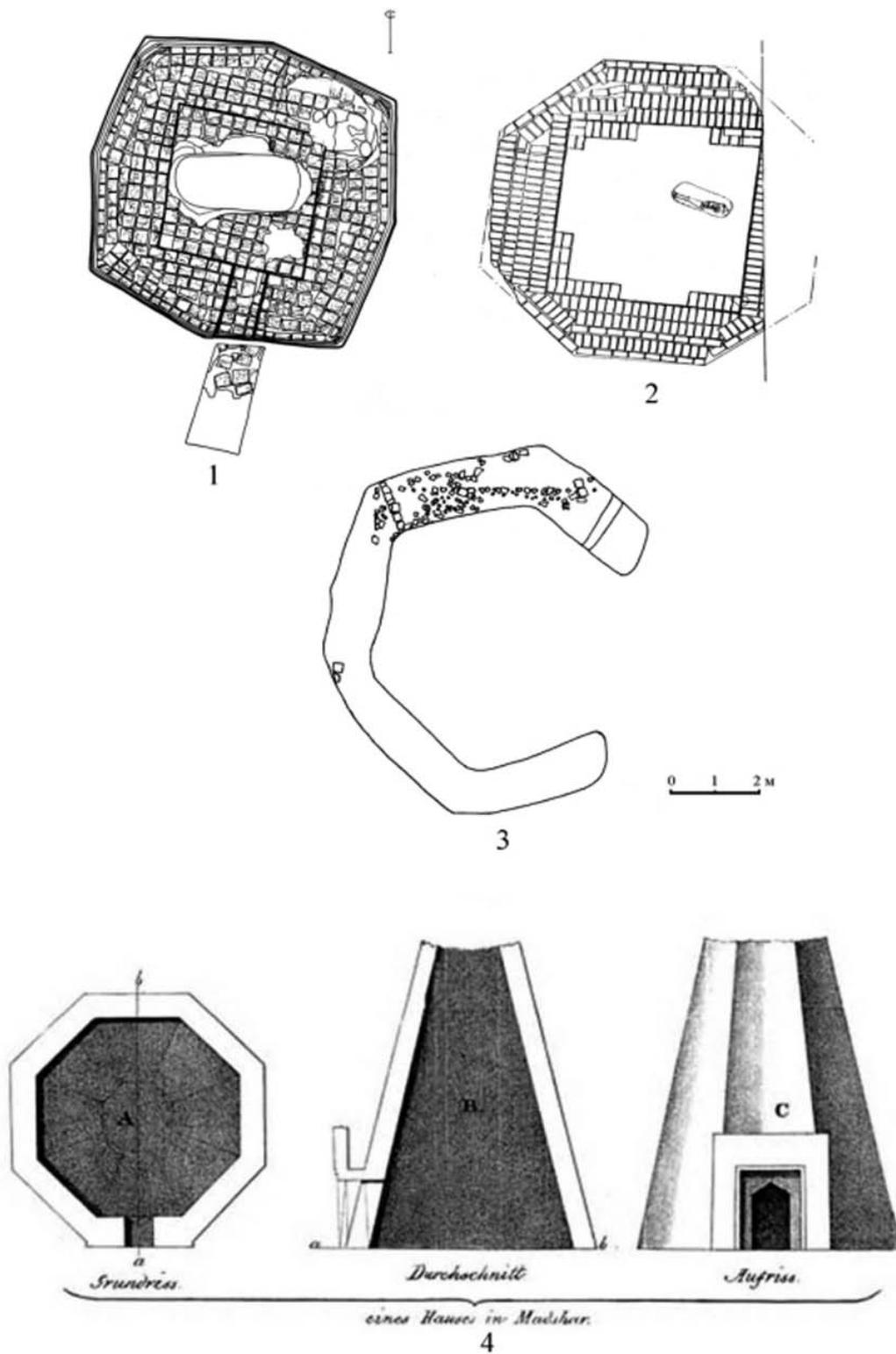

Рис. 2. Пирамидальные мавзолеи Поволжья и Северного Кавказа: 1, 2 – на Кривой Луке; 3 – в Царевском городище; 4 – в Маджаре (по А.Ф. Бюшингу)

имели облицовку, состоявшую из кирпичей с отшлифованной лицевой поверхностью, чередующихся с бирюзовыми изразцами. Кладка облицовки была сделана на известковом растворе. В завале также найдены пятиугольные кирпичи, которые могли использоваться в кладке углов здания и трапециевидные кирпичи, применяемые для кладки округлых конструкций – сводов, куполов, конических шатровых покрытий.

Восьмигранный мавзолей найден при изучении могильника Солодовка 1 в окрестностях Царевского городища [9]. Сложен он был из квадратного сырцового кирпича. Стены сохранились на высоту от 3 до 6 рядов кладки. Сооружение имело форму восьмиугольника с равными сторонами длиной 2,9 м. Внутреннее помещение было круглым в плане диаметром 4,2 м. Внутри мавзолея находилось одно погребение. При расчистке помещения были найдены две мозаичные плиты (целая и фрагмент). Они имели форму прямоугольника со срезанными верхними углами, то есть пятиугольника. Размеры их 23,5 x 26,5 см. По краю этих плит был сделан бордюр из прямоугольно вытянутых изразцов синего и бирюзового цветов. Внутреннее поле заполнено крупными восьмиугольными изразцами лилового цвета, которые по периметру окружены небольшими квадратными вставками голубого и синего цветов. Совершенно очевидно, что эти плиты являются торцевыми стенками надгробия типа «сагана». Само надгробие не сохранилось. Вероятнее всего, оно было глиняным, побеленным сверху, а торцы его украшали мозаичные плиты.

Эти многогранные в плане постройки являлись либо башенными, либо пирамидальными мавзолеями. Определить точно, к какой из двух категорий они относятся, при столь плохой сохранности не представляется возможным. Некоторые допущения можно сделать на основании отдельных деталей. Мавзолей Царевского городища, возможно, был башенным, так как там найдены лекальные кирпичи, из которых мог быть сложен купол. Кроме того, его внутренний контур повторяет внешний. Мавзолей в Солодовке имел круглое внутреннее помещение и, вероятно, также был башенным. Мавзолеи на Кривой Луке, скорее всего, были пирамидальными, так как стены мавзолея № 1 имели отчетливый наклон. Кроме того, как нам кажется, о пирамидальности объема может свидетельствовать большая толщина стен и четырехугольная форма внутреннего помещения.

Еще одним регионом Золотой Орды, где известны мавзолеи «пирамидального типа», является Северный Кавказ. Одна из таких построек, происходящая из крупнейшего на Кавказе золотоордынского города Маджара, приведена на рисунке А.Ф. Бюшинга [10, с. 530]. Это восьмигранное в плане здание, сужающееся кверху. На одной из граней находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Вход был перекрыт стрельчатой аркой, которая выделена П-образной рамой. Э.В. Ртвеладзе приводит примерные размеры этого мавзолея. Внутреннее расстояние между стенами около 8 м, толщина стен – 1 м, ширина портала – 4 м, высота портала – 4,5 м. Общая высота здания при этих размерах составляла более 12 м [11, с. 273]. С.-Г. Гмелин, оставивший описание маджарских развалин, пишет о сужающихся пирамидально зданиях в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы [12, с. 8, 11].

Таким образом, мемориальные сооружения пирамидальной формы известны не только на территории Казахстана, но и в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Возникнув в домонгольское время как надмогильные архитектурные памятники кыпчаков, в дальнейшем они развились в башенные мавзолеи. В золотоордынское время ареал пирамидальных построек расширился и они превратились в мусульманские мавзолеи. В мемориальном зодчестве Золотой Орды они представляют домонгольскую, кочевническую традицию.

Литература

1. Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Вып. 1.
2. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК. Оренбург, 1910. Вып. XXII.
3. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М., 1997.
4. Мендикулов М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана // Изв. АН Каз СССР. Алма-Ата, 1950. № 80. Сер. архитект. Вып. 2.
5. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
6. Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7. Волгоград. 2005.

7. Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2.
8. Блохин В.Г. Исследование мемориального комплекса на юго-западной окраине Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2008. Вып. 9.
9. Глухов А.А. Отчет о работе археологического отряда «Гюлистан» Волжского гуманитарного института Волгоградского государственного университета на территории Ленинского района Волгоградской области в 2005 г. // Архив Ин-та археологии РАН, Р-1 № 25967.
10. Magazin fur die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Vysching. Hamburg, 1771.
11. Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА. 1973. № 1.
12. Шестаков П.Д. Напоминание о древнем городе Маджаре // Тр. IV археологического съезда. Казань, 1884. Т. 1.

МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ СООРУЖЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Кожа М.

Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, Туркестан

Эпоха древних тюрков оставила на территории Казахстана различные категории памятников. Однако целый ряд монументальных сооружений, напрямую связанных с правящей элитой тюркских племен Казахстана, остается малоисследованным. Целью настоящей публикации является обобщение накопленного материала о монументальных доисламских сооружениях кимеков и кыпчаков.

Первым об особых памятниках знати основных насельников Дешт-и Кыпчака сообщил Гильомде Рубрук, проехавший через срединную часть Степи в 1253–1255 гг. в Каракорум. Отмечая памятники, которые ставят кыпчаки, Рубрук пишет: «Они строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там и не находится» [1, с. 102].

Капитан И.Г. Андреев, дал одно из первых описаний степной «пирамиды»: «При реке Аягуз находится древнее строение, построенное из дикого плиточного камня, наподобие пирамиды; стены внутри убраны, равно как вытесаны, и сведены сводом; одни вхожие двери, и на двух стенах по одному окну. И все строение укреплено по древнему азиатскому обыкновению деревянными связями. Внутри оно поставлены три статуи: одна мужская, а другая – женская рядом, из коих мужская с опущенными вниз руками, а женской одна опущенная, а другая приложена к груди, как бы что принимала, коим статуям киргизцы, подошед, по суеверию своему, в руку сию кладут приношения. Третья стоит поодаль у стены, смотрящая в окно; величиною все в совершенной человеческой рост, иссечены из камня. О мужской статуе сказывают что то хан древний Баян, а женщина – его жена Кузукурпеч...» [2, с. 49–50].

Особенности архитектуры памятников, наличие каменных изваяний внутри них отличают «пирамидальные» сооружения от мусульманских гробниц эпохи средневековья. Сооружение Козы Корпеш–Баян сулу является ключевым памятником в познании степных «пирамид». Об этом монументальном здании сохранился целый ряд источников, анализ которых помогает определить назначение и время возведения аналогичных по устройству памятников. Память народа связывает «пирамидальный» памятник с именами героев широко известного народного эпоса «Козы Корпеш–Баян сулу».

Архитектурный памятник Козы Корпеш–Баян сулу находится в Аягузском р-не Восточно-Казахстанской (б. Семипалатинской) области в 6 км к юго-западу от ж/д станции Тансык. Здание возведено из каменных плит и представляет собой однокамерное, квадратное в плане сооружение с наружными размерами 7,1 x 7,1 м; имеет высокое пирамидальное завершение. Вход в здание в северо-восточной части здания, находится на высоте 1,2 м от современного уровня земли. Судя по фотографиям, высота здания превышала 10 м. По другим данным 14 м. К сожалению, еще до революции 1917 г. верхушка сооружения Козы Корпеш–Баян сулу была сбита снарядом из артиллерийского орудия. Изваяния со временем вытащили наружу и разбили [3, с. 46]. В 1897 г. голову одного изваяния увез германский генерал-губернатор Восточной Африки майор фон-Виссманн [4, с. 376]. Само здание в XX в. подверглось ряду серьезных переделок. «Реставраторы» из студенческого строительного отряда Семипалатинского медицинского института в 1970 г. заново переложили верхнюю часть памятника и установили жестяной полумесяц на верхушку. Затем они заменили внутреннюю штукатурку и

произвели побелку, поверх которой была произведена роспись масляными красками. Сюжет включал в себя изображения Козы Корпеша и Баян сулу, двух всадников с факелами и орнаментальную роспись. Студенты соорудили два ложных надгробных возвышения, хотя результаты раскопок, произведенных антропологом Н.Ж. Шаяхметовым, показали, что внутри здания погребений нет [5]. Последняя по времени «реставрация» здания была воспроизведена в 2000-х гг.

Историки архитектуры и археологи XX в. расходились по вопросам датировки, определения функционального назначения сооружения Козы Корпеш–Баян сулу. В середине 1970-х гг. археолог А.А. Формозов [6, с. 90] отмечал: «История архитектуры Казахстана разработана мало и о возрасте мазаров, говорить пока что трудно. Даже самый популярный памятник – мавзолей казахских Ромео и Джульетты – Козы Корпеш и Баян сулу в Прибалхашье (легенда о них привлекла внимание А.С. Пушкина) ученые датируют весьма осторожно – где-то между VIII и XVI вв.». Время возведения памятника В.В. Радлов [7, с. 434] относил к XVII или XVIII в., А.Х. Маргулан [8] – к VIII–X вв., М.М. Мендикулов [9, с. 16] – к XV–XVI вв., Г.Г. Герасимов [10, с. 50] – к XIII–XV вв., Т.К. Басенов [11, с. 17] – к XVII вв., Я.А. Шер [3, с. 46] – X–XII вв.

Т.К. Басенов дату строительства данного памятника и других, возведенных из плиточного камня, относил к XVI–XVII вв., считая, что частые опустошительные набеги калмыков ставили под угрозу срыва всякие продолжительные сезонные работы (обжиг, кладку кирпича и т.д.) и исключали возможность заниматься художественной отделкой памятников. В подтверждение своего предположения Т.К. Басенов [11, с. 18] приводил «следующие обстоятельства: во-первых, утрачены всякие воспоминания о времени постройки, что характерно для эпохи, когда опустошительные бедствия действовали на сознание и память народа весьма тяжело; во-вторых, сохранившиеся легенды непременно связаны с калмыками».

Первые исследователи истории архитектуры Казахстана, обобщая огромный материал и воссоздавая первую, общую картину развития строительного искусства в эпоху средневековья и нового времени, не могли учесть весь комплекс данных по каждому отдельному памятнику. Сооружение Козы Корпеш–Баян сулу, на наш взгляд, никак не могло быть построено в спешке, в период набегов и войн. А.И. Левшин [12, с. 107], описывая здание, еще не подвергшегося артобстрелу, переделкам, особо отмечает, что сооружение «весьма тщательно построенное из каменных гладких плит». Часть сохранившейся, древней внешней облицовки здания просматривается на фотографиях в книге Н.Н. Пантусова [13, с. 17–18]. Обработка такого строительного материала как камень и его перевозка в старину, возведение сооружения требовали значительных затрат труда, средств и специального мастерства.

Отсутствие «воспоминаний» о времени сооружения Козы Корпеш–Баян сулу, на наш взгляд, наоборот, должно служить основанием для удревления хронологии памятника. События же времен джунгарско-казахских войн по сравнению с предыдущими эпохами отразились относительно удовлетворительно в исторической памяти народа. Однако в них отсутствует какая-либо информация о сооружении Козы Корпеш–Баян сулу или о героях одноименного эпоса. Как считают исследователи казахского эпоса «в казахских эпических поэмах слово «калмык» часто употребляется как синоним слова «враг», «иноверец» [14, с. 22].

Более обоснованными представляются датировки А.Х. Маргулана [8] и Я.А. Шера [3, с. 46], к которым в конце 80-х гг. XX в. присоединились М. Ходжаев [15] и М. Сембин [16]. А.Я. Шер [3, с. 46] при обосновании датировки опирался на иконографию скульптур, находившихся внутри сооружения, отмечая их близость к южнорусским «каменным бабам», а также на наличие сооружения подобной формы в Восточной Монголии, которые датируются X–XII вв.

По А.И. Левшину [12, с. 107], еще в 1-ой половине XIX в. в сооружении Козы Корпеш–Баян сулу находились «три каменные статуи, из коих две, по словам киргиз-кайсаков, изображают прославляемых в сказках любовников Баян-хана и Куз-Курпач, и третья – их служанку». Согласно данным Ч.Ч. Валиханова [17, с. 195–196] «к стене приставлены четыре гранитных истукана». Каменное изваяние с отбитой головой изображено на фотографии в книге Н.Н. Пантусова [13, с. 18]. О внешнем облике статуй мы можем судить по рисункам Ч.Ч. Валиханова [18, с. 85], И.А. Кастанье [4, Табл. XIV, 14, 15, 10, 17]. Это были выразительные объемные скульптуры с сосудом в обеих руках с гривной на шее. Два изваяния передают изображения в сидящей позе мужчины и прислонившейся к нему женщины в островерхих головных уборах с четко проработанными деталями лица. Статуи с сосудом в обеих руках, в островерхих головных уборах относятся к IX–XII вв. [19, с. 181].

Факт нахождения нескольких каменных изваяний внутри сооружения Козы Корпеш–Баян сулу уникален для архитектурных памятников Казахстана. Поиск аналогов приводит к памятнику в честь Кюльтегина, к орхонским комплексам, которые состоят из следующих элементов: 1. центральная часть – храм со святилищем,

или алтарем; 2. статуя человека, в честь которого сооружен памятник, причем она располагается, внутри святилища; 3. галерея статуй придворных вокруг алтаря и на восток от него вереница камней балбалов, среди которых могут быть грубые антропоморфные стелы [20, с. 20]. Возможно, об остатках балбалов вблизи сооружения Козы Корпеш–Баян сулу свидетельствует следующее сообщение Ч.Ч. Валиханова [17, с. 197]: «По герою поэмы называется и могила Козу Курпеч. В версте по направлению к Аягузу находится могильный столб и около него безобразный истукан соперника Козу-Курпеча – Кодара». Для поминальных сооружений древнетюркской знати характерна тщательно сделанная круглая скульптура, изображавшая погребенного, а также парные изображения мужской и женской фигур. Парные скульптуры были найдены при раскопках памятника в честь Кюльтегина в Монголии, при поминальных сооружениях знати в Сарыг-Булуне и Кзыл-Мажалыке в Туве. Элементы орхонских комплексов прослеживаются в сооружении Козы Корпеш – Баян сулу и позволяют интерпретировать данный памятник не как мавзолей, где погребен покойник, а как поминальное сооружение типа древнетюркских храмов.

Возведение сооружения, как видно потребовало значительных затрат труда. По преданию, в постройке здания приняли участие «сотни тысяч людей»: «От гор Арганатинских до Аягуза поставили цепь людей, на таком расстоянии один от друга, чтобы камень для кладки памятника, добываемый из гор и обделанный мастерами, мог быть передаваем из рук в руки до самой могилы, где другие мастера укладывали его в стены» [21, с. 18].

В честь кого было воздвигнуто монументальное здание близ станции Тансык? Вот что пишет по этому поводу Ч.Ч. Валиханов [17, с. 197]: «Эти истуканы, как говорят, изображают героев из поэмы, которую рассказывают кайсацкие импровизаторы в долгие ночи. По имени героя поэмы называется и могила Козу-Курпеч». Согласно содержанию эпоса Козы Корпеш является сыном хана. Локализовать же ханство отца Козы Корпеша в пространстве и во времени позволяет интересная деталь в эпосе: на поиски исчезнувшего хана собирают «числом одиннадцать народ», на поминки хана пришел «числом одиннадцать народ», одиннадцать человек во главе с сыном визиря едут сватать Баян сулу за Козы Корпеша. Отсюда можно предположить, что ханство отца Козы Корпеша делится на одиннадцать частей.

В средневековой истории Казахстана лишь Кимекский каганат, существовавший в IX–XI вв., состоял из 11 областей [22, с. 324]. Кимеки имели поселения, где развивались ремесла, «замки, величественные строения», пользовались рунической письменностью. Кимеки придерживались многих обрядов и обычаев тюркского каганата, большое распространение имел культ предков. Анализ арабских источников позволил Б.Е. Кумекову определить, что в X в. кимеки наиболее компактно жили на среднем течении Иртыша, а позже и в Северо-Восточном Жетысу. Именно в сердцевине этой области и располагается сооружение Козы Корпеш–Баян сулу. В составе Кимекского каганата было семь племен, главными из которых считались кимеки и кыпчаки. В средневековых источниках этнонимом шары (сары) обозначали кыпчаков или половцев, русское слово «половцы» («половые») означает светло-желтые [23, с. 35]. Интересно, что имя отца Козы Корпеша – Сарыбай, что можно перевести и как «бай светло-желтых».

В эпосе отца невесты Козы Корпеша Баянсулу именуют Карабай и его называют «туркменом». Термином «туркмен» обозначалась часть карлуков и огузов, обитавших в X–XII вв. в Жетысу и присырдарьинских областях, т.е. ближайшие соседи кимеков. О тесном соседстве кимеко-кыпчаков и огузов свидетельствуют средневековые источники. Конечно, эпос не является фактографической хроникой, но, на наш взгляд, в эпосе «Козы Корпеш–Баян сулу» нашло отражение контакты кимеко-кыпчакских и огузских племен в период IX–XI вв. Эпос известен у казахов, татар, башкир, алтайцев, т.е. у народов, в этногенезе которых кимеко-кыпчаки сыграли видную роль, что также указывает на время возникновения эпоса.

Таким образом, сооружение Козы Корпеш–Баян сулу является поминальным храмом, воздвигнутым в IX–XI вв. в честь одного из членов правящей династии Кимекского каганата. Вполне вероятно, что Козы-Корпеш – реальное историческое лицо и является кимекским принцем. Скорее всего, Козы-Корпеш, как и Кюльтегин, Билге-каган, Тоньюкук, являлся объектом государственного культа, реликты которого дожили до 1-ой половины XIX в. и отмечены А.И. Левшиным: «Верующие в подлинность сих изображении приносят им жертвы» [12, с. 107].

На архитектурные особенности пирамидальных сооружений и распространение их в других частях степного края обратил внимание еще Ч.Ч. Валиханов: «Пирамидальные могилы с пустотой внутри обыкновенно воздвигаются из дикого камня; гробница эта принимает пирамидальную форму не прямо с земли, первоначально возвышаются отвесные стены, а потом уже начинают суживаться ...» [17, с. 195]. К этой категории памятников кроме сооружения Козы-Корпеш–Баян-сулу, Валиханов относит и сооружение

«Урдабай, между истоками рек Аксу и Баскан, в 12 верстах от пикета Карасу по тракту из Аягуза в Копал, внутри ее стоит гранитный истукан». Примечательно, что в этом же районе находился еще один аналогичный памятник: «От сей пирамиды при сей же реке, верстах в трех, находится еще такое же строение несколько меньше, и называется «Айкыс» [2, с. 49–50]. Описание недошедшего до нас сооружения Дынгек, которые располагалось близ Лепсы, приводит Н.Н. Пантусов : «Сложен он из каменных плит на глине; основание его квадратное ... Высотой Денгек сажени четыре (12 аршин), внутренность его диаметром в сажень. Внутри оштукатурен глиной с соломой» [13, с. 9–10].

Подобного типа памятники отмечены и в Центральном Казахстане. А.Х. Маргулан в отчете 1947 г. упоминает шесть каменных пирамидальных сооружений: Домбаул, Кос–Уй–Тас, Карадын, Уй–Тас, Жанай, Бас–камыр и датирует их VIII–X вв [24, с. 63]. Внутри памятника Кос–уй–тас было обнаружено изваяние [25, с. 22–23], которое по иконографии мы можем отнести к XII в.

Примечательно, что некоторые из этих сооружений были известны у казахов как «дын» или «дынгек» и зафиксированы в «Археологической карте Казахстана» [25, с. 142, 143, 149, 151]. В казахском языке «дын» означает «пень, твердую часть дерева» [27, 242]. Весьма близок к «дын» и второе обозначение «дiңгек», что означает столб, стержень. Примечательно, что согласно сообщений китайских хроник древние тюрки «по окончании похорон» или «после похорон», или же в «день похорон» воздвигали сооружение из камня – «столб», «знак», «мачта» [28, с. 112]. Указанный в китайских хрониках «столб» скорее всего соответствует памятникам, обозначенным как «дын» и «дынгек». В то же время слово тын/тин/дын/diң означало душу [29, с. 92], т.е. сердцевину, стержень человека. Скорее всего такие памятники как «дын» или «дынгек» представляют собой храмы: башни-обители для духов предков. Судя по описаниям, в лучшем других сохранившихся памятниках этой категории – Козы Корпеш–Баян сулу, Дынгек, Домбаул – имелись оконные проемы, полочки, деревянные конструкции, которые были, скорее всего, предназначены для прилета душ умерших. Схожие конструкции имеются в поминальных башенных сооружениях Приаралья, выстроенных из сырца. Согласно легенде их выстроил правитель Янгента (Жангикента) – Санджар, перед которым постоянно возникал образ незаслуженно обиженной и исчезнувшей супруги Бегим-ана. Мучимый видением Санджар велел построить на этом месте башню, чтобы «заключить в нее» образ исчезнувшей супруги, но мираж переместился в другое место. Так продолжалось три раза, и только третья башня избавила правителя от видений [30, с. 71]. Т.е. душа Бегим-ана нашла место упокоения в башне. Согласно другой легенде, опубликованной 1898 г., жена

Рис. 1. Сооружение Козы Корпеш – Баян сулу [см.: 25]

Рис. 2. Сооружение Дынгек [см.: 25]

Санджара, по имени Бегим-ана «...была брошена своим супругом и повелителем в яму за мнимую измену; но когда невинность ее обнаружилась, она обратившись в птицу, улетела [в башню] Бегим-Мунара» [4, с. 340]. Как известно душа у тюркских народов представлялась в виде птицы: «по турецким народным верованиям душа обращалась в птицу или насекомое; об умершем говорится, что они улетают (учду)... Сохранению тела, видимо не придавали значения» [31, с. 30]. Жанкент в X в. являлся столицей огузов и упомянутые башни представляют сооружения для душ знати, аналогичные кимеко-кыпчакским памятникам типа «дын-дынбек».

При поиске и раскопках подобных сооружений необходимо учитывать, что со временем часть таких памятников была разрушена и превратилась в «курганобразные холмы» что «холм (наброска)», образовавшийся в результате разрушения каменной постройки, не является искусственным, «насыпным». Сооружениями типа «дын-дынбек» являются и кыпчакские «святые места», раскопанные Л.Н. Ермоленко и Ж.К. Курманкуловым возле зимовки Аблая, в урочищах Мыржык, Актогай в Центральном Казахстане [32, с. 116–119; 33, рис.10, 11, 18, 19, 44–47].

Памятники типа «дын» объединяет сходство в планировке и композиции: обычно квадратные или круглые в плане они имеют пирамидальное или конусообразное завершение. В ряде случаев зафиксировано наличие изваяний внутри или снаружи сооружения. Особенностью данных памятников является использование каменных плит в качестве строительного материала.

Пирамидальные сооружения из камня типа «дын», одним из которых является памятник Козы Корпеш–Баян сулу – это монументальные постройки древнетюркского периода. Если некоторые памятники Тюркского каганата были возведены китайскими мастерами, то архитектура построек типа дына, одним из которых является сооружение Козы-Корпеш, представляет, на наш взгляд, часть самобытной и оригинальной древнетюркской строительной культуры и заслуживают комплексного исследования.

Литература

1. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Москва, 1957.
2. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998.
3. Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л., 1966.
4. Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Алматы, 2007.
5. Сембин М.К. Отчет о командировке для обследования мавзолея Козы-Корпеш и Баян Сулу. Алма-Ата. Рукопись. 1977. // Архив «Казпроектреставрация» Министерства культуры Каз. ССР. Инв. № 93.
6. Формозов А.А. Археологические путешествия. Москва, 1974.
7. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы из дневника. Москва, 1989.
8. Марғұлан Ә.Х. Қозы Көрпеш-Баян сұлу кешені // Жұлдыз. 1983. № 3.
9. Мендикулов М.М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана // ИАН Каз. ССР, сер. архитектурная. 1950. Вып. 2.
10. Герасимов Г.Г. Памятники архитектуры долины реки Кара-Кенгир в Центральном Казахстане. Алма-Ата, 1957.
11. Басенов Т.К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.
12. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996.
13. Пантусов Н.Н. Памятник Денбек в Лепсинском уезде. Памятник Козы-Курпеч и Баян-Сулу в Лепсинском уезде. Казань, 1902.
14. Кидайш-Покровская Н.В., Нурмагамбетова О.А. Героическая поэма «Кобланды-батыр» // Кобланды-батыр. Москва, 1975.
15. Ходжаев М.Б. Сооружение Козы Корпеш // Средневековые города Южного Казахстана. Алма-Ата, 1986.
16. Сембин М. Қозы Көрпеш-Баян сұлу кешені // Білім және еңбек, 1987, №1.
17. Валиханов Ч.Ч. О киргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще // Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата, 1984. Т. 1.
18. Валиханов Ч.Ч. Графическое наследие // Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата. 1972. Т. 5.
19. Чариков А.А. О локальных особенностях изваяний Прииртышья // СА. 1979. № 2.
20. Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах. // Тюркологический сборник. Москва, 1978.
21. Новожилов Г.Н. Архитектурные памятники Казахстана. Путеводитель. Алма-Ата, 1968.

22. Кумеков Б.Е. Государства раннего средневековья // История Казахстана. Т.1. Алматы, 1996.
23. Плетнева С.А. Половцы. Москва, 1990.
24. Маргулан А.Х. Архитектурные памятники в долине р.Кенгир // Вестник АН Каз ССР, 1947, №11.
25. Марғұлан Ә.Х. Ұлытау төңірегіндегі тас мүсіндері // Ежелгі мәдениет куәлары. Алматы, 1966.
26. Археологическая карта Казахстана: Реестр, Алма-Ата, 1960.
27. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы, 1978. Т.3.
28. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. Москва, 1996.
29. Семби М.К. Тюркский меридиан. Алматы, 2002.
30. Байтенов Э.М. Мемориальное зодчество Казахстана: эволюция и проблемы формообразования. Алматы, 2004.
31. Бартольд В.В. Сочинения. Москва, 1967. Т.5
32. Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика //Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.
33. Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей. Новосибирск, 2004.

КУБРАВИЙА В ЗАПАДНОМ СОГДЕ

Немцева Н.Б.

Ташкент

Суфийское братство Кубравийа возникло в Хорезме и связано с именем ее основателя, известным шейхом Наджм ад-Дином Кубра (1145–1221) из Куны-Ургенча. Наджм ад-Дин Кубра погиб в июле 1221 г. во время разгрома монголами столицы Хорезма Гурганджа (Куны-Ургенча).

Суфийское братство Кубравийа представляло среднеазиатскую школу мистицизма, было традиционно суннитским. Ал-Кубра создал свою школу мистического «Пути познания», где разработал необходимые нормы и правила – суровый пост, полное подавление своей воли и подчинение воле руководителя, постоянная концентрация внимания на именах Бога. Как и другие суфийские тарикаты, братство Кубравийа в Хорезме проповедовало такие морально-этические идеи, как чистота сердца и рук, социальная справедливость, равенство всех людей перед Богом, утверждение доброты, совестливости и братства среди людей.

В Средней Азии сложился целый ряд дочерних братств и самостоятельных ответвлений Кубравийа. Одной из крупнейших дочерних образований хорезмийской мистической школы Кубравийа была суфийская община-ханака под Бухарой, основанная Сайф ад-Дином Бахарзи – учеником ал-Кубры. Сайф ад-Дин Бахарзи (1190-1261) – известный на мусульманском Востоке суфийский шейх XIII в., поэт-мистик и богослов, прозванный в народе «шейх ал-‘алам» (шейх мира). Бахарзи являлся одним из немногих шейхов Кубравийской школы-суфиев, о деятельности которого сохранились документальные данные и исторические свидетельства (вакф внука шейха Йахьи от 1326, 1333 гг., описания Ибн Баттуты – 30-е годы XIV в., Мулло-заде – XV в. и др.).

В селении Фатхабад (Сактари) близ Бухары Бахарзи основал крупную, известную на востоке Куравийскую ханаку, где проповедовал философско-богословские и нравственные идеи Наджм ад-Дина Кубры на протяжении 40 лет.

Ханака под Бухарой просуществовала почти 600 лет с XII по XVIII в., была известна на широкой территории Средней Азии вплоть до западных границ Китая.

Появление и деятельность ханаки Сайф ад-Дина Бахарзи пришлось на один из труднейших и сложных периодов в истории Средней Азии, связанный с монгольским нашествием в 20-е годы XIII в., разгромом городов, потерей исламом статуса государственной религии, возрождением культа святых.

Роль ханаки в Фатхабаде и проповеди ее духовного наставника Сайф ад-Дина Бахарзи в XIII в. имели огромное значение для сохранения независимости местного населения от произвола военно-кочевой монгольской знати.

В ханаке под Бухарой практиковался тихий и громкий зикр, песнопения Сама, проповедовались идеи ал-Кубры – ритуальная чистота, пост, молчание, уход от мира, мысленное поминание бога. Как и в хорезмийском

братстве Кубравийа, в общине Фатхабада власть главного шейха Бахарзи была наследственной, действовал устав, регламентирующий всю жизнь суфиев. Все потомки Бахарзи были шейхами и возглавляли обитель под Бухарой пожизненно.

До наших дней дошел чрезвычайно важный для понимания порядков в ханаке Фатхабада юридический документ XIV в. – вакуфный акт внука Бахарзи – Йахьи на огромное недвижимое имущество и доходов с него в пользу ханаки.

Вақф Йахьи от 1326 г. и дополнения к нему от 1333 г. переведены с арабского и прокомментированы известным востоковедом О.Д. Чехович. Впервые получены конкретные документальные данные по условиям и порядкам проживания паломников в таком закрытом религиозном учреждении, как суфийская ханака Средней Азии XIII–XIV вв.

Ханака под Бухарой была организована, надо думать, по тому же типу, и внутреннему содержанию (уставу), что и ханака в Куня-Ургенче, основанная ал-Куброй.

Как и прочие монашеские монастыри других конфессий, суфийские ханака существовали по своим внутренним уставам. Вакуфный акт рисует живую картину взаимоотношений членов общины, их роли и иерархического соподчинения, порядков и норм морали, этики, бытовавших в данной ханаке и отражавших общие тенденции и традиции, характерные для подобных институтов мусульманского мира. Вақф включает важные сведения по социально-экономической истории Средней Азии монгольского времени, исторической топографии юго-восточной части бухарского оазиса, подробные сведения по устройству ханаки, условий назначения служебного персонала, определенных уставом ханаки. В частности, распорядитель вакфа-мутававали не имел права самостоятельного решения, власть его была ограничена условиями вакфозавещателя. Он должен был согласовывать свои действия с двумя другими муридами ханаки. А те, в свою очередь, с живущими в ханаке суфиями. Таким образом, в статус бухарской ханаки, судя по вакфу XIV в., были заложены элементы суфийской демократии и морали, отличавших его от вакфов шейхов-магнатов второй половины XV–XVI вв. (Ходжи-Ахрара или шейхов Джуйбари в Бухаре).

Согласно уставу, паломники получали в обители Фатхабада бесплатный приют и пищу, а постоянно проживающие в ханаке и потомки Бахарзи – также одежду, обувь и мыло. Уставом проповедовалась этническая и социальная толерантность. Принимать и угощать следовало всех паломников и прихожан ханаки независимо от имущественного статуса и национальности.

Благотворительная община в Фатхабаде была организована по принципу ранних ханака Средней Азии, характерных для домонгольского времени, дух которых был пронизан аскетизмом и мистикой. Слово «бедняк», «рубища» в которые должен быть одет суфий, пронизывают весь текст вакфа.

При этом между предписаниями вакфа и реальной действительностью была огромная пропасть. Шейх Бахарзи и его потомки были несметно богаты. В вакф шейха Йахьи XIV в. входило одиннадцать деревень, в том числе сам Фатхабад, ирригационная сеть района, мосты, мельницы, пахотные и заброшенные земли, плодовые сады и виноградники. Кроме недвижимого имущества ханака Бахарзи располагала огромным движимым имуществом, в вакфе названы волю, рабы, наемные работники и т.д.

Огромные средства также приносили постоянные пожертвования, которые делались населением у святых мест – гробницы Сайф ад-Дина Бахарзи, которая появилась в ханаке после его смерти в 1261 г.

В 30-е годы XIV в. ханаку в Фатхабаде посетил марокканский паломник шейх Ибн Баттута, совершивший беспрецедентное путешествие из Танджера (в Марокко) до Индии и Китая с заездом во многие города Средней Азии. Ибн Баттута был с почетом принят Йахьей – внуком Сайф ад-Дина Бахарзи.

К нашему времени от ханаки в Фатхабаде на окраине Бухары сохранились лишь два мавзолея – двухкамерная усыпальница Сайф ад-Дина Бахарзи XV в. и мавзолеем монгольского хана Чагатаида Буйан Кули, погибшего во время смут в 1359 г. Данные вакфа и сохранившиеся два мавзолея XIV–XV вв., а также описания XIX – начала XX в. (Н.В. Ханьков, А.А. Семенов) в совокупности с материалами археологических исследований середины XX в. (Н.Б. Немцева) позволяют реконструировать планировочную схему ханаки в Фатхабаде.

Это вероятно была сложившаяся к XI–XII вв. в Средней Азии дворово-айванная планировочная композиция с периметральной застройкой, универсальная для многих общественных, гражданских и культовых сооружений средневековой Средней Азии.

Такой тип ханака был продиктован стадией развития суфизма на раннем этапе, когда дервиши «уходили от мира», посвящали себя Богу, проживали в братских общинах-ханака. В XV–XVII вв. в Средней Азии складывается другой тип суфийских ханака планировочная структура которых заключала центральный

купольный зал и небольшое число служебных помещений по сторонам (ханака Файзабад, НаDIR диван–биги в Бухаре XVI в., ханака Баха' ад-Дина Накшбанда, ханака Касым-шейха в Кермине, ханака-мавзолей Ходжа Ахмада Йасави, XV в. в Туркестане и др.)

Этот тип ханака отражает следующий этап – стадию политизированного суфизма. Функция ханака на этом этапе была значительно шире, в ханаке примерно с XIV в. кроме суфийских радений, проводились поэтические встречи, полемические диспуты, дипломатические приемы.

Исследование ханаки в Фатхабаде и опыт ее реконструкции, а также сравнительный анализ сохранившихся суфийских обителей разного времени на территории Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока показывают, что архитектурный тип странноприимного дома для суфийской общины был продиктован стадией развития самого суфизма, который прошел несколько этапов на протяжении второго тысячелетия, начиная с VIII–IX до XVIII–XIX вв. и определен требованиями самого мистико-аскетического течения в исламе.

ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ СЕКЕИ И НЕКОТОРЫЕ НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ ИХ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

Эрдели Петер, Эрдели Иштван

Общество по изучению древностей Венгрии, Будапешт

Трансильвания (по-венгерски Эрдель) как географически определенная область, с 1920 г. уже принадлежит Румынии. Древними венграми она уже была занята в 895 г. С северо-востока и с юга окружает её цепь горы Карпат. Кроме венгров и румын (и в качестве национального меньшинства ныне уже в минимальном количестве в некоторых городах проживают ещё немецкоязычные сасы – саксонцы) обитают в своём замкнутом округе секеи (правильнее было бы транслитеровать *секели*), которые были туда переселены по приказу венгерских королей не позже начала II в. для несения постоянной пограничной службы. Опасность того времени грозила нашей стране, главным образом, со стороны печенегов, огузов и половцев. Таким образом, переселенцы стали засечными людьми. Нам известно, что секеи в таком качестве служили временно и на северно-западных границах Венгерского Королевства. В Трансильвании, несмотря на тяжелые обстоятельства, им удавалось до наших же дней сохранить свою этническую специфичность, а также и свой язык. Язык секеев с древнейших времён является настоящим венгерским языком. Земля секеев – по-венгерски «секейфёлд» – делится на несколько подразделений: араньошсек, чиксек, харомсек и пр., в названиях которых всегда имеется окончание «сек», видимо славянского происхождения (см. слово «за-сека»).

Секеи, конечно, поселились первоначально на незаселённых территориях. Ведь ещё до прихода древних венгров, в Трансильвании жили болгары (их столица Дюлафехервар – ныне г. Альба Юлия была в долине реки Марош – рум. Муреш) во главе со своим правителем Дюла. Пришедшие с юга в Трансильванию болгары происходят с севера Балканского полуострова и, видимо, до середины IX в. сохранили свой болгаро-тюркский язык, но потом уже, видимо, уже путём славянизации их потомки слились с пришедшими древними венграми и освоили их язык ещё до прихода предков секеев. Предки трансильванских румын стали постепенно переселяться, начиная от конца XII в. со стороны бывшей Валахии, т.е. с северного края Балканского полуострова.

Начиная от середины XVI в. Трансильвания стала самостоятельным княжеством. Во время турецкого владычества на значительной части Венгерского Королевства князь Трансильвании ежегодно платил турецкой Порте дань золотыми монетами и, таким образом, княжество смогло сохранить свою культуру и, в определённом смысле, свою самостоятельность. В 1848 г. Трансильвания стала частью Венгрии, но после крушения венгерской революции в следующем году вместе с Венгрией попала под власть Австрийской Империи.

Для того чтобы стало понятно нынешнее положение проживающих в Трансильвании секеев нам необходимо вкратце охарактеризовать и современное положение. Условия проживающих в Трансильвании, как части Румынского Государства, по отношению к сохранению языка и культуры национальных меньшинств, являются не совсем желаемыми.

Начиная с 1920 г. – с коротким четырёхлетним «перерывом» в 1940/44 гг. – Трансильвания принадлежит Румынии. И только всего несколько лет тому назад удалось основать первый венгерский университет на западе Трансильвании, в городе Орадя, но он ещё не получил государственную аккредитацию (например, в румынском Медицинском Институте в Трансильвании, в городе Тыргу Муреш, до сих пор не разрешено организовать факультет на венгерском языке). Таким образом, воспитать необходимые научные кадры

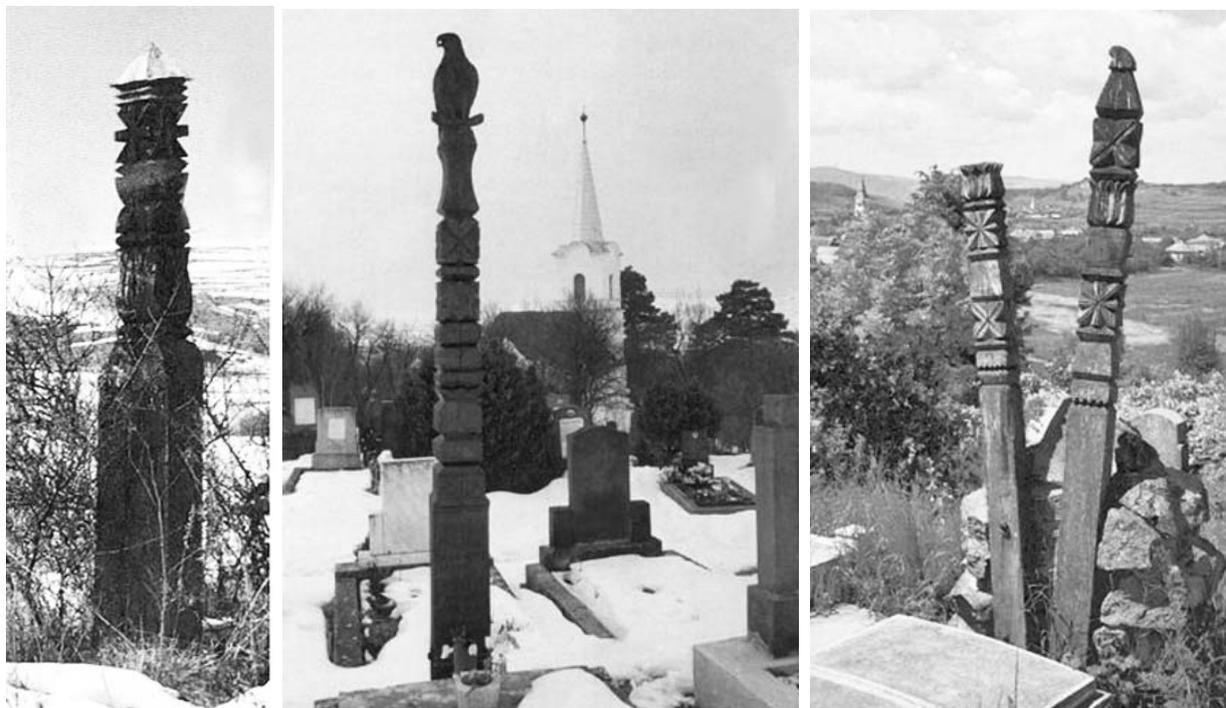
исследователей этнографии, археологии и истории на родном языке является пока невозможным. Вдобавок секеи, вопреки своим требованиям, до сих пор не имеют желаемой ими автономии!

Все эти и другие ограничения не сказываются положительно на ведении планомерных археологических и этнографических исследований, которые направлены на выяснение целого ряда венгерских и вместе с ними, конечно, и секейских исторических проблем.

В общем, этнографические исследования, в широком смысле, в сравнительно большом объёме, были начаты в Венгрии только начиная после подписания т.н. перемирия с Австрийской Империей и впоследствии соглашения создания Австро-Венгерской Монархии в 1886 г., которая просуществовала вплоть до 1918 г. включительно. Поэтому, видимо, большое количество черт культурного наследия народа было уже, к сожалению, утрачено. Несмотря на всё это сохранилось много черт, ещё с языческих времён в области похоронного обряда. К ним относится такая черта, как установка в изголовье покойника т.н. «головного столба» в виде деревянного столба, украшенного резьбой, но без надписи (только в последние десятилетия отмечают на нём двумя врезанными буквами начальные буквы фамилии и имени покойника). На столбе вырезаны резы и изображения цветов, высота столба над поверхностью земли – почти 2 м. Столб квадратного сечения, вырублен из дуба, изредка из берёзы.

Откуда же происходит этот погребальный обряд, который распространён за редким исключением, главным образом, на земле секеев? По всей вероятности этот обряд своими корнями восходит к эпохе обретения родины венграми, т.е. до IX–X в. Старое, сохранившееся и поныне название столба *копиафа* в переводе на русский язык означает копьё-дерево. Из археологических данных известно что ведущим боевым оружием наших предков-кочевников было копьё. В погребениях их находили редко, по всей вероятности, потому что после похорон мужчин-воинов они устанавливались вертикально в землю, в изголовье покойника. Поскольку в погребальной яме часто отсутствует голова жертвенного коня, то, можно предположить, что возможно, её со шкурой вешали на то же копьё над могилой, вставленное в изголовье покойника [1]. Необходимо ещё добавить, что такие столбы ставятся и ставились только с разрешения церковного управления, только для протестантов, т.е. унитариев и кальвинистов; римско-католические священники ставить столб «фейфа», не разрешали.

Необходимо отметить еще одно ошибочное научное мнение, которое к сожалению, прочно вошло в нашу научную литературу. Некоторые этнографы считают, что имеются и надгробные головные столбы, которые являются схематичными изображениями узкого челнока, до половины вкопанного в землю. На самом же деле

Фейфа из разных мест Трансильвании.

Nikolsburgi		Miskolczi		Telegdi		Nikolsburgi		Miskolczi		Telegdi	
q	a	4	a	q	a	o	ely (ely)	o	ely	o	ly
X	eb	X	eb	X	b	8	m	8	m	8	m
↑	ecz	↑	ecz	↑	ch	o	n	o	n	o	n
↓	encz					D	eny (eny)	D	eny	D	nny
↑	ecz					D	nyc (nj)				nj
И	ecz, ech (ecs)	И	ets	И	czy	o	o	o	o	o	o
И)	encz, ench (encs)					3	ep	3	ep	3	p
†	ed	†	ed	f	d	⊙	ek	⊙	ak	⊙	k
✕	and					И	r	И /	cr	И	r
1	ey (ej)	7	ei	7	j	Y	s, fch (czs)	Y	czf	Y	ss
3	e	o	e	3	e	Λ	f(s)	Λ	ef	Λ	s
⊙	f	⊙	f	⊙	f	1	eth (et)	Y	et	Y	t
Λ	egh (eg)	Λ	eg	Λ	gh	Y	enth (ent)				ent
∴	eġ (egy)	∴	gy	∴	gy	⊙	v (u)	⊙	u	⊙	u
⊙	eng (engy)					M	ew (ev)	M	eu	M	v
X	athy (aty)	⊙	ety	⊙	ty	z	oġ (eo, o)	o	o	o	o
X	ech ech					Y	w (u)	Y	w	Y	u
3	eh	⊙	ah	⊙	h	l	s (sz)	l	cfz	Y'	fz
†	i	1	i	f	i	И	ez	И	ez	И	z
↓	ac (ak)	∴	ek	∴	k	Y	cz				zt
⊙	vnc (unk)					Y	eft				st
Λ	l	Λ	el	Λ	l	o	us				us

A székely rovásírás legrégebbi írásai

Самые древние из ныне известных азбук рунического шрифта секеев.

они являются схематичными изображениями слегка наклоненных сутулых фигур людей, по всей вероятности, женщин. Такие головные столбы – *фейфа* – распространены только на одной, узкой по своей величине, территории Северо-Восточной Венгрии.

Кроме вышесказанного нам необходимо коротко остановиться и на другом, весьма редком, замечательном вкладе в мировую культуру секеев – это **рунический шрифт**, который является своеобразным живым ответвлением древнетюркского письма! Среди секеев непрерывно, до сих пор, в широком же кругу пользуются этим шрифтом на венгерском языке! [2]. С изменением правил венгерского правописания некоторые знаки изменены. Как показывает история у ранних секеев – пограничников средневековой Венгрии – руническим шрифтом последние не пользовались. Предполагаем, что изначально рунический шрифт секеев Трансильвании был перенят от болгар, которые в XI в. ещё были тюркоязычными, они же в этот шрифт из кириллицы добавили ещё три знака. Памятники болгарского рунического шрифта известны нам с Балканского полуострова. Начало венгерского названия шрифта «рваш ираш» также может происходить от славянского слова «ров».

В заключении нам кажется ещё важным отметить одно любопытное устное предание, связанное с древним кочевым миром, которое имеется только у трансильванских секеев. Секеи считают, что они являются отдалёнными потомками вождя гуннов Аттилы, сын которого по имени Чаба со своим войском после смерти отца ушёл в «Скифию» (т.е. в степь, вне цепи Карпатских гор), и потом, один из его сыновей, по имени Эдэмен, легендарный предок рода Аба, впоследствии присоединился к древним венграм (по данным Приска Панийского Чаба был любимым сыном Аттилы). Трансильванские секеи считают, что члены шеренги легендарного вождя Чабы являются предками нынешних секеев [3].

Литература

1. Радуль Я., Эрдели И. Каталог рунических надписей Карпато–Дунайского бассейна IV–XVII вв. н. э. Будапешт, 2010 (на венгерском языке).
2. И. Балашша. Погребальные обряды жителей венгерских деревень. Будапешт, 1968. (на венгерском языке)
3. Грекса Дь. Легенда о Чабы и предания секеев. Будапешт, 1922 (на венгерском языке).

КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ: СИМВОЛИКА КОНОВЯЗНЫХ СТОЛБОВ (СЭРГЭ) У ТЮРКОВ-САХА

Романова Е.Н., Данилова Н.К.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Среди автохтонных народов Северной Азии особое место занимают якуты (саха) – тюрки-скотоводы, адаптировавшие южные элементы своей культуры в суровых условиях нового природно-климатического ландшафта. Продвижение тюрко-монгольских скотоводческих племен на территорию Центральной Якутии имеет разную хронологическую глубину. Наиболее ранние миграционные процессы датируются IX–X вв., поздние – 1-й половиной XIII в. Обнаруженные скотоводческие поселения XIV–XV вв. на территории Якутии были выделены в особую кулун-атахскую археологическую культуру [1, с. 76]. Характеристика вещевого инвентаря этих комплексов дала возможность выявить их связь с археологическими культурами Прибайкалья и Южной Сибири (курукано-уйгурское время), а также с автохтонными традициями раннего железного века Якутии. Кулун-атахцы имели связи с населением Приангарья и бассейна Верхней Лены, жившего в начале II тыс., наследника тюркской эпохи Прибайкалья, оставившего вплоть до Усть-Кута памятники культуры «лесных скотоводов». Завершающая волна тюркоязычных групп, носителей культуры погребений с конем, окончательно определили язык, сформировали якутскую культуру.

Анализируя устную историю якутов, нельзя не выделить её основную сюжетную линию: «Мы, якуты, – с юга. Юг – сердцевина народов» (по В.Л. Серошевскому). Этническая культура самых северных тюрков – саха, сформировавшаяся в среде ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, сохранила архаичный ритуал коллективного моления Небу, Земле, Воде. Якутский праздник Ысыах как многоуровневый этнокультурный образ содержит в своей структуре наследие юга: это – календарь, коневодство, кумыс, ритуальная архитектура, одежда, обрядовый комплекс, мифология, верования.

Движение на север моделировало новое географическое пространство с его природным рельефом, животным и растительным миром, этнокультурными и социальными связями. В корпусе якутских мифов о культурном демиурге Эллэе разворачивание сюжета представлено путешествием главного героя в поисках людей и благодатной земли; основная линия сюжета начинается с мотива счастливого предзнаменования: «Когда [Эллэй] плыл по реке, перед ним все время рисовался образ жеребца с яркой, блестящей шерстью на крупе, а шерсть в тонкой части конечностей была с голубоватым оттенком. Этот жеребец с ржанием то и дело показывался впереди, а Эллэй следовал за ним» [2, с. 41]. Введение «конской» темы в ткань мифологического повествования репрезентирует космогонический миф о сотворении Вселенной из частей лошади (ср.: вода как состояние хаоса; лошадь, плывущая по воде, как элемент упорядочивания первородного хаоса; человек на лошади как символическое тождество). Другой миф объясняет возникновение культа небесного коня у якутов так: «[на Ысыахе] ... Собрался народ. Эллэй поставил коновязь, приставил к ней березу и привязал кобылицу. Затем, сказав: «Я буду славить божества», – надел на семь девушек и девять мальчиков женские шапки и заставил их петь за собой, повторяя его слова. Он спел: «Имеющий голубо-пегих лошадей, шаман солнца-божества!...» Кобылицу окропил кумысом... Дальше спел: «...О девы солнца-божества, снизойдите и совершите священное окропление, чтобы собравшийся народ уверовал...» Один берестяной ковши кумыса преподнес он тестю. Далее Эллэй затеял хоровод [круг как символ Солнца – авт.]. Сам был запевалой, все пляшущие повторяли его слова. Ровно в полдень сгрудились облака, и брызнул скоропроходящий дождь. После этого праздника Омогой наделил зятя скотом. [С тех пор] люди, запасая кумыс, стали звать Эллэя. У всех, привязывая лошадей, он пел и славословил. В своих песнях поминал «имеющего лошадей темной масти с крыланом на оплечьях», «имеющего девственно чистых, белых лошадей...» Отсюда-то и возник у якутов обычай «держатъ посвященный скот» [2, с. 209–210]. Примечательно, что в тексте устанавливается прямая связь коня с божеством Солнца. Тема жертвенного столба и коня отражена во многих ритуальных акциях народа саха.

Одними из архаичных выражений культуры ранних кочевников, сохранившихся на Севере, являются ритуальные коновязные сооружения – сэргэ. У якутов существовало большое количество разнообразных по строению и ритуальному назначению коновязей, различающихся как конструкцией, так и орнаментальным оформлением. На протяжении жизни человека эти деревянные сооружения выступали в качестве определенного знака, маркирующего его социальные и коммуникационные связи с миром небесных божеств и миром людей.

Установка ритуальных коновязей сопровождалась и при проведении окказиональных обрядов: в случае испрашивания кут – души ребенка или скота, а также в случае военных сражений. Особые коновязи возводили во время шаманских мистерий, во время жертвоприношения в честь божества плодородия и т.д.

В мифологической картине мира, сама надворная коновязь *сэргэ* считалась посохом высшего божества, имела своего духа-покровителя *Тойон Тююмэл*. Древние якуты считали, что дух-*иччи* коновязи не допускал злого духа внутрь жилища и как строгий страж защищал от негативного влияния злых сил «одомашненное» пространство.

У якутов коновязь, установленная в правой сакральной части жилища, предназначалась только для гостей мужского пола. Женщины же или работники привязывали лошадь в левой части двора, где стояли два-три *сэргэ*, соединенные перекладиной, причем женщины привязывали лошадь с левой, а мужчины-работники – с правой стороны. Среди *сэргэ* были сооружения ритуального назначения, как было отмечено выше, никогда не служившие для хозяйственно-бытовых целей: например, *кийиит сэргэтэ* – коновязь невесты. Ее ставили в день прибытия невесты в дом жениха – таким образом, *сэргэ* выступало не только как центр «очеловеченного пространства», но и как культурный маркер нового семейного статуса. Так невеста становилась полноправным членом «одомашненного пространства» семьи своего мужа. В данном обычае, по-видимому, прослеживаются пережитки матриархального общества, когда материнский род считался главнейшим в семейной иерархии.

Коновязей внутри двора могло быть несколько, разделенных по социальному коду. Так, первый столб *тойон сэргэ* («господин столб») считался главным, к нему привязывали своего коня знатные гости и хозяин дома. Второй столб *орто сэргэ* («средний столб») был предназначен для лошадей менее знатных гостей и хозяйских сыновей. Третий, последний столб *кэлин сэргэ* ставили для сакрального лица – шамана. Другие члены семьи и бедные путники привязывали своих коней с левой стороны жилища, к *ат сэргэ* («для рабочих лошадей») – коновязи в виде двух столбов, соединенных двумя перекладинами для привязывания коней.

Членение по социальному коду коновязей-сэргэ четко демонстрируется в мифопоэтической традиции:

«...На самой середине надворья стоят / Три главных столба-коновязи / С выпуклой резьбой-украшением; / Передний столб кончается ястребом, / Увенчан орлом-ёксёкю, / Окрашен львиной кровью, / На макушке имеет бар-зверя, / На среднем столбе ворон нарисован, / На заднем столбе / Кукушка изображена...» [3, с. 13].

В вышеприведенном фрагменте иерархическая структура представлена сакральным «зоокодом». Главный столб наделен символами небесного бестиария: *ястреб* – чистая небесная птица; двуглавый орел *ёксёкю* – божественная птица; *бар-зверь*, по определению Э.К. Пекарского, – «какая-то огромная сказочная птица», *лев* и *огонь (кровь)* часто употребляемая пара слов в якутской обрядовой поэзии: символика льва в данном случае перекликается с образом Солнца. На второй коновязи изображен ворон, олицетворяющий среднюю нейтральную зону. А символика кукушки, представляющая последнюю коновязь, несет семантику нижней, хтонической сферы. Кроме того, кукушка являлась одним из главных помощников – идолов шамана.

Космогоническая функция коня рельефно отражается в религиозно-мировоззренческой традиции народа саха. Коновязь и Мировое древо жизни *Аал Луук Мас* олицетворяют собой единую вертикальную модель мира и пространственный центр. В связи с этим уместно вспомнить другое традиционное описание мирового дерева, крона и корни которого, пробившись сквозь Верхний и Нижний миры, превратились в коновязи:

«...Подземного мира сплетения семидесяти корней ее проросли в широкую, непоколебимую преисподнюю. Проросши, как раз посреди двора ... дугою выйдя вверх, водрузились столбом для вешанья сливок у Господина и Госпожи гениев рогатого скотов (коров).

А вышние восемьдесят кудрявых ее ветвей, пробившись через восьмислойное, стройное, светлое небо ... выйдя наверх, водрузились они, говорят ... пышною ясною коновязью, – говорят» [3, с. 291].

Таким образом, коновязь *сэргэ* играет роль священной вертикали, соединяющей миры. В сакральном пространстве коновязь-сэргэ несет также фаллическую символику. Так, если двор маркировал женское начало, то коновязь олицетворяла мужское начало. Примечательно, что в загадках коновязь обычно ассоциируется с жеребцом, мужчиной-господином, мальчиком-трехлеткой, т. е. она соотносена с мужским знаком.

Аналогичными функциями наделен главный опорный столб жилища. В мифологическом плане во время строительства жилища разыгрывается священная иерогамия: яма для столба/земля – женский знак (или пространство жилища вообще), опорный столб/небесный посох – мужской знак. В этом контексте можно привести пример обычая украшать главный опорный столб скульптурной головой лошади и *сиэл* (конским волосом) или же вешать конский череп, используемый в обрядах жизненного цикла. К опорным столбам жилища, в верхней части, под матицей, приделывали вешалку, которую называли *ат баһа* (голова лошади).

Мужская символика опорного столба ярко демонстрируется и в бурятской культуре. Так, у тункинских бурят имел место особый обряд, проводившийся в отношении незамужней женщины: заключение символического брака между ней и опорным столбом [4, с. 124].

Традиция коновязных столбов – сэргэ с их многозначной семантикой нашла отражение и в поминально-погребальной обрядности тюрков-саха, где они выполняли функции надмогильных сооружений, несли ритуально-культовую нагрузку. Надмогильные коновязи *ёлбют сэргэтэ* («коновязь покойника») по своему внешнему оформлению в целом не отличались от классических видов надворных сэргэ. По фольклорным данным, к надмогильной коновязи *хоолдьюга ат сэргэтэ* («коновязь погребальной лошади») привязывали погребальную лошадь (*хоолдьюга*), которую затем умерщвляли и закапывали рядом с покойником.

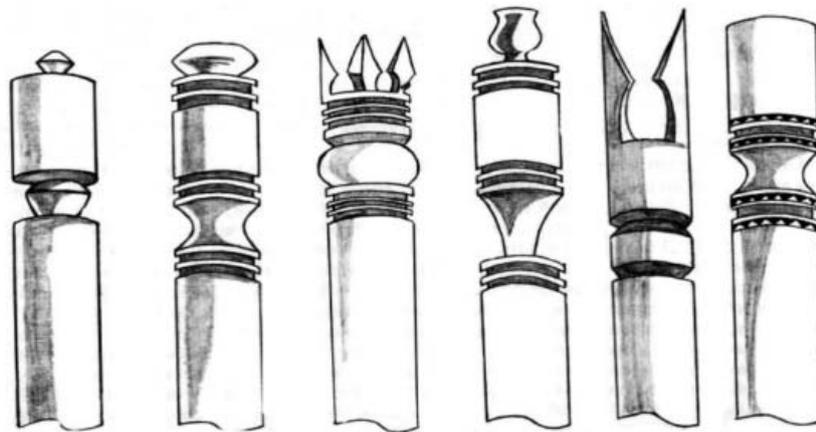
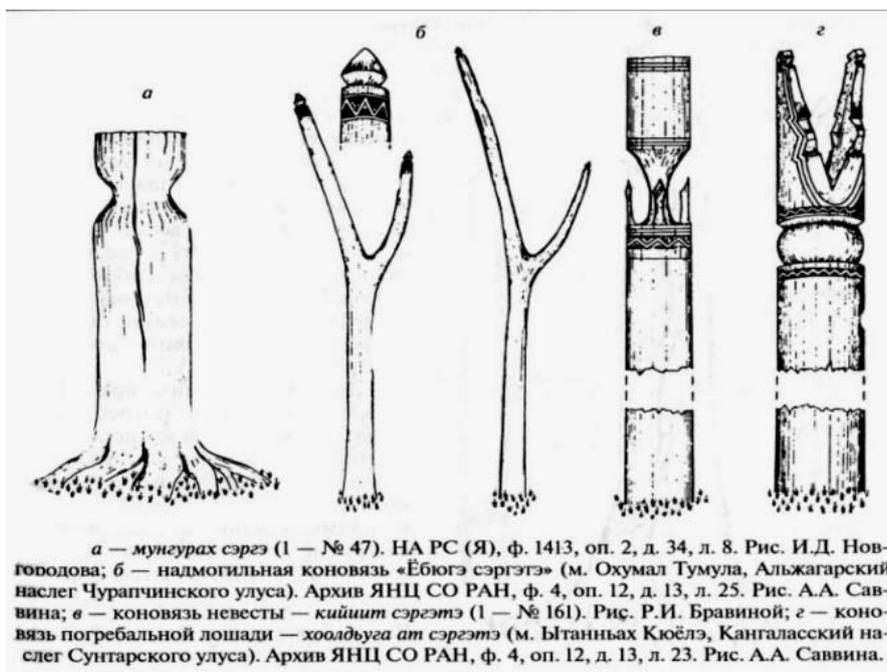

Рис. 1. Варианты оформления наверхий якутских сэргэ [по: 5, с. 18–19]

Следует отметить, что архаичные типы как поминальных, так и надворных коновязей в семантическом плане разыгрывали разные символические коннотации: дерево–коновязь = жизнь (верхние божества), = судьба (земной мир), = смерть (мир предков). Так, при погребении знатного воина, возле могилы устанавливали с двух сторон очищенные от коры деревья, с двумя развилинами, обтесанные в форме сэргэ, которые назывались *ёбюгэ суолун сэргэтэ* («коновязь дороги предков»). Маленькая развилина обозначала материнскую линию рода, а большая – отцовскую. Подобного вида коновязь – дерево с двумя-четырьмя развилками – *сатанах сэргэ* являлась одним из древних типов надворных коновязей [5, с. 52].

Очевидно, что поминальные (надмогильные) сэргэ у якутов соотносятся с мифологемой жизненного круга (дерево–коновязь–человек), что обнаруживает присутствие «в свернутом виде» космогонической идеи «вечного возвращения» (М. Элиаде). Конская тема в поминально-погребальном комплексе реализовывалась на уровне жертвы (ритуальное поедание на поминках): и жертвоприношение отдельных частей лошади (развешивание конской шкуры на дереве у могилы), и погребение костяка лошади по ее анатомическому строению, сооружение надмогильных столбов коновязей подтверждает мысль о новом рождении умершего (ср. якутский миф о сотворении Вселенной и человека из частей лошади).

Рис. 2. Разновидности якутских сэргэ (по различным источникам).

По-видимому, иконография надмогильных ритуальных коновязных столбов у северных тюрков – саха была связана с космогонической идеей мирового древа и жертвенного столба.

По мнению А.А. Попова, традиционным погребальным сооружением древних якутов являлась земляная насыпь, огороженная столбовой изгородью, которые оформлялись в виде коновязей [там же, с. 197].

Необходимо отметить, что, по мнению исследователей, якутские надмогильные сэргэ находят явные аналогии в казахской погребальной архитектуре в форме массовых стел – кулпытасов, получивших особое распространение в Арало-Каспийском регионе [подр. см.: 6, с. 421–427].

Известно, что у древних тюрков были распространены погребения с оградкой и каменными изваяниями у могилы, и в этом контексте приведенный выше якутский материал сближает антропоморфную теорию и космогоническую концепцию коновязной традиции ранних кочевников Центральной Азии и Южной Сибири.

Рис. 3 Виды старинных коновязей. Таттинский район. Фото Н. Даниловой

Рис. 4. Коновязный столб для рабочих лошадей ат сэргэгэ . Таттинский район. Фото Н.Даниловой

Рис. 5. Комплекс ритуальных столбов – вход в сакральное пространство праздника Ысыах - м. Юс Хатын, Якутск. Фото С. Назарова

Рис. 6. Ритуальный столб Аар Багах на празднике Ысыах. м. Юс Хатын, Якутск. Фото С. Назарова

Рис. 7. Салама – ритуальная веревка из конского волоса. Фото Е. Арбугаевой

Рис. 8. Внутреннее оформление берестяной стационарной урасы Могол ураса. Татгинский район. Из фотоматериалов сектора этнографии народов Северо-востока России ИГИИПМНС СО РАН.

Литература

1. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов. Якутск, 1976.
2. Ксенофонов Г.В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск, 1977.
3. Строптивный Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. М., 1985 .
4. Содномпилова М.М. Семантика жилища в традиционной культуре бурят. Иркутск, 2005.
5. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск, 2008.
6. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.

К ИЗУЧЕНИЮ ПЛАНИРОВКИ КАЗАХСКОГО СКотоводческого ПОСЕЛЕНИЯ

Турганбаева Л.Р.

Казахский национальный технический университет им. К.И. Сатпаева, Алматы

Необходимость целостного подхода к изучению планировки традиционных кочевнических населенных пунктов предопределяет использование понятия «объемно-планировочная структура», в отличие, например, от термина «форма поселения». По мнению В.П. Орфинского, оно более емкое, т.е. учитывает многофункциональность архитектуры: внутреннюю организацию планировки поселений под совокупным воздействием утилитарно-функциональных и архитектурно-художественных факторов.

Первые проявлялись в производственно-бытовых процессах, протекавших под влиянием переменных социально-экономических факторов в относительно постоянных природных условиях; вторые – в художественном осмыслении пространства на основе эстетических критериев, отражавших опосредованно (через творческую индивидуальность народных мастеров) воздействие тех же факторов и условий, преломленное через призму исторического опыта (традиция) [1, с. 56].

Анализ материалов показывает, что представления о рациональной организации жизненной среды в условиях степи формировались еще в древнейший период, затем, выдержав проверку временем, закреплялись традицией и влияли на объемно-пространственную организацию более сложных объемно-планировочных структур. Из них неизменными на протяжении всей истории кочевничества оставались два основных типа: концентрический и эксцентрический.

Концентрический тип характерен для кочевнических ареалов с их специфическими условиями жизнедеятельности и климата (пустыни, полупустыни, степи, горы). Он практиковался на ровной местности, при большом скоплении хозяйств, в периоды политической нестабильности. Такую форму поселения Ю.М. Лотман объясняет тяготением к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное [2, с. 321].

Как мы видели выше, построение поселений по кругу имело широкое распространение в евразийской традиции, начиная с трипольских и андроновских поселений (III–II тыс. до н.э.), с центральной свободной от застройки площадью, служившей местом для загона скота и проведения различных общественных сборищ. Аналогично располагали свои повозки и юрты ранние, средневековые и поздние кочевники. У монголов круговое построение поселения называлось *курень*. М. Фасмер отмечал тюркское происхождение этого слова: от *küpen* – толпа, племя, воин [3, с. 425]. Некоторые исследователи связывали его происхождение с монгольским *хурээ* – кольцо, круг [4, с. 189]. Казахи для обозначения такого поселения использовали термин «*аула котан*».

В то же время кочевники по натуре эксцентрики (по определению Л.Н. Гумилева – пассионарии), и сам феномен кочевничества, безусловно, связан с понятием эксцентричности. Такова психология людей пограничья, устремленных навстречу неизведанному. И в рассмотренных выше концентрических поселениях кочевнических ареалов, и в маргинальных зонах (оазисы, речные долины, околоозерные районы, лесостепи, предгорья) они стремились стать собственно границей.

Тяготение к разомкнутости, открытости и культурным контактам хорошо прослеживается на примере зимовок казахских кочевников на крупных реках. Общеизвестно, какое значение для них имела, например,

река Сырдарья, особенно богатые зимними пастбищами долины и степи ее среднего и нижнего течения. Поселения, которые растягивались почти на 20 км вдоль ее берегов, относятся к эксцентрическому типу.

Жизнь кочевников в этот период оказывалась как бы на острие, на грани, у опасной черты. Мало того, что зима, с ее хмурым лицом и крутым нравом, была трудным для хозяйства кочевников временем года, она становилась опасной и в военном отношении. Насколько можно судить по сведениям источников, походы против ранних казахских кочевников обычно предпринимались именно зимой, когда улусы размещались вдоль рек вразброс, и расстояние между стойбищами было очень значительным [5, с. 135].

Четкость рассмотренных планировочных схем нарушилась при переходе к частичной или полной оседлости. Возникшие на местах летних и зимних стоянок казахские поселения, лишенные дальнейших условий обширного кочевого хозяйства, вследствие малочисленности населения и отсутствия крупных градообразующих факторов, являли собой как бы застывшую форму неразвившегося кочевого расселения. Структурно они напоминали кочевые поселения. Саманные строения, перемежающиеся с юртообразными постройками типа «шошала», вместе с загонами для скота располагались кучными группами.

Подобная кучевая, или гнездовая (беспорядочная, скученно-разбросанная и т.д.) планировка стационарного поселения наблюдалась и у других кочевых народов, переходивших на оседлость. В частности, планы калмыцких, татарских и башкирских поселков представляли собой несколько гнезд, население которых между собой связано более тесно, чем с другими подобными гнездами [6; 7]. Кучность «усадеб», нередко образующих обособленные гнезда и запутанную планировку их деревень, специалисты объясняют обычаем родственников селиться близко друг от друга, сохранившимся еще с кочевого периода.

Яркой иллюстрацией подобной планировки являются некрополи и кладбища казахов, на которых участки с тесным расположением могил перемежаются с пустырями, то есть налицо дисперсная, скученно-разбросанная структура. В этом несложно узнать размещение по родственному признаку: поближе к могиле «героического предка». Коллективные и индивидуальные погребальные сооружения родственников устанавливаются тесно или пристраиваются, буквально лепятся друг к другу, образуя порой весьма сложные в плане группы. В тех случаях, когда закрываются проходы между отдельными сложносоставными сооружениями, образуются тупики, и тогда кладбища напоминают настоящие лабиринты.

Весьма показательны в этом отношении архитектурно-художественные аспекты проблемы. В ходе натурального обследования выяснилось, что для казахского стационарного поселения (например, культово-жилищный комплекс Кайнар в районе Донызтау на Северном Устюрте) характерен принцип визуальной локализации – трактовка поселений или их отдельных частей в виде локальных микроструктур, организованных с помощью местных акцентов: зрительных фокусов (обычно жилых домов), замыкающих перспективу «улицы» или ее отдельных участков. Таким образом, создается ощущение обособленности и «тупикового» характера: в поселениях – их частей, а в гнездах – поселений целиком.

Судя по материалам археологических исследований, с тем же традиционализмом художественного мышления связано стремление к «планировочной локализации» еще в ранних оседлых поселениях казахов. В частности, Н.П. Егорова, характеризуя архитектуру позднесредневекового Отрара, предполагает, что «жители древнего города, в силу исторически сложившихся традиций, предпочитали не иметь сквозных проездов и проходов» [8, с. 189].

Другое дело, поселения кочевников и полукочевников. «Проходной» характер казахских кочевых аулов и «усадеб», по-видимому, связан с характерным для степняков стремлением к простору непрегражденного пространства.

Интересны в этой связи материалы исследования пространственных представлений в традиционной казахской культуре, проведенного А.Р. Сабитовым. Так, исследователь отмечает беспредельность и безграничность «евразийского» типа освоения пространства и характеризует структуру казахского жилища как «открытую форму» [9, с. 225]. По его мнению, «в кочевой архитектуре перестает работать классическая формулировка идеи формы как наличия фиксированных границ, отделения одного от другого, придания частям материального мира некоей целостности путем их отграничения» [там же, с. 232].

Важно отметить, что для всех трех рассмотренных объемно-планировочных структур характерна «вписанность» поселений в природу, порожденная общей причиной – «природоподражательностью». Под этим понятием имеется в виду стремление человека в своей практической деятельности не выходить из круга действительных, интуитивно угаданных или мнимых природных закономерностей, соотнося с ними свои утилитарные и духовные представления, включая представления о физическом и психологическом комфорте среды обитания.

Известный советский архитектор и ученый А.К. Буров утверждал: «Архитектура – среда, в которой человечество существует, которая противостоит природе и связывает человека с природой, среда, которую человечество создает, чтобы жить, и оставляет потомкам в наследство, как улитка раковину – иногда «жемчужную» [10, с. 145].

Таким образом, через архитектуру природа включается в художественную культуру. Степной пейзаж действительно или только потенциально, но всегда пейзаж архитектурный. Уже сам по себе он тектоничен и историчен, и потому любая природная композиция может быть естественно дополнена и обобщена архитектурой, которая будет лишь последним этапом природно-исторического процесса.

Согласно А.Г. Габричевскому, существует как бы предустановленная гармония между ландшафтом как лицом земли и человеческим строительством. Последнее лишь продолжает творчество природы, формы и окраска строений живут теми же закономерностями, что и окружающий и породивший их ландшафт [11, с. 27].

Если в кочевой период эта «вписанность» в природу была порождена объемно-пространственными представлениями казахов, то в процессе перехода к оседлости воздействовали причины сугубо материального характера. В частности, постепенное усиление регулярных начал на заключительном этапе эволюции традиционных поселений (2-я половина XIX–начало XX вв.), стимулировалось помимо административной регламентации развитием гужевого транспорта и колесных дорог, а также рационализацией землепользования. Хотя казахское скотоводческое поселение отличалось меньшей регулярностью объемно-планировочной структуры, являя собой пример адаптации народных традиций к изменившимся условиям.

И сегодня можно наблюдать, что регулярность планировки и застройки поселений характеризуется не только очевидной с первого взгляда геометрической правильностью начертания искусственных структурообразующих элементов (дорог, площадей), но и взаиморасположением построек, как с искусственными, так и естественными элементами, а также с архитектурными или природными доминантами, ориентирующими на себя застройку. При этом нарушения регулярности включают: неперпендикулярность домов по отношению к структурообразующим элементам, отклонение от средневзвешенной величины расстояний между домами и структурообразующими элементами и, наконец, нарушение ритмики в расположении домов.

Если учесть, что регулярность поселений (мера отличия их структуры от стихийно сформировавшейся ландшафтной подосновы) отражает взаимоотношения искусственной (архитектурной) и естественной (природной) среды, то станет очевидным, что низкая степень регулярности застройки характеризует опять же их «вписанность» в природу.

В процессе нашего исследования были сделаны и некоторые другие любопытные наблюдения. Во-первых, на объемно-планировочную структуру стационарных скотоводческих поселений не оказывали заметного влияния культовые постройки. Характерный для казахов религиозный синкретизм (своеобразное сочетание ислама с элементами тенгрианства) предопределил стремление композиционно соподчинять культовые постройки природным формам. Во-вторых, несмотря на то, что композиционная организация мемориальных комплексов казахов, как правило, носит стихийный характер, в то же время они подчинены определенному порядку, с тяготением к геометрической правильности и открытости к продолжению.

Литература

1. Орфинский В.П. Вековой спор, типы планировки как этнический признак (на примере поселений Русского Севера) // СЭ. 1989. № 2.
2. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
4. Минерт Л.К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
5. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя): Пер., предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой / Под ред. А.К. Арендса. М., 1976.
6. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972.
7. Симонов А.Г. Кучевой план в застройке селений народов Среднего Поволжья // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1976.
8. Егорова Н.П. Некоторые замечания об архитектуре позднесредневекового Отрара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.

9. Сабитов А.Р. Пространственные модели в архитектуре Казахстана: Дисс. на соиск. учен. степ. д-ра архитект. Алматы, 2007.

10. Буров А.К. Об архитектуре. М., 1960.

11. Габричевский А.Г. Проблема архитектурного синтеза как взаимной организации массы и пространства // Архитектурный канон. Алматы, 1999.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРЕ КАЗАХСКИХ МЕДРЕСЕ

Турганбаева Л.Р.

Казахский национальный технический университет им. К.И. Сатпаева, Алматы

Судя по результатам полевого обследования, неотъемлемой частью культово-жилищных комплексов Западного Казахстана¹ являлись медресе, в которых обучались дети скотоводов. Их описания не раз публиковались, однако в настоящей статье представляется целесообразным вернуться к данной теме, более детально охарактеризовать зачатки образовательных центров переходящих к оседлости кочевников, сравнить их объемно-пространственное решение с архитектурой аналогичных учреждений полуоседлого населения Южного Казахстана и классических центров научной и творческой мысли Средней Азии.

Проведенная реконструкция культовых объектов при наличии неизбежных неточностей и допущений позволяет в целом охарактеризовать основные черты структуры и композиции казахских медресе. Отметим некоторые из них.

В поселении Шерлигул (Жылыойский р-н Атырауской обл., восточная часть гор Жельтау) в медресе преобразована традиционная для Западного Казахстана шестикупольная мечеть. Каменной кладкой заложены арочные пролеты поперечных сводов, перекинутых через северный пилон, и отсечены два изолированных помещения: первое, совмещающее функции прихожей и кухни, второе – дарсхана, предназначенное для учебных занятий. По всей видимости, для учащихся предназначалось и здание, остатки которого находятся к ЮЗ от мечети. Кладка стен, фрагменты тропов в углах и арочные дверные проемы, кельеобразный характер помещений (2x2,5 м) указывают на то, что здесь располагались худжры [см.: 1].

В поселении Шолабай (южная часть гор Жельтау), комплекс мечети по планировочной структуре имеет Г-образное очертание и представляет собой группу взаимосвязанных построек, объединенных крытыми и открытыми дворами. Функции медресе, по всей видимости, выполняло прямоугольное в плане сооружение (5,1x18,1 м), поделенное на четыре примерно равных помещения, которое протянулось от северо-восточного угла мечети на восток. Строение не имеет оконных проемов, но с двумя входами (высотой 150 см). Один из них, на южной стене, ведет из большого двора, образованного двумя зданиями, в помещение, из которого можно попасть еще в два: справа и слева. В четвертое помещение – вход отдельный, расположен в западном торце строения. Стены всех комнат оштукатурены, незатейливые интерьеры оживляются нишами разных размеров и форм. Сохранились угловые тропы и начало перехода от углов остова к кругу перекрытия [1]. Скорее всего, покрытие не было купольным, в крыше оставались круглые проемы, которые перекрывались крест-накрест жердями и покрывались войлоками. Войлоки регулировались так же, как и на шаныраке юрты, освещая помещение в зависимости от времени суток.

В поселении Кайнар, находящемся в западной части района Донызтау, культовый комплекс включает мечеть с медресе и окружающие их постройки: здание, условно обозначенное как «административное», и жилища с небольшими кельеобразными помещениями, которые можно интерпретировать как худжры – общежития для учащихся. Мечеть представляет собой довольно значительное по размерам сооружение сложного очертания, с комбинированной конструкцией из каменной и сырцово-кирпичной кладки, построенное без фундамента. Обследование показало, что здание приобрело подобный характер в результате многочисленных ремонтов, реконструкций и попыток пристроить медресе.

В медресе ведет дверь из южного угла моленного зала мечети. Вероятно, сначала были пристроены только три помещения. Они занимали всю ширину здания и располагались последовательно (анфиладно). На следующем этапе к ним пристроили еще два помещения, теперь уже изолированных, при сооружении которых,

¹ Исследование осуществлялось автором в составе Западно-Казахстанской комплексной этноархеологической экспедиции 2004, 2005, 2007 гг. (рук. С.Е. Ажигали) на территории Атырауской обл.

помимо камня, использовали сырцовый кирпич. Если первые комнаты не имели естественного света, то у последних недостатка в окнах не было. Общей особенностью для всех помещений является наличие множества ниш в стенах и единый характер перекрытия. Строители пытались перекрыть сырцовыми куполами не только подквадратные в плане камеры, но и прямоугольные. На это указывают округлые проемы в напльвах крыши и оставшиеся кое-где угловые тропы. Вероятно, в верхней части куполов оставались отверстия, через которые поступал дневной свет. Исключение в плане перекрытия составляет одно из прямоугольных в плане помещений, выходящее на юго-восточный угол, где можно предположить использование балок, жердей, камыша и присыпки из земли.

Жилища, предназначенные для учащихся, окружают мечеть-медресе с трех сторон: северо-восточной, северной и юго-западной и подразделяются на два типа – заглубленные в землю и наземные. Первые представлены весьма интересной полуземлянкой глубиной около 0,5 м, в плане прямоугольной со скругленными углами, поделенной перегородками на три равные камеры. Вход в постройку осуществлялся с западной стороны через среднее помещение, откуда можно было попасть в два других. Стены постройки выложены из камня (толщина – 0,9 м; высота – 0,9 м). Перекрывалось каждое помещение, по всей видимости, куполом из сырцового кирпича с отверстием в верхней части: единственным источником света, поскольку окна в доме отсутствуют. Особенностью интерьера является наличие ниш в стенах, по-видимому, предназначенных для хранения книг и установки светильников. На основе результатов обследования трудно сказать что-либо конкретное об отоплении подобных домов. Скорее всего, использовались центральные открытые очаги.

Среди жилищ наземного типа особый интерес вызывают две однокамерные постройки, подквадратные в плане, со скругленными углами, расположенные к СЗ от мечети-медресе, лицом друг к другу. Они напоминают традиционное кочевническое жилище, только выполнены из кирпича-сырца, с минимальным использованием камня: для конструктивной жесткости в месте перехода от остова стен к перекрытию, а также для перемычек проемов и ниш. Близки к ним худжры юго-западной части поселения, квадратные в плане, с каменными стенами и сырцовым купольным перекрытием.

Нельзя не отметить и довольно своеобразный характер одного из наземных жилищ, которое располагается во втором ряду худжр, в некотором отдалении от мечети-медресе, к востоку от рассмотренных нами выше «юртообразных» построек. Подпрямоугольное в плане (5x14 м), вытянутое по линии СЗ–ЮВ сооружение, поперечными перегородками делится на три камеры. Значительные разрушения продольных стен не позволяют определить, откуда осуществлялся вход в сооружение: через среднее помещение или в каждую комнату отдельно. Однако сохранившиеся торцовые стены и фрагменты связанного с ними перекрытия приводят к выводу: здание имело пирамидальный характер, весьма напоминающий погребальное сооружение [1].

Аналогичные сооружения культово-жилищных комплексов Южного Казахстана имеют уже несколько иной характер. Из опубликованных С. Жолдасбаевым материалов археологических раскопок [2] для нашего исследования особый интерес представляет комплекс мечети поселения Актас-мечеть, находящегося в среднем течении р. Сырдарьи. По сведениям исследователя, здесь некогда размещался мощный религиозный центр, куда съезжались верующие со всех ближайших окрестностей, в частности, из Келинтобе, Абызтобе, Мейрамтобе, Бесарыка. Значительную роль играло наличие медресе, остатки которого прослеживаются с южной и восточной стороны мечети. Медресе, по всей видимости, рассчитано было на довольно большой состав учащихся, на что указывает более 20 худжр (площадью 4x5 м), которые тянутся двумя вереницами, изгибаясь под прямым углом и образуя обширный двор.

Возможно, образцом для учебного заведения в Актас-мечети отчасти послужило находящееся в 40 км от него медресе средневекового города Саурана. Анализ плана данного сооружения, а также изучение графических материалов, аэрофотоснимков и литературных источников [3, с. 87–90] позволяют нам предложить гипотетическую реконструкцию образного восприятия этого культово-общественного здания. Размещение медресе на территории Саурана диктовалось градостроительным замыслом. Сооружение обращено главным фасадом на основную магистраль города, находилось в позиции «кос» с противоположащей постройкой; его боковой, южный, фасад фланкировал центральную городскую площадь с северо-восточной стороны, формируя, таким образом, облик общественной зоны «Сауранского регистана». В выборе участка под застройку, видимо, сказалось общественное и социальное положение его учредителя: Убайдуллы-хана.

Анализ плана и литературные источники [4; 5; 6] дают весьма определенное представление об основных элементах его объемно-пространственного решения постройки. В медресе Саурана мы видим уже вполне сложившийся архитектурный тип. Образцами для него, по-видимому, послужили учебные заведения, созданные при Тимуре и его преемниках, в частности медресе Самарканда, Бухары и Гиждувана.

Несмотря на статус учредителя и престижный характер, здание Сауранского медресе было не велико, имело прямоугольный симметричный план продольно-осевой композиции, вход – с запада. Замкнутый быт обитателей определил изоляцию постройки глухими стенами от внешнего мира. Главный вход был выделен порталом с традиционной стрельчатой аркой. Его фланкировали высокие круглоствольные, сужающиеся кверху, украшенные изразцами минареты, внутри которых заключены были винтовые лестницы. По мнению археологов, это – те знаменитые «качающиеся» башни, которые Зайнатдин Васифи назвал одним из чудес света. Изучение старинных фотографий, гравюр и описаний позволило Г.А. Пугаченковой заключить, что башни эти были двухзвеньевыми: первый ярус завершался выше рамы портала сталактитовым карнизом из пяти рядов кирпичей, венчанием второго служил куполок «кубба», также над небольшим карнизом [7, с. 163]. По версии исследователя, прототипом портала Сауранского медресе могли послужить постройки восточно-тимуридской архитектурной школы (Самарканда, Герата).

Итак, под стройным пештаком переднего фасада, который кажется особенно высоким благодаря минаретам «на его плечах» и незначительной высоте примыкающих к ним стен здания, имеющих только один этаж, двухстворчатая дверь вела в небольшой входной вестибюль. По его сторонам располагались еще два проходных холла шестиугольной формы (3,65x3,55 м), коленчатые изгибы которых вели в угловые помещения: налево – в дарсхану, направо – в мечеть и во внутренний двор. Дарсхана и мечеть, будучи традиционно расположенными симметрично от входа, одинаковы по своим планам квадратного очертания. Возможно, оба помещения перекрывались куполами на граненом барабане, прорезанном окнами. Можно допустить также наличие в них окон и дверей, выходящих на улицу, и алебастровую штукатурку на стенах, лишенных каких бы то ни было украшений.

Прямоугольный двор являлся организующим ядром постройки – в него обращены были глубокие своды айванов и арочные лоджии худжр. Археологическими раскопками здесь выявлено мощение обожженным кирпичом (30x27x7; 30x27x5; 47x47x7 см). Можно допустить и былое наличие таких элементов благоустройства, как хауз, деревья и скамьи. Два айвана, возможно служившие летними аудиториями, располагались на продольной оси; их арки возвышались на восточной, противоположной входу, стороне, и на западной – между входами во двор. Периметральная аркада отмечает входы в 16 худжр: по пять комнат находилось с южной и северной сторон, остальные – на восточной. Худжры медресе представляли собой небольшие подквадратные в плане помещения, которые освещались либо через дверь со двора, либо перекрывались куполками со световыми отверстиями в верхней части. Четыре комнаты на восточной стороне медресе, возможно, перекрывались простыми стрельчатыми сводами. На это указывают их меньшие размеры и продолговатое очертание. Возможно, во внутренней организации Сауранского медресе нашло свое отражение социальное расслоение общества: на так называемых «султони» – избранных учащихся и «орияти» – неимущих.

Престижный характер Сауранского медресе позволяет предположить, что большое внимание древние строители уделили пропорциональному строю не только больших, но и малых архитектурных форм. Основной акцент был сделан на разработку лицевого фасада, где центром композиции, как отмечено выше, являлся портал с минаретами «на плечах». Художественный эффект достигался контрастом его высоты со смежными стенами, оформленными ложными арочками и возвышающимися над ними куполами. Аналогично могли быть оформлены стены остальных фасадов. Лишь пластика южного усложнялась абсидальным выступом михраба и входной группой, ориентированной на площадь.

Декоративное убранство Сауранского медресе, возможно, было выполнено по типу мавераннахрских – фигурная выкладка из простых неглазурованных и поливных голубых и синих кирпичиков, составляющих простой геометрический узор или ритмично чередующиеся краткие куфические надписи, и майоликовыми плитками, заполняющими тимпаны арок или составляющими полосы надписей в различных частях здания. Техника тимуридской эпохи прослеживается в глазурованных изразцах, выполненных крупным, четким узором с подчеркнутыми контурами. Тона майолик – голубой, белый и синий. Для дальнейших исследований, в частности, реконструкции декора фасадов и минаретов Сауранского медресе, особый интерес представляет использование, наряду с указанными, традиционными для времени Улугбека, цветами, также зеленого и коричневого. Зеленый, как отмечает В.А. Шишкин, стали использовать мастера времени Абдулла-хана (конец XVI в.) [8, с. 15], в то время как строительство Сауранского медресе исследователи относят ко 2-му десятилетию XVI в. Возможно, первоначальная облицовка была заменена во время очередного ремонта.

Приведенных материалов недостаточно, чтобы сделать заключение о том, под влиянием каких факторов эволюционировала архитектурная форма медресе на территории Казахстана. Это требует специального рассмотрения. Несомненно одно, что на начальном этапе процесс формирования медресе представлял

полное заимствование. В средневековых городах Южного Казахстана с полуоседлым населением, которое находилось под мощной «опекой» религиозных центров Средней Азии, делались попытки воспроизвести архитектуру классических богословских школ. Однако воплощенные в них эстетические идеалы и архитектурно-художественные замыслы лишь отчасти воздействовали на образные решения медресе в ареале казахских кочевников; здесь сохранялись органичные для местного строительства планировочные приемы и конструкции.

Литература и источники

1. Материалы ЗККЭАЭ – 2004–2007 // Архив Отдела этнологии ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК.
2. Жолдасбаев С. Поселение Актас-мечеть (XVII–XIX вв.) // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
3. Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.
4. Маньковская Л., Булатова В. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.
5. Мирбабаев А.К. Медресе – социально-культурный и архитектурный элемент города // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
6. Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.
7. Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // Труды Среднеазиатского гос. университета. Ташкент, 1954. Вып. LVII.
8. Шишкин В.А. Медресе Улугбека в Гиждуване // Материалы УЗКОМСТАРИСА. Ташкент, 1933. Вып. 2–3.

«ПУСТЫННЫЕ ЗМЕИ» СЕВЕРНОЙ АРАВИИ И «СТРЕЛОВИДНЫЕ ПЛАНИРОВКИ» АРАЛО-КАСПИЯ

Ягодина В.Н.

*Институт истории, археологии и этнографии
Каракалпакского отделения АН РУз, Нукус*

Беттс А.В.Г.

Сиднейский университет (Австралия)

В пустынях Аравийского полуострова и Арало-Каспийского междуморья изучается археологический феномен, носящий в одном случае наименование «пустынный змей (desert kites), в другом – «стреловидная планировка». Речь идет о сооружениях, чрезвычайно сходных по большинству признаков. До недавнего времени они изучались независимо друг от друга, однако поразительное сходство Арало-Каспийского и Аравийского археологических феноменов выдвинуло задачу их сравнительного изучения.

Хронология и функции «пустынных змеев» были предметом обсуждения среди археологов в течение длительного периода. Их форма с длинными стенами и оградой неправильной или «стреловидной» формы побудила некоторых ученых предположить, что они использовались для сбора воды в пустынных районах. Однако инструментальные измерения, проведенные на серии «змеев» как в Арало-Каспия, так и в Северной Аравии, показали необоснованность предположений такого рода. Необычность изучаемого феномена породила ряд легковесных гипотез, высказанных в средствах массовой информации, которые пытались связывать сооружения подобного рода с внеземными формами жизни. В настоящее время, однако, для обоих регионов твердо установлено, что большинство, если не все «пустынные змеи», были использованы как охотничьи ловушки в пустынных районах, где имелись многочисленные стада мигрирующих диких копытных.

Охотничьи ловушки этого типа были обнаружены в Северной Аравии [1; 2; 3; 4], в Синайской пустыне и в пустыне Негев [5; 6]; они также описаны для региона Арало-Каспия (плато Устюрт, полуостров Мангышлак) [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Несмотря на широкое распространение сооружений данного типа по Азиатскому континенту, они оказались поразительно похожи по своим основным признакам, по назначению, технике строительства, планиграфии и т.д. Тем не менее, в каждом отдельном районе их распространения имеются различия в типах, что может быть связано с различными видами диких животных, на которых велась охота, и с самими видами этой охоты.

Следует обратить внимание на то, что интересующие нас сооружения были найдены в полупустынных и пустынных районах, фауна которых включала диких копытных, чаще мигрирующих, реже с постоянным местообитанием, таких как кулан, сайгак, джейран и архар в Арало-Каспии и газель (джейран), антилопа и кулан (дикий осел) в Северной Аравии.

Археологические исследования «змеев» были предприняты в Синае и пустыне Негев [6], в Северной Аравии [4] и в Арало-Каспийском регионе [9]. В дальнейшем предполагается более детальное изучение «пустынных змеев» в Северной Аравии и Арало-Каспийском регионе для того, чтобы провести их детальной сравнительный анализ, исследовать все возможные способы использования «змеев», а также вопросы палеоэкономики обществ, использовавших данные сооружения.

Имеющаяся в распоряжении исследователей в настоящее время информация допускает, что системы «пустынных змеев» имели как в Северной Аравии, так и в Арало-Каспийском регионе длительную историю. В Северной Аравии использование «змеев» зафиксировано для периода от VII тыс. до н.э. до XIX в. Бурхард [1] описывает охоту на газелей в Сирийской пустыне, где животных загоняли внутрь треугольной каменной ограды. Райт [12] дал подсчет количества «змеев», находящихся у Кариятайна в Сирии, внутрь оград «змеев» газели заходили сами. Иногда в оградах они загонялись в ловушки-ямы, расположенные в стенах, ограждающих «змей».

Некоторые изобразительные материалы с очевидностью показывают, что часть «змеев» использовалась в римский, византийский и раннеисламский периоды. Кайир и Хани – наскальный рисунок из Западной Иордании, сопровождавшийся сафайтической надписью, показывает, что газели могли загоняться внутрь ограды «змея» [14]. Росписи на стенах бассейна Уммаяд в Каср Амра на западе Аммана показывают охотничий цикл, где кулан (степной осел) загоняется в яму-ловушку способом, подобным тому, который использовался в оградах «змеев», построенных из камня [15]. Недатированные наскальные рисунки из базальтового региона на западе Иордании показывают ограду «змея», но без животных или человеческих фигур, которые могли бы продемонстрировать метод его использования [16].

Археологические исследования существующих «змеев» начались в Северной Аравии в 1920 г. с началом использования здесь авиации. Французские и британские пилоты, летая над пустыней, фотографировали с воздуха ограды «змеев» и размышляли об их функциях [17; 18; 2]. Л.В.Б. Риз назвал ограды «пустынными змеями» (desert kites), потому что с высоты птичьего полета они были похожи на детского воздушного змея, летающего на длинном шнуре. Археологическое изучение «змеев» в Иордании было продолжено Хелмсом [19], Гаррардом [20; 21] и Беттс [22; 23; 24]. В результате этих исследований были разработаны основы датирования некоторых североаравийских «змеев». Каменные орудия, найденные у оград «змеев», и остатки поселений типа охотничьего лагеря, включенные в систему оград, позволили установить, что большинство систем «змеев» было использовано в период докерамического неолита (докерамический неолитический период Б) в конце VII тыс. до н.э.

Наиболее полные и детальные доказательства связи многих из североаравийских «змеев» с периодом неолита были получены в процессе раскопок поселения Дхувейла в Западной Иордании [24]. Дхувейла – небольшой охотничий лагерь с неправильными каменными сооружениями. Поселение имеет два периода освоения: первоначальное сооружение в конце VII тыс. до н.э. (докерамический неолит Б) и повторное использование в середине VI тыс. до н.э. (поздний неолит).

Фаунистические остатки из культурных слоев обоих периодов освоения поселения состоят в значительной части из костей газели и некоторого количества костей небольших животных. В культурных слоях древнейших уровней поселения были обнаружены наскальные рисунки, очевидно, изображающие газель и кулана. В настоящее время ведется детальное изучение фаунистических остатков из раскопок этого поселения. Многочисленные находки костей диких животных доказывают, что крупношомасштабная переработка туш забитых диких копытных могла иметь место на поселении. Кремневый комплекс включает много наконечников стрел, листообразных острий и двусторонне обработанных ножей, которые могли быть использованы для охоты и переработки мяса.

Дхувейла лежит на линии, связывающей цепочку «змеев», расположенных вдоль низкого хребта. Обзор района показывает, что здесь имеется ряд одинаковых охотничьих лагерей, расположенных вдоль линии «змеев», рядом с зимними водосборными бассейнами, и на возвышенностях, откуда хорошо просматривается окружающий ландшафт. Кремневые орудия и наскальные рисунки свидетельствуют о том, что эти охотничьи лагеря относятся к периоду докерамического неолита. Некоторые из них, подобные Дхувейле, были повторно использованы в период позднего неолита.

Наскальные рисунки и этнографические данные, приведенные выше, показывают, что «змеи» для охоты в Северной Аравии использовались в течение длительного времени после неолитического периода, однако археологических материалов, подтверждающих позднее использование «змеев» в этом регионе, в настоящее время нет.

В Арало-Каспии на основании археологических данных устанавливается использование «пустынных змеев» для охоты на диких копытных с середины I тыс. до н.э. до XIV в. н.э. Для более поздних периодов имеются данные этнографического характера, свидетельствующие об использовании сооружений типа «пустынных змеев» вплоть до XIX в. Что касается неолита, то «пустынных змеев», относящихся к этому периоду, в Арало-Каспии в настоящее время не обнаружено, хотя анализ состава кремневых орудий с неолитических местонахождений Устюрта свидетельствует об охотничьем направлении хозяйства [25]. Некоторые археологические наблюдения дают возможность датировать часть «змеев» Арало-Каспия эпохой бронзы.

В литературе имеется целый ряд описаний охоты с использованием сооружений типа «пустынных змеев» в пустынях Арало-Каспия для XIX – начала XX вв. [26; 27, 28; 29; 30; 31]. По свидетельству информаторов и фольклорных источников, сооружения такого рода имели название «аран» [8].

Археологические исследования сооружений типа «пустынных змеев» начались в 1952 г., когда они были впервые обнаружены на юго-восточных чинках Устюрта. Уже тогда они были отнесены к средневековью и определены как сооружения для облавной охоты [7]. Широкая программа археологического изучения «пустынных змеев» Арало-Каспия была осуществлена в 1975–1990 гг. [9]. Планиграфическое изучение, раскопки «змеев» и сооружений, входящих в их систему, позволили разработать вопросы их типологии и хронологии. Изучение фаунистических остатков из раскопок позволило установить, что объектами охоты с помощью «пустынных змеев» были такие дикие копытные, как кулан, сайгак, джейран и архар.

Как в Северной Аравии, так и в Арало-Каспии «змеи» были разделены на ряд типов [3, fig. 14: 8]. По материалам Арало-Каспия было установлено, что это разделение отражает временные изменения и изменения в структуре «змеев», зависящие от формы охоты на диких копытных. Изучение показало [9], что в этом регионе форма «змеев» и особенно характер их группировки на местности определяются «пассивной» или «активной» техникой охоты. «Активная» охота предполагала загон животных, направляемых внутрь оград «змея», а затем в ловушки, расположенные в стенах оград. «Активная» охота обычно связана с отдельно расположенными «змеями» и местами временной (сезонной) концентрации диких копытных.

При «пассивной» форме охоты сезонно мигрирующие дикие копытные направлялись внутрь оград «змеев» естественным образом, без каких-либо искусственных побудителей и лишь на последней стадии охоты – загоне – направлялись охотниками в ямы-ловушки. В Арало-Каспийском регионе «пассивная» охота предполагала использование взаимосвязанных систем «змеев», пересекающих миграционные пути.

В Северной Аравии также имеются и та, и другая формы группировки «змеев» на местности: системы оград «змеев» и индивидуально расположенные. «Змеи», связанные в системы, почти неизменно ориентированы в северо-западном направлении, тогда как отдельно расположенные могут быть произвольно ориентированы. Системы «змеев» в данном регионе связываются с неолитическими поселениями, такими, как Дхувейла, и, вполне вероятно, что в VII тыс. до н.э. мигрирующие животные пересекали Восточную Иорданию в направлении их ежегодных миграций. Отдельно расположенные «змеи» могли использоваться здесь в более поздние периоды.

Объяснение, данное Бурхардом и Райтом, отражает и ту, и другую формы охоты. Бурхард описывает «активную» охоту, где газели выслеживались и загонялись в ограду «змея», когда приходили к близлежащим водным источникам [1]. Райт описал «пассивную» систему [13].

В Арало-Каспии на современном этапе исследований установлено, что «пассивная» охота с использованием систем «змеев» практиковалась в VII–VIII вв. в так называемый Джетысарско-кердерский период. В более поздние периоды практиковалась лишь «активная» форма охоты с загонем диких копытных и индивидуально расположенные «змеи». Для более ранних периодов данных о характере использования «змеев» нет. Все этнографические свидетельства для Арало-Каспия связаны с описанием «активных» форм охоты [9].

Археологические свидетельства из Северной Аравии позволяют предполагать, что при «активной» форме охоты животные загонялись внутрь оград, находящейся на низкой возвышенности. В Арало-Каспийском регионе загнанные в ограду животные впадали в панику и загонялись в заостренные кольца [9]. Подобные кольца многократно описаны в этнографических материалах по Арало-Каспию. Этнографические сведения об охоте в Северной Аравии также описывают загон животных из оград в ямы-ловушки [1]. Однако здесь

отсутствуют данные об острях, устанавливавшихся в ямах-ловушках. К оградкам «змеев» в Иордании обычно примыкают небольшие каменные круги, часто имеющие довольно высокие стены. Беттс и Хелмс в своих работах предполагают, что эти круги были использованы как укрытия для охотников и что загнанных диких животных забивали, когда они собирались внутри главной ограды [16]. Более детальное сравнение со «змеями» Арало-Каспийского региона показывает, что часть из них могли использоваться и в качестве ловушек.

Охота с использованием стационарных сооружений типа «пустынных змеев» отличается от погони за отдельным зверем большим количеством одновременно забиваемых животных, как показывают произведенные подсчеты, значительно превышающих собственные потребности охотничьих коллективов. Излишки продуктов охоты – мясо, кости, шкуры, сало и рога должны были перерабатываться в целях дальнейшего сохранения и использования. Вполне очевидно, что излишки продукции такой массовой охоты могли использоваться для торговли и обмена.

Естественно, что массовая охота с использованием сооружений типа «пустынных змеев» на разных этапах исторического развития и в различных регионах имела различный удельный вес, однако широкое распространение их показывает, что охота как отрасль хозяйства в системе экономики обществ, использовавших подобные сооружения, занимала важное место.

Литература

1. Burchardt J.L. Notes on the Bedonins and Wahabys, London. 1831.
2. Rees L.W.B. The fransjordan Desert. Antiquity. Vol. III, N 12. December. Gloucester. 1929.
3. Helms S. and Betts A. The desert «kites» of the Badiyat Esh – Sham and North Arabia. Paleorient, vol 131. 1987.
4. Betts A.V.G. The Harra and the Hammad. Excavations and Explorations in Eastern Sheffield Archaeological Monographs. Sheffield Academic press. Jordan // Sheffield archaeological monographs. 1998.
5. Meshel Z. «Kites» in the Southetn Arava. Jva Vaaretz 1. Hebrew. 1968.
6. Meshel Z. New Data about the «Desert kites». Tel Aviv 1. 1974.
7. Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945–1948) // ТХАЭЭ АН СССР. М., 1952. Т. 1.
8. Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
9. Ягодин В.Н. Стреловидные планировки Устюрта (Опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Вып. V. Ташкент, 1991.
10. Галкин Л.Л. Разведки и раскопки в Северо-Восточном Прикаспии // Археологические открытия 1981 г. М., 1983.
11. Галкин Л.Л. Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // Археологические открытия 1985 г. М., 1987.
12. Галкин Л.Л. Каменные батыры Устюрта // Наука и жизнь. 1988. № 3.
13. Галкин Л.Л. Разведки и раскопки в Северо-Восточном Прикаспии. Археологические открытия 1981 г. М., 1983.
14. Wright W., Palmira and Zenobia. London. 1895.
15. Harding G.L., The Cairn of Hany. Annual of the Departament of Antiquities of Jordan 2. 1953.
16. Almagro M., Zozayal, and Almagro A. Qusayr Amra. Pesidencia y Banos omey-as en el desierto de Jordania. 1975.
17. Betts A.V.G. and Helms S.W. Rock Artin eastern Jordan. «Kite» 1983. Carvings Paleorient 12. 1986.
18. Poidebard A. La trace de Rome dans le Desert de Sirie. Paris. 1934.
19. Maitland F. L. The “Works of the Old Men” in Arabia. Antiquity.1. 1927.
20. Helms S.W. Java. Lost city of rhe Black Desert. London and New York. 1981.
21. Garrard A.N., Burd B., Betts A.V.G. Prehistoric environment and settlement in the Azraq Basin. An interim report on the 1984 excavation season. Levant 18. 1986.
22. Garrard A.N., Betts A., Byrd B. and Hunt C. Prehistoric environment and settlement in the Azraq Basin. An interim report on the 1985 excavation season. Levant 19. 1987.
23. Betts A.V.G. Prehistoric Sites at Qa-a Mejalla. Eastern Jordan. Levant 14. 1982.
24. Betts A.V.G. Black desert Survay. Jordan: First preliminary report. Levant 15. 1983.

25. Betts A.V.G. Black desert Survey. Jordan: second preliminary report. Levant 17. 1984.
26. Виноградов А.В. Древние охотники в рыболовы Среднеазиатского Междуречья. // ТХАЭЭ Т. XIII. М., 1981.
27. Betts A.V.G. Excavation at Dhuweila, eastern Jordan: A preliminary Report. Levant XX. 1988.
28. Дюгамель А.О., Вольховский В.Д. Топографический журнал пространства Киргизский степи между Каспийским и Аральским морями // Первыми русские научные исследования Устюрта. М., 1963.
29. Эверсманн Э. Натурологический журнал, ведённый при Экспедиции, обзоревающей пространство между Каспийским и Аральским морями в конце 1825 г. и начале 1826 г., натурологом, доктором медицины, философии и изящных искусств и разных ученых обществ членом Эдуардом Эверсманном // Первые русские научные исследования Устюрта. М., 1963.
30. Эверсманн Э. Естественная история Оренбургского края. Ч. II. Казань, 1850.
31. Карелин Г.С. Путешествия Г.С. Карелина по Каспийскому морю // ЗИРГО по общей географии. Т. 10. СПб., 1883.
32. Силантьев А.А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898.
33. Соломатин А.О. Кулан. М., 1973.

ТЮРКСКАЯ АРАБОГРАФИЧНАЯ ЭПИГРАФИКА. ЭТНОЛИНГВИСТИКА

К ИЗУЧЕНИЮ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЭПИГРАФИКИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Ажигали С.Е.

*Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
КН МОН РК, Алматы*

В истории и культуре многих регионов Евразии и Северной Африки особое место принадлежит такому масштабному феномену как мемориальная арабографичная эпиграфика, которая получила толчок к развитию с VII–VIII вв., массово (в соответствии с процессом исламизации) распространилась в средневековье и в новое время на всей территории Западной Азии, во многих районах Центральной Азии, Юго-Восточной Европы, а также и в Арало-Каспийском регионе. По существу, это одно из грандиозных по своему массовому воплощению явлений мировой цивилизации, однако долгое время остающееся «в тени» – вследствие как специфики самого явления («кладбищенская» тематика), так и оттеснения этих рядовых мемориальных, эпиграфических памятников монументальными сооружениями, шедеврами архитектуры и т.д. Тем не менее, среди специалистов и востоковедов вообще интерес к надмогильным сооружениям с арабографичными надписями, эпитафиями проявился достаточно давно. В частности, одним из первых такие памятники на территории Арало-Каспийского региона отметил ещё немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий в 30-х гг. XVII в. в Западном Прикаспии, в районе Шемахи [см.: 1, с. 458–460]. Долгое время изучением мемориальных арабографичных памятников, в основном, занимался узкий круг специалистов-ориенталистов и во многих вышеуказанных регионах они оставались слабо изученными, либо неисследованными вообще. И лишь в последнее время арабографичные эпиграфические памятники стали привлекать внимание более широкого круга специалистов: в том числе искусствоведов, этнологов, культурологов. И это не случайно, поскольку данные мемориальные сооружения представляют собой сложное историко-культурное явление, специфичное для каждого определенного региона, и отражающее не только особенности развития палеографии и языка, но также и сложные пути генезиса малой мемориальной архитектуры (нередко с истоками в доисламской традиции), развитие камнерезного искусства, орнаментики, и, как правило, являются «почвенным феноменом» с проявлениями в облике местной традиционно-бытовой культуры (рисунки, родовые знаки и т.п.).

Именно такое уникальное явление представляет собой исключительно многочисленный комплекс мемориально-культовых арабографичных эпиграфических памятников Западного Казахстана, или аридно-степной зоны Арало-Каспийского региона, который исследовался (фиксировался) автором с конца 1970-х гг. К сожалению, нам до сих пор не удалось обобщить огромный материал в каком-то монографическом виде, но, тем не менее, эпиграфическая тема нашла целенаправленное отражение в ряде публикаций автора [см., напр.: 2, с. 97–98; 3; 4, с. 467–477, 530, 546, 553 сл.]. В данном докладе мы еще раз хотим заострить внимание на этой важной проблеме, становящейся все более актуальной, как в историографическом плане (с связи с выходом целого ряда работ, сборников по эпиграфическим памятникам), так и в том отношении, что множество этих самобытных памятников интенсивно исчезают в последние десятилетия, так и оставшись не обследованными, не зафиксированными. Несомненно, требуется целый отряд молодых специалистов-памятниковедов для срочного системного изучения этих многотысячных, еще сохранившихся памятников. В частности, по нашим оценкам в аридно-степной зоне Арало-Каспия имеется не менее 100 тысяч эпиграфических мемориально-культовых памятников, которых в начале XX в., несомненно, насчитывалось значительно больше.

* * *

Памятники западноказахстанской эпиграфики представляют собой важнейший комплексный источник историко-культурного, этнографического (в совокупности с тамгами) и филологического плана. В основном они представлены эпитафиями на художественных стелах – кулпытасах (среди которых выделяются эпиграфические типы) и реже на других типах надмогильных и культовых сооружений (надгробия – «койтасы»,

ящички-саркофаги – сандыктасы, мавзолеи и т.д.). Эпиграфика выполнена арабским алфавитом на арабском (религиозные изречения), казахском, туркменском языках.

На средневековых мемориальных памятниках Арало-Каспия эпитафии довольно редкое явление. Характерно почти полное отсутствие дат этого периода – но отдельные типы надгробий с эпиграфикой весьма архаичны (напр., «койтасы» на некрополе Шопан-ата в Манкыстау) и, вероятно, относятся к XIV–XV вв. Широкое распространение эпиграфики относится к эпохе позднего средневековья – причем почти исключительно на памятниках туркменских племен Арало-Каспия. С середины же – конца XVIII в. массовое распространение получает здесь казахская мемориальная эпиграфика. Однако это не следует связывать напрямую с этногенетическими процессами, но, скорее всего, с динамикой постепенного внедрения исламской традиции в среду кочевников Арало-Каспия: туркмен и казахов. Отметим также, что датированные западноказахстанские памятники (стелы), за исключением единичных случаев, известны нам лишь с конца XVIII в.

Для Западного Казахстана характерны следующие типы собственно эпиграфических памятников: архаичные (преимущественно туркменские) надгробия, отчасти скульптурно-стилизованные надгробия, стелы–ферты, большинство плоскостных и объемных казахских кулпытасов, а также редко встречающиеся дисковидные (круглые) стелы («кулпытасы»). В северо-восточной части ареала встречаются также эпиграфические надгробия типа «самаркандас» и стелы – «коккас».

Способы размещения надписей на различных типах памятников специфичны – на архаичных туркменских надгробиях эпиграфика располагается не канонично: на верхней плоскости, боковине, западном торце. Аналогичное размещение на скульптурно-стилизованных надгробиях («кошкартасах» и «аркартасах»). На казахских художественных «койтасах», устанавливавшихся вкуче с кулпытасами, эпиграфики почти нет.

Казахская эпиграфика изучаемых памятников почти исключительно представлена надписями на стелах-кулпытасах с довольно каноничным их расположением в прямоугольные картуши на западных, иногда и на смежных, гранях памятников горизонтальными рядами, изредка – вертикальными строками. Иногда надпись переходила и на восточную (заднюю) грань. (В редких дисковидных «кулпытасах» надписи, как правило, заключались в концентрические окружности, пояски; но иногда также в прямоугольные картуши).

В технике исполнения эпиграфики наблюдается последовательное развитие от примитивных врезных приемов – линейная, двухгранно-выемчатая резьба (все туркменские памятники и архаичные казахские до начала XIX в.) к более сложной, художественной, плоскорельефной (казахские памятники 2-й четверти XIX – начала XX вв.). На позднем этапе сохраняется также контурная (линейная) резьба, но более совершенная в исполнении. В очень редких случаях эпитафии выполнялись на кулпытасах росписью. Характерно также применение шрифтов: наиболее часто это врезной плоскорельефный насх и гораздо реже орнаментальный сульс и полукуфи.

По содержанию все надписи делятся на три группы: коранические, бытовые (эпитафии), комплексные (религиозно-бытовые). Собственно, коранические тексты в основном встречаются на памятниках XVII–XVIII вв. (за исключением, конечно, эпиграфики древних мечетей) – архаичные «койтасы». Почти исключительно – это формула единобожия и басмала. На поздних памятниках религиозная эпиграфика изолированно встречается достаточно редко.

Бытовые надписи средневековья очень лаконичны, лапидарны. Так, эпитафии на туркменских «койтасах» древних некрополей Мангышлака (Шопан-ата, Кошкар-ата и др.) сводятся почти исключительно к обозначению имени погребенного, редко отца, иногда дополняемого родовой тамгой. Надписи нередко сопровождаются басмалой и формулой единобожия.

Наиболее разнообразной и распространенной в ареале является казахская эпиграфика. Тексты значительно содержательнее – наряду с именем погребенного указывается его родоплеменная принадлежность (дополняемая или заменяемая тамгой); нередко отмечается возраст умершего, год, имя установителя памятника и некоторые другие сведения. Эпиграфика казахских кулпытасов имеет важнейшее атрибутивное значение. Прежде всего, это касается датировки сооружений: на исследованных памятниках обозначение дат появляется с начала XVIII в. До середины XIX в. характерно их использование по мусульманскому летосчислению, впоследствии также и по григорианскому, но в арабской графике.

Имя умершего всегда уточнялось именем отца, в редких случаях – деда; наиболее характерны конструкции типа: «...Ермұрат Алмат баласы...» и гораздо реже типа: «...Қыдыр Маман ұғлы...» и т.п. Соответственно оформляются и женские эпитафии: «...Алтынай Алмат қызы...», для замужних женщин с указанием имени мужа: «...Лепес қатыны... Жәдгербай қызы...» и т.п. Часто указывается возраст покойного в следующей

конструкции: «...78 йашында (йашда)...» и т.д. Следует отметить, что на северо-западе ареала (Букеевская Орда) в надписях на кулпытасах умерший нередко обозначается словом «ал-мархум» – «покойный».

В конце эпитафии обычно регистрируется установитель памятника – как правило, сын, редко брат, отец, очень редко дед, зять и т.д. Распространены следующие обороты: «...йаздырды баласы...» = «...қылдырды баласы...» (інісі, әкесі, атасы, йезтасы = жездесі), в которых «йаздырды» и «қылдырды» фактически синонимы и обозначают не, собственно, изготовителя – мастера, камнереза, а заказчика. Прямое указание в надписи имени изготовителя-камнереза, как и в аналогичных памятниках других регионов [см., напр.: 5, с. 100–101], большая редкость. Нам известно немного случаев (некрополи Камысбай, Сагындык, Бейсембай в Манкыстау) обозначения их термином «ұста». В одном случае мастер-изготовитель уникального кулпытаса на комплексе Абат-Байтак поименован Мықтыбай тасшы (т.е. каменщик, камнерез).

Ключевое место в западноказахских эпитафиях занимают данные о родоплеменном происхождении умершего – они обязательны и стереотипны. Это трехступенчатая (реже двух, очень редко – четырех) с последовательным указанием микроэтнонимов (предков-эпонимов), начиная от основного рода (по С. Аманжолову «основное племя»). Напр.: «Адай руы, мұңал тайфасы, қосқұлақ аймағы...». Вот характерный образец структуры эпитафии на кулпытасе (некрополь Улькен Жыбыскы, плато Шагырай в Донызтау), размещенной в 14 строк:

«[Табын] Қаражөн руғы Болат бөлімі Қыдыр Маман ұғлы. Уфат болды 45 йашында. Йаздырды баласы Әділ. 1324-інчі [жылда]».

Исследование западноказахской эпитафики имеет важнейшее историко-этнографическое значение. Прежде всего, оно позволяет детализировать родоплеменную структуру некрополей и кладбищ, формировавшихся в соответствии с внутривидовыми подразделениями: тайпа, аймақ (бөлім). Соответственно, конкретизируются родоплеменная структура и расселение казахов Младшего жуза. Благодаря эпитафике определяются и уточняются формы малоизвестных тамг (их вариантов) казахских родов: торткара – ; кете – ; ожырай – ; шомекей – ; беріш – ; байбакты – и многих др. [более подр. см.: 4, с. 450–466].

Изучение массового эпитафического материала позволяет выявить особенности этносоциальной структуры Младшего жуза (номенклатура этнической иерархии). Место умершего в системе жуза определяется стереотипной трехуровневой конструкцией: руы/руғы – тайфа/тайпа – аймақ, бөлім (род – племя – колена, отдел). Традиционный смысл этих терминов значительно отличается от современного. Так, слово «ру» – имело в прошлом расширительное значение и обозначало скорее «племя», «основной род» (по С. Аманжолову), нежели отдельный «род», и, наоборот, термин «тайпа/тайфа» – означал отдельный «род», иерархически подчиненный «племени» – «ру». Элементарной этнической единицей являлся «аймақ» – – «колена, отдел» и, преимущественно как синоним последнего, «бөлім» – .

Западноказахская мемориальная эпитафика важна также и для изучения аспектов погребального обряда. Эпитафии некоторых кулпытасов свидетельствуют о том, что они устанавливались не для одного, а для двух и более умерших. В целом эпитафический материал позволяет произвести в будущем более широкое исследование этносоциального плана: по половозрастным, социальным и некоторым др. характеристикам.

Как известно, многие памятники Арало-Каспия устанавливались над могилами известных исторических личностей – батыров, зергеров и т.д. Краткие биографические сведения эпитафий здесь очень важны. Так, на комплексе Асау-Барак в песках Сам погребены два известных казахских батыра – отец и сын: Барак и Асау. Судя по эпитафиям, они принадлежали к подразделению каракойлы рода шомышты-табын; Барак (активный участник борьбы с джунгарами) умер в 97-летнем возрасте (год смерти неясен); Асау скончался в 1263/1846 г. в возрасте 63 (64?) лет. Известны также кулпытасы с эпитафиями над могилами и других казахских батыров – например, Сююнқара, Толеп, Конай в некрополе Сисем-ата и др. Нами, в частности, выявлен кулпытас на могиле известного Кобай (Кобей)-зергера на небольшом бейите Базар-кожа в долине р. Эмбы. В начале 1990-х гг. благодаря надписям на кулпытасах было установлено место захоронения выдающегося казахского композитора Даулеткерей и его ближайших родственников на небольшом кладбище Карамола в Астраханской обл. Все подобные памятники требуют специального текстологического исследования.

В западноказахской мемориальной эпитафике отчетливо проявляются особенности «языка надгробий». Почти все формулы в эпитафиях стереотипны, лексика стандартна, использование синонимов минимальное. Ярким примером тому является почти исключительное использование глагольной формы «офат болды» или «офат» для обозначения слова «скончался», «умер». В связи с этим интересны редкие прецеденты разнообразия

языка эпитафий – например, такие словосочетания, как «марқұм офат» («покойный скончался»), «бу ташны қылдырды (йаздырды, йаздырыб қойды)» («этот камень сделал, «написал» и установил») и т.п.

К особенностям языка эпитафий также следует отнести элементы «татаризмов», свидетельствующих о специфике становления арабской эпиграфики в Казахстане, но не отражающих, собственно, языковые процессы. Это, прежде всего, выраженное «йоканье» в таких словах, как: «йаздырды», «йылда», «йашында», «йезтасы», вместо «жаздырды», «жылда», «жасында», «жездесі»; употребление аффикса «нч» в числительных и т.п. Однако в поздних памятниках наблюдается отход от канонизированного «языка надгробий». Начинают встречаться и «жокающие» элементы («жылда», «жағалбайұлы» и др.), которые (что характерно!) в одной эпитафии все еще соседствуют с вышеуказанными «татаризмами». В связи с этим уместен вывод о том, что арабографичная западноказахская эпиграфика в обозримый полуторавековой период своего развития (конец XVIII – начало XX вв.) все еще находилась в стадии морфологической (в широком смысле) эволюции.

В этом плане заслуживают внимания палеографические особенности исследуемых памятников, складывавшиеся под влиянием региональных традиций, свойств материалов, техники резьбы. Архаичный врезной насх позднего средневековья палеографически развивался в трех направлениях: 1. традиционное – с эволюцией в контурный (линейный) почерк (плоскостные кулпытасы южной части ареала); 2. регрессивное – в сторону огрубления, когда врезной почерк терял черты курсивности, но был подчинен только информативным целям (памятники Доңызтау); 3. наиболее массовое, доминирующее в ареале с середины XIX в. (в особенности в северной его половине) направление, представленное плоскорельефными надписями, в которых палеография подчинена двуединой информативно-декоративной функции.

В заключение следует отметить существенное декоративное значение эпиграфики погребально-культовых памятников Западного Казахстана, которое выразилось в разнообразии форм картушей, нередко в единой стилистике исполнения плоскорельефного орнамента и эпитафий, в использовании (изредка) неспецифического для западноказахской эпиграфики почерка сульс (книжное заимствование?), во включении в тексты декоративных элементов (трилистники и т.п.), которые, зачастую заменяли диакритические знаки (звездочки вместо точек) и т.д. Весьма показательны в этом плане и появление в 10–20-х гг. XX в. в долине Жайыка – Урала сугубо эпиграфических дисковидных (круглых, редко заovalенных) кулпытасов, являющих собой своеобразный декоративный «кич» в казахской мемориальной архитектуре.

Литература

1. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
2. Аджигалиев С.И. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследований малых форм). Алматы, 1994.
3. Аджигалиев С.И. Особенности мемориальной эпиграфики Западного Казахстана // Изв. НАН РК. Сер. филол. 1994. № 1.
4. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы, 2002.
5. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.–Л., 1960.

ТЮРКСКИЕ АНТРОПОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ЭПИГРАФИКЕ МАВЕРАННАХРА (XV–XIX ВВ.)

Аминов Б.Б.

Институт востоковедения им. Абу Райхана Бируни АН РУз, Ташкент

Приобретения независимости в республиках Центральной Азии привело к росту национального самосознания и этнокультурных проблем, что становится актуальным в современном этапе. В связи с этим возникает необходимость всестороннего изучения этнических и культурных процессов, культурно-исторических взаимоотношений этнических общин, историю их расселения и передвижения, происходивших в прошлом. В исследовании этих вопросов необходимо комплексный подход изучения этнокультурных

проблем основанные на конкретные исторические источники. При этом особое значение имеют надгробные надписи как памятники материальной и духовной культуры, носящие ценные факты и сведения по изучению этнической истории региона.

Следует особо подчеркнуть, что использование текстов надгробных надписей в качестве источника по отдельным аспектам истории этнических общностей Мавераннахра практикуется впервые и можно сказать что, такой опыт даст богатый материал для решения отдельных проблем. Они могут свидетельствовать, в том числе о высоком уровне духовной культуры кочевых тюркских народов в период XV–XIX вв.

Взаимосвязь специфических исторических дисциплин – антропоники, этнологии и эпиграфики, даёт возможность определить процесс расселения и выдвижения кочевых и полукочевых племен.

В данном случае свидетельства новых, еще не опубликованных эпитафий, сопоставленные с некоторыми данными письменных источников, позволяют уточнить расселения этнических групп с точными данными, определяют имена главных представителей родоплеменных организаций, дополняют новыми данными генеалогию традиционного деления кочевых и полукочевых тюркоязычных народов Мавераннахра в рассматриваемые нами периоды.

В результате эпиграфических экспедиций проведенных за последнее десятилетие, на территориях старых кладбищ, мемориально-архитектурных комплексов Кашкадарьинской области республики Узбекистан собраны материалы погребальной эпиграфики. Обнаруженные в текстах надписей этнонимы наряду с именами владельцев надгробий, хронологическими сведениями позволяет проследить этнические процессы происходивших в период XV–XVIII и XIX вв.

Особый интерес представляют тюркские имена, вырезанные на гладко обработанных мраморных плит. В надгробных надписях XV–XVII вв., выявлены тюркские антропонимические термины в составе женских имен саййидов, хваджей. Например, некоторые памятники погребальной эпиграфики комплекса Султан Мир Хайдар представляют имена Хавандзаде Бегим (XVI в.) Бикна биким (XV в.), Ханзаде биким (XVII в.), Ого ханим (XVI в.) и т.д. Такие примеры свидетельствуют о родственных отношениях высших слоев шайбанидов с саййидами и хваджами. В мужских именах некоторых термезских саййидов для XVI в. (Гумбаз-и саййидан) встречаются слово хонзода, бек, которые служат доказательством тюркизации семьи саййидов.

Присутствие в составе имен дочери аштарханида Надр Мухаммада бахадирхана (Сафийя бону хоним) тюркских и иранских элементов даёт интересные факты. Нам известно, что Надр Мухаммад по линии отца чингизид, а по линии матери принадлежит семье саййидам. Имя его дочери напоминает о двух линиях происхождения хана. Погребенье Сафийя бану ханим вместе с братом Бахрам султаном на территории Яккабага в Кашкадарьинской области, представляет большой интерес с точки зрения семейной истории аштарханида Надр Мухаммада.

Прочтение и анализ собранных эпитафий позволяет сделать вывод о том, что надписи на рассматриваемых надгробных камнях XV–XIX столетий были составлены на персидско-таджикском языке, который, как известно, был официальным и литературным языком в эпоху Амира Тимура и его потомков и был в употреблении у населения Кашкадарьи позже, в период господства Шайбанидов, Аштарханидов и династии Мангытов. Наряду с этим языком в разговорной речи широко употреблялся и чагатайский язык. Тексты эпитафий было принято составлять только на персидско-таджикском и арабском языках, несмотря на то, что заказчики и донаторы были из числа народов, говорящих на тюркских языках.

Надгробные плиты с этнонимами и антропонимами обнаружены на следующих кладбищах и комплексах Кашкадарьинской области: Хазрат-и Башир (Китабский район), Мусафир ата (Гузарский район), Чандирак Джар (Чиракчинский район), Катта Лангар (Камашинский район), комплекс Дар ут-тилават (г. Шахрисабз), Фазли (Касбинский район), Султан Мир Хайдар (Касбинский район) и др.

Итак, переходим к рассмотрению тех надписей надгробных памятников, где представлены этнические названия, термины, а также антропонимические элементы определяющие принадлежность исторического лица к определенным этническим группам.

Хазрат-и Башир. Известное место культа святых Средней Азии, расположенное на территории одноименного горного кишлака Китабского района Кашкадарьинской области. Хазрат Башир имя святого, по преданию который жил в XIV–XV вв. Надгробие-сагана святого, сделанное из дерева находится в интерьере мавзолея, расположенного на западном углу кладбища. К северу от мавзолея на территории кладбища под открытым небом находится надгробная плита, сделанная из серого мрамора, ориентированного по направлению север-юг. Надгробие имеет следующие размеры: длина 129 см, высота 40 см и ширина 27–30 см. Эпитафия перпендикулярной формы, украшенная однорядными сталактитами по верхней линии и зигзагообразными полуколоннами по углам. Верхняя плоскость, боковые стороны и оба торцы покрыты надписями. При нанесении текста каллиграфы и резчики по камню использовали почерк арабского письма насхи с элементами дүлди. Буквы фраз текста расположены на трех уровнях, что немного затрудняет при

чтении определить начало и конец отдельных слов. Такие слова как *برلاس قدس ثره* в конце краткого текста на втором ряду северного торца выполнены мелкими буквами.

На верхней линии северного торца высечен коранический текст, начинающийся словами басмилла. Ниже ряда сталактиты, нанесена эпитафия.

Северный торец:

١. هذا المرقد امير المغفور

٢. امير سيد ابن امير المرحوم سلطان جهانگير برلاس قدس ثره

1) Это могила амира, прощенного,

2) амира Сиди сына помилованного амкра Султана Джахангира барласа, да будет свято его тайны¹

Южный торец:

١. في التاريخ احدى وعشرين من شهر ذي القعد سنة تسع

٢. وعشرين وثمانماية من الهجرة النبوية

2. 24 числа месяца йһ алуа да 829/1426 ал-хиджрат ан-Набавкйати (Пророческого переселения)

Верхняя плоскость, боковые стороны по периметру в три ряда покрыты ал-асма ва-л хусна (99 имен Аллаха).

Мусафир ата. Огромное кладбище, недалеко от термезской магистральной дороги расположенное на территории Гузарского района Кашкадарьинской области. В центральной части кладбища группа надмогильных обработанных камней разной формы и разного размера. Здесь зафиксировано всего 11 штук надмогильных плит. В процессе изучения они были расшифрованы и в свою очередь пронумерованы по порядку расположения на кладбище. Среди прочитанных эпитафий в двух выявлены этнические названия. Итак, рассматриваем тексты надгробных камней выявленных на кладбище Мусафир ата.

MS-2. Намогильная плита, которая напоминает сундук перпендикулярной формы. Расположено ориентировочно по направлению запад-восток. Она имеет следующие размеры: длина 164 см., высота 42 см, ширина 39 см. На верхней площади камня геометрические начертания завершающийся арочной фигурой. Углы украшены простыми полуколоннами. На оба конца верхней плоскости плиты высечены мурабба, одна из которых состоит из декоративной композиции, другая заполнена символическими знаками в стиле - ма'кали. Верхние плоскости по периметру и боковые поверхности по 3 ряда представляют текст мусульманской элегии. Эпитафия на восточном торце. Западный торец украшен композицией из цветов. Использован каллиграфический стиль насхи. Соблюдено расстояние между букв и слов при нанесении текста.

Западный торец

1. Кончина амира Хасана Каучина сына

2. Тухтамиша Каучина² сына Джаджи

3. Каучина в воскресенье начало месяца джумâди-

4. л увлâ, 831 /1428 г. (факат 1428 ми ёки 1428–29 г.)

١. وفات امير حسن قوجين

٢. تختميش قوجين ابن جاجو

٣. قوجين في التاريخ يكشنبه غره جمادى

٤. الاولى سنة اربع وتلتين وثمانمائه

MS-3. Намогильная плита перпендикулярной конфигурации, изготовленная из темно-серого мрамора, небольшого размера. Величина каменного блока следующая: длина: 87, высота: 37, ширина: 17. На боковой плоскости камня нанесена калима-и тавхид. Эпитафия на одном торце камня. Почерк текста на торце настаълик.

1. От хиджрата Пророческого(переселения) был 1034/1625/26

2. Смерть достиг Дарвиш бая Мир Хазâра

3. От народа Джазиры прибыл араб-кочевник к миру (амиру)

4. Отправился в сторону рая, да пусть будет отражен на камне мазâра

١. ز. حجت نبوى سى چارنود هزار

٢. اجل رسيد بدرويش باى مير هزار

٣. ز. اهل جزيره جوارى ميرامد اعراب

٤. برفت سوى بهشت دلرويت سنگ مز ار

¹ Личность амира Сиди пока не установлена. Существует версия о личности его отца. В «Зафарнаме» Шараф ад-дина Али Йезди, упомянут Джахангир Барлас брат Хаджи Барласа. Возможно, амир Сиди его сын, хотя в источнике отсутствует титул султан, представленное в эпитафии. Большой интерес вызывает причина захоронения представителя из рода барлас на территории мазара Хазрат-и Башир. Предполагается, духовное привязанность амира Сиди к святому Хазрат-и Баширу.

² По «Му'из ул-ансабу» известно имя Тухтамиша Каучина, о котором упомянут при описании Тимурида Мирза Улугбека (уб.1449 г.). Он был в должности йаргучи, в период царствования тимуридского правителя. Пока не установлено личность владельца надгробия – амира Хасана Каучина и его деда Джаджу Каучина. Можно предполагать, что все представители этой семьи были похоронены на территории этого кладбища. Возможно, кладбище Мусафир принадлежит племени каучин, их потомков, которые живут до сих пор на территории этого района. Имя Джаджу

Чандирак Джар. Недалеко от дороги Чиракчи-Калкама видно огромный холм – археологический памятник эпохи античности и раннего средневековья. Это Кирк кыз тепа рядом со старым кладбищем, который занимает огромную площадь. Старое кладбище называется Чандирак Джар. На территории кладбища отсутствуют культовые сооружения. Надгробные плиты в количестве 10 штук расположены в разных местах территории кладбища.

Chj–2. Намогильная плита формы параллелепипед сделанная из серого мелкозернистого мрамора. Плита имеет форму параллелепипед с арочным навершием или подобен колыбели. Размеры камня: длина 134 см., ширина 17 см., высота 38 см. Расположен ориентировочно по направлению север-юг. Эпитафия на торцах. По боковым плоскостям высечены марсийа. Почерк средний насхи. Буквы и слова разборчиво.

Северный торец:

1. اسم ايشان
2. خانیکه ابن خواجه
3. محمد خلج

Южный торец:

1. في التاريخ شهر ر
2. جب سنه احدی و
3. خمسين و تسعمائة

Имя этого господина
Джа́ника сын Хва́джа
Мухаммад Халадж²

- 1.,
- 2.,
3. Скончался в месяце раджаб 951/1544

Комплекс Дар ут-тилават (Гумбаз-и саййидан). Известный архитектурно-мемориальный комплекс эпохи Амира Тимура и Улугбека. В комплексе два мавзолея, примкнутые друг другу и носящие название Гумбаз-и саййидан, где на первом похоронен амир Шамс ад-Дин Кулал ал-Фахури и его адепт амир Тарагай, отец императора Тимура, а на втором лежат тела потомков Пророка – термезские. Первый мавзолей был возведен по приказу Амира Тимура для своего отца и его наставника, а второй по инициативе его внука, известного астронома и правителя Мавераннахра – Мирза Улугбека, где также по его приказу построили Голубой соборный мечеть к западу и напротив мавзолея Гумбаз-и саййидан. На востоке от Гумбаз-и саййидан стоит огромный мавзолей, с коническим куполом сооруженный также Тимуром для захоронения своего рано ушедшего из жизни старшего сына – Джахангира, вместе с другими постройками называется комплексом Дар ус-сиадат. Недалеко от мавзолея подземный склеп – уникальный памятник, единственный своего рода сооружение, специально построенный для тело императора после его смерти. Но каменный гроб без останков императора превратился в кенотаф. Предполагается, что Тимур оставил завещание своим сыновьям, чтобы его тело был предан на земле Кеша, его родного города. Но борьба за власть и трон между его потомками и политическая нестабильность после внезапной его смерти во время похода в Китай, привело к не выполнению его завещания. Таким образом, комплексы Дар ут-тилават и Дар ус-сиадат, раньше функционировали как некрополь племени барлас, выходцем которого является и сам Амир Тимур.

На территории некрополя и в мавзолее более двух десятков надмогильных памятников сделанных из разных видов мрамора. Среди них этноним встречается только на одной эпитафии, что стало объектом нашего исследования. Теперь рассматриваем эту намогильную плиту.

GS–D. Блок из белого качественного мрамора в форме перпендикуляра с арочным навершием или подобен среднеазиатской традиционной колыбели. Плита расположена на восточной стороне комплекса Дар ут-тилават на специально сооруженном месте по направлению север-юг. Местоположение памятника изменено несколько раз в результате строительных и реставрационных работ. Поэтому плита стоит не на том месте, где могила её владельца. Боковые плоскости украшены своеобразным сталактитом в один ряд. Углы украшены простыми традиционными полуколоннами. Вся поверхность двух боковых сторон основного корпуса и арочного навершия камня покрыты надписями в 8 ряд. Каллиграфический почерк насхи с элементами сулси. Высокий уровень работы каллиграфа и резчика по камню. Эпитафия на одном торце.

Северный торец:

- 1.,
- 2.,
- 3., Кончина прощенной Дилшад ага³
4. дочери амир-и кабира, прощенного
5. Да́д Мулж барла́са
6. в начале (месяца) раби⁴ ул-ахар
7. 836/1432 года

1. وفات
2. مغفوره
3. دلشاد اغا
4. بنت امير كبير مغفور
5. داد ملك برلاس
6. في غره ربيع الاخر
7. سنه ست و ثلثين و ثمانمة

Камта Лангар. Знаменитый и огромный центр суфийского ордена ишкийя на территории исторического Мавераннахра в эпоху Шайбанидов (XVI в.). Культ святых находится на территории одноименного кишлака в горах Хисара, на расстояние 50 км к востоку от магистральной дороги Шахрисабз-Термез. Селение в настоящее время на территории Камашинского района. На холме в центре селения мавзолеем знаменитого шайха Мухаммада Садыка ал-ишки, где на его могиле и могилах его отца и сына огромные гладко обработанные стелы, сделанные из черного мрамора. Более 20 намогильных плит встречаются на территории кладбища, поставленные представителям ордена, их адептам и членам семьи. Среди намогильных камней один специально поставлен члену дома династии шайбанидов – Бурундук султану сына Хамза султана, умерший в 952 г.х. На одной из эпитафий встречен этнический термин, которую мы рассматриваем ниже.

KL–I. Надгробие сундукообразной формы, сделанная из серого мрамора находится недалеко от мазара шейхов ишкийя. Надписи вырезаны на гладко обработанной поверхности каменной плиты. Почерк насх, с элементами сулс.

1. Кончина прощенного, помилованного
2. благочестивого по милостью Аллаха
3. Амир Абд ул-Хаида ибн Мирза
4. Мухаммад Билкут

1. وفات المغفور المرحوم
2. رحمة الله المبرور الى
3. امير عبد الحميد بن ميرزا
4. محمد بيلكوت

Итак, рассматриваемые нами тюркские антропонимы и этнические термины свидетельствуют о местах захоронений отдельных представителей родов и племен, на основе надписей и места расположений надгробий. Ссылаясь на такие данные можно предположить о локализации племен на территории Мавераннахра в XV–XVII вв. Надгробия и надписи на них даёт ясную картину этнического состава Средней Азии в рассматриваемые нами периоды. Факт что, начиная с XVI в. с приходом кочевых узбеков из Дешт-и Кипчака этнические пласты тюркских народов Мавераннахра время от времени стали меняться, одни племена пришли, другие ушли, смешивались, вытеснялись другими более сильными народами. Например, основное ядро племени барлас уступили свои позиции шейбанидам, и вместе с Бабуром покинули Мавераннахр и переселились на территории Хурасан и Индии. Военные походы и набеги на территории оседлых народов, освоение новых дорог, земель и места кочевья, обеспечивали кочевых узбеков жизненно важными средствами. Результатом этих походов явилось сложение целого ряда обширных зон в долинах Зеравшана и Кашкадарьи, рассчитанных на проведение разнообразной хозяйственной деятельности.

Этнические связи между Тимуридами одной стороны, и с Шайбанидами с другой, видимо были чрезвычайно сложными. Эта тема заслуживает отдельного исследования. Пока нет достаточных оснований говорить об особом едином этносе в шайбанидском государстве. Но ясно одно, что племена барлас как костяк и основа тимуридской военной и государственной машины, лишились своих прежних льгот и вынуждены были покинуть страну вместе с отрядами Бабура. Отдельные ветви барласов не участвовавших в военных походах Тимура и его потомков, удовлетворившийся мирной и спокойной жизнью остались на отдаленные от центров горные местности Мавераннахра. Селение Тарагай в горах Зеравшана в Чиракчинском районе, и в некоторых кишлаках горы Гиссара в Шахрисабском районе до сих пор живут представители рода барлас.

Таким образом, ссылаясь на эпиграфические памятники и дополнительные источники можно дополнить этническую историю региона и представить новые информации для размышления специалистам и историкам. Поиск и исследования этнонимов в надписях надгробных плит территории Узбекистана в будущем даст возможность раскрыть новые факты для изучения этнических групп региона.

«МАСАТ АТА» ҚАЗЫМЫ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ КӨНЕ ТАҢБАЛАРЫ ХАҚЫНДА

Дүйсенбаева Ж.У., Ақмырзаев М.М.

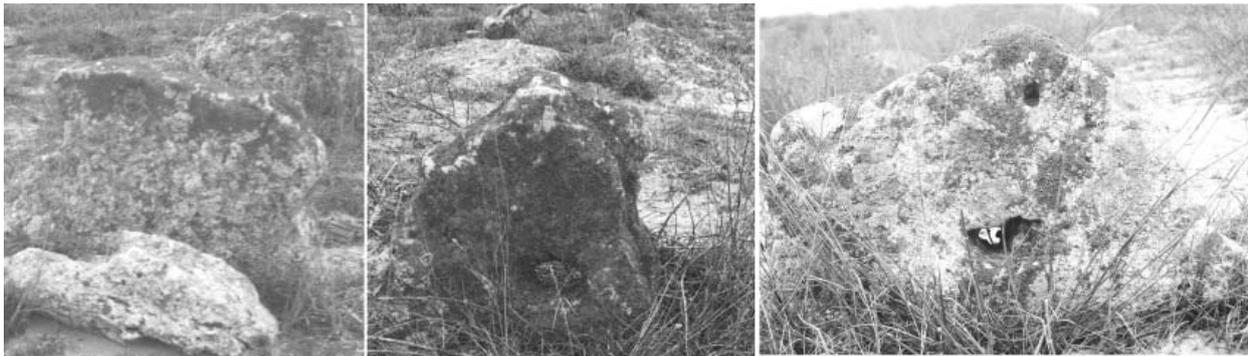
Маңғыстау «Болашақ» институты, Ақтау

Маңғыстаудағы бір бөлмелі жер асты мешіті және қауымның архитектуралық ерекшеліктерін зерттеген ғалым – Серік Әжіғалиұлы. Ескерткіштерді ХІУ-ХІІІ ғасырға жатқызған. Бірақ түркі кеңістігінде, оның қарашаңырағы қазақ даласының батысы мен шығысында, түстігі мен теріскейінде жер атаулары жиі және кешенді қайталаынады. 2005 жылы Сүгірәлі Жолдасқызы Күнжаксы апамыздың (жездеміз Қожағұл Қонысұлы Бердіхан) талабына байланысты екінші Масат Ата, кезінде айлақ болған Саршаның батысындағы Масат ата

аталатын қауымда болғанбыз. Ол сапар туралы мақала да берген едік. Апамыз: «Оң жағадағы тоғыз әулиенің бірі – осы Масат ата, тоғызын да жазып ал. Олар: 1. Кендірлідегі Мақат; 2. Қызықтағы Шикі-Ата (шейх); 3. Жыландыдағы Назаралы; 4. Саршадағы Масат-Ата; 5. Қаражалдағы Бектемір; 6. Тұмсықтағы Бектұрды ишан; 7. Ақшұқырдағы Қошқар-Ата; 8. Атамбай ернектегі Қатем ишан, ұмытып барады екенмін 9. Қауындыдағы Итемер әулие...», – деген болатын.

... Қауымның оғыздық бөлігінде «Алшын» таңба, «Шөміш» таңба, «Таздар» таңбасы, «Күн» таңба, «Қаф» таңба, «Кіріс» таңбалы неше түрлі қойтастар мол. Осы арада күн таңбаның өте сирек кездесетін нұсқасы, көтерілген күннің жарық сәулесін қадағалауға болатын шығыстан батысқа қарата қатар ойылып салынған қуыс түрі кездесті.

Жазу аз. Олар: 1. Оң жағында бедерлі айбалта мен қылыш, сол бетінде аттардың суреті бар қойтаста «Есімі: Қарағалфақ».

1. Тік оюлы, аяқты сандықтаста, гүлді өркен ішінде «Назар хожа ибн Нұрбай хожа»
2. Нибнамасыз «Қаф» таңба

Қауым есепке алынбаған.
Қойтастарының алуан

түрлілігі ежелгі түркілік мәдениетке жалғас ислам өркениетінің таралу, даму, қалыптасуы үдерісінен хабар береді.

...Еркіндік үлгісі еншісі болып, «Хан көрмеген ел» атанған Арал-Каспий халқының негізі 6 ғасырда Қара теңізден Қытайға дейінгі алапты мекендеген Оғыздар болса, олар 9 ғасырда Еділден бесенелерді тықсырып шықса, 10 ғасырда білімі арқылы өркен жайған Бұхараның данқын асырды, 11 ғасырда Парсы жеріне тамыр жайды. **Шәкәрім қажының: «Нәдір шахты түбі – түркілік», – деуі – қазақ шежіресінің ақиқаттан**

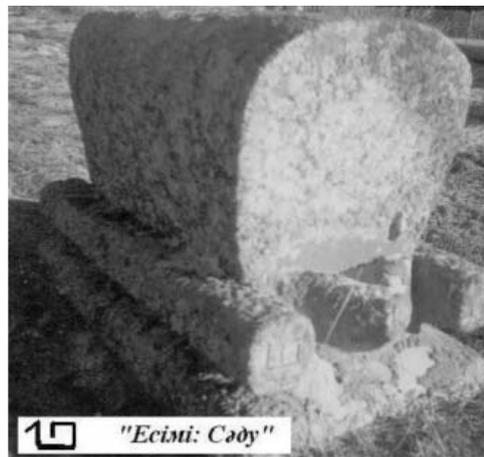
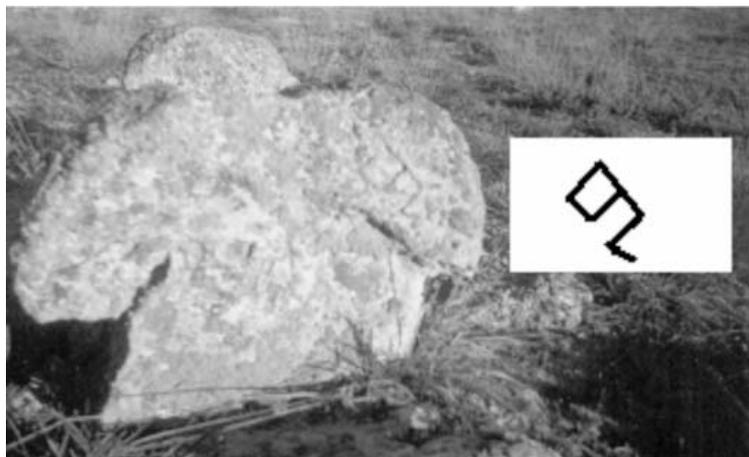
аттамайтын шоқтығы биіктігінің дәлелі. Осы жалғастықтың мифтік баяны Масат-ата туралы аңыз болса, материалдық көрінісі Саршадағы Масат-ата ескерткіштері.

Өркениет дамуының басты көрсеткіштерінің бірі тіл ерекшелігі мен жазу қалыптасу ежелгілігі болса, Алтай тілдері тобына жататын және жаралуы бойынша алғашқы болып саналатын Түркі тілі қарашаңырағының екі бөлімінің – қыпшақ және оғыз – тілдік ерекшеліктерін қатар жеткізген танымдық диалектісінің көрінісі осы қауымда бар. Ол Қыпшақ тілі тобына енетін «Қарақалпақ» есімі, Оғыз тобының жәдігері - М.Қашқаридан жеткен «Қаф» таңба.

Ғылыми айналымда «Түрікпен» таңба деген ұғым жоқ. Ес білгелі осы ұстынды басшылыққа алып келе жатқандықтан, дәлел ретінде «Таңба тілі» авторы Олжас ағаның таңба мәні және пайда болу кезеңі туралы олардың әу бастағы мағына туғызушы ИЕ-Егелері ретінде *«Тюрко-Огуз, Түркі-Оғыз», «Огузо-Карлук, Өгіз-Қарлұқ», «Турецкий язык ныне можно отнести к огузо-карлукско-кипчакскому типу, казахский соответственно – к кипчако-карлукско-огузскому»* тіркестерін ғана қолданғандығын алға тартуға болады. Осы еңбекте көрші халықтың «Түркпен», орыс әдебиеттерінде негізгі атауы болатын «Трухмен», «Туркмен» сөздері тек қана бір жерде, онда да таңба үлгілеріне қатыссыз, бір ғана нұсқада – балаларды шақша бас қылу үшін, басын терімен сығатындығы жайында ғана қолданылған. Мұндай салт Сарматтарда да болыпты дейді. Ақмешіт жанындағы Арал төбеден табылған алтын адам – Сармат көсемі. Жайылхан мен Сейілхан бір туған болғанымен, тұтқындарды жазалап, мәңгірттендіру үшін тері кепеш кигізу, аяғынан тұрып қаша алмас үшін өкшесіне шаш тігу – бұл қазіргі түрікпендер ғана қолданған қатыгездік, өзінің дене салмағынан артық аяғына тас байлап қою (адамды сатылап аяусыз қорлау, жазалау бөлмелері Хиуадағы Шерғазы хан медресесінде осы күнге дейін жәдігерлер ретінде сақталған). Қазақтарда тұтқынды еңбегіне қарай киімді бала қылып рәсімдеп, үйлендіру және үстіне үй тігіп, алдына мал салу сақилыққа, адамдыққа саналған.

Таңба туралы толғау түркі тілді Оғыздар өркениетін жырлаудан басталуға тиісті. Исламға дейін Маңғыстау өлкесінде мол таңба қорын қалдырған, VII–XI ғасырлардағы Орта Азияда өркендеген оғыздар (өгіздер). Біздің талмай іздеп табуымыз қажет Ата мұрасы – Оғыз әліпбиі.

М. Қашқари қалдырған оғыздың жиырма төрт руының ру таңбасы, беріде хатқа түскенімен, қазіргі мыңжылдықтан әрідегі жәдігерліктер (1067 ж). Оның ішінде, «Күн» таңба жоқ. **Ең бастысы аталған оғыз тайпалары таңбалары және сәйкес жер атаулары артығымен Маңғыстауда ғана сақталған.** Мысалы, Қашқари таңбаларындағы №3 таңба -Иуа, Қошқаратадағы адам пішінді балбалда және «Сәду» аты араб әріптерімен жазылған белтаста салынған. Бұл таңбаны «Қожа» таңба деп алуға болады. Араб тілінде «Қаф» әрпімен «Қожа» сөзі жазылмаса да, қазақша қожаны, араб әрпімен белгілеу, яғни таңбалаудың еш ерсілігі жоқ сияқты.

«Күн» таңба ғалымдар б.д.б. IV–V ғасырға жатқызған Бәйти кешенінде салынған.

Осы таңба «Тылсым тас» мәртебесіне ие тас таңбалары арасында да ортадан ойып орын алған.

Бұл күн мен жел, жаңбыр мен қар өтіне күні бүгінге дейін төтеп беріп тұрған жәдігерліктің кімдікі екендігі туралы төмендегі тұжырым бағыт бере алады. «Бұл өркениеттің жалпы деңгейінің айқын, және өзге мәдениет әлемінен қабылданбаған және бейімделмеген, ең ежелгі түркі ортасында өмірге келген ерекше түпнұсқасы туындаған көрсеткіші жазу болып табылады». Оғыз бірлестігі жергілікті субстрат пен оларға енген элементтердің этникалық синтезі нәтижесінде түзілген. Оған оғыз-бесене-қаңғар және далалық Сырдария

жазығы, Арал маңы, Солтүстік Каспий маңы тайпаларының, әртүрлі деңгейде түркіленген индоеуропалық тайпалардың да (алан, ас) қатысы болды. Оғыздарға дейін б.д.б VI және II-IX ғ.ғ. Батыс Арал маңында аралас тайпалар тіршілік еткен (баджгард, нукарда және баджна). Махмұт Қашқаридың «Диуани лугат ат-түрк» шығармасында оғыз тайпаларының төмендегі тізімі және таңбалары келтірілген (*АУЖМ, илл-10*): Қайығ, Байұндұр, Иуа, Салғұр, Афшаар, Бактылы, Бүкдүз, Байат, Иазғыр, Емүр, Алқабүлүк, Иклир, Түкәр, Аракір, Иуракір, Түүтірқа, Түгәр, Бәжінік, Жауалдар, Жәбні, Жарұқлығ (келтірілген тайпалар атауы Қашқари қолжазбасының араб жазуынан өзгеріссіз транскрипциялаған. ММА) және оларға қосымша Языжыоғлан, Рашиддин, Түрікменбашы деректерінде Қараүйлі, Иапарлы, Қазақ, Қарқын, Алажұнтты тайпалары мен олардың таңбалары кездеседі. Жазықтық (**iazyges**) иелері көшпелі сарматтық тайпалар туралы латындар – Овидий (б.д.б. 43 ж. – б.д. 17 ж.) және Тацит (б.д. 55–120 ж.ж.) жазбасы сақталған. Қимақтар дәуірлеген кезде, олардың оғыздармен келісе отырып қыстауды оғыздар мекені АҚТАУДА (Ақ тағ, Оқ тағ) өткізгендігі туралы деректер де бар. Әбілқайыр Спан «Құйрық пен бауыр» деп таныған Ақтау мен Қаратау ежелгі таулар қатарына жатады.

«КҮН» ТАҢБА ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ШЕЖІРЕСІ

Қазақ шежіресінде «Гостаған», «Көз», «Шөміш» аталатын күн таңба нұсқалары жиі қайталанады. М. Тынышбаев, және кейінгі одан көшіріп берілген сызбаларда ру таңбасы күн таңба және оның әртүрлі нұсқалары болатын рулар көп. Бұл – рулар таңбаларының ортақ праформасы «Күн» таңба шеңбері және олардың шежіресі Қожалар мен Хожалардың силсиласынан әлдеқайда ерте пайда болған. Мысалы маған анықтауыш жазуымен қатар кездеспегенімен, М. Гродековтің 1889 жылғы мәліметтерінде Оң таңбалы табын таңбасы деп берілген «тұғырлы күн таңба» Маңғыстау Үстіртіндегі «Бәйті» тәңірлік ғибадатханасы қабырғасында бар. Ол таңбаның салынған жылы, Ғайса пайғамбар жасынан кемі бес ғасыр әріде, яғни 2500 жыл шамасында. Таңба Қасиетті кітаптар Інжіл мен Құран әліпбиінен жарты мың жыл үлкен.

Илл.6 – Күн таңбалар 2. Шопан – Атадағы ашық мешіт босағасындағы күн таңба:

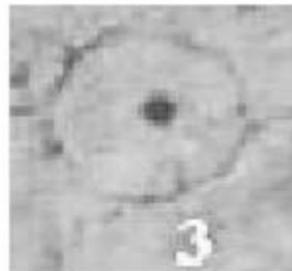
1. Қошқар – Атадағы күн таңба

Қарағашты әулие белтасындағы күн таңба

Бәйті таңбасы

Күн таңбаның пайда болуы, дамуы туралы қаламгер Олжас еңбегіне кезек берелік: «Күн таңба» – «ортасында (ноқат, сызық не кіріс) бар дөңгелек әлемнің барлық бұрышында кездеседі. Ол үш континенттің – ежелгі египет, шумер, ежелгі қытай жазуында және майя иероглифтерінде бар. Жазушы Олжас еңбегіндегі Күн ☉ – таңба, Күн құдайы және қой мағынасында келтіріліп, қоршалған бекініс аймағы, қала мағынасы ишарасы болды делінген. Мысалға: šaag – қала (араб.). ☉ – šar – шарғы, шаһар, қоршау (шум.), ☉ – šaag.

Шеңбер түріндегі Күн таңба финикия әліпбиінен арамей әліпбиіндегі жарты доға «Ай» таңбаға өзгереді.

Ал, оғыздарда бұл таңба ☉ uguk, uguk – 1) өрік, өрім, орам, ұрық бастамасы, қыпшақтарда ұрық, ру, ұрпақ мағынасында қалыптасқан таңба [9].

Орхон (Өр қоныс) – Енисей (Ене сай) өлкесінде ☉ ☉ – «бір он», ☉ ☉ – «екі он» мағынасы да салынған, яғни солай оқылады.

Токетер түйін:

1. «Хожа, Қожа» этнонимі «Ұстаз» мағынасымен құнды.
2. Қожалар құлпытасындағы «Күн» таңба – олардың Тәңірлік таным иелері, яғни түркілер екендігінің даусыз белгісі.
3. Маңғыстау тасөнері шеберлерінің өзіндік, дара, ғажайып қолтаңбасы ешкімге ұқсамайды, тастағы таңбаларды жинақтау, сақтау, зерттеу – кезек күттірмейтін міндет;
4. Өңірдің өзіне ғана тән ежелгі таңба салу мен тасты өңдеу шеберлігі де жеке зерттеуді қажет ететін ғылымның бір саласы.

«ҚОЖА» МЕН «ХОЖА» ЭТНОНИМИ ТУРАЛЫ (деректерден үлгі ретінде үзінділер ғана берілген)

Дүйсенбаева Ж.У., Ақмырзаев М.М.

Маңғыстау «Болашақ» институты, Ақтау

Діни ұғымдық негізгі термин сөздер Маңғыстау ескерткіштерінде мол кездеседі десек қателеспейміз. Бүгінгі жазбағымыз, – «Қожа» этнонимі мен оған қатысты тарихи-мәдени ескерткіштер турасында. Атау сөз ретінде бұл есімге «рухы, руғы, руы» анықтамалығы қосылуға тиісті, біздің қолымызда ондай үлгі жоқ. Мәйіт эпитафиясы жазбаларында бір жерде ғана «Адайлар руғының хожасы» деген аталық лауазымы кездесті, ол жазуда одан Кедей хожа таратылады.

Қазақстан Ұлттық энциклопедиясы: «Қожалар – Орталық Азияда ислам дінін таратуда белсенділік танытқан әулеттер», олардың «Насабнама» шежіресінде...Орта Азия аумағына 766 ж. келгендігі айтылады» дейді [1, 12-б.]. Маңғыстау аймағындағы эпитафиялық деректерде суреттер үлгісі және жоғарыдағы этнонимдердің құлпытастардағы үлгі жазуын қатар беріп отырмыз. Бұл – көлемді еңбек, біз содан бірнеше үзіндіні ғана келтіреміз:

1. Берді ишан қауымында (67 бетте), қауым атына қатысты құлпытас жазуы: «Молла Берді хожа офат болды 28 жасында. Адай руғы, Қырықмылтық тайфасы, Жарылғап аймағы, Көкайтек бөлімі. (Жәпекқұл ұлы Қарақас тасшы)». Андап қарасаңыз, қауым атындағы «ишан» лауазымы, құлпытаста «хожа» атауымен белгіленіп, осы атаулардың қалыптасу негізін көрсетіп тұр. Бердінің молдалығы болғанымен, жожа руына қатысы жоқ және аты да Бердіқожа еместігін, жожа анықтаушы мәйіт иесінің ұлағатты ұстаздық қызметіне сілтеме екендігін көрсетеді, себебі оның рулық таралымы анық көрсетілген.

2. Түрікпенадай руының Есенбет бөлімінің ата қауымы санауға болатын Нысан жожа қауымындағы (70 бет) сырықты қоршау қасындағы құлпытаста «Асыл жожа Асқар жожа баласы. 1840 санада офат» деп қана жазылған. Осы қауымда «Адай Қожыр молла баласы Мұхамбет. 1309» деген жазу да бар.

3. Сахар тауы мен Үстірт шыңдары арасындағы «Қожақазған қауымындағы (88) сағанада «Құлмыш Жайлықожаұлы 63-жасында офат болушы деп білерсіз, 1905 ж.», және Хожа Қырдасынұлы Қалдықожа 1844–1905 сияқты араб әріптерімен өрнектелген жазба деректер бар. Қырдасынның өзі Қарақыз қауымында жерленген. Кезінде белсенді, сыйлы кісі болған.

4. «Ақпан (89) қауымы деп аталған, Түрікпенадайдың Бәли бөлімі өкілдері бақилық жай тапқан қауымдағы ою өрнекті сағана тамда «Адай руғы. Түрікпенадай тайпасы, Бәли аймағы, Өтеп бөлімі Халиф Алдамжар софы ұлы Уәли. Офат болды 26 жасында 1904 жылы» деген дерек бар. Бұл жердегі «Халиф» сөзі төркіні дін тарату

жетекшісі екендігін, ал «софы» анықтаушы, атамыздың барға қанағат ететін, артық дүниеқұмарлықтан ада, ислам қағидаларына адал қызмет етуді мақсат тұтқан пенделік топта болғандығының көрсеткіші.

5. Діни атаулық термин мол қауымдардың бірі Ескі Бейнеудегі Бекет-ата мешіті орналасқан қауым. Солардың бірегейі – Нұрмағанбет молда құлпытасы. Онда: «Адай руы. Бекет софы баласы, Алдоңғар баласы Нұрмұхаммед молла. Офат 68-де. Баласы Құлмұхаммед. 1864», деген жазумен қатар «Адай таңба» және Нақшбандия діни ағымы мөріне ұқсас сыртынан сегіз тісті шеңбер ішіне екінші шеңбер сызылған дөңгелек эмблема ортасында тасбиық пен айбалта салынған софылық қауымдастық (орден) белгісі бар. Сол сияқты «Адай руы. Қырықмылтық тайпасы. Дәрімбет софы баласы Ермұхамед. Офат 33 жасында 1866 ж. Қылдырды әкесі Ділжан», «Мырзағұл бин Мендікұл батыр бин Жаналы, Һафиз Мендікұл батыр» деген жазулар «софы» терминдік атауының да қызметтік мәртебеге қатыстылығын және **ең басты тұжырым қазақ еліне дін таратудың қозғаушы күші – жожа, молда, софы, хафиз, халифтердің бәрінің тегі – түркі, рулық таралымы айқын қазақ тілді және қазақ ділді ұстаздар болғандығын көрсетеді.**

Бұл деректерді ежіктей, мысалға келтіруіміздің өзіндік себебі де бар. Соңғы кездегі жожа рулық шежіресіне қатысты жарияланымдарда араб тілді, пайғамбар тұқымды «Қожа не хожалар» ғана қазақтың көзін ашып, мұсылмандыққа енгізді, өркениет пен мәдениетке жеткізді деген ұғым сыңаржақ пікір...

Әлемдік тарихи таным мен теология барлық дәстүрлі діндер іргетасы Тәңірлік сенім мен Жаратушы ұста ілімі екенін әлдеқашан мойындаған. Жүп наным бастауының екеуі де «Жер жаралғалы біздің ата-бабаларымыздың құт мекені болып келе жатқан Алтау мен Каспий аралығы» [2], олай болса Авеста, Таурат, Забур, Інжіл, Құран кітаптарының тілі мен ділінің қызыл өзегі – негізін түркі тілі құрайтын «Алтай тілдері» тобы. Әу бастан қиналғанда Алладан бұрын «Құдая Тоба, Ұста Құдай», таңырқағанда «Құдай шебер, Жаратқан!» деп тәубесіне келетін Адам атаның дей-дей-түркі ұрпақтары, далалық табиғат түлегі, жаратылыс пен тамаша үйлесім иегерлері ұстазды құрметтей білді. Олар жожа тәліміне ешқашан ділгер болған жоқ. Еліне сыйлы, ерекше мүйлі түркі ұлдары ғана Мекке–Мәдине–Шам–Басра–Қабул–Нишапур–Бұхара–Хиуа–Түрікстан сияқты исламның шығысқа таралу жолындағы ірі діни білім ордаларында кезең-кезеңімен арнайы дайындықтан өтіп, түркі елі әдеби мен салт-дәстүрін шарифатқа қамшы өріміндей енгізіп, осы жолда қызмет атқарған түрлі жергілікті ру құрамы мен территориялық аймағына сіңген, елдің сый-сияпатына адал еңбектерімен жетіп, «ұстаз-жожа» мәртебесіне ие бола алған.

«Мұхаммед (мағынасы «Мақтаулы») пайғамбардың бәйбішесі Хадиша анамыздан: Қасым, Ғабдұллах; Мәриядан: Ибраһим жарық дүние есігін ашқан, бірақ үш ұл да ерте шетінеген. Қыздары: Зейнеп, Руқиа, Фатима, Үммүкүлсім.

«Пайғамбар ұрпағымыз» дейтіндер Мұхаммедқызы Фатимадан (Нәсілі Али ибн Абу Талибтен) тарайтын жиендер желісі ғана. Олар: Хасан ұрпақтары – *шарифтер* және Хусайн ұрпақтары – *саййидтер*. Дін ошағы Араб иелігі бойында Мұхаммед қаны бар әрбір ұрпақ қатаң есепке алынып, тіркеуден өткізіліп, дербес куәлік құжатпен рәсімделген. Себеп қоғамда артықшылық алу үшін, жалған шежіре жасайтындар қай дәуірде де аз болмаған. Дін қорғаушылары оларды «мутасаййидтар» деп атап аяусыз жазалап отырған. Сондықтан нақты құжаты бар хожалар ғана құрметке ие.

«Хожа» (*парсыша, жоғары білім меңгерген азамат*) – араб елдерінде ешқашан қолданыста болмаған, түбірімен парсы сөзі [3]. Қазақ арасында білімді, үлгілі жандарды Ұстаз, Софы, Пір деп те ұлықтаған. Тарихта шығыс ұлдары ішінде «Бірінші Ұлылық Ұстазы» атанған философ Ибн Сина. Ол сөз күдіретімен Түркі шейхы Абу Саидқа қара халықты сыйлау үлгісін бере алды. «Екінші Ұлылық ұстазы» болып Абу Жакып Хожа Жүсіп Хамадани саналады (1048–1143), ол отыз бес жасында Ұстаз атағына ие бола жүріп, қосымша екінші мәртебеге, «Хожа» титулына ие болды.

... Батыс Қазақстанда біздің табанымыз тиген киелі орындарда «Хожа» эпитафиясымен бірге түскен таңбалар кездескендіктен, олардың мән мағынасы туралы бірер ауыз дерек берелік.

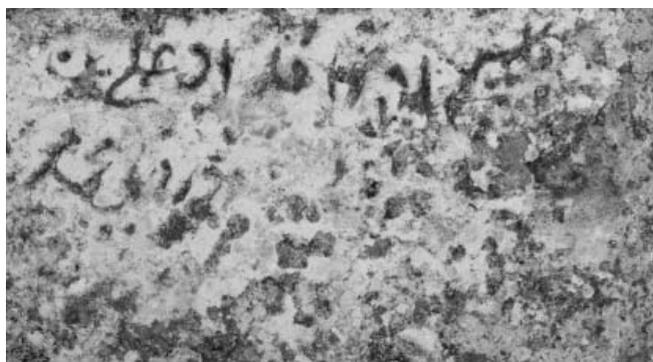
Сөз басында Нығмет Мыңжан тарихында жожа руы таңбасы берілмегендігін қаперге береміз [4, 42–46-бб.]. Мәселені түпкілікті шешумен айналысып жүрген азаматтардың назарына кейбір таңбалар туралы, олардың ішінде, тектік генеологиялық және кәсіби көрсеткіштері қатар берілген бірнеше мысалды ұсынамыз. Қазақ арасындағы Ислам түсінігін насихаттаудың басты құралы, әрине, дін жолы, оның шарғысы мен хадисі, реуеттері, ең бастысы «Құран» мазмұны мен оны оқу болғандығы даусыз. Оның алғышарты иманшарт пен араб әліпбиін меңгеру еді. Бірақ осы арада, «араб әліпбиіне дейін қазақ елі жазба мәдениеттен мақұрым аймақ еді, ислам ғана нұр сәулесін түсіріп ел қылды», – деу де аса жаңсақ, жаулық пікір. Араб тілінде Пайғамбарымызға (Ғ.С.) Құран уаһи бола бастаған уақытта Ежелгі Түркі Таңбалы; азуы әлдеқашан тарихты тасқа хаттап тастаған болатын. Ал, қазіргі Маңғыстаудағы араб нибнамалары хатқа түскен уақытқа дейін де, одан соң да «Оғыз жазуы» элементтері Каспий-Арал бассейнінде кең қолданыста қала берді (М. Қашқари).

Сауаттылықтың осы көрсеткіштерін басшылыққа алсақ, қожалар дербес таңба іздесе өзге «надан қазақтай» қарапайым ру таңбаларын емес, араб әріптерін алу керек. Қожа атауының аббревиатуралық белгісі «Х-Ходжа» әрпі болуға тиісті. Ондай мысал да сиректе болса Маңғыстауда кездеседі. Тектік деректері беймәлім қарапайым құлпытастардағы «ха» – «ح» таңбасы Саура беттегі қауымдарда бар.

Кириллицадағы «Х-ходжа» болғандықтан, қожалар ру таңбасына «+» – таңбасын салыпты дей салуға аузымыз бармайды. Бірақ, әлем ескерткіштерінде «+ және Х» таңбаларының аса молдығын, оның ішінде, «Хожа» эпитафиялы қауымдарда да жиі кездесетіндігін қаперлеріңізге береміз.

1. Ел арасында «Назар қожа» қауымы аталып жүрген Жыланды мүйісі үстіндегі қауым *(Осы оң жағада туып, аталар айтқан шежіре жосығын есінде сақтаған, қазірде тоқсан жас қонағы Күнжақсы Сүгірәлі Жолдасқызының айтуы бойынша Назаралы әулие).*

Қауымда тас белгілермен қатар, қошқартас, құлпытастар бар. Соңғы жылдардағы күмбез, сағаналар қатары үлкенірек. Төбе басында ғибадатхана болуы мүмкін төртбұрышты тас қоршау құландысы көлемділеу. Бұл қауымда «Кіріс» таңба мол, бірақ анықтауыш жазуы жоқ.

А). №11 - Құлпытас – Есімі: «Назар Ғали ұлы бин Ермағанбет ұлы Мұхаммед» **Ескерту:** арабта ғайнмен жазылатын әріп көмей арқылы атқарылатын (ықылық) түрінде дыбысталады. Сондықтан «Әли» болып айтылады. Қамысбай қауымындағы Жаңай Әлінің де құлпытасы осылай Ғали түрінде жазылған (ММА).

Ә). Күн таңбалы №12- тас белгі жазуы: «1255-санада Есімі Жахуп хожа ибн Сәдір хожа.

2. Құрық Ақтау бағытындағы үшінші қорым, қоршау есік маңдайшасында «Есім қожа» деп жазылған, дұрысы – сырық қадалған бейіттегі «Құтыш молда» атымен аталуға тиісті қауым.

Ескі қауым ортада шағын аумақты алып жатыр. «Күн таңбалар» мол. Киіз үй керегесінің іргелігіндей ғана көтерілген қоршау ішінде құлпытас сынығында жазу да бар екен *(Сурет 1 – құлпытас сынығы)*. Мәтіндегі алғашқы таңбалар «Бисми»,

намаз сабақтарында қабылданған қысқартылған жазу нұсқасы (аббревиатура), «Бисмиллаһ» деп оқылып, «Фатиха» сүресін оқуды бастау ишарасы. Исі қазақтың батаға арнап «Фатиха» «Ықылас» сүрелерін олар басталатын алғашқы сөздермен «Алхам, Құлқуалланы» оқып жібер дейтін бісмілла сөзі. Бұл әдеттің қазір жиі жүретін түрік фильмдеріндегі нұсқасы құлпытастардағы бірінші жазу «ФАТІНА» «ФАТИХА». Ал, оның қазақы мағыналық қосағы, **дұрыс оқу шарты «Би исми - Есімі»**, арабқа ежелгі түркі тілінен енген, Маңғыстау жазба ескерткіштеріне ғана тән, арабша жазу қағидаларынан өзгеше өрнектелетін жазу. Ол ерекшелік арабы әліпбиде үш нокатпен жалғыз тіс таңба үстінде тұрса ысылдық «С», үшем тіс таңба (жылдам жазуда суреттегідей ұзынша сызық) үстінде «Ш» әріптері (суретте, сол жақ шеттегі соңғы таңба) белгіленеді, Ахмет Байтұрсыновтың

Сурет 2 - "Балбал"

жаңаша (жадид) жазуында үш ноқат таңба астына қойылып, арабта жоқ «П» дыбысын белгілейді. Одан ары «Молла Құтыш», жазуы жақсы сақталған, айқын оқылады. Белгі мәтінінде «Есімі» де, «Қожа» да жоқ.

Келесі таңбалы тас адам пішінді құлпытас (сурет 2). Жүзінде «Күн» таңба. Нысабнамасы – 2А суретте.

Үшінші суретте алғаш рет «Хожа» жазуы кездескен тас бейнесі. Жазу мәтіні: Күн таңба ішінде «1909 жыл 68 жасында», төменде: «Есімі: Құлқара (Ғұлғара) хожа ибн Мұхаммед Назар хожа»

Төртінші суреттегі жазба «Есімі – Қалам».

3. Күмбездегі жазуына қарай «Түйме бибі» не «Байхожа» қауымы деп атауға болатын, Қарақияның батыс қойнауындағы, Самиголла Үмбетұлы Жұбановтың фазендасы жанындағы қауым.

А). Есімі: «Нартай Байхожа бин Өзбекхожа бин Кедейхожа. Молла Айт хожа».

Ә). Есімі: «Назар хожа бин Баба хожа. Әл-макүр...» Келесі жазу оқылмады, бірақ екі жолда да, ортада терең ойылған «Қыпшақ» таңба анық.

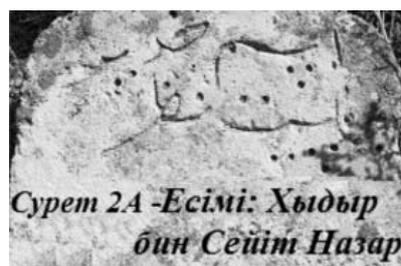
Б). Есімі: «Дәрі қызы Ақаш(с) бибі», жоғарыда «Күн» таңба, төменде «Беріш» таңба.

В). «... (Естек) Сырлыбай хожа, Көшбай Өзбек хожа ұғлы. Байхожа қажы ұлы Елбай бұ қылды».

Г). Есімі: «Дәрібай (Дәндібай) Байхожа бин Өзбек хожа бин Кедей хожа бин Адай руғының хожасы. Жазғышы: Жалмамбет хожа бин Таймас»

Д). Ғалам бағыт, бағдары дерегі түріндегі «кіріс» таңба?!

Е). «Жанай Тобыш Кнет Айтуғанұлы. Ұста Қылышбай молла Байкуатұлы. Жазғышы Андағұл Кнет баласы»

Сурет 2А -Есімі: Хыдыр бин Сейіт Назар

Сурет 4 -

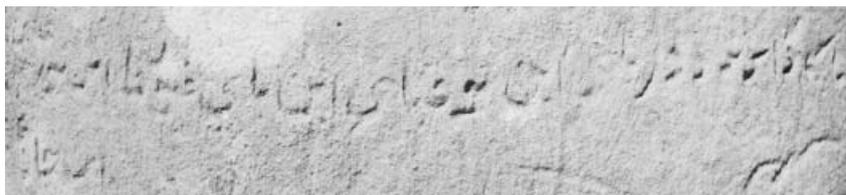
Сурет 3 - "Хожжа жузлы таңбалы құлтұтас"

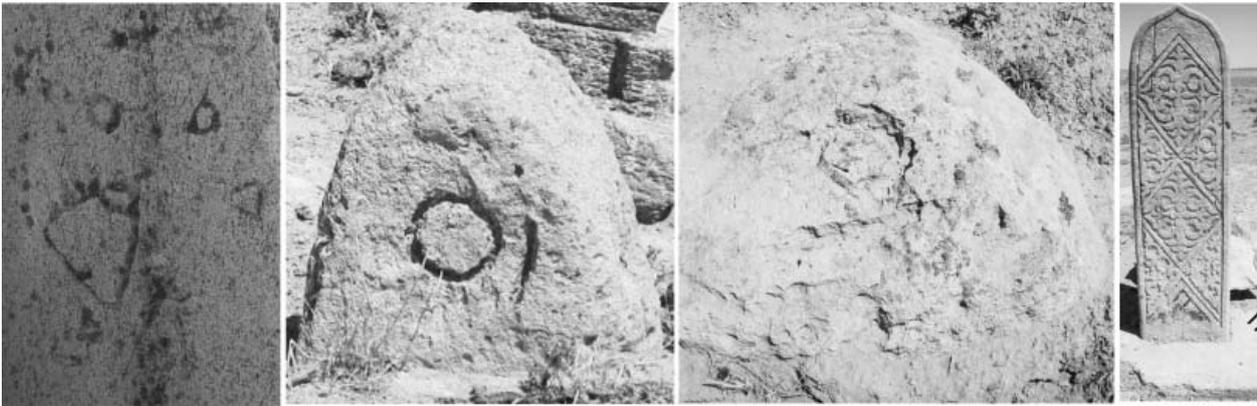

Ж). Құлаған сағана. Есімі: «Жұмабай Байзақ ...Нұрғазы баласы Жазғышы(Ортадағы және соңғы тастар жоқ)»

З). Есімі: «Зак ... ұғлы бин (Зорбай) Нұрбай бин Байхожа бин Назар хожа»

И). «Нысан бин, Жакір бин, Қобылан»
Таңбалар:

Литература и источники

1. Қазақстан Ұлттық энциклопедиясы / Бас ред. Б.Аяған. 6 том. Алматы: «Қазақ энциклопедиясының» Бас редакциясы, 2004.
2. Бойс М. Зороастрийцы. Москва, 1992.
3. Дж. Г. Беннеттің «Учителя Мудрости» кітабынан [http://www.noblidem.ru/uchitelya_tsentralnoy_azii/index.html]
4. Қазақтың көне тарихы / дайындаған М. Қани. Алматы, 1994.

ОҒЫЗ АТАУЫНЫҢ ШЫҒУЫ МЕН ТАРИХЫ ТУРАЛЫ ТҮЙІН

Жалғасұлы Ә.А.

Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институты, Алматы

Классикалық көшпелі империя құрған, күтімді көп қажет етпейтін дәнді дақылдарды өсірген, жер өңдеу мен мал шаруашылығы қатар дамыған және тарихта көшпелі сипатқа ие бірден-бір мемлекет құрған ол Оғыздар, кейінірек селжуктер (осындай құрылымдағы Дунайлық Бұлғария, Осман империясы) болды. Өз кезегінде оғыздарға қатысты пікір айтушы В.В. Бартольд, А.Н. Кононовтар атап өткендей, тіпті, түркі руникасының оқылу кілтін тапқанға дейін В. Радловтар Түрк тайпаларын тұтастай Оғыздарға тиесілі деп қорытынды түйін жасағанды. Тарихи зерттеулерде де XX ғғ. бас кезінде Түрк атауы саяси, ал оғыз атауы этнографиялық сипатқа ие болды. Алғашында Моңғолияның солтүстік-шығысын, Оңтүстік Сібір өлкесінен бері Қазіргі Қазақстан аумаған қоныс еткен оғыздар [1, с. 352–355], батысқа қарай бағытталған қозғалысымен қатар, араб-парсы жазба деректеріне түскен Түрк атауын ала келді. Арабтар алғашында «лингвистикалық топтың», одан тұтас түркі тілінің нақтылануын айқындап берді. Осылайша, Қазақ жерін ерте ортағасырлардан-ақ қоныстаған тайпа бірлестіктері жергілікті рулық қауымдастықтарға бірлесе одақ құрып, өз мемлекеттінің негізін қалады. Қытай жазба деректерінде шығу тегі гао-гюй конфедерациясы атауымен танылған Оғыз тайпалары шұрайлы өлкені қоныстай отырып, жаңа этноәлеуметтік ықпалдастық пен ынтымақтасуларға жол ашты. Олардың тұтаса тоғысып ұйысуы, Оғыз мемлекетін құруға ұмтылған аймақтағы этносаяси процестерге өз үлесін қосуға әкелген әрекеттері, тарихтағы жаңаша үрдістердің орын алуын жеделдетіп те жіберді. Сондықтан да, Оғыз мемлекетінің тарихы туралы сөз қозғағанда, ел аумағының қазіргі Жетісу жерінен бастап қала-қонысты, сулы-нулы жер атауларына қойылған оғыз кезеңінің ономастика атауларын да айналып кете алмаймыз. Бұл тақырыпта зерттеу жүргізген кеңестік те, шетелдік те ғалымдар жеткілікті болғанымен, тәуелсіздігімізді алғанға дейін де, кейін де тереңдей зерттелмей, қалыс қалып отырған күрделі мәселенің қатарында жүргендігін айта аламыз. Сонымен қатар, қазақ тарихында аталмыш тақырыпқа қатысты, мәселені саяси тұрғыдан гөрі нақтылай зерттеу монографиялары мүлдем жоқ. Дегенмен, зерттеуші-ғалымдардың, әсіресе, ерте ортағасырлық тайпалар мен ішінара қазақ топырағында жасаған мемлекеттік тұтастыққа жеткен тайпалардың Отан тарихындағы алатын орнын айқындауда біршама ізденіс жұмыстары да жасалды.

Тарихымыздың еуропашылдық теорияның үлгілік-жобасында жазылып келуі, Орталық Азиядағы Түрік халықтарының тарихын жазуда жалғандықтың да бар екендігі, оның ғылыми тұрғыдан гөрі, адамзаттық құндылық тұрғысынан қарағанда ғана аңғарылатын кемшіліктерді түркі зерттеушілері, еуропашылдық, еуропацентристік теорияның кемшін тұсын жүйелі дәйекті етіп көрсетер тұжырымды негіздемені таба алмай келеді. Мұндай жағдайда тарихқа археологиялық іргелі зерттеулермен қатар, салыстырмалы лингвистика тәрізді ғылым салаларының жеке-жеке, өздерінше шеше алмайтын кейбір түйінді сәттерін бірлесе қарағанда шешуге қабілетті екендігінде.

Келесі бір әдіс, мифологиялық реконструкция түріктанудағы қалыптасқан (үндіеуропалық, еуроцентристік) қасаң теорияларды түзейтін жаңа әдіс. Көшпелі түрк тайпалары тарихын зерттеген Ю. Зуевтің, соңғы еңбектерінде – байырғы түрік тарихын зерттеу ісінде оң өзгерістер орын алған. Байырғы түрік тарихын Дүние тарихының «қай кезеңі, қай шетінен бастап іздеу қажеттігін» көрсете алатын әдістеме жоқ және оның бүгінге дейін жауабының да табылмағаны анық. Тіпті, мәселенің біршамасына берілер жауабы болмаса да, кейбір жауап табуға мүмкіндік бере алатын бағытты Ю. Зуев еңбегінен табуға болады. Мифология мен ауызекі тіл материалдарын тарихи материалмен ұштастыра білудің өзі, жаңа нәтиже береді. Дегенмен, Ю. Зуев еңбектерінде де үйреншікті болған, стереотипті түсініктердің бар екендігімен ерекшеленеді.

Мифті материалдың тарихқа ескі ғылым көзімен қарайтындарға, дерекке жұтаң уақыттағы, тарихи мәселелердің түйінді тұсын шеше алатындығын тарих, география, лингвистика материалдарын мифологиялық реконструкция тоғысында ұштастырған Ю. Зуев, С. Қондыбай еңбектері көрсетіп отыр.

Ю. Зуев еңбектеріндегі басты идея – «түркі мемлекеттігінің идеологиялық негізі «үндіеуропалық, тілді» делінетін юэчжилердің, этникалық, тілдік, мифологиялық, субстратында жатыр» дегенді алдыға тартуы. Осы идея кейде ашық, кейде астарланған түрде автор еңбектерінде кездеседі. Мұндай «айғақтар» б.з. VI ғасырынан бергі Көк Түрік, Түргеш, т. б. мемлекеттердің идеологиялық өзектік жүйе рөлін атқарған болып шығады. Аталған тарихи процестермен мысалдардың басым көпшілігінің дәйектілігі сол, Ю. Зуев ұсынған тұжырымдардың қисындылығында.

Түрікті құрған тайпалар тарихы, қағанаттардың құрылу жөніндегі тарихының жазылуымен ғана шектелуі орын алған. Сондықтан да санамызда бос қалған кеңістікті көбінде, мұндай тарихтан гөрі тарихымызды бұрмалап түсіндірген, отарлық мақсаттың құралы болған зерттеулер алып отыр. Егер бұл әлі де осылай қалай берсе, түрік халықтарының тарихын бұра жазу да әдетке айналмақ. Өйткені, бүгінгі зерттеулердің көбі теориялық негізі кеңестік уақыттағы жазылған еңбектерге барып тіреледі.

Тарихи деректерде Қазақ жерінің басым бөлігі «Муфазат әл-Огуз», «Оғыз хан жұрты», «Оғыз мемлекеті» тәрізді атаулармен танылған. Бұл, бір халықтың өркендеуіндегі жалғасқан этнотарихи кезеңдерді сипаттайтын атаулар. Рухани байлығымыз Қазақ эпосына кіретін бірқатар жырлар «Оғыз заманының жырлары» деген атаумен де белгілі. Оғыздардан одан соң, Қыпшақ даласындағы ру-тайпалар, әсіресе, қазіргі Оңтүстік және Батыс Қазақстан аймағындағы оғыздардың қазақты құраушы тайпалардың құрамында болған. Осылай бола тұрса да, оғыз тарихының қазіргі Қазақстан тарихынан өзінің лайықты орнын ала алмай келеді. Оған себеп, Оғыз тарихының қазіргі біртұтас Қазақстан тарихынан тысқары қаралуында.

Оғыз тарихындағы жеке тарихи тұлға, сұлтан Санжар, Арслан, бектердің бегі (беклербегі), Османлы тарихының іргетасын құрған Тұғырыл-бек пен Шағырыл-бек есімінен бастау алады. Рас, оғыз мемлекетін IV–VI ғасырлардан бастап танылған. Түрк тайпасының қай-қайсысы болмасын, өз ішінде көптеген руға және әулетке бөлінген, бұл ру бөлінісі «бой» деп аталған. Орталық Азиядағы X–XI ғасырға қарай, құдырет қуаты артқан түрк тайпасының бірі оғыздар болды. Кез-келген оғыз руының өз ен-танбасы (белгі, рәмізі), кие тұтар кие-тегі (онгоны), тотемдік әрі, елдік танбасы және жалауы болған. Оғыздардың әр әулеті өз иелігіндегі мал-мүлкін, жеке иелігіндегі дүниеге танбасының бейнесін басқан.

Түрк империясына тәуелді өмір сүргенімен, шағын қағандықты басқарған Бәз қағанның есімі Тоныкөк (Тұнық ұқ) тарихи жазбаларынан да кездеседі [2]. Алайда, Түрік қағанатына қараған рулардың қатарында «оғыздар» ғана емес, өзге де ру-тайпалар болғанымен де, Еуразия кеңістігінде түрк тайпаларының «оғыз» атауының айналасында шоғырлануынан аңғарылады. Бүгінгі қазақ жерінде бірнеше ғасыр бойы салтанат құрған қағанаттар жөніндегі тарихи танымда олардың этникалық тегі, тамыры және мемлекеттік дәстүр жалғастығы туралы еш айтылмайды. Ал, зерттеу еңбектерінде қарастырыла қалғанның өзінде, дені орыс тарихшылары көбіне әр кезде жазылған дәлелсіз болжаммен пайымдалған пікірлері бірінен соң екіншісінде айна-қатесіз қайталанатын.

Мәселен, А.Н. Бернштам: «... қытай тарихшысының Таң патшалығының тарихын (Тан Шу) құрап жазғанда, VII ғ. ортасынан бастап-ақ «Үш оғыз» атауын түбегейлі ығыстырған өзіне таныс «қарлұқ» атауын ғасырлар қойнауына апарып байланыстырғандығында деп жазады. Одан әрі, Оңтүстік-шығыс бөлік саналатын ғұздар

(Шығыс Түркістан, Моңғолияда) 9 тарауға бөлінсе, Солтүстік–батыс тобы (Орта Азия және Шығыс Еуропа) оғыз атауын иемденіп, сақтап қалды» – дейді [3, с. 373].

Шежірелік тарихта түрк тайпаларының тарихы Оғыз қағаннан бастау алатынын байқатады. Ол тіпті, деректерде кездесетін тұлғаларды балама жасалғанда – әйгілі ғұндардың Мөде шаньюйдің прототипі болып шығатындығы және бар. Бұл бірақ өз алдына бөлек тақырып.

Бұл жерде оғыз атауына қатысты мәселені қозғай отырып, ойымызды жүйелей келгенде, университетте оқып жүріп, жүргізілген магистрлік зерттеу жұмысын жазу кезінде Оғыз атауының бүгінге дейін зерттеліп қарастырылған нұсқалары да сараланған болатын [4, с. 156–158]. Нәтижесінде, «оқ, оғыз» деген мағынаны білдіретінін зерттеу барысында көз жеткізілді. Оғыздардың шығу-тегі, оғыз сөзінің атауы туралы «ойғұр, оғұрмуш» деген пікірді ұсынған шығыстанушы ғалымдар, шын мәнінде оғыз сөзінің ғана емес, олардың да өз мемлекетін (Түрік қағанатын) нығайту үшін күрескендерін ұмыт қалдыра береді. Қалай болғанда да, тарихта Оғыздардың да, Түрік империясының құрамындағы тайпалардың да шежірелік ата-тегі Оғыз қағанға барып тіреледі. Түрік тайпаларының көпшілігі, белсенді деп танылғандарының да, өткен шежіресі тарихи ортақ оқиғаларға қатысты. Қазіргі қазақ жеріне оғыз тайпалары тұңғыш рет Жетісу мен Шығыс Қазақстанның аумағындағы кимектермен қатар қоныстай бастаған. Оған археологиялық барлау жұмыстарын жүргізу кезінде көз жеткізілгенді. Олар өзара құдандалы елге айналған түркі тілдес кимектермен Ертіс өзенінің жағалауын қатар қоныстап отырған. Осы орайда, арнайы зерттеу мақаламызда қарастырғанымыздай, кимектермен қатар оғыз тайпаларының да Алтай өңірін белсенді қоныстағандығын және тарихи жазба деректермен қатар нақтылай келе, ақырында оғыздардың Кимекия жерінде, кимектер құрамында шағын ру түрінде жасағандығын аңғарылды [5, с. 84–87]. Жоғарыда аталғандай шығыстанушы түрколог ғалымдар оғыз сөзіне түрліше анықтама беріп, өз пайымдарын таңуға да мәжбүрледі.

Мысалға, Н.А. Аристов түркілердің ертедегі «өгіз» нанымына байланысты, алғашқы қауымдық сенім иланымындағы адамдардың жануарларға табынуымен немесе жануарлардың атауларымен аттас болғандығын және оның ата-баба әруағына сыйынуымен қатысты түсіндірген. С.П. Толстов бұл жөнінде араб саяхатшысы әл-Идрисидің (1099–1165) Оғыз тайпалары жайындағы жазбаларына сүйене отырып, М.Қашқаридың (XI ғ.) оғыздар жөнінде жазып қалдырған мәліметтерімен сәйкестіре байланыстырады. Оғыз тарихының зерттелуіне арналған арнайы тарихнамалық еңбектер ретінде С.Г. Агаджановтың 1967 ж. жарық көрген «Орта Азиядағы оғыз тайпалары тарихының негізгі мәселелері» еңбегін атауға болады [6]. Оғыз тайпаларының тарихын арнайы зерттеуші ғалым ретінде ол көптеген түркітанушы, шығыстанушы ғалымдардың еңбектеріне тарихнамалық талдау жасай отырып, ол тақырыптың көлеңкелі тұстарына назар аударып, болашақ ғалымдарға бағыт беруге тырысқан. Осы қатарда, өз тарапымыздан аталған мәселені қарастыра келе, «Оғыз» атауына қатысты, С.Е. Маловтың ұсынған байырғы түркі тілінде көптік мағына туғызған қосымшаның бірі деп, **біз** есімдігінің құрамындағы «з» әрпінің үлгісіне қатысты мысалы негізге алынды. Көпше мағынаны білдіру, тіл ғылымындағы көптік мағынаны тудырудың негізгі жолы ол – көптік жалғауларын пайдалану. Бізге белгілі, Орхон–Енисей жазбаларының тілінде көптік жалғауларының екі түрі: -лар және -т, әріптік жалғауы көптік мағынаны тудырудың негізгі тәсілі болған. Мысалы: беглер (бектер), кунчйлар (әйелдер, ханымдар) т.б. Жинақтық мән беретін сөздер көбіне -лар жалғауынсыз да қолданылған: тоқуз оғуз беглері будуну бу сабымен егүті есідқатығды тыңла, деген сөйлем құрамында бег (бек) сөзі көптік жалғаумен келсе, жинақтық мән беретін будун (халық) сөзіне еш жалғау жалғанбаған. Ал, -т қосымшасы Орхон-Енисей жазбаларында атақ-дәрежені, шенді білдіретін азын-аулақ сөздердің ғана құрамында: тарқан-тарқат, шад-апыт, тігін-тігіт т.б. түрінде кездеседі. Зерттеушілер бұл қосымшаны моңғол тілінен ауысқан деп есептейді [7, с. 34–37].

Ол бірақ, Орхон-Енисей жазбаларында –з әрпі көптік мән туғызатын еркін аффикс түрінде қолданыл-мағандығын, С. Малов бұл аффиксті мысал түрінде есімдіктер құрамында кездесетіндігін айқындап берді. Қосымша мысалға, байырғы түркі тіліндегі: меңіз (бет), көкүз (көкірек), ағуз (ауыз) сөздерінің факті түрінде келтірсе, **біз** және **сіз** есімдіктерінің құрамын: «бі+з=біз, сі+з=сіз» моңғол тілінде «мен» есімдігі «бі», сіз есімдігі «сі» түрінде айтылады - дейді. Сондықтанда түрік тілдеріндегі біз, сіз сөздері қазіргі қазақ тіліндегі жіктеу есімдіктерінің жеке түрі мен «з» әрпі де, көптік мәнді білдіретін болып шығады.

Аталған мысалдарды негізге ала отырып, шығаратын тұжырымымыз, Оғыз тайпасының ең басты екі бөліністен, яғни «Бұзоқ» пен «Үш оқ» халқынан құралғандығын [8], ал Оғыз атауы оқ-халық деген мағынасында және байырғы түркі тіліндегі -з,-ыз деген көптік мән туғызатын аффикс түрінде қолданылғанын, оның «оқ, оғ+ыз=оғыз» деген мағынаны білдіретіндігін есімдік атау деген пікірді ұсынамыз.

Әдебиеттер

1. Кумеков Б.Е. Локализация тюркоязычных племен на территории Казахстана на карте ал-Идриси (XII в.) // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата, 1980.
2. Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969гг.) // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. *Күлтегін бітіктасының I бетіндегі мәтінде (1–40 жол) 3 рет кездеседі.*
3. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. М., 1949. Т. XI.
4. Әбу А.Ж. Оғыз этнонимінің зерттелуіндегі кейбір мәселелер // Қаз ҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2004. № 2 (37).
5. Әбу А.Ж. Қалбатаудағы тас мүсіндер // ҚР ҰҒА-ның хабарлары. Қоғамдық ғылымдар сериясы. 2009. №1.
6. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
7. Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. Алматы, 1988.
8. Курьлев В.П. Общественный строй огузов по данным эпоса «Деде Коркут». М., 1964.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАЗАХОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.АУЭЗОВА «ПУТЬ АБАЯ»)

Кушкарова Г.К.

Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова

По определению Г.Д. Томашина, реалия – это название присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. [1, с.5].

Наиболее полное определение реалии дают болгарские ученые С. Влахов и С. Флорин: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» [2, с. 55]. Тем самым перед переводчиком возникает проблема, как передать название объекта народу, для которого он является чуждым.

Как лингвистическое явление реалии относятся к категории безэквивалентной лексики. Они являются частью фоновых знаний и представляют собой значительный интерес при исследовании взаимодействия языка и культуры [3, с. 4].

По мнению Г.Д. Томашина, безэквивалентная лексика сравнительно легко опознается при сопоставлении языков, ибо в ней нагляднее всего проявляется специфика расчленения действительности данным языком и специфика культуры определенного этноса.

В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению реалий в языке, причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения в общественной жизни [4, с. 6]. Реалиям присущ и временной колорит. Как языковое явление, наиболее тесно связанное с культурой, эти лексические единицы быстро реагируют на все изменения в развитии общества; среди них всегда можно выделить реалии-неологизмы, историзмы, архаизмы.

По своим свойствам и функциям реалии близки к терминам. В ряде случаев достаточно сложно установить отличие языковых реалий от терминов. Но всё же есть признаки, по которым вполне возможно дифференцировать реалии от терминов. Г.Д. Томашин утверждает, что сфера применения терминов – это прежде всего научная литература. Реалии же, напротив, чаще используются в художественной литературе, где они служат не только стилистическим целям, но и воссозданию национального, местного и исторического колорита [4, с. 16].

В теории перевода вопросы, связанные со способами перевода реалий, давно привлекали внимание исследователей. Различные исследователи предлагают разнообразные приемы перевода слов-реалий. А.В. Федоров в своей фундаментальной работе «Основы общей теории перевода» выделяет основные четыре случая их передачи:

Во-первых, транслитерация либо транскрипция (полная или частичная), непосредственное использование данного слова, обозначающего реалию, либо его корня в написании буквами своего языка или в сочетании с суффиксами своего языка.

Во-вторых, создание нового слова или сложного слова, или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. В своей основе это перевод описательный, перифрастический.

Третий способ – использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии, – иначе – уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста, а иногда граничащий с приблизительным обозначением.

Четвертый способ – так называемый гипонимический или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слово иностранного языка, обозначающее видовое понятие, передается словом переводного языка, называющим понятие родовое [5, с. 150–151]

Передача реалий, по мнению Т.А. Левицкой, А.М. Фитерман, происходит, главным образом, заимствованием иностранных слов, например, *parliament* – парламент, *speaker* – спикер, *alderman* – олдерман, *sheriff* – шериф и т.п. В некоторых случаях они передаются переводами; это в особенности относится к старым, в основном исторического характера иностранным терминам (например, *House of Commons* – палата общин, *Lord Privy Seal* – лорд хранитель печати). Авторы подчеркивают, что переводчик должен быть очень осторожен, прибегая к «семантическому приравливанию» для передачи «безэквивалентной лексики», чтобы не внести в перевод чуждый ему национальный колорит. Именно поэтому *sheriff* и передается заимствованным словом «шериф», а не русским словом «исправник»; *sabmen* – «кэбмен», а не «извозчик». Такие слова как, «исправник», «извозчик» придали бы иностранному произведению в переводе чуждый ему колорит. Однако переводчик должен поступать очень осторожно и не злоупотреблять и этим методом, так как в этом случае его перевод будет испещрен иностранными словами. Прибегать к заимствованию иностранного слова путем его транслитерации следует только в тех случаях, когда нет возможности дать описательный перевод или воспользоваться русским словом [6, с. 116–117].

По мнению А.Д. Швейцера, необходимо прежде всего учитывать не только национальную специфику получателя, но и ряд других его характеристик, в частности, степень знакомства с предметом. Показательным в этом отношении являются оригинальные тексты на английском языке, в которых встречаются так называемые «советизмы». Наблюдается следующая закономерность: в текстах, рассчитанных на специалистов, на читателей, знакомых с советскими реалиями, преобладают такие способы их передачи, как транслитерация и калька (например, агитпункт – *agitpunkt*, дружинники – *druzhinniki*), тогда как в текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречаются объяснительный, описательный и другие виды перевода (например, агитпункт – *voter education centre*, дружинники – *volunteers, patrols*), а транслитерация и калька обычно сопровождаются пояснительными комментариями.

По мнению Т.А. Казаковой, точный перевод, по определению, невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются как по грамматическому строю, так и по простому количеству слов, не говоря уже о различии культур, что тоже может иметь влияние на способ и результаты перевода [7]. Специфичность вопроса обусловлена еще и тем, что именно художественная литература отражает в образах определенную действительность, связанную с жизнью конкретного народа, язык которого и дает основу для воплощения образов.

А.В. Федоров считает, что сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие и передачу целого сочетания элементов – задача чрезвычайно сложная в плане, как практического ее решения, так и теоретического анализа. Он также утверждает, что возможности решения этого вопроса на практике и рассмотрения в теории связаны также со степенью реально имеющихся у переводчика и имеющихся либо предполагаемых у читателя фоновых знаний о жизни, изображенной в оригинале [5, с. 277].

Согласно исследованиям Г.Д. Томашина литературоведы и мастера художественного перевода отмечают, что национальная окраска литературного произведения часто выражается через национальные реалии. Чем ближе произведение по своей тематике к народной жизни, а по стилистике – к фольклору, тем ярче проявляется

его национальный колорит. [4, с.21] А при переводе сложнее преодолеть культурные барьеры, связанные с различиями в картинах мира, существующих у разных народов, с особенностями бытовой и духовной культуры одного народа, которые не могут быть восприняты в полной мере представителями других культур, возможно лишь приближенное понимание. Существуют такие культурные реалии, которые только внешне, по признаку наличия устойчивого лексического соответствия, аналогичны реалиям других культур, и необходимы усилия переводчика, чтобы помочь читателю разобраться в отличиях.

Особый интерес в этом плане, для нас представляет проблема поиска средств, помогающих инокультурному – русскому и англоязычному – реципиенту в реконструкции чужой, т.е., казахской культуры, на материале перевода романа-эпопеи известного казахского писателя Мухтара Ауэзова [8].

Отсутствие у реципиента фоновых знаний о культуре, традициях и обычаях казахского народа вызывает необходимость перевода и внесения дополнительной информации в специальных примечаниях к тексту. Такие примечания предлагаются к русскому переводу романа, что вполне оправдано, так как это был первый перевод романа-эпопеи М.О. Ауэзова на русский язык, и было необходимо полностью передать национальное своеобразие этого произведения.

Перевод романа-эпопеи на русский язык был осуществлен переводчиками А. Никольской, Т. Нуртазиной и Л. Соболевым. Они работали в тесном сотрудничестве с М.О. Ауэзовым, и именно участие автора в процессе художественного перевода сыграло огромную роль в блестящем успехе и популяризации русского перевода романа. Такой творческий союз можно считать одной из методик перевода, обеспечивающих высокое качество перевода.

Перевод романа с русского на английский был осуществлен Л. Наврозовым [9; 10]

Следует отметить, что вторичность воспроизведения романа, поскольку роман был переведен на английский язык с русского языка, имеет некоторые особенности в плане передачи именно реалий, обозначающих особенности казахской культуры. В рамках данного исследования мы хотели бы показать, насколько адекватно или неадекватно были переданы примечания на русском/английском языке с учетом прагматики текста, насколько переводчик принял во внимание особенность рецептора перевода – носителя английского языка, у которого отсутствуют фоновые знания, имеющиеся у русского рецептора.

Рассмотрим случаи употребления полного описательного перевода для передачи примечаний. Данный прием перевода используется, например, при передаче таких казахских реалий, как «аул» и «юрта», которые подробно комментируются в самом начале романа. Очевидно, это связано с тем, что эти реалии отражают место проживания казахов и сразу вводят рецептора английского перевода романа в особенности быта народа. В связи с этим переводчик передает примечания на английский язык полностью, не допуская никаких сокращений.

Проанализируем контексты, в которых употребляется реалия «аул», и переводческий комментарий к ней.

Обычно здесь по пути на жайляу в горы Чингис останавливаются три-четыре аула Кунанбая.*

Not a forest perhaps, but enough to shelter the three or four auls of Kunanbai on their way to zhailyau in the Chinghis Mountains.*

* Аул – В кочевом быту казахов аул представлял группу юрт, объединенную по хозяйственному и семейному признаку. Аул имел свои постоянные урочища для кочевки: коктеу – весенние, жайляу – летнее, кузеу – осеннее и кстау – зимнее, где были выстроены деревянные и глиняные постройки. Урочище эти закреплялись за данным аулом по соглашению между старейшинами родов и были постоянной причиной раздора между отделенными аулами и целыми родами.

Хозяином аула являлся зажиточный человек глава семьи, бай, или старейшина, и аул назывался по его имени. Его «Большая юрта» ставилась на краю аула, за ней по дуге располагались отау («молодые юрты») женатых сыновей, затем ближайших родственников, специальные «гостинные юрты» для приезжих и дальше – юрты «соседей», обслуживающих аул. На этом краю аула устраивался котан – открытый загон для овец, жели – привязь для жеребят, ставились юрты для варки сыра и т.д.

Сыновья и ближайшая родня хозяина аула кочевали вместе с ним до тех пор, пока поголовье аульного стада не превосходило установленного количества, когда обций водопой, пастьба и уход за скотом становится уже неудобным (так, например, нельзя держать в одной отаре более тысячи овец). Тогда члены семьи выделялись из «Большого аула» отца со своим скотом, юртами и «соседями», образуя новый самостоятельный аул, кочующий и зимующий отдельно, но обычно по соседству.

Все хозяйственные работы в ауле несли «соседи» – бедная родня и батраки, получавшие натуральную оплату в виде доли удоя, шерсти, обусловленного количества голов скота на убой; табуничики, пастухи, чабаны, доильщики, повара, водовозы и т.д. Беднейшая часть «соседей» – жатаки – не уходила с аулом в сезонную кочевку, оставаясь на зимовке охранять постройки [8, с. 29].

* According to the customs of the nomadic Kazakhs, an aul constituted a group of wigwam-like tents, yurtas, whose inhabitants were related, and linked economically. Each aul had its permanent camping site for the various seasons: the kokteu for the spring, the zhailyau for the summer, the kuseu for the autumn, and the kstau for the winter, during which the members of the aul dwelt in houses of timber and day. The various camping sites and surrounding land were held by the respective auls by agreement reached among the tribal elders, but were often the cause of discord and enmity between different auls and entire clans. The master of the aul was its richest member, the head of the family, the bai or elder after whom the village was named. His Great Yurta stood at the edge of the aul, while – those which ranged about it in a semicircle were known as the otau (the Young Yurtas) tenanted by his married sons. Beyond these stood the tents of the nearest kinsmen. Then came the special Guest Yurtas for chance visitors, and finally the tents of «neighbours» employed in the aul. On their side of the village lay the so called kotan, a large enclosure for the sheep and the enclosures where the foals were tethered. Here too were the tents for the preparation of cheese and other produce.

The sons and nearest kin of the aul master wandered with him from camp to camp until their flocks and herbs outgrew the predetermined number and it was difficult to manage the animals at the watering places and on the pastures (it was not customary to keep more than 1000 sheep in one flock). When this occurred, the various members of the family would separate from the Great Aul, with their cattle, tents and «neighbours», and established a new and independent aul, leading its own nomadic life, though always in the vicinity of the parent village.

The chores of the aul were done by the «neighbours», the poor relatives or labourers who were paid for their work in kind: in milk, cheese, wool or meat. They were the herdsmen, the shepherds, the milkers, the cooks, the water-carriers, etc. The poorest of the «neighbours», zhataks, never wandered from the winter places with the other, but stayed on to guard the permanent building of their auls [9, p. 25].

Данный подробный описательный перевод примечания, приведенный в начале романа, играет весьма важную роль для рецептора английского перевода романа, мало знакомого с культурой Востока, в частности, с особенностями быта казахского народа. Здесь вводятся такие реалии как «aul», «yurta», «kokteu», «zhailyau», «kuseu», «kstau», «bai», «GreatYurta», «Otau (Young yurtas)», «GuestYurta», «zhatak». Кроме того, данное примечание вносит в текст перевода соответствующие дополнения и разъяснения. Например, даются описания постоянных урочищ для кочевки, которые передаются на английский язык прямым переводом:

Коктеу – весеннее = the kokteu for the spring

Жайляу – летнее = the zhailyau for the summer

Кузеу – осеннее = the kuseu for the autumn

Кстау – зимнее = the kstau for the winter

Такое подробное описание раскрывает рецептору английского перевода романа жизнь кочевого народа, его устои, обычаи и нравы. В подробном описании аула, переводчики дают описание и некоторых видов юрт:

Большая юрта – GreatYurta

Отау (молодая юрта) – Otau (YoungYurta)

Гостевая юрта – GuestYurta

Соседняя юрта – Neighboursyurta

Довольно подробно в примечаниях описывается постройка юрты:

Кочевку проводили спешно, и даже там, где приходилось оставаться два-три дня, больших юрт все же не ставили, а разбивали только маленькие легкие юрты и уютные низенькие палатки и шалаши.*

Only the small yurtas were to be put up, the light tents and huts.*

* В кочевке юрты перевозились в разобранном виде на верблюдах или вьючных конях. Постройка юрты требовала несколько часов времени. Сборка начиналась с установки по кругу нижних решетчатых стенок – кереге. Затем к ним крепились длинные гнутые жерди – уыки, сходящиеся куполом и соединяемые наверху кольцом – шанраком. На этот остров накидывался закрепляемый веревками простой войлок или богатые белые кошмы, украшенные порой аппликациями из цветного сукна. Размер юрты зависел от размера боковых стенок кереге (2–3 S метра каждая) и от количества их. Самая маленькая юрта составлялась из трех кереге, богатые юрты – из шести или восьми («шестистворчатая», «восьмистворчатая» юрты). Иногда в торжественных случаях (свадьба, приезд начальства, выборы) юрты составлялись по две и по три вместе; тогда для внутреннего прохода вынимали часть кереге [8, с. 68].

**During the nomadic wandering the yurtas were dismantled and transported on camels or pack-horses. The erection of a yurta required several hours, beginning with the setting up of the so-called keregeh, large grids which were placed in a circle to form the lower walls. To these, long poles, the uiki, were fastened and bent to form the yurta's crown, which was secured by a ring called the shanrak. The skeleton of the yurta now complete, it received a covering coarse felt or richer felt cloth often ornamented with appliqué work of coloured fabrics. The size of a yurta depended upon the height of the keregeh, which formed the side walls (between two and three and half metres), and also upon their number. The smallest yurta had three keregeh, the richer yurtas as many as six or eight (the hexagonal and octagonal yurtas). On festive occasions (weddings, the reception of important personages, or for councils held to appoint new dignitaries) two or three of the yurtas were put together, and a part of the keregeh was removed to form an arched passage for entry [9, p. 76].*

В этом подробном описании вводятся такие реалии, как «keregeh», «uiki» и «shanrak». Рецептору английского перевода романа раскрывается структура юрты и из каких частей она состоит. Это помогает ему представить вид местного жилища.

При подробном описании, приведенном выше, переводчик использует слова как «yurta» так и «tent». В начале примечания переводчик указывает что, *...a naul constituted a group of wigwam – like tents, yurtas...* т.е. юрты похожи на палатки, но не являются одним и тем же. Дальше он пишет:

His Great Yurta stood at the edge of the aul, while –those which ranged about it in a semicircle were known as the otau (the Young Yurtas) tenanted by his married sons. Но в следующем предложении: Then came the special Guest Yurtas for chance visitors, and finally the tents of “neighbors” employed in the aul. (выделено нами)

Непонятно в связи с чем, переводчик в одном и том же предложении употребил два разных слова в отношении одного и того же предмета (*Yurtas, tents*), который был подробно описан ранее?

При передаче примечания к реалии *Кенжем*, по нашему мнению, также неточно передано значение слова «мальш».

Кенжем – *мальш*, самый младший в семье. Согласно обычаю, каждая сноха, вступая в новую семью, дает свои имена новым родственникам.

Kenzhem – the youngest *son*. According to custom, a new daughter-in-law gives her own names to all members of the family, т.е. в русском примечании употреблено слово *мальш*, а в английском – *son*.

В последнем случае переводчик использовал прием конкретизации. Обратимся к контексту данной реалии:

- К нам кто-то едет, не разберу... Не Большой ли аул прикочевал?.. Нет, кто-то из чужих, один такой огромный... - Она взгляделась и вдруг весело рассмеялась. – Ой-бой, да это же Кенжем!.. Ну конечно, Кенжем, а я-то думаю, кто этот великан?*

Кенжемом Айгерим звала Оспана [8].

«There is someone coming», she said turning to the other. «I can't make out who they are. Perhaps they're from the Great Aul. No. They're strangers, one of them is such a giant». She looked intently and began to laugh. “Oi-boi! It must be Kenzhem. Of course it's Kenzhem. That was Aigerim's name for Ospan. [9]

Возможно, переводчик использовал прием конкретизации, опираясь на контекст. Рецептор английского перевода романа знает, что Оспан мальчик и, следовательно, данное примечание указывает на то, что он младший, хотя казахи называют *Кенжем* как младшего сына, так и младшую дочку.

Рассмотрим передачу примечания к реалие «*Аткаминер* – буквально: «севший на коня»; так называли богатых, влиятельных людей». На английский язык переводчик передал данный комментарий следующим образом «*Atkaminer – the elder tribal chieftain*». Рассмотрим контекст, в котором употребляется данная реалия:

Перед Кодаром стояла толпа человек в сто: Кунанбай, Божей, Каратай, Суюндик, Майбасар и другие старейшины Тобыкты, за ними аксакалы и другие знатные люди племени. Ни одного бедно или даже скромно одетого, – здесь собрались все аткаминеры сильных, крупных родов [8].

После прочтения контекста, мы можем сказать, что как русский, так и английский варианты верны. Перед Кодаром собрались старейшины, богатые и влиятельные люди. Но обратимся к предложению, где употреблена реалия «*аткаминер*»: *Ни одного бедно или даже скромно одетого – здесь собрались все аткаминеры*, то есть, здесь имеются в виду именно богатые, обеспеченные люди. Из этого следует, что русский перевод точнее, чем английский.

Анализ проведенного исследования показывает, что в романе-эпосе Мухтара Ауэзова «Путь Абая» мы имеем дело с большим количеством слов-реалий, которые используются для создания казахского, пока еще неизвестного полностью для англоязычного, да и русскоязычного читателя, национально-культурного фона. Слова-реалии являются своеобразной и довольно сложной и неоднозначной категорией лексической системы любого языка. Являясь одной из важнейших групп безэквивалентной лексики, реалии выступают как своего рода «хранители» и «носители» национально-культурной информации, и этим определяется их особая роль в художественном произведении.

Литература

1. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. М., 1982.
2. Влахов С. и Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1986.
3. Аксенова Г.Н. Язык, культура и бытийная картина мира // Язык и культура: библиографический аспект проблемы. Уфа, 1990.
4. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М., 1988.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
6. Левицкая Т.Р. Фитерман А.М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М., 1963.
7. Казакова Т.А. Практические основы перевода (English into Russian.) СПб., 2002.
8. Ауэзов М. Путь Абая. Том первый. М., 1971.
9. Auezov M. Abai. M.: Foreign Languages Publishing House. p.I
10. Auezov M. Abai. M.: Foreign Languages Publishing House. p.II

АРАБОГРАФИЧНАЯ ЭПИГРАФИКА НЕКРОПОЛЯ СИСЕМ-АТА

Муминов А.К., Нурманова А.Ш.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, Алматы

С образованием независимого Казахстана в 1991 г. начались коренные преобразования во всех сферах общественного бытия и сознания, в том числе и культуры. Коренное изменение мировоззренческих установок, общеметодологических принципов способствовало пересмотру отношения нашего народа к своему культурному наследию. Это возврат к историческим корням, которые были забыты целыми поколениями под напором идеологических запретов, и возможность для использования результатов ведущихся исследований для возрождения и развития духовности в обществе. Новое наполнение обретает понятие «культурное наследие». Это – память о жизни народов в прошлом, источник современного культурного процесса.

О важности исследования древних эпиграфических памятников на территории Казахстана говорит тот факт, что в мировой науке не было единой публикации по ним, не был издан ни один из текстов эпитафий. Особенно интересна и почти не изучена погребальная эпиграфика комплексов (местные названия – *мазар, кауым, бейит, там*), в которых, обычно хоронились целые династии, игравшие некогда значительную роль в жизни региона. Такие комплексы для местного населения были и остаются местами почитания и паломничества. Наиболее древние кладбища-комплексы уже давно погребены под землей и их надгробия обнаруживаются случайно археологами или обычными людьми.

Эпиграфика – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся сбором, публикацией и истолкованием древних и средневековых надписей на твердом материале – камне, металле, керамике. Надгробья в ряду таких источников занимают одно из ведущих мест, что было неоднократно подтверждено самими историками.

Публикация эпиграфических текстов – не самоцель. Тексты надгробий фиксируют точные места и даты смерти (иногда и рождения), родословия, *нисбы*, другие биографические подробности, погребенных здесь именитых батыров. Основная цель публикаций такого порядка – сделать эпиграфический материал комплексов доступным для эпиграфистов, историков, исламоведов и других специалистов, кто занимается историей и культурой Казахстана, особенно западного региона. Комплексное изучение эпиграфических памятников всех некрополей дало бы новый взгляд на специфику сложения подобных комплексов, помогло бы определить

их место и роль в культурно-историческом пространстве. «Сакральным центром» населения региона были и остаются подобные комплексы, как Шакпак-ата, Сисем-ата.

Предполагается исследовать и подготовить к публикации тексты погребальной эпитафии комплекса Сисем-ата. Методы фиксации и исследования эпитафических памятников зависят от характера материала, степени его сохранности, почерков и т.п. Основная часть эпитафического материала выбита на – *куллытас*, *койтас*, *уштас* и на входных порталах мазаров. Некоторые тексты выцарапывались на плоской поверхности и поэтому при фотофиксации пришлось снимать камни при боковом освещении, либо слегка ретушировать буквы и т.п. Важно было переписать тексты на месте, с фиксацией размеров, особенностей материала и т.д. Следует иметь в виду то обстоятельство, что основная часть текстов написана трудночитаемыми почерками, что требует навыков чтения и расшифровки надписей. Фиксация надписей затрудняется и плохой их сохранностью. Однако, преимущества издания оригинальных эпитафических текстов, как всегда, во много раз перекрывают имеющиеся сложности. Такие издания полезны филологам, историкам-лингвистам и в особенности тем специалистам, кто занимается различными аспектами истории.

Сохранность памятников заставляют тревожиться за состояние надгробий, надписи которых, как уже говорилось выше, представляют собой и бесценные исторические документы, и выдающиеся образцы искусства каллиграфии и резьбы по камню. Нельзя не отметить старание соответствующих организаций: Управление культуры Мангистауской области, Мангистаурестаурация и др. в деле сохранения этих и подобных памятников старины и искусства.

Хотя большое количество памятников и обилие проблем, связанных с их реставрацией, ставит перед исследователями огромные задачи. Фундаментальные исследования и публикация памятников эпитафии является довольно дорогостоящим делом. Тем не менее, не лишне напомнить, что при тех темпах утрат, которые несут памятники эпитафии, их фиксация, изучение и публикация становятся пока единственным способом сохранения этого бесценного памятника культуры.

Как любой письменный памятник, эти тексты, конечно, являются своеобразными отпечатками той эпохи, когда они были написаны; важно только правильно «извлечь» тот объем информации, который они представляют исследователю. Эпитафика прямо или косвенно отражает политические, этно-лингвистические, а также другие процессы и события, которые происходили на протяжении целых столетий.

Крайне важно сравнить полученные данные с другими рукописными (опубликованными и неопубликованными) источниками. При этом мы предполагаем, по возможности в конце каждого опубликованного текста предложить данные о каждой личности из других источников, сопоставляя и анализируя полученные результаты. Такая методика в эпитафических исследованиях давно оправдала себя и дает возможность самых обширных исторических интерпретаций, как публикаторам эпитафического материала, так и другим исследователям, кто будет пользоваться этим материалом в своих исследованиях. Параллельно, предполагается использовать этнографический материал, что тоже имеет значение для восстановления традиционного восприятия святыни в глазах местного населения.

Надгробные эпитафии являются письменными источниками, своего рода документами прошлого, раскрывающими историю народа, его культуры. Их достоверность исследователь подтверждает письменными первоисточниками, в функции которых выступают сохранившиеся в регионе народные генеалогии знатных родов, некоторые представители которых, как и в прошлом, продолжают сегодня свою деятельность во имя народа. Иногда эпитафии становятся единственными источниками исторической информации, документами эпохи, в которую были созданы надгробия.

Именно с XIV в. арабское письмо стало неотъемлемым атрибутом духовной сферы жизни грамотных слоев населения, оставивших надписи арабской графикой на тюркском языке.

Изучение надгробий дало возможность сделать вывод о том, что арабская письменность использовалась на эпитафиях вплоть до середины XX в. Причина столь длительного использования этого вида письма на надгробиях, не прекратившегося даже после официальной отмены письменности в начале XX в., в том, что старый алфавит был привит казахскому народу вместе с мусульманством и выступал символом исламской религии.

Сохраняя письменность и воплощенный в ней язык, надмогильные камни играют роль старинных рукописей, а кладбища, где они сосредоточены, представляют собой хранилища ценных исторических документов.

На надгробиях высекаются суры Корана. На надмогильных плитах, в основном, преобладают такие коранические формулы: «Верховный суд принадлежит Аллаху. Спасаясь от проклятого шайтана, прибегаю к Аллаху», «Именем Аллаха, Милосердного, Милостивого», «Нет божества, кроме Аллаха. Мухаммад –

посланник Его». Изредка в этой же группе памятников в конце текста встречалось благочестивое изречение «Смерть» – дверь и все люди войдут в нее», которое считается принадлежащим арабскому поэту Абу-л-‘Атахийи.

Некоторые из исследованных надмогильных стел поистине являются художественными произведениями. Авторы надгробий были одновременно и резчиками по камню, и каллиграфами, и сочинителями текстов, в том числе и поэтических.

Наполненные философским звучанием поэтические строки умело переплетались с кораническими формулами, в которых прославлялся Аллах. Архитектурные формы надгробий гармонично сочетались с теми художественными элементами в виде орнаментов, узоров, арабесок в целом, которые мастер использовал, чтобы довести до представителей грядущих поколений эстетическую информацию.

Разнообразие архитектурных форм и конструктивных решений, это и плоские камни, и столбы шестигранных очертаний, и саркофаги. Каменные надгробия сооружались над могилами и простых людей, и знатных биев, и мусульманских деятелей, причисляемых к лику мучеников и святых. Могилы последних считались «святынями». Это были места массового паломничества, поклонений, мусульманские святыни.

Традиция надгробий теснейшим образом связана со всей исламской культурой, теологией, представлением о загробной жизни, с мусульманской этикой и религиозной поэзией. Вместе с тем, в этом искусстве различим дальний отзвук языческой мифологии, языческой знаковой системы и символики, смутных воспоминаний о какой-то каменной фигуре, которая должна сторожить могилу вождя или воина.

Встречаются на надгробиях и рельефные изображения предметов, чаще всего оружия, которое символизировало воинскую доблесть умершего. Отдельные изобразительные мотивы (изображения лампы, светильника, голубей, домашней утвари, предметов одежды) свидетельствуют о точках соприкосновения и сложных переплетениях исламского искусства с мифологией. Изображения в резьбе по камню на надгробиях и богатейшие орнаментальные композиции сопровождают каллиграфический текст эпитафий и, переплетаясь с ним, украшают почти каждый надгробный памятник.

Мастера, которые одновременно были и резчиками камня, и «писцами», виртуозно владевшими не только традиционным *сулсом*, но всеми почерками классической семерки (из которых особенно любимыми и распространенным был *дивани*), и поэтами, сочинявшими эпитафии. О почетном положении в обществе таких мастеров свидетельствует то, с каким достоинством многие из них вводят в текст эпитафии свое собственное имя, выражая авторскую гордость своим творением.

Разумеется, и мера поэтического пафоса, и пышность орнаментального резного декора, и даже размеры сооружения зависели в каждом конкретном случае и от социального положения умершего, и от воли заказчика, и от индивидуальности резчика-поэта и его мастерства: в одно и то же время сооружались и скромные, строгие, и поистине великолепные в своей торжественной величавости надгробия.

Несмотря на короткий и лаконичный текст эпитафий, их источниковая значимость очень велика. Главная их особенность состоит в том, что они дают представление о духовной и материальной культуре народов.

Традиционно тексты написаны на арабском, персидском и тюркском языках. Эпиграфические памятники характеризуются неперменным наличием имени усопшего, имени его отца (иногда и деда), рода занятий, годы жизни (по *хиджре* или *милади* для позднейших времен), место жительства, у женщин – чья жена. Традиционно наряду с указанными выше сведениями высекались различные тексты: хадисы из Корана, другие священные тексты или какие-либо поэтические строки. Некоторые эпитафии выделяются различными эпитетами, хвалебными стихами. В памятниках часто присутствуют религиозные формулы. Многие надгробные памятники отличает оригинальный авторский почерк.

Содержание текста однородное и, в основном, форма их написания тяготеет к стандартизации. Так, например, примерная структура надгробных надписей выглядит следующим образом:

- 1) религиозная формула;
- 2) основной текст (род, имя, возраст, дата смерти);
- 3) хвалебные стихи, пожелания;
- 4) кто поставил памятник (дети, муж, жена, внуки);
- 5) имя мастера.

Практически смысл и форма этих составляющих неизменны со времени своего возникновения. В том числе и шрифт, которым выполнены памятники (*сулс* рельефный, *куфи* врезанный и рельефный).

Большую часть дошедших до нас мусульманских надписей региона составляют надгробные памятники эпитафии – надгробные камни, сундукообразные памятники, каменные бараны фигуры, содержащие ряд

интересных сведений, от даты смерти частных лиц и до значительных политических событий. Так, благодаря этим надписям можно выяснить данные о многих видных личностях соответствующего периода.

Надписи региона вырезаны почерками *куфи, суле, насхи, наста'лик* арабской графики. Как известно, средневековая мусульманская традиция не допускала украшение архитектурных памятников живописью, в том числе изображениями человека, поэтому каллиграфы и резчики использовали письмо как элемент украшения. Они замысловато закругляли различные варианты арабского письма, искусно связывали геометрические и растительные орнаменты, добиваясь утонченности украшения. В памятниках мы видим лучшие образцы художественной резьбы по камню; они считаются веским доказательством того, что в средние века искусство резьбы по камню и каллиграфическое мастерство достигли совершенства.

Надгробия устанавливались вертикально в изголовье погребенного лицевой стороной на восток и врывались в землю. У большинства памятников имеются боковые надписи, состоящие, как правило, из благочестивых изречений. Встречаются надписи и на обратной стороне плит. На этих памятниках встречаются также различные изображения, указывающие на пол покойного, род его занятий, содержащие биографические данные, и служащие надежным источником для изучения быта и нравов народа, его этнографии. Кроме того, средневековые скульптурные изваяния барана и овцы доказывают, что в тот период в регионе было распространено искусство резьбы по камню.

На перекрестке древних караванных дорог, в долине зимовок и колодец западного Устюрта в 30 км на север от населенного пункта Сайотес находится комплекс Сисем-ата. Основная часть комплекса сконцентрирована вокруг могилы святого Сисем-аты. По преданиям Сисем-ата один из первых распространителей ислама, живший в огуз-кипчакский период. На это указывает и каменные шлемы и предметы вооружения, связанные с военно-политическими событиями, происходивших в указанный период истории, изображенные на надгробных камнях.

На первом этапе скопированы, переписаны на месте и расшифрованы собранный эпиграфический материал. Проведена камеральная обработка: расшифровка надписей, компьютерный набор арабографического текста, транскрипции. Осуществлены переводы с арабского, персидского, тюркско-чагатайского языков.

Ведется исследовательская работа по дополнительной литературе. Предполагается составить список имен (с титулатурой, датами смерти, другими подробностями) для идентификации погребенных личностей по другим рукописным источникам и, возможно, по этнографическим данным (сказания, легенды и т.п.).

Так как Арало-Каспийский регион единый по своим контурам культуры, хотелось бы обсудить с коллегами общие принципы издания эпиграфических памятников. Имеется предложение издавать эти памятники в единой серии под руководством редколлегии, куда вошли бы опытные специалисты. Функции этой редколлегии могут состоять в координации усилий в этом направлении, разработке единых принципов издания памятников и организации исследований и т.д.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Мухаметшин Д.Г.

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

В серии памятников Золотой Орды XIII–XIV вв., Казанского ханства XV–XVI вв. и татарских памятников XVI–1-й трети XX вв. особое место занимают намогильные камни, имеющие надписи и своеобразный орнамент и известные в науке под названием эпиграфических памятников. Они представляют собой уникальные источники по истории татарского народа. Эпиграфические памятники воплотили в себе ряд преимуществ письменных и вещественных источников, как вещественные (археологические) они оригинальны и не имеют в себе позднейших наслоений, как письменные дают разностороннюю информацию исторического, социально-политического, этнического и культурного характера, что в археологических памятниках отражается весьма слабо.

Эпиграфические памятники связаны с конкретным историческим населенным пунктом и являются составной частью историко-культурного комплекса. В этом плане интересные результаты может дать комплексное изучение болгарских памятников в связи с археологическими памятниками – городищами и селищами, а также административными единицами и крупными населенными пунктами в более поздней истории татарского народа

На эпитафических памятниках фиксируется ряд терминов исторического и социального характера. Они являются дополнительным, хорошо датированным источником по истории Татарстана.

Татарские надгробные памятники второй половины XIII – 1-й трети XX вв. расположены на многочисленных древних и современных кладбищах на территории Татарстана, соседних республик и областей.

Принципы типологической классификации эпитафического наследия, во многом, зависит от задач исследования. Классификация памятников только со стороны языка, оформления или орнамента относительно условны и статичны. Они, выявляя только отдельные стороны памятников, не показывают в развитии эпитафику как составную часть духовной культуры общества. Территориально-хронологический принцип (региональные типы) – в той или иной мере позволяет выявить этнокультурные варианты эпитафий, которые в большей мере проявляются в неспокойные периоды и нивелируются в стабильные периоды развития общества.

Эпитафические памятники XIII–XIV вв. выявлены в 92-х пунктах. В количественном отношении в закамской территории Татарстана учтено 285 памятников, из них только 16 происходит из Восточного Закамья. Из районов Предволжья и Предкамья зафиксированы соответственно 48 и 50 эпитафий. Эпитафические памятники в истории Булгарского Улуса занимает небольшой отрезок времени: 70-е гг. XIII – середина XIV вв.

Среди болгарских эпитафических памятников XIII–XIV вв. нами выделено четыре региональных округа: Болгарский, Кирменско-Джукетауский, Восточный (Чишминский) и Северный.

На обширной территории Болгарского регионального округа расположено 47 кладбищ с более чем 280 надгробиями. Характерными чертами памятников Болгарского округа является наличие на них стрельчатой арки с плечиками и шрифта – стройного каллиграфического куфи или изящного рельефного сульса. Все памятники имеют бордюрное украшение линейного или геометрического мотивов. Некоторые памятники имеют по бордюру растительный мотив, что является редчайшим явлением для эпитафий XIII–XIV вв. Эпитафии Болгарского округа отличаются от других памятников тщательностью отделки, наличием ярко выраженных боковых и оборотного аспектов. На боковых частях и на обороте эпитафия, как правило, располагаются коранические формулы или орнамент.

Среди памятников Болгарского регионального округа четко выделяются две группы. I группа – памятники с прямоугольным или полукруглым верхом, со стрельчатой или килевидной аркой, с плечиками с коранической формулой в тимпане и надписью, выполненной рельефным почерком сульс на арабском и татарском языках. II-я группа памятники с прямоугольным, остроконечным или полукруглым верхом, надпись на которых выполнена почерком куфи на болгарском языке.

Вторым наиболее крупным региональным округом является Кирменско-Джукетауский, который занимает северо-восточную часть территории Булгарского Улуса. В Закамье его территория охватывает земли между р. Малый Черемшан и р. Зай, в Предкамье – к востоку от линии р. Ошняк, бассейн среднего течения Меши до р. Вятки. На этой территории выявлено 37 кладбищ с более чем 90 эпитафиями. Характерными чертами надгробий этого округа являются следующие особенности: в оформлении отсутствие арки, бордюрного украшения, закругленность верхней части, врезанный простой шрифт; в структуре текста отсутствие коранической формулы «Он живой, который не умирает», столь характерной для памятников Болгарского округа. Восточный региональный округ болгарских эпитафических памятников охватывает бассейн среднего течения рр. Ик и Белой, занимает большую, но малонаселенную территорию, где выявлено 7 кладбищ с 12 надгробиями

В отрыве от основной территории болгарских эпитафий стоит памятник из с. Гордино (Гурья Кала) Базелинского района Республики Удмуртия. Памятник остроконечной формы, с примитивной стрельчатой аркой и формулой в тимпане, что сближает его с памятниками Кирменско-Джукетауского округа.

Из памятников второй половины XIV – 1-й половины XVI вв. нам известно всего три надгробия – Большейырсинское и Ямашурминское и Большепеякинское, выявленные в северной части Кирменско-Джукетауского округа. Это говорит о больших социально-экономических изменениях происшедших в Поволжье, падение значение Болгара и в целом закамских земель с одновременно возвышением Казани.

Среди памятников Казанского округа XV – 1-й половины XVI столетий, мы выделяем 6 типов. Хронологически они располагаются таким образом: 1-й тип – до 60-х годов XV в.; 2-й тип – 70–80-е годы XV в.; 3-й тип – конец XV – начало XVI вв.; 4-й тип – 30–40-е гг. XVI в.; 5-й тип 30–50-е годы XV в.; 6-й тип – середина XVI – 1-ая половина XVII вв. В городе Касимове Рязанской области, обнаружены эпитафические памятники, по оформлению и по структуре текста близкие казанским. Все они – около 50 памятников – происходят из Старопосадского кладбища и мавзолея Шах-Али города Касимова.

В Каринском округе сохранилось 3 надгробия XVI в. Эпитафии Нохрата по своему оформлению, орнаменту и структуре текста более архаичны, чем памятники Казанского округа. По многим параметрам данные памятники напоминают надгробия XV в. из Ходяшева.

Исследование эпиграфических памятников XV – 1-й половины XVI вв. показывает, что самые ранние из них происходят из тех местностей, где в XIII–XIV вв. существовала крупные административные центры Болгарского Улуса.

Встречающиеся на эпитафиях XIII–XV вв. титулы делятся на 2 категории – титулы, распространенные во всем исламском мире, к ним относятся титулы – эмир, шейх, аш-шейх ал-имам, аш-шейх ал-кабир, челеби, ага, малик, шах, имам, инал, хатун, султан, бек, хаджи. Вторая категория – титулы характерные для Булгарского Улуса – илчи-алти, ходжа, йувари, хум. На эпитафиях зафиксированы следующие тахаллусы Ширвани, Африкенти, Самарканди, Болгари, Сувари, этнонимы мухша, татар, туркмен, кердар. Эпитафии с титулами и тахаллусами тяготеют к крупнейшим городам – Болгар, Джукетау, Кирмени, Кабанское, Ромашкинское

Социально-историческая терминология эпитафий XV–XVI вв. представлены титулами светского и религиозного характера, такие как хан, султан, улан, бек, мирза, бай, сеид, шейх, хаджи, имам, мулла. Женские титулы немногочисленны – бика, хатун, туташ. Термины родства – углы, кызы, валида, ата, анна, ага. йучунь. По традиции на памятниках XVII–XVIII вв. сохраняется высокий титул периода Казанского ханства – «мурза – мирза». На эпитафиях Башкирии отмечен титул «бек».

Традиционно сохраняется титул «ходжа» – хозяин, владелец и появляется новый термин «бай», вероятно, в том же значении. Владельцев титулов «ходжа» и «бай» нужно искать среди землевладельцев и торговцев. Появляется новый термин «турэ» – чиновник, администратор.

Среди титулов большой удельный вес получают титулы религиозных деятелей. Среди них, известные по болгарским и казанским надгробиям, титулы «хаджи», «кишан», а также «хафиз», «суфи» и «мулла».

Среди терминов родства, кроме в обязательном порядке употребляемых терминов «сын», «дочь», нужно отметить термин «джефет» – супруга и «йучунь» – племянница, а также термины «ага», «ата», «баба». Интересен термин «йаран».

Среди эпитафий этого периода отмечено несколько памятников с тахаллусами – «Бараскаи», «Кшкари», «Булгари». Носитель последнего тахаллуса имеет и другие тахаллусы-этнонимы «тамти» и «хытай». Встречается на эпитафиях и другие этнонимы «кодряк», «ашит», «нократ», «истяк», «табай», «нуркай».

Отдельные из вышеуказанных этнонимов «Истяк» (иштяк) нам известны по письменным источникам XVI в. Этноним «хытай» (кытай) Д. Исхаков связывает с ногаями и ногайской ордой.

В XVIII в. появляются оригинальные эпиграфические памятники, содержащие сведения исторического немемориального характера. Наиболее ранние из них обнаружены в селе Альменьево Альменьевского района Курганской области.

Для XIX в. характерны памятники с полукруглым верхом, с изящным почерком рельефный сульс и почерком врезанный сульс и насх. Орнамент на данных памятниках отсутствует. Памятники данных типов продолжают существовать и в начале XX в. Они распространены на всей территории проживания татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья. Данные типы памятников оказывали влияние на формирование эпиграфики других тюркоязычных регионов, например, Западного Казахстана.

Язык памятников XVII–XX вв. – татарский с большим включением арабских и персидских слов. В трафаретных текстах первого, третьего типов арабские слова занимают значительную долю текста. Тексты второго, четвертого типов полностью на татарском языке, в эпитафиях отсутствует кораническая формула. В текстах других типов кораническая формула, благожелательные и традиционные слова, связанные с образом захоронения на арабском языке.

Сегодняшнее состояние изученности эпиграфических памятников конца XVIII – начала XX вв. не дает возможности выделить региональные особенности татарских эпиграфических памятников. Известные науке памятники Прикамья, Западного Закамья, включая северную часть Ульяновского Поволжья, Северного Предволжья дают однотипные памятники. В Восточном Закамье эпитафии Альметьевского региона несколько выделяются из общей массы памятников конца XVIII – начала XX вв. наличием на отдельных камнях тамг. Некоторых из них, например тамги из Ст. Абдулово, М. Ахметзянов датирует XIV–XV вв. Среди памятников этого района имеются эпитафии с геометрическим орнаментом, близким ко второму типу эллипсовидной верхней частью

На эпиграфических памятниках зафиксированы названия памятников в форме *кабр*, *зиярат*, *балук*, *лауха*, *битик*, *галямат* в которых выражены различные корни установки надгробных камней – тюркский (алтае-сибирский), общемусульманский, языческий.

**БАТЫС ҚАЗАҚСТАН ЭПИГРАФИКАЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІ МӘТІНІНІҢ ЖАЗЫЛУЫНА
ТҮСІНІКТЕМЕ (2003–2010 ЖЖ. ЭКСПЕДИЦИЯЛАРЫ
МАТЕРИАЛДАРЫ БОЙЫНША)**

Омарова А.Қ.

БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы

Эпиграфикалық ескерткіштер мәтіні қысқа да, мәліметтер көп болмағанымен деректік жағынан маңызы зор және нақты, анық деректер болуымен ерекшеленеді. Ал енді эпиграфикалық деген соң бұл тасқа, ағашқа, қышқа, теріге, металға, т.б. материалдарға басылып жазылған жазу. Біз қарастырып отырғанымыз осы тасқа қашалып жазылған араб жазулы ескерткіштер. Батыс Қазақстан мен Солтүстік Арал маңына жасалған этноархеологиялық, этномәдени экспедициялар барысында эпиграфикалық ескерткіштердің сыртқы пішінінің ғана алуан түрлі емес, жазу стилі, мәтін мазмұны, графикалық ерекшеліктерінің де алуан түрлілігіне көз жеткіздік. Жалпы тас қашау өнері оның ішінде тасқа жазу түсіріп, ескерткіш ретінде қалдыру Батыс Қазақстан аймағында орта ғасырлардан бері келе жатқан дәстүр. Ал арабграфикасындағы эпиграфика XVIII ғасырдан бастап кең таралғанын С.Е. Әжіғали атап айтады [1, 467-б.]. Оған бірден-бір себеп ислам мәдениеті мен өркениеті әсері болса керек. Жалпы монументальды эпиграфикалық ескерткіштер солтүстік Арал және Каспий маңы мен Жайық өзені бойы, яғни Қазақстанның батыс өңірлері қазіргі Атырау, Маңғыстау, Орал, Ақтөбе облыстары территориясында көп таралған. Қазақстанның басқа өңірлерінде өте аз деуге болады (Оңтүстік өңірлердегі Ахмет Яссауи, Айша бибі, т.б. мавзолейлер мен кесенелерде кездесетін жазуларды қоспағанда).

Батыс Қазақстан құлпытастардағы жазу негізінен араб графикасында қазақ тілін де жазылған, алайда татар тілінің әсері басым болғанын байқаймыз. Сонымен қатар Құран аят, сүрелері мен дұғалар араб тілінде берілген. Жазу кейде қашалып, кейде барельефті болып келген. Жалпы құлпытастардағы жазу тәртібі бойынша бірінші, екінші жолдарда ру аты, тайпасы жазылады [1, 473–474-бб.]. Эпиграфикалық ескерткіштердің батыс бетіндегі жазу қайтыс болған адам туралы негізгі мағлұматты береді де, басқа беті мен жандарына Құраннан үзінді сүре, аяттар беріледі. Кейде негізгі мағлұмат беретін беті қате орнату себебінен шығыс бетіне қарап қалған. Тас бетіндегі жазу 4–11 кейде одан да көп жолдардан тұрады. Мәтіннің төменгі жолдары топыраққа, құмға көміліп қалуы жиі кездеседі. Эпитафия тастың батыс бетіне көлденеңінен, ал оңтүстік және солтүстік жандарына, кейде оңтүстік бетіне көлденеңінен жазылады. Ал төменнен жоғары жазу өте сирек кездеседі.

Мәтін негізінен басқа елдер мен жерлердегі мұсылман қабір тастарындағыдай ислам формуласынан басталады (*Lâ illâha illâ Allâh wa Muhammad rasûl Allâh*) немесе *Kullu man 'aleyhi fân, Kullu nafs dâ'iqat almawt* Құран аяттарынан басталады. [2, 52-б.; 3, 12-б.; 4, 9-б.]. Әріқарай төменде араб тілінде: *haza almarqad* немесе *haza alqabr li marhum* (бұл қабір марқұм...) сөз тіркестері жазылады да ары қарай қайтыс болған адамның руы, тайпасы, аты-жөні, әкесінің аты, жасы, қайтқан жылы және тас қоюшының аты-жөні мен қайтқан адамға жақындығы жазылады, ал ең төменде ру таңбасы белгіленеді. Жылды араб цифрымен григориян жыл санауы бойынша, ал кейде хиджра жыл санауымен де белгілейді. Көк тастарда көбінесе хиджра жыл санауы берілген де, кейінгі құлпытастарда григориян жыл санауымен көрсеткен.

Мәтінді оқу барысында қызық элеуметтік-этнографиялық жайыттарды кездестіреміз, мәселен, бір қабіртастың бірнеше адамға, ал кейде жас сәбилерге де құлпытас қойылғанын көреміз. Мұндай жайыттар Батыс Қазақстан өңіріндегі эпиграфикалық ескерткіштерде дәстүрлі орын алған. Жас балаларға қойылатын құлпытастар негізінен үлкен емес аласа болып келеді. Ал жалпы Батыс Қазақстан эпиграфикалық ескерткіштерінің хронологиясына келсек, XIX ғ. 40–60 жылдарынан басталып, XX ғ. 30-шы жылдарына дейін араб графикасында жазылып келгенін ескерткіштер мәтінін оқу барысында анықтаймыз.

Ал жазу емлесінде Батыс Қазақстан құлпытастарында татар мақамы басым. Мәселен, *илда, яшында, яаббас*, т.б. болып жазылған. Ақтөбе облысы, Әйтеке би ауданы, «Ойсылқара» қорымындағы құлпытастарда Құран аят, дұғалары бірең-сараң ғана кездеседі және негізінен оңтүстік немесе солтүстік жандарына жазылады. № 26 объектіде «Ықылас» сүресі толық берілген және осы құлпытастағы 14 жолдың 5-ші жолынан кейін Құран аят, дұғалары жазылған (сурет 1).

1. *aq....*
2. *... adanay dan chula...*
3. *dan isma'il ...laq*
4. *balasi aqtilis*
5. *ufat buldi 35*
6. *.... 1921 nshi jlda*
7. *qul hua Allah ... allah assamad*
8. *lam yalid wa lam yulad wa lam yakun*
9. *lahu kufuan ahad kullu man `aleyha*
10. *fan wa yabqa wajhi*
11. *.... Zi aljlali*
12. *wa alakram la illaha illa ... Muhammad*
13. *rasul Ashadu an la illah illa*
14. *Allah wa ashhadu an Muhammad abduhu*
15. *wa rasuluhu*

- Ак....
- аданайдан шола...
дан Исмайыл ... лақ
баласы Ақтілес
опат болды 35
.... 1921 нші жылда
.... 1921 нші жылда
«Ықылас» сүресі
- барлық жан – о, дүниелік
- күдірет иесі
- Шаһада

Құлпытас жазуында кейде ұлы, кейде баласы деп береді. Сондай-ақ бірде жылы, жылында бірде сана, санада сөздері қолданылған. Жалпы құлпытастардағы сөздердің жазылуында біріңғай жазу емлесі сақталмаған. Мәселен, жағалбайлы – йағалбайлы, жылы – ылы, тайфасы – тайпасы, жасында – йасында немесе йашында, руы – ругы, опат – офат – оуфат, т.б. Эпитафия мәтіндерінде грамматикалық, графикалық қателіктер де көптеп кездеседі. Әріптердің жазылмай кетуі немесе бір әріптің орнына басқа әріпті пайдалану сияқты жайыттар көптеп кездеседі. Мысалы, «Айнақұл» сөзін «Айнағұл» деп «ق» әріпінің орнына «ع» әріпін жазған немесе кейде «روي» - «روعی» - «اروی», «طائفی» - «تائفی», «تورکمان» - «تورکمان», «تروکبان» - «تورکبان», «توبش» - «توبش», «اوعلی» - «ولي», «وفات» - «وفات», т.б. сөздердің әртүрлі графикада жазылуы жиі кездеседі. Аталған жағдайлар жалпы Орта Азия араб эпиграфикалы ескерткіштеріне ортақ екенін В.Н. Настичте айтып өткен [5, 234-б.]

Цифрлар негізінен араб цифрларымен берілген. Бұл негізінен басқа қорымдар құлпытастарына да тән жазу жүйесі. Көк тастарға жазу өте аз жазылады, оған себеп материалдың жазуға қолайсыздығы

болса керек. Керісінше өңделмеген жергілікті материал – қара тастардағы жазудың сақталуы да, жазуда берілген мәліметтер де біршама толығырақ (сурет 2).

«Қарабас әулие» қорымы. № 2. Қара тас.

1. <i>Huja ru'i</i>	Қожа руы
2. <i>Jbagi huja</i>	Жабағы қожа
3. <i>Yaziq huja</i>	Жазық қожа
4. <i>u'li ufa</i>	ұлы опа
5. <i>t 67 yashda</i>	т 67 жаста
6. <i>1905 ylida</i>	1905 жылда

«Хан моласы» қорымында № 7 объект. Жіңішке көк тас (сурет 3).

1. 1281 nshi ylnde ar(tk)ut ru'i brdan bayshuaq u'li 62 yashnde ufat buldi

2. qalu inna Allah wa inna ileyhu rajagun

1281- ші жылы ар... руы Бірдан Байшуақ ұлы 62 жасында опат болды

Алла және барлығы оған қайтады

Бір жаны:

1. billah la illah illa hu alhay alquyum

Алламен, одан басқа құдай жоқ, ол тірі және мәңгілік

Екінші жаны:

1. a illah illa Allah Muhammad rasul Allah...

Алладан басқа құдрет жоқ, Мұхаммед Алланың елшісі

Бөкей Ордасындағы Хан зиратының эпиграфикалық ескерткіштеріне тоқталар болсақ, түрі, пішіні мен жазу стилі, мазмұны басқа Батыс Қазақстандағы тасқа қашалып жазылған ескерткіштерден тіптен өзгеше. [6, 52-б.]. Сондай-ақ Хан зираты қорымындағы эпиграфикалық ескерткіштердің басқа қазақ құлпытастарынан ерекшелігі ою-өрнек аз және жазу көбіне ұсақрелефті «насх» жазу үлгісінде жазылған. Әріп ені 0,5–2 см аспайды. Сондықтан бұл ескерткіштерді бірінғай эпиграфикалық ескерткіштерге жатқызуға болады.

Хан зираты. № 11 объект (сурет 4).

Батыс беті

1. la illaha illa Allah Mohammad rasul Allah (Алладан басқа құдрет жоқ, Мұхаммед Алланың елшісі)

2. Kullu man 'aleyha fan wa yabqa wajh rabbuk (Барлық жан – О, дүниелік)

3. zuljalal wa alakram yam....

4. deht qibchaq hani Bukey hanning (Дешті қыпшақ ханы Бөкей ханның)

5. ugli Jahankir hanning nurdide farza (ұлы Жаһангир ханның нұрдиде перзенті)

6. ndesi zahir sheyh alislam musti Mohammed (Заһир Ислам шейхы муфти Мұхаммеджан)

7. jan nebiresi dar fanadan dar baqaye rihlat (немересі фәниден бақиға)

8. yldi 16 yashinde 1844 ylde (озды 16 жасында 1844 жылы)

9. qalu inna Allah wa inna ileyhu kafi raja'una bilmaut (Барлығымыз Алланың құзырындамыз және оған қайтамыз)

10. sarir wa rafa'at sa'adat sultanat Jahankir han (қасиет және биік мәртебе, бақыт, Жаһангир хан билігі)

Шығыс беті

1. inna Allah gufur rahim (Алла кешірім мен рақым иесі)

2. rabbana amanna wa atba'na (иеміз сендік..... және ердік)

3. arrasul faaktuba maa ash..... (пайғамбарғаден жазды)

4. buni qil magfurat ya rabb yarabn (бұны кешіре гөр, құдайым)

5. 'arsh a'zamay (..... биікте ұлы

6. *idib rihlat kuralmay kull ma 'asharat* (озды көре алмай ондықтан артық)
7. *itub blbl dawldati (етіп бұлбұл дауылдатты)*
8. *Allahuma taqbal minna haza du 'a* (О, Аллам біздің осы дұғамызды қабыл ете гөр)

Оңтүстік жаны

1. *Allahuma i'fir laha* (О, Алла оны кешіре гөр)
2. *wa (және)*
3. *'an mamih si'atha* (арылта гөр күналарынан)
4. *wa ij'al hati'atha* (және қателіктерінен)
5. *rudat qabruhu min* (Оның қабірін)
6. *riad aljannat wa la* (жәннат бағынан ете гөр және)
7. *taj'al hafarat min* (оның қабірін)
8. *hafarat anniran* (жарық қыла гөр)

Солтүстік жаны

1. *allahuma min* (О, Аллам)
2. *asilak najati* (сенен құтқаруды сұраймын)
3. *bilmagfurat wa ilh yman* (кешіріммен иманды)
4. *hass hnd wa almait* (көмілу мен өлу әркімге де)
5. *birruh wa arr* (рух пен рахат)
6. *ahat wa almagfur walidat zibun* (және анасына кешірім)
7. *Allahuma inna kana muhsinan* (Аллам, ол жақсылардан болды)
8. *fr(z)d jsan*

Мақала мақсаты Батыс Қазақстан араб жазулы эпиграфикалық ескерткіштеріндегі мәтіннің мазмұны, жазылу тәртібі, әріптердің тасқа түсірілуі мен графикалық кескінделуі, тілдік нормалардың сақталу немесе сақталмауы сияқты мәселелерді көрсете отырып, жалпы қазақ тасқа жазу өнері мен жазушы шеберлердің өзіндік жазу стиліне, ең бастысы қазақ араб жазулы ескерткіштерінің тіл дамуы мен қазақ тарихы, этнографиясына қатысты тұстарын көрсетуге тырысу болып табылады. Оның ішінде араб графикасындағы эпиграфикалық ескерткіштердің Батыс Қазақстан тарихы мен этнографиясына қатысты шынайы дерек көзінің бірі екенін атап көрсету.

Әдебиеттер

1. Әжіғали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: «Ғылым», 2002.
2. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. М., 1966.
3. Аминов Б.Б. Памятники эпиграфики Узбекистана как исторический источник (XV–XX вв.). Автореф. дисс. канд. истор. наук. Ташкент, 1998.
4. Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана (XI–XIX вв.) Душанбе, 1978.
5. Настич В.Н. Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.
6. Әжіғали С.Е. Хан зираты // Батыс Қазақстан облысы. Энциклопедия. Алматы, 2002

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ДИГЛОССИИ В ЭПОХУ ДИНАСТИИ КУНГРАТОВ (1804–1920)

Эркинов А.

Ташкентский государственный институт востоковедения

В настоящем докладе мы попытаемся показать, какова была диглоссия в тюркском языке в Хивинском ханстве при эпохе правления династии Конгратов.

Диглоссия (от др.-греч. *δυο* – «два» и *γλωσσα/γλωττα* – язык) – особый вариант билингвизма, при котором на определённой территории или в обществе сосуществуют два языка или две формы одного языка,

применяемые их носителями в различных функциональных сферах. Для диглоссии характерна ситуация несбалансированного двуязычия, когда один из языков или вариантов выступает в качестве «высокого», а другой – «низкого». При этом возможны ситуации, когда «низкий» язык является родным разговорным языком для всего населения территории или его части, а «высокий» язык – родственным по отношению к родному языку (например, церковнославянский и русский в допетровской России) либо неродственным надэтническим языком территорий с разнообразным этническим составом населения. Концепция диглоссии как параллельного сосуществования двух вариантов языка была описана греческим писателем и филологом Иоаннисом Психарисом для ситуации сосуществования в греческой литературе двух вариантов письменного новогреческого языка: «книжной» формы новогреческого катаревусы (греч. *καθαρεύουσα γλώσσα*, буквально – чистый язык), основанной на аттических образцах и очищенного Адамантиосом Кораисом от заимствований из турецкого и народного языка димотики (греч. *δημοτική*). После освобождения Греции от турецкого владычества в 1821 г., катаревуса стала официальной нормой письменного новогреческого. Такое положение сохранялось в Греции до языковой реформы 1976 г., когда в качестве языка обучения, объекта изучения и языка учебников на всех уровнях образования была принята димотика. В 1959 г. Чарльз Фергюсон описал аналогичную ситуацию несбалансированного двуязычия с различными функциональными сферами обращения языков для разговорных местных вариантов арабского и классического арабского языка в арабском мире, швейцарского диалектного и литературного немецкого в немецкоговорящей части Швейцарии и креольского и французского на Гаити. Фергюсон в своей работе отметил функциональное отличие диглоссии от билингвизма: если при билингвизме языки функционально равноправны, то в случае диглоссии один из языков является «высоким» и используется в небытовых «высоких» (религия, книжно-письменная культура, наука, образование) сферах и ситуациях общения и не используется при бытовом общении; другой же язык является «низким», то есть принят в повседневном общении и сниженных функциональных стилях речи и жанрах письменности (бытовая письменность, «низкие» жанры художественной литературы).

Языковая среда трех ханств Средней Азии пока изучена не достаточно. В отличие от Кокандского (1710–1876) и Бухарского (1747–1920) ханств, официальный/придворный язык в Хивинском ханстве (1804–1920) был тюркским, а не персидским. Однако, по диглоссии внутри тюркского языка существовали два языка. Это – чагатайский язык и тюркский разговорный язык (можно сказать хорезмский вариант). Чагатайский язык, как литературный язык, применялся для художественных текстов и исторических произведений в большой территории – от Восточного Туркестана до Польши (конечно среди тюркоязычных народов). Тюркский язык, точнее, хорезмский диалект населения Хорезма, соответственно, отличался от чагатайского. Чагатайский язык имел много арабских и персидских слов и был книжного применения. Он существовал в XIV–XVI вв., а в XVII – начало XX вв. использовался, но уже как мертвый язык. Придя к эпохе династии Кунгратов, чагатайский язык уже стал мертвым языком.

К сожалению, мы имеем мало информации о разговорном языке населения, относительно исторической эпохе Средней Азии. В том числе и для Хорезмского региона. Чагатайский язык стал высоким языком в диглоссии, и его знала только образованная, подготовленная часть населения. Таковых было мало. При Хивинском дворе пользовались этим мертвым языком для поэзии/художественной литературы и исторических произведений. Разговорный язык, как всегда, был намного проще.

В Средней Азии в XV–XIX вв. исторические произведения писались в традиционном стиле [1, р. 2–10, 455]. По этой традиции их язык должен был персидским, а стиль изложения вычурным, усложненным и поэтизированным. Это усложняло их понимание, так текст становился искусственным. Однако, хивинский правитель и историк Абулгази Бахадур-хан (1644–1663) свое историческое произведение «Шаджара-йи таракима» (1659–1660) написал на тюркском упрощенном языке. В нем он утверждал: все те, которые ранее излагали историю, много использовали арабских и персидских слов. Таким путем они стремились показать свою ученость. «Да будет известно всем, что те, кто слагали до нас историю тюрков, чтобы показать народу свой талант и искусство, примешивали арабские слова, а также добавляли персидские слова, а тюркскую речь превращали в рифмованную прозу. Мы не делали ничего подобного, ибо тот, кто будет читать, или слушать [чтение] этой книги, конечно, будет тюрком, а с тюрком надо говорить по-тюркски, чтобы каждому было понятно. А если нашу речь не понимают, то какая [от нее] польза? Если же среди них [то есть тюрков] и окажется один или двое грамотных [и] разумеющих и если они постигнут [смысл сказанного], то кому из множества не разумеющих они сумеют растолковать?! Следовательно, надо говорить так, чтобы все, хорошие и плохие, понимали, чтобы до их сердец доходило» [2, р. 36; 3, р. 110–112]. Поэтому Абу-л-Гази Бахадур-хан свои оба исторические произведения «Шаджара-и таракима» (Родословная туркмен) и «Шаджара-и турк» (Родословная тюрков) создал на простом тюркском языке. Он утверждал, что история должна писаться

упрощенным языком, который могли бы понимать все – от пятилетних детей до стариков. Значит, он стремился уменьшить расстояние между двумя вариантами в диглоссии – чагатайским и простой тюркским Хорезма.

В придворных средах Средней Азии, если данная среда не имела культурного круга (поэты, ученые, архитекторы...), естественным образом язык стал упрощаться. Например, в конце XVIII в. Хивой правил Аваз-бик (1790–1804). Поэт Умар Баки для него в прозе изложил поэмы из «Хамса» (пятерица) ‘Али Шир Наваи – «Фархад и Ширин» и «Лайли и Маджнун». Наваи их создал на чагатайском языке и они были предназначены для подготовленного читателя. После изложения Умар Баки эти две поэмы превращаются в короткие и упрощенные сказки, которые бытуют среди простого народа. Наверняка, этого требовала среда. В любом случае, в указанных примерах высокого языка (чагатайского) в диглоссии хотели упростить, с целью его приблизить к разговорному варианту.

Однако, чем больше развивалась культурная среда, тем больше появлялась потребность (в нашем случае) в чагатайском языке. Начиная с периода правления династии Кунгратов (1804–1920) ситуация в Хиве меняется и опять начинаются создаваться произведения на чагатайском языке. При Мухаммад Элгузар-хане (1804–1806) и Мухаммад Рахим-хане I (1806–1825) придворный историк, поэт Мунис (1778–1829) [4, р. 199–205] начинает писать обширное сочинение по истории Хорезма – «Фирдавс ал-икбал» [5; 6]. После него данное произведение продолжает писать другой историк и поэт из данного двора Агахи (1809–1874) [7, р. 48–52]. Мунис писал стихотворения на чагатайском языке. Посетивший в середине XIX в. Среднюю Азию Г. Вамбери (1832–1913) упомянул Мунис в числе знаменитых поэтов своей эпохи. С середины XIX в. традиции чагатайской поэзии продолжил тот же Агахи – ученик и племянник Мунис. Агахи перевел на чагатайский язык около 20 произведений из персидской литературы. Кроме продолжения «Фирдавс ал-икбал» он написал пять исторических сочинений на чагатайском языке. Значит, в Хивинском дворе стали обращать особое внимание к чагатайскому языку.

Однако, он никогда не поднялся до таких высот как при правлении Мухаммад Рахим-хана II (1864–1910). В период его правления, особенно, после завоевания Хивинского ханства Российской империей (1873 г.) и созданием протектората резко увеличилось перепись рукописей в ханстве. Мухаммад Рахим-хан II был намерен противостоять Российскому протекторату через культурные достижения своего двора. В эпоху его правления, по его приказу были переписаны около 1000 рукописей, большая часть которых был на чагатайском языке. С арабского и персидского языков на чагатайский язык были переведены около 100 произведений. Создается литературный круг при Хивинском дворе, состоящий из более 30 поэтов [8–11]. Сам Мухаммад Рахим-хан II так же пишет стихи и всех своих придворных чиновников заставляет писать стихи. То есть в Хивинской придворной среде создается большая масса текста на чагатайском языке. Государственная канцелярии Хивы тоже, в отличие от двух других ханств Средней Азии, ведется на более упрощенном варианте чагатайского языка. Все это показывает, что чагатайский язык, как высокий язык в диглоссии, нашел свое место в Хивинской придворной среде в XIX – начале XX вв.

В начале XX в. посетивший Хивинское ханство путешественник А. Калмыков писал о языковой ситуации в этом регионе: «В настоящее время единственным разговорным и литературным языком в Хиве является тюркский. В качестве мертвых языков изучаются арабский и персидский. Знание последнего поддерживалось при помощи пришлых персиян и персиянок, преимущественно похищенных из Персии туркменами. Теперь приток персиян прекратился. Придворный хивинский поэт, он же врач Ахмад Табиби, по его словам, происходит от родителей, уроженцев Кучара в Персии. Табиби при мне сочинял персидские стихи. Теперь ему тридцать лет. Любимый хивинский поэт Агахи, умерший в XX веке, писал главным образом по-тюркски, хотя у него есть и персидские стихи. Другой поэт, пользующийся известностью, Мунис писал тоже по-тюркски» [12, р. 56–57]. В Хивинском ханстве писались произведения, где использовался более простой вариант тюркского языка. В 1873 и 1878 гг. были созданы две народные стихотворения. В них описывались события и последствия захвата Хивы в 1873 г. Российской империей [13; 14]. Это было уже не чагатайский язык, а более простой народный вариант староузбекского языка. Однако, для нас важен не язык текста, а тюркский язык среди народа. К сожалению, мы почти не имеем сведений о нем. То, что констатировалась в тексте в Хивинском, ханстве вполне может не совпадать с языком общения народа. К такому выводу можно прийти на основе диглоссии современного Хорезмского оазиса. В настоящее время в Хорезмской области (это почти бывшая территория Хивинского ханства) население разговаривают на Хорезмском диалекте узбекского языка. Этот диалект близок к огузской группе тюркских языков. Простой узбек, услышавший данный диалект в первый раз в своей жизни, может его почти не понимать. Можно сказать, что в диглоссии современного узбекского языка Хорезмский оазис имеет свои особенности. Современный узбекский литературный язык (как и любой язык) немного отделяется от разговорного узбекского. Для хорезмского диалекта это различие очень большое. По сведению современного хорезмского населения они не

применяют узбекский литературный язык (или его более упрощенный вариант) в повседневной жизни. В школе и в государственных учреждениях, то есть в официальных кругах литературный узбекский живет своей естественной жизнью. Но в школе учителя и ученики между собой общаются на Хорезмском диалекте. Даже в настоящее время среди Хорезмских узбеков, которые родились до середины XX в. и не учились в узбекской школе, могут быть люди совершенно не понимающие литературный узбекский язык (например, вешание на узбекском языке центрального узбекского телевидения).

Случай из жизни: по узбекскому телевидению часто показывают корейские сериалы с переводом на узбекский язык. Мальчик школьного возраста, живущий в Хиве, посмотрел таких фильмов и естественно стал понимать узбекский литературный язык данных фильмов. Как-то он из Хорезма в первый раз в жизни приехал в Ташкент. Сошел с поезда и услышал язык, на котором разговаривало ташкентское население. Он сказал своим родителям: оказывается, в Ташкенте разговаривают на корейском языке. То есть Хорезмскому мальчику, который воспринял современный узбекский язык через свои любимые корейские сериалы, этот язык настолько был далек вне применения, что он его считал иностранным – корейским языком. Поэтому он узбекский язык считал корейским языком.

В современную эпоху развиты средства массовой информации, и они распространяют литературный язык своего региона. Если сегодня Хорезмский диалект узбекского языка так отличается от литературного узбекского языка, что мальчик считает его иностранным, то можно представить какова была его отличие в исторический период. Можно заключить, в диглоссии эпохи Кунгратов различие между высоким и низкими тюркскими языками было большим. Необразованные люди были далеки от чагатайского языка. Данное различие усиливалось и силу того, что хорезмский диалект был близок к огузской группе тюркских языков. Мы имеем мало информации о народном языке. Но точно одно, что чагатайский язык (даже в мертвом варианте) имел большое место в Хивинском ханстве эпохи Кунгратов и благодаря усилиям этой культурной среды приобрел свою новую жизнь даже в начале XX в.

Литература

1. Kügelgen A.v. Die Legitimierung der mittelasiatischen Mangitendynastie. Istanbul, 2002.
2. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази. Хана хивинского. М.–Л., 1958.
3. Ebulgazi Behadir Han. Şecere-i Terâkime. Türkmenlerin Soykütüğü. Z.K.Ölmez (ed.). Ankara, 1996.
4. Hofman H.F. Turkish Literature a bio-bibliographical survey. Section III, part I, Vol. 4.
5. Firdaws al-iqbâl. History of Khorezm by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi. Transl. from Chaghatay and Annotated by J.Bregel. Leiden-Boston- Köln, 1999.
6. Shir Muhammad Mîrâb Mûnis and Muhammad Ridâ Mîrâb Âgahî. Firdaws al-iqbâl. History of Khorezm. J.Bregel (ed.). Leiden–New York–Kobenhaven–Kçln, 1988.
7. Hofman H.F. Turkish Literature a bio-bibliographical survey. Section III, part I, Vol. 2.
8. Эркинов А. Поездка А.Н.Самойловича в Хивинское ханство в 1908 году и оценка им литературной среды. II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. Ташкент, 2010.
9. Erkinov A. A.N.Samojlovich's visit to the Khanate of Khiva in 1908 and his assessment of the literary environment. International Journal of Central Asian Studies (Editor in Chief Choi Han-Woo). 2010. № 14. (<http://www.iacd.or.kr/pdf/journal/14/Binder6.pdf>).
10. Erkinov A. How Muhammad Rahim Khan II of Khiva (1864–1910) cultivated his Court Library as a means of resistance against the Russian Empire. Journal of Islamic Manuscripts. 2(2011).
11. Erkinov A. Timurid mannerism in the literary context of Khiva under Muhammad Rahim-khan II (Based on the anthology Majmu'a-yi shu'ara-yi Firuz-shahi) / Тимуридский маньеризм в литературной среде Хивы при Мухаммад Рахим-хане II (на примере антологии «Маджму'а-йи шу'ара-йи Фируз-шахи»). Bulletin of ICAS. Volume 8 / Вестник МИЦАИ. Вып. 8. 2008.
12. Калмыков А. Хива. Протокол заседания и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. 12. Ташкент, 1908.
13. Erkinov A. The Conquest of Khiva (1873) in the Eyes of a Poet (Shayda'i). Looking at the Coloniser: Cross-Cultural Perceptions in Central Asia and the Caucasus, Bengal, and Related Areas. B. Eschment, H.Harder (eds.). Würzburg: Ergon verlag. 2004.
14. Erkinov. A. Praying For and Against the Tsar: Prayers and Sermons in Russian Dominated Khiva and Tsarist Turkestan. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2004 (=ANOR 16).

ИСКУССТВО. ФОЛЬКЛОР. МУЗЫКА

ҚАҺАРМАНДЫҚ, ҒАШЫҚТЫҚ ЖЫРЛАРДАҒЫ ЕЛ ӨМІРІ

Айтжанов Х.А.

Маңғыстау «Болашақ» институты, Ақтау

Өзегін тарихтың тереңінен тартқан жырлар – халықтың бастан кешірген санғасырлық тұрмыс-тіршілігінің көркем шындығы мен өмірінің айнасы екендігін көптеген қазақ зерттеушілері өз еңбектерінде сәтті көрсетіп келеді.

Қазақтың ұлт ретіндегі болмыс-бітіміне, жерінің байлығына көршілес елдердің ежелден көз салып келгені белгілі. Осы ретте арнайы тапсырмамен, қайсыбірі тағдырдың тәлкегімен келген демократтар мен миссионерлердің қазақ ауыз әдебиетін жинастырып, өрелері жеткендері зерттеуге кіріскенде, назарларына ең алдымен батырлық жырлардың түсуі тегін емес. Өйткені, олар қазақ жырларымен таныса келе, онан халықтың бүкіл тұрмыс-тіршілігін, ұлттық даналығын, психологиясын, тіпті осал тұстарын да жазбай танып, таба білді. Сондай-ақ, тек батырлық жырлар ғана емес, халықтың бүкіл тыныс-тіршілігін айнадағыдай бейнелейтін – «Қозы Көрпеш – Баян сұлу», «Қыз Жібек», «Айман-Шолпан» сынды туындылардың да бүкіл табиғаты халқымыздың тұрмыс-салтын, кәсіби ерекшелігін, әдет-ғұрыптық жағдайларын, тарихи кезеңдерін айқын сипаттайды.

Қазақ жырларының жанрлық-стадиялық белгілері бойынша көне, қаһармандық, тарихи, ғашықтық эпостар төңірегінде жүргізілген көптеген зерттеу жұмыстарының нысаналары халықтың әр кезеңдегі тұрмыс-тіршілігінен негіз алып, қазақ эпосының жеке нұсқалары бойынша кейбір аспектілері Ә. Марғұлан, М. Ғабдуллин, Р. Бердібаев, М. Мағауин, О. Нұрмағамбетова, Т. Сыдықов, М. Ғұмарова, С. Садырбаев, Қ. Сыдықов, Ш. Ыбыраев С. Қондыбай, Е. Мағауин сынды зерттеушілердің еңбектерінде қарастырылып келеді. Мезгіл қиянатына көп ұшыраған, әсіресе, батырлар жырында қай халықтың да тарихымен аралас-құралас жатқан жәйттер аз емес. Ескі мұралардың тініндегі ежелгі халықтардың тіршілік бейнесі өзінің кейінгіге мұқалмай сақталып келгендігімен құнды. Ал, ерте дәуірлердегі халықтың тұрмыс-тіршілігінен көрініс беретін наным-сенімі мен мифтік түсініктері әуелде көркемдік қызметте емес, салттық көзқарастармен өмір сүргендігі белгілі.

Мифтік санадан туған ауыз әдебиетіндегі екі дүние арасында зиянкестік тасып жүретін жын-перілердің, антропоморфты рухтандырылған аруақ, пірлердің «бірін шақырып, бірінің бетін қайтарып», жалаңаш қолымен от қармап, көпшілік алдында түрлі қимылдарды орындайтын бақсылардың ісі ем-домнан асып, келе-келе санадағы үрейді жеңетін, тұрмыс-тіршіліктегі талас-тартыстарды тойтаратын, қырғын соғыстарды тоқтататын ең күшті кісінің бейнесінде қабылданып, күллі жамандықты ауыздықтайтын адамның батырлық ұғымын тудырған. Батырлық жырлар – жанр болып қалыптасқанға дейін алғашқы қауым кезеңдеріндегі рутайпалардың тұрмыс-тіршілігінен көрініс тапқан көсемдердің инициациясын да қабылдаған жанр. Басқа жанрлардағы кездесетін: жастарға бата беру, тұсау кесу, кеңес беру секілді рәсімдер – ежелгі инициацияның заттанған көрінісі тәрізді. Батырлар жырындағы ерекше дамып келе жатқан балаларды батырлыққа, шешендік өнеріне баулитын көріністерді – келешек батырдың бойына ұлттық салт-дәстүрлерді сіңірудің жоралғылары ретінде қабылдау орынды. Мәселен, Қобыландының ер жету кезеңі соған нақты мысал бола алады. Кейіннен оның екі баласы Бөкенбай мен Киікбай да Естемістің тәрбиесінде өседі. Ерте дәуірден бізге жетіп отырған «Қобыланды батыр» жырындағы тұрмыс-тіршіліктің көздері өзіне дейінгі дәуірлерден сақталып келген аңшылықтың ісімен айналысып жатқанын байқатады. «Қобыландыдағы» аңшылық – сол кезеңдегі тіршіліктің бір ғана көрінісі емес, тікелей айналысқан кәсібі де, батырлардың түрлі айла-шарғыға, ептілікке, мергеншілікке үйренетін сейілдеудің де көзі болғандығын аңғартады. Естеміс секілді ұстаздың көмегімен жас батырдың тіршілікке араласуы басталады. Ерте атқа қонып, қолына қару алып, даланың аң-құсын аулауға машықтанады. Батырлық жырлардағы Қобыланды, Алпамыс, Тама, Абат, Көрұғлы батырлар аштықтан, кедейліктен аңшылық құрмағандары белгілі. Аңшылық – бұлардың сейілдеу арқылы түрлі өнерге үйренетін, тіршілік көрінісі тұрғысында бейнеленеді.

Басқа эпостарда атүсті ғана көрсетілетін халықтың аңшылық өмірі – «Қамбар» жырында арнайы шұғылданған кәсіптің түрінде суреттеледі. Өз кәсібін терең меңгерген мал баққыш Қодар секілді, ауыл-аймағын аңның етімен асыраған бірден-бір батыр осы – Қамбар.

Жас батырлардың сыннан өтушіліктері әр жырда әр қилы ерекшеліктерімен кездеседі. Мысалы, Құттықияның баласы Едігенің ерге лайық өсіп келе жатқанын қиядан байқап, тілеуін тілеген Жылқыбайдың өз баласын құрбан етсе де, Тоқтамыстың тырнағына Едігені бергісі келмейді. Бұл жағдайдан қазақтың қанында бар риясыз отаншылдық қасиеттің Жылқыбай секілді кейіпкерлердің іс-әрекеттерімен жаңғырып жататындығын көреміз, халықтың рухын танимыз. Телшора құлдың Нәрік батырдың алаңсыз баласын қайрап, құлдың да арын оятатын намысшылдықты баланың бойынан көргісі келген жерінен байқалады.

Құл – деген ұғымның өзі қазақ тұрмысында көп мағыналы түсінік. Қазақ құлдығы, әсіресе, «Алпамыс» жырындағы Ұлтан тәрізді бейне арқылы жақсы аңғарылады, себебі Ұлтан жөніндегі құлдық басқаша, ол қазақтың өзі көп айтатын «Өзіңнен тумай ұл болмас, сатып алмай құл болмас» деген пікірден шығып, тұяғы, мұрагері жоқ атаның кісіден жиған отыз ұлы да ел болмайтындығына байланысты айтылған. Ал, қазақ тұрмысындағы отымен кіріп, күлімен шығып жүретін құлдар мен күндер образы аса жаңалық емес, бұл шаруа баққан елдердің бәрінде де болатын еңбекке негізделген құллықтың көрінісі.

Жырлардағы жанр аралық синкретизмнің айқын көрінісі – батырлық жырларда батырлардың жекпе-жекке шығар алдындағы сәттерінен байқалады. Қай жырды алсақ та, екі жақтың батырлары да тұтқиылдан бас салмайды, бетпе-бет жүздесудің кезінде батырлар бір-бірімен тәжікелесіп, сөз қағысу арқылы психологиялық дайындықтан өтеді. Мысалы, Парпария батырдың қалмақпен тілдесетін жері кешегі өткен Махамбетті еске түсіреді. Батырлар тәжікелескен жерде шешендік өнерінің де үшқыны сезіледі, айтыстың да жұрнақтары байқалады. Екі батырдың шама-шарқын өздерінен артық айтатын ешкім жоқ. Батырлар өз ауыздарынан шыққан сөздерімен өз мінез-құлықтарын да байқатып өтеді. Мұны Едігенің қалмақпен текетірескен жерінен де аңғарамыз.

Батырлар жырының ішінде айтыстың айқын көрінісі «Орақ-Мамай» жырындағы Қозанның Мамайды Берен Шайырмен айтыстырып, шама-шарықтарын байқаған тұсынан жақсы көрінеді. Тұрмыс-тіршіліктің алуан көріністерінен туған түрлі жағдайлардың негізінде жанрлық синкретизмнің көрінер тұсы – батырлардың жекпе-жегіндегі айтысушылықтың белгісі бар жерлерден ғана емес, біраз жағдайда айқын болмаса да той-думандардың отыз күн ойынымен, баланың дүниеге келгендегі түрлі ырым-ғадеттері, ғұрыптық, маусымдық, жаназа рәсімдері, жоқтау, қоштасу секілді тыныс-тіршіліктің барша саласынан көрініс беретіні байқалады. Әсіресе жоқтаулардың жырда көп айтыла бермейтіндігіне қарамастан, батырдың өзі өлгенімен, оның ісін жалғастыратын, оны жоқтайтын өзінен туған баласы арқылы көрінеді. Батырлардың ұрысқа түсерде де елін, ата-бабасын еске алып өтуі, қанша ашуға тіреліп тұрса да жауына кезек беріп, үлкенімен үлкендей, кішісімен кішілей сөз алыса білуі, жаулап алған елінің жас-кәрісіне, әйел-қыздарына сауға беріп жатуы – бәрі бір елдің тәрбиесі мен көрегенділігінен хабар береді. Батырлар елге оралғаннан кейін де «келесі жаугершілікке дейін тынығып» жатпайды, еліндегі бел алғалы тұрған кемшіліктерді түзеп, тентегіне тыйым беріп, жеткіншегіне баскөз болады. Өзі сияқты батыр болғалы тұрған жастарды сыннан өткізіп, түрлі адамгершілік істерге баулиды. Мысалы, Алпамыстың еліне оралған сәтіндегі атқарған қызметінен еліндегі тұрмыс-тіршіліктің мағыналы басшысы болғандығы көрінеді. Эпикалық жырлардағы қаһармандардың қоян-қолтық араласып жүретін табиғат ортасы арнайы бейнелене бермейді. Кейіпкерлердің жүріс-тұрысына, оқиғалардың сюжеттік өрбуіне қарай орын алып отырады. Ал, осы жырлардағы динамиканы сақтап отыратын адам мен оның іс-әрекеті төңірегіндегі бейнелеушілік көрініс – көптеген халық ауыз әдебиеті жанрларының ортақ қасиеті. Мәселен, «Қобыландыдағы» Тайбурылдың Қазаннан қайтар жолындағы ауылдың ауыр халін алдын-ала сезіп, ауыр сезімнен аяғын баса алмай ақсап қалуы, «Алпамыстағы» Байшұбардың жауға шапқандағысына ұқсамай, елге қарай қайтардағы құландай құлдырауының айрықша суреттелуі осының дәлелі. Адамның күйініш, сүйініш сезімінен туған табиғатқа шаққан мұңы мен елжіреген сезімі – лиро-эпостардағыдай болғанмен, ел қорғау, жаугершілікке қарсы туылған жырлардағы батырлардың ел-жұртпен, туған туыспен, ата-анамен қоштасуы түрінде ара-кідік кездесіп отырады. «Ер Тарғын» жырындағы Ақша хан, Ханзада хандардың Тарғын секілді батырларының күшімен жауының бетін қайтарып алғанымен, Қырымнан келген Тарғынды шеттетуін қоймай, бір алғанда бірнеше алдаған тұсында батырдың мертігіп жатып, Қарасайұлы Көбенді, Алшағырұлы Себенді іздеп тарыққан жеріндегі Тарғынның мұңы қатардағы жай адамдардың басындағы өкпе-назға ұқсамайды. Тарғынның іс-әрекеттеріне қарап, қазақ батырларының кейде басыбайлы бір мекеннің немесе белгілі бір рудың ғана намысын қорғауымен шектелмейтінін байқауға болады. Тарғын секілді батырдың оқиғасы көп зерттелген мәселе болса да, күні бүгінге дейін оны мектеп бағдарламасынан бастап үнемі Қырым елінен кісі өлтіріп, басқа елден сауға тілеуші ретінде және ол жүрген жерінің отымен кіріп, күлімен шығатын кірме ретінде сипат алады. Ал шындығында, Тарғынның кірме батыр болып жүрсе де, хандардың жауларының бетін қайтарудағы ерлік істері бүкіл ноғайлының намысын сақтау үшін жасалғаны белгілі.

Адамды, оның алуан сезімін, іс-әрекетін, жағымды-жағымсыз қасиеттерін бейнелеудің ең үздік үлгілері «Алпамыс» жырында жақсы сақталған. Ұлтанды соншалықты сыйықсыз, сүйкімсіз етіп көрсетудегі мақсаты жамандықты бейнелеуге қолданылған поэтикалық жағымсыз образ жасау әдістерінің бірі, эпикалық әсірелеудің жемісі екендігі аңғарылады. Ұнамсыздықтың бейнесі ақтарыла суреттелуінен жырдағы қарт-мұндарлардың басына қиын істі үйіп-төгетін, жан-дүниелерін тығырыққа тірейтін Ұлтанның іс-әрекеттері жырдағы басқа да сюжеттердің туып отыруына мотив болады, яғни Байбөрінің бәйбішесімен бірге құдайдан бала тілеп шығуын жеделдете түседі.

Жағымсыз образдарды іс-әрекеттерімен қосып бейнелеудің үздік үлгісін қырғыздың «Манас» жырындағы Месқара, дәу Жолай мен Қоңырбайдың образдарынан да тануға болады. Жолай мен Қоңырбайдың Ұлтанға қарағандағы ерекшелігі батырлықтары болғанмен, ездік пен сатқындыққа келгенде Ұлтанның кем түспейтіндіктері. Бұлардың батырлықтары мен тапқырлықтары Манас пен оның қырық шорасы: Әжібай, Әлмамбет, Қошай, Бақай, Шабак, Сырғақтар секілді ел бірлігін көздейтіндігінен емес, ту сыртынан оқ атып, өзге елді басып алуға дайын тұратын даңғойлықтарымен бейнеленеді. Алпамыс жауға кеткенде елін ала тандай бүлдірген Ұлтан секілді, бұлар да, соның ішінде Қоңырбай, Манасты елде Аққалпақ, Төле, Бозкесе жоқ кезде жаралайды.

Жағымсыздық бейнесінің сипатталуы біздің жұмысымыздың нысанасына тікелей қатысы бар. Себебі жырлардағы тұрмыс-тіршіліктің сан-саласы осылардың қолымен жасалған қиындықтарды женудің жолына бағытталады. Жағымсыз бейнелер арқылы жасалынған жамандықтар жырдағы жағымды ортаның іс-әрекетіне қозғау болады, кейіпкерлерін шындайды, бірте-бірте дамып келе жатқан образдарды толықтыра түседі, сонысымен жағымсыз бейнелердің де жырларда өзіндік орны мен мәні болады. Жырдағы батырлардың табиғатпен жанасатын жерлері де ара-тұра кездеседі, олардың, даладан құлан атып, судан балық тартып азықтайтын тұстары, бүкіл жүріс-тұрысы, атқа шабысы – бәрі табиғаттағыдай үнге, қимылға толы қозғалыспен кетіп бара жатқаны бейнеленеді.

Дешті Қыпшақты мекендеген қазақ сынды қауымның өз елі мен жерінің қадірін ешкімнен кем бағаламағанын, сол үшін аянбай айқаса білгендігін өзіміздің қазақ жеріндегі жер-сулардың, елді мекендердің кеңістігінде әр кездерден қалған іздерінен байқаймыз. Мұны осы даланың қастерлі тіршілігін күзеткен батырлардың жорығының мазмұнынан табамыз.

«Қобыланды» жырының бір вариантында Батыс Қазақстанның Аманбай деген жеріндегі Қобыланды мен оның құрдастарының қалмаққа салған ұрысынан кейін Аққозы, Қарақозының сүйектері қалған жерлер солардың есімімен аталады. Бір қызығы, қазіргі Қаратөбе ауданының теріскей бетіндегі бұл жерлер мен осы батыс өлкесінде жиі кездесетін: «Қалмаққырылған», «Қатпар» деп аталатын мекендер, Шыңғырлау маңайындағы, Нарын бойындағы қалмақ қырғынынан қалған белгілер, Ақтөбе облысының Қобда бойындағы көп жерлер Қобыландының есімінсіз аталмайды.

Көптеген ауыз әдебиеті жанрларында, соның ішінде, кейбір ғашықтық жырлардағы бейнеленетін құдалық, қалың мал берушілік салттары «Қыз Жібек» жырында жоқ. «Қыз Жібектегі» құдалық, қалың мал берушіліктің жоқтығы өзгеше іс болғанымен, жырда кейіпкерлердің ықтиярымен болатын әменгерлік салт көрініс береді. Ата дәстүрдің талай көз жас пен қан жүктеген әменгерлік салты бұл жырда адамгершіліктің биік сатысында көркемдік шешім тауып, сол жырдағы жастардың да құптаған ісіне айналады.

Сонымен, батырлық, ғашықтық жырлардағы – тұрмыс-тіршілік өмірдегідей сала-салаға бөлініп, арнайы суреттелмесе де, батырлардың ерлігін, іс-әрекеттерін жырлау үстінде тіршіліктегі алуан жай-күйлері, тартыс-шиеленістері олардың ерлік жолына қозғау салады. Халық тіршілігінің түрлі тынысы – жиындары, мерекетойлары, салт-дәстүрлері, қол өнерлері, сөз өнерлері, даналық ойлары, қуақы күлкілері, көңілсіз сезімдері, табиғат жайлары, тіршіліктің бүкіл сән-салтанатының бәрі бір жырдың ішінде қаз-қалпынша түгел көрсетіліп жатпағанмен, әр жырдың ерекшелігіне, жыр иесінің бір кездегі алға қойған мақсатына байланысты кезек-кезек көрініс тауып, тіршіліктің жанды суретін жасайды.

Әдебиеттер

1. Ауыз әдебиеті – тәрбие құралы // Жоғарғы мектеп оқытушыларының білім жетілдіруге арналған ғылыми-методикалық жұмыстарының жинағы. Орал, 1990.
2. Шешендік сөздердің эстетикасы // Батыс Қазақстан жас ғалым-оқытушыларының II ғылыми-практикалық конференциясы баяндамаларының жинағы. Ақтөбе, 1991.
3. Қазақ баласын қалай тәрбиелеген? // Қазақстан мектебі (ж.). Алматы, 1992 №3.

4. Қазақ фольклорындағы ғылыми идеал. // Батыс Қазақстан ауыл шаруашылық институты профессор-оқытушыларының XXVIII ғылыми-проактикалық конференциясы. Орал, 1994.
5. Қазақ фольклорындағы экологиялық мәдениет. // ҚР ҰҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы. Алматы, 1995. №3.
6. Уахатов Б. Қазақтың халық өлеңдері. Алматы, 1974.
7. Негимов С. Ақын-жыраулар поэзиясының бейнелілігі. Алматы: Ғылым, 1991.
8. Тілепов Ж. Елім деп еңіреген ерлер жыры. Алматы, 1995.
9. Тұрсынов Е.Д. Қазақ ауыз әдебиетін жасаушылардың байырғы өкілдері. Алматы, 1976.

БЕКЕТ АТАНЫҢ ЗАМАНДАСЫ БАЙСАЛ ХАҚЫНДА

Бекешов С.С.

Маңғыстау «Болашақ» институты, Ақтау

Бекет ата өмір-тарихының ашылмаған, белгісіз беттері әлі де көп. Оның тұтастары, сол дәуірде өмір сүрген ұлағатты ұлы ұстаздары, замандас құрдастары, жолын келешекке, болашаққа жеткізуші ізбасарлары әрқайсысы жеке зерттеуді керек етеді. Өкінішке орай, Бекет ата айналасы жете зерттелмей келеді.

Ел арасында Бекет ата Хиуадағы Пақыржан қажыдан оқыған деп айтылады. Оқығандығы туралы деректер Өзбек республикасынан шыққан «Таскирай суфихо» кітабында жазылған [**«Таскирай суфихо»**. Өзбек республикасы.Ташкент]. Пақыржан қажының ұрпағы Назарбай Реджепбайұлымен біз кездесіп, қажының, әкесінің, атасының зираттары мен шежіресі, құдығы, тасбиығын суретке түсіріп, облыстық «Маңғыстау» газетінің 2010 ж. тамыздағы 10, 12, 14 сандарында жарияладық. Ал ғалым Б. Әзірханов «Дінім менің – Ислам» атты кітабында деректер келтіреді. Бірақ бұл Пақыржан қажы туралы деректер әлі де мардымсыз. Хиуаның 1873 ж. Ресей отарлауына дейінгі тарихындағы ірі дін өкілдерінің, мешіт медреселерінің тарихы, архитектурасы, бір-бірімен байланыстыра зерттеуге негіз болатындай тақырыптар. Ал ол оқыған Шерғазы хан медресесі сол замандағы ең атақты медресе болғаны белгілі. Мешіт 1726 ж. салынған сақталған дерек бойынша 5000 құл салған деседі [1]. Бекет атаның Хиуаға дейінгі білім алған ұстазы, туған нағашысы Назар қожа деп батыл түрде пайымдаймыз. Олай деп пайымдауға мынадай ғылыми дәлелдеріміз бар:

1. Маңғыстау өлкесінде жаңылмай жадта сақталып жеткен аңыздың бәрінде Бекет атаның туған нағашысы Назар қожа деп айтылады. Оның үстіне, қожалардың шежіресінде де солай берілген. Сол әңгімелердің бірінде Бекет атаның ағасы Мендіғұлды Назар қожа оқытқан, соның тәрбиесінде болған делінеді. Мендіғұлмен тумалас Бекет атаның да сол кісіден оқып тәрбие алуы әбден мүмкін жағдай.

2. Қазіргі Жабайұшқан жеріндегі бұрын белгісіз болып келген бірақ халықтың жадынан өшпеген Назар қожа мешіті деп танып келген әңгімелер негізсіз емес деп есептейміз. Бұрын кейбір зерттеушілер Назар қожа Жем өзенінің жағасында болып, сол жерден кеткен дейді, оған дәлелді айғақтарымыз да бар, бірақ осы жоғарыдағы мешіттің болмыс-бітімі мазмұнының өзі Назар қожанікі деуге әбден сиятын сынайлы....

3. Назар қожа мен Бекет атаның мешіттерінің араларының өзі бір-біріне жақын, бағыттас Хиуаның Маңғыстауға келетін керуен жолының бойында болуының өзі көп нәрсені аңғартқандай.

4. Сондықтан да оның ұлы ұстаздары Назар қожа туған нағашысы ретінде де, ұстазы ретінде де салихалы зерттеуге негіз болатын адам. Ұстазы Пақыржан қажы да, Назар қожа да Бекет ата айналасындағы бірінші кезекте зерттелуге тиісті тұлғалар.

Бекет атаның құрдасы Байсал, Қабай, Өмір, Барақ, Шерғазы хан медресесінде бірге оқыған жолдастары: Бекдұрды ишан, Қырымқұл, Бекет атаның өкіл баласы деп айтылатын Нұрмұхаммед ишан (Сары ишан), інісі Мендіғұл, немересі Асар сұпы да қалыс қалуға тиіс емес.

Бұлардың барлығы да өнеге, үлгі алатындай абыроймен өткен алып тұлғалар.

Адайдың ру тақтасының ішінде Жеменейдің Бөкені әруағымен аты шыққан, қасиет қонған тұқым екені ел арасында осы күнге дейін айтылып келеді. Әсіресе, сүйегі сынған адамдарға «Бөкеннен айналада кім бар?», – деп, бірінші сол рудың атын атап, бебеулеп жатқан науқасқа Бөкен тұқымынан адам іздейді. Ата-бабасынан сынықшылық айнымай қонған сол рудың бір адамы әруақтарға сыйынып, сынықты ұстайтын болса, сынған адамның сынығы орнына түсіп, жаны жай табады екен деген әңгімелер де негізсіз болмауы керек. Сондай сәтті көзімен көрген, ұзақ жыл мектеп директоры, әртүрлі басшылық орындарда қызмет атқарған Қ. Қаражанов

ағадан да естігенбіз. Бөкеннен зайырлы, ақ жолынан айнымаған басқа да діндар адамдар көп шыққан. Оның ішінде атақты балуандары да бар.

Олардың сол қасиетін Ыбырайым ахун:

Алыптар шыққан Бөкеннен,
Көрген жоқ қорлық бөтеннен.
Қаралда мен Мыңкісі
Бәйге алған талай шет елден.
Бейсенбай мен Икембай

Алысқанын алып көтерген, – деп өлеңге қосқан. Ел арасында осы Бөкен руынан шыққан Байсал мен Мыңкісіге де қатысты әңгімелердің бір жосығы Бекет атаға соғады.

Бұл адамдар турасында бұрын қалам тартқан зерттеушілер мен авторлар:

Ә. Кекілбаев «Бекет ата», Қ. Сыдиықов «Ақберен», И. Мырзабекұлы «Бекет ата», Ә. Спан «Қабай және Мыңкісі», Ж. Дүйсенбаева «Ә. Кекілбаев прозасы» Р. Қосбармақов «Бекет ата», Т. Жаңбыршин «Мен айтайын бабаңнан», С. Қондыбай «Маңғыстаудың киелі орындары», «Маңғыстау энциклопедиясы», т.б.

Байсал, Мыңкісі ата кімдер? Бөкен Жеменей Байсал қай жылы туған адам, бейіті қай мекенде? – деген сұрақтың айналасында іздестірулер жүргіздік. Естігеніміздің көбі – ауызша жеткен әңгімелер. Байсал Бекет атаның құрдасы екен, – деген ел арасында кең тараған аңыз бен Бекет ата мен Байсалдың ара-қатынасын өлеңге қосқан Ыбырайым ахуннан қалған қысқа ғана өлең шумағы:

Байсалым-ау, Байсалым,
Байыппен сөйлер жайсаңым.
Сен дегенде бұлақпын,
Сен дегенде майсамын.
Тамұқта жатып өргенер,
Уәдеден тайса кім?
Байсалым-ау, Байсалым!
Қажуды білмес қайсарым!
Қуантады тәңірің,
Тәңірге құшақ жайса кім.

Байсалдың 50-жасына келгенше артына еретін тұяғы болмағанын уайымдамаған күндердің-күнінде Байсалдың әке-шешесі баласының артына ерген тұяқ жоқ екенін айтып, осы төңіректе Бекет деген кісі Оғыландыда мешіт салып жатқан көрінеді, сол кісіге барып өзінің тілегінді айт деп қолқа салады. Содан Байсал жолға бірнеше күнге жететін азық алып жолға шығады. Бірнеше күн жүрген соң, таудың етегінен мешіт қашап жатқан жерге жетіп, бұл жұмысқа кірісіп кетеді. Бірнеше күн тынбастан еңбек етеді, оны байқаған Бекет бұл кісінің артында ешкімі жоқ екен деп, жөн сұрасады. Сонда Байсал өзінің ішкі мұңын жеткізеді істеген ісіне көңілі толып: «Елге қайта бер, келін де толысып қалыпты, егер қыз бала болса, есімін өздерің қоярсыңдар, ұл болса, атын Мыңкісі қойыңдар», – депті. Ақ түйенің қарны жарылып ұл бала дүниенің есігін ашады. Ұл дүниеге келген соң, он екі ата Байұлы бас қосып, балаға азан шақырып баланың есімін бұрыннан Бекет қойған Мыңкісі есімі қойылады. Мыңкісі жастайынан зерек болып өседі.

Екінші аңыз-әңгімеде аулының түйесі жоғалып, соны табу үшін, Байсал Мыңкісіні жұмсайды. Содан Мыңкісі бірнеше түйені тауып келе жатқанда бейтаныс бір адам ауылға келеді. Ол ауылда Бүркіт деген 80-нен асқан көріпкел сынықшы атанған адам болыпты. Ауылда 7 күннен бері жас келіншек босана алмапты. Бүркіт өзінің бұған дауа түспейтінін айтып, осы ауылға 14–15 жастағы бір бала келе жатыр, сол баланың шапағаты тиер деп күтеді. Мыңкісі ауылға жеткен соң, Бүркіт ақсақал балаға үш рет босана алмай жатқан әйел түкірген соң, бала басы жерге тиген. Содан ауыл Мыңкісіге қонақасы беріп бір түйенің үстіне кілем жауып шығарып салады. Мыңкісінің әке-шешесі төбенің үстіне шығып баласын көріп отырады екен. Қараса, алыстан қарайған нәрсе төртеу болып көрінген. Әке-шешесі төртінші ірі қараның қайдан екенін білмей таңданады. Аман есен Мыңкісі ауылға жеткенде барып, уақиғаны басынан бастап айтып береді. Сол бойда Байсал Мыңкісіні ертіп, Бүркіт ақсақалға келіп, балаға бата беруін сұрайды. Сол кезде Бүркіт ақсақал Байсалдың балалы болғанын білмейді екен. Байсалмен Бүркіт құрдас адамдар болыпты. Сөйтіп Мыңкісі Бүркіттен бата алып халықты емдеп жазған екен. Өлкенің атақты журналисі, жазушы **Әзірбайжан Қонарбаев өзінің «Қасиет қонған ауылсын» атты өлеңінде:** Мыңкісіден бес бала тараған: Құлшар, Қызықбай, Жалқашты, Өтеу, Бітім.

Өтеуден: сегіз бала: Қазы, Талын, Бақай, Маман, Бадауы, Шілті, Қибаш, Меңдібай.

Қазіргі таңда: Қызықбай – 16 үй, Құлсар – 18 үй, Жалқашты – 12 үй, Бітім – 68 үй тараған.

Өтеуден Меңдібай, Күнбай, Қошақан алты бала Қуанбек, Ерлан, Олжас, Ғабит, Қажым, Илияс.

Тасқарадан екі бала: Құрымбек, Ақылбек.

Солардың бірі – Байсал, аты мәлім.

Жайыпты жан-жағына жапырағын.

Ол өзі ер Бекеттің құрдасы екен,

Аялап тұратұғын атырабын.

Көп қырлы алмастай боп жарып түсер,

Байсалдың көкірегі жарыпты шер.

«Бір балам болмады-ау», – деп Байсал бірде,

Бекеттің аулына барып түсер.

– Құдайым сонда – Бекет берер, – дейді.

Тілегің көп ұзамай келер, – дейді.

Қоярсың Мыңкісі деп есімін де,

Көңілің әлденеге елендейді.

Сол Байсал ұлды болды Мыңкісі атты,

Көз жасы қуаныштан тұңғыш ақты.

Халқына он саусағы дәрі болған,

Өзінен пәле-жала әрі болған.

Алланың нұры жауып Мыңкісіге,

Адайдың бетке ұстар сәні болған, – деп көркемдеген [2].

Ал Мыңкісінің кім екендігі осы әңгімелерде біраз айтылғанымен, оның зиратының қайда екендігін білгіміз келді, ұрпақтарымен жүздесудің реті келіп, толғандырған осы сұрақтың аясында көптеген көкейде жүрген Байсал, Мыңкісі туралы білмек болып, 23.10.10. күні Ақтау – Шетпе бағытымен ғылыми іс-сапарға шықтық. Маңғыстау ауданының орталығы Шетпе кентінде тұратын Мыңкісінің тікелей ұрпағы Тасқара Өтешевтің үйінде қонып, сұхбаттасудың реті келді, одан керекті мәліметтер алдық. Мыңкісі басына Бөкен ұрпақтары бас қосып, жаңа бірнеше бөлмелі түнеухана салғызған екен.

24.10.10 күні Шетпе – Қызан – Ақшымырау бағытымен Мыңкісі қорымына жеттік. Бейіт Бозашы түбегінде, Ақшымырау аулынан оңтүстікте 20 шақырым жердегі Алатөбеде деп береді белгілі географ С. Қондыбай [3]. Қорым мемлекеттің қорғауындағы ХҮІІІ–ХІХ ғғ. сәулет ескерткіші. Мыңкісінің өзі осы қорымда жерленген. Мыңкісінің басына жаңа төрт құлақты там тұрғызып, құлпытас орнатқан. Құлпытасты қойған – немересінің немересі Жайлыбайұлы Жүсіп деген жазуы бар. Тамның қас бетінің биіктігі – 2,13 м, артқы қабырғасының биіктігі – 1,90 м. Ұзындығы – 3,77 м, ені – 3,30 м. Тамның қабырғасының қалыңдығы – 44 см. Тамның ішінде екі кісінің мүрдесі жерленген. Бірі – Мыңкісі.

Мыңкісінің басына жаңғыртып, бертінде киіз үй тәріздес темірден қоршау жасалған. Алдыңғы қас бетінің жоғарғы жағына тастан соғылған құтдақтың символы орнатылған. Маңғыстау қойылымдықтары мен қорымдарында осы белгі үш-төрт жерде кездеседі. Оның негізгі айтар ойы-нұр суы, адамзат осы нұрдан жаралған деген түсінікте, ұрпақ зарын тартқан пенделерге ұрпақ сыйлайтын әулие деген мағынада орнатылған болуы керек. Ондай тастардың ішіндегі ең үлкені Шопан атада. Ол туралы атақты жазушы Ә. Спан ойлы мақала жазған. Бұл белгіні де Маңғыстау тас өнері жайында насихаттай түсу керек.

Сол қорымда оның Құлшар, Қызықбай атты балалары да әкесінің қасына жерленген. *Суретте: Құлшар басына қойылған құлпытас. Қызықбай басына қойылған құлпытас.* Мыңкісі Байсалұлы Бөкен немересі (шамамен 1805–1910 жж., Маңғыстау түбегі) – сынықшы, емші, шипагер ретінде халқына адал қызмет еткен әруақты ата. Ата қонысы – Үдек құдығы. Мыңкісі әкесі Байсалдың егде тартқан шағында зарығып көрген. Бекет ата аян берген перзенті Мыңкісі есімі Бекет атаның өсиетімен қойылған. Оның Құлсар, Қызықбай, Жалқашты, Бітім, Өтеу атты ұлдарының бәрі, немерелері де емшілік, көріпкелдік қасиеттерімен халық жадында сақталған. Бұлардың ұрпақтары қазір Маңғыстау облысында өмір сүреді. Ал Мыңкісі қайтыс болғанда, мүрдесі өз туған жері Үдек құдығы басындағы қорымға қойылған. Бұл күндері қорым «Мыңкісі қорымы» деп аталады.

Ал С. Қондыбай келтірген деректерде Мыңкісінің өмір сүрген жылдары былай берілген 1793–1838 жж. аралығы. Жылдар арасында айырмашылық бар. Мыңкісі бейітін және оның балаларының бейіттерін фотоға түсіріп алдық. Терекбай Икембайдың ұрпақтары Мыңкісі басына бір мал садақа беріп, түнеп жатқан екен, солардан көптеген деректер алдық [4].

Әдебиеттер

1. Дүйсенбаева Ж.. Назар қожа // Маңғыстау (газ.). 2010. 10, 12, 14 тамыз.
2. Қонарбаев Ә. Қасиет қонған ауылсың // Коммунистік жол (газ.). 1973. 2 март.
3. Қондыбай С. Маңғыстау мен Үстірттің киелі орындары. Алматы, 2000.
4. Икембай Т. Мыңкісі әулие // Жаңа өмір (газ.). 1997. 26 наурыз.

КАЗАХСКИЙ ТАНЕЦ: ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

Кульбекова А.К.

Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова, Уральск

Процесс современного культурного развития в Казахстане вызвал интерес широких слоев общества к своей истории, народно-художественному творчеству. Комплексный анализ культурных, экономических, политических проблем, характерных для современного общества, позволяет определить наиболее значимые направления в культурной жизни государства, выявляет оптимальные условия эффективного формирования эстетической и духовной культуры подрастающего поколения, а также определяет методы обучения в системе общего и высшего профессионального образования.

Сегодня особенно актуальны слова исследователя середины XIX в. Г.И. Фименова: «...не только можно, но и должно каждому из нас по доступным ему средствам стремиться к сохранению тех памятников народного творчества, которые еще не утрачены и остаются в народном обращении». В искусстве танца находит свое воплощение все прекрасное, возвышенное, трагическое, комическое в отношениях человека к миру. Это положение имеет преимущественное значение для понимания многогранной сущности исторического процесса становления и развития казахского народного танца. Именно в этом заключается социально значимая идея, смысл, к постижению которых побуждает наших современников духовная потребность, профессиональный долг, удовлетворяемые лишь в процессе познания историко-культурного наследия казахского народа.

Феномен становления танцевального творчества в целом, казахского в особенности, относится к тому периоду истории, когда все рождалось из образного представления и претворялось в образ. Образно понималось и чувство как внутренний мир человека, как отражение окружающей его жизненной среды. Это и давало мощный эмоциональный импульс танцевальному творчеству на ранних ступенях общественного развития.

Генезис казахского танца теснейшим образом связан с богатым устным творчеством (фольклором), музыкальными произведениями. Танец и музыка воспринимались как единое целое. Зрители старшего поколения помнят блистательную танцовщицу Шару, поющую и танцующую одновременно. Танцевальный фольклор зарождался наряду с традиционными бытовыми обрядами, особенно групповыми песнопениями, разными народными играми.

К сожалению, из-за неограниченности первоначальной координированной танцевальной системы, пластических движений и других социально-исторических причин не дошли до современности первоначальные образы древних плясок (танцев). Но в народной памяти ос»” движений.

Из сохранившегося репертуара, дошедшего до наших дней, ясно прослеживается народность танцевального искусства казахов. Танец отображал социальное положение, ритуальные обряды, игры, быт своего народа. Нет сомнения, что посвященные старинным обычаям «Айкосак» (лунная пара), сказочным легендам «Жезтырнак» (медные когти), шуточным выступлениям «Келиншек» (молодая невеста), трудовым процессам «Кииз-басу» (обработка войлока – кошмы), «Ормек би» (танец ткачихи), охотничьему искусству «Мерген» (меткий стрелок), «Садак би» (танец лучников), «Бала кыран» (молодой сокол), «Жусбеги-дауылпаз» (приручение ловчей птицы), «Буын би» (танец игры мускулов, суставов), массовым играм-соревнованиям «Утыс би» (танец-соревнование), «Алка-котан» (бок о бок), «Кокпар» (козлодрание), «Ыргакты» (ритмы), «Балбраун» (танец, изображающий скачки на коне), женской красоте «Кос-алка» (ожерелье), «Айда-былпым» (очаровательная), подражанию «Ортеке» (горный козлик), «Тепен-кок» (неукротимый скакун), «Кара жорга» (иноходец) и многие другие демонстрируют безграничную фантазию, высокую мечту и духовную культуру народа.

По результатам исследования предшественников можно заключить, что у казахского народа в каждом роду

были свои исполнители – кулар (шутник), маскарпазы (шуты). Легенда гласит, что когда-то у подножия горы «Арганаты» странствующие трюкачи-кулар провозглашали лучшего плясуна властителем своим (народный эпос).

Исследователь казахской национальной хореографии, автор многочисленных книг, посвященных искусству Казахстана, Л.П. Сарынова писала: «Старинные народные пляски, следы которых удалось обнаружить, являлись «не зачатками примитивного танца и не элементами танцевальности, а самобытным танцевальным искусством, выразительные средства которого определялись уровнем культуры патриархально-феодалного общества». [1, с. 26]

Возрождение казахского народного танца в Казахстане – явление уникальное, сложное, включающее не только позитивные, но и негативные процессы развития и состояния культуры общества, обусловленные:

- нарушением естественного, нормального, свободного развития национальной культуры как в регионе, так и в целом по республике;
- образом жизни и быта в прошлом и общим уровнем развития общества на современном этапе;
- искажением преемственности национальных традиций;
- неоднозначностью восприятия древней национальной культуры.

Вместе с тем, богатое культурное наследие, орнаментальное искусство, художественные ценности, неповторимый колорит казахской национальной пластики, изделий народных промыслов, народного костюма будут привлекать еще не одно поколение исследователей искусства.

Жизнь и время вносит свои поправки и в эту отрасль человеческой деятельности. Казахские обряды, обычаи старого быта, и вместе с ними отдельные виды ремесла, некоторые элементы традиционного искусства уже отошли в прошлое. В такой обстановке изучения, познания традиционного народного искусства в совокупности с археологическими, этнографическими и письменными источниками, а также восстановления их приобретают особую научно-практическую значимость. Задачами современного поколения исследователей, педагогов, специалистов являются сохранение традиций, наследия и накопленного опыта для подрастающего и формирующегося нового поколения, для которых сегодня и духовная культура, и национальное достояние приобрели несколько иные формы.

Танцевальное искусство казахов сложилось как органическая часть хозяйственно-культурной деятельности народа. По своим фундаментальным характеристикам (функциональная, структурная, эстетическая и т.д.) оно представляет собой художественно-определенную форму многовекового опыта освоения должной эко- и социальной среды кочевым этносом. Вместе с тем традиционное танцевальное искусство – это та сфера, в которой отражаются практически все стороны жизнедеятельности общества, образ жизни людей, их социальная и половозрастная стратификация, глубинные особенности этнической культуры, мировоззрения и т.д. В этом смысле казахский народный танец – это своего рода художественно-образная летопись не только культурной традиции, но и этногенетической и этнической истории народа.

В современных условиях сохранения культурного наследия, когда активизируется историческое сознание народа, возникла необходимость в возрождении традиционного искусства как единого целого. Этим и объясняется появление в Западном Казахстане многочисленных профильных музеев, историко-культурных центров, фольклорно-этнографических ансамблей, призванных способствовать приобщению населения, особенно, молодого поколения к традиционной этнической культуре народа. Накопленный в этой сфере общественной деятельности опыт показывает, что восстановление, реконструктивная работа должны базироваться на научно обоснованном подходе, учитывающем особенности функционирования традиционного искусства казахов как в прошлом, так и в условиях современной жизни.

Казахский народный танец – эффективное средство музыкально-пластического и художественно-эстетического воспитания, а также он является синкретическим видом искусства и неразрывно связан с языком, устным народным творчеством, религией, декоративно-прикладным искусством, костюмом, обычаями, традициями, обрядами, которые оказали определенное влияние на развитие и формирование лексики, художественно-образного содержания, определили тематику, сюжет, архитектуру, этнохореографии.

В учебных заведениях Республики Казахстан курс «Казахский танец» является одним из основных, самостоятельных, профилирующих предметов специального цикла в хореографическом образовании. Казахскому танцу свойственны глубина содержания, обилие художественных образов, разнообразие танцевального языка и его усложнение. Располагая накопленным опытом известных специалистов казахского народного танца, таких как А.А. Александров, Ю.П. Ковалев, Ш.Б. Жиенкулова, Д.Т. Абилов, З.М. Райбаев, Б.Г. Аюханов, О.В. Всеволодская-Голушкевич, Г.Н. Бейсенова, Т.О. Изим, А.А. Тати, учебные заведения

(вузы культуры и искусств, колледжи искусств), самодеятельные коллективы, хореографические ансамбли недостаточно его обобщили.

Современное поколение педагогов казахского народного танца оснащено разнообразными теоретическими знаниями. Большая часть педагогов по казахскому танцу имеют только практический опыт. Однако, начинающий педагог часто сталкивается с трудностями в преподавании. Проблемы обучения, дискуссии специалистов зачастую возникают из-за отсутствия целостной методики преподавания казахского народного танца. Содержание курса «Казахский танец», методика преподавания и обучения является основной проблемой в области этнохореографии в целом по республике.

Несмотря на наличие учебников, научных трудов, методического материала Ш.Б. Жиенкуловой, Д.Т. Абилова, О.В. Всеволодской-Голушкевич, А.К. Кульбековой, Т.О. Изим и других имеется дефицит общих и частных методик, универсальных методических приемов, обеспечивающих связь времен и отражающих современный взгляд. Каждая отдельная методика имеет свой стиль, терминологию, методические приемы, принципы и т.д. Сегодня вузам культуры и искусств республики необходимы концептуальные, теоретически обоснованные методики преподавания казахского народного танца, включающие все богатство духовной культуры казахского народа, ее специфику, национальный колорит, основанные на глубоком анализе методик и опыта ведущих специалистов этой области хореографического искусства.

В настоящее время в Западном Казахстане четко обозначилось противоречие между острой потребностью в специалистах в области казахского танца и слабой ориентацией подготовки кадров, направленной на возрождение подлинных национальных культурных традиций Казахстана.

Открытие Института культуры и искусств в г. Уральске (1991 г.) в некоторой степени позволяет решить существующие проблемы в подготовке специалистов-хореографов по казахскому танцу, призванных в дальнейшем пропагандировать национальное искусство, внедрять на местах методику обучения и исполнения. Однако, сегодня все еще существуют проблемы в функционировании казахского танца в других регионах Западного Казахстана. В его крупнейших культурных центрах, в которых функционируют целая сеть хореографических ансамблей, культурно-досуговых учреждений, учебные заведения среднего уровня, работают профессиональные артисты, специалисты-хореографы. Однако, при имеющемся профессиональном арсенале на местах отсутствует научно-методический подход в обучении. Немаловажным моментом в сохранении традиций танцевального искусства и совершенствовании методики обучения является организация семинаров, мастер-классов, проведение профессиональных конкурсов и фестивалей казахского танцевального искусства. Сегодня еще существует несерьезный подход некоторых постановщиков и руководителей танцевальных коллективов к постановкам казахских танцев. Серьезные недоработки имеются при подборе музыкального материала. Несоответствие содержания хореографического произведения и музыки, лексики движений зачастую искажают уникальность национального колорита и возможность эстетического воздействия на зрителя средствами национальной танцевальной пластики. Рассмотреть все характерные недостатки по функционированию казахского танца на современном этапе не позволяют требования настоящей конференции, ибо она направлена на более масштабные проблемы общества. Поэтому мы рассматриваем лишь некоторые из них.

Вместе с тем, сегодня методический подход к преподаванию казахского танца обозначен нами как основной элемент сохранения танцевального наследия и изучения казахской танцевальной культуры.

Подводя итог изложенному выше, следует отметить, что для совершенствования западной школы казахского танца сегодня важными задачами для специалистов-хореографов являются:

- организация семинаров и мастер-классов по казахскому танцу на местах (*необходимость получения информации от ведущих специалистов этой области*), участие в семинарах, мастер-классах в ведущих вузах РК;
- глубокое изучение традиций казахского танцевального искусства (*изучение научной и методической литературы*), освоение национального сценического колорита (*изучение видеоматериалов концертов ведущих ансамблей, отдельных исполнителей*);
- знание музыкального наследия и произведений современных композиторов, творчество которых основано на национальной тематике;
- организация профессиональных фестивалей и конкурсов по казахскому танцу, участие в мероприятиях по пропаганде и активизации развития и совершенствования форм функционирования казахской хореографии;
- проведение научно-практических семинаров по вопросам совершенствования методик преподавания, авторских программ;
- обмен творческим опытом, проведение класс-концертов по казахскому танцу, освоение методик преподавания опытных педагогов и специалистов;

– создание республиканского Союза хореографов РК, в состав которого бы вошли специалисты-хореографы не только столичных театров и представители классического жанра хореографического искусства республики. *(Сегодня необходим союз единомышленников-профессионалов, представителей разных жанров хореографического искусства, в том числе исполнителей, балетмейстеров, педагогов-хореографов, методистов и всех тех, кто действительно занимается вопросами развития хореографического искусства в рес-публике, обучения, преподавания, научных исследований)*. Сейчас перед профессионалами-хореографами как никогда актуально стоит вопрос развития и совершенствования казахского танца, укрепления его имиджа как национального танца среди различных танцев всех народностей, проживающих в республике.

На базе Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова по инициативе преподавателей и специалистов кафедры хореографии в 2001 г. был проведен II Республиканский конкурс казахского танца им. Шары Жиенкуловой – первой профессиональной исполнительницы казахских танцев. К глубокому сожалению, между I-ым и II-ым конкурсом прошло девять лет (I конкурс им. Шары прошел в 1992 г. – спустя год после смерти выдающейся исполнительницы, по инициативе ее ученицы, ныне ведущего педагога по казахскому танцу Алматинского хореографического училища). Девять лет о конкурсе не вспоминали. На это были, с одной стороны, объективные причины, связанные, прежде всего, с экономическими трудностями страны в те годы. Однако, с другой стороны, и в лучшие времена о конкурсе молчали и специалисты, и общественность. О нем вспомнили хореографы в Западном Казахстане и в 2001 г. руководство области, университета и специалисты-хореографы приложили немало усилий для того, чтобы на практике показать пример возрождения казахского танцевального искусства. Конкурс собрал 35 коллективов со всего Казахстана, среди которых профессиональные ансамбли республики, студенческие коллективы, профессиональные артисты и самодеятельные исполнители. Жюри конкурса возглавил выдающийся балетмейстер, народный артист РК, лауреат государственной и независимой премии «Платиновый Тарлан», профессор Б.Г. Аюханов. В составе жюри работали такие известные исполнители, педагоги, специалисты-хореографы, как засл. арт. РК Т.О. Изим, А.А. Тати (г. Алматы), руководитель театра «Наз», ведущий хореограф Е.М. Агимбаев (г. Астана), ученица легендарной Шары – Г.Н. Бейсенова (г. Алматы), к.п.н., педагог-хореограф А.К. Кульбекова (г. Уральск).

Б. Аюханов в своем отчете писал: «Первый конкурс имени Шары прошел в 1992 году и настоящий после 9-летнего перерыва доказал, что на местах казахский танец набрал силу, овеванную красотой пластики, гаммой костюмов, музыкального разнообразия и конечно, исполнительского мастерства. Приоритетными критериями стали народный дух, искренность исполнения всех участников конкурса. ... Поразили отменный выбор методического и хореографического материала, красочность танцев. Конкурс стал праздником непосредственной молодости. ... участников было более 360 человек. Можно смело говорить об авторитетности конкурса».

В апреле 2006 г. вновь на базе ЗКГУ им. М. Утемисова был проведен III Республиканский конкурс казахского танца им. Ш. Жиенкуловой. Конкурсы казахского танца выявили целую плеяду талантливых исполнителей, перспективных ансамблей, балетмейстеров.

Ввиду существующих проблем по сохранению национальной культуры и традиционного искусства казахского народа организаторы совместили проведение республиканского конкурса казахского танца с международной научно-практической конференцией «Современные проблемы сохранения национальной культуры», в которой приняли участие видные ученые РК и РФ, среди которых доктора наук, профессора Б.К. Кундакбаев (г. Алматы), Р.Р. Джердемалиева (г. Алматы), Э.Б. Абдуллин (г. Москва), А.Д. Жарков (г. Москва), У.Р. Джумакова (г. Астана), К.К. Муратаев (г. Алматы) и др. В ходе конференции были рассмотрены актуальные вопросы сохранения национальной культуры и перспективы развития казахского профессионального искусства как в целом в республике, так и в западном регионе Казахстана в частности.

Литература

1. Всеволодская-Голушкевич О.В. Баксы ойыны. Алматы, 1996.
2. Сарынова Л.П. Балетное искусство Казахстана. Алма-Ата, 1976.

БАТЫС ӨЛКЕСІ ӘНШІЛІК МЕКТЕПТЕРІНІҢ ҚАЛЫПТАСУ БАРЫСЫНДАҒЫ ЖЕРГІЛІКТІ ӨНЕР АРНАЛАРЫНЫҢ РӨЛІ

Тұрмағамбетова Б.

БҒМ ҒК М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Алматы

Сан ғасыр бойы халықпен бірге жасап, ауызша жалғасқан ұлттық ән өнерінің табиғаты мен орындаушылық ерекшеліктерін, аймақтық айрықша құбылыстарын толық тану үшін айқын өзгешеліктерімен қалыптасқан әр әншілік мектепті терең игеріп, жан-жақты зерттеу өзекті мәселелердің бірі болып отыр.

Қазақ музыка өнерінде Арқа өңірі, Жетісу жері (Әсеттің жолын жалғастырған Дәнеш Рақышев мектебі мен Кенен Әзірбаев мектептері; Қабан жырау мен Сүйінбай Аронұлының жолын жалғастырған Жамбылдың жыршылық мектебі), іштей ірі төрт мектепке бөлінген жыршылық дәстүрінің ықпалы айқын сезілетін Сыр бойының ән өнері және Батыс аймағының әншілік дәстүрлері белгілі. Зерттеуші А. Сейдімбек бұл орындаушылық дәстүрді: «Бірінші, Қазақстанның орталық және солтүстік өңіріне тән әншілік мектебі. Екінші, Қазақстанның оңтүстік және Жетісу өңірін қамтитын әншілік мектебі. Үшінші, Қазақстанның батыс өңірін қамтитын әншілік мектебі. Төртінші, Сыр бойының әншілік-термешілік мектебі. Бесінші, Қазақстанның шығыс өңірін, Баян Өлке мен Шығыс Түркістанды қамтитын әншілік мектеп» [1, 169-б.], – деп беске бөледі. Бір-біріне ұқсамайтын өзіндік сипаттарымен қалыптасқан бұл дәстүрлер атадан балаға ауызекі жалғасып өркен жайды.

Ел аузында ұлттық музыка өнерімізге қатысты «Батысқа барып күй тартпа, Арқаға барып ән салма, Сырға барып жыр айтпа» деген накыл сөз бар. Бұдан осы өңірлерде аталған жанрлардың басқа өнер түрлеріне қарағанда салыстырмалы басым дамығандығы аңғарылады. Тәжірибе жүзінде осы шартты шектеу сөздің төңірегін әріге шықпай қалғандаймыз. Соңғы жылдарға дейін өнертану саласында Арқаның әні, Батыстың күйі, Сырдың жыр саздары зерттеу нысанына айналып келді. Оның ішінде Қазақстанның батысындағы жыршылар, әсіресе әншілер мұрасы зерттеушілердің назарына ілінбей, күй өнерінің көлеңкесінде қалып отырды. Оған бүгінге дейін Батыс аймағының ән мәдениеті сөз етілген тұста маңғыстаулық қайқыларды және басқаларды ауызға алмай, Мұхит Мералыұлы есімімен шектелуіміз дәлел бола алады.

Халық ішінен соңғы онжылдықта жиналған фольклорлық үлгілер, нотаға түскен нұсқалар, тарихи деректер мен фольклортанушылардың жеке мұрағаттарында жұмыс жасау барысында табылған мәліметтер, батыс аймағында XIX–XX ғғ. өмір сүрген халық таланттарының шығармашылығын жинап, зерттеп, талдауға, ғылыми айналымға түсіруге мүмкіндік туғызды. Өз кезінде мән берілмей, зерттеу нысанына айналмаған халық композиторларының өмірі мен шығармашылықтары толыққанды ғылыми тұжырым жасауға жеткіліксіз. Десек те бұл мұра музыкалық-әлеуметтік жағынан жан-жақты игеріп, қарастыруды қажетсінеді.

XIX ғ. шарықтау шыңына жеткен ауызша кәсіби дәстүрге көне халық шығармашылығы негіз болды. Ұлттық әншілік өнерімізді өміріне серік еткен тұлғалардың музыкалық мұраларында әуен де, поэзия да, аспапта орындаушылық та, әншілік те, сахналық-драмалық өнердің элементтері де тоғысты. Өнерпаздар ел аузында *сал, сері, қайқы, әнші* атанып, орындаған әндері бүкіл қазақ даласына тарап, ұрпақтан-ұрпаққа ауызша жалғасып отырды. Сал-серілерге өнер уақыт өткізу, әуестенушілік емес, өмірінің, тіршілік-тынысының арқауы болған. Олардың шығармаларының эстетикалық қана емес, сонымен бірге қоғамдық-мәдени және әлеуметтік мән-маңызы да зор болды. Сал-серілер өз әндерінің әуезділігі мен поэтикалық тұтастығына, мазмұндылығына, көркемдік сапасына зор мән беріп, шығарманы орындау шеберлігіне, сол арқылы тыңдаушысын баурап алу жайына аса көңіл аударған. Сол себепті кәсіби әншілер туындылары қалыптаса келе **концерттік жанр** сипатын алды.

Сал-серілер статусы көркемдігі жоғары, тыңдаушысына эстетикалық ләззат беретін әндердің шығуы мен орындалуын талап етті. Сондықтан да олар өз шеберліктерін орындаушылықпен қатар музыкалық туындыларының композициялық құрылымы мен музыкалық көркемдік тәсілдерін де шыңдап отырды. Олардың кәсіби шығармашылықтары жекешеленіп, уақыт өткен сайын саналы түрде авторлық қолтаңбалары қалыптаса бастады. Осы мәселе отандық музыкатануда мамандардың Сарыарқа лирикалық ән өнерін ғылыми зерттеу еңбектерінде қарастырылды.

Музыкатанушы Д. Амирова қазақтың халық өнерпаздар творчествосы ерекше әлеуметтік-көркемдік институт жүйесінде қалыптасатынын жазады. Музыкалық-поэтикалық мәдениеттегі, яғни, ауызша кәсіби дәстүрдің қалыптасу барысындағы ықпал етуші қызметі үш түрлі әлеуметтік-көркемдік институтты атайды.

Ол – жыраулық, жыршылық институт, суырып салма ақындар институты және лирикалық, яғни әншілер, сал, серілер институты деп жүйелейді [2, с. 7]. Зерттеуші көрсеткендей, жалпыэтникалық мелоста жетекші орын алатын Арқа дәстүрінен зерттеу нысаны Батыс аймағының бірнеше ерекшеліктері бар.

Арқаның сал-серілерінің бастау алар қайнары ақындық институт негізінде болса, зерттеушілер бұл өлкедегі әншілік өнер тереңнен тамыр тартқан жыраулар мектебінің негізінде қалыптасып дамығандығына назар аудартады. Сонымен қатар ғасырлар қойнауынан бастау алатын күйшілік өнер әсері де өзіндік стилистикасымен ерекшеленуіне айқын ықпал етті. Бұл тұжырымды әр кезеңде қалыптасқан орта ықпалына назар аударып аймақтың ән өнері туралы пікір айтқан ғалымдар мелосының сипатына, ырғағына, ән құрылымын талдау арқылы жасаған. Батыс өңірі туындыларының музыкалық мінезі терме құрылымына жақын болып келетін сипатына А. Затаевич, Б. Ерзакович, М. Ахметова сынды мамандар назар аударған. М. Ахметова: *«В песнях Западного Казахстана ... преобладает мягкая, задушевная лирика. Им присущи черты повествовательности и эпической широты. ...Хотя эпический характер с широкой распевностью свойственен всем казахским песням, особо выделяется он в песнях Западного Казахстана»* [3, с. 8–9], – дейді.

Өлкенің жыршылық өнері музыкатанушылардан бұрын ауыз әдебиетін зерттеген филолог ғалымдар назарына іліккен. Осы заманға дейін батыс өлкесі алдымен күйшілік өнерімен танымал болды – күй атасы Құрманғазы, Дәулеткерей мен Дина, Абыл, Боғда, Мәмен, Ерғали, Еспай мен Есір сынды күй өнерінің ірі тұлғалары дүниеге келіп өмір сүрген жер. Күйшілік дәстүр өңірде бүгінге дейін сабақтастығын тауып, үзілмей атадан балаға жалғасып келеді. Онымен қатар дамыған өнер арнасының бірі – ғасырлар қойнауынан келе жатқан жыр дәстүрі. Мұнда көптеген батырлар жырының, әсіресе «Қырымның қырық батыры» сияқты халқымыздың қымбат поэзиялық мұрасы кемелденіп, ауыз әдебиетінің ірі өкілдері өмір сүрді.

Қазақстанның батыс өңірінде дәстүрлі әдеби орта болғандығын, ол орта ақындарының **ең басты сипаты ерлік, батырлық жырларды жырлап тарату** екенін Қ. Жұмалиев, Ә. Марғұлан, Е. Ысмайылов сияқты ғалымдардың қай-қайсысы да айқын байқап, құнарлы пікір айтқан. Зерттеуші Қ. Сыдиқов Атырау мен Маңғыстау өлкелерінің жыраулар поэзиясын, ақындық, жырау, жыршылық дәстүрді ұзақ уақыт зерттей келе өңірдің ақындық, жыраулық мектебін жеті топқа топтастырады: *«Қазақстанның батыс өңіріндегі ақындық, жыраулық орта сырттай қарағанда шағын бір жырау, жыршылар тобы сияқты көріну мүмкін. Әлбетте, олай емес. Бұл орта бейне бір теңіздей елестейді. Оған құятын бастау бұлақтар мүлде көп болған»*. Сол бастаулардың біріне – Маңғыстау, Қарақалпақ, Хорезм аймағындағы Абыл бастағын Нұрым, Қашаған, Қалнияз, Қарасай, Қалым, Мәулімберді, Өгізбай, Бегім сияқты ақын жырауларды топтаса, екіншісіне Әлім Үкі жыраудан басталып, Бекберген-Жаскілең-Бақы-Терлікбай-Бітеген-Ділмағанбет-Мақұет арқылы Нұрпейіске ұласқан ақындар ортасы, үшіншісі Марабай бастаған Жетірудың жеті ақыны. ...Қазақбай, Көшелек, Бала Оразбен айтысатын атақты ақын Жібек қыз, Сабыр жырау, Ізім шайыр, төртіншісі Орал өңіріндегі Жиёмбет жыраудан тараған ақындар ортасы. Сүгір Мырзалыұлы, Кубала, Табия, Нұрыммен айтысатын төрт ақын... бесіншісі Алаша Байтоқ, Қайырлы жырау айналасындағы Қожантай, Жұмырбай, Қарабура Досжан, Сартай ақын, алтыншысы Исатай, Махамбет көтерілісі оқиғасы мен Махамбет өлеңдерін жатқа білетін Қуан жырау, оның шәкірттері Мұрат, Кішкене Қобыланды, олардың мұрагерлері Ығылман, жетінші топқа Есенбақ дәстүріндегі Құлманбет, Қоспақ, Бала Ораз, Қашқынбай ақындар ортасын жатқызады [4, 150- б.].

Ауыз әдебиеті мен ақындар мұрасын жадында сақтап, халыққа таратып келген жыраулар мен жыршылар еңбегі ерекше зор. Әдеби мұраны ұрпақтан-ұрпаққа ұластырып келген атышулы жыраулар Маңғыстау, Хорезм аймағында аз болмаған. Олардың ішінде Қарасай, Өгізбай, Айтуған, Мұрын, Мұса, Мәулімберді, Сүгір жыраулар айрықша аталды. Бұларды халық ерекше бағалаған, айтулы үздік жыршылар, өздеріне ақпа-төкпе ақындық болмағанмен «Қырымның қырық батыры» құрайтын желілі жырларды, жеке батырларды, ақындар мұрасын кейінгі буынға жеткізуде баға жетпес еңбек еткен елеулі өнер иелері. Халық олардың жырлау қабілетін, өнерпаздың өрісін білетін мұраларының молдығын бағалап «жырау» деген аса құрметті атақты берген. Бірқатары өздері де жыр толғаулар да шығарған. Бірақ ел олардың жыршылық еңбегін ерекше қадір тұтады [5].

Өлкедегі әншілік дәстүрді зерттеу ісі, көріп отырғанымыздай, алдымен жыршылық, сонан соң күйшілік мектептердің бағыттарын жан-жақты да терең игеру арқылы жүзеге аспақ. Алдымен, аймақтағы Мұхит және қайқылар әншілік мектебінің жыраулық дәстүр дамыған ортада қалыптасқандығын ескергеніміз жөн. Бұл орайда академик А.Жұбанов: *«Қазақтың халықтық музыка мәдениетінде, оның ішінде әннің дамуында жыршылар да үлкен рөл ойнады»* [6, 419-б.], – деген. Сондай-ақ осы еңбекте Ақтөбе жеріндегі әнші Әли Құрманов өскен ортаны сипаттағанда *«...Ол маңайда әйгілі Әкімгерей, Қабақ Пұсырман, Алтынбай Жаппарберлі, Жақайым Жаңаберген жыршылар, Әбдіразақ, Жаңғылыш Төреқан әншілер болды»* [6, 379-б.], –

дейді. Осы кітапта аталған жыршылар есімдері әншілік өнерде де төбелерін көрсетіп отырады. Мысалы, Әкімгерей туралы жазушы-публицист И. Жақанов: «Сол секілді Орынбор жәрмеңкесінің туын көтерген Ақтөбедегі тамалардың екі ерен әнісі – Молдабай мен Әкімгерейді Жайықтың Бұқар жағы мен Ресей сыртындағы қазақтар: «Орынбордың қос босағасы» деп атаған» [7, 146-б.], – деген дерек келтіреді, яғни бұл деректер Әкімгерейдің жыршылығымен қатар әншілігімен де танымал болғандығын мәлімдейді. Ә. Құрманов жеткізген «Молдабайдың әні» Молдабайдың өз аузынан үйренген. Шығарма 7–8 буындық шығарма жыр үлгісінде, жеңіл жүреді. Бастапқы *A-eu!* кіріспесімен қатты, жоғары регистрде басталып, кейін III–IV–V басқыштарда басталып отыратын әуендік тармақтармен жүреді.

Дәстүрлі мәдениет өкілдері туралы жеткен мәліметтер өз дәуірінде жыр мен әннің бір тұлғаның шығармашылығында тоғысқандығынан хабар береді. Олардың бірқатарына назар аударып көрейік. А. Жұбанов зерттемелерінде «Әкімгерейдің тұсында Адай – Қарасай жыршы болғандығынан дерек бар. Ол Самда 1866 ж. туып, 1930 ж. қайтыс болған. Арқалы жыршы көне Үргеніш, Бұхар, Түрікпенді тегіс аралап, түрікпеннің ханы Жонайттың алдында жырлап, сыйлық алған. «Одан көптеген әуен, жыр, ән қалды. Қарасайдың саздарының бізде үлгілері нотаға түсірулі», сонымен қатар, сол кезде болған Елек-Жайықтың бойын аралап, жыр жырлаған атақты Шүрен Ізтілеу жыршы туралы (1877–1932) мәлімет береді: «Ізтілеуді көрген адамдар оның **сазы бөлек еді, жырдан әнге жақын еді**» [6, 424-б.]. «Аталған жыршылардан сәл бергірек кезде Бабатай Кете Битеген жыршы, Қабақ Байсалбай, Жақайым Тоғыс, Қарабас Пұсырман жыршылар болды. ...**Жыршылардың көпшілігі әнші болып келеді. Олардан үйренген бір бөлек әсем әндерді біз кейін нотаға түсірдік. Әсіресе, олар қисаның не басқа бір ұзақ өлеңнің лирикалы, он бір буынды өлең өлшеумен келетін әсерлерінде әндепін, созып, шырқап кетеді. Олардың кіріспелерінің өздері анау-мынау әнге татиды**» [6, 424-б.], – дейді А. Жұбанов (белгілеген біз – Б.Т.).

Ал, маңғыстаулық «жеті қайқының» бірі Өскінбайдың бүгінге бірнеше толғау, жырлары мен 20-дан астам күйлері жетті. Халық арасында оны жырау, әнші, күйші деп атайды. Күйшілік дәстүрде артына мол мұра қалдыра отырып, оның әншілік өнерде «қайқы» атанғандығы белгілі. Сол сияқты ауыз әдебиетінде мол мұрасымен белгілі айтыскер ақын Бала Ораз Өтебайұлының әншілігі туралы мәліметтер өзіне назар аудартады. Мысалы, Бала Ораздың «Гурьеві», Қожантай Қойбастың «Маңғыстаумен қоштасу жыр-әні», «Қыбыр-жыбыр», әндері, Сарышолоқтың танымал «Тілеу-Қабак» әні, Аухаттың әні, Қисаның «Сағындым Жайық», «Қисаның әні», «Ауылым Қызылқоға кемерінде» және т.б. ақындардың, жыршылардың әндерінің халық арасында кең тарауы, олардың туындыларын зерттеген уақытта алдымен ақын-жыршы ретінде танымалдық алғандығын ескеруді қажет етеді.

Өнертанушы З. Қоспақов дарынды жыршы М. Жүсіпов творчествосы туралы: «*Мәселен, бойында әншілік, жыршылық, ақындық өнер бірдей тоғысқан... Сонымен бірге ол жақсы домбырашы, композитор, жиырмаға жуық ән, күйдің авторы*» [8, 35-б.], – дейді. Осы үрдіс бүгінгі орындаушылар шығармашылығында да жалғастығын тауып отыр. Жыраулық өнер ордасы болған Сыр бойында өмір сүрген Жиёмбет жыраудың «Бозбала» әні, Жиёмбетұлы Рүстембектің «Моншан» әні, Салкымбайдың Тұрымбетінің «Күміс-ай» әні, Әлім Алпысбай молданың «Сәулем-ай» әні, Дәрікұл жыраудың «Ел-Отан» әні, Ешанияз салдың «Дұрдараз», «Айтжан-ай» әндері, Ешанияздың немересі Мұзарап Жүсіповтың «Қызыл қият», «Балымша», «Жастармыз» әндері бар. Сыр бойы жыршыларының әндері бүгінгі олардың ізбасарларының репертуарында берік орын алып, дәстүр сабақтастығын үзбей келеді.

Батыс өлкесіндегі ірі әрі негізгі әншілік дәстүр – Мұхит мектебінің қалыптасуы XIX ғ. шырқау шыңына көтерілген күйшілік мектептер тұсына, тарихтан белгілі айтыс ақындары, жыршылар мен даңқты күйшілер өмір кешкен уақытқа қатар келді. Оның әндері арқылы бүкіл батыс аймағының музыка мәдениетін көз алдыңызға әкелуге болады. Екі түрлі өнер ортасынан сусындап өскен Мұхит әндеріне бұл арналарының ықпалы айқын сезіледі. Композитор шығармаларының құрылымынан, даму желісі мен әуендік-интонациялық бағытынан, ладтық түзілімінен оның өзінің қалыптасқан, қанып өскен, ана сүтімен дарыған жыр әлемі ықпалынсыз қарастыру қисынсыз.

Оған ең қарапайым мысал ретінде жыр мәдениетіндегі бір сазбен әртүрлі тақырыптағы өлеңдердің айтылуын алуға болады. Мысалы, әйгілі әнші М. Төрешов репертуарында Мұхиттың «Демалыс» әні XX ғ.б. өмір сүрген атыраулық Б. Жәлеkenовтың «Нарын» әні деп орындалды, танымал әнші К. Тасболатов репертуарында Мұхиттың «Кіші Айдайы» маңғыстаулық Қыздарбайдың әні «Керуен көші» болып орындалып келеді. Осы әндер «Маңғыстау әуендері» күйтабағына шығып, республикаға кең тарап кетті. Бұл есімдер республикаға танымал мәдениет қайраткерлері. Олардың Мұхит әндерін саналы түрде еркін «пайдалануынан» әуені «бірнеше әнге ортақ» сипатқа ие болды. Осы танымал әндердің ауызша «кәсіби дәстүрдің халықтық өкілдері»

репертуарында берік орын алып, үлкен сахналардан шырқалып жүруі кездейсоқтық па? Кездейсоқтық емес сияқты, ол тамырын сонау көне заманнан тартқан жыр өнерінен келген тәсіл деп тұжырымдауға жетелейді. Алдымен мұндағы **сөздің** алдыңғы орынға шығып, авторлыққа сол тұрғыдан ие болуы мен әуеннің қосымша рөл атқаруы назар аудартады. Егер халық шығармашылығындағы кәсіби емес информаторлардың бір әуенді әр түрлі жанрларда да еркін орындап бергендігін фольклорға тән құбылыс ретінде қарасақ, кәсіби әншілер репертуарында бұл шатастырылмауға, мұқият қаралуы тиіс заңдылық еді...

Қорыта айтқанда, ауызша кәсіби өнер өкілдерінің шығармашылықтарын зерттеу барысында, әншілік дәстүрге жыршылықтың ықпалын айқындауда, арқа сал-серілерінің әнші-ақын-композиторлығы секілді батыс өңіріндегі бұл құралыптас өнерпаздардың жыршылықты қатар ұстаған синкреттік тұлға болып келетінін ескеру теориялық талдау жұмыстарында оң нәтижелерге қол жеткізбек. Отандық музыкатануда бүгінге дейін жыршылық өнердің музыкалық-теориялық проблемалары жүйелі түрде зерттелмей келеді, ал оның ықпалында қалыптасқан ән өнерінің мәселелері әзірге бұл жанрды оқшау алып қарастырумен шектеледі. Бұл үлкен арнаға әлі де сараптама жасалмай келеді. Болашақта жыраулық-жыршылық мектептерді (Маңғыстау, Сыр бойы) жан-жақты әрі терең зерттеп, оларды музыкалық-теориялық тұрғыдан қарастырып барып, аймақтық әншілік дәстүрлер туралы тұжырым жасау мәселесі күтіп тұр.

Әдебиеттер

1. Сейдімбеков А. Мың бір маржан. Алматы: Өнер, 1989.
2. Амирова Д.Ж. Казахская профессиональная лирика устной традиции (песенное искусство Сарыарки): Автореф. ... дисс. канд. иск.: 17.00.02. Л., 1990.
3. Ахметова М. Песня и современность. Алма-Ата, 1966.
4. Сыдықұлы Қ. Сарқылмас қазына (зерттеулер мен мақалалар). Алматы, 1996.
5. Сыдықұлы Қ. Маңғыстау жыршыларының саз-сарындары //«Маңғыстау» газеті, 8-қазан, 1996.
6. Жұбанов А. Замана бұлбұлдары. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.
7. Жақанов И. Қызыл әнші // «Жұлдыз» журналы. 2002. № 10.
8. Қоспақов З. Қазақтың әншілік өнері: Зерттеу мақалалары мен очерктері. Алматы, 1999.

ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ. ЭКОЛОГИЯ. ТУРИЗМ

«КАЗАХСКОЕ ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЕ» КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Ажигали С.Е.

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК, Алматы

Важной составной частью материальной и духовной культуры любой страны являются недвижимые памятники, к которым относятся архитектурные сооружения, археологические древности, памятники монументального искусства и истории. В Казахстане, по оценкам специалистов, насчитывается не менее 150 тысяч памятников историко-культурного, художественного значения, далеко не полностью еще учтенных. Такое огромное число памятников при соответствующем их исследовании, охране, реставрации является неисчерпаемым источником познания прошлого нашей страны, ее многообразной культуры. Значимость древних сооружений, разбросанных по огромной территории, многократно возрастает в настоящий период становления и развития суверенной Республики Казахстан, поскольку они являют собой основополагающий историко-культурный форпост территориальной целостности, независимости государства. Вполне очевидно комплексное, многоплановое культурно-идеологическое, пропагандистское, экономическое (в связи с развитием туризма) значение разнообразных недвижимых памятников. Особое значение имеют т.н. «памятники степной зоны», размещенные на основной территории страны (Сарыарка, Арало-Каспий, Жетысу), относящиеся, преимущественно, к XIV–XV – началу XX вв. и непосредственно причастные к казахской истории и культуре: это многочисленные мемориально-культовые комплексы, остатки скотоводческих поселений, камнерезные эпиграфические памятники, старинные колодцы и т.д. Комплексное изучение, охрана, реставрация, консервация и дальнейшее использование этих, ныне интенсивно разрушающихся, исчезающих уникальных памятников, – наиболее полно отражающих историко-культурную специфику Казахстана как наследника древней Степной цивилизации – является важнейшей задачей общегосударственного значения.

В Казахстане проблемами недвижимых памятников последние 40 лет, в основном, занимается реставрационная организация Министерства культуры («Казреставрация», Ин-т «Казпроектреставрация», ныне РГП «Казреставрация» МКИОС), для деятельности которой характерен производственный, практический уклон и недостаточная научно-теоретическая, методическая основа при осуществлении охранно-реставрационных и др. мероприятий, которые традиционно возложены на это учреждение (в т.ч. Свод памятников Республики Казахстан). Ощущается отсутствие концептуальной программы в сфере научного исследования, охраны и обнародования недвижимого историко-культурного наследия, необходимых приоритетов в консервационно-реставрационной деятельности, слабая координация со специалистами и др. учреждениями. В результате, на фоне определенных количественных успехов в области охраны и реставрации недвижимых памятников республики, развились негативные тенденции, ведущие к искажению и утрате историко-культурного наследия: неверный подход полного, не всегда обоснованного, «воссоздания» памятников; следование принципу «облегченной реставрации» на наиболее сохранившихся (но не наиболее приоритетных) сооружениях; совершенно недостаточное внимание к самобытным памятникам степной зоны; хроническое отставание важнейшего направления консервации – в особенности сырцовых построек и т.д. В частности, в практической сфере это находит выражение в весьма сомнительных решениях по полной реставрации (восстановлению) отдельных выдающихся памятников, отражается и на качестве работ – например, мавзолей Айша-биби, Абат-Байтак, Козы Корпеш–Баян сулу, некрополь Сисем-ата. С другой стороны, немало нареканий у специалистов и к вышедшим томам Сводов памятников областей, Государственному списку памятников.

Вполне очевидно, что корни этих и др. недостатков лежат в сфере научно-методической деятельности, фактическом отсутствии таковой, и которая, как видно, требует скорейшего развертывания, усиления и координации. В связи с этим в настоящий период интенсивной реализации программы «Культурное наследие» со всей необходимостью встает актуальная задача развития важнейшего для нашей культуры **направления памятниковедения** – как всесторонней научно-исследовательской, научно-практической и методической деятельности в области многочисленных и разнообразных недвижимых памятников истории и культуры страны. Одной из первостепенных, стержневых отраслей в этом направлении в настоящий момент

становления суверенного государства должно стать *«казахское памятниковедение»*, ориентированное на системное выявление, комплексное изучение, широкое обнародование, охрану, консервацию, реставрацию, использование памятников последних веков (отчасти еще сохранившихся), наиболее причастных к казахской истории и культуре и находящихся, главным образом, в степной зоне Казахстана, нередко в отдаленных районах (Сарыарка, Арало-Каспий, Жетысу). Неотложность реализации этой задачи диктуется, помимо уже высказанных причин, тем фактом, что большинство из этого огромного круга памятников находится в стадии окончательного разрушения, в особенности сырцовые и др. сооружения XIX – начала XX вв., расположенные вне населенных пунктов.

«Казахское памятниковедение» как научно-практическое направление представляется в настоящий момент наиболее актуальным в лоне Стратегического национального проекта «Культурное наследие» и отвечающим основным задачам этой программы, в связи с всеобъемлющей ролью недвижимых памятников как аккумулирующей основы материального и духовного наследия страны, как базиса идеологии государства. В степной зоне Казахстана сосредоточено огромное количество историко-культурных памятников XV – начала XX вв., с которыми теснейшим образом связана история нашей страны, этногенез и культура казахского народа. В типологическом отношении они распределяются на 3 основные группы памятников, в соответствии с которыми и определяются ключевые отрасли (направления) «казахского памятниковедения».

1. *Мемориально-культурная архитектура*. Наиболее многочисленная, и изученная группа памятников аридно-степных зон Казахстана. Наряду с выдающимися мемориальными сооружениями эпохи Золотой Орды, Акорды, Кокорды, Казахского ханства и Ногайской Орды (величественные мавзолеи Аяккамыр, Коккесене, Кесене, Абат-Байтак, Балгасын, Коккумбет и др.) имеются многочисленные сооружения казахского народного зодчества 2-й половины XVIII – начала XX вв. (мавзолеи, мечети, надгробия, стелы), нередко сосредоточенные на мемориально-культурных комплексах – некрополях, старинных кладбищах. Это наиболее репрезентативное, самобытное и, вместе с тем, базовое направление отечественного памятниковедения, с которым связаны как расширение научных исследований, основная реставрационная практика будущего, так и развитие туризма, разработка адекватной национальной (государственной) символики и т.д.

2. *Поселенческие памятники* (казахские скотоводческие поселения). К этой группе памятников относятся многочисленные остатки (как правило) и сохранившиеся образцы старинных кыстау – зимовок, других традиционных жилищно-хозяйственных сооружений, культурно-жилищные комплексы, старинные колодцы и т.д. Памятники имеют распространение почти на всей территории Казахстана, но слабо изучены. Комплексное исследование памятников, относящихся к системе скотоводческого поселения казахов, имеет важное научно-практическое значение, значительные перспективы консервационно-реставрационной деятельности и использования для расширения туристических маршрутов. Многие уникальные памятники этого круга остаются до сих пор неизвестными – например, выдающиеся архитектурно-ландшафтные комплексы Северного Устюрта (Доньзтау), могущие стать основой международного, экстремального туризма.

3. *Памятники тюркской арабографичной эпиграфики*. Это, прежде всего, камнерезные мемориальные сооружения с эпитафиями (стелы-кулпытасы, надгробия), а также др. виды памятников с арабографичными надписями. Памятники имеют в Казахстане весьма широкое распространение, очень многочисленны в западных областях (десятки тысяч) и относятся к XII–XIII – первой трети XX вв. Изучение и охрана данной категории наследия имеет важное значение для истории культуры Казахстана, обоснования феномена казахской письменности и т.д. Памятники мемориальной арабографичной эпиграфики особо значимы как фактор, объединяющий значительную часть тюркского мира.

Кроме вышеуказанных основных научно-исследовательских направлений «казахского памятниковедения» имеет важное значение исходящее из них научно-прикладное историческое направление изысканий, связанное с *атрибуцией* многих памятников, являющихся захоронениями выдающихся политических деятелей Казахской степи эпохи средневековья и нового времени. В частности, многие крупные, знаковые мемориальные сооружения до сих пор не идентифицированы (мавзолеи Алаша-хана, Аяккамыр, «Калбасунская башня», Балгасын, Коккесене, Кесене, Абат-Байтак, Кошкар-ата на Северном Устюрте, Коккумбет и т.д.).

Таким образом, значение перспективного развития памятниковедческого направления в Казахстане (прежде всего на базе «казахского памятниковедения») очень велико и связано, в первую очередь, с государственными задачами территориальной целостности, национальной безопасности, этнокультурной идентичности, экономического развития в сфере культуры и т.д. Широкая научно-методическая работа в области изучения, охраны и обнародования исключительно многочисленных и разнообразных недвижимых памятников на всей территории страны (не обязательно «шедевров» и общеизвестных) особо значимо в идеологическо-

воспитательном плане, в сложном процессе выработки адекватного исторического сознания в народе, в укоренении патриотизма – как на общегосударственном, так и на местном уровне. Целенаправленная научно-практическая деятельность в сфере памятников будет способствовать воссозданию подлинной историко-культурной среды (без региональных и цивилизационно-оценочных перекосов), с надежными материальными ориентирами, явится важным стимулом для более широкого развития туризма во всех уголках страны.

Вышеизложенное свидетельствует об острой необходимости создания в Казахстане, с его огромной территорией, большим количеством разнообразных памятников, в особенности в отдаленных местностях, **«Научно-исследовательского центра проблем памятниковедения»**. В нем могли бы быть объединены силы ведущих в республике специалистов этого комплексного направления из числа этноархеологов, архитекторов, археологов, этнологов, историков, искусствоведов, арабистов и др., преимущественно докторов, кандидатов наук, опытных профессионалов в сфере памятниковедения. Основными функциями этого большого и важного подразделения должны стать: научно-исследовательская (прежде всего в сфере полевого изучения, выявления и обнаружения памятников), научно-методическая, координирующая (совещания, конференции, научно-методический совет), курирующая, научно-издательская (в т.ч. по подготовке и изданию Свода памятников Республики). Особо важной представляется передача научно-методических функций в сфере недвижимых памятников истории и культуры Казахстана в данный Центр.

Соответствующей видится и структура республиканского Центра памятниковедения: сектор полевых исследований и Свода памятников; сектор казахского памятниковедения; сектор научно-методических (общих) проблем охраны, реставрации и консервации памятников; методический отдел; отдел культурного туризма и т.д. Среди предполагаемых результатов деятельности отдела можно определить следующие: разработка общих проблем консервации и реставрации памятников Казахстана, координация деятельности учреждений и специалистов в деле изучения и использования недвижимого историко-культурного наследия страны; осуществление научно-методических изданий (серийно); подготовка и издание монографий и сборников статей (в т.ч. серии «Наследие Турана») по отдельным памятникам, их группам, исследованным регионам и комплексным теоретическим и прикладным проблемам; курирование работы по Своду памятников областей Казахстана.

Вполне очевидно, что развитие памятниковедческого направления является важной частью государственной политики Республики Казахстан в сфере культуры, идеологии и национальной безопасности страны, в связи с чем решение научно-организационных основ в этой области сейчас представляется исключительно актуальным и перспективным.

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫ АУМАҒЫНДАҒЫ ТАРИХИ-МӘДЕНИ ЕСКЕРТКІШТЕРДІҢ НЕГІЗІНДЕ ТУРИСТІК БАҒЫТТАРДЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Бекарыстанұлы Ұ.

*Ақтөбе облыстық тарихи-мәдени мұраларды қорғау жөніндегі
мемлекеттік инспекциясы*

Қазақстанның халықтық сәулет өнері ескерткіштері ежелден саяхатшылардың, әскери адамдардың, зерттеушілердің назарын өзіне аударған. Атап айтқанда, Қатағанның ұлы, оғыз жабғуы Етіректің Үстірттегі қалалы – ордасында 922 ж. болып қайтқан араб саяхатшысы, әрі елшісі Ахмет ибн Фадлан оғыздардың бейіт басындағы құрылыстары, олардың салт-санасы, ғұрыптық жерлеу әдеттері туралы қызғылықты мәліметтерді жинаған [1, 128-б.] XIII ғ. ортасында басқа елші IX Людовиктің өкілі Гильом де Рубрук өз жазбаларында қыпшақтардың тұрмыс-тіршілігі, дәстүрлі шаруашылығы туралы баяндайды [2, б. 102-б.]. Сонымен қатар, XV–XVI ғғ. қазақ қолөнерін зерттеу жөніндегі дереккөздердің біріне бұхар тарихшысы Фазлаллах Рузбиханның еңбегі жатады. Академик Ә.Х. Марғұланның айтып көрсеткеніндей, Рузбихан қазақтардың тұрғын жайларын тіркеген және сол кездегі көшпенділердің дәстүрлі тұрмысы, соның ішінде кәсіпшілігі туралы жазған [3, 9-б.].

XVIII ғ. бастап Ресей және Батыс Еуропа зерттеушілерінің назары Қазақстанға бұрыннан да көбірек ауа бастады. Бұл тұста П.И. Рычков, П.С. Паллас, И.П. Фальк және т.б. ғалымдардың атын атасақ та жеткілікті, олардың еңбектерінде өлкеміздің көптеген археологиялық, сәулет ескерткіштері зерттелген [4; 5; 6]. А.И. Левшиннің «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» деген еңбегін ерекше атап өту

қажет. Бұл зерттеуде діни сәулет құрылыстары, керуен сарайлар, т.б. ескерткіштер туралы көптеген деректер берілген [7, 105–111-бб.].

Өңірдегі сәулет өнерінің арнайы зерттелуі Кеңес дәуірінде 1926 ж. КСРО Ғылым Академиясы қазақстандық экспедициясының С.И. Руденко басқарған антропологиялық отрядын ұйымдастыру кезінен басталады. Бұл экспедицияға Ә. Бөкейхан, С.Ф. Баронов, т.б. қатысты. Қазақстанның батыс облыстарында жүргізілген экспедициялық жұмыстарының нәтижесінде «Казаки антропологические очерки» (1927) деген кітап басып шығарылды [8]. Е.Р. Шнейдер «Казахская орнаментика» деген очерк құрастырды. Осы қызықты еңбегінде автор алғашқы рет қазақтардың тас өңдеу технологиясын, ою-өрнек салуына құрал-саймандарына, т.б. мәселелерге арнайы көңіл бөледі [9, 141–144-бб.]. 1940 жылдардың II жартысында сәулетшілер Т.К. Бәсенов және М.М. Меңдікұлов Маңғыстау мен Үстірттің тастан қашалған біртума ескерткіштерін, сонымен бірге тас өңдеу ісімен шеңберлердің еңбегін ұйыдастыру жүйесін зерттей бастады [10; 11].

Батыс Қазақстан аймағының ескерткіштерін сонау 80-ші жылдардан бері талмай зерттеп келе жатқан С.Е. Әжіғали 1979–2009 жж. ұйымдастырған ғылыми-зерттеу экспедицияларының нәтижесінде Батыс Қазақстандағы халықтық сәулет өнері ескерткіштерінің ареалы айтарлықтай кеңейді. Оның «Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана», «История и культура Арало-Каспия», «Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии» және Р. Бекназаровтың «Қазақтың дәстүрлі тас қашау өнері» атты монографияларында Батыс Қазақстанның, соның ішінде Ақтөбе облысы ескерткіштерінің тарихы, этнографиясы, семантикасы, олардың түрлері жан-жақты сарапталып, ғылыми жүйеленді [12–15]. С.Е. Әжіғали айрықша ерекшеленетін 7 аймақты атап көрсетеді. Олар: Маңғыстау, Үстірт, Солтүстік Каспий өңірі (Атырау, Бөкей Ордасы, Шығыс Жайық өңірі), Солтүстік Үстірт (Доңызтау), Жем-Сағыз, Солтүстік Арал өңірі және Елек-Қобда топтары. Ескерткіштерді жіктеу, олардың түп тегі мен мәдени-тарихи тұрғыдан талдап түсіндіру жөніндегі түйінді мәселелерді ғылыми негіздей отырып, ол Ақтөбе облысының мемориалды-діни құрылыстарын 4 аймаққа бөліп қарастырады [14, 209–210-бб.].

Облыс аумағындағы 2004–2010 жж. арасында «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында зерттеліп-зерделенген, ғылыми айналымға енгізіліп, қайта қалпына келтіріліп жатқан аса маңызды ескерткіштердің негізінде таяу болашақта туристік аймақ болып қалыптасуға тиісті төмендегі 4 бағыт белгіленіп, олардың нақты жобалары жасалып, тиісті орындарға ұсынылуда.

Бірінші бағыт – орта ғасырлардан бастап XVIII ғ. мен XX ғ. басы аралығында салынған халықтық сәулет өнерінің бірегей ескерткіштерін топтастыратын Елек-Қобда аймағы. «Батыс Еуропа–Батыс Қытай» халықаралық транзиттік тас жолы бойындағы орталығы Абат-Байтақ кешені (XIV–XX ғ.ғ.) болатын Елек-Қобда-Ойыл өзендері аумағындағы Ақтөбе қаласы, Есет батыр Көкіұлы кешені, Шәкен ишан мешіті, Ә. Молдағұлова патриоттық орталығы, Қобыланды батыр кешені, Ойылдағы Көкжар жәрмеңкесі ансамблі сияқты ескерткіштерді қамтитын бұл бағытта соңғы жылдары «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы аясында бірқатар аса маңызды ескерткіштер қайта қалпына келтірілді. Атап айтқанда, Ұлы Қобда өзені бойында орналасқан XIV–XV ғғ. бірегей халықтық сәулет өнері ескерткіші – Абат-Байтақ мавзолейі 2004–2006 жж. зерттеліп, қайта қалпына келтірілді. Қазақ халқының эпостық қаһарман батыры Қобыланды батырдың мавзолей-кешені жаңғыртылып, әйгілі Бекет әулиенің шәкірті Шектібай Оразайұлының алтыншы ұрпағының қолында сақтаулы тұрған киелі «Көк асамен» бірге зиярат етуші жұртшылықтың игілігіне айналды. 2006–2007 жж. Абат-Байтақ және Қобыланды батыр кешендері маңында этноауыл құрылып, халықаралық дәрежедегі ғылыми конференция, жиындар өткізілді.

Екінші бағыт – «Батыс Еуропа–Батыс Қытай» халықаралық транзиттік тас жолы мен Ырғыз-Шалқар тас жолы қиылысындағы орталығы Бөкенбай батыр шоқысы және әлемдік маңызы бар Жаманши метеориті болатын Солтүстік-Арал аймағындағы Балғасын (XIII–XVIII ғ.ғ.), Есет-Дәрібай (XIX ғ.), Токпан (XIX ғ.), Мәні әулие (XVIII–XX ғғ.), Жаныс тамы (XX ғ. басы), Алмат тамы (XX ғ. басы), Ырғыз бекінісі (XVIII–XX ғғ.), Әйтеке би ауданы Хан моласы (XVIII–XX ғғ.), Ырғыз-Торғай табиғи резерваты сияқты тарихи-табиғи ескерткіштерді қамтиды.

Солтүстік Арал маңы өңіріндегі Борсыққұм, Мұғалжар, Торғай, Ырғыз-Өлкейек су алабы кесене-ғибадатхана құрылыстары да көрнекілігімен көз тартады. Мұнда Ноғайлы дәуірінің жәдігері Балғасын мұнарасының қираған орны жатыр. Өкінішке орай, керемет ғажайып ескерткіш XX ғ. басында қирап, жойылған. Оның орнында көкшіл эмальмен қапталған күйдірілген кірпіш сынықтары ғана қалған. Оған жақын жерде XVII–XVIII ғғ. мұрасы – Оңалбек ата мавзолейі тұр. Аталған ауданның кесене-ғибадатхана ескерткіштері – XIX ғ. мен XX ғ. басында күйдірілген және шикі кірпіштен салынған күмбезді мазарлардың өзіндік ерекшеліктерін көрсететін Қарағұл, Нұрсейіт, Қали, Назар, Жаныс, Кепер, Алмат тамы сияқты мазарлар

кешені. Бұл ескерткіштерге далалық сәулет өнерінің тамаша дәстүрлері айқын сезіледі. Осы аймақтағы XIX–XX ғғ. салынған Есет-Дәрібай, Мамай батыр, Мәні әулие, Байғабыл тамы, Қайнар тамы, Кепер, Омар, Жапақ, Тоқсанбай, Әбдібай сияқты ескерткіштер тобы кейбірі төрт қабырғалы, көпшілігі сегіз қырлы қабырғалы, порталды күмбезді немесе кіреберісі бірнеше бөлме болып келетін порталды күмбезді халықтық сәулет өнерінің ерекше үлгілері болып табылады. Солардың ішінен сегіз қанатты қазақтың киіз үйі тәрізді салынған Қарағұл тамы мен Жаныс тамы «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында зерттеліп, қайта қалпына келтіру жұмыстары іске асырылуда.

Өлкейек өзені мен Қабырғаның құйылысынан 4 шақырым батысқа қарай аймақтағы аса маңызды тарихи орын – Кіші жүз ханы Әбілқайыр (1680–1748) жерленген Хан моласы қорымы бар. Көптеген тарихи деректердің дәлелдегеніндей, қазақ жеріне Ресей экспанциясының құйтұрқы саясатына қарсылық көрсеткен Әбілқайыр ханның халық арасындағы саяси беделін тежеу үшін Орынбор генерал-губернаторы И.И. Неплюев ұзақ жылдар оның қарсыласы Барақ сұлтанды астыртын қостап отырды. Сөйтіп, 1748 ж. 15 тамызда Орынбордан Хиуа-Бұқара бағытына шағын топпен кетіп бара жатқан Әбілқайыр хан өзінің саяси қарсыласы Барақ сұлтанмен қақтығыста Өлкейек өзені мен Қабырғаның құйылысында қаза табады [17, 113-б.].

Әбілқайыр ханның мазары XIX ғасырда-ақ қирап-бүлінген, сақталмаған. Бұл қауымда солтүстіктен оңтүстікке қарай ұзындығы 600 м, шығыстан батысқа қарай ені 200 м көлемді алып жатқан 1 мыңға жуық бейіттердің ізі жатыр, оның 40-қа жуығында негізінен Самарқанның көктасынан жасалған құлпытастар сақталған [18, 546-б.]. Жоғарыдағы жазбаларға сүйене отырып, 1998, 2001, 2007–2010 жж. қорымға кешенді ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізілді. Кешенді мемориалды-туристік орын есебінде қоршап, Хан моласы қорымы туралы кітап-альбомды жарыққа шығару көзделіп отыр.

Үшінші бағыт – Жем-Сағыз-Темір өзендері бойындағы Төлеубұлақ үңгірі, Мұғалжар тауы тарихи-мәдени атрибуттары, Жәлімбет мавзолейі, Алкелді бекінісі, Досжан ишан мешіті, Молдағазы мешіті, Дәуімшар, Қарасақал, Нұрмамбет, Асанқожа ансамбль-кешендерін қамтиды.

Жем-Сағыз және Ойыл өзендері аңғарларындағы қауымдар мен зираттар саны көп, әрі кешендер тобы жинақы болады. Жем өзенінің бастауында орналасқан Төлеубұлақ үңгіріндегі петроглифтерді ғалымдар шамамен осыдан 10 мың жыл бұрынғы тас дәуірі кезеңіне жатқызып жүр. Асанқожа, Қарасақал, Дәуімшар, Алып-Ана, т.б. XIX ғ. көптеген қауымдар қасына мешіттер салынған. Солардың бірі – Темір ауданындағы діни-ағартушы табын Досжан ишанның мешіт-медресе кешені ерекше көңіл аударарлық ескерткіш.

Төртінші бағыт – сармат дәуірінің бірегей ғибадатхана-әулиелігі Қызылүйік кешені, орта ғасырлардан бастап XIX ғ. аяғына дейінгі халықтық сәулет өнерінің ғажайып ансамбльдері Сүлікті, Ащыайрық, Тұщыайрық, Ақсай-1, Ақсай-2, Үлкен Жыбысқы, Кіші Жыбысқы, Қошқар Ата, Беспай, Сұлтан ахун, Қайнар, т.б. сияқты Доңызтау аймағының ескерткіштерін қамтиды.

Үстірттің солтүстік шет шыңы маңында орналасқан кесене-ғибадатхана кешені Доңызтау тобына жатады. Олардың ең көнелерінің бірі – Байғанин ауданы Дияр елді мекенінен оңтүстік-оңтүстік-шығысқа қарай 60 шақырым жерде орналасқан б.з.д. II – б.з. III ғғ. сармат дәуірінің Қызылүйік ғибадатхана-әулиелігі 2004–2009 жж. кешенді түрде зерттеліп, ғылыми айналымға енгізілді [19, 321-б.]. Доңызтаудағы табындар мен адайлардың көктемгі және күзгі көш жолында жатқан аса маңызды да көрнекті кешендер кейінгі XIX–XX ғғ. қалыптасқан. Мұнда ғибадатхана, тұрғын үй кешендері мешітпен қоса бой көтерген тұрғылықты мекен, бейіттер де бар, осындай құрылыстар терең де кең сайдың жағасына, жарқабағына, қыраттың етегіне орналасқан.

Қорыта келгенде, Ақтөбе облысының халықтық сәулет өнері ескерткіштерін зерттеудің, қайта зерделеудің және насихаттаудың нәтижесінде орта ғасырлардан бастап бүгінгі заманымызға жалғасқан халқымыздың дәстүрлі сәулет өнерінің тарихы, генезисі, оның көптүрлілігі, салыну және жасалу әдістері, ескерткіштердің таралу аймағы ғылыми жүйеленіп, мақалалар, жинақтар, бейнефильмдер және баспасөз ақпарат құралдары арқылы қалың жұртшылыққа, жас ұрпаққа рухани тәрбие беру құралына айналды. Ендігі міндет – аталған туристік бағыттарды кең көлемде насихаттай отырып, таяу болашақта олардың толыққанды қалыптасуын іске асыру, ішкі және сыртқы туризмнің бағытына енгізу болып табылады.

Әдебиеттер

1. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
2. Рубрук Г. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Серия: Путешествия. Открытия. Приключения. Алма-Ата, 1993.

3. Маргулан А. Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата, 1986. Т.1.
4. Оренбургские степи в трудах И.П. Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неуструева. М.,1949.
5. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть 3. Половина II. 1772–1773 г.г. Пер. В. Зуева. СПб., 1788.
6. Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 7. Заключающий в себе дополнительные статьи и запискам путешествия академика Фалька. СПб., 1825.
7. Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих, орд и степей. Алматы, 1996.
8. Руденко С.И. Очерк быта казахов бассейна рек Уила и Сагиза // Казаки. Антропологические очерки С.Ф. Баронова, А.Н. Букейхана и С.И. Руденко. Л., 1927.
9. Шнейдер Е.Р. Казахская орнаментика // Казаки. Антропологические очерки. Л.,1927.
10. Басенов Т. К. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.
11. Мендикулов М. М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987.
12. Ажигали С.Е. Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы, 1994.
13. История и культура Арало-Каспия. Сб. статей. Вып. 1. / Под общ. ред. С. Ажигали. Алматы, 2001.
14. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002.
15. Бекназаров Р. А. Қазақтың дәстүрлі тас қашау өнері. Алматы, 2005.
16. Ерофеева И.В. Символы Казахской Государственности. Алматы, 2001.
17. «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2005 жылғы археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы, 2005.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ТАТАРСТАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Валеев Р.М.

Казанский государственный университет культуры и искусств

Древняя, многонациональная и самобытная земля Татарстана обладает богатыми историческими традициями и различными типами культурных взаимовлияний, уникальным наследием, представляющим большую ценность не только в республиканском и общероссийском, но и мировом масштабе и отражает историю развития и формирования многих народов Поволжья с древнейших времен.

В разное время на территории региона происходило становление культур финно-угорских, тюркских и славянских этносов, существовали ранние государства Восточной Европы – Хазарский Каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда (Улус Джучи), позже Казанское ханство. Во второй половине XVII в. край сыграл важную роль в формировании многонациональной России.

И хотя многовековая история отношений русского и татарского народа после 1552 г. сложна, противоречива, а во многом и трагична, важно то, что наши предки сумели создать единое государство и единое общество, выстоять перед сильными ударами истории, живут мирно, сохраняя при этом самобытность культур, в которых присутствуют и сходства, и различия. Причем больше сходств, обусловленных длительным процессом исторического развития в пределах единого государства, чем различий.

В условиях глобализации, когда внешние стороны жизни – техника, одежда, быт – сближаются, все большую ценность приобретают культурные традиции и художественные особенности, порожденные народами в течение их многовековой истории. В этой связи необходимость сохранения национальной культуры, защиты ее своеобразия от любых разрушительных воздействий является все более актуальной.

Конечно, далеко не все элементы национальной культуры одинаково важны с точки зрения сохранения ее ядра. Более всего нуждаются в защите те ее фрагменты, которые очень тесно связаны с религией, искусством и этнической системой и, следовательно, к которым национальная культура традиционно наиболее чувствительна. К ним, безусловно, относятся и памятники истории и культуры, составляющие наиболее многочисленную часть культурного наследия. Проблема их сохранения является одной из самых сложных и связана с различными научными дисциплинами: историей, археологией, градостроительством, архитектурой, искусством, культурологией, музееведением, а также природопользованием, имущественно-земельными отношениями и собственно охраной наследия.

Исторические памятники сегодня – это живое свидетельство вековых традиций цивилизации. Люди на земле все больше и больше осознают единство человеческих ценностей и древних памятников как одного общего наследия. Признана всеобщая ответственность за их охрану для будущих поколений ибо знание и понимание истоков и развития человеческого общества имеет огромное значение для человечества в плане познания его общественных и культурных корней.

Несмотря на то, что проблемы в сохранении исторического и культурного наследия постоянно множатся, сегодня уже можно говорить об определенных результатах целенаправленного сосредоточения усилий как государственных, так и общественных организаций на важнейших направлениях в этой сфере.

Эти результаты появились не в последнее время и не на пустом месте, а основаны на почти 300-летней истории сохранения культурных и исторических ценностей нашего края, на широкой общественной инициативе, которая поддерживалась государством.

Как не вспомнить здесь Петра I, издавшего в 1722 г. указ о сохранении памятников древнего города Булгара и обратившего внимание на древние булгарские и армянские надгробия, на необходимость изучения Востока, имена путешественников, писателей, журналистов, военных, ученых, архитекторов, художников, иностранцев и краеведов, деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ), созданного в 1878 г. и сыгравшего определяющее значение в деле активизации изучения памятников истории, археологии и архитектуры края, Казанского губернского музея, Церковного историко-археологического общества Казанской епархии, Отдела по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Академического центра Татаркомпроса, Дома татарской культуры, Научного общества татароведения и других организаций. Даже в суровые годы Гражданской и Великой Отечественной войн не остановились работы по выявлению, изучению, охране и реставрации памятников истории и культуры.

Сегодня в республике на государственной охране международного, федерального, республиканского и местного значения состоит более 1500 памятников археологии, истории, градостроительства и архитектуры, монументального искусства. Это стало возможным благодаря комплексной работе по их выявлению, учету, изучению и паспортизации, в процессе которой были рассмотрены многочисленные противоречия, которые имели место при оценке, атрибуции и характеристике тех или иных памятников, восстановлено много забытых имен, раскрыто немало ранее неизвестных фактов. На охрану поставлены культовые здания (мечети и медресе, соборы, церкви, часовни, синагоги, моленные дома), жилые и общественные здания, объекты, связанные с именами общественных деятелей, революционеров, деятелей науки и культуры, как широко известных, так еще недавно подвергавшихся забвению – Г. Исхаки, З. Валиди, Г. Губайдуллина, братьев С.Н. и Х.Н. Максуди, А. Марченко и многих других.

Определенным итогом этой работы явилась и различная научно-популярная литература – от элементарных путеводителей и до фундаментальных трудов, таких как «Республика Татарстан: памятники истории и культуры» (1992), «Республика Татарстан: памятники истории и культуры татарского народа» (1995), «Республика Татарстан: православные памятники» (1998), «Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Административные районы» (2000), путеводители «Татарстан» и «Казань» серии «Ле Пти Фюте» (2000) и многие другие издания.

В последние годы наряду с охраной отдельных памятников истории и культуры, все больше внимания стало уделяться сохранению историко-культурных территорий (исторических городов и поселений, музеев-заповедников) или крупных фрагментов исторических городов, отличительной чертой которых является органическая взаимосвязь природного и культурного наследия, задающая комплексный подход к их сохранению и использованию, а также необходимость в разработке новых концепций по этой проблеме в архитектурной теории.

В республике создана сеть государственных музеев-заповедников, историко-культурных заповедных территорий, которые ведут работу по сохранению уникальных историко-культурных и природных объектов. К Болгарскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику, созданному в 1969 г., в начале 1990-х годов добавились еще 4 музея-заповедника: Елабужский, Иске-Казанский, Билярский и «Казанский Кремль», в 2000-х годах Ленино-Кокушкинский и остров-град Свияжск.

Кроме старой, уже сложившейся формы – музей-заповедник, велся поиск и новых форм организации такого рода территорий, обладающих правовой защищенностью и особым статусом «казанский Посад» (1997), историко-архитектурная заповедная территория «Старо-Татарская слобода» (1998), где исполнительно-распорядительными органами являются префектуры, возглавляемые префектом. На таких территориях может развиваться современное по всем показателям хозяйство, удовлетворяться широкий круг потребностей

проживающих людей. И это не будет противоречить сохранению и возрождению традиционной культурной среды, если мы будем относиться к наследию не как к музейному экспонату, а как к достоянию, оставленному предшествующими поколениями не только на хранение, но и на использование и преумножение.

Кроме того, в последние годы на базе особо ценных историко-культурных и природных объектов организованы 3 историко-культурные заповедные территории: «Имение Ушковых» в Рыбно-Слободском районе, а также историко-культурный и природный парк «Долгая Поляна» в Тетюшском районе.

Каждый регион России обладает уникальными ансамблями, комплексами и отдельными памятниками. Наша республика не исключение. В 1998 г. «Историко-архитектурный комплекс» и «Ансамбль городской застройки бывшего г. Свяжска» были представлены в Центр всемирного наследия ЮНЕСКО и включены в Предварительный список всемирного культурного и природного наследия по Российской Федерации (список ожидания).

Уникальность Казанского Кремля как исключительного свидетельства исторической непрерывности и культурного многообразия в течение длительного периода времени была подтверждена 30 ноября 2000 г. на сессии межправительственного комитета ЮНЕСКО в Австралии включением его в Список всемирного культурного и природного наследия.

Сегодня, мы с Вами являемся свидетелями того, как за 10 лет Кремль преобразился. Из руин восстановлен Пушечный двор, отреставрирован Губернаторский дворец (Резиденция Президента РТ), построена соборная мечеть Кул-Шариф, отреставрирован Благовещенский собор, Юнкерское училище, где создан уникальный музейный комплекс «Хазин», включающий Центр «Эрмитаж – Казань», один из первых филиалов Государственного Эрмитажа в Российской Федерации, музей природы и художественную экспозицию – филиал Музея изобразительных искусств РТ, проведены архитектурно-археологические исследования памятников и доказана 1000-летняя история г. Казани.

В республике 13 исторических городов и поселений являются историческими. Это – Казань, Болгар, Билярск, Елабуга, Бугульма, Буинск, Мамадыш, Менделеевск, Мензелинск, Тетюши, Чистополь, Лаишево, Свяжск. В пределах их территорий расположены недвижимые объекты историко-культурного наследия – памятники, ансамбли, достопримечательные места, участки археологического культурного слоя, элементы исторической застройки и планировки, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом и представляющие эстетическую, социально-культурную, историческую, археологическую, архитектурную, градостроительную или иную ценность, приобретенную в процессе их исторического развития.

Их сохранению уделяется большое внимание. На территориях или больших частях исторических городов, как мы уже отмечали выше, созданы особо охраняемые историко-культурные территории, в том числе и музеи-заповедники.

В городе Казани в связи с реализацией республиканской программы ликвидации ветхого жилого фонда и реконструкции кварталов ветхого жилья г. Казани и федеральной программы подготовки к празднованию 1000-летия основания г. Казани проведен большой объем проектных, земляных, строительных, ремонтных, реконструктивных и реставрационных работ, в том числе и на объектах историко-культурного наследия, которые сильно пострадали из-за многочисленных «перепланировок», «перестроек» и «пристроек».

На улице Баумана проведена комплексная реконструкция, благоустройство и где с 1997 г. выполнен огромный объем работ, которая, к сожалению еще окончательно не завершена. В короткие сроки снесены ветхие строения, проложены новые инженерные сети, осуществлено ковровое мощение тротуарной плиткой, появилась новая система освещения, оснащенная специально разработанными светильниками. Реконструированы фасады зданий, обновлены вывески и витрины магазинов. Улица сильно преобразилась и быстро насыщается элементами городского дизайна и декоративно-прикладного искусства. Появились и новые достопримечательности: необычные часы с обозначением цифр татарскими словами в арабской графике и с фигурками тукаевских героев, небольшой фонтан с фигуркой Су анасы, держащей золотой гребень – водяной героини татарских сказок, увековеченной Г. Тукаем, фонтан с лягушками, копия кареты Екатерины II, ресторан «Макдональдс». 29 августа 1999 г. перед колокольней Богоявления был установлен памятник великому уроженцу Казани – Ф.И. Шаляпину, а в самой колокольне открыт музей.

Юбилей провела и Елабуга, что стало возможным благодаря положительному опыту ученых, работавших в последние годы над проблемой определения даты основания г. Казани, новой методике определения возраста древних городов. Специалисты проделали огромную работу, применив целый комплекс различных методов, используя результаты и выводы широкого круга смежных наук, комплексно и всеобъемлюще изучив фактический материал, установили наиболее древние пласты средневековой Елабуги (Алабуги). Время основания поселения городского типа на территории современной Елабуги насчитывает 1000 лет. Большие

задачи стоящие перед администрацией города и района по привлечению инвестиций в бюджет Елабуги с целью сохранения ее достояния – памятников истории и культуры, развития туризма, проведение огромного объема ремонтно-реставрационных работ и создание соответствующей инфраструктуры достойно выполнены.

Свое 1090-летие скоро отметят древние города Волжской Булгарии – Болгар и Биляр (Билярск). Именно здесь, в Булгаре или Биляре, были заложены основы государственности нынешних татар, именно здесь, в Булгаре или Биляре, был принят ислам. О славном периоде истории Булгара и Биляра свидетельствуют остатки монументальных сооружений.

Древний Булгар. Поездка на теплоходе, посещение развалин древнего города, музеев запоминается на всю жизнь. Остатки величественной цивилизации – белокаменные дюрбе, палаты, бани, мечеть вместе с природными источниками – святым родником «Габдрахман сахаба коесы», озером «Рабига кул» имеют большую притягательность для огромного количества экскурсантов и туристов. Для более полного раскрытия возможностей этого историко-архитектурного комплекса на протяжении последних десятилетий ведется значительная работа по изучению и пропаганде достижений исламской культуры. Завершено строительство Тахарат-хана (зала омовения) для верующих. Булгары и Свияжск вступили в новый этап своего сохранения и развития. В 2010 г. создан Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Татарстана. За эти более чем полгода уже заданы достойные темпы для выполнения огромного объема охранно-спасательных, исследовательских, реставрационно-реконструктивных и строительных работ на комплексах Булгара и Свияжска, созданию хорошей инфраструктуры для туризма и развития этих историко-культурных территорий.

Еще одним уникальным историческим поселением на территории республики является Свияжск, основанный 24 мая 1551 года, первый православный город в регионе Среднего Поволжья, оказавший значительное влияние на распространение духовной и материальной культуры. Это беспрецедентный в мировой практике по масштабу пример единовременной закладки и заселения города-крепости, имеющего творения выдающихся средневековых псковских зодчих Постника Яковлева и Ивана Ширяя, создавших прекрасные образцы русской архитектуры XVI в., среди них Успенский собор. Невостребованность высокого потенциала Свияжска, использование его уникальных экспозиционных качеств и прилегающих территорий на основе развития духовно-религиозной и культурной, музейной, просветительско-образовательной, научной, творческой, паломнической и туристической градообразующих функций, как полноценного места обитания, труда и отдыха его постоянного населения, активно начало реализовываться Фондом возрождения памятников истории и культуры РТ, Министерством культуры РТ, государственными и муниципальными органами, реставрационными, научно-исследовательскими, проектными учреждениями, крупными производственными предприятиями и коммерческими фирмами Татарстана. Эта огромная работа осуществляется «всем миром» Татарстана и является предпосылкой для подобной работы во всей Российской Федерации. Учитывая, что перечень уникальных исторических поселений и историко-культурных территорий, имеющих свой неповторимый колорит в Татарстане значителен, работ здесь предстоит очень и очень много!

С развитием городов, улучшением качества городской среды, изменением масштаба застройки, применением новых строительных материалов и технологий возникает проблема охраны культурного наследия, сохранения исторических центров городов и целых кварталов исторической застройки, которые не решаются или решаются неудовлетворительно.

Эта проблема приобретает общегражданский, мировоззренческий характер и налагает высокую ответственность на архитектора-градостроителя и руководителей администраций исторических городов определяющих в своих проектах судьбу города на многие десятилетия.

Для того чтобы сохранить индивидуальность городов необходимо проявить большое архитектурное мастерство, бережное отношение к замыслам предшествующих поколений, правильное соотношение между реставрацией внешнего облика сохраняемых зданий, их ремонтом и новым строительством. Современные композиционные решения обречены на провал, если они как бы привнесены извне, навязаны городу, а не вырастают органично из всей пространственной системы.

Одним из условий сохранения наследия является функциональное наполнение памятников архитектуры, а также окружающей среды современным содержанием. Здания, формирующие историческую среду должны жить современной жизнью. Для решения этой задачи необходимо иметь комплексную программу «Наследие в развитии».

Совершенно очевидно, что для решения комплексных проблем сохранения и использования историко-культурного наследия в числе прочих причин необходимо тесное взаимодействие градостроителей, архитекторов, реставраторов и специалистов смежных профессий.

Наличие историко-культурных объектов и, главным образом, историко-культурных территорий, в том числе широко известных далеко за пределами республики, а также памятников природы (138 объектов, среди которых широкую известность имеет Волжско-Камский государственный заповедник, где сохранились участки естественной природы), наряду с удобным транспортно-географическим положением, является одной из причин привлекательности нашей территории для развития индустрии туризма, определенной инфраструктуры туристского рынка и дает право говорить о том, что в республике имеются огромные возможности для развития экскурсионного и паломнического туризма.

Если раньше туристы посещали в основном Казань и Елабугу, то результаты целенаправленного сосредоточения усилий (как государственных, так и негосударственных организаций) на важнейших историко-культурных комплексах по их охране, реставрации, музеефикации и благоустройству, по организации музеев различного профиля, музеев-заповедников, позволили значительно расширить туристические маршруты республики, а строительство автодорог (Алексеевское-Билярск, Казань-Камаево, Мурзиха-Болгар и др.), углубление фарватера р. Волга у г. Болгара увеличить поток туристов и паломников в эти места (Болгар, Биляр, Раифа, Иске-Казань и др.).

Приведу лишь два примера.

Весной 1992 г. «Фонд Булгар» углубил фарватер р. Волги, установил туристический причал, впервые позволяющий принимать речные туристические лайнеры всех типов у Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Для туристов и паломников на берегу Волги возведен туристический комплекс. Сейчас эта работа вышла на новый уровень в связи с деятельностью Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. Сосредоточение в одних руках вопросов сохранения памятников и развития туризма на территории Болгарского городища, на наш взгляд, поможет установить баланс между развитием туризма и сохранением историко-культурного наследия с целью координирования этих усилий во взаимных интересах.

В 1997 г. на территории Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника АО «Татнефть» построило у Святылища «Святой ключ» духовно-религиозный комплекс поколения и отдыха «Изге чишмэ» для представителей всех конфессий. Здесь возведены шатровые деревянные беседки с удобными столами и скамейками, возле них выложен из кирпича полупечи для приготовления для приготовления супов и шашлыков. Есть в специально отведенном месте удобная постройка для забоя жертвенных животных, над источником красивая беседка, выложенная из красного кирпича, внутри пол и ступени выложены серым мрамором. На гору поднимается лестница, которая сменяется горизонтальными ступенями. Ключ освещается ночью электрическими фонарями.

В развитии туризма в Татарстане еще многое предстоит сделать. На это направлено принятое правительством Татарстана Программа развития туризма. Нужны инвестиции, реальные инвестиции, в том числе негосударственные на создание инфраструктуры туризма (прежде всего, это строительство гостиниц, турбаз, кемпингов, ресторанов, магазинов, автодорог, издание и распространение различной информации, сувенирной продукции, популяризация наследия). Без этой работы вряд ли всерьез можно говорить об эффективном использовании нашего уникального культурного наследия. Понятно, что большинство проблем туристического использования наследия должны решаться на местах в результате проявления самостоятельности и инициативы местного руководства, предприятий и физических лиц.

Сейчас в городах и районах республики действует значительное число туристических бюро, фирм и агентств, имеющих различную специализацию (на прием, отправку туристов, экскурсионных маршрутах, специализированных турах и т.д.). Основное их внимание сосредоточено на отправке татарстанцев за рубеж. Внимание местных туристических структур, и особенно в части финансовой помощи или помощи в организации обслуживания этой отрасли, незначительное. Фактически не ведется туристическое строительство в городах и тем более в сельской местности.

В результате, отдельные учреждения и организации сферы культуры также начали создавать собственные туристические учреждения или включали организацию туристического обслуживания в перечень своей уставной деятельности. Подобная ситуация характерна для музеев-заповедников (Болгарский и Елабужский музеи-заповедники), осуществляющих свою деятельность в рамках большой территории. Таким путем удастся решать отдельные специальные задачи организации туризма на объектах культуры. В действующих Раифском и Свияжском Успенском монастырях открыты постоянные дворы для паломников.

Решение проблем туристско-рекреационного использования особо охраняемых историко-культурных территорий должны носить многоплановый и индивидуальный характер. Эта проблема особенно актуальна в связи с подготовкой и проведением в 2013 г. Универсиады в г. Казани.

Положительный опыт решения проблем сохранения историко-культурного наследия и его рационального использования диктует необходимость в короткие сроки провести целый комплекс охранных мероприятий и именно программными методами, которые давно зарекомендовали себя.

О ЗНАЧИМОСТИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА ДЛЯ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Герасименко Т.И.,
Оренбургский государственный университет

Голубченко И.В.
Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа

Изучение наследия в силу его огромной роли в сохранении культурного разнообразия, а, следовательно, устойчивого развития современного общества, является не только важным, но и необходимым. В последнее время этой междисциплинарной проблеме уделяется все больше внимания на самых разных уровнях, в этот процесс все активнее включаются и географы. Однако если вопросы сохранения природного наследия отражаются весьма широко, то проблема культурного наследия остается недостаточно изученной с географической точки зрения. Вместе с тем географическая наука, и, в частности, культурная география обладает большими возможностями и разработанным методологическим и методическим аппаратом для компетентного анализа данной проблемы. Как известно, культурная география одной из своих практических задач ставит разработку и применение форм и методов сохранения культурного наследия, резервируя за собой важнейшую функцию накопления и реализации культурного потенциала в целях сохранения идентичности и развития этноса [1]. Культурная география изучает территориальную дифференциацию культуры и отдельных ее компонентов (образа жизни, традиций, элементов материальной и духовной культуры населения), имеет целый ряд научных направлений (в том числе этнокультурную географию, географию религий, географию культурного наследия и др.). Из многочисленных задач, которые в настоящее время способна решать данная наука, можно выделить прикладные для целей развития экскурсионно-туристской деятельности в том или ином регионе:

- культурная география позволяет создать информационную базу для развития туристско-рекреационной деятельности – кадастровые, инвентаризационные, картографические материалы, которые служат основой для составления туристических маршрутов и текстов экскурсий;
- выявляет культурно-географические районы, служащие основой для формирования туристско-рекреационных систем;
- дает возможность оценить культурно-географические ресурсы для рекреационной деятельности, а также выявить предельно допустимую нагрузку на них («емкость» культурных объектов);
- совместно с ландшафтоведением позволяет оценить культурные ландшафты в рамках культурно-ландшафтного направления как с точки зрения историко-культурной ценности, привлекательности, так и с точки зрения экологической емкости;
- способна выявить потребности населения как носителя культуры в организации туристско-рекреационной деятельности культурологической направленности.

Для оценки территории с точки зрения потенциальной экскурсионно-туристической деятельности используются в первую очередь картографический метод, а также метод районирования. Первоначально выявляются культурные ареалы, затем составляется кадастр культурных объектов, определяются объекты, выполняющие функции культурных ядер, оценивается их значимость и сохранность, пропускная способность, а также экологическая емкость ландшафта, в котором они размещаются. Затем изучается рекреационная инфраструктура – наличие объектов питания, мест для проживания туристов в соответствии с потребностями и т.д. В зависимости от этого определяется содержание маршрута и его продолжительность. Важнейшую роль при определении рекреационного потенциала территории играют объекты культурного наследия.

Понятие культурного наследия постепенно трансформировалось и расширялось вместе с трансформацией понятия культуры от традиционных представлений о ней как о сфере литературы и искусства к более широкой трактовке, включающей разнообразие образов жизни, основные права человека, системы ценностей,

традиции и т.д. В материалах Всемирной конференции по политике в области культуры, принятой в Мехико в 1982 г., зафиксировано: «...в самом широком смысле культура может рассматриваться как совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу» [2, с. 129].

Первоначально под культурным наследием понималась совокупность только недвижимых памятников истории, культуры и природы, имеющих особую ценность для мира, страны, региона. Согласно принятой в Париже в ноябре 1972 г. на XVII сессии Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия, под культурным наследием понимаются памятники, ансамбли, достопримечательные места (произведения человека или совместные творения человека и природы), а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии [3]. В Хартии ООН «В поддержку культуры», принятой в Салониках в июне 1997 года, наследие определяется как вся совокупность природных и культурных элементов, материальных и нематериальных [4]. Помимо музеефицированных памятников культуры, к культурному наследию относят также активную часть жизнедеятельности этноса (старинные технологии, специальные способы деятельности, традиции и т.д.). С этой точки зрения наследие представляет собой отражение исторического опыта взаимодействия человека и природы. Наследие – это часть культурного ландшафта территории.

Ю.В. Веденин [1] отмечает, что в основе современных подходов (генетического, определяющего наследие как исторический опыт взаимодействия человека и природы, экологического, считающего наследие основой устойчивого развития общества, и географического, предполагающего определение культурного наследия как основы культурного и природного разнообразия общества) лежит представление о наследии как о фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства.

Культурное наследие формируется под воздействием этнических, экономических, исторических, географических факторов. Рассмотрим это на примере уникального этнокультурного региона, расположенного в зоне этнических и религиозных контактов на стыке культурных миров, этносов и конфессий Европы и Азии. Такова Оренбургская область, которая может служить в некотором роде моделью для всей территории Арало-Каспийского региона. Важнейшие факторы здесь – это этническое и конфессиональное многообразие, контрастность, наличие районов компактного и совместного проживания этносов, миграционные потоки. Под влиянием географического положения, природных особенностей территории и сходных исторических судеб складывались уникальные региональные особенности наследия, которые обусловлены с одной стороны взаимодействием этносов, с другой – формированием локальных, изолированных культур. Территория области может быть привлекательна с туристско-экскурсионной точки зрения как мультинациональный и поликонфессиональный регион с толерантными отношениями, что особенно актуально в настоящее время. Оренбург, основанный как крепость, с самого начала служил не столько орудием военного давления на соседние народы, сколько посредником в обширной торговле с некогда воинственными соседями, что явилось одной из важнейших причин того, что в регионе селились люди разных вероисповеданий. Здесь проживают наследники степных кочевников, представители финно-угорских племен, пришедших в православие от язычества и сохранивших языческие элементы в своей культуре, а также население, пришедшее в православие из мусульманства. Важной этнокультурной группой являются потомки жителей казачьих линейных поселений – станиц и крепостей, расположившихся в свое время по рекам Самаре и Уралу. Под защитой укрепленных линий, входящих в состав Уральского и Оренбургского казачьих войск, было заселено все пространство между Самарой и Уфой, а также берегами Урала и его притоков и левобережьем Волги. Все эти группы населения имеют свои характерные особенности, которые отражаются в особенностях архитектуры, планировки селений и отдельных усадеб, праздников, обрядов, занятий, кухни, фольклора, образа жизни. Культурной спецификой территории является наличие регионального этнокультурного компонента, сформировавшегося в результате взаимодействия, взаимовлияния и конвергенции различных этнокультурных групп, что неизбежно в силу сходных природных условий и исторических судеб. В некоторых районах Оренбуржья присутствуют изолированные группы населения в инокультурном окружении, например, старообрядческие, меннонитские, баптистские.

Здесь имеется большое количество социально-географических, экономико-географических, историко-культурных, историко-археологических, архитектурно-художественных, культовых памятников, принадлежащих к наследию. Не все они имеют официальный статус объектов наследия, но многие могут претендовать на внесение в кадастр, по крайней мере, национального уровня. В настоящее время областной администрацией

взяты на учет свыше 1800 объектов, из которых более 1500 входит в государственный список памятников истории и культуры.

Культурное наследие региона необходимо рассматривать как систему. Конечно, выявление и постановка на государственный учет и охрану многих памятников - очень важная задача. Вместе с тем, необходимо предпринимать дальнейшие шаги. Можно говорить, имея в виду идеи Д.С. Лихачева, который сетовал на то, что изучаются лишь отдельные виды культуры и остатки культурного прошлого и даже ввел термин «экология культуры» [5], о необходимости перехода на территории области, так же как и других регионов, от исследования и сохранения отдельных памятников культурного и природного наследия к изучению наследия в его целостности и многообразии. Очевидно, что при такой трактовке особое значение имеет формирование каркаса особо охраняемых историко-культурных территорий совместно с каркасом охраняемых природных объектов. Это предполагает выявление всей совокупности наследия – как материальных памятников истории и культуры, так и особенностей народной культуры, традиций, ремесел, промыслов; исторической городской среды, сельской застройки, системы расселения, этнокультурной среды в совокупности с природным окружением. Неплохим примером создания общедоступного регионального указателя объектов наследия служат карты, составляемые Российским НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва [см., напр.: 6]. Наследие региона необходимо рассматривать не только как данность для сохранения памятников, но и как непосредственную и существенную часть национального культурного достояния, как особенные элементы, определяющие самобытную региональную культуру.

С этих позиций в области можно выделить несколько типов уникальных историко-культурных территорий, составляющих культурное наследие: городские ансамбли, исторические сельские поселения, этно-экологические районы, усадебные комплексы, исторические производственные территории, археологические территории. Остановимся на них подробнее.

Городские ансамбли, сохранившиеся в виде ценной исторической застройки, создающей целостный историко-архитектурный образ, имеются в Оренбурге, Орске, Бузулуке и Бугуруслане. В этих городах они лучше всего изучены. Всего в составе ансамблей выявлено более 700 зданий, которые могут быть отнесены к категории наследия. Особенно выделяется Оренбург, который с момента его основания стал центром просвещения и культуры на Южном Урале. Наиболее значимыми памятниками архитектуры являются: здание Дворянского Собрания (Оренбург, ул. Советская, 17), Гостиный Двор (Оренбург, ул. 9 Января, 34), Караван-Сарай (Оренбург, пр. Парковый, 6), здание Контрольной палаты (Оренбург, ул. Советская, 28), ансамбль «Хусаиния», (Оренбург, ул. Кирова, 3), беседка-ротонда (Оренбург, сквер им. В.И. Ленина), канцелярия генерал-губернаторов (Оренбург, ул. Советская, 2), здание городского самоуправления (Оренбург, ул. Каширина, 29), дом купца Литвака (Орск, ул. Советская, 52), здание городской управы (Орск, ул. Толстого, 26), здание земской управы (Бузулук, ул. 1 Мая, 35) и др.

Один из наиболее известных памятников российского значения – комплекс Караван-Сарая, состоящий из здания мечети, минарета и основного корпуса (постоялого двора). Караван-Сарай предназначался для башкиро-мещеряцкого войска, а также должен был служить бесплатной гостиницей для башкир и мещеряков. Строительство его начато по инициативе В.А. Перовского в 1837 г. по проекту архитектора А.П. Брюллова (брата известного художника К.П. Брюллова). Украшения для внешнего и внутреннего оформления мечети, в том числе знаменитая хрустальная люстра с 72 бронзовыми подсвечниками, пропавшая в годы советской власти, выполнялись в Петербурге и в Москве. В 1993 г. мечеть комплекса возвращена верующим мусульманам.

Единственными уцелевшими от старого (времен первого губернатора И.И. Неплюева) Оренбурга и самыми древними в городе сооружениями являются нижняя часть колокольни и каменное одноэтажное здание бывшей таможни. Колокольня с куполом была сделана над западными воротами гостиного двора. «Каменный гостиный двор» предназначался для торговли со среднеазиатскими народами, он был построен в 1750–1754 гг. по проекту архитектора И.В. Мюллера внутри города к северо-западу от центральной площади. Гостиный двор представлял собой прямоугольник с длиной сторон в 100 сажень. Все 150 лавок и амбаров были обращены внутрь двора. В годы советской власти в здании гостиного двора размещался шелкокомбинат, оно было практически полностью перестроено. В настоящее время производится его реконструкция. Отметим, что исторические особенности региона и всего Южного Урала не способствовали сохранению памятников культуры. Длительное положение на границе, а также частые восстания и пожары разрушительно действовали на здания, сооружения и т.п. Кроме того, еще в XVIII в. в городах (не считая Оренбурга), особенно в равнинной части, и тем более селах каменные здания были большой редкостью (например, их не было в таком крупном центре, как Уфа).

Исторические сельские поселения, сохранившие своей планировочный и архитектурный облик, традиционные виды землепользования, элементы народной культуры в повседневной жизни и творчестве людей, есть во многих сельских районах области. Например, сохранились части старинных казачьих линейных поселений – бывших станиц и крепостей, располагавшихся по рекам Самаре, Уралу и Сакмаре. Здесь в свое время происходили события, связанные с крестьянской войной 1773–1774 гг. под предводительством Е. Пугачева. В некоторых из них (Берды, Татишево и др.) бывал А.С. Пушкин во время сбора материала для написания «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Одной из таких крепостей является Илекский казачий городок, к востоку от которого сохранились следы земляного вала. Под защитой укрепленных линий, входящих в состав Уральского и Оренбургского казачьих войск, было заселено все пространство между Самарой и Уфой, а также берегами Урала и его притоков и левобережьем Волги. Все эти поселения имеют свои характерные черты, которые отражаются в особенностях архитектуры, планировки селений и отдельных усадеб, а также праздников, обрядов, занятий, кухни, фольклора, образа жизни населения. Культурная специфика характерна для многих населенных пунктов, которые имеют достопримечательности, прежде всего культовые здания – православные храмы, мечети и др. Часть памятников истории и архитектуры сохранилась с прежних времен, другие восстановлены или построены заново. Так, из 164 культовых зданий, находящихся в пользовании либо собственности церкви, 24 храма являются памятниками истории и культуры, в том числе четыре – федерального значения. Для значительного числа сельских территорий характерно наличие регионального этнокультурного компонента, сформировавшегося в результате взаимодействия, взаимовлияния и конвергенции различных этнокультурных групп, что неизбежно в силу сходных природных условий и исторических судеб.

Этно-экологические районы проживания небольших этнографических групп, в пределах которых находятся их историко-культурные объекты, сохранились в местах компактного изолированного проживания отдельных групп населения – например, немцев-меннонитов, старообрядцев, баптистов, мормонов.

Усадьбные комплексы – например, имение Тимашевых (Тюльганский район, с. Ташла), усадьба Аксакова (Бугурусланский район). Все они нуждаются в реставрационных работах. Печально, что многие усадьбы безвозвратно утрачены. Есть примеры таких разрушений даже в недалеком прошлом (90-е годы).

Исторические производственные территории, горные выработки сохранились в ряде мест. К примеру, на стыке Октябрьского, Александровского, Сакмарского и Переволоцкого районов находится уникальный памятник древнего горно-металлургического производства – Каргалинские медные рудники, которые разрабатывались в эпоху бронзы, с IV до начала I тысячелетия до н. э., а затем в новое время в XVII–XIX вв. На рудниках сохранилось множество небольших карьеров, шурфов, колодцев, шахт, лабиринтов, подземных лазов и камер. Несомненно, этот объект наследия имеет мировое значение. Здесь проектируется создание ландшафтно-исторического заповедника «Каргалинские рудники». В эту же категорию могут быть отнесены территории с исторически сложившимся пуховязальным производством – в частности, знаменитое село Желтое Саракташского района.

Археологические территории выявлены практически во всех административных районах области. Наиболее богаты в этом отношении южные районы – Акбулакский, Домбаровский, Илекский, Первомайский, Соль-Илецкий, Ташлинский, в каждом из которых насчитывается более 100 памятников. В Оренбургском районе известен крупнейший некрополь сарматских вождей: курганное поле «Высокая Могила – Студеникин Мар». Изучением этих уникальных объектов занимаются специалисты исторического факультета ОГПУ и археологи института Степи. На востоке области, в Кваркенском районе, расположен один из центров «Страны Городов» – городище бронзового века Аландское. Наиболее известный и изученный центр этой «Страны Городов» – Аркаим – находится на юго-западе Челябинской области. Как утверждают археологи, архитектура Аркаима не менее сложна, чем архитектура Крита, а возраст «Страны Городов» насчитывает не менее четырех тысяч лет. Эти памятники относят к аркаимо-синташтинской, специфической для Южного Зауралья, культуре. Сохранившиеся укрепленные поселения, городища, селища и могильники археологи считают ценнейшими памятниками ранних индоиранцев. Поскольку до последнего времени этот культурный пласт считался утраченным, возможно, эти памятники также могут претендовать на объекты наследия мирового значения.

Следует отметить, что на территории области пока выявлены и включены в Список объектов наследия регионального и федерального значения не все объекты наследия, которые могли бы быть включены в него. Все эти историко-культурные территории необходимо не только сохранять, но и использовать – например, как туристско-экскурсионные и рекреационные структуры, что может не только послужить источником хотя бы частичного притока средств для реставрации и охраны памятников, но и дать толчок для дальнейшего развития региона. Туризм является источником занятости местного населения и достаточно прибыльной отраслью экономики, что немаловажно для бюджета области. Развитие туризма в родном крае значимо также потому, что позволяет жителям лучше познать как свою, так и иную культуру и укрепляет толерантные отношения.

Литература

1. Веденин Ю.А. Формирование нового культурно-экологического подхода к сохранению наследия (в контексте истории создания Российского института культурного и природного наследия) // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». М.: Институт Наследия, 2000.
2. Мазуров Ю.Л. Культура и культурная политика // Наследие и современность. Информационный сборник. Выпуск № 7. М., 1999.
3. <http://nasledie.org.ru/baza.htm>
4. www.unesco.ru/~pease/docs/content/mo2000.htm
5. Лихачев Д.С. Избранное о культурном и природном наследии. // Экология культуры: Альманах Института Наследия Территория. М.: Институт Наследия, 2000.
6. Республика Башкортостан. Культурное и природное наследие: карта. Масштаб 1:500000 / Институт наследия; Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия РБ, Минкульт РБ. М., 2007.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОДНОЙ ИЗ ПЕЩЕР ВОЗВЫШЕННОСТИ БЕСШОКЫ («БИШ-ЧОХО»)

Головачёв И.В.

Астраханский государственный университет

О карстовых пещерах на территории Низового Заволжья в пределах Прикаспийской низменности в научной и научно-популярной литературе к настоящему времени имеется весьма скудная информация. Несмотря на то, что изучению карстовых процессов, протекающих на данной территории, и описанию поверхностных карстовых форм рельефа, уделено немало внимания со стороны представителей академической науки.

Карстовые формы рельефа – как подземные, так и поверхностные – приурочены к небольшим разобщённым карстовым районам, обусловленным выходами на дневную поверхность растворимых природными водами осадочных горных пород нижнепермского возраста, представленных гипсами и каменной солью. Эти породы вынесены на поверхность земли благодаря внедрению соляных пластовых масс из глубинных толщ в виде соляных куполов.

С пещерами возвышенности «Биш-чохо» (Бесшоки)¹ астраханским спелеологом впервые довелось познакомиться в 1987 г. Более детальное их обследование было осуществлено только спустя 10 лет, в ходе последующих четырёх комплексных научно-исследовательских экспедиций по территории Волго-Уральских песков (Нарынкум), организованных Астраханским отделением Русского географического общества в 1997–1999 гг. и в 2009 г.

Пещеры на возвышенности Бесшоки известны давно. Так, например, геолог И.Б. Ауэрбах в 1854 г., в ходе своих исследований, проводившихся по поручению Императорского РГО, обнаружил здесь две пещеры. Вот, что он пишет о них: «...Две из них, лежащие в равнине, у северного подножия Бисчохо, были посещены нами; одна из них ... удобно-доступна по наклонному скату и представляется внутри, по своду, покрытой мелкими гипсовыми сталактитами или гипсовой накипью, образующей гроздевидную поверхность; соседние киргизы устроили себе в ней нечто в роде подземной молельни, где по временам совершают своё богослужение; другая же имеет стены совершенно отвесны, вышиною метра в четыре (2 саж.), и в неё можно проникнуть только спустившись на канате...» [1, с. 67].

Однако это, пожалуй, единственное описание исследования пещер данного района. Все имеющиеся

¹ Автор использует искаженное название местности, как «Биш-чохо» (очевидно татарское). Верное наименование местности, топонима «Бесшоки» (по-казахски «пять сопок, холмов»), которое соответствует нормам современного казахского языка, действующим для топонимических объектов, расположенных на территории РК. Кроме того, такая форма написания имеет и культурно-исторические основания, связанные с давним проживанием казахов («киргизов») на данной территории. Не случайно и пещера, о которой идет речь в статье, носит имя казахского скотовладельца XIX в. Кененбая (Кенембая). В связи с этим редколлегия сочла оправданным использование в статье правильного названия. – С.А.

в литературе сведения о пещерах возвышенности Бешоки даются со ссылкой на данные И.Б. Ауэрбаха и имеют слишком беглый и общий характер. Поэтому найденная в ходе экспедиционных работ карстовая пещера Кененбай (рис. 1) была по возможности наиболее полно описана автором настоящей статьи [2, с. 68].

Пещера получила своё название по имени богатого местного бая, который по преданиям местных жителей – казахов в смутные революционные годы скрывался в этой пещере. Эта легенда, пока единственное объяснение происхождения названия пещеры и встречается в разных вариациях и подробностях. Так, в одних случаях, бай не ушёл, а ускакал в пещеру, в других – скрылся там со всей своей семьёй. Но всегда говорится о том, что он так и не вышел из неё. Руководствуясь приведённым у И.Б. Ауэрбаха [1, с. 67] описанием пещер возвышенности Бешоки, можно смело предположить, что пещера Кененбай и есть та пещера, в которой казахи («киргизы») устроили подземную молельню.

Пещера Кененбай находится в Прибаскунчакском карстовом округе Западно-Прикаспийской карстовой провинции, в северо-восточной части возвышенности Бешоки. Данная подземная полость имеет карстовое происхождение и заложена в нижнепермских гипсах кунгурского яруса, имеющих небольшой угол падения (12°) в северо-западном направлении и с небольшим уклоном (3°) на северо-восток.

Вход в пещеру расположен в северной бортовине крупной ассиметричной карстовой воронки провального генезиса, в склонах которой обнажаются крутообрывающиеся сильно выветренные с поверхности гипсы. Воронка имеет в плане сложную форму, обусловленную провалом в гипсовой кровле, и её диаметр в среднем составляет около 30 м, а глубина от уровня окружающего пространства около 6 м. Пещера Кененбай (рис. 2) начинается арочным входом, имеющим высоту 3 м и ширину в основании 6,5 м. Вход в пещеру по центру преграждают две крупные гипсовые глыбы размером $2,7 \times 2,7$ м и $3,6 \times 2,2$ м. Высота их около 2,5 м. Вероятнее всего, что эти глыбы когда-то были частью свода пещеры и впоследствии, обрушившись, перегородили входное отверстие. Об этом же говорит и рисунок входа в эту пещеру, приводимый в работе Ауэрбаха [1, с. 67]. На рисунке изображён пещерный зал ещё не перегороденный у входа упавшими крупными глыбами гипса (рис. 3).

За привходовыми глыбами открывается крупный пещерный зал длиной 18 м, шириной 11 м и высотой 3 м (рис. 1). Зал имеет субширотное простирание (по Аз. = 240°). Протяжённость пещеры – 19 м, проективная длина – 18 м, площадь – 160 м^2 , объём – 480 м^3 , глубина от уровня степи – 7 м (относительно входа – 1 м), амплитуда – 3 м. В настоящее время пещера не имеет дальнейшего продолжения, хотя в прошлом, если верить легенде, она была более протяжённой. О чём свидетельствует мощный завал в юго-западной части пещерного зала. По рассказам местных чабанов обвал свода в этой части пещеры произошёл около 30 лет назад (т.е. в 1960-х гг.) и перекрыл вход в дальнейшую часть пещеры. Конус выноса этого обвала имеет мощность 1,8 м и радиус простирания около 6 м. Свод полости в этом месте повышается почти на 1 м. Очень похоже, что здесь действительно не так давно был пещерный ход, впоследствии перекрытый обвалом.

Отложения пола в этой пещере представлены тонкими переветренными хвалынскими песками, занесёнными с поверхности через входное отверстие, как ветровым переносом, так и природными тало-дождевыми водами. Мощность этих песчаных отложений в привходовой части пещеры до 1 м, ниже лежат гипсовые глыбы, сильно взмученные с поверхности. В 1997 г. нами наблюдались на полу пещеры необычные положительные грунтовые образования (корки-слепки с ледяных сталагмитов), сезонного характера [2, с. 68].

Температура воздуха в данной пещерной полости составляет в среднем $+10^\circ\text{C}$. Относительная влажность воздуха под землёй достигает 79% (измерения проводились психрометром аспирационным МВ-4М). Если учесть довольно крупные размеры входного отверстия, то величину влажности воздуха в пещере можно считать довольно высокой. Это можно объяснить тем, что в данную полость регулярно поступает из глубины влажный холодный воздух (из-под завала, расположенного в юго-восточном углу зала), на что указывает также произрастание мха на гипсовой стене возле зоны разгрузки «пещерного дыхания».

Благодаря большим размерам арочного входа и расположению его в склоне южной экспозиции, пещерный зал очень хорошо освещается в дневное время. А благодаря легкодоступности и крупным размерам является прекрасным укрытием в степи и местом отдыха, для людей и животных. О чём свидетельствуют надписи на стенах пещеры, закопченные местами участки свода, а также отложения, вскрытые в одном из рабочих шурфов за привходовыми глыбами, содержащие небольшой культурный слой, представленный гравийной засыпкой с кусочками золы и угля.

Свод пещеры, за исключением мест нарушенных обвалом, покрыт белой корой вторичной кристаллизации гипса, которую И.Б. Ауэрбах называет «гипсовой накипью» [1, с. 67].

Среди других отложений пещеры необходимо отметить многолетние скопления птичьего помёта, под

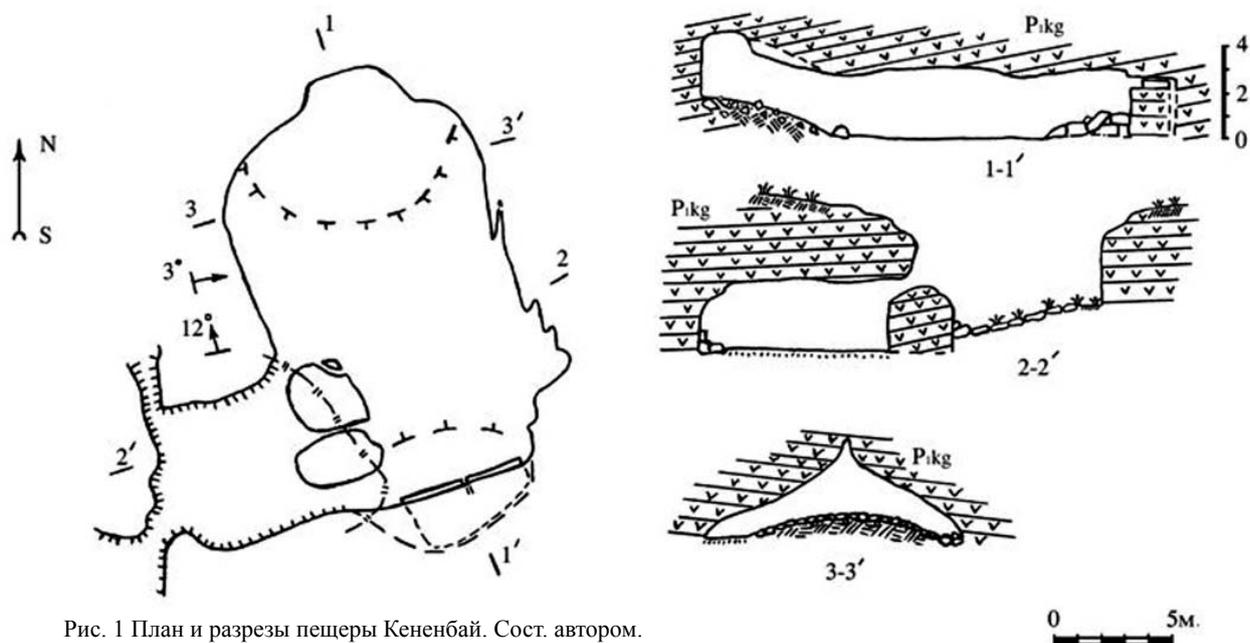

Рис. 1 План и разрезы пещеры Кененбай. Сост. автором.

теми скальными полками и нишами в своде пещеры, где располагаются небольшие (15–20 см диаметром) гнёзда птиц, устроенные из сухих веточек степной растительности. Кучи птичьего помёта имеют в среднем размеры до 20–30 см высоты и 30–40 см ширины в основании.

Внутри пещеры на своде имеется несколько действующих капельников, собирающих конденсационную воду. Под ними на полу пещеры в холодное время года образуются небольшие ледяные сталагмиты, которые с наступлением тепла стаивают.

В ходе обследования пещеры на одной из привходовых глыб были обнаружены фрагменты прочерченной надписи на арабском языке [3, с. 26]. Над ней располагались фрагменты другой уже нечитаемой надписи. Вблизи этой глыбы был заложен небольшой шурф, который показал, что «...на глубине около 46 см людьми

Рис. 2. Вход в пещеру Кененбай. Вид на восток. Фото автора.

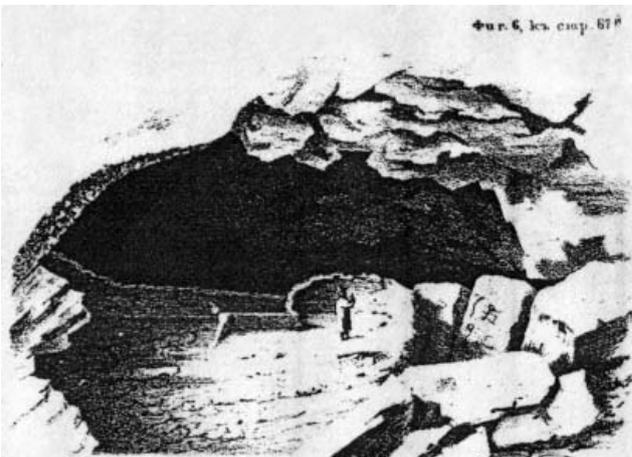

Рис. 3. Пещера Кененбай. Рисунок из работы И.Б. Ауэрбаха [1, с. 67].

была произведена сначала срезка пласта в 8 см, а затем его нивелировка гравийной массой до уровня на глубине в 32 см...», выше залегали горизонтальные прослойки из серого песка с органикой мощностью по 1,5 см, а «с глубины 22 см поднимался горизонтальный слой толщиной в 8 см из лёгкой супеси с золой», перекрытый до уровня пола тонким чехлом рыхлых делювиальных отложений [3, с. 31].

На основании полученных данных археологом экспедиции Астраханского отделения РГО В.В. Плаховым было сделано предположение, что «...пещера возможно в первой четверти XX века (в 1930-х годах вместо

арабского шрифта был введён латинский) посещалась местным населением и широко известна, исходя из сообщений чабанов, проживающих на возвышенности Биш-чохо, как место, где якобы находилась киргизская мечеть» [3, с. 31].

Пещера Кененбай является интересным природным образованием, достойна статуса геологического памятника природы и, несомненно, дальнейшее изучение её специалистами позволит получить новые сведения о карстовых пещерах Северного Прикаспия.²

Литература

1. Ауэрбах И.Б. Гора Богдо. Исследования, произведённые по поручению Императорского Русского географического общества в 1854 году. СПб., 1871.

2. Головачёв И.В. Карст и пещеры Северного Прикаспия [текст]: монография. Астрахань: Издат. дом «Астраханский ун-т», 2010.

3. Плахов В.В. О новых памятниках археологии в степях Северного Прикаспия // Материалы комплексной научно-исследовательской экспедиции по Волго-Уральским пескам (30 апреля–10 мая 1997 г.). Вып. 1. Астрахань: Астрах. отд. РГО, 1998.

ВКЛАД И.М. КРАШЕНИННИКОВА В ИЗУЧЕНИЕ БИОРАЗНООБРАЗИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Грошева О.А.

Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург

Среди известных исследователей природы Южного Урала есть ученые, которые одновременно с изучением географии растений плодотворно работали над вопросами происхождения и развития растительности в тех или иных физико-географических условиях, выяснением взаимосвязей и взаимозависимостей между растительностью и почвой, климатом, рельефом и другими факторами ландшафтообразования. Один из ярких представителей таких ученых в отечественной науке – Ипполит Михайлович Крашенинников (1884–1947), уроженец г. Челябинска, ботаник и географ, доктор биологических наук (1934), профессор (1939), заслуженный деятель науки РСФСР (1947). Органическая связь его геоботанических исследований с физико-географическими стала плодотворной для теории и практики изучения биоразнообразия Южного Урала.

Интерес к изучению растительности появился у И.М. Крашенинникова еще во время учебы в училище, когда он, начиная с 1902 года, стал совершать экскурсии по Южному Уралу. Внимание будущего ученого привлекала не только растительность: он внимательно наблюдал озера, интересовался геологическим строением и полезными ископаемыми. В 1905 году им была уже опубликована первая статья, посвященная озерам Зауралья. В 1908 году появляются две интересные работы И.М. Крашенинникова: одна в журнале «Землеведение» – «Материалы по ботанической географии Челябинского уезда Оренбургской губернии» [1], другая, написанная совместно с сестрой, в «Русском ботаническом журнале» – статья, посвященная новинкам флоры Оренбургской губернии [2]. После первого курса университета И.М. Крашенинников в составе комплексной экспедиции Переселенческого управления (1908–1914 гг.) участвовал в полевых исследованиях Южного Урала с целью выявления пригодности земель для заселения их переселенцами из западных и южных районов Европейской России. Помимо И.М. Крашенинникова в работах принимали участие Б.А. Скалов, В.М. Савич, Ф.Ф. Зелинский, Ф.И. Левченко и др.

По окончании в 1914 году физико-математического факультета Московского университета И.М. Крашенинников поступил на службу в Ботанический сад в Петрограде и затем почти ежегодно, в течении 30 лет, проводил экспедиционные исследования растительности: 1908 – Восточное Забайкалье, бассейн р. Аргуни; 1915 – Средняя Азия, бассейн р. Амударьи; 1916–1917 – Южный Урал; 1919–1923 – бассейн р. Дона; 1924 – степи Предкавказья; 1925 – степи МНР; 1926–1927 – степи Казахстана; 1928–1931 – Южный Урал (Башкирская АССР), юг Западной Сибири; 1932 – степи низовьев Волги; 1934–1936 – Южный Урал, бассейн р. Урал.

² Необходимо отметить, что данный памятник природы и истории обследовался в 2007 г. Западно-Казахстанской комплексной этноархеологической экспедицией (рук. С.Е. Ажигали). – Прим. ред.

И.М. Крашенинников – автор более 90 научных публикаций, значительная часть которых посвящена итогам исследований Южного Урала. Ученый одним из первых исследователей обнаружил на Южном Урале свидетельства древней гидрографической сети, отличавшейся от современной, открыл некоторые сухие, «мертвые» ложбины стока древней долинной сети, к которым приурочены местами скопления древнего аллювия, подвергшегося выветриванию по типу латеритной коры выветривания.

Таким образом, еще в дореволюционное время И.М. Крашенинников исследовал природу Южного Урала с различных точек зрения, уделяя особое внимание истории развития, характеристикам и взаимоотношениям компонентов местности. В дальнейшем он становится одним из ведущих работников Ботанического института Академии наук СССР (в настоящее время «Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН») и руководителем крупных экспедиционных исследований. Центральное место в его работах по-прежнему занимает Урал, но круг вопросов все более расширяется и ведет к решению комплексно-географических проблем.

В «Геоботаническом очерке Троицкого округа Уральской области» [3], основанном на материалах Оренбургской почвенной экспедиции 1916–1917 гг. под руководством С.С. Неуструева, И.М. Крашенинников дал краткую физико-географическую характеристику Южного Зауралья. Автор, рассмотрев основные черты геоморфологии и разделение территории округа на области и районы, характерные особенности растительного покрова округа, формы соподчинения его группировок геоморфологической структуре, предложил свое деление на растительные зоны и ботанико-географические районы. В этой работе И.М. Крашенинников представил не только пример глубокого анализа взаимоотношений рельефа и растительности на общем фоне палеогеографического развития их, но и использовал выводы из этого анализа в качестве принципа геоботанического районирования территории.

В 1927 г. была опубликована брошюра «Из истории развития ландшафтов Южного Урала» [4]. После краткого обзора характера и особенностей отдельных элементов природы И.М. Крашенинников характеризует последовательную смену событий в истории формирования Уральской горной страны, ее рельефа, климата, почвенного и растительного покрова, показывает основные этапы палеогеографического развития ландшафтов Урала по геологическим периодам. Работа «Из истории развития ландшафтов Южного Урала» – одна из первых попыток представить общую картину сложной, насыщенной событиями истории природы Южного Урала.

С 1928 г. И.М. Крашенинников участвует в комплексной Уральской экспедиции Академии наук (сначала под начальством акад. А.Е. Ферсмана, а затем акад. И.П. Бардина). Широкий охват территории детальными исследованиями обеспечил сбор богатейшего научного материала, на основе которого появились затем еще более фундаментальные труды И.М. Крашенинникова.

В 1937 г. И.М. Крашенинников опубликовал статью «Анализ реликтовой флоры Южного Урала в связи с историей растительности и палеогеографией плейстоцена» [5], в которой, в частности, ученый пришел к выводу о существовании в прошлом своеобразной «плейстоценовой сосново-лиственнично-березовой лесостепи» и о сохранении на Урале этого (плейстоценового) флористического комплекса.

В 1939 г. в работе «Физико-географические районы Южного Урала» [6], И.М. Крашенинников обобщил все физико-географические данные об этой территории. К сожалению, ученый успел подготовить к печати лишь первую часть монографии – районы восточного склона Южного Урала и прилегающей к нему Зауральской равнины. Однако и в этой выполненной части работы он представил читателю природу описываемого района на фоне палеогеографического развития геоструктуры и геоморфологического строения всей Уральской горной страны. Книга И.М. Крашенинникова содержит обширный и систематизированный фактический материал и построена строго логически (по принципу «от общего к частному») и в целом дает исчерпывающую картину природы, ее ресурсов и многообразных географических процессов.

Если сравнивать эту работу ученого с известной книгой С.С. Неуструева «Естественно-исторические районы Оренбургской губернии» (1918), в которой частично использованы и материалы И.М. Крашенинникова (участника экспедиции под руководством С.С. Неуструева), то необходимо отметить, что труд И.М. Крашенинникова, изданный двумя десятилетиями позднее, освещает природу Урала уже на более высоком научно-теоретическом уровне. Он пронизан глубоким всесторонним знанием природы Урала, ее особенностей и своеобразия, истории ее формирования.

В работе «Основные пути развития растительности Южного Урала в связи с палеогеографией Северной Евразии в плейстоцене и голоцене» (1939) И.М. Крашенинников решает задачу выделения основных этапов в развитии растительного покрова Южного Урала во взаимосвязи с палеогеографией Уральской страны с конца неогена. Анализируя условия местообитания растительных комплексов Средней и Восточной Сибири, с одной стороны, и Урала и Русской равнины – с другой, ученый приходит к выводу, что существовавшие в

плиоцене закономерности распределения растительных формаций и, в значительной мере, флористический состав их были сходными от Русской равнины до Средней Сибири и Дальнего Востока. Палеогеографическая история конца третичного и начала четвертичного времени, ознаменовавшаяся эпохой неоднократных оледенений на Западе и Востоке, вызвала разрыв ареалов многих видов между Сибирью и Русской равниной с Уралом, а вместе с тем и трансформацию в их распределении, сопряженную со значительными миграциями видов и растительных группировок. Пути миграции растительности лежали в это время на южной окраине Западной Сибири, в области Казахского мелкосопочника и Арало-Тобольского водораздела, в зоне «плейстоценовой сосново-лиственнично-березовой» лесостепи. Типы широколиственных лесов, по мнению И.М. Крашенинникова, в течение эпохи рисского оледенения были на Южном Урале, как растительная формация, разрушены и сохранялись лишь отдельными участками, расселяясь в межледниковую эпоху по западному склону Урала на север и одновременно обогащаясь флористическими элементами с запада. Комплекс лиственничных, сосновых, березовых лесов, вместе с сопутствующими бореально-степными группировками, оттеснялся в это время на восточный склон Южного Урала и в его центральноводораздельную область, где со временем обозначилась вертикальная зональность растительного покрова. Общая схема распределения растительности оказалась сходной с современной. И.М. Крашенинниковым впервые введен термин «холодная плейстоценовая лесостепь», широко применяемый палеогеографами (И.П. Герасимов, В.П. Гричук, В.И. Громов, К.К. Марков и др.). Палеоботанические исследования, в частности методом пыльцевого анализа, подтверждают своеобразный характер растительности перигляциальной зоны плейстоцена в том смысле, как его определил и понимал И.М. Крашенинников.

Вполне естественным продолжением работ по истории развития растительности Урала стала книга И.М. Крашенинникова «Растительность Башкирской АССР» (1941), в которой автором представлены общая характеристика физико-географических условий Башкирии, описание ботанико-географических районов Башкирского Урала и Башкирского Зауралья.

Наряду с изучением растительности И.М. Крашенинников занимался и геологией, и рельефом, и водами, и почвами Урала и написал ряд обзорных работ: «Геология и геоморфология Урала и Южного Приуралья» (1936), «Почвы и растительность Урала и Южного Приуралья» (1936) и др.

Из наиболее важных идей, выдвинутых или разработанных и углубленных И.М. Крашенинниковым, можно отметить следующие:

1) Растительный покров – «элемент» ландшафта, органически связанный и взаимодействующий со всем комплексом элементов исторически развивающейся местности.

2) Растительный покров любой территории может быть представлен в виде генетических рядов растительных ассоциаций, отражающих историю его возникновения и развития.

3) В растительном покрове Урала имеет место комплекс реликтовых видов и ассоциаций, позволяющих установить генезис современной растительности, пути широких миграций флоры и центры видообразования.

4) В плейстоцене возникла своеобразная «бореально-ксерофильная» группа растительных формаций, располагавшаяся преимущественно в перигляциальных областях территории великого четвертичного оледенения Европы и Азии в виде своеобразной приледниковой лесостепи.

5) Растительный покров – один из важнейших природных ресурсов, который необходимо изучать как для рационального использования в хозяйстве и изменения его в целях обогащения наиболее ценными элементами. Как пример, он приводил возможность и целесообразность облесения сухих степей юга Западно-Сибирской низменности и Казахстана.

6) В степях Казахстана, Южного Урала и Зауралья имеются своеобразные геологические образования и формы поверхности, позволяющие утверждать существование таких палеогеографических условий, которые вызвали образование древней латеритного типа коры выветривания (на Южном Урале открытой самим И.М. Крашенинниковым) и древнеэрозионных циклов.

7) В изучении местности как для решения теоретических проблем, так и задач практического освоения территории важное значение имеет физико-географическое районирование, которое должно производиться на основе комплексного и обязательного историко-географического анализа территории.

Обобщающие комплексные работы И.М. Крашенинникова представляют собой итог многолетнего изучения природы Урала. От изучения флоры Челябинского района до палеогеографических концепций, до оценки современных растительных ресурсов Урала и его физико-географического районирования – таков путь творческих усилий исследователя, ставившего задачей «единым взглядом» охватить природу Урала, выяснить всю сложную картину взаимоотношений между географическими «компонентами» местности и мастерски пользовавшегося

историческим методом исследования. Научное наследие И.М. Крашенинникова – важное звено в истории познания биологического разнообразия Урала. Работы ученого стоят наряду с трудами И.И. Лепехина, С.И. Коржинского, Г.И. Высоцкого, А.А. Борзова и других выдающихся исследователей уральской природы.

Многие его работы – классические образцы подлинно географического анализа и характеристики местности. А.А. Борзов в 1932 г. оценил их следующими словами: «Особо надо выделить работы И.М. Крашенинникова по генезису долин Юго-Востока, по Казахстану, Южному Уралу и горной Башкирии, еще более ранние – по Забайкалью, в которых чрезвычайно счастливо сочетаются мастерски геоморфологический анализ, опирающийся на глубокое знание и большой личный полевой опыт автора, с обширными геоботаническими знаниями и опытом. В результате создаются стройные картины, в которых органически связана история формирования рельефа с историей развития почвенно-растительного покрова данной территории. Такие синтетические построения посильны, конечно, для очень немногих ученых всюду, но как тип, даже как образец географических работ, они особенно ценны, как бы одиноки они ни были» [7, с. 48].

Богатейшее научное наследие И.М. Крашенинникова, содержащееся не только в его опубликованных работах, но и в рукописях, дневниках, переписке с широким кругом ученых, свидетельствует о том, сколь крупного масштаба исследователем и мыслителем был этот выдающийся человек, представитель плеяды русских естествоиспытателей: В.В. Докучаева, Д.Н. Анучина, Л.С. Берга, А.А. Борзова, Г.И. Танфильева и других ученых.

Литература

1. Крашенинников И.М. Материалы по ботанической географии Челябинского уезда Оренбургской губернии // Землеведение. 1908. Т. 11.
2. Крашенинников И.М., Крашенинникова В.М. О новинках для флоры Оренбургской губернии // Рус. бот. журн. 1908. № 5–6.
3. Крашенинников И.М. Геоботанический очерк Троицкого округа Уральской области // Тр. Биол. НИИ и биол. станции при Перм. ун-те. Т. 2. Вып. 1. Пермь, 1928.
4. Крашенинников И.М. Из истории развития ландшафтов Южного Урала. Л., 1927.
5. Крашенинников И.М. Анализ реликтовой флоры Южного Урала в связи с историей растительности и палеогеографией плейстоцена // Советская ботаника. 1937. № 4.
6. Крашенинников И.М. Физико-географические районы Южного Урала. 1. Предгорья восточного склона и прилегающие части пенеplenов. Сер. Уральская. Вып. 7. М.–Л., 1939.
7. Борзов А.А. Геоморфология в СССР за 15 лет // Землеведение. 1932. Т. XXXIV. № 3–4.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ХАН МОЛАСЫ

**Джансугурова Л.Б., Бекманов Б.О., Красоткин Е.В., Булентаева З.А.,
Мусралина Л.З., Курманов Б.К.**

*Лаборатория молекулярной генетики
Институт общей генетики и цитологии КН МОН РК, Алматы*

Геномика человека оказывает сейчас очень сильное и благотворное воздействие на такие далекие от биологии области, как история, палеонтология, археология, антропология, этнография, лингвистика, криминалистика, судебная практика [1, с. 261; 2, с. 614–621].

Единогo «стандарта» ДНК человека не существует, все люди имеют в той или иной степени уникальные геномные последовательности. Каждый геном, как и каждый человек, сугубо индивидуален. Эта индивидуальность проявляется на уровне не только отдельной личности, но и этнических групп, отдельных сообществ и рас. Индивидуальные различия обусловлены геномным полиморфизмом.

Для определения индивидуальных генотипических различий и общих характеристик используются ДНК-маркеры: аутосомные маркеры (передающиеся как по отцовской, так и по материнской линии), маркеры митохондриальной ДНК (передающиеся только по материнской линии) и маркеры Y-хромосомы (передающиеся строго по отцовской линии).

В силу этнических, религиозных и политических особенностей для населения Казахстана более доступной является информация об отцовском типе наследования. Родословные (шежире), как правило, учитывают в основном мужскую линию. Основанные на анализе маркеров Y-хромосомы ДНК-тесты более всего подходят для решения вопросов генеалогии и истории казахов.

Целью настоящего исследования было проведение генетических исследований костных останков (3 объекта), полученных в результате раскопок в 2009–2010 гг. на некрополе Хан моласы в Айтекебийском р-не Актюбинской области. Предположительно, одно из захоронений является могилой Абулхаир-хана (1693–1748) – хана Младшего жуза (1718–1748).

Поскольку настоящее исследование посвящено решению исторических вопросов, связанных с определением принадлежности археологического материала (костных останков) Абулхаир-хану, для анализа ДНК необходимым условием было установление прямых родственников Абулхаир-хана по мужской линии. Были изучены исторические данные и проведен анализ родословных (шежире) известных потомков Абулхаир-хана [3–5].

При отборе кандидатур для исследования ориентировались на четко установленное наследование по мужской линии. Для молекулярно-генетического анализа были выбраны потомки, представляющие ветви от разных сыновей Абулхаир-хана: Нуралы-хана (2 потомка), Ералы-хана (1 потомок) и Айшаук-хана (1 потомок). А именно:

1. Шамшатов Ибрагим (1922 г. р.) – Шамшат Ташен Султанулы ← Ташен-султан ← Кулкатай-султан ← Нурман-султан ← Ералы хан ← Абулхаир-хан;

2. Сейдалин Рустем (1927 г. р.) – Аббас-султан ← Альмухамед-султан ← Кунторе-султан ← Сейдалы-султан ← Нуралы-хан ← Абулхаир-хан;

3. Каратаев Роллан (1939 г. р.) – Гали-султан ← Кошкар-султан ← Иман-султан ← Тилеу-султан ← Каратай-султан ← Нуралы-хан ← Абулхаир-хан;

4. Жангереев Аманкельды (1949 г. р.) – неустановленное наследование по женской линии от Сеит-султан ← Мамбет-султан ← Баймухамед-султан ← Айшуак-хан ← Абулхаир-хан.

Для первых 3-х потомков установлено строгое наследование по мужской линии. По историческим данным для 4-го потомка (Жангереев Аманкельды) не установлено прямое наследование по мужской линии от Абулхаир-хана.

У потомков были взяты образцы периферической крови, выделены и охарактеризованы образцы ДНК: ДНК Шамшатова Ибрагима (объект № 5-п); Сейдалина Рустема – объект № 7; Каратаева Роллана – объект № 3; Жангереева Аманкельды – объект № 6.

В качестве негативного контроля исследовали 3-х представителей казахской этнической группы мужского пола, неродственных Абулхаир-хану. В качестве контроля для определения прямого родства были отец (объект № 9) и сын (объект № 2). Объекты № 9 и № 2 были представителями Старшего жуза (Ұлы жүз: Ақарыс → Ошақты → Тас жүрек → Тоқтау → Қарсақ → Сұпы → Прмбет → Бекман → Орақбай). В качестве контроля также взяли образцы крови у представителя Младшего жуза – Кіші жүз (объект № 4): Шөмекей → Қосбармақ.

Для анализа археологического (остеологического) материала отбирали наиболее сохранившиеся сегменты костных останков и зубы. Для выделения ДНК использовали костную стружку. Выделенные образцы ДНК были охарактеризованы количественно и качественно. Степень чистоты препаратов ДНК, представляющих археологический материал, была невысокой. Особенно сильно деградированы образцы ДНК объектов – скелетов из курганов № 5 и № 92 могильника Хан моласы.

Типирование полиморфных STR-локусов препаратов ДНК, полученных из костных останков, а также из крови потомков и представителей контрольной группы проводили в мультилокусном формате с помощью ПЦР с использованием системы энзиматической амплификации для анализа маркеров Y-хромосомы - «AmpFISTR Yfiler» (Applied Biosystems, США).

Маркеры Y-хромосомы успешно генотипированы для ДНК потомков и контрольных образцов ДНК, представляющих неродственных Абулхаир-хану людей. При генотипировании ДНК, выделенных из костных останков были проблемы с получением четких геномных профилей, вероятно в результате деградации ДНК или загрязнения ДНК почвенными микроорганизмами. После проведения повторных выделений ДНК и дополнительной очистки, многократных амплификаций удалось идентифицировать некоторые STR-локусы

Y-хромосом объектов, взятых из некрополя «Хан моласы». В результате из 17 локусов Y-хромосомы у объекта № 178 идентифицировано 16 локусов, у объекта № 92 – 14 локусов, у объекта № 5 – 11 локусов. Данные по полученным гаплотипам всех исследованных объектов суммированы в таблице 1.

Таблица 1 – Выявленные геномные профили исследованных объектов

Лocus Y-хромосомы	Негативный контроль, объекты			Потомки, объекты				Костные останки, объекты			Положительный контроль DNA 007 из набора реактивов
	№ 9, отец	№ 2, сын	№4	№3, Кара-таев Роллан	№5-п, Шаматов Ибрагим	№6, Жангереев Аманкельды	№7, Сейдалин Рустем	№178	№ 92	№5	
DYS456	15	15	15	16	16	16	16	15	16	14	15
DYS389-I	13	13	13	13	13	13	13	14	13	10, 12	13
DYS390	25	25	25	24	24	24	24	25	24	-	24
DYS389-II	30	30	30	29	29	29	29	31	29	-	29
DYS458	20	20	17	16	16	16	16	17	16	14, 15	17
DYS19	16	16	-	15	15	15	15	16	15	-	15
DYS385a	12	12	-	12	12	12	12	12	12	24, 10	11,14
DYS385b	13	13	-	13	14	14	14	12	-	24, 17	11,14
DYS393	13	13	13	14	14	14	14	13	14	13, 15	13
DYS391	10	10	10	10	10	10	11	10,11	-	11	11
DYS439	10	10	11	12	12	12	12	12	12	-	12
DYS635	21	21	23	21	21	21	21	23	21	-	24
DYS392	11	11	-	11	11	11	11	-	11	15	13
Y_GATA_H4	11	11	10	11	11	11	11	10	11	-	13
DYS437	14	14	14	14	14	14	14	14	14	14,13	15
DYS438	10	10	10	11	11	11	11	10	11, 13	11	12
DYS448	22	22	20	-	-	-	-	20	-	18	19

Примечание: курсивом обозначены аллели, не дающие четкого сигнала

Как видно по представленным результатам, для отца (объект № 9) и сына (объект № 2) казахской национальности были генотипированы одинаковые аллельные варианты по 17 изученным STR-локусам Y-хромосомы. У представителя казахского Младшего жуза (объект № 4), не являющегося родственником объектам № 2 и 9 (Старший жуз), при сравнении с гаплотипом отца и сына обнаруживаются как совпадения, так и различия аллельных вариантов маркеров Y-хромосомы. Всего у данного объекта (№ 4) идентифицировано 13 локусов. Отмечены совпадения аллельных вариантов для 8 локусов (DYS456; DYS389-I; DYS390; DYS389-II; DYS393; DYS391; DYS437; DYS438) у объекта № 4 и объектов № 9 и № 2. Необходимо еще раз отметить, что объекты № 2, 9 и 4 являются казахами. Различия по 5 локусам (DYS458; DYS439; DYS635; Y_GATA_H4; DYS448) можно считать доказательством отсутствия родственной связи между ними.

Потомки Абулхаир-хана по мужской линии проявляют сходство гаплотипов Y-хромосомы. Так, аллельные варианты по 14 изученным локусам (DYS456; DYS389-I; DYS390; DYS389-II; DYS458; DYS19; DYS393; DYS439; DYS635; DYS392; Y_GATA_H4; DYS437; DYS438) являются идентичными.

У объекта № 3 (Каратаев Роллан) выявлена мутация по локусу DYS385b: в его генотипе представлен 13 вариант, тогда как у остальных потомков обнаружен 14 аллельный вариант. У объекта № 7 (Сейдалин Рустем) также зарегистрирован 1 случай мутации по локусу DYS391 – 11 аллельный вариант, тогда как у остальных потомков обнаруживается 10 аллельный вариант. Таким образом, можно считать установленными наличие родственной связи между потомками Абулхаир-хана. 2 зарегистрированных случая мутаций, по одному локусу на потомка Нуралы-хана – сына Абулхаир-хана, вполне объясняются естественным ходом мутационного процесса [см.: 6, р. 1580–1588; 7, р. 117–124; 8, р. 27–33; 9] поскольку изученные потомки представляют 6–7-е

поколение. Вероятность того, что изученные потомки Абулхаир-хана являются родственниками, составила $PP = 99,893\%$.

Локус DYS448 не удалось идентифицировать ни у одного из потомков, несмотря на отличное качество ДНК. По-видимому, по данному локусу наличествует мутантный вариант аллеля, не определяемый использованными праймерами. В последнее время в научной прессе и средствах массовой информации широко обсуждаются вопросы, связанные с поисками потомков Чингисхана [10–12]. В связи с генотипированием Y-хромосомы у монголов и других народностей обнаружена гаплогруппа C3, предположительно характеризующая потомков Чингисхана. В гаплогруппе C3 обособился кластер (Star Cluster – C3c), характеризующийся наличием 1 мутации (RecLOH в DYS 448). Носители гаплотипов этого кластера найдены в 16 популяциях. Вполне вероятно, что необнаруженный нами аллельный вариант локуса DYS 448 у потомков Абулхаир-хана представлен этой мутацией (Star Cluster).

В статьях Ж. Сабитова [11; 12] приводятся данные анализа 25 микросателлитных маркеров Y-хромосомы у неустановленного потомка Абулхаир-хана (чингизид): 14 24 15 11 12 14 11 13 12 13 11 29 16 8 8 11 12 30 14 0 28 11 12 12 17. Сравнивая данный гаплотип с гаплотипами исследованных нами потомков Абулхаир-хана, можно отметить большое сходство. В таблице 2 представлены данные по сравнению гаплотипов потомков Абулхаир-хана, исходя из установленных маркеров Y-хромосомы.

Таблица 2 – Сравнение гаплотипов исследованных потомков Абулхаир-хана (объекты № 3, 5-п, 6 и 7) с литературными данными [11; 12]

Y-хромосома															
DYS 456	DYS 389-I	DYS 390	DYS 389-II	DYS 458	DYS 19	DYS 385 a/b	DYS 393	DYS 391	DYS 439	DYS 635	DYS 392	Y_GATA_H4	DYS 437	DYS 438	DYS 448
Гаплотипы потомков Абулхаир-хана (объекты № 3, 5, 6 и 7)															
16	13	24	29	16	15	12, 14/13	14	10/11	12	21	11	11	14	11	X
Гаплотип неустановленного потомка Абулхаир-хана (Ж. Сабитов, 2009)															
-	13	24	29	-	15	12, 14	14	11	12	-	11	11	14	11	X
Примечание: прочерками обозначены аллельные варианты неустановленных нами локусов в гаплотипе чингизиды															

Принимая во внимание тот факт, что нами изучено потомство от 3-х сыновей Абулхаир-хана, был определен гаплотип Y-хромосомы самого Абулхаир-хана: 16 (DYS456), 13 (DYS389-I), 24 (DYS390), 29 (DYS389-II), 16 (DYS458), 15 (DYS19), 12 (DYS385a), 14 (DYS385b), 14 (DYS393), 10 (DYS391), 12 (DYS439), 21 (DYS635), 11 (DYS392), 11 (Y_GATA_H4), 14 (DYS437), 11 (DYS438), X (DYS448). Отмечено большое сходство данного гаплотипа с гаплогруппой C3.

Генотипирование ДНК костных останков (объектов, полученных в результате раскопок на некрополе Хан моласы) проходило в несколько этапов, с применением дополнительной очистки и выделений ДНК. В результате из 17 STR-локусов Y-хромосомы у объекта № 178 идентифицировано 16 локусов, у объекта № 92 – 14 локусов, у объекта № 5 – 11 локусов.

Анализ гаплотипа Y-хромосомы объекта № 178 показал всего 4 совпадения (DYS385a – 12 аллель; DYS391 – 10,11 аллель; DYS439 – 12 аллель; DYS437 – 14 аллель) с гаплотипом потомков Абулхаир-хана. Различия аллельных вариантов по 12 локусам Y-хромосомы у гаплотипов потомков Абулхаир-хана и объекта № 178 свидетельствуют об отсутствии родственных связей с Абулхаир-ханом, поскольку такая высокая частота мутирования локусов Y-хромосомы не вероятна. Вероятность родства исследованных потомков Абулхаир-хана с объектом № 178 рассчитана с учетом 4-х совпадений, она составила $PP = 85,763\%$. Однако, стоит отметить, что подобный расчет не производится в случаях, когда наблюдается несовпадение генетических характеристик более чем для двух локусов [13]. В данном случае имеются расхождения гаплотипов по 12 локусам. Поэтому рассчитанные величины нельзя принимать во внимание.

Генотипирование объекта № 5 проходило с большими трудностями. По результатам многочисленных анализов для 6 локусов идентифицировано более 1-го аллеля. Это говорит о сильной деградации ДНК объекта № 5 и возможном загрязнении ДНК. Сравнение гаплотипа ДНК, выделенной из костных останков объекта № 5, с гаплотипами потомков Абулхаир-хана показывает 2 совпадения аллельных вариантов (локус DYS437 – 14 и локус DYS438 – 11) из 11 выявленных локусов, что уже достаточно для опровержения родственной связи [13].

Сравнительный анализ гаплотипа ДНК, выделенной из костных останков объекта № 92, с гаплотипами Y-хромосомы потомков Абулхаир-хана по мужской линии обнаружил абсолютное сходство. Так, у объекта № 92 генотипировано 14 локусов (DYS456; DYS389-I; DYS390; DYS389-II; DYS458; DYS19; DYS385a; DYS393; DYS439; DYS635; DYS392; Y_GATA_H4; DYS437; DYS438), которые являются идентичными гаплотипу Абулхаир-хана у объекта № 92, так же как и у потомков Абулхаир-хана не удалось идентифицировать локус DYS 448, возможно представленный мутацией (Star Cluster - RecLOH). Это говорит о том, что данные костные останки, то есть объект № 92, извлеченные во время раскопок 2010 г. на некрополе Хан моласы, являются родственными Абулхаир-хану, либо могут принадлежать самому Абулхаир-хану.

Обобщая данные генетического анализа костных останков и потомков Абулхаир-хана, можно сделать следующие выводы:

1. Различия гаплотипов объекта № 178 и гаплотипов потомков Абулхаир-хана (4 совпадения и 12 различий) свидетельствуют об отсутствии родственных связей с Абулхаир-ханом.
2. Различия гаплотипов объекта № 5 и гаплотипов потомков Абулхаир-хана (2 совпадения и 9 различий) свидетельствуют об отсутствии родственных связей с Абулхаир-ханом.
3. Все идентифицированные у объекта № 92 STR-локусы Y-хромосомы (14 локусов) определяются в гаплотипах потомков Абулхаир-хана. Это свидетельствует о том, что данные костные останки могут принадлежать либо или самому Абулхаир-хану, либо его ближайшему родственнику по мужской линии.

Литература и источники

1. Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеомика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002.
2. Хуснутдинова Э.К. Этногеомика и генетическая история народов Восточной Европы // Вестник РАН . 2003. Т. 73. Т. 7.
3. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик 3-е, доп. Алматы. 2007.
4. Родословная династии Абулхаир-хана // сост. И. Ерофеева // Международный фонд Абулхаир-хана: становление и первые результаты. Алматы, 2003.
5. Консультации Аманжоловой Ш. и предоставленные потомками Абулхаир-хана шежиры.
6. Kayser M., Roewer L., Hedman M. et al. Characteristics and frequency of germline mutations at microsatellite loci from the human Y chromosome, as revealed by direct observation in father/son pairs // Am. J. Human Genetics. 2000. V. 66.
7. Dupuy B.M., Stenersen M., Egeland T., Olaisen B. Ychromosomal microsatellite mutation rates: differences in mutation rate between and within loci // Human Mutations. 2004. V. 23. N 2.
8. Chandler J.F. Estimating Per-Locus // Mutation Rates. Journal of Genetic Genealogy. 2006. V. 2.
9. Тюрин А.М. «Трансмиссионные», «эволюционные» и «сконструированные» скорости мутаций локусов гаплотипов Y-хромосомы // Скорости мутаций. 2009. <http://www.new.chronologia.org/prv9/mutation.doc>.
10. Клёсов А. В поисках Чингиз-хана(предисловие к статье Жаксылыка Сабитова) // Вестник Российской Академии ДНК-Генеалогии. 2009. Т.2. № 4.
11. Сабитов Ж. Гаплогруппа C3 у казахов // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Русская версия). 2009. Т. 1. № 2.
12. Сабитов Ж. В поисках Чингиз-хана // Вестник Российской Академии ДНК-Генеалогии. 2009. Т. 2. № 4.
13. Культин А.Ю., Стороженко И.В., Пименов М.Г., Кондрашев С.А. Криминалистическое исследование STR-локусов ДНК костных останков человека в целях идентификации личности / Методические рекомендации. Экспертно-криминалистический центр МВД РФ. М., 2004.

КАЗАХСТАНСКИЙ ТУРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ, СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ

Касымханов К.К.

Западно-Казахстанский аграрно-технический университет им. Жангир-хана, Уральск

В мире на долю туризма приходится около 10 % мирового валового дохода, 8 % общего объема мирового экспорта и 30–35 % мировой торговли услугами. Оказывая большое влияние на сохранение и развитие природного, исторического и культурного потенциала страны, туризм обеспечивает гармонизацию отношений между странами и народами, является важным средством физического развития и духовного воспитания населения, особенно молодежи.

Необходимо отметить, что Казахстан – развивающийся туристический рынок:

1. Казахстан с 1993 г. является действительным членом Всемирной Туристской Организации. По мнению Генерального секретаря Комиссии Всемирной Туристской Организации – Франческо Франжиалли: «Казахстан сегодня – процветающая страна, обладающая большим туристским потенциалом, которая может обеспечить должную безопасность и завоевывает доверие у мирового сообщества». Его коллеги, участники 45-ого Заседания Комиссии Всемирной Туристской Организации (UNWTO) для Европы прошедшей 25–27 апреля 2006 г. в г. Алматы, отмечают, что Казахстан является связующим звеном между Европой и Азией, местом, где концепция Евразии приобретает конкретное значение. Правительства иностранных государств находят Казахстан перспективным партнером, обладающим богатым туристским потенциалом и количество двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве в области туризма увеличивается из года в год;

2. Огромные возможности для развития международного и внутреннего туризма в республике открывает участие Казахстана в туристском трансконтинентальном маршруте «Шелковый Путь», осуществляемый под эгидой ВТО в сотрудничестве с ЮНЕСКО;

3. Казахстан отличается стабильностью внутривнутриполитической обстановки и межнациональных отношений, что благотворно влияет на развитие туристического бизнеса в стране.

4. В свете последних мировых событий республика заявила о себе как одна из наиболее привлекательных стран для инвесторов. Улучшение благосостояния населения и позитивные тенденции Казахстанской экономики, несомненно, являются предпосылкой резкого развития туристического бизнеса в стране.

5. В Казахстане действует 372 отеля различной категории с единовременной вместимостью 32.876 мест, и работают более 1000 туристских организаций, имеющих зарубежных партнеров в более чем 80 странах мира. Подавляющее число туристских компаний Казахстана предоставляют услуги как по отправке граждан Республики Казахстан, так и на прием иностранных граждан из ближнего и дальнего зарубежья и по внутреннему туризму. Сегодня Казахстан имеет авиасообщение со многими странами мира. Международные полеты наряду с отечественными авиакомпаниями осуществляют ведущие международные авиаперевозчики.

Республика Казахстан предоставляет практически все существующие виды туризма – познавательный, культурный, развлекательный, этнический, экологический, оздоровительный, детский, охотничий, конный, в том числе специализированные туры по интересам (например: научный, религиозный, орнитологический), в частности:

1. Исторические памятники и архитектура, культурно-познавательный и археологический туризм Южный Казахстан (г. Туркестан) и др.;

2. Религиозные объекты и святы места (паломничество) Южного Казахстана;

3. Природные – Восточный Казахстан и др., ландшафтные достопримечательности, экотуризм;

4. Пустынные ландшафты;

5. Водные ресурсы;

6. Этнографический туризм.

Следует отметить, что республика имеет условия для развития спортивного и приключенческого туризма, в частности спортивные маршруты – по рекам Казахстана, охота.

Можно выделить некоторые характерные черты казахстанского туризма:

- Казахстан – очень жаркая страна и довольно безводная. Это довольно специфический туризм.

- Казахстан располагает обширной и разнообразной территорией, богатейшим природным и историческим наследием, интересной культурой и традициями.

- Особо хочется выделить, что Казахстан примечателен восточной экзотикой, историей и религией.

Современные тенденции развития мирового туристского рынка характеризуются все более усиливающейся дифференциацией туристской политики в региональном ракурсе, децентрализацией управления и регулирования туристской деятельностью. В этой связи представляется целесообразной активизация локальной туристской политики Республики Казахстан в разрезе областей и городов республиканского значения, а также в более развитых туристских районах и центрах, прилегающих к Евразийским транзитным трассам (Великий Шелковый путь), государственные национальные природные парки («Алтын-Емель», «Баянауыл», «Бурабай», «Иле-Алатау», «Катон-Карагай», «Кокшетау», «Шарынский каньон»), важнейшие туристские центры (Алматы, Астана, Караганда, Шымкент, Усть-Каменогорск, Павлодар, Семей, Актобе, Атырау, Тараз, Уральск, Петропавловск, Туркестан и др.).

В настоящее время функции реализации региональной туристской политики возложены на департаменты и управления по туризму и спорту областных акиматов, что не в полной мере позволяет стимулировать развитие туризма как межотраслевого сектора по производству услуг и товаров. Представители туристического бизнеса предлагают создать в стране Министерство по туризму. На съезде туристических организаций Республики Казахстан, прошедшем в Астане, обсуждались проблемы, мешающие развитию этой отрасли в стране. Было принято обращение к Агентству РК по регулированию естественных монополий об усилении контроля за соблюдением добросовестной конкуренции в вопросах демпинга цен и сохранения конкурентной среды в области воздушных перевозок.

В индустрии туризма пока не сложилась эффективная система рыночных отношений, налицо существенное отставание туристской отрасли от мировых стандартов в сфере управления, организационных и производственных технологий. Одной из причин перечисленных негативных моментов является недостаточное законодательное обеспечение туристской отрасли, невнятность государственной политики в отношении стратегии развития туризма. Сегодня в Казахстане уделяется огромное внимание туризму, как доходной отрасли экономики и со стороны государства предпринимаются все необходимые меры для ее развития. Обновляется законодательная и нормативная правовая база туризма. В 2001 г. принят Закон Республики Казахстан «О туристской деятельности в Республике Казахстан». Для развития международного и внутреннего туризма в Казахстане разрабатывается Государственная Программа развития туризма в Республике Казахстан на пятилетний период, которая предусматривает комплекс мер по развитию инфраструктуры, обеспечения безопасности туристов, формирования туристского имиджа Казахстана, совершенствования статистики в туризме и другие меры. Создаются условия для привлечения иностранных туристов в республику. Одним из шагов предпринятых в данном направлении является упрощение визовых процедур для граждан политически и экономически стабильных стран. Сегодня в консульских пунктах аэропортов г. Астаны и Алматы могут оформить визы представители 24 стран мира. Следует отметить также, что вместе с отменой выездных виз в июле текущего года значительно упростился выезд казахстанских туристов за рубеж. В области туризма было заключено 19 международных соглашений о сотрудничестве с такими странами, как Венгрия, Египет, КНР, Израиль, Турция, Болгария, Иран, Россия, Узбекистан, Кыргызстан и другие. Планируется подписание Соглашения с Украиной, Малайзией, Катаром.

Основной целью реализации программных мероприятий в сфере туризма является использование возможностей индустрии туризма для социально-экономического развития республики, создание в Республике Казахстан современного туристского комплекса, обеспечивающего, с одной стороны, широкие возможности для удовлетворения потребностей жителей республики и иностранных граждан в туристских услугах, а с другой – значительный вклад в развитие экономики республики, в том числе за счет увеличения количества рабочих мест, налоговых поступлений в республиканский бюджет, притока иностранной валюты, сохранения и рационального использования культурного и природного наследия республики. Согласно международной статистике, туризм прямо или косвенно связан с 32 отраслями.

Сдерживающими факторами в развитии въездного и социального туризма являются отсталая маркетинговая стратегия продвижения национального туристского продукта на внешние туристские рынки, скудный ассортимент туристского продукта, усиление монополизации естественных монополий, высокая стоимость и состояние транспортного обслуживания (особенно железнодорожного), неконтролируемая государством ситуация в политике цен и тарифов, ослабление государственного регулирования приоритетных направлений туристской деятельности (детский, студенческий, молодежный, внутренний и въездной туризм), отсутствие льготных кредитов и налоговых льгот (каникул) для турфирм, занимающихся развитием внутреннего и социального туризма, отсутствие стимулирующих механизмов привлечения средств работодателей для развития отдыха работников не способствуют развитию внутреннего туризма.

Проблемы казахстанского туризма во многом связаны с его слабым научным обеспечением и качеством профессионального туристского образования. В этой связи одной из главных задач выступает развитие и совершенствование в Казахстане многоуровневой непрерывной системы профессионального туристского образования, способной обеспечить конкурентоспособность страны на мировом рынке туризма. Для того чтобы выпускник казахстанских учебных заведений был конкурентоспособным, он должен обладать таким дипломом (сертификатом), который бы признавался в других странах как документ, соответствующий стандартам самого высокого качества.

Необходимо отметить проведения ревизии действующей базы правовых документов и разработки пакета актов нового поколения, регулирующих взаимодействие:

1. Туризма и системы подготовки кадров для отрасли (сегодня дефицит рабочих рук различной квалификации и специальностей в казахстанском туризме составляет значительное число человек);
2. Туризма и науки (туристская сфера развивается «вслепую», без достаточного научного обеспечения);
3. Туризма и культуры (не отработаны четкие условия их взаимодействия, отношения зачастую строятся на основе конкуренции, а не партнерства);
4. Туризма и религии (не отработаны четкие условия взаимодействия, наблюдается конкуренция при использовании исторических памятников, культовых объектов, имеющих общеисторическое значение);
5. Туризма и безопасности жизнедеятельности (отсутствуют четкие нормативы и требования к обеспечению безопасности путешествий на различных видах транспорта, в местах проживания туристов);
6. Туризма и страхования рисков (экономических рисков для туроператоров и туристов; рисков ущерба здоровью или жизни туристов и персонала; только начинается строительство системы юридической поддержки казахстанских туристов за рубежом);
7. Туризма и органов государственного управления всех уровней (отсутствует механизм такого взаимодействия).

Основными причинами, сдерживающими развитие туризма в Казахстане, являются:

1. Не сформированность портфеля актуальной государственной законодательной поддержки сферы туризма и приоритетных стратегических ориентиров развития;
2. Недостаточное использование позитивного мирового опыта в области дифференцированного налогообложения туристской отрасли, что приводит к оттоку огромных средств из Казахстана в туристический комплекс ряда зарубежных стран;
3. Отсутствие единой системы нормативных правовых актов и экономических механизмов, обеспечивающих эффективное функционирование индустрии туризма;
4. Незрелость системы профессиональной подготовки кадров для индустрии туризма и научное обеспечение этой подготовки;
5. Не разработанность эффективных механизмов привлечения отечественных и иностранных инвестиций в сферу казахстанского туризма;
6. Неэффективная налоговая политика (при разработке механизмов налогообложения следует учитывать высокую мультипликативную способность туристской отрасли; освобождение от налогов средств туристского размещения ведет к развитию их сети, росту потока туристов, поступления от которых распределяются в пропорции 20:80);
7. Отсутствие системы обеспечения безопасности, статистики несчастных случаев в туризме и их анализа, защиты личности и собственности в сфере туристской деятельности, в том числе – за счет современных страховых механизмов;
8. Многочисленные нарушения права граждан (туристов) на свободу передвижения по территории Казахстана (чрезмерное расширение пограничных зон и усложненный порядок получения пропусков, незаконное взимание платы на природоохранных территориях, за посещение национальных парков и заповедников и др.);
9. Отсутствие достоверной информации о введении каких-либо ограничений на посещение области (района) Казахстана в нужное время, о правилах оформления документов для посещения, адресах и телефонах организаций, куда необходимо обращаться.

В настоящее время наиболее актуальными являются следующие направления государственной политики Республики Казахстан в области развития туризма:

1. Сфера потребительского комплекса «спорт – отдых – туризм» (существенно отброшенного за последние десять лет от ранее завоеванных позиций), являющаяся фактором мультипликативного воздействия на

экономику и социальную сферу (занятость населения, развитие инфраструктуры услуг, гостиничного комплекса и сектора общественного питания, транспорта – создание одного рабочего места в сфере туризма создает 3-4 места в смежных отраслях);

2. Развитие внутреннего и въездного туризма в регионах с малой и снижающейся заселенностью, что позволит стабилизировать или увеличить региональную численность населения;

3. Организация отдыха как нормы жизни, установление базового стандарта доступности таких социальных продуктов как спорт, отдых, туризм;

4. Введение гибкого экономического механизма регулирования туристской ренты от въездного туризма;

5. Расширение преференций за счет бюджетного финансирования санаторно-курортного комплекса, включение механизма социальной поддержки отдыха населения за счет процедур отнесения его цены на себестоимость производимых предприятиями продукции;

6. Передача детских оздоровительных комплексов на областной уровень с обязательным использованием их только для целей детского отдыха, развития самодеятельного туризма и пр.;

7. Создание в отделении общественных наук Казахстанской академии наук подразделения, занимающегося наукой о туризме, учитывая междисциплинарный характер науки о туризме и его весомое влияние на экономику страны.

В целом, туристская политика Казахстана может способствовать развитию, рациональному использованию, перманентному совершенствованию туристской деятельности по следующим направлениям:

1. Оптимальное использование природных преимуществ географического положения страны, ее отдельных регионов и центров за счет осуществления эффективной транзитной политики, активизации приграничного туристского обмена с соседними государствами, развития системы транспорта и коммуникаций и, прежде всего, обустройства трансевразийских коммуникационных коридоров и пограничных переходов;

2. Охрана и восстановление национального природного и культурно-исторического наследия путем совершенствования нормативно-правовой базы, законодательного выделения статуса туристско-рекреационных территорий и расширения их фонда, соблюдения научно обоснованных норм рекреационной емкости территорий, привлечения отечественных и иностранных инвестиций в модернизацию, реконструкцию и благоустройство туристско-рекреационных объектов, обеспечение привлекательного туристского имиджа национальных природных парков, заповедников и культурных достопримечательностей за счет целенаправленной рекламы и пропаганды, а также использования «информационно-маркетинговых» ресурсов туризма;

3. Создание информационно-аналитической базы туристской системы, включающей материалы нормативно-правового, статистического, программного, научно-исследовательского, учебно-методического, рекламно-информационного, коммерческого характера; формирование соответствующей организационной инфраструктуры путем создания Национального центра исследований туризма и рекреации, сети межрегиональных туристско-информационных центров в ведущих туристских районах и центрах республики и зарубежных государствах, консолидирующих наибольшие туристские потоки, а также активного использования ресурсов глобальной сети Интернет;

4. Содействие продвижению национального туристского продукта путем целевого частичного бюджетного финансирования и создания благоприятных условий для рекламно-информационной и выставочной деятельности, использования в этих целях имеющиеся институты (зарубежные дипломатические и консульские учреждения, торговые представительства) и их дальнейшего развития посредством организации туристских информационных центров. Задачи формирования привлекательного туристского имиджа Казахстана и продвижения национального туристского продукта с конца 2004 г. выполняет Комитет по регулированию торговой и туристской деятельности Министерства индустрии и торговли РК. С учетом особой важности активной рекламно-информационной деятельности на этапе ускоренного развития туристско-рекреационной системы и приданию ей приоритетного статуса представляется целесообразным создание самостоятельного Министерства или Агентства туризма и рекреационного обеспечения.

Таким образом, комплексная реализация отмеченных мер требует существенной государственной поддержки, включая бюджетное финансирование наряду с привлечением частного и внешнего капитала с целью модернизации инфраструктуры туризма, создание и продвижение национального туристского продукта. При этом следует учитывать, что развитые государства на протяжении многих лет занимаются осуществлением подобных мероприятий, укрепляя конкурентоспособность туристско-рекреационной системы путем государственного регулирования и интенсивных капиталовложений в эту сферу. В этой связи осуществление современной туристской политики Казахстана возможно лишь в случае перехода к инновационно-ориентированной стадии развития туристской системы.

**АТЫРАУ ӨНІРІНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІНЕ
БАЙЛАНЫСТЫ XVIII ҒАСЫРДАҒЫ КЕЙБІР ДЕРЕКТЕРДІҢ
СИПАТТАМАСЫ ЖӨНІНДЕ**

Кипиев М. Қ.

ҚР Мемлекеттік орталық музейі, Алматы

Ертеден «тоғыз жолдың торабында» болған Каспий теңізінің солтүстік, солтүстік-шығыс жағалауы, оның ішінде Еділ мен Жайық өзендері аралығынан Солтүстік Үстіртке дейін, бір сөзбен айтқанда Атырау өңірінде ортағасырлық археологиялық ескерткіштердің көп болғандығын соңғы жылдарда жүргізілген далалық зерттеулермен қатар, тарихи дереккөздер де дәлелдеп отыр. Өңірдегі қалалар, керуен сарайлар туралы бірқатар деректер Ұлы Жібек жолымен соңғы ортағасырларда жүрген саяхатшылар мен көпестердің жазбаларында кездеседі. Дегенмен, тақырыпқа қатысты деректердің мол шоғыры XVIII ғ. бастау алады. Осы кезеңдегі Ресей империясының қазақ жері мен Орта Азияға қарай тұрақты жүргізген әскери барлау экспедицияларының материалдары қазіргі уақытта ел тарихы үшін маңызды деректік категория болып табылады. Аталған деректердің негізін құрайтын жинақтар, қолжазбалар, күнделіктер және карта-схемалардан Атырау өңіріндегі ортағасырлық археологиялық ескерткіштері жөнінде өте құнды мәліметтер кездеседі. Олардың ішінде П.И. Рычковтың, П.С. Палластың, И. Фальктің еңбектері атап өтуге тұрарлық.

XVIII ғ. басында І-ші Петрдің тапсырмасымен Хиуаға қарай бағыт алған Бекович-Черкасский бастаған экспедицияның 1715–1717 жж. аралығындағы сапарлары Гурьев (қазіргі Атырау) қаласы арқылы жүргізілгенді. Бекович-Черкасский 1717 ж. соңғы сапарында Гурьевтен аттанған соң Хиуаға баратын үлкен керуен жолына бірден түспей, ең алдымен Каспий теңізі жағалай жүретін қысқа және жаңа жолмен барып, 8 күн дегенде Ембі (Жем) өзеніне жеткен. Өзенді жоғары бойлай отыра «Богачать» (Бақашы) деген жерге келіп, осы жерден өтетін үлкен керуен жолы арқылы «Дучкань» (Ұшқан), «Мансулмась» (Мыңсуалмас) құдықтары арқылы одан әрі қарай кеткен [1, с. 23–29]. Бековичтің жазбаларымен танысқан И. Фальк (*Бекович экспедициясы Хиуаға бармастан бұрын ең алдымен Каспий теңізінің шығыс жағалауына барлау жасаған болатын*) оның аталған сапарларында Каспий теңізі маңынан 4 мұнарасы мен баспалдағы және таңғұт жазуы жазылған пұт тасы бар қирандыны көргенін жазады [2, с. 58].

Бековичтен кейін Хиуаға қарай келесі экспедицияның бірі 1732 ж. полковник Иоганн Густав Гербердің (Гарбер) басшылығымен жүргізілді. Ол Астраханнан Хиуаға қарай жасаған сапарында жол-жөнекей көргендерін күнделікке жазып қалдырған. Оның күнделігі 1902 ж. Санкт-Петербургтен «Journal von der Reise aus Astrachan nach Chiwah und Bucharen» деген атпен басылған. Алайда, бұл еңбек қолымызға түспегендіктен, әзірге бізге белгілісі оның күнделігіне В.В. Григорьевтің жазған пікірін келтіруді жөн көрдік. Ол былай дейді: «И.Г. Гарбер Ресей империясы ғалымдары арасынан тұңғыш рет Сарайшық қаласының құландысы жөнінде хабарлаған. Жайық арқылы Сарайшықтың қарсы бетіне өткеннен кейін ескі жолды, оның бойында қазылған құдықтар мен тұрғын үй іздерін көрген. Ембі өзеніне жеткеннен соң, осы жерде өзен арқылы өтетін өткелдің жанынан үлкен керуен-сарайдың және өзен жағалауынан бұрынғы қоныстардың іздерін тапқан. Ембіден әрі қарай шыққан кезде саяхатшы тұтастай ескі қаланың қирандысына кезігеді. Тағы да бір ескі қаланың қирандысын Үстіртке көтерілуі кезінде және осы аймақта 3 жерде қирандыларды көрген. Алайда, Шам (Сам) құмында керуенге көшпелілер шабуыл жасап, саяхатшының күнделігі сол жерден аяқталады» [3, с. 47].

Атырау өңірінің ескерткіштері туралы мәліметтер XVIII ғ. екінші ширегінде шыққан монографиялық еңбектерден көрініс тапты. Солардың бірі П.Рычковтың 2-бөлімнен тұратын «Орынбор топографиясы» жинағы. П. Рычков өңірдегі ең үлкен қала – Сарайшыққа қатысты көргендерін сипаттайды. Ол оны Ұлы қаланың белгісі деп, сол кездің өзінде шатырлары (мазарлар) тұрғандығын, олардан кәбір мен сүйектердің шығып жатқанына қарап, бұл жерде атақты адамдардың зираты болған деп топшылайды. Сондай-ақ, Гурьев қаласын тұрғызу барысында Сарайшықтан қызыл кірпіштер тасылғанын және «қазірдің өзінде жергілікті казактар үйдің пешіне т.б. құрылыстарға қажетті кірпіштерді аталған зираттан қазып алады»-деді [4, с. 260–261]. П.Рычков еңбегінің екінші бөлімінде Орынбор губерниясының кеңсесінде қызмет істейтін Гуляевтың қазақ даласын аралағанда көргенін келтіреді: «...Ащы Ойыл өзенінің бойында қырғыздар (казактар) Мәулім-Берді әулие деп атайтын жерде ескі қаланың белгісі байқалады. Қазірдің өзінде осында 30–40 кірпіштен салынған ғимараттың құландысы, бақша және егін егетін орындар мен каналдар көрінеді.» [5, с. 57–58]. Одан әрі «...осы жерден бір күндік жердегі Сағыз өзені бойында да көптеген ескі ғимараттың құрылыстары байқалады. Осындай құрылыстар Сағыз өзенінен екі күндік жердегі Бакчи (Бақашы) деген жерде де бар. Бакчидан жоғары қарай Зины (Жем) өзенінің бастауына дейін

ескі қалалар, қазылған каналдар мен орлар, топырақ үйілген төбелер көптеп кездеседі. Бірқатар төбелерден алып адамның сүйектері мен әртүрлі құралдар және алтын мен күмістер жиі қазылып алынууда». П.Рычков әрі қарай Хиуа жолындағы «Ирнякъ» деп аталатын таудағы Ұшқан Ата деген жердегі сулы бұлақ туралы жазады. Аталған таудағы «Гурукъ» деген жердегі үлкен бейітті де сипаттап өтеді [5, с. 59].

XVIII ғ. II-жартысында Ресей империясының шеткі аудандарына ұйымдастырылған П.С. Паллас бастаған академиялық экспедицияның бір бағыты Атырау жері арқылы жүргізіліп, оның еңбегінде өлкеге қатысты құнды археологиялық, этнографиялық деректер келтірілген. Паллас еңбегінің ерекшелігі сол – ол өзінің сапарында болған жерлерін күнделігіне уақытымен көрсетіп жазып отырған. Мысалы, ол 1769 ж. 22-тамызында Сарайшық қаласының қирандысын өз көзімен көріп, мынадай деректер келтіреді: «... (қаланың) дуалы мен оры әлі де көрінеді, қоршауының көлемі 5 верстке дейін жетеді. Ол қазіргі форпостан бір жарым верст төмен маңда, қырдан Жайыққа қарай жәймен ағып жатқан далалық Сарайшық өзеншігінің бұрышынан басталып, одан әрі осы өзеншікпен жоғары қарай жалғаса отырып, соңында форпосты қисая (бұрыла) айналып, Жайықтың жанында аяқталады. Осы жердің (қалашықтың) ортасында жүргізілген құрғақ ор, су жинақтау үшін арнайы жасалған болуы мүмкін. Дуалдың ішінде тас құрылыстардың ірге тасы мен үйінділері бар, соған қарап қалада ақсүйектердің (атақты адамдардың) үйлері болған деп қорытындылауға болады. Құрылысқа қолданған кірпіштер мықты және ұзаққа төзімді етіп жасалған. ...Қазір осы жерде сары, ақ, көгілдір түспен боялған қымбат бағалы ыдыстардың сынықтары табылууда. Қаланың жері өте тұзды және ылғал болғандықтан темірден жасалған заттардың барлығын тот басқан, сондықтан оларды тану қиын. Дуалдан табылған мыс және күміс кішкене тиындар да осындай жағдайда. ...Мұнда кірпіштен салынған бейіттер өте көп, олардан кейде айтуға тұрарлықтай заттар табылууда» [6, с. 610–611]. Сондай-ақ, Паллас Еділ-Жайық аралығындағы сапарында монғол және танғұт жазулары жазылған кішкене тегіс плита тастарды көргенін жазады [7, с. 135].

Палланың замандасы болған ғалым И.П. Фалькте 1770 ж. шілде айында Еділ мен Жайық өзендері аралығын зерттеп өтеді. Оның экспедициясы XIX ғ. деректерде «Фальктің Орынбор экспедициясы» деп аталды [8, с. 7]. Фальк өзінің осы сапарында Нарын құмындағы бір төбенің басынан қалмақтардың құрбаншалу орнын көреді. Төрт бұрышты құмнан жасалған құрбан тасының биіктігін 3 фут болған. Арғы жолында ол үй тәрізді қабір үсті ескерткішіне кезігеді. Фальктің ойынша ол қалмақтардан қалған. Аталған құрылыс төрт бұрышты, күйдірілмеген саман кірпіштен тұрғызылған. Ұзындығы 15, ені 10, биіктігі 7 фут. Жан-жағын қаптап шөп өскен. Кішкене ғана кірер жері бар, құрылыстың іші бос және онда ешқандай әшекей жоқ деп қорытады. Сондай-ақ, ол екі өзен (Қамыс-Самар) аралығындағы жолдың бойынан айналасында оры бар, биіктігі 2–3 сажан болатын (оның ойынша) молаларды көрген және оның үстінің тегістігіне қарап құрбаншалу орны болған секілді деп есептейді. Фальк Орал қаласына жеткеннен кейін сапарын Жайықты жоғары бойлай жалғастырады. Ол өзінің жазбаларында Гурьев қаласы, Бақсай, Кулагин, Индер және Сарайшық бекінісіне тоқталып, соңғысының жанында Орал казактары талқандаған Сарайшық қаласының құландысы әлі де көрінеді деп жазды [9, с. 226–234]. Сонымен қатар Фальк, Ембі өзенінің бойында да ескі қалалар қирандылары көп екендігін атап өтеді [2, с. 58].

Өңірдегі ескі қалалар мен қоныстарды зерттеуде картографиялық материалдардың деректік маңызы зор. Осыған орай мәселеге қатысты мәліметтер орын алған XVIII ғ. шыққан карталарға тоқталуды жөн көрдім. Олардың ішінде Дж. Перридің, Страленбергтің, Ф. Бюшелдің, И. Кириловтың еңбектерін айтуға болады.

I-Петрдің шақыруымен Ресейге келген саяхатшы, картограф, капитан Джон Перри 1698–1701 ж. аралығында Дон мен Еділ өзендерінің арасындағы каналды салуға басшылық жасаған. Оның 1716 ж. шыққан «Новая карта Российской империи...» картасында Жайық өзенінің сол жағалауында «Serachik», яғни Сарайшық және одан сәл жоғары аты жазылмаған кішкене өзеннің Жайыққа құяр сағасында орналасқан «Коосраіск» (Қосжайық) атты екінші қала көрсетілген [10].

Дәл осы мәліметтер (яғни қалалар) 1789 ж. шыққан Ф.Бюшелдің «Карта Тартарии...» картасында да қайталанатын. Оның еңбегіндегі бір-екі ғана өзгеріс ол – Сарайшықтан жоғары тұрған қаланың атын «Коосжаіск», яғни Қосжайық, оның қасында Жайыққа қарай ағып жатқан өзенді «Ilis» деп берген [10].

Келесі бір әлі де зерттеуді қажет ететін деректер 1730 ж. шыққан Страленбергтің «Карта всей Империи Российской и Сибири» деген картасында берілген. Картада Жем өзенінің төменгі ағасында шартты түрде айтқанда «шатыр» түрінде 5 ескі қала жұрты, осындай белгілермен Каспий теңізінің шығыс жағалауы және Үстіртте онға жуық ескі мекендер көрсетілген [10]. Страленбергтің картасындағы аталған мекендер Сарайшықтан Хиуаға қарай жүретін жолдың бойына сәйкес келеді, сондықтан да олар керуен-сарайлар болған деп топшылауға болады. Оны мына деректер дәлелдей түседі. Страленберг (XIX ғ. деректерде Штраленбергъ) 1717 ж. хиуалықтармен талқандалған Бекович-Черкасскийдің экспедициясына қатысып, кейін тұтқыннан қашып шыққан швед және немістердің Европаға апарған деректерін пайдаланған [11, с. 46]. Ал, Бековичтің экспедициясы жоғарыда жазғандай үлкен керуен жолымен жүргенін ескерсек, картадағы белгілер керуен-сарайларға сәйкес келеді.

Алайда, аталған деректермен салыстырғанда 1722–1737 жж. аралығында И. Кириловтың басшылығымен шыққан «Бүкіл Ресей империясының атласы» өңірдің археологиялық ескерткіштерін анықтауда маңызды құжат болып саналады. Бірнеше бөлімнен тұратын картаның «Астраханские владения» деп аталатын бір бөлігінде Еділ-Жайық аралығы мен Сарайшықтан Маңғыстау арқылы Хиуаға баратын жол мен оның бойындағы керуен-сарайлар нақты көрсетілген. Картада керуен-сарайлар шартты түрде алғанда «бір үйдің» белгісімен көрсетілсе, қалалар «екі үймен» берілген. Бұлай деп топшылауыма соңғысымен (белгі) Сарайшықпен қоса Гурьев қаласы да белгіленген. Көрсетілген шартты белгілерді санамақ Сарайшық пен Астрахань ортасында 17 керуенсарай болады және екі ортадағы жол Сарайшықтан екі бағытқа (оңтүстік, солтүстік) кетеді. Картада Жайық өзенімен қатар, оның шығысында Каспий теңізіне келіп құятын аты жазылмаған екінші өзен көрсетілген. Бұл қазіргі Жемге сәйкес келеді. Өзеннен оңтүстік шығысқа қарай аты түсініксіз жазылған қаланың, одан әрі «Ушкань Утарь» деп қазіргі Ұшқан ата қорымының жанындағы ескі қиранды қала ретінде тұр. Картаға сәйкес Сарайшықпен Ұшқан арасындағы жолда 8 керуен-сарай мен 3 қала (Ұшқанды есептемегенде) бар. Жайық пен Жем өзендерінің арасындағы керуен жолы да екі бағытта жүрген. Біріншісі, Сарайшық арқылы Ұшқанға қарай болса, екіншісі Гурьев арқылы Жемге барып, одан әрі төмен қарай Каспий теңізін жағалап Маңғыстау асады. Осы жолда (Гурьевтен Жемге дейін) 3 керуен сарайдың болуы бұл жолдың да бұрыннан болғанын көрсетеді. Әрі қарай жалғастырсақ, Ұшқаннан Шам құдығына дейін 4 керуен-сарай мен 4 қала белгіленген [12].

Жоғарыда аталған деректер өңірдегі археологиялық ескерткіштерді арнайы ғылыми зерттеу жұмысы нәтижесінде емес, негізінен кездейсоқ, жол-жөнекей жиналған материалдардан тұрады. Дегенмен, олардың барлығы бүгінгі күні әлі де толыққанды зерттеуді қажет ететін Атырау даласының археологиялық ескерткіштері жөнінде тарихнамалық және деректік маңызы бар екендігін атап өткен жөн.

Әдебиеттер

1. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 1.
2. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1825. Т. 7.
3. Известия Имп. РГО. СПб., 1870. Т. 6.
4. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч.1 СПб., 1762.
5. Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч.2 СПб., 1762.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1773.
7. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.3 СПб., 1788.
8. Богданов М.Н. Обзор экспедиции и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. // Труды Арало-Каспийской экспедиции. СПб., 1875. Вып. 1.
9. Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6.
10. Фоменко И.К. Атлас Тартарии: Евразия на старинных картах. (Электронная (DVD) версия альбома). М., 2006.
11. Берг Л. Аральское море. Опыт физико-географической монографии // Научные результаты Аральской экспедиции. СПб., 1908. Вып. 9.
12. <http://runivers.ru/maps/kirilov/30>

О МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ КАЗАХСКИХ ХАНОВ (ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЫ АБЫЛАЯ)

Кожан М.

Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави, Туркестан

В советский период истории Казахстана существовал запрет на исследования деятельности видных деятелей казахской истории – ханов, султанов, биев и батыров. Книжки о ханах попадали в черный список. Был уничтожен весь тираж книжки известного литературоведа Б. Кенжебаева «Абылай (казак халқының ерлік тарихынан)» изданный в Алма-Ате 1941 г. [1, 41–44–бб.].

Такая позиция властей сказалась и на состоянии погребальных комплексов, где были захоронены представители казахской элиты. Известное до середины прошлого века место погребения хана Младшего

жуза и старшего хана казахов Абулхаира (1710–1748) не было отмечено даже памятным знаком. В результате такого игнорирования в настоящее время появилась «проблема хана Абулхаира» [2, с. 11–19; 3, с. 145–150], когда никто не может точно указать место захоронения знаменитого хана.

Большим разрушениям подвергся средневековый некрополь в г. Туркестане. В ходе многолетних реставраций ханаки Ахмеда Ясави не учитывали, что как внутри здания, так и поблизости от нее, как на самом святом месте, были похоронены многие выдающиеся представители казахского народа. В ходе ремонтных и реставрационных работ были передвинуты со своих мест большая часть надгробных камней, происходила выемка и перемещение культурного слоя внутри здания, не были изучены и разрушены большинство погребений, располагавшиеся под надгробиями и вокруг них. Особенно большие разрушения производили траншеи для подведения фундамента под стены здания. С целью благоустройства территорий вокруг ханаки бульдозерами был срезан 2 метровый культурный слой (!), была разобрана почти вся надземная часть археологических объектов, значимую часть которых составляли остатки позднесредневековых мавзолеев. Вследствии этого места захоронений подавляющего большинства представителей казахской элиты в г. Туркестане оказались уничтожены.

Согласно исторической литературе в туркестанском пантеоне были похоронены Тауке (1680–1715), Жолбарс (1720–1740), Абулмамбет (1739–1771) и другие ханы, знаменитый би Казыбек Келдибек-улы, Богенбай батыр, Жанибек батыр, отец знаменитого Кенесары - Касым султан, старшая сестра Кенесары – Бопай-ханым. Внутри ханаки Ахмеда Ясави, в казандыке находился надгробный камень Аман Бике (в настоящее время расположен в помещении Малый Ак-сарай) – дочери Джанибек-хана, одного из основателей Казахского ханства. Согласно Кадир-‘Али-би, в туркестанском пантеоне был погребен сын казахского хана Шигаю (1580–1582) Ондан султан. Рядом с ханаккой Ахмеда Ясави для хана Есима (1598–1614) был выстроен отдельный мавзолей [4, с. 28–29]. И это далеко не полный перечень исторических деятелей казахской степи, похороненных в ханакке и вблизи него.

К середине 90-х годов XX в. в ханакке Ахмеда Ясави в нетронутном состоянии на своем месте оставались всего два надгробия. В коридоре между мечетью и китапханой располагалось выложенное из кирпича надгробие Жолбарс-хана, который по одной из версии являлся ханом Старшего жуза, по другой – святым Баба Самит Юлбарс-ханом. Второе – надгробие Суйунч хана (в современной литературе существует определенный разнобой в написании всех частей имени Суйунч хана), находящееся в коридоре между кабырханой и большим Аксараем.

Во время посещения ханаки Ахмеда Ясави в 1994 г. мы узнали, что в ходе производившейся турецкими специалистами работ по усилению оснований и фундаментов здания было вынесено каменное надгробие Суйунч хана, а располагавшаяся под камнем могила была взята монолитом в металлический ящик (работами руководил археолог М. Мырзабаев) и перенесена в мавзолей Раби‘а Султан Бегим. К этому времени нам было известно сообщение Г. Грумм-Гржимайло о нахождении могилы Абылая под надгробным камнем Суйунч хана. Понимая, что появилась возможность проверить данное сообщение мы обратились к член-корреспонденту НАН, д.и.н. О. Исмагулову. Результаты археолого-антропологического изучения отмеченной могилы, проведенные группой ученых под руководством О. Исмагулова, были изданы в 1999 г. в виде монографии на казахском языке [5]. Считаю уместным далее изложить вопросы, которые пришлось решать в ходе процесса изучения могилы казахского хана.

О методике исследования могилы Абылай хана. Предварительное знакомство с некоторыми источниками позволило нам уже на первоначальном этапе наших исследований предполагать, что в данной могиле погребен Абылай хан. С целью проверки этой версии нами был намечен комплексный метод исследования, который включал следующие направления работ:

1. Сбор и анализ всех достоверных сообщений о месте погребения хана Абылая.
2. Археологическое изучение могилы, выявленной под камнем Суйунч хана.
3. Сбор и анализ всех достоверных сообщений о физическом облике Абылая и сравнение их с результатами антропологического изучения костяка из могилы под надгробием Суйунч хана.

Работа с источниками о месте погребения Абылая. Первый пункт программы включал работу в архивах и библиотеках, где были просмотрены все доступные нам материалы, что либо сообщавшие о захоронениях в мавзолее Ахмеда Ясави в Туркестане, в особенности о месте погребения и надгробном камне Абылая.

Просмотренные нами сообщения можно подразделить на три группы. Первая группа источников носила общий характер, ограничивающаяся сообщением общего характера о захоронении Абылай хана в туркестанском некрополе. Вторую группу информации представляли указания о захоронении хана внутри архитектурного сооружения Ахмеда Ясави. Внутри нее выделяются сообщения, где указывалось конкретное

помещение ханаки. Третью группу источников составляли сообщения, где давались конкретные данные об особенностях надгробия Абылая. Последняя группа была наиболее информативная. Каждое сообщение проходила проверку на достоверность. Учитывалось время фиксации сообщения, происхождение информации. Сведения, основанные на сообщениях жителей г. Туркестана, людей имеющих родственные связи с Абылаем, описания известных исследователей лично осмотревших ханаку Ахмеда Ясави являются, на наш взгляд, наиболее достоверными. Обратимся к данным последней группы источников.

Самое раннее по времени сообщение о могиле Абылая содержится в рецензии 1882 г. на книгу Н.Н. Балкашина: «В Туркестанской мечети Азрет Султана над могилой знаменитого киргизского хана Средней Орды Абылая, умершего в 1781 г., поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнч-ходжа хана (сына Абулхаира ...)» [6, с. 263]. К сожалению автор рецензии не указан. Со ссылкой на данную статью информацию о надгробии Абылая в 1926 г. повторил Г.Грум-Гржимайло [7, с. 63].

В книге Н.Н. Балкашина 1887 г. находим следующее: «Абылай умер и был торжественно погребен в Туркестанской мечети Азрет-султана» – и далее дается комментарий: «Над могилой Абылай-хана положен старинный камень, взятый с находившейся вне мечети могилы Суюнч-ходжи-хана, сродственного Тамерлану по своей матери Рабига» [8, с. 21]. Автор книги являлся чиновником по особым поручениям (1875–1882 гг.), в 1880 г. побывал в г. Туркестане.

В 1894 г. под наблюдением известного исследователя истории А. Диваева, с участием казиза г. Туркестана – Лутфулла-ходжа Ата-ходжа Казиева были сняты копии с надписей надгробий ханаки Ахмеда Ясави и отправлены с комментариями в г. Казань к востоковеду П.И. Ахмерову. Собранная таким образом информация послужила основой статьи П.И. Ахмерова, где указано место погребения хана: «На камне могилы Абылай хана написаны следующие слова». И далее востоковед приводит надписи надгробия Суйунч хана [9, с. 17–18]. Из этого следует, что на могиле Абылая стоит надгробие Суйунч хана. Ценность этой информации очевидна, она отражает сведения самих туркестанцев.

Камень Абылай хана описал знаток туркестанского быта Н. Лыкошин, посетивший вместе с казахскими паломниками ханаку Ахмеда Ясави. Он пишет о сакрализации места захоронения Абылая казахскими паломниками. В его статье, опубликованной в 1902 г. дается описание надгробия Абылая: «В том же пределе есть еще чудо, это так называемый «айна таш» или зеркало-камень. Это намогильный мраморный камень Абылай хана». Н. Лыкошин тут же дал пояснение: «Вернее, Абулхаир-хана Суюнчи-ходжи хана, как значится в надписи на могиле» [10]. Сообщение Н. Лыкошина не только подтверждает сообщения своих предшественников, но и дает характеристику декоративных качеств данного камня, второе название надгробия – «айна тас».

В статье 1912 г. М. Дулатова «Хан Абылай» со ссылкой на народное предание говорится, что на камне которой поставили на могилу Абылая есть надпись: «Абылай хан бин Сүйеніш хан» [11, 222-б.]. Просмотр исследований погребальной эпиграфики, консультаций востоковедов показали отсутствие в ханаке Ахмеда Ясави какого-либо надгробия, где бы упоминалось имя Абылая. Примечательно, что только на надгробном камне Суйунч хана встречается схожее начертание имен: «Абу-л-Хайр Суйунч Ходжа хан». Здесь необходимо учесть мнение востоковедов о тексте надгробия Суйунч хана, который «написан чрезвычайно сложным и архаичным языком», что часть текста «написана без диакритики, что крайне осложняет расшифровку и соответственно перевод» [12, с. 3]. Поэтому, на наш взгляд, надпись «Абу-л-Хайр Суйунч Ходжа хан» на надгробие Суйунч хана могла восприниматься как «Абылай хан бин Сүйеніш хан». Историкам известно, что отца Абылая звали Вали, что у него не было предков по имени Суйунч хан. Только наличие на могиле казахского хана надгробия Суйунч хана могло породить вышеприведенное сообщение М. Дулатова.

Известный казахский писатель Ж. Аймауытов посетивший ханаку Ахмеда Ясави в 20-х годах XX в., оставил описание надгробного камня Абылая, совпадающий с описанием Н.Лыкошина «айна-таш»–«зеркало камень», поставленного на могилу Абылая. Ж.Аймауытов пишет: «Жағаласаң, коридорда Абылайдың көк тасы жатыр. Ұзындығы кісі бойындай, биіктігі орындықтай. Мінсіз, төрт қырлы, көк ала мәруар. Мұздай жылтыр, айнадай тегіс, шимайша ойып келтірген олпы-солпысыз, үшкір сұлу жазулары жалап қойғандай мүлтіксіз» [13, 6-б.].

Особенно примечательно указание потомка Абылая Шади торе (умер в 1933 г.) о месте могилы хана:

Әзіреттің босағасынан орын қазды
Осылай болмақтығын қабыл көріп,
Сол уақытта табытты алып келіп,
Өлікті салған жерге салып көмді» [14, 182-б.].

В нем конкретно указывается, что для захоронения Абылая вырыли могильную яму у порога (босага) святого. Единственный надгробный камень поставленный у порога в усыпальницу – кабырхана Ходжа Ахмеда – это надгробие Суйунч хана.

Далее производилась проверка второй части сообщения, где говорится, что над могилой Абылая «поставлен мраморный надгробный камень, привезенный с другого кладбища и принадлежавший Суюнчь-ходжа хана». Просмотрев литературу по архитектурным памятникам Средней Азии мы обнаружили, что мавзолеем самого Суйунч хана находится в Ташкенте. В 1954 г. М.Е. Массон пишет: «есть данные, позволяющие отождествлять Гумбази Барак-хан с мавзолеем родоначальника ташкентской ветви династии Шейбанидов, Суюнидж-хана, приходившегося дядей Мухаммеду Шайбани и скончавшемуся в 1525 г. Здание «гурханы» над его могилой было выведено при его сыне, Келди Мухаммеде и как будто было закончено постройкой в 1531/2 г., после чего нам поместили изразцовую надпись, текст которую составил поэт Васыфи» [15, с. 126]. Это мнение поддержали известные в этой области специалисты [16; 17, с. 110; 18, с. 149].

Примечательно, что сообщения анонимного автора рецензии 1882 г., Н.Н. Балкашина, Н. Лыкошина, Г.Е. Грум-Гржимайло находят соответствие с данными М. Дулатова и указанием П.Н. Ахмерова. Указанные Н. Лыкошиным особенности декоративной отделки камня – «айна-тас» на могиле Абылая совпадает с описанием Ж. Аймауытова. Описание Шади-торе место могилы Абылая с надгробием в ханаке Ахмеда Ясави соответствует месту расположения надгробного камня Суйунч хана. Других надгробий у порога в усыпальницу святого не существует.

Таким образом, сбор и анализ данных позволил определить точное местонахождение могилы Абылая. В настоящее время мы имеем согласующихся друг с другом данные 7 разных по времени и происхождению сообщения о местонахождении ханской могилы, которые свидетельствуют, что на могилу Абылая был поставлен надгробный камень Суйунч хана, могила которого располагалась в г. Ташкенте. Как бы нам не казалось невозможным с точки зрения современного восприятия использования надгробия с чужой могилы мы были обязаны проверить указанную источниками могилу. Анализ источников не дал нам иную версию местоположения могилы Абылая кроме указанного выше.

Изучение могилы, располагавшейся под камнем Суйунч хана.

Посредством знакомства с отчетами реставрационных работ прошлых лет, с планами исследователей, фиксировавших надгробия с литературой, где имеются сведения об интересующем нас объекте, было выяснено, что до реставраций 1994 г. надгробный камень Суйунч хана оставался на своем месте, сохраняя в целостности расположенную под ним могилу.

В мае 1995 г. нами была произведена археологическая расчистка заключенной в металлический ящик могилы, располагавшейся ранее под надгробием Суйунч хана. Выяснилось, что при взятии монолитом могила частично не вместились в металлический ящик. За бортом ящика остались локтевая кость и кисти правой руки погребенного. Было выявлено, что могильная яма была обложена сырцовым кирпичом, некоторые из которых имели размер 18х10–9х7–6 см.

Погребенный лежал вытянуто на спине, лицевая часть черепа повернута вправо. Правая рука была вытянута вдоль тела. Левая рука несколько согнута в локте. Левая нога вытянута, правая нога несколько согнута в колене. Пяточные кости сходятся друг с другом. Черты погребального обряда соответствуют мусульманским погребениям XVII–XVIII вв. археологически зафиксированные на территории Южного Казахстана. Изучение могилы показало, что она является позднесредневековой, что кости в могиле располагаются в первоначальном положении [5].

Результаты антропологического изучения костяка, произведенные член-корреспондентом НАН, д.и.н. О. Исмагуловым и А. Исмагуловой, показали, что погребенный принадлежит мужчине старческого возраста (около 70 лет), общая длина тела которого при жизни составляла около 164 см. На верхней и нижней челюсти отсутствовали зубы, причем лунки заросли и деформировались. На изученном скелете обнаружен перелом левого бедра, перенесенного данным индивидуумом. Тщательный анализ письменных источников выявило, что сверстники Абылая шутя называли его «опырык», т.е. «беззубый», и что он умер в возрасте 69 лет. Капитан И.О. Брехов побывавший в ставке Абылая в 1776 г. в своем рапорте отметил: «Летами он, Абылай, хотя уже не молод, и по примечанию моему кажется за семьдесят перешел. Однако собою еще здоров и виден, росту небольшого». О том, что он был невысок («кортык») указывает казахский народный дастан «Сабалак» [19, 10–21-бб.]. О ранений Абылая в сражении с китайцами в 1756 г. пишут русские источники. Нам удалось зафиксировать бытующую у синьцзянских казахов предание о ранении Абылая в бедро. Сопоставление антропологических особенностей извлеченного из могилы скелета с прижизненными физическими чертами Абылая имеет полное совпадение [5]. Таким образом, вскрытие могилы и историко-антропологическое изучение скелета позволяет считать, что это погребение является захоронением Абылая.

Каким образом надгробие Суйунч хана оказалось на могиле Абылая?

В XVIII в. мавзолее Суйунч хана, входящий в состав комплекса медресе Барак хана в Ташкенте, оказался заброшенным. «Есть там великие старинные и хорошей архитектуры строения, кои наподобья христианских церквей имеют главы, и внутри изрядной работою украшены и называются по тамошнему медресы, т.е. училища... В одной из оных погребен старинный их хан Барак, и она перед прочими гораздо лучше убранства была, ибо много золоченной и костью выкладной работы имела, но в таком небрежении у граждан осталась, что в ней скотину запирают», – писал о памятнике в конце XVIII в. П.И. Рычков. Памятник растаскивался. Агальматолитовые полуколонки из мавзолея Суйунч хана были перенесены в мавзолее Юнус хана, из медресе исчезли резные двери с инкрустацией из кости [17, с. 112].

Согласно данным русских источников пунктом последней поездки хана Абылая был г. Ташкент. По народной легенде он был в Самарканде, где для него откопали камень, на котором выбив текст «Абылай бин Сүйеніш хан», поставили после смерти Абылая на его могилу. Такова легенда. Однако нет никаких достоверных источников, что Абылай был в г. Самарканде. У казахов традиционно считалось, что самые лучшие надгробия делают в г. Самарканде. Поэтому в народной легенде для такой выдающейся личности как Абылай надгробный камень должен был быть в обязательном порядке из Самарканда.

Факт вторичного использования одного надгробия спустя через 1–2 века зафиксирован на том же средневековом кладбище г. Туркестана. Так надгробие № 18, датированное концом XV – нач. XVI вв. в 1689 г. был переделан в надгробие Карона биби дочери великого Амира Насруллаха [12, с. 18]. Примеров вторичного использования надгробия выявлено достаточно и в некрополях Средней Азии [20, р.124; 21, с.13; 22, с. 256–261].

В результате изучения данных о месте погребения Абылая определено точное месторасположение могилы казахского хана. Археологическое вскрытие могилы, антропологическое изучение костных остатков и сопоставление полученных данных с известиями письменных источников о физическом облике казахского хана позволили однозначно идентифицировать погребенного в этой могиле личности с Абылай ханом. 17 марта 2000 г. в г. Туркестане, в ханаке Х.А. Ясави было произведено перезахоронение костных останков Абылай хана.

Литература

1. Ергөбек Қ. Арыстар мен ағыстар. Алматы, 2003.
2. Ажигали С.Е. Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана // Отан тарихы. Отечественная история. 1999. № 2.
3. Кожа М. О поиске места захоронения Абулхаир хана // Кадырбаевские чтения. Актобе, 2010
4. Муминов А., Кожа М., Моллаканагатулы С. Мавзолей Ходжа Ахмада Йасави. Алматы: «Эффект», 2010.
5. Смағұлұлы О., Қожаев М., Оразаққызы А. Абылай хан. Тарихи-антропологиялық зерттеу. Алматы, 1999.
6. Об исследованиях Н.Н. Балкашина касательно киргизской орды // Изв. РГО. 1882. XIII. Вып. 6.
7. Грумм-Гржимайло Г. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.
8. Балкашин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. Санкт-Петербург, 1887.
9. Ахмеров П.Н. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань. 1896. Т. 13. Вып. 1.
10. Лыкошин Н.С. Суеверия киргиз, связанные с Туркестанской мечетью Хазрет Султана // Туркестанские ведомости, 1902. № 17.
11. Дулатов М. Таңдамалы шығармалар. Алматы, 1991.
12. Муминов А.К., Жандарбеков З., Бабаджанов Б. Отчет по предварительным исследованиям погребальной эпиграфики комплекса Ходжа Ахмеда Ясави. Рукопись. 1995.
13. Аймауытов Ж. Әзірет Сұлтан. // Парасат (ж). 1990. №3.
14. Шәді Жәңгірұлы. Тарихат // Абылай хан. Алматы, 1993.
15. Массон М.Е. Прошлое Ташкента // Известия АН Уз.ССР, 1954.
16. Ратия Ш.Е., Воронина Л.Н. Мавзолей Барак-хана // Архитектура СССР. 1936, № 11.
17. Булатова В. А., Маньковская Л.Ю. Памятники зодчества Ташкента (XVI–XIX вв.) Ташкент, 1983.
18. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
19. Кожа М. Хан сүйегі қалай анықталды? // Қазақ тарихы. 2007. № 1, 2.
20. Babadjanov B., Muminov A., Paul J. Schaibanidische Grabinschriften. Wiesbaden. 1997.
21. Мухтаров А. Эпиграфические памятники Кухистана. Кн. II. Душанбе, 1979.
22. Некрасова Е. Комплекс дахма-и шахан в ансамбле Баха ад-дина // История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 2002. Вып. 33.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОЙ ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Любичанковский А.В.

Оренбургский государственный университет

Первым культурно-географическим этапом развития пространства культурного наследия Оренбургской области является этап с древнейших времен до целенаправленного освоения данной территории Российским государством, начало которому было положено в 1735 г. Этот этап представлен археологическими памятниками.

Всего в области на 1 января 2008 года выявлено 1549 археологических памятников, зарегистрированных Департаментом по культуре и искусству Оренбургской области в качестве объектов культурного наследия. Большинство из них не датировано – 1087 (70 % всех выявленных объектов).

По абсолютному количеству археологических объектов в административных единицах области (районах и городах) наблюдается следующая картина: наибольшая численность – 145 объектов – в Ташлинском р-не, затем следует Акбулакский р-не – 93 объекта, потом идут Домбаровский (59), Кваркенский (58), Илекский (57), Адамовский (54), Курманаевский (54), Красногвардейский (50), Бугурусланский (47), Октябрьский (47), Саракташский (45), Беляевский (44), Оренбургский (44), Кувандыкский (41) р-ны, г. Орск (39), Переволоцкий (35), Асекеевский (33), Бузулукский (30) р-ны, и наименьшее количество археологических объектов находится в Светлинском (20), Матвеевском (18), Шарлыкском (18) р-нах, городах Новотроицк (17), Оренбург (15), Пономаревском (13), Сакмарском (10), Грачевском (9), Сорочинском (9), Александровском (4), Ясенском (4), Северном (3), Абдулинском (1) р-нах и в г. Медногорск (1).

Таким образом, исходя из насыщенности археологическими памятниками, в Оренбургской области можно выделить восемь групп административно-территориальных единиц (районов и городов):

- 1) от 1 до 10 памятников – 25 % административно-территориальных единиц;
- 2) от 11 до 20 памятников – 19 % административно-территориальных единиц;
- 3) от 21 до 30 памятников – 3 % административно-территориальных единиц;
- 4) от 31 до 40 памятников – 9 % административно-территориальных единиц;
- 5) от 41 до 50 памятников – 22 % административно-территориальных единиц;
- 6) от 51 до 60 памятников – 16 % административно-территориальных единиц;
- 7) от 91 до 100 памятников – 3 % административно-территориальных единиц.

Отсюда видно, что археологические памятники представлены на территории Оренбургской области, в общем и целом, равномерно. Однако, как уже было указано, из всей совокупности зарегистрированных в правительстве Оренбургской области археологических памятников датированными являются далеко не все, а только лишь 462, или 30 %.

Анализ их пространственного распределения по территории Оренбургской области дал следующие результаты. Наибольшее количество датированных археологических памятников расположено в Новоорском р-не (78 объектов), далее следуют Гайский и Кваркенский р-ны (61 и 57 соответственно), затем следуют Акбулакский, Первомайский р-ны (по 40 в каждом) и г. Орск (38), затем Светлинский (20), Бугурусланский (19), Илекский (19), Переволоцкий (18) р-ны и г. Новотроицк (17), наименьшее количество объектов расположено в Красногвардейском (9), Соль-Илецком (8), Курманаевском (6), Новосергиевском (6), Октябрьском (6) р-нах, в г. Оренбурге (5), а также Домбаровском (3), Пономаревском (3), Беляевском (2), Матвеевском (2), Оренбургском (2), Сакмарском (2), Ташлинском (1) р-нах.

Сравнительное изучение пространственного распределения всех археологических памятников на территории Оренбургской области и только датированных памятников позволяет констатировать, что если в целом археологические памятники представлены во всех административно-территориальных единицах области, то датированные памятники отсутствуют примерно в трети из них. В Оренбургской области есть ряд районов, где нет датированных археологических памятников: Абдулинский, Адамовский, Александровский, Асекеевский, Бузулукский, Грачевский, Кувандыкский, Саракташский, Северный, Сорочинский, Тоцкий, Тюльганский, Шарлыкский, Ясенский р-ны.

Обращает на себя внимание, что отсутствует полное соответствие между общим количеством разведанных на территории того или иного административно-территориального образования области археологических

памятников и количеством датированных памятников. Наиболее ярким примером в этом отношении является Ташлинский р-н, в котором под охрану взято 145 археологических памятников, а датированным из них является только один!

Такая ситуация позволяет ввести по отношению к сети археологических памятников, в большом количестве представленных на территории Оренбургской области, понятия *реальной инфраструктуры* и *потенциальной инфраструктуры*. Сделать это необходимо для того, чтобы подчеркнуть, что целый ряд районов и городов Оренбургской области имеют неиспользованный потенциал. Перспективы развития археологических культурных ландшафтов в Оренбургской области связаны, на наш взгляд, с введением этого потенциала в работу путем датирования и паспортизации.

На сегодняшний день в Оренбургской области выделяются следующие районы с наибольшей насыщенностью объектами: 3 района и 1 город на востоке области (Кваркенский, Гайский, Новоорский р-ны, г. Орск), 1 район на юге – Акбулакский, и 1 район на юго-западе – Первомайский.

Охарактеризуем сложившуюся инфраструктуру археологических объектов культурного наследия с точки зрения особенностей ее пространственно-хронологической и пространственно-видовой специфики. По видам археологических объектов в Оренбургской области преобладают курганы (78,13 %), затем идут поселения (8 %), могильники (5 %), селища (4,55 %), стоянки (1,39 %), выкладки (0,6 %), городища (0,43 %), комплексы (0,43 %), оградки (0,43 %), святилища (0,22 %), погребения (0,22 %), культурный слой и фортификационное сооружение крепости замка (0,22 %), местонахождения кремневых орудий (0,22 %), каменное кольцо (0,22 %).

Курганы абсолютно доминируют в Беляевском, Первомайском и Ташлинском р-нах. Они занимают большую часть в Новоорском (98 %), Акбулакском (97 %), Гайском (95 %) р-нах, в г. Новотроицк (94 %), а также Соль-Илецком (87 %), Светлинском (85 %), Кваркенском (80 %) р-нах, г. Оренбурге (80 %), Переволоцком (78 %) и Илекском р-нах (74 %), составляют половину всех датированных археологических объектов в Октябрьском, Оренбургском и Сакмарском р-нах.

Поселения абсолютно преобладают в Домбаровском, Курманаевском р-нах, составляют 67% всех датированных археологических объектов в Пономаревском и занимают половину всех датированных археологических объектов в Матвеевском, Новосергиевском, Октябрьском и Оренбургском р-нах.

Могильники преобладают в городе Орске (52 % всех датированных археологических объектов), занимают незначительную долю в Илекском (5 %) и Кваркенском (4 %) р-нах, входят в состав археологического комплекса в Гайском р-не (1 %). В остальных районах области не выявлено датированных могильников.

Селища преобладают в Бугурусланском р-не (79 %), занимают 45 % в Красногвардейском, 17 % в Новосергиевском, 13 % в Соль-Илецком р-нах и отсутствуют в остальных районах. *Стоянки* занимают 11 % в Красногвардейском, 8 % в Кваркенском р-нах и отсутствуют в остальных. *Выкладки* занимают 5 % в Светлинском районе и 4 % в Кваркенском районе, в остальных районах отсутствуют. *Городища* занимают половину всех выделенных датированных объектов в Сакмарском р-не и составляют 2 % в Кваркенском, в остальных районах отсутствуют.

Оградки занимают 10 % в Светлинском р-не, в остальных районах отсутствуют. *Святилища* занимают 3 % в Акбулакском р-не и отсутствуют в других районах области.

Погребения занимают 11 % в Красногвардейском р-не и отсутствуют в других районах. *Культурный слой и фортификационное сооружение крепости замка* занимает 3 % в городе Орске и отсутствует в других районах области. *Местонахождения кремневых орудий* занимает 50 % в Матвеевском р-не и отсутствует в других районах. *Каменное кольцо* занимает 1 % в Новоорском р-не и отсутствует в других районах области.

Также выделяются среди датированных археологических объектов комплексы памятников, которые включают в себя сочетание нескольких видов объектов сразу: поселение и могильник в Гайском р-не, что составляет 2% от всех памятников; поселение, курганный могильник и земляное сооружение в г. Орске, в котором он занимает 3 % от всех памятников.

Сложившуюся специфику пространственного распределения различных видов археологических памятников по территории области можно использовать при конструировании культурных ландшафтов путем подчеркивания уникальности той или иной территории области. Так, например, Акбулакский р-н может быть представлен как единственная в области «родина» древних святилищ; Орск – как единственный в Оренбуржье обладатель остатков замкового строения; ряд районов может идентифицировать себя с «археологической» точки зрения в качестве обладателя комплекса археологических памятников разных видов.

Если говорить о периоде возникновения того или иного археологического памятника, то можно констатировать, что датированные археологические объекты культурного наследия в Оренбургской области

охватывают хронологический период от палеолита до средневековья. В процентном соотношении мы имеем следующую картину: памятники палеолита – 1 (0,22 %), памятники неолита – 2 (0,43 %), памятники бронзового века – 96 (20,78 %), памятники раннего железного века – 124 (26,84 %), памятники средневековья – 49 (10,6 %). Также выделяются памятники, которые датируются рядом эпох: это памятники энеолита–бронзы – 1 (0,22 %), бронзы–раннего железного века – 82 (17,75 %), неолита–бронзы – 1 (0,22 %), бронзы–средневековья – 77 (16,66 %), раннего железного века–средневековья – 28 (6,06 %) и эпохи бронзы–XX-го века – 1 (0,22 %).

Таким образом, основное количество выявленных памятников на территории Оренбургской области относится к бронзовому и раннему железному веку. Среди датированных археологических памятников только один относится к эпохе палеолита – это местонахождение кремневых орудий в Матвеевском р-не, что составляет для этого района 50% всех датированных археологических объектов. Сразу отметим, что при развитии археологических культурных ландшафтов на территории этого района наиболее оптимальной будет являться самопрезентация Матвеевского р-на как «родины» самого древнего на территории Оренбургской области археологического памятника.

Эпоха неолита (заклучительного периода каменного века, который на Южном Урале начался с конца VII тыс. до н.э.) представлена на территории Оренбургской области в следующих р-нах – Пономаревском – 1 (т.е. 33,3 % от всех датированных объектов), а также в Красногвардейском р-не – 1 (11,1 %).

Энеолит (период, когда происходила постепенная смена каменных орудий труда на медные, начался в середине V тыс. до н.э.) представлен в таких археологических памятниках, которые датируются несколькими археологическими периодами, а именно эпохой энеолита–бронзового века в Красногвардейском р-не – 1 (11,1 %) и эпохами неолита–энеолита–бронзы в том же Красногвардейском р-не – 1 (составляя такую же долю, 11,1 % от всех датированных памятников).

Бронзовый век (становление собственного южноуральского горнометаллургического центра началось в конце IV тыс. до н.э.) представлен в следующих районах области: Бугурусланский – 18 (94,74 %), Кваркенский – 14 (24,56 %), Новоорский – 7 (8,97 %), Курманаевский – 6 (100 %), Октябрьский – 6 (100 %), Гайский – 6 (9,84 %), Новосергиевский – 5 (83,33 %), Красногвардейский – 5 (55,56 %), Илекский – 5 (26,31 %), г. Орск – 5 (13,16 %), г. Новотроицк – 4 (23,53 %), Переволоцкий р-н – 4 (22,22 %), Домбаровский – 3 (100 %), Акбулакский – 3 (7,5 %), Соль-Илецкий – 2 (25 %), Оренбургский – 1 (50 %), Сакмарский – 1 (50 %), Пономаревский – 1 (33,3 %). Бронзовый век представлен также в памятниках, которые датируются несколькими археологическими периодами, а именно – эпохами бронзы–ранним железным веком, они представлены в Первомайском р-не – 3 (97,5 %), Акбулакском р-не – 14 (35 %), Переволоцком р-не – 7 (38,89 %), г. Орске – 5 (13,16 %), Новоорском р-не – 4 (5,13 %), г. Оренбурге – 3 (60 %), Соль-Илецком р-не – 3 (37,5 %), Илекском – 3 (15,79 %), Пономаревском – 1 (33,3 %), Новосергиевском – 1 (16,67 %), г. Новотроицке – 1 (5,88 %) и Гайском р-не – 1 (1,64 %); а также эпохами бронзы–средневековья, представленными в Новоорском р-не – 35 (44,87 %), Гайском р-не – 18 (29,5 %), г. Орске – 15 (39,5 %), г. Новотроицке – 4 (23,53 %), Соль-Илецком р-не – 2 (25 %), Акбулакском р-не – 2 (5 %), г. Оренбурге – 1 (20 %).

Ранний железный век (ознаменовавшийся открытием в производственной деятельности человека металлургии железа, ведет отсчет от начала I тыс. до н.э.) представлен в области в следующих районах и городах: Гайском – 30 (49,18 %), Новоорском – 26 (33,33 %), Акбулакском – 18 (45 %), Кваркенском – 11 (19,3 %), Светлинском – 10 (50 %), г. Новотроицк – 8 (47,06 %), Илекском – 7 (36,84 %), г. Орск – 7 (18,45 %), Ташлинском – 1 (100 %), Оренбургском – 1 (50 %), г. Оренбурге – 1 (20 %), Соль-Илецком р-не – 1 (12,5 %), Красногвардейском – 1 (11,11 %), Первомайском – 1 (2,5 %).

Памятники средневековья представлены в следующих районах и городах Оренбургской области: Кваркенском – 31 (54,39 %), Светлинском – 7 (35 %), Переволоцком – 3 (16,67 %), Беляевском – 2 (100 %), Илекском – 2 (10,53 %), Сакмарском – 1 (50 %), Бугурусланском – 1 (5,26 %), г. Орске – 1 (2,6 %), Гайском – 1 (1,64 %). Памятники, которые включают в себя эпохи раннего железного века и средневековья, расположены в Новоорском р-не – 6 (7,7 %), Гайском р-не – 5 (8,2 %), Переволоцком р-не – 4 (22,22 %), г. Орске – 4 (10,53 %), Светлинском р-не – 3 (15 %), Акбулакском – 3 (7,5 %), Илекском – 2 (10,53 %) и Кваркенском – 1 (1,75 %).

Анализ пространственно-временного распределения археологических памятников позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее ранние следы древнего человека, выявленные в Оренбуржье, относятся к палеолиту. Это местонахождение кремневых орудий в Матвеевском р-не.

2. Наиболее яркие свидетельства самой значительной культуры на территории современной Оренбургской области – сарматской культуры (VII в. до н.э. – IV в. н.э.) представлены в виде курганов, в которых сарматы

хоронили своих сородичей. Поселения же сармат неизвестно ни одного. Самые знаменитые в науке курганы сармат расположены в Шарлыкском р-не.

3. В Оренбургской области замечены следы древней производственной человеческой деятельности. Это Каргалинский горно-металлургический комплекс (Октябрьский и Александровский р-ны). Общая площадь горных выработок и шахт – около 500 км².

4. В данный период территория будущей Оренбургской области представляется контактной зоной многих культур скотоводческого типа (савроматов, сарматов, гуннов, печенегов, башкиров, кыпчаков, ногаев), сменявших друг друга в оренбургских степях. Специфика скотоводческих культур предопределила тот факт, что наиболее распространенными объектами их культурного наследия являются не поселения, а курганные захоронения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий практический вывод: изучение пространственного распределения археологических объектов культурного наследия Оренбургской области позволяет предложить определенную стратегию их использования для создания широкой сети археологических культурных ландшафтов в Оренбуржье. В своих основных чертах эта программа может быть сведена к следующим направлениям деятельности.

Во-первых, перевод *потенциальной инфраструктуры* археологических объектов в *реальную инфраструктуру* за счет датирования зафиксированных памятников. При этом в первую очередь нужно «подтягивать» к среднему количественному уровню датированных памятников те 14 районов и городов области, в которых нет ни одного датированного памятника.

Во-вторых, инициирование и поддержание дополнительного интереса населения районов и городов Оренбуржья к археологическим объектам культурного наследия за счет грамотно выстроенной самопрезентации этих районов и городов в качестве уникальных. Особенности пространственно-видового и пространственно-хронологического распределения археологических памятников дают для этого все основания.

В-третьих, создание на местах туристических маршрутов к местным археологическим достопримечательностям, специфика которых по отношению к археологическим памятникам других районов области очевидна, реализация этих маршрутов в первую очередь для школьников (что должно обеспечить воспитательный эффект для граждан детского и юношеского возраста) и обустройство (облагораживание) прилегающей к этим объектам культурного наследия территории.

Вся эта совокупность мероприятий должна позволить превратить широкую инфраструктуру археологических памятников, доставшуюся нам в наследство от далеких предков, в целую сеть своеобразных «точек роста» культурных ландшафтов Оренбуржья, ценную своей всеохватностью, доступностью для «глубинки», а не только для областного центра, и незаикленностью на деликатные вопросы современной этноконфессиональной организации населения Оренбургской области.

ИЛЕЦКАЯ СОЛЬ КАК ОБЪЕКТ ТУРИЗМА В XIX ВЕКЕ*

Савинова Т.Н., Клинков Е.П.

Институт степи Уральского отделения РАН, Оренбург

Среди источников по истории Илецкого соляного промысла XIX в. важную роль играют свидетельства современников, по той или иной причине побывавших на месте разработки соли, в Илецкой Защите. Они представлены путевыми заметками, воспоминаниями, дневниками, письмами и другими документами личного характера. Важность этих свидетельств заключается в том, что они нередко фиксируют такие моменты в работе Илецкого промысла, какие не отразились, да и не могли отразиться в официальных документах. В то же время этот вид исторических источников отличается от, например, материалов делопроизводства Илецкого соляного правления, тем, что имеет ярко выраженный эмоциональный, «живой» характер. Такая специфика источника требует к себе особого отношения и аккуратного, осторожного использования его в исторических исследованиях. Например, О.В. Демидова (урожд. Даль), оставившая воспоминания о поездке В.И. Даля с семьей в Оренбургскую губернию летом 1859 г., среди прочего пишет о своём брате Льеве Дале: «...Он посетил Илецкую Защиту, откуда навёз нам пропасть вещиц, выделанных из каменной соли, и много рассказывал о красоте пещер, высеченных в соляных залежах; все украшения, колонны, всё было из соли»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-81102а/У

[1, с. 451]. О каких пещерах идет здесь речь, непонятно, ведь подземная добыча соли началась на Илецком промысле лишь в 1889 г., поэтому данное сообщение требует дополнительной проверки.

Знакомство с источниками говорит о том, что в XIX веке Илецкую Защиту (или «Илецкую соль», как часто называли в то время место разработки) посетило большое количество путешественников различного рода и ранга. Всех посетителей Илецкой Защиты, оставивших заметки о своём пребывании в Илецкой защите, в зависимости от целей посещения можно разделить на три категории: 1. учёные, приехавшие на берега Илека специально с научными целями (А. Гумбольдт, Э. Эверсман, Р. Мурчисон, Д.Н. Соколов и т.п.); 2. чиновники и офицеры, посетившие Илецкую Защиту во время исполнения своих служебных обязанностей (В.И. Даль, И.Ф. Бларамберг, А.К. Гейнс и т.д.); 3. «обыватели», побывавшие на соляных коях в силу собственной любознательности (П.П. Свињин, И.К. Бабст, Е.З. Воронина, Л.В. Даль и др.). Такое деление носит довольно условный характер. Например, ученых можно смело отнести и ко второй категории, т.к. научные исследования составляют предмет их служебных обязанностей. Многих из второй категории можно причислить к третьей, т.к. пользуясь возможностью по службе, они удовлетворяли свое любопытство. А как назвать представителей российской императорской фамилии, дважды приехавших в Илецкую Защиту – в 1824 и 1837 гг. (император Александр I и цесаревич Александр Николаевич соответственно)?

Причиной большой популярности Илецкой соли в XIX веке как объекта туризма является совокупность нескольких факторов. Во-первых, это *уникальность* Илецкого месторождения каменной соли. В геологическом отношении оно представляет собой мощный купол (шток) каменной соли, выжатый под влиянием тектонических процессов с большой глубины до поверхности земли. В плане поверхность соляного купола имеет форму вытянутого с северо-запада на юго-восток овала с размерами длинной оси около 2000 м и короткой – около 1000 м [2, с. 578]. Залежь полезного минерала выходит непосредственно на земную поверхность, и с древнейших времен добыча соли на месторождении производилась открытым способом, в виде ям и карьеров. До открытия в 1876 г. Бахмутского месторождения на Донбассе Илецкий промысел являлся единственным в России поставщиком каменной соли ископаемого происхождения. Другие источники поваренной соли представлены озерами, на которых добывалась самосадочная соль (Эльтон, Баскунчак и др.), и заводами, где получение продукта происходило в процессе выварки соляного рассола, добытого из-под земли (Дедюхин, Старая Русса, Соликамск и др.). Таким образом, приезжающие в Илецкую Защиту могли наблюдать добычу соли в безопасных и довольно комфортных условиях.

Второй фактор – *доступность* Илецкой соли. Илецкое месторождение располагается в 70 км к югу от г. Оренбурга, и любой приезжающий в губернский центр, если он не сильно торопился, мог сделать крюк и посетить соляные копи. В 1754 г. илецкая каменная соль была объявлена собственностью казны, и в том же году на месте разработок была построена крепость Илецкая Защита. С Оренбургом её соединял хорошо оборудованный солевозный тракт, вдоль которого для безопасности были сооружены форпосты Донгузский и Елшанский. Известно, что в 1870-х гг. сообщение между Оренбургом и Илецком осуществлялось при помощи особых дилижансов, устроенных дирекцией Илецких минеральных вод и кумысолечебного заведения [3].

Следующим фактором популярности можно назвать *специфический ландшафт* Илецкой Защиты. В северной части Илецкого месторождения находятся остатки горы, сложенной в основном из пластов гипса. В конце XIX века Гипсовая гора возвышалась над окружающей местностью на 36,5 м: «Над окружающей местностью гипсовая гора подымается очень высоко; подъезжая к Илецку с севера, т.е. от Оренбурга, она видна за 12 верст; с юга же, из-за реки Илека, гора видна на расстоянии 20 верст...» [4, с. 122]. На более впечатлительных путешественников вид Гипсовой горы производил неизгладимое впечатление: «Илецкая Защита, быв расположена на обширной равнине, открывается не прежде, как подъехав к самой почти заставе; зато весьма издалека указывает место селения гипсовая гора, возвышающаяся на восточной стороне одного в виде сахарной головы, столь же белой и отражающейся при свете солнца перламутровыми блёстками. На вершине её сооружен четвероугольный зубчатый замок, который сколько придает красы целому ландшафту – представляясь короною на челе сего степного гиганта...» [5, с. 21–22]. Этот же автор так описывал вид соляного карьера: «Место разработки представляет огромную яму, 80 сажень в длину, 15 в ширину и 9S в глубину. Низ и бока её иссечены уступами, а правая сторона во всю длину и вышину является гладкою ледяною стеною, отражающею, как зеркало, солнечные лучи...» [5, с. 4 – 5].

Еще одним фактором можно назвать *«наглядность» богатства*. Для современного потребителя поваренная соль является заурядным, «копеечным» продуктом. Для обывателя позапрошлого века соль являлась дефицитным товаром, т.к. во-первых, она добывалась в меньших объемах и стоила дороже, а во-вторых, требовалось её в хозяйстве больше, чем сейчас. В XIX веке отсутствовали холодильники и

пищевые консерванты, и одним из основных способов хранения продуктов питания являлась их засолка. Для большинства населения России середины XIX в., особенно сельского, соль была дорогим лакомством, что очень хорошо отражено в художественной литературе того периода, например, в стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Щи» или в песне «Солёная» в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Вид соляного карьера площадью более 3600 м² и глубиной до 38 м (по состоянию на 1882 г.) и рабочих, запросто ходивших по сплошной соляной залежи, вызывал у людей восторженные чувства. Недаром в описаниях и заметках путешественников, посетивших Илецкую Защиту, очень часто звучат слова «богатый» и «богатство». В 1802 г. через Оренбургский край прошел маршрут экспедиции по России генерала Е.М. Спренгтпортена, в состав которой входил А.Х. Бенкендорф. Участники экспедиции не удержались от соблазна посмотреть на уникальное месторождение, и Александр Христофорович оставил в своём дневнике короткую, но показательную запись: «На некотором расстоянии от Оренбурга находится соляной карьер, очень богатый, в котором разместились пехотная рота - чтобы обезопасить карьер и защитить рабочих...» [6, с. 64]. 2 мая 1805 г. оренбургский губернатор князь С.Г. Волконский, решив показать местную достопримечательность своим жене и сыновьям, писал П.М. Волконскому: «Мы на сей неделе с вашею Матушкою едем в степь Киргизскую за 80 вер., смотреть богатство Елецкой соли...» [7, с. 66]. Еще один пример находим в письме В.И. Даля к издателю «Северной пчелы». 8 декабря 1833 г. он сообщал из Оренбурга: «...Более всего обращает внимание наше Илецкая Защита, а в сей последней легко забываем гипсовую пещеру и странную, крутую каменную гору, взглянув на неизмеримую, неисчерпаемую толщу каменной соли, которой, по расчетам современных Архимедов, стало бы, для продовольствия всего Государства нашего, на несколько десятков тысяч лет!!! Здесь вы можете увидеть, обнять глазами, взвешенные и складенные миллионы пудов соли! [8, с. 23–24].

Пятым фактором являлась *широкая известность* илецкой каменной соли. Она приобрела её благодаря своим высоким физико-химическим и вкусовым качествам. Илецкая соль содержит в себе 99 % хлористого натрия (NaCl), чем превосходит пермскую выварочную (94,5 %), баскунчакскую самосадочную (95,5 %), артемовскую каменную (96 %). Строение соли кристаллическое, крупнозернистое, цвет белый с сероватым оттенком. У илецкой каменной соли отсутствуют такие примеси, как глауберова соль, гипс, глинозем, что дает возможность успешно солить мясо, рыбу, икру, овощи и другие продукты. В начале XIX века она поставлялась для «нужд императорского двора». Высокие качества илецкой соли неоднократно отмечались медалями на промышленных выставках: в 1867 г. – на Парижской всемирной, в 1882 г. – на Всероссийской, в 1887 г. – на Сибирско-Уральской, в 1890 г. – на Казанской, в 1896 г. – на Нижегородской, в 1900 г. – снова на Парижской. Об одном эпизоде участия в таких выставках пишет в своих воспоминаниях И.Ф. Бларамберг, служивший в Оренбургском крае с 1841 по 1855 гг.: «Здесьняя каменная соль хрупкая, имеет стеклянный блеск, прозрачная и часто даже светлая, как хрусталь. Из этого (последнего) сорта делают различные вещи, например коробки, светильники, четки, даже зажигательные стёкла. На первую всемирную выставку в Лондон была послана миниатюрная модель Александрийского столпа, что на площади у Зимнего дворца, высотой около 4 футов, изготовленная из одного куса кристалльно-чистой каменной соли» [9, с. 281].

Большой популярности Илецкой соли способствовали многочисленные описания её и путевые заметки «любопытствующих» в различных печатных изданиях, например, статья П. Свиньина «Посещение Илецкой Защиты», опубликованная в «Отечественных записках» за 1825 г., или очерк «Илецкая Защита» в «Русском художественном листке» 1861 г. Обе публикации были снабжены иллюстрациями с видами соляных разработок.

Даже к концу XIX века у путешественников не ослабевал интерес к Илецкому месторождению, и в местной печати время от времени появлялись сообщения о приезде на промысел иностранных гостей.

Летом 1898 г. в Оренбурге ожидали члена Лондонских географического и ботанического обществ Р.Л. Джефферсона, с научной целью путешествовавшего на велосипеде. Стартовав из Лондона 28 апреля, он проехал через Брюссель, Кельн, Нюрнберг, Вену, Будапешт. Перебравшись через границу около города Дубно, путешественник направился через Львов, Киев, Чернигов, Гомель в Москву, куда прибыл 15 июня. 22 июня Джефферсон выехал из Москвы, направляясь через города Владимир, Нижний Новгород, Симбирск, Самару, Оренбург, Орск, Казалинск в Хиву. В сутки велосипедист делал не более 100 верст. Главной целью путешествий являлись общегеографические исследования, вместе с тем Джефферсон интересовался этнографией, ботаникой, бытовой жизнью населения, особенно крестьян.

Вечером 22 июля 1898 г. англичанин приехал в Оренбург. Джефферсон планировал провести в городе четыре дня, посетить Меновой двор, съездить в Илецкую Защиту, т.к. его очень сильно интересовали соляные шахты [10, с. 14].

А 19 августа 1898 г. в Оренбург прибыл действительный член Французского географического общества Поль А. Лаббе, командированный французским правительством «для производства этнографических исследований». Один из оренбуржцев описал экскурсию П. Лаббе в г. Илецк, куда путешественник прибыл 23 августа 1898 года вместе с управляющим губернией вице-губернатором И.Н. Соколовским: «В час дня начали осмотр построек, сооружений, шахт и прочих устройств соляного промысла. Господин Лаббе, видевший подобные предприятия за границей, удостоверяет, что там он не видел подобной постановки дела. В присутствии вице-губернатора и Лаббе был произведен на почвоуступных работах пороховой взрыв целины штока соли, представившей оригинальное, весьма красивое зрелище...». Покинув Оренбург в начале сентября 1898 г., француз отправился в Гурьев через Уральск, а затем поспешил во Францию, «так как он состоит в числе распорядителей по устройству предстоящей в Париже всемирной выставки...» [11].

Немаловажную роль в повышении популярности Илецкой соли как объекта туризма с середины XIX в. стал играть оздоровительный эффект илецких соляных озёр. На их основе в последней четверти XIX в. в Илецкой Защите (с 1865 г. – безуездный город Илецк) функционировал частный курорт купца Ю.Т. Лебедева, а еще позднее, в советское время, был открыт санаторий с водогрязелечебницей. В настоящее время соль-илецкий курорт является одним из наиболее посещаемых туристических объектов Оренбургской области.

Литература

1. Матвиевская Г.П., Зубова И.К. В.И. Даль в Оренбурге. Оренбург, 2007.
2. Разработка месторождений полезных ископаемых Урала. М., 1967.
3. Оренбургский листок. 1878.
4. Листов Ю. Пещеры-ледники. С приложением плана гипсовой горы гор. Илецка, плана и профилей пещер и двух графических таблиц // Материалы для геологии России. Т. XII. СПб., 1885.
5. Свиныин П.П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 году // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиныиным. 1825. Ч. XXIII. № 63, 64.
6. Бенкендорф А. Х. Моё путешествие в край ночи и к границам Китая // Наше наследие. 2004. № 71.
7. Архив декабриста С.Г. Волконского. Т. 1. До Сибири. Ч. 1. Пг.: Огни, 1918.
8. Луганский В. Письмо к издателю из Оренбурга // Северная пчела. 1834. № 6 (9 января).
9. Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М., 1978.
10. Судургина Т. «Симпатии останутся вечно неизменными...» // Вечерний Оренбург. 1998. № 34 (20 августа).
11. Оренбургская газета. 1898. 23 августа.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ БИЗНЕС МАЛЫХ ГОРОДОВ БАШКИРИИ: ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПРИОРИТЕТЫ

Сафиуллин Р.Г.

Башкирский государственный университет, Уфа

Туристская индустрия может стать одной из определяющих отраслей для экономики Башкирии. Но для этого необходимо избавиться от неэффективной модели управления объектами, вложиться в инфраструктуру гостеприимства, освоить потенциально прибыльные территории и изменить ценовую политику. Одним из важных направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития региона является создание условий для улучшения качества жизни населения, в том числе за счет развития туристско-рекреационного хозяйства, а также обеспечения качества, доступности и конкурентоспособности туристских услуг в малых городах Башкирии. Развитие внутреннего и въездного туризма в малых городах становится актуальной задачей и одним из реальных инструментов оздоровления социально-экономической ситуации в регионе. Туристская индустрия играет важную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости экономически активного населения и повышение благосостояния людей. В настоящий момент развитие турбизнеса является одним из важных направлений оживления экономики, оказывая стимулирующее воздействие на эволюцию таких сфер экономической деятельности в малых городах, как услуги коллективных

средств размещения, транспорт, связь, торговля, производство сувенирной продукции, общественное питание, сельское хозяйство, строительство, а также выступает катализатором социально-экономического развития муниципальных районов и населённых пунктов.

Малые города Башкирии, а к ним относятся города с численностью населения до 50 тыс. человек, обладают высоким туристско-рекреационным потенциалом, в них сосредоточены уникальные природные и рекреационные ресурсы, объекты национального культурного и исторического наследия (таблица 1). Доля малых городов в общей численности городского населения за 1979–2009 гг. выросла с 3,8 % до 10,5 %. В окрестностях малых городов представлен широкий спектр потенциально привлекательных туристских объектов, развитие которых невозможно без создания всех видов инфраструктуры.

Численность населения городов РБ, тыс. человек.

Города	1979	1989	2002	2009
Всего по Республике Башкортостан	3844	3943	4104	4066
Всего городское население, в том числе:	2182	2517	2627	2436
Уфа	978	1 080	1042	1038
Стерлитамак	220	248	264	272
Салават	138	151	159	156
Нефтекамск	70	108	122	131
Октябрьский	88	105	109	110
Белорецк	72	73	71	68
Ишимбай	57	70	70	68
Сибай	41	48	59	68
Кумертау	51	64	65	67
Туймазы	44	58	67	66
Белебей	44	53	61	61
Мелеуз	39	53	63	61
Малые города, всего:	83	135	247	256
Бирск	30	35	40	44
Учалы	28	35	37	40
Благовещенск	10	28	33	34
Дюртюли	-	-	30	32
Янаул	-	-	28	28
Давлеканово	9	21	24	25
Агидель	-	-	19	19
Баймак	6	16	17	17
Межгорье	-	-	19	17
Доля малых городов в городском населения	3,8	5,4	9,4	10,5

Составлена по: [2, с. 223–227, 288–292, 361–365; 1, с. 8]

Для изменения сложившейся ситуации необходимо активное государственное участие в решении таких отраслевых проблем, как: 1) высокие издержки на строительство объектов инженерной инфраструктуры для создаваемых туристско-рекреационных комплексов (в том числе сети энергоснабжения, водоснабжения, транспортные сети, очистные сооружения); 2) отсутствие доступных инвесторам долгосрочных кредитных инструментов (например, проектное финансирование) с процентными ставками, позволяющими окупать инвестиции в объекты туристско-рекреационного комплекса в приемлемые для инвесторов сроки; 3) невысокое качество подготовки отраслевых кадров и, соответственно, предоставляемых услуг.

Для привлечения инвестиций в туристический бизнес на условиях государственно-частного партнерства в районе малых городов Башкирии необходимо разработать проекты создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа со специализацией на лечебно-оздоровительном, аграрном (в Башкирии до 40 % населения по-прежнему проживает в сельской местности), экологическом, горнолыжном и спелеотуризме.

В основу создания особых экономических зон должен быть положен кластерный принцип развития регионов. Важно предпринять всевозможные меры по включению данных проектов в список Правительства РФ по созданию особых экономических зон туристско-рекреационного типа, то есть необходимо активнейшее лоббирование туристического бизнеса.

Например, базовая инфраструктура предлагаемого туристского кластера в Зауралье Башкирии уже имеется: санатории «Банное», «Юбилейный» (Абзелиловский район), «Ассы», турбаза «Арский камень», горнолыжный центр «Абзаково». Проекты по развитию туристического бизнеса в Зауралье предлагались ранее («Золотое кольцо Башкортостана», «Урал», «Башкортостан – страна приключений на Южном Урале»). Большую заинтересованность в этих проектах проявили зарубежные компании (Австрии, Германии, Японии). Однако отсутствие комплексного, проработанного до мелочей бизнес-плана, не позволило привлечь иностранные инвестиции.

Ведущее место в развитии малых городов Башкирии принадлежит градообразующим предприятиям. Они были образованы на базе одного или двух градообразующих предприятий лесной и деревообрабатывающей (г. Учалы), нефтедобывающей промышленности (гг. Бирск, Дюртюли, Янаул), машиностроения (гг. Благовещенск, Баймак), пищевой промышленности (гг. Агидель, Бирск, Давлеканово, Межгорье) и цветной металлургии (г. Учалы). Узкая производственная специализация малых городов РБ – это во многом результат их относительной молодости. В них успели сформироваться только одно или несколько однотипных градообразующих предприятий, относящихся к одной отрасли или обслуживающих один узкий сегмент отраслевого рынка, а остальные предприятия города обслуживают только внутренние насущные потребности города и проживающих в нем жителей (градообслуживающие отрасли). В итоге складывается ограниченная (суженная) функциональная направленность местных производств. Большинство предприятий малых городов Башкирии отличаются слабой инновационной активностью, работают на устаревшем оборудовании, изготавливают не конкурентоспособную продукцию; у них не возникли рыночные стимулы, направленные на структурные изменения и на повышение эффективности производства.

Малые города Башкирии со своими градообразующими предприятиями оказались наиболее чувствительными к негативным последствиям глобального финансово-экономического кризиса и быстро теряют свою экономическую стабильность; в них резко повышается степень рисков функционирования городской экономики. Эти города не успевают (да и не могут успеть) адаптироваться к изменившимся внешним условиям, к стремительно меняющейся мировой экономической конъюнктуре, ибо не имеют до сих пор запасных вариантов социально-экономического развития, не располагают быстро вводимыми в действие ресурсами. В большинстве малых городах РБ, за исключением г. Бирска, где имеется педагогический университет, наблюдается миграционный отток молодежи в более крупные города. В связи с этим они неизбежно депопулируют в развитии.

Вследствие непродолжительности существования в качестве городов малые города РБ не смогли реализовать заложенный в них потенциал, не успели стать истинными городами, ни с учетом своей экономической базы, ни по качеству городской среды, ни по образу и качеству жизни населения. Монофункциональной структуре малых городов РБ соответствуют низкая диверсификация сфер занятости населения (однородный профессиональный состав), высокий уровень безработицы, переходящей в застойную безработицу, общественная пассивность большинства населения, однообразная культурная жизнь, незрелость институтов и отношений гражданского общества. Города характеризуются простой планировочной структурой, наличием одной промышленной зоны. Они не в состоянии полностью удовлетворить комплекс социальных, культурных и образовательных потребностей населения. Поэтому в малых городах РБ назрела проблема роста уровня их социально-культурной самодостаточности.

Могут быть два основных варианта действий: консервация существующего положения со всеми вытекающими последствиями, или запуск механизма диверсификации и радикальной модернизации, благодаря которому по истечении определенного времени малые города РБ станут другими в экономическом и социальном отношении. Можно решать проблему с помощью миграции: население продает жилье и уезжает из города. Условием реализации такого варианта является наличие развитых рыночных механизмов, которые облегчают перемещение населения. Среди прочего сюда относятся развитый рынок жилья и доступные кредиты на покупку нового дома, на открытие своего бизнеса. К сожалению, таких условий ни в республике, ни в Российской Федерации в целом не сформировано. Второй вариант – путь масштабной санации старых промышленных предприятий, создание замещающих производств (автостроение, электротехника, высокоточная механика и др.), технопарков, открытие филиалов научных и учебных заведений, развитие социальной, транспортной и иной инфраструктуры, активная подготовка кадров. И в этом плане развитие сферы услуг, сервисной эконо-

мики позволит шире привлекать инвесторов и развивать рекреационное хозяйство, включая туристический бизнес, за счет формирования туристско-рекреационных кластеров.

Одним из важных направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития малых городов РБ является создание условий для улучшения качества жизни населения, в том числе за счет развития туристско-рекреационного хозяйства, а также обеспечения качества, доступности и конкурентоспособности туристских услуг в Башкирии. Развитие внутреннего и въездного туризма становится актуальной задачей и одним из реальных инструментов оздоровления социально-экономической ситуации в малых городах РБ.

Необходимо вернуться к созданию особых экономических зон (ОЭЗ) в районах и малых городах РБ с учетом опыта формирования в Башкирии таких зон экономического благоприятствования (ЗЭБ), как «Агидель», «Кумертау» (1996 г.), «Белорецк и Белорецкий район» (2002 г.). За время существования ЗЭБ в РБ существенных сдвигов по привлечению иностранных инвестиций, повышению технического уровня производства, наращиванию экспортного потенциала не произошло. Отрицательную роль сыграло отсутствие законодательства о ЗЭБ как в РБ, так и в РФ, определяющего правовой статус и основные принципы функционирования зон в условиях перехода к рынку. Второе рождение особых экономических зон в России приходится на 2005 г., когда с учетом печального опыта был принят ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ» (№116-ФЗ от 22.07.2005).

В районах и малых городах РБ не следует ограничиваться развитием только туристического бизнеса и туристских кластеров, как предлагают многие специалисты. Нужно мыслить стратегически: если добиться (а это необходимо) создания, например, особой туристско-рекреационной экономической зоны «Зауралье» федерального уровня, тогда будет определена стратегия развития малых городов Зауралья РБ (Баймак, Межгорье, Учалы) в этом направлении на 20 лет, так как срок действия ОЭЗ определен в 20 лет. Данная ОЭЗ может быть межрегиональной, то есть к процессу его лоббирования может быть (и должна быть) подключена администрация Челябинской области. Необходимо предпринять всевозможные меры по включению данного проекта в список Правительства РФ по созданию особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Формирование туристско-рекреационной зоны «Зауралье» в РБ со статусом ОЭЗ федерального уровня может оказать огромное влияние на социально-экономическое развитие региона. В этом случае все резиденты в туристско-рекреационной зоне получают преференции: пониженные ставки налога на прибыль, освобождение в течение первых пяти лет от уплаты налога на имущество и земельного налога, ставка единого социального налога снижается с 26% до 14%, право выкупа земельных участков под воздвигнутыми объектами недвижимости на территории зоны, таможенные льготы на ввоз медицинского оборудования для санаториев (Янган-Тау, Якты-Куль и др.), местные власти вправе своими решениями предоставить дополнительные льготы по местным налогам [3, с. 98].

Экономический эффект от развития въездного туризма в малых городах Башкирии может быть весьма значителен. Расчеты в рамках проекта «Золотое кольцо Башкортостана», показывают, что для его реализации необходимо вложить не менее 20 млрд. рублей, и по оптимистическим прогнозам срок окупаемости составит три-пять лет. Таким образом, в перспективе республика может рассчитывать на получение ежегодно 6–8 млрд. рублей от туристического бизнеса. Однако об эффективном использовании туристического потенциала Башкирии говорить не приходится. Прибыли туристический бизнес в местный бюджет практически не дает. С экономической точки зрения баланс средств, расходуемых в сфере туристического бизнеса жителями Башкирии, далеко не в пользу республики: из региона туристы вывозят 12–15 млрд. рублей, а совокупная выручка от въездного и внутреннего туризма – всего 2 миллиарда. Причин несколько. Главная – до последнего времени туристический бизнес не воспринимался властями как потенциально эффективный вид бизнеса. Соответственно, не был интересен и инвесторам. Урал на туристической карте России и мира – белое пятно. Федеральный центр проявляет определенный интерес, но не торопится с финансированием. В республике за три-четыре года сменилось три органа исполнительной власти и четыре руководителя, ответственных за туризм. Пока единая стратегия развития туристического бизнеса в малых городах Башкирии не сформирована.

Литература

1. Демографические процессы в Республике Башкортостан. Стат.сборник. Уфа, 2010.
2. Население Башкортостана: XIX-XXI века. Стат. Сборник. Уфа, 2008.
3. Сафиуллин Р.Г., Гайнанов Д.А., Печаткин В.В. Формирование и развитие кластеров в регионе: теоретико-методологические и прикладные аспекты (на примере Республики Башкортостан). Уфа, 2009.

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА БАШКИРИИ: ОЦЕНКА, ПРОБЛЕМЫ, ПРОГНОЗЫ

Сафиуллина Р.М.

Башкирский государственный университет, Уфа

Республика Башкортостан (РБ) имеет значительный рекреационный потенциал, основу которого составляют природные, историко-культурные и хозяйственные рекреационные объекты. Неравномерность в размещении различных видов рекреационных объектов может служить основой для определения приоритетных территорий развития тех или иных видов рекреационной деятельности в республике. Отбор основных рекреационных территорий, на которых могут наиболее успешно развиваться приоритетные для республики виды рекреационной деятельности и соответствующие им объекты рекреационной инфраструктуры, осуществляется на основе определенных критериев, среди которых основными являются следующие:

1. Наличие на данной территории или рядом с ней сосредоточения рекреационных объектов, достопримечательностей.
2. Развитость основных видов инженерной инфраструктуры (водо- и энергоснабжения, канализации, телекоммуникаций и др.);
3. Экологическая безопасность в ареалах развития рекреационной деятельности;
4. Обеспеченность региона трудовыми ресурсами.

Башкирия обладает большим геодемографическим потенциалом для развития въездного туризма. Численность экономически активного населения Башкирии достигает 2075 тыс. человек, что составляет 69 % от общей численности населения республики. Выгоды экономико-географического положения с точки зрения возможностей развития турбизнеса, заключаются в следующем. Во-первых, республика располагается на расстоянии, оптимальном для путешествия из Москвы (время переезда – ночь на поезде или два часа на самолете). Благодаря этому, например, для иностранцев создается хорошая возможность комбинирования поездки в Башкирию. Во-вторых, в мире 10–20 % населения предпочитают отдых в пределах своей страны, из них 60–80 % отъезжают от дома не дальше чем на 500 км. В этом радиусе от Башкирии находятся 12 регионов. В них живут около 35 млн. человек, в крупных городах (свыше 500 тыс. человек) – более 10 миллионов. Это и есть самые платежеспособные потенциальные клиенты сферы туристического бизнеса. Таким образом, туристический поток для Башкирии может составить от 2,5 до 6 млн. человек. В-третьих, по федеральным и республиканским трассам Башкирии в день проезжает до 20 тыс. автомобилей. Даже при загрузке в два человека – это 12 млн. потенциальных потребителей услуг придорожного сервиса.

Одним из важных показателей, определяющих геодемографический потенциал туристического бизнеса в регионе, выступает динамика численности экономически активного населения. Динамика населения Башкирии по экономической активности в сравнении с Россией представлена на рис. 1. Предложение рабочей силы зависит от воздействия ряда демографических и социально-экономических факторов. Особенности ЭГП и природных условий, социально-экономического и демографического развития городов и районов Республики Башкортостан приводят к территориальным различиям в формировании предложения женской рабочей силы. Демографические процессы воспроизводства населения составляют основу формирования его потребности в рабочих местах. Основным источником формирования женской рабочей силы выступает женское население трудоспособного возраста, динамика и структура которого находится под влиянием различных демографических процессов и зависит, прежде всего, от численности населения и его трудоспособной части. С конца 80-х гг. и до 1992 г. демографическая ситуация в РБ характеризовалась следующими основными особенностями: уменьшением естественного прироста населения в результате резкого падения рождаемости и увеличения смертности; медленным ростом численности населения в основном за счет миграционного прироста на фоне ухудшения положения с естественным воспроизводством населения; старением населения, обусловленным длительным снижением уровня рождаемости; положительным сальдо миграции на фоне снижения общего объема миграции; ростом числа административных единиц с отрицательным естественным приростом в городской и сельской местностях (в 22 городах и 7 сельских районах республики смертность превышает рождаемость).

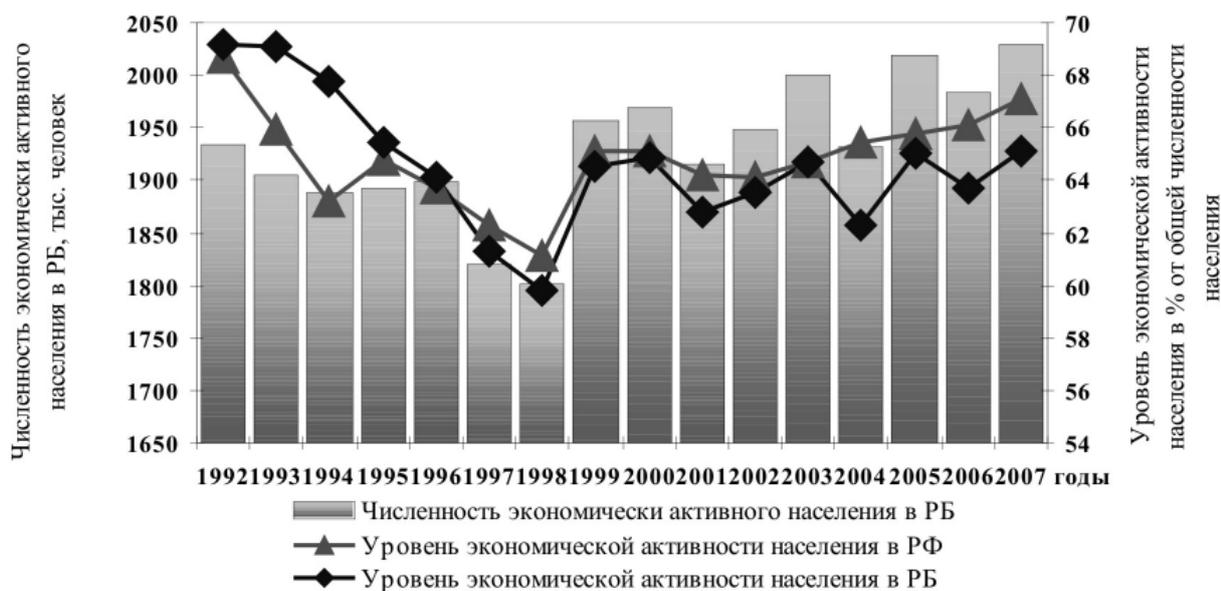

Рис. 1. Динамика численности экономически активного населения и уровня экономической активности населения. Составлен по: [1, с.8; 2, с.7, 10].

Наметившиеся в начале 90-х годов негативные тенденции демографического развития продолжились и привели к дальнейшему ухудшению демографической ситуации. С 1993 г. в республике наблюдается естественная убыль населения за счет дальнейшего снижения рождаемости и увеличения смертности. Данное явление характерно как для городов, так и для сельских районов республики, причем естественная убыль населения в сельской местности выше, чем в городах из-за более высоких показателей смертности. Снижение рождаемости, начавшееся в республике в 1990-е годы, сказывается на изменении численности трудоспособного населения. Воздействие смертности на численность и состав населения в трудоспособном возрасте, в отличие от рождаемости, проявляется быстрее. Для Республики Башкортостан, как и для России, начало XXI в. сопровождается сохранением высокого уровня смертности. Также прослеживается стабильное превышение роста смертности у мужчин по сравнению с женщинами. Если рассматривать общий показатель смертности, то каждый третий умирает именно в трудоспособном возрасте. Негативные тенденции рождаемости отчетливо прослеживаются по конфигурации возрастно-половой пирамиды населения: ее основание в 1990г. начинает сужаться, а к 2010 г. имеет уже ярко выраженную суженую форму, что характеризуют негативную динамику – четко проявленную тенденцию резкого сокращения численности младших контингентов населения. Это предопределяет последовательное уменьшение трудовых ресурсов в ближайшие 15 лет.

Естественная убыль, характерная для республики с 1993 г. не приводила к сокращению общей численности населения РБ за счет положительного миграционного прироста. Но с 1994 г. приток мигрантов в республику начинает уменьшаться, способствуя постепенному сокращению общего прироста населения, а затем и его убыли. Миграционные потоки 90-х годов в РБ помогли отодвинуть процесс сокращения численности населения на 6–7 лет. Таким образом, для демографического развития Башкортостана с 1992 по настоящее время характерны следующие черты: естественная убыль населения в результате продолжающихся тенденций сокращения рождаемости и увеличения смертности; высокая смертность населения в трудоспособном возрасте, особенно среди мужчин; снижение миграционного прироста в 2000-х годах и появление отрицательного сальдо миграции; сокращение общей численности населения в результате естественной убыли и снижения миграционного прироста; сдвиги в половозрастной структуре населения, выраженные в увеличении населения, находящегося в трудоспособном возрасте, и росте доли женщин в данной возрастной группе. Территориальный анализ динамики численности населения республики позволяет сделать вывод об увеличении территорий, охваченных депопуляцией населения: за 1992–1998 гг. убыль отмечалась в 13 районах и 3 городах, за 1998–2010 гг. уже в 29 районах и 9 городах.

В совокупности экономических факторов, влияющих на возможности развития туристического бизнеса, одно из центральных мест занимает заработная плата. Ее средний уровень в республике отстает от российского

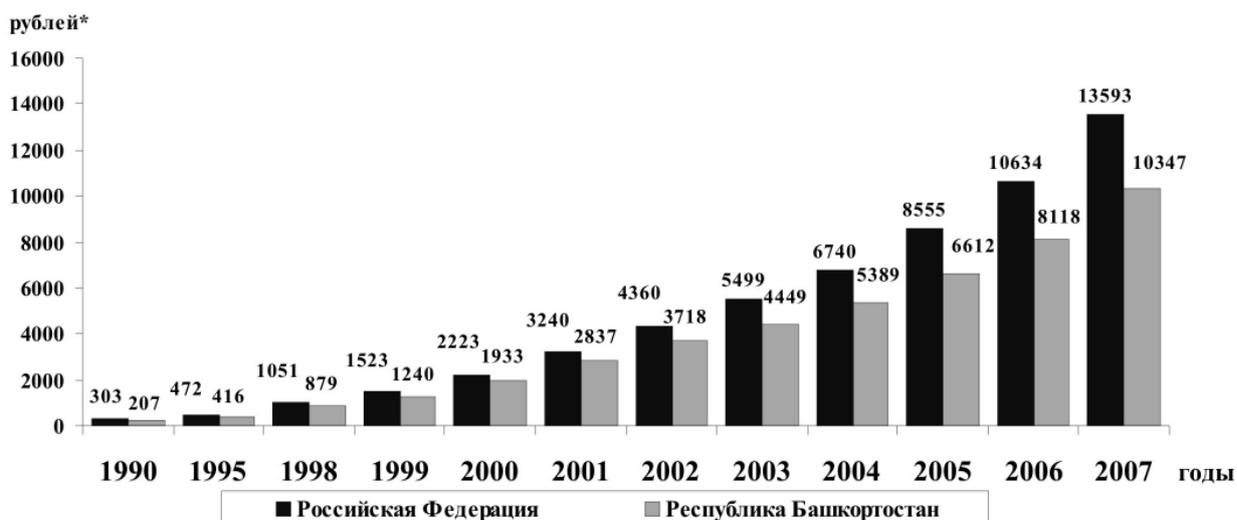

Рис.2. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в Российской Федерации и в Республике Башкортостан. Источник: [2, с.99].

во многом из-за сложившейся структуры занятости (высокая доля сельского хозяйства с традиционно низкой оплатой труда).

В 2007 г. во всех городах республики сложился более высокий уровень оплаты труда (выше среднереспубликанского), чем в сельских районах, что вполне объяснимо традиционно низким уровнем заработной платы в сельском хозяйстве, где сосредоточена основная часть сельской рабочей силы. Выше среднереспубликанского сформировался уровень заработной и в ряде районов: Янаульском, Благовещенском, Краснокамском, Куюргазинском, Уфимском. Это районы, расположенные вблизи самого крупного промышленного центра республики – города Уфы (Благовещенский и Уфимский) и многие жители районов ездят на работу в город. Краснокамский и Куюргазинский районы, характеризующиеся высоким уровнем развития предпринимательства, расположены соответственно вблизи городов Агидель и Кумертау, в которых созданы зоны экономического благоприятствования. Самый низкий уровень заработной платы (менее 50% от среднего по республике) – в Давлекановском, Баймакском и Бирском районах. Среди городских населенных пунктов можно выделить города Баймак, Бирск, Давлеканово, Мелеуз, характеризующиеся наиболее низким уровнем заработной платы, что способствует увеличению предложения женской рабочей силы.

Наши прогнозные расчеты методом передвижки возрастов (без учета миграции) показывают, что численность населения в трудоспособном возрасте в республике снизится с 2006 г. до 2021 г. более чем на 330 тыс. человек (13,1 %), в том числе мужчин – на 158 тыс. человек (12,4 %), женщин – на 174 тыс. человек (13,9 %). Процесс сокращения численности трудоспособного населения за счет процессов естественного движения населения в ближайшие 15 лет характерен практически для всех районов и городов республики, но в различной степени. Наиболее остро снижение численности населения в трудоспособном возрасте произойдет в городах республики. В них численность трудоспособного населения за 2006–2021 гг. сократится почти на 250 тыс. человек (16 %). В сельских районах, характеризующихся за последние 15 лет более высокой рождаемостью, сокращение будет характеризоваться меньшей величиной – 83 тыс. человек (8,6 %). По нашим прогнозам значительное сокращение собственного трудоворесурсного потенциала (выше среднереспубликанского уровня) характерно для всех городов республики: Белорецк (на 20 %), Ишимбай (18,1 %), Салават (17,9 %), Агидель (17,5 %), Уфа (17,3 %), Кумертау (16,8 %), Октябрьский (16,8 %), Мелеуз (15,9 %), Белебей (15,0 %) и сельских районов Центрального и Южного подрайонов: Уфимский (16,0 %), Благовещенский (15,7 %), Стерлитамакский (15,5 %). На динамику численности трудоворесурсного потенциала, несомненно, существенное влияние будет оказывать миграция населения, как внешняя, так и внутренняя.

Исходя из данного прогноза, следует ожидать частичной компенсации естественной убыли трудоспособного населения в городах за счет миграции избыточной рабочей силы из сельской местности. Из средних и крупных городов возможен отток трудоспособного населения в регионы России, где уже сейчас началось сокращение собственного трудоворесурсного потенциала. Таким образом, можно предположить три уровня компенсационной миграции: 1) приток в Уфимскую, Стерлитамак-Салаватскую агломерации, города Туймазы, Октябрьский

из районов республики; 2) приток в остальные малые и средние города из сопредельных районов; 3) отток рабочей силы за пределы Башкирии: из Уфимской и Стерлитамак-Салаватской агломераций в Москву, С-Петербург, ХМАО, ЯНАО; из городов Нефтекамск, Агидель, Туймазы, Октябрьский – в республики Татарстан, Удмуртия, Пермский край, ХМАО, ЯНАО; из городов Баймак, Сибай – в Челябинскую область.

Учитывая данные тенденции, региональная миграционная политика должна быть направлена на сохранение и активное привлечение трудоспособного населения в республику. Этим в известной мере можно будет компенсировать естественную убыль трудовых ресурсов. Причем с целью повышения не только количественной, но и качественной составляющей трудового потенциала республики, необходимо ориентироваться на привлечение в республику, прежде всего, высококвалифицированных специалистов по наиболее конкурентоспособным в перспективе видам деятельности (ученых, менеджеров фирм и компаний, программистов, управленцев муниципального и регионального уровня, специалистов в области рыночных видов деятельности, руководителей инновационных, венчурных компаний и фирм и др.), квалифицированных рабочих и предпринимателей в возрасте не старше 40 лет, с высшим образованием, имеющих семью, но без пенсионного балласта, которые способствовали бы росту производительности труда в экономике республики и развитию предпринимательской инициативы и туристического бизнеса.

Литература

1. Труд и занятость в России: стат. сб. / Госкомстат России. М., 1996.
2. Труд и занятость в Республике Башкортостан: стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа, 2008.

ЗНАЧЕНИЕ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Семби М.К.

Институт культурной политики и искусствознания, Алматы

Значение исследования мемориальных памятников хорошо выразил тюрколог В.А. Гордлевский, который писал: На могильных памятниках (турецких – М.С.), то грубых, то изящных, написана и зарисована вековая история страны, ее хронология, быт, искусство. Какие-нибудь ножницы или боевой конь выдают профессию человека ...» [1, с. 150]

В этой фразе известного ученого, интуитивно чувствовавшего богатый исторический материал, заключенный в надгробных памятниках, как в зеркале отразилось также и состояние изученности этого рода источников. С тех пор прошло много времени. «Боевой конь», изображенный на надмогильной стеле отражает далеко не профессию погребенного, а насыщенный силой сакральной «идеологией», известной с античных времен и сохранившихся до XX века. Тема «конь на стеле» хорошо освещена в работе С.Е. Ажигали «Архитектура кочевников» [2], где он дает толкование изображения коня на казахских кулпытасах (надмогильные стелы) как посредника между людьми и божествами, как жертвенное животное, игравшее сопроводительную функцию в обряде проводов покойника в мир иной и т.д.

Что же касается ножниц, то и они не отражают профессию ушедшего в вечность человека. Согласно древним представлениям, женщина заколдованная ножницами лишается способности рожать. Ножницы наряду с такими предметами как посох, кнут, нож использовались не только в бытовых, но и в религиозно-магических целях. С помощью ножниц можно было воздействовать на судьбу человека, прервать нить его жизни, лишить его здоровья и силы [3, с. 296]. Ножницы известны в Центральной Азии с раннего средневековья. Изображены они и на затылке половецких изваяний, вызывая недоумение исследователей. На кулпытасах Западного Казахстана изображение ножниц не редкость.

Огромное количество памятников мемориальной архитектуры, зафиксированные с целью паспортизации требуют глубокого изучения. Этот процесс осмысления у нас, в Казахстане уже начался, свидетельством чего является капитальная работа доктора исторических наук, профессора С.Е. Ажигали. К сожалению, исследователей данной тематики, назовем ее памятниковедением, у нас занимается лишь небольшая

группа специалистов, в основном, получившая данное научное направление в недрах, ныне исчезнувшего, специализированного научно-исследовательского института «Казпроектреставрация». Приведу несколько примеров, которые характеризуют научную ценность исследования этих памятников культуры.

1. В Карагандинской области, на берегу реки Каракенгир, у села Бозтумсык находится двухкупольный мавзолей Каскабая (XIX в.). В замковой части куполов встроены колеса, которые несут конструктивно-функциональную роль. Но это только видимая сторона использования колеса. А так как встречаются они и на могильных холмиках (in situ), то предназначение колес, по мнению исследователей, не ограничивается «строительной» функцией. Здесь они присутствуют как символ Солнца.

Другой памятник архитектуры – жилой дом Касена Каскабайулы, связан с первым «родственными узами». Это дом сына Каскабая, Касена, который был избран восставшими ханом и 3 года, с 1918 г. по 1920 г. возглавлял Баганалинское ханство. Советская власть преследовала организаторов и жителей новоявленного ханства. Хан Касен вынужден был бежать в Иран, где и пропал со своими близкими бесследно. Таким образом, этот памятник является не исследованным памятником истории. Более того, сам многоквартирный жилой дом представляет собой один из замечательных образцов жилой архитектуры, построенный из камня-плитняка.

2. Культурно-мемориальное сооружение Козы-Корпеш – Баян сулу, находящееся в Восточно-Казахстанской области, на правом берегу реки Аягоз, является древнетюркским памятником архитектуры, но вместе с тем он связан с эпическим произведением алтайского, барабинского, башкирского, казахского, крымскотатарского, уйгурского народов.

Этих двух примеров достаточно, чтобы сказать о том, что памятниковедению предстоит огромный фронт работ на стыке наук истории, этнографии, фольклора, архитектуры, искусства, реставрации.

Отсутствие научных исследований по памятникам мемориально-культурной, которой бы занимался специализированный институт, зачастую приводит к неверной реставрации.

ТАТАРСТАН И КАЗАХСТАН В СИСТЕМЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА «ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА–ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ»

Хоменко В.В.

Национальный исследовательский университет КИИ им. А.Н. Туполева, Казань

В условиях глобализации мировой экономики и интенсификации международной торговли всевозрастающее значение имеет развитие системы международных транспортных коридоров (МТК), обеспечивающих быстрое перемещение и обслуживание растущего грузооборота между странами и регионами земного шара. Для России, отличающейся протяженностью пространственно-территориального размещения, создание современной транспортной инфраструктуры является необходимым условием стабилизации и подъема национальной экономики, формирования прочных межрегиональных кооперационных связей, обеспечивающих экономическую и политическую целостность страны.

Утверждая место лидера в системе развития межрегиональной конкуренции России, Республика Татарстан ставит задачу добиваться преимуществ в системе аргументации за право называться «Великим Перекрестком», концентрируя на себе крупнейшие российские и международные транспортно-кооперационные проекты. Транспортная отрасль является одной из основных и системообразующих отраслей экономики республики. Среди всех видов транспорта особую роль играет автомобильный. Предприятия практически всех отраслей Республики Татарстан при транспортировке грузов отдают предпочтение данному виду. Так, в промышленности РТ по комплексному параметру «скорость транспортировки/стоимость перевозки» автомобильный транспорт в среднем в 3,7 раза предпочтительнее железнодорожного. Абсолютное предпочтение автомобильному транспорту уделяют такие отрасли промышленности республики, как легкая, пищевая, молочная, а также все отрасли агропромышленного комплекса. В среднем по Республике Татарстан доля затрат на автоперевозки составляет 6,02 % себестоимости продукции отраслей материального производства, а железнодорожного и внутреннего водного видов транспорта – на порядок меньше (0,63 % и 0,35 %, соответственно). Это наглядно свидетельствует о высокой конкурентоспособности автомобильного транспорта. При этом Республика Татарстан имеет выше среднероссийского уровня интеграционного взаимодействия с регионами сквозного

участка зоны Балтия – ЕврАзЭС. Все сказанное формирует ее стратегический интерес к проекту МТК «Западная Европа–Западный Китай».

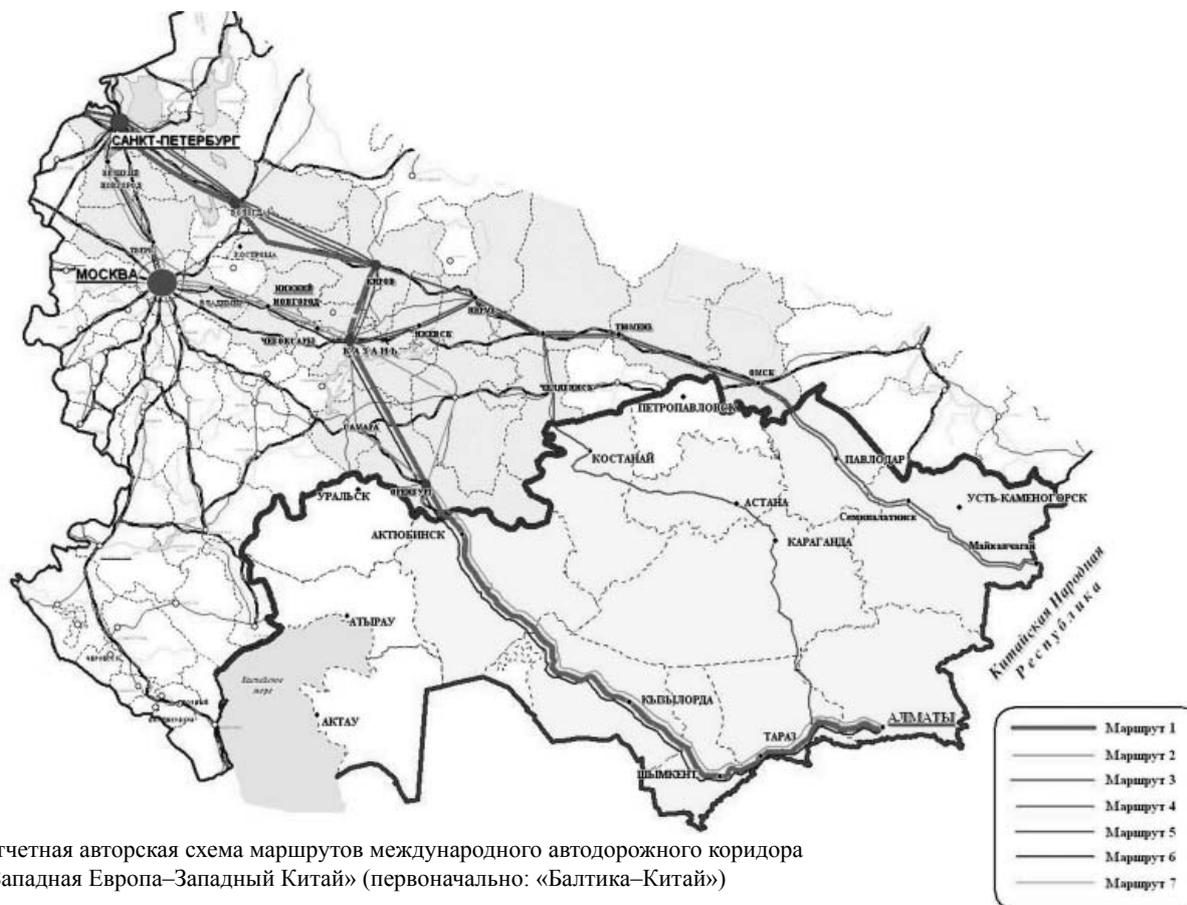
С другой стороны в Республике Казахстан сформировался транзитный потенциал по исторически сложившимся международным маршрутам. Для Казахстана основными стратегическими задачами развития транспортной системы являются:

1) выход республики как внутриконтинентального государства к морским портам; 2) транзитный пропуск автотранспорта по трем основным направлениям:

- Россия, страны Европы, Балтии;
- Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии;
- Республики Средней Азии, Закавказья, Иран, Турция.

Естественно Татарстан рассматривает Казахстан как своего прямого партнера в реализации проекта МТК «Западная Европа–Западный Китай».

Республика Татарстан располагает возможностью обеспечивать эффективность управления и организации работы крупных участков международных автодорожных коридоров. Учитывая экономический потенциал этой республики, она может взять на себя ведущую роль в формировании центральной компании по созданию и эксплуатации российского участка автодорожного коридора «Западная Европа–Западный Китай». Соответствующие паи в уставной фонд этой компании могут быть внесены акциями ОАО «КамАЗ» и рядом других республиканских компаний, включая ОАО «Татнефть». В функции компании может быть включена перевозка грузов в пределах автодорожного коридора, их техническое обслуживание и заправка. Автомобили татарстанского предприятия пригодны для перевозки грузов на всем протяжении российского участка, а также на значительной территории казахстанского и китайского участков, учитывая качество дорог и характер перевозимых грузов на территориях данных государств. В случае применения при этом технологии прямой перегрузки контейнерных грузов на граничных пунктах контроля (прежде всего западных) с зарубежных автомобилей на российские, сократится время на таможенный осмотр самих автомобилей, что существенно

Отчетная авторская схема маршрутов международного автодорожного коридора «Западная Европа–Западный Китай» (первоначально: «Балтика–Китай»)

снизит потери времени при осуществлении контрольно-пропускных операций и повысит эффективность всего цикла перевозки.

Схема финансирования подобного проекта должна обеспечивать реализацию принципов государственно-частного партнерства. По нашему мнению, управляющая компания, создаваемая на паевых основах, должна взять на себя процесс реконструкции маршрута российского участка и его дальнейшую эксплуатацию на период не менее 15–20 лет. В течение этого срока должны быть обеспечен необходимый возврат средств частным инвесторам.

Актуальность изложенных выше проблем и подходов определяет необходимость разработки глобального республиканского проекта интеграции Татарстана, в систему международных кооперационных связей и транспортных коридоров, определяющего перспективную его внутрироссийскую и международную экономическую специализацию. Логично рассматривать этот проект как приоритетный в системе принятия решений по отраслевой оптимизации и схеме размещения производительных сил РТ. Нужно видеть, что транспортно-географическая рента – не единственный эффект от соответствующего проекта. Он должен рассматриваться как «якорный» в системе проектов промышленного развития, так как ориентирован на максимальное использование потенциала транспортного машиностроения, нефтехимии, финансовой сферы и сферы услуг. В этом его уникальность и значимость для республики.

Исследовательским коллективом, руководимым автором данной статьи, ранее были рассмотрены семь альтернативных маршрутов прокладки коридора «Западная Европа–Западный Китай». На основе проведенного исследования установлено, что наилучшую оценку магистрали «Санкт-Петербург – Казахстан» – имеет маршрут Санкт-Петербург – Ленинградская область – Вологодская область – Костромская область – Кировская область – Республика Татарстан – Оренбургская область – Республика Казахстан с продолжением на Алматинскую область через центральные и южные районы Казахстана (Актюбинская область – Кызылординская область – Южно-Казахстанская область – Алматинская область). В дальнейшем эти расчеты были использованы при обосновании строительства Свияжского межрегионального мультимодального логистического центра. В настоящее время на базе Поволжской логистической ассоциации, Национального исследовательского университета КАИ им. А.Н. Туполева РТ и Академии наук Республики Татарстан ведутся дополнительные проектные работы, связанные с обоснованием величины мощности данного международного коридора на основе изучения глобальной схемы межрегиональных и международных товарных потоков, проходящих через территорию Республики Татарстан и Волго-Уральской региональной зоны с выходом на Казахстан, страны Средней Азии и Китая.

К ПРОБЛЕМЕ ОХРАНЫ, КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Шайкен Ж.А.

Центральный Государственный музей РК, Алматы

Памятники строительной культуры степной зоны Казахстана представлены в основном культовыми сооружениями доисламского времени, мечетями, медресе, остатками жилищ, жилищно-культовыми комплексами и, безусловно, сооружениями мемориально-культовой архитектуры. У казахов наземная погребальная архитектура связана с культом предков и символизирует его. Насельники степи во все времена почитали идеал вечности (бессмертия) духа предка (*аруак*) и над его прахом возводили «дом вечности», а сами проживали в юртах и домах, построенных из дерна, кирпича-сырца, битой глины (пахса), дерева или др. недолговечного материала. Каждый памятник выполняет некую образную функцию символа Родины, вероисповедания и является носителем летописной информации по народной истории. К примеру, шедевр средневековой архитектуры – комплекс Ходжи Ахмеда Ясави (XIV в.) для нас является таким же символом Родины, как для египтян – пятитысячелетние пирамиды, для французов – Эйфелева башня, россиян – Московский Кремль и т. д. Как видно, подобное восприятие является одной из наиболее ценных особенностей общественного значения памятников архитектуры. Видимо, такую же цель преследовал в свое время эмир Тимур, воздвигнув величайший комплекс над могилой суфия XII в. Ахмада ал-Йасави, который сформировал школу мистицизма с тюркскими традициями – йасавийа и считался прародителем всех тюркских суфиев

[1, с. 25]. Этот величественный памятник придал еще больший масштаб, значимость личности Ходжи Ахмеда Ясави, почитаемого степными кочевниками. Курганные «пирамиды» ранних кочевников, многочисленные архитектурные сооружения средневековья, массовое казахское народное зодчество XIX – начала XX в. – все это является историей строительной культуры Великой степи, наследием, оставленным нашими предками, численность которых, уменьшается с каждым годом.

В настоящее время проблема сохранения памятников архитектуры Казахстана стоит исключительно остро и является настолько архиважной задачей, как и судьба человека в чрезвычайной ситуации. В Конституции Республики Казахстан имеется статья 37-я, в которой указано: «Граждане РК обязаны заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры», и статья 38-я : «Граждане РК обязаны сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам». Как видно, эти статьи неслучайно находятся рядом, по соседству. Надо понимать, что охрана памятников истории и культуры и сохранение окружающей среды – взаимосвязанные проблемы, которые являются неразделимыми частями одной экосистемы страны. Поэтому есть необходимость формирования новых принципов бережного отношения к памяти исторического прошлого и изменения точки зрения на памятники архитектуры. Они должны быть рассмотрены не только как памятники строительного искусства, но и как часть экологического комплекса, от сохранения которого зависит будущее общества и государства.

В конце XX-го столетия деактивизировалось внимание к состоянию разрушающихся памятников архитектуры, и проблемы спасения многочисленных памятников по разным причинам, фактически, были преданы забвению. Работы по восстановлению **отдельных** памятников архитектуры продолжались, хотя методы и научные принципы реставрации при этом были проигнорированы и не соблюдались. Взять к примеру все тот же всемирно известный комплекс Ходжи Ахмеда Ясави, который возведен в ранг наследия мировой культуры. Есть опасение, что мы стоим перед фактом, когда в ближайшем будущем лишимся этого уникального памятника. И, скорее всего, мы сами собственноручно разрушим его, если каждый следующий этап реставрации будет проводится без правильной, теоретически обоснованной методики.

Складывается ситуация, когда в одну эпоху создаются произведения зодчества, то в другую эпоху их «реставрируют» – безосновательно восстанавливают, либо вовсе разрушают (например, статуя Будды в Бамиане).

Судьба незаурядных памятников истории и культуры как достояния национальной культуры в нашей стране будет оставаться под угрозой, пока мы не начнем уделять им постоянное и системное внимание и не примем самые жесткие законодательные акты по улучшению охраны памятников и решения по ним. Культурное наследие должно быть сохранено в максимально неизменном виде для будущих поколений, и, несомненно, здесь очевиден приоритет консервации, перед реставрацией – т.е. восстановлением [см: 2, с. 21].

По-настоящему, реставрация памятника может считаться правильной и действительной только в том случае, когда в ней будут принимать участие ученые различных специальностей, чьи знания достаточны для выполнения этой непростой задачи. Специалисты-реставраторы должны руководствоваться научно обоснованными принципами и способами реставрации, которые следует разрабатывать компетентными учеными – памятниковедами (историками, архитекторами, археологами, этнографами и др.) и конечно специализированными реставрационными организациями. В этом отношении, на наш взгляд, вполне обоснованно был в свое время восстановлен памятник средневекового зодчества – мавзолей Кесене, находящийся на границе Челябинской и Костанайской областей. В свое время, об этом незаурядном сооружении шатрового типа исследователь П.-С. Паллас писал: «... Молитвенница «Кошене» воздвигнута киргизами (т.е. казахами) и башкирами...» [3, с. 51]. В 1979 г. мавзолей Кесене был детально обследован Центрально-Казахстанской экспедицией треста «Казреставрация» Министерства культуры Казахской ССР (рук. М.К. Сембин) [4]. Восстановление этого мавзолея было осуществлено опытными специалистами из г. Челябинска на основе изучения и анализа исторических материалов по памятнику с соблюдением научных методов и принципов реставрации. Работы по восстановлению мавзолея Кесене проводились в 1981–1983 гг. Реставрационной мастерской отдела культуры Челябинского облисполкома. Проект реставрации был разработан архитектором М.Г. Семеновым [3, с. 50]. Подобные действенные шаги по спасению уникального памятника являются свидетельством проявления общих интересов двух народов в деле сохранения памятников истории и культуры.

Во 2-й половине прошлого, XX-го, века в практике консервации и реставрации памятников архитектуры достаточно определенно сформировались основные принципы теории научной реставрации. Среди них важнейшим является принцип: **«Реставрация должна прекращаться там, где начинается гипотеза»**. Он был утвержден в 1964 г. Венецианской хартией II Международного конгресса архитекторов и технических специалистов [5, с. 16].

Следует отметить, что в мировой практике реставрации наиболее ранним примером является восстановление памятника Древнего Египта – Большого Сфинкса комплекса фараона Хафра (греч. Хефрен) в Гизе, воздвигнутого в III-м тыс. до н.э. Памятник на протяжении всего своего существования подвергался многочисленным реставрационным работам. Еще в XVI в. до н.э. (период Нового царства) во время своего правления фараон Тутмос IV распорядился провести реставрацию сфинкса [6, с. 106].

В Казахстане практика реставрации памятников архитектуры имеет относительно небольшой срок, нежели в других странах Центральной Азии. Сегодня для нас каждое сооружение, возведенное нашими предками и пращурами, является доказательством существования и развития строительной культуры в степной зоне. К великому сожалению, в 80–90-х гг. XX в. во время реставрационных работ, по восстановлению отдельных памятников древности, были допущены непростительные ошибки, как со стороны реставраторов, так и со стороны функционеров от культуры вследствие непонимания сути процесса реставрации, значения и уникальности каждого памятника как неповторимого свидетельства строительной культуры казахов.

Это привело к невозможной утрате первоначального облика некоторых памятников архитектуры. Так случилось, например, с одними из немногих каменных ритуальных сооружений, воздвигнутых в доисламское время. К ним относятся такие редкие округлые в плане сооружения из камня, которые по мнению акад. А.Х. Маргулана «сохранились в Казахстане и поныне под названием «үйтас» или «дынг» (дың – *Ж.Ш.*) в форме древнейшего казахского жилища «шошалы» [7, с. 49], а также такие уникальные памятники: «Қозы Көрпеш – Баян сұлу», Домбауыл и Екідың [8, с. 4].

Рассмотрим положение памятников архитектуры, находящихся на востоке Арало-Каспийского региона – в Торгайских степях, по которым можно представить более общую картину, по Казахстану. Из многочисленных памятников архитектуры этого района, исследованных и описанных нами, только 6 были включены в Государственный список памятников истории и культуры Казахстана (2008 г.). К сожалению, даже в список памятников местного значения не вошли в большинстве своем мемориально-культурные сооружения (мечети, мавзолеи, саганатамы и др.).

Такая же участь постигла многие незаурядные памятники с уникальными конструктивными и др. особенностями и в остальных регионах Казахстана, несмотря на то, что некоторым из них уже давно требовались срочные меры по сохранению от разрушения в виде консервации как минимум, а в лучшем случае – серьезная реставрация.

Надо отметить, что только в двух районах, относящихся ныне к Костанайской области – Амангельдинском и Жанкельдинском, в 1-й половине XX в. насчитывалось 18 мечетей, построенных из жженого кирпича. Одна из них – «мечеть Сарыбас қажы» имеет особую историко-культурную ценность для суверенного Казахстана. Мечеть построена в 1914 г. и находится в с. Урпек. В ней располагался штаб отрядов А. Иманова, во время восстания казахского народа против колониального и царского самодержавия в 1916 г. Вместе с А. Имановым, восставшими силами руководили Абдыгаппар Жанбосынов (народ избрал его ханом) и Кейки (Нұрмұханбет) Кокембаев – человек-легенда [9, с.с. 170–179]. У стены мечети расположен мраморный обелиск с надписью на казахском и русском языках: «*Осы үйде 1916 жылы Аманкелді Өдербай ұлы Иманов бастаған көтерілісінң штабы орналасқан*» / «*В этом доме в 1916 г. располагался штаб повстанцев Амангельды Иманова*».

В настоящее время перекрытие кровли здания мечети разрушено, постепенно разрушаются и его стены. Необходимо срочно восстановить первоначальный облик сооружения. После восстановления памятника, считаем, что его следует использовать по своему изначальному назначению, как мечеть.

В Торгайской степи имеется и ряд др. ценных памятников, о чем свидетельствуют полевые исследования. Частичное обследование памятников архитектуры Торгая начали проводить в 1977 г., в целях учета и паспортизации (архитектор К.А. Абдикулов). Более масштабные изыскания проводились экспедицией треста «Казреставрация» Министерства культуры Каз.ССР в 1980 г. и много позже экспедицией, осуществленной Международным фондом Абулхаир-хана в 2001 г. Целью последней было проведение научных изысканий на некрополе Хан моласы и комплексных архитектурно-археологических, этнографических, этносоциологических исследований его исторической округи. Общее научное руководство экспедицией, состоящей из двух групп, осуществлял д. и. н., зав. Отделом этнологии ИИЭ МОиН РК С.Е. Ажигали, а Торгайским отрядом экспедиции руководил М.К. Семби – заведующий сектором КазНИИКИ. В составе последнего работали также научный сотрудник КазНИИКИ Ж.А. Шайкен и Е. Оразбек – научный сотрудник ИИЭ [9, с. 170–179]. Натурное обследование недвижимых памятников истории и культуры (некрополей, кладбищ, мечетей, отдельно стоящих мавзолеев, прямоугольных или овальных оградительных сооружений типа «төртқұлак») проводились методом архитектурно-археологических обмеров, детальной фотофиксации, описания сооружений, зарисовки эпиграфики на кулпытасах, «сортасах» и «көктасах»

Зачастую памятники Торгайской степи расположены на возвышенности и являются доминантами, видны издали, хотя по сути своей довольно невысокие. Сооружения по времени строительства датируются с 2-й пол. XIX в. и 20-30 гг. XX в., время которое относится к периоду регрессии в традиционном народном зодчестве казахов.

Последний пример мы приводим для того, чтобы сказать, что в течение многих лет по Казахстану, в особенности в степной зоне, обследовано множество уникальных, неповторимых памятников мемориально-культурной архитектуры, остатков поселений (зимовки – кыстау), на которые уже многие годы и десятилетия не обращается внимание со стороны охранно-реставрационных организаций. И которые в последние годы интенсивно разрушаются, исчезают безвозвратно.

Например, тегосударства, имеющие опыт в проблемах охраны памятников истории и культуры, архитектуры, уже с давних пор, у них ставшее традицией, создали соответствующие национальные учреждения, на которые возложены задачи по охране культурного наследия и они пользуются большой автономией.

Таким образом, следуя подобным примерам, нашему правительству следовало бы подумать о целесообразности создания у нас в стране таких же госучреждений, допустим, нечто вроде **института памятниковедения** со всеми соответствующими тому полномочиями.

Литература

1. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
2. Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979.
3. Материалы ЦКЭ – 79. Архив НИПФ РГП «Казреставрация» МК РК.
4. Мендикулов М.М. Памятник народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата, 1987.
5. Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры // Восстановление памятников культуры. М., 1981.
6. Масперо Г. Египет. М., 1916.
7. Маргулан А.Х. Архитектура древнего периода // Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.
8. Сембин М. Қозы Көрпеш – Баян Сұлу кешені // Білім және еңбек. Алматы, 1987, № 1.
9. Шайкен Ж.А. Памятники культурного наследия в событиях 1916 года // Национально-освободительное движение 1916 г.: история и современность. Алматы, 2010.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОПОЧВЕННЫХ, БОТАНИЧЕСКИХ И ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА НЕКРОПОЛЕ «ХАН МОЛАСЫ»

Шимшиков Б.Е.

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби, Алматы

Некрополь «Хан моласы», на котором захоронен Абулхаир-хан, расположен в Айтекебийском р-не Актюбинской обл. в пределах координат 49040/ – 49050/ с.ш. и 62040/ – 62050/ в.д., в 4-х км к ЗЮЗ от слияния рек Олькейек и Кабырга, образующих широкую солончаковую дельту вдоль русла. На топографической карте (М 1:100000) это место отмечено как «кладб. Кандысуык». Некрополь Хан моласы занимает территорию площадью ок. 16,0 га и в плане представляет прямоугольник шириной 250 м и длиной 600 м. Здесь выявлено ок. 1000 захоронений, в том числе находится и погребение Абулхаир-хана.*)

Достоверно известно (по наиболее полным сведениям Н. Рычкова 1771г.), что над могилой хана Абулхаира был возведен прямоугольный в плане мавзолей из сырцового кирпича (по-видимому перекрытый куполом), внутри которого находилось надгробие типа стрелчато-сводчатой, полый внутри, саганы, куда и было положено тело умершего «в своей обычной одежде и при оружии». Рядом с мавзолеем, видимо с южной стороны, находилась каменная жертвенная ограда. С восточной стороны мавзолея росло одинокое дерево ветлы/ивы (*Salix alba* или *Salix fragilis*). По всем данным памятник начал быстро разрушаться и уже в конце

* Комплексные полевые исследования на некрополе Хан моласы проводились под руководством начальника экспедиции, д.и.н., профессора Ажигали С.Е. с участием этноархеологов, архитекторов, геофизиков, почвоведов, геоботаников. В почвенно-ботанических изысканиях по некрополю Хан моласы принимали участие кандидаты биол. наук К. Усен и С. Нигматова.

XIX в. основным ориентиром ханского захоронения среди многочисленных оплывших могил служило это одинокое дерево (И.И. Крафт). По рассказам информаторов, до конца 1940-х – начала 50-х гг. единственным указателем могилы Абулхаир-хана оставалось одинокое дерево (ак тал) и его поросли, которые по рассказам информаторов, сгорели после неоднократных пожаров в середине прошлого столетия, и, возможно, были и выкорчеваны.

Цель исследований: Определить место захоронения Абулхаир-хана.

Задачи: 1) Найти остатки «Ханского дерева» (ива белая), росшего с восточной стороны могилы хана (по рассказам очевидцев). 2) По состоянию почвенного покрова определить местоположение «Ханского дерева», произвести раскопки с восточной стороны предполагаемых могил для поиска корневых остатков ивы белой.

Краткая характеристика природных условий района расположения некрополя Хан моласы.

Климат резко континентальный, сухой, характерный для пустынно-степной (полупустынной) зоны. Средняя годовая температура воздуха равна +3,0 – +4,10С: самый холодный месяц январь со средней температурой –17,0 – –17,30С; самый теплый месяц июль +22,7 – +24,10С (по данным метеостанций Торгай и Амангельды). Сумма эффективных температур выше 100С равна 2740–30800С за период 150–160 дней. Осадков выпадает 200–210 мм в год. По рельефу местности – это слабоволнистая равнина с уклоном с северо-запада на юго-восток, направленной на обширное понижение. Поверхность почвы мелкокомковатая. Растительный покров представлен преимущественно засухоустойчивыми и солеустойчивыми видами степных сообществ растений, часто образующей соответствующие комплексы и ассоциации. Тем не менее по видовому составу он очень беден (преобладают полные компоненты), а по травостою – изрежен. В комплексном растительном покрове присутствуют дерновинные злаки (ковыль тырса, типчак, тонконог стройный и др.), кустарники (таволга, караган), полукустарники (полыни, прутняк), солянки (биюргун, кокпек, камфоросма, сарсазан) и разнотравье (эфедра, грудница, клоповник, подмаренник, тысячелистник, подмаренник, крестовник, лысянка, додария и др.).

На территории кладбища нами был собран гербарий всех вегетирующих на период проведения экспедиции видов растений и передан сотрудникам биологического факультета Актюбинского университета им. К. Жубанова.

Почвенный покров представлен комплексом светлокаштановых почв со светлокаштановыми солонцеватыми подвидами и солонцами. Вокруг захоронений естественный почвенный покров перекрыт глинистым материалом оплывших могильных сооружений, на которых идет первичный почвообразовательный процесс с формированием гумусового горизонта. Мощность этого гумусового горизонта увеличивается от вершины могильного холма к подножью.

Как известно, по описанию Н. Рычкова у изголовья могилы Абулхаир-хана было посажено «дерево Ветлы» или «ива белая» (*Salix alba* L.) – актал (каз.). В диком виде это дерево широко распространено по всему Казахстану, где произрастает 45 видов ив, из них не менее 7 видов – на территории Актюбинской области. Отмечается, что некоторые виды ив при исключительно подходящих экологических условиях могут достигать 100-летнего возраста. Редко встречающиеся крупные экземпляры казахи называли «аулие ағаш». Время посадки «Ханского дерева» ориентировочно около 250 лет назад. Молодые ветви этого дерева отличаются тонкостью и гибкостью, но позднее древеснеют и становятся ломкими. В старых деревьях образуется сердцевинная гниль, вызывающая дупловитость. Молодые ветви и листья дерева служат кормом для овец и коз, но рогатый скот и лошади их не поедают.

Изучение морфологического строения почвенных профилей в исследуемых захоронениях кладбища Хан моласы.

Данное кладбище расположено в подзоне светло-каштановых почв. На прилегающей территории и на самом кладбище почвенный покров комплексный, состоящий из светло-каштановых маломощных и светло-каштановых солонцевато-солончаковых почв. Грунтовые воды по нашим расчетам располагаются на глубине 3,0–3,5 м. Это вытекает из следующего положения: на бывшей зимовке, расположенной в 500 м севернее некрополя с абсолютной отметкой 127 м, сохранился колодец (состоящий из цементных колец) для водопоя скота, где глубина грунтовой воды составляет 402 см. Вода пресная, пригодная для питья. Абсолютная отметка центральной части кладбища около 126 м. Следовательно, направление грунтового потока в сторону обширного понижения с северо-запада на юго-восток и в районе кладбища имеет меньшую глубину, чем на зимовке, т.е. ближе к поверхности на разницу в высоте местности (0,5–1 м). Очевидно, в весеннее время грунтовые воды поднимаются выше, а в летнее постепенно опускаются. Это дает нам основание говорить о полугидроморфном водном режиме почв данного участка. Следовательно, для роста и развития Ивы белой был вполне удовлетворительный режим увлажнения, если учесть, что корневая система дерева может проникать до глубины 2,5–3 м.

Здесь мы не будем останавливаться на подробном описании и характеристике почвенного покрова в целом, так как достаточно полно они освещены в предыдущих исследованиях данного объекта доктором с.х. наук Асанбаевым И.К. в 2001 г.

Палеопочвенные, геоботанические исследования проводились на некрополе Хан моласы в течение трех сезонов: 2008-м, 2009-м (с участием геоботаника, к.б.н. Усена К.), 2010-м (с участием почвоведом Актюбинского филиала КазНПЦЗем Карекенова Т.). была обследована почти вся территория кладбища, осуществлено около 200 прикопок, а с учетом шурфов, сделанных участниками экспедиции самостоятельно для поиска остатков корневой системы - то, очевидно, более 300. Особое внимание, естественно, было обращено на предполагаемые объекты («курганы») как места захоронения хана Абулхайра (рис. 1–6), – т.е. наиболее перспективные для обнаружения остатков корневой системы, др. следов Ханского дерева. Для этого по восточной стороне этих могильных холмов были заложены ряд прикопок. Древесных корней не обнаружено. Обнаружены корни эфедры диаметром 15 мм, одревеневшие. В грунте обнаруживаются среди желто-бурой массы темные пятна комочков, попавших из верхних горизонтов (следы прежних прикопок).

Вместе с тем, в северо-восточной части кладбища под травянистым покровом были найдены единичные остатки и мелкие обломки местами обгоревших веток (предположительно «ивы белой» – возможно Ханского дерева), которые могли выпасть при перевозке веток, использованных для перекрытия крыши зимовки, расположенной в 500 м севернее кладбища. Найден фрагмент очевидно привезенного извне ствола дерева со следами распила. Эти фрагменты, видимо, сохранились потому, что находились под густым травяным покровом на поверхности почвы в сухом состоянии (рис. 9–10). Также в шурфе № 6 недалеко от объекта № 92 генплана был найден череп животного, предположительно верблюда (рис. 5, 6).

Все найденные на кладбище древесные фрагменты были переданы сотрудникам биологического факультета АГУ им. К. Жубанова для определения их видовой принадлежности.

Как указывалось выше, на территории кладбища были осуществлены многочисленные шурфы. В некоторых из них были обнаружены корни и их следы, в последующем было выявлено, что это были остатки некоторых многолетних кустарников и полукустарников, таких как эфедра, полынь, таволга, курчавка и др., или же погребенный гумусовый горизонт. Несмотря на фактически тотальные шурфовки, следов корневой системы ивы обнаружить не удалось. Отобранные образцы почв из некрополя Хан моласы, с целью обнаружения места произрастания Ханского дерева, предположительно ивы, были предоставлены на палинологический анализ в Институт геологии им. К.И. Сагпаева МОН РК.

Палинологический анализ почвенных образцов из некрополя «Хан моласы»

Из предоставленных образцов почв были отобраны и сданы на палинологический анализ около 20 проб. Образцы были отобраны по нестандартной методике, не отвечающей требованиям палинологического анализа с большим интервалом пробоотбора. В этой связи специалистами (к.биол.н. Нигматова С.А.) отмечается, что недостаточно системный подход к пробоотбору затрудняет интерпретацию, учитывая, что пробы также не привязаны к микрорельефу местности.

Для получения палиноспектров из образцов почв была использована стандартная палинологическая методика для выделения пыльцы и спор из четвертичных отложений. Данная методика предполагает обработку породы (почв) соляной кислотой для растворения солей с дальнейшей отмывкой, обработку горячим раствором пирофосфата натрия, трехкратное центрифугирование в тяжелой жидкости для разделения органической и неорганической фракций, сбор и отмывку органического остатка (мацерации). После каждой операции проводится многократная отмывка в дистиллированной воде и отстаивание для оседания осадка. В целом, подготовка 1 партии образцов из 4–20 шт. занимает от 7 до 14 дней. Полученные мацерации изучаются под микроскопом сплошным просмотром 3–5 препаратов, при этом проводится таксономическая идентификация и статистический подсчет всех встреченных форм пыльцы и спор. Учитывая поставленную перед палинологами задачу выявления пыльцы ивы или других древесных форм, просмотрено было до 10 препаратов из каждого образца.

Результативные данные были получены из проб, отобранных из приповерхностных слоев с глубины 0–20 см, эти слои, вероятно накапливались в относительно стабильных условиях и в целом, спектры отражают растительность северных и опустыненных степей (полупустынь) с доминированием маревых и полыней, с участием разнотравья. Нижележащие отложения (20–40 см), как правило, содержат достаточно бедные спектры и практически единичные пыльцевые зерна установлены на глубине 35 см и ниже, что вероятно связано с неоднократным перекопом, не способствующему сохранению пыльцы.

В приповерхностных спектрах отмечено доминирование пыльцы травянистых и кустарничковых растений

(100–92 %), с абсолютным преобладанием маревых и полыней, с участием пыльцы крестоцветных, бобовых, злаков, гречишных и разнотравья.

Среди древесных (до 8 %) выявлены пыльца хвойных, сосны, березы, реже ольхи, липы, клена. Все эти растения являются ветроопыляемыми и занос пыльцы может составлять несколько десятков километров.

Морфологически выраженной, зрелой пыльцы ивы в спектрах не установлено, однако установлены формы пыльцы напоминающие пыльцу ивы, что также отмечено в таблице вопросительными знаками – *Salix???* (табл. II). Пыльца ивы описана в литературе, ее структура и форма (табл. I) позволяют хорошо идентифицировать и распознавать пыльцевые зерна этого рода в спектрах, что исключает возможность ошибки в определениях.

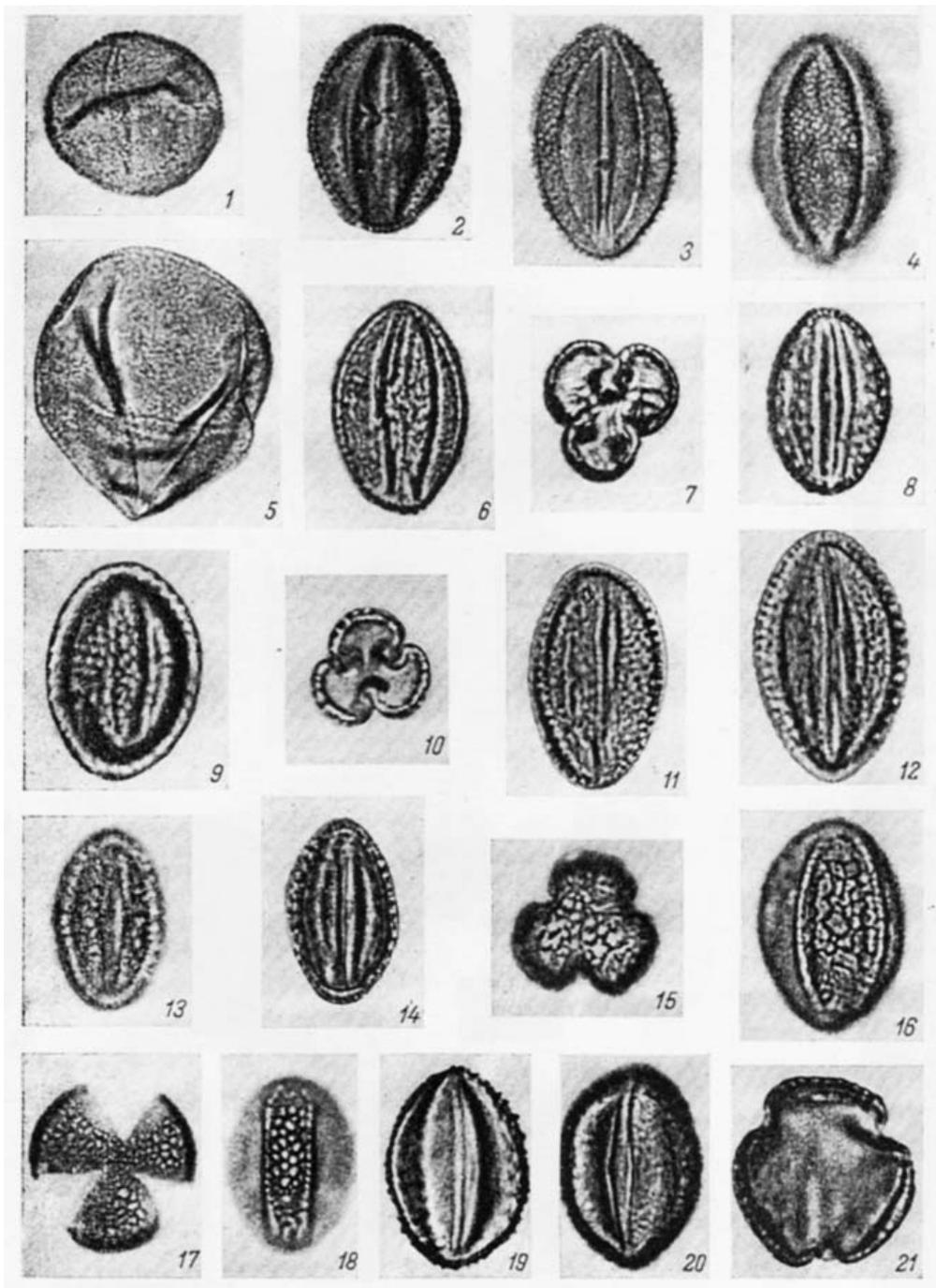

Табл. I.
Пыльца видов
тополя (*Populus*) и
ивы (*Salicaceae*)

Номер пробы лабораторный	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Номер шурфа	Шурф 56		Шурф 57		Шурф 58		Шурф 59		Шурф 60		Шурф 63		Шурф 63		Объект 178		
Глубина	0 - 2 0 см	20-40 см	4 0 - 60см.	0 - 1 3 см	1 3 - 3 5 см.	0-10	3 5 - 50	0-15	2 0 - 30	3 0 - 50	0-10	1 0 - 20	30-50	10-20	30 - 50	4 0 запад	грунт
Древесные в %	5.4	-	-	8	-	4.3	-	5	6	-	-	-	-	2.1	-	-	-
Травянистые в %	94.5	100	100	92	100	95.7	100	93.8	94	100	100	100	100	97.9	100	100	100
Споры в %	171	-	-	-	-	-	-	1.2	-	-	117	114	2	1100	71	2	15
Общее число	171	8	8	572	4	347	17	1648	233	17	117	114	2	1100	71	2	15
Древесные в абсолютных цифрах																	
Pinus sp.	4			16		5		22	2		4			7			
Picea sp.	4							9	2								
Betula sp.	3			26		7		35	2		4			3			
Alnus sp.						2		4						12			
Corylus sp.						1		3	4								
Tilia sp.																	
Acer sp.								5									
Salix???	2			2				3	4		1			2			
Общее число	13			44		15		81	14		5			24			
Травянистые и кустарничковые																	
Eriodra sp.	1			6		1	2	25	4		3	2		2	1		
Роосеае	7			20		7		55	2			3			3		
Lypha sp.				3													
Carex sp.	3					6		12							2		
Liliaceae	1					1						2					
Artemisia	30	1	5	60	1	21	4	340	20	4		24		215	22	1	4
Asteraceae	2			14		7		50	2		15	2		12			2
Artemya																	
Apiaceae								24	2								
Ambrosia						3		4							4		
Brassicaceae (Discourmia)				14			1	85	20		12	3		50	12		
Уфе)				5			2	20			2						
Caryophyllaceae	7																
Chenopodiaceae	55	2	1	300	2	254	7	560	140	15	55	45	2	700	25		9
Fabaceae	10			24	1	7		130	6		9	9					
Geraniaceae								10									
Lamiaceae	1			10				20	8		9	6		32			
Malvaceae	1							2									
Polygonaceae	10			30		10		190	3			18		45			
Rosaceae	2					7		20			1						
Ranunculaceae	3					5											1
Urticaceae	5					3			8	3	3						
Zygophyllaceae				2													
3 - лопастные	20	5		40			1		4	5	3			20	2		

Возвращаясь к характеристике полевого палеопочвенного, геоботанического исследования территории комплекса Хан моласы, укажем, что на нескольких объектах (как наиболее перспективных) в течение

2009–2010 гг. были произведены археологические раскопки: 1. Большой курган–холм в северо-западной части кладбища (объект № 178), с находящимися к югу от него остатками прямоугольной ограды с 5-ю надгробиями–самаркандасами (объект № 180). Объект № 178 – единственный, который твердо указан одним из информаторов (К. Жанаев) как место захоронения хана.

2. Остатки большой сырцово-глиняной ограды в северо-восточной части кладбища (объект № 3), которая ранее была признана как одна из основных версий.

3. Небольшой холмик в северо-восточной оконечности некрополя (объект № 20), который был указан, но недостаточно уверенно писателем А. Кекильбаевым. А также и некоторые др. объекты (неполные раскопки, расчистки).

В результате проведения раскопок вышеперечисленных объектов, в некоторых могильных ямах были обнаружены старые и полуразложившиеся корни растений, а также другие объекты (предметы) растительного происхождения (рис. 7–8).

Обнаруженные в могильных ямах объекты растительного происхождения были показаны ботаникам, лесоводам – д.б.н. Кокоревой И.И., к.с/х.н. Техноряднову А.И., к.с/х.н. Токтасынову Ж.Н., к.с/х.н. Кердяшкину А.В. В результате изучения этих объектов и обсуждения отмечено, что по структуре и строению ни один из обнаруженных объектов растительного происхождения не относится к надземным или подземным органам ивы.

Корни, предположительно определенные как корни кустарников *Spirea*, *Atraphaxis* (таволги или курчавки) по структуре резко отличаются от корней ивы. Куски древесины и кора дерева, предположительно березы, по-видимому, попали в могильную яму как строительный материал для перекрытия.

Резюмируя вышеизложенное отмечаем, что во всех почвенных пробах и раскопанных могильных ямах не установлено достоверно ни пыльцы, ни корней ивы и их следов.

Такой результат, по-видимому, закономерен по следующим причинам:

1. Способность растений ежегодно в огромном количестве производить споры и пыльцу, а также ее качество и количество имеет выраженную зависимость от климатических и ландшафтных условий места произрастания. В нашем случае пыльца ивы могли быть уничтожены под воздействием резко континентального климата региона, вследствие увлажненности почв или же в результате пожаров, которые по свидетельствам очевидцев были неоднократны в окрестностях некрополя Хан моласы.

2. Виды ивы только при исключительно подходящих экологических условиях могут достигать 100-летнего возраста, а практически могут достигать не более 50–60 лет.

3. Деревья, предположительно *Salix alba* или *Salix fragilis*, были посажены в середине XVIII-века. С тех пор прошло более 250 лет, в связи с чем было маловероятно присутствие не то, что корней, а каких-то их следов, что изначально отмечалось ботаниками.

4. На корнях ивы в большом обилии встречается корневая гниль, при жизнедеятельности которых растительная органика, в данном случае корни ивы, подвергаются быстрому разложению.

5. Нельзя забывать, что в природе постоянно протекает почвообразовательный процесс с участием почвенных микроорганизмов, которые постоянно перерабатывают почвенные частицы.

6. Информаторы это одинокое дерево видели в малолетнем возрасте, время рождения которых первое и второе десятилетие XX в. Поэтому, возможно, что оно перестало существовать уже в 1920-х гг.

7. Некрополь Хан моласы расположен на наклонной надпойменной террасе р. Олькейек, вследствие чего почвы большей части кладбища имеют среднюю степень увлажнения.

8. Виды рода *Salix*, как правило, произрастают на полугидроморфных и/или гидроморфных местообитаниях. При повышенной влажности почв разложение органических веществ протекает намного быстрее, чем на зональных почвах.

Таким образом, поиски остатков дерева, с помощью которого можно было бы идентифицировать могилу хана, не дали положительных результатов. Поэтому специалисты почвоведы и геоботаники пришли к заключению, что дальнейшие изыскания должны основываться на архитектурно-планировочных факторах поиска могилы Абулхайр-хана, атрибутирующих признаках захоронения, а также, видимо, на основе археологических раскопок. Последние были осуществлены в 2009–2010 гг.

Рис. 1. Копка и фиксация шурфов

Рис. 2. Шурф к ССВ от объекта № 3 генплана, в котором обнаружены корни растений

Рис. 3. Общий вид объекта № 59 генплана с шурфом № 5

Рис. 4. Шурф № 5

Рис. 5. Общий вид шурфа № 6 около объекта № 92 генплана с обнаруженным черепом животного (предположительно верблюда)

Рис. 6. Череп животного (предположительно верблюда, шурф № 6).

Рис. 7. Обнаруженные корни полукустарников

Рис. 8. Обнаруженные корни полукустарников

Рис. 9. Обнаруженные куски древесины

Рис. 10. Обнаруженная кора березы

СОЛТҮСТІК КІШІ АРАЛДЫҢ ДЕҢГЕЙІ ТЕРБЕЛУІНІҢ ӨҢІРДЕ ЭКОЛОГИЯЛЫҚ ЖАҒДАЙЛАРҒА ӘСЕРІ

Шынбергенов Е., Кужамбердиева С.Ж., Абжалелов Б.Б., Нұрғызарынов А.М.

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті, Қызылорда

Экологиялық тоқыраудың ауыр зардабын көріп, өзінің табиғи-шаруашылық маңызын азайтқан Арал теңізін бөлектеп сақтау арқылы өңірдің табиғатын онан ары бұзылудан сақтау үшін іс-қимыл жасалып жатқаны белгілі. Ол табиғат қорғау жобасы түрінде жүзеге асырылып, Солтүстік Арал теңізін (САТ) үлкен теңізден бөліп тұратын Көкарал бөгеті салынып, оның құрлысы 2005 ж. тамыз айында біткенін де білеміз. Бөгет біткен соң оның жағымды экологиялық және әлеуметтік-экономикалық нәтижелері сол жылы – ақ көріне бастады. Ең алдымен үлкен теңізге ешбір пайдасыз бостан-бос кетіп жатқан Сырдария өзенінің суы Солтүстік кіші теңізге түсетін болды. Бұл игілікті істің нәтижесі, егер шындап қолға алынса, қолмен бұзған табиғатты қайтадан қалпына келтіріп, оны басқаруға, сөйтіп, жаңа экологиялық жағдайға бейімдеуге болатынын көрсетті. Яғни, экологиялық жобаларды жүзеге асыру арқылы кез келген аймақта табиғи апаттың бетін қайтаруға болатынын дәлелдейтіндей тәжірибе болып шықты. Солтүстік Арал теңізін бөлектеуге қол жеткен соң қалыптасқан негізгі көрсеткіштері жыл соңына дейін күткендей болды. Атап айтқанда, теңіз беті деңгейінің белгісі (Балтық жүйесі бойынша – БЖ) + 4,0 метрге көтеріліп, су айдынының аумағы + 874,0 км²-ге үлкейді. Сондай-ақ бұрын Арал қаласынан 75,0 км-ге шегініп кеткен теңіз қалаға 12,0 км-ге жақындады. Біткен істің нәтижесі тек экологиялық емес экономикалық жағынан да пайдалы болып, солтүстік теңізден 2006 ж. 2,3 мың тонна балық ауланды. Бұл онан алдыңғы жылғыдан он есе көп еді. Кейбір бұрын тастанды болған теңіз жағалауындағы елді мекендерге тұрғындар қайта қоныстанып, балық аулау мен мал өсіру кәсіптерін жандандыра бастады. Теңіздің жағасында мал жайылатын, шөп оратын телімдер пайда болды, мал-жаңға жайлы микроклимат қалыптасты, атмосфералық ауада тұзды шаңның таралуы саябырлады. Көкарал бөгетінің қазіргі жұмыс істеп тұрған деңгейі теңіз бетінің белгісі 40,0 метрге есептелген. Демек, бұл жағдай тұрақты

болып қалатын болса, Солтүстік кіші теңізде жиналатын судың көлемі 21,0 км³-ден аспайды. Кіші теңіз үшін ол аздық етеді. Өйткені, Солтүстік Аралдың төрт бөлігінен Орталық пен Шевченко шығанақтарын ғана су толық басады, ал белгілері жоғары жатқан Бутаков және Сарышығанақ қолтықтарының Оңтүстік батыс шет жақтарында шалшық су болады. Сонан халық көп шоғырланған Арал қаласы мен теңіз жағалауындағы байырғы елді мекендер теңізден қашық қалады (Қарашалаң, Бөген, Қаратүп, Тастүбек, Ақеспе, Ақбасты). Яғни, Көкарал бөгеті экологиялық проблемаларды толық шешіп бере алмай отыр.

Оның басты себебі, Солтүстік Арал теңізіне түсіп тұрған судың жылдан жылға азаюында болып отыр. 2005 ж. Көкарал бөгетінің құрылысы бітті, пайдалануға тамыз айында берілген еді. Сол айдан бастап, ай сайын жүргізілген бақылау жылдың аяғына дейін Солтүстік Арал теңізінің (САТ) деңгейі 40,48 м (абсолют белгімен), ал түскен судың көлемі 1,4 км³ болғанын көрсетті. 2006 жылы жыл бойы яғни, 12 айда 3,1 км³ су түсті. Соның есебінен теңіздің орташа деңгейі 41,47 м-ге (абсолют белгі) дейін көтерілді.

1-кесте. Солтүстік Арал теңізі деңгейінің динамикасы, м (абсолют белгіден)

Жыл	Айлар тізбегі												Жыл бойы, орташа
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
2005	-	-	-	-	-	-	-	40,36	40,37	40,35	40,5	40,8	40,48
2006	41,12	41,39	41,6	42,20	42,15	-	41,8	41,8	41,8	41,7	41,8	41,8	41,74
2007	41,4	41,5	41,6	41,8	42,0	42,0	41,8	41,8	41,9	41,7	41,8	41,8	41,76
2008	41,7	41,7	41,8	41,8	42,0	42,0	42,0	41,7	-	-	41,4	-	41,79
2009	-	-	-	41,9	41,8	41,8	41,7	41,1	-	-	-	-	41,66

Түсініктеме: бақылау Солтүстік Арал теңізінің Көкарал бөгетінде жүргізілді.

Бақылаудың нәтижесінде алынған нақты мәлімет бойынша, 2007 ж. Кіші теңізге 2,6 км³ су түссе, 2008 жылы 9 айда түскен судың көлемі, 1,4 км³ болды. 2009 ж. түскен судың көлемі туралы мәлімет жоқ. Кестедегі мәліметтерге қарағанда, соңғы жылдары Солтүстік Арал теңізі суды аз алып тұрғаны байқалады. Теңізге түскен судың көлемі азайған сайын оның деңгейіде төмендей беретіні ақиқат. Кестедегі (1) мәлімет бойынша, тамыз айынан бастап, ай сайын өлшегенде теңіз бетінің деңгейі (абсолют белгі) орташа 40,48 м болды. Онан кейінгі 2006–2008 жж. жылдық орта көрсеткіш 41,74–41,79 м деңгейінде тұрды. Тек көктемде ғана бұл көрсеткіш 42,0 м дейін көтерілді. 2009 жылы бес ай жүргізілген бақылауда теңіздің деңгейі алдыңғы жылдарға қарағанда біршама төмендегені көзге түседі. Есеп беретін жылы теңіз деңгейінің ең төмен көрсеткіш 41,1 м тамыз айында болды. Демек, кіші теңіз суы толығын орнына азайып бара жатқанын көрсетеді. Әрине, бұл дабыл қағатын жағдай емес. Өзеннің ағысы құбылып тұратыны табиғи процес. Әлі оның орны толады деуге болады. Бірақ теңіз суының азаюы экологиялық ахуалға, әлеуметтік-экономикалық жағдайға салқынын тигізе бастады.

2-кесте. Солтүстік арал теңізіне түскен судың көлемі, мың м³

Жыл	Айлар тізбегі												Жыл бойы, орташа
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
2005	-	-	-	-	-	-	-	122	256,9	255,7	318	450	1402600
2006	460	460	390	370,9	200	-	30	195	250	230	265	250	3100900
2007	340	430	350	290	180	24	30	165	45	232	265	262	2613000
2008	300	400	293	275	48	6	30	35	-	-	-	-	1387000
2009	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

8503500

Кестедегі (2) мәлімет бойынша 2005–2008 жж. 36 айда Солтүстік арал теңізіне түскен судың көлемі 8,5 км³ болыпты. Бұл, әрине, аз. Өйткені, үлкен Арал теңізінің үштен екіден артығырақ ауқымы құрғап қалған соң өңірдің табиғаты қуанданып, атмосфералық ауаның құрғақтығы күшейген сайын теңіз бетінен судың булануы өте жоғары болып тұр. Бар мәліметтерге қарағанда, өңірде теңіз бетінен жыл бойы бұланатын судың қалыңдығы 9,9 см-ден артығырақ болады. Бұл жағдайда Солтүстік Аралға жыл сайын орта есеппен 2,0 км³ -

дей ғана су түсіп тұратын болса, оның жартысы бұлануға кететінін ескерсек, жақын болашақта кіші теңіздің айдынын 330,0 мың гектарға дейін ұлғайту тек қиял болып қалмаса неғылсын.

2005 ж. Көкарал бөгеті пайдалануға берілген соң Сырдария өзенінен Солтүстік Арал теңізіне түсетін су түгелдей сол теңіздің өзінде қалатын болды. Бұл өз кезегінде теңіз суының минералдығын азайтады деп күтілді. Жобаны іске асырған соң кіші теңізде су массасы көбейіп, айдыны үлкейгенде теңіз суының бір литріндегі тұздың мөлшері бұрынғы 23,0 г/л-ден 17,0 г/л-ге дейін азайады, яғни, Солтүстік теңіз едәуір тұшиды деп болжанған болатын.

Есеп беретін жылғы, біздің зерттеулеріміз бұл болжамның дұрыстығын көрсетті. Төменде сол мәліметтерді келтіреміз (кесте 3).

3-кесте. Арал теңізі суының минералдығы. 2009 жыл

Теңіздер	рН	Т ұ т қ ы р - лығы, мг-экв	Мг/литр						
			HCO ₃	Cl	SO ₄	Ca	Mg	Na+K	Қ ұ р ғ а қ қалдық
Солтүстік Арал теңізі	7,45	90,0	183,0	7090,0	3789,09	600,0	729,6	4797,5	16090,0
Үлкен Арал теңізі	7,45	93,0	256,2	13612,8	3622,8	580,0	772,2	9267,5	26512,0

Кестедегі (3) нақты мәліметтерді талдайтын болсақ, ең алдымен екі теңіздің суының минералдық көрсеткіштерінің арасында едәуір айырмашылық бар екені көзге түседі. Үлкен Арал теңізінің бір литр суындағы тұздылығы 26,5 г/л, яғни, 2000 шы жылғы деңгейін көрсетеді. Солтүстік Арал теңізінің бір литр суындағы бұл көрсеткіш 16,1 г/л болды, яғни, үлкен теңіздің суындағы осындай көрсеткіштен 10,4 г/л азайғаны байқалады. Демек, кіші теңізде жиналатын су массасының негізін өзен суы құрайтын болғандықтан мұндағы суда тұз концентрациясының (құрғақ қалдық) азаюы заңды құбылыс. Жекелеген иондардың концентрациясын талдайтын болсақ, ортаның, яғни, біздің жағдайда судың реакциясын бағалайтын сутегі иондарының көрсеткіші (рН) екі теңіздің суында бірдей – 7,45. Бұл көрсеткіш бейтарап реакцияға жақын, дәлірек айтқанда, әлсіз сілті. Судың тұтқырлығы (жесткость) теңіздер суының құрамында 90 мен 93 мг-эквивалентті көрсетеді. Бұл сандар өзара жақын. Мұндай тұтқырлық тек теңіз суына ғана тән құбылыс. Судың тұтқырлығы ондағы кальций (Ca) мен магний (Mg) тұздарының концентрациясынан болады. Біздің мәліметімізде (кесте 3) бұл екі жер сілті металдардың тұздарының концентрациясы кіші теңіз бен үлкен теңіздің суларында қаралас: кіші теңіздің суында Ca-600 мг/л және Mg – 729,6 мг/л, ал үлкен теңіздің суындағы бұл екі көрсеткіш тиісінше 580,0 және 772,2 мг/л болып тұр. Бұл өте жоғары көрсеткіш. Әдетте, шаруашылық мақсатқа пайдаланатын, мысалы, егін суаратын, мал ішетін, тұрмыстық тұтынатын тұщы суларда олардың тұтқырлығы 12-15 мг-эквиваленттен жоғары болса үлкен зиян келтіреді. Біз бұл жерде теңіз суының тұтқырлық деңгейін бағалау үшін мұндай салыстыруды келтіріп отырмыз. Кіші теңіз суының жалпы сілтілігі 183,0 мг/л үлкен теңіздің суындағы жалпы сілтіліктің концентрациясынан 73,2 мг/л кем. Бұл ионның концентрациясы құрғақ қалдықтың мөлшеріне байланысты болатыны белгілі. Кіші теңіздің суы тұщылау болғандықтан жалпы сілтілігі де төмен. Айырықша көзге түсетіні хлор ионының концентрациясы үлкен теңіздің суында 6522,8 г/л-ге кіші теңіздің суындағы хлордың концентрациясынан артық. Бұл элементтің суда ергіштігі мен жылжығыштығы ортаның температурасына байланысты болмайды. Сол себепті, үлкен теңіздің суындағы хлор ионы ежелден жиналған десек болады. Сульфат ионының (SO₄) концентрациясы екі теңіздің суында қаралас болып шықты: кіші теңіз суының бір литрінде 3789,1 мг/л сульфат болса, үлкен теңіздің суында – 3622,8 г/л сульфат ионы бар. Бұл ионның судағы концентрациясы температураның режиміне орай өзгеріп отырады. Яғни, су салқындағанда тоңазып, шөгіндіге түседі де судағы оның мөлшері аздау болады. Натрий ионы көп. Кіші теңіздің суындағы натрий, аздап калий ионы да болады, бір литрде 4797,5 мг/л болғанда, үлкен теңіздің суында ол 9267,5 г/л-ді құрады. Бұл натрий ионы көбінесе сульфат ионымен қосылып, мирабилит (Na₂SO₄ * 10H₂O) тұзы түрінде шөгіндіге түседі. Теңіз қайтқанда суы кеткен грунтте жиналатын тұздардың көпшілігін осы тұз құрайды. Жаз айларында ауаның температурасы қызған кезде грунттің беткі күнгей қабатында қалған мирабилит құрамындағы суынан айырылып, құрғақ күкіртқышқыл натрий (Na₂SO₄) – тенардитке айналады. Бұл ақ түсті ұлпа (порошок) зат. Грунт бетінен бұрқырап ұшып, желмен тарайтын, сөйтіп егіндік, шабындық және мал жайылымдық жерлерге түсіп, топырақты сорландыратын негізінен осы тұз. Өткен ғасырдың 70-шы жылдары

Арал теңізінің шығыс жағындағы тайыз бөлігі тез тартылып, орнындағы грунттың бетінде теңіз суынан қалған тұздардың массасы тұзды шаң түрінде жан-жаққа желмен тарады. Теңіздің астынан шыққан грунттың бетінен шаңмен көтерілген тұздардың массасы аз болған жоқ. Бұл процес алғашқы 10–15 жылда едәуір қарқынды жүрді. Кейінірек теңіз шығыс жағындағы байырғы жағасынан батысқа қарай алыстап, қабаттағы ащы судың деңгейі 2–2,5 м төмен түскенде ол судың грунт профилімен капилляр арқылы көтерілуі тоқтап қалды. Өйткені, грунттың профилі әр түрлі шөгінділерден жиылып, қабаттасып жатыр. Ол қабаттардың механикалық құрамы біркелкі емес көпшілігі майда құмшық, саз, саздақ және алеврит шөгінділерден жиналған грунттың суды капиллярлық өткізгіштігі өте нашар. Сонан болса керек, қабаттағы ащы сумен грунт бетінің арасында байланыс жоқ деуге болады. Оған дәлел, көпшілік телімдерде грунт профилінің жоғарғы 1,0–1,5 м қабаты құрғақ. Осындай жағдайда теңіз орнындағы құрғақ грунттың бетінде теңіз суынан қалған тұздар, олардың көпшілігі кальций (CaCO_3 , CaSO_4) мен натрий (Na_2SO_4 – тенардит) тұздары желмен ұшып кеткен. Грунтте қалған галит (NaCl) оның бетінде қатты («бронь») қабық түзіп, қатайтып тастағаны көзге түседі. Қазір теңіздің құрғаған орнындағы шығыс бөлігінде орналасқан құйылыс жазығының беті тақырланған және онша қалың болмағанмен шөптесінді, «Массагет» даласында грунт беті қатты қабыршақты. Сол себепті, теңіздің құрғаған орнындағы даладан тұзды шаңның таралуы байқалмайды. Яғни, бұл мәселе өткір сипат алып тұрған жоқ.

Өңірде проблема басқада болып тұр. Ол Көкарал бөгеті жобасының бөлігі ретінде құрылысы бірге басталған Сырдария өзеніне салынып жатқан «Ақлақ» су электростанция-сының 4 жыл бойы жылжып бітпей тұрғаны. Өңірде экологиялық жағдайдың мұнан былайғы бағыты мен елдің әлеуметтік-экономикалық күйіне жағымды әсері болуы немесе болмауы сол «Ақлақ» су электрстансасының іске қосылуына байланысты болып тұр. Өйткені, стансаның құрылысы біткенде екі үлкен проблема шешімін табады: Біріншіден Сырдария өзені суының бір бөлігі Солтүстік Арал теңізіне, енді бір бөлігі теңіз жағалауындағы кеуіп жатқан көлдерді толтырады. Олар Қарашалаң, Баян, Сағымбай, Домалақ, Қызылжарма, Жыланды, Бекентай көлдері мен теңіздің Ақкөл және Кәргіма қолтықтары. Сонда қазір балық ауланып жүрген көл жүйелеріне айдыны 60,0 мың гектардай балық беретін көл жүйелері қосылады. Екіншісі – Ақлақ су электрстансасы жұмыс істегенде осы өңірде орналасқан Арал және Қазалы аудандарын электр энергиясымен қамтамасыз етеді. Әсіресе энергияға сұраныс көп болатын қыс айларында энергия өндіру өте тиімді болады. Станса 20 мВт (мегаватт) электр энергиясын өндіруге есептелген. Сондықтан Ақлақ Арал өңірінде үлкен үміт артқан нысан болып тұр. 2009 жылдың тамыз айында құрғап жатқан көлдерге су жіберу үшін өзектер мен каналдардың құлақтарындағы (шлюз) су реттейтін қондырғылар жөнделіп, солардың қалған ең соңғы екеуінің жұмысы аяқталуға жақын деген мәлімет алдық. Құрылысшылардың айтуынша көлдерге су жіберу осы есеп беретін жылдың қазан айында басталатын болса керек.

Әдебиеттер және деректер

1. Арал өңірінде экологиялық ахуалдың тұрақтануына байланысты табиғи кешеннің даму бағытын және шаруашылық потенциалын зерттеу тақырыбы. 2005–2007 жж. ғылыми есебі. (қолжазба) Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің Проблемалық ғылыми-зерттеу экология лабораториясы.
2. Нұрғызарынов А. Аралдың экологиялық тынысы. Алматы, 2006.
3. Саданов А.Қ., Нұрғызарынов А.Н. Арал өңірінде орнықты дамудың ғылыми негізгі. Астана, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи
АОИКМ – Актюбинский областной историко-краеведческий музей
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГААО – Государственный архив Актюбинской области
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ЕО – Еуропа Одағы
ЕЫҚҰ – Еуропа Ынтымақтастық және Қауіпсіздік Ұйымы
ЗККЭАЭ – Западно-Казахстанская комплексная этноархеологическая экспедиция
ИАН – Известия Академии наук
КРО, 1961 – «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Сборник документов и материалов)». Алма-Ата, 1961
КРО, 1964 – «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX (1771–1867 гг.) (Сборник документов и материалов)». Алма-Ата, 1964
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.–Л., М.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) АН СССР, РАН
ОГАЧО – Областной государственный архив Челябинской области
ОКВ – Оренбургское казачье войско
ООМА – Орынбор облысы мемлекеттік архиві
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия
ПМА – Полевые материалы автора
ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд.
РАН – Российская Академия наук
РГИА – Российский государственный исторический архив
РЭМ – Российский этнографический музей
СА – Советская археология. М.
СНК – Совет Народных Комиссаров
СЭ – Советская этнография. М.
ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
ТХАЭЭ – Труды ХАЭЭ. М.
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
Узкомстарис – Узбекстанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент
ХКТ – хозяйственно-культурный тип
ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Казахстан
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЭО – Этнографическое обозрение. М.
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

“Арыс” баспасының директоры

Ғарифолла ӘНЕС

**«ЕУРАЗИЯ ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІ АЯСЫНДАҒЫ
АРАЛ-КАСПИЙ АЙМАҒЫ»**

Қазақстан Республикасы тәуелсіздігінің 20 жылдығына арналған

II Халықаралық ғылыми конференция материалдары

(Ақтөбе қ., 14–18 қыркүйек 2011 ж.)

Редакторы С.Е. Әжіғали

Компьютерде беттеген Ә. Момынова

Суретшісі О. Әнесов

ИБ 860

Басуға 09.09.2011 қол қойылды.

Пішімі 60/84/8. Офсеттік басылыс.

Көлемі 25,25 б.т. Таралымы 500 дана.

Тапсырыс № 80. Алматы қаласы,

Абай даңғылы, 143-үй.

“Арыс” баспасы

“DALAPRINT” баспаханасында басылды.

050056, Алматы қаласы, Ереванская көшесі, 1.